Роберт Скидельски

Джон Мейнард Кейнс

1883–1946

экономист • философ • государственный деятель

Московская школа
политических
исследований

Роберт Скидельски

Роберт Скидельски

Джон Мейнард Кейнс
1883–1946

экономист • философ • государственный деятель

Книга 2

Перевод с английского
Демида Васильева

Московская школа
политических исследований

Москва 2005

ББК 65.02(Вел)
С 42

Культура Политика Философия

Серия основана в 2000 году Московской школой политических исследований и издается под общей редакцией Ю.П. Сенокосова

Скидельски Р.

С 42 Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель. В 2-х книгах. Пер. с англ. яз. (Robert Skidelsky. John Maynard Keyns. 1883–1946. Economist, Philosopher, Statesman. — Macmillan. 2003.) — М.: Московская школа политических исследований, 2005. — Кн. 2, 804 с., илл.

Это первая на русском языке масштабная биография выдающегося английского экономиста XX века, разработавшего макроэкономические принципы регулирования капиталистической экономики, которые известны как «кейнсианство». В своей доктрине, совершившей в годы Великой депрессии (1929–1933 гг.) переворот в «классической» экономической теории, Кейнс установил количественные закономерности в соотношении макроэкономических величин, принципы и допустимые пределы государственного регулирования рыночных процессов. При этом экономический рост Кейнс видел в неразрывной связи с решением нравственной задачи — повышением благосостояния большинства населения.

Биография Кейнса, за которую Роберту Скидельски был пожалован титул пэра, сочетает жанры основательного научного исследования и увлекательного многопланового романа, где около пятисот действующих лиц. Значительное место автор отводит личной жизни Кейнса, счастливым годам брака с русской балериной Лидией Лопуховой, связям ученого с Россией.

Первая книга охватывает период жизни Дж.М. Кейнса с 1883 по 1931 г., вторая — с 1931 по 1946 г.

ББК 65.02(Вел)

Издание осуществлено при поддержке Шведского агентства по международному развитию и сотрудничеству

© Скидельски Р., 2003
© Демид Васильев, перевод, 2005
© Московская школа политических исследований, 2005

ISBN 5-93895-070-8

Часть шестая

ЭКОНОМИСТ ВО СПАСЕНИЕ

Одной ногой он стоял на пороге новых небес, другой же опирался... на бентамовскую расчетливость.

Дж.М. Кейнс о Дж.Э. Муре

Вы, конечно, обладаете удивительным даром обращать свою неудовлетворенность традиционными идеями в способ «добиваться чего-нибудь» вместо погружения в трясину общих причитаний и недовольства.

Х.О. Мередит – Дж.М. Кейнсу, 15 мая 1936

XXVII
Портрет необычного человека

1. Zeitgeist

Кейнс был экономистом прикладного направления, взявшимся изобрести новую теорию, поскольку теория, полученная им в наследство, не могла должным образом объяснить происходящего. Как и других кембриджских экономистов тех дней, его к экономической теории в значительной мере притягивала открывавшаяся ею перспектива создания лучшего мира. Их интересовало то, что Пигу называл «плодом» или результатами. Дорогу им освещал Маршалл. Он, на их взгляд, оставил им «*organum* мысли» — мысли мощной, всеохватывающей и достаточно гибкой, чтобы объяснять поведение современных экономических систем. Они полагали, что это превосходит все, что может быть найдено где-нибудь еще, — представление, основанное частично на невежестве, частично на вере в то, что Маршалл добыл, просеял, обновил и синтезировал все, что до него было ценного и истинного в экономической мысли. Кембриджские экономисты были отделочниками, а не учеными. Их убеждение, что теория, потребная для действия, заключена «целиком в Маршалле», дожило до 1920-х гг. В 1922 г. Кейнс писал, что «существенные усовершенствования... сложившегося способа мышления» становились редкостью и главная задача экономистов состояла в том, чтобы «применять» существующие принципы к фактам. К 1928 г. он признавал, что «разногласия и сомнения нарастают», но полагал, что дальнейшие исследования обязательно их устранят. О большей части кембридж-

ской экономической мысли 1920-х гг. справедливо сказано, что это были «отблески *маршаллианы*»[1].

Изначально «научная» экономическая теория была последовательно нормативной. Углубляя понимание «экономических законов», она надеялась приблизить фактическое устройство экономики к жизнеспособному идеалу ее организации, максимизирующей создаваемое богатство; отсюда прочная связь экономической мысли девятнадцатого столетия с политикой *laisser-faire*. Адама Смита и его последователей беспокоили в основном промахи правительства. Их идея состояла в том, что правительству надлежит поддерживать общественный порядок и убираться из экономической жизни.

К последней четверти девятнадцатого века настроение изменилось. Провалы *laisser-faire* были ощутимы; уровень компетентности и честности правительств значительно повысился; рост демократии усилил давление на государство, требуя от него «решать» социальные проблемы или, по крайней мере, сглаживать их остроту. Занялась заря так называемого «века коллективизма». Рост коллективизма подпитывался развитием общественных наук и сопутствовавшим ему появлением деятельной интеллигенции, которая на основании превосходства своих интеллектуальных способностей и знания общественной жизни требовала права на руководство, оказавшееся не по силам аристократии и духовенству. Слияние этих двух тенденций породило основополагающее представление, что общество подобно механизму, работу которого можно улучшить принятием целенаправленных мер, а нежелательные побочные следствия тоже поддаются исправлению и контролю, как и в случае наладки двигателя опытным механиком[2]. Это было приложенное к обществу в целом видение какого-нибудь Корбюзье: поистине существуют параллельные движения в искусствах и в политике. Ноэль Аннан говорит о модернизме и коллективизме как о двух движениях, в тени которых выросло его поколение[3]. Каждое в своей области, обычно вступая в конфликт друг с другом, они смело провозглашали, что мы можем сделать наши жизни и мир такими, как пожелаем.

Отношения Кейнса к движениям-близнецам — модернизму и коллективизму — чрезвычайно важны для понимания его работы. С модернизмом он был связан принадлежностью к группе Блумсбери; с коллективизмом — своей философией и экономической теорией. Согласно эстетическим взглядам Блумсбери — какими их представляли в своих писаниях Роджер Фрай и Клайв Белл, — красота пребывала не в предмете или «рассказе» произведения искусства, а в его интуитивно воспринимаемой формальной структуре; уход от потока повествования к потоку мысли — отличительный знак романов Вирджинии Вулф. Параллельно сдвиг в сторону формализации или построения моделей происходил в экономической теории. Под общим воздействием движения к абстракции сердцевиной экономических суждений должен был стать ум экономиста, а не то, о чем говорят сведения, поступающие с рынка. Модернизм в искусствах и коллективизм в политике и экономической теории объединились, таким образом, в утверждении, что интерпретация действительности является творческим актом. Притязание на руководящую роль тех, кто особо наделен пониманием действительности, ее природы, становится практически неотличимым от утверждения, что действительность может и должна строиться мощными умами.

Уверенный подход к жизни имел у Кейнса также культурную закваску. Его поколение было последним, которое утверждало, что стремится руководить человеческими делами скорее с опорой на культуру, чем на экспертные знания. Он обращался к миру как священник, а не как специалист. И хотя он перекроил богословие экономической теории, она говорила его устами как церковь, а не как раздел дифференциального исчисления. После Первой мировой войны культура, какой ее знало девятнадцатое столетие, распалась. Ее сферы обратились внутрь себя; их представители стали разговаривать друг с другом, не с миром. Это вело не столько к взрывному росту знания, сколько к крушению больших структур мысли, распределявших знания применительно к целям человеческой жизни. Более того, с крушением того, что за неимением более подходящего слова назовем религи-

ей, какие оставались препятствия для развития злокачественной опухоли академического педантизма, с одной стороны, и явления, которое Кейнс называл «любовью к деньгам», — с другой? Выдвигаемая Кейнсом доктрина средств всегда была гораздо осторожней его доктрины целей. Цели понимались как самоочевидно хорошие или плохие. Суждения о средствах выносились в «сумерках Вероятности». Рациональное действие было ограничено еще двумя принципами — «весомостью довода» и установкой на «наименьший риск». Влияние Мура имело особенно большое значение, хотя Кейнс отыскал те же мысли у Бёрка[4]. Вероятность могла бы стать «путеводителем по жизни»; но этот путеводитель должен был указывать дорогу сквозь туман неопределенности.

Монетарная теория предоставила идеальное средство для осуществления ограниченных, узких замыслов улучшений и преобразований, столь соответствовавших характеру и пониманию Кейнса. Теория денег в ее современной, «кембриджской» форме, завещанная Маршаллом и развитая Пигу, могла бы быть применена к управлению ценовыми колебаниями, в которых Кейнс вместе с Викселем и Финнером видели главную причину перепадов в хозяйственной деятельности. До Первой мировой войны, опираясь на теорию денег, Кейнс предлагал меры устранения сезонных колебаний покупательной способности рупии; после Первой мировой он разглядел в монетарном управлении способ стабилизировать уровень цен в Британии. Для Кейнса ключевым по значению прорывом «научной» теории денег стало осознание, что в условиях кредитно-денежной экономики количество денег контролируется банковской системой, притом что спрос на них в краткосрочном измерении непостоянен. Оба эти положения заявлены в его '*Трактате о денежной реформе*'. Добавив к этому обязанность денежных властей так регулировать количество денег, чтобы поддерживать равенство сбережений инвестициям, он получил '*Трактат о деньгах*'. В промежутке между этими двумя книгами Кейнс пришел к выводу, что, кроме самой банковской политики, не существует никаких иных средств, способных обеспечить

устойчивость экономики. Порядок надо создавать; естественным путем он не появляется. Это соответствовало модернистско-коллективистскому настрою ума. Однако Кейнс не отрицал, что многое в экономической жизни хаосом не охвачено и поддается саморегулированию. Государственное вмешательство было со временем — после уточнения теории в 1930-х гг. — ограничено только одной установкой: обеспечить уровень спроса, совместимый с полной занятостью.

Следовательно, на большом преувеличении построено бросаемое Кейнсу обвинение, будто своей экономической теорией, делающей ставку на власть и волю, он перечеркнул значение присущих гражданскому обществу механизмов саморегулирования, включая рыночную систему. Неопределенность пронизывает и частные, и государственные поиски средств для достижения намеченных целей. Неопределенность, навязывающая посредственные результаты работы неуправляемой рыночной экономике, равным образом воздействует и на государственную политику. Ученики Кейнса, творцы политики 1960-х и 1970-х гг., по существу, начинали действовать так, как если бы верили в неограниченную власть экономистов над экономикой. Это потому, что у Кейнса они брали механизмы, но не философию, указывавшую пределы возможного применения этих механизмов и эффективности их действия. Это было наказуемое зазнайство, и кара Немезиды не заставила себя ждать.

2. Личность экономиста

Подобно многим, кто к этому стремится, Кейнс часто размышлял о величии — о том, откуда оно берется, из чего состоит. Почитатель Гэлтона, он верил в важность наследственности; но он понимал также плодотворную роль традиции и обнаружил (или, возможно, придумал) традицию кембриджской школы экономической мысли, идущую от Мальтуса, «первого экономиста Кембриджа». Кейнс использовал свои биографические эссе, чтобы обдумать и очертить характер гения экономической мысли и науки.

(Он никогда не чувствовал достаточной уверенности, которая позволила бы ему замахнуться на биографический очерк художника.) «Легкий предмет, в котором немногие преуспевают!» — писал он об экономической теории в своем эссе, посвященном Маршаллу. «Парадокс находит себе объяснение, возможно, в том, что великий экономист должен обладать редким сплавом дарований... Он должен быть математиком, историком, государственным деятелем, философом — в некоторой степени... оторванным от забот и неподкупным, подобно художнику, и все же иногда таким же близким земле, как и политик». В поразительной фразе он сообщает о честолюбивом желании Маршалла наблюдать деловую жизнь «глазами высокоинтеллектуального ангела»[5]. Кейнс приписывал Мальтусу обладание «глубокой экономической интуицией и необычное сочетание ума, открытого для видения изменчивой картины действительности и постоянного обращения к принципам формальной мысли в ее интерпретации» — идеальная, в его представлении, комбинация интеллектуальных качеств, необходимая великому экономисту[6]. Из качеств Джевонса он отобрал «непрерывно возрастающую плодотворность и новизну мысли», его «божественную интуицию», его «поучительную любознательность» и восхищение статистикой, близко связанное с его тягой к антиквариату, его электризующую манеру подачи материала, его способность развлекать, целеустремленность. Он отметил у Джевонса те же черты, какие Шумпетер впоследствии разглядел у него самого: то, что он не оставил ни одной полностью завершенной работы, что он всегда пытался сделать то, «чего сделать с полным успехом ему было не дано», что он был «человеком частей — частей, которые он не умел собрать в нечто целое»[7]. А в эссе Кейнса об Исааке Ньютоне мы встречаемся с совершенно необычной характеристикой первого ученого современности как «последнего из колдунов». Кейнс писал о Ньютоне: «Я предполагаю, что своей исключительностью он обязан мускулам своей интуиции, самым сильным и выносливым, какими когда-либо был одарен человек», — и приводил приговор, вынесенный де Морганом: «Так радовался собственным до-

гадкам, что казалось, будто знает больше, чем в состоянии подтвердить какими-либо имевшимися у него доказательствами»[8].

Качества, на которые Кейнс неоднократно обращает внимание — «божественная интуиция», «необычайная сила непрерывного сосредоточенного самоанализа», способность логически мыслить, чувство существенного в имеющихся фактах, стиль, многогранность, сочетание дарований теоретика и практика — это качества, которыми он более всего восхищался, которых жаждал для себя, полагая их необходимыми для великих достижений в развитии экономической теории. Всеми этими качествами обладал до некоторой степени сам Кейнс — что ему, конечно, было известно.

В 1912 г. Кейнс впервые указал на критически важное различие между Джевонсом и Маршаллом, которое также имело отношение к его самохарактеристике: «Джевонс, схватывающий какую-то часть теории с пронзительной четкостью и освещающий ее с предельно возможной полнотой; Маршалл, исчерпывающе знающий теорию в целом и ее внутренние взаимосвязи, но в попытке охватить все сразу отказывается использовать фонарь, который, ярко высвечивая отдельные части, тем самым задвигает прочие в темноту»[9]. (Было и менее благожелательное для Маршалла сопоставление — уже после смерти Маршалла: Джевонс «высекает из камня там, где Маршалл вяжет из шерсти».) В этом отношении Кейнс походил на Джевонса, который следовал традиции памфлетистов: он хотел «расплескивать свои идеи, швырять их в мир»; Кейнс также убеждал собратьев-экономистов «оставить Адаму Смиту одному стяжать славу листовкой... захватывающей день, памфлетом, брошенным на ветер, сочинениями, всегда *sub specie temporis*, и случайным, если это вообще произойдет, обретением бессмертия»; на это Маршалл уже ответил, что «если экономист мыслит быстро и с легким сердцем», его теория, скорее всего, будет страдать от *дурных связей*»[10].

Робертсон критиковал Кейнса как раз за такого рода недостатки, и эта критика была в точности предвосхищена тем, что говорил Маршалл о Джевонсе: «Его успехам спо-

собствовали даже его ошибки... Многих он заставлял думать, что исправляет большие ошибки; хотя на самом деле всего только добавлял важные объяснения»[11]. Кейнс, однако, пошел на шаг дальше Джевонса: памфлеты присутствуют в его трактатах, как «призраки, встроенные в машину»; и его идеи получают лучшее выражение в небольших работах, написанных по конкретному поводу. Сражение между «расплескивателями» и «синтезаторами» не утихает на поле экономической мысли. Так было и будет всегда. В следующем поколении Калдор стал показательным примером первых, Хикс — вторых, *расплескиватели* руководствуются больше интуицией, чем логикой, *синтезаторы* — наоборот, хотя элементы обоих этих способов теоретизирования должны присутствовать в любом научном достижении. В современной экономической теории научные прорывы происходили часто, научные революции — почти никогда. Кейнс ближе всех подошел к этому, но, как увидим, инерция поглотила и его.

В другом отношении Кейнс был ближе к Маршаллу и еще ближе к Фоксвеллу, двум выдающимся кембриджским экономистам его юности. Сравнивая Маршалла с Эджуортом, Кейнс писал: «Эджуорт хотел создать теоремы, интересные с интеллектуальной и эстетической точек зрения, Маршалл — максимы практического и морального значения». Он проницательно заметил, что Маршалл был силен в математике, но Эджуорт математически мыслил[12]. Подобно Маршаллу, Кейнс полагал, что математика полезна как средство для проверки мысли; он математически не мыслил. Он позволил своей математике ржаветь в отдалении, потому что, в отличие от Эджуорта, не стремился к «математизации» общественной науки. Вместе с Фоксвеллом он верил, что «экономическая теория... принадлежит искусству управления делами общества на основе применения здравого смысла ко всему *corpus* опыта», хотя он никогда не стал бы настаивать, подобно Фоксвеллу, что она не является ветвью логики[13]. Хорошая экономическая работа требует, как он считал, сплава интуиции и логики в приложении к широкому диапазону фактов, а не к упрощенным и искусственным гипотезам. Но он был достаточно велик и проницателен,

чтобы ценить склад ума, совершенно отличный от его собственного, и он оставляет Эджуорта-мальчика сидящим высоко вверху, в гнезде цапли, где он читает Гомера. «Так и на самом деле он проводил свою жизнь, не очень беспокоясь о земном».

Скептицизм Кейнса в отношении использования математики в экономической теории с возрастом скорее рос, чем уменьшался, хотя присутствовал он с самого начала. Это было связано с его все большим пониманием сложности и рефлексивного характера социальной жизни. Фундаментальной важности заявление содержится в его эссе об Эджуорте:

> Математическая психология как наука или отрасль знания не выполнила своего начального обещания. В семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия разумно было, думаю, предполагать, что у нее большие перспективы. Когда молодой Эджуорт остановил на ней свой выбор, он, возможно, ожидал открытий столь же замечательных, как те, что сделали впоследствии физики. Но... этого не произошло... как раз наоборот. Атомная гипотеза, которая так блестяще работала в физике, потерпела крушение в психологии. На каждом повороте мы сталкиваемся с проблемами органического единства, дискретности, неоднородности — целое не равно сумме составляющих его частей, количественные сопоставления вводят нас в заблуждение, ничтожно малые сдвиги приводят к громадным последствиям, предположения об однородном и гомогенном континууме не подтверждаются... Эджуорт знал, что он катался на коньках по тонкому льду; и по мере того как жизнь шла вперед, его любовь к катанию на коньках не ослабевала, а его недоверие ко льду росло, в угоду злому року, *pari passu*[14].

Кейнс, однако, не оставлял попыток ухватить важные элементы этой сложности в моделях, являющихся отличительным знаком экономических теорий начиная со времени Рикардо. Напротив: чем больше становилось в человеческой жизни сложности и неопределенности, тем важнее было строить простые, экономные модели, пригодные как подручные средства объяснения действительности. В спорах о дедукции/индукции он был на стороне дедуктивной школы, в

отличие от Бевериджа, который полагал, что законы следует выводить из накопленных фактов. Он критиковал и Маршалла, и Мальтуса за попытки к концу жизни сделать свои теории более реалистическими за счет загрузки их историческими данными. Приближение к реализму должно было, по его мнению, достигаться путем выбора того типа абстракции, которая может объяснять существенные черты или проблемы исследуемой эпохи. Так, Кейнс критиковал современных ему представителей классической экономической школы за использование моделей, строившихся на предположении о полной занятости, вместо моделей, которые позволяли бы объяснить, почему вообще может иметь место упорно сохраняющаяся безработица. Этому в полной мере соответствовала готовность Кейнса менять собственные модели, или, проще сказать, теоретические взгляды, когда появлялись новые факты или проблемы.

Изменчивость исходных данных обязывает экономистов не только «мыслить моделями» (что довольно легко), но и проявлять воображение и творчество (что очень непросто). Прогресс экономической мысли состоит из изобретений теории.

Хорошие экономисты, говорил Кейнс Рою Хэрроду в 1938 г., встречаются редко, потому что «очень редко, по-видимому», дается людям дар «бдительного наблюдения, необходимого для выбора хорошей модели...». Интуиция, таким образом, управляет и дедуктивными, и индуктивными сторонами экономического исследования. В почти безбрежном обилии опытных данных экономисту надлежит выделять факты, относящиеся к числу существенных причин явления, которое он старается объяснить. Критически важны для хорошего экономиста сила самоанализа и «чувство соразмерности». Кейнс последовательно стоял за улучшение экономической статистики, но при этом его целью было не получение материала для подтверждения или опровержения теорий и в еще меньшей степени для предсказаний, а установление границ игре интуиции и воображения. Он говорил Остину Робинсону, что его лучшие идеи пришли к нему из «возни с цифрами и попыток догадаться, что за ними стоит».

Настойчивые утверждения Кейнса, что плодотворный экономический анализ основан на интуиции и аргументации, не подразумевает, что самого себя он ставил сколько-нибудь ниже ученого-естественника. Он полагал, что интуиция ученого заслуживает такого же уважения, что и прозрения художника. Это — привилегированная форма знания, достигаемого «прямым знакомством» с действительностью. Она не должна поспешно подавляться разрушительной критикой со ссылками на факты или на логику, к чему так любят прибегать в академических кругах. Такой подход к делу позволял Кейнсу быть замечательным преподавателем: его привычка оставлять за собой то же право на широту взглядов и суждений, какое он предоставлял своим студентам, раздражала его критиков. Чрезвычайно интересны в этом контексте его высказывания о теории Фрейда:

> Профессор Фрейд, как мне представляется, наделен, на уровне гения, научным воображением, способным порождать обилие новаторских идей, открывать потрясающие возможности, выдвигать рабочие гипотезы, имеющие достаточные основания в интуиции и всеобщем опыте, чтобы заслуживать самого терпеливого и непредвзятого изучения... Но когда дело доходит до эмпирического или индуктивного подтверждения его теорий, очевидно, что предлагаемое нам в печати безнадежно этой задаче не соответствует... Я рискну утверждать, что на данной стадии аргументация в пользу теорий Фрейда очень немного потеряла бы, если допустить, что все случаи, сделанные достоянием гласности, суть сплошная выдумка профессора Фрейда, приспособленная к тому, чтобы придать наглядность его идеям и сделать их более пригодными для восприятия живыми умами его читателей. Иными словами, есть основание считать, что в настоящее время серьезное к ним отношение зависит главным образом от их привлекательности для нашей собственной интуиции, подсказывающей, что они содержат нечто новое и истинное в отношении человеческой психологии и очень мало значат при этом так называемые индуктивные проверки...[15]

Сегодня мы с гораздо большей неохотой предоставляем интуициям столь привилегированный эпистемологический статус.

Теперь уже нам не удивительно будет узнать, что Кейнс высоко ценил эксцентричность и то, что он часто называл «чудачеством». Чудаком был для Кейнса любой человек, у которого любознательность, навязчивая идея, талант или интуиция в той или иной степени преобладают над логикой или интеллектом либо опережают их. Основатель евгеники, Фрэнсис Гэлтон, с его привычкой, читая лекцию, подсчитывать, сколько у него в аудитории непосед, являл собой, по-видимому, промежуточный случай. «Его природный гений, — писал Кейнс — превосходил его интеллект, но этого интеллекта всегда хватало, чтобы удержать его на правильной стороне эксцентричности»[16]. Почтительное отношение Кейнса к ортодоксальной экономической мысли уменьшалось, его уважение к «экономическим еретикам» росло. Они появляются в '*Трактате*'; они осаждают главу 22 '*Общей теории*': это — «армия чрезвычайно многочисленных и одержимых еретиков и чудаков», с их «яростным недовольством... намного более предпочтительным, чем самодовольство банкиров»[17].

Чем больше впадал в ересь сам Кейнс, тем больше появлялось у него интереса к еретикам прошлого, откуда и попытки установить происхождение собственных антирикардианских идей. Читая книгу чешского беженца Вернера Штарка '*История и историки политической экономии*', он записал, что «[Томас] Ходжскин намного интереснее, чем мне представлялось. Это опять пример человека, который со своими очень неясными и несовершенными представлениями о будущем гораздо более интересен потомкам, чем своим современникам. Первые могут, в свете накопленного впоследствии знания, истолковать значение его мысли, тогда как для последних она было не более чем безнадежно скучной путаницей»[19].

Самым любимым экономистом Кейнса был, несомненно, Томас Мальтус. В окончательной версии эссе о Мальтусе, написанной в 1932 г., Кейнс знакомит нас с двумя Мальтусами — Мальтусом народонаселения и Мальтусом эффективного спроса. Эти двое удивительно напоминают два лица самого Кейнса. Трактатов о народонаселении

Кейнс никогда не писал. Тем не менее поставить экономическую проблему в историческом разрезе означало для Кейнса на протяжении большей части его жизни придать этой проблеме мальтузианское измерение.

Мальтус интересовал Кейнса по ряду причин. Есть нечто большее, чем пережиток поклонения предкам в его часто отдаваемой дани «первому экономисту Кембриджа». Отец Мальтуса Дэниел, человек незаурядного интеллекта, известный дружбой с знаменитостями свого времени, человек, который тем не менее позволял «застенчивости брать верх над амбициями», напоминал Кейнсу его собственного отца; и его рассказ о восхитительных отношениях между отцом и сыном Мальтусами как зеркало воспроизводит его отношения с Невиллом Кейнсом. Частично, по крайней мере, Кейнса привлекало то, что он видел у Мальтуса специфически английское сочетание предприимчивой мысли и обычного образа жизни. Как он говорил, выступая в 1927 г. перед Мальтузианской лигой: «В Англии нет необходимости быть смелым в жизни, чтобы иметь смелые идеи». У Кейнса никогда не было больших симпатий к радикальной интеллигенции континента, для которой интеллектуальное иконоборчество непременно должно было находить себе экзистенциальное выражение. Хотя его собственная частная жизнь была далека от обычного, он соблюдал приличия и ценил их. О первом издании мальтусовского '*Очерка принципа народонаселения*' Кейнс писал, что он идет из «глубин английской традиции гуманитарной науки... традиции, отмеченной любовью к истине и самой благородной ясностью, прозаическим здравомыслием, свободным от чувствительности и метафизики, и огромным бескорыстием и общественным духом»[20]. Эти слова ясно указывают, что Кейнс восторгался этой традицией. Но ему лишь в отдельных порывах удавалось прилаживать к ней себя. Его характер годился для нее лишь частично, и в любом случае сама традиция была сломана крушением веры в божественный порядок.

Кейнс все более и более видел в Мальтусе основателя «истинной» традиции британской экономической мысли, пущенной под откос абстракциями Рикардо. В 1935 г. он

расточал похвалы стараниям Мальтуса «проникать в суть... событий... сочетая интуитивный отбор с соблюдением формального принципа». Самоидентификация Кейнса с Мальтусом проявляется даже еще более ясно, когда он пишет в том же эссе:

> В последние годы восемнадцатого столетия несчастье трудящегося класса Мальтус усматривал главным образом в его низком уровне жизни. В годы, последовавшие за Ватерлоо... оно представлялось ему в основном проблемой безработицы. На эти две проблемы последовательно направлялось внимание в его работе экономиста. Для решения первой он выдвинул свой принцип народонаселения... Во второй половине жизни он был озабочен послевоенной безработицей и нашел для нее объяснение в том, что назвал недостатком эффективного спроса, ради преодоления которого взывал к духу смелых трат, общественных работ и политики экспансионизма[21].

По мере того как собственные интересы Кейнса смещались с проблемы недостаточных ресурсов к проблеме их неполного использования, смещались и акценты в его неоднократно перерабатывавшемся эссе о Мальтусе (впервые появившемся в 1922 г.): Мальтус народонаселения уступал место Мальтусу эффективного спроса. Уже 1924 г. он обращал внимание на письмо Мальтуса Давиду Рикардо от 9 октября 1814 г., в котором Мальтус отрицал, что «потребление и накопление одинаково способствуют росту спроса»[22]. Осенью 1932 г., готовя к переизданию свое эссе о Мальтусе, он впервые читал переписку Мальтуса и Рикардо, которую незадолго перед тем раскопал Пьеро Сраффа. «Если бы только Мальтус, а не Рикардо, — написал он тогда в своем эссе, — стал главным стволом дерева, на котором разрослась экономическая мысль девятнадцатого века, насколько же более мудрым и более богатым был мир сегодня!»[23] Следует, по крайней мере, допустить возможность, что мысль самого Кейнса развивалась под влиянием мальтусовского эффективного спроса, а не то чтобы, как до сих пор предполагалось, он задним числом нашел у Мальтуса то, что успел открыть самостоятельно.

Кейнс и его сотоварищи, кембриджские экономисты, были людьми, воспитанными на единственной книге, изданных в 1890 г. '*Принципах*' Маршалла, на немногих дополнявших ее отрывках и «устной традиции», касавшихся главным образом его теории денег. Когда Кейнс в 1936 г. издал свою '*Общую теорию*', кембриджские экономисты, особенно Пигу и Робертсон, подвергли его резкой критике якобы за нарушение верности *Старому учителю*. Мол, дом, который построил Маршалл, был достаточно просторным, чтобы разместить в нем дополнительную мебель, которую хотел принести туда Кейнс. Отчасти это правда, как правда и то, что и Кейнс частично остался явным «маршаллианцем». Он целиком поддерживал понимание Маршаллом экономической теории не как «воплощения конкретной истины, а как двигателя на пути к открытию конкретной истины», взгляд, основанный на представлении Маршалла, что «привычки и учреждения промышленности» не остаются неизменными[24]. Теория денег, какой ее преподавали в Кембридже до начала 1930-х гг., принадлежала Маршаллу. Кейнс никогда от нее не отказывался, а лишь установил, что ее применимость ограничена условиями полной занятости. Более того, он творчески развивал ее вместе с Деннисом Робертсоном. С кембриджской точки зрения количественная теория Маршалла обладала тем большим преимуществом перед уравнением Фишера, что она концентрировала внимание на мотивах, заставляющих людей придерживать деньги. Как выразился Кан, Фишер и его последователи думали «о деньгах как о средстве осуществления сделок», Маршалл же и его преемники — как о «форме сохранения богатства, позволяющего без затруднений осуществлять сделки в обычной жизни»[25]. Маршалл оставил, таким образом, инструменты для объединения теории денег с теорией стоимости, хотя сам их не использовал. Наконец, Кейнс постоянно оставался под влиянием методов Маршалла, используемых для решения задач, связанных с временем.

Есть известная кембриджская шутка. Как-то в 1960-е гг. группа кембриджских экономистов обсуждала афоризм Бергсона, что время — это устройство, позволяющее не до-

пускать, чтобы все на свете происходило сразу, в один прием; по ходу разговора его участник Дхарма Кумар не без ехидства заметил: «В таком случае я полагаю, что пространство — это устройство, позволяющее не допускать, чтобы все на свете происходило в Кембридже и нигде больше»[26]. Представление о том, что события не происходят все одновременно и что экономическая теория должна принимать это во внимание, есть отличительный знак кембриджского образа экономического мышления. В предисловии к первому изданию своих '*Принципов*' Маршалл писал, что «стихия Времени... — в центре главной трудности почти каждой экономической проблемы»; на стр. 30 восьмого издания появилась фраза: «Необходимость учитывать время, потребное, чтобы проявились следствия некоторых причин, — источник большой трудности в экономической теории». Маршалл вкладывал много страсти в понимание, что главные разногласия в экономической теории возникают из-за того, что по ходу споров не устанавливаются временные рамки, в которых должны проявиться предполагаемые следствия каких-то причин. Поэтому он выдвигал идею времени как элемента теоретического построения, способного принять во внимание сложность и изменчивость действительности. К числу его любимых изобретений относилось предложение предусматривать разные результаты для разных периодов времени. Таким образом он примирял между собой теории стоимости Джевонса и Рикардо, утверждая, что полезность определяет стоимость в краткосрочном измерении, но в долгосрочном плане определяющая роль принадлежит издержкам производства[27]. Для рассматриваемого периода вторичные силы «собираются в пруду, называемом *caeteris paribus*». Их действие не сбрасывается со счета, говорит Маршалл, «но их возмущающим действием на какое-то время пренебрегают».

Как указал сам Кейнс, проблема времени поссорила Мальтуса и Рикардо. Рикардо написал своему другу 24 января 1817 г.:

> Мне кажется, что одна из больших причин наших расхождений во взглядах на столь часто обсуждаемые нами пред-

меты [Рикардо особенно имел в виду возможную недостаточность «эффективного спроса»] — в том, что вы всегда держите на уме немедленные и временные последствия определенных перемен, тогда как я эти немедленные и временные последствия решительно отодвигаю в сторону и сосредоточиваю внимание на постоянном положении вещей, к которому приведут эти перемены.

На что Мальтус отвечал «со значительным эффектом» 26 января:

Я, конечно, расположен часто смотреть на вещи, видя их такими, каковы они суть, считая это единственным способом писать с практической пользой для общества и, как я полагаю, единственным также надежным способом не впасть в ошибки портных из Лапуты, которых небольшой начальный просчет приводит к самым далеким от истины заключениям. Кроме того, я действительно думаю, что прогресс общества состоит из беспорядочных движений и что отказаться от рассмотрения причин, которые в течение восьми или десяти лет будут давать большой *стимул* производству и росту населения либо служить для них большим препятствием, — значит отказаться от выяснения причин богатства и бедности наций — великой цели всех исследований Политической Экономии[28].

Кейнс всей душой был на стороне Мальтуса. Ему никогда не нравился настрой ума Рикардо, и в 1933 г. он мог писать, что «забвение линии Мальтуса и полное господство на протяжении сотни лет линии Рикардо стало бедствием для развития экономической теории»[29].

Один из главных споров по поводу предложенной Кейнсом теории занятости развертывался вокруг такого вопроса: для какого «периода» это предположительно является истинным? Экономисты обвиняли Кейнса в том, что он преждевременно прерывает свой анализ. Его метод, привязывающий к краткосрочному периоду, говорили они, уводит внимание от сил, обладающих в тенденции способностью восстановить полную занятость. Винили его в том, что по чисто методологическим соображениям он считает несуществующими реальные факторы, влияющие на состояние за-

нятости. С тех пор дебаты никогда не прекращались. Несомненно, Кейнс мог бы воззвать к принципу беспристрастности, оправдывающему теоретика, когда он отставляет в сторону влияние факторов, о которых ничего нельзя сказать с уверенностью.

3. Экономист-наставник

Насколько Кейнс соответствовал своему идеалу «экономиста-наставника»? Он не хотел быть никем, кроме как «великим» экономистом. Зачем ему это было надо? Он знал, что принадлежит к интеллектуальной аристократии. Его собственная интеллектуальная карьера была историей непрерывного успеха. Он был одним из помазанных преемников Маршалла. (Присутствовало ли здесь ощущение, что ему надлежит расплатиться за то, что отец не смог оправдать надежд Маршалла?) Но он был также членом дискуссионного клуба в Итоне, президентом Кембриджского союза, членом общества *Апостолов*. За четыре года он дорос до управления ключевым отделом Казначейства, созданным, казалось, специально для раскрытия его личных способностей. Его '*Экономические последствия мира*' стали бестселлером и самой влиятельной книгой послевоенного времени. Жизнь Кейнса разворачивалась так, что постоянно подтверждала наличие у него огромных и разнообразных талантов. Он имел все основания быть в высшей степени уверенным в себе, и эта уверенность всегда была при нем. Единственными поводами проявлять застенчивость были для него свой физический облик и звучание собственного голоса. Он изо всех сил старался придавать себе вид обычного служащего солидного государственного учреждения, обзавелся усами на военный манер и костюмами по моде Сити, которые носил даже за городом. В 1930-х гг. он наслаждался ролью сквайра Тилтона. С голосом он ничего поделать не мог. Это был голос ученого, человека тонкого вкуса и большой эрудиции, несколько хрупкий, не способный вызвать большой резонанс, для оратора орудие сомнительного качества.

Музыку он творил своим пером. Но там, где требовалась сила аргументации, он умел блистать красноречием адвоката, как о том свидетельствовали его выступления перед Комиссией Макмиллана.

Многое в жизни Кейнса было закодировано, скрыто от любопытных взоров постороннего. Его крайнее нежелание давать интервью свидетельствует о стремлении спрятаться. Он не был тем, чем казался, ни внешне, ни в привычках, ни в мыслях. В мыслях напряженность возникает как раз в тех точках, где не смогли соединиться сердце и голова. Это поднимает проблему толкования и его философии, и его экономической теории. Он оставил после себя огромное собрание продуманных высказываний, включая три трактата. Он хотел играть в академическую игру, потому что она доставляла ему удовольствие, но еще и потому что знал: его влияние зависит от того, как он в это играет. Он принимал условности экономической теории, особенно догму ее рациональности. Все же в его сочинениях по разным местам разбросаны ключи к пониманию того факта, что методы своей интеллектуальной работы он относил только к поверхностному слою анализа, а общественную жизнь считал миром внешних проявлений. Обнаруживается, что в его представлении под спудом знаний, с которыми он выступал публично, лежит другое, тайное знание, открывающееся только немногим посвященным, и погоня за ним захватывала его так же, как Ньютона. Его писания, подобно сочинениям Ибсена, полны «обертонов», которые могут «уловить и расслышать наделенные слухом», но «которые окажутся неуместными и почти вульгарными, если... начать их выпячивать с целью сделать очевидными и неумолимыми»[30]. Но он отлично знал, чего хочет, ибо стабильность общественной жизни была ему необходима для охраны укромных мест, где сбрасываются за ненадобностью маски и вещи предстают в своей истинной цене.

Мысль о том, что он говорит нечто новое, следовала за ним, кажется, с самого начала, вместе с убеждением, что старшие были слишком глупы или чересчур зашорены, чтобы понять это: именно так отзывался он, например, о своих

экзаменаторах в Итоне, а позднее и о других. На протяжении всей жизни, хотя с годами все меньше, он виделся Хьюберту Гендерсону эдаким *enfant terrible*, озабоченным прежде всего тем, чтобы не высказать общего мнения. Это было не только высокомерие индивидуума, но и высокомерие места — Кембриджа. Кейнс объявил себя мятежником, восставшим против маршаллианской ортодоксии. Но на протяжении большей части его жизни кембриджская школа экономики, как и кембриджская школа философии, смотрела на свои достижения как на далеко превосходящие все, что было сделано где-либо еще. В 1900-е, даже в 1920-е гг. маршаллианцы видели себя пионерами, прокладывавшими новые пути. Это было также высокомерие группы Блумсбери. То и другое соединялось, чтобы дать Кейнсу ощущение «колоссального превосходства», о котором он писал Стрэчи в 1905 г.

Кейнс обладал пугающим множеством талантов, не достигая вершины ни в одном из них. Он не был гением из разряда «божественных чудаков» вроде Моцарта или Витгенштейна — не имеющим себе равных в чем-то одном и не расстававшимся с ребячеством во всем остальном. Он был замечательным мастером «сводить концы» в построениях своей мысли, обладал великолепно действовавшими механизмами ума. В Итоне он превосходил других учеников в математике и классических дисциплинах и на протяжении всей своей жизни легко соединял эти две культуры. Выдающимся математиком он не был. Не был и большим философом. Как историк он был вдохновенным любителем. У него была своя теория политики, но это никогда не спасало его от обвинений в политической наивности. Кейнс был велик сочетанием своих дарований. Его достижения должны были обновить экономическую теорию, поднять ее до уровня перемен, свершившихся в этике, в культуре, в политике и в обществе — словом, привести в соответствие с духом двадцатого столетия. Но, как и у Джевонса, его качества никогда не отличались достаточной устойчивостью. Именно это, скорее чем чрезмерная спешка, было причиной, по которой он не мог создавать произведения искусства, хотя его писа-

ния полны художественного мастерства. Его высшими стилистическими достижениями были короткие сочинения — особенно биографические эссе. В своих больших книгах он выступал памфлетистом, пытающимся обуздать свое воображение, подогнать себя к требованиям, предъявляемым автору формального трактата. Могучей была интуиция, позволявшая ему распознавать логические и исторические отношения, но когда требовалось последовательно строить аргументацию, для него наступали не самые радостные моменты. Как и у Маршалла, его напряженная мысль выбрасывалась короткими взрывами. Его темперамент был слишком бурным, его ум чересчур был отдан постоянному производству идей и планов, чтобы он мог предаваться размышлениям в одиночестве.

Обычно соглашаются, что Кейнс следовал «интуиции, как никто на свете»[31], и при этом под интуицией понимают то, что имеется в виду, когда говорят, или говорили, о «женской» интуиции как о чем-то отличном от разумности. Интереснее обратить внимание на привилегированный эпистемологический статус, на котором настаивал Кейнс применительно к интуиции вообще и своей собственной в частности. Нам это кое-что сообщает о том, как он работал с коллегами и критиками. Его взгляд на способ обретения знаний в области экономической теории имел серьезнейшее значение для стратегии, использовавшейся им для аргументации и убеждения. Он смотрел на экономический довод прежде всего как на способ разбудить «интуицию» участников дискуссии. На этой стадии Кейнс всегда взывал к «снисходительности», которую он запрашивал для фактических или логических ошибок или неясностей, ибо, мол, гораздо важнее развернуть дискуссию и по ходу дела посмотреть, ведет ли она к чему-либо ценному. После публикации его '*Трактата о деньгах*' большинство самых острых споров Кейнс вел с критиками, подобными Хайеку, который, по его мнению, проходил мимо главного, что он хотел сказать, и лишь пытался подловить его на логических промахах. Но отсюда следовало, что спор или дискуссия не могут быть плодотворными, как только обнаруживается противостояние раз-

ных интуиций, разве что одна из сторон преобразует свою позицию. «Хорошая» дискуссия, будь то по вопросам экономической теории или по другим предметам, начиналась в обстановке взаимных симпатий и не могла пережить распада этой обстановки. В 1920-е гг. «хорошие» дискуссии по экономической теории Кейнс вел с Робертсоном, Готри, Гендерсоном, Джеральдом Шоувом, реже с Пигу — все они были людьми из Кембриджа и держались в русле маршаллианской традиции. Этим «хорошим» беседам (кроме случая с Шоувом) в 1930-х пришел конец — к огорчению Кейнса, поскольку его интуиции начали слишком далеко отклоняться от их интуиций. В 1930-е гг. «хорошие» беседы были у него с учениками, такими как Ричард Кан, Джоан и Остин Робинсоны, тогда как дискуссии со старшими коллегами продолжались как «плохие».

Как это свойственно всем своеобычным умам, интуиция Кейнса никогда не оказывалась в полном подчинении у его аналитической системы. Его книги полны историческими обобщениями, которые вообще никак не «смоделированы». Едва ли составляет исключение и его теория предпочтения ликвидности: она выражает богатство и страсть его вольных размышлений о психологии накопителей, как и его убеждение, что «любовь к деньгам» не оставляет места для экономической теории.

Артур Смайтис писал, что «аналитические достижения Кейнса всегда были его откликом на реально существовавшую вокруг ситуацию»[32]. Моггридж отмечал у Кейнса «огромную практичность и почти полное погружение в вопросы политики» и добавлял, что «он использовал традиционные методы анализа политических проблем, пока они не износились, и затем перешел к модному новому инструментарию»[33]. Со своей стороны мы можем добавить, что ключом к эффективности Кейнса в роли политического советника и внутри, и вне правительственной машины были его навыки и скорость в подготовке проектов документов. Он усвоил себе привычку приходить на заседания с полностью готовыми проектами, тогда как другим приходилось только мямлить. Его проекты неизбежно станови-

лись основой для обсуждения. На протяжении всей жизни у Кейнса под рукой неизменно был план действий на любой случай, для решения любой проблемы. Это было частью его несокрушимой веры в себя; это было также знаком качества его ума.

Все это правда, но не вся правда. Хотя ясно, что толчок давали практические задачи, у Кейнса, однако, всегда были интеллектуальные амбиции, или пристрастия, возвышавшиеся над непосредственными требованиями проблемы. Представление о Кейнсе как об «инструментальщике» — это представление тех, кто был заинтересован главным образом в том, чтобы затачивать создаваемые им инструменты или пользоваться ими. Представление же, что в основном он был необычайно умным государственным служащим, может вводить в заблуждение. В конце концов, он отдал десять лет работе над своим '*Трактатом о вероятности*'. Правда в том, что какая-нибудь проблема могла заинтересовать Кейнса применительно к практической задаче, но очень скоро она его захватывала, и он начинал разрабатывать ее как таковую. Многие главы '*Общей теории*' не нужны с точки зрения комплектации набора инструментов. Но они там присутствуют, потому что ему хотелось кое-что сказать о природе экономической жизни.

Достижения Кейнса-экономиста неотделимы от его стиля. В его лучшей работе сплав стиля и содержания дает электризующий эффект. В отличие от Ральфа Готри (скучного) и Денниса Робертсона (сверхзанимательного), Кейнс писал так, что это привлекало и экономистов, и непосвященных. В чем был его секрет? На первый план выступают четыре его качества. Во-первых, у него были желание и способность соединить экономическую теорию со здравым смыслом. Действительно, он постоянно был устремлен к тому, чтобы преодолеть раскол «между выводами экономической теории и заключениями здравого смысла»[34]. Взявшись доказывать, что занятость зависит от совокупного спроса, он просто представил в обобщенном виде интуицию рабочего автомобильного завода, заметившего: «Когда никто никаких автомобилей не покупает, нет никакого смыс-

ла их делать». Задачи, которые ставил перед собой Кейнс, требовали умелого использования обычного языка, в отличие от практики большинства экономистов, стремившихся излагать на непостижимом языке некие теории, расходившиеся с интуицией. Во-вторых, в работах Кейнса звучала нота безотлагательной необходимости. В то время когда большинство экономистов отзывалось на крушение старого порядка оправданиями за бездействие, он всегда обращался к публике с готовым планом действий, способных изменить положение. В-третьих, он говорил голосом убежденного человека — убежденного, что мир может и должен быть изменен и улучшен посредством целеустремленных действий правительства. Наконец, он говорил голосом авторитетным — обладая авторитетом не только Альфреда Маршалла и кембриджской школы экономики, но и автора '*Экономических последствий мира*', который, как представлялось, пожертвовал местом в самом сердце правительственных структур, чтобы поведать людям правду. Джон Коутс справедливо видит в его произведениях особый вид разговора с читателем — «ясную прозу и неотразимую аргументацию», в противоположность формальной точности математических моделей[35]. Экономическая теория была для Кейнса в значительной мере тем же, чем и теория вероятности: логикой аргументов, не имеющих окончательной доказательной силы. Исторически это близко к аристотелевскому понятию *enthymeme* — «риторической логики», подходящей для рассуждений о «вещах, которые меняются», и берущей свои посылки из запаса социального опыта слушателей.

Язык Кейнса вполне заслуживает особого анализа. Здесь, однако, можно ограничиться лишь несколькими замечаниями. Как и следует ожидать, чем более профессиональной была его аудитория, тем профессиональнее становился его язык: он выбирал стиль аргументации, наиболее приспособленный к тому, чтобы убедить ту самую аудиторию, к которой обращался. Но во всех своих писаниях он старался раскрыть и представить общее ядро интуитивных ощущений. Так, явно адресуя '*Общую теорию*' своим собратьям-экономистам, он настаивал, что «идеи, выписанные

здесь в таких подробностях, чрезвычайно просты и должны быть очевидными»[36]. Его теоретические сочинения по экономике были наполнены множеством, чтобы не сказать экстравагантным обилием, ссылок общекультурного порядка, часто таких, которых только и можно было ожидать от внука пастора, выросшего в его доме, от ученого-классициста и любителя драматических искусств. Он был поразительным и неподражаемым творцом фразы. В большинстве своих произведений он пытался убеждать читателей одновременно и в том, что ортодоксальные представления — относящиеся как к практике, так и к теории — неверны, и в том, что его собственные альтернативы правильны. Так что его аргументация обычно имела и «разрушительную», и «созидательную» стороны. В обращении с доводами противников он мог быть недобросовестным. Он не боялся пускать в ход выражения, бьющие на чувства (золотой стандарт — это «пережиток варварства», высокие процентные ставки — «ростовщичество»); и он не стеснялся подсовывать слушателям заведомо несостоятельные идеи — для затравки разговора. Другой прием состоял в том, чтобы раскрывать внутренние противоречия во взглядах оппонента; двумя видами противоречий, которые он любил обнаруживать, были парадокс бережливости и парадокс благоразумия. Первый легко поддавался *reductio ad absurdum*: «Возьмите, скажем, крайний случай, — говорил Кейнс по радио в 1931 г. — Предположим, что нам приходится прекратить тратить наши доходы и полностью их сберегать. Что ж... в конце концов... мы должны будем умереть голодной смертью»[37]. Под парадоксом благоразумия Кейнс понимал то, что благоразумное для домашней хозяйки может быть неблагоразумным для правительства, и наоборот. Первооснову этих парадоксальных следствий общепринятых суждений он усматривал в ошибке подмены целого его частью — убеждении, что добродетель индивидуума непременно оборачивается благом для общества. Конечно, наличие такой ошибки подтвердить не проще, чем гипотезу существования атома, которую экономисты воспринимают как более естественную. Возможно, этот ход мыслей Кейнса был результатом многих юношеских об-

суждений выдвинутого Муром принципа органических единств.

В разработке своих положительных альтернатив Кейнс больше веса придавал убедительности аргументов, нежели доказательной силе наглядных примеров; либо прилагал немало усилий, чтобы строить цепь своих доказательств, исходя из посылок, составляющих часть общественного восприятия происходящего. Большим ударом стала для него обнаружившаяся неспособность основополагающего уравнения '*Трактата о деньгах*' показать то, что у него было на уме. Задачу отлить теорию своей новой книги в форму уравнений он решил оставить другим экономистам. Для подкрепления своих аргументов Кейнс использовал множество знакомых приемов, рассчитанных на то, чтобы убедить. Одним из них была ссылка на традицию: его новые теории не должны были вызывать такого отторжения, когда он приписывал им происхождение из уважаемого источника. Он также широко пользовался двусмысленностями, риторикой неопределенности, которые оставляли место для разных толкований одних и тех же слов, а потому открывали широчайшие возможности для согласия с его доводами. Некоторые двусмысленности Кейнса остаются предметами споров до сих пор. Что он имел в виду, говоря об «общей теории»? Что подразумевал под «социализацией капиталовложений»? Как понимал «социальную справедливость»? Что такое было для него «государство»? Многое из этого — далекий отголосок того, что принято считать «научным методом». Но ведь Кейнс и не считал, что экономическая теория принадлежит к разряду естественных наук.

В отношениях с людьми Кейнс являл собой смесь благожелательности и нетерпимости. Он был очень привязчив и всегда верен друзьям. Например, личное благорасположение заставляло его вплоть до 1935 г. сохранять Хью Дэрнфорда вторым казначеем Королевского колледжа, хотя все знали, что тот не годился для этой работы. Заметна была также преданность Кейнса своим студентам; во многих случаях он продолжал их поддерживать долго спустя после того, как они покидали университет. В нем не было и следа не-

доброжелательства или ревности. Он ценил причуды ума, странности, навязчивые идеи, в которых часто усматривал указания на новые интересные возможности. Он преклонялся перед гением, очень широко пользовался этим словом, вкладывая в него первоначальный смысл — «свободный дух». Своего французского друга Марселя Лабордера, которого лишь однажды мельком видел, он любил просто за поэтический склад ума и обращался к нему: «Мой дорогой Алхимик»; то же качество Лабордер видел в нем. Подобно многим интеллектуалам, он испытывал огромное уважение к практическим навыкам, даже людей самого скромного положения. Он был всегда готов извинить ошибки молодости и неопытности. Его общественные симпатии не были столь развиты, как личные, но с возрастом и они получили развитие; и во все времена у него вызывали возмущение акты несправедливости, будь то в отношении отдельных лиц или социальных групп. Вообще, он не был терпеливым человеком, но мог принимать на себя груз огромных забот, связанных с делами своих друзей и тех, кто, по его мнению, этого заслуживал.

В то же время он мог быть невыносимо грубым — особенно с теми, кому, по его мнению, следовало быть осмотрительнее. Историям о его грубости несть числа. Однажды на правлении *Национальной компании взаимного страхования* он полоснул Фрэнсиса Керзона, брата маркиза, такими словами: «Вы, Керзон, поистине в полной мере обладаете напыщенностью своего брата, но не имеете ни одного из достоинств его интеллекта». Кейнс ни в коем случае не был удобным собеседником для тугодумов. В любом собрании он почти неизменно оказывался самым умным, знал это и выставлял напоказ. Кеннет Кларк, который во время войны состоял, как и он, в *CEMA* (Совете содействия музыке и искусствам), осуждающе отмечал, что он сверкал «слишком расточительно... никогда не приглушал свет своих фар».

Восхищение Кейнса более всех прочих вызывали люди искусства, и у него были высоко развиты эстетические вкусы, особенно в том, что касалось поэзии, в частности Шекспира. Он сам обладал несравненной способностью на-

ходить нужные слова сообразно темам и обстоятельствам. Наиболее привлекали его драматические виды искусств, и он бы стал заядлым посетителем оперного театра, случись ему познакомиться с оперой в более ранние годы. Но музыка во всех ее формах пришла к нему с запозданием, хотя нередко в воскресные вечера он проскальзывал на концерт в часовню колледжа. Вопрос о том, действительно ли ему доставляли наслаждение картины сами по себе, в отличие от их покупки и помощи создававшим их художникам, остается открытым. Создавая прекрасную коллекцию, он часто покупал отбросы — из верности своим друзьям. Он проявлял мало вкуса при выборе мебели, хотя еще молодым человеком говорил, что для работы ему нужна красивая обстановка. С годами исчезла грубость, присутствовавшая в его письмах Литтону Стрэчи и отмечавшаяся его блумсберийскими друзьями; познакомившиеся с ним только в более поздние годы его жизни поразились бы, узнав, что его «ум был подобен выгребной яме». Он не был привередливым человеком, но имел свои капризы. Воротнички ему шили в Кембридже по особому заказу, пока его портной не положил этому конец. Он всегда носил шелковое нижнее белье, порой, правда, изнашивая его до лохмотьев. Он любил ухоженные руки и ногти и видел в этом признак характера.

Великий хранитель писем, он выбросил послания Голди Дикинсона, потому что не мог выносить неряшливого почерка. Его привычки и его работа были четко упорядочены, как и процессы, происходившие в его уме. Он так же экономно расходовал рабочее время, как был сдержан в развлечениях. Свои эссе и книги он писал от руки, часто карандашом, на доске для письма, сидя в кресле, прежде чем отправить черновики на перепечатку. Он редко переписывал свои короткие тексты; при этом его большие книги проходили через множество вариантов, и ни один не оставлял его полностью удовлетворенным. Что заставляло его работать столь упорно — чувство долга, получаемое удовольствие или неумение расслабиться? Трудно сказать. Он захватывал главенствующее положение в любой комиссии, в состав которой его включали, и брал там на себя бо́льшую часть работы.

Он имел свою полную долю недостатков, отчасти милых, отчасти же далеких от этого, — тех, которые он находил столь восхитительными у героев его биографических очерков. У него была склонность наставлять людей в делах, относившихся к их собственной специальности, выхватывать какое-нибудь положение, играть с ним и развивать в фантастическую теорию. Типичным *obiter dictum* было в 1932 г. его утверждение перед Лотерейной комиссией о том, что азартная игра на фондовой бирже получила такое распространение в Соединенных Штатах потому, что там нет «достаточно травы, чтобы могли процветать конные состязания»[38]. Некоторые находили у него легкий налет шарлатанства. Он мог проявлять легковерие, достойное какого-нибудь алхимика, и поэтому в 1930 г. вкладывал деньги в некий производственный процесс, основанный на технологии, «гарантировавшей превращение низкого металла в золото», и в связи с этим рассуждал о том, что это открытие могло бы решить мировую проблему безработицы. Он с предельным доверием относился к своим предсказаниям определенных событий, они редко оправдывались на деле, хотя он был на высоте при определении общих тенденций. Он постоянно терял деньги (собственные и своих друзей), играя на исход всеобщих выборов. Квентин Белл рассказывает историю о том, как он уверил своих друзей в Суссексе, что расположенный по соседству и сильно загрязняющий окружающую среду цементный завод скоро обанкротится, потому что неправильно организованы его финансы. Завод продолжал загрязнять среду еще долгое время после его кончины. Он почти неизменно отказывался ставить свою подпись на рекламных проспектах, писать предисловия к чужим книгам и давать разрешение на перепечатку своих речей. Он с глубоким недоверием относился к юристам и бухгалтерам и считал, что обращение к их услугам вызывается печальной необходимостью, но по возможности этого следует избегать. Он умел разводить большую суету, заваливать письмами министров не только в связи с серьезными промахами в национальной политике, но и по поводу пустячных проколов, допущенных подведомственными им учреждениями; почти

любой вопрос, пусть и самый мелкий, мог вызвать его озлобление, как в случае его многомесячных препирательств с советом городка Льюис, якобы допустившим ошибку, обязав его уплатить крохотную сумму за вызов в Тилтон пожарной команды.

Кейнс был человеком безбрежного обаяния, не всегда к себе располагавшим. В том, что он стал мягче — настолько, насколько это произошло, — сказалось в немалой степени влияние Лидии, его пожизненной любви. Он был, в его собственном понимании, большим гением и великим мыслителем. Высший взлет его воображения и ума оставался еще впереди.

XXVIII
Мечтатель-практик

1. Искусство убеждать

В начале октября 1931 г. в Лондоне Ванесса и Дункан пошли в кино, и

> на экране вдруг появился Мейнард, чрезвычайно большой, удобно расположившийся в библиотеке, мигающий под осветительными лампами, говорящий весьма нервно; миру он поведал, что теперь дело идет на поправку, судьба вызволила Англию из почти безнадежного положения, фунт не рухнет, цены сильно не возрастут, торговля оправится и никому не надо чего бы то ни было опасаться. При нынешней погоде в это почти можно поверить...[1]

Кейнс явно находился в приподнятом настроении. 16 октября 1931 г. он отослал Дэниелу Макмиллану рукопись своих '*Эссе о предсказаниях*'. Через месяц они были изданы под названием '*Эссе об искусстве убеждать*'. В предисловии он писал:

> Мы стоим на переходном рубеже. Говорят о национальном кризисе. Но это неверно — в Великобритании с главным кризисом покончено. В наших делах наступило затишье. Осенью 1931 г. мы отдыхаем у тихого пруда между двумя водопадами. Едва ли кто в Англии верит сегодня в Версальский договор, или в довоенный золотой стандарт, или в политику дефляции. Эти битвы выиграны — главным образом непреодолимым давлением событий и только во вторую очередь медленным подрывом старых предубеждений. Но у большинства из нас

имеется пока что только смутное представление о том, что мы собираемся делать дальше, о том, как собираемся использовать нашу восстановленную свободу выбора[2].

Эссе были собранием его основных нетеоретических сочинений предыдущего десятилетия — он назвал их «карканьем Кассандры, которая никогда не умела вовремя повлиять на ход событий». Говоря, что его пророчества оправдывались в большей мере, чем его убеждения, Кейнс занижал себе цену. Его перо сыграло свою роль в подрыве старых предубеждений. Отсутствие каких-либо серьезных попыток возродить золотой стандарт — это дань убеждениям Кейнса 1920-х гг. '*Таймс*', отстаивавшая монетарную ортодоксию, поставила в этой истории точку, заявив, что в 1925 г. «на кону стояла честь и ее надо было спасти», но «британская промышленность не сумела должным образом перестроиться»[3]. С этого времени Кейнс посчитал '*Таймс*' газетой, пригодной для своего с ней сотрудничества, и в 1930-х гг. его важнейшие предложения по экономической политике появились на ее полосах.

21 января 1932 г. умер от рака Литтон Стрэчи. В последнее время Кейнс мало виделся со своим старым другом, хотя они продолжали переписываться и посылали друг другу свои книги. Лидия отказалась поехать в Хэм Спрэй, сославшись на претившую ей безнравственность Доры Каррингтон[4]. Для Доры смерть Литтона была сокрушительным ударом. «Не вижу ничего стоящего в сравнении с совершенством его юмора и интеллекта», — написала она Себастьяну Спротту в марте за несколько дней перед тем, как застрелилась. Письмо, которое Мейнард, судя по всему, написал Доре Каррингтон в связи со смертью Литтона, не сохранилось: возможно, оно погибло в одном из костров, в которых Каррингтон сжигала свое имущество перед самоубийством. Литтон был частью той жизни Мейнарда, в которой Лидия не могла да и не хотела участвовать; он был другом, оказывавшим решающее влияние по его стиль и выбор ценностей. Памятником их дружбы были письма, почти тысяча писем, относившихся главным образом к довоенному вре-

мени, когда они открыто обсуждали свои чувства, вышучивали друзей и боролись между собой за любовь Дункана Гранта. «Письма? — ради бога, запри их еще на несколько лет», — сказал Мейнард после смерти Литтона его брату Джеймсу[5]. Смерть начала собирать свою жатву среди других довоенных друзей: Голди Лоус Дикинсон ушел в 1932 г., Роджер Фрай — в 1934, Фрэнки Биррел и Брингильда Попэм (урожденная Оливье) — в 1935-м. «Я — идеалист, — сказал Мейнард Вирджинии Вулф, — и поэтому в целом что-то, я думаю, может сохраняться. Ясно, что мозг — единственная захватывающая вещь — материя не существует. Отсюда следует... Но все очень неопределенно»[6].

Собственное здоровье Кейнса рухнуло осенью 1931 г., второй раз в том году. «Кончилось тем, что я провожу мои дни в постели и в страшном состоянии, — нацарапал он Лидии 25 октября 1931 г. — Вчера я проснулся с ужаснейшими болями в груди, было так плохо, что я сразу позвонил и вызвал врача. Оказалось, что это разновидность ревматизма и воспаление оболочек маленьких мышц вокруг легких. Ничего опасного или серьезного, но страшно болезненно». Выхаживали его Ричард Кан и горничная миссис Тэйлор; они перенесли его кровать из спальни, где образовались сосульки, в кабинет. Лидия (справедливо) заподозрила плеврит. В ту зиму и в начале весны Кейнс не раз жаловался на бронхит, на прострел, на ревматические боли, «бегающие по всему телу». Последовали ежедневные сеансы массажа и облучения бывшей у Лидии кварцевой лампой. Кейнс никогда не выглядел очень здоровым; теперь у него был вид просто нездорового человека. Он располнел. Летом 1930 г. в Льюисе Ванесса Белл нашла его «невероятно бледным и жирным»[7]. На портрете кисти Уильяма Робертса (зима 1931 г.) Кейнс предстает полным, с сигаретой в пальцах, сложенных лопаточкой; рядом с ним Лидия — похожая на птицу.

В 1930-е гг. Кейнс никогда не проявлял большей общественной активности, чем в 1931-м. Отчасти и, конечно, прежде всего им двигало то, что экономическая политика подтянулась к его предписаниям. Дефляционное ограничение золотого стандарта закончилось, десятилетие дешевых

денег начиналось. Кейнсианская повестка дня, объявленная в 1920-х и ставшая руководством к действию в 1930-х, позволила Англии избежать худших последствий мировой депрессии. Он поддерживал и отчасти вдохновлял осуществление политики дешевых денег и сопутствующих ей мер, добившись снижения обменного курса стерлинга по отношению к доллару (первоначально около 3,50 фунта за доллар), последовавшего за окончанием эры золотого стандарта[8]. Он приветствовал проведенную Чемберленом конверсию двухмиллиардного военного займа, снизившую процент выплат по нему с 5 до 3,5, и назвал ее «конструктивной мерой первостепенного значения» не на том основании, что она давала экономию бюджету, а ввиду ее долгосрочного воздействия на процентную ставку[9]. Все это принесло ожидавшиеся им плоды. Платежный баланс улучшился. Дешевые деньги (учетная ставка держалась на уровне 2 процентов с июня 1932 до 1939 г.) родили бум в строительстве частных домов, что способствовало восстановлению экономической активности. Но восстановление шло медленно и страдало неполнотой. Безработица до середины 1933 г. не опускалась ниже 20 процентов.

Кейнс находил и другие радовавшие его достижения. В июле 1932 г. на конференции в Лозанне были наконец отменены репарации. Кейнс послал свои поздравления председательствовавшему там Макдональду: «Минуло много времени после июня 1919 г., когда я покинул британскую делегацию в Париже в досаде и переживаниях. Упущения прошедших с тех пор лет были потрясающими. Но утешает, что наконец от этого очистились. Ибо что бы ни делала Америка, в том, что касается Германии, с этим покончено»[10]. Англия произвела последнюю символическую выплату в покрытие своего военного долга Америке в декабре 1933 г. и после этого ничего больше не платила. После Второй мировой войны союзники-победители не стали повторять своих ошибок 1919 г. Неизменная точка зрения Кейнса возобладала.

Кейнс не столько возражал против правительственной политики тарифов и имперских преференций, сколько ука-

зывал, что она отвлекает от более важной задачи общей перестройки валютных отношений. Сторонники свободной торговли, подобные Лайонелу Роббинсу, настаивали, что «плавающий обменный курс обеспечит полное решение британской проблемы платежного баланса»[11]. Кейнс соглашался, что доводы в защиту тарифов потеряли актуальность, ибо все, что способны сделать тарифы, «делает снижение курса валюты... и притом делает лучше»[12]. Однако он выступал за управляемый, а не плавающий валютный курс и к своей прежней вере в свободу торговли не возвращался. Он, в сущности, разрабатывал набор доводов, в которых защита тарифов объединялась с предложением об ограниченном снижении курса валюты.

Кейнс всегда старался уравновесить стабильность цен и обменного курса. Он приветствовал девальвацию стерлинга не исходя из узких националистических соображений, а как недефляционный способ, позволявший, не прибегая к дефляции, установить стоимостный стандарт для стерлингового блока — группы в составе более чем двадцати стран, главным образом производителей первичных товаров, которые, подстраиваясь к стерлингу, девальвировали свои валюты, чтобы сохранять себе доступ на британский рынок. Эта коллективная девальвация освободила также группу стран-должников от рабской подчиненности сохранившим золотой стандарт государствам-кредиторам во главе с Соединенными Штатами и Францией. Спонтанное образование стерлингового блока, или клуба, как его называл Кейнс, навело его на мысль о создании «в рамках империи достойной уважения стерлинговой системы... управляемой Английским банком и замкнутой на Лондон», притом что стабильность стерлинга будет поддерживаться уровнем цен на биржевые товары, собранные в определенной корзине, и тем, что Английский банк будет по возможности поддерживать устойчивый курс по отношению к доллару[13]. Со временем между этими двумя клубами могло бы быть достигнуто равновесие — в значительной степени через разрушение кредиторской позиции США и Франции, — что позволило бы восстановить единую международную денежную систему. Он на-

деялся, что такие идеи могли бы стать предметом обсуждения на имперской конференции в Оттаве в июле 1932 г., где для Англии открывалась возможность поторговаться с доминионами, предложив им уступки в стоимости стерлинга в обмен на снижение их тарифов[14]. Но он не без оснований подозревал, что «ультраконсерваторы» Невилл Чемберлен и Монтегю Норман «удушат в зародыше любую конструктивную идею»[15]. Чемберлен подтвердил его опасения, полностью прекратив всякое обсуждение валютных вопросов[16].

Тем временем отход некоторых стран от золотого стандарта только прочнее сжал в тисках дефляции страны, его сохранившие; и это препятствовало восстановлению мировой экономики. Из-за депрессии рухнула почти половина американских банков, их вкладчики лишились своей покупательной способности. Кейнс, как впоследствии и Милтон Фридман, осуждал управление Федеральной резервной системы за то, что оно не сумело предотвратить утрату денежного запаса США. Оно не приступало к покупке ценных бумаг в сколько-нибудь значительном масштабе вплоть до 1932 г. К тому времени это было слишком поздно. Выжившие банки превратились в надежных хранителей вкладов, отказывающихся давать деньги в кредит. Таков был в 1933 г. контекст, в котором Кейнс взялся разрабатывать свои предложения о международных общественных работах с целью поднять уровень цен.

Кейнс сознавал, что в обстановке финансового кризиса «здоровые финансы» необходимы и для создания в деловом мире атмосферы большей уверенности, и для возможного перехода к дешевым деньгам; но политика, которая не направлена непосредственно на увеличение общих расходов, едва ли приведет к восстановлению. С завершением конверсионной операции его начала беспокоить экспансионистская финансовая политика. 6 июня 1932 г. он писал Гарольду Макмиллану: «Само появление мер экономии дает огромные психологические выигрыши. Оно прокладывает путь к конверсии долга и рождает тенденцию к снижению долгосрочной процентной ставки. Движение в противоположном направлении повредило бы настроению деловых

людей. Но это не препятствие для того, чтобы экономия приобрела дефляционный характер и, возможно, оказалась ударом по их прибылям»[17]. Это было возвращением к спорам с Хьюбертом Гендерсоном и сэром Ричардом Гопкинсом в 1930 г. Они подчеркивали неблагоприятное влияние бюджетного дефицита на настроения в деловом мире и, соответственно, на процентную ставку, Кейнс же выпячивал его благотворные для деловой активности последствия.

Относительный спад общественной активности Кейнса в начале 1930-х гг. объясняется также тем, что рассыпалась сеть организационных образований, которые он ранее использовал в своей миссии убеждающего и уговаривающего. Он стал политически бездомным. Либеральная партия, по существу, перестала существовать в октябре 1931 г., и стареющий Ллойд Джордж остался во главе группки всего-то четырех парламентариев. Парламентская группа лейбористов сократилась, превратившись в какой-то огузок. Ее ведущий кейнсианец Мосли был за пределами парламента и основал Британский союз фашистов. Интеллектуальные сети Кейнса также распались. '*Нью стейтсмен*', руководимый Кингсли Мартином, не мог дать ему той трибуны, какую он имел в '*Нации*' при Хьюберте Гендерсоне. Политическая линия еженедельника была слишком левой, чтобы он ей сочувствовал, и к тому же редакция не проявляла интереса к экономике. Старый, либерально настроенный мир клубов и комитетов, государственных служащих и банкиров, политических деятелей, экономистов и благотворителей — мир, на который до 1931 г. так часто действовали чары Кейнса, утратил влияние после того, как деловитый консерватизм под водительством Невилла Чемберлена перехватил власть у бесхребетных Макдональда и Болдуина. Клуб *Вторник*, который в 1920-е гг. Кейнс с таким успехом использовал для прощупывания настроений, стал собираться все реже: между 1930 и 1934 г. Кейнс не выступал в нем ни разу. Он все еще имел доступ к Макдональду — и в личном порядке, и как член ряда экспертно-консультативных комиссий, которые премьер-министр назначал с целью набрать побольше политического веса. Кейнс

считал, что Макдональд «очистил голову от вздора»[18]. Но, как бы то ни было, бывший лейбористский премьер был пленником своего огромного «национального» большинства, в котором тон задавали парламентарии — консерваторы правого крыла. Под ударами депрессии в рядах старых мандаринов образовались трещины, раскалывавшие его по всем вопросам — по свободе торговли, по бюджетному дефициту — и все более и более по общим экономическим взглядам. Это предвещало перегруппировку сил, которая и произошла в конце 1930-х. Тем временем Кейнс находил опору в новой группе поддержки — в своих кембриджских учениках во главе с его «любимым студентом» Ричардом Каном. В 1930-е гг. он предстает фигурой более одинокой, чем был в 1920-е, но сама его изоляция дала свободу, позволившую написать его великую книгу.

Депрессия сделала Кейнса радикалом — интеллектуальным, но не политическим и не социальным. Политически он все еще считал себя либералом, сторонником индивидуальной свободы и сопутствующих ей ограничений власти правительства. Он никогда не принимал социализма. В 1930-е гг., как и в 1920-е, он настаивал, что государство не должно пытаться брать на себя функции частного предпринимательства, а лишь восполнять его упущения. Его политическая экономия обнаруживает, таким образом, большую последовательность в развитии идей его *Среднего пути*, появившегося в 1920-е гг. Более того, в своих социальных взглядах он все больше становился консерватором. Он «самый зачерствевший тори из всех, кого я знаю», — заметил Сэм Курто, проведя в сентябре 1932 г. «счастливый» уикенд в Тилтоне, где Кейнс сказал ему, что «возраст учреждений является лучшим критерием их ценности, а прогресс допустим только в том случае, если идет так медленно, что его и не заметить...»[19] Это, как мы увидим, происходило как раз в тот момент, когда радикальной становилась его экономическая теория. Парадокс скорее кажущийся, чем действительный, ибо с 1919 г. он неизменно проповедовал, что радикальная мысль — это единственное противоядие от радикальных перемен.

Заявляя в частном порядке, что «нельзя желать возвращения лейбористского правительства» в октябре 1931 г.[20], Кейнс продолжал свой диалог с Лейбористской партией. Выступая перед группой социалистов 13 декабря 1931 г. на тему '*Дилеммы современного социализма*', он задним числом вынес свое суждение о двухлетнем пребывании лейбористов у власти. Беда с Лейбористской партией состоит, мол, в том, что у нее нет жизнеспособной философии правления. Преданная социалистической утопии, она не сумела заинтересовать себя проблемой существующего капитализма. В результате она соединила угрозы перераспределения, которые напугали бизнесменов, с рабской приверженностью финансовой ортодоксии, которая придавила экономику. Это «совершенно не вызывало симпатии, — говорил Кейнс, — у тех, кто имел новые представления об экономически здравых действиях... например у г-на Ллойд Джорджа или сэра Освальда Мосли, или у г-на Бевина, или у меня». Все же вначале, подойдя к делу с несколько иной стороны, а именно с учетом общей недостаточности покупательной способности, Кейнс высказал мысль, что в его собственных рекомендациях можно было бы указать пункты, совместимые с рядом установок социалистической политики, особенно централизованное управление инвестициями и меры перераспределения дохода, рассчитанные не на уничтожение капитализма, а на повышение покупательной способности[21].

В '*Нью стейтсмене*' от 17 и 24 сентября 1932 г., оценивая политику Лейбористской партии в отношении банковского дела, он поддержал национализацию Английского банка, но обрушился на требование лейбористов о «демократическом вмешательстве» в его работу. Дело, мол, не в политике, а в структуре Банка, и позаботиться следует о защите его «автономии», о его «независимости и престиже», которые являются национальным достоянием. Он принимал предложение о создании национального управлении инвестициями, но отклонил идею «контроля над качеством» капиталовложений. Задача такого управления должна состоять в поддержании общего темпа роста инвестиций на уровне достаточно высоком, «чтобы гарантировать опти-

мальную занятость», а не в выборе между намечаемыми капиталовложениями. Кейнс подчеркивал «незначительность роли, которую играет сейчас [в инвестировании] полностью частное предприятие». Если бы государство могло определять «темп роста совокупных инвестиций» «государственных и полугосударственных организаций», оно могло бы «уверенно предоставить промышленности возможность наращивать ее ресурсы тогда и такими способами, когда и какими ей будет угодно»[22].

Левые не проявляли ни малейшей восприимчивости к решениям, которые давал предлагаемый Кейнсом анализ экономической проблемы. После 1931 г. излюбленным средством стало для них физическое планирование производства, ибо, как они были уверены, «социалистического» планирования и общественной собственности самих по себе будет достаточно, чтобы восстановить полную занятость. Главный интеллектуальный вклад в экономические воззрения лейбористов, помимо марксизма, вносила Лондонская школа экономики. Хью Долтон продвигал старомодную количественную теорию денег в лейбористском финансово-торговом комитете; более молодые социалистические экономисты из ЛШЭ, такие как Эван Дурбин и Хью Гэйтскелл, находились под сильным влиянием взглядов Лайонела Роббинса и пессимистического «австрийского» анализа Хайека, который, казалось, укреплял представление о неизбежности экономических обвалов при капитализме. Вдобавок «лейбористская партия относилась к Кейнсу с большим подозрением» как по причине его связей с Ллойд Джорджем и Мосли, так и ввиду «его злосчастных наклонностей»[23]. Сам Кейнс старался держаться в изрядном отдалении от таких мозговых центров Лейбористской партии, как *Новое фабианское исследовательское бюро* или *Клуб XYZ*; последний был основан в 1932 г. его другом Николасом Дэвенпортом. Историк А.Л. Роуз хотел, чтобы Кейнс вступил в Лейбористскую партию. Его идеи, уговаривал Роуз, могут успешно набирать влияние только при «правильных отношениях» с организованным рабочим классом[24], но Кейнс сохранял свое недоверие к лейбористам. «Я бы официально вступил в эту пар-

тию, — писал он Роузу в 1936 г., — не будь она, как это выглядит, поделена на энтузиастов, которые отворачиваются от всего, что имеет какой-либо шанс осуществиться, и лидеров, настолько консервативных, что даже на г-на Болдуина можно надеяться больше, чем на них»[25].

Кейнс уже начинал чувствовать, что практические старания убеждать должны опираться на основу новой теории. «Я снова взялся потихоньку, сидя в кресле, писать о монетарной теории», — сообщал он Лидии 22 ноября 1931 г. Страстная междоусобица экономистов в 1930 г. потрясла его и, как он позже выразился в предисловии к '*Общей теории*', «почти разрушила практическое влияние экономической теории». Когда в октябре 1930 г. был издан '*Трактат*', он признавал, что это был провал художника. Тогда он не сразу разглядел, что провал был интеллектуальный. Неблагоприятные отклики на '*Трактат*', как и последовавшие перемены в общей ситуации, заставили его думать иначе. Требовалось новое объяснение затянувшейся депрессии; формальный аппарат '*Трактата*' дать его не мог.

2. Влияния

Возвращение Кейнса к теории было следствием его анализа Великой депрессии. Он отказывался видеть в ней заключительный кризис капитализма. В предисловии к '*Эссе об искусстве убеждать*' он подчеркивал, что его «центральный тезис — глубокое убеждение, что экономическая проблема... является всего лишь ужасной неразберихой, преходящей и ненужной неразберихой». Препятствия восстановлению, говорил он своей аудитории в Гамбурге в январе 1932 г., не имеют материального содержания, они находятся в знаниях, суждениях и мнениях тех, кто стоит у власти»[26].

Питер Кларк утверждал, что, в отличие от написания '*Трактата*', создание '*Общей теории*' «следует... понимать как некое «внутреннее» действо. Это был результат процесса интеллектуального открытия, скорее чем политического изобретения»[27]. '*Общая теория*' не была, конечно, привязана

к политической кампании, как это частично имело место в случае с '*Трактатом*'. Но, отмечая эти различия, Кларк обходит вниманием то воздействие, которое оказали на теоретизирование Кейнса изменения экономической и политической обстановки[28]. Теория, разрабатываемая с целью спасти мир, никак не может в полной мере держаться на одном «внутреннем» вдохновении.

Замысел '*Общей теории*' рождался под влиянием не только мировой депрессии, но и ее политических и социальных последствий, а именно распространения коммунизма и фашизма. Началось бегство интеллигенции от демократии. «Стивен [Спендер] становится *больши*, как и большинство моих друзей», — отмечал в своем дневнике Гарольд Николсон 24 сентября 1931 г. В январе 1933 г. Адольф Гитлер стал канцлером Германии.

'*Трактат*' строился в значительной мере применительно к британской проблематике. '*Общая теория*' создавалась как теория, имеющая в виду мир и мировую депрессию. Это одна из многих отличительных черт, делающих новую теорию более «общей», чем старая. Но для этого сдвига имелась и особая причина. Кейнса особенно потряс масштаб американского краха. Там не было никакой склеротической экономики, вроде британской; там была система, сохранявшая много качеств «текучести» в духе девятнадцатого столетия. Американский крах заставил Кейнса подумать в более общем плане о судьбе современной экономики. Поскольку пример бедствующей экономики дают уже преимущественно США, а не Англия, прежние ссылки на «стеснительные ограничения» уступают место повышенному вниманию к «неопределенности».

Формально речь идет о переключении с модели «открытой» на модель «закрытой» экономики. Опять-таки американский пример играет, надо думать, определяющую роль, поскольку внешняя торговля имеет для Америки гораздо меньшее значение, чем для Англии. Но вдобавок анализ безработицы в понятиях несогласованных отношений между странами в значительной мере теряет, по-видимому, смысл, если безработица оказывается поистине «общим»

явлением. Как 24 декабря 1932 г. Кейнс отмечал в '*Нью стейтсмене*', «все мы знаем, что обменный курс вращается в замкнутом кругу. Когда ставшее для нас невыносимым напряжение мы передаем соседу, это только вопрос недолгого времени, чтобы этому напряжению совершить круг и снова навалиться на нас»[29]. «Закрывая» экономику, Кейнс, в сущности, говорит, что внутри системы никакого решения нет; оно должно поступить извне. Правительство становится последним рубежом. Другое влияние депрессии может быть замечено в переходе от динамического анализа к статическому. В объяснении нуждался теперь не деловой цикл, а постоянно низкий уровень деловой активности.

Всеобщность и глубина депрессии поколебали никогда не отличавшуюся особой прочностью веру Кейнса в классические ценовые механизмы регулирования. В 1925 г. он предлагал национальное соглашение о сокращении в Британии денежных доходов, а в 1931 г. поддержал подобную схему, принятую в Австралии. Теперь, в июне 1932 г., он сказал австралийскому экономисту Гиблину: «Если заработную плату снизить — цены тоже наверняка понизятся...»[30] В том и состоит идея «закрытой» экономики: повсеместное сокращение заработной платы просто уничтожает покупательную способность.

Опыт Великой депрессии усилил также сомнения Кейнса в эффективности дешевых денег. В лекции, прочитанной 4 февраля 1932 г., он говорил: «Все еще может происходить так, что кредитор, уверенность которого подорвана собственным опытом, будет по-прежнему запрашивать у нового предприятия такие проценты, что заемщик не может и надеяться на получение доходов, необходимых для их уплаты... Если такое происходит, от длительной и, возможно, бесконечной депрессии нет никаких иных средств спасения, кроме прямого государственного вмешательства с целью поддержать и субсидировать новую инвестицию». «Западня ликвидности» — это кейнсианское понятие обязано своим происхождением суровым урокам депрессии.

От обвала мировой экономики никуда не деться; он цепко держит все мысли Кейнса, занимает в них главенст-

вующее место. И все же новая теория появилась в процессе интеллектуального спора, отмеченного сознанием высокой ответственности его участников за то, чтобы в споре строго выдерживалась логика. Этот спор чрезвычайно хорошо отражен в документах. В 1931–1932 гг. Кейнс вел нерегулярную, но напряженную переписку по вопросам теории с Готри, Робертсоном и Хайеком. Существуют «сводные воспоминания» так называемого кембриджского кружка. Сохранились ранние черновые наброски новой книги и другие рукописи Кейнса, так же как фрагменты лекций и полные их записи, сделанные некоторыми его студентами в период с 1932 по 1935 г.

3. Чего недоставало '*Трактату*'?

Создание новой экономической модели Кейнса началось с разрушения его старой модели. Основополагающие уравнения '*Трактата*' были статическими уравнениями уровня цен, в которые Кейнс попытался внести динамику, введя в них прибыли и потери делового мира. Изменения в объеме производства и занятости, сколь бы они ни были болезненными и затяжными, — это только эпизоды в процессе расхождения и последующего взаимного приспособления цен и затрат. Об ином толкует и частично противоречит этому притча о банановой плантации: каким образом в условиях, когда деловой мир несет потери (или сбережения «обгоняют» инвестиции), экономика падает и замирает на низкой точке. Но разработка этой схемы полна путаницы и неправдоподобных допущений, и, как Кейнс говорил перед Комиссией Макмиллана, беду можно преодолеть путем снижения процентной ставки. Это наводит на мысль, что имелось в виду проиллюстрировать особую проблему Британии при золотом стандарте, а не предложить теоретическое объяснение причин, по которым не рассасывается массовая безработица. До теории «производства в целом» Кейнсу предстоял еще долгий путь.

Даже до издания '*Трактата*' Ральф Готри из Казначейства намечал направление, в котором собирался двигаться Кейнс. «Если происходит нечто, способное изменить спрос на товары, — писал Готри Кейнсу летом 1930 г., — первым результатом будет увеличение или уменьшение продаж по *существующим ценам*... Всегда проходит некоторое время, прежде чем цены приспособятся, и этот интервал может быть значительным». Более того, «мы имеем здесь нарушение равновесия, происходящее *до* какого-либо изменения цен и поэтому не зависящее от шальных прибылей, или случайных потерь, либо от какого бы то ни было расхождения между инвестициями и сбережениями... Стало быть, изменение цен, когда оно происходит, само по себе не является адекватным мерилом отклонения от равновесия»[31]. 28 ноября Кейнс признал, что «в будущем, вероятно, нелегко будет помешать совместному развитию монетарной теории и теории краткосрочного предложения»[32]. В размышлениях Кейнса непосредственное воздействие сокращения расходов на количественные показатели экономики начинало перевешивать его влияние на издержки производства и цены.

К комментариям Готри добавились замечания, полученные Кейнсом от «кембриджского кружка», как стали задним числом называть группу его молодых коллег, начавших встречаться и обсуждать '*Трактат*' после его выхода в свет в октябре 1930 г. Это были Ричард Кан, Пьеро Сраффа, Остин и Джоан Робинсон и Джеймс Мид. Первые четыре преподавали в Кембридже; Мид был в Кембридже аспирантом, перед тем как его приняли в ученое сообщество Оксфорда. Неофициальные дискуссии были начаты в комнатах Ричарда Кана в Королевском колледже в ноябре 1930 г. и время от времени возобновлялись в течение нескольких месяцев. Кейнс сам на этих встречах не присутствовал, но поддерживал с «кружком» контакт через Ричарда Кана, действовавшего в роли посредника.

Кружок вскоре установил, что основополагающие уравнения строились на предположении о неизменном объеме производства, что расценивалось как ошибка, называемая «проклятием вдовы»[33]. В подаче Остина Робинсона это

выглядело так: если предприниматель с полными карманами денег, полученных им в виде прибыли, решит по дороге домой задержаться и навести блеск на своих ботинках, к чему это приведет — к тому только, что возрастет цена чистки обуви, или скорее к тому, что возрастет количество сверкающих ботинок?[34] Кейнса это ранило. «Думаю, что вы излишне ко мне жестоки, — написал он Джоан Робинсон 14 апреля 1932 г., — в том, что касается предположения о постоянном объеме производства... Конечно же, на определенной стадии рассуждений должно быть позволено делать такого рода упрощенные предположения». Он тем не менее признал, что его теория «не проследила, к чему ведут изменения в объемах производства...»[35]

Самым важным результатом обсуждений в «кружке» стало то, что они придали дополнительный вес замечаниям Готри, который подталкивал Кейнса к разработке уравнения для производства. Модель, строившуюся на предположении о неизменном объеме производства, невозможно было использовать, чтобы объяснить, откуда, собственно, взялся этот самый объем.

В рецензии на *'Трактат'* в сентябрьском выпуске *'Экономического журнала'* за 1931 г. Деннис Робертсон раскритиковал как непригодные для дела данные Кейнсом определения «сбережений» и «дохода». «Превышение сбережений над инвестициями» приравнивалось к «деловым потерям». Это подразумевало, что, пока бизнесмены продолжают нести потери, сбережения всегда будут «опережать» инвестиции, то есть никакое состояние равновесия невозможно. Робертсон спрашивал: «Среди поднявших крик, что резкий спад произошел из-за превышения сбережений над инвестициями», сколько человек сознают, что «сбережения, оказавшиеся, к сожалению, избыточными в условиях резкого спада, состоят в значительной степени из доходов предпринимателей, которые не расходуются по той простой причине, что они не были заработаны?»[36] Если прибыли и потери делового мира являются прибавками к доходам или вычетами из них, неравенство между сбережениями и инвестициями автоматически исчезает.

Но это означало отказ от самого понятия «нормального», или равновесного, уровня дохода. Уровень дохода (или объема производства) в масштабах общества становится переменной, которая требует объяснения. Это — порог у входа в *Общую теорию*.

Если в Кембридже и молодежь, и старики предлагали конструктивную критику '*Трактата*', то Фридрих Хайек, как и ожидалось, стал его крушить. Хайек появился в Лондонской школе экономики по приглашению Лайонела Роббинса. Имелось в виду, что он сыграет свою роль в борьбе за влияние, которую Школа вела против Кембриджа. Хайеку было тогда тридцать два года, и он прибыл из Вены вооруженным «австрийской» теорией, которая противилась государственному вмешательству в игру рыночных сил, выставляя более изобретательные и гораздо более прочные доводы, чем любые концептуальные установки, предлагавшиеся в Англии или Соединенных Штатах. В основе их лежала *межвременная* теория ценности — разновидность теории предельной полезности в применении к образованию капитала. По одну сторону она ставила потребителей с их «временными предпочтениями», определяющими спрос на потребительские товары и средства производства. Эти «временные предпочтения» определяют их решения о том, какую часть доходов тратить на потребление и какую направлять в сбережения. По другую сторону оказывались производители, которые определяют свои производственные планы сообразно (меняющемуся) спросу на эти два вида товаров. Если люди решают больше сберегать, спрос на потребительские товары падает, но это возмещается повышением спроса на средства производства и наоборот. (Австрийская теория поднимала на щит сбережения, ибо, в отличие от Кейнса, австрийцы считали, что богатство нации создают сбережения индивидуумов.) Цена, приводящая *межвременные* планы потребителей и производителей во взаимное соответствие, — процентная ставка. Однако процентные ставки могут эффективно выполнять эту работу, только если деньги остаются «нейтральными» — то есть в отсутствие инфляционной или дефляционной политики денежных властей.

В теории делового цикла, которую отстаивал Хайек, это — критический момент. Снижение процентной ставки, вызываемое расширением кредита, подает производителям ложный сигнал, побуждая их увеличить выпуск средств производства. Кризис, вылившийся в резкий спад, есть, мол, кризис финансируемых кредитами банковской системы избыточных инвестиций — избыточных относительно объема потребления, которое индивидуумы намерены отложить на будущее. Резкий спад есть просто процесс устранения тех инвестиций, которые не финансируются подлинными сбережениями. Если бы правительство, в ответ на резкий спад, выпустило больше денег, это только продлило бы агонию; для скорейшего преодоления депрессии людям следовало бы больше сберегать, чтобы сбить процентную ставку и таким образом содействовать восстановлению уровня капиталовложений. Кейнс был знаком с этой теорией избыточных инвестиций: почти то же самое он говорил в своей лекции в 1913 г. В '*Трактате о деньгах*' он несколько отошел от этого тезиса.

В Школе, где Хайек читал лекции весной 1931 г., данные им объяснения резкого спада были восприняты с восторгом; меньше энтузиазма они вызвали в Кембридже. На его теорию, втиснутую в рамки одной лекции, которую он прочитал в *Обществе памяти Маршалла* в январе 1931 г., слушатели отозвались полной тишиной. Находившийся среди них Ричард Кан почувствовал, что следует растопить лед. «Правильно ли я вас понимаю, — спросил он Хайека, — что пойди я завтра и купи новое пальто, это повлечет за собой рост безработицы?» — «Да, — ответил Хайек, указывая на доску, изрисованную треугольниками, — но потребуются очень долгие математические обоснования, чтобы стало понятно почему»[37]. В течение дальнейших трех или четырех лет теории Хайека соперничали с идеями Кейнса в борьбе за наследство классической экономической мысли. Многие известные впоследствии кейнсианцы вроде Николаса Калдора и А.П. Лернера начинали как приверженцы Хайека.

В рецензии на '*Трактат*', написанной для издававшегося Школой журнала '*Economica*', Хайек обвинял Кейнса в

отсутствии у него теории капитала. По его мнению, представленное Кейнсом описание меняющихся денежных потоков (от потребления к сбережению и наоборот) посягало на неизменность структуры производства. Анализ причин, по которым становятся более или менее привлекательными различные стадии производства, показал бы, что изменение привычек к сбережению само по себе никогда не может целиком определять прибыли или потери либо расхождение между сбережениями и инвестициями. Сделать это может только изменение «эффективного» количества денег. Если устранить эту «ошибку», теория Кейнса предстанет просто версией теории «вынужденного сбережения».

Кейнса рецензия Хайека разгневала, он написал на полях: «Хайек прочитал мою книгу без той 'доброй воли', какой автор вправе ждать от читателя. Пока он ее не проявит, он не разглядит, что я имею в виду, и не сможет судить, прав я или нет». В ноябрьском выпуске '*Economica*' за 1931 г. появились его возражения рецензенту, быстро вылившиеся в критический разбор собственной книги Хайека '*Цены и производство*', изданной в сентябре 1931 г. О ней он отозвался как об «одной из самых путаных, какие мне когда-либо приходилось читать... Это — выдающийся пример того, как, начав с ошибки, неумолимый логик в конечном счете может угодить в Бедлам»[38]. Ошибка, обнаруженная Кейнсом, состояла в представлении, будто решения сберегать представляют собой одновременно и спрос на средства производства. Однако он признал, что в его собственной книге отсутствовала «сколько-нибудь удовлетворительная теория капитала и процента», и пообещал это исправить. Зимой 1931–1932 гг. эти два человека обменялись несколькими письмами, так и не достигнув согласия в вопросе об определениях. А затем Кейнс прервал переписку: «Я стараюсь изменить и улучшить мою центральную позицию, и этот способ использовать время, вероятно, лучше, чем проводить его в пререканиях»[39].

Кейнс и Хайек сохранили дружеские отношения. В частной жизни Кейнс ладил с ним «очень хорошо». Хайек вспоминал о «магнетизме блестящего собеседника с его ши-

роким диапазоном интересов и завораживающим голосом»[40]. Но это не было и не могло быть единением умов. Не могло быть ввиду различных подходов к экономической теории. Если Хайек начинал с посылок, которые не могли привести к ненормальным следствиям, то Кейнс исходил из ненормальных следствий и старался выстроить соответствующие им посылки. Чего он еще не объяснил в понятиях фундаментальной теории, так это самой возможности появления ненормальных следствий.

4. На пути к '*Общей теории*'

К работе над новой книгой Кейнс приступил в начале 1932 г., располагая большинством критических замечаний к '*Трактату*'. 22 марта 1932 г. он «преклонил колена» перед Готри и Робертсоном, признав, что «избыточные сбережения» образуются за счет незаработанных доходов. Он предложил определение «полный доход», которое бы охватывало и шальные прибыли, и случайные потери, с тем чтобы между «сбережениями и инвестициями всегда и обязательно было равенство», что на самом деле является той же концепцией, лишь рассматриваемой с противоположных точек зрения». Дополнительное «с[бережение из полного дохода] всегда и обязательно приспосабливается к И[нвестиции]... [это] больше не собака... а хвост»[41]. Пустив в ход эту формулу, Кейнс расправился с *Фундаментальными уравнениями*, с ценами, соответствующими равновесию и нарушающими его, с робертсоновской смесью добровольного и вынужденного сбережения. Производство (реальный доход) всегда изменяется в соответствии с инвестициями; сбережения всегда добровольны и создаются только потоками дохода. Тем летом в Тилтоне Кейнс написал почти треть своей «новой книги по монетарной теории», а также свел воедино ряд эссе-биографий в качестве дополнения к своим '*Эссе об искусстве убеждать*'. Его шведский гость Пер Якобссон, глава монетарного отдела новообразованного Банка международных расчетов в Женеве, отметил в своих записях, что Кейнс

бился над решением «некоторых трудных теоретических проблем процентной ставки...»[42]

У нас есть возможность проследить за развитием его идей по двум курсам из восьми лекций, которые он прочитал в Кембридже осенью 1932 и 1933 г. Записи этих лекций, сделанные его студентами, были расшифрованы и изданы канадским экономистом Т.К. Раймсом.

«Джентльмены, название этих лекций изменено: вместо '*Чистой теории денег*' — '*Монетарная теория производства*', и это наполнено смыслом». Такими словами, вспоминает Лори Таршис, 10 октября 1932 г. «Кейнс начал первую из своих восьми лекций и, по сути, дела провозгласил начало кейнсианской революции». Кейнс ставил вопрос: что определяет объем производства в монетарной экономике? Вопрос — из '*Общей теории*', но в ответе многое все еще облекается в язык и понятия '*Трактата о деньгах*'. Тем не менее уже различимы многие знакомые блоки, использованные в строительстве здания '*Общей теории*'. Их контуры проступают даже еще четче в серии лекций, повторно прочитанных осенью 1933 г.

Объем производства определяется совокупным «распределением» или расходами. Если расходы меньше текущих доходов, тогда суммарный доход должен опуститься до уровня общих расходов, и отсюда сокращение занятости. Объясняя, почему издержки производства или текущие доходы могут быть уменьшены только за счет сокращения занятости, а не через снижение денежной заработной платы, Кейнс делает первый набросок главы 2 '*Общей теории*'. В 1933 г. его аргументация обостряется: появляется тезис о том, что реальная заработная плата зависит от уровня совокупных расходов, теперь определяемого им как «эффективный спрос», а не борьбой вокруг ставок денежной заработной платы («при резком спаде рабочие могут и не избежать высокой реальной заработной платы»), и вводится соответствующее понятие «вынужденной безработицы».

В экономике *laisser-faire* траты определяются «факторами рыночной психологии»: состоянием соответствующих времени предпочтений (позднее *функции потребления*),

связывающим сбережения с доходом; ожидаемыми поступлениями «квазиренты» или ожидаемой доходностью инвестиций (впоследствии *предельной эффективностью капитала*); и состоянием предпочтения ликвидности, которое, вместе с количеством денег, определяет процентную ставку. Эти «параметры» монетарной экономики, вместе с планами совокупного предложения и «ответной доходностью» (соотношением затрат и цен), дают нам представление о том, «какого объема производства следует ожидать... и как надо на эти параметры воздействовать, чтобы получить желательный объем продукции». Более резко это было сказано в 1933 г.: «Фундаментальные силы, определяющие уровень занятости, — это степень уверенности, склонность к потреблению, предпочтение ликвидности и количество денег. Мы можем называть это Общим Законом Занятости»[43]. Роль ожиданий и неопределенности подчеркивается теперь гораздо сильнее.

Кейнсу ясно, что суммарных выплат, определяемых «психологическими факторами», может оказаться недостаточно для поддержания полной занятости, но точного объяснения причины в 1932 г. еще нет. Кейнс уже решил, что процентная ставка определяется спросом скорее на деньги, чем на кредиты. Определяемая таким образом процентная ставка «устанавливает нынешнюю ценность предполагаемых квазирент»[44]. Обязанность денежных властей — «поддерживать процентную ставку, способствующую достижению оптимального уровня инвестиций»[45]. Положение о том, что «спекулятивный» мотив в придерживании денег может устанавливать нижний предел процентной ставки, до 1933 г. в четком виде не выдвигается[46].

Кейнс спрашивает: при отсутствии стабилизационной политики что должно остановить падение доходов и сокращение объема выпускаемой продукции, «прежде чем производство прекратится полностью»? Краткий ответ состоит в том, что после удара по инвестициям расходы на потребление сокращаются меньше, чем доходы. Именно это делает возможным «устойчивое равновесие»[47]. То же самое, но более резко он повторяет в 1933 г.: «Сбережения должны равняться капиталовложениям, а доходы приспособятся к тому,

чтобы удовлетворялось это условие»[48]. Это коренная основа идеи о возможности устойчивого равновесия при отсутствии полной занятости.

Одна из причин относительной нечеткости в лекциях 1932 г. заключается в том, что там Кейнс совершенно не использовал теорию мультипликатора Кана. Как и сам Кан, он не разглядел ее логическую связь с монетарным анализом равновесия.

Опубликованная в июне 1931 г. в '*Экономическом журнале*' статья Ричарда Кана '*Соотношение внутренних капиталовложений и безработицы*' имела целью разбить возражения британского Казначейства против программы финансируемых на кредитной основе общественных работ как средства от безработицы. В основе этих возражений были ссылки на ничтожность прибавок к уровню занятости, достигаемых таким способом, обременение бюджета и «вытеснение» частного капитала из инвестиционного поля. В своей брошюре 1929 г. '*Может ли Ллойд Джордж сделать это?*' Кейнс и Гендерсон утверждали, что помимо поддающегося измерению первичного прироста занятости программа общественных работ обеспечит «вторичную» занятость за счет расходов, которые будут делать получившие работу люди, но количественно измерить этот «вторичный» эффект невозможно. Кан ставил вопрос: что мешает одному фунту стерлингов дополнительного дохода одного человека стать средством бесконечного повышения дохода общества? Интуитивный ответ: то, что некоторая доля дополнительного дохода будет направляться в «сбережения» при каждой трате — пока стимул не исчерпывает себя. Если известно, какая это доля, общая сумма возросшего дохода или вторичная занятость могут добавляться к некоторому конечному числу, которое можно представить себе как коэффициент, или множитель, начальной инвестиции или первичной занятости. Более того, увеличивая совокупный доход, дополнительная инвестиция создала бы эквивалентный объем сбережений, и это иллюстрирует утверждение Кейнса, что «вложение капитала всегда влечет за собой сбережение, растущее тем же темпом», и про-

тивостоит доводу Казначейства, будто финансируемые заемными средствами общественные работы изымут сбережения из их нынешнего использования. По сути — это теория мультипликатора.

Выглядело это иначе, чем у Кана. Он выводил свои «утечки» из увеличившегося потока расходов путем вычитания пособий по безработице (того, что безработные и так тратили) и дополнительных расходов на импорт (не оказывавших непосредственного влияния на увеличение занятости внутри страны); и он не осознал, что его формула устанавливала обязательное равенство сбережений и инвестиций. (В «открытой» экономике обязательно равенство не между сбережениями и инвестициями, а между сбережением и импортом и инвестициями и экспортом.) В литературу, посвященную мультипликатору, утечку личных сбережений впервые ввела статья датского статистика Йенса Варминга в '*Экономическом журнале*' за июнь 1932 г. Варминг «объединил связанную исключительно с доходом функцию личных сбережений с предложенной Каном алгеброй мультипликатора и на этой основе представил четкий механизм приспособления дохода, показывающий, как сбережения уравниваются с исходными изменениями в инвестициях». Кейнс почти наверняка видел статью Варминга, когда она была впервые предложена '*Экономическому журналу*', так что в этом вопросе теоретическое влияние могло идти к Кейнсу скорее прямо от Варминга, чем от Кана. Кан, оказавшийся в свою очередь под влиянием Варминга, представил мультипликатор, выведенный из предельных наклонностей к сбережению и импорту, в своем докладе в Цинцинатти, штат Огайо, в декабре 1932 г. У Кейнса в его '*Средствах для процветания*', изданных три месяца спустя, изложена эта подправленная версия теории Кана, предложенной им в поддержку программы общественных работ, финансируемых на кредитной основе[49].

Много бумаги было изведено на работы, посвященные выяснению точного времени, когда Кейнс пришел к своей новой теории эффективного спроса. То, что это произошло между 1932 и 1933 г., сомнений не вызывает. Решающее сло-

во должно, по-видимому, принадлежать самому Кейнсу. Первоначально, заметил он в своей лекции 6 ноября 1933 г., мысль является в голове каким-то «серым, расплывчатым, непонятным монстром. Точное слово для ее выражения приходит на заключительной стадии ее развития. Думать вы можете точно и эффективно намного раньше, чем сумеете свою мысль, если можно так выразиться, сфотографировать»[50]. Осенью 1932 г. Кейнс уже знал больше, чем мог выразить словами, но год спустя он был более уверен в своих знаниях и поэтому мог их лучше выразить.

В письме, которое Кейнс написал Хэрроду в августе 1936 г., он оглядывался на этот период:

> Вы не упоминаете об эффективном спросе, или, вернее, о расписании, которое спрос устанавливает для производства в целом... Для меня, если смотреть на дело исторически, самым необычайным представляется полное исчезновение теории спроса и предложения применительно к производству в целом, то есть теории занятости, после того как на протяжении четверти века она была в центре экономических дискуссий. Для меня после издания '*Трактата о деньгах*' одной из важнейших вех в развитии моих мыслей стало внезапное осознание этого факта. Пришло оно только после того, как я уяснил самому себе психологический закон, согласно которому с ростом дохода разрыв между доходом и потреблением увеличивается — вывод, имевший очень большое значение для моих собственных размышлений, но если он подавался именно в этом виде, не воспринимавшемся, судя по всему, кем-либо еще. Потом, существенно позже, пришло понятие процента как значения [меры?] предпочтения ликвидности, которое предстало в моем уме совершенно ясным в тот самый момент, как я об этом подумал. И наконец после огромной путаницы и множества черновых прикидок явилось надлежащее определение предельной эффективности капитала, которое соединило одно с другим[51].

Для хороших студентов, изучавших в Кембридже экономическую теорию, это было, надо думать, увлекательное время. Один из них, Энтони Дж. Джилпин, занимавшийся в своем заключительном (1933–1934) учебном году под руководством Кейнса, писал родителям: «Лекции

по экономической теории в этом году, судя по всему, состоят главным образом из развития или опровержения теорий, которые нам преподавали в прошлом году. Шоув крушит Маршалла; Кейнс нападает на Пигу; Робертсон не соглашается с Кейнсом и предоставляет аудитории решать, кто прав; настырная леди, госпожа Джоан Робинсон, старается объяснять, почему они между собой не согласны. Это интересно, но путано»[52].

5. Средства для процветания

По мере роста доверия к его рассуждениям и оценкам Кейнс стал выносить на обсуждение свои предложения по выработке экономической политики для 1930-х гг. К осени 1932 г. кратковременное британское восстановление выдохлось. Реальные процентные ставки резко снизились, но после сопровождавшего девальвацию всплеска экономической активности производство упало в августе — сентябре 1932 г. до самой низкой точки (хотя это падение было далеко не таким глубоким, как в 1921 г.), и безработица с января 1931 по май 1933 г. по-прежнему превышала 20 процентов застрахованной рабочей силы. Происходило это несмотря на «атмосферу доверия», которую создавали Национальное правительство с его бездефицитным бюджетом и консервативное большинство. Так выглядело в реальной жизни описанное Кейнсом равновесие безработицы. Теперь он располагал намного более прочным теоретическим основанием для утверждений, что увеличение правительственных расходов — это единственный путь к полной занятости: ибо при частных расходах, столь придавленных сокращением национального дохода, откуда могли взяться спонтанно действующие силы восстановления?

В конце 1932 г. Кейнс поставил важный вопрос: «Станет ли к середине 1933 г. очевидно, что нынешний обвал имеет ту же природу, что и резкие спады, происходившие в прошлом, и отличается от них лишь глубиной, так что постепенно он будет преодолен под действием естественных сил

и собственной упругости экономической системы? Или после скромного ответного подъема и сомнительных надежд на восстановление мы снова погрузимся в трясину?»[53] Он мало сомневался в ответе. С этого времени его предписания экономической политике определяются убеждением, что никакого выхода из депрессии не будет, если правительства не примут мер для повышения спроса в масштабах всего мира. Он, конечно, не сбрасывал со счетов возможность «какого-нибудь случайного события», которое даст «спекулянтам средства и вдохновение»[54]. Но это не тот «действенный внутренний механизм», на который полагались экономисты-классики. Окончательный приговор 1930-м все же не был вынесен. Депрессия в Англии достигла наибольшей глубины в последнем квартале 1932 г. Под воздействием преимущественно рыночных сил в Англии и ряде других стран происходило восстановление, оказавшееся глубже и длившееся дольше, чем ожидал Кейнс (оно не прерывалось до 1937 г.). Это по крайней мере оставляет открытым вопрос, могла ли кейнсианская политика достичь в Англии гораздо большего, с учетом докейнсианского климата ожиданий и децентрализованной системы принятия экономических решений. Американское восстановление при Новом курсе было несколько менее успешным, чем британское. Одна лишь гитлеровская Германия триумфально оправдывала кейнсианскую экономическую политику, но только в полувоенных условиях в сочетании с ужасами террора. Основным каналом закулисного влияния Кейнса служил Комитет экономической информации, сохранившийся осколок Экономического консультативного совета. Стэмп был председателем, а в его состав, помимо Кейнса, входили Ситрин, Коул, сэр Альфред Льюис (из *Национального провинциального банка*), Хьюберт Гендерсон, сэр Артур Солтер (только что оставивший пост директора Экономического и финансового отдела Лиги Наций) и сэр Эрнест Саймон. Заседания посещали два служащих Казначейства — сэр Фредерик Лис-Росс с 1932 г. и сэр Фредерик Филлипс с 1935 г. Свой первый регулярный '*Обзор экономического положения*' Комитет издал в марте 1932 г. По воспоминаниям Артура Солтера,

приблизительно двадцать докладов (почти все согласные в своих оценках), объемом каждый около двадцати страниц, досконально обсуждались и тщательно готовились... О мерах, которые настоятельно предлагались правительству, скажу только... что на этих рекомендациях лежал отпечаток Кейнса, что они в основном расходились с официальной политикой, проводившейся, в сущности, под совместным давлением Казначейства и Английского банка, и что сейчас [1967 г.], я думаю, все согласились бы, что в этих расхождениях прав был Комитет, а официальная политика была ошибочной[55].

Влияние Кейнса скоро стало ощутимым. В первом обзоре положения в стране, представленном Комитетом в ноябре 1932 г., политика бездефицитного бюджета, сокращение программы общественных работ и урезания заработной платы и пособий по безработице были подвергнуты критике как дефляционные меры; подчеркивалось, что если такие меры могли быть необходимы для преодоления финансового кризиса, то теперь пришло время, когда надо «политику дешевых денег поддержать более либеральной бюджетной политикой»[56]. Кейнс развернул также свою общественную кампанию. Он чувствовал интуитивно, что настал психологический момент для нанесения удара. Письма, опубликованные в октябре в '*Таймс*', показывают, что экономисты раскололись на два лагеря с опорными пунктами, соответственно, в Кембридже и ЛШЭ. 17 октября было напечатано письмо за подписями Пигу, Д.Г. Макгрегора, Кейнса, Лэйтона, Солтера и Стэмпа, которые утверждали, что экономия на потреблении ведет к безработице. При низкой степени уверенности сбережения не перетекают автоматически в инвестиции, а ведут к сокращению национального дохода. Так что следует поощрять государственные вложения. Среди последовавших критических откликов главным было письмо от ЛШЭ за подписями Т.Э. Грегори, Хайека, Арнольда Планта и Лайонела Роббинса, высказывавшихся в поддержку политики бездефицитного бюджета. Кейнс и его единомышленники ответили 21 октября, заявив, что это иллюзия — думать, будто деньги, отложенные сегодня, являются деньгами, которые будут доступны для расходов завтра, когда

вернется уверенность. «Поскольку труд и капитал бездействуют, постольку ресурсы, имеющиеся для выплаты доходов их обладателям, не сохраняются; они просто не возникают»[37]. Чувствуется влияние идей Кейнса на это коллективное заявление.

В радиобеседе со Стэмпом 11 января он выдал два удачных изречения: «*Уделите внимание безработице, и бюджет уделит внимание самому себе*», — и «*Нам следует экономить, если мы хотим иметь здоровые расходы, и нам надо тратить, если цель — здоровые накопления*».

В начале 1933 г. он почувствовал, что пора переходить в наступление. 22 февраля он написал Джеффри Доусону: «В последние день-два у меня появилось большое желание написать о нынешнем положении две или три статьи, которые я предложил бы вам для '*Таймс*', а потом, возможно, в течение недолгого времени превратил в брошюру». Он брался за перо с целью оказать влияние на принимаемый в апреле бюджет и на Международную экономическую конференцию, которая должна была собраться в Лондоне в июне. За четыре статьи Доусон предложил заплатить 60 фунтов, двойной против обычного гонорар (хотя в '*Дейли мэйл*' Кейнсу за каждую статью платили 100 фунтов). 27 февраля в Берлине запылал Рейхстаг. Поскольку все внимание газеты было захвачено этим возмутительным актом насилия, публикация статей Кейнса, предлагавших «средства для процветания», в число коих сожжение парламентов не входило, была отложена до 13–16 марта. Но еще до этого срока подборка уже набранных статей Кейнса попала к новому американскому президенту Франклину Рузвельту. Несколько позже в том же месяце вышла в свет и брошюра — '*Средства для процветания*'. Ее американское издание, появившееся в апреле, было дополнено материалом «Мультипликатор», который 1 апреля, в День всех дураков, был опубликован в '*Новой станции*' (так в Кембридже прозвали новую газету, незадолго перед тем образовавшуюся из слияния '*Нью стейтсмена*' и '*Нации*').

Несмотря на то что статьи Кейнса по духу были более мрачными и по стилю более жесткими, чем подобные

его писания 1920-х гг., на публику они оказали сенсационное воздействие. Тут уже не было языковых красот и изящных парадоксов, которыми отмечены '*Экономические последствия мистера Черчилля*' или '*Может ли Ллойд Джордж сделать это?*' Блумсберийские остроты, выпады против глупых банкиров и тупых политиков и т.п. уступили место совершенно серьезному, без всяких прикрас, разговору по делу; возможно, он чувствовал, что мировая депрессия — болезнь слишком серьезная, чтобы подходить к ней с юмором. В свои пятьдесят *enfant terrible* приобретал *gravitas*. С этого времени он стал умерять свое иконоборчество, по крайней мере публично. Брошюру выпустило издательство *Макмиллан*, а не *Хогарт-пресс*, что по-своему символизировало смену желательной для автора аудитории. '*Средства для процветания*' отличались также от прежних брошюр гораздо меньшим провинциализмом, как то и приличествовало условиям мира, пребывавшего в депрессии. Рецепты для Англии выписывались с явным учетом необходимости восстановления мирового спроса, и итогом всех рассуждений оказался план мировой рефляции. Статьи, иными словами, ознаменовали рождение Кейнса как международного деятеля; или, вернее сказать, возрождение государственного деятеля Кейнса, гораздо более зрелого, чем он был в 1919 г., когда впервые пытался законодательно предписать миру возврат к процветанию. Новым был и поиск согласия. Теория мультипликатора была его особым, собственным вкладом в обоснование предлагаемого международного плана, но сам план основывался на работах Гендерсона и других авторов и был близок к тому, чтобы стать точкой зрения Казначейства. Кейнс выбрался также из туннеля '*Трактата*'. На заднем плане теория присутствовала, но работа, проделанная им в течение предыдущего года, позволила ему выражать простые идеи напрямую.

Начало брошюры было, однако, выдержано в свойственном ему ключе. Происхождение мировых невзгод следует-де связывать не с материальной разрухой, а с «отказом в работе нематериальных умственных устройств» — проще сказать, с отсутствием «ясности в мыслях». Чтобы попра-

вить положение, необходимы «сочетание экономической теории с искусством государственного руководства... политическая экономия»[58]. Далее он использовал теорию мультипликатора (впервые так названного) для опровержения двух главных возражений против государственных расходов за счет заемных средств: «незначительная прибавка занятости» и «перенапряжение национального и местных бюджетов»[59]. Чтобы оценить значение мультипликатора, «следует просто прикинуть... какая доля наших обычных расходов становится чьими-то доходами и какая доля этих доходов расходуется. Ибо перемножение этих двух долей дает нам отношение первого последствия к первичному эффекту... Затем мы можем просуммировать весь ряд последствий...»[60] Кейнс высчитал, что для Британии мультипликатор равен 2; по причинам, на которые указывал Кан[61], для Америки мультипликатор должен был превышать 2. В статью Кана Кейнс внес несколько уточнений. Его разработка представлена в понятиях изменений национального дохода, так же как и занятости, что почти сводится «к одному и тому же»[62]. Он подчеркивал благоприятные международные последствия: благотворные действия Британии будут «дважды благословенны», поскольку за счет возросшего национального дохода она сможет покупать больше иностранных товаров, перенося действие мультипликатора внешней торговли на другие страны[63]. Он упростил расчеты, исключив из них последствия для цен, пока «наше средство не станет приносить больших успехов»[64]. Как и во время проводившегося Либеральной партией обследования промышленности, он предложил разделить бюджет на счета капитала и доходов[65]. Он утверждал, что тот же принцип, согласно которому умножается начальное сокращение расходов, ведет и к умножению любого их увеличения. «Как скромный начальный импульс смог вызвать такие разрушительные последствия, так и умеренный импульс, данный противоположному движению, поразит своим содействием восстановлению. Здесь нет никакого волшебства, никакой тайны, только надежное научное предвидение»[66]. Вместе с тем Кейнс стал испытывать странную неуверенность при выполнении даже про-

стых арифметических расчетов. «Я надеюсь, что не делаю никаких грубых ошибок, — писал он Кану, который в это время читал лекции по тому же предмету в Америке. — Хочется, чтобы ты был здесь и выглядывал у меня из-за плеча».

Во второй и третьей статьях он ставил вопрос об уровне мировых цен и разъяснял свой план их повышения. В этой части его план был нацелен главным образом на уменьшение долгового бремени, что было особенно важно для производителей первичной продукции: в большой части мира восстановление прибылей должно было повлечь за собой восстановление спроса. Его план мирового восстановления был разработан совместно с Хьюбертом Гендерсоном и Бэзилом Блэкеттом в одной из бесчисленных консультативных комиссий Макдональда[67]. Пару месяцев он потратил на тщательное изучение различных его вариантов и на страницах '*Нью стейтсмена*' от 24 декабря 1932 г. сумел выразить их суть живее и ярче, чем в статьях, написанных им для '*Таймс*':

> Что за чудодейственная сила позволяет разбудить спящую красавицу, забраться на стеклянную гору и не скатиться вниз? Если каждое казначейство, заглянув в свои подвалы, обнаружит там тайник с запасами золота, соразмерными с масштабами экономической жизни страны, разве не заработает та же чудодейственная сила? Так почему не сотворить этот тайник? Мы долго печатали золотые деньги на национальной основе. Почему же не печатать их для международного обращения? На всем белом свете не найти причин, почему не следует этого делать, стоит только избавиться от паралича наших рук и унылой неповоротливости наших умов[68].

Идя на уступки ортодоксии, Кейнс предложил возродить, с некоторыми изменениями, золотой стандарт. Для успокоения центральных банков авторитетному международному учреждению следует создать дополнительные мировые резервы за счет выпуска золотых сертификатов на сумму до 5 миллиардов долларов, которые всеми договорившимися странами принимались бы в качестве международных платежных средств. Каждой стране была бы выделена

квота, равная ее золотым запасам в 1928 г. В обмен на предоставленные им квоты золотых сертификатов потребовалось бы их согласие на возвращение к золотому стандарту, правда в пределах более широких, чем эти квоты (Кейнс предложил 5 процентов) и с подлежащими регулированию паритетами; они должны были бы отказаться от ограничений валютного обмена, снизить свои тарифы, отменить импортные квоты и эмбарго на вывоз капитала, списать причитающиеся долги. Кейнс смягчился в своем представлении о золотом стандарте как о «пережитке варварства». Теперь он писал: «Пережиток варварства, с которым во многом связываются традиции и престиж, может иметь символическую или обычную ценность, если его встроить в структуру новой управляемой системы. Такие преобразования суть обычная отличительная особенность тех конституционных перемен, которые совершаются без революции»[69]. Кейнс уже мечтал о некой постоянной системе: «Должна быть эластичность количественного объема дополнительных располагаемых резервов, так чтобы они работали не в качестве чистой добавки к всемирному предложению денег, а как уравновешивающий фактор, то есть деньги будут предоставляться при уровне цен ненормально низком, как сейчас, и забираться назад, если цены чересчур повысятся»[70].

Брошюра кончалась его ставшим уже обычным предупреждением: если подобные меры не будут приняты, «нам следует ждать последовательного слома существующей структуры контракта и инструментов задолженности, сопровождаемого полнейшей дискредитацией сложившегося руководства в финансах и правительстве с непредсказуемым конечным результатом»[71].

Статьи Кейнса открыли путь к пониманию кейнсианской революции общественностью. Они вызвали широчайшие дискуссии, которые захватили несколько стран. Экономисты и политические деятели начали бросаться кейнсианскими понятиями так, будто были с ними знакомы всю жизнь. Острые разногласия разделили «экспансионистов» и «желавших все это пересидеть». Редакционная статья в '*Таймс*' от 13 марта была сдержанно благосклонной; авторы

множества писем, напечатанных в последующие дни, были настроены главным образом в пользу Кейнса; в числе этих писем было одно, составленное Роем Хэрродом и подписанное тридцатью семью университетскими преподавателями экономической теории. От ЛШЭ ни одной подписи не было. Сэр Джошиа Стэмп высказался за дефицитный бюджет. Кассель в Швеции поддержал его. Сэр Артур Солтер писал в '*Манчестер гардиан*' от 21 марта, что Кейнс «выразил широко распространенное и теперь почти преобладающее мнение — как обычной публики, так и экспертов, — что пришло время расширять государственные капиталовложения...»

Как обычно, статьи Кейнса стали предметом пристального изучения в Казначействе и Английском банке. Новое поколение служащих Казначейства — особенно сэр Ричард Гопкинс и сэр Фредерик Филлипс — были настроены в пользу Кейнса гораздо больше, чем сэр Отто Нимейер в 1920-е гг., но они все еще чувствовали себя обязанными отклонять его предложения. «Одно серьезнейшее возражение, — заносил в протокол Филлипс, бывший организатором обсуждения, — связано с задержкой во времени. У Кейнса вся суть в необходимости немедленных действий, тогда как мы прекрасно знаем, что общественные работы не могут быть начаты ранее чем через год и не развернутся в полную силу до истечения трех лет»[72]. Отвечая своим критикам в '*Таймс*' от 5 апреля, Кейнс пытался отбивать нападение по этой линии, перенося в своих предложениях упор с увеличения правительственных расходов на уменьшение налогов. Это дало бы большую выгоду, позволив избежать задержки и подхлестнуть расходы, идущие по «бесчисленным обычным каналам». Филлипс поставил под сомнение бюджетные выкладки Кейнса. «Вероятно, намечаемый им процесс лучше было бы описать как умозрительные наметки на получение сбалансированного бюджета в будущем, спустя много лет, вопреки дефициту, образуемому в начале периода». Филлипс вернулся также к прежним возражениям Казначейства, утверждавшего, что доводы Кейнса имели бы силу только в том случае, «если бы имелись большие неиспользуемые сбережения и если бы они могли быть направлены в

инвестиции посредством выпуска первоклассных ценных бумаг, при этом без долгосрочного повышения процентной ставки»[73]. В конце концов не кто иной, как Гендерсон, вскрыл несостоятельность этого направления критики, справедливо указав, что в предложениях Кейнса не предполагались бездействующие банковские вклады. Главное возражение против плана Кейнса, говорил Гендерсон, состоит в том, «что любое существенное увеличение внутренней деловой активности в Англии, если оно не сопровождается такими же быстрыми сдвигами в других местах, породит тенденцию к увеличению импорта и образованию отрицательного сальдо торгового баланса...»[74]

> Вы [писал Кейнсу Гендерсон 28 февраля] часто повторяете: «Разговоры об уверенности — вздор; уверенность зависит от наличия заказов». Очень может быть. Но я утверждаю, что, если вы объявите программу, предполагающую вложения на 200 миллионов фунтов, ни одного заказа под нее вы не получите по крайней мере в течение года, тогда как курс первоклассных акций и подобных им бумаг поднимется немедленно, едва вы об этой программе заявите. Порочный круг может, таким образом, возникнуть и замкнуться, прежде чем дела вообще тронутся с места, чтобы выйти на круг добродетели. Поэтому я, вообще говоря, очень сильно возражаю против представления об общественных работах как о главном средстве лечения от наших нынешних бед[75].

Предложения Кейнса изучались параллельно с подготовкой бюджета. 17 марта Чемберлен выразил желание с ним встретиться. «Неужели дрогнули стены Иерихона?» — спросил Кейнс Ричарда Кана. Он всячески старался дать властям решающий толчок. Возродите национальный доход, советовал он Чемберлену 5 апреля, — и в казну потекут средства; позволите ему сократиться, — и с бюджетом все время будете иметь проблему. «К сожалению, чем политика канцлера пессимистичней, тем вероятнее, что пессимизм возобладает в ожиданиях, и наоборот. О чем бы канцлер ни возмечтал, все так и будет»[76]. Чемберлен все еще мечтал об экономии. В своей бюджетной речи 25 апреля он осудил

«тех, кто, притязая на авторитетность» своих суждений, толкует о дефицитном бюджете как о средстве спасения. Со временем стремление добиваться сбалансированного бюджета наполнилось великим оптимизмом в виде надежды, что сокращение налогов приведет к росту бюджетных поступлений. Но что произойдет с частными расходами, «если публика догадается, а она непременно догадается, что сегодняшние расходы надо сейчас же чем-то покрывать?» Испытание напряженностью Британия выдержала лучше любой другой страны благодаря своему бездефицитному бюджету. Теперь ей предлагается прочь отбросить это свое преимущество, и именно тогда, когда пришло время пожинать его плоды и когда другие правительства последовали британскому примеру». «Ни один министр финансов, — сурово заметил Чемберлен, — никогда сознательно не доводил свой бюджет до дефицита». В откликах Английского банка упор делался на международные последствия: «Примечательно отсутствие в предложениях Кейнса каких-либо соображений об их вероятном влиянии на обменный курс стерлинга»[77]. Как и следовало ожидать, Банк возразил против передачи управления восстановленным золотым стандартом в руки международного учреждения.

В истории кейнсианской революции '*Средства для процветания*' — ключевой документ. С анализом текущих задач, основанным на теории мультипликатора, кейнсианская революция приблизилась к победе на уровне практической политики. И действительно победила во время и после войны. Абстрактный спор на тему о том, обладает ли экономика долгосрочно действующими способностями к самостабилизации, был отодвинут в сферу академических дискуссий. Самые содержательные из оставшихся сомнений касались только возможности применить новую теорию и психологических последствий ее применения.

Впоследствии историки исследовали эти вопросы. По их оценке, в начале 1930-х гг. мультипликатор был намного меньше 2 (ближе к 1), и они утверждают, что те недоборы налогов и отрицательные торговые балансы, которые были необходимы, чтобы ощутимо повлиять на показатели занято-

сти, быстро привели бы к большому финансовому и политическому кризису, который потребовал бы либо отказа от этой политики, либо перехода к экономике, полностью контролируемой государством по образцу нацистской Германии[78].

6. Хвала домотканым изделиям

17 апреля 1933 г. Кейнс прибыл с двухдневным визитом в Дублин, впервые после 1911 г.; он должен был прочитать в университетском колледже серию лекций, посвященных памяти Финлэя. Темой он выбрал '*Национальную самообеспеченность*'. Почти в точности следуя своим статьям в '*Таймс*', Кейнс прошелся по всему кругу от Адама Смита до Фридриха Листа, немецкого основателя экономического национализма, или — для умов, настроенных на современность, — до доктора Шахта, экономического повелителя нацистской Германии. В действительности на протяжении некоторого времени Кейнс направлял свою мысль по обеим не соединявшимся у него линиям — интернационализма и национализма. В своей дублинской лекции он приводил четыре основных довода в пользу большей национальной самообеспеченности. Во-первых, он не был «убежден, что экономические преимущества международного разделения труда сегодня сколько-нибудь сопоставимы с прежними... Накапливается опыт, свидетельствующий, что самые современные процессы массового производства с почти одинаковой эффективностью могут протекать в большинстве стран и климатических условий... Более того, по мере увеличения богатства относительно сокращается в народном хозяйстве роль производства как первичных продуктов, так и готовых изделий, по сравнению со зданиями, личными услугами и местными удобствами, которые не являются предметами международного обмена...»[79]

Во-вторых, он прямо заявил, что свободная торговля, в сочетании с международными движениями капитала, способна скорее вести к войне, чем укреплять мир. Особенно во времена напряженности «иностранная собственность на на-

циональные активы» с высокой вероятностью будет «рождать напряжения и вражду», что, как он намекал, привело к войне в 1914 г. Поэтому: «Я сочувствую... скорее сторонникам уменьшения, чем расширения экономических связей между странами. Идеи, знания, искусство, гостеприимство, путешествия — все это по природе вещей должно быть международным. Но позвольте продукции быть домотканой всякий раз, когда это разумно и достаточно удобно; и прежде всего пусть по преимуществу национальными будут финансы»[80].

В-третьих, Кейнс выдвигал доводы в пользу «политико-экономического» эксперимента: «У каждого из нас свое воображение. Не будучи верующими, мы уже спасены, каждый хотел бы сам творить свое спасение. Мы не желаем поэтому полагаться на милость мировых сил в создании или попытках создать некое единообразное равновесие в соответствии с идеальными принципами капитализма, опирающегося на *laisser-faire*»[81].

Наконец, очевидно, что система экономической расчетливости, превратившая «все течение нашей жизни... в некую пародию на кошмар бухгалтера», терпит крах с точки зрения ее собственных понятий. В порыве викторианской высокопарности Кейнс заявлял:

> Нам надлежит оставаться бедными, потому что быть богатыми «невыгодно». Мы должны жить в лачугах не потому, что мы не умеем строить дворцы, а потому, что не можем их себе «позволить»... Мы уничтожаем красоту сельской местности, потому что никому не отданная в частное владение роскошь природы не имеет никакой экономической ценности. Мы готовы погасить солнце и звезды, потому что они не выплачивают дивидендов. Лондон — один из богатейших городов в истории цивилизации, но и он не может «себе позволить» тех высших достижений, на которые способны живущие в нем граждане, потому что это «невыгодно».
>
> Будь у меня в руках власть, я, конечно же, должен был бы сегодня взяться за наполнение наших главных городов всеми высшими достижениями искусства и цивилизации... в убеждении, что способные это создавать могут себе это позволить, и считая, что такой способ тратить деньги не только луч-

ше любых расходов на выдачу пособий, но и делает всякое пособие ненужным. Ибо с теми средствами, что пошли у нас после войны на выплату пособий, мы могли бы сделать наши города величайшими в мире творениями человека.

...Сегодня нас терзает разочарование не потому, что мы стали беднее... а потому, по-видимому, что в жертву принесены другие ценности... и это жертвы напрасные. Ибо наша экономическая система действительно не позволяет нам в полной мере использовать экономическое богатство, создаваемое прогрессом нашей техники... и заставляет ощущать, что прирост наших средств мы с тем же успехом могли бы пустить на другие цели.

Но едва мы позволяем себе не слушаться предписаний бухгалтера, сообщающего о наличии прибыли, как начинаем тем самым менять нашу цивилизацию[82].

Обрушив на капиталистическую цивилизацию эти обвинения в духе Рёскина, Кейнс завершил свое выступление несколькими словами, предостерегавшими против глупости, поспешности и нетерпимости. Но выдержать должный баланс не получилось. Возможно, в порядке самооправдания он писал: «Слова пришлось выбирать несколько дикие, ибо они служили наступлению мысли на отсутствие мысли. Но когда власть и права достигнуты, места для поэтической вольности оставаться не должно». Кейнс, как газель, перепрыгивал из одной модальности в другую. Разве он не видел, что мрачно настроенные духи могут оказаться неспособными осуществить переход к новому? Или он полагал, что во власти всегда будут газели? В тот раз он ближе, чем когда-либо, подошел к одобрению коммунистических, или фашистских, взглядов на экономику. Фашистский лидер Освальд Мосли поздравил его с преображением. Кейнс ответил, что его намерением было «не обняться с вами, а спасти от вас страну»[83].

Джеймс Михан в своей биографии Джорджа О'Брайена, который пригласил Кейнса, живо рассказывает о его первой лекции:

Первую лекцию памяти Финлэя на тему «Национальная самостоятельность» Кейнс читал в Театре физики в Эрлскорте... Посещаемость Финлэевских чтений всегда была высокой, но на сей раз многочисленность аудитории побила все рекор-

ды. Присутствовали почти все члены нового правительства. Во главе с г-ном де Валера они сидели по одну сторону театра как можно дальше от другой, где разместились члены правительства, на смену которому они только что пришли. Ожидалось (не помню, на каком основании), что лектор осудит политику протекционизма с ее высокими тарифами, которые внесли свой вклад в Великую депрессию. Поэтому улыбками и уверенностью в себе одна сторона театра светилась гораздо больше, чем другая. Но когда Кейнс неожиданно выказал свое благосклонное отношение к возведению защитного экономического вала, особенно когда он заявил: «Будь я ирландцем, я должен был бы найти для себя много привлекательного в экономических планах вашего нынешнего правительства, нацеленных на достижение большей самообеспеченности», — улыбки на одной стороне сникли, а на другой расцвели.

Михан имеет в виду, что дублинская лекция Кейнса, как, в сущности, и сам его визит в Ирландию, имели политическое значение. Все это происходило в разгар так называемой торговой войны между Англией и Ирландией. Когда в 1932 г. де Валера сменил Косгрэйва, он отказался присягать на верность генерал-губернатору и отправил его на загородную виллу, лишив всех полномочий и привилегий; он также прекратил установленные годовые выплаты земельной ренты Британскому правительству. Англия приняла ответные меры, наложив экономические санкции в виде пошлин на сельскохозяйственные товары; Ирландия ответила введением пошлин на ввоз угля и готовой промышленной продукции из Британии. То, что Кейнс появился в Дублине в качестве экономического националиста, понравилось ирландскому правительству, но вызвало раздражение у британцев. Вполне естественно, что сам Кейнс видел себя миротворцем. 29 апреля он писал Стэмпу:

В целом мои замечания сводились к оправданию движения к большей самообеспеченности. Поскольку, однако, де Валера собирался сделать ряд глупостей, я боялся, что мои слова могут быть восприняты как оказание ему неуместной поддержки. Поэтому я включил в свое выступление определенное предупреждение, относящееся к ирландским условиям.

Кейнс имел долгую личную беседу с де Валера, «который произвел на меня явно благоприятное впечатление... я был очень рад обнаружить, что его мысли уходят от безумных планов насчет пшеницы к замыслам, касающимся торфа, которые, во всяком случае, безвредны, а вполне могут обернуться и успехом». С другой стороны, Косгрэйв был «таким либералом девятнадцатого столетия!»[84]

Кейнсу пришлось проходить по обычному кругу изнурительных светских мероприятий: завтрак с вице-губернатором; пресс-конференция; обед с управляющим Банка Ирландии и так далее. Нашлось время повидать своего друга Джорджа Томсона Кинга. Лекция 19 апреля сопровождалась данным в его честь О'Брайеном обедом, на который тот «пригласил» по подсказке Кейнса нескольких самых видных острословов Дублина. По словам О'Брайена, это обернулось полным провалом. Остряков было слишком много, и слишком много говорил Гогарти*. Вдобавок ко всему в разгар трапезы Кейнса позвали к телефону. Вернувшись, он сказал: «Вам, может быть, интересно будет узнать, что Соединенные Штаты только что расстались с золотом». Приличествовавшую моменту короткую паузу нарушил Гогарти: «А что, это имеет какое-то значение?»

7. Прощай, конференция

29 июня 1933 г. Лидия Лопухова благословила мрачную кончину Международной экономической конференции своим последним выходом на балетную сцену. Это была устроенная ее мужем Мейнардом Кейнсом гала-постановка *Коппелии* в Ковент-Гардене. Когда ей исполнилось сорок, Лидия решила, что пора снять балетные туфли. Это гала-представление было также последним актом в деятельности *Общества Камарго. Общество* не только продлило танце-

* Оливер Джозеф Сент-Джон Гогарти, ирландский поэт, славившийся непотребным поведением в обществе; прообраз «сановитого, пухлого Быка Маллигана» в '*Улиссе*' Джойса.

вальную карьеру Лидии, но и дало ей стержень в жизни после неудачи с рождением ребенка в 1927 г. Она обожала свои «русские обеды» в доме 46 на Гордон-сквер, за которыми гости, подогреваемые винами Мейнарда, весь день обменивались сплетнями из мира балета, обсуждали замыслы новых постановок и болтали на политические темы. В этих случаях она порой служила эксцентричным проводником идей Мейнарда, повторяя, как попугай, что «повышение цен поднимает уровень занятости», только «я не знаю почему»[85]. Вера Боуен в основном выпала из ее жизни; Сэм Курто, жена которого Лил умерла от рака в конце 1931 г., оставался преданным поклонником. Но в ее постоянную компанию этого времени входили люди, составлявшие оплот *Камарго* — Нинетт де Валуа, Фред Эштон и Констан Ламберт. С завершением ее балетной карьеры они с Мейнардом готовились приступить к очередной азартной игре — ее выступлению в роли Оливии в *Двенадцатой ночи* Шекспира.

Гала-постановка, от которой Мейнард выручил 314 фунтов, оказалась делом более выгодным, чем конференция — самая бесплодная международная встреча межвоенных лет. Делегаты от шестидесяти шести стран, собравшиеся 12 июня в Геологическом музее в Южном Кенсингтоне и теперь заполнявшие большие ложи Ковент-Гардена, исполняли свои механические танцы, подобно заводным куклам в мастерской Коппелиуса, так что никакая сила не могла вытолкать их в жизнь. На открытии Макдональд туманно высказался насчет сокращения военных долгов, которые все они согласились не обсуждать. В этом увидели скорее старческую забывчивость, чем злой умысел. У англичан был свой план — так называемый *План Киша*, представлявший собой смягченную версию предложений Кейнса — Гендерсона и предусматривавший перемещение золота из Америки и Франции в другие страны, с тем чтобы они имели возможность участвовать в мировой торговле. Американцы и французы, естественно, возразили, и план не был принят. Французы, возглавлявшие золотой блок в Западной Европе, хотели восстановить международный золотой стандарт, что, так же естественно, было отвергнуто англичанами, а теперь и

только что отказавшимися от опоры на золото американцами. Американцы поддержали идею международных общественных работ, которую отклонили англичане. Конференция осталась без повестки дня.

Кейнс пытался вдохнуть в нее жизнь, предложив собственный план. Решение Америки отказаться от золотого стандарта захватило его врасплох. «Мои небольшие предложения слишком скромны и умеренны для этого сумасшедшего мира, — сказал он матери 23 апреля. — Похоже, нет никакой разницы между правительством, которое вообще ничего не делает, и тем, которое бросается головой в омут». Но у него всегда находились решения. Он освещал работу конференции для '*Дейли мэйл*' и изложил свой план в номере от 27 июня, послав по экземпляру Невиллу Чемберлену и Монтегю Норману. В качестве первого шага к стабилизации *de facto* план Кейнса предполагал девальвацию всех ведущих валют относительно золота на 20–33 процента. Казначейства стран-участниц должны были бы отбирать у банков прибыли сверх нормальных и тут же направлять их на финансирование общественных работ или на уменьшение налогового бремени. За ростом золотых резервов последовала бы отмена ограничений импорта и валютного обмена. Пять процентов от прибыли стран с большими запасами золота были бы помещены в общий фонд помощи странам-должникам. Эти подновленные идеи имели целью дать Англии и Америке общую основу действия, но кое-что они предлагали также золотому блоку и странам-должникам[86]. Тем временем президент Рузвельт отправился на рыбалку и вернулся с собственными замыслами. 3 июля делегаты, включая посланцев самого президента, были ошеломлены поступившей от него директивой-«бомбой», отметавшей всякие попытки стабилизировать валюты, эти «фетиши так называемых международных банкиров». Несмотря на то что послание Рузвельта хоронило его собственный план, Кейнс заявил, что «президент Рузвельт делает великолепно правильный» выбор пути к управлению национальной валютой, но при этом выразил надежду, что он не станет отвергать разумного сотрудничества между Федеральным резервным банком Нью-Йорка и Английским бан-

ком. Угрозы золотого блока покинуть конференцию Англия должна оставить без внимания и объединиться с Соединенными Штатами в образовании «блока стерлинга — доллара, который посвятит себя экономическому прогрессу и восстановлению экономического здоровья». Ибо пример Соединенных Штатов

> призывает нас задуматься, не можем ли мы, не сокрушая унаследованного нами общественного строя, опираясь на здравый смысл в союзе с научной мыслью, добиться чего-то лучшего, чем злосчастная сумятица и невообразимая потеря возможностей, на которые обрекла нас упрямая приверженность старым сковывающим правилам. И тут нет места для тревоги. Всеми средствами, какие есть в нашем распоряжении, мы должны добиться, чтобы люди работали в ожидании, когда цены поднимутся до уровня, соответствующего нашим долгам и другим обязательствам, закрепленным в денежной форме; а после этого мы должны будем следить за поддержанием устойчивости покупательной способности наших денег... Воистину для нас это единственно возможное средство, каким можно сохранить структуру контракта и вернуть веру в монетарную экономику[87].

Всегда оптимистично настроенный Кейнс придумывал для Рузвельта его программу. Вскоре ему предстояло с полным основанием сказать, что представление о конечном пункте избранного маршрута у Рузвельта было не более четким, чем у летчика довоенного времени.

На протяжении месяца конференция по большей части пребывала в коме. 4 июля Кейнс обедал с премьер-министром и участвовал в подготовке американского заявления, имевшего целью удержать ее на плаву. Но ее, в отличие от мировой экономики, вернуть к жизни было невозможно. 27 июля она была отложена *sine die*. Никакого чудодейственного средства спасения не нашлось. В своей последней статье Кейнс заявлял, что в многоголосице 66 стран согласия не будет никогда. Только «одна держава или группа держав-единомышленников» могли бы провести в жизнь какой-то план. Это стало для него никогда не забываемым уроком[88].

XXIX
Новые курсы

1. Социальные эксперименты

Любопытно, до чего сходны между собой ритмы 1920-х и 1930-х гг. И то и другое десятилетия начинались катастрофой; их спокойные годы были полны обещаний, обернувшихся обманутыми надеждами. На протяжении обоих десятилетий создавалось впечатление, что мир уходит от войны — и депрессии, соответственно, но все кончалось тем, что он откатывался назад — назад, соответственно, в депрессию и войну. Такие бедствия дискредитировали космополитические принципы невмешательства, управлявшие экономическими делами в девятнадцатом столетии — принципы, согласно которым рыночная капиталистическая экономика, предоставленная самой себе, должна давать рабочие места всем, кто хочет работать, и увеличивать всеобщее процветание, а значит, и устранять главные причины войны. Как отмечал Кейнс в серии своих статей о «национальной самообеспеченности», социальные эксперименты вошли в моду; все они, безотносительно к своему политическому происхождению, предусматривали увеличение роли правительства и сильно ограничивали роль свободной торговли.

Этими социальными экспериментами больше двигали мораль, геополитика и политическая идеология, нежели какие-либо достижения экономической мысли. На экономический кризис двадцатого столетия откликались идеями девятнадцатого века, пропущенными через опыт Первой мировой войны. Именно критики девятнадцатого столетия —

все те, кто по религиозным, либо моральным, либо стратегическим, либо социальным, либо эстетическим, либо племенным соображениям отвергал основанный на *laisser-faire* капитализм, — получили в межвоенный период свой шанс. Сама война правдоподобно приписывалась всемирной «схватке за рынки»; она показала, чего способны достигать правительства путем мобилизации ресурсов своих стран. Если они могут делать это в военных целях, почему не в мирных?

Кейнс часто выступал в традиции этих критиков капитализма девятнадцатого столетия. Так, Мини относит его к романтическому, противобентамовскому движению, представленному Кольриджем, Карлейлем, Арнольдом, Рёскином и прочими противниками викторианского капитализма[1]. Иные видели его наследником социалистического бунта против невыносимых условий труда в промышленности. Постоянно делались попытки примирить его с Марксом. Статьи из серии '*Национальная самообеспеченность*' тянут, похоже, к Фридриху Листу. Кейнса прочно связывали с выросшими во время войны механизмами централизованного управления — планированием, корпоративизмом, властью технократов. Все эти толкования Кейнса имели место хотя бы только потому, что любой критик девятнадцатого столетия обязан был в некоторых отношениях звучать в унисон со всяким другим его критиком. В своих стараниях убеждать Кейнс не пренебрегал ссылками на традиции, потому что убедительнее звучит то, что присоединяется к чему-то уже засевшему в народных умах. В то же время важно понять, что, по его собственному ощущению, он говорил о поведении экономики нечто совершенно новое, чего никогда не говорили и не думали прежде, кроме разве что Мальтуса; и такое, что, если оно будет принято, сделает большинство этих традиционных представлений излишними либо, по крайней мере, устранит их из центра научной мысли.

Ни один из критиков капитализма девятнадцатого столетия не был способен бросить эффективный вызов экономической теории *laisser-faire*, а именно поколебать ее главное утверждение, что предоставленная самой себе эко-

номика конкуренции и обмена, как правило, производит больший объем продукции и распределяет ее более эффективно, чем какая бы то ни было альтернативная система. Критикам не хватало интеллектуальных инструментов, чтобы оспорить внутреннюю логику этой аргументации. Они нападали на рыночную систему извне, объявляя ее противоречащей традиции, морали, социальному здоровью или безопасности нации. Маркс дал наиболее последовательную экономическую критику капитализма. Но и он не смог убедительно показать, почему «ограбление» рабочего класса классом капиталистов — даже если это можно наглядно показать — должно препятствовать созданию богатства или оптимальной занятости.

Всем этим критикам, говорил Кейнс, недоставало теории эффективного спроса. Роковой порок системы, указывал он, состоит в непостоянстве расходов относительно доходов; и это коренится в практике и целях использования денег. Результатом является то, что рыночная система подвержена продолжительным разрушительным бедствиям. Если некая политика сумеет склонить общество к тому, чтобы оно тратило столько, сколько производит, систему можно спасти. Таким образом, Кейнс был радикалом в своих экономических воззрениях и «умеренным консерватором» в принятых им социальных целях. Точки соприкосновения Кейнса с критиками из девятнадцатого столетия находятся в очень узкой области, границы которой определяются его теорией недостаточного совокупного спроса. Но тип вмешательства, которое он считал необходимым для восполнения этого изъяна *laisser-faire*, далеко не дотягивал до социальных революций, предлагавшихся в Европе и других местах; его целью было улучшить работу капиталистической рыночной системы, а не уничтожить ее.

Таков, стало быть, угол зрения, под которым следует рассматривать реакции Кейнса на различные современные ему попытки преодолеть межвоенный кризис капитализма. В Европе показательной формой таких попыток стал фашизм, в основе которого лежала геополитическая, а не экономическая идея. Утверждалось, что Европа задвинута в

тень возвышением Америки и России. Шпенглеровский '*Закат Запада*' (1917 г.) был некрологом старой европейской культуры соперничающих государств-городов, позднее государств-наций. Представлялось, что будущее принадлежит империям континентального масштаба. Европа должна быть объединена — если понадобится, силой, — чтобы сохранить ее образ жизни и средства для жизни. Приводившиеся в подкрепление экономические доводы, если их можно так назвать, состояли в том, что торговый обмен жизненными средствами, требующий пересечения политических границ, осуществим только для тех, кто отдаст себя во власть могущественных держав. Надежно обеспеченная самостоятельность доступна только очень большому государству. Если у вас нет достаточной территории, следует ее захватить. Отсюда устремление фашистов к строительству империй, что в случае Германии означало империю в границах континента. Легко понять, как для таких идей открывался путь к успеху в условиях распада мировой экономики. Но они ни в коем случае не были рациональным ответом на этот распад, потому что за них держались безотносительно к тому, как — хорошо или плохо — работала мировая экономика[2].

В Англии в объединении Европы, политическом или экономическом, добровольном или насильственном, видели угрозу, а не надежду. Собственная империя Британии угасала, но все еще сохраняла целостность; в Англии имперские экономические идеи предполагали переориентацию британской торговли на Британскую империю. Это лежало за пределами интересов Кейнса, но европейцем он чувствовал себя не больше, чем большинство его соотечественников. По-французски он всегда говорил неважно; его немецкий, оставаясь без употребления, совсем заржавел; ни на одном из этих языков он никогда не выступал, никогда не писал и скоро перестал следить за какими бы то ни было представленными на них серьезными дискуссиями. «Англия все еще держится вне Европы, — написал он в 1919 г. — Безмолвных страданий Европы она не воспринимает. Европа существует сама по себе, и Англия — это не ее плоть и кровь. Но Европа самодостаточна»[3]. В 1930-х Европа заговорила ужасающим

хриплым голосом, но это лишь углубило отчуждение Кейнса от континента.

Конечно, со времен службы в Казначействе и участия в Парижской мирной конференции у Кейнса сохранились добрые друзья-либералы. Беда была в том, что эти европейские либералы выступали против социальных экспериментов, тогда как люди, их одобрявшие, были противниками либерализма. Экономическая теория могла бы попытаться устранить это противостояние. Но, хотя в основных европейских странах имелись свои экономисты, им недоставало профессионально организованных теоретических исследований в англосаксонском смысле. Исключение составляли шведы и австрийцы, которые, однако, в значительной мере были оторваны от главенствующих континентальных традиций, хотя и не друг от друга. Французских экономистов Кейнс считал допотопными[4]. В Германии не было профессионалов, с которым он мог бы установить контакт. Вне круга экономистов-профессионалов у него были почитатели, вроде Владимира Войтинского, советника германских профсоюзов, пославшего ему в декабре 1931 г. копию своих предложений, направленных на повышение цен. По выражению Джона Гаррати, Кейнс воспринял их с «вежливым безразличием»[5]. В это время Мельхиор и экономист Бонн посоветовали ему не принимать приглашения выступить перед группой экономистов и промышленников в Берлине, поскольку это были «люди не совсем подходящие», чтобы Кейнсу с ними говорить[6]. Но никаких «подходящих» людей с «подходящими» идеями не находилось. Между тем в Германии за два года, к октябрю 1934-го, вновь получили работу три миллиона человек — половина всех недавних безработных, и молчание Кейнса по поводу *нового курса* Гитлера было оглушительным.

Причина в том, что гитлеровская программа восстановления была слишком плотно переплетена с империалистическими целями и террористическими методами, чтобы обладать для него какой-либо привлекательностью. Кейнс старался спасать либеральное общество, а не уничтожать его. Он не мог допустить никаких поблажек его врагам. «Гер-

мания — во власти необузданной безответственности», — написал он 15 июля 1933 г. И потом 19 сентября: «Сломленные телесно и духовно, [они] ищут спасение в возврате назад к методам и манерам Средневековья, если не Одина»[7]. Хотя по меркам наших дней Кейнс иногда выглядит антисемитом, его приводили в негодование поощряемые государством гонения на евреев в нацистской Германии. 25 августа 1933 г. он написал профессору Шпитгоффу, который устраивал публикацию немецкого перевода '*Национальной самообеспеченности*':

> Простите мне мои слова о варварстве. Но они точно выражают то впечатление, которое у всех нас здесь оставляют недавние события в Германии... По нашему мнению, сменилось уже много поколений с тех пор, как подобные позорные вещи творились в какой-либо стране, прикидывающейся, что она принадлежит к числу цивилизованных... Если скажете, что эти события произошли не по принуждению, а стали выражением общей воли... это, на наш взгляд, сделало бы некоторые из преследований и актов произвола, о которых мы слышим... в десять раз более ужасными[8].

Когда 14 октября Германия ушла с международной конференции по разоружению, он написал Лидии: «Скоро все окажутся перед выбором — либо разрешить Германии перевооружиться, как ей нравится, либо напасть на нее, если она этим займется. Омерзительно!» Кейнс ни разу не ездил посмотреть на «новую» Германию. Карл Мельхиор, подвергнутый антисемитским гонениям, умер в декабре 1933-го. Когда в 1934 г. мэр Гамбурга посетил Королевский колледж и пригласил Кейнса, он ответил: «После смерти моего друга... не осталось ничего, что могло бы завлечь меня в Гамбург»[9]. Он вошел в *Академический совет помощи*, основанный для содействия германским ученым, бегущим от преследований, и вносил деньги в его фонд.

В начале 1930-х то, что сейчас назвали бы кейнсианскими методами преодоления депрессии, испытывалось в Японии и Швеции. Маловероятно, чтобы Такахаши, япон-

ский министр финансов, особо вдохновлялся трудами Кейнса; но Эрнст Вигфорсс, министр финансов Швеции, шел именно этим путем; с предписаниями Кейнса он, возможно, считался больше, чем с идеями молодой шведской школы, представленной Линдалом, Мюрдалем и Олином, которые сами поддерживали контакт с Кейнсом, но никогда не переходили от Викселя с его монетарными рецептами восстановления нарушенного равновесия (или, по существу, от Кейнса с его '*Трактатом*') на позиции '*Общей теории*'. Кейнс держал досье, отражавшее ход событий в Швеции, но эта страна была чересчур мала, чтобы быть в центре внимания. В письме Маркусу Валленбергу из стокгольмского банка *Энскилда* он советовал не спешить с общественными работами и ратовал за консервативный бюджет, «если... он может быть полезен как промежуточная мера на пути к более низкой процентной ставке». Ибо «в конечном счете... ничто на свете не спасет капиталистический режим, кроме устойчивого понижения долгосрочной процентной ставки до уровня, на котором в современных условиях текущие сбережения могут еще прибыльно осваиваться в нормальном порядке»[10].

В Британии интеллектуальные круги больше увлекались притягательным примером России, особенно в 1930-е гг., когда капитализм оказался, как представлялось, на грани краха. '*Советский коммунизм: новая цивилизация?*' — спрашивали Веббы в своей последней пухлой книге, изданной в 1935 г. (Во втором издании вопросительный знак был опущен.) Реформистские надежды связывались с успехом капитализма в создании богатства. Его неудача в начале 1930-х многих убедила в том, что сохранить себя он может, только прибегая к варварским методам; и в том, что для дальнейшего прогресса требуется его упразднение; и в том, что советский эксперимент центрального планирования экономики, находящейся в общественной собственности, всем указывает путь вперед. Кейнс заигрывал с советским коммунизмом как с «новой религией», но, в отличие от Веббов, он никогда не мог думать о советской России как об источнике серьезного интеллектуального ресурса для западной цивилизации.

В 1920-х он говорил, что марксизм и коммунизм ничего представляющего научный интерес современному уму предложить не могут. Депрессия не изменила его взгляда. Россия «показывает худший, возможно, из всех знакомых миру примеров административной некомпетентности и принесения в жертву почти всего, что делает жизнь стоящей того, чтобы жить...»; это был для него «пугающий пример бед, порождаемых безумной и ненужной поспешностью»; «пусть Сталин послужит устрашающим примером для всех, кто стремится проводить эксперименты»[11]. По его мнению, Кингсли Мартин проводил в '*Нью стейтсмене*' линию, которую он определил как «слишком про-*больши*»[12].

Резкость этой критики появилась, вероятно, не без влияния рассказов Лидии о впечатлениях от посещения родственников в Ленинграде, куда она съездила в конце 1932 г. в компании со своей подругой леди Мюриэл Пэйджет. Она была подавлена тем, что нашла мать и сестру ютящимися в крошечной квартире с бывшим мужем сестры, вынудившим ее мать «семь лет сидеть в кресле» в ожидании, когда же он съедет[13]. Федор Лопухов, ставший теперь главным постановщиком характерных танцев в Мариинском театре, на бумаге, смахивавшей на туалетную, писал Кейнсу неискренние письма благодарности за регулярно посылаемые из Лондона деньги и одежду. С укреплением диктатуры Сталина к бедности и некомпетентности добавился террор. Лидии советовали воздерживаться от любых комментариев о происходящем в России, чтобы не навлечь репрессалии на ее семейство. И они с Мейнардом обхаживали российского посла в Лондоне Ивана Майского, частично имея в виду вытащить из России Федора и Андрея (под видом балетных ангажементов), но устроить это у Майского возможности не было.

Оставались Соединенные Штаты. Особой к ним расположенности у Кейнса не было. Он разделял все расхожие предубеждения своей культурной среды против американского материализма; его также раздражал переход к Соединенным Штатам мощи и влияния, ранее бывших у Британии. Но интеллектуально с американцами общаться ему бы-

ло удобнее, чем с любой другой группой иностранцев. Американцы, по крайней мере, делали попытки приручить, сделать управляемым и регулируемым необузданный индивидуализм своей системы. В 1920-е гг. Кейнс находил много поводов восхищаться действиями Федеральной резервной системы, которая намеревалась стабилизировать покупательную способность доллара; в 1930-е интерес у него вызвал Новый курс. Таким образом, разочарование политикой *laisser-faire* у себя на родине потянуло Кейнса не в Берлин или в Москву, а в Вашингтон. Начиная с 1930-х гг. его старания убеждать все более и более адресовались Соединенным Штатам. Ибо, по-прежнему убежденный, что в сфере экономической мысли, пусть больше и не в деловой жизни, британцы сохраняют сравнительное превосходство, Кейнс осознал, что Америка, а не Англия держит ключ к выживанию капиталистической цивилизации.

2. Экономическая лаборатория мира

Уходом Герберта Гувера из Белого дома 4 марта 1933 г. закончился паралич центральной американской власти. Его преемник Франклин Делано Рузвельт, уподобляя депрессию войне, потребовал для ее преодоления чрезвычайных полномочий военного времени; он пообещал изгнать ростовщиков из храма. Его речь при вступлении в должность подняла во всем мире волны надежды.

Америка, конечно же, нуждалась в действии. «Даже я едва могу себе представить, что надо было бы делать, окажись я на месте президента, — написал Кейнс Лидии, — хотя предполагаю, что должен был бы знать, когда такое происходит»[14]. Как повествует Артур Шлезингер, «национальный доход составлял меньше половины того, каким он был всего четыре года назад. Почти тринадцать миллионов американцев — около четверти всей рабочей силы — отчаянно искали рабочие места». На это Рузвельт ответил своими *Ста днями*, «набором президентских идей и программ, отличных от всего, что знала американская история». Вдох-

новленные молодые юристы, преподаватели колледжей, экономисты, социологи наводняли Вашингтон, по мере того как Новый курс набирал обороты[15]. Конгресс законодательно утвердил мешанину восстановительных мер, собранных с разных берегов американской политической традиции и не объединенных никаким последовательным планом, в том числе, конечно, никакой идеей кейнсианского происхождения, но зато сплавленных убеждением: «что-то надо сделать», чтобы предотвратить крах и возобновить вращение колес промышленности. Немедленным результатом этой лихорадочной активности был огромный рост доверия. На Уолл-стрит начался бум — к немалой выгоде для Кейнса. С марта по июль выпуск промышленной продукции почти удвоился. Власть опять принадлежала правительству, а не событиям.

Кейнс наблюдал за экспериментами Рузвельта с неподдельным, но озадачивавшим его восхищением. «Ваш президент убедил конгресс предоставить ему пачку чистых листов писчей бумаги и несколько изящно отточенных карандашей, но какую часть своих полномочий он действительно собирается пустить в ход, мы здесь просто не знаем», — сказал он обозревателю *'Геральд трибюн' ('Herald Tribune')* Уолтеру Липпману в трансатлантической беседе по радио 11 июня[16]. Особенно загадочным представлялось ему почти немедленное возрождение деловой активности, которое произошло намного раньше того срока, когда могли бы заработать предусмотренные президентской программой меры подъема экономики. Кейнс опасался, что Рузвельт «чересчур полагается на психологические, а не на реальные факторы». Липпман, которому во время его поездки в Лондон тем летом Кейнс преподал несколько уроков экономической грамоты, был среди первых, кто предупредил Рузвельта об опасности, возникающей, когда расходы путают с планированием, а восстановление — с социальной реформой[17].

Это было тема, поднятая и самим Кейнсом в конце 1933 г. До сих пор он не пытался встревать в дела Нового курса. Теперь его убедил это сделать Феликс Франкфуртер, профессор административного права в Гарвардском университе-

те, в будущем судья Верховного суда и неофициальный член рузвельтовского «мозгового треста», который провел 1933–1934 академический год в Оксфорде, в Колледже Всех Душ, и который отобедал с Кейнсом в Королевском колледже 6 декабря. Франкфуртер предложил Кейнсу обратиться к президенту напрямую. Он хотел, чтобы Кейнс подсказал Рузвельту, что следует делать и чего делать не следует. Как сокрушитель трестов, верный традициям Прогрессивной партии (в 1924 г. он голосовал за Лафолетта), он хотел склонить президента к отказу от поддержки кодексов Национальной администрации восстановления (NRA), правил, которые освобождали промышленность от действия антимонопольных законов. Сторонники восстановления свободного рынка в попытках обосновать свои цели все чаще обращались к предлагавшимся Кейнсом теориям расходов.

Написанное Кейнсом '*Открытое письмо президенту*' было напечатано в '*Нью-Йорк таймс*' 31 декабря, уже после того, как Рузвельт получил лично ему посланную копию. Кейнс брал быка за рога. Кодексы NRA следует заморозить. В них намечается замаскированная под восстановление реформа, которая, скорее всего, будет препятствовать восстановлению. К чему Рузвельт должен стремиться, так это к устойчивому соотношению между долларом и стерлингом, настолько устойчивому, насколько это совместимо с программой увеличения государственных расходов за счет заемных средств и активизации деятельности на открытом рынке с целью снизить долгосрочную процентную ставку. Соединенные Штаты могут быстро двинуться к процветанию, если в ближайшие шесть месяцев получат основательный толчок[18]. Герберт Стайн с сожалением отмечает, что письмо Кейнса было несвоевременным и плохо аргументированным. Не было в нем «ни намека на мультипликатор, ни упоминания о народной тревоге по поводу того, откуда берутся деньги...». Но все это нашло свое место в '*Средствах добиться процветания*', записке, которую Кейнс послал президенту ранее. Стайн говорит, что послание Кейнса «напоминало письмо школьного учителя, адресованное очень богатому отцу очень тупого ученика»[19]. Это вопрос вкуса, но не

подлежит сомнению, что интеллектуальный стиль Кейнса и тогда, и позже претил многим американцам. Едва ли это было сколько-нибудь важно с точки зрения его убедительности. Он и не мог рассчитывать на управление Новым курсом по почте.

Программа Рузвельта, конечно же, нуждалась в интеллектуальном подкреплении. Хотя в 1931 г. Кейнс получил в Чикаго значительную поддержку своей противоциклической политики общественных работ, Новый курс прокладывался вопреки профессиональным представлениям большинства американских экономистов[20]. Сейчас говорят, что Кейнс оказывал небольшое влияние на Новый курс — разве что иначе обстояло дело в самом конце 1930-х гг. И это правда в том смысле, что Рузвельт решительно отказался принять идеи Кейнса. Он предпочитал, действуя вопреки логике, держать в игре все шары, что «повергало логично мыслящих людей» в отчаяние[21]. Но Кейнс существенно повлиял на принятие ряда конкретных мер. Липпман писал ему 17 апреля 1934 г.:

> Я не знаю, сознаете ли вы, какой большой эффект имело это письмо, но мне говорят, что главным образом именно оно определило политику, которой сейчас без шумихи, но с успехом следует министерство финансов, скупая долгосрочные правительственные обязательства...[22]

Ко времени, когда Кейнс получил письмо Липпманна, он уже решил отправиться в Соединенные Штаты, чтобы лично посмотреть, что происходит.

Мейнард и Лидия отплыли в Нью-Йорк 9 мая 1934 г. Перед тем как пришвартоваться 15 мая в нью-йоркской гавани, их пароход *Олимпик* протаранил и отправил на дно плавучий маяк, погубив при этом семь человек[23]. Поводом для визита в Америку было получение присужденной Мейнарду Колумбийским университетом почетной степени; церемония состоялась в Нью-Йорке 5 июня 1934 г. Но главное, что им двигало, была «любознательность». Публичные выступления и светскую жизнь он свел к минимуму. Он стремился лично посмотреть, что происходит, и

приложить свои способности убеждать в пользовавшихся влиянием кругах.

Они прожили девять дней в нью-йоркском отеле *Амбассадор*. Уолтер Кэйз устраивал ему встречи с ведущими банкирами, бизнесменами и банковскими экономистами, благодаря которым он из первых рук узнал, с какой глубокой ненавистью деловой мир воспринимает Новый курс. 24 мая Кейнс отправился в Вашингтон, где остановился в *Мэйфлауэр* — «самой прекрасной гостинице» города. Лидию он оставил проводить уикенд 26–28 мая с Уолтером Кэйзом в Нью-Гемпшире. Из-за кулис вашингтонской частью поездки Кейнса руководил Феликс Франкфуртер, обеспечивавший ему знакомства и встречи. «Я уверен, что многие его друзья с Уолл-стрит будут вливать в него яд, — написал он Тому Коркорану из Корпорации финансового восстановления. — Его глаза горят как у рыси, но даже он не знает, что запрятано в папках Сенатской комиссии [по банковскому делу и денежному обращению], так что он едва ли имеет представление о царящих в американских финансах пиратстве и жадности или о неразберихе и злоупотреблениях на Фондовой бирже»[24].

25 мая в беседах было проведено десять часов, и Мейнард посчитал свою «жизнь слишком напряженной, чтобы хорошо себя чувствовать». Утром он виделся с Фрэнсес Перкинс, рузвельтовским министром труда. Как рассказывала сама Перкинс, Кейнс предложил простое объяснение мультипликатора на примере покупок в бакалейной лавке, что повергло ее в недоумение[25]. Он пообедал с Рексфордом Тагвеллом, лидером группы планирования в мозговом тресте Рузвельта и «*bête noire* Уолтера [Кэйза]». Еще была встреча с Уильямом Филлипсом, помощником государственного секретаря, с которым они «обсудили военные долги, германские обязательства и т.д.», а затем последовал разговор за чаем с судьей Верховного суда Брэндайсом «о юридических аспектах Закона о ценных бумагах, коммунальных службах и проч.». Брэндайс и Тагвелл представляли два противоположных полюса Нового курса — сторонников антитрестовской линии и приверженцев централизованного планирова-

ния — и знаменательно, что Кейнс больше благоволил первым не в последнюю очередь потому, что на планирование смотрел как на помеху восстановлению. День завершился ужином, на который его пригласил Герберт Фейс, старый друг и теперь экономический советник государственного департамента. «Страшное дело — все время стараться быть на высоте, не опускаться до уровня болтунов — *и так весь день напролет*», — докладывал Мейнард Лидии. 26 мая, «чувствуя себя крайне одиноким», он завтракал с Бьюли из британского посольства, пил чай с Генри Моргентау, министром финансов, и обедал с Кэлвином Гувером, занимавшимся экономикой сельского хозяйства и входившим на вторых ролях в мозговой центр; он написал книгу о России, для которой Кейнс нашел английского издателя. (Гувер написал также о *новом курсе* Гитлера, по поводу чего Лидия заметила, что «он всегда лезет в страну, поднятую на дыбы, и что-то про нее корябает».) В ванной комнате Кейнса Гувер, вымыв руки, осторожно взял чистое полотенце, вытащив его из стопки других, которые он постарался не потревожить. Войдя в ванную после него, Кейнс с барственной небрежностью схватил и уронил на пол всю груду и, попирая полотенца ногами, сказал, что его манеры больше способствуют росту занятости, чем деликатное поведение Гувера. Наконец, в понедельник 28 мая Кейнс в течение часа был на приеме у Рузвельта. Никто не знает, о чем они говорили. Кейнс нашел этот *tête-a-tête* «очаровательным и просвещающим»; Рузвельт сказал Франкфуртеру, что у него был «великий разговор с Кейнсом, который ему очень понравился»[26]. Как всегда, Кейнс обратил особое внимание на руки Рузвельта — «довольно-таки разочаровывающие. Твердые и весьма сильные, но не умные и лишенные ловкости»[27].

Во вторник, свой последний полный день в Вашингтоне, он выступил на обеде с девятью ведущими сенаторами, рассказав им о своем плане восстановления, а потом на деловом ужине в министерстве торговли, где собралось более пятидесяти организаторов *NRA*; еще он виделся с Льюисом Бином из Бюро регулирования сельского хозяйства. Лидии он написал: «Должен тебе сказать, что с меня достаточно, по-

ра уезжать, потому что сейчас я уже больше не в силах поглощать информацию или впечатления».

На многих из этих встреч Кейнс держал себя «больше восхищенным наблюдателем, чем... наставником»[28], но сообщалось, что в нескольких случаях он высказывался следующим образом: «Если федеральные расходы на восстановление, составляющие около 300 миллионов долларов в месяц, поднять до 400 миллионов, Соединенные Штаты получат удовлетворительный уровень восстановления»[29]. Франкфуртеру он говорил: «Здесь, а не в Москве находится экономическая лаборатория мира. Заправляющие ею молодые люди великолепны. Я поражен их компетентностью, проницательностью и мудростью. То там, то здесь попадаются еще экономисты классического направления, которых следовало бы выбросить из окна, но в большинстве случаев с ними так уже и поступили»[30].

По возвращении в Нью-Йорк Кейнс опять подвергся нажиму консерваторов — на собравшейся в конце недели сессии Правления национальной промышленной конференции — организации предпринимателей. Но он устоял и не поколебался в своей вере в Новый курс. На обеде, данном в его честь Колумбийским университетом 5 июня, он сказал, что к Новому курсу проникся «самой глубокой симпатией», потому что увидел в нем попытку заставить экономическую систему работать без уничтожения «свободной игры личной инициативы» и «бесценной свободы мысли и слова». Опора на «эксперименты и эмпирические данные» — это неизбежный метод действий, ибо «получить безошибочные советы президент не мог бы ни от кого». Он заключил своим обычным предупреждением: «Если... проблему не решить, существующий общественный порядок будет дискредитирован настолько, что диких, дурацких и разрушительных перемен не миновать»[31].

На другой день, выступая перед аудиторией экономистов, собравшихся в американском *Клубе политической экономии*, Кейнс конспективно изложил свою «теорию эффективного спроса». Это была основа его бесед с должностными лицами в Вашингтоне. Кейнсианскую экономическую ре-

цептуру Америка, таким образом, получила прежде Англии, потому что надеяться в Америке можно было на большее, чем в Англии.

«В любой данной ситуации, — говорил Кейнс, — производство и занятость не могут возрасти, пока предприниматели не ожидают роста эффективного спроса и не готовятся на него откликнуться». Появится такое ожидание или нет, в американских условиях зависит от размаха государственных расходов, покрываемых из заемных источников. Он сказал и еще много интересного. Все виды государственных расходов за счет заемных средств, включая расходы на социальную помощь, следует рассматривать как разновидность инвестиций, «по крайней мере... с точки зрения их краткосрочных последствий». Этому утверждению предстояло превратиться в опасную доктрину, которой стали бездумно следовать после Второй мировой войны. Он пояснял, что увеличение расходов частично уйдет в рост производства, частично же в повышение цен. Ценовой эффект будет возрастать по мере продвижения по пути восстановления и преодоления узких мест. Предвосхищая главу 19 '*Общей теории*', он утверждал, что «настоящая» инфляция невозможна, пока нет полной занятости. «По достижении определенной точки, в которой рабочая сила и производственные мощности общества используются полностью, дальнейшее увеличение эффективного спроса вообще не может привести ни к чему, кроме беспредельного роста цен». С этого момента опять должны вступать в силу предписания насчет здоровых финансов[32]. Облегчив душу этими заявлениями, Кейнс 8 июня отплыл в Англию. Ему снова приписывали магическую силу воздействия на Новый курс. Истоки сохранявшегося дефицита федерального бюджета (всего-то 4 миллиарда долларов в год!) противники усматривали в «совете, который дал в июне президенту английский экономист Джон Мейнард Кейнс»[33]. 9 января 1935 г. Липпман писал Кейнсу, что политика Рузвельта «гораздо больше согласуется с тем, что вы советовали прошлый весной», чем с установками *NRA*[34]. Однако Рузвельт, разжигаемый оппозицией деловых кругов и судебных властей, а также заботами о своем пере-

избрании, которому создавали угрозу популисты вроде Хьюи Лонга и патера Коулина, решил вывести Новый курс на радикальную, некейнсианскую орбиту.

У разных людей Кейнс, как и Рузвельт, оставлял разное впечатление. Некоторые думали, что покрываемые за счет займов государственные расходы были для него просто накачкой денег с целью выбраться из глубокой депрессии; другие воспринимали это как постоянную часть механизма, предназначенного для поддержания спроса. Виктору фон Шелиски, главному статистику Отдела планирования исследований *NRA*, Кейнс объяснял: «Моя теория остается неизменной, о чьих бы расходах ни шла речь — правительства или частного капитализма... Только в случае перехода к социализму можно было бы ожидать, что правительственные расходы будут преобладать из года в год». Но люди не умели так легко отделять теорию от политических намерений.

Шелиски ставил и другой естественный вопрос. Почему Кейнс настаивает на увеличении государственных расходов за счет заемных средств в Соединенных Штатах, в то время как Англия выбирается из депрессии с бездефицитным бюджетом? В ответ Кейнс написал:

> Что касается Англии, то мы двигались намного медленнее и в меньших масштабах, чем могло быть при больших государственных расходах с использованием заемных средств. Однако те улучшения, какие у нас есть, на мой взгляд, почти полностью могут быть отнесены на счет покрываемых кредитом частных расходов, возросших благодаря большому снижению процентной ставки. В этой стране мы сейчас, по существу, переживаем строительный бум. Что же до Соединенных Штатов, я не вижу никакой вероятности, что там в течение значительного времени будут иметь место достаточные вложения частного капитала[35].

3. По-прежнему в работе

Кейнс возвратился из Соединенных Штатов в июне 1934 г. с сильнейшей зубной болью. Ему надо было вырвать зуб мудрости — «разумное мероприятие в моем возрасте»;

его бесили многословные заботы и внимание приставленной к нему медсестры. Но в августе в Тилтоне Вирджиния Вулф нашла его «очень плодотворно» размышляющим о воздействии американского климата на труд, о последствиях еврейской эмиграции для германского платежного баланса и на другие подобные темы. Именно «этот необычный, полный воображения, пылкий интерес к истории, к человечеству» так привлекал в нем Вирджинию: «Способность объяснить, из чего скроен и какому веку принадлежит герой прочитанной им книги», но и умение порадоваться «описанию небольшой сцены...» Он сокрушался, что «великие люди, Шоу и Уэллс, — люди несерьезные; они все время прибегают к трюкам. Почему они не могут быть проще и обходиться без трюков? Он говорил, что от Шоу никогда нельзя было услышать ничего нового, а от Шарлотты [миссис Шоу] можно. У Шоу широкий, готовый рвануть в любое путешествие ум, который доставляет мне наслаждение»[36].

Весной 1934 г. его новая теория занятости приняла окончательную форму. Он работал над нею с таким усердием, какого не проявлял со времени завершения в 1906–1907 гг. диссертации о вероятности. Он чувствовал себя участником гонки со временем. Гитлер стал канцлером Германии, Мосли основал Британский союз фашистов, коммунизм утвердился в политической жизни студентов Кембриджа. Кейнс был уверен, что через три-четыре года разразится следующая Великая депрессия. Готова ли будет к тому времени новая система мысли?

Как всегда бывало, когда Кейнс чем-то зажигался, он работал чрезвычайно быстро. В пятницу 20 октября 1933 г. он сообщал Лидии из Кембриджа о «*грандиозном* взрыве активности в работе над книгой этим утром — корябал, корябал, корябал $3^1/_2$ часа подряд, что, конечно, меня вымотало и превратило в тряпку». По ходу дела возникали новые споры. Готри, рассказывал он Лидии 30 октября, был

> до конца очень нежным, но весьма безумным. С ним можно долгое время вести разговор на совершенно нормальной и интересной основе, а потом внезапно оказываешься в сумасшед-

шем доме. Неужели безумны все экономисты, кроме Александра* [Кана] и меня? Выглядит так, но все же это не может быть правдой. Я только что провел безнадежную дискуссию с Денисом. Его ум, хоть и ужасно изобретательный, представляется мне злонамеренно извращенным. И опять это смахивает на спор с сумасшедшим. Но когда я говорю с Александром, это нечто совершенно иное.

В День перемирия, 11 ноября 1933 г., произошли два события, кристаллизовавших проблему 1930-х, как ее представлял себе Кейнс. Ректором Королевского колледжа был избран Шеппард, старый бунтарь-*Апостол*, «изрядно смахивавший на церковника, когда, принимая должность, он вошел в часовню в шелковой мантии, с седыми волосами и почтительно склоненной головой!»[37]. Кейнса по-настоящему и все более трогали такие церемонии, напоминавшие ему о его собственном посвящении в 1909 г. в братство «исследования, религии и образования», о данных им тогда клятвах хранить «законы и традиции» своего колледжа[38]. В тот же день взорвалась кембриджская молодежь — она устроила большую антивоенную демонстрацию, положившую начало захвату политической жизни студентов коммунизмом. Два *Апостола,* Джулиан Белл и Гай Берджес, использовали старый потрепанный *моррис* Джулиана в качестве тарана, позволившего им прорваться через баррикаду у Питерхауса[39]. Сопоставление этих двух событий — первого как символа того, что Кейнс называл цивилизацией, и второго как символа поднявшихся против нее разрушительных сил — лишь укрепило его решимость спасать наследие прошлого от тех, кто на него покушается.

Кейнс обладал беспредельной способностью концентрироваться. Свои действия он разносил по разным отсекам времени, но его чувства направляли их к одной цели, которую он определял как «благоденствие». Неудивительно поэтому, что, едва спало давление теоретической работы, как его умом должна была завладеть новая, или, скорее, очень

* Имя, которое Лидия придумала для Кана, чтобы отличать его от другого Ричарда — Брэйтвэйта.

старая мечта. Идея создания в Кембридже репертуарного театра пришла к нему уже в 1913 г. Теперь он был одержим мыслью о сцене для Лидии. 18 сентября 1933 г. на сцене *Олд-Вика* она дебютировала как профессиональная актриса в роли Оливии в шекспировской '*Двенадцатой ночи*'. В течение лета Кейнс тщательно разучивал с нею роль, но, как признавала она сама, «произношение у меня не всегда идеальное». Критика расценила ее игру как провал. '*Таймс*' безжалостно насмехалась над ее «иллирийским акцентом». Критик из '*Дейли телеграф*' (У.А. Дарлингтон) называл ее «самой скучной женщиной в литературе»; Вирджиния Вулф вынесла приговор: «мрачный фарс»; это в кругу своих, но в написанной по просьбе Лидии заметке в '*Нью стейтсмене*' отозвалась о ее игре более или менее тепло[40]. Спектакль шел три недели, и когда они истекли, Кейнс написал ей (15 октября): «Не надо особо грустить. Клянусь, у нас будут новые возможности. Дэди, с которым я об этом говорил, опять нажимает насчет Норы [в '*Кукольном доме*' Ибсена]. Он говорит, что это — именно твоя роль...»

Лидия никогда больше не пыталась играть Шекспира. Пока она утешалась своими «русскими обедами» на Гордон-сквер, Мейнард готовил для нее театр в Кембридже. 18 февраля 1934 г. он сообщал, что «ужасно изнурен» «пробиванием» через Совет колледжа «проекта здания [с восстановлением Домика ректора] и первой очереди театрального проекта». «Всего я произнес восемь речей, одна длилась почти тридцать минут, другая три четверти часа... Но проект прошел». Лидия была настроена преуспеть как актриса. 4 марта 1934 г. она появилась в роли Норы в постановке лондонского *Клуба театрального искусства*, которому Мейнард выдал гарантию в размере 125 фунтов стерлингов. На сей раз критики были гораздо более благожелательными. «У нашего дорогого старого Мейнарда — и это правда — текли слезы, — написала Вирджиния Вулф своему племяннику Квентину Беллу, — и в антракте я расцеловала его; она действительно была чудо, не просто легкий лист на ветру, а в должной огранке, глубокая, и ее английский язык был точно таким, какой нужен Ибсену, — это задавало правильный тон»[41].

Осенью 1934 г. Кейнс читал лекции, опираясь на гранки своей книги, называвшейся теперь '*Общая теория занятости, процента и денег*'. Майкл Стрейт, первокурсник Тринити-колледжа, вспоминает, какое они вызывали волнение. «Самый большой лекционный зал Кембриджа был переполнен... Было похоже на то, как если бы мы собрались слушать Чарльза Дарвина или Исаака Ньютона. Пока Кейнс говорил, в аудитории царила глухая тишина. Когда он кончил, его окружили маленькие группы страстных сторонников и яростных противников»[42]. Кейнс не любил читать лекции, и Лидия, как всегда, старалась подкрепить его веру в себя. «Завтра у тебя суровое испытание, мой Долговязый, — писала она ему 18 ноября. — Я знаю, что ты непременно сделаешь это интересно, поскольку всегда умеешь придать новый поворот всему, что говоришь».

Лекции Кейнс читал в рамках загруженного обычными делами триместра. В первую его половину большое место занимала казначейская работа, достигшая своего пика с проведением в колледже ежегодной ревизии. Театральный проект продвигался медленно. Нужно было писать статью для '*Нью стейтсмена*', отбывать тяжелые обеды, ужины, банкеты, которые оставляли его «весьма потасканным», и все кончалось подписью под очередным посланием Лидии: «Твой усталый Долговязый». В четверг, 15 ноября он ей писал:

> Заседания весь день [насчет театра]. Продумана куча улучшений, и теперь Джорджу [Кеннеди] дано наконец поручение готовить окончательные планы строительства. Так что можешь считать вечера, оставшиеся до твоего первого вечера...
>
> Дункан отколол номер — беспримерный даже для него! Он должен был вроде бы приехать сюда на банкет по приглашению Джорджа Барнеса. Несколько минут назад я услышал голос Д. по телефону. Он оказался в Питерборо, сев не в тот поезд! И не может сюда поспеть раньше, чем в 9.30. Ладно, сказал я, ужинай в поезде, потому что к тому времени тут будет только что выпить, но не поесть. Не могу, бормочет голос в ответ, я потерял все деньги в Кингз-Кроссе, и в кармане осталась только одна монетка; даже чтобы позвонить, я должен был одолжиться у начальника станции.

В понедельник, 3 декабря:

Моя последняя лекция была почти бедствием. Часы у меня остановились как раз перед тем, когда мне полагалось начинать, и я спохватился, когда прошло уже десять минут после того, как я должен был начать. Так что я помчался вниз по улице и так запыхался, что едва мог говорить... сегодня вечером чувствую себя ужасно усталым. Но это, думаю, мой последний из многих тяжелых дней.

Потом 4-го:

Я вчера вконец измотался и плохо спал. Так что сегодня я очень потасканный и в плохой точке цикла. Однако жизнь течет спокойно. Я весь день работал в своем кабинете, только часок слонялся с Пьеро; Александр тоже сидит со мной и пытается все понять яснее, чем это возможно.

4. Кейнс против Маркса

В Кембридже далеко не все разделяли мнение Кейнса, что экономическая лаборатория мира находится в Вашингтоне, а не в Москве. Энтони Блант, после годичного пребывания в Риме возвратившийся в октябре 1934 г. в ученое сообщество Тринити-колледжа, обнаружил, что «все мои друзья... почти все появившиеся в Кембридже яркие и наделенные интеллектуальными интересами студенты... в одночасье стали марксистами после прихода Гитлера к власти». «Ярчайшие и лучшие» ухватились за марксизм как за орудие борьбы против войны, фашизма и безработицы. Число членов действовавших в университете *Социалистического общества* и *Лейбористского клуба*, которые одинаково дышали преимущественно марксистскими идеями, ко времени начала гражданской войны в Испании выросло до 1000, то есть они вобрали в себя пятую часть студентов.

Марксизм вторгся и в среду *Апостолов* — цитадель того Кембриджа, каким его знал молодой Кейнс. По словам Ноэля Аннана, поступившего в Королевский колледж в 1935 г., из тридцати одного *Апостола*, избранных с 1927 по

1939 г., пятнадцать были «коммунистами или *марксизантами*». Следующая за этим сообщением фраза вызывает недоумение: по контрасту, лишь пятерых из сорока четырех избранных в межвоенное время можно назвать «пожизненными гомосексуалистами»[43]. «В Обществе мы без конца ведем скучные разговоры о коммунизме», докладывал Кейнс своему новому другу Виктору Ротшильду:

> Гай [Берджес], Элистер [Уотсон] и Ричард [Ллевелин] Дэвис говорят с горящими глазами и мокрыми от пота лбами... яростно, но, сдается мне, несколько нелогично... Хью Сайкс Дэвис пустословит бесконечно о садизме и Суинберне, в то время как Гай [Уильям Грей] Уолтер и я удовлетворяемся непристойными шутками об электрических токах. Чувствуется атмосфера упадка, и нам не помешало бы твое присутствие[44].

В действительности Общество находилось на периферии политической жизни студентов 1930-х гг.; своей известностью оно обязано тому факту, что из восьми человек, завербованных в Кембридже советской разведкой, четверо — Энтони Блант, Гай Берджес, Лео Лонг и Майкл Стрейт — были *Апостолами*. Блант и Берджес входили в кембриджский круг Кейнса — рядом с Берджесом 24 февраля 1934 г. он сидел на традиционном банкете колледжа, — но о его к ним отношении сведений не сохранилось. Эстет с холодными глазами и развратный херувим были, несомненно, достаточно привлекательны, умны и забавны, чтобы провести с ними время.

У Кейнса был собственный метод анализировать и развенчивать так захвативший молодых марксизм. Он никогда не мог всерьез считать его наукой. Зато всерьез считал духовной болезнью, ответственность за которую частично лежала на его поколении. Ибо разве Маркс — как и Фрейд — не вторгся в пространство, которое его собственное поколение расчистило для них разрушением христианства? Вирджиния Вулф оставила замечательный рассказ о том, как в апреле 1934 г. принимала у себя за ужином Кейнса и Т.С. Элиота. Кейнсу очень нравились только что изданные Элиотом несколько его лекций под названием '*После стран-*

ных богов: букварь современных ересей', в которых он сокрушался по поводу отсутствия моральных и религиозных суждений в литературной критике. С 1927 г. Кейнс сочувственно следил за мучительным возвращением Элиота к христианству. За столом Кейнс сказал Элиоту: «Вы опять подняли один из основных вопросов, и никто даже не попытался о нем задуматься». — «Никто», — ответил Элиот и выглядел при этом, по словам Вирджинии, «как большая жаба со стеклянными глазами». Кейнс сказал Элиоту, что «он был бы склонен не рушить *Xty* [христианство], если бы было доказано, что без него невозможна мораль». Вирджинии он сказал: «Я начинаю понимать, что наше поколение — твое и мое... — многим обязано религии наших отцов. А молодые, вроде Джулиана, выросшие без нее, никогда не получат от жизни так много. Они тривиальны — как собаки в своих вожделениях. Нам досталось лучшее от обоих миров. Мы разрушали христианство и все же пользовались его благами». Тут пришел Джулиан Белл, и Кейнс обратился к «экономическому вопросу: религии коммунизма». Марксизм «хуже всего, и основан он на глупой ошибке старика Рикардо, которого М[ейнард], если будет время, поставит на место. И тогда не будет больше экономического напряжения, а затем? Как ты будешь жить, Джулиан, ты, не знающий никаких моральных ограничений?» Джулиан ответил, что отсутствие старой морали обратило его поколение к психоанализу, но что «мне моя жизнь кажется предпочтительней во многих отношениях»[45].

Если моральные нормы держатся на религии, возникает вопрос: какой религии? Кейнс никогда не мог пройти вслед за Элиотом весь путь назад к христианству. Его собственная религия сладости, света и оптимизма, основанная на '*Principia Ethica*' Мура, послужила ему и его кембриджским друзьям прививкой от тех переживаний морального хаоса, которые толкали Элиота на поиски нравственного авторитета. Кейнсу Иегова никогда не был нужен, потому что его никогда не посещало отчаяние. Не атеизм, а верность откровению Мура, воплощенному в жизни светского религиозного ордена, удерживала его вне христианского лагеря, как и де-

лала невосприимчивым к чарам коммунизма. Проблема «смены веры», беспокоившая столь многих потенциальных верующих, не вызывала у него напрасных волнений, ибо религия Кейнса также опиралась на собственные суждения о том, что такое хорошо, и преуспеть с ее доказательствами или опровержениями можно было не больше, чем в спорах о существовании Бога. Но он понимал, что в мире, охваченном огнем, религия Блумсбери и Королевского колледжа не может обладать какой-либо привлекательностью для Джулиана Белла и ему подобных. Сперва надо погасить пожар — это необходимое условие для возвращения на путь истинной религии. В этом он был согласен с Джулианом. Но он не переваривал марксизм как теорию и коммунизм как метод действия. Таким образом, он мог одновременно любить коммунистическое поколение за его идеализм и нападать на него за неразбериху в мыслях.

Кейнс был непоколебим в неприятии научных претензий марксизма и осуждении ужасов советской системы; для подкрепления этой позиции ему не требовались никакие открытия насчет массовых убийств. Он настаивал, что высшее и принципиальное значение имеет «сохранение капли и капельки гражданских и политических свобод, с таким трудом добытых прежними поколениями...» Он разразился гневом, когда Лондонский университет попытался заткнуть рот многоречивому Гарольду Ласки из ЛШЭ, и выступил в '*Нью стейтсмене*' в защиту профессора, но не упустил случая добавить: «Слишком многие молодые участники левого движения заигрывали с марксистскими идеями, чтобы с чистой совестью давать отпор реакционным покушениям на свободу»[46]*. В ноябре 1934 г. он написал для '*Нью стейтсмена*' статью, в которой критиковал марксизм в той удивительно добродушной манере, которую он усвоил, общаясь с мудрецами старшего поколения. Поводом послужила публикация беседы Г. Уэллса со Сталиным, на которую Шоу и Кейнса

* Ласки пытался выступать по обе стороны: в одной своей ипостаси он был глубоко предан конституционной законности, как Брэндайс и Франкфуртер, а в другой носился с идеей революционного насилия.

попросили откликнуться. Уэллс высказывал мысль, что на Запад плановая экономика придет благодаря усилиям посреднического класса техников и инженеров, а не в результате классовой борьбы между капиталистами и рабочими. Сталин с предельной вежливостью отвечал, что невозможно планировать экономику, не избавившись от частной собственности; технической интеллигенции не дано играть «самостоятельную историческую роль». Шоу отмел соображения Уэллса, назвав их «клиссолдизмом», и попрекнул его за то, что он поучает Сталина, не слушая, что тот хочет сказать. Шоу, видимо, не чувствовал себя связанным никакими подобными ограничениями в его собственной, длившейся два с половиной часа, беседе со Сталиным, во время которой он обрек монстра на молчание, прерывавшееся только деланым смехом в ответ на шутки самого Шоу. Сталин посчитал Шоу клоуном.

Кейнс деликатно проложил среднюю линию между двумя социалистическими гуру. Он попытался защищать Уэллса, хотя едва ли был доволен своими шаткими доводами. «Уэллс мелкий трепач... — говорил он Вирджинии Вулф, — Шоу чувствует это. О том, кого он уважает, Шоу никогда не написал бы так, как он написал об Уэллсе»[47]. Но публично он таких слов не говорил. В отличие от Сталина и Шоу, Кейнс принимал предложенную Уэллсом доктрину насчет посреднического класса — еще с 1927 г., когда впервые рецензировал '*Мир Уильяма Клиссолда*'. Беда была в том, что Уэллс не мог дать никаких практических наставлений. Это был приговор, который Кейнс выносил всему движению за «планирование». Он видел в нем сплошь машины — и никаких идей, способных их оживить. С другой стороны, Шоу оставался таким же рабом устаревшей экономической мысли, какими были Асквит и Дин Индж. «Эта система породила два семейства — тех, кто считал ее истинной и неизбежной, и тех, кто считал ее истинной и невыносимой. В девятнадцатом столетии никакой третьей школы мысли не существовало. Тем не менее есть третья возможность: система не является истинной»; и это позволит нам обойтись без революции или социализма.

Если бы Шоу продолжал читать газеты после смерти королевы Виктории, он бы знал, что капиталисты перестали быть самоуверенными титанами девятнадцатого столетия. «Их подручные (наемные) заправляют всеми делами в их мавзолеях... Время, акционерные компании и государственная служба потихоньку поставили у власти класс живущих на жалованье». Коммунизм как экономическая система — это «оскорбление нашему интеллекту». Его «тонко придуманная, почти неотразимая привлекательность» состоит в том, что он обещает *ухудшить* положение. Он несет в себе протест против «пустоты экономически обеспеченной жизни и взывает к сидящему в нас аскету...» Викарий из Уэльса тянул его к Москве. «Разве кембриджские студенты, неизбежно направляя стопы в Большевизию, разочаровываются, когда обнаруживают, что она ужасно неуютна? Конечно, нет. Ведь именно это им и нужно».

Дора Рассел — третья жена Берти [Бертрана] — задала убийственный, по ее мнению, вопрос: почему же мир не принял планов Кейнса, если никто не пытался этому мешать? Отвечая, Кейнс проявил скромность, но и последовательность: «Потому что ни экспертов, ни простых людей мне пока еще не удалось убедить в моей правоте. Если я не прав, это обернется к лучшему. Если, однако, я прав, тогда это, думаю, лишь вопрос некоторого времени, прежде чем я сумею убедить и тех и других; а когда все они будут убеждены, за ними, после обычной задержки во времени, последует соответствующая экономическая политика»[48].

Шоу написал Кейнсу два бодрых (в духе Шоу) письма, в которых поправлял его мнения о Марксе, Коране, экономических теориях Рикардо и Джевонса, экономической мысли фабианцев, собственном вкладе Шоу в ее развитие, об ужасах академической жизни и многом-многом другом, после чего назвал Мейнарда «ярким и многообещающим молодым человеком, который страшно зажат шорами кембриджского процесса всеуничтожения, но с некоторыми негасимыми искрами культуры, делающими вас интересным». Второе письмо Кейнс с восторгом зачитал Вирджинии Вулф. Его ответ на первое письмо Шоу датирован 2 декабря:

Мои чувства о '*Капитале*' те же, что и о *Коране*. Я знаю, что он имеет историческое значение, и знаю, что многие люди, не все среди них идиоты, считают его своего рода опорой мироздания и источником вдохновения. Все же, когда я в него заглядываю, для меня остается необъяснимым, как может возникать такое впечатление. Заполняющие его занудные, устарелые, академичные споры чрезвычайно мало годятся в качестве материала для достижения поставленной цели. Но точно то же, как я сказал, думаю и о *Коране*. Как каждая из этих двух книг смогла принести огонь и меч в добрую половину мира? Это выше моего понимания. Ясно, что мой разум страдает каким-то изъяном... Но какова бы ни была социологическая ценность ['*Капитала*'], я уверен, что его *экономическая* ценность сегодня (кроме отдельных неконструктивных [sic] и разрозненных проблесков проницательности) равна *нулю*. Можете ли пообещать, что перечитаете его, если это сделаю я?

Второе письмо Кейнса датировано 1 января 1935 г.:

Я постараюсь внимательнее прислушаться к вашим словам. Вообще, в них, должно быть, что-то есть. Но на прошлой неделе я сделал еще один заход на старика К.М., читал только что изданную переписку Маркса — Энгельса и не далеко продвинулся. Из этих двоих мне больше нравится Энгельс. Вижу, что они изобрели некий метод развития своих мыслей и мерзкую манеру письма; их преемники преданно сохраняют и то и другое. Но если вы говорите мне, что они нашли ключ к экономической загадке, я развожу руками — обнаруживаю только устаревшие пререкания.

Тем не менее, чтобы понять настрой моего ума, вам, полагаю, следует знать, что я пишу книгу по экономической теории, которая, как я думаю, в значительной мере революционизирует — видимо, не сразу, но в ходе следующего десятилетия — способ, каким мир мыслит об экономических проблемах. Когда моя новая теория будет должным образом усвоена и смешается с политикой, чувствами и страстями, она станет оказывать такое влияние на действия и дела, которого я не могу предсказать. Но произойдут большие перемены, и в частности из-под марксизма будет выбита его рикардианская опора.

От вас или кого-либо еще я не могу ждать, чтобы этому поверили на нынешней стадии. Но что касается меня самого, я

не просто надеюсь, что так будет, а совершенно уверен в том, что говорю[49].

Кейнсовский *Клуб политической экономии* с участием преподавателей, аспирантов и лучших студентов-второкурсников продолжал встречаться в его комнатах вечерами по понедельникам. Среди присутствовавших был красивый, но одолеваемый переживаниями Майкл Стрейт, сын наследницы компании *Стандард ойл*, чей второй муж Леонард Элмхерст основал в Дарлингтонской общине, в Девоне, зал утопического искусства. Стрейт оставил две зарисовки Кейнса в действии осенью 1935 г. Первая в письме матери, датированном серединой октября и содержащем отчет о заседании *клуба Кейнса*, на котором выступал итальянский аспирант Зампарт Ламбарди на тему *'Уровень цен и стабилизация'*. Стрейт должен был говорить девятым — перед Кейнсом. «Я чувствовал, что мой живот все время сжимается, даже почти вдавливается в спину. Я не мог понять ни единого слова в его проклятом докладе». Перед ним должны были говорить трое студентов-второкурсников.

> [Питер] Бауэр, австриец, говорил так быстро, что никто ничего не смог разобрать, поэтому он легко отделался. Стэмп, сын Джошиа Стэмпа, провел длинную и запутанную аналогию с путешественником и картой, но при этом ни разу даже не помянул экономическую теорию — он тоже избежал неприятностей. А [Александр] Гендерсон выдавил из себя некую фразу, взятую им у Джоан Робинсон и, по-видимому, только-только им выученную, — сказал и сел, прежде чем кто-либо успел его спросить, что он, собственно, имеет в виду. Поэтому и он избежал неприятностей.
>
> Я пытался что-то сказать об уровне цен и стабилизации, и тут уж без неприятностей не обошлось. Закончив свою сбивчивую бессмысленную речь, я повернулся к Ламбарди и задал какой-то вопрос. Но он уставился на меня в недоумении и сказал не без оснований, что он не может понять, о чем это я.
>
> Я окинул взглядом всю аудиторию и спросил в отчаянии, понял ли кто-нибудь высказанную мною мысль.
>
> Никто из них, разумеется, ничего не понял, и Кейнс благородно спас меня, сказав: «Думаю, я знаю, что вы имеете в ви-

ду...» — и дальше стал пространно излагать некую трудную теорию, которая, естественно, вовсе не приходила мне на ум, но с которой я горячо выразил согласие.

Потом, когда он блестяще завершил свою речь, я поспешил спрятаться, чтобы ни у кого не было возможности меня пришпилить...

В своих опубликованных воспоминаниях Стрейт, рассказывая об этом случае, сообщает, что, закончив говорить, Кейнс ему даже не улыбнулся, показав тем самым, что не ждет никакой благодарности. Этот случай может служить хорошим примером того, как он завоевывал сердца молодежи[50].

Две недели спустя, 28 октября, обсуждали Маркса. Бывший тогда страстным марксистом Стрейт, который, что показательно, впервые открыл '*Капитал*' только накануне вечером, едва отговорил свое, как поднялся Кейнс.

Он стоял перед своим камином, похожий на большого медведя. Он раскачивался взад-вперед. Марксизм как экономическая концепция, сказал он, это даже ниже, чем социальный кредит. Это усложненный фокус-покус, единственная ценность которого заключена в его запутанности. По его словам, Маркса он читал, как детективную историю, все время стараясь найти какой-нибудь ключ к спрятанной идее, но так никогда и не мог в этом преуспеть.

По воспоминаниям Стрейта, это был первый случай, когда ведущий интеллектуал Кембриджа бросил вызов «новой ортодоксии, прочно овладевавшей умами студентов»[51].

5. Скромные приготовления к благоденствию

В 1930-е гг. тяжелая болезнь капитализма не мешала «ужасному процветанию» Кейнса. В 1929 г. он потерял, по существу, все свои деньги; в 1931-м он даже пытался продать две свои лучшие картины — '*Обнаженную*' Матисса и '*Кабинет*' Сёра, — но, даже назначив минимальную цену, не нашел ни единого покупателя. К 1936 г. его состояние перевалило

через 500 тысяч фунтов, то есть 16 миллионов фунтов по нынешним ценам. Его капитал увеличился в двадцать три раза за время, когда курс акций на Уолл-стрит только утроился, а в Лондоне почти не тронулся с места. Основные прибыли Кейнса поступали из Нью-Йорка. Он заново вышел на биржу Уолл-стрит в 1932 г., и к 1936-му доля долларовых акций в его портфеле составляла 40 процентов. В течение всей своей жизни Кейнс был замечательно успешным инвестором, хотя и пережил три крупных срыва — в 1920–1921, 1928–1929 и 1937–1938 гг. Фактически все его устойчивые поступления образовались после 1932 г. Ежегодный доход Кейнса был велик, но не громаден. Между 1930 и 1936 г. он составлял в среднем только 6000 фунтов стерлингов (до вычета налогов), что соответствует сегодняшним 150 тысячам. В фискальные годы 1936–1937 и 1937–1938 он взлетал до 16 тысяч фунтов (полмиллиона по нынешним меркам), но никогда больше не поднимался до таких высот. Академические заработки составляли в период с 1930 по 1936 г. до трети всех его доходов: остальное — дивиденды и гонорары. Жили они с Лидией очень благополучно, но не экстравагантно.

Кейнс частично отвечал также за инвестиционную политику множества компаний и Королевского колледжа Кембриджского университета. *Доверительный инвестиционный трест*, который создавали Кейнс и Фолк для своих друзей, свернул деятельность в 1935 г. *Независимый инвестиционный трест* также пострадал от депрессии. Фолк и Кейнс снова поссорились, так что в 1930-е гг. роль Кейнса в нем была невелика. Оставались, таким образом, *Национальная компания взаимного страхования* и *Провинциальная страховая компания* (последняя была семейным трестом под управлением Фрэнсиса Скотта). Чем в большей степени инвестиции находились в непосредственном управлении Кейнса, тем большую они давали прибыль. Выдающийся пример — его управление казной колледжа. Ею, в отличие от других фондов колледжа, Кейнс ведал единолично, и с 1920 по 1936 г. увеличил ее капитал семикратно — с 30 тысяч до 200 тысяч фунтов стерлингов, главным образом опять-таки в 30-е годы. Компании *Национальная взаимного страхова-*

ния и *Провинциальная страховая*, в правления которых входил Кейнс, имели не столь хорошие результаты, но все же «изрядно побивали» индексы[52].

Личная инвестиционная философия Кейнса менялась вместе с его экономической теорией, и символическая связь между ними наиболее очевидно проявляется в главе 12 '*Общей теории*', где он проводит резкое различие между капиталовложением и спекуляцией. В 1920-е гг. Кейнс видел себя игроком на научной основе. Он спекулировал на валютах и потребительских товарах. Его целью была игра, рассчитанная на движение делового цикла. Это был верх его «барометрического» энтузиазма, который он разделял с Фолком, полагая, что, предугадывая краткосрочные ритмы, можно обыграть рынок. Инстинкт азартного игрока в нем никогда не угасал. В 1936 г. имел место знаменитый случай, когда в условиях упавшего рынка он вынужден был принять месячный объем поставок пшеницы, закупленной Англией в Аргентине. Он собрался было хранить пшеницу в часовне Королевского колледжа, но ему объяснили, что это слишком маленькое помещение. Всегда отличавшийся находчивостью, он выставил претензии к качеству товара: разбирательство заняло месяц, а за это время цена повысилась достаточно, чтобы он закрыл дело без потерь. Раздавались громкие жалобы на «сатанинские действия какого-то спекулянта», монополизировавшего рынок своими закупками![53]

В 1930-е гг. он был склонен объявлять этот вид деятельности игрой для дураков. О его новой философии можно сказать, что она предполагала верность нескольким тщательно отобранным акциям — «домашним любимцам», как он их называл. На падающем рынке инвестору следует покупать, а не продавать; ожидать выигрыша от повышения курса разумнее, чем поддаваться психологии толпы, охваченной паникой. Так его личная инвестиционная философия смыкалась с его все большим теоретическим упором на необходимость стабилизировать капиталовложения. Инвестор, как и правительство, должен преодолевать маниакальное стремление к ликвидности. Осознание, что цивилизация, как он выразился в докладе '*Начала моей веры*',

представленном *Клубу воспоминаний* в 1938 г., — это «тонкая и хрупкая корка», также указывало на расчетливую заинтересованность инвестора в социальной стабильности. Новая форма уравнивания долгосрочных своекорыстных интересов с общественным благом прочно утвердилась в сознании Кейнса.

Кейнс считал себя инвестором, действующим «наперекор» рыночной тенденции.

> Это та сфера жизни и деятельности [говорил он Лабордеру 28 сентября 1937 г.], где победа, безопасность и успех всегда достаются меньшинству, а не большинству. Когда вы обнаруживаете, что кто-то с вами согласен, измените свое мнение. Если мне удается склонить правление моей страховой компании к покупке каких-то акций, значит, как я знаю по опыту, наступил момент, когда надо их продавать.

Внешним признаком возраставшего социального консерватизма Кейнса стали его крепнущие связи с сельской местностью. Для молодого Кейнса, как и для всякого буржуа его времени и положения, сельская жизнь (но не обладание загородным домом) была синонимом предрассудков и суеверий. В 1920-е гг. он пренебрежительно отмахивался от вложений капитала в землю и добился распродажи многих земельных владений Королевского колледжа. Эта позиция начала меняться, когда упадок сельского хозяйства в конце 1920-х поставил Королевский колледж перед выбором — либо продать купленное в 1925 г. большое поместье Элшам в северном Линкольншире, либо самому взяться за обработку этих земель. Кейнс неожиданно выступил поборником второго решения. «В этом было нечто от покаяния», — написал Хью Дэрнфорд, бывший в то время казначеем. Кейнс, ранее смотревший на сельское хозяйство глазами изворотливого бухгалтера, теперь отдал себя во власть романтизма почвы. И это не было отвлеченной фантазией. Он серьезно относился к обязанностям землевладельца, взявшегося улучшать свое хозяйство, часто наведывался в поместье и со знанием дела обсуждал там с рабочими, как содержать и чем кормить свиней. Этот его первый серьезный контакт с нети-

пичной, по общему признанию, частью английского рабочего класса прибавил ему скорее человечности, чем радикализма. Он также дал выход скрытой склонности к патернализму. В 1930 г. в Тилтоне он вместе с Эдгаром Веллером завел свинарник и подрядился поставлять свинину определенного качества на местную фабрику по производству бекона. Они приобрели огромного борова, которому дали имя Тилтонского Красавца; Кейнс поздравлял Веллера с «грандиозным опоросом» белой свиноматки. Он стал смотреть на себя как на тилтонского сквайра. В 1934 г. он приобрел право на охоту в лесах всей тилтонской округи. В конце 1935 г. он добавил еще двадцать один год к договорному сроку аренды дома и всей фермы — общей площадью примерно в 300 акров — и назначил Логана Томсона, помощника шерифа, ее управляющим. Под Рождество Лидия стала обносить рабочих фермы подарками. В то же время он, как мы видели, начал восхвалять национальную самообеспеченность и толковать о достоинствах ручного труда. Все это были сдвиги в рамках развития его характера и воззрений, которому его экономическая теория давала основательно продуманное объяснение.

Критики готовы были говорить, что '*Общая теория*' стала выражением интеллектуального движения вспять. Справедливее было бы оценить ее как духовное и моральное приспособление к действительности 1930-х гг.

Кейнс не принадлежал к числу тех, кто всю жизнь следит за своими расходами на потребление. Он не был склонен к экстравагантности, но когда у него были деньги, он их тратил не на текущие нужды, а на хорошую жизнь. Так, в 1930-е гг. его пожертвования росли вместе с ростом его богатства — и это несмотря на то, что два его добрых начинания стали жертвами депрессии. В 1933 г. свернулось, как мы видели, *Общество Камарго*, после двух сезонов балетных постановок в условиях глубокого спада. В том же году пришел конец *Ассоциации лондонских художников* (*АЛХ*). В 1930 г. были жестокие ссоры с Дунканом, Ванессой и Роджером Фраем по поводу расширения *Ассоциации*, за которое, поддерживая притязания молодых живописцев, ратовал Кейнс;

в 1931 г. Дункан и Ванесса вышли из *Ассоциации*, получив от галереи *Эгню энд Санз* предложение «слишком хорошее, чтобы можно было отказаться». После их отступничества *Ассоциация* была обречена, потому что именно их полотна продавались лучше всего. В течение нескольких лет после их разрыва с *АЛХ* отношения между Тилтоном и Чарлстоном оставались подчеркнуто холодными. Уход из *Ассоциации* оказался ошибочным поступком и для Дункана, и для Ванессы. Они потеряли контакт с молодыми живописцами, а их собственная индивидуальность не была достаточно сильна, чтобы пробиться сквозь современные вкусы. Их репутации быстро померкли.

Пользуясь своим богатством, Кейнс покупал картины и книги. В 1935–1937 гг. он пополнил свое собрание двумя Сезаннами и двумя Делакруа. Он также впервые купил работу Айвона Китченза, еще одного молодого английского художника, вошедшего в моду в конце 1930-х. Не получилось у него с завершенной картиной Сёра '*Большая прогулка*', один из трех этюдов к которой украшал его коллекцию. В 1935 г. он упустил шанс купить ее у семьи художника, и теперь это жемчужина чикагского *Института искусств*. На середину 1930-х пришлось также начало больших закупок книг и рукописей. Он «разработал план собрать по-настоящему всестороннюю коллекцию, иллюстрирующую историю мысли». Начав с приобретения на аукционе в декабре 1934 г. тридцати шести названий из Лозаннской библиотеки Гиббона, он неуклонно следовал этой цели до конца жизни. Собирание книг и рукописей поглощало все большую часть его энергии, ранее отдававшейся фондовому рынку, но руководил им тот же принцип — покупать по цене, которую он считал ниже истинной стоимости предмета[54]. С этого времени он также начал выделять существенные средства на благотворительность, назначил годовую ренту Кролику Гарнетту, Дункану Гранту и своим юным родственникам, делал щедрые подарки друзьям, главным образом в виде редких книг.

Основные вложения своего капитала Кейнс в эти годы направлял на строительство. Заключив в конце 1935 г. но-

вый арендный договор, он поручил Джорджу Кеннеди перестройку Тилтона. Кеннеди представил также новый проект театра и общежития для студентов Королевского колледжа общей сметной стоимостью 42 тысячи фунтов, но финансировать строительство театра Совет колледжа отказался. 25 июля 1934 г. Кейнс представил меморандум, в котором выражал готовность взять на себя финансовую ответственность за строительство здания и управление театром на условиях предоставления ему в долгосрочную аренду части отводимого под здание участка. Это позволило преодолеть тупик.

> Я считаю [писал он] что хороший маленький театр, оборудованный всеми современными приспособлениями для управления сценой, так же необходим нам для понимания драматических искусств с их сложной зависимостью от литературы, музыки и художественного оформления, как лаборатория для экспериментальной науки. Замечательная особенность нашего поколения в том, что мы далеко продвинулись в возвращении театру... того места в ряду серьезных интересов университета, какое он занимал в начале семнадцатого столетия[55].

Кеннеди представил новый проект театра, на осуществление которого потребовалось бы 15 тысяч фунтов. В октябре 1934 г. в компанию по строительству кембриджского *Театра искусств* Кейнс назначил Нормана Оппеншоу Хиггинса, заправлявшего «изуверски неудобным» кинотеатром *Космополитэн,* на должность секретаря с окладом 400 фунтов в год. Председательствовал в правлении этой компании сам Кейнс. Другими членами правления были Дэди Райлэндз и мисс Дж.М. Харви, бывшая ранее секретарем *Общества Камарго,* а теперь возглавлявшая лондонское *Общество кино.* Хиггинсу предстояло управлять театром, где демонстрировались бы также кинофильмы. Когда Хиггинс возразил, что ничего не смыслит в управлении театрами, Кейнс успокоил его, сказав, что «мы будем учиться на опыте, не стесняемые устоявшимися представлениями, которые в затеваемом нами деле могут оказаться неуместными».

Проект предусматривал зрительный зал на 500–600 мест. Вскоре к этому был добавлен ресторан, поскольку Кейнс настаивал, что цивилизованный театрал «должен иметь возможность поужинать не выходя из здания». Строительство началось в марте 1935 г. Разместить удалось лишь немного привилегированных акций, и поэтому в конце концов на завершение строительства Кейнсу пришлось самому выложить 20 тысяч фунтов — половину в виде беспроцентных ссуд компании, а также собственной сестре Маргарет и мисс Харви, подписавшимся на небольшие суммы. «Самое большое удобство, доставляемое обладанием кое-какими деньгами, — писал он Лидии 17 января 1935 г., — состоит, я думаю, в том, что не надо теребить насчет этого других».

Обеспечивая большую часть денег, Кейнс, естественно, сохранял за собой пристальный контроль над расходами. Но он же был Кейнсом, так что с жадным интересом вникал в каждую мелочь производившихся работ. «Ты не можешь вообразить, на какие мелочи приходится обращать внимание», — говорил он Лидии 10 февраля 1935 г. Кейнс лично вел переписку с профессором Инглисом из *Лаборатории осветительных и электротехнических проблем*. Он бился над расположением духовых и смычковых инструментов в оркестровой яме и оценивал акустические эффекты, создаваемые различными материалами, используемыми для отделения общего пространства под сценой от оркестра — тканых занавесей или «какого-нибудь деревянного сооружения». Он выносил заключение о дизайне кресел и утверждал схему их расстановки в зале. Подбирал цвет деревянных стенных панелей. Зная, каково приходилось Лидии за кулисами, он работал с Хиггинсом над проектами артистических уборных — «настолько больших и удобных, насколько возможно».

Поиски подходящих людей для управления рестораном превратились в затяжной кошмар. Предложение, сделанное некой миссис Бертон, пришлось срочно отозвать, когда ее собственный ресторан обанкротился. Дэди выдвинул кандидатуру «богатого молодого баронета со свя-

зями в обществе». Кан предложил какую-то леди, разбирающуюся в «нюансах». У Хиггинса оказался на примете метрдотель, женатый на поварихе венгерского происхождения. В конечном счете взяты были миссис Хупер и миссис Траверс со ставкой 3 фунта в неделю каждая. Больший успех имело принятое правлением решение о том, что «Председатель и мистер Райлэндс должны вести закупку вин по их усмотрению». Но ресторан так никогда и не стал работать должным образом. На Кейнса легла также задача составить программу для первого сезона. Он разослал драматургам просьбы прислать ему пьесы, театральным менеджерам — предложения обмениваться спектаклями. Ирландский драматург Шон О'Кейси с крайним скептицизмом отнесся к идее в целом. «Он [Кейнс] из ума выжил, что ли? — спросил он Дэвида Гарнетта, которого Кейнс использовал как посредника. — Гораздо лучше построить санаторий для поправки умственного здоровья английских театральных критиков»[56]. Первый сезон кое-как слепили; ударными его постановками были гала-представление балета *Вик-Уэллса* на открытии и цикл спектаклей по четырем пьесам Ибсена; в '*Кукольном доме*' Лидия играла Нору, в '*Строителе Сольнесе*' исполняла роль Хильды Вангель. Первоначально было намерение открыться в октябре. Но пришлось отложить: строительство не уложилось в намеченные сроки.

В начале января 1936 г. он все еще рассматривал «проекты фирменных спичечных коробок, униформы для мальчиков-рассыльных, пробковых полов для артистических уборных и т.д., и т.д.». Люди работали ночами напролет, чтобы все было готово к открытию. Наконец 17 января Кейнс мог сообщить Лидии, что «основное и существенное сделано». Окончательный вид театра вполне его устраивал, если не считать того, что «странная пятиугольная форма [символизировавшая пять искусств — драму, оперу, балет, музыку и кино] делает его, на мой взгляд, немного кособоким». Театр, не имеющий собственного фасада и открытый для входа из студенческого общежития, все еще действует. Это наглядно свидетельствует об особом даре Кеннеди, умевшем созда-

вать просторные интерьеры из ничего и вписывать свои проекты в уже существующие здания[57].

Книга Мейнарда также находилась в стадии «ретуширования»[58]. Это означало весьма основательное ее переписывание, главным образом сокращение и упрощение. «В том, что я хочу сказать, на самом деле нет ничего столь ужасающе сложного, — писал он Хэрроду, — но каждого экономиста некий злой дух толкает под локоть и заставляет его громоздить всякого рода замысловатости и сложности»[59]. В феврале 1935 г. он представил свою новую теорию в Оксфорде; результатом стал известный поединок с Хьюбертом Гендерсоном, который входил теперь в ученое сообщество Колледжа Всех Душ. В середине июня верстка книги была послана Хэрроду, Готри, Кану и Джоан Робинсон. Обмены мнениями с Робертсоном по взаимному согласию не возобновлялись. Раньше в том же году замечания Дениса Кейнс посчитал «крайне болезненными», а состояние его ума «патологическим». Ни Гендерсон, ни Пигу верстки не получили. Таким образом, среди коллег своего поколения только у Готри Кейнс рассчитывал найти достаточно понимания и сочувствия, чтобы помочь ему на завершающей стадии работы. Линии размежевания наметились.

Наибольшее впечатление произвели критические замечания Хэррода; Кейнс написал ему 10 сентября, что «извлек много пользы из ваших мощных ударов и хотел бы получить еще несколько». Хэррод к тому времени преподавал экономическую теорию в оксфордском Крайст-черч-колледже. В состав кембриджского «кружка» он не входил, но в Оксфорде они с Мидом были ведущими кейнсианцами. В 1934 г. это не помешало Хэрроду в рецензии на '*Теорию безработицы*' Пигу назвать ее «высшим интеллектуальным достижением». Главное, чего Хэррод хотел от Кейнса, это смягчить критику классической школы. Он написал ему 30 августа 1935 г.:

> Ваша действительно важная и убедительная критика классических взглядов представлена в Книге I. В классической теории подразумевается, что любой данный уровень про-

изводства уникальным образом коррелируется с данным уровнем *реальной* заработной платы... Как только вы с этим положением расправляетесь, что у вас получается очень убедительно, уровень производства становится либо неопределенным, либо должен быть определен каким-то новым уравнением, не предусмотренным классической системой. Таким образом расчищается путь для радикальной перестройки. Ваше новое уравнение — это шкала предпочтений ликвидности... Больше никакой критики классической системы не требуется. Ваша же последующая критика — сплошь пустая суета, к делу не относящаяся, сомнительная, мелкотравчатая и повергающая в недоумение[60].

Разгром, которому Кейнс подверг классическую теорию процентной ставки, не нравился Хэрроду отчасти из-за сомнительной манеры, в какой это было сделано, но отчасти также и потому, что Кейнс, по его мнению, неправильно истолковал классическую теорию. Что касается манеры, он уговаривал Кейнса «свести к минимуму, а не раздувать ту часть общепринятой доктрины, пересмотр которой влекут за собой ваши взгляды. Общий холокост впечатляет больше. Но... вам уже не требуются подобные искусственные возбудители, чтобы заручиться вниманием к своей работе»[61].

Кейнс ответил 27 августа:

Но общий эффект ваших замечаний таков, что... вызывает у меня ощущение, что мне следует скорее усилить, а не ослабить критику классической школы. Моя цель, конечно, не в том, чтобы меня прочитали. Хотя это может быть необходимо, чтобы меня поняли. Я ужасно боюсь тенденции, признаки которой я вижу и у вас и которая состоит в том, чтобы по видимости принять конструктивную часть моих взглядов, но найти какие-то способы примирить ее с давними, горячо лелеемыми представлениями, что, по существу, возможно лишь при частично неправильном истолковании конструктивной части моей теории. Иными словами, я предполагаю, что огромная часть мною написанного тому и послужит, что утка стряхнет с себя воду. Я уверен, что дело и кончится отряхнувшейся уткой, если моя критика окажется недостаточно сильной, чтобы вынудить приверженцев классической теории выступать с возражениями. Я хочу, если можно так выразиться, поднять пыль...[62]

Содержательная критика Хэррода, представленная 12 августа 1935 г., выглядела следующим образом:

> Я считаю не лишенным смысла утверждение, что процент уравнивает спрос на капитал для инвестиций с наличными сбережениями. И я также считаю, что тот факт, что *S* должно быть равно *I*, сам по себе не лишает силы суждение, что процент является ценой, устанавливающей это равенство. Я далее считаю, что, если бы существовал некий иной механизм, обеспечивающий постоянство дохода, которое подразумевается старой классической доктриной (то есть она неявно исходит из постоянства уровня дохода и не рассматривает процентную ставку как механизм сохранения этого постоянства), тогда классическая доктрина, согласно которой именно процентная ставка уравновешивает склонность к инвестированию со склонностью к сбережению, не только имела бы смысл, но и была бы верна.
>
> Сущность вашей точки зрения, как мне представляется, состоит в том, что оговорка cet[eris] par[ibus] в анализе спроса и предложения, охватывающем в данном случае и уровень дохода, является *несостоятельной*. [Поэтому] классическая теория несостоятельна, но не бессмысленна[63].

Критика Хэррода сводилась к утверждению, что гибкость реальной заработной платы — это условие, при котором классическая теория процента верна. Однако Кейнс настаивал, что классическая теория процентной ставки несостоятельна при любых допущениях. «Она должна быть отброшена во всей ее полноте и не подлежит восстановлению в любом виде, в любой форме».

Беда классической теории [написал он 10 сентября] состоит не в том, что она сужает для себя поле применения, предполагая постоянство дохода, а в ее неумении увидеть, что если изменить любую из ее собственных переменных (а именно склонность к сбережению и шкалу предельной эффективности капитала), то доход должен также *cet. par.* измениться; так что ее инструмент ломается прямо в руке и она не знает и не может сообщить нам, что происходит с процентной ставкой, когда меняется любая из ее собственных переменных.

Я говорю поэтому, что одновременно исходить из постоянства дохода и принимать за переменные склонность к сбережению и шкалу предельной эффективности капитала — это бессмыслица[64].

Кейнс не изменял своего мнения, что классическая теория процентной ставки является «бессмысленной теорией»[65], хотя он отказался от утверждения, что бессмысленной ее делало отождествление сбережений с инвестициями. Он также принял предложение Хэррода вычертить диаграмму — ставшую единственной диаграммой в '*Общей теории*', — представляющую две пересекающиеся кривые, из которых первая показывает, какие капиталовложения будут сделаны при каждой данной процентной ставке, а вторая — какая часть сбережений, в зависимости от процентной ставки, пойдет в инвестиции. Предложение насчет диаграммы Кейнс принял потому, что она «самым изящным образом» отражала соотношение «*между* процентной ставкой и уровнем дохода при данной шкале предельной эффективности капитала и данной склонности к потреблению», а не потому, что он, подобно Хэрроду, полагал, что сбережения определяются *одновременно* и процентной ставкой, и уровнем дохода; он настаивал, что процентная ставка «вообще не имеет никакого отношения к сбережениям»[66].

В исторической главе своей книги Кейнс настроен был возместить вред от написанной им в 1913 г. свирепой рецензии на одну из книг Дж.А. Гобсона[67]. Тогда Кан изрядно потрудился, собирая подготовительный материал, но сам Кейнс вступил с Гобсоном в переписку и продолжал ее поддерживать, так что теперь, в 1935 г., смог воспользоваться ею, чтобы извиниться за прошлое и еще раз сжато изложить свою теорию:

> Суть моей концепции в следующем: сбережения могут образоваться в объеме ничуть не большем, чем это обеспечивается поступлениями от текущих инвестиций. Если стимул [к инвестициям] слабее склонности к сбережению, результатом будет недостаток эффективного спроса, что ведет к сокращению занятости; и безработица возрастает в таком масштабе, какой необходим, чтобы общество стало беднее и, таким образом,

число людей, стремящихся делать сбережения, уменьшилось и сравнялось с числом тех, кто инвестирует капитал[68].

Если не считать краткой поездки вместе с Лидией в Антверпен, где он в июле 1935 г. участвовал в обсуждении проблем валютной стабилизации, все лето и раннюю осень Мейнард провел в Тилтоне за работой над окончательной правкой книги. Опять у него были нелады со здоровьем. За июньским гриппом последовал «яростный приступ раздражительности» в августе. Приезжали Флоренс и Невилл Кейнс; Невилл чудом выкарабкался из серьезной болезни. В августе у них жил Кан, а также племянница Мейнарда Полли Хилл, изучавшая экономическую теорию в Ньюнеме и очень желавшая заполучить своего дядю в наставники. Еще одним гостем был Кингсли Мартин. Незадолго перед тем Мейнард убедил его остаться в *'Нью стейтсмене'* и не принимать предложенной ему и весьма его привлекавшей кафедры; Кейнсу пришлось также разбираться в болезненном вопросе о назначении литературного редактора (этой должности домогались и Рэймонд Мортимер, и Кролик Гарнетт); он также немало потрудился, чтобы достать для Пьеро Сраффы работу, которая позволила бы ему остаться в Кембридже. Но решать чужие проблемы было и его судьбой, и желанием. 15 сентября Лидия сообщила Флоренс, что прочитала книгу об Абиссинии: «Как можно жить в такой стране... w.c. нет ни у кого, кроме царя царей...» Надвигался абиссинский кризис, а за ним вскоре последовали всеобщие выборы, на которых Мейнард впервые и единственный раз в жизни голосовал за лейбористов, хотя все еще ожидал эволюционного продвижения вперед под властью «доброго короля Болдуина».

В рождественское утро Лидия разносила «мешки с подарками» сельским жителям. Они с Мейнардом присматривали за своими «черно-розовыми поросятками» от «самой красивой и дорогой свиноматки в Англии... сверкающими так, что им могла бы позавидовать любая кинозвезда». Дункан Грант, мать Дункана и Кан были их гостями на обеде с индейкой, ветчиной, сыром и сельдереем и так заболтались, что пропустили рождественскую речь короля — последнюю

в его жизни. Мейнард чувствовал себя «совсем неплохо», сообщала Лидия в письме Флоренс. Каждый день Эдгар доставлял их к вершине Даунс, «откуда мы спускаемся, плюхаемся в кресла, пьем чай и погружаемся в сомнамбулическое состояние»[69].

'Общая теория занятости, процента и денег' вышла в свет 4 февраля 1936 г. *Театр искусств* открылся накануне — два начинания, связанные единым чувством, воплотились в жизнь одновременно.

XXX
Стрельба в луну

1. Общий взгляд и метод

'*Общая теория занятости, процента и денег*' — работа непреходящего очарования. Все в ней просто и тонко, неясно и глубоко. В систематизированной форме она предложила не только способ мышления о поведении современных экономических систем, но и понимание ловушек, всегда расставленных на путях, ведущих к увеличению богатства. Она соединила видение будущего со строго выверенными доводами в пользу возможности достичь равновесия при неполной занятости. Притом что молодых экономистов, склонных к отвлеченным размышлениям, она привлекала набором идей, будивших мысль, самым ценным для них была ее практическая применимость в мире, который раскачивался между распадающейся демократией и поднявшей голову диктатурой.

Ядро ее образует «теория производства и занятости, взятых как целое», в отличие от ортодоксальной теории, выяснявшей, как «вознаграждаются и как распределяются данные количества ресурсов при различных способах их использования»[1]. Кейнс был первым экономистом, взглянувшим на экономику как на общий объем производства, проистекающего из общего потока затрат. Этот новый взгляд на архитектуру экономики оказался наиболее устойчивым наследием '*Общей теории*'.

Производство и занятость зависят от того, сколько общество расходует. Если рабочие и оборудование простаива-

ют, то происходит это потому, что общество недостаточно тратит на покупку продукции, которую они могут совместно производить. Если измерить в деньгах, сколько общество покупает и сколько дополнительной продукции произвели бы нынешние безработные, будь они вовлечены в производство, можно вычислить, какой дополнительный «спрос» (или какая покупательная способность) должен быть «впрыснут» в экономику, чтобы закрыть «производственную брешь». Таким образом, концепции Кейнса в их сводном виде прокладывали прямой путь к разработке счетов национального дохода и к политике «управления спросом», с которыми связывается его имя. Зависимость занятости от расходов разъясняется в одном из самых известных пассажей '*Общей теории*':

> Если бы Казначейство набило пустые бутылки банкнотами, поместило их на дно заброшенных шахт, сверху завалило городским мусором и предоставило частным предпринимателям откапывать их, действуя на основе хорошо проверенных принципов *laisser-faire*... тогда бы с безработицей было покончено[2].

Именно такова «модель» моральной драмы, которую Кейнс видит в экономическом процессе. По его словам, именно «психология общества», привитая необходимостью действовать в условиях неопределенности будущего, ставит перед человечеством его извечную экономическую проблему. Поскольку будущее неизвестно и поэтому часто внушает страх, всегда неполное использование возможностей экономики отодвигает достижение единственно разумной цели экономической деятельности — «благоденствия». Реальное производство обычно находится на уровне ниже производства «потенциального»; в периоды депрессии это принимает характер бедствия. Лишь в моменты «возбуждения» экономическая машина работает на полную мощность. Это помогает понять, почему экономический прогресс идет так медленно и прерывисто.

Именно с открытого признания, что человеческое поведение находится под воздействием неопределенности, начинается разрыв Кейнса с классической экономической

мыслью. Классическую теорию интересовала логика выбора в условиях дефицита; теория Кейнса имеет дело с логикой выбора в условиях неопределенности. Эта смена угла зрения ведет к радикально иному представлению о психологии действия. То, что Кейнс называет «склонностью к сбережению», связано не столько с верой в лучшее завтра, сколько с тревогами по поводу этого завтра. Инвестиция — это также не столько плод разумного расчета, сколько следствие «бодрого взгляда на жизнь». Неопределенность, следовательно, навязывает своего рода постоянную боязнь будущего, которая служит тормозом экономического прогресса. Только толчок подстегивающих внешних событий может вывести экономическую деятельность из ее обычной колеи. Показательны для Кейнса рассуждения в '*Трактате о деньгах*' о том, что сокровища, захваченные Дрейком у испанцев в 1570-х и 1580-х гг., оказались не только «источником и прародителем заграничных капиталовложений Британии», но и заложили основу всего ее экономического развития[3].

Упор на неопределенность приводит Кейнса к особому пониманию происхождения и применения денег. Как ему представляется, деньги были изобретены не только (или главным образом) для улучшения условий продуктообмена, но как «хранилище ценности». Обладание наличными деньгами уменьшает степень беззащитности перед неизвестным и таким образом оказывает успокаивающее действие. Люди всегда оказываются перед выбором — расходовать деньги на те или иные цели либо не тратить их вообще. Ликвидность дает возможность уйти от деятельности. Предоставляемая монетарной экономикой свобода воздерживаться от расходов — это логическое ядро в рассуждениях Кейнса, опровергающих закон Сэя, согласно которому «предложение само создает для себя спрос». Вместо этого он в 1933 г. сказал своим студентам: «Расход сам создает для себя доход»[4].

По мере того как менялись теоретические взгляды Кейнса, менялись и его суждения о «любви к деньгам». Он всегда видел в ней своего рода извращение истинных целей жизни, понимаемых в духе пуританизма. Но в 1920-е гг. он по крайней мере придавал ей функциональное значение: несъе-

денный пирог становится источником средств для капиталовложений, открывающих путь к изобилию. В '*Общей теории*', «любовь к деньгам» превращается в объяснение, почему пирог имеет такие именно размеры — и не больше. В свете устанавливаемых Кейнсом новых нравственных правил игры она ведет не к тому, что строится лучшее завтра, а к тому, что из-за ростовщических процентных ставок предприниматели лишаются средств для инвестиций. Задача правительства — поощрять предпринимательство путем понижения цены капитала. А если этого недостаточно, самому делать дополнительные инвестиции. Таким путем можно и ускорить снижение процентной ставки, и приблизить день изобилия, досуга и наслаждения жизнью.

Общую теорию можно толковать как драму — моральную, но не историческую или социологическую. Социальный пейзаж, различимый в ранних сочинениях Кейнса, исчезает: пуританский класс рантье, класс деловых людей, рабочие — все они заменены бестелесными «склонностями». Совсем не упоминаются большая война, политические и валютные потрясения, перемены в соотношении сил труда и капитала — события, из которых каждое могло бы считаться причиной Великой депрессии. Вопрос о том, была ли Великая депрессия 1930-х гг. явлением *sui generis* или всегда возможным результатом нормальной работы рыночной экономики, — вопрос историко-социологический, и чтобы на него ответить, одной только экономической теории мало.

В формально-теоретическом смысле революционным достижением Кейнса было то, что он показал возможность равновесия при неполной занятости. В децентрализованной капиталистической экономике нет никакого механизма, автоматически рождающего тенденцию к полному использованию ее ресурсов. Вместо классического представления о регулировании посредством меняющегося соотношения цен, которые поддерживают (или быстро восстанавливают) «оптимальное» равновесие, Кейнс выдвинул идею множества возможных уровней равновесия, каждый из которых соответствует некоторому комплексу ожиданий на будущее. Джон Хикс первым указал на революционный характер

кейнсовского «метода ожиданий». Он писал: «Смысл метода в том, что он возвращает определенность в процесс изменений. Производство товаров и услуг и уровень занятости рабочей силы, как и вся система цен, определенны для любого краткосрочного периода, если заданы существующие на начало этого периода запасы товаров (...включая средства производства) и если *заданы также ожидания людей в отношении будущих состояний рынка*» (курсив мой — *Р.С.)*[5].

Представление, что рынок, имеющий избыток рабочей силы и оборудования, может находиться «в равновесии», само по себе новизной не отличалось. Его корни уходили в предложенные Маршаллом понятия «краткосрочного» или «временного» равновесия; этот аналитический прием Маршалл обычно использовал, имея в виду провести различие между начальным уровнем занятости, соответствующим данному основному капиталу (заводы, оборудование), и тем, который возникает при сокращении или расширении самого основного капитала, к чему, как правило, ведет действие экономических сил в долгосрочной перспективе. Его целью было показать, что для полного отклика предложения на спрос требуется некоторый срок и что в это промежуточное время предложение рабочей силы является эластичным. Кейнс взял метод Маршалла, которым тот пользовался для анализа фактора времени применительно к отдельным рынкам, и распространил его на экономику в целом. Его равновесие при неполной занятости — это равновесие, в котором излишек рабочей силы образовался относительно всех имеющихся в экономике средств производства. Используя свой «метод ожиданий», чтобы заморозить и заключить движущуюся картину в некую теоретическую раму, он предлагает исходить из того, что этот «краткий период» может длиться долго. В условиях Великой депрессии такой аналитический прием выглядел разумно; он также позволил Кейнсу ввести устойчивые математические функции для переменных, «которыми может сознательно управлять... центральная власть...»[6] Можно ли «замораживание» принимать за подлинное «равновесие» — вопрос, вызывающий большие сомнения, и как раз потому, что таким образом исключаются

изменения в «структуре производства», которые, по мнению австрийских и шведских экономистов, составляют важнейшее звено в «классическом процессе» регулирования. Кейнс соглашается, что медленное восстановление приводит к некоторым структурным изменениям, но отрицает, что они представляют тенденцию к полной занятости. Занятость в ее долгосрочном измерении может быть полнее занятости в любой данный момент; но полной занятости, как правило, не бывает.

Общая теория включает в себя как изложение системы собственных взглядов Кейнса, так и критику того, что он называет «классической теорией». По страницам книги бродит преследуемое им враждебное существо, которое Деннис Робертсон окрестил «многоликой тетушкой Салли[λ] неопределенного возраста» и которое сам Кейнс называет *экономистом классической школы*. Избранный Кейнсом прием нападок на эту мифическую фигуру раздражал, но действовал очень эффективно. Он был рассчитан на то, чтобы вытащить на свет неявные посылки, на которых держалась вера его оппонентов в саморегулирование рынка, и сделать это, главным образом показывая то, с чем они, следуя своей вере, должны были соглашаться. *Общая теория* представляла собой акт троякого творчества: Кейнс изобретал не только собственную теорию, но также и классическую теорию, и традиционную для экономистов школу инакомыслия, которой, по его утверждениям, он наследовал.

Трудности, с которыми сталкивается Кейнс, стараясь втиснуть свое воображение в определенную модель, натянуть на него смирительную рубашку *Общей теории*, очень плохо поддаются перевариванию. Читать многое в Книге II, где даются определения, — такой же кошмар, каким для Кейнса, вероятно, было это писать. Неопределенность в том, является ли его «равновесие при безработице» временным или устойчивым, затрудняет обсуждение этой идеи в сопоставлении с классической теорией, исходившей из наличия

[λ]Традиционный реквизит народных гуляний: мишень для «стрелков» — чучело бабы с глиняной трубкой, которую надо выбить у нее изо рта.

тенденции к полной занятости. После выхода '*Общей теории*' в свет Кейнс не раз предупреждал против преждевременной формализации системы своих взглядов. Но представление ее в виде механистической модели было необходимым условием ее триумфа как инструмента экономической политики.

Все это позволяет понять, почему «простые» идеи '*Общей теории*' часто теряются в лабиринте загадок и парадоксов. Пигу об этом писал: «Перед нами был артист, стреляющий в луну. К каким бы заключениям мы ни приходили по поводу его меткости, всем нам дано было восхищаться тем, как искусно он действует». Едва '*Общая теория*' была освоена, свет луны померк как нечто лишнее для учебника экономической мысли.

2. Общая теория

Объем продукции, выпускаемой в данной экономической системе, зависит от двух потоков спроса — потребительского спроса и инвестиционного спроса: Y = C + I, согласно принятым Кейнсом обозначениям. Все это означает, что стоимость текущей продукции должна равняться сумме доходов, затраченной на ее покупку. Исчезли особые определения, введенные в '*Трактате*' и допускавшие неравенство между сбережениями и инвестициями. S [Сбережение] = Y [Доход] — C [Потребление]. Поэтому I = S. Сбережения и инвестиции повязаны между собой, как сиамские близнецы: и то и другое растет или падает вместе с производством (доходом). Ввиду того что занятость зависит от производства, у Кейнса появляется теория занятости. Он имеет возможность утверждать, что занятость определяется «эффективным спросом» — тем, что люди расходуют на приобретение потребительских и инвестиционных товаров. Эта «простая и очевидная» идея лежит в основе *Общей теории*.

Глава 3 дает предварительное знакомство с «теорией эффективного спроса». Эффективный спрос определяется ожидаемой предпринимателями коммерческой выручкой

(доходами) от тех рабочих мест, которые они решают предоставить. Занятость будет находиться в равновесии — обнаруживая тенденцию к изменению своего уровня, — когда выручка, ожидаемая предпринимателями от продажи данного количества продукции, равна ожидаемым затратам на создание этой продукции. Кейнс утверждает, что при равенстве между ожидаемой выручкой от продаж и ожидаемыми издержками производства экономика может быть в равновесии и при неполной занятости. В остальной части книги объясняется, каким образом может складываться такое положение.

Книги III и IV, где рассматриваются потребительский спрос, инвестиционный спрос и процентная ставка, образуют аналитическое ядро, потому что эти переменные определяют объем производства и уровень занятости. В краткосрочном измерении «склонность к потреблению» составляет «весьма устойчивую» долю текущего дохода. Согласно «психологическому закону» Кейнса, с ростом дохода потребление растет в меньшей пропорции, а при сокращении дохода оно тоже сокращается в меньшей степени[7]. Большая по сравнению с доходом устойчивость потребления придает системе некоторую меру стабильности. Еще важнее то, что, если известна склонность к потреблению, можно показать, что рост и сокращение дохода сходятся в точке равенства сбережений и инвестиций. Если, выражаясь языком '*Трактата*', сбережения «обгоняют» инвестиции, то сокращение доходов, делая общество беднее, автоматически устраняет «избыточное сбережение»; если же инвестиции «обгоняют» сбережения, рост доходов, делая общество богаче, автоматически создает дополнительные сбережения. Как говорил Остин Робинсон, «при равновесии... сбережения должны равняться инвестициям... если же возникает тенденция, нарушающая их равенство, уровень деловой активности будет меняться, пока это равенство не будет восстановлено»[8].

Знаменитый мультипликатор дохода, выведенный из придуманного Каном мультипликатора занятости, показывает, *насколько* доход должен возрасти или сократиться, чтобы был устранен всякий разрыв между намечаемым сбережением и реальными капиталовложениями. Таким образом

происходит также взаимное приспособление дохода и объема производства, то есть действует главный механизм, который приводит экономику к новому уровню равновесия: отсюда и широко известный кейнсианский лозунг: «Регулирующую роль выполняют объемы, а не цены». По мнению одного из авторитетных знатоков, это двойное доказательство — «важнейшая новаторская особенность» *Общей теории*[9]. Это является также тем положением *Общей теории*, которое наиболее полезно для практической политики, поскольку позволяет правительству выяснить, какие необходимы дополнительные расходы, чтобы устранить безработицу, или насколько расходы следует сократить, чтобы устранить инфляцию. Вторая задача никого не беспокоила в начале 1930-х гг., но эта обобщающая кейнсианская арифметика оказалась в высшей степени полезной для правительств во время Второй мировой войны.

Функция потребления выявляет тот факт, что общество, сберегающее часть своего дохода, вполне может оказаться в ситуации «равновесия при неполной занятости». Представленный Кейнсом знаменитый «парадокс бережливости» состоял в том, что, если ожидаемая доходность капиталовложений не растет, любое возросшее желание сберегать прокладывает путь к сокращению действительных сбережений из-за уменьшения дохода. Но растущая склонность к сбережению может подрывать стимулы к инвестированию капитала, уменьшая у предпринимателей ожидания будущего потребления, от которых зависит ожидаемая доходность инвестиций. Кейнс говорит об этом примерно так: решение сберегать ограничивает желание бизнеса готовить сегодняшний обед, не располагая его при этом к готовке обеда завтрашнего; более того, «поскольку ожидание будущего потребления так сильно зависит от опыта существующего потребления», это снижает и расположенность к завтрашним занятиям самого бизнеса[10]. Стало быть, чем общество «бережливее», тем больше его предрасположенность к застою. Более того, поскольку при восстановлении доходы превышают потребление, равенство между сбережениями и инвестициями может установиться прежде, чем будет достигну-

та полная занятость. На этом основывалось мнение Кейнса, что в условиях *laisser-faire* процессы восстановления могут оборваться прежде, чем достигнута полная занятость; или, сказать иначе, в полной занятости следует видеть «частный случай», а отнюдь не общее правило.

При данной «склонности к потреблению» количество существующих в обществе рабочих мест зависит от складывающегося в нем темпа роста капиталовложений или коэффициента прироста его основного капитала. «Побуждение вложить капитал» возникает всякий раз, как ожидаемый процент возврата на инвестицию оказывается выше цены заемных денег, то есть когда то, что Кейнс называет «предельной эффективностью капитала», имеет положительное значение. В главе 12, названной '*Состояние долгосрочных ожиданий*', неопределенность инвестиционного спроса выступает как важнейшая причина колебаний уровня занятости. Основанием для такого суждения служит ссылка на изменчивость ожиданий будущей доходности капиталовложений.

Исходная посылка Кейнса — «крайняя ненадежность основ, на которые приходится опираться в оценках предполагаемого дохода»[11]. Фондовая биржа уменьшает рискованность инвестиций, делая их ликвидными для индивидуумов, но капиталовложениям в целом она придает гораздо большую изменчивость, так как в любой момент инвесторы могут и покупать, и продавать. Цены акций зависят не от реальных перспектив капиталовложений, а от преобладающих настроений, способных резко меняться в течение дня в зависимости от поступающих новостей. Именно хрупкость знаний, которые обычно определяют курсы акций, ставят инвестиционную функцию в прямую зависимость от «бодрости духа», определяемой как «всегдашнее стремление действовать, скорее чем бездействовать»[12].

Для многих кейнсианцев содержание главы 12 — это «широкое видение» *Общей теории* и, более того, ядро кейнсианской революции в обоих ее направлениях: и в нападении на этику капитализма — «когда накопление капитала в стране оказывается побочным продуктом деятельности казино, скорее всего, задача будет выполнена неважно», — и в

неприятии измеримости дел человеческих. Кейнс предается размышлениям о том, что «единственным радикальным средством против кризисов определенности, сотрясающих экономическую жизнь современного мира, могло бы стать лишение индивидуума всякого выбора между потреблением его дохода и заявкой на производство какого-то определенного средства производства»[13]. Но дальнейшее трезвое обсуждение темы приводит к заключению, что государству следует брать на себя «все возрастающую ответственность за непосредственную организацию капиталовложений... рассчитанную на длительные сроки»[14].

В этих пределах теория Кейнса может быть представлена следующим образом. Совокупные производство и реальные доходы определяются потребительским и инвестиционным спросом. При данной склонности к потреблению реальный доход изменяется в зависимости от инвестиционного спроса. Это равносильно утверждению, что реальный доход изменяется таким образом, чтобы поддерживать равенство между сбережениями и инвестициями. Но теория остается незавершенной: еще нужно учесть процентную ставку, которая должна устанавливать «определенный» уровень дохода ввиду его влияния на норму инвестирования. Чем же в таком случае определяется процентная ставка?

«Процентная ставка, — пишет Кейнс, — это «цена», которая уравновешивает желание держать богатство в форме наличных денег и имеющееся количество наличных денег»[15]. Чем больше люди предпочитают держать свои сбережения в денежной форме, тем выше ставка процента, которую они будут требовать в качестве платы за то, что расстаются со своими деньгами. Срыв ожидаемой доходности капиталовложения порождает тенденцию к большему предпочтению ликвидности, подталкивая тем самым ставку процента вверх как раз тогда, когда ей следовало бы понизиться. Таким образом, логическая цепь *Общей теории* замыкается указанием на то, что ставка процента может сохраняться на более высоком уровне, чем необходимая для обеспечения полной занятости «норма возвращения к капиталу».

Почему у людей появляется желание держать свое богатство в форме наличных денег? «Необходимым условием», более того, «единственным внятным основанием» для того, что Кейнс несколько неуклюже называет «спекулятивным» побуждением держать деньги наличными, является «неопределенность в отношении будущих процентных ставок»[16]. Будь это иначе, рассуждает Кейнс, инвесторы, желающие расстаться с акциями, стали бы покупать государственные облигации. Это подняло бы цену облигаций и снизило их доходность, и для бизнесменов стало бы выгоднее осуществлять свои капиталовложения за счет привлечения заемных средств. Но если «спекулянты» посчитают, что процентная ставка опустилась «слишком низко» — ниже «обычного» или ожидавшегося уровня, — они станут продавать облигации за наличные деньги и тем самым останавливать падение процентной ставки либо поднимать ее. Кейнс не исследует причин, которые определяют данный уровень ожидаемой процентной ставки, — этим занялся Деннис Робертсон.

Денежная власть может сама заняться покупкой облигаций (вести операции на открытом рынке). Но это способно вызвать продажу облигаций частным сектором, если денежная политика покажется «нездоровой». В этом случае можно получить «западню ликвидности», ситуацию, когда денежная политика не в состоянии сбить процентную ставку ниже уровня, установленного боязнью инфляции или дефолта. Чем ниже ставка процента, тем меньше «доход от неликвидности», позволяющий страховать себя против риска потерять капитал. Это, говорит Кейнс, главное, что препятствует снижению процентной ставки до очень малой величины. Ставка по долгосрочным обязательствам, равная 2 процентам, «вселяет больше опасений, чем надежд, и в то же время обещает текущий доход, способный лишь в малой степени возместить переживаемые страхи». Предпочтение ликвидности может в этом случае стать, «по существу, абсолютным» в том смысле, что почти каждый предпочитает держать наличные деньги и не влезать в долги. Однако бегство к наличности может иметь место и при более высокой процентной ставке, как произошло в Соединенных Штатах в

1931–1932 гг. В этом случае денежные власти утрачивают эффективный контроль над процентной ставкой по долгосрочным обязательствам. Однако денежная политика, пользующаяся общественным доверием, может иметь успех, тогда как политика, «расцениваемая как экспериментальная или легко могущая измениться», будет терпеть неудачу[17].

Теория процентной ставки завершает рассуждения Кейнса. Сама выступающая на рынке как определенная цена денег, она через воздействие на стимулы к вложению капитала в каждый момент времени задает уровень дохода общества; а влияя на склонность к сбережению некоторой доли данного дохода, помогает определять величину мультипликатора.

Общая теория Кейнса объединила две идеи: (а) что стимулы к вложению капитала обычно слишком слабы, а склонность к накоплению слишком велика, чтобы в нормальных обстоятельствах обеспечить полную занятость ресурсов; и (б) что именно изменения в производстве и занятости, а не в заработной плате и процентной ставке приспосабливают экономику к любым «потрясениям» на стороне инвестиционного спроса. Из этих двух положений, взятых в сочетании друг с другом, следует, что капиталистическая экономика всегда колеблется вокруг уровней производства и занятости, которые обычно ниже уровней, соответствующих «полному» использованию ресурсов.

Второе положение выражает сущность Кейнсовой теории «короткого периода». Чтобы убедить коллег-экономистов в правильности своей теории, Кейнс должен был показать, в чем состоит ошибка ортодоксальной доктрины: он должен был показать несостоятельность объяснений, которые давали «классики» нерассасываемой безработице, поскольку отрицать сам факт ее существования было невозможно. Экономисты классической школы утверждали, что при гибкости денежной заработной платы уровень занятости сохранялся бы независимо от того, что происходит с платежеспособным спросом. «Вязкость» заработной платы принималась тогда за достаточное объяснение, безработица возникает и сохраняется — по крайней мере, пока не происходит

регулирование заработной платы. Кейнс обычно принимал это объяснение, и в '*Экономических последствиях мистера Черчилля*' писал нечто в этом духе. Но в '*Общей теории*' этого нет. Здесь, в главе 2, он говорит, что сокращение денежной заработной платы не обязательно сохранит занятость, потому что уровень занятости зависит от реальной, а не от денежной заработной платы, и в той мере, в какой понижение денежной заработной платы сокращает покупательную способность, сбивая тем самым продажные цены, оно никак не будет способствовать восстановлению прибылей предпринимателей, и отсюда следовало сделанное Кейнсом в 1933 г. богатое смыслом замечание: «В условиях резкого спада рабочим некуда деться от высокой реальной заработной платы». Пигу в своей '*Теории безработицы*' (1933 г.) доказывал, что при совершенной гибкости заработной платы она будет сокращаться в большей мере, чем доход (прибыль) предпринимателей, — издержки производства в большей мере, чем цены, — сохраняя таким образом занятость за счет снижения реальной заработной платы рабочих. Кейнс исхитрился обойти эту аргументацию, поставив перед доходом определение «ожидаемый». В главе 19 он утверждает, что мера, в какой снижение денежной заработной платы воздействует на занятость, зависит от того, как оно повлияет на ожидания прибыли, то есть на составляющие совокупного спроса — на потребление, инвестиции и процентную ставку. Он заключил, что всеобщее сокращение денежной заработной платы может улучшить положение с занятостью при двух условиях: (а) если оно поднимет деловую уверенность и (б) если приведет к относительному, в сравнении с существующей денежной массой, сокращению спроса на деньги, потребные для оплаты сделок (или выдачи заработной платы). Наличие таких условий сделало бы возможным снижение процентной ставки. Но достижение (а) крайне неопределенно, а самая надежная политика для достижения (б) потребует увеличения массы денег: «Только... болван... способен предпочесть гибкую политику заработной платы гибкой денежной политике»[18]. Короче говоря, требуемое сокращение средней реальной заработной платы должно быть обеспечено политикой

расширения совокупного спроса, результатом чего должно стать повышение цен. Вынужденная безработица, писал Кейнс, возникает всякий раз, когда повышение цен относительно существующей денежной заработной платы увеличивает число занятых.

Следовательно, предложенная Кейнсом теория не ставит уровень занятости в зависимость от того, фиксируются ли ставки денежной заработной платы и цены. Но при этом Кейнс не считал, что заработная плата и цены остаются неизменными, когда совокупный спрос растет: в сущности, одно из положений его теории и состояло в том, что цены, как и производство, растут, если в условиях вынужденной безработицы стимулируется спрос. В главе 21 ('*Теория цен*') Кейнс признает, что рост занятости будет сопровождаться умеренным повышением цен, независимо от любых изменений средней ставки денежной заработной платы, потому что виды труда различны, потому что вероятно образование «узких мест» и потому что цена капитала может расти быстрее цены труда. Более того, повышение уровня цен относительно уровня заработной платы Кейнс рассматривал как условие восстановления. Но вдобавок от восстановления следует ожидать давления в пользу повышения ставок денежной заработной платы. Таким образом, вероятной становится «полуинфляция» при отсутствии полной занятости. При полной занятости во всю силу начинает действовать количественная теория денег, так что любое дальнейшее расширение спроса на деньги целиком выливается в рост цен. Это оставляет неопределенным ответ на вопрос о том, как то или иное увеличение (или уменьшение) спроса на деньги делят между собой цены и производство, хотя Кейнс полагал разумным исходить из того, что «умеренное [увеличение] эффективного спроса в ситуации широкого распространения безработицы может очень незначительно сказаться на повышении цен и повлиять главным образом на расширение занятости»[19]. В 1939 г. Дж. Г. Данлоп и Л. Таршис наполовину убедили его, что все больший возврат к широкомасштабной и несовершенной конкуренции мог бы снижать средние затраты на единицу продукции по мере увеличения занятости, устраняя

необходимость повышения цен и снижения реальной заработной платы[20]. Многие кейнсианцы послевоенного времени считали, что этого фактора будет достаточно, чтобы вырвать из политики полной занятости всякое инфляционное жало.

Рассуждения Кейнса о проблеме заработной платы били по «классическому» положению, согласно которому при условии, что ставки денежной заработной платы являются совершенно гибкими, ничто не препятствует полной занятости при любом уровне денежных доходов. Кейнс показал, что скорее только один уровень денежных доходов (или совокупного спроса) обеспечивает реальную заработную плату, совместимую с полной занятостью.

Другим классическим механизмом регулирования считалась процентная ставка. Кейнс признавался, что он «затрудняется сказать... точно», в чем состояла классическая теория процента, но полагал, что она рассматривает его «как фактор, уравновешивающий инвестиционный спрос и готовность к сбережению»[21]. Ему это представлялось «бессмысленной» теорией, потому что она пренебрегает влиянием, которое изменения в кривой спроса на средства производства оказывают на доход, за счет которого создаются сбережения. Получаемая таким образом теория процента обретает смысл при условии, что доход остается постоянным, когда изменяются инвестиции. «Ошибка, — пишет Кейнс, — проистекает из понимания процента как вознаграждения за ожидание как таковое, а не за отказ от обращения свободных средств в неподвижное сокровище... Только если деньги используются исключительно для деловых операций и никогда для накопления ценностей, [классическая] теория может соответствовать действительности»[22].

Остальная часть '*Общей теории*' рассчитана главным образом на то, чтобы будить мысль, а не предлагать законченные выводы. Здесь в теоретическом ключе излагается экономическая история, которая указывает на постоянную проблему порождаемой неопределенностью слабости «побуждений к инвестированию капитала» и в которой девятнадцатое столетие предстает «частным случаем», когда соотношение психологических наклонностей складывалось таким обра-

зом, что устанавливался «разумно приемлемый средний уровень занятости»[23]. Выраженное во многих местах убеждение Кейнса, что «экономическая система, в которой мы живем», характеризуется колебаниями вокруг «уровня деловой активности, хронически отстающей от нормы»[24], приводит его к парадоксальному заключению, что «средством от бума является повышение, а не понижение процентной ставки! Ибо эта последняя может способствовать тому, что так называемый бум будет продолжаться»[25]. В главе 23 содержатся '*Заметки о меркантилизме*', в которых Кейнс указывает исторический источник своего беспокойства насчет эффективного спроса и, к великому неудовольствию Роя Хэррода, выступает в защиту средневековых законов о ростовщичестве. Есть тут и размышления о судьбе, которая ждет зрелую капиталистическую экономику, если государство не расширит своими ресурсами угасающий частный инвестиционный спрос. Представленный в главе 17 — '*Важные свойства процента и денег*', — этот тезис о «светском застое» особенно привлек внимание экономистов, настроенных на отвлеченные размышления. В нем превосходно кристаллизовался дефляционный образ мысли Кейнса, предлагающего понимать, что желание накапливать деньги может быть губительным для всех форм производства, так что богатые общества будут, подобно царю Мидасу, голодать в городах, построенных из золота. Единственное предлагаемое Кейнсом средство — сделать деньги испортившимся, дурно пахнущим продуктом, наподобие зеленого сыра, чтобы люди утратили желание за них держаться[26]. По окончании Второй мировой войны правительства последовали его совету, создав предсказанную Кейнсом в 1933 г. — по ходу размышлений иного порядка — «систему предпринимательства, тяготеющую к чрезмерному спросу и сверхзанятости в той же мере, в какой наша нынешняя система имеет тенденцию сохранять недостаточный спрос и неполную занятость»[27].

В последней главе с ее '*Замечаниями о социальной философии*' Кейнс, можно считать, предлагает обновленную в свете своей новой теории концепцию *Среднего пути*, родившуюся у него в 1920-е гг. С чрезмерной бережливостью мож-

но было бы, дескать, справиться путем перераспределения покупательной способности тех, кто имеет высокую склонность к потреблению (рабочих). Выгоду денежных накоплений можно уменьшить, устанавливая низкую процентную ставку. Тем самым накопители денег лишились бы возможности наживаться на нехватке средств для капиталовложений, и следствием стала бы «эвтаназия рантье». Поскольку денежная политика едва ли способна обеспечить «оптимальную процентную ставку», Кейнс выступает в защиту «некоторой степени всесторонней социализации капиталовложений»; эту неоднозначную по смыслу формулу следует воспринимать с учетом той поддержки, которую десятью годами раньше он оказал сектору коммунальных служб. Устанавливать с помощью рычагов централизованного управления необходимый для полной занятости уровень спроса, значит, создавать положение, при котором «причин социализировать экономическую жизнь останется не больше, чем было прежде». Это почти полное одобрение системы частного предпринимательства[28]. С устранением недостатка в спросе призывы коммунизма и фашизма лишатся своей привлекательности. Здесь же часто цитируемое изречение Кейнса, выразившее его предчувствие своего триумфа: «Сила корпораций преувеличивается в сравнении с силой, какую несет с собой вторжение идей»[29].

3. Кейнс и классики

С выходом в свет '*Общей теории*' в среде экономистов разгорелась война. Работа сразу вызвала большие волнения. Ее широко рецензировали ведущие журналы, как и текущая печать всего мира. Хотя выраженные в этих откликах мнения резко разделились, не было ни единого случая, когда бы напрямую отрицалось ее серьезное значение. Даже наиболее враждебно настроенные критики признавали, что над соображениями Кейнса следует основательно задуматься. Здесь невозможно дать полное представление о пыли, поднятой этой книгой. По существу, однако, разговоры шли вокруг

двух проблем. Первая — это соотношение между теорией Кейнса и классической экономической мыслью. Тема представляла интерес главным образом для экономистов старшего поколения, которые почти единодушно отвергали новую доктрину. Вторая составляла предмет разногласий между теми — преимущественно молодыми — экономистами, которые принимали *Общую теорию* в том или ином разрезе. Вопрос перед ними вставал такой: надо ли воспринимать ее как описание механизма экономической политики, которая годится для определенных, конкретно сложившихся и соответствующих ей условий, или она закладывает основу по-настоящему новой экономической теории? Кейнс принимал активное, даже героическое участие в спорах по обеим проблемам. У него был, как он говорил Лидии, «такой ужасный нрав спорщика». Однако его силы и время отдавались больше обсуждению первой проблемы, чем второй. А жаль, потому что он мало чего добился в попытках убедить стариков, потеряв при этом контроль над толкованиями своей «революции» и разъяснением ее молодым.

В своей книге Кейнс сурово обошелся с Пигу, и в майском выпуске '*Economica*' за 1936 г. Пигу нанес ответный удар в «самом ужасном» и «совершенно поверхностном» стиле. Кейнс прочитал этот отклик не без легкого огорчения: «Я все равно хотел бы донести до его сознания суть моих соображений, ибо мне очень интересно было бы знать, что он об этом думает. Но бесполезно насвистывать новую мелодию настройщику органа, когда ни создателя органа, ни знаменитого некогда органиста уже нет в живых»[30].

Подобно другим кембриджским экономистам-старикам, Пигу сокрушался по поводу саркастических выпадов Кейнса против кумиров его профессии, особенно Маршалла, — манеры, которую, как ему представлялось, Кейнс усвоил еще во времена '*Экономических последствий мира*'. «Эйнштейн в физике совершил то же самое, что мистер Кейнс, как он сам считает, сделал в экономической теории. Он разработал далеко идущее теоретическое обобщение, в свете которого физика Ньютона может пониматься как частный случай. Но, объявляя о своем открытии, он не пытался посредством

тщательно подобранных колкостей создавать впечатление, будто Ньютон и те, кто по сей день за ним следуют, — это бригада негодных работников»[31]. Пигу сожалел о привычке Кейнса валить всех не согласных с ним экономистов в общую кучу, называть их «классиками» и приписывать им суждения, противоречащие их теориям. Или взять обвинения Кейнса в адрес Маршалла и Пигу, которых он осуждает за то, что они абстрагируются от монетарных беспорядков, но ведь это просто общепризнанный прием — начинать анализ с упрощения исходных посылок. Отказ самого Кейнса от этого приема во имя «достижения столь высокой стадии обобщения, на которой все должно обсуждаться одновременно», ведет к нечеткости и непоследовательности в использовании понятий и к смешению неизменных и подвижных состояний.

Что касается самой теории, то Пигу отверг мнение Кейнса, будто процентная ставка не зависит от величины сбережений или спроса на капитал. При возрастающем спросе на реальный капитал процентная ставка должна обязательно повыситься, если монетарная политика не удерживает ее на низком уровне искусственно.

> Решение вырвать зубы само по себе не есть решение купить и вставить искусственные. Но на деле мало кто принимает первое решение безотносительно ко второму. Поскольку искусственные зубы потребуются лишь через несколько месяцев после удаления собственных, рост числа удалений не означает немедленного вложения капитала в искусственную челюсть. Тем не менее низкая склонность к сохранению собственных зубов «располагает к наращиванию» этого капитала.

Пигу отклонил ориентацию Кейнса на застой, или на то, что он назвал *Судным днем*: «Эпоха, ставшая свидетельницей появления электроприборов, автомобиля, самолета, граммофона и радио, не говоря уже о танках и других военных машинах, — не то время, когда у нас могут быть разумные основания предполагать полное исчезновение новых возможностей для инвестиций». Пигу соглашался, что занятость может и должна быть намного более полной, чем в последнее время, но предупреждал, что по мере увеличения за-

нятости получатели заработной платы опять сами будут определять уровень своей занятости, то есть своей реальной заработной платы. Пигу имел в виду сказать, что всякая попытка с помощью банковской политики навязать уровень занятости выше желаемого приведет просто-напросто к инфляции[32].

Раздражение Пигу очевидно, как очевидна и его причина. Он старался опровергать *Общую теорию* еще до того, как она появилась, и полагал, что преуспел в этом: просто Кейнс оставил его доводы без внимания. Пигу, как ему казалось, доказал, что при падении денежной заработной платы падают и цены, правда не в той же пропорции, ибо не происходит ничего затрагивающего получателей иных, отличных от заработной платы, доходов. Это ведет к «автоматическому» увеличению занятости, потому что при сохранении ее на прежнем уровне было бы нарушено равновесие, поскольку цены оказались бы выше предельных издержек[33]. Прямо Кейнс против этого не возражал, говоря лишь, что изменения денежной заработной платы могут влиять на занятость только через воздействие на наличные денежные средства и ожидания. Когда же в 1937 г. Пигу вновь изложил свою позицию в статье в '*Экономическом журнале*', Кейнс и его ученики обрушились на нее, назвали «вопиющим вздором», плодом наступающей старости — и Пигу отступил. Но в проблему Пигу продолжал вгрызаться, и в конце концов в 1941 г. выступил с «*эффектом Пигу*», который был теоретическим ответом Кейнсу. Всесторонняя дефляция денежной заработной восстановила бы, дескать, полную занятость, возвратив трудящихся на их рабочие места не прямым давлением цен, а посредством повышения реальной ценности денег и, следовательно, реального богатства держателей облигаций, чьи дополнительные расходы возместят сокращение расходов иных групп. К этому времени теория Кейнса закрепилась, и Пигу никто не слушал. По существу, никто не слушал Пигу и в 1936 г. Попытки спасать старые доктрины, добавляя в их защиту доводы, которые прежде никому не приходили в голову, падали на глухие уши. Жестокий приговор, который Кейнс вынес старой доктрине, объявив ее не-

пригодной для нынешних условий, отвечал интеллектуальным и народным настроениям времени.

Кейнс мало переписывался с Пигу, предпочитавшим разрабатывать свои идеи в одиночестве — в отличие от Готри, который ничего так не любил, как писать обширные въедливые замечания. Как и в случае с '*Трактатом о деньгах*', свой комментарий к '*Общей теории*' для служебного пользования внутри Казначейства Готри начал готовить в 1935 г., как только получил от Кейнса гранки; по мере обсуждения с Кейнсом сделанных им замечаний комментарий все разрастался и в конечном счете в 1938 г. был издан, став главой в его собственной книге '*Капитал и занятость*'. Он был сух и критичен, как бюрократический документ, и после выхода в свет этой его книги Кейнсу надо было быть святым, чтобы поддерживать с ним отношения, поскольку от себя Готри не сказал ни единого доброго слова. Однако Готри затронул один вопрос, которому предстояло снова и снова неожиданно возникать в дальнейших спорах. «Что касается существенной части твоих доводов, — писал он Кейнсу 1 февраля 1936 г., — то твоя критика классической теории могла бы свестись к единственному указанию, что воздействию спекулятивных соображений на движение наличных средств эта теория придает ничтожное значение». — «Мой дорогой Ральф, — написал ему Кейнс 15 апреля, — твое [последнее] письмо меня... весьма расстроило. Ибо теперь, прочитав его, я убежден, что никакие мои слова не смогут раскрыть тебе глаза — не говорю: на справедливость моих доводов, а просто на суть того, что я утверждаю, будь это само по себе истинно или ложно. Сомневаюсь, чтобы нам, любому из нас, следовало продолжать переписку»[34]. Но они продолжали.

Раскол между Кейнсом и Хьюбертом Гендерсоном, возникший в 1930–1931 гг. по вопросу об общественных работах, углубился на почве обсуждения '*Общей теории*'. В 1934 г. Гендерсон ушел в отставку с должности секретаря Экономического консультативного совета и осел в Оксфорде, будучи принят в ученое сообщество Колледжа Всех Душ. 4 февраля 1936 г. он поместил в '*Спектейторе*' короткую рецензию на книгу Кейнса, но основные свои критиче-

ские удары приберег для намеченной на 2 мая в Кембридже встречи *Общества Маршалла*. После этой встречи Кейнс написал Лидии:

> Вчера на собрание Общества Маршалла (председательствовал Деннис) пришел Хьюберт, чтобы прочитать доклад, направленный против моей книги. Меня поразил эмоциональный накал его критики; он считает книгу ядовитой; все же, когда дело дошло до обсуждения, у него оказалось очень немного доводов, которые он мог бы против нее выдвинуть. Он ужасно сорвался в дебатах с Джоан и Александром и мною, — лаявшими вокруг него. Студенты зверски наслаждались, следя за петушиным боем. Складывалось впечатление, что его мало интересует чистая экономическая теория, но по каким-то эмоциональным или политическим причинам ему очень не нравятся некоторые практические выводы, к которым подводят, по-видимому, мои соображения. С теоретической точки зрения не было почти ничего, заслуживающего ответа[35].

Мнения Кейнса не разделял председательствовавший на встрече Деннис Робертсон. «По-моему, вы, конечно же, одержали верх», — написал он Гендерсону, прочитав его краткий отчет о встрече[36]. О силе чувств, одолевавших Гендерсона, можно судить по его письму, отправленному Хэрроду 2 апреля 1936 г.:

> Я позволял себе годами жить под запретом, удерживавшим меня от публикации многих вещей из нежелания публично ссориться с Мейнардом... но невозможно согласиться с положением, при котором Мейнарду разрешается вести самое экстравагантное наступление на основное содержание ортодоксальной экономической теории и создавать впечатление, что все до сих пор говорившееся — ерунда и что вот, мол, воссиял великий новый свет, так что теперь язычников будем обращать в новую веру, а прочим следует воздерживаться от серьезных возражений, чтобы не создавать впечатления, будто экономисты ссорятся друг с другом. Я, видите ли, вообще не считаю, что есть великий новый свет. Я, как о том и говорю в моем докладе, считаю книгу Мейнарда мешаниной из путаных мудростей, и меня крайне раздражает преобладающее в некоторых кругах молчаливое мнение, будто не принимающих ее об-

щую доктрину следует считать существами интеллектуально недостаточными[37].

Гендерсон обрушивался на то, что он считал двумя главными ошибками *Общей теории* — представленные в ней теорию занятости и теорию процента. Опирался же он на соображения преимущественно исторического и институционального характера, почему, возможно, Кейнсу и его сторонникам как раз и показалось, что у Гендерсона «с теоретической точки зрения не было почти ничего, заслуживающего ответа». Гендерсон последовал за Маршаллом в различении ситуаций краткосрочного и долгосрочного периодов. Естественные силы работают неуклюже, и плоды их работы созревают долго; потому и оказалась нежизнеспособной политика *laisser-faire*. Но это не дает никаких оснований отвергать классическую теорию как ерунду. В частности, он отрицал, будто «при обычной работе экономической системы существует хронический и общий недостаток эффективного спроса и будто в этом следует искать основное объяснение безработицы». Он сказал, что существует «минимальный» (позже это станет называться «естественным») уровень безработицы (оцененный им в 6 процентов), на который дополнительно наслаивались безработица структурная и циклическая. Попытки Кейнса придать состоянию бума «больше силы и растянуть его на срок более длительный, чем почти в любом из знакомых нам по опыту случаев», привели бы к инфляции, за которой неизбежно последует реакция[38].

Гендерсон отрицал далее, что на процентную ставку не влияют склонность к потреблению или спрос на капитал, ссылаясь на тот факт, что процент снижался во время депрессии и повышался при буме. И наоборот, даже большие изменения в количестве денег не оказывали никакого длительного воздействия на уровень процента. Из этого, мол, вытекает, что поведение процентной ставки получает удовлетворительное объяснение в игре «классических» сил производительности и бережливости; это также ставит под сомнение утверждение Кейнса, что «процентная ставка может быть опущена до желательного, сколь угодно низкого уровня и

удерживаться на нем за счет достаточного увеличения количества денег». Гендерсон следующим образом подвел итог ортодоксальной теории: фактические движения процентной ставки определяются соотношением спроса и предложения в сфере, называемой иногда рынком капитала. Ортодоксальная экономическая теория утверждает, что фундаментальные факторы, которые лежат в основе спроса и предложения на рынке капитала, — это сбережения и инвестиции»[39].

За кембриджской встречей этих двух экономистов между ними последовал мучительный обмен письмами, прерванный затем Кейнсом. Гендерсон писал Кейнсу (очень похоже на то, как Рикардо писал Мальтусу): «Ваше нынешнее настроение передается, по-видимому, словами: «Меня не занимает то, что произойдет в отдаленной перспективе: этого никогда не будет». Мне же представляется, что ради четкости экономической мысли всегда важно проводить различие между непосредственными и отдаленными последствиями любого сдвига». Истинным преступлением Кейнса было, в глазах Гендерсона, разрушение защитного вала, который возвела против инфляции классическая теория, отделив монетарные факторы от реальных. Судя по всему, его странным образом не трогали огромные масштабы безработицы[40]. Среди четырех экономистов старшего возраста Гендерсон наиболее открыто отстаивал идею, проповедовать которую в 1960-х гг. предстояло Фридману: что монетарные силы не оказывают на реальную экономику никакого (долгосрочного) воздействия.

Робертсон тоже размышлял о том, как ответить на '*Общую теорию*'. 19 февраля 1936 г. он сообщил Гендерсону, что «малодушно» отказался написать на нее рецензию для '*Экономиста*' (вместо него это сделал Остин Робинсон), но, возможно, еще напишет «позже одну-две статьи по существенным вопросам, избежав необходимости оценивать вещь в целом». И Сраффа, и Гендерсон раскритиковали проект статьи Робертсона. Так что он решил переписать ее заново. «Это несчастье, — говорил он Гендерсону, — что защита относительного здравомыслия оказывается в данном случае в столь дряблых и неумелых руках».

Переписка между Кейнсом и Робертсоном, всплесками возникавшая в период 1936–1938 гг. и полная взаимных упреков и подшучивания, также указывает на крушение их дружбы. По пути в Америку в сентябре 1936 г. Робертсон писал Кейнсу: «Бесполезно делать вид, будто она ['*Общая теория*'] нравится мне гораздо больше или будто я не согласен в той или иной степени с большей частью рецензии Профа...» Он готовил кое-какие замечания и рассчитывал на их издание. «Если после этого вы почувствуете, что можно с пользой устранить возникшую между нами запретную зону, не знаю... может быть, мы могли бы встречаться намного чаще, чем в этом году, и вести разговоры о драме и внешней политике... и даже о преходящих экономических ситуациях?»[41]

Кейнс отвечал:

> Ужасно трудно держаться в стороне от экономической теории, но не надо, дорогой Деннис, настраиваться иначе, и нам следует попытаться снова сблизиться. Для меня это, ей-ей, просто. Ибо худшее, что я о вас думаю, это что вы очень упрямый, вы же с Хьюбертом считаете меня очень злым! — за то что я так в себе уверен и вкладываю всю доступную мне силу убеждения в аргументы, имеющие для меня огромное практическое значение[42].

11 октября у них состоялся долгий разговор в Королевском колледже, и Деннис был «очень нежным и очаровательным и весьма хорошим, хотя, думаю, несколько свихнувшимся».

За время, прошедшее после споров с Кейнсом в 1920-х гг., Робертсон разработал собственную теорию процентной ставки, пытаясь согласовать «классическое» представление, что процент определяется соотношением производительности и сбережений, с прозрениями своей '*Банковской политики и уровня цен*', то есть с признанием за банками способности создавать кредит, который может отвлекать сбережения от инвестиций. В 1934 г. он по-новому провел различие между «естественной» и «рыночной» процентными ставками. Появилась его теория процентных ставок на фонды средств, пригодных для кредитования, и ее Робертсон

«противопоставлял Кейнсу», вводя в оборот понятие некого «сложного соединения сбережений и... банковских денег..»[43].

В '*Нескольких замечаниях на Общую теорию занятости мистера Кейнса*', появившихся в ноябрьском выпуске '*Куотерли джорнал оф экономикс*' ('*Quarterly Journal of Economics*') за 1936 г., Робертсон изложил два своих главных критических соображения, от которых впоследствии он никогда не отклонялся: статический характер представленного в работе Кейнса анализа и игнорирование какого бы то ни было влияния на процентную ставку сил производительности и бережливости.

Публикация '*Замечаний*' Робертсона побудила Кейнса написать ему 13 декабря: «Фундаментальных разногласий между нами немного». Однако он неистово отрицал, что его теория процента просто в «замаскированной» форме воспроизводит классическую теорию. Скорее, мол, Робертсон, соглашаясь, что процентная ставка определяется «соотношением спроса на наличные деньги и их предложением», «прямиком идет к теории ликвидности процента»[44]. Свое письмо Кейнс закончил игривым упреком. «Меньше всего я собираюсь обвинять вас в приверженности классике или ортодоксии. Но вы не будете сбрасывать кожу, подобно хорошей змее! Вы не снимаете с себя никаких одежд — от надетых первыми до самых последних, так что уже не можете в них дышать, приговаривая, что, раз, мол, когда-то ваша шуба была вашим жилетом, значит, ваши нынешние шуба и жилет — это одно и то же»[45].

Ответ Робертсона от 29 декабря показывает, какое глубокое неудовольствие вызывал у него свойственный Кейнсу *метод* вести полемику:

> Осмеливаюсь думать, что с каждой новой сменой кожи вы способны надевать и пару темных очков, мешающих вам видеть позицию других людей, особенно Пигу... Как по поводу '*Трактата*', так и по поводу этой книги я испытал настоящие интеллектуальные муки, стараясь решить, действительно ли, как вы часто настаиваете, там содержится нечто новое или это скорее перестановка знакомых положений, которая вам самому кажется превосходной...

Не можем ли мы для начала в интересах серьезного обсуждения отказаться от (журналистской) практики навешивания на авторов ярлыков «классический» или обратного по смыслу и использовать термин «классический», если вообще его использовать, для обозначения такого анализа, который исходит из пластичности вознаграждений факторов, будь то вещественных или денежных, и, следовательно, из полной занятости всех ресурсов.

Далее Робертсон говорил, что отказ от этих посылок при исследовании динамических ситуаций не требует отказа от «понимания процента как *цены* использования определенного фактора производства в единицу времени, имея в виду тот фактор, который Маршалл называет 'свободным, или плавающим, капиталом', [а] я называю 'фондами заемных средств'». Когда доход постоянен, наличные ресурсы «фондов заемных средств», если следовать моим определениям, совпадают с наличными сбережениями; когда же доход изменяется, они изменяются сообразно количеству денег, создаваемых банками или уходящих в накопления либо из накоплений изымаемых». В ситуациях обоих типов «процентная ставка *является* ценой, при которой уравниваются спрос и предложение заемных средств», хотя и следует принимать во внимание сказывающуюся здесь склонность к накоплению[46].

Согласившись в июне 1937 г. с Робертсоном (и также Олином) в том, что «намечаемое капиталовложение... может, вероятно, требовать «финансового обеспечения», *прежде* чем осуществляется инвестиция»[47]. Кейнс имел теперь основание полагать, что «строго интеллектуальные различия между нами в основе своей, вероятно, очень невелики».

Его оптимизм оказался чрезмерным. В '*Экономическом журнале*' статьи и возражения шли непрерывным потоком. Переписка Кейнса и Робертсона и их отзывы друг о друге в частных разговорах наполнялись все большим раздражением. Робертсон обвинял Кейнса в «череде преувеличений», в том, что он «то и дело переносит в корне все искажающий свет луча с одного предмета на другой»[48]. Последнее, на что мог согласиться Кейнс, это допустить, чтобы его снова зата-

щили в болото «принудительных сбережений», из которого он с таким трудом себя вытянул. Прочитав в июньском (1938 г.) выпуске '*Экономического журнала*' статью Робертсона, воспроизводившую его теорию заемных средств, он счел ее «ровным счетом ничего не стоящей и, более того, невыносимо скучной»[49]. 25 июля 1938 г. он написал Робертсону: «Наши предшественники полагали, что... процентная ставка зависит от масштаба сбережений. По моей теории она зависит от предложения бездействующих денег. Никакое примирение между этими взглядами невозможно». Наконец Пигу в роли кембриджского профессора постановил, что споры должны прекратиться и что Робертсону надлежит продолжить «собственную созидательную работу», вместо того чтобы тратить все свое время на критику «мистера Кейнса то за одно, то за другое»[50]. Робертсон начал чувствовать, что в Кембридже он попадает в разряд «отставших от жизни». Студенты, жаловался он Хьюберту Гендерсону, хотят заниматься исследованиями с Каном и Джоан Робинсон, но не с ним. В 1935 г. Кейнс сообщал, что Робертсон «опасно близко подошел к попытке отставить [Джоан Робинсон] от чтения лекций»; ссоры с Кейнсом и его младотурками, особенно с Джоан Робинсон, привели Робертсона на грань психического срыва[51]. Враждебное отношение к нему учеников Кейнса нарастало, и в 1938 г. он оставил Кембридж ради кафедры в Лондонском университете.

Самые видные среди американских рецензентов — Элвин Хансен, Ф.У. Тауссиг, Йозеф Шумпетер, Фрэнк Найт и Джекоб Винер (два последних из Чикаго) — воспроизводили основные суждения английских экономистов старшего поколения: Кейнсова теория предпочтения ликвидности — это, мол, модификация, а отнюдь не замена классической теории процента; возможно, она и способна объяснить появление массовой безработицы, но отнюдь не позволяет определить «равновесие при неполной занятости»; классическую теорию он-де представил в искаженном виде; политика, основанная на его доктринах, привела бы к инфляции. Винер, более других благосклонный к Кейнсу, писал: «Мир, устроенный по предписаниям Кейнса, был бы охвачен не-

прекращающимся состязанием между печатным станком и деловыми агентами профсоюзов, а решение проблемы безработицы в значительной степени достигалось бы в случае сохранения ведущей роли за печатным станком»[52]. Найт доказывал, что социализация капиталовложений означала бы «их изъятие из сферы бизнеса и перемещение в сферу политики»[53]. Для Шумпетера книга Кейнса знаменовала собой «научный регресс», ибо смешивала науку и политику. Его «равновесие при неполной занятости» строилось на предположении о «неизменности» функций производства. В его рекомендациях выражало себя «мышление приходящей в упадок цивилизации»[54]. Винер был единственным из американских критиков, кому Кейнс дал публичный ответ. В частном же порядке он писал: «Правду сказать, с двумя главными заключениями профессора Найта, а именно что моя книга привела его в сильное раздражение и что ему было очень трудно ее понять, — я полностью согласен»[55].

Еще ряд достойных упоминания откликов поступил из Швеции. В сентябре 1936 г. по пути в Ленинград, куда они направлялись с Лидией, чтобы навестить ее родственников, Кейнс выступил в стокгольмском *Экономическом клубе* с «замечательным рассказом» о своей новой теории; Бертил Олин, в свою очередь, воспользовался своим визитом в Кембридж в ноябре 1936 г., чтобы рассказать о шведском методе, применяемом в анализе нарушенного равновесия, основанном на идеях Кнута Викселя, которого Кейнс кратко поддержал в '*Трактате*'. Шведские экономисты особенно старались представить регулирование экономики как процесс согласования противоречивых намерений; их метод более естественно выявляет роль как производства, так и цен в приспособлении экономики к наносимым ей ударам и при этом не подразумевает острого между ними расхождения[56]. Кейнсу не удалось склонить их к отказу от усвоенного ими стиля теоретизирования. Позже Гуннар Мюрдаль писал, что «кейнсианская революция... имела преимущественно англо-американское происхождение. В Швеции... произведения Кейнса читали как интересные и важные работы... Но ни в коем случае не видели в них крупного революционного достижения»[57].

В Англии и Америке дебаты на тему «Кейнс против классиков» снова и снова заставляли поднимать вопрос о роли процента в приспособлении экономики к «ударам». Экономисты старшего поколения хотели сохранить определенную регулирующую роль за «естественными» силами, чтобы ограничить государственное вмешательство в экономику и не допустить инфляции. Они цеплялись за понятие самонастраивающейся экономики, потому что не доверяли предложенной Кейнсом концепции самонастраивающегося политического деятеля.

4. Кому принадлежит *Общая теория*?

В решении судьбы *Общей теории* большее значение, чем надрывные крики старшего поколения, имели ее восприятие и толкование молодыми экономистами. По обе стороны Атлантики в ней прежде всего увидели мотор политики, способной, по выражению студента Кейнса Лори Таршиса, обеспечить восстановление и поддерживать процветание, не прибегая к «помощи тюрем, лагерей [и] казней»[58]. Вести бесконечные споры о причинах безработицы было не столь важно, как знать, что массовая безработица может возникать и сохраняться и кое-что с нею можно сделать. Требования теории можно было удовлетворить, исходя из предположений, подсказываемых обстоятельствами момента. Как позднее говорил Пол Самуэльсон, «выступи Кейнс уже в первых нескольких главах с простым заявлением, что он счел реалистичным исходить из предположения, что в современных капиталистических обществах ставки денежной заработной платы отличаются устойчивостью и не подвержены движениям вниз, большинство его положений все равно осталось бы в силе...»[59] Это стало обычной формой, в какой кейнсианская революция врастала в прагматическую американскую почву — почву, до некоторой степени уже подготовленную для ее приема собственными, в Чикаго и других местах, дискуссиями о стабилизационной политике. Переломным моментом стало обращение в новую веру Элвина Хансена, ува-

жаемого пятидесятилетнего профессора-экономиста. Его семинар в Гарварде стал центром изучения и распространения идей Кейнса. Сосредоточение в Вашингтоне молодых гарвардских активистов вливало силы в увядавший Новый курс Рузвельта. Джон Кеннет Гэлбрэйт писал: «К концу 1930-х Л.Дж. Керри [главный экономический советник Рузвельта] раскинул по всем финансово важным службам неофициальную сеть новообращенных»[60].

Молодые британские экономисты не столь учтиво отнеслись к проблемам, поднятым *Общей теорией*, но посыл для их толкования был тот же самый. Творцами ориентированного на политику подхода к теории были Джон Хикс, Рой Хэррод, Джеймс Мид и Николас Калдор, которые быстро перешли от попыток примирения теории Кейнса с классическими доктринами к разработке на базе *Общей теории* некой модели, пригодной для преподавания, усвоения и использования в экономической политике.

Отношение самого Кейнса к применению выводов, следовавших из произведенной им революции, было неоднозначным. Его целью было охватить экономическую действительность во всем ее богатстве и сложности и предложить инструментарий для экономической политики. И то и другое он ставил на службу своей стратегии убеждать. Из этих двух целей, между которыми в развитии собственной мысли он поддерживал равновесие, в конечном счете выросли два типа теорий — два порождения *Общей теории*. Первой была, по определению Джорджа Шэкла, «экономическая теория беспорядка», ставившая во главу угла неупорядоченные, неопределенные и колеблющиеся ожидания и отношения. Вторая — экономическая теория данных ожиданий и математических функций, пригодных для обоснования маневров в практической политике. Кейнс принимал вторую для использования в педагогических и политических целях, но в то же время предупреждал, что «всякий, кто имеет дело с влиянием ожиданий и преходящего опыта, сразу оказывается... вне области точно измеряемого»[61].

Парадокс, но именно Хиксу, никак не участвовавшему в создании *Общей теории*, принадлежала главная заслуга в

том, каким образом получили распространение ее идеи. Диаграмма Хикса с двумя кривыми впервые появилась в его известном докладе '*Мистер Кейнс и классики: предлагаемое новое толкование*' ('*Econometrica*', апрель 1937 г.). Но, как показывает Уоррен Янг в своей очаровательной книге '*Интерпретируя мистера Кейнса*', Хикс основывался на математических моделях *Общей теории*, представленных Хэрродом и Мидом на Эконометрической конференции в Оксфорде в сентябре 1936 г. (Другие молодые экономисты также не замедлили придать модели Кейнса форму уравнений.) Сам Хикс преобразовал теорию Кейнса в частный случай обобщенной теории занятости.

Оксфордская встреча, которой Янг придает значение, «возможно, самой важной встречи в истории экономической мысли»[62], закрепила то, что он называет расколом «группы *Общей теории*» в вопросе о том, принимают ли члены этой группы «некий набор суждений, могущий быть представленным в виде системы уравнений, либо они имеют дело с системой, начиненной неопределенностью и бодростью духа». Кан и Джоан Робинсон (не участвовавшие в оксфордской встрече) видели в *Общей теории* революционный разрыв с ортодоксией, оксфордские же экономисты — нечто «не исключающее совместимости с преобладающим ортодоксальным течением мысли...». Своим торжеством «математически изящная» позиция была обязана тому, что экономисты-практики не знали, как переварить *Общую теорию*, пока диаграмма Хикса не пояснила им, что следует в ней видеть, а также что модель Хикса является «концептуальным подтверждением стремления к непрерывности и определенности...»[63].

Хикс, или, возможно, в конечном счете сам Кейнс, примирил революцию с ортодоксией двояким образом: с точки зрения предмета экономической теории и с точки зрения непрерывности политических и социальных учреждений. Система строгих зависимостей, объяснявшая, что «власть» может своей налоговой политикой воздействовать на мультипликатор, отводила также экономистам потенциально ключевое положение в деятельности правительства.

После оксфордской встречи Кан и Джоан Робинсон, сыгравшие столь большую роль в создании *Общей теории*, оказались отлученными от развития кейнсианской революции. Впоследствии Кан расценил сведение *Общей теории* к «диаграммам и осколкам алгебры» как большую трагедию. Дескать, одним из крупнейших достижений Кейнса было упорно отстаиваемое им «важнейшее значение ожиданий, сильно подверженных риску и неопределенности. Это полностью подрывало возобладавшее — из-за стараний Кейнса упростить свою доктрину — представление, будто [его] графики можно толковать как устойчивые отношения, дарованные небесами».[64] Нет, надо, однако, заметить, никаких свидетельств, что Кан и Джоан Робинсон возражали в то время против сведения *Общей теории* к «диаграммам и осколкам алгебры» или против очевидного «перехвата» революции Хиксом, Хэрродом и Мидом. Поражает, как мало Кан участвовал в этих дискуссиях. Возможно, его сковывала позиция самого Учителя.

Хэррод заранее послал Кейнсу копию своего доклада на предстоявшей оксфордской встрече, и его отклик создавал впечатление, что он готов принять доводы Хэррода в пользу иной, отличной от его собственной, стратегии развития его доктрины:

> Вас не давит груз прошлого так, как он давит меня. Нельзя сбросить с плеч мешок, которого вы никогда по-настоящему не несли. И, может быть, то, что вы оставляете это без внимания, есть лучший по сравнению с моим подход к делу. Ибо опыт свидетельствует, по-видимому, что люди делятся на старых, которых ничто не изменит... и молодых, которые не имеют должного воспитания и ни во что определенное не верят. Частицы света, указывающие на возможный выход из туннеля, не интересны ни тем, кто хочет там оставаться, ни тем, кто никогда там не бывал! Я, кажется, совершенно одинок в моем собственном поколении, будь то среди самых первых моих учителей или самых давних моих учеников; мысленно я не могу не быть с ними связанным...[65]

Он как бы говорил: если молодые хотят подхватывать мои идеи именно таким образом, — хорошо, пусть так оно и

будет. Если у него и была обида на Хэррода, не разделявшего некоторых самых глубоких его интуитивных заключений, он этого не показывал.

Копия доклада Хикса поступила к Кейнсу в октябре 1936 г. Откликнулся он 31 марта 1937 г., то есть шесть месяцев спустя — довольно странное промедление для такого пунктуального корреспондента: «Я нашел это очень интересным и, право же, не имею никаких критических замечаний»[66].

Его делом было отстаивать свое общее видение. Так, в опубликованной версии его стокгольмского выступления в сентябре 1936 г. он писал: «Ибо процентная ставка и предельная эффективность капитала особенно тесно связаны с *неопределенностью*, заложенной в природу текущих ожиданий... То есть в нашей теории они принадлежат к той стадии ее развития, на которой *будущее больше не принимается нами за нечто определенное и поддающееся измерению*» (курсив мой. — *Р.С.*)[67]. В феврале 1937 г. он вновь представил свою теорию — и таким образом, что лучше, чем в книге, выступили ее эпистемологические посылки. В этом смысле особенно заметна помещенная в '*Куотерли джорнал оф экономикс*' статья под названием '*Общая теория занятости*'; это было первое теоретическое произведение Кейнса, опубликованное после выхода в свет '*Общей теории*'. В нем он попытался ответить не только на критику «стариков», особенно Робертсона и Винера, но и — в скрытой форме — на попытки своих молодых последователей похоронить в алгебраических выкладках его общее видение. Для кейнсианских фундаменталистов оно остается каноническим выражением позиции их Учителя.

Возвращаясь к изложению «существа» *Общей теории*, Кейнс особо обращает внимание на воздействие, какое на инвестиции и процентную ставку оказывает неопределенность. То, что вызывает его возражения против классической теории, коренится в ее исходной посылке — представлении об измеримости будущего, превращающего «риски в объект точных исчислений актуарными методами». На самом деле, говорит он, «мы, как правило, имеем лишь смутное представление о каких-либо, кроме самых непосредственных, послед-

ствиях наших действий. Это делает богатство «на редкость неподходящим предметом для исследования методами классической экономической теории». Именно неопределенность объясняет, почему ликвидность, или деньги, приносит выгоду. Иначе почему бы еще, спрашивает он, возникало у кого-либо «вне стен сумасшедшего дома желание использовать деньги в качестве хранилища богатства?» Разумеется, субъекты экономики прибегают к разным «приемам» или «условностям», чтобы сохранять лицо, представляя себя разумными людьми, и главное при этом — их уверенность, что будущее не отличается от настоящего. Но, опираясь на столь хрупкое знание, они ставят себя в такое положение, что могут быть сметены любым поворотом в потоке новостей. Кейнс далее говорит, что если бы «наши сведения о будущем выражались точно измеряемыми величинами», не было бы никакой нужды «в разработке теории спроса и производства в *их совокупности*», потому что спрос никогда не был бы проблемой. Предлагаемые лечебные средства он всегда помещал «в иную плоскость, нежели диагноз... Их выбор... зависит от всякого рода особых предположений и обязательно связан с конкретными условиями времени»[68].

Наконец, в 1938 г. Кейнс вел с голландским статистиком Яном Тинбергеном дебаты о ценности эконометрики. Лига Наций финансировала издание книги Тинбергена, имея в виду сопоставить различные суждения о деловом цикле. Кейнс подверг работу Тинбергена критике с использованием поразительно жестоких доводов (и ряда превосходных шуток) против статистического мышления. Его главный тезис состоял в том, что экономика, в силу самой природы ее материала, есть «гуманитарная наука», которая постоянно требует от экономиста оценочных суждений при выборе и использовании моделей. Он ставил под сомнение логику Тинбергена, применявшего «метод множественной корреляции» к анализу неоднородных данных и вводившего постоянные коэффициенты для длинных рядов.

> Утверждается, стало быть, что уравнения, скорее всего, будут приблизительно верны в последующих случаях?.. Всегда

можно создать формулу, в которую более или менее хорошо уложится ограниченный набор фактов прошлого. Но что это доказывает?.. Какое место остается здесь для ожиданий и степени уверенности в будущем? Каким образом учитываются не поддающиеся числовым измерениям факторы вроде изобретений, политики, трудовых споров, войн, землетрясений, финансовых кризисов?[69]

Он предупреждал об опасности наполнять формулы переменных функций реальными данными, «которые наверняка не будут иметь значения в следующий раз». Как он объяснял Хэрроду 16 июля:

> Это как если бы падение яблока на землю зависело от соображений самого яблока насчет того, разумно ли падать на землю, хочет ли земля, чтобы яблоко упало, и от проделываемых яблоком ошибочных измерений расстояния, отделяющего его от центра Земли[70].

Хэррод защищал Тинбергена, говоря, что тот не пренебрегал переменными, лишенными реальных числовых значений, а лишь рассматривал их как случайно возникающие формулы. Кейнса это не убедило. В своей рецензии на книгу Тинбергена он повторил, что метод Тинбергена никак не учитывает воздействующей силы психологии, ожиданий и неожиданных событий; что этот метод создает зависимость от недостатков статистического материала, не считается с необходимостью оценочных суждений при подборе конкретных переменных и пренебрегает возможными взаимовоздействиями самих переменных. В заключение следовало навеянное ему книгой «странное соображение», что работа Тинбергена превратится, вероятно, в «основную деятельность и *raison d'être* Лиги Наций» в 1939 г.[71].

Старания Кейнса свести вместе две расходящиеся линии своей *Общей теории* — это само по себе удивительное дело. В книге, с одной стороны, делается попытка объяснить, почему производство и занятость подвержены большим колебаниям. Для этого Кейнсу требуются лишенные определенности ожидания. Как он говорит, измеримость будущего сняла бы всякую проблему спроса. С другой сторо-

ны, он старается строить модель, пригодную для использования в практической государственной работе. А для этого ему нужны формулы, отражающие «будущее определенное и измеримое». Но эти две потребности взаимно противоречивы. Короткий период не дает определенных указаний о состоянии дел, это аналитическая фикция. Политика проецируется на реальный мир сменяющих друг друга событий и неопределенных ожиданий, которые «замораживаются» неким предположением. Что тогда остается от теории определенного мультипликатора? Постоянные предупреждения Кейнса против «слепой, механической» подгонки его теории к задачам политики были, конечно, необходимы. Но сама ее формализация, которую проделали Хикс и другие (заслужив его одобрение) и которая принимала ожидания как некие данные величины, неизбежно должна была наделять ее «мнимой точностью».

Таковы были проблемы на будущее. В конце 1930-х кейнсианская революция была в наступлении, классическая система отступала. Некоторые достояния теории были спасены, но росло убеждение, что мир устроен скорее по Кейнсу, а не так, как его представляли себе классики. Когда в 1937–1938 гг. бум оборвался намного раньше, чем в Англии или в Соединенных Штатах была восстановлена полная занятость, это выглядело подтверждением правоты Кейнса, который утверждал, что неуправляемый капитализм не в состоянии обеспечивать разумно удовлетворительный уровень занятости — даже в среднем, в пределах цикла. Однако лично Кейнсу успехи его теории обходились дорогой ценой. Он был человеком нежным, привязчивым, и его ранили раздоры с кембриджскими друзьями и коллегами, особенно с Деннисом Робертсоном, как, впрочем, они ранили и Робертсона. Дж.Э. Мур научил его ставить дружбу почти превыше всего на свете. Стараясь спасти мир от новых страданий, он нападал на то, что его друзьям было дорого. Не есть ли это еще один пример того, что он называл своей «любимой дилеммой — трудностью или невозможностью и быть добрым, и творить добро»?

Часть седьмая

ДЕНЬГИ ДЛЯ ВОЙНЫ

Итак, вот он я, подобно постоянно возвращающемуся числу в периодической дроби, делаю примерно ту же работу в том же месте в сходных критических условиях...

Дж.М. Кейнс — Расселу Леффингвеллу, 1 июля 1942 г.

XXXI
Преодоление недугов

1. Дряблые дыхательные мышцы

Кейнсу не было свойственно стремление облегчать свою жизнь. Ничего он так не любил, как сидеть в своем кабинете за письменным столом. Но вся его жизнь строилась на деятельности, а все его занятия имели самостоятельное значение и обладали собственной силой инерции. Выход в свет '*Общей теории*' совпал с завершением строительства кембриджского *Театра искусств*. На его открытии в понедельник 3 февраля 1936 г. они с Лидией сидели в своей ложе с вице-канцлером. В цикле ибсеновских пьес, который начался 17 февраля, Лидия играла свои коронные роли в '*Кукольном доме*' и '*Строителе Сольнесе*'. Это были ее лучшие выступления на драматической сцене, получившие благоприятные отклики критики, даже блумсберийцы были в восторге. Еще одна мечта Кейнса сбылась, еще одну галочку можно было поставить в списке его задач. Следующий год он проводил большей частью в хлопотах вокруг этих двух своих творений, переключая свой ум со споров с собратьями-экономистами на заботы о сценической карьере Лидии и обеспечение приличного меню и обслуживания в театральном ресторане. Не закончилась *Театром искусств* и его строительная деятельность. С быстрым подъемом на Уолл-стрит у Кейнса появились дополнительные свободные деньги. Тилтон был перестроен Джорджем Кеннеди «с великолепным размахом», появились новое крыло дома, новые просторные холл и лестничная клетка, ванные при каждой гостевой

комнате. 13–14 июля он купил сорок лотов на распродаже бумаг из архива Исаака Ньютона на аукционе *Сотби* и начал делать заметки для биографического очерка о нем.

К осени дело с кухней ресторана *Театра искусств* ничуть не подвинулось: Кейнс докладывал Лидии, что нет и намека на «французское кулинарное искусство, которого ждали от пожилого, якобы французского шефа». Кан творил «чудеса» со счетами колледжа, но ему еще надо было соорудить одну кошмарную, переполненную цифрами таблицу для себя: просидев над ней три часа, он «так измотался, что я сам взялся за дело и, подтасовав цифры, добился, что все сошлось. Я просто не мог больше заниматься поисками ошибки»[1]. Проблемой становилась его рассеянность. Он оставил в Лондоне свои очки; забыл сигареты, отправляясь на обед к Виктору и Барбаре Ротшильдам. «Я был убежден что положил их в карман и так рассчитывал закурить после прекрасного кофе, поданного Б[арбарой] в венецианских кубках — и вот пусто! Я был в таком отчаянии, что безуспешно рылся в карманах целые десять минут». Были другие знаки, указывавшие на бег времени. Его кембриджский портной, «Халтурщик», не шил ему больше особых носков; исчезли воротнички *Avoca*, которые он привык носить с детства. «Ужасно быть таким допотопным». С другой стороны, спал он хорошо, чувствовал себя гораздо менее усталым и «полным ярких идей, так что много накорябал и написал наконец начало моего Фоксвелла» — биографического эссе, к сочинению которого он приступил сразу после смерти Фоксвелла.[2] .

Случилось ему сидеть за обеденным столом рядом с У. Оденом:

> Он был само очарование, интеллектуал, открытый, юный, своего рода студент-старшекурсник; радость да и только; но, но, но — его ногти были обгрызаны до костей и сплошь грязные и мокрые, худшая из возможных разновидностей школьника подготовительного класса. Так что его инфантилизм — не совсем напускной. Это смущало больше всего. Притом что во всем прочем впечатление самое благоприятное. Но эти неприятные пальцы лгать не могут. Им нужно верить. Я говорил с ним об F.6 ['*Подъем F.6*', пьесе, написанной им в соав-

торстве с Кристофером Ишервудом]. Он переписал последнюю часть и хотел, чтобы мы снова ее посмотрели.

Ногти Одена, как полагал Кейнс, свидетельствовали о «каком-то непорядке в его творчестве»[3].

Ум Мейнарда работал, возможно, не менее блестяще, чем всегда, но тело его начало сдавать. Несколько лет уже он страдал от болей, которые сам называл «межреберными» и которые уколами носились по всей груди. Он считал их природу ревматической и приписывал их происхождение плевриту, перенесенному в октябре 1931 г. Свою историю имели неприятности с зубами и деснами. Он начал жаловаться на одышку, посещавшую его не только после нагрузки, но и когда спокойно лежал в постели, — похожее, но не в такой степени, происходило с ним в детстве во время игры в футбол. В Тилтоне на рождественских каникулах он схватил свирепейший грипп с высокой температурой. «Мейнарду лучше, — писала встревоженная Лидия Флоренс 5 января 1937 г. — Сегодня утром он прекрасно прошелся, потом поспал 3/4 часа — в последнее время становится похожим на себя прежнего, разве что работает немного меньше». 22 января он написал Лидии из Кембриджа: «Здоровье мое поправляется, хотя примерно к шести часам чувствую себя очень усталым, и, если взбегаю по ступенькам или быстро иду, дыхание становится ужасно прерывистым и болезненным (это, вероятно, означает, что ревматизм сидит в груди неглубоко)». То были красноречивые признаки сердечно-сосудистой недостаточности. «Моя возлюбленная девочка, — писал он два дня спустя, –

мои дыхательные мышцы были сегодня такими дряблыми, что я едва сумел дойти до Харви-роуд. Так что Фил громким, мощным голосом и в приказной манере настоял, чтобы послали за его любимым доктором, который должен, мол, меня посмотреть. Тот дал мне два вида таблеток, некую мазь и порекомендовал лампу. Я чувствую себя совсем хорошо, пока сижу в теплой комнате, а слабость появляется, только когда иду на холодном восточном ветру. Так что не волнуйся. Болезни определены точно так, как я предполагал, — ревматизм в ма-

леньких грудных мышцах плюс остатки перенесенного гриппа... Голова — в хорошей форме».

Кейнс продолжал упорно трудиться, писал статьи для '*Таймс*' о том, «как избежать резкого спада», готовил для *Общества евгеники* лекцию на тему '*Некоторые последствия сокращения народонаселения*'. Прочитанная 16 февраля 1937 г., эта лекция явилась одним из его самых страстных произведений, в котором выясняется, что означает сокращение численности населения для экономики, обремененной хронической проблемой недостаточного спроса. До сих пор он, вслед за Мальтусом, считал, что рост населения удерживает общество в бедности. Теперь в росте населения он усматривал важный фактор общественного процветания. Лекция Кейнса предвосхитила написанное Хэрродом в 1939 г. эссе о динамической теории[4]. Лидия также не покидала сцены Кембриджа и Лондона, играя Селимену в мольеровском '*Мизантропе*'; Рэймонд Мортимер отметил в '*Нью стейтсмене*', что ее голос «улучшился чрезвычайно, зазвучал и сильнее, и красочнее». Кейнс снова влезал во все детали.

Следуя совету Флоренс, Кейнс стал меньше есть. Пока не двигался, он не ощущал никаких «межреберных болей», но пройти без них более четверти мили все еще не мог. Мейнарду нужно «только немного отдохнуть и малость поиграть в казино», — сказала Лидия Флоренс перед отъездом 13 марта в Канны. С собой Мейнард прихватил, конечно, портфель, набитый рабочими бумагами, включая текст его Стокгольмской лекции, которую он готовил к печати. Но боли в груди его не оставляли, и пройти больше нескольких сот ярдов он не мог. По прибытии на место у него случились двух-трехминутные спазмы, а через два дня приступ, длившийся три четверти часа. Как только они вернулись в Англию, Мейнард послал дяде «Моржу» (брату Флоренс, сэру Уолтеру Лэнгдону-Брауну) письмо с подробным описанием признаков своей болезни и ее истории:

Мать хочет, чтобы я проконсультировался с вами насчет моих болей в груди... Приблизительно четыре года [в действительности пять с половиной лет] назад я пережил острый при-

ступ межреберного ревматизма с небольшим повышением температуры и некоторое время пролежал в постели; меня тогда смотрел Л. Б. Коул из Кембриджа.* Даже лежа в постели, я тогда испытывал сильную боль. Когда поправился, в течение примерно шести месяцев никаких ощутимых неприятностей не было. С конца лета, однако, и потом в течение зимы я стал весьма подвержен приступам одышки и ощущениям дискомфорта в груди всякий раз, как делал первые шаги, выходя на прогулку. Стоило, однако, немного передохнуть и продолжить движение, и все проходило... Тогдашняя боль тем не менее была точно того же свойства, что и сейчас, только нынешняя острее.

31 марта дядя Морж осмотрел его и на следующий день провел рентгеноскопическое обследование его груди. 8 апреля он сообщил, что грипп, недавно перенесенный Мейнардом, «вызвал легкое воспаление некоторых мышц в сердце и на стенке грудины, но каких-либо признаков органических изменений нет». Должны быть приняты все меры предосторожности, чтобы не перенапрягать сердечную мышцу, «пока не пройдет время, необходимое для избавления от инфекции». Он предписал ежедневный прием нового, «усовершенствованного вида люминала... в сочетании с тонизирующим сердечную деятельность препаратом... под названием *protheonal*. Несколько дней спустя Мейнард жаловался Лэнгдону-Брауну, что это лекарство вгоняет его в сон и делает непригодным к работе. Чего дядя Морж не сумел обнаружить, так это скопления во рту Мейнарда стрептоккоков.

Кейнс возвратился в Кембридж, где 4 мая после обеда перенес пять спазмов различной силы. Но он как-то перемогался, пока 16 мая, в Троицын день, по-видимому на Харви-роуд, у него не случился удар. 20 мая Лэнгдон-Браун сообщил Флоренс, что у него «несколько повреждена сердечная мышца и жизненно важно провести полное обследование, а также устроить продолжительный отдых, сколь бы трудным это ни представлялось». Но он все еще не имел понятия, насколько серьезно обстоит дело. Кейнс, пи-

* Доктор Лесли Коул был врачом кембриджской больницы Эдденбрук.

сал он, перенес «псевдоангину»; «прогноз хороший, внезапной смерти не бывает». Мейнард оставался в постели на Харви-роуд более месяца, за ним ухаживали Флоренс и Лидия, и, несмотря ни на что, он сумел написать письмо в '*Таймс*' о проблеме золота. Друзья выражали сочувствие, Вирджиния Вулф 6 июня написала Лидии: «Я надеюсь, *умственных* сил ему не прибавится, ибо тех, что есть, мне вполне достаточно». 18 июня его отвезли в замок Рутин на севере Уэльса — частный санаторий для богатых больных. Ф.К. Скотт, его содиректор в *Провинциальной страховой компании*, рекомендовал это заведение как обеспечивающее «высший уровень диагностики», хотя и следующее довольно примитивным методам лечения.

2. Диагностика

Учрежденный в Дафф-хаусе, в Шотландии, санаторий в 1923 г. в переместился более доступное место и теперь рекламировал себя как «клинику или частную лечебницу для исследований и лечения болезней на научной основе и для поддержания здоровья... первое в Великобритании учреждение такого рода». Санаторий располагался на 475 акрах земли в трех группах зданий, включая руины старого замка, и имел шестьдесят четыре палаты для пациентов, как и огромное приемное помещение, библиотеку, столовую, консультационные кабинеты, лаборатории, кухни, кладовые, комнаты для персонала, диетологические кабинеты, отделения рентгена и медицинских ванн. Долина Клуида славилась тем, что рекламная брошюра называла «умеренным и ровным, но не расслабляющим климатом», образуемым потоками воздуха с гор и из вересковой пустоши да еще бризами с Ирландского моря. Но, добавляла реклама, «друзья и родственники пациентов найдут к тому же много интересного в окрестностях. В городе есть поле для гольфа с девятью лунками...». Минимальная плата за неделю пребывания, включая питание, уход и «обычные рентгеновские обследования», составляла 15 гиней. Кейнс разместился в

самом роскошном крыле замка, в огромной, устланной красными коврами комнате с видами на холмы Клуида и с отдельной ванной. Платил он 30 гиней в неделю. Всего он провел в Рутине более трех месяцев, с 18 июня по 25 сентября. Потом он возвратился к Тилтон, где в течение следующих восемнадцати месяцев был попеременно то здоровым, то больным.

Что же именно было с ним неладно? Обследование проводилось под руководством великолепного доктора сэра Эдмунда Спригга, кавалера ордена Королевы Виктории, который был врачом-консультантом короля Эдуарда VII и теперь проводил в Рутине консультации в должности старшего врача; ему помогал постоянный врач санатория Сидней Вентворт Пэттерсон, бактериолог. Официальный диагноз гласил: «Болезнь коронарной артерии, увеличенные сердце и аорта; заражение миндалин... Болезненное состояние определяют нарушения в коронарном кровеснабжении и повреждения миокарда, связанные, вероятно, с заражением миндалин». Как Мейнард говорил своему брату Джеффри, доктора обнаружили, что его миндалины были в «отвратительном состоянии и на них невооруженным глазом можно видеть гной и ползающих тварей, именуемых *fusillaria*... Насколько я понимаю, он [Пэттерсон] пришел к выводу, что здесь выделяется яда достаточно, чтобы вызвать все прочие симптомы. Они стараются с этим справиться, смазывая миндалины... препаратом из органического мышьяка». Иными словами, доктора в Рутине нашли у него смягченную форму бактериального эндокардита, вызванного действием зеленых бактерий, *streptococcus viridans*, которые, скопившись, поражают сердечные клапаны, или, как выражалась Лидия, «по капле отравляют организм». Такой диагноз заставляет предполагать, что Кейнс страдал этим недугом с 1931 г., когда он пережил приступ межреберного ревматизма. Увы, никакие эффективные средства лечения этой болезни известны не были. Антибиотики еще не были изобретены. Ни обработка горла мышьяком (знакомая по использованию в лечении сифилиса), ни применение *краски Мандла*, йодистого состава, который пришел на

смену мышьяку в предписанном Кейнсу наборе лекарств, не могли устранить бактериальную инфекцию. Так что в конце концов диагносты Рутина заставляли опять полагаться на два древнейших средства — покой и надежду.

Первые шесть недель в Рутине Кейнс провел в постели; Лидия нашла пристанище в городе, в «кишащей мышами комнате» в гостинице *Замок*, где располагалась также «болтливая компания замковых вдов». Флоренс Кейнс полностью, если не считать пары ее кратких наездов, тактично передала Лидии руководящую роль. Лидия посылала ей сообщения о состоянии Мейнарда, в ее собственном неподражаемом стиле. 19 июля она докладывала Флоренс, что «горло уже третий день не источает запаха, и это показывает, что личинки окружены и уничтожены». Когда Мейнарду разрешали врачи, а суровая погода тоже являла свою милость, они совершали автомобильные выезды, перемежавшиеся пешими прогулками. 13 сентября он спал «без снотворного», но настойчиво говорил об отъезде. «Смена обстановки давно нужна нам обоим, потому что нервы у меня становятся очень рваными, и иногда я просто изливаюсь ливнями слез».

Кейнс не мог сохранять покой. «Полагаю, что эмбарго на движение ума можно отменить до того, как будет снято эмбарго с движения тела, — написал он Лидии 29 июня. — По крайней мере, я на это надеюсь! Ибо мой ум ужасно активен. Они могут отобрать спиртное у чересчур много пьющих пациентов. Но они не могут отобрать у меня мои мысли. Когда сегодня в полдень придет *Большой Белый Вождь*, я вынужден буду признаться, что этим утром написал письмо канцлеру Казначейства».

«Прикованный к постели, я много думаю о внешней политике», — писал он Кингсли Мартину 1 июля. Пришло известие, что Джулиан, сын Ванессы, убит в Испании. Кейнс написал ей:

> Моя дорогая Несса,
>
> Прими от нас обоих слова сочувствия и любви в связи с гибелью твоего дорогого и прекрасного мальчика с его чистыми и благородными чувствами. Судьбе было угодно, чтобы он,

имея на то право, выразил свой протест потерей собственной жизни, и к этому ничего не добавишь.

С любовью и привязанностью,

Мейнард

Вскоре секретарь Мейнарда, миссис Стивенс, навестила его и привезла с собой толстые пачки поступивших на его имя писем. Нормана Хиггинса, управляющего *Театра искусств*, он забрасывал указаниями по составлению репертуара, а Ричарда Кана, ставшего помощником казначея Королевского колледжа, — инструкциями насчет вложений капитала.

Болезнь не убавила его боевитости. «Мне это представляется произведением больного человека», — отозвался отнюдь не пышущий здоровьем Кейнс на опровержение его теории, вышедшее из-под пера коллеги по Кембриджу Артура Пигу. У Пигу тоже были неприятности с сердцем. «Почему там столько упрямства и злонамеренного упорства в заблуждении?» — спрашивал он по поводу книги Готфрида Хаберлера '*Процветание и депрессия*', на которую заставил Кана обрушиться в '*Экономическом журнале*'.

22 сентября, посылая Флоренс свое последнее сообщение из Рутина, Лидия написала, что «раздувшаяся мышца уменьшается, но для полного выздоровления потребуется еще много времени, и Мейнард должен будет соблюдать тот же режим... у него все еще боли в груди (не такие, как прежде)...» Доктор Пэттерсон дал письменные предписания на время выздоровления. Кроме соблюдения диеты, которая выглядит на удивление обильной, Кейнс должен был завтракать в постели, основательно отдыхать после обеда, ложиться спать перед ужином, один день в неделю полностью проводить в постели. 30 сентября Кейнс вернулся в Тилтон, сделав по дороге остановку в Лондоне. Задним числом они с Лидией согласно оценивали предписанный в Рутине режим как «странную смесь первоклассной медицины и первоклассного вздора».

Он оставлял Рутин в приподнятом настроении, унося с собой обещания докторов, что в пределах шести месяцев выздоровеет полностью[5]. На осень он взял себе отпуск в Кемб-

ридже, но проводить его собирался большей частью в Лондоне, постепенно связывая нити «реальной жизни»[6]. В действительности до февраля 1938 г. он жил в Тилтоне. В феврале — марте на три недели уезжал в Лондон и Кембридж и снова на такое же время в мае — июне в Кембридж. После этого он уже не покидал Тилтон до октября. Выздоровление шло гораздо медленнее, чем он ожидал. Он оставался нетрудоспособным, был подвержен почти ежедневным перепадам самочувствия и серьезным ухудшениям здоровья всякий раз, как выпадало какое-нибудь напряжение.

Лидия стала теперь преданной, самоотверженной сиделкой. Любовь, конечно, но также и врожденный крестьянский инстинкт повелевали ей выхаживать больного супруга. Беспомощность Кейнса восстановила внутреннее равновесие их брака. До сих пор Лидия была в центре его забот; в оставшиеся годы жизни он стал ее заботой. Прежде она была нужна для полной реализации его «эго»; теперь от нее зависело его выживание. Без лишних слов она взяла в свои руки бразды правления. В уход за мужем она внесла дисциплину, которой отличалась в роли *прима-балерины*. В течение трех лет она вела записи, отмечая малейшие изменения в состоянии его здоровья, настроении, внешнем виде; добивалась соблюдения предписанного ему режима; избавляла его от груза необязательных дел и обременительного общения с посетителями. Она впервые обнаружила, что полезна, более того, необходима Мейнарду. Он теперь был всей ее жизнью. Она оставила сцену, хотя время от времени участвовала в радиопередачах Би-Би-Си; детей у нее не было; ее родственники были далеко в России. Мейнард понимал и принимал изменившиеся условия своей жизни, он никогда больше не оставался без Лидии. Все чаще полагался на ее авторитет, стремясь оградить себя от раздражающих или утомительных общений. Ему ненавистно было свое положение инвалида; в то же время, как проницательно заметил Дэди Райлэндс, он «наслаждался жизнью в атмосфере детской комнаты». Это был первый случай, когда к уходу за больным Кейнсом не была причастна его мать. В пользу проявленного Флоренс Кейнс понимания ситуации много говорит тот факт, что за-

боту о своем обожаемом, знаменитом сыне она добровольно передала русской балерине, про которую в Блумсбери говорили, что у нее мозги канарейки.

Лидия старалась проводить в жизнь программу отдыха, предписанную докторами Рутина. Поскольку Кейнс едва мог карабкаться вверх по лестнице, его спальню в Тилтоне переместили в расположенный на первом этаже «чулан», справа от входной двери, где висел Сезанн, а Лидия разместилась по соседству в крыле дома, которое Кейнс пристроил для прислуги. Полдня он проводил в постели. По утрам ему позволяли работать два-три часа, сидя в кровати или на диване с доской для письма на коленях. В послеобеденное время, под лучами необыкновенного октябрьского солнца, их с Лидией вывозили куда-нибудь в окрестные места — в Глайнд, Ферл, Льюис или Истборн, чтобы он мог, как выразилась Лидия в письме Сэмюэлю Курто, «проветриться в гармоничной листве». Потом был чай, за ним следовал отдых. После раннего ужина Кейнс возвращался в постель, читал, слушал музыку или радио. Чтобы уснуть, он часто принимал дозу «дурмана», как это называла Лидия. Миссис Стивенс (известная как *Мисси*) приезжала раз в неделю за его письмами, но если их разговоры между собой затягивались, он становился «воинственным» и «раздражительным». Визиты гостей не поощрялись, поскольку разговоры его слишком возбуждали, а потом он оставался опустошенным и унылым. Когда Лидия полагала, что визитеры задерживаются слишком долго, она решительно выпроваживала их словами, которым научил ее доктор: «Сейчас вам следует уйти». Она сразу замечала, когда Мейнард уставал, и приказывала ему лечь и прекратить разговор — «единственное средство от сердечной боли».

Длительность выздоровления и возросшее участие Кейнса в делах своего маленького поместья все более и более поднимали значение для него Тилтона в последние годы жизни. Обслуживал его вполне достаточный, хотя и колебавшийся в численности, штат слуг. Пенни Веллер, иначе «Тетушка», старая костюмерша Лидии, вместе с ее племянником Эдгаром Веллером и его женой Руби все еще состав-

ляли ядро персонала. Обязанности Эдгара Веллера ограничивались теперь уходом за садом, а прежнее место, которое он время от времени занимал за рулем *роллс-ройса*, перешло к Фреду Вулларду, двоюродному племяннику «Тетушки», слывшему великим талантом по механической части, которого обожала Лидия и который нес на себе невероятную комбинацию обязанностей «библиотекаря-шофера-массажиста». Милая двадцатишестилетняя Битти готовила вкусные блюда. Ум ее, однако, был «невообразимым». Были две горничные, девушки из Швейцарии (Рома) и из Норвегии (об имени которой сведений не сохранилось). Череду домочадцев замыкал Пэтси, единственная из трех собак Кейнса, оставшаяся в живых, «приземистый, тявкающий пес-полукровка коричневого с белым окраса»[7], отличавшийся зловонным дыханием. «Ходят слухи, что Пэтси убил своим дыханием крысу», — нацарапал Мейнард на конверте одного из писем Лидии Ричарду Кану.

Лидия строго контролировала поток посетителей. В начале октября зашли на чай Вулфы. Вирджиния нашла, что Мейнард выглядит намного лучше, «не такой бледный и отяжелевший», и что он стал знатоком медицинских вопросов. «Все лондонские специалисты судили о нем неправильно. Единственное средство от всех болезней — в Рутине»[8]. Первыми из числа неместных посетителей были Оден и Ишервуд, приехавшие 11 ноября из Лондона с Рупертом Дуном (директором *Группового театра*), чтобы обсудить свою новую «пьесу с моралью» '*На границе*', которую Кейнс хотел поставить в *Театре искусств*. Они с Лидией спустились с «ребятами» вниз к маяку Ферл и нашли их «вдохновляющими и интересными». Кейнс расстроился, узнав, что у *Группового театра* вовсе нет средств, но согласился добыть деньги на постановку в Кембридже и выступать продюсером спектакля. Поскольку оба автора собрались ехать в Китай, постановку в Кембридже пришлось отложить на год.

С подписанным в 1936 г. договором о пятидесятилетней аренде Тилтонской фермы и Тилтонского леса Кейнс стал также фермером; и теперь у него был досуг, чтобы играть роль сельского сквайра, обладателя поместья площа-

дью примерно в 300 акров. Тилтонской фермой управлял Логан Томсон, йоркширец, пристрастившийся к чтению романов, а в Тилтонском лесу разводил фазанов и куропаток егерь мистер Черчилль. Томсону, как говорила Лидия, разбила сердце девушка-норвежка, поступившая к ним в 1938 г.; «они с Логаном имели обыкновение ходить вдвоем вокруг фермы, и были, кажется... неразлучны все лето 1938 г.». Выздоравливающий Кейнс любил бродить вокруг своей фермы, наблюдать, как молотят зерновые, смотреть, как стригут овец, проверять качество молока и условия содержания свиней. В День Гая Фокса[λ] он собрал много гостей вокруг костра: Квентин Белл изготовил чучело Гая, рабочих фермы угощали колбасками и пивом, Мейнард произнес небольшую речь, а Лидия стояла рядом с ним, нарядившись свиньей. Субботние охоты, в которых иногда принимали участие Клайв Белл и члены семейства Кейнсов — сам Кейнс стрелял очень редко, — имели отнюдь не буколическую окраску. Фермеры собирались в новом просторном зале Кейнсов, стены которого были увешаны картинами постимпрессионистов, и, указывая на ведущую к уборной дверь под картиной Матисса, Лидия говорила: «Итак, мальчики, сюда можете сходить по-маленькому». На Рождество Лидия внесла собственный вклад в феодальную систему, раздав подарки «сорока пяти членам деревенской общины». Местные жители сочли это несколько смахивающим на похвальбу, и один из рабочих заметил: «Лорд Гейдж [землевладелец Мейнарда] — хозяин, и он-то знает, как следует это делать».

Кейнс продолжал скрипеть пером. В числе работ, написанных той осенью, была биография Джулиана Белла. В одобрительном письме Вирджинии Вулф сквозила зависть. «Я хочу, чтобы ты продолжал создавать свою портретную галерею, как ни тяжело мне признавать твой дар в этой области, притом что меня природа не наделила никакими способностями к математике. А что, писать портреты — это работа потруднее, чем занятия экономической теорией?»[9]

[λ] Традиция: вечером 5 ноября по всей стране разводят костры и сжигают чучело Гая Фокса.

Кейнс должен был ответить «нет»: что на самом деле трудно, так это «излагать на бумаге» свои аргументы. К этому времени относится и написанное им (совместно с Пьеро Сраффой) введение к вышедшему в марте 1938 г. репринтному изданию анонимной выжимки из '*Трактата о человеческой природе*' Дэвида Юма; он был обладателем ее оригинала.

Кейнс не отрывался от движения событий. 14 ноября 1937 г. в письме американскому банкиру Уолтеру Стюарту он дал свою обобщенную оценку мировой ситуации: «Я не жду войны, и я не жду большого спада. С другой стороны, международная политика будет препятствовать всестороннему укреплению обстановки уверенности в деловом мире, и, похоже, какая-то разновидность спада на вашем берегу уже имеет место»[10]. К декабрю 1937 г. стало очевидно, что спад захватил и Англию. На сей раз никакого *плана Кейнса* не появилось. Углубление спада в Соединенных Штатах побудило его тем не менее написать 1 февраля 1938 г. еще одно, теперь частное, письмо американскому президенту Франклину Рузвельту.

Упадок здоровья Мейнарда сопровождался и усугублялся упадком его богатства. Падение курсов акций на Уолл-стрит началось примерно в одно время с сердечным приступом у Кейнса, затем последовало — не столь резкое — падение на Лондонской бирже. Большая часть инвестиций Кейнса приходилась на акции, обращавшиеся на этих двух рынках; кроме того, значительная их часть была приобретена в кредит. Верный своей философии «преданности», он продолжал за них держаться, но испытывал все большее беспокойство. «Я не хочу иметь большого долга, притом даже, что вполне располагаю средствами для расплаты, — писал он Ричарду Кану из Рутина 2 сентября. — Я не дошел до положения, когда надо становиться медведем, но *гораздо* менее я склонен выступать быком на заемных деньгах. А сокращать долговые обязательства — это всегда дело утомительное и непростое».

Тем не менее теперь он вступил именно на этот путь. Его брокеры *Бакмастер и Мур* потребовали увеличить обеспечение займов. Единственным способом, каким Кейнс

мог сократить свою задолженность, была продажа акций на падающем рынке. Все более крутое снижение курсов акций замедляло его собственное выздоровление, а чередование на фондовых рынках кратких курсовых взлетов с более глубокими спадами отзывалось перебоями в работе его сердца. «Дела на рынке ужасные, — писал он матери 10 октября. — Но... я чувствую, что цены должны сейчас быть где-то у самого дна». В действительности спустя девять дней Уоллстрит погрузилась на еще большую глубину. В следующем месяце Лидия отметила в своем медицинском дневнике: «Обвал; на здоровье отражается роковым образом». 16 ноября 1937 г. Мейнард написал Рекнеллу в *Национальную компанию взаимного страхования*: «Конечно, правильнее было бы продавать весной, но тогда заметить это было очень трудно»[11].

Кейнс достаточно оправился, чтобы собраться с Клайвом, Дунканом и Ванессой на обеде в Чарлстоне, а в рождественские дни поехать в Родмелл на ужин к Вулфам; это были его первые за девять месяцев выходы в свет. «Мы уложили Мейнарда в постель, устроенную на двух стульях, — написала Вирджиния своей племяннице Анжелике, — и он все говорил и говорил, пока не привел себя в такую ярость насчет политики, что Лидия вызвала автомобиль и они уехали»[12]. Утвердив Кейнса на пути выздоровления, Лидия посчитала возможным взять себе несколько ангажементов на выступления по телевидению. 23 декабря она читала сказку Ганса Христиана Андерсена 'Красные башмаки'. Весной она выступала в цикле передач под общим названием '*Этюды русских мастеров о детстве и юности*'. Продюсером был Гай Берджес.

11 февраля 1938 г. Кейнс снова прибыл в Рутин для контрольного обследования. Его беспокоила новая боль, появившаяся в области сердца и обычно дававшая о себе знать после напряженного дня, как раз перед отходом ко сну. Результаты, полученные в Рутине, ободряли. Сердце оставалось увеличенным, но с перекачкой крови справлялось лучше. Взятые в горле мазки, объясняла Лидия, «не обнаруживали никаких растений, хотя в прошлый раз, когда мы здесь

были, там был целый сад». Артериальное давление все еще было слишком низким. Доктора готовы были позволить «умеренное возвращение к публичной жизни в ближайшем будущем при условии длительного летнего отдыха».

По возвращении из Уэльса Мейнард и Лидия провели три недели в Лондоне. Незадолго перед болезнью Кейнс заключил договор об аренде дома 47 на Гордон-сквер, и теперь они занимали два дома. Из гостиной дома 47 прорубили дверь в гостиную дома 46, и в образовавшейся большой комнате разместилась библиотека. Пока они гуляли в парках, совершали выезды за город, навещали старых друзей, политическая напряженность нарастала. Гитлер давил на Австрию; Чемберлен пытался добиться от Муссолини, чтобы тот встал на защиту австрийской независимости; 21 февраля Иден подал в отставку с поста министра иностранных дел. Мейнард написал Вирджинии Вулф: «Международное политическое положение почти доводит меня до сердечного приступа. Я всегда знал, что Невилл [Чемберлен] — это самое низкое (не знаю, как это правильно написать) из плоскостопых [sic] ползучих существ. Но последует ли страна за ним [в политике умиротворения]?» Леонард и Вирджиния заглянули в дом 46 на чай и нашли «М. в лежачем состоянии, но полным идей. Бентам первоисточник зла. Лидия, похожая на крестьянку, заламывает руки, сидя на стуле»[13]. 23 февраля 1938 г. Кейнс выступил с традиционной ежегодной речью председателя *Национальной компании взаимного страхования*; с начала болезни это было его первое появление на публике; на следующий день он председательствовал на заседании Королевского экономического общества. Через оба мероприятия он прошел с высоко поднятой головой, но развернувшийся в печати спор по поводу его выступлений сильно потрепал ему нервы.

Уикенд с 10 по 14 марта Мейнард и Лидия проводили в Кембридже по случаю выборов в ученое сообщество; после отъезда из Рутина он впервые наведался в Кембридж. Там они и находились, когда немецкие войска пересекли австрийскую границу и Гитлер объявил аншлюс. Кейнс полагал, что правительство находится «почти в полном отрыве от

стремительно растущих антидиктаторских чувств общественности»[14]. 18 марта они вернулись в Тилтон.

Поступившая в конце марта новая партия плохих вестей, на сей раз с Уолл-стрит, опять вызвала резкое ухудшение здоровья Мейнарда, который все еще имел «огромную американскую позицию». Лидия воспринимала это философски: «Вполне естественное следствие такого обилия работы, перемен в погоде, в мировой ситуации, на Уолл-стрит и в жизни вообще». В последние две недели марта он продал ценные бумаги общей стоимостью в 40–50 тысяч фунтов, еще больше сократив свой долг брокерской фирме *Бакмастер и Мур*, но сохранив большую часть своих ликвидных средств. В год «потрясающего упадка», начавшегося весной 1937 г., он потерял почти две трети своих денег. Его чистые активы сократились с 506 222 фунтов на конец 1936 г. до 181 244 к концу 1938-го, притом что на две трети уменьшился его валовой доход — с 18 801 фунта в 1937–1938 до 6192 фунтов в 1938–1939 налоговом году. Учреждения, инвестиционная политика которых направлялась в значительной мере под его диктовку — Королевский колледж, *Провинциальная страховая компания*, *Национальная компания взаимного страхования*, — также понесли тяжелые потери, и Кейнсу пришлось в длинных письмах и пояснительных записках оправдывать свою философию «упорных ставок на повышение». 18 марта он написал Фрэнсису Керзону, который в его отсутствие председательствовал на еженедельных заседаниях правления *Национальной компании взаимного страхования*: «Я не испытываю никакого стыда, раз выясняется, что у нас все еще есть какие-то акции, когда рынок упал до низшей точки... Я готов пойти много дальше. Я должен указать на обязанность всякого серьезного инвестора мириться с возникающим время от времени обесцениванием его бумаг, принимая это с хладнокровием и без упреков в собственный адрес. Любая иная политика имеет антиобщественный характер, разрушает доверие к себе и несовместима с работой экономической системы. Инвестор... должен иметь целью прежде всего результаты долгосрочного периода, и лишь по ним следует его оценивать»[15]. Ни Керзона, ни

правление это не убедило, и в октябре 1938 г. Кейнс оставил пост председателя, объяснив Фолку: «Каждый, естественно, хочет [отказаться] от той части своей деятельности, которая дает наименьшее удовлетворение»[16].

Весна сменилась летом, на Уолл-стрит дела пошли наконец в гору, и здоровье Кейнса стало понемногу улучшаться. 29 апреля Лидия писала Кану: «Вчера Мейнард целый час очень хорошо гулял, мы наблюдали выбравшихся из коконов бабочек, сплетавшихся со своими мужьями и время от времени отдыхавших на ветках». В середине мая он рискнул провести три недели в Кембридже, где они с Лидией жили в своей новой квартире в доме 17-а в Сент-Эдвард-пэсидж. Медицинский дневник Лидии повествует о приливах энергии («заседание сената перенес блестяще»), чередовавшихся с усталостью, болями, ночной бессонницей («вошел в комнату как труп... принял снотворное, очень утомлен»). Но в целом серьезных срывов не было. В Тилтоне 26 июня Сэм Курто нашел, что выглядит он «намного лучше», но ему «приходится быть очень осторожным, чтобы не напрягать сердце, и нельзя слишком долго разговаривать. После обеда мы вышли на прогулку, медленно побродили около часа. Лидия, вроде бы, подбодрилась...»[17]. 28 июня Кейнс уже чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы известить Спригга, что в Рутин не вернется.

В течение четырех месяцев Мейнард и Лидия жили в Тилтоне. «Какое облегчение осесть со всеми своими манатками и подушками, собранными в одном месте...» — написала Лидия Флоренс. Долговязый, ссутулившийся экономист в саржевом пиджаке и соломенной шляпе, сопровождаемый своей крошечной, похожей на птицу женой с ее русским акцентом и экзотическими косынками, производил, должно быть, странное впечатление на окрестных селян, попадавшихся в пути, когда они медленно, тяжело дыша, прогуливались вокруг своего небольшого поместья. Мейнард любил видеть себя доброжелательным землевладельцем, но действительность не делала этот образ вполне убедительным. Нравилась ему идея назначенной себе роли, но не сама роль. Он ни в коем случае не был сельским жителем. О своих ра-

ботниках он говорил как о фантастических, двухмерных существах, занятных, но не пробуждающих теплых чувств. Те же, в свою очередь, не ведали покоя из-за его вечных подсчетов, его въедливой любознательности, его свирепого интеллекта. Как-то во время прогулки вокруг фермы Лидия взялась увещевать Мейнарда, чтобы он не перенапрягался и берег силы. Он обернулся к своему пастуху и сказал: «Если бы старая овца посмотрела на тебя так, как Лидия сейчас смотрит на меня, что бы ты сделал?» — вопрос, замечает Квентин Белл, «способный поставить в тупик кого угодно»[18].

Одной из главных работ Кейнса летом 1938 г. был доклад о буферных запасах, который он обсуждал в Тилтоне с Уолтером Лейтоном и Артуром Солтером и который 19 августа был от его имени прочитан в Кембридже коллегой по Королевскому колледжу Джеральдом Шоувом. Вернувшийся из Китая Ишервуд нанес в Тилтон визит вместе с Рупертом Дуном и Бенджамином Бриттеном, и они окончательно утрясли планы постановки '*На границе*' в кембриджском театре. Спектакль наметили на ноябрь и договорились, что Лидия выступит в главной женской роли. 23 августа Кейнс послал бодрый отчет о своем здоровье Ричарду Кану. За прошедший месяц он-де добился большего прогресса, чем когда-либо прежде за все время болезни: «Мои плохие дни и тяжелые моменты совсем не так плохи, как прежде, ни по продолжительности, ни по интенсивности... серьезная боль почти полностью исчезла, и я быстро оправляюсь от усталости». Увы, в сентябре ему предстояло пережить нарушившее покой и здоровье потрясение — чешский кризис, проложивший дорогу к Мюнхену. «Продвигаюсь я страшно медленно, — с грустью написал он 27 сентября старому кембриджскому другу Бобу Тревельяну. — В прошлом месяце у нас была встреча *Клуба воспоминаний*, и я читал доклад о том воздействии, какое в студенческие годы оказали на меня '*Principia Ethica*'; и когда писал о Муре, живо вспоминал тебя тех дней»[19]. Встреча эта состоялась в Тилтоне 11 сентября. Вирджиния Вулф записала, что Кейнс выступил с «очень четким, глубоким и внушительным докладом» перед собранием блумсберийцев, старых и молодых, а затем его

«медленно препроводили» для отдыха в его спальню на первом этаже, Лидия же тем временем весело угощала всех бутербродами с ветчиной и горячими булочками[20]. Это был его посмертно изданный доклад '*Начала моей веры*', в котором он частично эти ранние верования подтверждал, а частично от них отмежевывался. 16 октября 1938 г. их с Лидией доставили из Лондона в Кембридж — «обед с Каном, немного устали, бледный вид, легли спать рано, никакой боли, но в области сердца что-то может быть неладно».

3. Импресарио кейнсианской революции

Именно в сумеречное время между миром и войной кейнсианская революция стала завоевывать плацдармы. Примирение между Кейнсом и антикейнсианцами началось в 1937 г. Происходило оно в обстановке ухудшавшегося международного положения, которое заставило Британию приступить к основательному перевооружению. Но архитектором примирения был сам Кейнс. Обходя спорные теоретические проблемы, он показывал, как многосоставная структура *Общей теории* позволяет прилагать ее к проблеме не только безработицы, но и инфляционного давления в условиях полной занятости и управления военной экономикой. *Общая теория*, при столь удачно выбранном для нее названии, имела потенциал столь же успешного применения. Но та великолепная работа, которую проделывал Кейнс ради использования этого потенциала, поражала и захватывала воображение смесью уверенности, стиля, интеллектуальной гибкости и богатства административных приемов. Круг очарованных, по общему признанию, был весьма узок. Член парламента, консерватор, адмирал Тафтон Бимиш осудил его «замшелое предложение насчет обширных общественных работ». Джон Бучан нарисовал нелестный портрет Кейнса, представив его в образе Барралти, героя своего романа '*Овечий остров*' (1936 г.) — «полуавантюриста, полусквайра» и глубоко аморального финансиста. Это отражало обычное для правых тори мнение о Кейнсе как о человеке

первоклассных умственных способностей, но второсортных моральных качеств. Левые все еще предпочитали социализм управляемому капитализму, хотя начинали видеть, как капитализмом можно было бы управлять в целях продвижения к социализму. Соглашаться с ним готов был только умный центр, всегда отличавшийся восприимчивостью к интеллектуальному обаянию Кейнса. Но и этого было достаточно.

Начиная с 1937 г. Кейнс стал прилагать положения *Общей теории* к проблемам, возникавшим по мере приближения Англии к полной занятости и в связи с начавшейся подготовкой к войне. Особой заботой Казначейства стала необходимость изыскать средства для перевооружения, избегая при этом инфляционного давления и трудностей с платежным балансом. Именно антиинфляционные перспективы, которые открывала экономическая теория Кейнса, создавали основу для примирения с ней державшегося ортодоксальных взглядов Казначейства. Кристаллизацией предвоенных дискуссий стали брошюра Кейнса '*Как оплатить войну*' и вдохновленная ею бюджетная политика военного времени.

В феврале 1937 г. канцлер Казначейства Невилл Чемберлен объявил о дополнении к программе перевооружения в виде намеченных на более чем пятилетний срок расходов в сумме 400 миллионов фунтов за счет выпуска оборонного займа. Люди, выросшие на старых представлениях, задавали старые вопросы. Откуда могут взяться дополнительные ресурсы? Разве они не будут отвлечены от иных видов использования, например в экспортной торговле, которую Казначейство рассматривало как «четвертый род войск»? Разве выпуск займа не поднимет процентную ставку? Разве это не породит инфляцию? Но времена изменились. Казначейство было теперь предано идее заимствований ради увеличения средств, идущих на перевооружение. Единственной среди имевшихся наготове теорий, которая обещала и пушки, и масло, и низкую процентную ставку, нужную Казначейству для его заимствований, была теория Кейнса. В то же время установка на полную занятость давала Кейнсу возможность представить свои антиинфляционные верительные грамоты.

Пятью темами этой полемики были следующие. Первая — отсутствовавшая в '*Общей теории*' тема методов стабилизации, очерченных Кейнсом в трех статьях, напечатанных в '*Таймс*' 12–14 января 1937 г. Под рубрикой '*Управление бумом*' Кейнс очертил то, что впредь стало называться политикой «циклически балансируемого бюджета»: правительствам следует брать займы при спаде в экономике и погашать долги при подъеме делового цикла. «С бумом, а не с резким экономическим спадом должно наступать для Казначейства время строгой экономии», — провозглашал он. После войны эта финансовая теория управления спросом оказала мощное влияние на ортодоксальную кейнсианскую мысль[21].

Во-вторых, Кейнс снова и снова подчеркивал, что британская экономика никакой общей нехватки ресурсов не испытывает, но «злосчастные оковы» в организации британской промышленности приводят к тому, что большие излишки рабочей силы в «бедствующих районах» сосуществуют с ее нехваткой в некоторых отраслях и местностях, так что «правильное распределение спроса требуется нам сегодня больше, чем его общее увеличение»[22]. Это было указанием на необходимость урезать государственные траты на быстро развивающемся юге и увеличить их в бедствующих северных и кельтских областях. Особо это касалось программы перевооружения. В '*Таймс*' от 11 марта 1937 г. Кейнс доказывал, что оборонные заказы должны по возможности размещаться там, где высок уровень безработицы.

> Ошибочно [писал он] видеть в этом всего лишь некую форму милосердия по отношению к бедствующей части страны. Напротив, это отвечает общим интересам. Каков характер спроса — инфляционный или неинфляционный — зависит от того, распространяется ли он на отрасли и местности, в которых нет никаких избыточных производственных мощностей. Организовать производство в *Особых областях* — это способ обеспечить перевооружение без инфляции[23].

В-третьих, Кейнс подчеркивал потребность в органе, который управлял бы государственными капиталовложениями и мог бы планировать инвестиционный спрос, так чтобы

пакет новых инвестиционных проектов был наготове и их можно было активизировать в случае падения прибыли на другие инвестиции[24]. Это стало еще более настоятельной необходимостью в сумеречное время между миром и войной, которое Англия начала переживать в 1938 и 1939 г. 5 сентября 1938 г. он написал Освальду Фолку: «Беда в том, что нами правят полные болваны. Вместо того чтобы посвящать себя решению отнюдь не легкой задачи обеспечивать боеготовность этой страны, старшие государственные служащие почти во всех сферах своей деятельности заняты, похоже, только тем, что ищут подходящие оправдания для ничегонеделанья»[25].

В-четвертых, для управления спросом необходимы статистические данные о национальном доходе. При каком уровне безработицы может возникнуть серьезное инфляционное давление? Это 10 процентов, 5 процентов? Никто не знает. В статье в '*Таймс*' от 11 марта 1937 г. Кейнс, пустив в ход простейшую арифметику, высчитал объем «недостающего производства». Эти расчеты приводили его к заключению, что «расходы канцлера, покрываемые заемными средствами, не должны быть инфляционными». Но он сетовал, что за отсутствием достаточных статистических материалов его вычисления скатываются на уровень «смелых догадок»[26].

Наконец, Кейнс доказывал необходимость постоянно сохраняемой политики дешевых денег. Процентные ставки по краткосрочным кредитам следует неизменно держать на низком уровне во избежание неопределенности в отношении будущих ставок на долгосрочные заимствования. «Мы должны бежать [от дорогих денег]... как от огня», — писал он в '*Таймс*' 12 января 1937 г. В дальнейшем эта установка определяла денежную политику вплоть до 1951 г.

Дешевые деньги не принадлежали к числу именно кейнсианских рецептов. Это была классическая — притом считавшаяся естественной — мера сопротивления депрессии. В 1932 г. была установлена 2-процентная банковская ставка. Предпринятая Казначейством в 1932 г. широкомасштабная конверсионная операция, в ходе которой 5-процентные облигации военного займа 1917 г. были преобразо-

ваны в 3,5-процентные, имела целью уменьшить лежащее на бюджете бремя и поддержать низкие ставки по краткосрочным кредитам. Казначейство тем не менее не сомневалось, что в условиях бума процентные ставки должны будут подняться.

В традиционных представлениях повышение процента указывало на «недостаточность сбережений», на то, что спрос выбился за пределы наличных ресурсов. Следовательно, всякое расширение государственных заимствований на четвертом году восстановления обязательно влекло за собой повышение процентных ставок. Такая перспектива вызывала тревогу Казначейства, стремившегося финансировать перевооружение как можно более дешевыми заемными деньгами. Именно в этих обстоятельствах предложенная Кейнсом «монетарная» теория процента вызвала радостное возбуждение в Казначействе и Английском банке. Согласно этой теории, повышение процентной ставки указывало на недостаток не сбережений, а ликвидности.

Из этой завязи и распустился цветок дискуссий, последовавших за выходом в свет '*Общей теории*' Кейнса. Старая школа, отстаивавшая принцип саморегулирования экономики, прочно опиралась на понимание процента как цены, поддерживающей равновесие между сбережениями и инвестициями. Кейнс это отверг. Сбережение, мол, растет или сокращается вместе с ростом или сокращением дохода; ставка процента есть цена отказа от ликвидности. Программа перевооружения, финансируемая заемными средствами, увеличивая национальный доход, даст и сбережения, необходимые для ее оплаты, *не заставляя повышать для этого процентную ставку*. Но это не давало объяснения повышению в начале 1937 г. процента на краткосрочные кредиты, то есть именно тому, что и должна была предсказать классическая школа для условий начавшегося быстрого развития экономики. Это событие в «реальном мире» подвигло Кейнса на последнее усилие в строительстве здания своей теории. В статье, которая была напечатана в июльском (1937 г.) номере '*Экономического журнала*' и которую он написал в Кембридже, лежа больным в постели, он доказывал, что ин-

вестиционное решение может означать образование «временного спроса на деньги... упреждающего образование соответствующих сбережений». Обычно эти «финансовые средства» предоставляет банковская система из «постоянно возобновляемых фондов», поскольку займы для намечаемых инвестиций идут за счет погашения ссуд, ранее выданных банками на уже осуществленные и работающие инвестиции. Но если инвестиционный спрос внезапно возрастет и «финансовых средств потребуется больше, чем обычно, это может легко воздействовать на процентную ставку через больший спрос на деньги». Таким образом, хотя дополнительное капиталовложение (частное или государственное) не может ограничиваться «недостатком сбережений», оно способно превысить наличные финансовые возможности, «если банковская система не хочет расширять выдачу денег, а их предоставление существующими держателями [из бездействующих средств] не отличается эластичностью». Денежные власти всегда могут создать «финансовые средства» для дополнительных инвестиций, напечатав больше денег, то есть «мощно действующим, хотя порой и опасным способом»[27]. Таково происхождение знаменитого «финансового» спроса на деньги, о котором Кейнс не упоминал в '*Общей теории*' и которое он теперь предлагал как «мост», связывающий его собственную теорию процента, исходящую из предпочтения ликвидности, и теорию Денниса Робертсона с ее фондом средств, образуемых сбережениями. Это классический пример того, что профессор Кларк называл сочинением теории «на ходу» — в ответ на выдвинутые против тебя возражения. В своей председательской речи, обращенной 23 февраля 1938 г. к правлению *Национальной компании взаимного страхования*, Кейнс привел изобретенный им хитроумный довод в пользу своей новой теории. Повышение процентной ставки в 1937 г. произошло, мол, не из-за выпуска займов на перевооружение, а потому, что привлечением заемных средств занялись прежде, чем их израсходовали. «Заимствования, осуществляемые заранее, до того как сделаны траты, равносильны своего рода замороженным накоплениям, которые могут серьезно сковывать кредит». Повы-

шение процентных ставок могло быть предотвращено, если бы вместо выпуска облигаций оборонного займа задолго до того, как реально появилась нужда в деньгах, правительство взялось за осуществление своей инвестиционной программы «несколько раньше, чем прибегнуть к заимствованиям, или, по крайней мере, *pari passu*»[28]. Кейнса привели в негодование появившиеся в финансовой прессе отклики на его заявления. «По существу, все редакторы из Сити (как и чиновники государственной службы и прочие лица, соприкасающиеся с деланием денег, но сами их не делающие, а потому так их, проклятых, не любящие) — прирожденные сторонники дефляции», — написал он 5 марта 1938 г. Ричарду Кану.

Другой прием, который Кейнс предлагал Казначейству использовать, чтобы избежать высоких процентов, состоял в том, чтобы пойти навстречу публике с ее предпочтениями ликвидности и брать больше краткосрочных кредитов, избегая их возвращения раньше срока погашения. Используя этот прием, министерство финансов США сумело получить займы «в среднем под существенно более низкие проценты», чем способно было добиться британское Казначейство, так как для него процентные ставки росли вместе со сроками погашения[29].

В Казначействе доктрине Кейнса был оказан сердечный прием. Дело шло к тому, что старания смягчить колебания цикла, направлявшие политику Казначейства в отношении процентных ставок, теряли свое значение, уступая место заботам об удешевлении заемных средств, привлекаемых для перевооружения. Выдвинутая Кейнсом теория процента, исходившая из предпочтения ликвидности, указывала способы, позволявшие этого добиться. Это подразумевало, что, проводя свою денежную политику, правительство может устанавливать любую процентную ставку, какую только пожелает, если при этом будет сознательно увеличивать предложение денег, чтобы «насытить накопителя», и устанавливать устраивающие инвестора сроки платежей. В течение следующего года Кейнс постоянно возвращался к этой теме.

Эти образчики кейнсианской политики свидетельствуют не только о присущей ему способности изобретать те-

ории, но и о его таланте в применении теории, будь то новой или старой, к проблемам управления. Они были рождены в тени войны, придавшей им аромат дирижизма, который ни в коем случае не был следствием, с неизбежностью вытекавшим из его *Общей теории.*

Старания Кейнса, ратовавшего за признание своей теории, начали сталкивать Казначейство с навязанных Чемберленом ортодоксальных позиций. Сьюзн Хоусон и Дональд Винч свидетельствуют, что «к 1937 г. макроэкономические воззрения, которые мы связываем с *Общей теорией* Кейнса, изменили мышление самых влиятельных государственных служащих, определявших политику Казначейства»[30]. Авторы ссылаются, в частности, на доводы в пользу противоциклических общественных работ, выдвинутые в Двадцать втором докладе (от 19 февраля 1937 г.) Комитета экономической информации при Экономическом консультативном совете, председателем которого был сэр Джошиа Стэмп, а членами — Кейнс и два старших чиновника Казначейства, сэр Фредерик Филлипс и сэр Фредерик Лис-Росс[31]. Доводы были, по существу, те же, что Кейнс приводил в январе 1937 г. в статьях, напечатанных в '*Таймс*'. Важнее было то, что под влиянием Кейнса усваивалось монетарное мышление. Комитет экономической информации в своем последнем докладе (в июле 1939 г.) и Комитет Казначейства по управлению сбережениями и инвестициями, учрежденный 30 июня 1939 г. во главе с сэром Фредериком Филлипсом, воспроизвели аргументацию и предложения статей Кейнса, появившихся в том году в '*Таймс*'. После того как в октябре 1939 г. для займов была установлена максимальная 3-процентная ставка, «методы, какими в дальнейшем она удерживалась на этом уровне, были теми самыми, за которые ратовал Кейнс...»[32] Идеи Кейнса оказались в 1937–1939 гг. в центре дискуссий об экономической политике не потому, что большинство их участников «подписалось» на его *Общую теорию*, а потому, что эти идеи соответствовали заботам делавшей политику элиты. Недоверие к его «чрезмерному уму» все еще было широко распространено. Как писал Шумпетер — свидетель пристрастный, — «среди тех, кто восхищается Кейнсом, большин-

ство откликаются на его стимулирующее воздействие, берут у него то, что их устраивает, и отбрасывают все остальное»[33].

4. Благоразумие против умиротворения

В '*Экономических последствиях мира*' Кейнс писал: «Если мы решили ввергнуть Центральную Европу в нищету, возмездие, осмелюсь я предсказать, не заставит себя ждать». Его страстные возражения против Версальского договора подвергались жестокой критике, часто не по делу. Гораздо меньше писали о том, как он откликнулся на явление предсказанного возмездия в лице Адольфа Гитлера. В неопубликованной главе своей автобиографии Кингсли Мартин, редактор '*Нью стейтсмена*', написал: «[Кейнс] обычно, с некоторыми оговорками, поддерживал Болдуина и даже Чемберлена, и более того, пусть и вяло, но поддерживал их, даже когда сердился за Мюнхен. Он, как и я, считал почти невозможным «затевать войну» в защиту Восточной Европы, когда нам предлагали какой-никакой мир и мы не были повязаны строгими обязательствами»[34]. Освальд Фолк, самый проницательный среди тех, кто близко знал тогда Кейнса, писал о «раздиравшем его ум конфликте между несомненным его пацифизмом и возникавшим, по крайней мере время от времени, желанием бороться со злом и агрессией»[35]. Совсем недавно Дональд Марквелл выступил с утверждением, что представлять Кейнса сторонником умиротворения было бы «по меньшей мере упрощением»[36].

Верно, что Кейнс не был приверженцем умиротворения в том узко формальном смысле, о котором речь будет ниже, но в чем он расходился с этой позицией, порой оставалось неясным. Да и его выступления по внешней политике не отличались качеством его экономических суждений. Гений Кейнса-экономиста многим был обязан близкому знакомству с работой Уайтхолла и лондонского Сити. Что же касается вопросов внешней политики, подобного сравнительного преимущества у него не было. Он не располагал никакими особыми знаниями и не имел никаких связей в

центрах принятия решений; его знакомство с Соединенными Штатами и Советским Союзом было отрывочным. Так что к делу он подходил часто дилетантски. Он строил свои заключения в положении стороннего наблюдателя; писал на эти темы с несвойственной ему расплывчатостью; его влияние на внешнеполитические решения равнялось, в сущности, нулю.

Попытаемся разобраться, что за мысли возникали у Кейнса, видевшего, как сгущаются тучи войны. Мы вполне готовы согласиться, что «выводы, следовавшие из '*Экономических последствий мира*', не имели никакого отношения к представлениям Кейнса о том, как следует вести дела с Гитлером»[37]; у него не было никаких оснований чувствовать себя лично виновным в «жестокости» Версальского мира, ибо он-то как раз выступал против его условий. Более того, поскольку он никогда не поддерживал вильсоновский принцип «национального самоопределения» — то есть умножение границ и суверенитетов, которое, по его мнению, разрушило довоенное экономическое единство Европы, — он не видел и никакой нужды требовать от Германии территориальных уступок, исходя из этнических или лингвистических критериев. Наконец, Германия, интересы которой он отстаивал в 1919 г., не была Германией 1930-х. Он ненавидел нацистский режим, после 1933 г. ни разу в Германию не заглядывал и никогда не призывал обращать внимание на успехи экономической политики Гитлера — в сложившихся условиях достойное похвалы самоотречение.

Во-вторых, Кейнс был 90-процентным пацифистом. Подобно большинству либералов, он считал мир почти всезатмевающим благом — тем, от которого допустимо отказываться лишь в крайних обстоятельствах, только ради защиты жизненных интересов. Тут он следовал пацифизму демократических государств. Приверженность миру находила свои проявления в его нежелании лично участвовать в закреплении европейского или мирового статус-кво, в его чрезмерной вере в экономические санкции как альтернативу войне, в искреннем недоумении, которое вызывали у него люди, готовые, подобно Гитлеру и Муссолини, идти на риск

войны ради достижения своих целей. Привлекательность войны или воинственности лежала за пределами его воображения — то ли порок, то ли добродетель, которые он разделял с большинством британских либералов.

В-третьих, из пацифизма Кейнса вытекало его мнение, что правительствам не дано никакого права рисковать войной из верности некоему принципу, не имея на то народной поддержки. 24 июля 1937 г. он писал Ричарду Кану в связи с гибелью Джулиана Белла в Испании: «Он имел право выразить протест потерей собственной жизни. Я понимаю это, хотя еще яснее понимаю, что ни *НС* и *Н* [*'Нью стейтсмен' и 'Нация'*], ни Лейбористская партия не имеют права требовать, чтобы правительство заявляло свой протест, рискуя жизнями всех членов общества, когда это совсем не соответствует настроениям большинства».

В-четвертых, на суждения Кейнса о внешней политике в 1930-е гг. сильно влияла его концепция благоразумия. То был набор философских поворотов мысли, восходивших к его студенческому эссе о Бёрке и его особой теории вероятности. Стоит припомнить один отрывок из его доклада о Бёрке (1904 г.): «Бёрк... всегда держался, и справедливо держался, того мнения, что редко бывает правильно жертвовать сегодняшним благом ради сомнительной выгоды в будущем... [Более того,] недостаточно, чтобы состояние дел, которого мы добиваемся, было лучше предшествующего; оно должно быть настолько лучше, чтобы это компенсировало зло, которое возникнет по дороге»[38]. В приложении к 1930-м гг. логика выглядит очень просто. В любой момент времени мир лучше войны. Поэтому не следует рисковать войной, если только мы не знаем, что это сделает мир более безопасным; и не следует вести войну, если только мы не знаем, что это сделает будущий мир лучше нынешнего в достаточной мере, чтобы возместить издержки войны. Но такого рода знание дается нам редко. Поэтому мы должны «отстаивать мир, час за часом, день за днем, так долго, как только сможем». Это нельзя считать заключением, выведенным из существования неопределенности. Можно было бы сказать так: если нет возможности исчислить вероятность ре-

зультата, нужно просто делать то, что подобает согласно урокам истории и требованиям чести. Так смотрел на вещи Черчилль.

В-пятых, Кейнс придавал огромное значение языку и видел в нем сильнейшее орудие, тем более в условиях нехватки вооружений. Сам мастер в использовании языка, он сознавал силу слов и, в частности, восхищался качеством речей Черчилля. Он имел в виду не язык морального негодования, а язык утверждения нравственности. В годы, когда надвигалась война, он не раз обвинял правительство в пренебрежении «силой мужественного поведения», в отсутствии у него «способности создавать впечатление своей силы». Это не уменьшает риск войны, а ведет лишь к тому, что в войне мы можем оказаться «без друзей и без сплоченности в общем деле»[39]. Кейнс полагал, что более гордое поведение Англии намного быстрее вовлечет Соединенные Штаты в моральное — а в конечном счете военное — противостояние диктаторам.

Наконец, мы должны видеть отличие политики Кейнса от политики Невилла Чемберлена. Свою роль играла и личная неприязнь. Кейнс искренне любил Болдуина; его преемника он едва знал и не имел никаких оснований его любить или связывать с ним большие надежды. Чемберлен был одной из тех личностей, которые странным образом не поддавались чарам и обаянию Кейнса. В своем единственном попавшим в печать персональном отзыве о нем (1939 г.) Кейнс рассматривает его как главное препятствие осуществлению всех своих надежд: «Что касается премьер-министра, то эта слепота [к наиболее очевидным особенностям современного мира] составляет существенный элемент его силы. Если бы он мог видеть хоть немного больше, если бы хоть отдаленно представлял себе вихри идей, проектов и планов спасения страны, которые терзают нас, остальных, это стало бы смертельным ударом для его великолепной, в бронзу отлитой самоуверенности»[40].

На посту канцлера Чемберлен строго следовал политике сбалансированных бюджетов и был убежден, что они обеспечивали процветание. Его ужасали дрейф и летаргия внеш-

ней политики Болдуина, и, став в мае 1937 г. премьер-министром, он решил следовать четким принципам в своих отношениях с диктаторами. Его политику удачно окрестили «вооруженным умиротворением». Как он сам выразился в письме своей сестре Хильде от 1 августа 1937 г., он рассчитывал, что «политика, направленная одновременно и на перевооружение, и на улучшение отношений с Германией и Италией, позволит нам благополучно пережить период опасности».

Разница между Чемберленом и Кейнсом была в том, что Кейнс отвергал политику активного поиска соглашения с государствами, которые он называл «бандитскими». Интуитивно он знал, что поставить отношения с нацистами на приемлемую для британского общественного мнения основу не удастся. Но это не делало его приверженцем сохранения статус-кво в Европе или за ее пределами. Линия, которую он наиболее последовательно отстаивал, — это мощные вооружения, никаких строгих обязательств, создание оборонительного союза миролюбивых держав, включая США и Советский Союз, и позиция неопределенно направленной угрозы. В этом он был очень близок взглядам Энтони Идена, министра по делам Лиги Наций в правительстве Болдуина и впоследствии первого министр иностранных дел у Чемберлена. Политика Идена должна была держать диктаторов «в недоумении» и одновременно обеспечивать «лучшие отношения» с США и Советской Россией — прямо противоположная курсу Чемберлена на «лучшие отношения» с диктаторами. Беда была в том, что блефовать в игре могут обе стороны, и не исключено, что опасно легкую победу одержит тот игрок, у которого крепче нервы; в то же время, принимая во внимание американский изоляционизм и скотство Сталина, предполагаемый союз в защиту мира с СССР и Соединенными Штатами выглядел совершенно невероятным. Подлинная логика мирной политики Кейнса имела лицо британского изоляционизма, защищенного Каналом [Ла-Маншем] и Королевским флотом, но эту логику он никогда не принимал.

Выступления Кейнса по международным вопросам, начиная с итальянского вторжения в Абиссинию в 1935 г.,

сначала были гораздо больше направлены против левых, чем против правительства; особенно он возражал против линии '*Нью стейтсмена*', требовавшего гражданского сопротивления перевооружению, притом что газета настаивала на военных санкциях против Италии и на «оружии для Испании». Поскольку Кейнс председательствовал в правлении '*Нью стейтсмена*', а редактор Кингсли Мартин был его личным другом, он воспринимал такую нелогичность почти как личное оскорбление и выражал свое возмущение не только в статьях, которые писал в эту газету, но и в сердитых письмах самому Мартину. Суть его позиции состояла в том, что «лучше иметь мощные вооруженные силы и никакой четкой внешней политики, чем одну неделю требовать отказа от всякого вооружения, а на следующей призывать к созданию воинственных союзов»[41]. Политика правительства, говорил он, отражает не его профашистские симпатии, а народное отвращение к войне. Англия должна возглавить блок мирных наций, включая Францию, Россию и Соединенные Штаты, и превратить его в такое мощное объединение, что «только безумец отважится ему противостоять». С больничной койки в Рутине он писал: «Со времен Фабия Максима едва ли существовали более веские, чем сегодня, доводы в пользу кунктаторства... Англии следует крепить свою военно-морскую мощь и ждать, когда диктаторы *станут совершать ошибки*»[42].

Даже оптимизм Кейнса не выдерживал поступавших сообщений о сталинских чистках. «В действительности, — написал он Мартину 25 июля, — существуют только две [идеологии]: тоталитарные государства и либеральные государства». Он правильно предсказал заключение нацистско-советского пакта[43]. Но он все еще надеялся вытянуть Соединенные Штаты из их изоляции.

Кейнс никогда не имел правильного представления о размахе англофобии в Соединенных Штатах. Это была реальная опора изоляционизма. На протяжении всех 1930-х гг. неприязнь к фашистским «злодеям» уравновешивалась неприязнью к британскому империализму. Брюс Бливен, печатавший статьи Кейнса в '*Нью рипаблик*' ('*New Republic*'), был

из тех американских либералов, которые, к возмущению Кейнса, морально осуждали поведение в Китае одинаково и британцев, и японцев. Американцы особенно обижались на то, что в 1933 г. Британия отказалась от своего военного долга. Это прямо привело к принятию закона Джонсона, запретившего предоставлять частные займы странам, не выполняющим своих долговых обязательств. Г. Энгельбрехт и Ф. Ханайен, авторы бестселлера '*Торговцы смертью*' (1934 г.), доказывали, что фабриканты оружия и международные банкиры объединились с господствующими кругами Британии с целью втянуть Америку в Первую мировую войну. Это послужило поводом для создания сенатской комиссии Ная. В числе итогов ее деятельности был «список британских грехов военного времени», который посодействовал принятию двух законов о нейтралитете — в 1935 и 1936 гг. В чем Кейнс был прав, так это в заключениях, что политика умиротворения в том виде, как ее проводили Болдуин и Чемберлен, уронила Британию в глазах Америки. Американцы не любят поддерживать проигравших. Крайне маловероятно, однако, чтобы «более гордое поведение» Англии позволило бы выковать антифашистский союз еще до войны[44].

Тысяча девятьсот тридцать восьмой год был для Гитлера *annus mirabilis*. Посредством двух удачных бескровных переворотов он аннексировал Австрию и немецкоязычные области Чехословакии. Чешский кризис разгорелся в августе. Три миллиона судетских немцев начали требовать «национального самоопределения»; Гитлер нагнетал напряженность с расчетом, что Чешское государство распадется по собственной воле; Чемберлен послал в Прагу «посредником» лорда Рансимэна. Кейнс полагал, что Гитлер блефует. Чехословакия была защищена гарантиями Франции и России. «В мировой войне, — писал Кейнс Кингсли Мартину 26 августа, — Гитлер будет побит, и он это знает». Но добавлял: «Соглашусь с вами, что нам следует выдерживать блеф до предела; если же блеф будет прекращен, отступить и самим. А тем временем я предпочитаю, чтобы публично проявлялись сдержанность и деланный оптимизм». То есть Кейнс не более Чемберлена хотел драться за Чехословакию,

но был против того, чтобы сообщать об этом Гитлеру. Именно поэтому он пришел в ярость, когда в '*Нью стейтсмене*' от 27 августа Мартин поднял вопрос об изменениях границ. Главное, что предлагал Кейнс, это разоблачить блеф Гитлера, потребовав от него раскрыть свои намерения. Чемберлен не думал, что Гитлер блефует. 15 сентября он вылетел на встречу с Гитлером в Берхтесгадене и на отделение судетских немцев от Чехословакии согласился, в принципе, еще до того, как Гитлер выступил с этим предложением. Безмерно обрадованный, что Чемберлен сам делает его работу, Гитлер выставил свои требования: уступаемую территорию немецкие войска должны занять немедленно, сказал он Чемберлену в Годесберге 22 сентября. Этот «ультиматум» Чемберлен отклонил. Франция объявила призыв резервистов; Британия начала мобилизацию флота. Чемберлен выступил с радиообращением к британской нации: «Если бы я пришел к убеждению, что некая страна вознамерилась установить под страхом применения силы свое господство над миром, я должен был бы прийти к выводу, что ей следует оказать сопротивление». В течение нескольких дней казалось, что война неизбежна. Потом Гитлер отступил. Он согласился на новую встречу, с участием Муссолини в качестве «посредника». В полдень 28 сентября Чемберлен объявил, что завтра летит в Мюнхен, чтобы предпринять последние усилия ради спасения мира во всем мире. Палата общин взорвалась истерическими возгласами одобрения.

Прикованный к своему радиоприемнику в Тилтоне, Кейнс следил за этими зигзагами и поворотами со все большим беспокойством. 23 сентября Лидия сообщала, что его «тревожит [угроза] мировой войны», 26-го — что он «очень встревожен, расстроен». 27-го он был «гораздо веселее, думает, что, несмотря ни на что, войны не будет...». 29-го его «здоровье улучшается вместе с новостями и погодой». Когда Чемберлен полетел в Германию, Кейнс написал матери:

> Вчерашние вечерние новости принесли огромное облегчение, хотя внутренне я никогда не изменял своего мнения, что Г[итлер] совсем не хочет войны. Гитлер никогда не мог бы получить большой выгоды, отказавшись от своего блефа, не дой-

дя до самого крайнего из возможных пределов; и чтобы убедить его, что мы действительно готовы действовать, ему понадобились мобилизация нашего флота и принятие мер защиты от возможных налетов на Лондон. Я всегда считал, что такие шаги не останутся без отклика. Премьер-министр проявил исключительный характер и смелость, показал, что им движут добрые намерения. Но его пристрастия вызывают отвращение. Если он вытащит нас из ямы, не надо забывать, что столкнул нас в нее именно он (вместе с '*Таймс*'), внушив нацистам, что в глубине души английский правящий класс им симпатизирует... Мы еще не избежали беды, но *избежим* ее, если только премьер-министр заставит себя быть с фюрером чуть потверже[45].

В Мюнхене Муссолини предложил, чтобы области с населением, говорящим по-немецки, были заняты германскими войсками в течение десяти дней, а не за одни сутки. Гитлер сразу согласился, чему не стоило удивляться, поскольку предложение Муссолини готовилось в германском министерстве иностранных дел. 30 сентября было объявлено о достигнутом соглашении, и Чемберлен возвратился в Лондон, был встречен взрывом радости и, размахивая листком бумаги, приговаривал: «Мир с честью... мир в наше время». Той ночью Кейнс спал хорошо: «*Никакой войны*, в основном [он] чувствует себя утомленным после напряженного ожидания войны, но со здоровьем дело обстоит в целом неплохо, отправился на распродажу овец, купил 140, днем спал». Но 1 октября Лидия отмечала, что он «негодует на обман нации премьер-министром». Его непосредственная реакция выражена в отправленном в тот же день письме Кингсли Мартину: «Боль такого рода, какая возможна только в смешанном состоянии. Большое облегчение и удовлетворенная трусость смешиваются с гневом и возмущением, да еще то особое чувство, которое испытываешь, сознавая, что тебя *надули*... всю нацию *надули*, как никогда еще в ее истории».

Он призвал к объединению прогрессивных сил, чтобы совместно выступить против правительства на выборах, которые, как он ожидал, должен будет объявить Чемберлен[46].

При всех выпадах Кейнса против Чемберлена разделяла их очень тонкая перегородка. Все сводилось к мысли, что,

проявив на переговорах больше неуступчивости, Чемберлен мог бы добиться соглашения, более отвечающего интересам чехов (каким именно интересам?) и что не следовало прикрывать свою капитуляцию отвратительно лживыми фразами. Мнение Кейнса о том, что Гитлер блефовал, разделяет А.Дж.П. Тэйлор, но далеко не все историки. Подобно многим другим, Кейнс был убежден, что обе стороны разыгрывали спектакль с целью расчистить Гитлеру путь на восток. Теперь он полагал, что Чемберлен подал Гитлеру знак благословения на захват Украины, упуская при этом из виду, что своими гарантиями огрызку Чешского государства Англия гарантировала и сохранение существующего территориального порядка в Восточной Европе. Больше прозорливости Кейнс проявил в словах: «Кто знает, не окажется ли герр Гитлер вторым диктатором, которому предстоит отступать от Москвы»[47].

5. Выздоровление

Большую часть осени 1938 г. Мейнард и Лидия провели в Кембридже. Уход Кейнса из правления *Национальной компании взаимного страхования жизни* избавила его от прежних еженедельных поездок в Лондон. Он совсем не преподавал, занимался только *Театром искусств*, коммерческими делами колледжа и своими сочинениями. Большим событием осеннего триместра стала состоявшаяся 14 ноября премьера долго откладывавшейся постановки пьесы Одена-Ишервуда '*На границе*'. Уже на репетициях быстро обнаружилась поразительная слабость этого марксистского попурри на антивоенные темы, скроенного как опера-мелодрама, в которой безумствующим фашистским «Вождем» управляют зловещий фабрикант оружия Валериан и две молодые любовницы (роль одной из них, Анны Вродни, исполняла Лидия). Сам Кейнс понимал, что пьеса не соответствует послемюнхенским настроениям. «Неужели вы полагаете, что можете продолжать ставить пьесу в ее нынешнем виде и при этом совсем не чувствовать себя глупым?» — спрашивал он Кристофера Ишервуда. Любопытно, что многие места,

показавшиеся выпадами против Гитлера и нацизма, были изъяты цензурным бюро лорда Чемберлена. Несмотря на блестящую постановку — с режиссурой Руперта Дуна, декорациями Робина Медли, музыкой и игрой на фортепьяно Бенджамина Бриттена — и несмотря на теплую поддержку Кейнса, который отваживался выходить вечером из дома и устраивать после спектакля званые ужины, пьеса провалилась у критиков и так никогда и не попала в Уэст-энд. Т.С. Элиот мрачно заметил Кейнсу: «Боюсь, Гитлер не такой простак, каким представляют его авторы»[48].

Постоянное близкое присутствие Кейнса нервировало руководителя театра Нормана Хиггинса. Кейнс обращался с ним, как и со всеми своими подчиненными, по-доброму и своенравно. Даже во время болезни он выкладывался больше любого другого, но в ответ ожидал, что Хиггинс будет отзываться на все его запросы, и часто не мог удержаться от критики в его адрес. Хиггинс, со своей стороны, обожал Кейнса, всячески старался его радовать, но ужасно боялся сделать ошибку. У Кейнса теперь появилось также много времени для хлопот, доставлявших ему такое наслаждение. Он убедил себя, что цены в ресторане устанавливаются совершенно неправильно. Высокая эластичность спроса на вино оправдала бы снижение цен для кембриджских потребителей шампанского Клико урожая 1929 г. до пятнадцати шиллингов (при нынешних 20 фунтах) за бутылку. Дэди Райлэндс настаивал, что Кембридж чересчур «пропитан пижонством и духом *Книжного клуба левых*», чтобы пить хорошее вино, даже по сниженным ценам. Но Кейнс упорствовал насчет снижения цен, а затем старался найти подтверждение своей гипотезе, изучая ресторанные счета на вино. Они показывали, что после снижения цен продажи вина увеличились против прежнего на 14 процентов. Спустя несколько месяцев у Хиггинса произошел нервный срыв, и его пришлось отправить в оздоровительный круиз, который Кейнс, что характерно, оплатил из своего кармана.

18 января 1939 г. Кейнс обедал в Лондоне с Кингсли Мартином. Они ели вальдшнепа и говорили на тему «Демократия и эффективность». Эта «беседа» через десять дней бы-

ла напечатана в '*Нью стейтсмене*'. В ней самым четким образом была выражена мысль Кейнса, что медленно складывавшаяся «военная экономика» могла бы стать своего рода моделью регулирования экономической жизни в мирное время. С одной стороны, существовала необходимость в планировании и организации. С другой — он требовал «глубокой увязки личной и политической свободы с правами частной собственности и частного предприятия». Он доказывал, что угроза свободе, исходящая от предлагаемых им мер планирования, «настолько далеко стоит в ряду сегодняшних, завтрашних и послезавтрашних дел, что ни теперь, ни в отдаленном будущем никакой практической проблемы здесь не возникает»[49].

28 февраля Кейнс отправился из Кембриджа в Лондон и подхватил грипп. 1 марта Лидия сделала в дневнике краткую запись: «Плох. Позвал Плеша. Плох». На том триместр в Кембридже для него кончился. Он не покидал дом 46 на Гордон-сквер до конца марта, и в Тилтон они с Лидией вернулись 6 апреля. Откуда Кейнс впервые услышал о Плеше, сведений нет; возможно от его пациентки Марго Асквит. Но появление Плеша в жизни Кейнса стало поворотной вехой в течении его болезни. Ибо, «несомненно, это он, и только он, вернул меня в активную жизнь»[50].

Янош Плеш в глазах Кейнса превратился в «некую смесь гения и шарлатана» — представление, подтверждаемое мемуарами Плеша, в которых он судит обо всем сущем под солнцем. Это многое говорит об интуиции Кейнса, пожелавшего довериться врачу очень неанглийского типа, как и об отчаянии, в которое его повергало медленное продвижение по пути выздоровления. Янош Плеш, венгерский еврей, в то время шестидесяти лет от роду, был человеком, который сделал себя сам. В 1910 г. он развернул медицинскую практику и стал модным врачом в Берлине. Он свободно говорил на нескольких языках, был знатоком искусств и сам писал картины класса выше среднего. С ним консультировались папа Пий X и жена кайзера; впечатление такое, что он знал и/или лечил всех видных людей Центральной Европы, в том числе Альберта Эйнштейна, которому посвятил свою книгу '*Физиология и патология сердца и кровеносных сосудов*'. В 1933 г.

он (пользуясь венгерским паспортом) оставил Германию, обосновался в Англии и, пройдя положенные квалификационные испытания, открыл частный врачебный кабинет в Герефорд-хаусе, напротив Парк-лэйн. По словам его сына Питера Плеша, он не пытался искать себе место на Харли-стрит, в сердце корпорации английских медиков, потому что путь туда ему преградили бы ее лидеры, лорд Хордер и лорд Доусон-оф-Пенн (про которого говорили, что он «умертвил много людей»), но он присоединился к гораздо более близкому ему по духу *Пекэмскому центру здоровья*. Там пациент попадал под наблюдение группы согласно мыслящих врачей разных специальностей — и все под одной крышей.

Составляя список качеств, которые должны отличать «великого доктора», Плеш явно ориентировался на собственные достоинства: «Он должен обладать красивой и приятной внешностью, должен быть хорошо образован, должен быть культурным, должен быть умным, должен иметь хорошие манеры и, конечно же, должен кое-что смыслить в своем деле. Но если врач обладает истинной индивидуальностью, почти все остальное ему не требуется». В лечении своих пациентов Плеш следовал ряду твердых установок, что несколько напоминало подход Кейнса к лечению больной экономики. Для хорошего диагноза надо сочетать науку с воображением. Доктору следует сосредоточивать внимание на пациенте, а не на симптомах его заболевания и позволять «свободному воображению интуиции» делать заключения из наблюдаемых признаков болезни. Во-вторых, Плеш был уверен, что задача врача — содействовать самоизлечению, и заявлял, что «удовлетворительно компенсированная болезнь почти равнозначна здоровью». В-третьих, он совершенно не признавал состояния инвалидности. Инстинкт жизни сильнее всякого другого. Говорить старикам «не напрягайтесь» — значит допускать убийственную ошибку; гораздо лучше «умирать за работой, ибо в таком случае появляется вероятность, что смерть будет отодвинута до самого крайнего срока». Наконец, Плеш отвергал «средневековую традицию тайны и мистификации» в медицинских вопросах. Медицинское знание должно выражаться обычным

языком[51]. Кейнс быстро распознал родственный ему дух. Он заметил, что Плеш с большой уверенностью сегодня говорит одно, а на следующей неделе нечто прямо противоположное. «Его методы лечения, — говорил он, — либо восстанавливают здоровье пациентов, либо не дают совсем никаких результатов». Кейнс коллекционировал его рассказы о «конкретных и занимательных случаях». Эйнштейн, прочитав некоторые главы мемуаров Плеша, дал в 1944 г. следующий итоговый портрет хорошего доктора: «Талантливый до кончиков пальцев, жаждущий слушать и способный чувствовать, но разболтанный и лишенный чувства ответственности. Истинный ангел, но 'падший' уже при рождении...»

Именно с этим падшим ангелом Кейнс связывал теперь надежды на поправку своего здоровья. У Плеша, конечно же, был истинно кейнсианский подход к лечению. 28 мая 1939 г. Кейнс писал Бобу Брэнду, только что ставшему пациентом Плеша:

> Имея дело с английскими врачами, выходишь на два-три года из строя, не можешь ни активно работать, ни как-либо напрягаться, не получая при этом вообще никакого определенного лечения. Тебе просто советуют «отдохнуть». Это ни в коем случае не метод Плеша. С успехом или безрезультатно, иногда, может быть, чересчур решительно он сразу пускает в ход все виды активного лечения; очень плодовитый и изобретательный в идеях, он перебирает все мыслимые средства, пока не находит что-то полезное[52].

Плеш взялся не только избавить Кейнса от гриппа, но и вообще поднять с постели. Сперва он посадил его на бессолевую диету, чтобы уменьшить количество жидкости в организме, распорядился ежедневно по три часа держать на груди пузырь со льдом, предписал таблетки опиума и даже прыгал на него, лежащего в постели. Бактериологический анализ показал обилие в горле Кейнса стрептококков. Плеш сказал своему пациенту, что сначала надо покончить со стрептококками, а пока это не сделано, восстанавливать его здоровье — «сизифов труд». Он избрал решительные меры. Подверг его сложной и строгой процедуре лечения новым

препаратом *пронтосилом*, ярко-красным красящим веществом, антибактериальные свойства которого открыл в 1935 г. Герхард Домагк, директор исследовательского отдела компании Байерс. Домагк обнаружил, что мыши, получившие смертельные инъекции гемолитических стрептококков, выздоравливали, когда в их организм вводили экстракт этого красителя. Год спустя французская супружеская чета, работавшая в Институте Пастера, показала, что в химической среде организма *пронтосил* расщепляется на две различные составляющие и именно одна из них — *sulphanilamide* — оказывает губительное воздействие на бактерии. То, что в Рутине в середине 1937 г. Пэттерсон не попытался лечить Кейнса *пронтосилом*, заставляет думать либо о его незнакомстве с опытом немецкой противобактериальной терапии, либо просто о косности его ума.

Сульфамидные препараты были предшественниками пенициллина. После инъекций *пронтосила* Кейнс почувствовал себя хуже, чем когда-либо прежде, и едва мог стоять на ногах. Но Плеш заверил его, что как только будут устранены стрептококки, дело двинется к полному выздоровлению, поскольку серьезных повреждений сердечной мышцы у него нет. 6 апреля они с Лидией возвратились в Тилтон; в следующую ночь он «спал хорошо, был в сонливом состоянии, туман в голове, при всех-то ядах, принятых внутрь, но сердце никак о себе не напоминало». 13 апреля он сообщал Плешу, что полностью освободился от всех непорядков в сердце, «так что огромное спасибо». Он даже побежал за отходившим поездом, за что от своего доктора получил — из Монте-Карло — строгий выговор. К этому времени он привык называть Плеша «*моим дорогим равви*». Лидия же прозвала его «*Людоедом*».

Нет никаких оснований сомневаться в правильности предположения самого Кейнса, что именно *пронтосил* привел к резкому улучшению его здоровья. К сожалению, лишь позднее было установлено, что *пронтосил* эффективен против стрептококков, обосновавшихся в горле, но не против тех, что прочно засели в сердечных клапанах[33]. Так что Кейнсу почти наверняка не суждено было дожить до глубокой

старости. Стало ли это ясно и когда именно, Плешу или самому Кейнсу, — нам уже не узнать.

Кейнс начал теперь работать в ритме, близком прежнему. В Кембридже он принимал экзамены *трайпос*. Постоянно размышляя о военных финансах, он написал для '*Таймс*' две статьи (опубликованы 17 и 18 апреля 1939 г.), в которых отстаивал низкие процентные ставки, контроль над экспортом капитала и создание Отдела координации со штатом экономистов общего профиля. Молчаливо предлагалось образовать эту службу при Казначействе. Он выступил по радио, говорил о том, как перевооружение влияет на условия занятости, помог в подготовке Двадцать седьмого (и последнего) доклада Комитета экономической информации и написал еще две статьи для '*Таймс*' (напечатаны 24 и 25 июля), в которых развил свои доводы в пользу политики низких процентных ставок. В своей радиопередаче он утверждал, что расходы на перевооружение положат конец растянувшейся на годы «ненормальной» безработице, и точно предсказал, что «мы никогда уже полностью не вернемся к прежнему порядку вещей»[54]. В своей последней довоенной статье он писал: «Ключ к здоровым государственным финансам в условиях нынешнего чрезвычайного положения — это твердый отказ платить высокие проценты по краткосрочным долгам и более строгий режим налогообложения при достижении полной занятости наших производительных ресурсов»[55].

12 июля он снова был в Тилтоне. Вдвоем с Лидией они пошли на ежегодный оперный фестиваль в Глайндборне, слушали '*Макбета*' Верди; 13 августа, впервые с начала болезни, он поднялся на маяк Ферл, и это обошлось без последствий для здоровья. У него явно были и настроение, и силы жить, действовать. Он соорудил электрическое ограждение своего поместья — против мародеров; заказал крытые зимние загоны для скота; купил своему управляющему Логану Томсону «шикарный новый автомобиль на зависть Фреду [его шоферу], которому я только что в смене автомобиля отказал». Матери он говорил, что чувствует себя «на две трети вернувшимся к нормальному состоянию». 15 августа они с

Лидией вылетели в Париж, чтобы провести отпуск во Франции, принять оздоровительные ванны в Руайа, близ Виши, и скрыться от военных страхов, нагнетаемых обстановкой вокруг Польши. Когда Клайв Белл сказал ему, что новый «скандал» (так они называли Мюнхенское соглашение) маловероятен, Кейнс попрекнул его за пессимизм. «Я очень удивлюсь, если дело кончится войной», — написал он Кану за день перед их отъездом. К 22 августа Кейнса стало беспокоить, что «Гитлер, кажется, не оставляет запасных выходов. Он, похоже, выразительно проявляет то свойство, которое, как утверждает Скотленд-Ярд, присуще почти всем преступникам, а именно неспособность менять свои приемы».

25 августа он написал Кану, что «все это пока кажется мне более похожим на политику, чем на войну». То есть он предполагал, что Гитлер ждет от англичан предложений, которые могли бы привести к еще одному Мюнхену. Но никаких предложений не поступило. Терпение англичан было исчерпано, и к тому же у них не было возможности влиять на поляков так же, как это было в случае с чехами. 27 августа Мейнард решил ехать домой — не потому, что он ожидал «серьезных событий прямо сейчас», а потому, что отель закрывался из-за французской мобилизации. «Сначала ушел наш официант, потом скрипач, потом виолончелист, потом оба кондитера и завершением всего стал уход доброго умного мсье Жака... швейцара, вокруг которого в отеле вращалась вся жизнь».

Они вернулись в Тилтон 29 августа. Мейнард все еще надеялся, что война может быть предотвращена, но нервничал он гораздо меньше, чем в дни Мюнхена. 1 сентября немецкие войска вторглись в Польшу. Через два дня Англия объявила войну Германии. Мейнард и Лидия приняли эти известия спокойно. Так или иначе, жребий был брошен. Правда, не тот, что предпочел бы он. Англия вступила в войну за дело, которое в его глазах того не стоило, — и без Соединенных Штатов. Но он принимал военное столкновение как неизбежность. Британцы водили рукой своих правителей. Главное, в понимании Кейнса, условие вступления в войну было налицо.

XXXII
Средний путь в войне

1. Старые собаки

Политические деятели и генералы занимали себя рассуждениями о том, как вести войну, — или, прежде всего, о том, стоит ли вообще ее вести. В основном о том, как ее оплатить, думал в течение первых двух лет Мейнард Кейнс. Финансирование войны имеет две стороны, внутреннюю и внешнюю. Источниками средств для правительства могут служить собственные граждане или заграница — союзники, зависимые страны и торговые партнеры. Поначалу предметом внимания Кейнса было главным образом первое — как наиболее эффективно и справедливо провести мобилизацию доступных внутренних ресурсов для финансирования военных усилий с наименьшим, в долгосрочном измерении, ущербом для методов, выработанных в мирное время. Но как только летом 1940 г. война заполыхала по-настоящему, его мысли стали все более и более переключаться на второе — как оплачивать импорт, необходимый Британии для поддержания полной мощи ее военных сил.

Свои усилия он начал прилагать, не занимая никакого официального положения, да и не ожидая, что его призовут на какой-либо пост. Когда разразилась война, правительство стало выстраивать административный механизм для управления военной экономикой. Хотя и были намечены кое-какие меры на случай чрезвычайных обстоятельств, но первые шаги к их осуществлению оказались ничтожно малыми. Сэр (теперь лорд) Джошиа Стэмп, председатель правления боль-

шой железнодорожной компании, получил по совместительству назначение на должность советника по экономической координации. Задача Стэмпа состояла в подготовке «обзоров» ведомственных военных планов, которые он должен был представлять правительственной комиссии под председательством сэра Джона Саймона, канцлера Казначейства. Ему выделили рабочую комнату в помещении Военного кабинета в Гвайдрхаусе, дали в помощь секретаря, Фрэнсиса Хемминга, и двух экономистов — Хьюберта Гендерсона и Генри Клэя; последнего поддерживал Английский банк. Гендерсону дали кабинет в Казначействе и поручили делить свое время между обзорами Стэмпа и неопределенными консультативными обязанностями. Денниса Робертсона сделали «временным чиновником администрации», приставленным к сэру Фредерику Филлипсу, главе Отдела финансов в Казначействе. В декабре 1939 г. было положено начало созданию Центральной службы экономической информации под руководством Гендерсона и Клэя. Столь вялое приспособление администрации к требованиям военного времени было подвергнуто очень острой критике в парламенте.

Кейнс в число призванных не попал. Ему исполнилось пятьдесят шесть, и его одолевали болезни. Помимо препятствий, создаваемых состоянием его здоровья, помехой было и отсутствие какой-либо очевидной ниши, которую он мог бы занять. Он был слишком выдающейся личностью, чтобы сделать его обыкновенным государственным служащим, и слишком самостоятельным и деятельным, чтобы дать ему волю в Уайтхолле. Он не ждал для себя работы в правительстве. Первой его мыслью было устроить Ричарда Кана в Казначейство, чтобы он «занимался там чем-нибудь вроде той работы, какую в прошлый раз выполнял я»; сам же он намерен был в этом случае взять на себя казначейские и преподавательские обязанности Кана в Королевском колледже и составление докладных записок в тиши своего кабинета, с тем чтобы доставлять их по адресу во время своих наездов в Лондон. По его мнению, это было все, на что он еще способен[1]. Казначейство быстро похоронило идею о том, чтобы пустить к себе Кейнса через черный ход: Кан впоследствии был на-

значен помощником секретаря в министерстве торговли, с условием что он не будет касаться вопросов денежного обращения. Однако сама мысль, будто Кейнс может замкнуться в пределах Королевского колледжа, никогда не казалась правдоподобной. Его здоровье, говорил он друзьям, на 80 процентов было тем же, что и прежде; а *Людоед* обещал ему полное восстановление здоровья по завершении восемнадцатимесячного курса лечения — то есть к сентябрю 1940 г. Полезные качества Кейнса делали неизбежным приглашение его в Уайтхолл в случае, если война примет серьезный оборот. Но не было никаких оснований считать это дело решенным. Чемберлен все еще оставался премьером, хотя и вернул Черчилля в правительство на пост военно-морского министра. Умиротворение обернулось не тем, на что он надеялся, поскольку Гитлер стал прибирать к рукам страны, не дожидаясь, когда их ему предложит Чемберлен. Но Англия и Франция не в состоянии были остановить германский захват Польши, а сами никаких наступательных планов не имели; поэтому вопрос о том, куда направится война, оставался открытым.

Война началась шквалом мер, устанавливавших контроль над импортом, транспортом, ценами и собраниями, — и потоком писем и записок возражавшего против них Кейнса. «Со всех точек зрения было бы разумнее сделать езду на автомобиле дороже, вместо того чтобы превращать ее в предмет жульничества [ради получения дополнительных талонов на бензин]; это могло бы даже увеличить экономию бензина», — едко замечал он в своей первой записке, поданной Казначейству 14 сентября. Он ратовал за освобождение цен, чтобы стимулировать внутреннее производство жизненно необходимых товаров, — позиция, складывавшаяся не без влияния его осведомленности о том, что цены тилтонских породистых свиноматок катастрофически упали, потому что фермеры не могли позволить себе продавать бекон по цене, установленной министерством сельского хозяйства[2]. В поданной 24 сентября по запросу Казначейства записке о правилах валютного обмена он приводил доводы против «полного контроля по германскому образцу» и в пользу

допущения небольшого «черного валютного рынка»[3]. Нормирование денег было альтернативой, которую Кейнс предлагал вместо нормирования товаров, и этого противопоставления он продолжал держаться, даже когда война стала требовать все большего.

Стремление Кейнса к покою скоро было опрокинуто ходом событий. Он стал наезжать в Лондон регулярно, каждую неделю в будние дни, начал опять выходить на свои старые орбиты влияния и уговоров. В среду 20 сентября на первый из множества последовавших еженедельных встреч в доме 46 на Гордон-сквер он принимал в гостях Уильяма Бевериджа, Уолтера Лейтона, Артура Солтера и Хьюберта Гендерсона; член парламента, консерватор Роберт Бутби был связующим звеном между этой группой и всепартийным парламентским комитетом, возглавляемым членом парламента от Либеральной партии Клементом Дэвисом, которому несколько позже предстояло сыграть полезную роль в организации встреч с парламентариями. В прошлую войну «старые собаки», как называла себя группа Кейнса, состояли на службе правительства; в эту все они, кроме Гендерсона, были против своей воли безработными. Как и подобает старым собакам, они облаивали царивший в администрации беспорядок — «в пятьдесят раз хуже всего, что нам приходилось видеть в прошлую войну», — говорил Кейнс Гендерсону[4]. По адресу сэра Гораса Вильсона (постоянного секретаря Казначейства), который придумал схему рассредоточения отделов в случае бомбежки, он заметил: «Приходишь в ужас от сознания, что мозг, способный родить такой безумный план, назначен управлять столь многими нашими делами»[5]. В ужас приводило Кейнса и то, что он называл «бессмысленной деловитостью», всегда расцветающей в условиях военного времени. Старые собаки забрасывали свои светлые идеи в отдел, откуда получали вежливые, уклончивые ответы. Кейнс понял, что его записки не имеют большого влияния: «Надо быть либо целиком внутри конторы, либо полностью вне ее», — сказал он Брэнду.

Впервые после болезни Кейнс стал ходить на обеды в свои два клуба — *Другой* и *Вторник*. Первый давал ему регу-

лярное общение с основателем, Уинстоном Черчиллем. Второй держал его в контакте с Уайтхоллом. Он писал Освальду Фолку: «Сейчас даже больше, чем прежде, существует потребность в таком способе передачи конструктивной критики, какой обеспечивается клубом *Вторник*»[6]. Эти тесные встречи великих, хороших и почти хороших людей он использовал для распространения собственных идей и получения неофициальной информации.

27 сентября германские войска вступили в Варшаву; на следующий день Германия и Россия разграничили свои оккупационные зоны. Бернард Шоу написал Нэнси Астор: «Каждый, кто способен видеть на три вершка дальше своего носа, понимает, что войне конец»[7]. Некоторые члены кабинета разделяли это мнение. Много пораженческих разговоров было за обеденными столами и не только: 3 октября в палате общин семидесятишестилетний Ллойд Джордж настоятельно требовал начать переговоры о мирном урегулировании. Кейнса беспокоил Кингсли Мартин. «Его ум, — писал он 3 октября Эдварду Уитли, еще одному члену правления '*Нью стейтсмена*', — подвержен... периодическим припадкам крайнего пораженчества. Я не могу быть полностью уверен, что у него в газете не появится вдруг передовица с требованием немедленно заключить мир, притом почти на любых условиях»[8].

В Лондоне вечером 4 октября Мартин зашел к нему с гранками статьи Бернарда Шоу, озаглавленной '*Неординарный взгляд на войну*'. Неординарное понимание войны требовало, согласно Шоу, чтобы «[мы] заключили мир с [Гитлером] и со всем миром, вместо того чтобы причинять нашим людям еще больше зла и разрушений...». Решение Мартина напечатать статью Шоу обрекло Кейнса на бессонную ночь. Наутро Мартин нашел на своем столе записку от Кейнса с осуждением «вредных» взглядов Шоу и советом ему, Мартину, отклонить эту статью или, на худой конец, показать ее Цензору. Между Кейнсом и Шоу последовал спор по телефону, отравленный почти полной неспособностью Шоу расслышать хоть слово в том, что говорил ему Кейнс. Впоследствии Шоу объяснял, что он «чересчур стар и глух, чтобы нормаль-

но обращаться с этим прибором: по-настоящему понять меня может только живой оратор». Кейнс соглашался: «Даже та единственная фраза, которую вы уловили, была понята вами неправильно. Когда вы спросили, не сошел ли я с ума, я ответил просто, что ваша статья представляется мне очень плохой. В ответ раздался ваш веселый смех, прозвучавший соответствующим откликом с вашей стороны...» Кейнса этот эпизод так расстроил — у него, по словам Вирджинии Вулф, случился «сердечный приступ», — что он обратился к Плешу за успокоительным. К его удивлению, министерство иностранных дел рекомендовало статью напечатать. Шоу же не удивился нисколько. После их телефонной беседы он упрямо писал Кейнсу: «Я был уверен, что они поймут и благословят меня за слова, которые они хотели, но не осмеливались произнести»; при этом умение понять истинную природу войны он приписывал своему ирландскому происхождению. И добавлял более мягким тоном: «Вы должны меня терпеть. Порой я бываю полезен»[9].

Вышедшую 7 октября статью Шоу Кейнс полезной вовсе не считал, хотя полагал, что после принятых Шоу изъятий она стала «безвредной». Его собственный ответ Шоу, опубликованный 14 октября, возвращал к полемике середины 1930-х: «Левая интеллигенция громче всех требовала сопротивления нацистской агрессии любой ценой. Когда же пробил час испытаний, понадобились всего-то какие-нибудь четыре недели, чтобы они вспомнили о своем пацифизме и начали писать пораженческие письма для ваших колонок, оставляя защиту свободы и цивилизации полковнику Блимпу, чванливым аристократам и оголтелым патриотам»[10].

Подобно Черчиллю и в отличие от Чемберлена, Кейнс придавал самое большое значение тому, чтобы завлечь в союзнические сети Америку. О настроениях американской общественности он судил по статьям Уолтера Липпмана и Дороти Томпсон в '*Нью-Йорк геральд трибюн*', которые он считал «наилучшей антинацистской пропагандой». Когда лорд Макмиллан, возглавлявший министерство информации, ссылаясь на необходимость экономить средства, отказался распространять их в нейтральных государствах и странах

империи, Кейнс написал ему: «Увы, ваше письмо подтверждает господствующее мнение, что деньги находятся лишь для того, в чем нет никакого толка»[11]. 7 ноября он набросал проект нескольких '*Заметок о войне для президента*', посылать которые он разумно посчитал нецелесообразным. Возможно, до него дошли сведения, что Рузвельт не приветствовал его предыдущие попытки давать ему советы насчет того, как он должен управлять своей администрацией.

Кейнс испытывал себя, проверял свою способность вести активную жизнь. Напряжения он переносил неплохо, часто уставал, но силы быстро восстанавливались. Он был убежден, что от насморков всю зиму его уберегал придуманный *Людоедом* курс особых инъекций. Лидия сообщала о его изнурительных встречах (включая одну с неким «австралийским очаровашкой»), о посещениях кембриджского *Театра искусств*; в войну Кейнс не оставлял своих забот о *Театре* и благополучии артистов. Нормана Хиггинса он убедил отказаться от намерения пойти добровольцем на службу в Королевские военно-воздушные силы. В министерстве иностранных дел он ходатайствовал перед Р. Батлером об освобождении танцовщиков балета от военной службы; в прошлой войне ни Германия, ни Россия не призывали артистов балета, «и нам негоже быть менее цивилизованными, чем были они тогда». Хотя Батлер старался выполнить его просьбу, Эрнест Браун, министр труда, уперся — и ни в какую. «Боюсь, что он — дикарь», — говорил Кейнс Рэймонду Мортимеру[12].

От чего он сумел уклониться, так это от предложения баллотироваться в парламент; инициатором выступил А.Б. Рамсей, глава Модлин-колледжа и председатель университетского Комитета консерваторов; предполагалось, что он пройдет как независимый кандидат, не имеющий соперников. Немало удивив его приятной неожиданностью, Плеш объявил, что он для этой работы годен; но после некоторых колебаний Кейнс все равно отказался, пояснив, что «активная политическая жизнь не по мне, это не мое истинное призвание»[13]. Свою кандидатуру выдвинул его зять А.В. Хилл, который и занимал с 1940 по 1945 г. место неза-

висимого члена парламента от Кембриджа. Хьюберт Гендерсон, один из многих, с кем советовался Кейнс, выражал надежду, что его отказ не помешает ему «заняться какой-нибудь министерской работой позже, когда ваше здоровье полностью восстановится»[14].

2. Обязательные сбережения

Каждый час, свободный от добывания талонов на бензин, от споров с Бернардом Шоу и тому подобного, Кейнс использовал на разработку своего великого плана «оплаты войны» — проекта, от которого он не отрывался вплоть до частичного торжества его идей в апреле 1941 г. Получивший вскоре известность как *План Кейнса*, он был вызван к жизни представленным 27 сентября 1939 г. первым военным бюджетом сэра Джона Саймона, но по существу являл собой кристаллизацию многого, что Кейнс писал и говорил в предыдущие два года. В непосредственно предвоенные годы — с 1937-го по 1939-й — Казначейство широко прибегало к займам на перевооружение из опасений, что увеличение налогового бремени окажет отрицательное воздействие на занятость и поступление налогов. Чрезвычайный бюджет Саймона от сентября 1939 г. был продолжением этой политики. Он вводил дополнительные налоги в сумме 107 миллионов фунтов на 1939–1940 финансовый год, но расходы на оборону должны были возрасти на 600 миллионов фунтов. Поскольку в своем мартовском бюджете 1939 г. Саймон уже заложил дефицит в 500 миллионов фунтов, новые расходы доводили планируемый дефицит до миллиарда фунтов — или 25 процентов валового национального продукта, — с предполагаемым его покрытием за счет займов. То было ничем не обузданное дефицитное финансирование. Казначейство, видимо, усвоило урок, что никакой особой опасности инфляции не существует, когда доля безработных в общей численности застрахованных рабочих все еще превышает 9 процентов. Но если по этой причине оно готово было кичиться своим современным, «кейнсианским» подходом к делу, то скоро у него

такой возможности не стало. С проблемы безработицы Кейнс уже перескочил на нечто другое. Как он объяснил в '*Таймс*' от 28 сентября, проблема состоит, или скоро будет состоять, не в недостаточном, а в избыточном спросе. Необходимо было ограничить гражданское потребление продукции, производимой военной экономикой, работающей на полную мощность, а этому бюджет едва ли сколько-нибудь способствовал: новые налоги, «сколь бы ужасными [они] ни казались людям, — для драконов войны это мелочь»[15].

В одном он не сомневался с самого начала. Правительство должно найти какой-то способ ограничить общество в потреблении дополнительных ресурсов, создаваемых государственными расходами, иначе для военных усилий они будут потеряны. Основным средством, служившим этой цели в прошлой войне — нечаянно подвернувшимся, а не сознательно выбранным, — была инфляция. Правительство печатало деньги, чтобы покрыть свои внутренние военные расходы; возросшие государственные расходы вели к повышению цен; рабочие, чья заработная плата отставала от роста цен, вынужденно потребляли меньше; с «шальными» прибылями предпринимателей правительство управлялось посредством заимствований и налогов. В результате за четыре года войны цены выросли вдвое. С профессиональной точки зрения экономистов это значит, что Первая мировая война финансировалась «инфляционным налогом» на рабочих, который правительство собирало в форме налогов на деловые круги либо в виде получаемых от них займов[16].

Первоначально свою «великую идею» Кейнс представил в «блестящей», по заключению Лидии, лекции на тему '*Военный потенциал и военные финансы*'. С нею он выступил 20 октября на заседании кембриджского *Общества Маршалла*, после которого испытывал «здоровую усталость», но никаких болей в груди. Эту лекцию он переработал в статью для '*Таймс*', озаглавив ее '*Оплата войны*'. В сопроводительном письме редактору Джеффри Доусону (26 октября) он заявлял, что это «самое важное из предложений, которые я когда-либо вам посылал». Одновременно он разослал копии для откликов[17]. Разбитая на две части, статья появилась в

'*Таймс*' 14 и 15 ноября. Предлагаемое Кейнсом решение проблемы, которую могло создать ожидаемое увеличение покупательной способности рабочего класса, состояло в том, чтобы ввести правило обязательных сбережений. Он предлагал, чтобы определенная, исчисляемая по прогрессивной шкале доля всех доходов, превышающих некий установленный минимум, передавалась в казну — частично как прямые налоги, а частично в форме обязательных сбережений. Это вошло бы в существующую систему прямого налогообложения. Часть сбора шла бы в зачет обязательств по подоходному и, если для него имеются основания, по дополнительному налогу. Оставшаяся часть должна была поступать на личные счета в *Почтовом сберегательном банке*. Сбор денег — это касалось большинства получателей заработной платы — предлагалось вести через механизм Национального страхования, и поступившие средства подлежали бы возмещению после войны, что должно было бы помочь преодолению первого послевоенного резкого спада. Поступления от этого налога могли бы на 400 миллионов фунтов превысить существующие доходы бюджета от прямого налогообложения[18].

Смысл центрального тезиса '*Оплаты войны*' состоял в том, что инфляция в сочетании с нормированием отвергались как способ сократить потребление рабочего класса. Это сразу же исключало традиционную опору на финансирование с привлечением заемных средств, что в значительной мере зависело от кредитов, которые должны были поступить из раздутых доходов бизнесменов. Обязательные сбережения были тому альтернативой. Они одним выстрелом убивали нескольких зайцев: ограничивали потребление рабочего класса, не лишая его вознаграждений за большие усилия; резко ограничивали потребление богатых, не обременяя их карательными и убивающими инициативу налогами; сборы с доходов, остающихся после уплаты налогов или вовсе не подлежащих налогообложению, пролагали путь к тому, чтобы переход к миру начался в условиях не столь тяжкого налогового бремени; они к тому же позволяли обойтись без всестороннего нормирования и контроля над ценами. 6 декабря он говорил в клубе *Вторник*: «Вы пойме-

те, что моя цель — в максимально возможной степени сохранить систему естественных цен».

План Кейнса получил широкий отклик в печати, подтвердив убеждение Доусона, что «всякую значительную статью в '*Таймс*' замечают повсюду»[19]. Кейнс надеялся, что его предложения могли бы лечь в основу формирования очередного бюджета, и на протяжении следующих месяцев он неустанно внушал это в Уайтхолле, парламенте и печати. Его кампания уговоров достигла высшей точки с выходом в феврале 1940 г. брошюры '*Как оплатить войну*'. Кейнс был героическим спорщиком. Как в публичных ответах критикам, как в объяснениях, которые он давал своему *Плану* на закрытых собраниях политиков, бизнесменов и профсоюзных деятелей, точно так же — в основном вежливо и часто подробно — он отвечал на большинство приходивших ему писем. Он однозначно давал понять, что логикой своего подхода к делу дорожит больше, чем деталями собственных предложений, которые он не смущаясь изменял с учетом критических замечаний.

Каков был характер откликов? С самого начала коллеги, занимавшиеся экономической теорией, единодушно поддержали логику Кейнса. Это не должно особенно удивлять, поскольку Кейнс поместил предмет обсуждения в ту область, где между кейнсианцами и некейнсианцами царило согласие. Особое значение имела поддержка со стороны его самопровозглашенного «научного антипода» Фридриха Хайека, публично похвалившего *План Кейнса* в '*Спектейторе*' от 24 ноября. Кейнсу Хайек писал: «Радует, что у нас столько согласия в экономической теории дефицита, пусть мы и расходимся в определении условий, при которых ее следует применять»[20]. Энтузиазм, с каким все экономисты ухватились за «экономическую теорию дефицита», заставляет думать, что «экономическая теория изобилия», истинный предмет *Общей теории*, пока что находил себе теплый прием лишь в ограниченном кругу. Среди стойких кейнсианцев только Ричард Кан сомневался в антиинфляционных устремлениях Кейнса. Любопытно отметить, что наименьшую поддержку профессионалов-экономистов получило со-

державшееся в *Плане Кейнса* предложение о разблокировании кредитов как способа противодействовать резкому спаду после войны. Хайек не признавал, что увеличение расходов может послужить средством против резкого спада; во всяком случае перспективой, которую он видел для непосредственно послевоенного времени, был не резкий спад, а инфляционный бум. Как и Хикс, он выступал за налог на капитал, видя в нем средство уменьшить эффективный спрос после войны.

Экономисты-администраторы в Уайтхолле, такие как Стэмп, Гендерсон и Клэй, также поддержали логику Кейнса, хотя и критически отнеслись к деталям его плана. Кейнс отклонил поправку Гендерсона, предложившего ввести налог только на плату за сверхурочную работу. «По вашему плану, — писал он Гендерсону, — каждый будет иметь такой же доход, как прежде, и даже работающий сверхурочно будет получать значительно больше», так что совокупное потребление «заметно превысит предвоенное»[21].

Еще один старый друг, Боб Брэнд из компании *Братья Лазар*, опасался воздействия принудительных сбережений на сбережения добровольные, то есть выражал взгляд, определявшийся его близостью к сэру Роберту Киндерсли, председательствовавшему и в компании *Братья Лазар*, и в *Национальном комитете сбережений*. Он также полагал, что нормирование предметов первой необходимости при сохранении на них твердых цен имеет существенное значение для достижения договоренности с профсоюзами о сдерживании роста заработной платы[22]. Кейнса это не убеждало. Брэнду, снабдившему его подробными сведениями о германской практике нормирования, он послал ядовитый ответ: политика фиксированных цен плюс пустые полки, встречающие покупателей в магазинах — путь, по которому много лет идут российские власти, — это, несомненно, один из наилучших путей предотвращения инфляции![23] Когда Артур Солтер, Стэмп и Джон и Урсула Хикс публично предложили Казначейству ввести субсидию на товары жизненной необходимости по «железным нормам», Кейнс сначала отклонил эту идею, считая что она предполагает слишком большие за-

траты: «Меня, как старого служащего Казначейства, это пугает», — но в конце концов убедился в политической необходимости этой меры. Однако обращаться к ней следовало, мол, при том непременном условии, что будет принято правило обязательных сбережений[24].

Кейнс был изумлен враждебной реакцией на его предложения за пределами магического круга экономистов, экспертов и лиц, обладавших доступом к служебной информации. Страх перед «принуждением» объединил председателя *Национального комитета сбережений*, газеты Бивербрука и Лейбористскую партию, одинаково выступивших в защиту добровольности сбережений и свободы профсоюзов. Газета '*Дейли экспресс*' от 16 ноября 1939 г. поносила его план в выражениях под стать тем, что не сходят со страниц сегодняшней '*Сан*':

> Еще один враг обрушивается на свободу народа! Это — мистер Кейнс, экономист. Он достает свои учебники, навостряет перо и вылезает из своего кабинета с требованиями обязать людей делать сбережения. Правительство, говорит он, должно забирать у рабочих часть их заработной платы и заставлять общество отдавать ему часть своих денег. Какое оскорбление для патриотизма наших людей! Какая издевка над их готовностью к добровольным пожертвованиям — предполагать, что по своей воле они, если их попросят, не дадут ни пенни!

Что делало «пропаганду» Кейнса столь привлекательной для «посвященных», так это содержавшееся в ней разъяснение, что войну, по выражению Стэмпа, «можно оплатить только за счет аннексии большей части растущей покупательной способности класса получателей заработной платы, а также покушения на довоенный уровень жизни»[26]. Но как раз это и мешало ей стать приемлемой для лидеров Лейбористской партии (включая профсоюзное движение), чья поддержка Кейнсу была крайне важна. Кейнс потратил много, по существу больше всего, сил на уговоры лейбористов. 24 октября он расчетливо послал рукописи своих статей в '*Таймс*' Клементу Эттли, с личным письмом, в котором говорилось, что его план предлагает «единственный способ

финансового завершения войны, одновременно и справедливого, и выгодного рабочему классу». Ответ Эттли потряс его: лидер Лейбористской партии писал, что предложения Кейнса возложили бы «сокрушающее» бремя на самого Эттли! Кейнс отправил ему раздраженное письмо на четырех страницах: «Вопрос вот в чем: вы что же, предпочитаете платить штрафы в иных формах?.. Нет ни малейшего толку в ваших словах о невозможности согласиться на любую из них. Вам придется идти на урезания, так или иначе». Большое преимущество обязательных сбережений по сравнению с ортодоксальным налогообложением или инфляцией состояло в том, что рабочие не лишались бы прироста к их заработной плате, а только обязаны были бы отложить его расходование[27].

Еще хуже был публичный отклик лейбористов. Артур Гринвуд, заместитель лидера Лейбористской партии, написал в газете '*Дейли экспресс*', что *План Кейнса* попахивает гитлеризмом[28]. Эрнест Бевин, виднейший деятель профсоюзного движения, сказал, что управлять ценами — это обязанность правительства, и, если оно с этим не справится, он готов использовать переговоры с предпринимателями, чтобы не допустить какой бы то ни было эрозии реальной заработной платы рабочих[29]. Со времени совместной работы в Комиссии Макмиллана в 1930–1931 гг. Кейнс был высокого мнения о Бевине, реакция которого его теперь особенно расстроила — «хуже этого я почти ничего не читал с начала войны»[30]. Еще раз, с помощью посредника — члена парламента от Либеральной партии Клемента Дэвиса, он попробовал встретиться с Бевином, но безуспешно. Возражение профсоюзов против создания каких-либо дополнительных трудностей для рабочих сыграло ключевую роль в отказе правительства от введения новых налогов на трудящихся, даже в виде Кейнсовых отсроченных платежей; Казначейство полагало, что эти налоговые нововведения подстегнут выступления с требованиями соответственно повысить зарплату[31].

Если бы Кейнс дал себе труд прочитать брошюру, изданную той осенью самими лейбористами под тем же названием '*Оплата войны*', ледяной отклик со стороны их партии

удивил бы его меньше. Входившие в партийную *Группу военных финансов* экономисты Эван Дурбин, Хью Гэйтскел и Дуглас Джей доказывали, что при ограниченной налоговой базе и отсутствии органов прямого управления промышленностью широкое привлечение заемных средств неизбежно. Это грозило бы инфляцией, но инфляцией «умеренной и управляемой»; желательно сочетать ее с нормированием и другими мерами, ограничивающими потребление, что содействовало бы увеличению прибыли и, следовательно, производства в военных отраслях промышленности, увеличению сбережений ввиду сокращенного потребления и уменьшению реального долгового бремени. Груз послевоенного долга можно было бы дополнительно уменьшить введением по окончании войны налога на капитал[32]. Кейнс изрядно подорвал убедительность своей аргументации, уклонившись от прямой полемики с лейбористами. Как и в годы Первой мировой войны[33], он сильно недооценивал привлекательность нормирования. Оливер Литтлтон, диспетчер-контролер цветных металлов, с грубой прямотой выразил политическую суть дела: «Никто и в грош не ставит справедливость: равенство — вот что людям требуется»[34].

Для Лидии было облегчением вернуться наконец 14 декабря в Тилтон. Здесь, по крайней мере, работать ему было намного спокойнее, не изводили бесконечные встречи и обеды. Ричард Кан был их единственным гостем. На Рождество они устроили себе день отдыха, пили шампанское Сэма Курто и рано легли спать. В День подарков Кейнс опять сидел за работой, прервался для поездки в Чарлстон, где пил чай с Дунканом Грантом, Клайвом и Ванессой Белл и их сыном Квентином, которого Мейнард держал в работниках на своей ферме. 23 декабря они выбрались в Родмелл на чай к Вулфам, и те навестили их с ответным визитом 27 декабря. Такие встречи старых друзей, с их поводами для воспоминаний, обмена сплетнями и знакомства с личными пристрастиями, были теперь для Кейнса редкостью — не только по причине войны и его занятости, не только из-за Лидии, не вписывавшейся в стиль блумсберийского умствования, но и потому, что его поведение всеведущего мудреца чересчур да-

вило на близких ему людей. Вирджиния Вулф описала одну сценку в Родмелле, где Мейнард «растянулся на диване... под светом двух матовых ламп, Лидия сидела с ним рядом, похожая в своей меховой кепке на сказочного эльфа... Теперь он — существо высшего порядка, возведенное на трон больного, человек преуспевающий — фермер, казначей, бизнесмен, как он сам представлялся, выпрашивая бензин. Отяжелевший мужчина с пышными усами. Моралист. Питает тот же интерес к Пэтси, их черной собаке с белой заплатой, что и к Европе... Он говорил... поразительно, что это так трудно вспомнить... Он рассказывал нам о соли; о воде; о тепле и холоде и как они влияют на мочу»[35].

3. Попытки убедить

При таком обилии откликов Кейнс решил на материалах своих статей сделать небольшую книгу и 27 ноября предложил Гарольду Макмиллану, что подготовит ее к изданию под предварительно намеченным названием '*Экономические последствия войны*'. Получив согласие Макмиллана, он принялся перерабатывать свои статьи. Правка, которую он в них вносил, имела четкую цель завоевать поддержку лейбористов. Теперь он предлагал семейные пособия в обмен на обещание сдерживать требования о повышении заработной платы. Этот способ уменьшить давление со стороны заработной платы представлялся Кейнсу предпочтительней субсидирования твердых цен на товары жизненной необходимости.

Менее удачным компромиссом с критиками оказалось его согласие на введение после войны налога на капитал, поскольку антикейнсианцам это позволило, намного позже, обвинять его во враждебном отношении к частному предпринимательству[36]. В публичных дискуссиях и в частных разговорах обсуждалось, «что делать» после войны с отсроченными платежами. Тогдашние поиски ответа на этот вопрос придают некое очарование истории государства социальной поддержки. Наиболее интересное предложение, по-

ступившее от нескольких корреспондентов Кейнса, состояло в том, чтобы превратить обязательные сбережения в своего рода страховые полисы. Таким образом можно было не только предотвратить их опасное преждевременное погашение, но защитить получателей заработной платы от возможных послевоенных превратностей. Это предвосхищало модную впоследствии сингапурскую модель социального страхования. Кейнс проявил интерес, но заметил, что для создания такой системы социальной поддержки обязательные сбережения должны стать постоянным правилом, а не временной мерой[37]. Еще одной опережавшей время идеей было предложение Хайека предусмотреть возврат отложенных налоговых сборов не наличными деньгами, а акциями британской промышленности[38]. Предложение сохранить обязательные сбережения и в мирное время, чтобы наделить получателей заработной платы личными активами, представляло собой оставленный без внимания альтернативный путь к социальной защите через «социальное страхование», начертанный в 1942 г. докладом Бевериджа. В сторону от этого направления мысли Кейнса уводило его убеждение, что послевоенному миру потребуется больше потребления, а не больше сбережений.

Стараниями Петик-Лоуренса и Уолтера Ситрина 24 января 1940 г., соответственно утром и пополудни, ему были устроены встречи с ведущими лейбористскими парламентариями и Экономическим комитетом Генерального совета тред-юнионов. Уточненные и дополненные предложения, представленные Кейнсом на этих встречах, теперь предполагали участие профсоюзов и близких им организаций в управлении отсроченными платежами, семейные пособия и налог на капитал после войны. По его оценке, эти новые предложения позволили бы сохранить довоенный уровень жизни получающим менее 250 фунтов в год, при сокращении на треть потребления трудящихся с годовым заработком выше этой суммы. Как он объяснял 29 января Стэмпу, его план «теперь — это не просто техническое средство, а нечто направленное по существу на использование возможностей, открываемых финансированием войны для конструк-

тивных социальных реформ и большего, чем у нас было за долгое время, продвижения к равенству»[39]. Однако лейбористских лидеров это с места не сдвинуло. При всем его красноречии работа уговаривающего повергала Кейнса в отчаяние. «Не в общественном мнении беда, — полыхнул он в разговоре с Реджинальдом Маккенной, канцлером Казначейства времени Первой мировой войны, — беда в проклятых политиках с их проклятыми мозгами, не готовыми к восприятию чего-либо, неведомого их предкам. Если бы финансирование и осуществление всех дел находились в руках ответственных руководителей, никто бы вообще не чинил никаких трудностей»[40].

Кейнс не оставлял своих стараний и 20 февраля выступил перед группой парламентариев, а на следующий день встретился с членами *Фабианского общества*. Фабианцам он сказал, что с начала войны он был «одержим поисками правильного решения» проблемы сокращения потребления — такого, чтобы это отвечало и народной психологии, и социальной справедливости. Его не устраивали ни инфляционное решение в «старомодном духе *laisser-faire*», ни «новомодный тоталитарный» метод всестороннего нормирования, которое низведет Англию до положения рабовладельческого государства, ни компромисс между ними в виде «тоталитарного решения для узкого набора товаров жизненной необходимости и инфляции для всей остальной массы предметов потребления». Правильное решение состоит в том, чтобы закрепить покупательную способность на определенном уровне, и пусть свобода распоряжается всем прочим; обеспечить, чтобы в национальном долге имел свою долю каждый, кто ее заработал; и разработать такое устройство финансовой системы, чтобы она стала двигателем социальных преобразований[41].

Брошюра '*Как оплатить войну*' была издана *Макмилланом* 27 февраля. Кейнс прилагал силы к тому, чтобы сделать свой *План* приемлемым для самых широких слоев общества: в интересах рабочего класса он включил в него дополнительные меры социальной защиты в виде пособий семьям самых низкооплачиваемых и (здесь он шел на уступку, во-

преки своим либеральным инстинктам) введения «железных норм» продажи товаров по субсидируемым ценам[42], а идя навстречу финансовым ортодоксам, предлагал налог на капитал в зачет обязательств по отсроченным платежам[43]. Теперь он признавал, что субсидия может быть полезной при условии встречного обещания умерить требования о повышении заработной платы[44]. Требовались и дополнительные меры социальной защиты, могущие компенсировать сокращение детских пособий, вызываемое перекройкой системы подоходного налога и более крутой прогрессией в ставках подлежащего возмещению налога[45]; налог на капитал мог бы стать прелюдией к ежегодному налогу на богатство[46].

Личная пропагандистская кампания Кейнса началась с распространения 380 бесплатных экземпляров, и он в поте лица работал над тем, чтобы его брошюра попадала в кабинеты Уайтхолла. 28 февраля он без устали говорил в палате общин перед 250 парламентариями от всех партий; 6 марта выступал на собрании *Профсоюзного клуба* под председательством восьмидесятилетнего Бена Тиллетта; в тот же день лорд Бальфур инициировал дебаты в палате лордов, в ходе которых Кейнс снабжал необходимыми сведениями выступавшего от правительственной стороны лорда Хэнки. На другой день последовали нелегкие встречи в Казначействе и затем ужин с канцлером, которого Кейнс принимал лежа в постели, поскольку должен был снять напряжение. 8 марта он вернулся в Кембридж, где показался управляющему Английского банка Монтегю Норману «свежим как нераспустившийся бутон, [и] вечером пошел в театр». В субботу были «колбаски с вином» в кембриджском *Театре искусств*, а потом шумные, не дававшие спать студенты под окном. 11 марта он вел для Би-Би-Си радиобеседу с Дональдом Тирманом, за которую получил тридцать гиней. 19 марта была встреча в парламентском *Денежном комитете*, где он говорил главным образом о валютных курсах, но ответил также и на вопросы, касавшиеся его предложений об отсроченных платежах.

Редактору '*Таймс*' Джеффри Доусону Кейнс подробно докладывал об откликах на свою брошюру, публичных и тех,

что поступали в частных письмах. Профсоюзные лидеры восприняли ее благосклонно, хотя Бевин оказался недосягаем. Экономические советники Лейбористской партии — Г.Д.Х. Коул, Гарольд Ласки, Ричард Кроссмэн и Барбара Вуттон — выступали «решительно за». Среди экономистов в академических кругах царило «почти всеобщее согласие в отношении принципа, хотя имелись некоторые различия по деталям». Если «не считать мрачных запросов лейбористов-переднескамеечников», открытые возражения поступили только от Киндерсли, Бивербрука, «искренне заявившего, что он предпочитает инфляцию», и коммунистического '*Дейли уоркер*'.

На пасху, 22 марта, Лидия и Мейнард вернулись в Тилтон. Его здоровье неплохо переносило рабочие нагрузки военного времени. «В последние несколько недель я, конечно, тащил такой груз интеллектуальных и нервных усилий, что трудно было поверить в мою способность его выдержать», — сообщал он 13 марта в Замок Ритин сэру Эдмунду Спринггсу[47]. 18 марта он отправился к Плешу с жалобой на возникающее время от времени «ощущение сдавленности в аорте». Плеш предписал постоянно ходить с пористым пластырем слева под мышкой. В Тилтоне впервые за несколько месяцев у него опять случился приступ, и Лидия сообщала, что 31 марта, побродив с Логаном Томсоном вокруг фермы, он выглядел «старым и изможденным». На следующий день, в воскресенье, он подробно обсуждал предстоявшие постановки кембриджского *Театра искусств* с актером-управляющим Дональдом Волфитом. Пьеса Форда '*Жаль, что она шлюха*', должна быть поставлена, сказал он Волфиту тем не допускавшим возражений тоном, который звучал теперь в его суждениях на все темы. (Дэди Райлэндс считал, что зал будет пуст, «если не дать названия, способного разжечь любопытство военных летчиков».) В воскресенье 7 апреля они принимали у себя Вулфов, и Мейнард сказал Вирджинии, что война, в сущности, выиграна[48]. Через два дня немцы вторглись в Норвегию. В Чарлстоне у Лидии разгорелся жестокий спор с Клайвом Беллом, который неосторожно сказал вслух, что немцы, по его мнению, побеждают[49].

Никакая оценка политического наследия Кейнса невозможна без учета брошюры '*Как оплатить войну*'. После войны Лайонел Роббинс писал, что существовало две концепции управления военной экономикой — фискальная теория и теория планирования. Согласно фискальной теории, правительству следовало урезать покупательную способность настолько, насколько этого требовала необходимость избежать инфляции, а распределение ресурсов предоставить системе цен. Поскольку Кейнса так часто по легкомыслию зачисляют в лагерь сторонников дирижизма, важно подчеркнуть, что к фискальной теории он относился с одобрением. Еще важнее, что он сам разработал фискальную теорию именно в стремлении не допустить «тоталитарного» планирования. Он не считал управление спросом всего лишь полезным дополнением к планированию, фиксации цен, нормированию, бюрократическим методам контроля и так далее, а видел в нем альтернативу всему этому — и в военное время, и в мирное.

Можно не без оснований утверждать, что в брошюре '*Как оплатить войну*' содержится квинтэссенция достижений Кейнса. В ней присутствуют все качества его сложного характера. Союз теории и практики, соединение экономической доктрины и политической философии выражены здесь с неотразимым артистизмом. Сердцевина его общего видения предмета в понимании, что современное общество не вынесет больше «естественных средств лечения» инфляции и безработицы, воспринимаемых как отдельные сбои рыночной системы. Его решением проблемы была установка на введение в действие постоянной схемы регулирования расходов, с тем чтобы не допускать ни бума, ни резкого спада, и его военный *План* был первым вкладом в эту реформу, политически тем более легко осуществимую, что начало ей должна была положить антиинфляционная политика. Политики и экономисты, обрученные с *laisser-faire*, все еще отвергали его логику. Но и для левых в хвосте его идей таилось ядовитое жало. Большинству социалистов война предлагала возможность представить вещественное планирование не только как нечто подходящее для войны, но и как постоян-

ную систему. Против этих поползновений Кейнс стойко защищал систему цен и выбор потребителя. Он писал: «Я пользуюсь возможностью предложить политический принцип, определяющий то, что можно считать линией размежевания между тоталитарной и свободной экономикой». Так он подавал свою философию *Среднего пути*[50].

4. Казначейство говорит «нет»

Судьба *Плана Кейнса* зависела от Казначейства. Ободрял интерес со стороны канцлера Казначейства сэра Джона Саймона, который не выдвинул ни единого непреодолимого возражения. Правительство не имеет никакой реальной альтернативы моему *Плану*, говорил Кейнс Доусону, но «оно крайне не расположено принимать какие-либо решительные меры, пока потребность в них не станет очевидной, и даже более чем очевидной, самому тупоголовому члену общества». Но при столь «весомой поддержке» ему незачем так бояться общественного мнения, если только оно само готово взяться за трудное дело[51].

Это было чрезмерным упрощением проблемы Казначейства. Начиная с 1920-х гг. общее отношение Казначейства к предложениям Кейнса было таково, что в них неизменно видели нечто вдохновляющее, но, как выразился в 1933 г. один чиновник по поводу его '*Средств для процветания*', «он никогда не допускал, чтобы проблемы необходимых сроков или практической осуществимости мешали плавному течению его мысли»[52]. По одному пункту никаких разногласий не было: неприятие Кейнсом использования высоких процентных ставок как средства для предотвращения бума совпадало с желанием Казначейства получить для своих расходов на войну большие суммы денег так дешево, как только возможно. Равным образом не было расхождений в «понимании, что социальный и политический климат не допустит повторения приспособленной к интересам рантье политики времен Первой мировой войны»[53]. Тем самым бремя антиинфляционной политики возлагалось на бюджет, и это

означало, что встреча умов пока не состоялась. Докейнсианская ортодоксия утверждала, что использование заемных денег в дополнение к налоговым поступлениям не создает инфляционной угрозы, если это соответствует притоку добровольных сбережений. «Канцлеры повышали налоги настолько резко, насколько, по их мнению, общество способно было это переварить, и затем надеялась, что суммы, которые они смогут выжать на рынках капитала, не превысят поступлений от добровольных сбережений»[54]. Именно поэтому они так горячо поощряли *Национальное движение за сбережения*. Должностные лица лишь смутно представляют себе, что займы могут порождать инфляцию, если получаемые взаймы сбережения сами возникли благодаря увеличению государственных расходов. Кейнс был первым, кто ввел в оборот два следующих тезиса: (а) что «оплата войны» означает сокращение потребления гражданских лиц до уровня, диктуемого военными усилиями и (б) что этого необходимого сокращения не добиться без инфляции, просто покрывая государственные расходы налогами и займами.

План Кейнса наталкивался также на мощную преграду практического свойства. Для любого продуманного сокращения покупательной способности общества требовалась информация о том, насколько «совокупная покупательная способность» превышает «имеющуюся товарную массу». Такими сведениями в начале 1940 г. Казначейство не располагало. Отдел внутренних доходов знал общую сумму доходов, которые он облагал налогами, но в 1939 г. подоходный налог платили далеко не все; около трех пятых получателей заработной платы были от него свободны. Старания выжать больше денег из существующих налогоплательщиков никак не помешали бы большинству получателей заработной платы тратить и оставлять в магазинах свои растущие доходы. Для противоинфляционной бюджетной политики требовались национальные или «общественные» счета. Кейнс начиная с 1937 г. тщетно призывал к созданию официальной статистики национального дохода. В 1939 г. в своих расчетах он должен был положиться на относившиеся к 1938 г. изыскания Колина Кларка, данные которых обновил молодой эко-

номист-эмигрант Эрвин Ротбарт, работавший ассистентом в отделе статистических исследований кембриджского факультета экономики и политики.

'*Бюджет национальных ресурсов*' был издан как приложение к его брошюре '*Как оплатить войну*'. В его основу легли понятия *Общей теории* о совокупном спросе и совокупном предложении, в ценовом выражении и в разбивке на составляющие части, к которым он применил золотое правило двойной бухгалтерии, требующее сбалансированности сумм, записываемых на обе стороны бухгалтерской книги. Пришлось исхитряться и обходить стороной возникавшие концептуальные и статистические проблемы. Отсутствовало какое бы то ни было согласие в определениях национального дохода и национального продукта — вопрос, который Кейнс обсуждал и с Ротбартом, и с Николасом Калдором[55]. Изучение сбережений рабочего класса только-только было начато выпускником Кембриджа Чарльзом Мэджем, взявшимся вместе с Томом Гаррисоном за осуществление программы *Массовые обследования*, для которой Кейнс получил финансовые средства. Ротбарт недоумевал, «можно ли что-то сделать при таком недостатке данных». Кейнс высказывался со свойственной ему прямотой: «Когда статистика бессодержательна, я вообще считаю более разумным отдавать здравому смыслу предпочтение перед статистикой»[56].

В порядке самых грубых прикидок Кейнс приходил к выводу, что расходы правительства в 1939–1940 гг. увеличатся на 1,8 миллиарда фунтов. В таком случае проблема состояла в том, чтобы удержать людей от расходования их возрастающих доходов. Он подсчитал, что правительство может выручить 900 миллионов фунтов от продажи основных фондов, а полные годовые поступления от налогов и других финансовых мер Саймона могут составить 500 миллионов. Оставалась «дыра» размером от 400 до 500 миллионов фунтов, которую во избежание инфляции следовало заполнить с помощью дополнительных налогов или обязательных сбережений[57].

Все эти подсчеты, пусть и предварительные, заключали в себе логику, которой можно было последовать в разра-

ботках финансовой политики; но Казначейству смелые и неточные «оценки-догадки» представлялись слишком зыбкой основой для финансовых решений. Казначейство находилось под влиянием не только публичных возражений против общей линии, предложенной Кейнсом, но и позиции отдела внутренних доходов, который не принимал его конкретный *План* ввиду сопряженных с ним рабочих нагрузок и административных трудностей. Оно соглашалось, что одновременно и больше пушек, и больше масла Англии ждать не приходится. Но оно полагало, что временная инфляция была бы наименьшим злом, тем более что война может и не затянуться, может не развернуться в полную силу. А тем временем агитация Кейнса способна, мол, подготовить общественное мнение к более высоким налогам, если и когда они могут стать необходимыми[58]. Нет-де никакой нужды в его «хитроумных мерах»[59]. Одним из ощутимых следствий агитации Кейнса стало то, что Комитет Стэмпа распорядился начать сбор статистических данных для измерений национального дохода.

В этих обстоятельствах проявление интереса со стороны канцлера вводило в заблуждение. В представленном им 23 апреля бюджете сэр Джон Саймон объявил, что «добровольность проходит серьезное испытание», незначительно поднял косвенные налоги, повысил до 100 процентов налог на избыточную прибыль, заложил дефицит почти в 1500 миллионов фунтов и дал «нелепо оптимистические оценки» добровольно предоставляемых кредитов. Особо он высказался против обязательных сбережений, заявив, что они «убьют» сбережения добровольные. 25 апреля в письме в '*Таймс*' Кейнс язвительно заметил, что от финансовых трудностей правительство защищено только своим неумением увеличить военное производство. «Сэр Джон Саймон может утверждать, что это его счастье, а не его ошибка. Для нас, остальных, это несчастье и нечто далекое от наших желаний... Как же мало страна понимает, сколь великих жертв потребует победа»[60].

Развитие событий вскоре опрокинуло все эти военные и политические расчеты, лежавшие в основе расслабленной

финансовой стратегии, а вместе с тем положило конец и межеумочной роли Кейнса. 10 мая Третий рейх со всей своей военной мощью обрушился на Бельгию, Голландию и Францию; в тот же день пало правительство Чемберлена. Уинстон Черчилль стал премьер-министром и образовал коалицию с Лейбористской и Либеральной партиями. Вечером в понедельник 13 мая Кейнс смотрел в Кембридже '*Жаль, что она шлюха*', принимал в гостях Волфита и ранним утром следующего дня у него случился «сердечный приступ». «Выглядит очень слабым, мешки под глазами, синие губы, лежит в пижаме, освещаемый лучами прекрасного солнца за окном, — записала Лидия в своем дневнике. — Грустно это после 4 лет болезни». Еще один приступ случился в пятницу. Лидия записала: «Я плакала. Не выдерживаю напряжений болезни и войны».

XXXIII
Драконы войны

1. Бешеные псы и англичане

Для Мейнарда Кейнса майский приступ означал предупреждение, что его здоровье никогда уже полностью восстановиться не может. В течение мая и июня он продолжал читать лекции в Кембридже и каждый раз, как ему удавалось прилечь, держал на груди пузыри со льдом. Все более пугающие известия о ходе военных действий так его удручали, что в конце концов он вообще перестал включать радио. 24 мая он общался с *Людоедом*, который предписал голодную диету. В течение пяти дней он жил на кофе, чае, сырой капусте и недозревших апельсинах. За этим последовал режим холодных ванн. Только когда 17 июня Франция капитулировала, а британскую армию благополучно эвакуировали из Дюнкерка, Кейнс начал поправляться. Для него было облегчением сознавать, что Англия стоит на собственной земле, и теперь «у меня лично нет ни малейшего беспокойства по поводу возможного исхода»[1].

Веру Кейнса в победу разделял и британский народ. Что касается Кейнса, то у него эта вера опиралась, по-видимому, на несколько более широкие основания, чем убеждение, что Англия неуязвима для вторжения, что Гитлер начнет делать грубые ошибки и что рано или поздно Соединенные Штаты обязательно вступят в войну. Он не был одинок во мнении, что нацистско-советский пакт — это союз без любви, обреченный на скорый развал. 12 июня на завтраке с советским послом Майским он предсказывал, что «Гитлер

найдет свое Ватерлоо далеко к востоку от Берлина и что нам следует там быть»[2]. Так что в уме Кейнса *Великий альянс* сложился намного раньше, чем он образовался в действительности. Но это была слишком хрупкая основа для продолжения борьбы.

Гитлер посчитал британцев безумцами и 16 июля с трибуны Рейхстага воззвал к их «здравому смыслу» и предложил заключить мир. Его призыв упал на глухие уши. Для британцев момент полного отрыва от континента не мог не быть «самым прекрасным часом». Британцы никогда не доверяли французам, а теперь и немцев оставили по ту сторону забора. Тогда, в июне 1940 г., история пошла в соответствии с представлениями британцев о самих себе и о своих отношениях с континентальной Европой. У этого представления впереди была долгая жизнь.

2. Снова в Казначейство

Параллельно с публичной кампанией в защиту своих бюджетных идей Кейнс вел партизанскую войну с Казначейством по вопросу о валютном контроле. В любом «бюджете национальных ресурсов» должны были учитываться не только внутренние ресурсы, но и те, которые можно было привлечь из-за границы — через экспорт товаров или золота, продажу иностранных ценных бумаг, принадлежавших британским подданным, и внешние займы. В начале 1940 г. Кейнс пришел к убеждению, что иностранная валюта, имевшая жизненное значение для импорта военных материалов, утекает через дыры в системе валютного контроля, введенной Казначейством с началом войны. Цель этой системы состояла в том, чтобы все сделки с участием «твердых» валют — главным образом долларов — проводились через *Счет валютного регулирования* Казначейства. Британским экспортерам предписывалось продавать свою выручку в «твердой» валюте назначенным клиринговым банкам по фиксированному обменному курсу (4,03 доллара за фунт), а эти банки, в свою очередь, предоставляли валюту соответст-

вующей страны, необходимую для оплаты одобренных поставок из-за границы; британским резидентам запрещалось также продавать ценные бумаги, обращавшиеся на рынках за пределами Великобритании. Свободная оплата в стерлингах разрешалась в пределах всех стран Британской империи, кроме Канады, при том понимании, что их правительства введут такие же, как в Англии, ограничения валютного обмена и будут передавать избытки своей выручки в твердой валюте Английскому банку в обмен на стерлинги. Так было положено начало созданию «укрепленной» стерлинговой зоны. Казначейство, однако, по-прежнему разрешало нерезидентам продавать на открытом валютном рынке их номинированные в стерлингах ценные бумаги за доллары, полагая, что сохранение этой свободы имеет существенное значение для привлечения и удержания в Лондоне иностранных активов (или займов).[3] Таков был один канал «утечки долларов». Другим была хаотичная система лицензирования, допускавшая растраты драгоценных долларов на оплату маловажного импорта.

Интерес Кейнса к этой проблеме пробудился в феврале 1940 г., когда Казначейство, реквизировав находившиеся в собственности англичан американские ценные бумаги на общую сумму 30 миллионов фунтов — что заставило самого Кейнса для возмещения потерь вложить миллион фунтов в другие акции (для себя лично, для Королевского колледжа и *Провинциальной страховой компании*), — пыталось продать в Соединенных Штатах большие пакеты акций *Бритиш Импириал таббэкоу*. Американские держатели стерлингов покупали акции *Импириал таббэкоу*, продавая свои стерлинговые ценные бумаги за доллары, и таким образом лишали эту затею всякого смысла: от продажи американских ценных бумаг Казначейство выручало ровно столько долларов, сколько теряло на свободном обмене в Лондоне. Этот эпизод склонил Кейнса к «вступлению на тропу войны»; он готов был «последовать примеру доктора Шахта и блокировать вообще все иностранные активы»[4]. 20 марта Кейнс сказал, выступая перед Парламентской денежной комиссией: «Это же большой скандал — допустить, чтобы

средства, исчисляемые десятками миллионов фунтов, которые в ином случае пошли бы на покрытие дефицита нашего платежного баланса, рассеялись таким образом»; утечку можно было бы остановить «одним росчерком пера»[5]. Двух членов Денежной комиссии, консерваторов Роберта Бутби и П.К. Лофтаса, Кейнс подговорил спросить канцлера в парламенте, есть ли у него намерение остановить изъятие денег из страны иностранцами. Саймон строго ответил, что свобода продавать стерлинги за иностранные валюты — это единственный способ удержать в Лондоне активы не входящих в империю стран[6].

До 10 апреля Кейнс не был готов сесть за письменный стол. Почти невозможно было получить нужные статистические данные: Казначейство, презрительно сообщал он Бутби, не имело даже «самого туманного» представления о том, сколько оно потеряло за минувшие шесть месяцев[7]. В сборе фактических материалов ему помогали Томас Балог, молодой венгерский экономист из Национального института экономических и социальных исследований, Ричард Кан, Остин Робинсон и его биржевой брокер Ян Макферсон. Вскоре он смог оценить потери: с начала войны через разные «дыры» утекли 100 миллионов фунтов. 29 апреля он послал первый набросок своего меморандума в Английский банк Генри Клэю, обсудил его с ним и 8 мая направил копию Генри Сипману. Банк был агентом Казначейства в управлении системой валютного контроля, и Кейнс нашел, что он гораздо больше, чем Казначейство, стремится сделать этот контроль эффективным. Приятнее всего, сказал он Клэю, было «встретить наконец на исполнительных постах решительно настроенных людей, вполне, кажется, знающих свое дело, соответствующих занимаемым должностям и не склонных наслаждаться жизнью в бесконечных тусклых сумерках». На письме Кейнса Монтегю Норман набросал «некогда... немыслимые слова»: «Он должен снова прийти к нам»[8]. Восстановление отношений Кейнса с Банком было основано на недоразумении. Банк стал рассматривать себя как управляющего имперским валютным блоком, укрепленным постоянно действующими мерами валютного контроля; Кейнс же

видел в этом контроле меру, необходимую в военное время и подлежащую отмене, как только критическое положение минует. Впоследствии Банк встанет в оппозицию его плану создания клирингового союза и, даже еще более решительно, Бреттон-Вудскому соглашению и условиям американского займа.

После нападения Германии на Францию и Нидерланды перо Кейнса оказалось во власти событий. Казначейство наложило запрет на продажу всех стерлинговых ценных бумаг, принадлежавших нерезидентам, и заключило двусторонние платежные соглашения между стерлинговой зоной и нейтральными странами. Однако оно не последовало предложению Кейнса объединить инвалютные ресурсы четырех союзнических империй (Англии, Франции, Бельгии и Голландии) и использовать их совместную финансовую мощь в переговорах с США о предоставлении американских кредитов[9]. Разваливавшиеся империи сумели вывезти свои золотые запасы за границу (в случае Франции — в Канаду), но Англия никогда не рассматривала золотые резервы стран империи как часть собственного золотого запаса и видела в них подлежащие возмещению долговые обязательства. Это была дорогостоящая ошибка.

11 июня, после встречи с Эммануэлем Моником, французским финансовым атташе в Лондоне, Кейнс составил, предположительно для Черчилля или канцлера Казначейства, проект заявления с обещанием Франции «щедрой помощи во имя общего дела». В тот же вечер он доставил бумагу прямо новому канцлеру Кингсли Вуду и объяснил, какие две цели она преследует — подбодрить французов и подать хороший пример, который будет влиять на условия ожидавшейся помощи Англии со стороны Соединенных Штатов. Даже в этот отчаянный момент войны Кейнс твердо стоял на том, что она не должна завершиться образованием долговой проблемы. 13 июня Вуд выступил с заявлением, в котором содержалось предложение, чтобы Франция и Англия «разделили бремя ликвидации разрушительных последствий войны», но не было того обещания, которого добивался Кейнс. «Если бы во Франции не развертывалось это

отчаянное сражение, мне следовало бы попросить моего начальника подкачать немного кислорода в легкие Кингсли Вуда», — объяснил Брендан Бракен, личный парламентский секретарь Черчилля. У Черчилля на уме было даже нечто более грандиозное. 16 июня он поддержал предложение о заключении нерасторжимого франко-британского союза. Но было слишком поздно. На следующий день Франция сложила оружие.

Кейнс все еще проводил уикенды в Кембридже, поддерживая на высоком уровне видимость деятельности, предписываемой расписанием триместра. *Проф* — Артур Пигу, также бывший в числе пациентов Плеша, — напомнил ему о существовании кое-каких тревог периферийного значения:

> Самое плохое [в итогах выпускных экзаменов *трайпос*], что мы [Сраффа и Пигу были экзаменаторами] увидели, это то, что очень много людей вперемешку с вашими сотрудниками было втиснуто в помещение, как сосиски в банку, так что (1) у них было весьма мало возможности проявить свои интеллектуальные способности и (2) они постоянно применяли их не по делу... Мое собственное предположение... — что подобное попугайское поведение ваших сотрудников имеет своим источником лекции и научное руководство красивой миссис [Джоан] Робинсон — сороки, высиживающей несчетное множество попугаев. Я заключаю, что она преподносит Истину с огромным «И» и делает это с такой прусской эффективностью, что несчастные люди становятся стандартными сосисками, лишенными собственного ума.

Кейнс ответил, что, «если наверху может быть несколько человек, наделенных разумными достоинствами, мне не так уж важно, что происходит внизу»[10].

От университетов, до тех пор служивших для беженцев укрытиями от фашизма, теперь требовалось, чтобы они приносили жертвы драконам войны. В июне был интернирован Пьеро Сраффа, «гражданин вражеского государства», равно как и Эрвин Ротбарт — который помогал Кейнсу писать '*Как оплатить войну*', — и еще два экономиста из Манчестерского университета — Ганс Зингер и Эдуард Розенбаум. Кейнс неустанно ходатайствовал об их освобождении

перед министром внутренних дел и в подведомственных ему службах. Интернирование Ротбарта остановило его собственную работу по обновлению статистики национального дохода. Обращение с ними, как и с прочими беженцами, он назвал «бесчестьем и унижением, какого давно не было... Если в этой стране вообще есть остающиеся на воле пособники нацистов, ищите их в военном министерстве и в нашей секретной службе...»[11] Он получил ордер на освобождение Ротбарта в августе, а вскоре после этого были освобождены и другие. Но годом позже он все еще бился над вызволением из лагеря для интернированных на острове Уайт Курта Йосса, который в декабре 1939 г. привез в Кембридж свой балет.

28 июня Кингсли Вуд предложил Кейнсу войти в Консультативный совет и заняться поисками решений для конкретных проблем, с которыми сталкивалось Казначейство. Объясняя родителям свое согласие работать в этом «новом сверхбесполезном комитете»[12], Кейнс писал: «У меня, как вы знаете, существует стойкое предубеждение против консультативной, в отличие от исполнительской, работы. Но думаю, разумно будет начать с чего-то не столь значительного, вроде этой должности, имеющей то большое преимущество, что она дает мне прямой доступ к канцлеру... с любыми светлыми идеями, которые могут у меня появиться...» Светлые идеи скоро начали появляться. Три памятные записки последовали за предложением Комитету заняться изучением проблемы компенсации за причиняемый войной ущерб. Далее были ряд переданных канцлеру замечаний к дополнительному бюджету, который он представлял 23 июля, памятная записка с доводами против закрытия фондовой биржи и еще записки о валютном контроле и платежных соглашениях — всего восемь насыщенных содержанием документов общим объемом в пятьдесят две машинописные страницы — и это за один месяц[13]. После того как дополнительный бюджет Кингсли Вуда от 23 июля был широко раскритикован печатью как не отвечающий требованиям момента, Кейнс стал его успокаивать ссылками на то, что пресса сильно недооценивает прирост доходов от текущих налогов[14].

Почти год Кейнс стучался в дверь Казначейства. Наконец его впустили. 12 августа, не определяя его официальных обязанностей, ему дали «своего рода подвижную должность» — ввели в состав нескольких «высоких комиссий» с доступом к секретной информации, включая Совещательный совет по валютному контролю, и, по настоянию сэра Ричарда Гопкинса, второго секретаря, предоставили кабинет и должность секретаря по совместительству в Казначейских палатах на Грейт-Джордж-стрит. Его кабинет был рядом с рабочей комнатой лорда Кэттоу, который оставил пост директора Английского банка, чтобы, подобно Кейнсу, взяться за неоплачиваемую работу в Казначействе. Они скоро стали друзьями и проработали, отлично ладя друг с другом, в течение трех лет, прежде чем Кэттоу стал управляющим Английского банка. Ободренный словами о «резко улучшившемся» состоянии его сердца, Кейнс немедленно начал вкалывать по пять часов в день. Но, как он 24 августа сказал матери, «подобно Полли [Хилл — его племяннице и временной служащей в министерстве торговли], я только могу как-то заполнять свое время, а по существу, никакого особого дела у меня нет. Ты знаешь, как это ненавистно Кейнсам».

10 июля немецкая авиация обрушилась на южнобережные порты, а 18-го переключилась на бомбардировки Лондона. Битва за Англию началась. «Целыми днями мы слышим взрывы бомб и грохот зениток, и пока это продолжается, чувствуем некоторую тревогу, но английские летчики — ребята замечательные, и они нас защищают, — писала 16 августа из Тилтона Лидия своей свекрови Флоренс Кейнс. — Странная это война, мы спокойно гуляем по полям, прямо посреди бушующей войны». Уикенд они провели с гостившими у них Кроликом и Анжеликой Гарнеттами и участвовали в «организационном» собрании *Клуба воспоминаний* в Чарлстоне, где Вирджиния Вулф нашла Мейнарда «мрачным, заносчивым, грубоватым»[15]. В доме 46 на Гордон-сквер в недели ночных налетов Мейнард и Полли Хилл спали на койках, поставленных в подвале, «вроде как на борту корабля». Кейнс был поражен тем, как мало ущерба причиняли немцы Лондону, «ничего такого, чего строители не

смогли бы привести в порядок за пару дней». Проблему создавали не разрушения, а нехватка транспортных средств. «Годами я так много не ходил пешком, — говорил он матери, — а если еще учесть бесконечный бег вверх-вниз по лестнице, ведущей в глубокий подвал Казначейства — что не совсем одобряется Лидией, — тренировки у меня получаются основательные...» Даже когда осенью бомбардировки Лондона и промышленных центров стали намного более разрушительными, оценки причиняемого ущерба он все равно считал сильно преувеличенными, особенно в отношении производственного оборудования.

> Вчера вечером [писал Кейнс матери 6 сентября] я был в моем *Другом* клубе, и меня усадили рядом с Уинстоном, так что выпала возможность беседовать с ним около двух или трех часов. Я нашел его в отличном состоянии, чрезвычайно здоровым, безмятежным, полным нормальных человеческих чувств и совершенно не надутым. Сейчас, возможно, он находится на вершине своей власти и славы, но я никогда не видел кого-либо менее зараженного диктаторским духом или гордыней. Не было ни малейшего следа оскорбительного высокомерия, столь быстро усвоенного, например, Л.Дж. Как ты, возможно, видела, он включил в свою сегодняшнюю речь мою новую схему возмещения военного ущерба, так что я теперь надеюсь, что она действительно пройдет.

18 сентября он, Полли, Фред Вуллард (их шофер), миссис Стивенс и Мэри (горничная) ели на ужин доставленную из ресторана утку, когда напротив дома разорвался фугас. Ставни уберегли их самих от каких-либо повреждений, но во всех окнах стекла были выбиты и входная дверь сорвана с петель. Мейнард сохранил «замечательное спокойствие». Очевидно, сказал он, Блумсбери досталось то, что, по расчетам люфтваффе, предназначалось расположенным по соседству вокзалу Юстон и башне министерства информации. Ремонт в доме 46 не мог начаться, пока обезвреживали еще одну бомбу, так что в течение трех недель Кейнс каждый будний день сновал между Тилтоном и Лондоном, на сей раз на автомобиле, поскольку поезда на юго-восточ-

ном направлении не ходили. Таинственность, окружавшая езду в вечерних сумерках, возросла, потому что ввиду ожидавшегося немецкого вторжения в порядке предосторожности были убраны все дорожные знаки. Вставал он теперь в 7.00, покидал Тилтон в 8.00 и возвращался в 8.30 вечера. «Я совсем не предполагал, что смогу опять выдерживать такой долгий день. Устаю, но чувствую себя необыкновенно хорошо», — писал он матери 27 сентября. Единственным недостатком было то, что на ночь Лидия все еще обкладывала его пузырями со льдом. Но ради сна в Тилтоне можно было примириться и с этим.

3. Бюджет Кингсли Вуда

Между 21 сентября и 6 октября 1940 г. Кейнс представил четыре '*Заметки к бюджету*', которые должны были изменить сам подход Казначейства к финансам военного времени. Главная его цель состояла не в том, чтобы отстоять собственную особую идею отсрочки платежей, а в том, чтобы склонить Казначейство к принятию его теоретического подхода к «суждению о бюджете».

В начале 1940 г. Кейнс оценивал «финансовую дыру» в 400–500 миллионов фунтов и предлагал заткнуть ее за счет обязательных сбережений. В действительности сделано это было в значительной степени за счет увеличения добровольных сбережений, возникших благодаря возросшему производству, и небольшой «бюджетной инфляции». Однако к осени 1940 г. была достигнута полная занятость, и ожидавшийся дальнейший рост государственных расходов сулил образование «бюджетного дефицита... порядка 400 миллионов фунтов». Снижение уровня жизни из-за инфляции, твердил Кейнс, по необходимости должно быть таким же, как и по причине повышения налогов. «Так что дураком надо быть, чтобы не преуспеть в решении бюджетной проблемы». Согласия же рабочего класса на повышение налогов следует добиваться посредством гарантированной стабилизации стоимости жизни.

Кейнс рекомендовал измененную версию своей схемы отсроченных платежей. Дополнительные 450 миллионов фунтов бюджетного дохода следовало получить путем введения военного сбора по прогрессивной шкале, вдобавок к существующим подоходному налогу и налогу на сверхдоходы. Имея в виду сделать новый сбор более приемлемым для общества, он придавал «большое значение» тому, чтобы величина этого сбора устанавливалась как процент от чистого — то есть остающегося после уплаты налогов — дохода, а не от валового дохода, ибо просто огульное повышение налогов (в виде увеличения ставки подоходного налога и пренебрежения личными налоговыми льготами) выглядело бы так, что материально не обеспеченные на этом проигрывают, а богатые выигрывают, хотя в действительности все было бы наоборот, и целью ставилось как раз получить обратный психологический эффект. Однако лишь первые 50 или 100 фунтов из этого дополнительного сбора с личного дохода должны были иметь форму отсроченных платежей, в остальном речь шла о налоге, подлежавшем немедленной уплате. Это лишило бы богатых побудительных причин продавать средства производства и получать отсрочку на уплату налога с полученной выручки при сохранении привлекательности отсроченных платежей для бедных[16].

В высших эшелонах Казначейства '*Заметки*' Кейнса вызвали немалое волнение, и его ввели в состав Бюджетного комитета. В это время поступало много противоречивых предложений о том, как увеличить доходную часть: Кейнс стоял за дополнительный сбор с чистых доходов по прогрессивной шкале, вместе с отсрочкой платежей; Кэттоу — за дополнительный налог с плоской шкалой; предложением Стэмпа — первоначально внесенным Хьюбертом Гендерсоном — был налог на сверхзаработки, аналогичный налогу на сверхприбыли; отдел внутренних доходов добивался просто повышения прямых налогов. Кингсли Вуд попросил тщательно изучить все четыре варианта. В течение следующих трех месяцев Кейнс энергично отстаивал логику, психологию и арифметику своей концепции. Он четко ощущал, что административное упрямство сэра Джеральда Кэнни, главы

отдела внутренних доходов, раздует недовольство ростом налогов. В один момент он с раздражением заметил: «Любое посягательство на нынешний подоходный налог, сколь бы оно ни было решительным, не найдет никакой поддержки ни в народе, ни в политических кругах»[17]. По словам Сэйерса, то, что Кейнс, «имея дело с предложениями отдела внутренних доходов, часто раздражался, возможно, снизило действенность его собственной аргументации»[18]. Он приводил данные, свидетельствовавшие, что, хотя в большинстве своем люди предпочитают нормирование отсрочке платежей, значительное большинство именно отсрочке платежей отдает предпочтение перед повышением налогов и цен[19]. Матери он писал: «Я трачу свое время на попытки заставить их мужественно посмотреть в лицо возможным альтернативам и сделать между ними разумный выбор».

В начале января 1941 г. Казначейство перебралось из разбитых бомбой помещений в «отвратительные» новые правительственные палаты на самых верхних этажах Уайтхолла, где, как Кейнс говорил матери, он был «погружен во все большие вопросы и сидел в тесной давке (как мы это обозначаем) с канцлером и постоянными секретарями». 10 января в своем итоговом отчете канцлеру сэр Горас Вильсон отверг предложения Стэмпа и Кэттоу. Оставались только предложенный Кейнсом военный сбор и увеличение подоходного налога[20]. Кингсли Вуд был настроен проявить смелость. Ему «больше всего нравился дополнительный военный сбор, предложенный г-ном Кейнсом», и он призвал к его дальнейшему изучению «в срочном порядке». Он также попросил Казначейство «рассмотреть предложение о том, чтобы в качестве неотъемлемой части жесткого бюджета я согласился на стабилизацию индекса стоимости жизни»[21]. Кэнни из отдела внутренних доходов снова в развернутом виде, на девяти страницах, изложил свои возражения против дополнительного сбора. Он, однако, признал (15 января), что «сбор налога» допустим, если его возмещаемая часть будет «ограничена повышением уменьшенной ставки или сокращением заработанного дохода и личных льгот». Путь к компромиссу был расчищен. Кейнс должен был от-

казаться от дополнительного сбора, соглашаясь на получение добавочного бюджетного дохода путем повышения подоходного налога; Кэнни должен был согласиться с тем, что часть увеличенного подоходного налога будет подлежать возмещению[22]. По просьбе Гопкинса Кейнс разработал формулу подоходного налога, которая позволяла обеспечить такие же поступления, что и его военный сбор[23].

Кингсли Вуд вынес свое решение 1 февраля. Вводить предлагаемый Кейнсом добавочный сбор «невозможно», потому что «в глазах палаты общин и страны в целом это обязательно будет выглядеть как перелицовка подоходного налога и налога на сверхдоходы»; для плательщиков налога на сверхдоходы он окажется чересчур легким бременем, отделу внутренних доходов слишком затруднит жизнь и увеличит общее число налогоплательщиков только на 750 тысяч. Новаторским было предложение Кейнса об «отсрочке платежей», и его можно было бы использовать, если рассматривать в качестве отложенного дохода «некоторую (по существу, большую) часть возможного увеличения платежей, причитающихся в счет подоходного налога». Кингсли Вуду понравилась мысль о возможности представить отсроченные платежи как часть «сбережений», а не налог. Он также принял план Кейнса относительно субсидирования стоимости жизни[24].

Оставался еще вопрос о том, насколько надо сжать покупательную способность. В июле 1940 г. Гопкинс выражал сомнение в точности на вид правильных «догадок-оценок» Кейнса относительно размеров «инфляционной дыры»[25]. Доверие к ним не укреплялось постоянным, из месяца в месяц, колебанием цифр. В июле назывались 200 миллионов фунтов, в сентябре — 400 миллионов. К декабрю это было уже 500 миллионов, и проблема избыточной покупательной способности «существенно» обострилась из-за нехватки товаров[26].

Ко времени, когда зимой 1940 г. в поступавших в Казначейство записках замелькало понятие «инфляционной дыры», стали доступными более надежные оценки национального дохода. Джеймс Мид, назначенный в июне 1940 г. в Цен-

тральную службу экономической информации, на основе оценок, данных в 1937 г. Колином Кларком, и независимо от усилий Кейнса — Ротбарта, разработал сложную систему «балансовых таблиц». В конце августа к нему присоединился Ричард Стоун, двадцатисемилетний экономист-статистик из Кембриджа. В Казначействе начинание Мида на первых порах столкнулось с некоторым сопротивлением — из ревности и в силу того, что Роббинс называл «правом выдачи предписаний»[27]. К 6 января 1941 г. они подготовили первый проект своего доклада '*Национальный доход, сбережения и потребление*', который Кейнс представил канцлеру и распространил среди членов Бюджетного комитета Казначейства. 1 февраля '*Экономист*' встревожил Казначейство утверждением, что по сравнению с довоенным уровнем национальный доход почти удвоился, а это подразумевало выход инфляции из-под контроля. «Я и вправду полагаю, — написал Гопкинс Кейнсу, — что надо бы что-нибудь сделать насчет национального дохода и бюджетного дефицита. Нам следовало бы переговорить». Ричард Стоун, у которого взяты эти сведения, считает, что суматоха, поднятая статьей в '*Экономисте*', сыграла критически важную роль и позволила убедить канцлера в необходимости открыто положить в основу бюджета новую национальную арифметику и издать, в качестве сопровождавшей бюджет *Белой книги*, документ Мида-Стоуна, переписанный Кейнсом[28].

Это не очень похоже на действительность. 250–300 миллионов фунтов как потребная сумма добавочных налоговых поступлений уже называлась в течение некоторого времени со ссылками на просвещенные догадки Кейнса и оценки политически приемлемого уровня налогообложения. Правда, по-видимому, в том, что Казначейство приняло метод Кейнса — Мида-Стоуна потому, что он приводил к тем же приблизительно результатам, что и его собственный традиционный метод, состоявший в определении государственных доходов и расходов и приспосабливании налогообложения к задаче устранения всякого между ними расхождения. Но новый метод, как представлялось, подводил под составление бюджета более надежную основу. Проблема то-

го, что Кейнс называл «бюджетным методом», состояла в его недостаточной информативности. Например, какая часть дополнительных доходов, создаваемых дополнительными государственными расходами, пойдет в сбережения? Это зависело от наличия сведений о склонности разных классов к сбережению. Поэтому методика, основанная на учете соотношения доходов и расходов, была для разработки антиинфляционной и социальной политики более полезной. Она подсказывала высшим чиновникам, сколько собирать налогов, сколько оставлять на сбережения и как распределять бремя пожертвований. «Что в 1941 г. было внове, — заключает Сэйерс, — так это всеобщее признание формулировки Кейнса и появление арифметики Кейнса как одного — но только одного — из «решающих» движителей финансовой политики»[29].

В недели, предшествовавшие голосованию по бюджету, Кейнс работал по тринадцать часов в день, но чувствовал себя так хорошо, что *Людоед* освободил его от пузырей со льдом. Вдруг все это кончилось, «работы стало не больше, чем можно было сделать уже в утренние часы». Принятый 7 апреля 1941 г. бюджет Кингсли Вуда был первым бюджетом, составленным с помощью Кейнса, и (как ни удивительно) первым, при внесении которого в парламент он лично присутствовал. Характерно, что сидевших внизу, на своих местах, членов палаты он воспринял как «воистину собрание недочеловеков».

В своей бюджетной речи Кингсли Вуд определил «инфляционную дыру» приблизительно в 500 миллионов фунтов. Он решил исходить из увеличения личных сбережений на 200–300 миллионов фунтов, главным образом из-за сокращения количества поступающих на рынок товаров, и поэтому считал, что стремиться надо к налоговым поступлениям общим объемом 250 миллионов фунтов исключительно за счет новых налогов. Он решил поднять стандартную ставку подоходного налога до 50 процентов с высшим пределом в 97,5 процента, поднять уменьшенную ставку, применяемую к первым 165 фунтам облагаемого дохода, и понизить нормы исключаемых из налогообложения заработков и по-

собий, что давало 3,25 миллиона новых плательщиков подоходного налога. Дополнительный налог, подлежавший уплате в результате снижения потолка налогооблагаемых заработков и пособий, намечалось «возместить после войны и оформить как кредит в почтовом сберегательном банке», обеспечивающий каждому из налогоплательщиков «дополнительный фонд послевоенных сбережений для себя и своих иждивенцев». Общая сумма кредита должна была достигнуть 125 миллионов фунтов, или половины возросших налоговых сборов. Подобная же уступка была сделана в отношении 100-процентного налога на избыточную прибыль; канцлер ручался также стабилизировать ценовой индекс на достигнутом уровне, приблизительно на 25–30 процентов превысившем довоенный, субсидируя цены товаров первой необходимости, особенно продуктов питания, но предупреждал, что если будут подняты ставки заработной платы, правительство вынуждено будет увеличить и налоги.

Структура государственных финансов, заданная бюджетом 1941 г., сохранялась на протяжении всей войны. Хотя Кейнс оставался членом бюджетного комитета, заметного личного вклада в финансовую политику он уже не вносил. В своих '*Заметках о бюджете*' от 3 ноября 1941 г. он выступал за всеобщие семейные пособия, то есть отстаивал свое изначальное предложение о мере, компенсирующей повышение налогов[30]. Это отложили до окончания войны. Кейнс принял участие в разработке введенной в 1943 г. для всех доходов ниже 600 фунтов схемы «получил доход — плати» — обязательной уплаты налога у источника каждого текущего дохода[31]. В 1944 и 1945 гг. он добивался отмены всяких условий на предоставление скидок при уплате налога на сверхприбыль, как и уменьшения налогов на малый бизнес. «Если мы... хотим остаться страной частного предпринимательства, нам не следует резать курицу (что делает наша налоговая система), даже притом, что эта курица не в состоянии по-человечески, понятным языком, объяснить свои страдания»[32]. Что касается привлечения заемных средств, он был вдохновителем введения в декабре 1941 г. схемы, согласно которой создавался Резервный налоговый фонд с вы-

дачей соответствующих сертификатов. Это были освобождаемые от налогов казначейские обязательства с двухлетним сроком погашения и доходностью в 1 процент; таким образом имелось в виду пустить в дело банковские депозиты, предназначенные для покрытия образовавшихся, но еще не собранных налоговых долгов[33]. В более общем плане он продолжал, с ограниченным успехом, доказывать, что, обеспечив себе дешевые кредиты, правительство должно «идти навстречу потребностям рынка», выпуская облигации с гораздо более короткими сроками погашения[34].

Бюджетный триумф Кейнса совпал с ужасным личным ударом. На Рождество во время традиционного чаепития Кейнсов с Вулфами Вирджиния нашла Мейнарда задиристым, чересчур пуританином и всеми недовольным, чуть оттаявшим, только когда она его поцеловала[35]. Это было последний раз, когда они видели друг друга. 28 марта 1941 г. Вирджиния Вулф утопилась в реке Уз. Мейнард, который никогда не впадал в отчаяние и не умел понять тех, с кем такое происходило, известил о случившемся мать в своем обычном стиле «только факты»:

> Мы были очень расстроены в этот уикенд грустной судьбой нашего дорогого друга Вирджинии Вулф. Ее старые невзгоды опять к ней вернулись, и в прошлую пятницу она утопилась. В последний раз, когда мы ее видели, она выглядела так хорошо и нормально. В субботу мы позвонили, чтобы пригласить ее к чаю, и получили это известие. Минуло почти 30 лет с тех пор, как она травилась на Брунсвик-сквер и Джеффри бегал к Бартам, чтобы ей промыли желудок, и привел ее в чувство. Я думал, что она благополучно выбралась из всего этого благодаря заботам преданного... Леонарда. Оба они были нашими дорогими друзьями.

4. Влияние Кейнса

Бюджет Кингсли Вуда вовсе не был копией брошюры '*Как оплатить войну*'. Кейнс в своей брошюре рекомендовал, чтобы приблизительно 15 процентов внутренних расхо-

дов правительства финансировались за счет обязательных сбережений; в бюджете же было намечено менее 3 процентов. Это отражает как задержку в осуществлении его схемы — а пока «дыру» затыкали повышением «прямых» налогов, нехватками, нормированием и инфляцией, всем тем, чего в брошюре предлагалось избежать, — так и агитацию, направленную на то, чтобы свести к минимуму часть налогов, подлежащую возмещению, агитацию, которую подстегивали то ли боязнь послевоенной инфляции, то ли опасения, что богатым будет позволено «жить за счет капитала».

Социальный контракт, подписанный бюджетом Кингсли Вуда, отличался от того, чего добивался Кейнс. Первоначально в статьях в '*Таймс*' предлагалось просто отложить вознаграждение за добавочные усилия. Проблема заработной платы никак явным образом не затрагивалась. В пересмотренном и расширенном варианте брошюры '*Как оплатить войну*' умеренные размеры заработной платы предлагалось восполнить пособиями на семью и «железными нормами» субсидий на приобретение жизненно необходимого. Отводя подлежащим отсрочке платежам незначительную долю в общих налоговых поступлениях и откладывая выплату семейных пособий, составители бюджета 1941 г. стремились завоевать согласие на налогообложение доходов рабочего класса введением карательного налогообложения богатых (включая 100-процентный налог на избыточные прибыли), твердых цен и всеобщего нормирования. Канцлер взял на вооружение технические приемы Кейнса, но философия его бюджета была скорее социалистическая, чем кейнсианская.

Общая сумма внутренних государственных расходов с 1940 до 1945 г. составила 19,4 миллиарда фунтов. Если бы 15 процентов этой суммы, а не 3 было покрыто средствами, подлежавшими возмещению, общий объем «блокированных средств» с окончанием войны был бы ближе к 3 миллиардам фунтам, а не к 600 миллионам, как произошло на деле. Какие бы это имело последствия? Социальная политика могла бы принять иной поворот: Беверидж, скажем, едва ли мог бы пренебречь возможностями, открываемыми такой

огромной прибавкой средств для финансирования социального страхования. С другой стороны, преждевременное принятие *Плана Кейнса* вполне могло бы в начальный период войны сделать правительственную политику чересчур дефляционной. Что произошло бы в случае изъятия из экономики в начале 1940 г. 400–500 миллионов фунтов, то есть почти 10 процентов ВНП, представлявших собой частный спрос, в условиях все еще 9-процентной безработицы? Ускорило бы это поглощение гражданских трудовых ресурсов военными отраслями промышленности? Или, учитывая неизбежные промедления при переводе производства на военные рельсы, это просто привело бы к росту безработицы? Возможно, репутация Кейнса выиграла от того, что его предложениям не пришлось тогда пройти проверку делом.

Сейчас все согласны, что, принимая логику Кейнса в борьбе с инфляцией, Казначейство не собиралось следовать той же логике, имея дело с безработицей. Идея использования бюджета для «уравнивания счетов» нации не раздвигалась до увеличения покупательной способности при образовании «производственного дефицита». В отношении проблемы инфляции ортодоксальная и кейнсианская мысль следовали одной логике, но когда дело касалось проблемы безработицы, они расходились.

Влияние Кейнса на военные финансы страны шло по пяти направлениям. Во-первых, его теоретическая поддержка укрепила решимость Казначейства и Английского банка двигаться к удешевлению денег. Максимальная ставка на займы, которые брало правительство, составляла 3 процента, и большая часть его военных долгов образовалась из кредитов, полученных под более низкие проценты. Это означало, что даже в условиях управляемой инфляции деньги были им получены под реально отрицательные проценты.

Во-вторых, разъяснив, что таит в себе инфляционное финансирование, Кейнс превратил бюджет в эффективное орудие борьбы с инфляцией. Он никогда не уставал повторять, что государственные расходы будут автоматически финансироваться с точностью до «1/2 пенса». Единственное, о чем следовало говорить, это о способе устранить избы-

точную покупательную способность частного сектора. Притом, даже при наличии «баланса в бухгалтерских книгах» правительства, все еще оставалась возможность того, что Кейнс называл «бюджетной инфляцией», если дополнительные налоги и займы тянули за собой рост денежных доходов. Однако «революция в государственных финансах», о которой говорил Кейнс, произошла лишь частично. Как мы видели, только *совпадение* цифр, полученных при использовании разных методов исчисления инфляционного дефицита — «бюджетного» и основанного на «покупательной способности» — произвело на свет в 1941 г. «бюджетное решение» Кингсли Вуда. Такой двойной подход господствовал при составлении всех последующих военных бюджетов. В результате за пятилетие с 1940 по 1945 г. 54 процента своих расходов правительство покрыло за счет налоговых поступлений против всего только 32 процентов за четыре года в 1914–1918, а уровень цен в 1945 г. был лишь на 30 процентов выше, чем в 1939-м, тогда как за военные 1914–1918 гг. цены удвоились; по существу, все повышение цен произошло до принятия бюджета 1941 г.[36]*.

В-третьих, новая бюджетная арифметика ясно выявила тот факт, что финансируемая из-за границы часть правительственных расходов не имеет никакого отношения к налоговым поступлениям внутри страны. С 1941 г. управление спросом военного времени осуществлялось безотносительно к состоянию платежного баланса. Но если для покрытия дефицита во внешних расчетах необходимые средства изыскивались безотлагательно, то латание бюджетных дыр откладывалось до окончания войны.

В-четвертых, в заслугу Кейнсу Р.С. Сэйерс ставит то, что он подвел Кингсли Вуда к осознанию «жизненной свя-

* Как указывает профессор Педен, политика стабилизации цен была ориентирована на индекс стоимости жизни, исчислявшийся на базе структуры расходов рабочего класса в эдвардианское время. Более полный индекс потребительских цен повысился с 1941 по 1945 г. на 17 процентов, что приближает общий уровень инфляции за годы войны к 50 процентам. Но и это всего лишь половина того, что имело место во время Первой мировой войны.

зи» между налогами и субсидиями. «Срыв усилий, направленных на стабилизацию стоимости жизни, сделал бы предложения о переменах в налогообложении недостаточными, а неспособность поглотить дополнительную покупательную способность создала бы трудности для снижения стоимости жизни»[37]. Впервые приобрела четкие очертания проблема инфляции, подстегиваемой ростом издержек в условиях полной занятости.

Наконец, Кейнс вынес на первый план социальную функцию бюджета. «Значение военного бюджета, — писал он, — определяется... его социальной задачей: предотвращать социальное зло инфляции сейчас и впоследствии; делать это в соответствии с народными представлениями о социальной справедливости; сохранять при этом необходимые стимулы к труду и сбережениям»[38]. То, что достижение социальных целей относится к числу важных функций бюджета, признавалось до появления в 1980-е гг. тэтчеризма, но налоговая политика лишь время от времени вдохновлялась социальной философией Кейнса.

Судьба всякой философии *Среднего пути* — попадать под обстрел и слева, и справа, как произошло и с *Планом Кейнса*, тогда и впоследствии. Говорили, что Кейнс слишком печется об охране интересов капитала. Верно, что он сильно недооценивал возможности расширения существовавшей налоговой базы. Далеко, вопреки его утверждениям, не достигнув к концу 1939 г. пределов налогообложения, апрельский и июльский бюджеты 1940-го и апрельский 1941 г. существенно увеличили налоги на состоятельных людей. Отнюдь не очевидно, однако, что высшая предельная налоговая ставка, равнявшаяся 97,5 процента, и 100-процентный налог на сверхприбыль — введенные, несмотря на его возражения, — могли даже в условиях войны наилучшим образом служить сохранению стимулов и повышению эффективности. Польский эмигрант Михал Калецки отвергал представление, будто инфляционный дефицит может или должен покрываться с помощью мер финансового порядка. Он приходил к выводу, что «единственный справедливый и эффективный способ остановить инфляционные

тенденции — это какой-либо вид всеохватывающего нормирования»[39]. Таким образом, люди, не разделявшие политических ценностей Кейнса, могли использовать кейнсианскую логику в целях регламентации жизни общества.

Два американских экономиста, Томас Кули и Ли Охэниан, утверждали, что колоссальное увеличение налогов, за счет которых — по подсказке Кейнса, как они говорили, — Лондон финансировал войну, сделало послевоенную Англию страной с застойной экономикой. Англии следовало-де финансировать свои внутренние военные расходы заемными средствами, как она это делала в прежних войнах. Это доводы и нелепые (Англия переживала застой и после наполеоновских, и после Первой мировой войн), и бьющие мимо цели. По существу, американские экономисты утверждают две вещи: во-первых, что высокие ставки британских налогов военного времени, сохранившиеся затем и в условиях мира, сократили объем послевоенных инвестиций, обусловили темпы экономического роста в Англии более низкие, чем в Соединенных Штатах, где налоги военного времени были намного ниже; и во-вторых, что Кейнс был автором и вдохновителем этой философии карательного налогообложения[40]. Первое обвинение, возможно, и не лишено смысла, хотя эти два экономиста упускают из виду, что военная мобилизация Англии была глубже американской; второе же обвинение просто лишено оснований. Оно не считается с тем фактом, что в *Плане Кейнса* предусматривалось введение *временного*, на период войны, сбора в дополнение лишь к скромному по сравнению с довоенным уровнем повышению налоговых ставок. Не по его вине налоговое бремя было более чем удвоено, и карательные, предельно высокие налоговые ставки продолжали действовать и в 1980-е гг.

Общее соображение, что война серьезно подорвала силы Англии, бесспорно. Такова была цена выживания. Британские лидеры, начиная с Черчилля, закладывали экономическое будущее своей страны с открытыми глазами. Свою роль сыграл и Кейнс. Из этого надо исходить в любом критическом анализе его наследия, оставшегося от военного времени. Критики должны честно задаться вопросом: был

ли лучший выбор? Что, Британии следовало пытаться заключать мир с нацистской Германией? Или ей надо было вести иную, не столь дорогостоящую и более милосердную войну? Сумела бы она выжить, если бы пошла на это? Они слишком облегчают себе задачу, когда указывают на безрадостные последствия проводившейся политики и оставляют без внимания вероятные издержки иных решений и действий. Эти соображения резко выступают на передний план, когда переходишь к теме внешних финансов и предметом разговора становится роль Кейнса в англо-американских отношениях.

XXXIV
Чрезвычайный посланник

1. Как сватали Соединенные Штаты

Правительства Англии и Франции вступили в войну с Германией с уверенностью, что администрация Рузвельта не пойдет на риск поражения родственных ей демократий. Кейнс тоже видел в Соединенных Штатах естественного и необходимого Британии союзника в защите свободы от угрозы, исходившей от «бандитской» державы. В '*Заметках о войне для президента*', написанных в ноябре 1939 г., но так и не отправленных адресату, он настоятельно предлагал Соединенным Штатам объединиться с Англией в крестовом походе против фашизма, начав с предоставления союзным государствам кредитов, подлежащих погашению взносами в фонд послевоенного восстановления и спасения Европы от коммунизма, что позволило бы «победителям освободить побежденного от выплат контрибуции».

Подобно большинству английских либералов, Кейнс преувеличивал сочувствие, которым Англия пользовалась в Соединенных Штатах. В своих надеждах на помощь британцы полагались главным образом на президента, сбрасывали со счетов конгресс и полагали, что настроения белой, англосаксонской, протестантской (в значительной степени республиканский) элиты Восточного побережья отражают общественное мнение Америки. Кейнс был большим поклонником *Нового курса* и о Рузвельте отзывался обычно с одобрением, а когда не одобрял его действия, по крайней мере с оптимизмом смотрел на будущее его линии. Он имел

все основания не подвергать сомнению демократические настроения Рузвельта и его ненависть к фашизму. Но он серьезно переоценивал степень, в какой Рузвельт — и приверженцы *Нового курса* в целом — смотрели на Англию как на надежного защитника этих ценностей. В глазах американских левых Англия была архиимпериалистической державой. Соединенные Штаты завоевали свою независимость в борьбе с британскими армиями. Ко времени, когда разразилась война в Европе, Англия все еще силой удерживала в своей власти Индию и множество стран Ближнего Востока и Африки. Она была также оплотом всесилия банкиров, против которого и был направлен *Новый курс*. Сам Рузвельт ненавидел Британскую империю, не доверял английской аристократии и подозревал британское министерство иностранных дел в профашистских настроениях. Он также считал британцев по-лисьи хитрыми и был полон решимости не допустить, чтобы Соединенные Штаты превратились в «хвост британского бумажного змея», то есть чтобы их заманили в ловушку и заставили защищать чисто британские интересы. Принято было считать, что в Первую мировую войну Америка втянулась потому, что держалась за фалды британского пиджака, и ее *Законы о нейтралитете* предназначались как раз для того, чтобы подобное не повторилось. Прославленные отношения Рузвельта с Черчиллем также были не столь сердечными, какими они стали впоследствии. Когда в феврале 1941 г. проигравший выборы соперник Рузвельта республиканец Уэнделл Уилки возвратился из поездки в Англию, вот что первым делом спросил у него президент о Черчилле: «А правда, что он пьяница?»[1] Антибританские настроения подогревались многочисленными ирландскими иммигрантами, господствовавшими в рядах демократов в крупных городах.

Республиканцы были настроены не столько антибритански, сколько антирузвельтовски. Они не хотели участия Америки в войне, потому что война толкала к государственному вмешательству в экономику и расширению практики ненавистного *Нового курса*. Один конгрессмен-республиканец счел возможным заявить британскому послу, что Руз-

вельт опаснее и Гитлера, и Муссолини, и Сталина[2]. Но англофобией была также заражена существенная часть республиканского электората, который составляли выходцы из немецких по происхождению общин Среднего Запада.

После падения Франции у изоляционистов появилась новая линия защиты своих позиций: *англопессимизм*. Джозеф Кеннеди, посол Рузвельта в Лондоне, по возвращении в Америку летом 1940 г. заявил, что с Англией покончено. Америке не следует, мол, связывать себя с «неудачником». Энн Морроу, жена летчика Чарльза Линдберга, издала ставшую бестселлером книгу под названием '*Волна будущего*'. Для Британии в этом будущем места не находилось. Так задавался тон поднявшемуся в сентябре 1940 г. изоляционистскому, в основном консервативному движению под лозунгом «Америка прежде всего!». В течение всего 1940-го и значительной части 1941 г. американское общественное мнение было решительно настроено против вмешательства США в европейскую войну.

Новый мощный толчок распространению англофобии был дан экономическим соперничеством двух стран в 1930-е гг. Это отравляло все англо-американские экономические переговоры военного времени, в которых участвовал Кейнс. Не учитывая этого, нельзя понять, почему Соединенные Штаты непременно обставляли определенными условиями любую помощь, которую они оказывали Англии в войне. Двумя важнейшими проблемами были валюта и торговля.

Первым преступлением Британии в американских глазах был ее отказ в сентябре 1931 г. от золотого стандарта. Воспринимался он не как вынужденное решение, а как сознательная попытка обесценить фунт и таким образом обеспечить британским товарам конкурентные преимущества на международных рынках. Это прямо повело к своего рода «валютной войне» между двумя странами. Короче говоря, Соединенные Штаты отказывались мириться с британской девальвацией. Между 1933 и 1934 г. администрация США, представленная в этой области прежде всего министром финансов Генри Моргентау, понизила курс доллара США,

стремясь устранить британское преимущество и восстановить положение, которое Рузвельт определял формулой «фунт ценой в 5,00 долларов». Эта политика имела успех; британцы ничего не могли с ней поделать. Валютный мир удалось восстановить только заключением в 1936 г. Трехстороннего монетарного соглашения, обеспечившего временную стабилизацию доллара, фунта и французского франка, о которой говорили как о «золотом стандарте на 24 часа». Лишь незадолго до войны Соединенные Штаты согласились в конце концов на понижение стерлинга до 4,02 доллара за фунт, и этот курс был закреплен с началом войны.

Еще большее раздражение вызывал вопрос торговых отношений. На введенный в 1931 г. в США *тариф Холи-Смута* Англия ответила имперскими преференциями в соответствии с подписанным в 1932 г. Оттавским договором. В Америке даже приверженцы свободной торговли отказывались признать, что это возмездие соразмерно преступлению, потому что оно не только создавало барьеры на экспортно-импортных путях, но и означало явную дискриминацию американских товаров. Корделл Хэлл, государственный секретарь США, усматривал в Оттавском договоре «наибольший коммерческий ущерб», какой был причинен Соединенным Штатам за все время его долгой карьеры[3]. Хэлл, по характеру своему проповедник, уверенный, что попытки огораживать рынки были важнейшей из причин войны, поставил главной целью американской внешней политики уничтожение Оттавского договора. Разочарованная результатами Оттавы и нуждаясь в примирении с Соединенными Штатами, Англия 17 ноября 1938 г. подписала англо-американское торговое соглашение, которое, по словам Хэлла, «пробило значительные бреши в стене преференций, возведенной в 1932 г. вокруг Британской империи»[4].

Вооруженная схватка с Германией не положила конца экономической войне между Англией и Америкой; она ее дополнительно раздула, поскольку теперь к дискриминационному торговому режиму Англия добавила меры валютной дискриминации. Когда в 1931 г. Англия отказалась от золотого стандарта, двадцать пять стран присоединились к ней в

обесценении своих валют относительно доллара, чтобы сохранить свои позиции на британском рынке и предотвратить увеличение своего стерлингового долга. Так начала спонтанно складываться стерлинговая зона. Ядром ее оказалась дюжина стран и колоний Британской империи, которые использовали стерлинг, а не золото для взаимных расчетов и держали валютные резервы («стерлинговые авуары») в Лондоне. Однако стерлинг свободно конвертировался в другие валюты. В 1939 и 1940 г. британское Казначейство смогло, как мы видели, оградить стерлинговую зону валютным контролем, имея в виду не допустить расходования драгоценных долларов на невоенные закупки и сосредоточить долларовые резервы в «долларовом пуле» в Лондоне. Это был удар по американским экспортерам. Британцы также развернули широкое экспортное наступление в Латинской Америке. Тот факт, что Англия вела борьбу за свою жизнь, не умерял американского негодования по поводу такой экономической практики.

В основе разной реакции двух стран на Великую депрессию лежало изменившееся соотношение сил между Англией и Соединенными Штатами. При старой системе Англия была страной, преимущественно ориентированной на международные связи, Соединенные Штаты — крепко держались за протекционизм. С ослаблением своих международных позиций и конкурентной мощи Британия стала клониться к протекционизму. И уже Соединенные Штаты, с их прежде пребывавшей в младенчестве и прикрытой тарифами, но теперь повзрослевшей и вошедшей в силу промышленностью, стали выдвигать требование «открытых дверей». Помехой на их пути стояла Британская империя во главе со страной, которая сейчас отчаянно нуждалась в американской помощи. Такова история, позволяющая понять природу той сделки, на которой настаивали США в обмен на свою помощь. Нежелание американцев разделить интересы бизнеса и интересы войны стало главным источником недовольства англичан своим союзником военного времени.

Случилось так, что в самом начале войны общему делу союзников критически важное содействие оказал принятый

в США в ноябре 1939 г. закон, обозначавшийся формулой «плати наличными и увози». Это была придуманная Бернардом Барухом поправка к *Закону о нейтралитете*, позволявшая воюющим государствам закупать оружие, которое они в состоянии были оплатить и вывезти на собственных судах. Это благоприятствовало Англии, располагавшей и валютными средствами, и морскими судами, но Кейнсу это представлялось так, что Соединенные Штаты ставят на одну доску демократические страны и диктаторские режимы. В первые полтора года войны закон «*плати и увози*» служил единственной правовой основой для британского импорта военной продукции из Соединенных Штатов. По мере сокращения ее экспортных возможностей Британия была вынуждена оплачивать импорт продовольствия, сырья и военных материалов из Соединенных Штатов за счет отгрузки золота и продажи американских ценных бумаг. Так могло продолжаться лишь до тех пор, пока там оставались золото для отправки, ценные бумаги для продажи и, конечно, суда для перевозки золота и товаров. Согласно оценке, данной в конце февраля 1940 г. сэром Фредериком Филлипсом из Казначейства, золотые и долларовые резервы Британии, составлявшие в декабре 1939 г. 545 миллионов фунтов стерлингов, сокращались ежегодно на 200 миллионов фунтов.

Соображения, которыми обосновывался «доброжелательный нейтралитет» США, потеряли силу с быстрым захватом Гитлером континентальных стран Западной Европы весной 1940 г. Впервые стали казаться вероятными поражение Британии и постепенное установление германского контроля над Атлантикой. Проблему снабжения усугубила для Британии потеря ею армейского снаряжения в Дюнкерке. Более того, по мере ускорения мобилизации еще больше сокращались экспортные возможности Британии. В июне 1940 г. британское правительство отказалось от принятого им с началом войны решения управлять золотыми и долларовыми резервами с расчетом на трехлетнюю продолжительность войны; его *Закупочная миссия* во главе с блестящим шотландско-канадским бизнесменом Артуром Пурвисом начала заказывать в Соединенных Штатах и Канаде

столько военных материалов, сколько запрашивали начальники штабов, оставляя будущие финансовые проблемы на усмотрение, как выразился Черчилль, «богов вечности». Сам Кейнс никогда, кажется, не сомневался, что Америка продолжала бы снабжать Англию даже в том случае, если Англия исчерпала бы свои возможности платить.

Эта надежда оправдалась только частично. В июле сэр Фредерик Филлипс был приглашен в Вашингтон, чтобы обсудить финансовые потребности Британии. Он прогнозировал, что в течение года, заканчивавшегося июнем 1941 г., чистый дефицит платежного баланса составит 1,6 миллиарда долларов (400 миллионов фунтов), для покрытия его Англия держала резерв в размере 1,5 миллиардов долларов (375 миллионов фунтов). Откачка средств была бы еще больше, если бы не перерасход средств по английским счетам в Канаде, образовавшийся в результате военных закупок, производимых Канадой в Соединенных Штатах от имени Британии. Но они подрывали и валютные резервы Канады. «Как насчет продажи кое-каких ваших активов в Аргентине?» — спрашивал Рузвельт у Филлипса[5]. Моргентау советовал ему заняться продажей крупных британских компаний в Америке. Предлагалось выправлять платежный баланс за счет основного капитала. Американцы ожидали, что свои затраты Британия в максимально возможной степени будет покрывать собственными — и имперскими — средствами.

Истощение британских резервов значительно усугублялось отсутствием в Америке оборонной промышленности. Позднее Кейнс утверждал, что до появления ленд-лиза Англия вложила два миллиарда долларов в промышленное строительство в Соединенных Штатах. Особенно обременительным для нее расходом были 880 миллионов долларов, затраченные в июле 1940 г. на строительство авиационных заводов. Платить по этим заказам приходилось, конечно, намного раньше, чем начиналась поставка произведенной продукции. В дальнейшем британские заводы были «проданы» американцам бесплатно. Эти капиталовложения в Соединенных Штатах Кейнс наверняка расценивал как их мораль-

ные долги Англии. По мере роста американского производства вооружений разрастались и споры на тему о том, должны ли США ограничиваться защитой своего полушария или поставлять оружие Англии. В течение месяца после Дюнкерка 95 процентов американцев ожидали, что англичане войну проиграют. Продавать Британии существовавшее в ограниченном количестве оружие выглядело безрассудством. Положение осложнялось тем, что со всем приходилось разбираться в год президентских выборов. И Рузвельт, и его республиканский соперник Уэнделл Уилки состязались в обещаниях не бросать «наших ребят» в драку. В Буффало 2 ноября 1940 г. Рузвельт поклялся: «Ваш президент заявляет, что эта страна не собирается вступать в войну».

Предупрежденный британским послом Филипом Керром, маркизом Лотианом, об угрозе поражения Британии и сдачи Королевского флота, Рузвельт решил действовать. В июне 1940 г. он дал добро на продажу Англии по бросовым ценам большого количества старых винтовок. (Установленный законом о нейтралитете запрет правительству участвовать в межгосударственной торговле оружием он обошел, продав винтовки *Сталелитейной корпорации США*, которая в тот же день перепродала их англо-французской *Закупочной комиссии*.) В сентябре он дал согласие на передачу Англии пятидесяти старых эсминцев в обмен на переход к Соединенным Штатам в порядке аренды английских военно-морских баз в Ньюфаундленде и на Карибах, а также на обещание британцев в случае успешного германского вторжения переместить Королевский флот в Соединенные Штаты. Такими решениями Рузвельт передвинул свою страну с позиции нейтралитета на позицию неучастия в войне. Это были оборонительные меры, и так именно они и подавались. Англичане надеялись, что дело кончится вступлением Америки в войну на их стороне — и чем скорее, тем лучше.

Интересам Англии хорошо служил ее посол Филип Лотиан. Как один из видных сторонников умиротворения в 1930-х гг. — путавший обиды Германии с устремлениями Гитлера, — он, казалось бы, не был предназначен для успешной деятельности на новом посту. Но Лотиан обладал спо-

собностью хамелеона приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. Им двигала также глубокая вера в англо-американское партнерство как основу будущего мирового порядка. Долгие годы он провел в Америке в качестве секретаря *Фонда Родса* и поэтому чувствовал себя в Соединенных Штатах совсем как дома. С момента своего прибытия в США в 1939 г. он не упускал случая настойчиво твердить, что безопасность США и Англии неделима. Когда в 1940 г. на Англию посыпались военные беды, Лотиан стал проповедовать одну простую идею: лучший способ не допустить втягивания США в войну — это помогать Англии вести ее. Его мысль была подхвачена. Как 23 июля 1940 г. выразился Генри Моргентау, «чем дольше мы будем удерживать их на плаву, тем дольше мы останемся вне этой войны»[6]. Это было решение, выдвигавшее поставки оружия Англии в ряд первоочередных задач; оно ничуть не смягчало требования, чтобы британцы за эти поставки платили. Моргентау был ключевым звеном, связывавшим администрацию США с британской *Закупочной миссией*. Если бы британцы мобилизовали свои заграничные активы, он приложил бы все силы, чтобы обеспечить непрерывность военных поставок.

К ноябрю 1940 г. настроения в пользу Британии в Америке окрепли в результате поражения *люфтваффе* в Битве за Англию, устранения таким образом непосредственной угрозы немецкого вторжения и переизбрания Рузвельта президентом (4 ноября) на беспримерный третий срок. Однако финансовое положение Британии ухудшилось. За третий квартал 1940 г. она потеряла 668 миллионов долларов (167 миллионов фунтов). При такой утечке валютных резервов к концу года она, по существу, осталась бы вообще без золота и долларов. 13 октября Лотиан предупредил Моргентау, что британские резервы близятся к истощению. Откликом на это явилось новое предложение сэру Фредерику Филлипсу посетить Вашингтон сразу по окончании президентских выборов. По возвращении из Лондона 23 ноября, сходя с трапа самолета в аэропорту *Ла Гуардия*, Лотиан сказал ожидавшим его газетчикам: «Итак, ребята, Британия обанкротилась. Нам нужны ваши деньги». В Лондоне Каз-

начейство пришло в ярость. Лотиан объяснил, что это было необходимо, чтобы раз и навсегда развеять представление Вашингтона, будто Англия располагает «огромными ресурсами, которые мы пока не раскрываем».

Взорванная Лотианом бомба «вынудила администрацию Рузвельта публично заговорить о проблеме, создаваемой нехваткой у Британии долларов»[7]. Отток средств замедлился в четвертом квартале, в значительной степени вследствие задержек с поставками, но в декабре резервы составляли только 100 миллионов фунтов, или 400 миллионов долларов, при платежных обязательствах в миллиард долларов. Если бы кровопускание продолжилось, Англии пришлось бы объявить дефолт. Власти США видели проблему Британии, но не знали, считать ее технической или политической, и в любом случае полагали, что в ней нет той срочности, на какую напирали британцы. Американцев все еще гипнотизировали «богатства» Британской империи. Главное же, они так и не могли решить для себя «фундаментального», по определению Лотиана, вопроса: «Должны ли [США] следовать политике... помощи Англии в пределах *Закона о нейтралитете* и смириться с ее поражением, если этих полумер окажется недостаточно, или проводить эту политику в собственных интересах Америки, которая не намерена допустить поражения Великобритании, чего бы это ни стоило»[8].

Хотя заграничными финансами в Казначействе ведали Филлипс и Дэвид Уэйли, Кейнс с самого начала посчитал, что ему дано право заниматься делами, находившимися в его компетенции во время Первой мировой войны. Так что он участвовал в составлении инструкций командированному в США Филлипсу. В записке от 27 октября он предлагал, чтобы после 1 января 1941 г. министерство финансов США брало на себя финансирование всех одобренных британских военных закупок в Соединенных Штатах. (Если к этой дате не будет получено законодательное разрешение, все совершенные после 1 января расходы в золоте подлежали бы возмещению.) Это позволило бы правительству и народу США знать «точно, за что они платят». Англия и стерлинговая зона вообще могли вести свои дела с остальной частью мира за счет по-

степенной мобилизации британских заграничных активов. Стратегия Кейнса, предусматривавшая частичную опору на собственные силы, критически зависела от получения Англией помощи от США до того, как у нее «в шкафу станет пусто». Он указывал, что не только Англия исчерпает имеющиеся у нее наличные деньги прежде, чем сможет продать свои активы, но и что политика «опустошения» будет создавать «все большие неудобства» Соединенным Штатам, обременяя их британскими заграничными долгами. Он приводил доводы против распродажи прямых британских инвестиций в Соединенных Штатах. Они, мол, образуют часть британских экспортных возможностей. Лишившись их, Англия была бы вынуждена ограничить после войны свой импорт из Соединенных Штатов. Другой критически важный вопрос, поднятый в его записке, состоял в том, что американская помощь должна предоставляться на безвозмездной основе, а не в виде займов. Не должно быть никакого повторения долговой проблемы, которая так отравляла отношения между двумя странами в межвоенное время. Британцы-де не согласятся второй раз «испытывать позор и попреки за неспособность платить по обязательствам, предоставляя вместе с тем Соединенным Штатам все положенные торговые льготы. На сей раз, если нас попросят расплатиться, мы расплатимся» — за счет «революционных перемен в торговых отношениях» наших стран. Кейнс имел в виду, что Британия, если ее вынудят, может после войны закрыть для американских товаров все контролируемые ею рынки[9].

Кейнс исходил в своей записке из сомнительной посылки, что Англия и Америка уже являются союзниками, вопреки тому неудобному факту, что в действительности Америка в войне не участвовала. Его целью было заручиться условиями, которые не сводили бы Англию до положения сателлита в военное время и не грозили ей утратой независимости по окончании войны. В обычной для него вспышке гнева он писал: «Нельзя допустить, чтобы Америка выколола глаза Британской империи».

В Казначействе его суждения не вызывали никаких разногласий, хотя не все выражали те же взгляды с такой

страстью, как Кейнс. Сэру Фредерику Филлипсу выпала задача убедить американцев в обоснованности британской позиции. Филлипс отправился в Вашингтон в надежде получить от правительства США безвозмездную помощь (не заем) для покрытия всех платежей по действующим или будущим контрактам *Закупочной комиссии* со сроками погашения после 1 января 1941 г. Это позволило бы Англии восстановить минимально необходимый ей резерв в размере 600 миллионов долларов за счет золотых и долларовых излишков империи и уладить также дело с дефицитами прочих ее балансов, в том числе с Канадой. Вопрос о судьбе британских активов в Северной Америке был оставлен открытым[10].

Самой неотложной задачей Филлипса было склонить на свою сторону Моргентау. В Лондоне о Моргентау четкого представления не имели. Он был известен как последовательный проводник политики Рузвельта, и существовало подозрение, что настроен он весьма антибритански. На деле же он был яростным противником нацизма. Пока Америка сохраняет нейтралитет, ей, полагал он, следует, *faute de mieux,* видеть в Британии свою заслуживающую поддержки союзницу, несмотря на то что это имперское государство не годится в борцы за свободу. Моргентау разделял также недоверие приверженцев *Нового курса* к международному финансовому капиталу. Он ставил целью переместить центр финансовой мощи из Нью-Йорка и Лондона в Вашингтон. Тогда доллар мог бы стать орудием «всемирного *Нового курса*». В то же время, недостаточно разбираясь в финансах, он попал в зависимость от небольшой группы доверенных специалистов. Постепенно, пишет Фейс, Моргентау попадал «под все большее и большее влияние порочно напористых сотрудников, которых собрал вокруг него Гарри Уайт. Они использовали его, и он использовал их...»[11]. Он готов был поддерживать Англию в войне против Германии, но не в ее стремлении сохранить свое положение в мире.

В 1940 г. он начал давить на англичан, добиваясь, чтобы они распродали свои крупные компании в Америке — *Шелл ойл*, *Левер бразерс* и *Браун энд Уильямсон табэккоу*. Министр, пишет его биограф Джон Мортон Блум, «призна-

вал, что утрата [Англией ее заграничных] инвестиций нанесет ущерб послевоенной экономике Британии, но держался того мнения, что сейчас, в 1940 г., Англия не может себе позволить об этом беспокоиться»[12]. Впервые в своей истории Англия оказалась вынужденной обращаться за помощью по бедности, а Моргентау стоял во главе бюро, где рассматривалось ее заявление. Неудивительно, что и Кейнс, и Лондон вообще видели в нем злодея.

2. Ленд-лиз

«Учтивый, лысеющий сэр Фредерик Филлипс», как представил его журнал '*Таймс*' ('*Time*'), добрался наконец до Вашингтона в начале декабря. Он обнаружил, что вести переговоры с Моргентау — «дело трудное». Министр финансов настаивал, чтобы британцы «вывернули карманы» и дали ему исчерпывающие сведения о своих активах в Соединенных Штатах и Латинской Америке и сообщили, что Англия в обмен на них хотела бы получить. Но тут подоспело спасение. 8 декабря Черчилль по совету Лотиана послал отчаянное, но достойное письмо Рузвельту, которое президент, приходивший в себя после выборов, получил на борту крейсера *Таскалуса* в Карибском море. Черчилль извещал Рузвельта, что скоро Англии нечем будет оплачивать поставляемые из Соединенных Штатов суда, самолеты, боеприпасы и станки, необходимые ей для победы в *Битве за Атлантику*, для переноса воздушной войны на континент и сохранения своего военного присутствия на Дальнем Востоке. Одиноко сидя в своем кресле на палубе, «наш великий друг» читал и перечитывал письмо Черчилля, «одно из важнейших, какие я когда-либо писал», — письмо, умно составленное в выражениях, подсказывавших мысль, что Англия — это передовая линия обороны США против наступления держав Оси и в Атлантике, и на Тихом океане[13]. После двух дней раздумий Рузвельт принял решение. Англию следовало сохранить в войне любой ценой. Способ нашли юристы.

17 декабря на пресс-конференции в Вашингтоне президент провозгласил программу «ленд-лиза», преподнеся ее в близком и понятном американцам образе: вы одалживаете соседу шланг, чтобы он мог погасить пожар в своем доме. Защита Англии, сказал Рузвельт, — это лучший способ обеспечить безопасность Соединенных Штатов; британские заказы гальванизируют американскую оборонную промышленность. Соединенные Штаты готовы предоставлять Британии на основах займа или аренды «противопожарное» оборудование, которое будет возвращено после войны. На этих наших действиях не будет стоять «дурацкое, глупое старое клеймо доллара». В радиобеседе «у домашнего очага», передававшейся 29 декабря, в ту самую ночь, когда немецкие бомбардировщики разрушили большую часть Лондона, Рузвельт окрестил Америку «арсеналом демократии».

Свои слова Рузвельт подкрепил делом. 11 января 1941 г. он направил в конгресс законопроект, дававший президенту полномочия предоставлять странам, участвующим в войне, любые материалы, которые он сочтет необходимыми «для обороны Соединенных Штатов». Англия могла по-прежнему покупать то, что способна была оплатить наличными деньгами, и увозить это на своих судах — ничего больше. Но военные ведомства Америки могли запросить дополнительные ассигнования на поставки Британии «взаймы или в аренду». Эти грузы должны были оставаться американской собственностью; их возврат после прекращения огня был, конечно, заведомой фикцией. По мнению сэра Фредерика Филлипса, антибританские настроения были столь сильны, что только проявленная президентом способность «блестяще справиться» с ситуацией превратила оказание помощи в практическую политику[14].

Ленд-лиз был самым смелым политическим ходом президента Рузвельта. Это был тот случай, когда он решительно возглавил движение в защиту Британии. Ленд-лиз означал не только действие в обход *Закона о нейтралитете* и *закона Джонсона*, не только изоляцию изоляционистов; он означал разрыв со всей американской традицией предоставления займов на коммерческих условиях. Тем самым созда-

вался прецедент для послевоенной политики помощи, для плана Маршалла. Удрученный застоем, возникшим в Вашингтоне в 1945 г. на переговорах об американском займе после смерти Рузвельта, Кейнс тосковал по этой «веселой, щедрой и блестящей душе», которая в тяжелый для Британии час явилась с решением ее проблем. То, что такое представление англичан о Рузвельте сохранилось невредимым, пережив все последовавшие муки англо-американских финансовых отношений, свидетельствует о высочайшем психологическом значении шага, сделанного в тот момент президентом.

Уговорив Черчилля обратиться к Рузвельту с тем самым письмом, Лотиан оказал свою последнюю услугу Британии. Нэнси Астор обратила его в веру христианского сциентизма, запрещавшую прибегать к помощи докторов, и 12 декабря он скончался от заболевания печени, с которым ортодоксальная медицина вполне могла бы справиться. В своей последней речи, прочитанной от его имени за день до смерти, он сказал: «Поддержав нас, вы поддержите тех, кто не подведет». 7 января 1941 г. Рузвельт направил Гарри Гопкинса своим посланником в Лондон, поручив ему лично выяснить, в чем нуждается Британия. Стремясь произвести впечатление, Черчилль захватил его с собой на Оркнейские острова в Скапа-Флоу, на проводы преемника Лотиана лорда Галифакса, отбывавшего в Вашингтон на новейшем британском линкоре *Король Георг V*. Старания Черчилля возымели ожидавшееся действие. «Этому острову, г-н президент, сейчас требуется наша помощь в полную меру наших возможностей», — телеграфировал Гопкинс в Вашингтон 14 января[15]. 31-го Гопкинс встречался с Кейнсом, который сказал ему, что законопроект о ленд-лизе удовлетворит все запросы Британии, если президент будет толковать его как предусматривающий покрытие и прямых, и косвенных военных закупок в США, а также возмещение Англии наличными деньгами ее авансовых выплат по выполняемым заказам, так чтобы она могла восстановить свои валютные резервы[16].

Объявление о ленд-лизе означало для Англии гарантию, что в конечном счете она получит необходимые ей по-

ставки. Однако это не решало проблему обеспечения немедленных поставок — тех, о которых договорились ранее и которые должны идти до того, как станут на поток грузы, отправляемые по ленд-лизу, притом что введение в силу соответствующего законодательства займет несколько месяцев; британцы утверждали, что не смогут оплатить уже размещенные заказы и тем более сделать новые. 2 января Черчилль направил президенту еще одно послание: «Как бы это отразилось на мировой ситуации, случись нам оказаться не способными выполнить свои обязательства по платежам вашим подрядчикам?.. Существенные авансовые выплаты по этим заказам... уже опустошили наши ресурсы»[17]. Люди при должностях в Америке ему просто не верили. От сэра Фредерика Филлипса немногого можно было добиться. На вопрос Корделла Хэлла, почему Англия не может внести залог в обеспечение платежей по своим заказам, «сэр Фредерик отвечал сдержанно и не назвал большинства цифр, которые я хотел знать». Дальнейшие расспросы дали «столь же скудные результаты»[18]. Британцы считали, что США стараются «раздеть их догола», а американцы — что англичане наверняка прибедняются.

Многое в этих пререканиях зависело от того, что считать располагаемыми активами. Можно ли было считать «располагаемыми» золотые запасы, помещенные потерпевшими поражение союзниками Британии на хранение в Лондоне или Оттаве, равно как и все ее собственные заграничные активы? Могла ли Англия попросту реквизировать добычу золота в Южной Африке? Большинство этих неясностей было устранено расширением доступной публике информации. Но за различными определениями богатства скрывались также различные представления о приоритетах и столкновения интересов. Англичане преувеличивали свою бедность, потому что они хотели втянуть американцев, сохраняя за собой некоторую свободу действий; американцы требовали «четкого признания» платности своих услуг, потому что сомневались в способности Британии выиграть войну и потому что хотели управлять британской политикой.

18 декабря Моргентау сказал Филлипсу, что Англии следует идти вперед и размещать столько заказов, сколько ей требуется. Когда Филлипс спросил, кто это оплатит, Моргентау ответил: «Президент сказал, что хорошо было бы разместить заказы сейчас»[19]. Британское Казначейство истолковало это как моральное обязательство США оплатить все новые заказы. Однако для Моргентау это означало, что Филлипсу дано разрешение размещать заказы «на все, что [англичанам] требуется, если они заявят о наличии у них денег на оплату»[20]. Иными словами, в его понимании это было всего лишь подтверждением, что британские заказы на американскую оборонную продукцию будут приниматься к исполнению во внеочередном порядке. Как выразился Кимбалл, «Рузвельт дал Великобритании зеленый свет на заключение контрактов, обязательства по которым были для нее невыполнимы»[21]. В конгрессе Моргентау обосновывал свою позицию ссылками на то, что Англия скоро исчерпает запас своих платежных средств, а не на то, что этих средств уже не осталось. Сенатской комиссии по иностранным делам он говорил 28 января: «Если у лорда и леди Астор имеется недвижимость в Нью-Йорке, на аукционе эти их активы предстанут в одном блоке с прочими видами имущества»[22]. 1 февраля Моргентау разрешил расходовать на новые заказы по 3,5 миллиона долларов в неделю; но он пришел в бешенство, когда добиться крупной распродажи британских ценных бумаг так и не удалось.

В Лондоне мало кто с пониманием относился к политическим заботам Моргентау. Показательны были запальчивые слова Кейнса в письме, написанном 11 марта 1941 г.: «[Моргентау], отчасти, возможно... чтобы смягчить оппозицию конгресса, а отчасти... в связи с его будущими полномочиями, которые позволят ему навязывать нам свою волю, ставил себе целью по возможности отобрать у нас ликвидные активы до вступления в силу закона о ленд-лизе и оставить нас на все время до конца войны с минимальными средствами на покрытие наших многочисленных обязательств, которые не будут погашены в соответствии с законопроектом о ленд-лизе». Он стремился довести золотой за-

пас Британии до нуля «и обращался с нами хуже, чем сами мы когда-либо считали для себя возможным обращаться с самой завалящей и безответственной балканской страной». Главной задачей Британии должно быть «*удержание нами достаточных активов, чтобы сохранить способность действовать независимо*» (курсив мой. — *Р.С.*)[23].

Закон о ленд-лизе вступил в силу 11 марта 1941 г., но конгрессу предстояло еще одобрить финансовый законопроект о выделении под него 7 миллиардов долларов. Все надежды, что часть этих средств можно будет использовать на погашение «старых обязательств» Британии или на оплату «временных» (размещенных после января 1941 г.) заказов, были убиты, когда 16 марта Гарольд Смит, директор Бюджетного бюро, заверил Комитет ассигнований палаты представителей, что ни один доллар из 7 миллиардов не пойдет на оплату материалов, заказанных до 11 марта. Чтобы облегчить принятие законопроекта, президент потребовал быстрой продажи какой-нибудь крупной британской собственности. 15 марта новый посол лорд Галифакс и сэр Эдвард Пикок из Английского банка дали согласие на продажу принадлежавшей Сэму Курто корпорации *Вискоза*, которую одна американская банковская группа купила за 54 миллиона долларов — приблизительно за половину ее реальной цены.

В стремлении предотвратить дальнейшую распродажу британских активов Кейнс подхватил высказанную Пурвисом мысль, что одно из агентств рузвельтовского *Нового курса — Корпорация финансов для восстановления*, возглавляемая Техасским бизнесменом, министром торговли Джесси Джонсом, — могла бы предоставить Англии 900 миллионов долларов под залог всех прямых британских капиталовложений в США. 19 марта он предложил это вниманию Бенджамина Коэна, советника Джона Винанта, американского посла в Лондоне. Как полагал Кейнс, этот план, имевший то достоинство, что он «не чинил никаких помех будущей организации британского экспорта», мог бы «перенести дискуссию на новую почву»[24]. Коэну понравилась техническая формула «*займа Джесси Джонса*», как его стали впоследст-

вии называть, но он предупредил Кейнса о политической загвоздке: любое обращение к Джесси Джонсу Моргентау истолковал бы как действие за его спиной. 19 марта Моргентау сказал Филлипсу, что президент, Гопкинс и он «договорились, что армия и Корпорация финансов для восстановления должны принять на себя оплату британских заказов в пределах 300–400 миллионов долларов»[25]. С этого момента англичане всегда включали это «обязательство Моргентау» в свои расчеты обещанной им помощи.

Новый американский посол в Лондоне, Джон Гильберт Винант, был гораздо больше расположен к сотрудничеству, чем его антибритански настроенный предшественник Джозеф Кеннеди. Аристократ из Новой Англии и бывший губернатор Нью-Гемпшира, Винант пользовался славой страстного англофила и, хотя состоял в рядах республиканцев, был сторонником *Нового курса* и другом Рузвельта. С Кейнсом они встретились в марте вскоре после его прибытия в Лондон и сразу установили отличные отношения. Его очаровали интеллектуальный рокот Кейнса и живость Лидии. Во время войны две пары — Винанты и Кейнсы — часто ужинали за кухонным столом в доме 46 на Гордон-сквер. Кейнс установил также контакт с интеллектуально могучим экономическим советником посла Э.Ф. Пенроузом. Личное знакомство с Винантом укрепило авторитет Кейнса в Казначействе.

Винант согласился с Кейнсом, что им следует по возможности не касаться «деловых вопросов». Он даже приветствовал предложение Кейнса, чтобы американцы раз в неделю обходились без сыра и таким образом содействовали установлению лучшего психологического контакта между двумя странами[26]. Кейнс изливал свои жалобы на недостаток официальных связей. А почему бы вам не отправиться в Вашингтон и не изложить там лично позицию британского Казначейства, — предложил Винант. Вскоре было решено, что Кейнс поедет личным представителем канцлера, чтобы попытаться выяснить, как обстоят дела с финансированием британских заказов, размещенных до вступления в силу закона о ленд-лизе. «Это может оказаться полезным и, уж конечно, не будет скучным делом, — на-

писал Кейнс матери 14 апреля о своей предполагаемой поездке, — но задача трудная и неблагодарная, да и климат там ужасный, уставать буду страшно». Он дал себе несколько обетов: (а) не говорить слишком много, (б) ни в коем случае не раскрывать свои мысли и не говорить правду, (в) не пить коктейли, (г) во всем слушаться Лидию. Конкретных инструкций Кейнсу дано не было, лишь общее поручение — довести британские валютные резервы до золотого минимума в 600 миллионов долларов.

Предстоявшее путешествие должно было стать первой из шести поездок Кейнса в Соединенные Штаты с поручениями от Казначейства; четыре из них пришлись на время войны. Посылая в Вашингтон Лотиана, потом Галифакса, потом Кейнса, правительство Черчилля рассчитывало преодолеть слабость британской переговорной позиции за счет высоких достоинств своих представителей. Это была азартная игра и для правительства, и для Кейнса, который, как ожидалось, не занимая никакого официального поста, должен был личным авторитетом добиться успеха там, где терпел неудачу Филлипс.

Отправляясь в это нелегкое трансатлантическое путешествие самолетом через Лиссабон, Азорские острова и Бермуды, Кейнс чувствовал себя относительно хорошо. Они с Лидией и Льюсиусом Томпсон-Маккослэндом, служащим Английского банка, а в прошлом членом ученого сообщества Королевского колледжа в Кембридже, в 7.00 во вторник 8 мая добрались наконец до Нью-Йорка, где их ждала пресса. На следующий день Мейнард и Лидия поехали поездом в Вашингтон, где остановились в отеле *Мэйфлауэр*, знакомом им с поездки в 1934 г., и ужинали тем вечером с сэром Фредериком Филлипсом и Эдвардом Плэйфэром. Последнего Мейнард в конце 1920-х гг. знал по Королевскому колледжу; теперь он был прикомандирован к *Британскому совету снабжения* (пришедшему на смену *Закупочной комиссии*). В субботу утром к ним присоединился Джеральд Пинсент, представлявший Казначейство на посту советника британского посольства. Филлипс, «настроенный чрезвычайно благожелательно», жаждал услышать лондонские

сплетни и поделиться слухами, бродящими в Вашингтоне. Он подтвердил, что атмосфера там значительно улучшилась после операции с *Вискозой*, за которую Англия получила много больше ее продажной цены. Кейнс обрисовал свою стратегию переговоров с Моргентау. Поскольку британские валютные резервы неожиданно стабилизировались (хотя и на низком уровне), не было больше никакой нужды в попытках выжимать из ленд-лиза каждый доллар. Филлипс и Плэйфэр с облегчением отметили, что переговоры о ленд-лизе не надо будет «перестраивать», но, по существу, именно этим Кейнс и собирался заняться. Затронули вопрос о «возмещении». Ранее министерство финансов США настаивало, чтобы в возмещение поставок по ленд-лизу Америке достались какие-то куски Британской империи, но государственный департамент зарубил эти идеи. Все они высказались за то, чтобы отложить рассмотрение вопроса на шесть месяцев. К тому времени, сказал Кейнс, они будут знать, вступит ли Америка в войну. Плэйфэр и Пинсент независимо друг от друга сообщили, что Гарри Декстер Уайт, статистик из министерства финансов США, «относится к нам с глубоким подозрением». Было ясно тем не менее, что «укоренившаяся подозрительность американцев поддерживается тем фактом, что мы говорим о нашем неминуемом банкротстве к такой-то дате... Затем этот срок наступает, а мы по-прежнему оказываемся вполне платежеспособными»[27]. «У Мейнарда без конца встречи, — писала Лидия Флоренс 12 мая, — много говорит, но чувствует себя хорошо. Часто мы выходим вместе поужинать... завтра с четой Моргентау».

3. Встречи с Моргентау

Это была первая после 1934 г. поездка Кейнса в Соединенные Штаты, и он должен был снова и снова восстанавливать свое понимание Вашингтона. Он не лучше большинства других англичан понимал, как работает американская политическая система, что это у Рузвельта за склонность управлять, подобно Гитлеру, через соперничающие агентст-

ва или почему Вашингтон равнодушен к финансовым проблемам Британии. Случаи единодушия англичан и американцев были редки, взаимные подозрения и недоразумения на каждом шагу, сотрудничество двух стран в экономике, в военной стратегии, в сборе разведданных, по существу, отсутствовало.

Кейнс прибыл в Америку, имея там сложную репутацию, которую он приобрел во время Первой мировой войны и закрепил своими спорными экономическими теориями и интеллектуальным высокомерием. Его нападки на Вудро Вильсона в '*Экономических последствиях мира*' не были ни забыты, ни прощены. Для консервативно настроенных банкиров, подобных Томасу Лэмонту и Расселу Леффингвеллу, он был злым гением, который поспособствовал разрушению золотого стандарта и поддержал сомнительные эксперименты *Нового курса*. Не очень-то его любили и старшие деятели *Нового курса*. Моргентау видел в экономических теориях Кейнса опасную ересь, и инстинкт подсказывал ему с подозрением относиться к их автору, с которым у него была короткая встреча в 1934 г. С другой стороны, теперь среди экономистов, работавших в агентствах рузвельтовского *Нового курса*, сложилась активная группа молодых кейнсианцев. Лафлин Керри был административным помощником президента: его важная записка на тему о полной занятости, датированная 18 марта 1940 г., открыто опиралась на «анализ... Дж.М. Кейнса». В министерстве финансов Гарри Декстер Уайт, при всем его антибританском настрое, «уважительно говорил о Кейнсе как о самом большом из ныне живущих экономистов»[28]. Восхищение Кейнсом-экономистом не перерастало, конечно, ни в личную симпатию, ни в согласие со всеми требованиями, которые тот выдвигал в защиту британских интересов. Но оно оказало влияние на ряд должностных лиц, с которыми ему предстояло работать, заранее обеспечило ему их уважение и наделило бо́льшим авторитетом, чем тот, каким обычно обладали британские эмиссары.

Сама личность Кейнса вызывала напряженность. Терпеливостью он не отличался и имел склонность выходить из себя. Порой он затевал ненужные и утомительные споры по

пустякам. Его огромный интеллект часто становился генератором очень сложной аргументации, когда лучше послужить делу могли бы простые, земные соображения. Это оказалось помехой в общении с Моргентау, способность которого разбираться в тонкостях равнялась нулю. При всем том набор дарований Кейнса делал его сильным посланником. Он обладал уникальной способностью претворять общие идеи в практические планы; речь его была красочной, но точной; и он был силен в цифрах. Лайонел Роббинс, сопровождавший его в трех североамериканских миссиях, писал после его смерти: «Он не всегда был хорошим переговорщиком... Но в роли посланника неизменно был на высшем уровне. Даже мистер Черчилль не мог с большим великолепием и красноречивее, чем Кейнс, отстаивать дело этой страны»[29].

За пределами личного, отношения Кейнса с американцами отражали общую напряженность отношений между Англией и Соединенными Штатами в эпоху, когда могущество, но не слава, переместилось на другой берег Атлантики. Разрыв между этими разными достояниями двух стран был фундаментально важным фактором в отношениях, складывавшихся между двумя союзниками во время войны. Хотя Соединенные Штаты держали в руках большинство козырей, в культурном плане должностные лица Америки, имея дело с британцами, чувствовали себя неуверенными и неопытными. Они полагали, что следует постоянно быть начеку, иначе англичане их «переиграют». Широко было распространено мнение, что англичане хитростью втянули их в Первую мировую войну; добавляя оскорбление к ущербу, британцы отказались платить по своим долгам. В глазах многих американцев Кейнс, с его тонким интеллектом, был олицетворением ловушки, которую падающая цивилизация расставила для цивилизации восходящей. Они решительно не были расположены снова оказаться «одураченными», как это, по свидетельству самого Кейнса, произошло с президентом Вильсоном, которого «одурачил» Ллойд Джордж. Как только Америка вступила в войну, советская Россия стала представляться некоторым американским должностным лицам более надежным и, конечно же, более сильным партне-

ром в делах войны и мира. Так была декорирована сцена, на которой до самой смерти Кейнса развертывались англо-американские отношения.

На первой встрече Кейнса с Моргентау во вторник 13 мая напряженность личных и политических отношений проявилась отчетливо. Это было бедствие. Кейнс пространно изложил свою стратегию ограниченного использования Британией ленд-лиза. Моргентау недоумевал: Англии, конечно, хотелось бы иметь более щедрые условия договора о ленд-лизе? Кейнс ответил, что Англия нуждается в пополнении наличных резервов. Моргентау настаивал, чтобы на их следующей встрече присутствовал Филлипс. Когда Кейнс зашел за своей шляпой в кабинет Мерла Кочрана, специального советника Моргентау, тот предупредил его — зловещим тоном, — что в США есть опасение, как бы Англия под прикрытием договора о ленд-лизе не создала чрезмерные «запасы наличных денег». Он посоветовал Кейнсу в будущем выражать свои мнения быстро и кратко, поскольку «[здесь] переговоры принято вести так»[30].

Очевидная неудача первой встречи с министром финансов Кейнса расстроила и повергла в угнетенное состояние. «Редко мне приходилось вляпываться во что-либо более вязкое, чем эта первая беседа, — сообщал он в Лондон. — Впечатление было такое, что вообще никакого человеческого отклика мне не дождаться, что, как я полагаю, является его способом самозащиты на время, пока он не совсем себе уяснил, чего вы, собственно, добиваетесь»[31]. Лидия его ободрила. Вечером после этой тяжелой встречи она сидела на ужине рядом с Моргентау. Быстро, как бы в некоем озарении оценив ситуацию, она сказала Мейнарду, что министр «хороший человек и намеренно вреда тебе не причинит» — слова, доставившие ему такое удовольствие, что он передал их по телеграфу в Лондон. Ошибка Кейнса очевидна. Он использовал визит вежливости, чтобы отдаться пространному обсуждению незнакомого собеседнику предмета, и по ходу разговора вылил ушат холодной воды на старания и самого Моргентау, и Филлипса, давая при этом понять, что он, Кейнс, прибыл в Вашингтон, чтобы полностью решить про-

блему. Заметная разница между Кейнсом и Моргентау в манере вести дела должна была мешать всем их дальнейшим переговорам. Моргентау был обидчив и не уверен в себе; Кейнсу не хватало простоты в общении. Невозможно представить этих двух человек совместно размышляющими и договаривающимися за бренди и сигарами.

Но и без этих обстоятельств личностного свойства появление Кейнса в США никогда не могло быть принято с удовольствием. Кейнс стремился уменьшить зависимость Британии от ленд-лиза и, стало быть, американский контроль над ее платежным балансом. Моргентау же ставил своей задачей максимально увеличить зависимость Британии от ленд-лиза, частично как можно больше посодействовать мобилизации вооруженных сил Британии, а частично до минимума урезать ее способность восстановить свои валютные резервы. Обе стороны жульничали, стараясь взять верх в борьбе за достижение своих послевоенных целей.

16 мая Кейнс послал Моргентау записку с предложением заключить «четкое соглашение». Англия готова была бы взять обязательство не настаивать на некоторых поставках по ленд-лизу, создающих политические, административные или юридические «трудности», и тем самым сэкономить за два года примерно 650 миллионов долларов из проектируемого бюджета ленд-лиза, если бы взамен министерство финансов США приняло эту — гипотетическую — экономию «в зачет существующих британских обязательств». В его меморандуме не упоминалось о займе, насчет которого англичане вели переговоры с Джесси Джонсом[32]. Идея была в том, чтобы Англия могла сохранить больше валютных средств и, стало быть, иметь больше свободы выбора в закупках. Но его план, казавшийся таким четким и разумным в Лондоне, не попадал в разряд практической политики в Вашингтоне. Одной его тонкости — наводившей на мысль о ловушке — было достаточно, чтобы быть отвергнутым. Практически он противоречил обещанию правительства конгрессу не оплачивать заказы на поставки, совершенные до заключения договора о ленд-лизе, на что указал Гарри Гопкинс, когда 19 мая Кейнс посетил этого разболевшегося царя ленд-лиза. Он

противоречил также представлению Моргентау о самом себе как о добром папаше, выручающем зависимую от его великодушия Англию. План стоил того, чтобы попытаться его предложить, но его отклонение было неизбежным. Попытка Кейнса по-человечески договориться с министром также успеха не имела. Его «блестящее», адресованное Моргентау сопроводительное письмо, рассказывавшее о «тревогах и заботах», одолевающих британцев, «растрогало меня [Эдди Плэйфэра] до слез, и я думал, что вызовет слезы у Генри, но Генри зачитывал вслух отрывки Фредерику Ф[иллипсу] ироническим тоном (Мейнард об этом не знает). Генри также считает, что единственная цель [его приезда] состоит в том, чтобы сорвать сделку с *Вискозой*».

Как проницательно замечает Плэйфэр, Моргентау лучше откликнулся бы на просительное письмо. Но это никогда не было стилем Кейнса. «Мейнард думает, что мы — великая и независимая страна, в финансовом отношении очевидным образом неверная... Думаю, он склонен считать своим правом требовать того, что они готовы дать только в виде доброй услуги»[33].

Величию и независимости Британии угрожало также развитие военных событий. Война шла бедственно: британцы были выдавлены из Греции и с острова Крит, Роммель наступал в Северной Африке, воздушные налеты немцев продолжались; и, хуже всего, третья часть поставок из Соединенных Штатов не доходила по назначению из-за немецких подлодок. За время, пока Кейнс был в Вашингтоне, военным успехом англичан было лишь потопление *Бисмарка* 27 мая. И только когда в июне 1941 г. Гитлер вторгся в Россию, давление на Британию частично ослабло. Кейнс был убийственно сильным игроком и слишком горд для роли просителя.

4. Лето в Вашингтоне

По возвращении из Америки Кейнс написал одному другу: «Поездка [в США] — это для меня всегда есть нечто подобное серьезной болезни, после которой надо выздорав-

ливать»[34]. Он пробыл в Вашингтоне одиннадцать недель. Большинство его свободных от сна часов было посвящено государственным делам. Все это время он вел напряженную переписку с Казначейством, направлял в Лондон поток писем и телеграмм, в которых не только сообщал о продвижении переговоров, но и делился своими суждениями об учреждениях и личностях в составе американского правительства. Уже начали появляться некоторые его излюбленные темы: отсутствие упорядоченных деловых процедур, разнобой в деятельности правительственных органов, засилье адвокатов, могущество и наветы прессы, робость администрации и последствия, которые имеет разделение властей — исполнительной и законодательной.

Галифакс устроил Кейнсу две встречи с Рузвельтом. Первая состоялась 28 мая, на другой день после объявления Рузвельтом не ограниченного сроками чрезвычайного положения. Они занялись обсуждением проекта заявления о послевоенных экономических задачах (подготовленного Кейнсом для британского министра иностранных дел Энтони Идена). Если у Рузвельта письма Кейнса с советами и вызывали в 1930-е гг. раздражение, то теперь он этого никак не показывал. В беседе был затронут широкий круг тем. Сидя за своим рабочим столом, «ни разу не подвинувшись и не приподнявшись», Рузвельт угощал собеседников, разместившихся по обе стороны от него и не знавших из-за тесноты, куда пристроить ноги (оба были шести с лишним футов роста). Кейнс полагал, что стратегия президента состояла в том, чтобы вступать в войну шаг за шагом. Рузвельт сказал, что после войны континентальная Европа должна быть разоружена, Германия и, возможно, Европа в целом перестроены на началах федерализма, но только Англия и США сохранят у себя наступательное оружие. «Что насчет России?» — к месту спросил Кейнс. «Вот вы и пытаетесь осложнить разговор», — улыбнулся в ответ Рузвельт.

Вторая встреча, 7 июля, навела Кейнса на размышления о здоровье президента: «Он — не больной человек, но он не совсем в форме. Мне показалось, что он крайне слаб и утомлен и держится своим мужеством и силой воли...» Гали-

факс думал иначе. «Президент был в хорошей форме, хотя Кейнс посчитал его усталым. Не думаю, что у меня возникло такое же впечатление. Истина состоит, полагаю, в том, что его не очень-то интересовали подробности поднятой Кейнсом темы».

Отзывы Кейнса о Рузвельте — он встречался с ним еще раз в 1944 г., — хотя и проникнуты восхищением, ни в коем случае не лишены критичности. В частности, он скептически относился к тому, что иронически называл его «знаменитым политическим инстинктом», который представлялся ему просто стараниями президента умиротворять конгресс и общественное мнение Америки, вместо того чтобы направлять их. Эта оценка грешила упрощенчеством. Возможно, Рузвельт сверхчувствительно относился к политическим опасностям. Но отмахиваться от британцев ссылками на конгресс — это тоже было политической тактикой — оправданием за невыполнение британских требований или рычагом давления с расчетом заставить англичан делать то, что ему было нужно. Кейнс никогда не мог понять, что полного совпадения американских и британских интересов не существует, приписывал их различия изъянам в американской политической системе и потому сверх всякой меры полагался на логику и красноречие как на средства преодоления этих различий.

Америку Кейнс нашел страной, управляемой газетами и юристами. Ничто не сохранялось в тайне: утечки информации шли от каждого служащего и из каждого департамента. В разговоре с Рузвельтом он высказал предположение, что американский способ вводить немцев в заблуждение — это публиковать так много жизненно важных сведений, что у тех просто не хватит времени прочитать их. Президент от души рассмеялся. «Почти до того еще, как вы переступите через порог, выходя из [рабочей комнаты Моргентау или Овального кабинета], на вас набрасываются репортеры с требованием подробно рассказать, что происходило за закрытыми дверями», — писал он домой. Кейнс никогда так до конца и не научился держать в узде свой дар отпускать остроты или едкие замечания, которые начинали бродить по

Вашингтону, разрушая порой с трудом налаженные его стараниями отношения.

С самого начала Кейнс столкнулся с американским помешательством на юридических правилах. Во время его первой встречи с Моргентау служащие из окружения Моргентау спросили у сопровождавшего его Томпсона-Маккослэнда: «Где ваш юрисконсульт?» Когда Томпсон-Маккослэнд объяснил, что такового нет, они поинтересовались: «Кто же у вас все продумывает?» Одним из крылатых слов Кейнса стало его предположение, что на борту приплывшего из Плимута *Мэйфлауэра* были, надо полагать, одни юристы. Американцы отказывались переносить на бумагу какое бы то ни было устное соглашение, пока оно не оформлено как имеющий юридическую силу договор, тогда как Кейнс считал юридическую точность в международных соглашениях неуместной. Слишком часто, по его мнению, юристы стараются поставить вне закона здравый смысл[35]. Язык юридических документов он любил называть *ирокезским*.

После некоторой начальной напряженности Кейнс установил хорошие рабочие отношения с другими членами британской миссии. «Приезд Мейнарда, — записал 22 мая Плэйфэр, — был и остается для нас большой радостью. Он — замечательный стимул и для нас, и для американцев... Я уверен, что от его приезда будет только польза». Галифакс проникся симпатией к Лидии — «самому странному человечку, какой когда-либо попадался на моем пути, — отметил посол в дневнике. — Кажется, в свое время она выступала в Русском балете — очень свежая и бодрая, и после первого потрясения она мне весьма понравилась». С этого времени они с Кейнсом встречались довольно часто. Галифакс и Кейнс пересекались в Итоне, но этого не было достаточно для полной взаимной симпатии, поскольку Галифакс испытывал традиционное для приходящего студента недоверие к умному обитателю школьного пансиона. В дневниковой записи от 14 июля он представил свое итоговое мнение о Кейнсе: «У него очень острый, но упрямый ум. Он хороший деловой партнер и, несмотря на пару присущих ему утомительных качеств, он мне нравится».

Когда Кейнсы прибыли в Вашингтон, тамошней погодой уже было господство постоянно нараставших жары и влажности. Их многокомнатный номер в *Мэйфлауэр* не имел кондиционера, и Мейнард должен был купить себе тропический костюм. Лидия сообщала старевшей в тоске по сыну Флоренс, что теперь он выглядит «тонким и стройным, как стрекоза... само изящество, достоинство и действительно хороший вид». Ее старания управлять его диетой срывались обилием работы и угощениями на светских мероприятиях. На исходе пятой недели Мейнард докладывал матери со статистической точностью, что вне дома он обедал и ужинал сорок семь раз, «что и впрямь подобно фронтовому питанию и, конечно, гораздо опаснее, чем блиц-криг». Главным светским событием четвертой недели была большая вечеринка, устроенная в честь его дня рождения Т.В. Сунгом, министром финансов Китая, было подано шестнадцать блюд, и дочь Сунга спела песенку. В последний месяц «развлечения» вошли в «гораздо более разумные рамки», и они с Лидией часто имели возможность пойти самостоятельно поесть во французском ресторанчике напротив *Мэйфлауэр*. Несмотря на рабочие нагрузки и тяжелый режим питания, со здоровьем дело у него обстояло неплохо. Жаркая погода, сообщал он брату Джеффри, благоприятно действовала на его сердце, и пищеварение у него было превосходным.

Нашлось время для нескольких выездов за пределы Вашингтона. В свой первый уикенд они с Лидией прихватили работавшего в британском посольстве племянника Кейнса Квентина и отправились вместе с ним на пикник в парке *Шенандоа*, куда добирались по «чудесной дороге... построенный безработными». 17 июня они устроили вечеринку в честь его дня рождения; в числе гостей были Джон Спэрроу (с которым квартировал Квентин) и сын Дороти Элмхерст Майкл Стрейт, которому Мейнард преподавал экономическую теорию в Кембридже. Две недели спустя они побывали на уикенде в Принстоне, где Кейнс вел разговоры с «экономистами», в то время как Лидия проводила время за городом с Мэри Кэйз, вдовой Уолтера. В Принстоне Кейнс возобновил знакомство с Эйнштейном. Как записала Ли-

дия, они застали его лежащим «в кровати с копной вьющихся волос и выставленным наружу большим пальцем ноги». Кейнс имел также встречу с Уолтером Стюартом и Джозефом Уиллицем и обсуждал с ними финансирование *Фондом Рокфеллера* начинания, которому суждено было развиться в кембриджский *Отдел прикладной экономической науки.* В конце июня им удалось укрыться на уикенд от вашингтонской тропической жары в Вирджинии, у подножья Аппалачей, куда Квентин доставил их в «шикарном бьюике».

В Америку Кейнс прибыл не только посланником канцлера Казначейства, но и как самый известный и вызывающий наибольшие споры экономист в мире. Вполне естественно, что услышать его суждения о внутренней политике США жаждали работавшие в правительстве молодые кейнсианцы. Наиболее важные дискуссии — лучше бы сказать, столкновения — имели место 22 мая в доме Лафлина Керри и 10 июня на деловом ужине служащих правительственного Управления цен в *Национальном клубе печати.* Все американские кейнсианцы читали его '*Как оплатить войну*', но больше, чем инфляция, их беспокоил застой. Они считали, что повышение налогов и управление ценами следует отложить до тех пор, пока не будет достигнута полная занятость. К их изумлению, Кейнс объявил их сторонниками инфляции. Тэйлор Острандер, чиновник американского министерства финансов, припоминает, что на одном из этих ужинов Кейнс сказал Уолтеру Саланту: «Ну, вы, должен вам сказать, больший кейнсианец, чем я».

5. Старые обязательства

Потерпев неудачу со своим первым ходом, Кейнс должен был изменить тактику. Необходимость восполнения валютных резервов Британии не оставляла иной альтернативы, кроме как перевести как можно большую часть текущего британского импорта из Соединенных Штатов на условия ленд-лиза и в то же время с помощью *займа Джесси Джонса* предотвратить продажу за долги британских ак-

тивов в Америке. Неудивительно, что проще оказалась вторая часть операции. *Корпорация финансов для восстановления* с восторгом подхватила идею предоставления денег британскому правительству под высокий процент и залоговое обеспечение самыми привлекательными британскими капиталовложениями. «Есть... очень серьезные основания надеяться и верить, — писал Кейнс домой 8 июня, — что если мы сможем получить значительный *заем Джесси Джонса* с условием его погашения доходами от самых очевидных прямых и портфельных инвестиций, нам не придется больше слышать о расставании с акциями, представляющими какую бы то ни было из этих инвестиций... Так что ужасный случай *Вискозы* может в конце концов принести свои плоды»[36]. Правовое основание для выдачи займа в 425 миллионов долларов, обеспеченного имущественным залогом в размере 700 миллионов долларов, было дано принятой 10 июня конгрессом поправкой к *Закону о нейтралитете* и подписанным несколько дней спустя временным соглашением.

17 июня Кейнс обрушил на Гарри Гопкинса новую схему расширения ленд-лиза с включением в соглашение дополнительных пунктов. В документе признавалось, что суммы, выделенные «для облегчения наших существующих обязательств... не так-то много дадут для удовлетворения потребностей, которые я очертил в моей записке [от 16 мая]»[37]. Гопкинсу письмо Кейнса не понравилось; как не понравилось оно и Моргентау, которому была послана копия. Если бы Кейнс слышал их телефонную беседу, он мог бы подумать, что попал на плохой фильм категории «В». Гарри Гопкинс играл роль главного негодяя, а Моргентау — его несколько бестолкового партнера:

> Г.Г.: Я получил длинное письмо от Кейнса — многоречивое письмо от Кейнса... не люблю я его стиль и подход. Лично я думаю, что не представляй он точки зрения британского Казначейства, лучше бы ему убираться домой.
>
> Г.М.: Оба мы так думаем.
>
> Г.Г.: Видите ли, он говорит, что послан сюда с миссией и эта миссия должна быть полностью завершена.
>
> Г.М.: Да-а.

Г.Г.: Боже всемогущий! По-моему, вы вполне могли бы спросить: «А что, черт возьми, делал здесь все это время Филлипс?»

Г.М.: Правильно.

Г.Г.: Вот что насчет Кейнса. Если он будет торчать здесь, пока мы возимся с новым законопроектом о ленд-лизе, он способен за что-нибудь ухватиться и станет нас учить, как писать законопроект о ленд-лизе, и людям здесь придется похуже, чем в аду[38].

Какие бы страхи ни одолевали Моргентау, логику Кейнса, предлагавшего новые деловые обязательства взамен прежних, по достоинству оценили должностные лица министерства финансов США Гарри Уайт, Дэниел Белл и Джекоб Винер[39]. Они уговорили Моргентау назначить в министерстве комитет, который в свете ежедневных сообщений Английского банка о состоянии валютных резервов Британии будет решать, какие из британских заказов должны исполняться на условиях ленд-лиза. Начиная с 19 июня Кейнс, Филлипс (а впоследствии временно заменивший его Кеннет Бьюли) и Пурвис несколько раз на протяжении месяца проводили на уикендах встречи с американскими чиновниками и решали, какие именно британские закупки одобрить. На встречах «комитета» Кейнс видел Моргентау «расплывающимся в улыбках и полным желания» приложить усилия, чтобы «восполнить наши долларовые» запасы. Там же имело место первое продолжительное общение Кейнса с Гарри Декстером Уайтом, «наводившим на подозрения» директором монетарных исследований в министерстве финансов США.

Концы с концами начинали сходиться. Распространение ленд-лиза на дополнительную продукцию и заказы доминионов могло бы дать 250 миллионов долларов годовой экономии валютных резервов. Моргентау подтвердил данное им Филлипсу обещание изыскать 400 миллионов долларов на платежи по прежним обязательствам. *Заем Джесси Джонса* должен был принести 425 миллионов долларов. Министерство финансов США соглашалось теперь разрешить Англии создание «свободного резерва» в размере 600 миллионов долларов. На обеде с министром 25 июня

Кейнс сказал о своем ощущении, что его первоначальная миссия успешно выполнена. Все еще не расставшийся с подозрениями Моргентау попросил, чтобы он выразил это на бумаге, что Кейнс любезно исполнил, воспользовавшись фразой, подхваченной им у Моргентау: «Все, конечно, зависит от того, что принимать за истинное положение вещей — то есть как считать танки и авиационные двигатели, заказанные нами и перехваченные вашим военным министерством, и как рассматривать контракты на морские перевозки, если они заменены новыми контрактами с более поздним сроком исполнения»[40]. На пресс-конференции в британском посольстве 14 июля он отверг прозвучавшие в конгрессе и появившиеся в печати обвинения Англии в использовании получаемых по ленд-лизу товаров для вытеснения американских экспортеров из Латинской Америки. В последующие месяцы и годы этот вопрос стал поводом для множества ожесточенных взаимных попреков[41].

Насколько преуспел Кейнс? Если следовать его изначальной логике, он и британское Казначейство потерпели поражение. Достигнутая договоренность увеличила, а не уменьшила зависимость Англии от ленд-лиза и, соответственно, от Соединенных Штатов. Филлипс возражал против того, чтобы Вашингтону было позволено контролировать состояние платежного баланса Британии[42]. Но ведь комитет Моргентау, по существу, для того и создавался. В условиях, когда у администрации США не было возможности официально принять на себя обязательства по британским заказам, размещенным до соглашения о ленд-лизе, это было неизбежное решение. Оно создало прецедент, позволивший правительственному *Бюро по ленд-лизу* на протяжении всего военного времени осуществлять надзор над экспортной политикой Британии — и, таким образом, над уровнем ее валютных резервов. С точки зрения первоначально избранной стратегии бесспорным успехом был *заем Джесси Джонса*, устранивший опасность дальнейшего сокращения резервов. После мрачного старта Кейнс добрался до разумного согласия с большинством вашингтонских чиновников. Он выделил Уайта, разглядев в нем «один из немногих конструктив-

ных умов в министерстве финансов»[43]. Он даже повысил свое мнение о Моргентау, «несмотря на эту его ужасную плутовскую ухмылку»[44].

Остается загадкой, каким образом англичане продолжали оплачивать заказы, размещенные в период до апреля 1941 г., то есть до того, как ленд-лиз начал частично снимать с них финансовое напряжение*. Официальные данные показывают, что к апрелю валютные резервы Британии сократились до 12 миллионов фунтов, после чего стали несколько возрастать. (Изменения валютных резервов во время войны показаны в *Приложении*, помещенном в конце этой главы.) Разгадка почти наверняка заключается в том, что сроки поставок (и, соответственно, их оплаты) затягивались опозданиями в исполнении заказов и нехваткой морского тоннажа. Плэйфэр высказывался по этому поводу вполне цинично: «Меня весьма поражает нереальность всего этого: все наши цифры лживы, и денег у нас на удивление всегда бывает как раз столько, сколько требуется»[45]. Ко времени, когда Кейнс добрался до Соединенных Штатов, острейший кризис, связанный с задержками поставок и вступлением в действие ленд-лиза, по существу, остался уже позади.

Стоит немного вернуться назад и бросить взгляд на последствия, которые имел избранный Англией способ «покрытия» внешних военных расходов. За все время войны из 17 миллиардов фунтов (68 миллиардов долларов) британского импорта только 7 миллиардов фунтов (28 миллиардов долларов), или 40 процентов, были оплачены за счет экспортной выручки и валютных резервов. Из образовавшегося за шесть лет войны дефицита британского платежного баланса в размере 10 миллиардов фунтов (или 40 миллиардов долларов) 22 миллиарда долларов были покрыты на основе Соглашения о взаимопомощи, 14 миллиардов в виде накопления остатков на стерлинговых счетах в Лондоне и 4 мил-

* Ленд-лиз стал официально называться *Взаимопомощью*, после того как Англия согласилась, на несколько иных условиях, снабжать Соединенные Штаты военными материалами. В ходу попеременно были оба эти названия.

лиарда путем изъятия денег, вложенных в заграничные ценные бумаги. Как писал Алек Кэрнкросс и как не раз говорил американцам Кейнс, «те крайности, до которых [ленд-лиз] позволял Англии доходить в ее военных усилиях, увеличивали риск экономического краха при переходе к миру»[46]. Если бы Англия вела войну только за счет собственных ресурсов, денег для военных расходов у нее было бы на 36 миллиардов долларов меньше. Выжить она бы выжила. Ведь огромная доля ее военных усилий пошла на защиту от Германии и Италии имперских владений на Ближнем Востоке и от Японии на Дальнем Востоке. Она могла бы оставить эти рубежи и сосредоточиться на защите морских маршрутов в Атлантике, но только ценой очень серьезного укрепления стратегических позиций Германии. Вклад империи в военные усилия Британии был жизненно важен. Но он сильно отличался от вклада Америки, и это тоже должно было создавать немалые проблемы. И ленд-лиз, и накопление стерлинговых авуаров ударяли по британскому экспорту. Но если первый был даром, то второе — увеличением долга. Так что в мирную жизнь Британии предстояло вступить не только с объемом экспорта, урезанным на 30 процентов против довоенного уровня, но и с внешним долгом приблизительно в 3,5 миллиарда фунтов (14 миллиардов долларов) — самым большим в ее истории. На протяжении всей войны наращивание долга и ожидавшийся рост дефицита британского платежного баланса постоянно беспокоили Кейнса, да и Казначейство в целом; но никакого способа избежать этого не существовало, коль скоро политической установкой была победа любой ценой.

6. Возмещение

Кейнс задержался в Вашингтоне до июля, разбираясь с вопросом о «возмещении». Хотя предполагалось, что Англия будет получать товары, свободные от «долларового клейма», они не должны были поступать без всяких условий. Раздел 3 (b) *Закона о ленд-лизе* разрешал оказывать по-

мощь Англии «в сроки и на условиях», обеспечивающих «выгоду» для Соединенных Штатов, причем под выгодой понимались «платежи, или возмещение натурой, или имуществом, либо в форме иной прямой или косвенной выгоды, которую президент сочтет приемлемой». Первые два условия устанавливали не только возможность возвращения арендованных материалов, но также и передачу имеющихся в империи активов; третье была включено теми, у кого на уме были будущие выгоды для американской торговли. Рузвельт, имевший лишь самое смутное представление о том, чего он хочет, мог вполне удовлетвориться общими заверениями. Но в Америке соглашение — это контракт, а контракт требует, чтобы все его условия были строго оговорены.

У министерства финансов и государственного департамента США были разные представления о том, что должно быть включено в контракт, и они боролись друг с другом за право его составить. Целью министерства финансов было удерживать Англию в войне, но сделать ее финансово зависимой от Соединенных Штатов. В противоположность этому государственный департамент жаждал разрушить британскую систему имперских преференций. Эти цели противоречили одна другой: выйдя из войны с оскудевшими валютными резервами, Англия будет больше, а не меньше стремиться к сохранению имперских преференций как единственной основе своего выживания в мировой торговле. Своим ключевым решением, принятым 16 мая, Рузвельт возложил ответственность за утряску вопроса о «возмещении» на государственный департамент. Госсекретарю Корделлу Хэллу и его помощнику Гарри Хоукинсу это предоставило возможность повязать англичан обещанием рассмотреть вопрос о свободе торговле. Для британцев единственным справедливым «возмещением» представлялось то, что «мы будем продолжать войну»[47]. Хотя вопрос о возмещении попал теперь в ведение государственного департамента (а на британской стороне, соответственно, министерства иностранных дел), Кейнс скоро оказался втянутым в его обсуждение — отчасти потому, что он был Кейнсом, отчасти потому, что возмещение неизбежно должно было иметь экономические по-

следствия, отчасти же потому, что Галифакс, с его ограниченным пониманием экономики, возымел желание его привлечь.

Кейнс сразу прекрасно поладил с помощником государственного секретаря Дином Ачесоном, которого Хэлл отрядил для составления проекта договоренности о возмещении. При своем внушительном росте, коротко подстриженных усах и твидовом костюме Ачесон смотрелся английским джентльменом. Выпускник Гротона, Йельского университета и Гарвардской школы права, протеже Феликса Франкфуртера, Ачесон имел с Кейнсом много общих друзей, ценностей и культурных запросов. Хотя и поддерживая линию государственного департамента, он тем не менее был, подобно Кейнсу, сторонником свободной торговли скорее из прагматических, чем идеологических соображений. Как интеллектуально, так и в проявлениях высокомерия эти два человека стоили друг друга. Но, в отличие от Моргентау, Ачесон был истинным англофилом.

18 июня Кейнс все еще был уверен, что «атмосфера [для договоренности о возмещении] необычайно благоприятная и дружественная, и я не вижу никаких оснований ожидать, что нам будут навязаны какие-либо условия, которые вызовут у нас большие возражения». Он был уверен, что они с Ачесоном смогут легко подготовить какой-то разумный проект «с учетом нескольких общих директив от президента»[48]. 21 июня Кейнс послал Кингсли Вуду «каркас проекта», подготовленный им «применительно к моим собственным целям». Предусматривалось, что президенту будет дано право просить Британию, в порядке «услуги», предоставлять Соединенным Штатам базы и секретную информацию; допустить использование принадлежащих ей акций в целях послевоенного развития и восстановления экономики; и присоединиться к США в содействии «свободному и здоровому» движению торговых потоков на основе обеспечения под совместным контролем свободного доступа к сырью всем его покупателям, участия в соглашениях, регулирующих движение товаров и цены, снижения торговых барьеров и устранения торговой дискриминации и поддержания платежного равно-

весия между национальными экономическими системами через «соответствующую валютно-обменную и денежную организацию»[49]. В ответ Кейнсу было послано предупреждение, чтобы в своих переговорах с американцами он «избегал выступать с далеко идущими предложениями»[50]. В телеграмме из Лондона содержался упрятанный в любезные слова выговор: канцлер указывал, что сами заголовки разделов присланного Кейнсом проекта соглашения «поднимают вопросы фундаментального значения... В нынешних обстоятельствах мы считаем неблагоразумным, чтобы вы, как мой представитель, затрагивали их, пусть и вскользь»[51].

Тут Кейнсу пришлось подключиться к ряду параллельно шедших торговых переговоров. Джон Стирлинг из британского министерства торговли прибыл в Вашингтон в декабре 1940 г., чтобы добиться увеличения британского экспорта, предлагая — на время войны — в обмен на снижение американских пошлин сократить имперские преференции. Гарри Хоукинс, глава отдела торговой политики госдепартамента и, как и Хэлл, горячий сторонник свободной торговли, предложил, чтобы в обмен на немедленные торговые уступки Соединенных Штатов Англия взяла на себя обязательство сократить после войны имперские преференции, валютный контроль и количественные ограничения[52]. Во время встречи Хоукинса и Стирлинга 25 июня Кейнс отверг это предложение с такой яростью, что завел переговоры в тупик. Кейнс составил (не допущенную к отправке Филлипсом и Стирлингом) телеграмму в Лондон, в которой энергично отстаивал свою позицию и осуждал как безумное «любое соглашение», предполагающее отмену всех средств контроля немедленно после войны, «когда никому не известно, какими будут торговая и монетарная системы в Европе или Латинской Америке»[53]. Вспышка Кейнса, столь резко контрастировавшая с обычным английским стилем мягкого выражения несогласия, привела государственный департамент в бешенство. Хоукинс записал, что Кейнс «совершенно не в состоянии понять, что после всех жертв, к которым призывают американский народ ради помощи Великобритании в нынешнем критическом положении (даже притом что мы

таким образом помогаем сами себе), наше общественное мнение просто не допустило бы дискриминации наших товаров в Великобритании или по ее настоянию в других странах»[54]. Однако в телеграмме британскому посольству канцлер, министр иностранных дел и глава министерства торговли поддержали требование Кейнса о «полной свободе действий по крайней мере на переходный период»[55].

28 июля государственный департамент вручил наконец Кейнсу проект «компенсационных условий», представленных в семи отдельных статьях. По воспоминаниям Ачесона, он был «простым и удивительно либеральным». В основном в нем подтверждался принцип взаимного обмена подарками между Англией и Соединенными Штатами. Критически важная статья VII, возможно, и была либеральной, но ее простота вводила в заблуждение. Исчезло упоминание о сокращении британских имперских преференций в обмен на снижение американских тарифов. Вместо этого статья устанавливала запрет на «дискриминацию Соединенными Штатами Америки или Великобританией импорта любой продукции, произведенной в другой стране». Ознакомление с этим документом вызвало второй взрыв Кейнса. Для англичан, бушевал он, немыслимо брать на себя такое обязательство с чистой совестью. Потом объяснял почему. Надо вообразить себе, что это был за стремительный поток слов, всегда бурно из него изливавшихся при возбуждении.

Так холодно, как он только мог — «мне говорили, что получается достаточно холодно», — Ачесон заявил Кейнсу, что единственное, о чем американцы просят англичан, это чтобы в ответ на предоставление им большой помощи они не считали себя свободными принимать по собственному усмотрению меры, направленные против американских товаров, а разрабатывали бы вместе с Америкой способы сделать такие меры ненужными. Так представлял дело Ачесон, и, возможно, так он его действительно понимал. Но это было несколько натянутое толкование того, о чем фактически шла речь в статье VII.

Вообще-то Кейнс не был империалистом. Но не был он и готов к тому, чтобы разбирать имперскую экономику по ча-

стям без создания на ее месте чего-то лучшего; и он очень хорошо сознавал серьезность предполагаемого послевоенного экономического положения Британии. Выслушав Ачесона, он «остыл и стал мудро говорить о послевоенной проблеме, которую представлял себе гораздо более ясно, чем я, — о наших огромных экспортных возможностях, общемировой потребности в наших товарах и проблеме платежей». «К концу нашего разговора, — писал Ачесон, — он казался более, но ни в коем случае не полностью, готовым примириться со статьей VII»[56]. Кейнс чувствовал себя виноватым и, прежде чем отправиться на следующий день в Англию, послал Ачесону извинения за свою вспышку.

7. Недоразумения

Едва Кейнс вернулся в Лондон, соглашение, которого ему, как он думал, удалось достичь в Вашингтоне, начало рассыпаться. Появилось предчувствие нежданных заминок с *займом Джесси Джонса*. Пикок возвратился в Лондон 21 июня, уладив, как представлялось, вопрос об общих принципах. Однако эта «необычайно благоприятная атмосфера» сменилась «мелочным торгашеством» юристов из министерства торговли. Администрация США стала настаивать на включении оговорки о «военном бедствии», которая разрешала бы *Корпорации финансов для восстановления* вернуть себе обещанные суммы в случае неплатежеспособности Британии — эвфемизм, намекавший на возможное поражение Британии. «Канцлер Казначейства вынужденно проглотил [измененную] оговорку насчет бедствия... и 21 июля в Вашингтоне соглашение было подписано»[57].

После отъезда Кейнса конгресс урезал обычный бюджет военного министерства, поставив под сомнение возможности Моргентау позаботиться, как он обещал, о выполнении «старых обязательств». Филлипс по возвращении в августе в Вашингтон продолжал упорно напоминать Моргентау о его обещании. Лишь в мае 1942 г. военное министерство согласилось предоставить 295 миллионов дол-

ларов, частично в наличных деньгах, частично в виде списания долгов по обязательствам с наступившими сроками погашения[58].

С точки зрения долгосрочных последствий гораздо важнее были решения, принятые конгрессом с целью не допустить, чтобы Англия экспортировала товары, в производстве которых используются материалы, полученные по ленд-лизу. Кейнс пытался поставить преграду наступлению по этой линии, но безуспешно. Генерал Бэрнс, ответственный служащий Администрации ленд-лиза, предложил ограничить британский экспорт товарами «традиционного» ассортимента, вроде виски и харисского твида, к которым Кейнс иронически добавлял шотландский телячий рубец с потрохами и приправами. Три месяца прошли в ожесточенных пререканиях двух правительств, но Лондон ничего не добился. Выпущенная британским правительством в сентябре 1941 г. *Белая Книга* по экспорту заверяла, что Англия не будет вывозить товары, в состав которых входят материалы, полученные по ленд-лизу, содержащие материалы, им «подобные» либо такие, которых «недостает» Соединенным Штатам. Поставляющая сторона могла управлять ленд-лизом таким образом, чтобы не допускать увеличения британских золотых и долларовых резервов сверх согласованного максимума, сокращая поставки всякий раз, когда резервы возрастали.

Англия не сумела добиться пересмотра этих условий при вступлении Соединенных Штатов в войну. Америка согласилась финансировать большинство британских военных закупок в Соединенных Штатах, но предоставила Англии оплачивать расходы ее армий на Ближнем и Дальнем Востоке из собственных ресурсов. Это прямо вело к росту «стерлинговых авуаров» — накоплению огромных долгов Англии Египту и Индии. Как ни велико было давление британской стороны, американцы стойко сопротивлялись принципу «объединения» финансовых ресурсов обеих стран.

Пререкания вокруг формулировки статьи VII также заняли несколько месяцев. Соглашение о взаимной помощи было наконец подписано 23 февраля 1942 г., после того как

Рузвельт письменно заверил Черчилля, что «я бесконечно далек от мысли, будто мы можем так или иначе просить вас рассматривать принцип имперских преференций как предмет торга в переговорах о ленд-лизе».

Эти события повергли Кейнса в глубокую печаль. 28 апреля 1942 г. он пришел к выводу, что все клубки недоразумений вокруг ленд-лиза были следствием того, что «англо-американские отношения не были пересмотрены... ни в одной области, кроме военного сотрудничества и поставок»[59]. Это положение так никогда и не было исправлено.

Приложение

Золотые и долларовые резервы Британии в 1939–1945 гг. (1 фунт стерлингов = 4,03 доллара США)

	Остатки на золотовалютных счетах (с учетом цены золота и курсов долларов США и Канады) (млн фунтов стерлингов)	**Изменения** (млн фунтов стерлингов)	
сентябрь 1939 — декабрь 1940 гг.			*–395*
сентябрь 1939	519	+16	
декабрь 1939	545	+26	
март 1940	491	–54	
июнь 1940	390	–101	
сентябрь 1940	223	–167	
декабрь 1940	108	–115	
1941 г.			*+ 33*
март	70	–38	
июнь	65	–5	
сентябрь	69	+4	
декабрь	141	+72	
1942 г.			*+ 113*
март	163	+22	
июнь	205	+42	
сентябрь	238	+33	
декабрь	254	+16	

1943 г.			*+203*
март	296	+42	
июнь	352	+56	
сентябрь	401	+49	
декабрь	457	+42	
1944 г.			*+144*
март	504	+47	
июнь	571	+67	
сентябрь	589	+18	
декабрь	601	+12	
1945 г.			*+9*
март	603	+2	
июнь	624	+21	
сентябрь	603	–21	
декабрь	610	+7	

Источник: ***R.S. Sayers, Financial Policy 1939–1945, 496.***

XXXV
Опять мировая война

1. Больше хозяин, чем слуга

«Итак, вот он я, подобно постоянно возвращающемуся числу в периодической дроби, делаю примерно ту же работу в том же месте в сходных критических условиях», — написал Кейнс Расселу Леффингвеллу 1 июля 1942 г. Какого рода была эта работа, какое положение он занимал? В одном из писем, присланных им из Вашингтона в 1941 г., Кейнс представлял директора Бюджетного бюро Гарольда Смита как «необычное животное, поистине фантастическое создание, нечто среднее между чиновником и министром»[1]. Вероятно, самого себя он в мыслях не держал, но этот портрет в точности соответствует роли, которую он исполнял во время войны. Свое необычное положение в Казначействе Кейнс сохранял с августа 1940 г. до самой смерти в 1946-м. Он пользовался чрезвычайным влиянием. Основывалось оно скорее на личном авторитете, чем на официальных должностных полномочиях. Формально он был внештатным служащим, жалованья ему не платили, числился советником канцлера Казначейства по совместительству. Он был «в Казначействе, но не был его частью»[2]. Тем не менее он-то и «был Казначейством», по выражению одного из его коллег, который в подтверждение своих слов ссылался на «мастерски составленные бюджеты военного времени, концепцию Бреттон-Вудских соглашений и постепенное выдвижение на первый план вопросов внешней финансовой политики»[3]. Кейнс не упускал из виду ничего

относившегося к области экономической политики и живо откликался на всякую заинтересовавшую его проблему.

Деятельность Кейнса во время войны не отличалась тем великим геополитическим размахом, какой был у Черчилля. В пятитомных воспоминаниях Черчилля о Второй мировой войне Кейнс удостоен одного-единственного упоминания. Финансовыми делами Черчилль интересовался лишь постольку, поскольку заботился, чтобы они не стали препятствием для развертывания британской мощи в мировом масштабе. Условия, на которых поступали финансовые средства, мало тревожили Военного Руководителя, если только в его кабинете не возникали по этому поводу раздоры. Черчилль иногда ворчал по поводу чересчур высоких налогов. Его тирады против индийских «кредиторов» становились все более многословными по мере того, как в ходе войны рос британский стерлинговый долг Индии. Не интересовали Черчилля и послевоенные социально-экономические проблемы: достаточно сегодняшних забот — таков был его девиз. Так что основное в деятельности Кейнса по большей части лежало вне круга его интересов. Англо-американским отношениям Черчилль придавал величайшее значение, высоко ценил и развивал свои отношения с президентом США. Здесь его главная забота, которая сказывалась и на работе Кейнса, состояла в том, чтобы не идти ни на какие договоренности, способные создать угрозу послевоенному положению Британской империи. Он избегал обсуждать этот вопрос с Рузвельтом, а когда обстоятельства его к этому вынуждали, ограничивался присоединением к благочестивым декларациям вроде *Атлантической хартии*. О том, что вытекало из статьи VII Соглашения о ленд-лизе, Черчилль предпочитал вообще не думать. Что касается выдвинутого Кейнсом проекта создания *Клирингового союза*, как и будущих Бреттон-Вудских соглашений, то это оставалось где-то на далекой окраине его мысли.

Безразличие Черчилля к экономическим и финансовым аспектам — и последствиям — войны разделялось большинством руководства его партии, как и коллегами-

лейбористами. Это его безразличие открывало большой простор экономистам-профессионалам для развертывания их инициатив на уровне ниже политического или для «экспериментальных» действий. Кейнс в полной мере использовал эту возможность, когда перешел границу между управлением и выработкой политики. То же, хотя и по-иному, проделал Беверидж. Но, в отличие от того, что имело место в Соединенных Штатах, в Британии планы экспертов на послевоенное время никогда не становились политикой правительства. До конца войны не было принято никаких решений в поддержку схемы социальной защиты Беверидж-а, Бреттон-Вудских соглашений или Международной торговой организации. В том, что коалиционное правительство Черчилля не сумело выработать позицию в отношении послевоенных проблем, состояла одна из причин распада коалиции и тяжелого поражения ее консервативной части на всеобщих выборах 1945 г. Что касается Кейнса, то в течение большей части войны он находился в странном положении человека, который, обсуждая послевоенные действия с американцами, доминионами и европейскими союзниками, вел переговоры *от имени* британского правительства, но *без полномочий* от британского правительства.

В правительство Черчилля Кейнса так и не позвали. Но у него появилось больше прав говорить от лица правительствующих, когда 11 июня 1942 г. по случаю дня рождения короля он попал в наградной список и был возведен в пэры. Блумсберийцы, как и следовало ожидать, встретили это известие испепеляющим сарказмом. «О-ох! Быть нам теперь посмешищем», — говорила Лидия по дороге в Чарлстон, куда супружеская чета, только что наделенная благородным званием, смело направлялась навстречу неизбежным издевкам. «На это они, несомненно, были обречены, — записала в дневнике Фрэнсис Партридж, — ибо Чарлстон носится со своим совершенно иррациональным, на мой взгляд, предубеждением против заслуженных титулов»[4]. Более глубоким был отклик старого и теперь помрачневшего друга Кейнса Фокси Фолка. Вольтер, мол, перепутал себя с Тюрго, принял мыслителя за государственного дея-

теля. «Не скажу ‘прощай’, но я не могу представить тебя в стенах А[нглийского] Б[анка] и П[алаты] Л[ордов]». Беда в том, — отвечал ему Кейнс, — что он, мол, становится слишком стар, чтобы рождать какие-либо свежие, опережающие время идеи. «Я бежал изо всех сил, а теперь запыхался. Если мирские силы тебя настигают, что можно с этим поделать? Нет, конечно же, никакого смысла переключаться на монашеские раздумья». В том и было дело: впервые у Кейнса появилась возможность формировать политику сообразно своим идеям. Его «пленение» не было односторонним, и это тоже не давало оснований для недовольства. Его радикализм проявлялся на ограниченном участке фронта, на котором он чувствовал себя победителем. Как и некогда в Итоне, ему доставляли наслаждение почести, свидетельствовавшие о признании его достоинств. Его насмешливый тон, как с возрастом и у Литтона Стрэчи, теперь скорее сохранялся по привычке, чем выражал какие-то убеждения. В Англии, при ее столь великом недоверии к идеям, нелегко быть интеллектуалом. Гора и Магомет встретились на полпути: если Кейнс стал теперь «достойным человеком», то достойным в своем, а не в *их* понимании.

Для восхищенных родителей Кейнс устроил праздник, проявив внимание к так нравившимся им подробностям своей родословной и установленным требованиям ритуала. Для выбора титула была устроена встреча с герольдмейстером сэром Джеральдом Уоллстоном. Первоначально у него была мысль назваться лордом Кейнсом Тилтонским, но «хочу проверить у герольдмейстера, как насчет лорда Кейнса Каханьского, ибо Кейнс — это от Кахани (пусть так и пишется, если он будет настаивать) в Нормандии». Возможно, герольдмейстер возразил, или Кейнс сам передумал. Виконт Гэйдж разрешил воспользоваться названием поселка на принадлежавшей ему земле, и дело кончилось лордом Кейнсом Тилтонским.

Хотя для него было бы естественно занять место независимого члена палаты, он все же написал Герберту Сэмюэлю, лидеру либералов в палате лордов: «По правде ска-

зать, я все еще либерал и хотел бы, с вашего согласия, подтверждать это, сидя на ваших скамьях».

Палате он был представлен 8 июля; лорд Брэдбери, постоянный секретарь Казначейства в то время, когда Кейнс впервые пришел туда в 1915 г., и лорд Кэттоу «отвели ему место на нижнем конце баронской скамьи». Первые предложения принять участие в дебатах он отклонял на том основании, что высказываться по вопросам, по которым располагает внутренней информацией, он не может без риска разгласить ее. Жизнь в палате лордов не обходилась без комических случаев, типичных для этого чудаковатого собрания. Лорда Кейнса и лорда Кейса — прославленного адмирала — то и дело путали друг с другом. Адмирал, «никогда не думающий дважды, прежде чем действовать», оказался на званом обеде вместо приглашенного Кейнса. Он составил «очень вежливый и приличествующий случаю ответ» на гневное письмо, полученное им от сэра Джорджа Пири, президента *Королевского общества искусств*, и адресованное председателю *Совета содействия музыке и искусствам*. «Меня очень удивило, почему мне пишет сэр Джордж Пири», — пояснил лорд Кейс лорду Кейнсу.

В Тилтоне посреди клумбы перед окном кухни росло небольшое фиговое дерево, никогда не дававшее плодов. Эдгар Веллер вспоминал, что однажды ему случилось наблюдать, как, глядя на это деревце, Кейнс задумчиво приговаривал: «Бесплодная смоковница, бесплодный Кейнс»[λ].

2. Казначейство во время войны

Положение Кейнса во время войны следует оценивать в контексте частичного затмения Казначейства. Когда в 1940 г. Кейнс снова пришел в свой старый отдел, репутация этого бюрократического подразделения была невысо-

[λ] Игра слов, построенная на одинаковом звучании английских слов 'barren' (пустой, бесплодный) и 'baron' (барон).

ка. У Черчилля была стойкая антипатия к «точке зрения Казначейства», которое, как он считал, вводило его в заблуждение в 1920-е гг., когда он сам был канцлером, и помешало началу перевооружения в 1930-е; подобно Ллойд Джорджу в Первой мировой войне, он был настроен вести войну, невзирая на затраты, и первоначально это оставило его первого канцлера Казначейства Кингсли Вуда за пределами *Военного кабинета*. Черчилль учредил систему правительственной власти, которая подчинила традиционные ведомства (в том числе Казначейство) ряду сверхкомитетов, работу которых координировал верховный комитет под председательством сэра Джона Андерсона. Вскоре он стал хозяином «всех сфер внутренней и экономической политики»[5]. С другой стороны, Черчилль весьма уважал Кейнса, который, по его мнению, был прав в вопросе о золотом стандарте и с которым он регулярно обедал в *Другом* клубе. Кейнс использовал эти встречи, чтобы привлекать внимание Черчилля к беспокоившим его тенденциям в экономической жизни — например, к накоплению стерлинговых долгов, — и время от времени премьер-министр подхватывал его соображения. В том, что Казначейство привлекло к себе на службу Кейнса, можно усматривать расчетливый ход этого ведомства в его долговременных стараниях вернуть себе контроль над экономической политикой. Присутствие Кейнса, несомненно, поднимало престиж и влияние Казначейства, даже притом что нарушало спокойное течение его внутренней жизни.

Затмение Казначейства имело своей причиной скорее особые требования войны, чем антипатию Черчилля. Традиционным делом ведомства было управление государственными финансами. Кейнс же хотел, чтобы через бюджет оно управляло национальной экономикой. Его брошюра '*Как оплатить войну*' была выражением именно этой философии. Казначейство частично принимало ее, поскольку она явно противостояла планированию в натуральных показателях. Как только Англии пришлось вступить в тотальную войну с Германией, финансовое планирование, с его медлительностью и неопределенностью

результатов, неизбежно должно было уступить место распределению ресурсов, особенно трудовых ресурсов, то есть планированию в натуральных показателях. Верховный комитет стал центром планирования и координации ведомственных планов, осуществлявшейся через его наделенные большими полномочиями отраслевые комитеты. За Казначейством остались три основные задачи: брать взаймы необходимые правительству деньги под возможно более низкий процент; поддерживать устойчивость внутренних цен посредством организации налогообложения, считавшегося социально справедливым, и добиваться по возможности наилучших условий финансирования зарубежных расходов Британии.

Экономический секретариат возник в сердце правительственного аппарата по необходимости. Системе планирования нужны были специалисты, а не администраторы. После смены правительства в мае 1940 г. Центральное бюро экономической информации, первоначально существовавшее при Контрольном бюро Стэмпа, было сильно расширено применительно к задачам обслуживания новообразованных отраслевых комитетов; в январе 1941 г. оно было разбито на Экономический отдел и Центральное статистическое управление; оба обосновались в помещениях *Военного кабинета*: первый работал непосредственно под руководством лорда-председателя Совета. В состав Экономического отдела, получившего известность как «кружок Андерсена», входило от девяти до двенадцати экономистов, в Центральном статистическом управлении их было еще семь или восемь. Вместе со Статистическим — «С» — бюро во главе с неколебимо самоуверенным лордом Червеллом они образовали экономико-статистический «мозг» централизованного планирования военной экономики. Исследователи, занимавшиеся историей Экономического отдела, называют его «первой в этой стране — а возможно, и в мире — группой профессиональных экономистов, целиком поставивших себя на службу правительству в качестве экономических советников»[6]. Кейнс называл эту группу «ядром того главного экономического штаба, о котором мы

так долго вели речь»[7]. Но выдерживая английскую традицию управления, она скорее обслуживала департаменты, чем командовала ими, снабжала лорда-председателя информацией по вопросам, стоявшим в повестке дня его Совета, обеспечивала экономическую согласованность ведомственных планов, выполняла задания отраслевых комитетов и проводила исследования по проблемам, не попадавшим в поле зрения прочих подразделений. Когда система планирования утвердилась и стала действовать, служащим Экономического отдела, подобным Джеймсу Миду, была предоставлена свобода размышлять о послевоенных проблемах.

Кейнс был главным мостом между Казначейством и экономистами, привлеченными для работы в Экономическом отделе, Центральном статистическом управлении (ЦСУ) и департаментах. Они были его коллегами по профессии, многие принадлежали к числу его бывших студентов, для которых он оставался естественным лидером и союзником. Самому Кейнсу сначала, в декабре 1940 г., предложили возглавить ЦСУ[8], но он отказался, посчитав за лучшее остаться в Казначействе независимым человеком. В Экономическом отделе Казначейство сразу стало видеть опасного соперника, покушающегося на урезание его возможностей и функций[9]. Кейнс играл важную роль в налаживании их взаимоотношений, и вместе с Лайонелом Роббинсом, директором Экономического отдела, они с сентября 1941 по ноябрь 1945 г. «очень слаженно работали», невзирая на все их довоенные раздоры[10].

Тесное сотрудничество между группами экономистов и штатными чиновниками государственной службы облегчалось и структурой, и географией Уайтхолла. В отличие от вашингтонской бюрократии, раскинутой по городу, дырявой и раздрызганной, Уайтхолл при Кейнсе был замкнутым в себе мирком, живым отражением британской традиции централизованного руководства и управления. В течение шести лет своей службы в Казначействе в круг более или менее регулярных общений Кейнса входило свыше пятидесяти человек, из них дюжину с лишним со-

ставляли те, с кем он был в тесном и непрерывном контакте. Все большие правительственные учреждения были собраны в одном месте. Включенные в состав Уайтхолла *Палаты Казначейства* размещались в комплексе правительственных зданий. После прямого попадания бомбы осенью 1940 г. Казначейство переместили на близлежащую Грейт-Джордж-стрит в здание с видом на Сент-Джеймс-парк с одной стороны и Вестминстерский дворец — с другой, его выдержанный в темных тонах интерьер символически отображал традиционную роль Казначейства как сурового стража, поставленного приглядывать за сохранностью государственного кошелька*. Кейнс занимал стратегическую позицию. Окна его рабочей комнаты на втором этаже смотрели на Парламент-сквер; в обстановке кабинета была сделана одна-единственная уступка высоким духовным запросам хозяина — повешена картина Дункана Гранта; непосредственно слева находился кабинет канцлера, справа — Томаса Кэттоу, другого экономического советника Казначейства; напротив через коридор сидел постоянный секретарь (после 1942 г. это был сэр Ричард Гопкинс). Отделы Военного кабинета, в том числе Экономический отдел, помещались в том же комплексе зданий. Во время воздушных налетов правительство во главе с премьер-министром спускалось в подвал, где были устроены дублирующие рабочие помещения. Для Кейнса все это означало, что ему редко приходилось выполнять свою работу за пределами Казначейства: огромное большинство встреч и совещаний, включая заседания межведомственных комитетов, происходили в его или смежных комнатах.

Географическая близость не создавала, однако, особой культуры устного общения. В Уайтхолле не было ничего подобного заведенным Моргентау ежедневным «мозговым штурмам» с участием высших должностных лиц его ведомства. Британская система администрации была формальна и иерархична. Процедурой принятия решений бы-

* Недавно Казначейство опять переехало — на Хорс-Гардз-роуд, дом 1.

ла передача бумаг снизу вверх, а не согласование точек зрения в прокуренных комнатах. Первые крупные инициативы Кейнса появились в виде записок, запущенных в машину, вырабатывавшую политические решения. Они попадали в процесс изучения и критики со стороны соответствующих должностных лиц внутри Казначейства и отделов, которых они касались. Когда речь шла о денежной и внешней финансовой политике, подключался Английский банк. В дни, когда не существовало ксероксов и компьютеров, это было дело трудоемкое и требовавшее больших затрат времени; надо было изготовить под копирку и распространить множество экземпляров, принять, обговорить, учесть или отклонить все поступившие замечания — и так на каждой ступени восхождения бумаги по иерархическим ступеням, пока конечный продукт не будет передан на окончательное рассмотрение канцлера. Процесс носил преимущественно литературный характер.

После того как были заложены основы работы над внутренними финансово-бюджетными проблемами, Кейнс неизбежно стал уделять все больше внимания внешним финансовым делам. На то было много оснований, включая его собственное прошлое в Казначействе, где во время Первой мировой войны он стал первым главой отдела «А». Здесь только важно заметить, что арена господства Кейнса была также и ареной его самого большого поражения — провала его стараний вложить в головы правителей Британии понимание, как соотносятся между собой военная экономика и экономика послевоенного выживания. Едва появилась уверенность в победе над Германией, Кейнс начал нападать на способ ведения войны в духе «богатой доброй тетушки»: частым объектом его колючих выпадов стал, на свою беду, сэр Фредерик Лис-Росс из Отдела экономической войны, которому Кейнс ставил в вину чрезмерное рвение в разработке планов помощи другим странам, грозивших связать Англию непосильными для нее обязательствами. Кейнс настаивал на сокращении военных расходов за границей, чтобы остановить рост стерлингового долга, возобновить экспорт-

ную торговлю и уладить с кредиторами Британии вопрос о «покрытии» «ненормально» разросшихся стерлинговых счетов. Начиная с 1944 г. он выступал за то, чтобы вплоть до окончания войны проводилась политика экономии, которая позволила бы Англии, приступая к мирной жизни, не обращаться к Соединенным Штатам за большими займами. Именно крушение этой политики вынудило Кейнса — и Англию — принять в 1945 г. унизительные условия американского займа.

Повествуя о времени, проведенном Кейнсом в Уайтхолле, нельзя не упомянуть о чрезвычайном напряжении, с каким работали он и все остальные — и не только из-за следовавших один за другим воздушных налетов. Большое преимущество частного предприятия, имел обыкновение говорить Кейнс, состоит в том, что экономическая ответственность в нем децентрализована в максимально возможной степени. В условиях же войны степень ее централизации была беспримерно высока. Это означало гораздо больше работы для правительства, притом что оно нехотя шло на увеличение своего персонала: предполагалось, что количественная нехватка людей должна восполняться качеством их работы. Это самым выразительным образом проявлялось в переговорах с американцами, но было верно и в отношении всех участков деятельности правительства. По мере продолжения войны каждый чувствовал себя все более измотанным; дело вообще обстояло так, что немногие служащие в Уайтхолле сколько-нибудь заботились о самих себе. Режим спортсменов на тренировках они не соблюдали. Они отчаянно курили; никаких физических упражнений не выполняли; питались кое-как. Если говорить о людях ближайшего Кейнсу круга, то Фредерик Филлипс умер от рака, Ричард Гопкинс и Хьюберт Гендерсон перенесли тромбы сердечных сосудов, Деннис Робертсон имел неприятности с желчным пузырем, Джеймс Мид страдал язвой желудка. На протяжении большей части военного времени болезненный Кейнс — сдержанно потреблявший алкоголь и, под нажимом Лидии, рано ложившийся спать — мог служить образцом доброго здоровья.

3. С кем Кейнс работал

В Казначействе Кейнс служил при трех канцлерах — Кингсли Вуде, Джоне Андерсоне и Хью Долтоне. Кингсли Вуд пришел в мае 1940 г. на смену нерешительному и все более и более отдалявшемуся от дел сэру Джону Саймону, ставшему лордом-канцлером. По своей профессиональной подготовке Вуд был юрисконсультом. Тонкий, пронзительный голос не мешал ему быть эффективным, трудолюбивым политиком; в 1930-е он входил в состав правительства. Кейнс относился к нему с нежностью и признательностью, без чрезмерных выражений этих чувств. Подготовку бюджетных речей Вуда он считал «работой, обрекающей на страдания... ибо я по опыту хорошо знаю, что чем лучше я это сделаю, тем меньше вероятность, что это будет принято». Сэр Ричард Гопкинс высказывал эту мысль более вежливо: канцлер ориентируется на сознание рядового человека[11]. Когда в сентябре 1943 г. в Вашингтон пришло известие о скоропостижной кончине Вуда, находившийся там с миссией Кейнс произвел на американцев немалое впечатление, сказав в застольной речи: «Сколь бы... непостижимо сложным ни представлялось ему то или иное экономическое суждение, он... имел дар оборачивать его... в простую истину, доступную пониманию ребенка. Это ценнейший дар политика...»[12]

Сэр Джон Андерсон, его преемник, был государственным служащим и прежде возглавлял Управление внутренних доходов. Переняв в октябре 1940 г. у приближавшегося к смерти Невилла Чемберлена пост лорда-председателя Совета, он показал себя, по словам Роббинса, «величайшим государственным администратором века»[13]. Он отличался также чрезвычайной напыщенностью — люди называли его *Надутым Джоном*, — хотя и не был лишен юмора, с хитрецой, в пресвитерианском духе. Вообще-то дел с ним у Кейнса было мало. Ко времени, когда Андерсон стал канцлером, военная экономика уже работала на автопилоте; уже были приняты все основные решения, касавшиеся внутренних и внешних финансов.

По окончании войны Кейнс в течение восьми месяцев был главным экономическим советником Хью Долтона, первого канцлера из лейбористов. Их давнее знакомство по Кембриджу (Долтон слушал лекции Кейнса еще до 1914 г.) их сближало, а взаимная неприязнь держала на расстоянии: Кейнс имел обыкновение называть Долтона «врачом-шарлатаном». Долтон впитал одну из самых ранних доктрин Кейнса — насчет дешевых денег — и на том остановился. Их отношения все более рушились во время переговоров об американском займе 1945 г., и смерть настигла Кейнса, когда он уже собирался уйти из Казначейства Долтона.

Первым постоянным секретарем Казначейства был при Кейнсе сэр Горас Вильсон, вопреки традиции назначенный не из чиновников Финансового отдела или Отдела внутренних доходов; к должности его пристроил премьер-министр Невилл Чемберлен, близким другом и доверенным лицом которого он был. Но общественное мнение слишком тесно связывало его с политикой умиротворения, чтобы он мог процветать при новом режиме. Ему позволяли сохранять должность, пока в 1942 г. он не достиг шестидесяти — самого раннего возраста, дававшего право выхода на пенсию. На его место пришел сэр Ричард Гопкинс, которого в свою очередь в 1945 г. сменил сэр Эдвард Бриджес.

В то время Казначейство имело три основных подразделения, ведавших соответственно финансами, поставками и организационными делами. Финансы делились на внутренние и внешние. Отдел внутренних финансов занимался государственными займами и управлением долгами правительства; заботой Отдела внешних финансов был платежный баланс страны. За финансы в целом отвечал сэр Фредерик Филлипс, начавший войну третьим секретарем и в 1942 г. разделивший должность второго секретаря с сэром Аланом Барлоу, отвечавшим за поставки. В период между 1940 и 1943 г. Филлипс большую часть времени проводил в Вашингтоне как представитель британского Казначейства. В Лондоне его место в 1942 г. занял сэр Уил-

фрид Иди, а Дэвид («Сиджи») Уэйли был в 1943 г. выдвинут на должность заместителя министра и принял ответственность за внешние финансы. В 1944 г. банкир Роберт Брэнд взял на себя исполнение роли представителя Казначейства в Вашингтоне — прежней роли Филлипса.

Кейнс имел обыкновение говорить, что Казначейство достигло своего высшего расцвета, когда им руководил Гопкинс, а сэр Фредерик Филлипс был его верным помощником[14]. Он считал их замечательными примерами лучших умов Казначейства — осторожных, но обстоятельных и в конечном счете восприимчивых к новым идеям. Они не принимали, возможно даже не понимали, его доктрин. Сэр Ричард Гопкинс прочитал '*Общую теорию*' только в 1945 г., когда уже оставил должность постоянного секретаря. Он старался использовать в деле умственные способности Кейнса, а не его теории. Но оба, разумеется, отдавали дань его теориям, или, скорее, его аналитическим приемам. В свою очередь, их поддержка, равно как и его уважение к ним, служили опорой его влияния. Порой он, надо полагать, вставлял им палки в колеса. Но они не позволяли себе раздражаться по поводу его неуемной надоедливости и знали, как использовать его идеи, чтобы поднимать престиж Казначейства.

«Невысокий ростом, в общем изрядно смахивавший на обезьяну с чрезвычайными умственными способностями, [Гопкинс] в том, что касалось государственных финансов, мог быть интеллектуальным соперником любому представителю своего поколения»[15]. Они с Кейнсом пересекались в Кембридже, хотя нет никаких свидетельств, что были тогда знакомы. Гопкинс был человеком тихим, застенчивым, сдержанным, обладал могучим умом и умением шутить, сохраняя невозмутимо серьезный вид. У него был узкий круг близких друзей. Одним из них был «Монти Норман», управляющий Английского банка. В памяти его сына, Алана Гопкинса, сохранился вечер, когда Норман пришел к отцу на ужин. Хозяин и гость просидели за столом, почти ни разу не нарушив молчания. Уходя, Монтегю Норман поблагодарил Гопкинса за «интереснейший ве-

чер». Алан возразил: «Но вы же за все время не произнесли ни слова». — «Да, — сказал отец, — но наши умы двигались параллельными курсами». Кейнс относился к нему с любовью и уважением, и Гопкинс платил ему взаимностью. «Дорогой Гоппи... Какими же чудовищно и опасно безрассудными бываете вы, осторожные люди», написал он ему однажды[16]. Подобно многим осторожным людям, Гопкинс легко мог увлечься чужими идеями. Он сплотил Казначейство вокруг бюджетной арифметики Кейнса и его проекта *Клирингового союза*, а также содействовал тому, что записке Мида о послевоенной политике занятости был придан статус *Белой книги*.

Так же хорошо ладил Кейнс с Филлипсом, еще одним неразговорчивым чиновником, восприимчивым к его интеллектуальному обаянию. Как мы видели, их проявившаяся в 1941 г. в Вашингтоне способность к совместной работе в очень напряженной обстановке имела ключевое значение для успеха миссии Кейнса. После возвращения Кейнса они поддерживали постоянную переписку, в которой Филлипс был сух и касался только фактов, Кейнс же писал многословно, оживленно, пересказывал сплетни. В 1943 г. Брэнд писал из Вашингтона: «У Филлипса, я уверен, есть ценные соображения по поводу обоих проектов [*Клирингового союза* и *Стабилизационного фонда*], и у меня не раз были с ним беседы, в которых он выдавливал из себя одно-два слова. Но вы же знаете, что обстоятельно обсуждать с ним этот или любой другой предмет невозможно — конечно, не по злой воле с его стороны, а потому, я полагаю, что привычка уже стала его второй натурой»[17]. Позднее, после смерти Филлипса в том же году, Кейнс написал о нем в '*Таймс*': «Его лаконичная манера, или, точнее сказать, его бормотание в знак согласия или несогласия были так же известны и так же понятны в Вашингтоне или Оттаве, как в Уайтхолле; в Женеве он умел хранить молчание на нескольких языках»[18].

Связи Кейнса со служащими Казначейства простирались далеко за пределы Уайтхолла. Сам Кейнс около года, то есть 20 процентов военного времени, провел в Ва-

шингтоне, где параллельная британская администрация численностью в несколько сотен человек работала в отеле *Уиллард* и канцелярии посольства под председательством Галифакса на положении конституционного, но не совсем безвластного монарха. В числе тех, с кем Кейнс общался чаще всего, помимо Филлипса, были Редверс Оупи, оксфордский экономист, служивший экономическим советником британского посольства, и, после смерти Филлипса, Боб Брэнд. Брэнд стал в 1944 г. главным представителем Казначейства в Вашингтоне. Его дружба с Кейнсом восходила ко времени Парижской мирной конференции 1919 г., хотя «Бобом» и «Мейнардом» они стали друг для друга только в 1944 г. Член ученого сообщества Колледжа Всех Душ и банкир, финансировавший торговые операции, Брэнд, по крайней мере среди своих друзей, слыл перед Первой мировой войной «самым мудрым человеком в империи». В высшей степени способный и проницательный, мастер финансовой дипломатии, лысый, в очках, с застенчивыми манерами, он был еще одним чиновником, которого слепили глубина и быстрота мысли Кейнса. Он говорил, что рядом с Кейнсом он всегда чувствовал себя последним учеником в классе. Но он не боялся вступать с ним в спор, и Кейнс очень уважал его ум и считался с его суждениями. Как увидим, Брэнд оказался одним из немногих, кто в 1945 г. посчитал ошибочной линию Кейнса на подготовительном этапе переговоров об американском займе, но ему не хватило той уверенности в себе, которая позволила бы его точке зрения возобладать.

Банкир Томас Кэттоу, получивший в 1936 г. титул лорда, был еще одним важным союзником Кейнса в первые четыре года его работы в Казначействе. Приземистый шотландец, всем в жизни обязанный самому себе, партнер в фирме Моргана Гренфелла и с 1940 г. директор Английского банка, он был назначен незадолго до Кейнса неоплачиваемым советником канцлера. В Казначействе он занимал кабинет рядом с Кейнсом. «С первого раза, когда я зашел в его комнату с какими-то бумагами, которые хотел с ним обсудить, мы вроде бы прониклись взаимной симпатией, —

вспоминал Кэттоу. — Постепенно мои мнения стали оказывать на него значительное влияние, отчасти потому, что он был ко мне расположен, отчасти же потому, думаю, что он обнаружил, что быстрота его ума и его потрясающие порой теории меня не пугают; ибо я воспринимал их, оценивая самым дружественным образом в свете моего долгого практического опыта». Кэттоу и Кейнс работали в тесном содружестве над бюджетом 1941 г., как и над неподатливой проблемой стерлинговых авуаров. Кэттоу отстаивал в Казначействе интересы Банка и защищал перед враждебно настроенным банковским сообществом кейнсовский проект Клирингового союза.

Со смертью Филлипса в 1943 г. и ухудшением в конце того же года здоровья Гопкинса Казначейство утратило свою сплоченность. Кейнс так и не смог установить такие же отношения с сэром Уилфридом Иди, новым главой финансов. Иди, которого назначили в Казначейство из Управления таможенных сборов и акцизов, был драчливым и умевшим добиваться своего переговорщиком. На Кейнса он смотрел в ослеплении и страхе, испытывал к нему «глубокую привязанность»[19], но ему недоставало интеллектуальной хватки Гопкинса, когда приходилось разбираться в сложных проблемах. Кейнс однажды сказал ему после какого-то спора: «Если бы я встретил вас очень молодым и обладал безграничным терпением, возможно, я сумел бы научить вас азам экономической теории. Но при нынешнем положении дел мне остается исходить из того, что в собственных приемах управления вы разбираетесь хорошо». Нельзя было и вообразить, чтобы Кейнс стал подобным образом дразнить Гопкинса; к чести Иди, он не обижался и сам рассказывает об этом не красящем его случае[20]. В отличие от Гопкинса, Иди находился во власти националистических, империалистических настроений, что разводило его с интернационалистом Кейнсом. Однако за отсутствием авторитета он мог докучать Кейнсу, но не перечить ему. В конечном счете в Казначействе ровней Кейнсу мог быть только Ричард («Отто») Кларк, еще один пришелец со стороны. Но он был намного моложе и, как все, побаи-

вался его. Так Кейнс и оставался одиноким пиком, возвышающимся над предгорьями.

В Казначействе Кейнс возвышался над всеми физически, так же как и умственно. Так уж сошлось, что наиболее близкие ему по работе люди — Вуд, Гопкинс, Кэттоу, Иди — были низкорослыми, тогда как рост Кейнса превышал шесть футов.

> Его величественная фигура бросалась в глаза. В течение трех лет он серьезно болел и должен был беречь силы. Высокий и крупно скроенный, он двигался по Казначейству медленно, с достоинством участника процессии. Над темным костюмом бледное, как слоновая кость, лицо и прекрасные темно-синие глаза, неподвижные и задумчивые или искрящиеся весельем, что часто создавало впечатление легкости в его движениях. Другие, в Вашингтоне, тоже отмечали эту игру света. Нечто особенное представляли собой и его руки. Он редко ими пользовался, разве что когда жестом закруглял спор или когда зловеще забирал свои очки, которые клал сложенными перед собой, прикрывая их своими ладонями. Это была подача штормового сигнала. На мгновение возвращалось его легкое заикание или даже несколько тускнел его спокойный голос, и все рыбачившие в разволновавшихся водах устремлялись к гавани. Но столь же внезапно небо очищалось[21].

Его высокий рост, как и его одиночество, стали больше бросаться в глаза с уходом в 1944 г. Денниса Робертсона и Хьюберта Гендерсона, принявших кафедры экономической теории, соответственно, в Кембридже и Оксфорде. Эти двое были экономистами поколения Кейнса, вполне способными противостоять ему — и друг другу — в дебатах. «Первоклассный мозг» Робертсона — в 1943–1944 гг. перемещенный на время в Вашингтон — оказался незаменимым на переговорах, которые проложили путь к соглашению в Бреттон-Вудсе. Гораздо более бурными были у Кейнса отношения с Гендерсоном. Служебные обязанности у Гендерсона были столь же неопределенными, как у Кейнса, и его особым занятием стало лить холодную воду на то, что он считал утопическими проектами на послево-

енное время, вдохновителем большинства которых был его прежний наставник. При Гопкинсе Казначейство раскачивалось обычно между оптимизмом Кейнса и пессимизмом Гендерсона, останавливаясь где-то на полпути между ними.

Утрата Кейнсом опорных связей в Казначействе сблизила его с двумя экономистами из Экономического отдела — Джеймсом Мидом и Лайонелом Роббинсом. Мид, будущий лауреат Нобелевской премии, был самым сильным экономическим умом отдела, как и его главным мечтателем. В начале войны он, вместе с Ричардом Стоуном из Центрального статистического управления, был занят главным образом разработкой системы национальных счетов. Позже он сосредоточился на проблемах послевоенной занятости и торговой политики. Мид был либеральным социалистом, старавшимся привить кейнсианский анализ безработицы к классической теории свободной торговли и перераспределения. За обманчивой мягкостью его манер скрывались стальное упорство в теоретических спорах и настойчивость в осуществлении собственных замыслов. «Его интересовали вопросы принципиального значения; и если министерские решения казались ему ошибочными в принципе, он считал своим долгом против них возражать...»[22] Это вежливый способ сказать, что Мид редко считался с политическими обстоятельствами. «Отто» Кларк, служащий Казначейства, называл его «смехотворно академичным борцом за совершенство». Мид поклонялся Кейнсу, не доходя до благоговения перед ним.

По сравнению с Мидом в меньшей степени кейнсианцем и в большей — политиком был Роббинс. Он обладал сильным умом и четко выраженной индивидуальностью с «умеренным налетом стиля восемнадцатого столетия, соответствовавшего его образу, который напоминал Сэмюэла Джонсона, и, хотя время от времени он казался несколько тяжеловатым, элегантность и остроумие оставались при нем». Роббинс был любимым служащим *Надутого Джона*, и их добрые отношения, равно как и пребывание самого

Андерсена в составе Военного кабинета, были опорой влияния Экономического отдела[23]. Одним из главных достижений Роббинса стало введение продовольственных талонов, которого он добился вопреки упорному сопротивлению министерства продовольствия. Роббинс помнил о теоретических поражениях, которые он терпел от Кейнса в 1930-е гг. Ось Кейнс — Роббинс приобрела критически важное значение в 1943–1945 гг., когда Роббинс оказал большую поддержку Бреттон-Вудскому компромиссу и позиции Кейнса на переговорах о займе.

Между тем люди, наиболее глубоко вовлеченные в кейнсианскую революцию 1930-х, не стали частью окружения Кейнса в Уайтхолле. Джоан Робинсон осталась в Кембридже. Хэррод отчаянно добивался работы в Казначействе. Кейнс рекомендовал его, но безуспешно. Вместо этого Хэррод нашел себе шаткий пост в отделе «С» Червелла, откуда в 1942 г. он ушел и возвратился в Оксфорд. Он считал, что в отделе «С» его недооценивали и недостаточно загружали работой. Он был человеком идей, а не цветных диаграмм. После ухода из мини-царства Червелла он прилагал большие усилия, чтобы получить подходящую работу на оборону, но никто не хотел его брать. Несмотря на его могучий интеллект, он слыл человеком, не умевшим «оценивать» ситуацию. Правда, похоже, в том, что он был слишком педантичен и чересчур себялюбив, чтобы хорошо встраиваться в команду. Он был блестящим экономистом; карьерный срыв военного времени наложил горькую печать на всю его дальнейшую жизнь.

Кейнс также безуспешно пытался заполучить в Казначейство Ричарда Кана. Кан вместо этого пошел служить в министерство торговли. В октябре 1941 г. его послали в Египет экономическим советником государственного министра Оливера Литтлтона. В его обязанности входило добиваться высвобождения мощностей грузового флота путем поощрения местного производства продовольствия. Для Кейнса он стал главным источником сведений о положении на Ближнем Востоке. В 1942 г. Кейнс поддержал поступившее от Кана интересное предложение продавать

Египту и Персии золото. Золото могло бы стать альтернативной продовольственным товарам формой сохранения богатства, что способствовало бы снижению уровня инфляции в этих странах и замедлило бы накопление ими стерлинговых авуаров[24]. Кан любил Кейнса и функционировать должным образом мог только в его тени. Без постоянных подсказок Кейнса — и его требований, не допускавших возражений, — он изнывал в тоске. В Египте, жаловался он Кейнсу 16 августа 1942 г., изнывал от того, что не получал «никаких ответственных поручений». Кейнс поддержал его отчаянную просьбу о возвращении, но ее рассмотрение было отложено по той причине, что персонал Казначейства не в состоянии был установить, кто будет платить ему жалованье. В январе 1943 г. он вернулся на работу в министерство снабжения. Оттуда переместился в министерство производства и затем, после войны, опять в министерство торговли. Учитель и ученик продолжали переписываться, но Кан, выпавший из официальной тележки, не сыграл никакой ощутимой роли в двух больших достижениях Кейнса военного времени — составлении бюджета Кингсли Вуда в 1941 г. и подготовке проекта *Клирингового союза*. После войны Кейнс поддержал просьбу его ведомства на продление Кану отпуска в Королевском колледже для разработки британской тарифной политики в преддверии намечавшейся Международной торговой конференции. Шеппарду он объяснял 20 февраля 1946 г.: «За время войны он впервые [sic] совершенно счастлив и вполне удовлетворен своей работой...» Но он советовал Шеппарду отдать Кану «приказ» покидать министерство торговли в пятницу вечером и не возвращаться туда до утра понедельника, спокойно проводить три ночи в Королевском колледже, так чтобы иметь возможность помогать Дэди Райлэндсу в его казначейских делах.

Итак: Кейнс был все менее доволен положением в Уайтхолле в те последние шестнадцать месяцев, что он там провел. Все чаще и чаще он заговаривал об отставке. Более всего его огорчали уход межвоенного поколения и его замена людьми низшего калибра или пока еще непроверен-

ными. В 1945 г. он был неоспоримым, но одиноким авторитетом. Как говорит Дональд Моггридж, «он мог быть в меньшинстве, ему могли не верить... и все же он добивался своего»[25].

4. Кейнсианский нрав

Какие качества Кейнса проявились с его приходом в Казначейство? Прежде всего это была привычка к бурной деятельности. Как заметил один служащий Казначейства (Деннис Проктор), «его инстинктивный подход к любой проблеме строился, во-первых, на предположении, что до него никто никак ею не занимался, и, во-вторых, что если все-таки занимался, то все делал неправильно. Из его рабочей комнаты роями вылетали диктовки г-же Стивенс, которым на следующее утро предстояло появиться в чьей-нибудь папке с входящей почтой, а вернее сказать, в папках нескольких человек, потому что он любил разбрызгивать свои размноженные под копирку послания сразу по многим адресам»[26].

В кабинетах Казначейства, как и Уайтхолла в целом, Кейнс непрерывно призывал к действию, был великим заводилой. «Он соглашался, что выполняет роль щуки, помещенной в водоем с карпами, которых она гоняет, не давая им запаршиветь»[27]. Он проявлял казавшуюся ненасытной любознательность ко всему, что касалось финансирования войны, как бы далеко это ни выбивалось из круга его главных забот; и на протяжении большей части военного времени ему доставало энергии и быстроты ума, чтобы выступать с чрезвычайно многообразными инициативами. К 10.30 утра он успевал надиктовать столько, что у иного на это ушла бы большая часть рабочего дня. Его глаз работал как блуждающий прожектор, выхватывающий из темноты ошибки в суждениях или действиях. Он совершенно не считался с управленческими иерархиями или должностными границами и готов был обращаться к чиновникам низших рангов, запрашивая у них фактические

сведения или их личные мнения, которые потом без всякого стеснения использовал как доводы в спорах с высокопоставленными коллегами. Это делало его неуютным членом коллектива.

Догадки у Кейнса обычно намного опережали его знакомство с фактами. Это было почти неизбежно: он не был ни экспертом, ни частью административного механизма. Но неосведомленность нисколько не мешала ему вырабатывать твердые мнения о том, что следует сделать, которые он выносил на обсуждение и страстно защищал, обрушивая на коллег, спешно созванных на совещание, все виды аргументации, риторики и остроумных реплик. Его исходное предположение о своем всеведении умерялось, однако, несомненным уважением к знаниям специалиста, и как только некий его план или любимая схема признавались неосуществимыми или необоснованными, он быстро вносил в них изменения или затевал другой проект. Он мог проявить уничтожающую грубость к тем, кто, на его взгляд, лентяйничал, был некомпетентен или туп. Рассказам о его оскорбительных выпадах несть числа. Чиновнику Управления по делам колоний Джеральду Клаусону, представившему записку с критикой буферных запасов, он как-то сказал: «Я здесь соглашусь с каждым утверждением, если оно будет начинаться со слова 'не'»[28]. Но, как вспоминал после его смерти Кэттоу, в общении «с теми, кого любил, он мог проявлять поразительную и достойную восхищения мягкость». Есть вполне достаточно свидетельств, что работа с ним становилась для людей толчком к жизненному взлету; так говорили даже и те, для кого это оказывалась толчком не к взлету, а к вылету вон.

Важнейшие бумаги Казначейства поступали к нему на замечания. Он считал своим долгом вникать в любое дело, по которому, как он подозревал, намечались меры недостаточные или неправильные. Время от времени им овладевала страсть к подробностям, и он осаждал комитеты низшего уровня, стараясь докопаться, как изначально готовился вопрос. Иногда у канцлера Казначейства возникала потребность перекинуться с ним парой слов, и его отыски-

вали в министерстве торговли на заседании комитета, о существовании которого никто прежде и не слышал. Контактов у Кейнса было больше, чем у других высокопоставленных служащих, будь они выше или ниже его рангом.

Его инициативы часто возникали на основе отрывочной информации, поступавшей извне. Вскоре после своего прихода в Казначейство он заинтересовался боливийским оловом. «Прилагаемая переписка», с тревогой сообщал он Уэйли 3 октября 1940 г., показывает, что боливийцы, «как крысы», увильнули от своего соглашения с Англией по олову, и это «только вопрос времени, прежде чем все боливийское олово пойдет в плавильни США». Из Вашингтона Плэйфэр 3 апреля 1941 г. написал Уэйли: «Правы ли мы в предположении, что в последнее время [Мейнард] заинтересовался боливийским оловом? Недавние указания предъявить на сей счет весьма нелепый ультиматум большинству американского кабинета, с девятимесячным запозданием и на основе ложных представлений, мы воспринимаем как один из его диких срывов»[29].

Осенью 1941 г. Кейнс воспользовался пребыванием Ричарда Кана в Каире, чтобы послать ему свой изложенный на пяти страницах план реорганизации транспортной системы Ближнего Востока[30]. В начале 1942 г. он не жалеет ярких слов, возражая против предоставления британского займа Китаю — так называемого займа Нимейера, — о чем попросила армия, имея в виду помочь в противодействии японскому продвижению в Юго-Восточной Азии. В своей записке по этому вопросу он язвит, рассказывая, как Хаксли заглянул в энциклопедию '*Британника*' и обнаружил, что существуют: «сообразительность человека, сообразительность животных, сообразительность военных»[31]. В его архиве, хранящемся в Казначействе, есть папка, помеченная «Италия: памятники древности и художественные сокровища (охрана)». В 1945 г. он записывает: «Вопрос о финансировании восстановления Бирмы... предмет для меня совершенно новый. Возможно, недостаточная подготовка заставляет меня воспринимать этот документ как почти недоступный пониманию. Есть ли какая-нибудь возмож-

ность переписать его так, чтобы можно было разобраться, о чем же в нем идет речь?»[32] Даже для Кейнса существовали какие-то пределы. Он воспротивился попыткам вовлечь его в осуществление денежной реформы в Эфиопии и в запутанные дела *Британского института* в Мадриде. «В конце концов, можно позволить себе не выходить за рамки какой-то умеренной специализации функций», — написал он редким для него жалобным тоном[33].

Выдающимся государственным служащим Кейнса делал в конечном счете тот же набор качеств, который сделал его выдающимся экономистом. Начать с того, что, подобно Черчиллю, он всегда был полон жизненных сил и оптимизма; и неизменно при нем была уверенность, что для любой проблемы существует решение. Как подчеркивает Остин Робинсон, «вокруг Кейнса всегда что-нибудь происходило»[34]. Общение с Кейнсом, будь то на бумаге или в жизни, доставляло самое большое удовольствие, даже притом что его грубость могла порой и взрослого человека довести до слез. «Необычным, — писал коллега по Казначейству, — был его интеллект, завлекающий и пышущий жаром, всегда свежий, рождающий интересные, оригинальные мысли и возбуждающий...»[35] Канадский чиновник Дуглас Лепан описывал его рабочий кабинет в Казначействе как «чудесную кузницу», непрерывно ковавшую новые идеи[36]. Его мозг, считал Роберт Брэнд, отличался от мозга даже его самых интеллектуальных коллег: «Он как бы постоянно искрил. 'Сверкающий' — это единственный подходящий эпитет, который приходит мне в голову»[37]. Связанная с ним пожизненной дружбой Вирджиния Вулф выделяла те же его качества: «этот странный жар воображения, освещающий историю, пути человечества», «непрерывно работающий ум», но в той же мере готовый весело отзываться на мелкие события; «половодья его идей хватало и на главное русло, и на разбегавшиеся в стороны ручьи»[38]. Часто он бывал чрезмерно оптимистичным, ибо так верил в могущество мысли и силу убеждения, особенно собственных. Но в самые мрачные дни войны это были нужные заблуждения, да к тому

же у него не было ни малейшего недостатка в уравновешивавшем их скептицизме.

Однако сплошная суета — это не о нем. Как пишет Остин Робинсон, работа над какой-либо проблемой разбивалась, в представлении Кейнса, на три фазы: анализ, административные приемы, убеждение. Его ум плавно переключался с теории на план действий, и все это движение выражало себя неотразимо убедительным языком. Война предоставила Кейнсу возможность соответствовать его идеалу «экономиста-наставника», которому надлежит затрагивать «абстрактное и конкретное в одном полете мысли». Если в таких случаях несколько страдала чистота его мысли, то это именно и делало его выдающимся политическим советником.

Кейнс не был всего лишь сильным теоретиком. Он всегда четко представлял себе, чего требует от теории жизнь. Он стремился поставлять теорию, пригодную для использования, и постоянно приспосабливал свои теоретические поиски к заботам правительства. *Общая теория* была теорией занятости, выстроенной применительно к ситуации начала 1930-х гг. Мы уже видели, каким образом он подвел ее к тому, чтобы погасить инфляционные тревоги Казначейства (и экономический ортодоксии) в предвоенные годы, и как повернул ее в брошюре '*Как оплатить войну*'. Мы будем наблюдать тот же процесс в его работе над проектом создания Клирингового союза, где он использовал свою теорию предпочтения ликвидности как интеллектуальный стержень схемы пригодного к практическому использованию международного сотрудничества. Критически важным для его практических успехов было имевшееся у него чувство чисел, или «величин», как он предпочитал выражаться. Не имея специального образования статистика, он основательно превосходил большинство коллег в готовности опираться на числовые данные или оценки в подкрепление своих предложений.

Реже обращалось внимание на такую черту административного стиля Кейнса, как его готовность к компромиссу. Биографов Кейнса вводила в заблуждение его задирис-

тость, служившая приемом, который он, сознательно или подсознательно, пускал обыкновенно в ход, чтобы выявить слабости позиций — собственной и других. Первой реакцией Кейнса на чьи-либо предложения часто было одно презрение. Слова «пена», «дурь», «чушь» легко, слишком легко слетали у него с языка. Кингсли Мартин отмечал, что при первой встрече с человеком он склонен был зачислять его в разряд дураков, «часто не понимая, какое парализующее действие оказывает на того сама его личность»[39]. Но его первая реакция необязательно становилась и второй, и третьей. Он мог опрокинуть любые доводы, в том числе самые весомые, и, стерев оппонента в порошок, заставить согласиться с его собственной, пусть и несостоятельной, аргументацией. Однако он умел сохранять лицо, изящно поправляя самого себя. Многие отмечали его способность с одинаковой уверенностью отстаивать противоположные точки зрения.

Обвинения в непоследовательности — это, скорее всего, преувеличения. Логику Кейнс обычно отличал от тактики. Он понимал разницу между главными редутами, которые следует отстаивать непременно, и аванпостами, которыми можно и пожертвовать. Твердость в общих принципах и много гибкости и ловкости в их применении — таков был его рецепт политического успеха. В некоторых отношениях он следовал образу мысли государственного служащего: в отличие от Мида, он быстро схватывал, какие ограничения навязываются политическими обстоятельствами, и, маневрируя своими силами, умел за эти пределы не выходить.

Говорили, что он слишком много шел на компромиссы, что под предлогом тактических отступлений он поступался ключевыми позициями или даже что не существовало никаких принципов, которые он стал бы защищать до последнего. Ум, изобретательность, гибкость он ставил выше разумности и создавал впечатление, что жить в наилучшем из миров дано каждому, кто является Кейнсом или подобием Кейнса, то есть человеком достаточно высокого интеллектуального уровня. Эту тягу к рационализации мы

уже видели в его поведении на переговорах по ленд-лизу в 1941 г.; мы увидим ее снова в Бреттон-Вудском компромиссе и в согласии с условиями американского займа — в случаях, когда ни одно из его первоначальных требований не было выполнено. Кейнс не был политиком, но порой кажется, будто в следовании принципу прагматизма он стремился перешагнуть и самые крайние границы.

Способности Кейнса убеждать чрезвычайно много добавляло его умение пользоваться языком. Записки, которые он подавал канцлеру, славились сочностью языка и иронией. И он никогда не лез в карман за острым словом. «Это — не антология, а энциклопедия банальностей», — вынес он как-то заключение по прочтении одного тщательно подготовленного служебного документа. Он не упускал случая скаламбурить. Звонкие фразы Кейнса выжигали занудство в окружавшем его мире деловой текучки. И они сильно действовали на прозаичных обитателей этого скучного мира, которые чувствовали себя попавшими на встречу с божественным пришельцем, способным говорить и на их языке, но имевшим про запас другой. Именно его поэзия, не меньше чем его логика, отражала и сводила на нет всякую критику. Порой этот дар пользы делу не приносил. Те, для кого Кейнс не был предметом обожания, расстраивались и приходили в ярость из-за его способности одерживать верх на обоих фронтах. Моргентау первоначально не воспринимал языкового обаяния Кейнса, хотя постепенно, подвергшись длительному его воздействию, оттаял и стал на него откликаться. Более того, своими дарованиями Кейнс пользовался, чтобы выигрывать споры, в которые ему не следовало вступать.

Наконец, и опять-таки недостаточно отмеченной, причиной его влияния в военные годы была его корпоративная верность. Какие бы внутренние чувства ни раздирали его, уважение коллег в Казначействе он завоевывал, показывая себя достойным игроком команды. Едва оказываясь «внутри», Кейнс всегда играл по принятым правилам. В отличие от жаждавшего публичной славы Уильяма Бевериджа, он не делал ни малейших попыток воспользо-

ваться положением посвященного лица, чтобы влиять на политику за пределами Казначейства, и в своих публичных заявлениях не выходил за рамки согласованных текстов. Показательным в этом смысле был его решение не выступать в палате лордов с дебютной речью, посвященной докладу Бевериджа, предложения которого Казначейство расценивало как выходящие за пределы имеющихся средств. Матери он объяснил: «Я слишком высоко ценю мои нынешние отношения с каждым из коллег в Казначействе, чтобы идти на риск оказаться по отношению к ним нелюбезным»[40].

Искрометный интеллект, дар аналитика, умственная и физическая энергия, способность приспосабливать теорию к действительности, административный талант, готовность искать компромисс, умение находить убедительные слова, верность интересам своего учреждения — таковы были сваи, на которых выстроилось и держалось влияние Кейнса в военные годы. «Насчет Мейнарда, — сказала однажды Лидия Бобу Брэнду, — правда в том, что он обладает невероятной силой воли. С этим ничего не поделаешь. Полагаю, что такими рождаются». Лишь ближе к концу стали появляться признаки упадка. Блестящими фразами все еще изобиловали его записки и разговоры, но на них все больше и больше наслаивалось многословие. На закате жизни Кейнс постепенно теряет способность выражать свои мысли кратко; или, сказать иначе, привычка диктовать в сочетании с большой усталостью в конце концов приступила к сбору дани.

С осени 1943 г. его здоровье стало ухудшаться все быстрее. Примечательно, в свете современных концепций, что он продолжал курить — слабые турецкие сигареты — правда, умеренно. Но главное, что подорвало его здоровье, это пять поездок с трудными миссиями в Соединенные Штаты в период с 1943 по 1946 г. Не работа перетруждала сердце Кейнса, а волнения и тревоги. Ничто никогда не доставляло ему большей радости, чем составление проектов. Но встречи лицом к лицу с американцами, постоянное перемещение по Вашингтону, чрезмерная рабочая нагрузка,

навязываемая напряженным расписанием, малочисленный состав британских делегаций, исполнение двойной роли эксперта и полномочного посланника, постоянная необходимость связываться с Лондоном — все это его изматывало, расстраивало, сердило и приводило в разбитое состояние. Почти до самого конца он проявлял замечательную способность восстанавливать свои силы. Всякий раз, возвращаясь на родину, он дней на десять уединялся в любимом Тилтоне, отдыхал и расслаблялся. В Казначействе его отсутствие вызывало тревогу, но еще большими волнениями сопровождалось его возвращение к работе — всегда с новыми, беспокойными замыслами, которые он обрушивал на своих коллег.

5. Сверхурочные занятия

В оставшиеся годы жизни Кейнс находил себе дополнительные рабочие нагрузки за пределами Казначейства. Совет Кейнсу поубавить прыть имел бы точно такие же последствия, как совет часам, чтобы они не гнались за временем. Понимая это, его доктор, Плеш, избрал противоположную стратегию: когда Кейнс хвастался, что работает по десять часов в день, он предписывал ему работать по двенадцать. Кейнс легко мог взять отпуск в Кембридже, как он сделал во время Первой мировой войны. Вместо этого большинство уикендов во время учебных триместров он по-прежнему проводил как «постоянный житель» университетского городка, обычно вместе с Лидией на их квартире в доме 17а в Сент-Эдвард-пэсидж. Эти уикенды следовали установившемуся образцу. В пятницу вечером автомобиль забирал его у Казначейства и, подхватив по дороге Лидию на Гордон-сквер, доставлял на вокзал Кингс-кросс к поезду на Кембридж. В субботу утром происходило обычно собрание Совета колледжа, сопровождавшееся обедом в *Зале*, а во второй половине дня иногда еще проводилось заседание комитета управления недвижимостью. Вечером в субботу (иногда в пятницу) они с Лидией шли в

Театр искусств на драматическую постановку, оперу или балет, а перед спектаклем принимали гостей в театральном ресторане. Воскресенья выделялись для обеда с родителями и иногда посещения концерта в Часовне. В Лондон они, как правило, возвращались в понедельник утром.

До самой своей смерти он оставался первым казначеем Королевского колледжа, хотя тщательная подготовка ежегодных счетов стала заботой Дэди Райлэндса и служащих. Предложение Ричарда Кана взять на себя казначейские обязанности Кейнса было с негодованием отвергнуто: «Многие дела колледжа доставляют мне истинное наслаждение, и без них мне было бы тоскливо. Они ничуть не обременяют меня сверх меры»[41]. С другой стороны, в 1943 г. он отказался от мысли возглавить кембриджскую кафедру экономической теории вместо уходившего в отставку Пигу. Уговаривавшей его Джоан Робинсон он объяснил, что не сможет после войны вернуться к чтению лекций — занятию для него изнурительному. Ричард Кан также отказался выдвигать свою кандидатуру; кафедру с благословения Кейнса принял Деннис Робертсон[42].

Кейнс отнюдь не ограничивался бездеятельным присутствием на заседаниях *Руководящего совета*. Под конец жизни по едва ли стоившему того поводу — Совет колледжа представил доклад, заминавший истинные причины увольнения эконома, — Кейнс разразился гневом в адрес ректора Шеппарда, написал ему письмо с обвинением в слезливом человеколюбии, требовал возвращения к «открытому честному разговору, принятому у наших предшественников», настаивал, что непризнание различий в способностях «опустошает эту страну по всем направлениям», и заявлял в заключение, что «если нам суждено докатиться до погибели, то явится она... в слезах и соплях»[43].

Главными радостями его жизни в Кембридже были родители и кембриджский *Театр искусств*. Воскресные обеды со *starychki* на Харви-роуд, 6 непременно входили в расписание его проводимых в Кембридже уикендов и доставляли тем большее удовольствие, что родители с искренней радостью видели у себя Лидию. При неизбежных

в их возрасте невзгодах Невилл и Флоренс на здоровье не жаловались. Глубокая старость принесла наконец Джону Невиллу Кейнсу полное избавление от омрачавших его более активные годы переживаний, связанных с работой и мировой обстановкой. Перепады в ходе военных действий мало нарушали его тихую жизнь пенсионера, которую он заполнял тем, что пополнял свою коллекцию марок, слушал любимые оперы, играл в бридж и пил свои отборные вина.

В краткой речи на завтраке, которым 30 августа 1942 г. Королевский колледж отметил девяностый день рождения его отца, Кейнс, со свойственными ему изяществом и тактом, нарисовал обобщенную картину надежд, разочарований и утешений долгой жизни Невилла Кейнса:

> Я стараюсь представить себе, каким он был до того, как я его узнал... Элегантный интеллектуал средневикторианской эпохи, читатель Суинберна, Мередита, Ибсена, покупатель обоев Уильяма Морриса, с усами и бакенбардами, скромный и трудолюбивый, но довольно богатый, весьма расположенный получать удовольствия, довольно экстравагантный в строго соблюдаемых пределах, беспредельно щедрый, очень общительный; любитель развлечений, вина, игр, романов, театра, путешествий; но его работа все более окутывается мрачной тенью, по мере того как головные боли располагают к видению сумрачных и гнетущих сторон любого будущего. И затем его уход от дел, постепенный, очень постепенный, уход к дорогой жене, опоре его семейства... Он стал совершенным, любимым, надежным родителем, щедрым, сдержанным и застенчивым, дающим вам полную свободу следовать собственным желаниям и суждениям, но не утаивающим своего мнения.
>
> В течение тридцати трех лет он был одним из лучших за все времена администраторов, и в эти годы Университет был, на мой взгляд, лучшим местом, чем когда-либо прежде или потом.

Отрешенное спокойствие Невилла резко отличалось от деятельной, беспокойной жизни его жены Флоренс, уступавшей ему в возрасте всего девять лет. Оставив в сере-

дине 1930-х гг. большую часть своих общественных забот, она принялась изучать историю Кембриджа и собственной семьи, написала на эти темы две книги, изданные уже после смерти Мейнарда. В качестве своего вклада в военные усилия страны она селила на Харви-роуд, 6 матерей-одиночек. Особую радость она испытала, когда, с уходом на покой лорда Элтисли, Мейнард стал старостой городка; при этом она с гордостью подчеркивала, что в родословной сына соединялись «Университет и Городок, поскольку его отец был секретарем-регистратором в университете, а мать — мэром городка». Введение его в должность 6 марта 1943 г. стало почти семейным делом, на церемонии присутствовали оба родителя и многочисленные родственники.

Отношение Мейнарда к родителям оставалось — и, судя по всему, всегда было — нежным и внимательным без открытого выражения чувств. Они гордились им и следили за его делами, не докучая своей любознательностью. Так что он сообщал им то, что им, и особенно матери, хотелось слышать: факты своей жизни, новости о своих назначениях, свои мнения по большим и мелким вопросам. Письма военного времени, которые он посылал им из Тилтона и заграничных поездок, насыщены информацией и многословны. Перечисляя свои публичные выступления, достижения, почести, которых удостоился, он сохраняет тон иронической отстраненности, своего рода веселого удивления, как и подобает истинному сыну Кембриджского университета, чье настоящее призвание — созерцать, а не действовать. Эти письма едва ли дают ключ к «внутреннему» Кейнсу — Кейнсу, способному угрызаться и изнывать от неуверенности в себе. А может быть, такого Кейнса уже больше не существовало?

Не оставлял он без внимания и других родственников. В переписке с братом Джеффри, теперь коммодором авиации, он обсуждал семейные дела, покупки антикварных книг — Беркли, Спинозы, Локка. С зятем А.В. Хиллом, независимым парламентарием от Кембриджа, они обменивались соображениями насчет военной стратегии. Тете Джесси Ллойд, одной из сестер Флоренс, собиравшейся в

память ее дочери Мюриэл Ллойд завещать деньги Ньюнем-колледжу, он советовал вложить их в строительство нового здания с «очень хорошей квартирой для ректора».

Свою щедрость и заинтересованное внимание Мейнард распространял на племянников и племянниц, хотя щедрость часто была заметнее, чем внимание, поскольку он осыпал их дарами в виде вкладов, приносивших доходы. У него был слишком устрашающий вид, чтобы легко добиваться успеха у детей своих родственников или друзей, но он старался быть хорошим дядей. В начале 1945 г. он пригласил Ричарда Кейнса с его новой невестой Энн Эдриан провести их медовый месяц в Тилтоне; племянники приезжали в Тилтон на Рождество пострелять. Он серьезно относился к занимавшим их вопросам. Когда в 1943 г. Квентин Кейнс в письме, посланном ему из Вашингтона, неодобрительно отозвался о мерах валютного контроля, предусматриваемых проектом *Клирингового союза* — потому что, «если сказать предельно просто, это будет означать, что, не обратившись за разрешением на обмен валюты, никто не сможет взять и десяти фунтов, чтобы потратить их на уикенде в Париже», — Кейнс взял на себя труд ответить со всей обстоятельностью. «Совершенно недопустимо, чтобы отдельным лицам разрешалось делать инвестиции за границей... независимо от нашей коллективной способности их финансировать, — писал он Квентину. — К сожалению, следствием будет предписание туристам и путешественникам брать разрешение на вывоз денег из страны. Я только надеюсь, что толковать это будут в надлежаще либеральном духе»[44].

В Кембридже 7 ноября 1942 г. Кейнс присутствовал на торжествах по случаю столетия со дня рождения его старого учителя Альфреда Маршалла.

> Все были там [написал он Ричарду Кану 13 ноября], и за последнее время это было одно из самых приятных чаепитий. Проф [Пигу] появился в явно новом костюме и был обвинен в том, что взял его напрокат, но он заявил, что костюм пролежал обернутым в плотную бумагу с прошлой войны...

Госпожа Маршалл целых десять минут говорила без бумажки. Пьеро [Сраффа] смущенно прятал голову из страха, как бы не упомянули о его фиаско с Рикардо, когда в последний момент он не пошел читать свою лекцию... Между тем [его] пригласили на службу в Отдел политической войны, чтобы продвигать революцию в Италии. Но даже на сей счет он, судя по всему, пребывает в нерешительности и от предложения может уклониться.

Кейнс нашел время написать содержательный некролог в связи с последовавшей 7 марта 1944 г. смертью Мэри Пэйли Маршалл. Кончина Диллвина Нокса 27 февраля 1943 г. явилась болезненным напоминанием о первой в его жизни любви. «Нам, его близким друзьям по Итону и Королевскому колледжу, грустно думать, что мы никогда больше не увидим нашего любимого Дилли», — написал Кейнс в '*Таймс*' 10 марта. В июне 1943 г. в кембриджском Тринити-колледже он прочитал свое эссе '*Ньютон-человек*' — отрывок из намеченного им к 300-летию со дня рождения Ньютона гораздо более пространного исследования, завершить которое он никак не мог за отсутствием свободного времени. Изучение жизни Ньютона дало ему повод изложить свое *credo* биографа. «Мы страдаем от привычки, — написал он Юстасу Тилльярду, — воспринимать великих людей прошлого, соотнося их с тем, что произошло впоследствии... вместо того чтобы учитывать, что было прежде и что они вбирали в себя в юности. Традиция подает [Ньютона] как вполне типичную личность восемнадцатого века, почти рационалиста вольтерьянского склада. На деле же весь его образ мысли, все черты характера корнями уходили в то, что предшествовало его жизни. Он был, как я выразился, последним кудесником, а не первым рационалистом»[43]. То есть внимательный учет контекста критически важен для понимания идей мыслителя. Такой подход к писанию истории мысли стал теперь обычным, но тогда эссе Кейнса было в значительной мере трудом первопроходца. Имел ли он также в виду сказать, как ему самому хотелось бы найти понимание у будущих поколений?

В декабре 1940 г. Кейнс перестал наконец лично следить за распространением билетов на спектакли *Театра искусств*. Заявил, что в дальнейшем сохранит за собой только определение общих принципов деятельности театра. Но так у него, конечно, не получилось. В 1942 г. он приложил много сил, чтобы привлечь продюсера Нормана Маршалла, который сколотил постоянную труппу *Театра искусств*, игравшую в течение двенадцати весенних недель 1943 г. пьесы Ибсена и Чехова: «Как раз то, о чем мы так долго мечтали», — сказал Кейнс управляющему Норману Хиггинсу. При всем том он просил Маршалла сделать что-нибудь «для повышения среднего уровня жизнерадостности спектаклей! В наше время можно выносить лишь умеренную дозу мрака и смятения». В Маршалле он несколько разочаровался — «бездельник и... лишен воображения; довольно труслив и несведущ в деталях»; Хиггинс, в отличие от него, был «энергичным, надежным, сообразительным... всем, чего можно было желать, и гораздо более того»[46]. Годы войны были счастливым временем театра, он всегда был полон благодаря притоку в Кембридж эвакуированных, правительственных чиновников и военнослужащих, включая американских военных летчиков. Кейнс за свой счет покупал билеты для трех тысяч школьников, чтобы они могли посмотреть '*Игрушечную принцессу*', стихотворно-музыкальное представление, придуманное Дэди Рэйландсом.

Вдобавок к заботам о театре в Кембридже Кейнс ухитрялся уделять исключительно много внимания своей ферме в Тилтоне, которая теперь, поддерживаемая значительными субсидиями, стала частью развернутого в военное время движения за самообеспечение страны сельскохозяйственной продукцией. Притом его угодья сильно расширились после того, как в 1941 г. Кейнс и Логан Томсон, его управляющий, взялись совместно приводить в порядок ферму в Чарлстоне — «чтобы спасти ее разваливавшиеся постройки», как пишет Фрэнсис Спалдинг. Кейнс дал Томсону денег, посодействовав его становлению в качестве самостоятельного фермера и согласившись, что тот вернет

долг из прибыли, которую будет приносить Чарлстон. У них теперь было 600 акров, и Кейнс имел возможность ежегодно засевать 100 акров пшеницей. Фред Вуллард, его шофер, получил великолепный новый трактор ценой в 600 фунтов. Относящаяся к военному времени, полная подробностей переписка Кейнса и Логана образует толстую папку, хранящуюся в архиве Кейнса в Королевском колледже. Как обычно, он хотел все знать и во всем разбираться. Давал Томсону подробные наставления, что сажать в огороде; добивался объяснений, почему в 1944 г. в Чарлстоне так плохо уродилась пшеница. В октябре 1941 г. у него было двенадцать работников, включая Квентина Белла, который ухаживал за свиньями, получая 2 фунта в неделю. Квентин не отличался навыками сельского жителя. Устраивая в декабре 1943 г. фазанью охоту, Логан Томсон писал Кейнсу: «Вы можете, вероятно, сбросить со счетов Квентина... насчет чего-либо подстрелить».

Кейнс был расчетливым хозяином. Однажды он объявил о повышении зарплаты, но отменил бесплатную выдачу молока, обходившуюся ему дороже этой прибавки. В 1942 г. он обратился в Управление заработной платы с предложением снизить оплату труда пожилых работников: «Главное — не в том, что им не хватает навыков, а в замедленности их действий». На сообщение о том, что «старика Гораса» забрали в тюрьму, Кейнс отозвался: «Жаль, что старика Гораса... уже поместили в его предпоследний дом».

В феврале 1941 г. ему пришлось дать отпор капитану Уиллису, вознамерившемуся реквизировать Тилтон под небольшой штаб. Кейнс — не без оснований — вышел из себя. «Исключено!» — гремел он. Мол, для него самого, его жены, его «пожилой домоправительницы», поварихи и ее дочери это постоянное место жительства. Имея деятельного и толкового управляющего, он тем не менее считал себя обязанным находиться в Тилтоне и самому заниматься делами фермы. После трех лет серьезной болезни он снова с полной отдачей сил работал в Казначействе, но все еще должен был беспокоиться о своем здоровье, и жизнь в деревне была необходима ему для выздоровления. «Боюсь,

лишившись загородного дома, я попал бы в положение, серьезно ограничивающее мою физическую способность выполнять важные служебные обязанности в Казначействе». Так он ответил на предложение о реквизиции и больше о ней не слышал.

Сколько позволяли рабочие дела, Кейнс поддерживал контакты со старыми блумсберийскими друзьями и всячески помогал им справляться с трудностями военного времени. Он по возможности не пропускал организуемых Молли Маккарти встреч *Клуба воспоминаний*, на которые сходились старый и новый Блумсбери. Дункан Грант и Ванесса Белл просидели всю войну в Чарлстоне, ведя «относительно тихую жизнь, складывавшуюся из живописи, работ в саду, разведения цыплят и общения с немногими людьми»[47]. За то время, что Мейнард выздоравливал в Тилтоне, он виделся с Дунканом больше, чем в 1930-е гг., и обитатели Чарлстона, как правило, заявлялись в Тилтон на рождественские праздники, во время которых Лидия и Дункан заправляли «развлечениями». Кейнс помог с финансированием религиозных фресок Дункана, Ванессы и Квентина, расписавших в 1942–1943 гг. стены Беруикской церкви, и дал денег, а также предоставил несколько картин для замечательной художественной галереи, открытой в Льюисе двумя эксцентричными сестрами — миссис Фрэнсис Бинг Стэмпер и мисс Каролиной Бинг Лукас.

Покупки картин Кейнс временно остановил, хотя по случаю добавил в свое собрание полотно Айвона Хитченса. Он разделил с Дунканом и Ванессой неодобрительное отношение к вступлению в 1942 г. их дочери Анжелики в брак с Кроликом Гарнеттом. Даже по меркам нетребовательной морали Кейнса женитьба бывшего любовника Дункана на дочери Дункана представлялась чем-то чересчур вызывающим.

Кейнс не покидал должности редактора '*Экономического журнала*' до февраля 1945 г. Главное, что его удерживало, это стремление не отстать от развития экономической мысли. Материалы журнала следовали с ним во всех поездках военного времени в Америку. Свою речь на обеде,

устроенном по случаю его ухода с поста редактора, он завершил тостом «за экономистов, которые являются опекунами не цивилизации, а возможности существования цивилизации». Хэррод совершенно справедливо подчеркивает его осторожность в выборе слов: «Он сказал то, что хотел сказать»[48]. Кейнс до самой смерти оставался председателем правления '*Нью стейтсмена*', хотя журналистский стиль этого издания становился ему все более и более неприятным. В 1945 г. он возразил против публикации статьи Эйлмера Уолланса, «полной тех уловок, притворства и глумливых насмешек, которыми коммунисты и их попутчики обычно прокладывают путь к строительству совершенного общества»[49].

В январе 1943 г. он покинул пост вице-президента *Мальтузианской лиги* в знак протеста против решения ее Совета потребовать от правительства, чтобы оно приняло меры для ограничения плодовитости бедняков, то есть против установки, которую он одобрял в молодости, но которая теперь, в свете гитлеровских экспериментов с евгеникой, поразила его своей грубой бездушностью. В отличие от этого, опекунство над Национальной галереей, на которое Кейнс согласился в октябре 1941 г., представлялось ему «необременительной работой, очень приятной и благородной». На это его назначение Саймон Курто откликнулся словами: «Все наши самые достойные учреждения перестраиваются».

В течение всей войны Кейнс, как всегда, много читал и на заинтересовавшие его книги отзывался комментариями, часто весьма пространными. Его письмо Фридриху Хайеку по поводу '*Дороги к рабству*' было важнейшим выражением его политической и экономической философии. Его «так очаровала» книга Айвора Брауна о жаргонных выражениях '*Слово, которое вы слышите*', что «захотелось послать [ему] пару дополнительных примеров»[50]. В 1943 г. портрет Кейнса, исполненный пером Брауна, появился в '*Обсервере*'. Он предстал читателем, предлагающем свое мнение о рукописи статистика Адни Юла под названием '*Статистика литературного словаря*', в которой Юл под-

считывает, сколько каких имен существительных используют различные авторы. «Это чересчур узкий фронт, чтобы разворачивать на нем наступление такими большими силами», — отозвался Кейнс[51]. Лето 1942 г. застало его читающим гранки первого тома '*Истории Английского банка*' Дж.Х. Клэпэма; на восьми страницах он изложил свои замечания на эту «прелестную» работу и выразил недоумение, каким образом *Банк* сохранял свои резервы в течение первых ста лет его существования[52]. Он помогал чешскому беженцу Вернеру Штарку в его стараниях заново открыть и реабилитировать Бентама, добыл для него работу — чтение лекций в Кембридже — и из собственного кармана выдал ему несколько грантов[53].

В мае 1943 г. советский посол Майский послал ему статью академика М. Митина на тему '*Двадцать пять лет философии в СССР*', выразив надежду, что Кейнс сможет поместить ее в солидном английском журнале и тем самым посодействует «укреплению культурных связей между нашими двумя странами». «Этот интересный, но скорее патетический документ», не имеющий «ничего общего с философией, но зато по-настоящему интересный с социологической точки зрения», Кейнс передал Леонарду Вулфу, издававшему '*Политикал куотерли*' ('*Political Quarterly*'). Вулф отклонил статью, объявив ее полнейшим вздором. «Хотел бы я знать, что такое диалектический материализм. Но богатый опыт множества попыток разобраться говорит мне, что дело безнадежное и это навсегда останется для меня книгой за семью печатями. Я так никогда и не узнаю, о чем речь». Кейнс упорствовал и обратился к редактору '*Философии*' Сиднею Хуперу, который ее также отверг. Кейнс уговаривал его пересмотреть это решение хотя бы только ради того, чтобы показать, «какая дурь бродит в головах рода человеческого»[54]. Марксизм оставался для Кейнса «мертвой зоной». Несколько дней отпуска позволили ему прочитать небольшую книгу Джоан Робинсон '*Эссе об экономической теории марксизма*'. «Я нашел книгу в высшей степени интересной, — написал он ей. — И это так, несмотря на тот факт, что нечто скучное присутствует

во всякой попытке найти смысл там, где его нет... У меня осталось чувство... что он [Маркс] не был лишен проницательности и оригинальности, но был воистину очень плохим мыслителем...»[55]

В последние годы жизни книжные закупки Кейнса все больше и больше обращаются на приобретения ранних поэтических и драматических изданий времени Елизаветы и Стюартов, отчасти потому, что он считал это коммерчески выгодным, а отчасти потому, что они «кажутся мне глупыми и невротичными как раз в том смысле, какой доставляет мне удовольствие»[56]. На аукционах и по каталогам продавцов-специалистов он купил прекрасные издания. В них он погружался, сидя солнечными днями на своей террасе в Тилтоне, особенно когда приступы плохого самочувствия навязывали ему отдых, и обсуждал их содержание и рыночную стоимость с экспертами, которым писал взволнованные письма, заполненные суждениями просвещенного дилетанта.

6. Снова в своей школе

Помимо работы в Казначействе, Кейнс выполнял во время войны еще две важных обязанности. 17 декабря 1941 г. зять Сэмюэля Курто А. Батлер, возглавлявший министерство образования, попросил его стать председателем *Совета содействия музыке и искусствам* (*СЕМА*). Его деятельность, связанную с этой организацией, удобнее будет рассмотреть ниже. Но ей он едва ли отдавал больше сил и времени, чем работе на благо своей старой школы. В июле 1940 г. по предложению Р.К. Мартино он был избран представителем восьмидесяти учителей, составлявших *Руководящий совет* (называемый *ученым сообществом*) Итона. 5 октября его приняли в это сообщество, и на том же собрании он был введен в состав комитета, определявшего общие задачи школы. Кейнс не был бы Кейнсом, если бы не придал своему назначению самого широкого смысла. На первом же заседании комитета «он заявил о

ряде требований школы [выдвигаемых в связи с повреждением во время воздушных налетов зданий, принадлежащих Итону в Лондоне]» и вскоре уже подавал свои советы относительно инвестиционной политики Итона и улаживания его налоговых дел, управления средствами доверительных фондов и имуществом, как и будущих отношений с государственной системой. Это помимо разбора жалоб школьного персонала. Кейнсу нравилось снова оказаться в школе. Комитет общих задач проводил по одному заседанию каждые два месяца, *Руководящий совет* собирался трижды в год. Кейнс приезжал обычно в пятницу вечером, оставался на ночь у директора школы Клода Эллиота и в субботу отбывал поездом в Кембридж. Между заседаниями случалось вести большую переписку; когда другие обязанности не позволяли ему лично присутствовать в Итоне, он сообщал свои мнения письменно, часто в очень пространных посланиях.

Кейнс взвалил на себя эти дополнительные заботы не только потому, что такая работа доставляла ему наслаждение, но и потому, что он был страстно предан идее сохранения Итона на плаву. Это было частью его традиционализма, подкрепленного воспоминаниями о счастливых школьных годах. Раз уж он ввязался в дело, ничто не могло остановить его неугомонных стараний довести это дело до успеха. Еще до формального избрания членом ученого сообщества Итона он разнюхал кое-какие изъяны тамошней системы — недостаточные пенсии, назначаемые экономкам, «нелепые» возрастные сроки для выхода на пенсию учителей[57]. Осудив инвестиционную и пенсионную политику школы как крайне неэффективные с налоговой точки зрения, он создал Комитет по капиталовложениям и на нескольких страницах набросал новую программу пенсионного обеспечения[58]. К своим обязанностям представителя учительского состава он относился серьезно, участвовал в разрешении множества споров, что часто требовало переворачивать горы бумаг. Эти дрязги Кейнс улаживал с замечательным тактом и здравым смыслом. Знаменитую затянувшуюся тяжбу двух заведующих пансионами, Тэйта и

Эсшетона, каждый из которых стремился получить в свое ведение дом побольше (пансионы для мальчиков существовали тогда на коммерческой основе), он завершил твердым решением о переводе заведующих на жалованье, каковая реформа и была проведена в 1945 г. Иногда даже его терпению приходил конец. 23 января 1943 г. он писал казначею: «Вот копия письма, которое я написал Колкуону по поводу его проклятой газовой плиты... Не могу понять, как здесь можно усматривать основание для обращения в палату лордов».

Многие действия Кейнса ушли в историю Итона, но некоторые остаются свидетельствами его общего отношения к делу. Изучающих экономическую теорию кейнсианства может повеселить следующая записка, полученная им от директора школы: «Я разбираюсь с вашими предложениями насчет сбалансированного бюджета»[59]. В *Руководящем совете* его ближайшим союзником был банкир Джэспер Ридли, но когда Ридли отказался поддержать его предложение о покупке австралийских долларовых облигаций, Кейнса это толкнуло на отчаянное заявление относительно своей инвестиционной философии: «Мой главный принцип... — идти наперекор общему мнению на том основании, что, если все это мнение разделяют, инвестиция неизбежно становится дорогостоящей и потому непривлекательной... Весь смысл вложения капитала в том, что большинство людей не соглашается с вашим выбором. Так что, если другие заинтересованные лица не имеют ко мне достаточного доверия, чтобы я мог сделать попытку, тогда — и это в порядке вещей — я должен воздержаться от участия в неравном бою»[60].

Немалое восхищение, как, впрочем, и раздражение, частенько вызывал у Кейнса живший при школе величественно эксцентричный ректор Итона «Линки» Квиксвуд, в прошлом лорд Хью Сесил, въедливый, педантичный приверженец Высокой церкви, тори, строго державшийся традиционных манер — к обеду выходил не иначе, как в коротких, по колено, бриджах, — и еще более упорно традиционных взглядов. Войну он воспринимал как плебейское

нарушение освященного временем распорядка жизни и противился устройству бомбоубежищ на том основании, что они не предусмотрены школьным уставом. «Безжалостные установки средневекового учителя, с которыми он подходил к решению человеческих проблем, не всегда находили себе признание», — замечает Кеннет Роуз[61]. Кейнс появился в разгар ужасной ссоры, возникшей между Квиксвудом и директором школы, добивавшимся контроля над избранием членов ученого сообщества — традиционной прерогативы ректора и членов этого сообщества. Линки обвинял Клода Эллиота, человека «блестящих административных способностей», но «одержимого жаждой власти», в том, что тот пытается дополнительно закрепить ректора в положении «бесправного монарха». Почуяв запах битвы, ректор бросился искать поддержку своей позиции в древних уставах. «Ярчайший пример неправильного приложения интеллектуальных сил», — таков был приговор Кейнса, начертанный им на письме Квиксвуда, в котором тот на шести страницах обосновывал свое право председательствовать в экзаменационной комиссии. В конце концов общее истощение сил привело к компромиссу. «Обратите внимание, сколько было вложено [в спор] искусства государственного управления, — сказал развеселившийся Кейнс Фрэнсису Крусо, экзаменатору кандидатов в ученое сообщество. — Его познания в богословии и мои в метафизике позволили нам с ректором заключить конкордат, который вы, надеюсь, сочтете удовлетворительным. Экзаменаторы не будут обязаны составлять списки кандидатов с указанием, кто какое занял место, но не возникнет никаких возражений, если голосующим на выборах они станут передавать списки, которые, будь это позволено, они склонны были бы составить»[62].

К 1944 г. Линки Квиксвуд готов был оставить должность. Перед войной он нападал на епископов, отказывавшихся удаляться на покой до того, как их уделом становилась старческая немощь. 14 октября, когда ему исполнилось семьдесят пять, он сам внезапно объявил о своей отставке. «Так что вместо рая я отправляюсь в Борнмаут», —

сказал он собранной по этому случаю школе. На смену ему пришел вице-ректор Генри Мартен, который учил истории Кейнса, а теперь в расположенном по соседству Виндзорском замке преподавал тот же предмет принцессе Елизавете.

Кейнс и сам порой, особенно после 1943 г., подумывал об уходе с государственной службы — это, как он полагал, могло бы послужить интересам воспитания общества. Официальное положение заставило его отказаться от ряда соблазнительных предложений, в том числе от приглашений прочитать в Оксфорде ежегодную *Романесовскую лекцию* 1942 г. и требовавшую меньшей затраты сил на подготовку *лекцию памяти Стэмпа* в Лондонской школе экономики. Ключевой вопрос состоял в следующем: должен Кейнс продолжить свою работу в Казначействе или ему следует заняться подготовкой общественного мнения к послевоенной действительности? 7 февраля 1943 г. Кейнс писал сэру Джорджу Шустеру, отвечая на одно из таких предполагавших отставку предложений: «Вполне может, я думаю, наступить время, когда более полезными станут попытки влиять на общественное мнение... Но мне кажется, что для них время еще не пришло... Уайтхолл ... очень настроен на созидание и инициативы — по крайней мере Казначейство. Пока мы как команда действуем довольно успешно. И пока дело обстоит так, я полагаю, что командная работа может давать делу больше, чем лай одинокой собаки»[63]. Созидательным делом, которым совместно занимались он и Казначейство, был проект международного *Клирингового союза*.

Часть восьмая

ЛУЧШЕ, ЧЕМ В ПРОШЛЫЙ РАЗ

Недалек тот день, когда экономическая проблема отойдет, как ей и положено, на задний план и... как подобает, ареной сердца и ума завладеют или на нее вернутся наши реальные проблемы — проблемы жизни и человеческих отношений, творчества и поведения и религии.

J.M. Keynes, ***Essays in Persuasion***

XXXVI
«Новый порядок» Кейнса

1. Подготовка сцены

Даже в самые мрачные дни Второй мировой войны все, кто думал о будущем, видели перед собой одну важнейшую цель: добиться успеха большего, чем в прошлый раз. Конечно, во время Первой мировой войны тоже рождались планы переустройства жизни к лучшему. Но программа Вильсона — национальное самоопределение, соглашения, достигаемые в открытых переговорах, Лига Наций — касалась главным образом институционального и политического порядка. В делах экономических, пусть и меньше, чем в социальной жизни, громко звучал тогда призыв: «Назад к 1913 г.!» Во Второй мировой войне никто не желал «вернуться» к 1930-м. Оставались, как и тогда, проблема Германии, проблема поддержания мира. Но что было во Второй мировой войне отличного от первой, так это намного большее место, которое люди в своих преобразовательных устремлениях отводили вопросам экономической и социальной политики. Большинство размышлявших на эти темы полагали, что именно несостоятельные устройства экономической жизни породили в межвоенные годы такую, по слову Кейнса, «сумятицу». Самого Гитлера можно было рассматривать как крайнюю реакцию на крайне острое воздействие Великой депрессии, которому подверглась Германия. Задачами войны должны были стать полная занятость, социальная защита, международное партнерство, а не какие-то шальные военные завоевания.

Огромной неизвестной величиной были Соединенные Штаты. Среди высших чиновников в Англии и Америке существовало широкое, хотя и не всеобщее понимание, что изоляция Соединенных Штатов была важной причиной происшедшего в межвоенные годы крушения экономики и системы безопасности. В девятнадцатом столетии Англия, по выражению Кейнса, дирижировала международным оркестром. После Первой мировой войны она заметно утратила способность выполнять эту роль. В результате оркестр раскололся, и каждый стал дуть в свою дуду. Было ли у Соединенных Штатов желание взять в руки дирижерскую палочку? Это далеко не было ясно. В 1941 г. их даже не было среди участников войны. Но они имели программу для послевоенных лет — устранение всякой дискриминации в торговле и ленд-лиз, мощный рычаг, с помощью которого имелось в виду принудить к этому Англию. Кейнс видел в этом «завиральные предложения г-на Хэлла». Завиральные, потому что им явно не хватало профессионализма и вдохновлялись они, в сущности, своего рода верой. А Кейнс был прагматиком. Так что возможность согласия с американской программой не исключалась в том случае, если удалось бы убедить правительство США, что ее следует подкрепить кое-какими дополнительными мерами и институтами, включая американские деньги и американское руководство.

Непременным стержнем всех сражений Кейнса с американцами было его основополагающее убеждение, что Новый свет находиться в одной упряжке со Старым светом, коль скоро последний намерен наслаждаться длительным миром и процветанием. Исходя из долгосрочных интересов Британии следовало добиваться этого, даже ценой возможных унижений. Таково было далеко не единодушное, но, пожалуй, преобладавшее мнение британских элит. Тем самым в значительной мере объясняется нечто в противном случае необъяснимое, а именно готовность, с какой Англия шла навстречу американским пожеланиям как во время войны, так и после нее.

Перед его отъездом из Вашингтона в июле 1941 г. Кейнсу вручили подготовленный государственным департа-

ментом проект статьи VII договора о ленд-лизе. В виде «возмещения» за ленд-лиз от Англии требовалось взять на себя обязательство, что после войны она не будет подвергать «дискриминации» американские товары. Между августом 1941 г. и февралем 1942 г. британская стратегия в отношении проекта статьи VII следовала двумя параллельными курсами. Первый был направлен на внесение в нее таких поправок, которые освобождали бы Англию от каких бы то ни было определенных обязательств в обмен на американские поставки. Второй предполагал выдвижение таких предложений, которые шли или якобы шли навстречу американским запросам. 17 октября Кейнс написал Ачесону: «По возвращении я здесь обнаружил, что Уайтхолл гораздо больше прежнего расположен проявлять серьезный интерес к послевоенным проблемам и уже создан ряд высоких комиссий с поручениями работать над ними»[1].

7 декабря 1941 г. весь контекст переговоров о ленд-лизе изменился в связи с нападением японцев на Перл-Харбор и вступлением Америки в войну в Европе. Британцы теперь надеялись, что разговор о «вознаграждении» за ленд-лиз утонет в риторике насчет совместных жертв в борьбе за общее дело. Они были встревожены образованием стерлинговых авуаров, которым предстояло накапливаться по ходу войны на Тихом океане. Монтегю Норман полагал нужным склонить американцев к согласию на «политику объединения ресурсов без всяких оговорок насчет вознаграждений теперь или в дальнейшем»[2]. Галифакс надеялся отложить окончательные решения о «возмещении» до окончания войны. Не произошло ни объединения ресурсов, ни отсрочки переговоров. Соединенные Штаты упорно твердили, что «долг» уже образовался и давали понять, что все дальнейшие поставки Англии будут идти на тех же условиях ленд-лиза, что и прежде. На состоявшейся в августе 1941 г. встрече с Рузвельтом в Ньюфаундленде Черчилль, считаясь с отсутствием единства в своем кабинете[3], вычеркнул из *Атлантической хартии* слова «без дискриминации» и сумел уйти от обсуждения статьи VII в целом, когда в декабре того же года посетил Вашингтон с целью скрепить *Великий союз*.

Более серьезной заботой Кейнса стал поиск какого-нибудь способа, который позволил бы Англии без ущерба для себя принять статью VII Соглашения о ленд-лизе. С самого начала ему было ясно, что возвращение к золотому стандарту и свободной торговле исключается. Но не существовала ли возможность восстановить в рамках серьезной реформы валютных отношений систему многосторонних расчетов, на которую опиралась растущая торговля в девятнадцатом столетии? Если все страны будут располагать достаточными резервами — чего прежний золотой стандарт обеспечить не сумел, — удалось бы, возможно, устранить большинство торговых барьеров, появившихся в 1930-е гг. и во время войны, и возродить единство мира, которое исчезло в 1914 г. Именно таково было настроение Кейнса, когда в августе 1941 г., в Тилтоне, он начал размышлять о «будущем устройстве валютных отношений»[4]. Этим размышлениям он предавался на протяжении большей части времени, оставшегося до конца войны. В Вашингтоне, в министерстве финансов США, Гарри Декстер Уайт также думал о «будущей организации валютных отношений». Компромисс между планами, которые разработали эти два человека, приведет к образованию того, что получит название Бреттон-Вудской системы.

Может показаться странным, что разработка планов экономического разоружения началась в рамках монетарных, а не торговых переговоров и продвигалась там быстрее. В конце концов, в статье VII речь шла о торговле, а не о деньгах. Но в этом был и логический, и политический смысл. В 1930-х гг. мировая торговля рухнула, потому что развалился золотой стандарт. Так что способ разблокировать каналы торговли состоял в том, чтобы обеспечить свободное движение денег, которыми оплачивались товары. Это требовало усовершенствования прежнего золотого стандарта. Представлялось также, что по денежным проблемам Англии и Америке прийти к согласию намного проще. Деньги были также слишком темным и скучным делом, чтобы привлекать к себе внимание большинства политических деятелей, тогда как торговые проблемы немедленно вызыва-

ли к жизни интерес, страсти и предубеждения. Таким образом, в денежных вопросах профессионалы имели возможность продвинуться довольно далеко, до того как на их проекты обратят внимание политики.

Не следует полагать, будто технические специалисты, как их называли с некоторым высокомерием, действовали в историческом или политическом вакууме. Они привносили в свою работу разное понимание того, что было неладно со старым золотым стандартом, как и разный национальный опыт, разные интересы. Главное, британский и американский проекты поступили от стран, которые по-разному смотрели на свое место в послевоенном мире. Англичане ожидали, что выйдут из войны лишенными торговли и валютных резервов, да еще и обремененными долгами, американцы видели себя в обратном положении. Поэтому Кейнс видел перед собой будущее должника, Уайт — кредитора. Британцам нужна была схема, которая позволила бы им брать займы без ограничительных условий, американцам — такая, чтобы они могли ставить условия. Это расхождение углублялось и другим различием. Британский план следовал банковской традиции, американский — юридической. Англичане хотели иметь схему, основанную на требованиях благоразумия, американцы же добивались, чтобы она опиралась на строгие правовые нормы.

Профессиональные дебаты не были просто прикрытием корыстных национальных интересов. И Кейнса, и Уайта занимала теоретическая сторона дела, и они оба искали технические решения технических проблем. Экономическая теория часто позволяет обойти кажущиеся неразрешимыми политические конфликты, допустив (или, как сказал бы циник, притворившись), что их можно низвести до технического уровня и ведя далее разговор на языке, совместимом с этим допущением. По мере того как профессионалы с обеих сторон ближе узнавали друг друга, между ними вырастал дух подлинного товарищества *contra mundis* — против политиков, банкиров, корпораций, затаившихся в кулуарах и готовых расправиться с проектами и Кейнса, и Уайта. Тем фактом, что «профессионалы», «технические специалисты» ула-

дили все вопросы, встававшие на пути к Бреттон-Вудским договоренностям, обеспечивалось только наличие согласия; но это не гарантировало, что политические деятели с обеих сторон с легким сердцем скрепят его своими подписями.

Вызов, который бросала Кейнсу статья VII, состоял в том, что он должен был изобрести способ заключить США в систему, которая поддерживала бы между всеми странами равновесие платежных балансов, не допуская торговой дискриминации, но и не навязывая дефляции, безработицы или долговой кабалы странам с пассивными платежными балансами. Свой проект он начал составлять в сентябре 1941 г., вскоре после возвращения из Соединенных Штатов.

2. Доктор Шахт

Кейнс время от времени задумывался об устройстве послевоенного мира еще до того, как было подписано соглашение о ленд-лизе. 19 ноября 1940 г. на его рабочий стол легла папка с кое-какими материалами о так называемом плане Функа. Это был проект гитлеровского «нового порядка» для Европы, представленный министром экономики Вальтером Функом на пресс-конференции в Берлине 25 июля 1940 г. Это был первый, что неудивительно, поступивший к Кейнсу во время войны план на послевоенное время. Доставили его из министерства информации с запиской от Гарольда Николсона, который просил Кейнса подготовить для Америки и доминионов радиопередачу, развенчивающую этот план. К великому удивлению Николсона, Кейнс ответил, что план «отличный и это как раз то, над чем нам самим следовало бы подумать»[5]. Что это значило? Главное место в плане Функа занимал европейский клиринговый союз, управляемый из Берлина. В основу была положена система двустороннего бартера, разработанная Ялмаром Шахтом, прежним министром экономики Гитлера, ради защиты германского платежного баланса в условиях, когда в Германии была восстановлена полная занятость. Двусторонние соглашения должны были балансировать взаимную торговлю каждой пары стран, не

вызывая необходимости в перемещении золота, как, впрочем, и в каких бы то ни было сделках с иностранной валютой. В простейшем виде это предполагало, что два торговых партнера открывают друг другу счета в своих центральных банках, с которых каждый собственной валютой расплачивается за поступающие от другого импортные товары. Экспортеры могли, таким образом, получать платежи в их собственных валютах, освобождаясь от необходимости конвертировать ее в другую валюту до тех пор, пока экспорт и импорт этой пары стран взаимно сбалансированы. К 1938 г. Германия заключила такие соглашения с двадцатью семью странами, на долю которых приходилась приблизительно половина ее внешней торговли. В теории система была симметричной; на практике Германия имела возможность распоряжаться остатками марок (представлявшими избытки импорта) на счетах ее восточноевропейских соседей, которые зависели от экспорта их продовольствия и сырья на германский рынок. Двусторонний клиринг устранял потребность в снижении как тарифов, так и валютных курсов. Можно было поддерживать твердые ставки валютного обмена, поскольку, как отмечал Пауль Айнциг, «любая валюта может оставаться устойчивой, если не допускать ее перемещений, способных вести к ее обесцениванию»[6]. Планом Функа было намечено превращение двусторонних клирингов Шахта в систему многостороннего клиринга в пределах управляемой немцами Европы при организации двустороннего клиринга между этим *Клиринговым союзом* и Соединенными Штатами и другими странами. Кейнс объяснял:

> [Хотя Шахт и Функ] использовали свою новую систему в ущерб соседям... основная их идея здравая и хорошая. В последние шесть месяцев Казначейство и Английский банк создали для этой страны систему валютного обмена, позаимствовавшую все лучшее из немецкого опыта. Если мы намерены выполнить наши обязательства и избежать после войны хаоса в международной торговле, нам следует сохранить эту систему. Но та же самая система и послужит защите обедневших европейских стран, и будет гарантией, что не повторится то, что произошло в прошлый раз[7].

В письме, которое он отправил 25 апреля 1941 г. Фрэнку Эштон-Гвэткину в министерство иностранных дел, Кейнс развивал мысли, основанные на этих соображениях, и сделал первый, очень неопределенный набросок своего *Клирингового союза*, проект которого он представит той же осенью. В главном это был тот *Клиринговый союз*, каким он мог бы получиться *без Соединенных Штатов*. Критически важным было то, что приоритет отдавался достижению торгового баланса. Если торговля между стерлинговой зоной и Соединенными Штатами строилась бы на основе бартера (двустороннего клиринга), монетарные проблемы, вроде обменного курса стерлинг — доллар и регулирования отношений между кредиторами и должниками, отодвинулись бы на второй план. Тем не менее, в отличие от Функа, Кейнс признавал потребность в каких-то формах кредита для преодоления кратковременных нарушений платежного баланса: Англия, в отличие от Германии, ни в коей мере не располагала возможностью планировать торговлю своей империи[8].

Кейнс никогда не представлял себе систему Шахта просто как *pis aller*. То есть не приравнивал ее к тому, что он называл «неудачными экспериментами» манипулирования валютой. На взгляд Лайонела Роббинса, плавающая валюта могла бы «полностью решить проблему платежного баланса Британии»[9]. Но урок, извлекаемый Кейнсом из межвоенной истории, заставлял его усматривать в этом оружие международной «борьбы вслепую» с целью вырваться из оков золотого стандарта и в тенденции, ведущей к войне[10]. Обеспечивая «обмен товаров на товары», система, скроенная по Шахту, делала возможной торговлю, для которой вообще не нашлось бы места в условиях *laisser-faire*. Доктрина, согласно которой валютный контроль есть нечто, превосходящее обесценение валюты, заняла постоянное место в теоретических размышлениях Кейнса. Она также стала частью ортодоксии Казначейства и Английского банка. Может быть, «шахтианская» система и не была наилучшей из мыслимых систем, но вполне могла бы оказаться лучшей из возможных.

3. *Клиринговый союз*

Одним из комитетов, созданных для рассмотрения послевоенных проблем, был занимавшийся финансовой стороной дела межведомственный комитет во главе с сэром Джорджем Кристалом, постоянным министром в министерстве здравоохранения. Этот комитет, подобно большинству таких комитетов, собирался редко. Работу делали Казначейство и Английский банк. Сложный документ под названием '*Послевоенная монетарная, финансовая и торговая политика*', — получивший известность как *Казначейский бутерброд*, а позднее *Библия Казначейства,* — начал свой торжественный марш по кабинетам Уайтхолла в августе 1941 г., обрастая по пути дополнительными абзацами и вкладами новых разработчиков. Британцы все еще надеялись избежать каких-либо определенных обязательств перед Хэллом и его сподвижниками. Это оказало сильное влияние на начальные проекты документов, составлявшихся в значительной мере под воздействием Хьюберта Гендерсона, некогда союзника Кейнса, а потом его разобиженного противника и теперь, как и Кейнс, работавшего в Казначействе. Гендерсон был сторонником линии Шахта. Обязательства, предусматриваемые статьей VII, доказывал он, неприемлемы в свете предполагаемой слабости платежного баланса Британии; они также несовместимы с системой национального планирования, в которую неотъемлемыми частями входят валютный контроль, централизованные закупки продовольствия и сырья и количественные ограничения импорта. Эти правила устанавливались, мол, не только на время войны; они представляют собой «продвижение в сторону более упорядоченной жизни»[11].

Кейнс, видимо, познакомился с мрачной запиской Гендерсона, когда в начале сентября начал продумывать собственную позицию в отношении «будущего валютного порядка». В отличие от Гендерсона, он предпочитал следовать линии международного сотрудничества. Если в какой-то мере он разделял взгляды Шахта, то преимущественно по практическим соображениям, направлявшим его поиски выхода из

того положения, в котором, как он полагал, Англия окажется по окончании войны, а также ввиду его скептического отношения к способности или готовности Америки принимать близко к сердцу британские заботы. Это основное различие в общем подходе к делу пронизывает их дебаты и по международной, и по внутренней политике. Его приверженность международному сотрудничеству находилась поэтому в зависимости от выполнения Соединенными Штатами их обязанностей кредитора — от того, будут ли они расходовать прирост своих валютных средств, как это делала Англия в девятнадцатом веке, а не накапливать его. Он старался разработать схему, которая могла бы обеспечить именно такое поведение Америки, — в этом и состояла задача его *Клирингового союза*. В случае неудачи с этим проектом он готов был вернуться к модели двусторонних отношений.

Кейнс возвратился в Тилтон в среду 3 сентября 1941 г. с намерением, как он говорил матери, провести «несколько дней в покое и написать трудную записку о проекте послевоенного международного устройства валютных отношений». Добиться покоя никак не удавалось. В пятницу он опять был в Лондоне на встрече с Монтегю Норманом. Взрыв бомбы, погубивший 17 апреля лорда Стэмпа, создал вакансию в *Палате* (совете директоров) Английского банка Англии. Директор Джордж Бут, сын социального реформатора Чарльза Бута, предложил, чтобы это место занял Кейнс как самый квалифицированный среди тех, кто приемлем для Лейбористской партии. По этому поводу Норман его и пригласил. Заняв пост директора, он должен был бы купить акции Банка стоимостью в 2000 фунтов и заплатить за них 7300 фунтов. Получив заверения, что «неофициально» он может оставаться в распоряжении канцлера и Казначейства — то есть находиться точно в том положении, в каком тогда пребывал, — он принял предложение. О его назначении было объявлено 18 сентября.

Подшучивая над случившимся, Кейнс писал Флоренс: «Прихожу в ужас от столь почтенной должности! И это после ученого сообщества в Итоне, так что, полагаю, для меня стать епископом или настоятелем Йоркского собора только

вопрос времени... Мое назначение в Палату может вызвать кой-какое волнение... посеяв... предположения (скорее о вероятном, чем об истинном), что моя линия в экономической политике становится ортодоксальной». Должность он получил в значительной степени лишь почетную — важнейшей функцией Палаты было назначать управляющего, — но то был также знак одобрения, поданный из бастиона здоровых денег. Что это значило? «Радует всех ваших друзей то, — изливался Феликс Франкфуртер, — что гора пришла к Магомету, а не наоборот». Управляющий расценивал случившееся более отвлеченно. «Кейнс в Палате, — говорил он Клэпэму, — это вроде закваски». Кейнс не был уверен, кто, собственно, кого захватил в плен. «Еще поглядим, — писал он Ричарду Кану, — кто тут окажется честной женщиной»[12]. К прочим обязанностям Кейнса добавились теперь утренние заседания Палаты по четвергам. Отбыв первое, он сказал Буту: «Эти завтраки в Банке доставляют мне наслаждение: Монтегю Норман всегда совершенно очарователен, всегда совершенно неправ»[13]. Примирение с Банком было поверхностным. Вскоре после смерти Кейнса Норман писал, преодолевая себя: «Возможно, экономистом он был хорошим, но банкиром — плохим»[14].

В субботу, оставив позади все треволнения в Банке, Кейнс вернулся к работе над своей запиской. Он закончил ее ко вторнику 9 сентября. Кану он объяснил, что работал над ней, имея в виду «конкретизировать свои мысли» и «надавить на не согласных с ними, чтобы они проделали то же самое». Кейнс следовал своему обычному методу — первому изложить свою точку зрения и заставить других прояснить, в чем заключается суть их возражений.

Плодами его труда на уикенде стали два доклада — '*Послевоенная валютная политика*' и '*Предложения о международном валютном союзе*'. Двумя вопросами, на которые Кейнс взялся ответить в первом докладе, были: чем был плох золотой стандарт и с какими особыми проблемами столкнется Англия после войны?

Начал он с того, что отмел классическую теорию золотого стандарта. Перемещение золота никогда не обеспечива-

ло платежного равновесия. Напротив, вызывающе утверждал Кейнс, в минувшие 500 лет было только два периода, каждый продолжительностью примерно в пятьдесят лет, когда применение в международной торговле товарных денег «срабатывало» — серебряный инфляционный период шестнадцатого столетия и золотой стандарт конца девятнадцатого века, когда «система международных инвестиций с ее осью вращения, находившейся в Лондоне, перекладывала *бремя* регулирования расчетов с должников на кредиторов». Опыт, продолжал он, показывает, что займы не приводят к равновесию, если они не создают новых источников платежных средств. Ни за дефляцией, ни за обесценением валюты не следует в обязательном порядке перераспределение торговли. Тарифы, преференции и субсидии — все это имело вредные побочные следствия. В 1930-х гг. Шахт «в отчаянии наткнулся на нечто новое, содержавшее в себе микроб хорошей технической идеи», а именно разрубить узел внедрением в международные расчеты бартера вместо денег. Кейнс процитировал доклад Гендерсона '*Тысяча девятьсот тридцатые*': «Если бы Германия захотела иметь масло вместо пушек и самолетов, нет никаких оснований сомневаться, что чрезвычайные меры доктора Шахта позволили бы ей получать из-за границы масло в обмен на металл».

Золотой стандарт потерпел неудачу, потому что ответственность за урегулирование расчетов он навязал должнику. Утрясать расчеты, писал Кейнс, стало «*обязанностью* должника и делом *доброй воли* кредитора». Он имел в виду, что страны с дефицитами платежных балансов должны были сбивать темпы развития своей экономики, тогда как страны с положительным сальдо внешних расчетов могли накапливать эти дополнительные ресурсы — чем, по мнению англичан, и занимались на протяжении значительной части 1920-х гг. Соединенные Штаты и Франция. Во время Великой депрессии накопление средств кредиторами возросло благодаря бегству капитала из стран с отрицательным сальдо внешних расчетов в страны с положительным балансом. «Поток добавочных [к активному торговому балансу Соединенных Штатов] капиталов-беженцев и спекулятивных де-

нег привел всю систему к краху». Нет никакой гарантии, что поток горячих денег не возобновится после войны, когда положению обладателей богатства будут угрожать отовсюду и биржевые площадки, «наиболее располагающие к возгласам 'оле-оле!', станут перемещаться по миру со скоростью ковра-самолета». Кейнс вторил Гендерсону: «Ничего нельзя утверждать с большей уверенностью, чем то, что движение капитала должно регулироваться».

После войны Англия должна будет восстановить равновесие прежде, чем она сможет его поддерживать. У нее не будет никакой альтернативы использованию очищенных и улучшенных «шахтианских механизмов». Это позволило бы завершить войну созданием «хорошо развитой» платежной и клиринговой системы, которая, смягчая нежелательные черты двусторонности, могла бы затем вырасти в постоянную систему мирного времени. Она смогла бы стабилизировать и привести к равновесию свою выросшую в объеме торговлю, продолжая оптовые закупки продовольствия и сырья в странах, желающих получать ее экспортные товары.

До этого сплошь шли ссылки на Шахта. Но теперь Кейнс внезапно встал на другую дорогу. Он предпочел бросить вызов американцам, выдвинув «идеальный» проект, который позволил бы Англии с чистой совестью подписаться под «благословенным словом — [не]дискриминация»; это проект «утопический», но не в смысле его неосуществимости, а «в том... что он требует глубокого понимания, духа смелого новаторства, международного сотрудничества и взаимного доверия — и всего этого в такой степени, на которую нет надежных или разумных оснований рассчитывать». Ничто из сказанного не заставляет думать, что он питал сколько-нибудь преувеличенную надежду, будто все примут его «идеальную» систему. Можно вообразить, как он сидит в своем кабинете в Тилтоне, смахивает пыль со своего '*Трактата о деньгах*' и просматривает страницы, на которых описывается «наднациональный банк», выпускающий собственные «сверхденьги».

Главной задачей его *Международного денежного союза* (как он его назвал) должно было стать возложение на креди-

тора ответственности за урегулирование расчетов, но без освобождения должника от обязанности блюсти дисциплину. В своей практике союз должен был сочетать «очищенные» приемы Шахта — Функа с банковским принципом. Все остаточные международные сделки — те, что приводили к положительным или отрицательным сальдо платежных балансов, — подлежали урегулированию через «клиринговые счета», которые центральные банки стран-членов должны открыть в *Международном клиринговом банке* (*МКБ*). Центральные банки стран-членов покупали бы и продавали свои валюты, проводя эти операции по статьям дебета и кредита на их счетах в *Клиринговом банке*. Остатки на счетах выражались бы в форме «банковских денег» (позднее названных «*банкорами*»). Центральному банку каждой страны-члена предоставлялось бы право на банковские деньги в сумме (названной «индекс-квотой»), равной половине средней стоимости ее полного торгового оборота за пять последних довоенных лет. Этим для каждой страны устанавливался предел допустимого овердрафта. Таким образом, общие возможности овердрафта в *МКБ* измерялись бы 25 миллиардами долларов, что составляло половину стоимости довоенного объема мировой торговли. Каждая национальная валюта была бы твердо, но с сохранением возможностей корректировки привязана к банковской денежной единице *МКБ*, которая сама имела бы золотое измерение. Но эта связь с золотым стандартом была фикцией. Если банковские деньги можно было приобрести на золото, обратное — покупка золота за банковские деньги — исключалось. Кейнс называл это «односторонней обратимостью». Деннису Робертсону «золотой запас, исключающий выплаты кому-либо (исключая, пожалуй, только Международный банк Марса)», показался весьма странной идеей[15]. Конечной целью Кейнса была демонетизация золота, с тем чтобы лишить центральные банки всякого интереса к его накоплению. Банковские деньги должны были превратиться в конечный резервный актив системы.

Задача *МКБ* состояла в том, чтобы поддержать платежное равновесие между каждым государством-членом и

остальным миром. Депозиты банковских денег (кредиты и дебеты), создаваемые положительными и отрицательными сальдо платежных балансов, устранялись бы ликвидацией этих дисбалансов. Кейнс стремился к тому, чтобы и страны с положительным сальдо, и те, в балансе которых образовался дефицит, попадали под давление, побуждающее их урегулировать свои расчеты. Банк, чей годовой «овердрафт» в среднем превышал четверть его индекс-квоты, попадал бы в категорию «дефицитного», и ему не позволялось бы обесценивать свою валюту более чем на 5 процентов до конца текущего года; если же годовая сумма его овердрафта оказывалась больше половины его индекс-квоты, он оказывался в категории «контролируемого» и от него могли потребовать девальвировать его валюту в пределах до 5 процентов, продать *МКБ* все свободное золото и ввести запрет на экспорт капитала. На сумму овердрафта начислялись бы проценты, возрастающие в зависимости от соотношения между долгом и квотой. Упорствующая в расточительности страна могла быть исключена из союза. Сходные меры предусматривались в отношении стран с постоянно положительными сальдо платежных балансов: банку любой страны, постоянно имеющему активную кредитную позицию, будет разрешено или его попросят ревальвировать свою валюту (повышая ее стоимость каждый раз на 5 процентов), разблокировать остатки на счетах и инвестиции иностранцев и выплачивать в *Резервный фонд* 5 или 10 процентов с кредитов, которые он выдает на сумму, превышающую четверть с половиной его квоты. Остатки по кредитам, превышающие на конец года индекс-квоту, подлежат конфискации или перемещению в *Резервный фонд*. Если на конец года взаимные расчеты всех стран оказались полностью сбалансированными, сумма остатков *банкоров* должна быть в точности равна нулю.

При своем Банке Кейнс предусматривал несколько вспомогательных служб: наднациональные полицейские силы, организацию восстановления и помощи, а также буферные запасы. Средства на финансирование этих служб должны были поступать за счет дополнительного расширения

возможностей овердрафта, трансфертов из *Резервного фонда МКБ* и прямых взносов стран с активным платежным балансом. В правление *МКБ* входили бы восемь управляющих и председатель. Англия, ее империя, США и СССР имели бы по одному управляющему, Европа двух, Латинская Америка одного, плюс еще один управляющий, происхождение которого не определялось. Было ловко придумано, что Англия совместно с империей могли забаллотировать Соединенные Штаты, которым предстояло финансировать большую часть овердрафта[16].

В своем докладе Кейнс предложил жесткий выбор: либо шахтианство, либо его «идеальный» проект. Никакого *Среднего пути*. Но у Кейнса средний путь находился всегда, едва только надо было переходить от теории к практике. Позднее он отречется и от шахтианства, и от «идеального» проекта, когда убедится, что американские варианты — *Мировой банк* и *Международный валютный фонд* — почти ничем не хуже. Его клонившимся влево ученикам это виделось как предательство, питаемое самообольщением; для учеников вроде Хэррода и Мида это было свидетельством, что сердце Кейнса всегда лежало на стороне многостороннего международного сотрудничества. Историку представляется, что у Кейнса (и у Англии) выбора было мало.

Центральная идея, положенная в основу проекта *Клирингового союза*, принадлежала к одному ряду с теориями экономических сбоев, которые Кейнс развивал с 1920-х гг. и которые кристаллизовались в его '*Общей теории*'. Деньги были в его понимании средством обмена, но также и хранилищем ценности. Они лучше бартера, но в то же время позволяют людям вообще не допускать трат. Довоенная система золотого стандарта отличалась широко распространенной в некоторых странах, особенно в Соединенных Штатах, склонностью к накоплению. Повышая во всем мире процентные ставки, эта склонность повсеместно, где был принят золотой стандарт, рождала дефляцию и безработицу. Единственным выходом из порочного дефляционного круга могла быть политика национальной самообеспеченности, которая, однако, вела к валютным и торговым

войнам. Чтобы вернуть великое преимущество золотого стандарта — многосторонний клиринг, — надо предотвратить накопление денег странами с активными платежными балансами. Если бы эти страны отказались тратить свою выручку, ее можно было бы передавать странам с пассивными балансами на условиях овердрафта по счетам Клирингового союза.

Говорить вслед за профессором Моггриджем, что «сердцевину» проекта Кейнса составляло «содействие выравниванию платежных балансов»[17], — значит выхолащивать основной теоретический смысл его предложений. Получается, будто задачу регулирования международных расчетов Кейнс возлагал на кредиторов и должников поровну. На самом деле это чисто формальное равенство. Объем возможного овердрафта — равный половине стоимости довоенного оборота мировой торговли — ясно указывает, что, на взгляд Кейнса, главную ответственность за регулирование расчетов должны были нести кредиторы. Истинная «сердцевина» проекта — в мировом измерении, как и применительно к внутренней политике, — состояла в предотвращении безработицы за счет уменьшения привлекательности накопления денег.

4. В ответ на вызов Уайтхолла

План Кейнса, как вскоре был назван его проект, стал частью намеченных Казначейством консультаций в отношении статьи VII Соглашения о ленд-лизе. К участию в них привлекались не только ядро финансовых экспертов Казначейства, Английского банка и Экономического отдела Военного кабинета, но и должностные лица министерства торговли и Управления по делам колоний. У Кейнса были собственные неофициальные каналы консультаций. Его любимый «первоклассный критик» Ричард Кан отбыл в октябре на Ближний Восток. На его место был взят Рой Хэррод из Статистического бюро премьер-министра. Тщеславный, раздражительный и надоедливый, Хэррод был в то же

время личностью яркой, наделенной воображением, и он упорно притязал на признание его соавтором проекта *Клирингового союза* в его окончательной форме.

Сначала в центре обсуждений был не *План Кейнса*, а все более раздувавшийся *бутерброд Казначейства*. Казначейство стремилось затвердить различие между «временной системой», основанной на двусторонних расчетах, и тем, «к чему мы надеемся прийти, как только это станет возможным». Последнее предполагало неопределенные обещания сотрудничать с американцами[18]. Такой подход к делу подвергали критике и «шахтианцы», и либералы.

Ни Хьюберту Гендерсону, ни Английскому банку не нравилась идея каких бы то ни было, пусть и самых туманных, обещаний на будущее. Точка зрения, которую они выражали в своих записках, состояла в том, что страны или группы стран должны добиваться равновесия в своей послевоенной торговле, сочетая такие меры военного времени, как валютный контроль и торговые соглашения. Это позволило бы им поддерживать устойчивые ставки взаимного валютного обмена. Статья VII с ее запретом на дискриминационные правила торговли — те, что ставили в предпочтительное положение экспорт одних стран в ущерб другим, — била в самое сердце этой философии. Надежда Банка удержать Лондон в положении финансового центра покоилась на сохранении стерлинговой зоны и применении валютного контроля как меры предотвращения утечки золота и долларов[19].

Их записки попали к Кейнсу, как непременному участнику совещательного процесса. Его критические замечания по поводу стратегии Банка были вежливыми, как и подобало новоназначенному директору, но уничтожающими. Неужели Банк действительно верит, написал он 22 октября 1941 г., что после войны он сможет сохранять стерлинговую зону как торговую крепость? Почему у Южной Африки, способной платить за американские автомобили золотом, должно возникать желание ограничить их импорт? Как Банк предполагает удерживать страны стерлинговой зоны от использования их стерлинговых счетов в Лондоне для оп-

латы американских товаров? Сможет ли Англия позволить себе сохранение стерлинговой зоны, зависит от того, будут ли остальные страны этой зоны иметь благоприятный платежный баланс в расчетах с Соединенными Штатами «в условиях сравнительной свободы»[20].

8 ноября Уэйли от имени Казначейства следующим образом обобщил возражения против позиции Гендерсона и Банка:

> Доктрина, представляющая валютный контроль и торговые ограничения как нечто ценное само по себе, есть доктрина, общего согласия с которой мы никогда не получим на нашей стороне и тем более на американской; достойно, по-видимому, сожаления, что такую доктрину вообще выдвигают. Альтернативная доктрина, утверждающая, что валютный контроль и торговые ограничения сами по себе плохи, но нам придется их сохранять, поскольку и пока существует опасность худших зол в виде дефляции и обесценения денег, — с такой доктриной добиться общего согласия по обе стороны Атлантики гораздо вероятнее[21].

С критикой *бутерброда Казначейства* выступили также, по своим политическим и экономическим соображениям, приверженцы свободной торговли. Внутри самого Казначейства Деннис Робертсон счел первые проекты документа «очень мрачными [и] таящими в себе семена будущих международных схваток и (вероятно) войн». Он критиковал Гендерсона за то, что тот старается сохранить «за нашей денежной единицей ценность, не соответствующую нашей сократившейся экспортной мощи, а затем пытается подправить это за счет хитрых сделок с людьми, которые в конечном счете, скорее всего, нас 'перешахтианят'»[22]. Фредерика Лис-Росса беспокоило, как бы термин «временный» не послужил прикрытием для увековечивания негодной практики, которая растянется на годы[23]. Сэр Горас Вильсон, постоянный заместитель канцлера Казначейства, опасался, что может быть положено начало длительному периоду, когда «мы в ливерпульские доки будем допускать суда только в случае полной нашей уверенности, что они там немедленно

разгрузятся и сразу примут на борт наши промышленные товары, после чего отправятся прямо в порт, из которого прибыли»[24]. Сэр Арнольд Овертон, постоянный заместитель министра торговли и страстный приверженец свободы торговли, отверг требования о введении системы *шахтианского* толка. Он указал, что Германии шахтианская организация торговли принесла выгоду только потому, что ею злоупотребляли, например занимаясь перепродажей за наличные деньги товаров, приобретенных в кредит[25]. Уэйли отметил также, что ему трудно разделить веру Кейнса в бартер, который «бездействовал на протяжении всего времени, прошедшего с каменного века до 1939 г., а потом был вновь открыт доктором Шахтом»[26].

Мощная поддержка установке на либерализм пришла из Экономического отдела Военного кабинета, возглавляемого несгибаемым поклонником свободный торговли Лайонелом Роббинсом. Его '*Записка об англо-американских экономических отношениях после войны*' от 18 августа 1941 г. указывала на множество недостатков двусторонности и дискриминации — на заключенную в них тенденцию ограничивать создание богатства, угрозу мер возмездия, опасность подрыва англо-американских отношений, образование условий для политических и экономических трений, разрушение имперских связей, укоренение групп особых интересов. Помощник Роббинса Джеймс Мид настаивал на включении в проект Казначейства этих уравновешивающих соображений, наряду с «однозначным, но условным» обязательством присоединиться к «свободной от дискриминации системе торговли»[27]. Сэр Сидней Кэйн из Управления по делам колоний также решительно высказывался в защиту свободной торговли.

В середине ноября сэр Ричард Гопкинс составил и распространил собственную записку о *бутерброде Казначейства*. Он весьма скептически смотрел на возможность скорого возвращения к свободе многосторонней торговли. Рой Хэррод, работавший в отделе статистики при премьер-министре Военного кабинета, отмел «выписанный черными чернилами» пессимизм Гопкинса. Надо, дескать, считать, что пассив-

ное сальдо платежного баланса Британии растет не более чем на 100 миллионов фунтов в год. Он многозначительно указывал, что подписанная Черчиллем и Рузвельтом в августе 1941 г. в Ньюфаундленде *Атлантическая хартия* не ставила целью заложить основу для «системы шахтианского толка, управляемой из Лондона вместо Берлина. Между тем как иначе можно толковать широко разветвленную систему двусторонних платежных и прочих соглашений?» Далее Хэррод набрасывал собственную схему регулирования кредитов и буферных запасов[28]. Гендерсон кисло докладывал Гопкинсу: «Общая линия [Хэррода] сводится к тому, что, поскольку мы не можем позволять себе ссор с американцами после войны, следует согласиться на устранение из наших экономических механизмов всего, что их не устраивает, и целиком довериться Рузвельту...»[29]

К середине ноября 1941 г. рецепты, которые Гендерсон и Английский банк выписывали для будущего Британии, подверглись критике с разных сторон: с экономической точки зрения двусторонние, основанные на бартере связи уступают системе многосторонних отношений, на деле они не решат проблемы послевоенного платежного баланса Британии, не сохранят стерлинговой зоны, создадут трения в империи и не будут приняты Соединенными Штатами. С другой стороны, приверженцы свободной торговли в той же мере отрицательно воспринимали дефляционный крен системы золотого стандарта, который, по их мнению, делал свободную торговлю невозможной. Так что они выступали за новые валютные механизмы, способные создать в мире надежные условия для свободы торговли. Именно эти соображения вынесли утопию Кейнса на передний план. Опять оправдало себя своевременное выступление с четко разработанной программой. По поводу *Плана Кейнса* можно было, как выразился Хэррод, «задираться и ворчать», но на столе лежал этот единственный документ, который шел дальше сохранения механизмов военного времени, предлагал возможный способ избежать западни золотого стандарта и вселял надежду на то, что его поддержат США.

Кейнс старался рассеять подозрения Банка. В середине ноября он говорил Сипманну и Болтону, что его проект — это

> прежде всего вклад в дипломатическую тактику, предназначенную к применению в Уайтхолле и Вашингтоне. Что касается Вашингтона, проект принимает во внимание заявляемую американцами их преданность прогрессивному (идеалистическому, либеральному, нацеленному на развитие) интернационализму и поэтому уводит в сторону от разговора об их собственных (целиком эгоистических) конкретных требованиях. Что до Уайтхолла, то проект рассчитан на объединение ряда сторонников умиротворения или *laisser-faire*, которые иначе присоединились бы к силам, противодействующим политике (например, двусторонности), которая более отвечала бы нашим собственным интересам, но которая не понравилась бы Америке... Принципы стерлинговой зоны, оскорбительные для США, коль скоро они касаются нашей империи, становятся для них приемлемыми, если распространяются на весь мир... Можно ожидать, что если Америка никогда не согласилась бы передать нам средства, составляющие активное сальдо ее платежного баланса, то она пойдет на это по отношению к стране *x* (каковой окажемся мы)[30].

Надо было также завоевать на свою сторону Казначейство. Ральф Готри, пока еще на службе в Казначействе, сделал проект Кейнса темой нескольких своих нудных записок. Готри, остававшийся тем, кем он был всегда — экономистом-эклектиком с общим монетаристским уклоном, не видел никакого реального смысла в Кейнсовом сверхбанке, который не смог бы обеспечить «адекватную защиту от злоупотреблений овердрафтом со стороны слабой, безответственной, сбившейся с пути или погрязшей в коррупции страны». Деловой цикл, настаивал Готри, — это явление монетарного порядка — и всегда был таковым после 1908 г. Инфляция вела к дефляции. Если бы все страны поддерживали стабильность своих внутренних цен, и экономика, и ставки валютного обмена могли бы сохранять устойчивость, не прибегая к «договорным» трансфертам. Финансирование послевоенного восстановления следует осуществлять на основе возникающих

конкретных потребностей, а не в порядке «автоматического кредитования», обеспечиваемого Международным кредитным банком. Временные срывы можно было бы улаживать с помощью межбанковских кредитов. В случаях более стойких нарушений равновесия допустимы корректировки за счет изменений ставок валютного обмена. Готри проницательно отмечал, что «ограничивать изменение [ставки валютного обмена] пятью процентами [как намечалось в *Плане Кейнса*], когда восстановление равновесия требует большего, — значит перекрыть путь спасения. Что касается принципиального направления политики, то лучше было бы стремиться в первую голову к англо-американскому партнерству в достижении общего согласия, что каждая страна должна сохранять у себя стабильность внутренних цен и, если потребуется, поддерживать валюту друга друга[31]. Анализируя несколько проектов Кейнса, поступавших по мере их пересмотра, Готри не отступал от своей точки зрения, что «в них вообще нет никакого стабилизирующего начала... Дело не просто в готовности примириться с тем, что все страны, не выдержав дефляционного давления, будут прибегать к валютному контролю и ограничениям импорта, но и в том, что, противясь девальвации их денежных единиц, вполне можно вынудить их обратиться к этим крайним мерам. Само наличие возможности овердрафта способно осложнить положение»[32]. К тому времени взгляды Готри считались довольно старомодными, а его записки были слишком многословными и напыщенными, чтобы привлечь серьезное внимание, но несколько проницательных замечаний в них было.

Брэнд послал Кейнсу критические замечания из Вашингтона. Выражая «полное согласие» с «общей целью» проекта Кейнса, он писал, что предвидит «изрядное множество трудностей». Связаны они главным образом с проблемой согласования международного сотрудничества с национальным суверенитетом. Брэнд убеждал Кейнса убрать всякое упоминание о международной полицейской силе, что предполагает «наднациональное правительство». Под конец он высказывал сомнение, что проект Кейнса поможет решить особую британскую проблему, которую он видел в том,

что после войны страна столкнется с большим дефицитом платежного баланса. Не считает ли Кейнс, что способом решения этой проблемы должно стать предварительное обесценение стерлинга?[33]

Вторая версия проекта Кейнса, помеченная 18 ноября, сохранила в приложении, по существу, нетронутыми устав и правила Банка (теперь денежная единица его *Международного банка* получила название *грэммор*), но вводная часть, по сравнению с первой редакцией проекта, была заменена красочным описанием его достоинств, которые он сам стал представлять себе более отчетливо, и резким ответом на критику, уже прозвучавшую и ожидаемую. Любой выдвигаемый Англией план, пояснял Кейнс, если иметь в виду задачу пробудить к нему «интерес и энтузиазм американцев», должен носить общий характер, а не выглядеть просьбой о конкретной помощи. Несогласие с установками Гендерсона и Английского банка выражалось сдержанно, но однозначно. Шахтманские механизмы, которые сам он расхваливал несколькими неделями раньше, теперь именовались «приспособлениями, поспешно сляпанными главным образом на потребу ненормальным условиям военного времени». Его любовной интриге с доктором Шахтом пришел конец.

Кейнс отвергал также излюбленный прием Казначейства проводить различие между временными и долгосрочными мерами. Задачей его *Клирингового союза* было обеспечить и немедленно (сразу после войны), и на долгое будущее равновесие платежных балансов стран-членов. «План, — писал он, — нацелен на то, чтобы поставить мировую торговлю под давление потребностей роста, а не договорных обязательств, *особенно в первые годы*» (курсив мой. — *Р.С.*). Этого можно было бы достичь за счет добровольного содействия Соединенных Штатов европейскому восстановлению. Но выбор «конкретных мер» будет, скорее всего, определяться «посторонними, политическими причинами» и налагать на некоторые страны «конкретные обязательства». В любом случае у Англии как одной из стран-победительниц будет немного оснований добиваться американской помощи. Лучше было бы убедить Соединенные Штаты, что им следует

разделить «общую и коллективную, одинаковую для всех стран ответственность за то, чтобы страна, оказавшаяся в положении кредитора по отношению к остальному миру, взяла на себя обязательство [должным образом] распорядиться этими кредитными ресурсами».

Затем Кейнс постарался ответить на поступившие и возможные критические замечания и недоумения. Технически главная мысль, положенная в основу его проекта, состоит «в том, чтобы сделать всеобщим важное правило банковского дела, каким оно проявляется в любой закрытой системе... [а именно] необходимость поддерживать равенство между кредитом и дебетом». Всякому увеличению долгов Банка (кредит) должно в точности соответствовать увеличение его активов (дебет). В результате «*сам* банк никогда не увязнет в трудностях». Подразумевалось, стало быть, что не будет никаких ограничений возможностей *Банка Кейнса* создавать деньги (кредит).

Кейнс не думал, что остатки на кредитных счетах будут когда-либо подвергаться конфискации. «Главное, кредитору нельзя позволять оставаться пассивным». Правила регулирования ставок валютного обмена предохраняют от того, чтобы снижение курса валюты использовалось ради повышения конкурентоспособности. Дисциплинарные меры против постоянных должников прежде были неадекватными, а теперь для них вообще не стало никакой дисциплины, и предлагать «проявить немного доверия и готовность искать решения, исходя из реального опыта, — это не чересчур обременительное требование». Кейнс также подчеркивал важность прозрачности: *Международный банк* должен предусматривать «автоматический учет размеров и расположения позиций совокупного должника и кредитора соответственно. Сигнал опасности будут получать все, кого он касается...» По вопросу о национальном суверенитете Кейнс утверждал, что его проект предусматривает не больше уступок суверенных прав, чем любое коммерческое или военное соглашение, и что во всяком случае создание лучшего мира требует шагов к «финансовому разоружению». Если *Международному банку* удастся поддерживать среди стран-чле-

нов платежное равновесие, не будет возникать никакой потребности в дискриминационных торговых мерах, валютных ограничениях или препятствиях для движения частного капитала. По его мнению, открытый отказ от высоких тарифов, экспортных субсидий, импортных квот, бартерных соглашений и блокирования счетов «позволили бы нам полностью удовлетворить г-на Корделла Хэлла». Степень удовлетворения была меньшей, чем предполагалось. Согласно формуле, допускавшей преференции между «странами-членами политических и географических групп», имперские преференции могли быть сохранены на уровне до 25 процентов. Кроме того, запрет на «чрезвычайные протекционистские шаги» не должен был действовать в течение первых трех-пяти послевоенных лет.

Джеймс Мид добивался от Кейнса четкого заявления, что конвертируемость валюты должна быть нормой[34]. Кейнс твердо держался своего убеждения, что государствам-членам надлежит самим устанавливать и использовать механизмы валютного контроля как часть монетарного управления системой меняющихся твердых курсов. Но это не обязательно должно стеснять свободу перевода денег на текущие сделки и исключать «открытые общие лицензии без ограничения срока» на перемещение капитала[35].

Кейнс присоединился к общему в Уайтхолле мнению, что построение послевоенного порядка, какую бы форму он ни принял, должно начаться с достижения англо-американского согласия. *МКБ* предлагалось теперь учредить как англо-американский клуб, к которому пригласят присоединиться другие страны. Он пошел навстречу точке зрения Английского банка, считавшего, что послевоенный порядок должен строиться вокруг существующих экономических блоков, а не взамен их. Членами *МКБ* «в ряде случаев должны быть группы стран, связанные между собой общими таможнями, преференциями и валютными союзами, а не отдельные [национальные] образования. Он даже предложил одиннадцать таких экономических группировок, включая Северную Америку и четыре европейских: Германские страны, Скандинавские страны, Латинский Союз и Восточная

Европа. Англии, центру стерлинговой зоны, место отводилось, конечно, «вне» Европы. Обаяние Кейнса частью коренилось в его способности ухватить мимолетную мысль и отдать ее развитие на волю своего воображения:

> Образ послевоенного мира, который мне нравится, представляется привлекательным и обещающим неплохие последствия, таков, что от нас требуется поощрять *небольшие* политические и культурные образования, объединенные в более крупные и внутренне более или менее плотно переплетенные между собой экономические единицы. Было бы прекрасно иметь в Европе тридцать или сорок столичных городов, каждый из которых служил бы центром самоуправляющейся страны, полностью освобожденной от национальных меньшинств (переселенных в необходимых случаях куда-нибудь еще), и был бы местом расположения правительства и парламента и университетского центра, каждый со своей гордостью и славой и собственными отличительными чертами и выдающимися дарованиями. Но было бы губительно иметь тридцать или сорок совершенно независимых экономических и валютных союзов.

Эта картина разбитой на провинции Европы не дожила до более поздних версий проекта.

1 ноября два американских экономиста, Элвин Хансен и Лютер Галик, выступили с предложением *Совместной экономической декларации*, в которой правительства США и Британии выразили бы свое намерение учредить *Международную корпорацию развития* и *Международное экономическое управление для оказания помощи правительствам в координации политики полной занятости*. Кейнс встречался с ними в Лондоне в сентябре, и теперь он включил их предложения в свой проект. Как утверждает Пенроуз, они сыграли важную роль, подведя Кейнса к убеждению, что администрация США считает полную занятость непременным условием свободы торговли[36]. Кейнс пояснил, что предлагаемое им «Инвестиционное управление» станет частью механизма, предназначенного «подвинуть ближе к равновесию всю систему клиринга в расчетах по кредитам и долгам»[37]. Идею горячо подхватил Рой Хэррод, который обещал поработать над планом ее осуществления.

Осмотрительное балансирование Кейнса оказывало на Уайтхолл волшебное политическое воздействие. В глазах Мида оно давало единственную «реальную надежду на щедрое и широкое экономическое сотрудничество после войны». Роббинс почувствовал в нем «воистину порыв свежего ветра в этой накаленной и затхлой атмосфере»[38]. «Вчера вечером я сидел, читая с большим волнением новую версию вашего 'предложения', — писал Кейнсу 27 ноября Деннис Робертсон, — и у меня росла надежда, что на землю вернулся дух Бёрка и Адама Смита»[39]. Поминая имена одновременно Бёрка и Смита, Робертсон со свойственной ему тонкостью воздавал должное *Среднему пути* Кейнса. Казначейство начало видеть в проекте Кейнса основу для согласованной позиции, которую оно сможет представить министрам.

Месяц между 18 ноября, когда была предложена вторая версия проекта, и 15 декабря, когда появилась третья, был одним из самых занятых в жизни Кейнса. По шестьдесят часов в неделю он проводил в Казначействе. Участвовал в подготовке бюджета, в заключительных переговорах по ленд-лизу и проблемам помощи. Но более всего отдавал силы перекройке своего проекта в свете поступавших замечаний.

Самыми активными участниками дебатов стали теперь те, кто принимал основополагающие постулаты проекта Кейнса, но хотел видеть в нем больше простоты, добровольности и либерализма. Кэттоу, Уэйли и неугомонный Готри убеждали Кейнса меньше нажимать на общие для всех правила и больше отдавать на усмотрение государств-членов, кредиторов и должников. (Уэйли прозорливо отмечал, что от американских сторонников *Нового курса*, при их подозрительности к «ростовщикам», с гораздо большей вероятностью можно ждать готовности принять «Стабилизационный фонд», чем Банк; Кэттоу спрашивал: зачем давать Банку зубы, которыми он не сможет пользоваться?) Эти должностные лица видели в *МКБ* скорее информационный и моральный форум, устанавливающий и внедряющий нормы добрососедства[40].

Намного дальше шел в стремлении изменить проект Рой Хэррод. В Уайтхолле Хэррод был главным критиком

шахтианства, которое он обзывал формой рабства, не имеющей шансов на чью-либо добровольную поддержку. Оно «приковывает торговлю к политике и каждое очередное коммерческое движение превращает в акт экономической войны... Проявляя чрезмерное упрямство в защите имперских преференций, мы можем потерять империю»[41]. Поправки Хэррода вылились в создание его собственного проекта. Важнейшая задача, считал он, — добиться от Соединенных Штатов обязательства регулировать свои расчеты в роли кредитора. Все остальное вторично. Самым простым способом обеспечить это регулирование может быть соглашение, по которому страны-кредиторы будут всегда принимать от стран с отрицательными сальдо платежных балансов чеки, полностью погашающие их долги. Не будет никакой нужды давить на них и требовать изъятия их активов из Банка. «Если их положение кредиторов не оказывает давления на других, нет никакого вреда в том, чтобы разрешить им и дальше накапливать деньги на счетах». Американцы могли бы распоряжаться полученными чеками как им угодно — тратить их или рвать. Хэрроду было все равно, что они предпочтут, лишь бы продолжали их принимать. Не будет также нужды оказывать нажим на страны с дефицитами в платежных балансах, поскольку их «задолженность будет автоматически устраняться, если и когда страны-кредиторы примут необходимые меры». Правда, Хэррод допускал, что могут оказаться необходимыми кое-какие санкции в отношении «закоренелых» должников — тех стран, у которых дефициты платежных балансов постоянно оказываются выше среднего. Все прочее проект Хэррода оставлял в прежнем виде. При желании страны могут, по собственному усмотрению, держаться золотого стандарта. Не будет никакой надобности в валютном контроле, потому что ни одной стране никогда не придется изменять свои ставки валютного обмена.

Говоря о достаточности совокупного мирового спроса, Хэррод соединял крайний либерализм с крайним пессимизмом — сочетание необычное, но не обязательно лишенное логики. Его заботила «центральная проблема» чрезмерного по отношению к инвестициям объема мировых сбережений.

Банк Кейнса он хотел преобразовать в двигатель международных капиталовложений, наделенный — и это главное — полномочиями создавать деньги. Даже название «Клиринговый союз» вызывало у него возражения, потому что оно предполагало создание «просто канала [движения денег]», тогда как банк мог бы «предоставлять авансы». Развивая свои идеи, он пришел к тому, что предложил видеть в *Банке Кейнса* потенциальное агентство англо-американского «*Кондоминиума*», или объединенной «*Службы*», обеспечивающее большую часть мировых инвестиций и в придачу наделенное функциями регулирования краткосрочных расчетов, что выворачивало наизнанку приоритеты самого Кейнса. Такой подход к делу превращал Хэррода в гораздо большего, чем Кейнс, приверженца свободной торговли, ибо при полной занятости и экономическом росте, гарантированных «*Службой*» для всего мира, отпадет потребность в какой бы то ни было форме экономического национализма[42]. Политический расчет Хэррода строился на том, что американцы готовы будут проглотить пилюлю его амбициозного замысла, если ее подсластить свободой торговли.

Доводы Хэррода поколебали, но не подавили Кейнса. Он исключал возможность, что США примут такую наднациональную программу, какую предлагал Хэррод. Несмотря на позицию Хэлла, он не думал, что администрация США так держится за свободу торговли, как это виделось Хэрроду. Горячие замыслы Хэррода были бесконечно далеки от действительности, а Кейнс всегда инстинктивно съеживался, сталкиваясь с подобным произволом мысли.

1 декабря Кейнс присутствовал на межведомственном совещании в Казначействе, созванном для обсуждения его проекта. Арнольд Овертон из министерства торговли высказался «в основном в пользу» схемы Кейнса, «если она осуществима». Найджел Рональд, представлявший министерство иностранных дел, сказал, что его ведомство будет радо любому конструктивному предложению, которое можно выложить перед американцами на переговорах по статье VII. Роббинс и Мид согласились с Хэрродом, что от США нельзя требовать создания всестороннего механизма валютного

контроля. Но, в отличие от Хэррода, Мид хотел сохранить положение об оценке избыточных валютных резервов страны. Хэррод настаивал, чтобы любая монетарная схема выносилась на англо-американские переговоры как часть более емкого пакета, в который входили бы также проблемы торговли, таможенные союзы, предложения Хансена и Галика об инвестиционном управлении и так далее. Кейнс решительно возражал против поправок самого Хэррода: его (Кейнса) система рухнет, если допустить возможность неограниченного перерасхода кредитов за счет США. Сам он мог, дескать, заходить чересчур далеко в требованиях дисциплины от нуждающихся стран, но никогда столь далеко, как Хэррод с его предложением покончить со всякой дисциплиной вообще. В результате *План Хэррода* не вытеснил *План Кейнса* с авансцены. Для дирижистов он был чересчур либеральным, для ортодоксов — слишком инфляционным и, как представлялось, в неприемлемой для американцев степени перегибал с правилом «неограниченных долговых обязательств». Кейнс также по-прежнему не принимал утверждений Хэррода, будто с созданием *Клирингового союза* ненужным окажется контроль перемещения капиталов[43].

15 декабря Хэрроду, называя его «важнейшим из моих критиков», Кейнс послал копию своего третьего проекта; Кэттоу, Готри и Уэйли он написал, что попытался учесть их соображения. 19 декабря он послал копию Монтегю Норману. Этот его проект, отмечал он, получил в Уайтхолле большую поддержку, «чем любое из моих прежних предложений». По поводу главного, что беспокоило Английский банк, он писал:

> В частности, я полагаю, что план многостороннего соглашения — это необходимое условие сохранения стерлинговой зоны и финансового положения Лондона... Из того, что сообщает мне лорд Кэттоу, следует, что в этом отношении у вас, возможно, сложилось неправильное впечатление о моих предложениях. Мало того, что они ни в коем случае не покушаются на стерлинговую зону, но, смею настаивать, одно из их главных достоинств в том, что они дают наилучшую возможность сохранить ее в ее традиционном значении, то есть с Лондоном в качестве финансового штаба Британского Содружества... Да-

вая нам нечто подобное золотому стандарту его лучших дней в девятнадцатом столетии, многосторонняя система позволяет вести международные банковские операции точно так же, как прежде (кроме контроля перемещения капитала). Цепь двусторонних соглашений, которыми должны были бы связать себя все члены стерлинговой зоны, представляется мне делом совершенно невыполнимым — и очень опасным[11].

Директор-управляющий Кэмерон Кобболд уверял Нормана, что третий проект Кейнса «совершенно безвреден, пока он рассматривается, с некоторыми оговорками, как возможная основа для разговора... Пусть он поварится в собственном соку».

Третью версию своего проекта Кейнс предлагал не как «урезанную и высушенную схему», а как «вариант центральной идеи, которая поддается развитию многими способами». Смысл этой центральной идеи, разъяснял он, в «создании *Валютного союза*, основанного на международных деньгах, называемых, скажем, *банкорами*, с закрепленным (но не неизменным) золотым содержанием, принимаемых в качестве эквивалента золота... всеми членами Союза для регулирования международных платежей». (Кейнс остановился на *банкоре* после того, как Готри отклонил *грэммор*.)

В своих прежних проектах Кейнс считал необходимым введение строгих правил, устанавливающих максимум остатков на счетах и санкции за его превышение. Теперь он писал, что «самый трудный вопрос — решить, сколько должно определяться по правилам, а сколько — по усмотрению». Он предпочитал «по усмотрению». Он смягчил жесткость и срочность вмешательств с целью сдержать или устранить образование избыточных средств у кредиторов и должников. Делая важную уступку Хэрроду, он теперь не устанавливал ограничений на получение кредитов. Взамен постоянные кредиторы получали право «обсуждать» с Правлением — но при этом самостоятельно принимать окончательные решения, — направлять ли им средства в развитие национальной экономики, повышать курс своей валюты, снижать тарифы или брать займы за границей. В отношении должников никакие корректирующие меры не должны были приме-

няться до того, как дефицит их баланса достигнет половины их квоты, а сами эти квоты ставились теперь в зависимость от обесценения их валюты. На избытки положительного или отрицательного сальдо платежного баланса предлагалось начислять проценты, хотя, вообще, это не было «для схемы чем-то существенным». В результате этих изменений должны были возрасти возможности Банка содействовать развитию, но также и росту инфляции. Однако уступки не были односторонними. Под давлением министерства торговли Кейнс уменьшил строгость своего запрета на протекционистские меры. И теперь он чувствовал, что сможет удовлетворить запросы Корделла Хэлла скорее лишь «в существенной мере», чем «полностью».

В третьем проекте гораздо резче, чем во втором, проводилась мысль о том, что предложения Английского банка ведут не к сохранению стерлинговой зоны, а скорее к ее распаду. Кейнс также в несвойственном ему духе воздал должное золотому стандарту — иногда он это делал в порядке предъявления своих верительных грамот консерватора — и пошел на еще одну уступку Хэрроду, не став настаивать на контроле над капиталом для всех членов союза. Из уважения к Готри он намного меньше места и страсти отводил восхвалению таможенных союзов. Повторив свои предложения насчет вспомогательных учреждений совместного англо-американского управления *Международным валютным банком*, Кейнс суммировал «особые достоинства» своих предложений. У Англии, мол, нет иной возможности решить надвигающуюся проблему своего платежного баланса или сохранить стерлинговую зону, кроме как запустив в действие схему, обеспечивающую многосторонний клиринг и расширение мирового рынка. Соединенным Штатам и другим странам эта схема предлагает-де общую структуру устойчивости курсов валютного обмена и свободы торговли, а также сопутствующие учреждения, которые будут содействовать послевоенному восстановлению, управлению деловым циклом и повсеместному поддержанию производственной занятости. Главное же, «она способна пробудить энтузиазм, потому что кладет начало строительству будущего всемирного правительства»[45].

Кейнс был свободен от какого-либо излишнего авторского самолюбия. Желая добиться максимального согласия, он старался учесть все приемлемые точки зрения. Немалым подвигом с его стороны было такое изменение первоначальной схемы, которое позволило сохранить ее основную структуру в условиях, когда на него оказывалось столь много противоречивых давлений.

Взбодренный великолепной зимней погодой, Кейнс, по своему обычаю, затеял в Тилтоне рождественскую охоту. Ягдташ заполнили двадцать восемь фазанов, четыре кролика, заяц, два вальдшнепа и ястреб-перепелятник. Затем последовал обед на тридцать пять человек, причем «Лидия своими руками подавала весьма застарелую говядину». Его план создания международной валюты, сообщал он матери 21 декабря 1941 г., «продвигается так хорошо, как я только мог надеяться — более того, его на удивление хорошо воспринимают в Уайтхолле, но остается все же немало препятствий».

Главным было Казначейство в лице второго секретаря сэра Ричарда Гопкинса. Хэррод стал теперь горячим сторонником *Плана Кейнса* в его более либеральной версии, и настаивал, что его следует представить министрам как «вполне осуществимый и практичный план, поддерживаемый всем авторитетом Казначейства». Он проницательно предполагал, что желания критиковать схему, рожденную «коллективным мозгом Казначейства», у министров будет гораздо меньше, чем в случае, если перед ними окажется плод деятельности одного лишь мозга Дж.М. Кейнса. Хэррод настойчиво предлагал также, чтобы *План Кейнса* был подан американцам как план создания единого блока взаимосвязанных учреждений и организационных устройств, включая международное управление капиталовложениями, управление буферными запасами, бюро продовольственных стандартов и торговый союз; в противном случае американцы могут воспринять план как разработанный исключительно ради содействия Англии[46]. Гопкинс ответил 24 декабря: «Считаю, что *План Кейнса* находится сейчас примерно на том уровне, когда его можно предлагать, и не вижу ему какой-либо лучшей альтернативы»[47].

После Рождества Гопкинс приготовился включить *План Кейнса* в *бутерброд Казначейства*. 12 января 1942 г. Кейнс писал Кану:

> Трудности возникают из-за Банка. Но предстоит еще посмотреть, насколько они окажутся серьезными. Я ожидаю, что план по крайней мере станет мишенью для американцев, но не так ясно, насколько горячей и убежденной будет его официальная защита [с нашей стороны]. В целом я весьма удовлетворен общим ходом обсуждений послевоенных [проблем]. Мои выступления в защиту многосторонности вернули лад и согласие вашим ребятам в министерстве торговли...[48]

На уикенде 24–25 января Кейнс занялся последней правкой своего проекта. Теперь он получил название *Международный клиринговый союз*, что определяло его признанное назначение, и включал в себя пересмотренную формулу, расширявшую с 26 до 40 миллиардов долларов возможную выдачу кредитов сверх средств, числящихся на счетах стран-членов.

27 января 1942 г. Кейнс мог сообщить в Вашингтон Филлипсу, что «Гоппи завершил уже работу над проектом общего доклада обо всем этом деле, и через несколько дней нам предстоит его обсудить»[49]. Казначейство не последовало настояниям Хэррода, добивавшегося, чтобы проект Кейнса рассматривался как взвешенное мнение всего ведомства. Как пишет Л.С. Пресснел, проект был «завернут в мрачные пеленки» меморандума Казначейства о «внешних денежно-кредитных и экономических проблемах, восемьдесят четыре страницы которого источали такой пессимизм, что любой живой младенец мог бы задохнуться от плача и визга»[50]. Кейнс находил документ «поистине прекрасным», но Роббинс возражал против принятого в нем неукоснительного сопоставления всех «за» и «против». «Думаю, что мне удается уловить незначительный крен аргументации в пользу проектов Кейнса — Хэррода — Хансена, — но только незначительный»[51].

Многое из первоначального «*бутерброда*» потеряло смысл после 23 февраля 1942 г., когда Великобритания по-

ставила подпись под соглашением о ленд-лизе. Многое из того, что заставляло Лондон вступать в горячую перепалку с Вашингтоном, обрело приемлемую для англичан словесную форму. Взятые обеими странами обязательства устранить дискриминацию и снизить тарифы соединились с обязательствами расширять производство и занятость. Это могло восприниматься как признак распространения либерализации, обещанной для торговли, на меры увеличения производства и занятости. Соглашение призывало к скорому созыву конференции этих двух и «других сходно мыслящих» правительств, чтобы договориться о способах выполнения взятых обязательств.

К Новому году в Лондон просочились сведения, что у администрации США появились какие-то собственные соображения насчет послевоенного устройства. В преддверии неминуемых англо-американских переговоров британское правительство должно было принимать решение. Казначейство остановилось на проекте Кейнса, опасаясь, что американский план будет слишком жестким, так что англичанам надо предложить нечто свое, а не просто выступать с возражениями[52]. Но единство на британской стороне было достигнуто только ценой трех существенных умолчаний. Английский банк, соглашаясь, что проект Кейнса должен быть положен на стол переговоров, отказывался связывать себя какими-либо вытекающими из него обязательствами. Второй пробел в британской позиции создавало расхождение между теми, кто, подобно Кейнсу, считал, что вспомогательные учреждения отнюдь не образуют «непременную составляющую часть» *Клирингового союза,* и теми, вроде Хэррода, кто хотел бы продвигать «комплекс идей Кейнса в целом». Третьей областью, где отсутствовала ясность, был вопрос о том, будет ли на *Клиринговый союз* возложена задача как оказывать помощь странам при переходе к миру, так и поддерживать международное валютное равновесие на постоянной основе. Условия овердрафта, допустимые для выполнения первой задачи, могут оказаться чрезмерными в отношении второй. Но это был единственный способ, каким Кейнс мог надеяться справиться с необходимостью прими-

рить Америку с британским сопротивлением демонтажу системы имперских преференций в стерлинговой зоне.

31 марта 1942 г. меморандум Казначейства был направлен в *Комитет по проблемам восстановления* Военного кабинета. Последним препятствием оставался министр труда Эрнест Бевин. Хью Долтон, министр торговли, записал в своем дневнике: «Является наконец Бевин, весьма возбужденный, начинает поносить весь доклад, заявляя, что это заговор англо-американских банкиров против рабочего класса, обрекающий нас на два миллиона безработных... И так далее!» Долтон предложил послать за Гопкинсом и Кейнсом, которые «по-умному разобрались» с критикой Бевина, приведя доводы, сводившиеся к утверждению, что проект Кейнса предполагает новый вариант золотого стандарта. Кейнс старался погасить страхи Бевина. Выпуск *банкоров*, сказал он, будет отличаться «абсолютной эластичностью». Золото не сможет в будущем ограничивать доступную торговле сумму денег. Заслушав их, *Комитет восстановления* решил доложить кабинету, что доклад Казначейства «мог бы быть представлен американцам» как основа для дискуссии по статье VII.

Бевина все еще приходилось уламывать. 22 апреля Кейнс повидался с ним в частном порядке и снова заверил его, что *Международный клиринговый банк* никак не может стать творцом дефляции и безработицы. Бевин сказал, что если бы это прояснилось, он чувствовал бы себя «намного счастливее». Кейнс снова переписал проект, подчеркнув на сей раз, что предусматриваемые им меры урегулирования долгов «исключают дефляционную политику, навязываемую дороговизной денег... и имеющую своим следствием безработицу».

Добавив пункт о приглашении СССР войти в число учредителей *Клирингового союза*, военный кабинет 7 мая 1942 г. одобрил меморандум Казначейства — в действительности проект Кейнса — в качестве основы для обсуждения статьи VII в переговорах с Соединенными Штатами[53]. Спасло этот документ, говорил Кейнс Ричарду Кану, отсутствие сколько-нибудь привлекательных альтернатив. «Теперь весь вопрос в том, чтобы добиться благосклонности американцев»[54].

XXXVII
Партнер-соперник Гарри Декстер Уайт

1. Крен в американскую сторону

Хотя Соединенные Штаты и стали участником войны, завоевывать их «симпатии» оказалось труднее. Предстояло пройти еще почти целому году, прежде чем в Северной Африке британские и американские войска вступили в совместные боевые действия. В первые несколько месяцев 1942 г. главный театр войны переместился на Дальний Восток, где англичане потерпели от японцев ряд военных поражений. Это не только нанесло ущерб военной репутации Англии, но и привлекло нежелательное внимание к существованию Британской империи. В представлении Уолтера Липпмана британский империализм «затруднял» победу над Японией, «потому что Объединенным Нациям нельзя обращаться к местному населению, выступая перед ним в роли освободителей». Таков был контекст, в котором обе стороны приступили к планированию послевоенной экономики. Каждый союзник действовал в отрыве от другого. Различны были и их цели. Государственный департамент жаждал возобновления торговых переговоров, так грубо прерванных Кейнсом в Вашингтоне в июле 1941 г. Англичане хотели, чтобы переговоры были посвящены прежде всего монетарным вопросам. Однако министерство финансов США не было готово начинать переговоры с обсуждения монетарной тематики; а британское министерство торговли не имело никакой возможности возобновлять торговые переговоры, поскольку кабинет решительно отказывался рассматривать какие бы то ни

было изменения в системе имперских преференций. В результате в течение восемнадцати месяцев не велись вообще никакие официальные переговоры — ни по деньгам, ни по торговле.

Международный клиринговый союз был задуман Кейнсом как система взаимоувязанных режимов управления деньгами, инвестициями, товарами и торговлей. Однако сколько-нибудь подробно была разработана только схема денежно-кредитного учреждения — *Международного клирингового банка* с его правилами овердрафта. В конце 1941 г. Хэррод по предложению Кейнса «за несколько свободных вечеров» набросал и послал ему схему *Международного инвестиционного банка*[1]. Ее резюме отправилось в собрание священных текстов Казначейства, и о нем мало что было слышно, пока за дело не взялись сами американцы. Хэррода это сильно расстроило. Причиной же было то, что сам Кейнс никакого нажима не оказывал. Он не усматривал в этом для Англии ни малейшей реальной выгоды.

Однако, откликаясь на предложение Роя Хэррода, Кейнс составил 20 января 1942 г. проект меморандума о буферных запасах. Этот план создания буферных запасов был попыткой Британии откликнуться на потребности американских сельскохозяйственных производителей, от лица которых выступал вице-президент Генри Уоллес, представлявший точку зрения, шедшую в некоторых отношениях вразрез с позицией государственного департамента, настаивавшего на свободе торговли. С присущей ему изобретательностью он разработал план, нацеленный на обеспечение производителям устойчивых цен без их картелирования. Он предлагал свою обычную политику — «средний курс между свободной конкуренцией в духе *laisser-faire* и методами планового управления, которые позволили бы придать торговле устойчивые формы»[2]. Центральное место в новой схеме Кейнса отводилось созданию буферных — или резервных — запасов — определенного набора товаров международного рынка. Резерв каждого товара находился бы в введении своего *Управления*, подчиняющегося, в свою очередь, *Общему совету товарных управлений*, который гарантировал бы соответствие

принимаемых решений согласованным принципам. Каждое управление должно было устанавливать исходную «базовую» цену на «свой товар», определяя ее на основе своих оценок «равновесных за длительный период затрат наиболее эффективных производителей» и время от времени изменяя ее сообразно наблюдаемым тенденциям роста или уменьшения соответствующего резерва. Оно закупало бы «свой товар» при каждом снижении его «базовой» цены на 10 процентов и продавало в случае ее 10-процентного повышения. В своей долгосрочной политике управления должны были бы поддерживать постоянный товарный запас или, как выразился вице-президент Уоллес, «всегда нормально заполненное зернохранилище»[3].

В Уайтхолле *План буферных запасов* той поддержки, какой пользовалась идея *Клирингового союза*, не получил. На сей раз его *Средний путь* не устраивал ни сторонников планирования, ни приверженцев свободной торговли. Составляя свой проект, Кейнс опять проявлял необычайную беспристрастность. Но к осени 1942 г. он почувствовал, что с него довольно. На его *План* были обрушены «десятки тысяч мелких или существенных критических замечаний от разных департаментов», — жаловался он Филлипсу[1].

Не кто иной, как Джеймс Мид из Экономического отдела, выступил с инициативой британского ответа на торговые требования статьи VII. Его проект *Международного торгового союза*, предложенный 4 августа 1942 г., был с поправками Хью Гэйтскелла передан в учрежденный Хью Долтоном Комитет Овертона и намечен к рассмотрению в ноябре. Мид предлагал, чтобы все члены *союза* предоставили друг другу режим наибольшего благоприятствования, с тарифными преференциями в пределах 10 процентов; чтобы не допускались, иначе как в чрезвычайных обстоятельствах, количественные ограничения импорта; чтобы экспортные субсидии ограничивались уровнем на 10 процентов ниже внутренних цен[5]. В декабре большинство Комитета Овертона с энтузиазмом поддержало этот проект, но на него с яростью обрушился Хьюберт Гендерсон. На сей раз «великолепная» критика Гендерсона Кейнсу понравилась, в отличие

от Денниса Робертсона, которого разгулявшиеся в Казначействе ветры протекционизма заставили «визжать от страха». Вероятно, он чувствовал, что это добавляет силы ветрам протекционизма, бушующим в правительственном кабинете и Английском банке.

Война противоречиво действовала на британские представления о послевоенной торговле. С одной стороны, она вынуждала Англию жить за счет американской щедрости, повязывая ее тем самым обязательствами, которые Америка вписывала для нее в статью VII. С другой стороны, она, казалось, делала возможным то, о чем Джозеф Чемберлен и его преемники только мечтали: слияние Британской империи и зависимых от нее стран в единое экономическое целое. Именно совпавшие по времени падение веса британской экономики и укрепление имперской организации объединили в правительстве националистов и империалистов и заставили их видеть в империи гарантию послевоенной независимости Британии — независимости, которая включала теперь свободу проводить политику полной занятости. Битва между «американской» и «имперской» тенденциями в сфере официальной мысли Британии стала стержнем переменчивой концепции «переходного периода». Сознание необходимости переходного периода на время, пока после войны не утвердится какой-то новый режим, было связующим звеном, хотя бы уже потому, что Англии предположительно предстояло столкнуться с большим дефицитом платежного баланса. Однако переход, достаточно растянутый во времени, мог бы оказаться постоянным. Националисты вроде Хьюберта Гендерсона хотели, чтобы существенные меры переходного периода стали системой постоянного действия. Либералы, подобные Лайонелу Роббинсу, Джеймсу Миду, Рою Хэрроду и Деннису Робертсону, выступали за режим свободной торговли, усиленный, однако, международными институтами управления и подправленный оговорками насчет свободы выбора. Кейнс находился где-то посередине, с «креном в американскую сторону».

Зимой 1942–1943 гг. в переписке с чиновниками Казначейства и министерства торговли, а также с самим Мидом

Кейнс осыпал доклад Овертона критическими замечаниями. Говоря, что он держится позиции «на полпути между сэром Хьюбертом Гендерсоном и Комитетом [Овертона]», Кейнс предложил обратиться к Соединенным Штатам с мягким заявлением об общих принципах, но не с проектом четкой декларации. «Если мы выступим с инициативой в соответствии с положениями доклада Овертона, — писал он 15 января 1943 г.,

> все прочие участники постараются изменить предложения к собственной выгоде. Следовало бы считать, что мы достигли предела. Нам надлежит закрыться на задвижку, оставив остальной мир при его оружии. Никто о нас не позаботится, если мы не позаботимся о себе сами. Решение проблемы нашего платежного баланса — ключ к нашим послевоенным экономическим перспективам по всем направлениям. Это не то, к чему можно относиться так беззаботно. Без более твердой — более эгоистичной, если хотите, — политики мы пойдем ко дну[6].

Отказ Кейнса поддержать идею *Торгового союза* обрадовал Гендерсона и разочаровал Мида. Двигавшие им соображения были изложены в том же докладе: «Я боюсь вероятного ущерба, который будет причинен другим нашим послевоенным планам, если мы так тесно увяжем их с каким-то проектом, несущим в себе столько опасного политического динамита, как этот»[7]. Лишенные поддержки Кейнса, предложения комитета Овертона застряли в коридорах Уайтхолла; и торговые переговоры с американцами были приостановлены.

Еще один, пятый проект создания буферных запасов был представлен 14 апреля 1943 г. в виде официальной записки Казначейства. «Что там еще за виски, смазанное маслом?»[λ] — бурчал Черчилль, когда эта записка поступила в правительство. Кабинет согласился, что проекты *Буферных запасов* и *Торгового союза* можно было бы показать домини-

---

[λ] Черчилль слегка искажает произношение, и у него вместо buffer stocks (буферные запасы) получается buttered Scotch (виски, смазанное маслом).

онам и в общих чертах «осведомить» о них американцев. Но, в отличие от *Клирингового союза*, они не были изданы в качестве *Белых книг* и выдвигались как британские предложения на переговорах. Проект Кейнса свелся к тому, чем он был изначально: *Клиринговый союз* с возможными дополнениями.

2. Проект Уайта

Англичане, однако, не знали, что 14 декабря 1941 г., неделю спустя после вступления Америки в войну с Японией и Германией, Моргентау поручил своему директору монетарных исследований Гарри Декстеру Уайту готовить записку об образовании межсоюзнического *Стабилизационного фонда*, который должен был «послужить основой послевоенных мер валютной стабилизации; и... обеспечить создание после войны 'международной валюты'». Повысив его статус до уровня помощника министра финансов (не присваивая, однако, этого должностного звания), Моргентау сказал: «Он будет вести все мои дела с заграницей... хочу собрать их в одном мозгу и хочу, чтобы это был мозг Гарри Уайта»[8]. Уайту предстояло быть центральной фигурой во всех последующих деловых отношениях Кейнса с Вашингтоном. Сражение, которое вели между собой эти два человека, стало одним из великих политических поединков Второй мировой войны, хотя он и не выходил в основном за рамки финансовых мелочей. Это не стало помехой развитию настороженного товарищества двух «технических специалистов». Кейнс тоже отчасти ошибался в понимании существа их поединка.

Быстрый отклик Уайта на предложение Моргентау наводит на мысль, что он уже знал, что ему надо делать. Действительно, первый общий набросок его предложений был, по всей видимости, заготовлен летом или в начале осени 1941 г.[9]. 30 декабря 1941 г. Уайт вручил Моргентау двенадцатистраничную докладную записку, озаглавленную: '*Предложения о межсоюзнических денежных и банковских меро-*

приятиях'. Там предлагалось образовать два новых учреждения — *Международный стабилизационный фонд* и *Международный банк*. Идея Моргентау насчет единой международной валюты исчезла, поскольку Уайт убедил его, что всеобщая обратимость валют будет «реалистичнее и не менее эффективной»[10].

В размышлениях о послевоенной финансовой архитектуре Уайт, подобно Кейнсу, исходил из опыта межвоенных лет, каким его видели американские глаза. В Вашингтоне существовало широкое согласие, что любой послевоенный порядок должен предусматривать твердые ставки валютного обмена, расширение торговли и конец дискриминации. Эти условия выделялись как необходимые для американского и мирового процветания и предотвращения новой войны. Для предлагавшихся Уайтом институциональных новообразований существовали также прототипы в виде прежних американских инициатив — *Фонда валютной стабилизации* 1934 г., *Трехстороннего соглашения* 1936 г., предложения о *Межамериканском банке* 1940 г.[11]. Если проект Кейнса можно было понимать как попытку «унифицировать» стерлинговую зону, то проект Уайта был направлен на то, чтобы раздвинуть влияние и ответственность США за пределы двух Америк. Однако экономические планы Уайта перемешивались с политическими целями, которые Кейнс не разделял. Частично они просто отражали тот факт, что все козыри были в американских руках и США могли намечать такое устройство послевоенного мира, которое им было удобно. Частично же в них проявлялись личные устремления, по поводу которых споры идут по сей день.

Первая встреча с Уайтом была у Кейнса в 1935 г., когда он совершал поездку по европейским столицам, а в 1941 г. у них была более обстоятельная беседа в Вашингтоне, когда Кейнс предложил выход из запутанной ситуации вокруг ленд-лиза. Он имел дело с низкорослым, плотным человеком, чуть старше сорока, с аккуратно подстриженными усами, в очках без оправы и с скрежещущим голосом. Наверняка он принял его за одну из тех «тертых» еврейских личностей, которых немало было в окружении Моргентау.

В действительности он лишь недавно пришел в министерство финансов, имея за плечами Гарвард и, после получения докторской степени, недолгую карьеру преподавателя в небольшом американском колледже. В министерстве он быстро продвинулся по службе. В 1938 г. стал директором незадолго до того созданного отдела монетарных исследований, а в декабре 1941 г., как уже сказано, Моргентау возложил на него ответственность за международные дела министерства. Это выдвинуло его на ключевую роль в формировании послевоенной внешней экономической политики Америки. В Вашингтоне Уайт имел репутацию одного из самых нахальных и пренеприятных людей в городе — к тому же настроенного антибритански. Кейнс, конечно же, мог лишь укрепить Уайта в его инстинктивном предубеждении против правящего класса распадающейся империи. Пусть у Кейнса был стиль, которого недоставало Уайту, но за тем стояла сила, и Кейнс знал это. Главное же, изощренный интеллект Кейнса мог одинаково и приводить в восхищение, и взывать к осторожности и сопротивлению, потому что от него можно было ждать всякого рода ловушек, в которые легко было угодить при утрате бдительности. Опасение, что их «одурачат», никогда полностью не покидало души американцев, прочитавших кейнсовские '*Экономические последствия мира*', а Уайт эту книгу, несомненно, читал.

О чем Кейнс не ведал, так это о связях Уайта, политических и неформальных, с американским коммунистическим подпольем, которому он поставлял секретную информацию, переправлявшуюся затем советской разведке; не ведал он и о том, что несколько служащих министерства финансов — в том числе назначенцы Уайта — также являются скрытыми коммунистами, либо агентами, либо теми и другими. Уайт не видел противоречий между советскими и американскими интересами. Единственно, что тут можно обсуждать всерьез, — это знал ли он до 1944 г., что поставляемая им информация попадает в руки русским.

В Коммунистической партии США Уайт не состоял — у него был слишком независимый нрав, чтобы следовать чьим-либо распоряжениям, — но, подобно другим попутчи-

кам 1930-х, он очень восхищался советским планированием и с готовностью принимал коммунистический тезис, согласно которому мощный Советский Союз представлял собой единственную надежную защиту от нацистского антисемитизма и фашистского экспансионизма. В сознании Уайта не было, таким образом, никакого конфликта между его надеждами на социально-демократическое устройство Соединенных Штатов, плановую мировую экономику и союз США и СССР в роли объединенного гаранта мира[λ]. Именно поэтому в 1948 г. перед комитетом палаты представителей, расследовавшим антиамериканскую деятельность, он имел основание с чистой совестью говорить, что не мог «совершать никаких нелояльных действий или допускать что-либо идущее вразрез с интересами нашей страны». В этом проявлялась удивительная наивность относительно природы сталинизма. Но для левых здесь не было ничего необычного. Если отвлечься от его тайных действий, убеждения Уайта немногим отличались от убеждений Гарри Гопкинса или вице-президента Генри Уоллеса, которому «виделось, что поступательное движение истории приведет к смычке советского эксперимента в России с программами *Нового курса* в Соединенных Штатах» во имя большего блага для всего человечества[12]. Рузвельт также полагал, что советско-американское сотрудничество дает наилучшую надежду на мирное и прогрессивное устройство мира. Левым среди приверженцев *Нового курса* идея американского партнерства с «прогрессивной» советской Россией решительно нравилась больше, чем сближение с реакционной, империалистической Англией.

[λ] 17 декабря 2004 г. по второму каналу российского телевидения в серии «Лубянка» прошла передача «'*Снег*' *над Вашингтоном*», рассказавшая — с привлечением документов из архивов НКВД, — как осенью 1941 г. Гарри Уайта, значившегося в Москве под кличкой «Снег» (Уайт/White=Белый), советская разведка использовала в операции по срыву намечавшегося американо-японского соглашения, что повлекло за собой нападение японцев на Перл-Харбор и позволило советскому командованию перебросить на защиту Москвы знаменитые свежие сибирские дивизии.

При всем профессиональном интересе Уайта к планам стабилизации главная его личная политическая цель состояла в том, чтобы посредством крупных американских займов обеспечить политический и экономический союз с СССР. Идея большого займа России красной нитью проходит от первого такого предложения, сделанного Уайтом в марте 1939 г., до его последнего шага в этом направлении, когда в 1944–1945 гг. он намечал огромную программу помощи в духе *Плана Маршалла* для Советского Союза[13]. Это следует сопоставлять со скупостью его откликов на британские просьбы о финансовой помощи. Лафлин Керри, который в течение двух лет был фактическим управляющим программы ленд-лиза, разделял антипатию Уайта к британскому империализму[14]. От назойливости британцев деваться было некуда. Но Англия не была величиной в большом раскладе, и Уайт презрительно, хотя и с опаской относился к притязаниям Британии на роль великой державы. Нужно иметь в виду, что, Уайту и другим чиновникам министерства финансов и госдепартамента Англия все еще виделась экономическим соперником Соединенных Штатов, тогда как Советский Союз, с его особой системой, таковым не считался. Острандер, служащий министерства финансов США, вспоминает, как Редверс Оупи говорил ему, что Уайт настроен «антибритански даже в большей мере, чем просоветски». *Стабилизационный фонд* Уайта входил составной частью в значительно более обширный проект, центром которого было совместное американо-советское господство, а не англо-американское сотрудничество. Англичане рассматривали и критиковали схемы Уайта, прикидывая, насколько они могут быть полезны Британии. Они никогда не понимали специфики устремлений Уайта, который одним глазом смотрел на Вашингтон, а другим поглядывал на Москву. Что же касается Кейнса, он редко вспоминал о России, а если вспоминал, то обычно с пренебрежением.

В марте 1942 г. Уайт вместе со своим помощником Эдвардом Бернстайном уточнил и расширил свой декабрьский (1941 г.) проект. Когда Кейнс впервые увидел его в июле 1942 г., это был очень пространный документ, с корот-

кой преамбулой и основным текстом на восьмидесяти страницах.

Уайт призывал к созданию двух учреждений — *Международного стабилизационного фонда* и *Банка восстановления*. Их задачи он описывал следующим образом: (а) предотвращать разрыв международных валютных отношений и крушение монетарных и кредитных систем, (б) обеспечивать восстановление международной торговли и (в) содействовать восстановлению и обеспечивать его капиталом[15]. Из двух проектов тот, что касался *Банка*, был гораздо более амбициозным. Его главной задачей было «обеспечить огромный капитал, который потребуется, по существу, во всем мире для восстановления, для оказания помощи и для возрождения экономики». Предполагалось учредить его с собственным капиталом в 10 миллиардов долларов и дать право выпуска акций. Вообще говоря, он должен был взять на себя большую часть задач, которые в проекте Кейнса возлагались на вспомогательные учреждения. Неудивительно, что именно этот аспект *Великого проекта* Уайта тогда и впоследствии более всего волновал Хэррода, поскольку он был ближе всего к его собственным устремлениям[16]. Так или иначе, но в Вашингтоне и Нью-Йорке у *Банка* Уайта противников оказалось гораздо больше, чем у его *Фонда*. По этой причине *Фонд* вытеснил *Банк* с центрального места в американском проекте; такую же позицию занимали англичане, сравнивая между собой проект Уайта и проект Кейнса.

Стабилизационный фонд предполагалось образовать из взносов золотом, национальной валютой и доходами от процентов на общую сумму 5 миллиардов долларов, причем взнос каждой страны-члена должен был определяться по сложной формуле, учитывавшей ее золотые запасы и добычу золота. Первоначальные взносы устанавливались в 3,2 миллиарда долларов для США и 635 миллионов — для Англии. (Имелось в виду, что при временных трудностях с платежными балансами страны-члены будут в пределах их взносов, или «квот», получать иностранную валюту в обмен на национальные деньги.) *Фонд* должен был установить паритет валют в золотом выражении, изменения которого до-

пускались бы только для выправления «фундаментальных нарушений равновесия» и требовали бы утверждения директорами *Фонда* — большинством в четыре пятых голосов. Предоставление иностранной валюты сверх золотого взноса страны-получателя должно было обставляться все более и более строгими условиями, вплоть до изменения внутренней политики. Членство в *Фонде* было бы открыто для всех стран, которые соглашаются изменять обменный курс своей валюты только с одобрения *Фонда*, готовы в пределах одного года после вступления или после окончания военных действий отказаться от какого бы то ни было валютного контроля применительно к текущим сделкам и снизить тарифы; обещают не вступать ни в какие двусторонние клиринговые соглашения и не устанавливать «географически ограниченные преференциальные ставки валютного обмена», не допускать внутреннего обращения золота, не поднимать и не понижать стоимости своей валюты или дефолта по внешним обязательствам без одобрения *Фонда*. Свобода перемещения капитала толковалась как право страны-члена отказаться от внутренних инвестиций и право страны — экспортера капитала распоряжаться заграничными инвестициями собственных граждан. Уайт проявил также изобретательность, предложив свой способ освобождения остатков на счетах, заблокированных в военное время[17]. Упорно настаивая на стабилизации курсов и на устранении валютных ограничений и дискриминационной практики платежей, проект Уайта отличался явной сдержанностью в отношении помощи, необходимой для покрытия дефицитов платежных балансов. С другой стороны, Уайт соглашался с Кейнсом в признании необходимости постоянно контролировать движение частного капитала.

Отражая разный исторический опыт и разное видение перспектив, проекты Кейнса и Уайта следовали разной логике. Оба были нацелены на то, чтобы избежать повторения валютных и торговых войн 1930-х гг., то есть ставили своей задачей вдохнуть новую жизнь в либеральную мировую экономику, для которой устойчивые валютные курсы и свобода торговли будут нормой. По мнению Кейнса, главное, что для

этого требовалось, — вынудить страны с активным платежным балансом устранять (то есть расходовать) образующуюся выручку. Предписание, которое Уайт давал своему *МСФ*, было гораздо менее строгим: странам с пассивным платежным балансом нужно подбросить дополнительные средства в виде краткосрочных займов и тем самым обеспечить передышку, чтобы они могли навести порядок в своем доме. Определяемые двумя проектами потребности в ресурсах отражали это различие приоритетов: 26 миллиардов долларов для *Клирингового союза* Кейнса, 5 миллиардов долларов для *Международного стабилизационного фонда* Уайта. Примером, от которого отталкивался проект Кейнса, служила роль Британии в поддержании золотых стандартов до 1914 г., — *Клиринговый банк* Кейнса должен был стать наследником лондонского Сити. Вдохновляющим историческим образцом для проекта Уайта служило межправительственное сотрудничество, выросшее в последние дни золотого стандарта. Проект Кейнса содержал скрытую критику Соединенных Штатов, отказывавшихся признавать утвердившуюся в девятнадцатом веке ведущую роль Лондона. Идеи Уайта отражали пронизывавшее *Новый курс* опасливое отношение к «крупному финансовому капиталу», будь то британскому или американскому.

Однако остановить на этом сопоставление двух проектов означало бы обойти вниманием предложенный Уайтом *Банк восстановления* («развитие» добавилось лишь впоследствии). Функции *Банка* Уайта — вернуть капитал в разоренные войной страны, стабилизировать товарные цены и обеспечить кредиты для смягчения перепадов делового цикла — были в значительной мере сходны с теми, которые предусматривал Кейнс для вспомогательных учреждений *Клирингового союза* — организации, «ответственной за оказание помощи и восстановление», *Инвестиционного управления*, *Товарного управления* и *Экономического управления*, призванного смягчать перепады делового цикла. *Клиринговый союз* Кейнса, вращавшийся вокруг единственного требования — страны-кредиторы должны расходовать свою выручку, — был концептуально изящнее проекта Уайта, раз-

делявшего функцию кредитования между двумя учреждениями; с другой стороны, он более четко обозначал различие между краткосрочным и долгосрочным кредитованием. Общие ресурсы *Фонда* и *Банка* Уайта достигали 15 миллиардов долларов, то есть были заметно ближе к 26 миллиардам Кейнса, чем 5 миллиардов, которые Уайт изначально предусматривал для своего *Стабилизационного фонда*. Верно, однако, и то, что из 26 миллиардов Кейнса Англии могло бы достаться гораздо больше, чем из 15 миллиардов Уайта, ибо большую часть своих средств *Банк* Уайта выделил бы на восстановление России, тогда как теоретически почти все 26 миллиардов *Клирингового союза* могли быть затребованы странами с пассивным платежным балансом, среди которых сразу после войны самой большой, как ожидалось, окажется Англия. Будь проект Кейнса принят, в 1945 г. не потребовалось бы никакого американского займа*.

8 мая 1942 г. Уайт передал свой проект Моргентау. Для его рассмотрения он предложил созвать конференцию министров финансов всех стран — членов Организации Объединенных Наций, включая Россию и Китай. Моргентау согласился потрясти «одновременно» и Рузвельта, и Хэлла, подав этот проект как «Новый курс в мировой экономике». Предложение о созыве конференции Рузвельт отклонил как преждевременное, распорядившись предварительно более широко обсудить проект Уайта с государственным департаментом и другими агентствами. Моргентау видел теперь в проекте собственную «любимую собачку» и опасался, что государственный департамент захочет ее погубить, потому что не сам это придумал. 25 мая начались заседания межведомственного технического комитета под председательством Уайта. 9 июля Уайт, бывший не в самых близких отношениях с Филлипсом, вручил находившемуся в Вашингтоне Лис-Россу копию своего проекта, имея в виду обсудить с ним вопросы взаимодействия союзников в оказании между-

* Это ответ профессору Брэдфорду Делонгу, утверждающему, что между проектом Кейнса и целостным (с учетом обеих его частей) проектом Уайта сходства больше, чем здесь подразумевается.

народной помощи. Филлипс немедленно переслал документ Казначейству в Лондон. (Возможно, Моргентау дал на это согласие Уайту.) В то же время Филлипс попросил Лондон направить американцам копию проекта Кейнса, что, по его мнению, было бы единственным способом завязать диалог. В середине июля на это согласился Кингсли Вуд. Наконец-то обе стороны получили представления о замыслах друг друга.

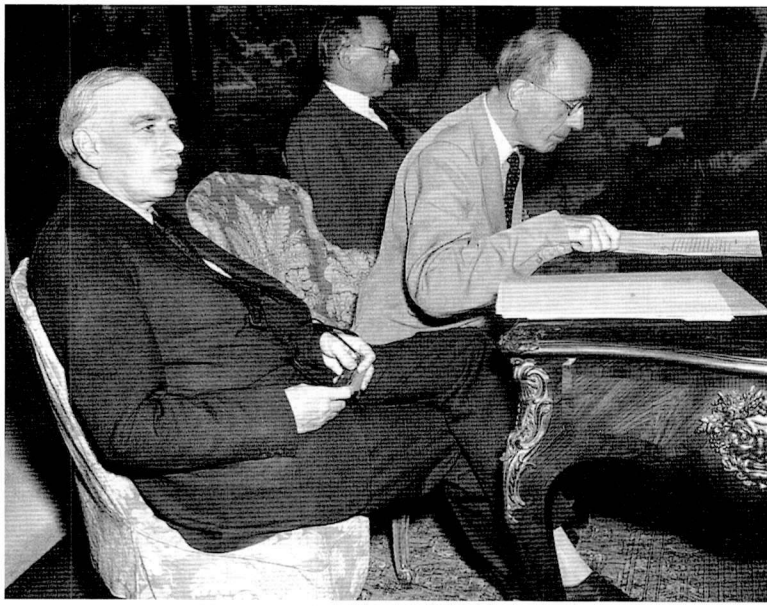
3. Обмен первыми откликами

24 июля копию «добытого» проекта Уайта Кейнс увез с собой в Тилтон. 3 августа он возвратился в Лондон с замечаниями к американским предложениям. «Совершенно очевидно, что работать это не будет», — сказал он Гопкинсу. Филлипсу он написал: «Редко когда мне было одновременно и так скучно, и так интересно»[18]. Вместе с тем его «поразило и вдохновило» то, что они с Уайтом двигались параллельными курсами.

Главное его критическое замечание состояло в том, что в проекте *Стабилизационного фонда* «нет ни малейшей попытки опереться на банковский принцип и одностороннюю обратимость золота и, по существу, он представляет собой нечто немногим большее, чем еще одну версию золотого стандарта, которая имеет целью просто многократное расширение действующей золотой основы». Это, мол, мало поможет странам, стартующим с небольшим золотым запасом. С другой стороны, он одобрял «чрезвычайно великодушное предложение разобраться в конце войны с полностью или частично блокированными авуарами и обнаружил еще кое-какие идеи, полезные или наводящие на размышления»[19]. Он еще раз переделал собственный проект, на который смотрел теперь как на вариант, пригодный для передачи американцам и содержащий меньше отличий от проекта Уайта.

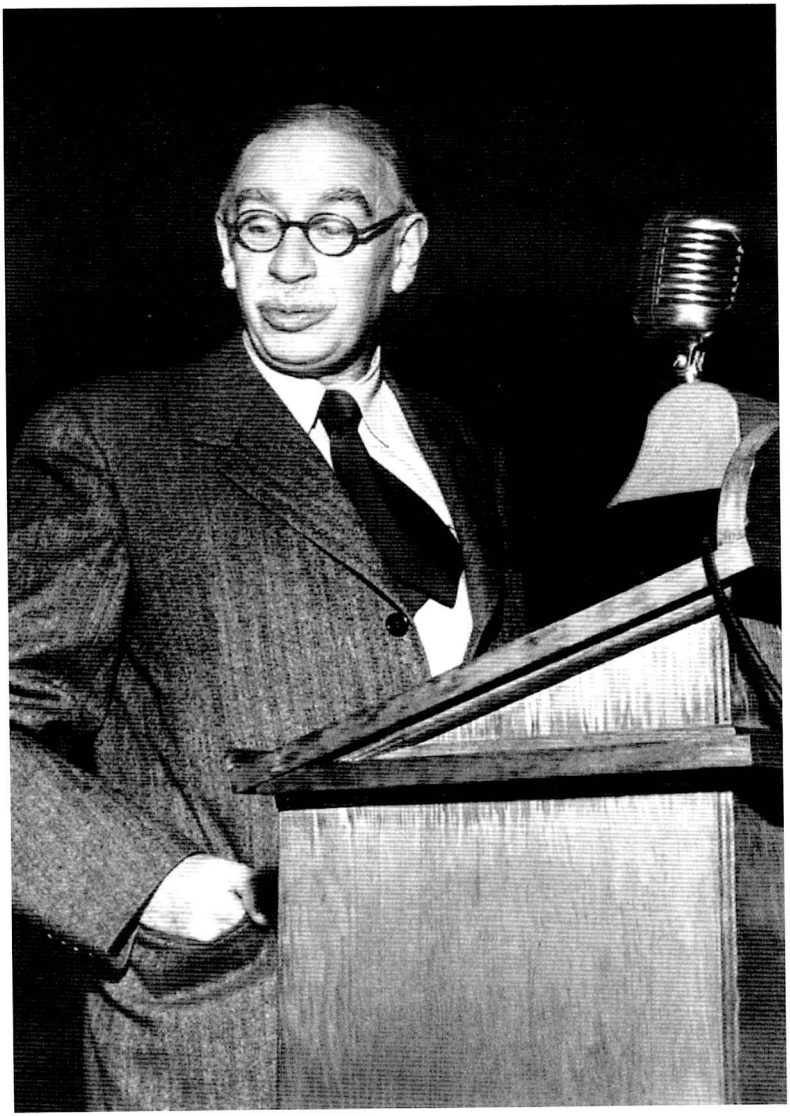
В августе, отправляясь в Вашингтон, Ричард Ло, заместитель министра иностранных дел, захватил с собой пересмотренный Кейнсом проект, и 28-го Филлипс вручил эк-

Кейнс и Лидия в Бреттон-Вудсе. Июль 1944 г.



Начало переговоров о займе. Кейнс и Галифакс на пресс-конференции в Вашингтоне. 12 сентября 1945 г.

Подписывается соглашение о займе. 6 декабря 1945 г. Слева направо: Кейнс, Галифакс, Бирнс (госсекретарь США) и «Судья» Винсон



Кейнс произносит речь на конференции в Саванне: «Никакая "злая фея" не испортит крестины МВФ»

Кейнс с Лидией. «Из Саутгемптона прямо в палату лордов». 17 декабря 1945 г.

Джон Мейнард Кейнс. Вашингтон, 12 мая 1941 г.

Хьюберт Гендерсон

Янош Плеш, «Людоед». Доктор, "возвративший Кейнса к жизни"

Освальд Фолк

Фридрих Хайек, 1931 г.

Джордж Бернард Шоу и Мейнард Кейнс. (Кембридж, 1926 г.)

Кейнс и Лидия по прибытии в Нью-Йорк. 8 мая 1941 г.

земпляр Уайту. «Все теперь его поддерживают, — сообщал Кейнс Кану, — и притом (за исключением Английского банка) поистине горячо»[20]. В сопроводительном письме Уайту Филлипс писал, что британские предложения составлены в особенности с целью «отвратить угрозу еще одной мировой депрессии после войны».

Теперь проект Кейнса стал предметом тщательного изучения в Вашингтоне. Государственный департамент взял на себя ведущую роль, и помощник Хэлла Адольф Берль задавал Филлипсу множество вопросов, которые тот передавал Кейнсу. Политическую нагрузку имели те из них, которые касались общего размера квот, возможных обязательств Соединенных Штатов, прав голоса кредиторов, дисциплинарных мер к должникам и возможных инфляционных последствий учреждения *банкора*[21]. Вся суть в том, сообщал Филлипс, что американцы опасаются, как бы «союз не приобрел функцию эмиссионного банка, что неблагоприятно отразится на положении доллара, и как бы этот проект не навязал Соединенным Штатам обязанность предоставлять неопределенно большие займы остальному миру...»[22]

Неупорядоченное общение через океан в октябре 1942 г. было на короткое время прервано визитом Моргентау и Уайта в Лондон, где они должны были осмотреть военные заводы и обсудить формы валютных расчетов, которые предстояло использовать в Северной Африке после намечавшегося и предположительно успешного вторжения туда союзных войск. Винант, с согласия Моргентау, устроил частную встречу Кейнса и Уайта. Она состоялась 23 октября в резиденции посла, с участием должностных лиц как с американской, так и с британской стороны. Присутствовавшему там Эрнесту Пенроузу, экономическому советнику Винанта, запомнилась «оживленная и время от времени резковатая, но в высшей степени плодотворная дискуссия» между господствовавшими в ней Кейнсом и Уайтом. Кейнс сказал, что *Фонд* не будет располагать достаточно большими средствами; Уайт на это заметил, что добиться от конгресса большего было бы невозможно. Они обсуждали способ образования капитала нового учреждения — должна это быть подпи-

ска (Уайт) или создание денег (Кейнс). Кейнс энергично напал на идею подписки, но Уайт возражал, что это единственно приемлемый для конгресса путь. Он также сказал, что по политическим соображениям невозможно будет использовать *Клиринговый союз* для оказания помощи и содействия восстановлению. Кейнс говорил, что требование большинства в четыре пятых голосов для изменений в ставках валютного обмена недопустимо для Англии, которая в случае необходимости должна будет идти на односторонние действия. Он «горячо» доказывал, что до созыва международной конференции Англия и США должны провести прямые переговоры друг с другом. Уайт отвечал, что это породило бы впечатление англосаксонского «сговора». На этом достаточно тактичном напоминании, сколь скромное место занимает Британия в большой картине мира, встреча закончилась. Каждый из авторов двух проектов согласился кое в чем подправить свои предложения. Винант председательствовал на встрече «с присущими ему обаянием и умением»[23].

Лишившись возможности вести прямые переговоры с американцами, Англия начала собирать сторонников проекта Кейнса. Между 23 октября и 9 ноября различные его предложения обсуждались в Казначействе с представителями доминионов и Индии. Кейнс расценил эти встречи как «выдающийся успех — поистине образец того, чем должна быть разумная и конструктивная международная дискуссия»[24]. Тем не менее он не мог не заметить, что проекты буферных запасов и торгового союза оказались для участников дискуссий менее приемлемыми, чем идея *Клирингового банка*. С учетом этих встреч и своих разговоров с Уайтом Кейнс 9 ноября представил шестой проект *Клирингового союза*. На сей раз взносы были уменьшены и оговорена возможность их общего согласованного сокращения в инфляционных условиях. Банку предоставлялось право требовать залогового обеспечения, если пассивное сальдо платежного баланса превысит 50 процентов квоты. Руководящий орган мог снижать либо вовсе отменять ставки процента, начисляемого на положительное сальдо платежных балансов. Предлагалось дополнительно затруднить изменение ставок ва-

лютного обмена, установив для него общий 5-процентный предел вместо того же предела в течение одного года; однако вступлению этого правила в силу должен был предшествовать длительный (пятилетний) переходный период. Процесс подгонки проекта Кейнса под запросы американцев без отказа от критически важного «банковского принципа» был запущен.

Хотя в Вашингтоне не наблюдалось никакого шевеления, Уайт был занят переработкой проекта *Стабилизационного фонда*, частично с учетом критических замечаний Кейнса, прозвучавших на их лондонской встрече. 1 февраля 1943 г., без какого-либо дальнейшего обсуждения идеи *Клирингового союза* или консультаций с англичанами, государственный департамент разослал британцам, русским и китайцам восьмой вариант проекта Уайта как «основу для обсуждения» (без предложений о *Банке восстановления*). Соединенные Штаты предлагали пригласить в Вашингтон тридцать семь экспертов Организации Объединенных Наций, в личном качестве и по отдельности, чтобы обсудить вопросы монетарного сотрудничества на основе предложений Уайта «или любой другой основе, которую они сами пожелают предложить»[25]. Британское посольство в США постаралось снабдить приглашенных в Вашингтон министров латиноамериканских стран экземплярами проекта *Клирингового союза*.

Включившись в игру «зуб за зуб», британское правительство послало теперь экземпляры проекта Кейнса в Россию и Китай и 26 февраля 1943 г. начало в Лондоне его обсуждение с министрами финансов своих западноевропейских союзников. Американцы послали представителя, но отказались от британского предложения вынести на обсуждение заодно и проект *Стабилизационного фонда* — для сравнения. Они хотели, чтобы режиссером обсуждения проекта Уайта был Вашингтон, а не Лондон. Кейнс представил британские предложения как состоящие из четырех связанных между собой частей: монетарный союз, стабилизация цен на сырьевые товары, торговая политика и международное управление инвестициями. Он указал на новаторскую особен-

ность своего проекта — применение банковского принципа в условиях закрытой мировой системы. Банковское дело внутри стран выросло-де из семян, посеянных в Средние века (всегда означавших для Кейнса некую неопределенную эпоху), но международное банковское дело все еще само остается в Средневековье, то есть золотые запасы — это «мертвый груз», подобный прежним кладам монет. Кейнс набросился на сам принцип, положенный в основу проекта Уайта:

> Мы не приняли другой возможный способ вести банковское дело, при котором вы располагаете капиталом, подписным капиталом, и можете из этих средств предоставлять займы... Поначалу некоторых людей это поражает, удивляются, что такой необходимости и быть не должно. В банковском деле на первых порах большой упор делался на обладание капиталом, но со временем мы усвоили, что это не так важно. Капитал вам нужен в том случае, если вы находитесь не в закрытой системе и должны отвечать по долгам за кредиты за пределами вашей системы, но в закрытой системе вы можете решать вашу проблему, попросту противопоставляя вклады одних ее участников овердрафтам других... Поскольку отсутствуют какие бы то ни было обязательства по платежам за пределами системы, не возникает никакого риска и поэтому никакого капитала не требуется[26].

Кейнс доказывал, что если все сделки с иностранной валютой сосредоточить в центральных банках, оставив *Клиринговому банку* только окончательный клиринг, это позволит «полностью избавиться от стихии валютных спекуляций, причинявшей так много неприятностей после прошлой войны». Он пояснял, что квоты (определяющие возможности овердрафта) должны меняться вместе с изменениями торгового оборота, так что — в отличие от условий золотого стандарта — «вы не определяете количество международных [денег] в отрыве от объема работы, которую международные деньги должны выполнять в форме финансирования торговли; то и другое увязывается между собой».

На одном из лондонских приемов Кейнс попросил российского посла Майского прислать в Лондон российских экспертов. Майский, «как обычно, усмехнулся и сказал, что

все было бы намного проще при наличии второго фронта»[27]. В отличие от Уайта, Кейнс полагал, что членство России в *Клиринговом союзе* существенного значения не имеет, хотя будет огорчительно, если она останется в стороне. Европейские союзники *Клиринговый союз* в целом поддерживали, но ни в коем случае не допускали, чтобы все главные решения принимались англичанами и американцами. Кейнс посчитал, что это уменьшает необходимость предварительного англо-американском согласия. «Имея на своей стороне европейцев и доминионы, мы в общей дискуссии будем гораздо сильнее, чем в двустороннем обсуждении»[28].

Тем временем он продолжал изучать Стабилизационный проект Уайта. 18 февраля 1943 г. он выдал первый набор замечаний: сетовал на неясность технических деталей и утверждал, что по сравнению с довоенной практикой единственно новым были предложения о контроле за передвижением капитала и о разблокировании авуаров[29].

Два пункта в новых версиях проекта Уайта вызывали у англичан большую тревогу. Суммы на счетах *Фонда* и ценность валюты каждой страны-члена выражались в счетных единицах, названных «*унитами*». Уайт представлял себе *униты* как квитанции на золотые депозиты, но не как средства обмена. Сам *Фонд* должен был покупать и продавать валюты, чтобы держать их в твердо установленных соотношениях друг с другом. Кейнс видел, что, если удастся превратить *униты* в международные «деньги», это дало бы двойной выигрыш: появился бы мост, соединяющий подписной принцип *Фонда* и банковский принцип *Клирингового союза*, а также было бы двинуто вперед дело многостороннего клиринга. В первые месяцы 1943 г. «монетизация» *униты* выросла в главное условие, при удовлетворении которого англичане готовы были принять предусматриваемую *Фондом* структуру сотрудничества в денежной сфере.

В новую версию проекта Уайта, датированную 16 декабря 1942 г., был также включен пункт о «дефицитной валюте», где говорилось о праве *Фонда* «нормировать» валюту, на которую имеется избыточный спрос. Это имело целью взять под охрану доллары, которые, как ожидалось, окажут-

ся в дефиците[30]. На деле оставшиеся без долларов страны были бы вынуждены ограничить свои закупки американских товаров. В пункте о дефицитной валюте можно было видеть попытку Уайта предусмотреть недостававшие ранее в его проекте дисциплинарные меры по отношению к кредиторам. Кейнс не принял этого предложения, заметив просто, что ему оно «представляется неосуществимым».

Рой Хэррод воспринял его иначе. Читая в позднем вечернем поезде по дороге в Оксфорд пересмотренный проект Уайта и замечания к нему Кейнса, Хэррод, когда добрался до пункта о дефицитной валюте, испытал такое «радостное возбуждение, какое во всю жизнь посещает нас только раз-другой». Американцы, радовался он, «признали принцип совместной ответственности за нарушение равновесия...». В два часа утра 4 марта он написал Кейнсу: «Американцы предлагают нам... то, о чем мы никогда не смели просить их на переговорах... что нам (и другим странам) нужно позволить проводить дискриминационную политику в отношении американских товаров в случае нехватки долларов». Два дня спустя он добавлял:

> Я предлагаю избрать такую линию: мы принимаем нормирование дефицитной валюты как неразрывно связанное с предложением об ограничении квоты на кредит. Мы можем указывать, что последнее совершенно неосуществимо при отсутствии предохранительного клапана нормирования... Потом, если они решат открутиться от нормирования, им придется давать согласие на неограниченный кредит *Клирингового союза*.

Кейнс заключил (8 марта), что «с тактической точки зрения многое может быть сказано в пользу того, что вы предлагаете... я посылаю Филлипсу копию нашей переписки». Филлипсу Кейнс доверительно писал: «Некоторые (например, Рой Хэррод) утверждают, что со стороны США это великолепный, схватывающий суть дела жест, позволяющий все бремя возложить на плечи кредитора... Мне трудно отнестись к этому с таким восторгом. Самое большее, что я здесь вижу, это что Гарри Уайт пододвинул рюмку госдепартаменту и что реальное значение этого пункта осталось неза-

меченным»[31]. На сей раз Хэррод лучше, чем Кейнс, ухватил, что будет для американцев приемлемым.

Поскольку оба проекта получили уже распространение в столь многих странах, официальную их публикацию едва ли можно было затягивать. Британское правительство предложило администрации США обнародовать оба проекта, с тем чтобы прекратить искаженное их освещение в печати. Моргентау настаивал отложить публикацию до встречи в Вашингтоне экспертов, представляющих обе стороны, и избежать таким образом риска, что британский и американский проекты будут восприниматься как соперничающие друг с другом. В марте англичане все равно решили двигаться вперед и, как бы ни поступали американцы, издать предложения о *Клиринговом союзе* в виде *Белой книги*. Действовать администрацию вынудила утечка, устроенная Паулем Айнцигом, точно изложившим проект Уайта в газете '*Файнэншл таймс*'. Оба проекта были изданы соответствующими правительствами 7 апреля 1943 г. Не имея возможности участвовать в их совместном англо-американском обсуждении, Кейнс утешался широким распространением американских предложений. Всегда оставался риск, что США «отрекутся от их собственного плана, не говоря уж о нашем»[32]. Теперь сделать это становилось гораздо труднее. Проект министерства финансов США «представляет собой большой шаг вперед, и если окажется, что это своего рода игра на публику, не слишком трудно будет как-то с ним справиться. Но пока слишком рано даже заикаться о компромиссных предложениях»[33].

Предложения двух групп экспертов широко обсуждались в газетах обеих союзных стран, как и в немецкой печати. Вполне естественно, что «пресса в своих комментариях склонна была исходить скорее из патриотических соображений, чем из действительных достоинств, внутренне присущих каждому проекту»[34]. Вместе с тем в обеих союзных странах все отклики имели привкус критики, отражавшей отрицательное отношение к любым всемирным учреждениям. Британское посольство докладывало, что банковские и финансовые круги Нью-Йорка «единодушно настроены про-

тив проекта Уайта и отзываются о нем с большой горечью. Это не означает, что они одобряют британский проект... Что ими движет, так это глубокое возмущение, вызываемое самой мыслью, что латиноамериканские, азиатские и прочие должники станут полноправными членами руководящих органов и будут, как предполагается, определять финансовую политику, от которой может зависеть экономическое благополучие всех стран»[35]. Влиятельный сенатор-республиканец Роберт Тафт обвинил Уайта в намерении бросать деньги в «сточную канаву»[36]. Бенджамин Андерсон, консервативно настроенный профессор Калифорнийского университета, в своем широко распространившемся обращении к *Лос-Анджелесской торговой палате* (11 мая) заявил, что «*оба* проекта предполагают создание наднационального мозгового треста, который должен будет думать за весь мир и указывать правительствам мира, что им следует делать». Оба эти проекта, считал профессор, — британские, в том смысле, что они отражают главные черты кейнсианской мысли и британской денежной политики. Оба ведут наступление на симптомы болезни, а не на ее причины. Неустойчивость валютных курсов — это признак нестабильности денег, которая имеет свои корни в основе нездоровой экономики — финансовой и денежной распущенности. Проекты Кейнса — Моргентау способны, мол, скорее укрепить эти тенденции, чем обуздать их. Чтобы справиться с таким положением, Европе следует брать нужные ей займы у частных инвесторов.

В письме Томасу Лэмонту Рассел Леффингвелл обрушился на предусматривавшийся в проектах контроль за движением капиталов: «Признавая устойчивость валют желательной, естественно видеть в ней не самоцель, а средство обеспечить более свободное движение товаров и услуг. Горько обнаруживать, что эти эксперты намереваются просто привязать валюты к колышкам, установив над ними полицейский надзор и препятствуя денежным переводам, полицией не одобренным»[37]. Нью-йоркские банкиры предпочли бы тесное монетарное сотрудничество между Англией и Соединенными Штатами, основанное на соглашении о ставках валютного обмена и условиях кредита для возвращения

стерлингу роли ведущей валюты. Эта идея была четко выражена в так называемом проекте «ключевой валюты», который выдвигал Джон Вильямс, профессор экономики в Гарварде и вице-президент нью-йоркского Федерального резервного банка. Вильямсу представлялось бесспорным, что «в мире, вся торговля которого обслуживается, по существу либо одной, либо другой из этих валют [долларами и фунтами], во главе угла должно быть устойчивое обменное соотношение между ними, так что вокруг этой ставки смогут группироваться валюты разных стран»[38].

Оба проекта неожиданно получили подробное освещение в германской печати — свидетельство интеллектуальной самостоятельности, допускавшейся в вопросах, к которым нацистская иерархия прямого интереса не имела. Неудивительно, что, усматривая в проекте Кейнса развитие идей Функа, немцы решительно отдавали ему предпочтение перед проектом Уайта. Более того, «немцы утверждают, что проект Кейнса еще раз подтверждает правильность их собственной более чем десятилетней практики, исходившей именно из того, что национальная экономическая политика должна иметь приоритет над внешней валютной политикой и что 'внешняя' ценность валюты должна иметь подчиненное значение по отношению к стабильности ее 'внутренней' ценности». «Свидетельством несомненной смелости Кейнса является тот факт, что он задумывает клиринговую систему как международное учреждение. Но это может быть и его слабостью», — замечала '*Франкфуртер цайтунг*' ('*Frankfurter Zeitung*') от 4 июля 1943 г., — ибо добиться экономической стабильности в пределах региона — задача более практичная, чем та, которую пришлось бы решать всемирному *Клиринговому союзу*[39].

На пасхальных каникулах Кейнс набросал список вопросов к проекту Уайта, который он послал Филлипсу. «Великое множество и большинство трудностей, — написал он Филлипсу 4 мая, — возникают из-за того, что *унциту* не хотят делать эффективной международной денежной единицей в том смысле, в каком таковой является *банкор*. Если бы Фонд оперировал только *унитами*, а не дюжинами разных

валют, многие из этих трудностей были бы преодолены»[40]. Деннису Робертсону Кейнс жаловался на отсутствие в проекте Уайта многосторонности:

> Тот факт, что пассивный баланс с каждой страной по необходимости рассчитывается отдельно и никак не увязывается с чистым отрицательным сальдо баланса с миром в целом, делает все это еще более непригодным для дела и нелепым. Результат тот, что даже страна, имеющая активный баланс с миром в целом, не может использовать Фонд в целях многостороннего клиринга применительно к какой-либо отдельной стране, в расчетах с которой, взятой отдельно, баланс оказался у нее отрицательным... Это возмутительная чушь, не заслуживающая даже вялой поддержки[41].

19 апреля 1943 г. Кейнс писал матери: «Мое здоровье удивляет — не знаю, что такое со мной произошло. Такого устойчиво хорошего самочувствия не было много лет. На этой неделе я вовсю издевался над своей печенью, каждый день обедая и несколько раз ужиная вне дома, поглощая притом обильнейшую и трудно перевариваемую пищу, — и все без малейших последствий».

18 мая 1943 г. в своей дебютной речи в палате лордов Кейнс представил доводы в пользу своего проекта на языке, понятном, как он надеялся, «образованной публике», к которой он всегда обращался. Многосторонний клиринг, — сказал Кейнс, — эта, «говоря по-английски, универсальная валюта, имеющая силу для всех торговых сделок во всем мире», — особенно важна для Англии, так как «лучшие рынки для наших товаров часто находятся не там же, где лучшие источники нашего снабжения». Но для восстановления этого обмена нужны новые деньги в количестве, пропорциональном объему торговли, которую им предстоит обслуживать, и каждая страна должна их получать сообразно ее потребностям. По его проекту, каждой стране был бы выделен дополнительный запас *банкоров* в качестве «единовременного и неповторяемого дара». Его цель — не в том, чтобы страна могла постоянно жить не по средствам, а «исключительно в том, чтобы она имела резерв, который позволит ей выходить

из временных чрезвычайных положений». В прошлом проблемы не всегда создавали расточительные должники, повинны были и кредиторы, «создававшие накопления, которые выходили за рамки разумной осмотрительности». Британские предложения свободны от жесткости золотого стандарта. Предусматривается полная свобода перевода денег на текущие сделки, но «если общий объем новых инвестиций, осуществляемых отдельными лицами за границей, не удерживать в пределах активного сальдо нашего торгового баланса, мы утратим контроль над внутренней процентной ставкой». Нет никакого намерения превращать Соединенные Штаты в «дойную корову для всего мира и для этой страны в частности». Ни от Соединенных Штатов, ни от какой-либо другой страны его проект не требовал ни единого доллара, который они предпочли бы израсходовать как-то иначе. Предвосхищая свою самую последнюю научную статью, Кейнс намекнул, что активное сальдо американского платежного баланса — это порождение низкого уровня занятости в мире и со временем оно исчезнет. Он подчеркнул «существенное [теоретическое] различие... между ликвидным вкладом в банк, который можно в любое время забрать, и подписным взносом в постоянный капитал организации». Но на практике это различие не так велико, поскольку требуемое американцами обеспечение должно быть представлено в небольшой доле золотом и в значительной степени «банкнотами, изготовленными на особой бумаге и с выпуклой надписью *долговая расписка*», что «делает возможным синтез двух проектов»[42].

Кейнс изображал дело так, что единственной свободой, от которой придется отказаться каждой стране — члену его *союза*, будет *свобода воздерживаться от расходов*. Что может быть разумнее! И все же кто мог бы указать, каков уровень накопления, отвечающий требованиям благоразумия?

Кейнс получил много хвалебных откликов на свою речь. Матери он написал: «Конечно, уровень запросов [палаты лордов] так жутко низок, что любое выступление, которое звучит по-человечески, вызывает особое внимание». Те-

перь он был менее занят, но дел все же было «более чем достаточно, чтобы я не скучал». Он получил от четырех до пяти десятков писем, в которых предлагались названия для новой международной единицы — «в большинстве своем безнадежные». 5 июня Кейнс отмечал в Кембридже свое шестидесятилетие — «мне достается худшее из обоих миров, я слишком стар, чтобы быть *compos mentis*, и слишком молод, чтобы на меня смотрели с почтением». Будь он государственным служащим на жалованье, его тут же заставили бы выйти на пенсию.

XXXVIII
Строительство лучшей Англии

1. Беверидж

Кейнс имел обыкновение иронически утверждать, что спокойная обстановка войны располагала его к размышлениям о суматохе грядущего мирного времени. С 1942 г. в своей деятельности он стал все больше обращаться к проблемам послевоенного мира. Со своим планом создания *Клирингового союза* он оказался в центре поисков англо-американского согласия относительно послевоенного экономического порядка. Но, пусть и косвенно, он был также вовлечен в подготовку строительства «Нового Иерусалима» внутри страны в соответствии с планом Бевериджа, предусматривавшим социальную защиту «от колыбели до могилы» и политику полной занятости. В начале 1942 г. он стал также председателем *Совета содействия музыке и искусствам* (*СЕМА*), нововведения военного времени, символизировавшего постоянное государственное покровительство искусствам. Страстным социальным реформатором Кейнс никогда не был. Но даже его подхватило движение влево, которое развернулось в период между Дюнкерком и британской победой под Эль-Аламейном в ноябре 1942 г. Он поддержал брошенный Уильямом Темплом, архиепископом Йоркским, призыв к построению после войны христианского капитализма, приглашал архиепископа в клуб *Вторник*, помогал ему в работе над книгой '*Христианство и социальный порядок*' и подчеркивал, что самые первые экономисты были священниками — так что «по крайней мере по своему

происхождению экономическая теория — правильнее называемая политической экономией — это одна из граней этики»[1]. Вот куда добрался Кейнс, шествуя по дороге, начинавшейся с наступательного атеизма его юности.

Во время затишья в англо-американских переговорах у Кейнса появилось время рассмотреть предложенный Бевериджем план переустройства британской системы социальной защиты. И лично, и как деятеля Казначейства его более всего интересовала финансовая осуществимость этого плана. Зависела же она частично от ожидаемых после войны уровней национального дохода и безработицы. А отсюда следовал вопрос о политике, которая могла бы после войны поддерживать высокий совокупный спрос, — вопрос, по которому Уайтхолл был далек от какого-либо решения. Родившийся в плодородном мозгу Джеймса Мида экономический раздел доклада о послевоенной политике занятости был как раз предметом тщательного изучения в Казначействе в то самое время, когда встал вопрос о «финансовой осуществимости» честолюбивого плана Бевериджа. С одной стороны, Казначейство, естественно, не проявляло желания одобрять дорогостоящие меры социальной защиты в условиях, когда столь шаткими представлялись послевоенные внешние позиции Британии. С другой — развернувшийся во время войны процесс радикализации, выразительно описанный Полом Эддисоном в его '*Дороге к 1945 г.*', превратил обещание своего рода «Нового Иерусалима» в политическую потребность. Кейнс был вовлечен в эти дискуссии, выступая в них посредником между Бевериджем, Мидом и Казначейством. На составление обнародованного в декабре 1942 г. доклада Бевериджа он не имел никакого влияния, но зато масштаб финансовых средств, которые Казначейство пожелало бы выделить, чтобы начать осуществление плана Бевериджа, зависел от него решающим образом.

Уильям Беверидж менее всего годился в народные герои. Жесткий, каменно самоуверенный обществовед, он всегда один был целым оркестром, жаждавшим тем не менее широкого поля деятельности и убежденным, что политические начальники сильно недооценивают его таланты. Его

знаменитый доклад появился в силу того случайного обстоятельства, что в правительстве никто просто не мог его выносить. Министр труда Эрнест Бевин решил поэтому задвинуть его на такой участок, где, как полагал министр, он не мог бы причинять особого вреда. Ему было поручено подготовить предложения о рационализации системы социальной защиты. Свое новое назначение и разлуку с министерством Бевина Беверидж принял со слезами на глазах. Однако вскоре он решил вложить в дело социальной защиты такое содержание, которое шло гораздо дальше того, что было на уме у Бевина, — вознамерился задать социальной политике действительно новое направление и самому стать его «пророком, указывающим путь к земле обетованной»[2]. Его первые два доклада были готовы в декабре 1941 и январе 1942 г. Ошеломленный их мессианским тоном и спорными политическими и финансовыми последствиями, которые они могли иметь, канцлер Казначейства настоял, чтобы ответственность за них Беверидж взял на себя лично, так что государственные служащие — члены комитета, в котором его поставили председателем и в который входил сторожевой пес Казначейства Эдуард Хэйлс, были низведены до уровней «советников и экспертов». Это дало ему возможность обнародовать доклад, окрестив его собственным именем. По сей день британскую систему социальной защиты украшает ярлык Бевериджа и его главной идеи — «национального страхования».

Взяв за основу три опорных начала — здравоохранение, семейные пособия и полную занятость, — Беверидж предложил национальную систему всеобщего страхования по случаям завершения трудовой деятельности, потери работы и работоспособности; вся система должна была находиться под централизованным управлением и финансироваться средствами, поступающими в равных долях от предпринимателей, наемных работников и государства; предусматривались одинаковые для всех пособия, позволяющие удовлетворить минимум физически необходимых жизненных потребностей. Все это должно было заменить собою покрывавшее британскую систему социальной защиты отвратительно

сшитое и полное дыр пестрое одеяло добровольного и обязательного страхования, да еще благотворительности. В марте 1942 г. Беверидж послал Кейнсу копии двух своих докладных записок и попросил помочь ему с финансовыми значениями его предложений. У Кейнса общая схема вызвала «бешеный энтузиазм». Он расценил ее как наметку «действительно важной реформы» и «с облегчением» отметил ее «материальную осуществимость». Главное, что его заботило, это найти способ ограничить для Казначейства начальные затраты. Он не связывал себя одобрением принципа всеобщности и счел предложения Бевериджа о пенсиях наименее интересной и наименее существенной частью его плана[3]. Последнее замечание неудивительно. Не пенсии интересовали Кейнса, а социальное страхование от безработицы и семейные пособия, а также то, как они вписывались в его общую схему управления деловым циклом. 23 марта Беверидж и Кейнс встретились за обедом; как говорит биограф Бевериджа Джос Харрис, это была первая из их многих дружеских застольных встреч в клубах *Атенеум* и *Гаргойл*, хотя «дружеское застолье» — выражение, которое плохо вяжется с образом застегнутого на все пуговицы Бевериджа. Не исключено, что говорили они не только о возможных размерах пособий и для застольных бесед у них находился гораздо более широкий круг тем.

Поскольку цена предложений Бевериджа вызывала в Казначействе тревогу, Кейнс взял на себя роль защитника Бевериджа перед финансовым ведомством. По-видимому, за обедом 1 июля 1942 г. они придумали создание небольшой комиссии, которая могла бы рассмотреть финансовую сторону плана Бевериджа. Кейнс добился согласия Гопкинса, и комиссия в составе Кейнса, Лайонела Роббинса и правительственного актуария сэра Джорджа Эппса трижды встречалась с Бевериджем в августе и в последний раз в октябре 1942 г. Кейнс добивался разработки «опорной» схемы, которая позволила бы снизить начальную стоимость плана с 700 миллионов до 450 миллионов фунтов в год, что было бы умеренным превышением текущих расходов (315 миллионов фунтов) на социальную защиту. На их первой встрече 10 августа

им удалось сэкономить 100 миллионов фунтов — на взгляд Кейнса, хороший итог рабочего дня. Беверидж принял предложение Кейнса ограничить семейные пособия выплатой их начиная лишь с появления в семье второго ребенка, хотя сам Кейнс отступил от этой идеи, посчитав ее «политически ненадежной»[4]. Больше всего трудностей создавал вопрос о пенсиях, как это впоследствии происходило всегда. Кейнс предложил, чтобы полная пенсия, какой ее намечал Беверидж, выплачивалась постепенно возрастающими долями[5]. Беверидж это принял, и 24 августа, после очередной встречи комиссии, Кейнс доложил, что больше нет оснований подвергать предложения Бевериджа серьезной финансовой критике.

Доклад был обнародован 1 декабря 1942 г. В предыдущем месяце союзники высадились в Африке; в январе 1943 г. германская Шестая армия сложила оружие в Сталинграде. В Англии развернулась борьба за послевоенные голоса избирателей, в следующие несколько недель консерваторы стали их терять, расплачиваясь за равнодушие, проявленное Черчиллем и канцлером сэром Кингсли Вудом к предложениям народолюбца Уильяма. Народ раскупил 650 тысяч экземпляров *доклада Бевериджа* и жадно внимал его доктрине социальной защиты «от колыбели до могилы». Казначейство по-прежнему пребывало в страхе, что дополнительные налоги, к которым призывает Беверидж, станут непреодолимым препятствием для послевоенного восстановления. Свою речь-дебют в палате лордов Кейнс хотел посвятить *докладу Бевериджа*. «В том, что мы сегодня обсуждаем, достопочтенные лорды, — собирался он сказать, — нет ничего такого, что могло бы испугать даже мышь». Однако, улавливая настроения своих коллег, он почувствовал, что это прозвучало бы бестактностью, и от выступления воздержался.

В основном техническая по своей сути реакция Кейнса на предложения Бевериджа может быть сопоставлена с восторженными или раздраженными откликами его друзей и партнеров. В лагерь горячих сторонников вошел Экономический отдел, который доказывал, что ослабление мотивов к труду, порождаемое увеличением пособий по безрабо-

тице и по болезни, будет более чем уравновешено положительным воздействием на производительность «населения, лучше накормленного, живущего в лучших домах, лучше одетого и лучше образованного». Хьюберт Гендерсон, как и следовало ожидать, негодовал. Он предупредил что всеобщая раздача благ обойдется гораздо дороже адресного их выделения, что перераспределение в таких масштабах снизит экономическую эффективность, и осудил содержавшееся в докладе «коварное» заявление, что «вслед за последним выстрелом для всех могут наступить хорошие дни»[6]. В разряд раздраженных попал старый друг Кейнса Фокси Фолк, который написал в '*Таймс*' от 3 декабря 1942 г., что доклад Бевериджа прокладывает «дорогу к моральному разрушению нации... [и является] не признаком жизненности нашей цивилизации, а указывает на приближение ее конца». Линия фронта в войне вокруг социальной политики была прочерчена, и на ней развертывались все последующие сражения. Неучастие в них Кейнса само по себе любопытно. Правда, по-видимому, в том, что как таковая социальная политика его не интересовала и внимания он ей никогда не уделял. Занимал его только один вопрос: «по средствам» ли Беверидж Казначейству?

2. Налоговая философия и политика занятости

Беверидж начал с погони за всеми зайцами, четкие следы которых обнаружили такие интеллектуальные первопроходцы, как Кейнс и Джеймс Мид. Приняв приблизительный средний уровень послевоенной безработицы равным 8 процентам (что он считал «полной занятостью»), он стал рассматривать его как страховую базу своего *Фонда национального страхования*. Насколько это было обосновано? Каким образом можно было улучшить положение? Это зависело от национального дохода, который образуется сразу после войны: чем он будет выше, тем более щедрые выплаты можно будет себе позволить. Эти вопросы были вынесены на рассмотрение созданного в октябре 1941 г. Межведомст-

венного комитета по внутренним экономическим проблемам послевоенного времени, где их безосновательно объединили с вопросом о мерах, необходимых для поддержания после войны высокого уровня занятости. Записка Джеймса Мида '*Внутренние меры для предотвращения массовой безработицы*', датированная 8 июля 1941 г., поступила в этот комитет в ноябре и тем не менее никогда не теряла своего значения первого вклада в развитие послевоенной политики занятости. Мид был кейнсианцем, и в центре его записки стояла идея управления спросом с учетом циклических колебаний, хотя вкратце она касалась также социальных и структурных составляющих безработицы и мер, необходимых для их устранения[7]. В мае 1942 г. на запрос комитета прислало свой ответ Казначейство — '*Послевоенное соотношение между покупательной способностью и наличием потребительских товаров*'. Основным автором был сэр Хьюберт Гендерсон, и, соответственно, документ был полон пессимизма. Проводя аналогию с периодом 1919–1924 гг., Гендерсон не видел, каким образом какие бы то ни было «внутренние» меры могут предотвратить падение занятости в экспортных отраслях промышленности; поскольку именно в них заключен источник проблем Британии, он давал мрачную оценку уровню долгосрочного спроса. По поводу предварительного наброска этой записки Кейнс со злостью заметил: «На автора [кажется] смертельный ужас наводит мысль, что к некоему сроку численность безработицы может упасть ниже трех миллионов»[8]. Мнения Гендерсона по этому и другим вопросам сильно влияли на одного из новых вторых секретарей Казначейства, сэра Уилфрида Иди. Помимо того, еще с 1920-х гг. политика общественных работ и несбалансированных бюджетов вызывала у Казначейства административные возражения и общее недоверие.

Мид хотел, чтобы Кейнс в дополнение к *Плану Бевериджа*, то есть его предложениям о послевоенной политике занятости, представил «*План Кейнса*» — свои соображения о послевоенной социальной политике. Но Кейнс сопротивлялся: еще один *План Кейнса* был бы, на его взгляд, перебором[9]. А жаль, ибо всеобъемлющего плана поддержания пол-

ной занятости в послевоенных условиях Кейнс так никогда и не предложил. Вклад Кейнса в известную *Белую книгу о политике занятости*, выпущенную в мае 1944 г., свелся главным образом к ее общей поддержке, комментариям и критике, даже притом что содержание некоторых ее частей явно отражало его теории. Однако споры, развернувшиеся в Уайтхолле вокруг предложений Бевериджа и Мида начиная с 1942 и вплоть до 1945 г., не раз давали Кейнсу поводы для его обычных вторжений в область правительственных забот. В этих случаях он более или менее последовательно развивал философию занятости, весьма отличную от той, которая после войны стала сходить за кейнсианство. Поражает также явно *политическое* значение, которое Кейнс придавал таким ключевым понятиям, как «полная занятость», «государственный сектор» и «составление бюджета капиталовложений» — техническим терминам на службе политически скользких концепций.

Для начала неплохо задаться вопросом: что Кейнс понимал под полной занятостью? Конечно же, он не имел при этом в виду безработицу нулевую или близкую к нулю; с другой стороны, он не соглашался, что средний за десять межвоенных лет 10-процентный уровень безработицы — это лучшее, что может быть достигнуто. Подобно Гендерсону и даже Миду, он проводил различие между структурной безработицей и безработицей, порождаемой недостаточным спросом. Однако, в отличие от Гендерсона, он полагал, что безработица, возникающая из-за недостатка спроса, может упорно сохраняться — '*Общая теория*' для того и была написана, чтобы объяснить, почему так происходит, — а также что повышение спроса, увеличивая мобильность рабочей силы, способно улучшить структуру производственной части экономики. Это служило основанием для его оптимизма. Он полагал, что теперь у правительств будет достаточно знаний, опыта и воли, чтобы не допустить повторения того, что произошло в 1930-е гг.

Во время войны, теперь в стенах Казначейства, Кейнс и Гендерсон возобновили раздиравшие их в 1930-е гг. споры по поводу занятости. Кейнс считал, что «ненормально» вы-

сокий уровень безработицы межвоенного времени в основном был порожден недостатком спроса, а значение ее структурных источников было вторичным. Гендерсон держался прямо противоположного мнения. Кейнс также оглядывался назад, к положению с безработицей до 1914 г., тогда как Гендерсон сосредоточивался на том, что пережили в 1920-е гг. экспортные отрасли британской промышленности. Из своего более далекого путешествия в прошлое Кейнс возвращался с цифрой 5 процентов в качестве показателя «нормальной» британской безработицы, опрокинутого впоследствии чрезмерно дефляционной политикой, которую проводили ради восстановления золотого стандарта[10].

Возникает искушение увидеть в этих 5 процентах некую предтечу «естественной нормы» — гипотезы, много позже выдвинутой Милтоном Фридманом. Сходство есть в том смысле, что «норма», существовавшая до 1914 г., соотносилась с усредненным в пределах цикла уровнем цен. Различие же в том, что тот же Фридман понимал «естественную» норму как норму «равновесия», а для Кейнса, как мы видели, никакой однозначной точки равновесия не существовало.

Основу для оптимистического сценария закладывала сама война. К 1942 г. безработица не достигала 100 тысяч человек, или составляла менее 1 процента. Между 1941 и 1945 г. официальный индекс цен повышался примерно на 2 процента в год. Но это, конечно, не соответствовало обычному положению мирного времени, и Кейнс нормой его также не считал. Проблема безработицы в Англии военного времени решалась в советском стиле, то есть за счет сочетания ненормально высоких государственных расходов и нагромождения мер управления, включая контроль цен и трудовую повинность, а также практикой принудительного арбитража, нормирования и субсидий, притом что проблема платежного баланса решалась за счет ленд-лиза и накопления стерлингового долга.

Естественно поэтому, что, начав думать о послевоенных перспективах занятости, Кейнс должен был мысленно возвратиться к 5-процентной «норме», существовавшей до 1914 г. 28 мая 1942 г. он распространил оценки послевоенно-

го национального дохода, подготовленные им совместно со статистиком Ричардом Стоуном. Общее количество безработных после войны принималось в 800–900 тысяч, или в пределах 5–6 процентов рабочей силы. На основе этого и других предположений Кейнс и Стоун подсчитали, что «стандартный» национальный доход после войны будет составлять 6,5 миллиарда фунтов, или, в реальном исчислении, будет приблизительно на 15 процентов выше довоенного. Сам Кейнс считал эту оценку несколько заниженной; но это не шло ни в какое сравнение с мрачными прогнозами Гендерсона, который, возражая на работу Кейнса — Стоуна, предрекал два миллиона безработных (12,5 процентов), что предполагало, соответственно, и более низкий национальный доход (5,7 миллиарда фунтов)[11]. В конце концов в 1943 г. «поладили» на 7,5 процента, установив, таким образом, страховую базу для схемы Бевериджа — цифру, которую Кейнс считал чересчур большой, а Гендерсон слишком маленькой. На деле Гендерсон оказался прав в том, что касалось национального дохода, но ошибся в отношении безработицы[12].

Кейнс не говорил, конечно, что после войны безработица будет составлять 5 процентов, потому что на уровне 5 процентов она держалась до 1914 г. В записке от 3 июня 1942 г. он пояснял, что к своему показателю они со Стоуном пришли «главным образом исходя из того, что, как нам казалось, это максимум, с чем в послевоенных условиях общество готово будет смириться, не требуя каких-то очень крутых мер, чтобы исправить положение, а также потому, что мы не считали невыполнимой задачу сделать шаги, которые позволят снизить число безработных до этого уровня»[13].

Таким образом, полная занятость — это для Кейнса политически определяемая переменная. Это максимум безработицы, которую общество способно выдержать, и минимум, достижимый без нежелательно высоких издержек. Представление, что у свободного общества в условиях мирного времени может отсутствовать желание расплачиваться за очень высокий уровень занятости — будь то ограничениями свободы или инфляцией, — не укладывалось в головах

высокомерных кейнсианцев 1960-х гг., которые упорно твердили, что «управление спросом» непременно должно быть подслащено «дополнительными инструментами» вроде управления заработной платой или ценами. Согласился бы с этим Кейнс? В его довоенных сочинениях, как и в работах времени войны, нет ничего наводящего на мысль, что он когда-либо готов был пойти на что-нибудь большее, чем добровольное соглашение об ограничении заработной платы. В 1940 г. он прочертил свою разграничительную линию между «свободным» и «тоталитарным» обществом, и нет никаких оснований полагать, что он не стал бы за нее держаться.

Впоследствии Кейнс никогда не пересматривал своего мнения о том, в какой мере достижима полная занятость. Когда в декабре 1944 г. Беверидж выпустил свою '*Полную занятость в свободном обществе*', где уровень безработицы предполагался ниже, чем в самом *докладе Бевериджа*, Кейнс ему написал: «В назначении целью свести безработицу к 3 процентам ничего вредного нет, но я буду удивлен, если мы этого добьемся»[14]. Три месяца спустя он «полагал, что Беверидж хватил через край, устанавливая для безработицы непреодолимый 3-процентный барьер»[15].

После войны у кейнсианцев был простой ответ на вопрос о том, каким образом правительства могли бы поддерживать полную занятость, как ее ни определяй. Им, мол, всего-то следовало бы, опираясь на статистику национального дохода, вычислить предполагаемое соотношение совокупного спроса и предложения, а затем с помощью налоговой политики устранить любой возможный между ними разрыв. Если предполагаемый спрос превышает предполагаемое предложение, создавая тем самым угрозу инфляции, правительство должно формировать бюджет с профицитом; в противном случае, когда возникает опасность безработицы, его бюджет должен быть дефицитным. В любом случае государственный бюджет должен играть роль противовеса. Деньгам при всех обстоятельствах надлежит оставаться дешевыми.

Прислушавшись к тому, что Кейнс говорил и до, и во время войны, замечаешь, как начинает рассыпаться эта четкая финансовая схема. Кейнс, оказывается, стоит за безде-

фицитный бюджет не менее твердо, чем Гладстон! Как это согласовывалось с использованием финансовой политики для «достижения равновесия экономики» в условиях полной занятости? Ответ в том, что Кейнс приписывает государственным капиталовложениям значение уравновешивающего фактора, и расходы на выполнение государственных инвестиционных программ покрываются, в его представлении, за счет «внебюджетных» средств. Такое понимание вещей опиралось на его собственные специфические определения «государственного» и «частного» и на бухгалтерские условности, позволяющие четко различать расходы «текущие» и «капитальные». В обоих случаях это восходило к представлениям, которые сложились у него в 1920-е гг., и в частности к разделам, которые он написал для выпущенной в 1928 г. Либеральной партией *Желтой книги*. Много ли в них смысла — вопрос другой. Мид никогда так не думал.

В ответ на вопросник, распространенный Гопкинсом в мае 1942 г., когда он начал в рамках Казначейства подготовку бюджета, Кейнс написал (20 июля), что «обычный» бюджет, то есть собственно государственный бюджет, должен быть всегда сбалансированным. Это бюджет капиталовложений должен колебаться в зависимости от спроса на рабочую силу»[16]. Фактически Кейнс, подобно викторианцам, высказывался за то, чтобы «обычный» бюджет постоянно имел профицит, который в нормальных условиях использовался бы для сокращения долга, а при спаде свободные средства перемещались бы в бюджет капиталовложений для погашения задолженности производственного или полупроизводственного происхождения. «Дефицитное финансирование», согласно этой концепции, означало бы скорее «сведение к нулю обычного амортизационного фонда», чем включение в бюджет фактической дефицитной статьи[17] — в значительной мере то самое, что делал Черчилль в своих бюджетах 1920-х гг. Кейнс путано использовал понятие «бюджет капиталовложений» в нескольких различных смыслах. Только в 1945 г. он упорядочил свою терминологию[18].

Теперь он утверждал, что за этим термином стоят три различных понятия: (а) «расходы на капиталовложения в экономику в целом»; (б) «*все* расходы на капиталовложения, контролируемые государством, в том числе местными властями и общественными организациями»; и (в) капиталовложения, «финансированные Казначейством или занесенные на его баланс», — все это в оценках на будущий год. Называл он их, соответственно, бюджетами инвестиций, государственного капитала и Казначейства. Вера Кейнса в то, что правительство может управлять уровнем совокупных инвестиций, опиралась на его убеждение, что (б) составляет две трети или больше от (а).

Своих коллег в Казначействе Кейнс упрекал в смешении бюджетных ассигнований на капиталовложения с «дефицитным финансированием». Сам он предлагал, чтобы за счет бюджета государственных капиталовложений устранялась всякая нестыковка между совокупными сбережениями и инвестициями, и это не имело никакого отношения к «дефицитному финансированию». Составление бюджета капиталовложений представляет-де собой метод поддержания равновесия, а бюджетный дефицит — средство восстановления нарушенного равновесия[19].

Такой подход к счетам бюджета Кейнс следующим образом связывал со своим тезисом о ползучей «социализации»:

> Мы должны [написал Кейнс Гопкинсу 20 июля 1942 г.] скорее развивать и расширять, чем сокращать теорию и практику внебюджетных фондов для осуществляемых или поддерживаемых государством функций, — будь то транспортная система, служба электроснабжения, возмещение причиненного войной ущерба или социальная защита. Чем больше мы социализируемся, тем важнее теснее, насколько это возможно, увязывать стоимость конкретных услуг с источниками, из которых для них черпаются средства... Это единственный способ обеспечить здоровый бухгалтерский учет, определять уровень эффективности, поддерживать сбережения и добиваться, чтобы публика знала, почем что обходится.

Лично для Гопкинса Кейнс сделал набросок реформы налоговой системы, предусматривавшей взносы в фонд личного социального обеспечения взамен подоходного налога. Это показалось чересчур сложным даже сэру Ричарду Гопкинсу. С запозданием, 21 июля 1942 г., он прокомментировал: «Я не думаю, что за время, оставшееся до 15 августа, смогу справиться с предложениями лорда Кейнса о полной перестройке системы прямого налогообложения в этой стране»[20].

Такое расчленение надвое «государственных» финансов позволяло Кейнсу делить на две части экономическую роль государства. На «обычный» бюджет ложились бы заботы об эффективности и справедливом распределении бремени; бюджет капиталовложений служил бы средством управления спросом. Критики, включая большинство коллег Кейнса в Казначействе, увидели в этом преднамеренную попытку замутить дело. Предлагалось, мол, красиво подправить государственное счетоводство, чтобы замаскировать составление дефицитного бюджета. Сам Кейнс настаивал, что цель у него прямо противоположная: она в том, чтобы внести ясность в полные путаницы дискуссии. Различие между текущим счетом и счетом движения капитала четко понимается в частном бизнесе. Однако применительно к государственным счетам без кое-какой фикции не обойтись. В частном секторе расходование капитала — это траты, порождающие обратный приток денег наличными в достаточном объеме, чтобы платить проценты по обязательствам и возвращать долги. У Кейнса большая часть расходов его «государственного капитала» в такое понятие не укладывается, хотя сам он полагал, что «если не полностью, то по крайней мере частично они будут окупаться»[21]. Кейнс всегда сознавал, что новые идеи должны быть «облачены в знакомые одежды», чтобы стать политически приемлемыми, особенно для деловых кругов. Сопоставляя теорию и политику, он говорил: «Полагаю, что экономистам следует четко проводить между ними различие»[22].

Решающим практическим возражением против предложенного Кейнсом «бюджета капиталовложений» стало

представление о том, что инвестиционные программы могут, или должны, использоваться в политике противодействия циклическим колебаниям. Как пишет профессор Томас Вильсон, «Кейнс, к сожалению, иногда был склонен видеть в инвестиции лишь нечто вроде трубопровода, предназначенного для перекачки в экономику покупательной способности»[23]. По этой причине послевоенные кейнсианские правительства (особенно после 1951 г.) отказались от «бюджета капиталовложений», заменив его мерами воздействия на совокупное потребление через изменение налогов и условий приобретения товаров в рассрочку[24]. В 1980-е и 1990-е гг. вместе с отклонением дискреционной налоговой политики в обиход вернулось различение счетов текущего и движения капитала, хотя сомнения в полезности такого подхода к делу остаются.

В сочинениях Кейнса очень мало затрагивается тема, которой предстояло оказаться в центре внимания в 1970-х и 1980-х гг., а именно воздействие налогов на стимулы. Он яростно возражал против 100-процентного налога на избыточную прибыль и упорно добивался его уменьшения. Еще интереснее, что он выразил согласие со своим бывшим студентом Колином Кларком в том, что «25 процентов налога — это предел того, что легко выдерживают...», хотя и сомневался, что приводимые Кларком статистические данные (почерпнутые из материалов межвоенных лет) подтверждают, или способны подтвердить, его точку зрения. Он приложил силы к тому, чтобы выкладки Кларка были опубликованы в '*Экономическом журнале*'[25].

Многие из самых показательных для Кейнса суждений о налогах можно обнаружить в его письмах Джеймсу Миду. Переписка между ними возникала дважды — первый раз в 1942 г., когда зарождался *доклад Бевериджа*, второй в 1943 г., после его обнародования, — и в обоих случаях толчком служили отклики Кейнса на предложения Мида о мерах сохранения занятости. Ответ Экономического отдела на запрос-анкету Бевериджа содержал предложение Мида об изменениях вкладов в фонд национального страхования в целях смягчения циклических колебаний. При росте безра-

ботицы вклады должны, мол, повышаться; при ее сокращении — уменьшаться. Сначала скептически восприняв эту идею, Кейнс затем был ею «покорен», хотя и подчеркивал, что в противодействии колебаниям инвестиционного спроса это будет играть ограниченную роль[26]. Более содержательная переписка завязалась в 1943 г. Вскоре после издания *доклада Бевериджа* возглавляемый сэром Джоном Андерсоном министерский *Комитет первоочередных задач восстановления* попросил Экономический отдел представить его соображения о том, что потребовалось бы для осуществления предложенных Бевериджем установок на полную занятость. Отдел представил изрядно переделанную записку Мида *'Поддержание занятости'*, которую Кейнс посчитал столь трудночитаемой, что, по его мнению, только *Надутый Джон* способен был бы прочитать ее внимательно. Теперь Кейнс стал давить на Мида и навязывать ему свое предложение о разделении бюджета на счета текущий и движения капитала.

Мид не соглашался. Управление внутренними инвестициями не было бы, дескать, достаточно поворотливым или, при некоторых обстоятельствах, соответствующим своим задачам. Так что требовались особые меры стабилизации потребления: увязанные с индексом безработицы изменения вкладов в систему социальной защиты, которые действовали бы как «мгновенно и автоматически срабатывающие стабилизаторы», и налоговые сокращения, планируемые с расчетом на то, чтобы не допустить роста безработицы, и ведущие к образованию бюджетного дефицита[27]. В обоих предложениях, особенно во втором, присутствует никогда не покидавшая Мида наивная вера, будто статистика говорит экономистам — и политикам, — что именно им надлежит делать.

Откликаясь на это, Кейнс вновь заявил, что предпочитает в качестве стабилизатора использовать инвестиции, хотя поддержал при этом доводы в пользу «автоматического» изменения вкладов в социальную защиту. Против предложенной схемы обращения с налогами он возражал, ссылаясь на то, что ввиду привычки людей к определенному уровню жизни снижение налогового бремени лишь на некий «не-

определенно короткий срок» не может значительно стимулировать их потребление (то есть Кейнс выдвигал одну из первых версий появившейся впоследствии гипотезы Милтона Фридмана насчет постоянного уровня дохода). Кроме того, при расширении занятости было бы крайне затруднительно ввести налог снова. Изменение вкладов в национальную систему страхования не стало объектом этих возражений, «отчасти потому, что оно не загонялось в формулу», а отчасти потому, что оно не означало перекачки покупательной способности в руки класса, который не делает больших сбережений. Он, однако, настаивал, что изменения страховых взносов должны касаться только наемных работников, но не работодателей или государства. Вклад из государственного бюджета должен быть постоянным; сокращение же взносов предпринимателей не способствовало бы увеличению занятости, если в этом будут видеть всего лишь некую временную меру[28]. Кейнс резко возражал против попыток сочетать схему изменений страховых взносов с «сокращением пошлин на спиртное и табачные изделия, принимая якобы во внимание, что люди, оставшись без работы, склонны больше пить и курить». Он полагал, что встроенные в осуществление схемы «огромные промедления» делают воздействие «краткосрочных изменений в налогах» сомнительным. Далее, «простому человеку» легче было бы понять идею привлечения заемных средств для увеличения расходов при экономическом спаде, чем установку на подбадривание потребления. Последнее — «гораздо более жестокий вариант бюджетного дефицита», чем первое. Тот факт, что капитальные затраты «способны к самоокупаемости», делает их с точки зрения бюджета намного привлекательнее, поскольку не влечет за собой постепенного увеличения национального долга. Наконец, желательно было бы ускорять расходы на инвестиции всякий раз, как ощущается их «нехватка», и делать это до тех пор, пока экономика не насытится средствами производства[29].

Что выявляется в этих отрывочных замечаниях, так это ясно выраженное предубеждение против тонкой настройки налогообложения. Упор-де надо делать на профилактику, а не на лечение; нажимать следует на сохранение

устойчивого притока инвестиций, а не на противодействие циклическим колебаниям. Если — и здесь Кейнс возвращается к своим идеям 1920-х гг. — «две трети или три четверти всех капиталовложений осуществляются или могут осуществиться под воздействием государственных или полугосударственных учреждений, устойчивая долгосрочная [инвестиционная] программа способна ограничить колебания гораздо более узким, чем прежде, диапазоном... Если она пойдет успешно, не слишком трудно будет погасить небольшие колебания, ускоряя или замедляя некоторые действия, предусмотренные этой долгосрочной программой»[30]. Это очень далеко от британской практики управления по-кейнсиански, фирменным знаком которой стало нетерпеливое вмешательство по поводу каждого незначительного колебания, отмечаемого в мнимо точных прогнозах.

В записке от 25 мая 1943 г., озаглавленной '*Долгосрочная проблема полной занятости*', Кейнс, изменяя самому себе, увязывает свою финансовую философию с перспективой экономического развития. Толчком для написания этой записки послужил еще один монументально мрачный доклад Хьюберта Гендерсона, предсказывавшего образование массовой безработицы при переходе от военной экономики к мирному производству[31]. Кейнс предвидел, что в послевоенном развитии сменят друг друга три фазы. В фазе I, которая, по его мнению, может продлиться пять лет, инвестиционный спрос будет превышать сбережения, осуществляемые в условиях полной занятости, что при отсутствии нормирования и других мер регулирования породит тенденцию к инфляции. На этой стадии упор должен делаться на ограничение потребления в целях восстановления искалеченной войной экономики. В фазе II, на которую он отводил от пяти до десяти лет, он предполагал приблизительное равновесие между сбережениями при полной занятости и капиталовложениями «в условиях свободы», притом что государство будет активно изменять свою долю в инвестиционных проектах. В фазе III инвестиционный спрос будет удовлетворен настолько, что уже не сможет полностью поглощать сбережения без участия государства, которое окажется перед не-

обходимостью браться за осуществление расточительных и ненужных программ. В этой фазе политика должна быть направлена на то, чтобы поощрять потребление, препятствовать образованию сбережений и таким образом способствовать поглощению части нежелательного избытка средств путем увеличения времени досуга, сокращения рабочих часов и более частого предоставления отпусков. Это означало бы вступление в «золотой век», век насыщенности капиталом. В конце концов, полагал Кейнс, «амортизационных фондов почти должно хватать для всех потребных валовых капиталовложений»[32]. Это то самое предсказанное в *Общей теории* время, когда за отсутствием спроса на новый капитал произойдет «эвтаназия рантье».

Это Кейнс — автор '*Экономических возможностей для наших внуков*', замечательного эссе, изданного в 1930 г. и содержавшего ошибочное пророчество, которое опиралось на утверждение, что корень экономической проблемы — *боязнь потреблять*. Скорейшее по возможности достижение «насыщенности средствами производства», чтобы человечество могло справляться с постоянно преследовавшей его проблемой — «как жить мудро и в приятном довольстве», — такова была самая важная цель его экономической стратегии. Как только общества перевалят через «кряж» дефицита, все рецепты лечения экономики, которые Кейнс разрабатывал так обстоятельно, могут стать излишними, и небеса, открытые Дж.Э. Муром в '*Principia Ethica*', библии его юности, опустятся на землю[33]. Как ни мало обращался Кейнс к конечным вопросам, очень показательно, что он предавался такому оптимистическому видению будущего в дни самого сурового дефицита. 5 апреля 1945 г. он писал Т.С. Элиоту, что «политика полной занятости, достигаемой посредством инвестиций», — это «только одно из конкретных применений интеллектуальной теоремы. Того же результата с одинаковым успехом вы можете добиваться, больше потребляя или меньше работая»[34].

В июле 1943 г. обсуждение послевоенной политики занятости переместилось на более высокий ярус. Кингсли Вуд хотел отложить эту дискуссию в *Комитете первоочередных*

задач восстановления; напротив, входившие в комитет лейбористы Долтон и Моррисон добивались правительственного обязательства следовать курсом, общие черты которого набросал Мид. Сэр Джон Андерсон, лорд-председатель Совета, создал межведомственный *Координационный комитет* для подготовки проекта доклада о послевоенном положении с занятостью. Характер данного *Комитету* поручения — изучить способы управления совокупным спросом — клонил его в сторону Мида; а его тесно связанный с Казначейством состав с председательствовавшим Гопкинсом, Иди и Джилбертом у него по бокам и Лайонелом Роббинсом, который разрывался между коллективной позицией своего отдела и множеством собственных консервативных инстинктов, толкал в сторону противоположную[35]. Доклад *Координационного комитета* появился 26 мая 1944 г., став *Белой книгой* занятости. Кейнс, непосредственно в состав *Координационного комитета* не входивший, существенного участия в ее подготовке не принимал. Не было у него и времени постоянно следить за работой *Комитета*. Когда она начиналась в сентябре 1943 г., он был в Соединенных Штатах. В начале 1944 г. он был поглощен защитой своего валютного проекта в Уайтхолле; в марте заболел. У Гопкинса на критической стадии работы над докладом также случился сердечный приступ. На всем стиле *Белой книги* отсутствие Кейнса и Гендерсона сказалось так, будто ее подвергли анестезии. Это также сделало возможной представленную в ней компромиссную позицию.

Кейнс разделял некоторые возражения Казначейства Миду. Как мы видели, ему не нравился упор Мида на тонкую настройку спроса, и он считал, что Экономический отдел недооценивает значение структурных проблем. Но еще больше его беспокоило то, что Иди не знаком с экономической теорией, хотя бы на «студенческом» уровне[36]. По поводу одной из его записок он пренебрежительно заметил, что в ней едва ли можно увидеть «намного больше, чем Невилла Чемберлена, чуть-чуть прикрытого платьем современного покроя»[37]. Гопкинс, оказавшийся меж двух огней, проложил средний курс, разделив проблему безработицы на проблемы «недо-

статочного спроса» и «структурную», притом что вторая представлялась ему более важной для переходного периода. Он хотел добиться, чтобы доклад *Координационного комитета* содержал «существенные оговорки в отношении теории совокупного спроса»[38]. «Важно поддерживать спрос, — писал он. — Но важно также, чтобы поменьше было помех мобильности»[39]. Осенью *Комитет* упорно трудился над проектом доклада с расчетом «задавить» Бевериджа, который по совету — или по поручению — Николаса Калдора готовил собственный доклад о политике занятости[40].

Датированный 11 января 1944 г. доклад *Координационного комитета* ловко отвешивал поклоны во все стороны. Он благословлял принцип управления спросом, но не санкционировал бюджетный дефицит, а также подчеркивал необходимость политики в отношении «стороны предложения», которая обеспечивала бы сбалансированное распределение рабочей силы. В докладе выражалось мнение, что установка на полную занятость станет «политическим футболом». В расчет принимались и внешние обстоятельства. Вернувшись из Соединенных Штатов, Кейнс 14 февраля 1944 г. отозвался о докладе как о «выдающемся государственном документе», представляющем собой «революцию в официальных взглядах». Экономический анализ, объявил он, «достиг сейчас той точки, когда он стал пригодным для практического применения». Отступая от своих привычек, он поддался арифметической эйфории и провозгласил вступление в эру «радости посредством статистики», когда все «станет очевидным, ясным как день и когда не останется места для споров»[41]. У него было два критических замечания. Первое касалось проявленного составителями доклада осторожного отношения к налоговой политике. Были оставлены без внимания его предложения о бюджете капиталовложений. Отказавшись учитывать «множительный» эффект вливания в систему дополнительного спроса, авторы вынуждены были смотреть на бюджетный дефицит как на цену, которую придется платить за поддержание занятости, тогда как «меры, стабилизирующие национальный доход, *ipso facto* суть меры, стабилизирующие государственный

бюджет». «Неужели предполагается, — вопрошал он, — что экономические спады увеличивают национальное богатство?» С издевкой и не без остроумия он вновь окунался в свои довоенные сражения с сэром Ричардом Гопкинсом:

> До чего же медленно отмирает укоренившееся ошибочное представление, будто давать людям работу с финансовой точки зрения неблагоразумно! Если бы министр труда был замечен в расхваливании циклически возникающей безработицы на том основании, что она, мол, дает рабочим совсем не лишний им отдых и повышает национальный уровень мастерства в игре в дротики, для канцлера Казначейства это должно было бы послужить поводом заявить протест против такого призыва к безделью и потребовать, чтобы ему были представлены предложения об обеспечении занятости, как раз вроде нынешних, ибо они важны для сбалансированности и стабильности бюджета. Этот раздел оставляет впечатление, что он был написан несколькими годами раньше остального текста доклада[42].

Второе его критическое замечание касалось неопределенности в подходе к структурным проблемам. Кейнс придавал им второстепенное значение — он был убежден, что за время войны, свертывая практику ограничений и подхватывая методы массового производства, Англия существенно приблизилась к американским уровням производительности[43], — но он никогда не стеснялся подчеркивать, что этим вопросом надо энергично заниматься, и обвинял Казначейство в пораженчестве[44]. В феврале 1944 г. в своей записке-комментарии он решительно выразил согласие с *Особым мнением* Лайонела Роббинса относительно практики ограничений. Роббинс имел в виду, что политика расширения спроса не даст результата без достаточной мобильности рабочей силы и ограничения заработной платы, то есть отстаивал точку зрения, которую поддерживал и Мид. Последние перепалки пришлись на март 1944 г. Разгневанный поддержкой, которую Кейнс оказал докладу *Координационного комитета*, Гендерсон обрушился на него в целой лавине записок, в которых высмеивал Кейнса и называл доклад «позорищем». Любое увеличение безработицы, настаивал он, было бы связано с отрицательным платежным балансом. Политика расшире-

ния внутреннего спроса ухудшила бы состояние платежного баланса ввиду увеличения импорта и роста издержек производства. Девальвация стерлинга не смогла бы устранить отрицательного баланса внешних расчетов, потому что она сразу привела бы к росту требований о соответствующем повышении заработной платы. Главным результатом политики Кейнса — Мида, направленной на увеличение «внутренних расходов», стали бы падение валютного курса, бегство от стерлинга и всплеск инфляции. Особенно жестоко громил он Мида за его «автоматические» изменения размеров страховых выплат в зависимости от движения индекса безработицы. При этом он пренебрегал существованием множества различных типов безработицы (классификации которых Гендерсон отдал немало времени), имеющих разные причины и требующих разных способов устранения. «Автоматический» подход к делу в целом, писал он, «основывается на внушаемом принципом *laisser-faire* недоверии к правительствам... Не то чтобы правительствам я доверял гораздо больше, но... индексам я доверяю гораздо меньше»[45].

Кейнс сделал последнюю попытку дать отпор. Из той же посылки («я разделяю его пессимистическое представление о нашем предполагаемом внешнем финансовом положении») он вывел четыре противоположных заключения. Во-первых, поскольку экспорт «становится для нас вопросом жизни и смерти», он «не будет и просто нельзя допустить, чтобы был, первичным источником безработицы». (Иди по этому поводу заметил, что категорический императив сам по себе экспорта не увеличит.) Во-вторых, он согласился, что ограничения импорта могут оказаться неизбежными, но в этом случае возросло бы значение «мультипликатора». В-третьих:

> в представлении, которому он [Гендерсон] придает, очевидно, большую важность и которое состоит в том, что, допустив рост массовой безработицы, мы поднимем наш кредит во внешнем мире... я вижу просто заблуждение. Возможно, и бывали времена, когда такая политика вызывала одобрение иностранных финансистов... Но мир меняется. Наш кредит за границей поднимется, если мир увидит, что мы энергично занимаемся решением проблемы внутренней безработицы...

Наконец, Гендерсон упускал из виду «социальные и политические последствия сознательного использования внутренней безработицы как средства для восстановления нарушенного внешнего равновесия» — политики, которая «легко могла бы привести к крушению нашей нынешней системы демократического правления». Так что «нам следует найти иной выход»[46].

Белая книга о политике занятости была обнародована 26 мая 1944 г. В ее представленной Гопкинсом окончательной редакции больше было от Гендерсона и Иди, чем от Кейнса. Ничего «кейнсианского» не было в первых трех главах, где шла речь о необходимости поддерживать эффективность экспорта, о проблемах переходного периода и о «сбалансированном распределении промышленного производства и рабочей силы». Вопрос о том, что делать с «общей безработицей», которая, как подчеркивалось, в течение какого-то времени после окончания войны не возникнет, был предметом главы IV. Назывались три одинаково важных условия успеха: «не допускать сокращения общих расходов на товары и услуги до уровня, при котором появляется безработица», «должен поддерживаться разумно устойчивый уровень цен и заработной платы» и «должна быть обеспечена достаточная подвижность трудовых ресурсов со свободной сменой рабочих мест и в географическом смысле, и в профессиональном». Усилия правительства в деле обеспечения занятости будут «тщетными» и «бесплодными» при несоблюдении второго и третьего условий. Кроме того, в *Белой книге* трижды повторялось, что наиболее подверженные колебаниям статьи общих расходов — частные инвестиции и экспорт — «труднее всего поддаются управлению» и что также «увеличение одной части общих расходов может лишь в некоторых пределах возместить уменьшение другой их части». Тем самым отвергалось «сознательное планирование дефицита национального бюджета в годы падения торговли до уровня ниже нормального». Таким образом, более или менее воспроизводились собственные предложения Кейнса о формировании бюджета капиталовложений, хотя сами эти слова не использовались. В целом текст *Белой книги* был так

тщательно сбалансирован, что вычитать в нем можно было почти все, что угодно. Вопреки многим мифам, не содержалось там даже обязательства обеспечить полную занятость. Знаменитая первая фраза предисловия гласила: «Правительство считает одной из своих важнейших целей и обязанностей обеспечить после войны высокий и устойчивый уровень занятости». Кейнс с оговорками дал *Белой книге* свое благословение. Он писал Робинсону: «Лично я полагаю, что первая фраза ценнее всего остального»[47].

Кейнс знал, что кое-какие вопросы остались висеть в воздухе. 5 июня 1945 г. он писал своему австралийскому корреспонденту С.Дж. Макфэрлэйну: «Полагаю, в обеих наших странах, где роль экспорта столь велика, имеется склонность недооценивать трудности стабилизации доходов. Существует также, просто за неимением какого-либо решения, склонность закрывать глаза на проблему заработной платы в условиях полной занятости»[48]. Как далеко готов он был продвинуться по пути планирования доходов ради поддержания полной занятости?

Вопрос представляет особый интерес в свете его замечаний на книгу Хайека '*Дорога к рабству*' — книгу, насыщенную аргументацией против планирования, которая вышла почти одновременно с *Белой книгой* о политике занятости и которую Кейнс читал в июне 1944 г., пересекая океан по пути в Бреттон-Вудс. Работа Хайека была классической отповедью первым поползновениям к государственному вмешательству в экономику, которые, если их не подавить, ведут к большим бедам. В данном случае с первыми поползновениями государственного вмешательства выступал Кейнс, и, по Хайеку, они грозили тоталитаризмом. Хайек отвергал политическую стабильность любого «среднего пути» между *laisser-faire* и принудительным централизованным планированием. В пассаже, который был, возможно, направлен непосредственно против «кейнсианских» разделов *Белой книги*, он писал:

> Многие экономисты действительно надеются, что решающее средство [против общих колебаний деловой активно-

сти и возвращающихся приливов массовой безработицы] может быть найдено в области монетарной политики, которая не предполагала бы ничего несовместимого даже с либерализмом девятнадцатого столетия. Другие, надо признать, считают, что реального успеха можно ожидать только от умелого выбора времени для развертывания очень масштабных общественных работ. Это могло бы привести к гораздо более серьезным ограничениям сферы конкуренции, и, экспериментируя в этом направлении, мы должны будем внимательно следить за каждым своим шагом, если собираемся избежать все большей зависимости нашей экономической деятельности от направления и объема правительственных расходов[49].

Те, кто числил себя в кейнсианском лагере, встретили книгу Хайека очень плохо[50]. Отклик Кейнса был неожиданным. Это «великая книга», написал он Хайеку, и «все мы имеем основание испытывать к вам величайшую благодарность за то, что вы так хорошо высказали то, что так необходимо было сказать... Я чувствую, что нравственно и философски согласен с вами, по существу, во всем; и не просто согласен, а глубоко согласен».

Но в книге есть слабое место, и Кейнс тут же на него набрасывается:

> Вы признаете, что надо знать, где провести черту. Вы согласны, что линию надо где-то прочертить и что логические крайности — недопустимы. Но вы не даете нам ровным счетом никаких указаний, где именно ее надо провести. Верно, что вы и я провели бы ее, вероятно, по-разному. По моим представлениям, вы сильно недооцениваете осуществимость среднего курса. Но едва вы признаете, что крайности недопустимы... вы, по вашей собственной логике, проигрываете весь спор, ибо вы стараетесь убедить нас, что, подвинувшись на один дюйм в сторону планирования, приходится непременно сползать на скользкую дорожку, ведущую к пропасти.

Уверенный в прочности интеллектуальной основы своей позиции, Кейнс продолжал: «Я ставлю вам в упрек возможное смешение моральных проблем с материальными. Опасные действия могут безболезненно совершаться в обществе, которое думает и чувствует подобающим образом, и

мостить дорогу в ад, когда эти действия совершаются людьми с порочными мыслями и чувствами»[51].

Первый раунд Кейнс выигрывает вчистую. Хайек так и не мог удовлетворительно прочертить разделительную линию между свободой и планированием и, прикидывая, где же ее следует провести, вынужден был, как и Кейнс, полагаться на интуицию и собственные пристрастия. Проводимое им различие между общими абстрактными законами и законами, используемыми в интересах отдельных групп, не совсем достигает цели, к которой он стремится. На более позднем этапе своей жизни он пытался возводить институциональные барьеры с целью воспрепятствовать принуждению меньшинств большинством. Не более преуспел с «прочерчиванием линии» и Кейнс. В 1940 г. он твердил, что в экономической системе свободные цены являются «непременной составляющей свободы». Но экономика, в которой большая часть капиталовложений «социализирована», рынок капитала управляем, а импорт идет по каналам, проложенным межгосударственными торговыми соглашениями, — такая экономика свободна лишь в некотором условном смысле.

Практические выводы, которые Кейнс делал из неспособности Хайека прочертить линию, далеко не убедительны. Его изречение насчет того, что «опасные действия могут безболезненно совершаться в обществе, которое мыслит и чувствует подобающим образом», очевидно правильно. В войне Черчилля иметь руководителем надежнее, чем Гитлера, даже притом что организация обеих стран в военное время была тоталитарной. Примеры можно множить: безопаснее, чтобы иммиграционные законы принимали либералы, а не расисты, чтобы ограничительные правила вводились людьми, которые их терпеть не могут, а не теми, кому они нравятся. Но это довод статический. Что в этом изречении не учитывается, так это утверждение Хайека, что запас «подобающих чувств» может быть растрачен в результате непрерывного государственного вмешательства; он, если можно так выразиться, не существует самостоятельно, независимо от совершаемых действий. Общество, в котором «опасные действия» правительства идут непрерывной цепью, будет постепенно

терять понимание, почему они, собственно, опасны, понимание, что значит быть свободным. Хорошим примером может служить то, как расширение системы социального обеспечения подорвало начала личной ответственности и благотворительности. Так что каждому предоставляется по собственному усмотрению решать, какой именно набор экономических и социальных устройств, скорее всего, будет содействовать сохранению моральных ценностей, одинаково дорогих и Хайеку, и Кейнсу.

Многое может быть сказано в пользу обеих сторон, и Кейнс был прав, указывая, что политика, не принимающая мер предосторожности от резкого экономического спада, скорее всего, породит «разочарование» или, хуже того, злобные бунты против либеральных ценностей. С другой стороны, среди тех, кто пережил 1970-е гг., никто не может оставить без внимания *явно* английскую окраску ответа Кейнса на предупреждение Хайека: «Не волнуйтесь, здесь в Англии все будет в полном порядке, потому что мы англичане и не безумствуем, подобно жителям континента». По крайней мере, в этом вопросе у Кейнса с Хайеком получилась почетная ничья. Игра не окончена.

3. Скромные приготовления к благоденствию

1 апреля 1942 г. Кейнс стал председателем *Совета содействия музыке и искусствам* (*Council for the Encouragement of Music and the Arts — CEMA*). Занять этот пост его уговорил Р.А. Батлер, глава министерства просвещения; весьма вероятно, что его имя было названо старым другом Сэмюэлем Курто, тестем Батлера. Батлер старался придать своему предложению особую привлекательность, высказав мысль, что *Совет* мог бы развиться в «нечто способное занять постоянное место в организации нашего общества»[52]. Совет был основан в январе 1940 г. по инициативе графа Де Ла Варра, тогдашнего руководителя министерства просвещения, с целью оказывать поддержку музыкантам, актерам и художникам, которых меры противовоздушной обороны могли оставить

без работы, а также содействовать тому, чтобы музыка и искусства помогали «находить утешение» людям, которые недоедают, живут под бомбами и оказываются в эвакуации. (По словам Дэвида Вебстера, *Совет* был образован «в значительной степени для того, чтобы удовлетворить возникшую в лондонских бомбоубежищах потребность в развлечениях.) Получив грант *Треста паломников*, министерство со своей стороны предоставило денежные средства, помещение и секретаря Мэри Глазгоу; был создан специальный комитет. Ко времени, когда *Трест паломников* отошел в сторону и Кейнс принял пост, *СЕМА* стала уже «упрочившимся национальным учреждением», на счету которого были 8 тысяч концертов, главным образом на заводах, выставки «*Искусство для народа*» и театральные постановки. Кейнс предупредил Батлера (24 декабря 1941 г.), что он «лишь частично разделяет принципы, на которых он [*Совет*] работал до их пор». Это было многозначительное предупреждение. В свою деятельность *СЕМА* вносила традицию довоенной работы *Треста паломников* по обучению взрослых безработных и также сама занималась финансированием гастролей театральных трупп. И то и другое было для Кейнса анафемой, первое по художественным соображениям, второе — по финансовым. Летом 1940 г. он пригласил Мэри Глазгоу на Гордон-сквер. «Он хотел знать, почему *Совет* выбрасывает так много денег на любительскую самодеятельность... Уровень — вот что имеет значение, и надо поддерживать серьезные усилия профессионалов, а не захудалые концерты в деревенских залах»[33].

Художественную политику председателя правления *СЕМА* Кейнса во многом определяла его личная философия. В свою новую работу он вносил благоговейное отношение к искусствам, четкие представления о том, как их следует финансировать, и четкие вкусы и пристрастия, пусть и не выходящие за некоторые узкие границы. Корнями все это уходило в далекое прошлое: к философии '*Принципов этики*' Дж.Э. Мура, которую он впитал еще студентом, к личной дружбе с Дунканом Грантом и к группе Блумсбери.

Кейнс, по замечанию Клайва Белла, принадлежал к числу тех благотворителей, «которые направляли великую

силу организации на достижение добрых целей». Его отношение к попечительству было сложным. В межвоенное время он щедро выделял и распределял средства в поддержку искусств, не только сам покупая картины, но и организуя *Ассоциацию лондонских художников* и строя в Кембридже *Театр искусств*. Но он никогда не принимал принципа распахнутого кошелька. Невозможно, полагал он, без конца поддерживать нечто такое, что выглядит «бездонной ямой», поглощающей средства горячих поначалу поклонников-покровителей. Задачу попечительства он видел в том, чтобы сделать возможной некоммерческую деятельность, создавая для нее основу за счет вложений капитала, либо займов, либо гарантий от потерь, а не в том, чтобы постоянно субсидировать убыточные начинания. Он как-то сказал, что стопроцентно успешная попечительская организация должна в конечном счете прийти к тому, что ей не придется нести никаких трат, кроме собственных административных расходов. «Ее выбор должен быть настолько безошибочным и ей следует одинаково поддерживать настолько многообещающих художников, чтобы все выданные ссуды могли быть полностью погашены и ни одна из ее гарантий никогда не была востребована»[54]. Лично ему идеалом представлялось сочетание частного и государственного попечительства, но постепенно он приходил к убеждению, что государственное попечительство может быть единственным способом спасти искусство от исчезновения в условиях, когда частную благотворительность уничтожили высокие налоги.

Роль Кейнса в его деятельности на ниве искусств никогда не сводилась к сбору денег. Его глубоко волновали вопросы художественной политики, в которой он полагался частично на советы жены и своих друзей — писателей и живописцев, как, впрочем, и на собственные вкусы — особенно в отношении драматического искусства. При этом широты в его вкусах и предпочтениях не было. Он был лишен врожденного понимания живописи. «Не повстречай он на своем жизненном пути Дункана Гранта, у него никогда не возникло бы большого интереса к живописи», — говорит Клайв Белл, находивший достойными сожаления его суждения о

художниках и их произведениях. Умеренной была его любовь к музыке. Ему не было дано видеть чужие культуры изнутри: «На Францию, Италию, даже Америку — на все эти страны он смотрел глазами наблюдателя, расположившегося на белых утесах Дувра, или, сказать точнее, в Уайтхолле или профессорской Королевского колледжа»[55]. Его самостоятельные суждения касались преимущественно литературы, сценических искусств (включая балет) и архитектуры; он был замечательным и взыскательным мастером слова. Он высоко ставил цивилизаторскую миссию искусств, и для него было наслаждением общаться с художниками.

В свою деятельность на председательском посту Кейнс принес качества, знакомые по его работе в Казначействе: настойчивое движение к претворению далеко идущих замыслов в практику, страстное желание всегда добираться до сути дела, веер личных инициатив, нетерпимость к путанице и расхлябанности. Мэри Глазгоу писала: «Сам будучи человеком в высшей степени интеллектуальным, он был нетерпим ко всякой сколько-нибудь нечеткой мысли и неясно поставленной цели. Он знал, чего хочет, и любил добиваться своего. Время от времени он мог быть очень груб и кого-то отталкивал, делал своим противником. Сталкиваясь с проблемой, которая его глубоко занимала — а таких было много, — он [ради ее решения] никогда не колебался объявлять войну»[56]. При этом руководство *СЕМА* он зарядил энергией мобилизующего понимания своей цели:

> В то самое время, когда, участвуя в финансовых конференциях в Америке и Канаде, он был, вероятно, занят больше, чем когда-либо еще в жизни, он писал мне, секретарю, фактически каждый день, иногда несколько раз в день, и надиктованные им директивные послания летели из Казначейства или через Атлантику в наш штаб на Белгрэйв-сквер и позднее на Сент-Джеймс-сквер. И это были именно служебные послания с обстоятельными рассуждениями, списками вопросов, подробными замечаниями по поводу всего, что происходило в театрах, концертных залах и картинных галереях. Они были полны красочных, откровенных суждений об отдельных лицах и организациях... Вполне возможно, что так он отдыхал от своих

финансовых обязанностей. Он говорил, что отдает нам в Совете двадцатую часть своего времени... [но] что от председателя требуется по крайней мере четверть [его времени], чтобы управлять делами как следует... Его похвалы были столь же сердечными, сколь резкими бывали его упреки.

Кейнс хотел, чтобы люди держались с ним на равных, но он нагонял на них такое волнение, что отваживались немногие. Мэри Глазгоу говорила, что ей потребовались три года, чтобы преодолеть «парализующий страх», в который он ее повергал и который потом внезапно исчез[57]. Собственные позиции Кейнса были настолько четкими, насколько это вообще возможно в художественной политике. Первое, на чем он неуклонно настаивал, было требование высокого профессионального уровня; вопрос о принадлежности театральной постановки или музыкального произведения к разряду высоко- или среднеинтеллектуального творчества имел значение вторичное. Как выразился его заместитель в руководстве *СЕМА*, историк искусств Кеннет Кларк, Кейнс не был «человеком для бродячих менестрелей и самодеятельных актеров-любителей». Он направлял *СЕМА* к вершинам, руководствуясь верой, что люди заслуживают наилучшего, и надеждой, что, получив его, они будут им наслаждаться. Столь же четкими были его финансовые принципы: деньги *СЕМА* должны были использоваться не для субсидирования постановок и исполнений, а как гарантия от финансовых потерь. Под его руководством *Совет* побуждал коммерческие компании создавать филиалы, которые действовали на основе разделения ответственности за убытки, опирались на гарантии *Совета* и освобождались таким образом от налога на развлечения. Поначалу *Совету* не удавалось добиться автоматического освобождения от налога спонсируемых им мероприятий, и Кейнсу пришлось потратить много времени на сердитую переписку с «невежественным» *Комитетом пьес* в таможенно-акцизном ведомстве, которому он пытался доказать, что Еврипид и Ибсен относятся к области образования, а не развлечений[58]. В 1943 г. *СЕМА* начал поддерживать оперу и балет. Свою формулу финансирования Кейнс рассматривал как

модель, следуя которой можно было бы после войны побудить коммерческие компании заняться привлечением интереса более широких зрительских аудиторий к высококлассным произведениям. Ворчали, будто «коммерческий театр вьет себе гнездо в кошельке налогоплательщика»; на деле же «из денег *CEMA* ни пенни не было вложено в... предприятия с разделением ответственности за убытки. Риск принимали на себя их управляющие, *CEMA* их спонсировал, и система гарантий от потерь срабатывала»[59].

Столь же ясно Кейнс видел задачу *CEMA* в том, чтобы обеспечить городские центры тем, что он называл «материальной структурой искусства цивилизации и восхищения». Это сводилось к вопросу о строительстве. Имея за спиной строительство театра, Кейнс лелеял благородную мысль наделить каждый город собственным «центром искусств»; не столь восторженно, но подумывал и о возможности пристроить к каждому такому центру «британский ресторан». Всю войну он отыскивал покинутые склады или поврежденные здания, которые можно было бы превратить в театры. Большинство этих начинаний провалилось; план восстановления сгоревшего в 1936 г. *Хрустального дворца* и превращения его в «огромное место развлечений, где британский гражданин будущего сможет проводить целый день»[60], обернулся ничем. Но разрушенный бомбой *Theatre Royal* в Бристоле, *CEMA* спас, сорвав намерения владельцев пустить разрушенное здание под склад. 11 мая 1943 г. Кейнс отправился в Бристоль на открытие возрожденного театра и в речь перед спектаклем вложил всю свою игривость и любовь к парадоксам. Он рассказал, как *CEMA* с его «неопределенной независимостью, аномальным уставом и полным отсутствием каких-либо правил» и потому способный по недосмотру сделать то, чего, очевидно, никто сознательно делать не будет, «случайно влип в строительство театра». Он выражал надежду, что «единожды созданный прецедент... будет официально признан непригодным для того, чтобы избегать его повторения»[61].

Программа Кейнса выполнялась не без значительных внутренних разногласий. К концу 1942 г. в *CEMA* выросла

целая сеть экспертных групп, занимавшихся музыкой, драмой, изобразительным искусством, каждая со своим директором, а также комитеты по Шотландии и Уэльсу — с участием во все случаях множества примадонн. Кейнс рассчитывал председательствовать на ежеквартальных встречах групп, на которых принимались бы обязательные решения. Но это оказалось уже непосильной для него нагрузкой, и вскоре он передал группы заместителям: музыку Стэнли Марчанту, драму Айвору Брауну, искусство Кеннету Кларку, причем их решения подлежали утверждению *Советом* в полном составе. В памяти Мэри Глазгоу сохранились частые обеды на Гордон-сквер, где директора групп обсуждали свои планы в подвальной столовой, а Лидия Кейнс, в шерстяном платье и высоких, отороченных овечьей шерстью ботинках, угощала всех якобы полезной для зрения морковью, помогая таким образом справляться с неудобствами затемнения[62].

Группа драмы доставляла особенно много хлопот, и одному из ее членов, Эшли Дукесу, Кейнс вынужден был написать: «Что я могу сказать в ответ на ваше безумное письмо, кроме того, что вы оказали бы хорошую услугу самому себе и стали бы более достойным жителем планеты, если бы потрудились разобраться в фактах, прежде чем распространять такой документ...»[63]

Выставочная политика подверглась, как и следовало ожидать, нападкам Академии. Отправлявшиеся в провинцию передвижные экспозиции представляли собрания полотен Сикета, Уилсона Стира и картины, приобретенные *Галереей Тейт* уже во время войны. Академики жаловались на недостаточное внимание организаторов к старым мастерам и обвиняли Художественную группу *CEMA* в опасном тяготении к «модернизму». Кейнс ввел в группу Генри Мура и Дункана Гранта. «Почему бы не уравновесить их сэром Эдвином Льютенсом? — предложил Батлер. — Не думаю, чтобы он чем-нибудь повредил». — «Разумеется, от старика Льютенса [известному архитектору было семьдесят четыре] вреда ждать не приходится, — тепло заметил Кейнс. — Но он не внесет и ничего полезного. Разумно ли на столь ранней

стадии нашего существования прибегать к порочной практике пополнения наших рядов почтенными мертвыми головами?» Успешно отбившись от Льютенса, Кейнс вернулся в апреле 1943 г. из отпуска и обнаружил, что для уравновешивания модернистов Батлер назначил живописца по имени Томас Моннингтон, впоследствии президента Королевской академии. «Поскольку о Моннингтоне я никогда не слышал, у меня нет разумных оснований возражать против него, — сказал Кейнс Батлеру. — Полагаю, для меня небесполезно иметь возможность сообщить членам моей группы, что со мной никто не советовался»[64].

Собственные представления Кейнса о будущем *СЕМА* постепенно становились более определенными. «*СЕМА* — ужасное название, — говорил он Батлеру 15 февраля 1943 г. — [Инициалы] ничего не говорят тому, кто заранее не имеет представления, о чем идет речь, и, подобно *ENSA* [организации развлечений для военных], чересчур дразнят воображение... Мне лично больше понравилось бы нечто вроде *Королевского художественного совета*». Батлер соглашался: «Я много раз говорил, что организации, цепляющиеся за свои сокращенные названия, кончают тем, что становятся второразрядными»[65]. 23 июня 1943 г. Батлер предложил создать небольшой комитет специально для обсуждения послевоенного будущего *СЕМА*.

Ничего существенного за этим не последовало, и в начале 1944 г. Батлер стал нажимать на Кейнса, требуя от него представить свои соображения в письменном виде. К этому времени Кейнс был настолько занят (и нездоров), что подумывал об отставке. Лишь в сентябре 1944 г., в перерыве между Бреттон-Вудской конференцией и вторым этапом вашингтонских переговоров, он сумел послать Батлеру свою записку о будущем *СЕМА*, в основу которой лег проект, ранее предложенный членом совета Айфором Эвансом. Он предусматривал создание постоянного Королевского совета искусств в составе одиннадцати членов, из которых пятеро образуют исполнительный комитет. Члены комитета должны были председательствовать в группах внешних экспертов. Предлагалось иметь генерального директора и неболь-

шой штат для обслуживания групп. Перед *Советом* стояли бы две задачи: расширение доступности искусств для публики и повышение стандартов мастерства. Он должен был бы получать ежегодный грант в размере 500 тысяч фунтов скорее от министерства просвещения, чем непосредственно от Казначейства, потому что положение, при котором «от нашего имени будет выступать министр, не несущий прямой ответственности за экономию средств, в будущих условиях может дать определенные выгоды»[66].

30 января 1945 г. Совет *CEMA* отклонил предложенное Кейнсом название — он решил, что лучше будет именоваться *Советом искусств Великобритании*, — но в остальном принял его предложения. Первое собрание нового правления состоялось в рабочей комнате Кейнса в Казначействе 14 февраля. Теперь Кейнс настаивал на скорейшем по возможности получении королевского указа об учреждении новой организации. Как раз когда война в Европе близилась к концу, одним из своих последних решений коалиционное правительство Черчилля согласилось сохранить *CEMA*. 12 июня «временный» канцлер сэр Джон Андерсон объявил, что правительство намерено учредить *Совет искусств Великобритании*, с начальным бюджетом в 320 тысяч фунтов». «Очень похоже, что теперь Совет искусств получил достойное начало, — написал Кейнс 14 июня Батлеру, ставшему министром труда, — и все мы испытываем к вам большую благодарность за то, что довели это дело до завершения как раз перед нашим расставанием...»

Выступая 12 июля 1945 г. по радио, в последний раз в роли председателя *CEMA*, Кейнс рассказал историю преобразования *CEMA* в *Совет искусств Великобритании*. Сохранившаяся в архивах Би-Би-Си запись этой передачи доносит до нас его живую речь — речь образованного человека из высшего класса, с узким диапазоном голосовых модуляций, с четким и чуть растянутым произношением ударных звуков, легким налетом иронии и едва заметным призывом к снисходительности («Надеюсь, что сокращенно вы будете называть нас *Советом искусств*... Мы усердно старались подобрать аббревиатуру, но, как мне кажется, каждый раз получалось что-

то труднопроизносимое»). Это голос, заставляющий вспомнить время мудрых и добрых правителей, самым серьезным образом намечавших пути к будущему счастью своих народов. Начав с мысли о восстановлении того, что отняла у нас война, говорил Кейнс, «мы вскоре обнаружили, что создаем то, чего никогда не было и в мирное время».

Мысли Кейнса постоянно возвращались к его старой мечте превратить Лондон в художественную столицу Европы. Шанс представился, когда *Королевскому оперному театру* в Ковент-Гардене пришел срок возобновлять арендный договор. В войну театр служил танцевальным залом, но в апреле 1944 г. издатели музыкальной литературы *Бузи и Хокс* взяли пятилетний арендный подряд на его восстановление как «центра оперы и балета». Кейнс стал председателем *Комитета Ковент-Гардена*, учрежденного для управления театром на правах субаренды от музыкального издательства. Одного письма, посланного в январе 1945 г. коллеге по Казначейству сэру Алану Барлоу, хватило, чтобы заручиться необходимыми средствами[67]. Он также заполучил для *Королевского оперного театра* постоянную балетную труппу Нинетт де Валуа, выступавшую в то время в *Садлерз-Уэллз*, причем убедительным аргументом послужила ежегодная субсидия, которую он в качестве председателя *СЕМА* способен был предложить театру *Садлерз-Уэллз*. Дэвид Вебстер, новый директор-управлящий *Королевского оперного театра* вспоминает, что, когда переговоры с попечителями *Садлерз-Уэллз* «зашли, казалось, в глухой тупик, он [Кейнс] улучил минутку и в палате лордов, ожидавшей прибытия короля [на открытие нового парламента в августе 1945 г.], договорился о сотрудничестве с лордом Литтоном [председателем Совета управляющих *Садлерз-Уэллз*], за чем последовали беседа и вручение ему блестяще составленной им записки, а вскоре после этого и передача балета в Ковент-Гарден». Если Кейнс и допускал возможность конфликта интересов между его должностными положениями в Казначействе, *СЕМА* и Ковент-Гардене, он этого никак не обнаруживал. Возможности своих официальных постов он использовал, чтобы вносить личный вклад в «благоденствие».

XXXIX
Великий компромисс

1. Англо-американские препирательства

Мейнард Кейнс сказал как-то Джеймсу Миду: всякий раз, как мне случается читать что-нибудь о проблемах питания, «мое внимание рассеивается». В марте 1943 г. Рузвельт неожиданно предложил созвать конференцию Организации Объединенных Наций по продовольствию и сельскому хозяйству. Когда Пенроуз поведал Кейнсу, какие заоблачные идеи движут президентом, великий экономист хмуро заметил: «Вы хотите сказать, что ваш президент, с его огромной политической интуицией, решил, что лучшая стратегия послевоенного восстановления — это начать с витаминов и потом окольным путем подобраться к международному платежному балансу?»[1] В мае делегаты союзных и примкнувших к ним стран собрались в Хот-Спрингсе, штат Вирджиния, и выдали приличествующий случаю набор пышных деклараций. Лайонел Роббинс, член британской команды, записал в своем дневнике: «Совсем просто проявлять дружелюбие в роскошной гостинице, когда все ваши расходы заранее оплачены, а повестка дня не предусматривает принятия каких-либо обязывающих решений»[2].

С британской точки зрения большее значение имели неофициальные беседы в Вашингтоне, на которых представители министерств финансов двух стран обсуждали проекты Кейнса и Уайта. Чтобы взвесить их технические достоинства и политическую приемлемость, стороны задавали друг другу вопросы и оценивали получаемые ответы. В предыду-

щем году Берль составил список вопросов о *Клиринговом союзе*. Кейнс в мае 1943 г. представил собственные вопросы, касавшиеся *Стабилизационного фонда*. Деннис Робертсон, временно прикомандированный к посольству в Вашингтоне, окрестил их (следуя Браунингу с его Галатами[λ]) «двадцатью шестью проклятиями, / не одно, так другое сделает свое дело».

Подключение Робертсона к финансовым переговорам изрядно укрепило интеллектуальную огневую мощь британской команды. Если Кейнс, рисуя новый мировой порядок, был импрессионистом, то Робертсон выступал пуантилистом и сводил лирические мазки Кейнса к точным соотношениям — в значительной мере так же, как это делал Эдвард Бернстайн, работая с Уайтом. Соображения, которые Кейнс считал несостоятельными, когда они выдвигались против его собственных теорий, оказывались чрезвычайно ценными, когда служили противовесом «ирокезским» проектам американцев. В течение нескольких следующих месяцев Робертсон и Бернстайн подготовили множество деталей соглашения, сделавших осуществимыми согласованные между Кейнсом и Уайтом общие принципы.

Один из несомненных результатов летних дискуссий состоял в том, что они выявили тщету надежд на одобрение Вашингтоном идеи *Клирингового союза*. Стало ясно, что Соединенные Штаты не пойдут ни на какие уступки по вопросу о взносах и будут настаивать на ограничении своих долларовых обязательств. Европейские союзники, восторженно принимавшие *Клиринговый союз* в Лондоне, теперь переметнулись на сторону *Стабилизационного фонда* — и не столько под воздействием того, что Робертсон «называл индивидуальными репетиторскими занятиями Уайта», сколько ввиду осознания, что дудочнику платит Вашингтон, а не Лондон, так что ему и заказывать мелодию. Канадский план, кото-

---

[λ] Имеется в виду стихотворение Роберта Браунинга (1812–1889) '*Монолог испанского монастыря*', где со ссылкой на евангельское '*Послание к Галатам*' говорится о «двадцати девяти разных проклятиях», из коих не одно, так другое непременно падет на голову нечестивца.

рый в Лондоне назвали «прочь от Уайта», представлял собой попытку найти компромисс между британским и американским проектами.

Робертсон полагал, что англичанам надо выбирать одно из трех возможных решений: биться до последнего за идею *Клирингового союза*; принять идею *Фонда* и сделать при этом упор на увеличение его ресурсов и усиление пункта о дефицитной валюте либо, приняв идею *Фонда*, частично сохранить изящество *Клирингового союза*, превратив *униту* из просто счетной единицы в реальное средство обмена. Робертсон полагал, что поток событий мощно тянет ко второму варианту, хотя не исключал возможности повернуть его к третьему. Первый вариант, как представлялось, в какой-то момент должен «тихо отпасть сам собой»[3].

Кейнс в Лондоне не мог не согласиться с этим. В апреле он сообщил Хэрроду, что англичане должны будут, по-видимому, принять американское «платье», но требовал от Робертсона, что надо быть, «насколько возможно, неуступчивыми и упрямыми», чтобы набить цену своим будущим уступкам[4]. Важнее всего для Кейнса было повязать американцев хоть каким-нибудь проектом. Если они предпочитают *Стабилизационный фонд*, нельзя допустить, чтобы *Клиринговый союз* — при всех его более очевидных технических достоинствах — стал помехой.

Двусторонние дискуссии в Вашингтоне закончились 24 июня в атмосфере «дружбы и чрезвычайной откровенности». В Лондоне Кейнс получил еще один переделанный проект Уайта, датированный 10 июля. Признавая его большую по сравнению с предыдущими вариантами «логичность и последовательность», Кейнс заметил, однако, что в нем «не прибавилось сколько-нибудь политической мудрости и немного появилось нового с точки зрения технического мастерства», притом что некоторые положения намечены «с прицелом на удовлетворение своекорыстных интересов страны, обладающей неограниченным запасом золота». Уайт сказал Филлипсу, что конгресс надо ублажить по четырем позициям: что связка «стерлинг — доллар» будет поддерживаться с паритетом 4 доллара за фунт, что американские обя-

зательства не выйдут за пределы 3 миллиардов долларов, что за конгрессом сохранится управление золотым содержанием доллара и что монетарная структура должна иметь форму фонда, а не банка. Кейнс рекомендовал, чтобы Англия согласилась с «существом важнейших условий Уайта», предложив три поправки: о предоставлении странам-членам бо́льших прав в отношении обменного курса собственных валют, о недопущении, чтобы *Фонд* ведал «смешанной корзиной валют», а ведал бы только международными деньгами (*«унитами»*), и о том, что взносы золотом не должны превышать 12,5 процента квоты, а остальное поступать в виде необращающихся правительственных ценных бумаг[5]. *Унита* в проекте Уайта все еще маячила как счетная единица. Кейнс хотел видеть в ней «настоящее средство международного обмена» и «основополагающее условие достижения удовлетворительного компромисса»[6]. Джекобу Винеру он пояснял: «Если установить, что члены Фонда могут получить авуары в *унитах* в обмен на свои начальные взносы, а затем в результате клиринговых операций обмениваться этими *унитами* друг с другом, между основными структурами, предлагаемыми двумя схемами, осталось бы очень мало различий по сравнению с тем, как обстоит дело в настоящее время»[7]. Кроме того, Кейнс выражал надежду, что со временем *униты* позволят *Фонду* «стать учреждением-кредитором»[8]. Его настоятельные требования сохранить *униты* переросли в навязчивую идею и в течение многих месяцев оставались главным препятствием на пути к соглашению.

Проблема перехода к миру начинала отбрасывать свою длинную тень на переговоры по статье VII. Британские долги стерлинговой зоне угрожающе росли, в то время как администрация США, на взгляд англичан, управляла ленд-лизом таким образом, чтобы помешать Британии создать достаточный резерв на послевоенное время. При ничтожности тех средств, которые предлагал для финансового урегулирования *Фонд* Уайта, как скоро оказалась бы Англия в состоянии выполнить возлагаемое на нее статьей VII обязательство отказаться от дискриминационных требований в своей торговой и платежной системе? В начале августа Галифакс пред-

ложил государственному секретарю Хэллу направить в Вашингтон в сентябре сильную английскую делегацию, чтобы начать неофициальные обсуждения всего круга вопросов, охватываемых статьей VII. Он подчеркивал, как важно, чтобы Англия и Соединенные Штаты достигли между собой согласия, прежде чем эти вопросы будут вынесены в повестку дня широких международных переговоров. Уайта это устроило. Получив согласие большинства стран на свой проект, он теперь чувствовал себя готовым встретиться лицом к лицу с британцами. Кейнс обрадовался. Незадолго перед отъездом в Вашингтон он сказал Винанту, что, «по его мнению, пары дней личных бесед на уикенде хватит им с доктором Уайтом, чтобы достичь согласия по большинству важнейших пунктов, поднимаемых валютными предложениями»[9].

В августе Кейнс старался как можно больше времени проводить в Тилтоне, расслабляясь за чтением написанной его матерью истории старост городка Кембриджа — работы, которую он нашел «в высшей степени очаровательной и интересной». Со здоровьем дело обстояло не так превосходно, как в июне, но к концу месяца он почувствовал, что ему очень пошли на пользу отдых и курс особых прохладных ванн, пройденный в Лондоне по предписанию *Людоеда*, доктора Плеша.

2. Слияние двух проектов

3 сентября Мейнард и Лидия отплыли из Глазго на *Куин Мэри*, направившись на «предварительное, неформальное, не обязывающее, совершенно неофициальное» обсуждение с американцами статьи VII. Он был членом сильной британской делегации, которую возглавил Ричард Ло, в то время ставший заместителем министра иностранных дел. В делегацию входили Дэвид Уэйли и Фрэнк Ли от Казначейства, Лайонел Роббинс от Экономического отдела Военного кабинета, Найджел Рональд от министерства иностранных дел, Джеральд Клаусон от Управления по делам колоний, Персиваль Лишинг, Джеймс Мид и Роберт Шэкл,

представлявшие министерство торговли, и П.У. Мартин от министерства продовольствия. Льюсиус Томпсон-Маккослэнд ехал в качестве личного помощника Кейнса с поручением быть наблюдателем, учитывающим соображения Английского банка. В Вашингтоне к ним должны были присоединиться Деннис Робертсон и Редверс Оупи от посольства. Среди них не было сэра Фредерика Филлипса. Его огромные труды на благо Британии были завершены. В июле, уже смертельно больной раком, он возвратился в Лондон для консультаций. 14 августа он умер. Все оплакивали его кончину. В июне Берль говорил Роббинсу: «Ценность Филлипса для Британской империи равна его весу в золоте. Отзови вы Филлипса, и Морги [Моргентау] был бы близок к тому, чтобы прекратить войну. Они сидят и говорят друг другу около десяти фраз в час, причем каждая полна великого смысла»[10]. И вот Филлипса с его молчаливостью, вносившей успокоение в англо-американские отношения, не стало.

Составленные Хью Долтоном инструкции Военного кабинета основывались на минимальных требованиях Кейнса, с тем существенным дополнением, что ни в какой монетарной схеме не должны были фигурировать стерлинговые авуары. Уже 22 июня Кейнс одобрил предложение Уайта, чтобы остатки на стерлинговых счетах финансировались, то есть блокировались, Англией и подлежали выплате через *Фонд* с длительной рассрочкой. По существу, Уайт предложил обеспечить американскими долларами — правда, не очень большими суммами — британские долги военного времени. На взгляд Английского банка, блокирование стерлинговых авуаров могло привести к концу стерлинговой зоны, что Уайт, возможно, также имел на уме, выдвигая свое предложение[11].

Перед погрузкой на *Куин Мэри* «вся компания сидела за завтраком вокруг большого стола в отдельной комнате в ресторане отеля *Центральный* в Глазго, и Кейнс недостойно острил, что это, мол, 'больше похоже на последний ужин, чем на первый завтрак'». В баркасе, доставлявшем их на судно, Джеймс Мид впервые встретился с Лидией, которая «приказывала своему выдающемуся супругу прилечь и от-

дохнуть». Как только они поднялись на борт, капитан, «грубоватый и добросердечный садист», пригрозил заковать их в кандалы за любое нарушение правил. Одно из этих правил предписывало постоянно иметь на себе спасательный пояс. «То, как они [Мейнард и Лидия] соблюдали это требование, навсегда остается драгоценным воспоминанием», — сентиментальничает Рой Хэррод.

Эксперты надеялись, что сторонам удастся выработать согласованные предложения по главным вопросам *Великого проекта* — по деньгам, инвестициям, торговле, буферным запасам, занятости. Затем эти предложения могли быть представлены двум правительствам, и в случае их одобрения последовал бы созыв международной конференции, которая утвердила бы правила и основала учреждения послевоенной системы. Но существовала большая загвоздка. Только два монетарных проекта достигли относительно продвинутой стадии технической разработки, подошли к рубежу возможного компромисса между ними и могли рассчитывать на политическую поддержку. Все остальное выражалось в идеях, бродивших по разным отделам двух правительств. А они касались всех существенных вопросов, о которых шла речь в статье VII; Мид считал, что все они взаимосвязаны. Но если имелось в виду продвигаться сразу по всем направлениям, возникал риск, что монетарный проект будет отброшен на обочину.

У англичан были на руках не только пересмотренный, датированный 10 июля проект Уайта насчет создания *Стабилизационного фонда*, но также и новая версия его проекта *Банка восстановления и развития*[λ], только что присланная Редверсом Оупи из Вашингтона. Теперь этот проект, в дополнение к восстановлению разрушенной войной экономики пострадавших стран, предусматривал обеспечение их под низкие проценты капиталом для индустриального развития. При нем должны были действовать *Корпорация важных для экономического развития сырьевых материалов* и *Междуна-*

[λ] Согласно утвердившейся русской терминологии — Банка *реконструкции* и развития.

родная стабилизационная товарная корпорация. Но там больше не упоминалось о критически важном и так волновавшем Роя Хэррода полномочии выдавать кредиты; администрация США раскололась в оценках того, что осталось от первоначального проекта, хотя Моргентау новую версию американского проекта одобрил[12]. Кейнс приветствовал его общий дух, но зверем набрасывался на предлагавшиеся механизмы, называя их «бедламом», а стилистику документа клеймил как «поистине шумерскую». Особенно горячо он возражал против двух положений — против равенства взносов в капитал *Банка*, поступающих от стран-кредиторов и стран-должников, и чересчур суровых санкций, предусматривавшихся для несостоятельных должников. «В порядке развлечения он приводил нам замечательные доказательства того факта, что должники по международным инвестициям всегда были и всегда будут несостоятельными»[13]. Британские делегаты решили не поднимать вопрос о *Банке*, пока этого не сделают американцы.

Кейнс отметил, что конгресс уже получил проект *Стабилизационного фонда*, предложенный Уайтом 10 июля. Исчезли согласованные вроде бы в июне с англичанами увеличение ресурсов *Фонда* и более гибкие ставки валютного обмена, а доля золота во взносе была поднята с 25 до 50 процентов в зависимости от имеющихся у страны резервов, хотя «они знают, что это условие никем не может быть принято». Все это, как полагали, должно было лишить американскую команду гибкости за столом переговоров[14]. Преодолевая морскую болезнь, делегация во время плавания часто собиралась, стараясь прикинуть, какой будет ее стратегия на переговорах. Мида очень вдохновляла линия, избранная Кейнсом: «Он горячо поддерживал идею, что нам следует настаивать, чтобы все эти проекты рассматривались как предложения к разработке единого цельного документа. Я боялся, что он может посчитать... своей задачей вести с американцами упорную борьбу вокруг деталей монетарного соглашения и не связывать себя и Казначейство... с другими вопросами, вроде создания Торгового союза»[15]. В действительности именно так Кейнс себя и повел.

Проникнутый почтительным отношением к Кейнсу, дневник Мида содержит ряд записей, дающих представление о том, что он делал в пути. В поезде, по дороге из Нью-Йорка в Вашингтон в субботу 11 сентября, Кейнс был в превосходной форме. Первую часть пути он посвятил чтению невероятного количества газет и журналов. Большое удовольствие доставила ему речь Гитлера по поводу отступничества Италии; он то и дело твердил, что «испытывает такое наслаждение потому, что этим так наслаждается Гитлер» (что имелось в виду, не совсем ясно). «Непрерывным потоком лились едкие замечания в адрес сельских пейзажей Америки, по поводу принимаемых американцами мер противовоздушной обороны, отсутствия птиц и бесплодия земли!» С Лидией и Найджелом (Рональдом) они вели пространные разговоры о современной живописи; и завершила поездку песенка, спетая Лидией в полную силу ее голоса и в сопровождении исполненного руками танца»[16].

На сей раз Мейнард и Лидия остановились в отеле *Стэтлер*. Они предпочли его *Мэйфлауэру*, потому что в нем было кафе, где Кейнсу могли предложить легкую пищу. Задерживаться надолго они не собирались. Кейнс, как уже сказано, полагал, что им с Уайтом хватит одного уикенда, чтобы уладить все остававшиеся проблемы; Уайту представлялось, что для этого может понадобиться «что-нибудь около недели». В действительности Кейнс пробыл в Америке шесть недель, и совместное заявление экспертов появилось лишь в апреле 1944 г.

Обе стороны согласились создать рабочие группы, которые должны были обсуждать составные части *Великого проекта* — деньги, инвестиции, буферные запасы и торговую политику — на пленарных заседаниях, чтобы «подчеркнуть взаимозависимость всех частей». Первое из этих пленарных заседаний состоялось 20 сентября, и с английской стороны на нем с «самой трогательной речью» выступил Ло. На следующий день Кейнс, говоря от имени Англии, поднял планку. «Я никогда не слышал лучшей его речи, — с горячностью писал Мид, — ничего более блестящего, более убедительного, более остроумного или более истинно захваты-

вающего... [Он говорил], что мы должны рассматривать экономическую проблему в ее целостности и готовиться к тому, чтобы предложить публике полное решение проблем безработицы и повышения уровня жизни»[17]. Кейнс отдался одному из тех полетов своей фантазии, которые так располагали к нему технических специалистов. Возвращаясь к главной теме своего эссе '*Экономические возможности для наших внуков*', он утверждал, что мир находится в состоянии перехода «от эры дефицита к эре изобилия», которая потребует изменить «все наши привычки и традиции». Проблемой станет сохранять достаточный уровень спроса; трудность разработки проекта, который мог бы принять весь мир, в том, что «разные страны продвигаются через переходный период с разной скоростью». Богатым странам нужно бы вкладывать капитал в страны бедные, но этому мешает понимание, что ожидать полного возврата их инвестиций не приходится, откуда и следует необходимость создания новых инвестиционных институтов[18]. Все это ласкало слух идеалиста Джеймса Мида. Вскоре ему предстояло обнаружить вселявший тревогу разрыв между риторикой Кейнса и его стилем ведения переговоров.

Кейнс, естественно, представлял Англию в группе, занимавшейся монетарными вопросами, где рядом с ним находились обычно Роббинс, Робертсон, Уэйли, Оупи и Томпсон-Маккослэнд (позже присоединился Мид). Конфиденциальное обсуждение монетарных проблем Кейнс начал с Уайтом 13 сентября в «дружественном и согласном» духе. Вскоре он имел возможность доложить, что они «продвигаются очень успешно»[19]. Уайт с готовностью согласился на увеличение ресурсов *Фонда*: его гораздо больше интересовало ограничение американских обязательств. Снова и снова они возвращались к проблеме перехода к миру. Кейнс говорил, что *Стабилизационный фонд* не сможет дать решения проблемы пассивного платежного баланса, с которой Британия «столкнется сразу после войны», и что Англии, возможно, придется сохранить меры контроля, введенные в военное время. Уайт, по-видимому, не возражал. Англия, сказал он, будет свободна сохранять институты и правила стерлинго-

вой зоны в течение неопределенно долгого периода. Он полагал, что ленд-лиз будет сохранен до окончания войны с Японией, которая, как теперь ожидалось, продлится дольше, чем война в Европе. Оба они считали, что международная конференция министров, которая одобрит плод их трудов, могла бы состояться в декабре или январе. Кейнса впечатлила готовность Уайта проявлять «большой интеллектуальный интерес ко всем этим вопросам и подходить к ним соответственно... а не в духе чиновника и бюрократа»[20]. Однако впечатление, будто всюду свет да благодать, вскоре было развеяно.

15 сентября англо-американская монетарная группа собралась на первое из восьми заседаний. Сохранились подробные записи, сделанные на обеих сторонах. Дополняемые дневником Джеймса Мида и докладом Томпсона-Маккослэнда Английскому банку, они дают полный и порой яркий отчет о том, как работали эксперты. Полвека спустя там бы с потолка лили свет прожекторы, с принтеров снимали распечатки, кругом висели графики. Но тогда все внимание участников было захвачено устными поединками Кейнса и Уайта — рапира против мушкетона. Ричард Гарднер говорит, что «они не были лишены сходства с двумя тщеславными и довольно завистливыми профессорами экономической науки, старавшимися произвести впечатление на слушателей университетского семинара». Интеллектуально Кейнс был выше, но лучшие карты были в руках Уайта[21]. Мид писал: «Десять лет назад в Оксфорде я и в мечтах не допускал, что экономист может оказаться в таком раю, где серьезный экономический анализ воплощается в практику!»[22] Желание вести разговор по существу — вот что отличало этот семинар от обычного политического трепа. Но Кейнс, Уайт и прочие были также англичанами и американцами, ведущими переговоры от имени своих правительств, и, стало быть, выразителями национальных интересов своих стран. Те и другие готовы были заявлять, едва это становилось им удобно, что предложения другой стороны будут неприемлемы для их правительств — или, в случае с американцами, для конгресса и «американского народа».

Семинары, как правило, следовали одному установившемуся порядку: англичане выдвигали предложения, американцы их отвергали. Это было неизбежное следствие неравенства сил. Англичане хотели внести в американский проект изменения в свою пользу. Они наносили удар, американцы отвечали ударом. И для Кейнса, и для Уайта конфронтация была изматывающей нервотрепкой. Кейнс «очень страдал от резкости Уайта», Уайт в страхе, который нагоняли на него открытые дебаты с Кейнсом, «склонен был так горячиться, что возникала угроза его здоровью»[23]. Уайт после споров с Кейнсом обычно заболевал, потому что терпел поражение, и всякий раз, когда это было возможно, его место занимал Бернстайн[24].

Вера Кейнса в возможность утрясти нерешенные вопросы за пару дней на уикенде оказалась сверхоптимизмом, потому что за техническими тонкостями скрывались большие политические расхождения. Британская позиция состояла в том, что чем меньше будут ресурсы *Фонда*, тем больше странам-членам должно быть дано свободы делать, что они хотят; американцы противопоставляли этому свой подход: чем большие на них возлагаются обязательства, тем больше у фонда должно быть прав принимать дисциплинарные меры к потенциальным должникам. Уайт определял суммарные ресурсы *Фонда* в 5 миллиардов долларов, в отличие от 26 миллиардов *Клирингового союза*. Обязательства США он хотел ограничить 2 миллиардами. Еще до открытия монетарных переговоров он согласился увеличить капитал *Фонда* с 5 миллиардов до 8–10 миллиардов долларов (в зависимости от того, сколько стран присоединятся к фонду), причем взнос США он готов был ограничить уже тремя, а не двумя миллиардами долларами. Это, однако, предполагалось уравновесить вкладами золотом.

Все это обсуждалось на заседаниях 17, 24 и 28 сентября. Кейнс настаивал, чтобы ни одну страну не «просили» о золотом взносе сверх 12,5 процента ее квоты. Формула США — от 25 до 50 процентов — придавала «проекту золотую окраску, с чем нам трудно будет согласиться». Вместо этого Кейнс предлагал, чтобы от стран с растущими золоты-

ми запасами можно было требовать увеличения золотой доли их взносов. Постепенно это обеспечило бы *Фонд* «большими золотыми резервами», за которые ратовали американцы. Бернстайн объяснял, что формулу Уайта следует понимать так, что минимальный золотой взнос страны в капитал *Фонда* должен составлять 25 процентов ее квоты или 10 процентов ее золотых и инвалютных резервов — в зависимости от того, что окажется меньше. Со временем — хотя не прежде, чем он вернулся в Лондон, — Кейнс убедился, что на деле это уменьшает взнос, требуемый от Англии.

Согласно проекту Уайта, квоты на взносы и квоты на заимствования должны были быть одинаковыми. Если страна вносит 100 миллионов долларов золотом и 400 миллионов ценными бумагами, ее квота заимствования должна составить 500 миллионов долларов. Очевидно, что суммарные заимствования не могли превышать суммарных средств *Фонда*. Но не было никаких оснований устанавливать для той или иной отдельной страны максимальную квоту заимствования, в точности равную ее взносу. На заседании 24 сентября Кейнс предложил, что любой стране нужно дать право на получение займов в пределах до 150 процентов ее квоты. Это подразумевало, что при 8 миллиардах, полученных в виде взносов, займы можно будет получить на 12 миллиардов долларов, «хотя нельзя считать возможным, чтобы все воспользовались своими правами одновременно». Бернстайн ответил, что проект *Стабилизационного фонда* не настаивает на точном равенстве между взносами и квотами заимствования, но их расхождение не должно быть слишком большим, ибо в противном случае у *Фонда* не останется денег. Когда 28 сентября обсуждение возобновилось, Уайт указал, что квоты на взносы не должны быть фактором, ограничивающим заимствования, поскольку *Фонд* сможет снабжать небольшие страны иностранными валютами в суммах, трех-, а то и четырехкратно превышающих их квоты. Это предложение было гибче британского, которое ради удовлетворения особых потребностей отдельных стран-членов предусматривало расширенное выделение средств всем. Однако американцы пошли на важные уступки британской позиции. *Фонду* будет

позволено брать взаймы валюту у страны-члена, и он сможет увеличить свои запасы дефицитной валюты страны-члена в пределах до 200 процентов ее квоты. Это означало солидное увеличение возможностей *Фонда* выдавать кредиты сверх его капитала, образованного взносами.

Но американцы настаивали, что *Фонд* должен сохранять за собой контроль над всеми деньгами, выданными им стране-члену сверх ее золотого вклада. С их точки зрения, единственным способом сочетать ограниченные обязательства пополнять валютные ресурсы с выходящими за пределы вклада заявками на предоставление валюты мог быть надзор над расходованием выдаваемых денег. В проекте Уайта от 10 июля безоговорочное право страны-члена на получение валюты ограничивалось размерами ее золотого взноса. Чтобы получить кредит на большие суммы, страна-заемщик должна была принимать «удовлетворительные меры» для «восстановления ее нарушенного платежного баланса». Англичане отвергали точку зрения, согласно которой безусловным правом заимствования страна должна располагать не более чем в пределах своего золотого взноса. Как выразился Кейнс, разъясняя британскую позицию Винеру, проблема «в том, чтобы определить, при каком движении граблей» это правило должно вступать в силу. Такова была главная тема переговоров 17 сентября, и споры по ней возобновлялись 24 сентября и 4 октября. Удовлетворительное решение так никогда и не было найдено.

На встрече 17 сентября Кейнс настаивал, чтобы «надзорное право» *Фонда* не распространялось на суммы самих взносов, а действовало лишь в отношении займов, предоставленных сверх этих квот. В противном случае права заимствования никогда не удастся утвердить в роли резервов центрального банка, способных соперничать с золотом. Англичане настаивали, что *Фонд* должен быть «пассивным передаточным звеном», а не «действующей по собственному усмотрению инстанцией». Кейнс заметил далее, что любые права, которыми наделяется *Фонд*, должны быть определены так, чтобы проводилось различие между «развитой страной, разумно ведущей свои дела», и «страной безответствен-

ной, жаждущей эксплуатировать новый источник получения займов». Уайт ответил, что в отношении *Фонда* безрассудно было бы допускать злоупотребления. Он пояснил, что его целью было не допустить использования возможностей *Фонда* для финансирования бегства капитала за границу или получения иностранных займов страной, не способной со временем их погасить.

На встрече 24 сентября председательствовал Берль, заболевший Уайт отсутствовал, а министерство финансов США представлял Бернстайн. Он настаивал, что, помимо прав заимствования, гарантируемых в пределах золотой квоты, *Фонд* должен распоряжаться выдачей валюты по собственному усмотрению и располагать полномочием отказать в ней, «если имеет место злоупотребление его ресурсами». Кейнс возражал, сказав, что предложения Бернстайна подсекут доверие под корень. Эммануэль Гольденвейзер, представлявший правление Федеральной резервной системы, согласился, что большие страны сочтут предлагаемую Бернстайном процедуру «невыносимой».

Американцы готовы были смягчить формулировку, но не идти на уступки по существу. На встрече 4 октября Уайт подтвердил свою точку зрения, что предоставляемые *Фондом* возможности — это привилегии, а не права, и поэтому справедливо, чтобы доступ к ним зависел от поведения страны. Кейнс отвечал, что предложения США «не снимают возражения против того, что действия страны-члена будут подлежать тщательному изучению с того момента, когда сумма внесенной ею в *Фонд* собственной валюты сравняется с ее [золотой] квотой», и что, по его мнению, существует лишь ничтожный шанс на согласие британского правительства с этими предложениями.

17 октября Кейнс изложил Джекобу Винеру суть своих взглядов:

> Мы очень твердо стояли на той точке зрения, что, если странам оказывается достаточное доверие, они должны быть способны при всех нормальных обстоятельствах рассчитывать на возможность получения средств, составляющих существенную часть их квоты, не подвергаясь проверке и не сталкиваясь

с неожиданными препятствиями... *Клиринговый союз* может оказаться в этом отношении слишком строгим, хотя это, по существу, уравновешивается... гораздо большими размерами квот... Несомненно, это трудная проблема. Но я уверен, что было бы очень неблагоразумно пытаться устанавливать для еще не испытанного учреждения правила, чересчур похожие на бабушкины рецепты[25].

Дебаты по поводу «нюансов неопределенности»[26] в отношении прав заимствования продолжались и после переговоров в Вашингтоне.

Не меньше споров вызывала проблема ставок валютного обмена. В проекте Уайта выставлялись барьеры против односторонних решений об их изменении. В течение первых трех лет послевоенной «неопределенности» странам-членам будет позволено изменять начальные обменные ставки на 10 процентов без одобрения *Фонда* или сверх того с согласия большинства его членов. В дальнейшем изменения ставок допускались лишь с целью «восстановить фундаментально нарушенное равновесие» и с одобрения трех четвертей стран-членов.

Клиринговый союз также предусматривал установление твердых обменных ставок, но для англичан имело значение то, что схема монетарного характера предлагалась Уайтом, а не Кейнсом. По *Плану Кейнса* на Соединенные Штаты возлагалась, в теории, обязанность принять до 23 миллиардов долларов бумажными деньгами других стран; в *Плане Уайта* цифра была значительно меньше — 3 миллиарда долларов. Британцы, таким образом, все больше напирали на право страны свободно выбирать между девальвацией своей валюты и отказом открывать рынок для товаров, поступающих из стран с положительным платежным балансом.

В инструкциях своей команде переговорщиков британской кабинет настаивал на сохранении национального суверенитета в отношении обменных ставок, допуская возможность «объективной проверки» ее изменений. Мид в своей схеме устройства *Торгового союза* говорил о «каком-нибудь непредвзятом статистическом основании», при котором допускались бы количественные ограничения импор-

та[27]. Кейнс утверждал, что единственным подходящим критерием может быть более быстрый рост издержек производства в одной стране по сравнению с другой. Мид считал, что «так дело не пойдет», и разработал собственную методику выведения «объективного контрольного показателя» на основе выявления тенденций в изменениях платежного баланса страны и ее валютных резервах*.

Кейнс оставался при своем мнении. Но Миду он поручил составить поддержанную им потом записку, которая появилась под названием '*Проблема обеспечения достаточной эластичности для изменения обменных ставок*'[28]; она проложила извилистую тропу к согласованию американского требования о введении твердых ставок с британской установкой на гибкость. Изменения ставок допускались только ради восстановления «фундаментально нарушенного равновесия». На 10-процентное изменение ставки одобрение в течение десяти лет будет даваться автоматически. Большие изменения потребуют особого одобрения *Фонда*. Решая вопрос о таком одобрении, *Фонд* должен будет принимать во внимание изменения в относительных издержках производства и в платежном балансе (объединение «контрольных показателей» Кейнса и Мида), но не социальные или политические обстоятельства, которые привели к нарушению равновесия. Если *Фонд* в одобрении отказывал, страна-член могла из него выйти.

Уайт скептически относился к самой возможности объективной проверки. «Не лучше ли положиться на усмотрение *Фонда* в вопросе, столь сильно заряженном политикой?» Возражая против процедуры, предусматриваемой американскими предложениями, Кейнс сказал, что обсуж-

* Контрольный показатель Мида выглядел так: «Стране будет разрешено в любой год обесценить свою валюту на x процентов, если в предыдущем году сокращение ее чистых запасов международной валюты, золота и других краткосрочных активов, представленных в валютах стран — членов Денежного союза (за вычетом соответствующих краткосрочных обязательств), оказалось на y процентов больше ее суммарного торгового оборота». В несколько измененном виде это должно было также служить основанием для количественных ограничений импорта.

дение изменений обменных ставок в «смешанной компании» породит спекуляцию; девальвация должна быть неожиданным актом, совершаемым в определенный день, назначенный на совещании за закрытыми дверями. Уайт полагал, что вынужденного, в силу чрезвычайных обстоятельств, одностороннего изменения ставки не понадобится при наличии непрерывного контакта между министерствами финансов трех-четырех главных стран и что спекуляцию можно предотвратить посредством валютного контроля.

Позиция Кейнса на переговорах была подорвана отказом британского Казначейства поддержать его предложения. Оно не хотело, как того требовало бы соглашение, поступаться «правом защищать уровень занятости мерами валютного регулирования» и высказывалось за то, чтобы формула Кейнса — Мида уступила место расплывчатому обещанию консультироваться по поводу намечаемых изменений обменных ставок. Кейнс телеграфировал в Лондон, что «было бы очень крутым поворотом предлагать, чтобы каждая страна могла свободно и без всяких ограничений менять ставки валютного обмена — всего лишь после консультаций. Мы все здесь полагаем, что [наши] предложения обеспечивают достаточную эластичность и независимость. У нас вызвала бы сожаление необходимость такого полного отказа от идеи установления некоторых четких правил, позволяющих сохранять валютную стабильность». В Лондоне Долтон представлял себе дело так: «пока кошки далеко, мыши под водительством оставшегося огрызка Казначейства и проклятого Английского банка» не упускают свой шанс сорвать соглашение с Соединенными Штатами. Он убедил Военный кабинет смягчить требования инструкций[29].

На совместном заседании 4 октября дискуссия обратилась к вопросу о том, должно ли правило «предварительной консультации с *Фондом* при намерении изменить ставку валютного обмена заменить собой обязанность получить на это одобрение *Фонда*». Американцы пошли навстречу предложению Кейнса установить, что внутренняя политика страны не может быть основанием для отказа ей в девальвации. Но стороны все еще расходились в представлениях о

том, в какой мере странам будет позволено действовать по собственному усмотрению.

Британцы добились также уступок в вопросе о «дефицитной валюте». Проект Уайта в версии от 10 июля предусматривал только, что *Фонд* будет «нормировать» дефицитные валюты, но не уточнял, каким образом он будет это делать. Кириакос Варварессос, управляющий Центрального банка Греции, указал на отсутствие у *Фонда* прав применять дисциплинарные меры к странам, постоянно пребывающим в положении кредиторов. На встрече 28 сентября Кейнс поднял эту тему: если в условиях, когда валюта некой страны объявляется дефицитной, от других стран ожидается сохранение по отношению к ней прежнего обменного курса их валют, им должно быть позволено ограничить свои платежи в этой признанно дефицитной валюте. 4 октября группа Соединенных Штатов приняла это, но выразила надежду, что такое правило позволит контролировать импорт, а не валютный обмен[30]. Мид, который одновременно был занят и на торговых переговорах, не мог поверить, что «Хоукинс и другие люди в государственном департаменте понимают, что именно предлагают представители их министерства финансов»[31]. Кейнс доложил канцлеру Казначейства, что измененный пункт о дефицитной валюте «ставит страну-кредитора на место столь жестко, что, по нашему общему мнению, страна-кредитор просто не может себе позволить оказаться в таком положении»[32].

В стремлении Кейнса облечь *Стабилизационный фонд* в одежды *Клирингового союза* главную роль играло его предложение о монетизации *униты*. Решающе важное структурное различие между *Клиринговым банком* и институтами *Стабилизационного фонда* состояло в том, что по проекту Кейнса центральным банкам стран-членов надлежало вести свои счета в *Клиринговом банке*, тогда как по проекту Уайта, наоборот, *Фонду* предстояло вести счета в центральных банках стран-членов. Страны-члены будут зачислять свои квотные взносы на открытые *Фондом* в их центральных банках счета, с которых *Фонд* сможет производить платежи любому другому центральному банку во всех случаях, когда с валю-

той данной страны «нельзя будет совершать операции на иностранных валютных рынках [по ставкам обмена], установленным *Фондом*». На взгляд Кейнса, это имело тот важнейший изъян, что не обеспечивало многостороннего клиринга, поскольку *Фонд* по своему усмотрению мог отказываться от покупки (например) стерлингов на имеющиеся у него франки, даже при отсутствии общего избыточного предложения стерлингов. Предполагавшаяся сверхактивность *Фонда* была также анафемой для Английского банка, опасавшегося возможности произвольно использовать ее для подрыва стерлинговой зоны. Банк поручил Томпсону-Маккослэнду «ни при каких обстоятельствах» не допускать, чтобы «*Фонду* разрешалось покупать или продавать валюту или золото»[33].

Рассчитанное на преодоление этого недостатка предложение Кейнса сделать *униты* резервной валютой *Стабилизационного фонда* было направлено Уайту 21 сентября. Оно предполагало *стерилизацию* квотных взносов: *Фонд* не мог бы передавать их другим странам-членам. Под свои депозиты банки стран-членов получали бы «кредиты» в *унитах*, которыми они могли бы торговать друг с другом. Тем самым достигались бы две главные цели. Было бы обеспечено превращение *внутрифондовых* расчетов в многосторонние: «Монетизированные *униты* представляли бы обобщенное требование... к миру в целом, а не к определенной валюте. Достигалась бы также дорогая Британии цель сделать деятельность *Фонда* «пассивной»»[34].

24 сентября в «блестящей речи» на заседании объединенной монетарной группы Кейнс «привел доводы в пользу превращения *унит* в реально обращающиеся деньги». Резкое неприятие этой идеи Бернстайном пробивается даже сквозь мягкий язык протокола: Соединенным Штатам, сказал он, потребуется гарантия, что «новая 'хитроумная' валюта не станет формой предъявления претензий на часть производимого ими богатства и что экономическая мощь, представленная золотыми запасами Соединенных Штатов, не будет сколько-нибудь существенно уменьшена». Ближе к делу была подчеркнутая им мысль, что «никакое волшебст-

во не способно скрыть того факта, что *Фонд* может располагать большими запасами той или иной валюты либо испытывать в ней недостаток, даже если выразить ее в *унитах*».

Встреча 28 сентября была в значительной степени дуэтом Уайта и Кейнса. Уайт отклонил предложение Кейнса, потому что оно позволило бы каждой стране предъявлять требования на доллары, открывая путь к тому, что США могут оказаться обязанными снабжать *Фонд* долларами в количестве, равном суммарным правам заимствования всех других стран-членов. «Это значило бы, — полагал он, — протащить черным ходом принцип *Клирингового союза*». Уайт, однако, пошел на существенные уступки британской позиции. Счета *Фонда* должны быть взаимно конвертируемыми, и операции с валютами должны допускаться только «на инициативе страны-члена». Большинство делегатов в британской монетарной группе находило эти уступки достаточными, но только не Кейнс, который продолжал борьбу за свое любимое детище. Мид ужасался. Было бы «преступной дурью» ломаться по этому поводу. Если Кейнс будет упорствовать, «нам следует поднять восстание». Мид пришел в ярость, когда услышал, что монетизацию *унит* настоятельно предписывает из Лондона Английский банк: «Все прочие предметы этих переговоров — наш Торговый союз, предложения по товарным соглашениям, инвестиции, полная занятость, картели — все это зависит от успешного исхода переговоров по монетарным вопросам; на монетарных переговорах мы, похоже, добиваемся своего по каждому существенному пункту — и вот, оказывается, Английский банк делает соглашение невозможным из-за какой-то мелочи, гроша ломаного не стоящей. Кто правит Англией?»[35]

Кейнс гораздо яснее, чем Мид, сознавал мощь Английского банка, достаточную, чтобы провалить проект международного валютного соглашения, стоит только ему присоединится к противникам этого проекта в правительстве. Так что Кейнс британскую позицию зарезервировал. Как ни странно, именно настаивая на многостороннем клиринге, англичане подвели Соединенные Штаты к тому, что условием получения помощи *Фонда* те поставили обратимость ва-

люты, числящейся на текущих счетах, что, в свою очередь, побудило британцев принять концепцию неопределенно долгого переходного периода.

Во все время переговоров Уайтхолл колебался, не зная, следует ли поддерживать старания Кейнса превратить *Фонд* в подобие *Клирингового союза* или держать курс на сохранение свободы Британии, исходя из предположения, что такого превращения не произойдет. Одним особенно злосчастным следствием этой неопределенности относительно собственной цели стало удаление из проекта Уайта раздела о финансировании «ненормальных» прорывов в балансах военного времени. Идея состояла в том, что *Фонд* будет постепенно выкупать у Англии временно «блокированные» стерлинговые счета, а Англия возместит *Фонду* 40 процентов их стоимости в течение двадцати лет. Скованный полученными им инструкциями, Кейнс сказал Уайту, что Англия очень хочет отложить всякое серьезное обсуждение «ненормальных» (стерлинговых) авуаров. Это важное решение привело к тому, что в течение тридцати лет стерлинговые долги оставались не покрытыми никакими финансовыми средствами и разрыв между валютными резервами и долговыми обязательствами в послевоенное время сделал стерлинг жертвой ряда кризисов.

К началу октября технические специалисты продвинулись настолько далеко, насколько могли, а атмосфера не улучшалась. Британская стратегия, тщательно рассчитанная на уменьшение разногласий, явно исчерпала себя ко времени следующей дневниковой записи Мида — от 4 октября:

> Что за совершеннейший бедлам эти дискуссии! Кейнс и Уайт сидят рядом друг с другом, у каждого сбоку длинный ряд сторонников. Без какой бы то ни было повестки дня либо так или иначе подготовленной идеи для обсуждения они нападают друг на друга в скрипучем дуэте разногласий, который после бурного обмена взаимными оскорблениями завершается бестолковым решением отложить заседание... Сегодня мы сначала обсуждали проблему надзора над использованием средств, по которой можно найти какой-то компромисс. По ходу дела стало предельно ясно, что, по мнению Уайта, для стран, испытыва-

ющих дефицит валюты, должны устанавливаться дискриминационные валютные курсы или ограничения на импорт, и это вместо освобождения валютных курсов... После этого мы взялись обсуждать гибкость обменных ставок. Американцы настаивают на большой стабильности, а мы противопоставляем им требование почти односторонней свободы обесценивать свою валюту. Все, кажется, забыли о возможности объективной проверки... которая, по логике вещей, позволила бы американцам сказать *своей* общественности, что исключается ненужное обесценение валюты, проводимое лишь из соображений конкуренции, а нам — сказать *нашей* публике, что мы не можем избежать обесценения, если и когда оно станет действительно необходимым[36].

Когда перешли к обсуждению процедуры, последовало множество новых взрывов. Сам Моргентау 14 сентября, на завтраке, который он дал в честь Кейнса, официально включил представленный Уайтом проект *Банка восстановления и развития* в повестку дня конференции[37]. 30 сентября, на заключительном пленарном заседании Конференции, на котором Кейнс отсутствовал, Уайт внезапно объявил, что его проект — за вычетом пункта о *Стабилизационной товарной корпорации* — получил одобрение президента, его намерены представить конгрессу и опубликовать без какой-либо консультации с британцами и, видимо, с государственным департаментом. На следующий день Кейнс зазвал к себе Уайта и высказал ему «искренне и без прикрас», что англичане о нем думают. Эта выволочка, по словам Кейнса, полностью вернула Уайту хорошее настроение, и он пообещал отложить публикацию. Сам документ представлялся Кейнсу «чрезвычайно странным». Его подоплеку составляли какие-то «истинные мотивы», но «настолько плотно обернутые и замаскированные», что он напоминал творение «почти сумасшедшего»[38]. Приведенный в отчаяние, Мид записал в своем дневнике: «Теперь Кейнс называет инвестиционный план Уайта творением полоумного. Поистине, этот человек — бедствие для международных переговоров»[39].

Проявления дурного нрава Кейнса тем не исчерпывались. На встрече совместной монетарной группы 6 октября

стороны согласились подготовить директиву, обязывающую редакционный комитет сформулировать принципы, которые эксперты хотели бы предложить своим правительствам принять и тем самым сделать первый шаг на пути к международной монетарной конференции. На заключительном заседании, созванном в субботу 9 октября, чтобы рассмотреть проекты директивы, подготовленные отдельно британской и американской командами, произошел взрыв:

> Кейнс [написал не присутствовавший там Мид] бушевал и восклицал (когда Бернстайн вместо короткой записки... представил очередной типично бернстайновский документ): «Это невыносимо. Это же новый Талмуд. Лучше нам просто прервать переговоры». Гарри Уайт ответил: «Мы попробуем представить что-нибудь такое, что Ваше Высочество способно будет понять». Переговоры действительно были прерваны, по-видимому, на время обеда. Потом американцы представили более разумный проект... Его начали обсуждать в 4.30, и все кончилось взаимной любовью, поцелуями и поздравлениями друг друга. Но это сигнал, предупреждающий о бедах, которые ждут нас в будущем, если эти переговоры не удастся так или иначе изъять из рук двух таких примадонн, как Уайт и Кейнс.

Кейнс полагал, что его «вспышка» позволила добиться «прорыва». Бернстайн пытался вырвать у англичан согласие на такое толкование *Стабилизационного фонда*, которое «талмудист дал ему много месяцев назад и, насколько мог, упорно противился его изменению хоть на йоту». Другие члены нашей группы «полагали, что я тут перегибаю палку, но когда мы покинули заседание, по телефону поступило сообщение... что документ отозван... Это, на мой взгляд, пример, лишний раз показывающий, как важно в этой стране проявлять твердость»[40].

Гарри Уайт точно выразил суть достигнутого в Вашингтоне: «Отчасти это компромисс, но он ближе к американскому проекту»[41]. Стороны сумели согласовать «проект англо-американского заявления о принципах», призывающего учредить «международный стабилизационный фонд». Соединенным Штатам была выделена квота, «не превы-

шающая 3 миллиардов долларов», Англии — около 1,3 миллиарда. Существенной особенностью англо-американского компромисса было то, что в обмен на свое согласие с выдвинутым США принципом ограниченной ответственности Англия добилась небольшого увеличения ресурсов *Фонда*, более широкого права на девальвацию независимо от «внутренних социальных или политических обстоятельств, которые могут вынудить обращение к этой мере», обещания пассивности в отношении операций с валютами и права «временно ограничивать свободу обмена валюты», которую *Фонд* объявит «дефицитной». Сохранившиеся разногласия каждая из сторон выразила в отдельном заявлении. Обе стороны продолжили споры о доле золота в подписных взносах, об условиях заимствования, о допустимых пределах снижения обменных курсов, о гарантиях погашения займов и о возможной степени участия *Фонда* в финансировании сделок с капиталом. В целом Британия резервировала свою позицию в отношении *Стабилизационного фонда*, не опирающегося на *униты*, и Кейнс — или, точнее, Томпсон-Маккослэнд — представил свою, ориентированную на *униты*, версию Совместного заявления[42]. Не было дано никакого ясного подтверждения необходимости переходного периода, который должен предшествовать началу деятельности *Фонда*. Одним бесспорным, но вскоре утраченным завоеванием был перевод '*Принципов*' с «ирокезского» языка на английский.

Типичным для американского способа вести дела Кейнс считал то, что Уайт отказался подписывать согласованный документ, который появился поэтому только с подписью Кейнса. «За время войны, — с некоторым раздражением писал он позднее канцлеру, — я провел в общей сложности пять месяцев в тесном общении с министерством финансов Соединенных Штатов, и не было ни единого случая, когда бы они письменно ответили на какое-либо мое послание или подтвердили в письменной форме хоть что-нибудь из сказанного ранее в устной беседе».

Кейнс не переставал удивляться тому, как делаются в Америке государственные дела. Он всегда склонен был ду-

мать, что администрация заботится о предотвращении мнимых опасностей; или, если эти опасности оказываются реальными, то лишь потому, что о них не умеют толком рассказать. Моргентау в течение десяти лет своего пребывания в министерстве финансов США пытался успокаивать «несуществующее общественное мнение». После того как Моргентау познакомил конгресс с проектами экспертов, он задумчиво рассуждал: «Беда, конечно, в том, что эти планы представлены конгрессу почти самым непривлекательным образом людьми с почти самой непривлекательной внешностью и самыми непривлекательными голосами, какие только может вынести человеческая природа». (В замешательство сенаторов многое добавил тот факт, что «Гарри решил называть свой Банк фондом, а *Фонд* — банком».) Кейнс сожалел об отсутствии «искусства управления в том смысле, в каком мы его понимаем. Может быть, в дело идет какое-нибудь другое искусство, которое нам трудно понять»[43]. Он никогда не мог до конца смириться с тем, что способ публичного представления своей позиции, столь важный в условиях парламентского режима, в американской системе значит так мало; похоже, тут больше была в ходу черная магия зубодробительных ударов, выкручивания рук и неисполнения договоренностей.

О работе британской делегации Кейнс, как было у него в обычае, рассказывал в приподнятых тонах. «У нас была очень удачная компания, все были согласны друг с другом». Иначе это выглядит в дневнике Мида. Кейнс-де начал очень хорошо, был красноречив, говорил четко, остроумно и вдохновенно, но чем дальше шли переговоры и чем больше он уставал, становился все более раздражительным. Постепенно Мида стало выводить из себя то, как на семинарах по деньгам Кейнс своими «дурными манерами» ставил под угрозу достижения Мида в переговорах с американцами по вопросам торговли. Кейнс, как справедливо полагает Мид, не испытывал никакого энтузиазма в отношении свободы торговли. Он говорил о необходимости разбить «цепи и кандалы», приковывающие монетарную политику к торговле, то есть пускал в ход игру слов, построенную на фамилиях Лишинга

и Шэкла, которые от имени Управления торговли вели вместе с Мидом переговоры о проблемах торговли. «Как вам известно, — писал он Лишингу 8 октября, — я... неисправимый скептик в том, что касается возвращения к *laisser-faire* девятнадцатого столетия, о чем, похоже, так тоскуете вы и государственный департамент. Я полагаю, что будущее принадлежит (I) государственной торговле базовыми товарами; (II) международным картелям в важнейших отраслях обрабатывающей промышленности и (III) количественным ограничениям импорта несущественной промышленной продукции. Однако все эти... средства содействия организованной экономической жизни в будущем вы хотите объявить вне закона». Хэррод, приводя это письмо, пишет, что отчасти это было «желание подразнить»[44]. Но тут было нечто большее. Во-первых, Кейнс был определенно настроен добиваться приемлемого для британского правительства монетарного соглашения; отсюда его твердое намерение не допустить, чтобы «цепи и кандалы» стали оковами для имперских преференций, за которые неумолимо держался кабинет. Во-вторых, в той мере, в какой *Стабилизационный фонд* Уайта не дотягивал до его собственного гораздо более грандиозного *Клирингового союза* — притом не предлагая Англии никакой компенсации в проекте Банка восстановления и развития, — Кейнс становился все большим защитником национального суверенитета и все более чувствовал себя вправе прибегать к тому, что Робертсон называл «запрещенными приемами». В-третьих, он сомневался, чтобы в Америке, за пределами государственного департамента, «хэллизм» пользовался горячей поддержкой. В этом отношении на него сильно повлияли ожесточенные споры, которые разворачивались тем летом в Вашингтоне между британскими и американскими должностными лицами по вопросам управления ленд-лизом и в которых выявлялись послевоенные планы США.

К этому времени Кейнса охватила тревога, что по окончании войны у Англии не останется средств для самостоятельной жизни. В конце 1942 г. ограничение золотых и долларовых запасов Британии 600 миллионами долларов стало

официальной политикой США. Вместе с ограничениями ее экспорта, на которые Англия согласилась в сентябре 1941 г. в обмен на ленд-лиз, это означало, что в мирное время Британия вступит с огромным дефицитом платежного баланса и валютными резервами, совершенно недостаточными для погашения ее быстро растущих долгов странам стерлинговой зоны. Настойчивые попытки Кейнса замедлить рост стерлинговых авуаров Индии разбивались о сопротивление Управления по делам Индии, глава которого, Леопольд Эмери, называл их «опасным безумием». Без каких-либо мер, облегчающих положение, у Британии не скоро появилась бы возможность выполнить обязательство о конвертируемости своей валюты или отменить систему имперских преференций и введенные во время войны ограничения импорта. В государственном департаменте Дин Ачесон ясно понимал, что проводимая в условиях войны политика ограничения экспорта и валютных резервов Британии противоречит смыслу задач, поставленных в статье VII. Поэтому он упорно выступал за политику, которая позволяла бы Англии накапливать валютные резервы. Он, однако, потерпел поражение в споре с объединенными силами Гарри Декстера Уайта из министерства финансов США и Лео Кроули, который в июле 1943 г. был назначен главой Внешнеэкономического управления (пришедшего на смену Бюро администрации по ленд-лизу). Кроули, антибритански настроенный американец ирландского происхождения, был близок к выразителям интересов деловых кругов в конгрессе. Но истинным творцом политики использования ленд-лиза для ограничения роста валютных резервов Британии был Гарри Уайт. Кейнсу довелось лишь с обочины переговоров о ленд-лизе наблюдать за происходившими на них битвами, но насчет своей позиции он не оставил у американцев никакого сомнения. На завтраке, который 24 сентября 1943 г. он устроил в *Стэтлере* для должностных лиц Внешнеэкономического управления, Кейнс заявил о намерении Британии развернуть «фронтальное наступление на существующую политику ограничения [валютных резервов]». Никакого действия его высказывания не произвели. На встрече в министерстве США 29 сен-

тября Уайт сказал, что «пришло время решительно следовать линии на сокращение невоенных поставок по ленд-лизу».

Несмотря на все эти подводные течения, атмосферу, сложившуюся в Вашингтоне после Перл-Харбора, Кейнс нашел более благоприятной, чем та, что была в его прошлый визит в 1941 г. Он не смотрел на людей глазами писателя-романиста и свои суждения о них выносил скорее в псевдонаучном ключе (например, по форме или состоянию их рук), чем основываясь на внимательном наблюдении. Однако с учетом этих оговорок он набросал несколько пронзительных портретов действующих лиц на вашингтонской сцене. Адольф Берль был для него «странным, привлекательным, непривлекательным созданием в разладе с самим собой и целым миром». Отчетливое ощущение принадлежности как Уайта, так и Бернстайна к еврейству не мешало Кейнсу видеть различия между ними. Он проницательно считал Бернстайна «обыкновенным маленьким раввином, читающим Талмуд политически высокомудрому Гарри». Из их ссор и накапливавшихся договоренностей с Уайтом постепенно выросло настороженное восхищение друг другом:

> С Гарри Уайтом, как легко догадаться, мы провели вместе массу времени. Какое бы недовольство он у нас ни вызывал, это всего лишь бледная копия переживаемого его коллегами. Он властный, плохо умеющий сотрудничать, всегда старается вас уязвить, резануть грубым голосом, эстетически угнетает и способом мышления, и манерой поведения; у него нет ни малейшего представления о том, как надо себя вести и что такое правила цивилизованного общения. В то же время я испытываю к нему величайшее уважение, и он мне даже нравится. Очень способный и преданный государственный служащий, несет огромное бремя ответственности, не уклоняется от проявления инициативы, очень честный и ясно видящий перед собой идеалистическую цель международного устройства, искренне стремящийся не жалеть сил на благо всего мира. Более того, его всеподавляющая воля в сочетании с тем, что у него имеются конструктивные идеи, означает, что свои замыслы он воплощает в жизнь, что дано здесь немногим. Чтобы найти к нему ключ, надо выказывать уважение к преследуемой им цели, пробуждать у него интеллектуальный интерес (очень об-

легчает общение именно то, что легко по-настоящему заинтересовать его достоинствами того или иного решения) и отчитывать его очень откровенно и твердо, без всяких ухищрений, когда он выходит за рамки уместной аргументации или приличествующего обстоятельствам поведения[45].

Несколько позже Гарри Уайт говорил Рузвельту, что Кейнс «чрезвычайно способный и жесткий переговорщик, обладающий, конечно, полным пониманием стоящих перед нами проблем, но, когда не ведет переговоров и не утрясает пункт за пунктом разногласия... он настроен вполне дружественно»[46].

Перед отъездом из Вашингтона Кейнс написал родителям: «Мы все здесь действительно стараемся лепить хорошие экономические кирпичи для строительства послевоенного мира, какие бы ни возникали отчаянно трудные политические проблемы».

Мейнард и Лидия провели несколько дней в Нью-Йорке; он в беседах «с упрямыми банкирами, на которых обрушил все свое искусство убеждать», и в заботах по устройству для *СЕМА* выставки американской живописи; она — в общении с друзьями по прежней балетной жизни (в частности, с Леонидом Мясиным). Она была в Америке, когда в Ленинграде, все еще зажатом в кольце немецкой блокады, умерла ее мать. Они еще вернулись в Вашингтон, чтобы продолжить дискуссии о ленд-лизе, и оттуда 28 октября прилетели в Лондон.

Рождество в Тилтоне отмечалось в ставшем теперь обычным порядке. Была устроена охота. За рождественским столом расселись тридцать пять человек, для которых «Рома» приготовила шесть пирогов с крольчатиной. Для «чарлстонцев» — Ванессы Белл и Дункана Гранта — Кейнс изложил на бумаге свои прогнозы на 1944 г. Европейская война, считал он, закончится между августом и октябрем после сокрушительного наступления союзников на обоих фронтах. Этот срок «устраивает президента Рузвельта, и он не упускает этого из виду». Последние стадии японской войны «могут быть продолжительнее или короче, но останутся такими

же тяжелыми, как сейчас». С капитуляцией Германии «возникнут новые изнурительные неприятности. Из-за отсутствия у кого-либо хороших решений трудно будет противиться плохим». На сей раз это был не только сверхоптимизм, обычный для Мейнарда. Мало кто сомневался, что в 1944 г. Германия будет разбита. Безотлагательно требовалось обеспечить экономическое выживание Британии в мире, где уже не будет ленд-лиза.

3. Оставалось уговорить Уайтхолл

Теперь для завершения работы над Вашингтонским соглашением оставалось проделать две вещи. Сами эксперты должны были уладить сохранявшиеся между ними разногласия, и двум правительствам предстояло одобрить плод их трудов. Первое сделать было легче, чем второе; а второго в Вашингтоне добиться легче, чем в Лондоне. Получив от Англии — и остальных союзников — большую часть того, что хотел, Уайт из гонимого превратился теперь в преследователя. Его поддерживал Моргентау, а Моргентау имел поддержку президента. Политика Вашингтона требовала быстроты действий, и всякие промедления были нежелательны. В ноябре 1944 г. предстояли президентские выборы. Международный договор, учреждающий *Фонд* и Банк, подписанный, скрепленный печатями и обнародованный, а если бы еще и одобренный конгрессом, мог стать частью кампании переизбрания Рузвельта, позволив ему клеймить республиканцев как изоляционистов.

Уайт начал действовать первым; 19 ноября он отправил Кейнсу письмо с пересмотренным проектом заявления о принципах. Для ответа Кейнсу понадобился месяц. Он работал над текстом, стараясь устранить остававшиеся разногласия. Несущественные вопросы были быстро решены в переписке между Кейнсом и Уайтом и в беседах Уайта с Оупи в Вашингтоне. Кейнс принял американскую формулу в отношении взносов золотом и не стал настаивать на своем требовании стерилизации золота. По его предложе-

нию *Международный стабилизационный фонд* стал теперь называться *Международным валютным фондом*[47]. 17 декабря Кейнс вставил в текст проекта новый раздел о переходных мерах, дающих странам право сохранять после войны валютный контроль в течение неопределенно долгого периода.

Моргентау и Уайт не могли понять, почему англичане тянут с согласием на публикацию доклада экспертов, поскольку, по их мнению, он ни к чему не обязывал британское правительство. Они не сумели должным образом осознать, что в Англии правительственная *Белая книга* есть нечто большее, чем приглашение к разговору с парламентом. Британское правительство далеко не было готово принимать на себя какие-либо обязательства по ряду пунктов, обсуждавшихся экспертами в Вашингтоне. Кейнс отметил, что были люди, которые, обманувшись в надежде, что «эти планы умрут естественной смертью», не видели теперь никакой надобности «полуофициально сохранять в живых вообще какой бы то ни было проект создания международной валюты».

За жизнь *Совместного заявления* Кейнсу пришлось бороться внутри самого Казначейства. 21 сентября внезапно скончался канцлер, сэр Кингсли Вуд, и на смену ему пришел сэр Джон Андерсон. В кабинете у Андерсона было больше веса, чем у Вуда. Но Кейнс едва его знал, и Андерсон сразу попал под влияния других, в частности сэра Уилфрида Иди. К управлению заграничными финансами Иди пришел летом 1943 г. Пока Кейнс был за границей, Иди объединился с Гендерсоном и Английским банком в попытках блокировать монетарные усилия. Долтон, наделенный острым политическим нюхом, чуял «мощную интригу с целью уменьшить влияние [Кейнса]»[48].

Альянс одного из подразделений Казначейства с Английским банком дал шанс имевшимся в кабинете противникам статьи VII. В начале 1944 г. «Хадсон, Эмери и Бивербрук при широкой поддержке лейбористов засыпали кабинет и Черчилля записками с возражениями против вступления Британии в торговые переговоры с государст-

венным департаментом, как то было предусмотрено договоренностями миссии Ло в сентябре и октябре 1943 г.»[49]. Видную роль в этой кампании играл лорд Бивербрук, фаворит ближнего круга Черчилля, ставший к этому времени лордом-хранителем печати, по рождению канадец, который давно выступал за имперский экономический союз, видя в нем противовес американской мощи. Один канадский обозреватель писал о «невероятной многоцветной арлекинаде» с участием «старомодных строителей империи и старомодных сторонников протекционизма, социалистов-доктринеров, принципиально державшихся за планирование и принципиально выступавших против золота, и международных банкиров, и, наконец, новомодных экономистов (многие из них в оксфордском Институте статистики), которые по теоретическим соображениям одобряли двусторонность»[50]. Черчилль разыгравшуюся битву не останавливал. Как и Бевин, он отвергал любые намеки на золотой стандарт, но инстинктивно тяготел к свободе торговли. Однако по экономическим вопросам он теперь выступал по подсказке памяти. Обращаясь в апреле 1943 к собранию верных сторонников своей партии, он провозглашал звенящим голосом: «Все это — к удорожанию продуктов питания; на этом мы вас били прежде, побьем и еще раз», — забыл, стало быть, что теперь он лидер Консервативной партии, а не либеральный приверженец свободы образца 1906 г.[51].

Получив от Ло отчет о переговорах в Вашингтоне, Военный кабинет попросил его 21 декабря подготовить доклад с выделением вопросов, по которым министрам предстояло принять решения. Эти вопросы касались всей тематики статьи VII. Кейнс и другие сотрудники Казначейства и Экономического отдела составили проект монетарного раздела доклада Ло и попытались заготовить ответы на поставленные министрами вопросы. Наиболее враждебно были настроены Бевин, Лео Эмери и Роберт Хадсон, министр сельского хозяйства. В монетарном разделе доклада Ло содержалось два предложения на выбор — первое, подготовленное Кейнсом, сводилось к тому, чтобы одобрить *Совместное заявление*, второе, исходившее от Гендерсона, к тому, чтобы его отверг-

нуть. Кейнс снова выстраивал свою аргументацию. *Многосторонний клиринг* сулит-де Британии огромную выгоду, ибо «лучшие для нас источники снабжения — не всегда суть наши лучшие рынки». *Вашингтонский План* позволяет, мол, странам возобновить многосторонний клиринг, исправляя недостатки в распределении золота; этот *План,* скорее всего, даст возможность «удвоить наши ресурсы, чтобы справляться с непредвиденными обстоятельствами...».

Кейнс доказывал, что компромисс по ставкам валютного обмена сочетает в себе «упорядоченную процедуру обмена с сохранением в конечном счете достаточной свободы действий отдельных стран-членов». Хотя монетизация *униты* с технической точки зрения была бы намного предпочтительней, она, как указывали, обосновывая свои возражения, американцы, не прошла бы через конгресс, и эксперты посчитали, что британцам следует в этом пункте американские соображения уважить. В отношении переходных мер Казначейство послало в Вашингтон предложение о дополнительной оговорке, сохраняющей за Британией полную свободу в течение переходного периода. Англия должна была откровенно заявить Соединенным Штатам, что она не сможет следовать этой схеме, если Америка не будет оказывать Британии помощь по завершении ленд-лиза. В конечном счете выгоду надо искать не в том, чтобы откладывать договоренность, а в ее скорейшем достижении, потому что даже в промежуточный период, когда согласованные положения еще не будут действовать, «авторитетный орган международных дискуссий и консультаций может играть особо важную роль в поисках выхода из переходного состояния, и мы при этом окажемся равными партнерами с американцами и не будем томиться в ожидании, сидя на коврике у дверей министерства финансов США»[52].

Доклад Ло обсуждался в Военном кабинете 9 февраля 1944 г. в присутствии самого Ло, который оказывал твердую поддержку компромиссу по монетарным вопросам. Решение о том, как действовать, было необходимо, поскольку представители доминионов уже прибывали в Лондон за информацией об итогах вашингтонских переговоров. Боль-

шинство высказалось в пользу монетарных предложений, невзирая на «смехотворную записку» Бивербрука, заявлявшего, что их принятие означало бы введение нового золотого стандарта, но кабинет не знал, что делать с другими частями *Великого проекта*. Поэтому он решил для дальнейшего рассмотрения доклада учредить Комиссию по внешнеэкономической политике в составе канцлера, Оливера Литтлтона, Бивербрука, Долтона, Ло и Черуэлла.

Руководить этим и последующими обсуждениями в кабинете Черчилль отказался. Он жаловался, что не понимает сложных экономических проблем и в любом случае слишком занят, чтобы изучать документы. Ничто, кроме победы в войне, его не занимало. Вполне естественно, что его мысли были привязаны к дню «Х» — назначенной дате высадки в Нормандии. Однако в условиях, когда военная победа была уже более или менее обеспечена, смысла в такой отрешенности от послевоенных проблем становилось все меньше и меньше. И она не могла не внести свой вклад в тяжелейшее поражение консерваторов на выборах 1945 г.

Созданная кабинетом комиссия провела между 14 и 17 февраля шесть заседаний, Кейнс присутствовал на том, что состоялось 15-го. Получив от Черуэлла информацию о том, как продвигается дело, он 17 февраля сообщил Уэйли в Казначействе, что там «царит полный бедлам, который только рука Гоппи удерживает в рамках какого-то порядка. Министры без конца заседают, сводя друг друга с ума своими бреднями, причем главный тому виновник — Бобер [Бивербрук] с его подходом к делу, который иначе, как преступным, не назовешь. Кое-какое продвижение все равно имеет место, и не всегда в неверном направлении...»[53].

Английский банк решил дать проекту экспертов последний бой. По его мнению, публичное согласие с принципами *Фонда* означало бы «наше открытое признание, что мы движемся к системе, в которой стерлинг будет использоваться меньше. Это может лишь затруднить принимаемые нами переходные меры, в осуществлении которых

мы в значительной степени зависим от стерлинговых кредитов».

Сам будучи директором Английского банка, Кейнс безжалостно разгромил его позицию в письме канцлеру от 23 февраля:

> Банк не признает никаких реальностей. Они не считаются с тем фактом, что наша послевоенная внутренняя политика невозможна без продолжения американской помощи. Они не считаются с тем фактом, что американцы достаточно сильны, чтобы поощрить многих или большинство наших друзей, которые пожелают предать нас, если мы покажем, что намереваемся вести дела самостоятельно. Они не считаются с тем фактом, что большие долги и скудные резервы сами по себе не являются лучшими опорами для возобновления международной банковской деятельности старого образца.

Он обвинял Банк в том, что тот хочет толкнуть страну на дорогу, которая привела ее к беде в 1931 г., — обвинял в «безоглядной азартной игре», когда «набираются банковские обязательства в таких масштабах, что если возникнет необходимость по ним рассчитываться, никаких наших средств для этого не хватит, и в политике... не обращающей ни малейшего внимания на неумолимо возникающие потребности нашей внутренней политической жизни»[54]. Нападки Кейнса на Банк со временем отозвались определенными последствиями. «Чистое безумие полагать, будто империя может создать пещеру, в которой мы будем мыть друг друга и не обращать внимания на остальной мир!.. Страны, которым мы продаем, — это не всегда страны, у которых мы покупаем, и если мы начнем разворачивать одностороннюю торговлю, мы скатимся назад к *бартеру, выживанию сильнейшего и учащению войн*». Слова эти были сказаны Кэттоу, но мысль принадлежала Кейнсу[55].

18 февраля Комиссия рекомендовала, чтобы валютный проект обсуждался с экспертами доминионов «с учетом, что, хотя мы и не предполагаем брать на себя какие-либо обязательства, мы все же надеемся, что в соответствующее время мы сочтем, что в наших интересах под-

ключиться к этим схемам...». Спустя шесть дней на заседании кабинета Андерсон «напористо и с предельной ясностью» изложил доводы в пользу валютного соглашения. Опровергать их бросился Бивербрук, поддержанный Бренданом Брэкеном и «скучным, глухим, утомительным» Хадсоном. Началось столпотворение, все кричали, не слушая друг друга. «Премьер-министр намеренно... пустил дело на самотек, оправдываясь тем, что у него не было времени читать бумаги... и 'почему вообще нам надо разводить столько суеты лишь из-за того, что здесь оказалась горстка официальных лиц из доминионов; за ними можно нескольких дней поухаживать, поставить им выпивку, поводить по городу, показать воронки, оставленные взрывами бомб'». Спустя три часа «премьер-министр сказал, что совершенно ясно, что этим вечером не удалось прийти ни к какому решению, но он совсем не видит беды в том, что этот документ кабинета будет передан чиновникам при ясном понимании, что кабинет не достиг по нему никакого решения». Тем не менее в понимании Черчилля было все-таки решено, что не должно быть никакого возврата к золотому стандарту, никакой отмены или сокращения имперских преференций, иначе как в обмен на снижение тарифов другой стороной, и никаких налогов на продукты питания[56]. Это было почти пределом его (и кабинета) понимания трех тем — валютных устройств, торговой политики и буферных запасов, — которые занимали главное место в дискуссиях технических специалистов, обсуждавших послевоенные экономические проблемы в течение предыдущего года.

Политические соображения в этих спорах пересекались с экономическими проблемами только частично. Хотя иные нападали на валютный план как на проект «нового золотого стандарта», Кейнс понимал, что главной политической причиной враждебного отношения к установкам статьи VII был имевшийся в них привкус свободной торговли. В частности, запрет «дискриминации» способен был объединить империалистов, желавших укрепления торговых связей со странами империи, и социалистов, которые

хотели развивать государственную торговлю, особенно с Советским Союзом. Так что единственный способ спасти валютный план состоял в том, чтобы отделить его от других частей *Великого проекта*. Избранная им линия основывалась на том соображении, что «если воплотить в практику торговый проект трудно без подкрепления его проектом валютным, то валютный проект никоим образом не нуждается в опоре на торговые соглашения или их поддержке». Бивербрук, с другой стороны, напирал на взаимозависимость всех частей проекта, вызывавших его возражения. Его тактика состояла в том, чтобы убедить Черчилля, что *Международный валютный фонд* стоит за золотой стандарт, и таким образом дискредитировать «в сознании премьер-министра по ассоциации предложения, способные затронуть имперские преференции»[57]. «Валютный план, — писал Бивербрук Кейнсу, — ведет нас к торговому плану, который, в свою очередь, связан с товарным проектом. Это похвала проекту за его логичность, внутреннюю непротиворечивость и последовательность. Но в этом же объяснение, почему я не могу согласиться ни с одним его разделом. Меня не устраивает доктрина, положенная в его основу, потому что главную ставку она делает на многостороннюю и свободную торговлю, а в моих убеждениях нет места ни тому ни другому»[58].

Министерство финансов США все сильнее давило на англичан, добиваясь от них решающих действий. В начале апреля Гопкинс, подталкиваемый Кейнсом, убедил канцлера в необходимости сделать так, чтобы вопрос о *Фонде* мог «решаться отдельно»[59]. На сумбурном, как обычно, заседании кабинета 14 апреля Андерсон предложил, чтобы правительство издало *Совместное заявление* в редакции, исключающей какие-либо официальные обязательства с его стороны и с несколькими поправками, предусматривающими: что принципы *Фонда* не относятся к переходному периоду, что они будут вступать в силу постепенно, что потребуются дополнительные положения о задачах восстановления и что Англия не согласится вступить в договор, если не будут решены переходные проблемы ее платежного баланса. За-

тем обсуждалось, следует ли заявить о согласии с «общей целью» плана. Черчилль предложил упомянуть несколько общих, ни к чему не обязывающих целей, на что Долтон указал, что это может иметь смысл применительно к торговой, но не к валютной политике. Бивербрук «кричит и кричит, что хочет видеть опубликованным и торговый план», а Бевин ему замечает: «Вы хотите один план удушить при рождении, а с другим покончить путем аборта». Все сочли это очень забавным[60]. По сути дела, кабинет распорядился остановить всякие переговоры с Соединенными Штатами об экономическом будущем, кроме тех, что касались *Фонда*. В апреле Черчилль сказал в палате общин, что статья VII не более обязывает Англию к отказу от имперских преференций, чем она обязывает США к устранению их тарифов[61].

Какие-то загвоздки возникали вплоть до последней минуты, но дело было сделано. 22 апреля *Совместное заявление* было обнародовано одновременно в Вашингтоне, Лондоне, Москве и Чунцине. В лондонской версии основному тексту было предпослано предисловие Кейнса, поясняющего, что задачи у *Стабилизационного фонда* те же, что ставились и перед *Клиринговым союзом*; когда *Заявление* было издано, Кейнс давал к нему комментарии для финансовой прессы и членов парламента.

Он возвратился в Казначейство лишь четырьмя днями раньше, оправившись после серьезных неладов со здоровьем. В течение почти четырех лет он работал в правительстве, не зная никаких существенных проблем со здоровьем и притом находясь в таком напряжении, от которого иные его коллеги валились как кегли, — таково самое внушительное признание достоинств его конституции, предписаний Плеша и *указов* Лидии. 17 февраля он объяснял Марго Асквит, почему не сможет приехать навестить ее в Савойе:

> Хотя внешнему миру я предстаю вполне выздоровевшим и дееспособным, готовым трудиться полный рабочий день, это не совсем соответствует истинному положению.

Справляться с ошеломляющим объемом работы, которая на меня наваливается, я в состоянии лишь проводя, по существу, все время в постели, а не в рабочем кабинете и отказываясь почти от всех светских обязательств...

Зима и начало весны всегда были для него временем непогоды и плохих условий для работы, а на этот раз были еще отягощены битвами за спасение *Фонда*, и 6 марта Мейнард пережил предостерегающее «трепыхание сердца» — то самое, что предшествовало его крушению в 1937 г. Он посчитал его «главным образом результатом волнений и накопления рабочих перегрузок, так что единственное, что требуется, это отдых». Еще несколько дней он перебарывал себя, проводя немного рабочих часов в Казначействе, но перебои нарастали, и 17 марта *Людоед* предписал строгий постельный режим по крайней мере на месяц. Флоренс надеялась, что после этого мотор ее сына заработает как «автомобильный двигатель, из которого удалили нагар». 19 апреля он писал Дэди Райлэндсу: «Я и впрямь довольно долго находился в руках моего *Людоеда*, но должен сказать, что в последние три недели больше страдал от переизбытка лекарств и всякого рода снадобий, чем от чего-либо еще. Сейчас я пытаюсь избавиться от этих угнетающих пилюль и сегодня возвращаюсь в Казначейство». И приписка: «Какие прекрасные обзоры написал Ноэль Аннан для '*Нью стейтсмена*'. Не подумать ли, как сделать его нашим сотрудником?» Кривая его здоровья шла теперь вниз.

Десятого мая Кейнс находился на галерее пэров в палате общин, «страдая душой и телом» от выступлений сменявших друг друга ораторов, которые поносили валютный план на том единственном основании, что с ним согласились американцы[62]. Для некоторых материалы либо тексты речей подготовили венгерские экономисты Томас Балог и Николас Калдор[63]. Валютные дебаты в палате Кейнс уподобил «пикнику слабоумных или празднику идиотов, на котором сумасшедшим парламентариям, которые в иных случаях подлежали бы усмирению, предоставляется наконец шанс обратить на себя внимание спикера»[64].

Ранее в тот день в '*Таймс*' появилось письмо Балога с осуждением проекта экспертов как «в высшей степени опасного». В основном он указывал на недостаток ликвидных средств *Фонда*, на необоснованность надежд, связываемых с девальвацией, и на вред, какой несет стерлинговой зоне требование конвертируемости валют. Валютный план проникнут, мол, духом, враждебным системе имперских преференций и торговым соглашениям «между странами, стремящимися планировать производство». Пункт о дефицитной валюте не будет, дескать, иметь практического значения, пока «для снабжения Англии долларами Соединенные Штаты собираются скупать основной капитал в Британской империи и Великобритании». Отвечая Балогу, Кейнс писал что «шахтиански настроенные умы плохо уживаются с великими империями»[65]. В письме одному из своих корреспондентов в Америке он объяснял антиамериканские настроения «великой озабоченностью, как бы не отсечь самим себе доступ к возможным мерам спасения до того еще, как мы по-настоящему разберемся, какими именно эти меры должны быть», раздражением по поводу «совершенно беспочвенных обвинений, будто мы пытаемся недостойным образом использовать к своей выгоде» ленд-лиз, и возмущением, какое вызывает очевидная «последовательность усилий» Америки, направленных на то, «чтобы у нас не осталось совсем никаких возможностей улучшить послевоенные перспективы нашего экспорта». О том, что сам разделяет все эти чувства и настроения, он умолчал[66].

Сам Кейнс принял участие в дебатах в палате лордов 23 мая. Его речь явила собой чудесный образец риторики. Валютному плану он приписал пять основных достоинств. Во-первых, Британии предоставлялась полная свобода в течение «неопределенно длительного» переходного периода сохранять свою систему военного времени. Во-вторых, он предлагал конвертируемость валют, без чего Лондон утратил бы свои преимущества и стерлинговая зона распалась на части. Предполагать, говорил он, что система двусторонних и бартерных соглашений, притом что ни один обладатель

стерлингов не знает, что с ними делать, — предполагать, что это лучший способ побудить доминионы избрать Лондон центром своих финансовых систем, кажется мне чем-то близким к безумию». Напротив, «при наших ресурсах, так основательно подорванных и обремененных, только в том случае, если прочно встроить стерлинг в международную систему, можно будет добиться для него необходимого доверия». В-третьих, план предполагает «большое пополнение мировых валютных резервов» — в случае Британии речь идет о 325 миллионах фунтов. В-четвертых, пункт о дефицитной валюте позволяет предотвратить «откачку валютных средств мира на оплату обязательств страны, которая упрямо берет займы и экспортирует в масштабах, намного превышающих то, что она дает в кредит и импортирует». Наконец, план устанавливает международные правила, обеспечивающие надлежащий порядок изменения ставок валютного обмена.

Кейнс с гневом отверг предположение, что проект намечает возвращение к золотому стандарту или равносилен отказу от его собственных теорий. Как, спрашивал он почтенных лордов, как можно человека, громившего золотой стандарт, называя его «пережитком варварства», обвинить в том, что он кует «новые цепи, чтобы крепче держать нас в старой темнице?»[67]

Какой-нибудь критик выступления Кейнса вполне мог бы задаться вопросом: какие же обязательства берет на себя Англия в обмен на выгоды, так привлекательно им расписанные? Он, похоже, отстаивал монетарный план как способ сохранить стерлинговую зону и систему имперских преференций, тогда как американцы откровенно стремились покончить с тем и другим. Он требовал для Британии права самой определять обменную ставку для своей валюты, тогда как американцы хотели установить систему фиксированных обменных курсов. Когда несколько позже в Вашингтоне Кейнсу сказали, что его линия защиты проекта очень смущает Уайта и прочих, он ответил, что это был единственный способ спасти *Фонд* от политической гибели в Вестминстере[68].

В первые пять месяцев 1944 г. Кейнс, по существу, в одиночку отстаивал согласованное в Вашингтоне *Совместное заявление* в борьбе со скептицизмом Казначейства, оппозицией Английского банка и широко распространенной враждебностью политических кругов. Если ценой успеха оказывался язык неопределенности и двусмысленности, он готов был эту цену заплатить — столь велико было значение, которое он придавал обеспечению конструктивного участия Америки в послевоенной жизни Европы. В таком понимании вещей он был прав, хотя и не мог предвидеть, какую именно форму это участие со временем примет. Разойдись Америка и Англия по всем пунктам статьи VII, случись в 1944–1945 гг. серьезно испортиться отношениям двух ближайших союзников в войне — и кто знает, как бы это отразилось на расстановке сил в администрации США или какие выгоды из англо-американских препирательств смог бы извлечь для себя Советский Союз.

XL
Как ведут дела американцы

1. Дорога на Бреттон-Вудс

С наступлением последнего, как надеялись, года войны в Европе Соединенные Штаты усилили давление на Англию, добиваясь от нее исполнения статьи VII *Соглашения о лend-лизе*. Статья призывала договориться с Соединенными Штатами о свободном режиме международной торговли. Американцы ожидали, что за валютным соглашением последует соответствующее торговое соглашение. Но британцы не двигались с места. Политика Моргентау — Кроули, нацеленная на использование ленд-лиза для контроля над валютными резервами Британии, шла вразрез с поставленной государственным департаментом задачей получить от нее обещание установить либеральный режим своей торговли. Страна, у которой ликвидные активы составляли около десятой доли ее подлежавших погашению долгов, а объем экспорта сократился примерно до 30 процентов от довоенного уровня, едва ли годилась для скорого вступления в конструируемый Корделлом Хэллом мир свободной торговли.

Кейнса, как и всех в Уайтхолле, глубоко раздражал способ, каким администрация ленд-лиза старалась, судя по всему, подорвать способность Британии обойтись без этой американской помощи. Когда в 1944 г. вышла книга Эдварда Стеттиниуса, '*Ленд-лиз — оружие для победы*', Кейнс излил свое отчаяние человека, попавшего в ловушку «самого великодушного акта»:

Вы не подчеркиваете того обстоятельства, что администрация США очень тщательно следила за тем, чтобы британцы, прежде чем оказать им какую-либо помощь, как можно ближе подошли к черте банкротства. И при этом в конце книги вы не упоминаете о недавних действиях во исполнение тех самых установок, согласно которым ленд-лиз должен соответствующим образом сокращаться всякий раз, когда появляется малейшая перспектива, что, оставляя все как есть, можно было бы к концу войны оставить британцев безнадежными банкротами[1].

Намеренной попытки уничтожить независимость Британии Кейнс в американской политике не усматривал. Он по-прежнему был убежден в основополагающей доброжелательности Америки. Скорее он видел здесь неизбежное следствие привычных юридических и деловых представлений, не подходящих для нравственного товарищества, объединившего эти две страны. Его точка зрения, всеми в Уайтхолле разделявшаяся, состояла в том, что во имя общего дела англичане приносят намного большие жертвы, чем Соединенные Штаты, и эту асимметрию следует выправить *во имя справедливости*. На всю оставшуюся часть жизни это убеждение определило его подход к англо-американским переговорам. Всегдашней, отстаиваемой при любой возможности целью Кейнса было «удержание нами достаточных активов, чтобы мы были способны к независимому действию». Это красной нитью проходит с 1941 г., когда он пытался сузить сферу ленд-лиза, через его непрерывные старания экономить на военных расходах, чтобы минимизировать внешний долг Британии и, следовательно, ее потребность в американской помощи после войны. Сокращения стерлинговых долгов Индии и Ближнему Востоку он добивался энергично, но по большей части безуспешно[2]. В начале 1944 г. он начал разрабатывать стратегию разрушения американского эмбарго на возросшие валютные резервы и экспорт. Это должно было войти в стратегию Казначейства, которому предстояло обеспечить сохранение ленд-лиза на *Стадии-II*, как это теперь называлось, то есть в период между поражением Германии и поражением Японии.

Переговоры по статье VII остановились вот на чем. В *Совместном заявлении* экспертов от 21 апреля 1944 г. были в окончательном виде представлены принципы, на которых должен будет строиться *Международный валютный фонд. Международный банк восстановления* не прошел сходного процесса двусторонних или многосторонних обсуждений и оставался пока всего лишь предложением министерства финансов США. В записке от 21 февраля Кейнс сделал к нему несколько разумных и конструктивных критических замечаний и к началу марта подготовил новую редакцию проекта. Поскольку Англии на «восстановление» ждать больших денег не приходилось, его главная цель состояла в том, чтобы по возможности уменьшить величину ее взноса, добиться, чтобы *Банк* предоставлял главным образом гарантии, а не займы, и проследить, чтобы заемщики могли тратить полученные от *Банка* деньги где им угодно, то есть не были бы связаны обязательством покупать товары страны, от которой эти деньги поступили. Эти замечания были доведены до сведения Вашингтона. Понемногу Кейнс становился защитником банка Уайта в Лондоне. Фрэнк Ли из Казначейства отправился в сентябре 1943 г. в Вашингтон обсуждать «*Комод*», как стали называть проект Кейнса, предусматривавший создание буферных запасов. Роббинс полагал, что имеет смысл добиваться его принятия, поскольку он «распределяет покупательную способность в условиях депрессии и сметает ее при инфляции». Но американцы этот проект отклонили, посчитав, что его воплощение в жизнь создало бы рай для спекулянтов, и он выпал из круга тем, составлявших содержание статьи VII.

Как уже было сказано, британцы тянули с продолжением торговых переговоров. Минувшей осенью в Вашингтоне Гарри Хоукинс из государственного департамента США и Джеймс Мид из Экономического отдела добились кое-какого продвижения. Предложение США о «многосторонней конвенции» о торговой политике мало отличалось от идеи *Торгового союза*, которую выдвигал Мид. Британцы больше напирали на поддержание высокого уровня занятости как на условие либерализации торговли; американцы смотрели

на либерализацию торговли как на способ достижения высокого уровня занятости. Главной целью американцев было устранение имперских преференций; британцы жаждали снижения тарифов США. Имелась очевидная возможность выменять имперские преференции на американские пошлины. Мало что, однако, было сделано для приведения в соответствие принципов МВФ и предлагаемого соглашения по торговле. За несколько недель вашингтонских переговоров находившиеся по обе стороны приверженцы протекционизма и субсидий успели возвести вал возражений. В Британии в июле 1944 г. Кабинет министров учредил *Комитет торговой политики*. Вскоре он погрузился в схватку с министерством сельского хозяйства. Все это оставляло нерешенным главный вопрос в содержании статьи VII. Но государственный департамент не отступал.

Моргентау рассчитывал собрать в конце мая в Вашингтоне межправительственную конференцию для ратификации *Совместного заявления* экспертов; договор об учреждении *Фонда* он хотел преподнести Рузвельту как подарок на съезде Демократической партии, который должен был открыться 19 июля. Но в условиях, когда британское правительство все еще не брало на себя никаких обязательств, самое большее, на что мог пойти Андерсон, это направить экспертов на международную валютную конференцию, как только они получат приглашение. Кейнс просил Гарри Уайта «не затаскивать нас в Вашингтон в июле, что, конечно же, было бы с вашей стороны самым недружественным поступком». Моргентау сказал Уайту: «Устройте это в штате Мэн или в Нью-Гемпшире, где-нибудь там, в горах». 25 мая госсекретарь Корделл Хэлл направил сорока четырем странам приглашение принять в начале июля участие в конференции в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Гемпшир, «чтобы выработать определенные предложения об учреждения *Международного валютного фонда* и, возможно, Банка восстановления и развития». До начала конференции редакционному комитету не столь широкого состава предлагалось встретиться в Атлантик-Сити, штат Нью-Джерси.

Эти решения были приняты в преддверии вторжения союзников в Нормандию. И поэтому мысли правительства впервые сосредоточились на экономических последствиях перехода к миру. Притом что конец войны с Германией ожидался на год (или около того) раньше, чем кончится война против Японии, полумирное состояние (*Стадия-II*) могло наступить довольно скоро, а с ним и во весь рост встать проблема переустройства британской экономики сообразно задачам мирного времени. С переходом *Стадии-II* в *Стадию-III* (по окончании войны с Японией) Англия должна будет лицом к лицу столкнуться с суровыми экономическими реалиями, от которых ее ограждал ленд-лиз: огромный перерасход в платежах за импорт, расточительные траты денег за границей и горы необеспеченных стерлинговых долгов. Необходимо было так пройти *Стадию-II*, чтобы в *Стадию-III* Англия вступила как можно менее зависимой от американской помощи.

В начале января 1944 г. Кейнс набросал вселявшие легкую тревогу '*Заметки о внешних финансах в переходный период после перемирия с Японией*'[3]. Теперь, в середине мая, обеспокоенный американским намеком, что ленд-лиз может быть заменен займом для *Стадии-II*, Кейнс написал записку о '*Проблеме наших внешних финансов при переходе к миру*'; окончательная версия записки датирована 12 июня. Иди назвал ее «одним из наиболее удобочитаемых среди появившихся в последнее время текстов объемом в 10 000 официальных слов». Несомненно, это был последний большой государственный документ, написанный Кейнсом в полную силу его способностей — очень взвешенный, требовательный, насмешливый и гораздо более строго привязанный к делу, чем большинство его последних сочинений. Его главный тезис состоял в том, что Англии, если она не изменит свою политику, грозит финансовое бедствие, как только придет конец ленд-лизу. Предположение правительства, что после войны Англия сможет импортировать все необходимое для поддержания полной занятости и повышения уровня жизни, основывается, мол, на «слепой вере». Свою же задачу он видел в том, чтобы указать, как «подкрепить веру делами».

Дефицит платежного баланса в первые три послевоенных года Кейнс оценивал в 1,5–2,25 миллиарда фунтов (6–9 миллиардов долларов). Предлагаемое им решение складывалось из четырех частей. Во-первых, Англия должна будет изыскать средства для покрытия чрезмерных стерлинговых долгов и погасить их с длительной рассрочкой выплат под нулевой процент, хотя расчеты с некоторыми кредиторами могут быть ускорены за счет связанного экспорта товаров производственного назначения; далее, в течение переходного периода, возможность использования валютных резервов стерлинговой зоны должна быть ограничена текущими долларовыми доходами входящих в нее стран. Во-вторых, Кейнс ставил задачу к концу войны увеличить чистые валютные резервы Британии до 500 миллионов фунтов, остановив попытки Соединенных Штатов «усечь ленд-лиз сейчас или к концу войны с Германией» и тем самым вынудить Британию выделять больше средств на военные расходы на Ближнем и Дальнем Востоке. В-третьих, Англия должна расстаться со своим поведением «доброй богатой тетушки» по отношению к странам Западной Европы и к России. За поступающие им на восстановление товары они должны платить Британии золотом, а не долговыми расписками. В-четвертых, Англия должна готовиться к энергичной экспортной экспансии, даже если это будет сопряжено с каким-то ущемлением потребителя. В *Стадии-II* следует при сохранении ленд-лиза отказаться от ограничений британского экспорта. Рассчитывать надо на минимальную американскую помощь — не более 2–3 миллиардов долларов, — и Англия должна готовиться к тому, чтобы «вообще обходиться без нее». Размер помощи, которая в конце концов все-таки потребуется, целиком зависит от энергии, с какой Англия будет добиваться своих главных целей. К сожалению,

> наши собственные привычки создают самые большие помехи для выполнения почти всех вышеупомянутых рекомендаций. Во всех наших действиях мы не задумываясь следуем манерам богатого человека, поэтому мы слишком много обещаем другим. Мы так жаждем расслабиться после военного напряже-

ния, что слишком много обещаем себе. Мы, гордая и великая держава, считаем недостойным торговаться с другими, кто поменьше нас и не так выдержан. Пережив недавно страшные испытания, наша финансовая политика впала в умиротворенное состояние. Главное, финансовые проблемы войны разрешились так легко и так спокойно, что средний человек не видит никаких оснований предполагать, что финансовые проблемы мира окажутся более трудными[4].

Успех стратегии Кейнса коренным образом зависел от мер, которые будут приняты в *Стадии-II*. Англия должна была обеспечить сохранение ленд-лиза, но так, чтобы у нее оставалась возможность наращивать свои валютные резервы и приступить к переустройству экономики сообразно задачам расширения ее экспорта. Это требовало разрыва с «несущественным правилом», согласно которому ленд-лиз должен был давать только то, чего сама не могла произвести полностью отмобилизованная военная экономика Британии.

Андерсон распространил эту взрывоопасную записку в узком кругу особо отобранных им коллег. То, что ее сразу расценили как четкое представление о реально существующей проблеме, свидетельствует об авторитете Кейнса. Ее смысл, утверждал Уэйли, состоял в том, что «нам придется соблюдать режим гораздо большей экономии, чем прежде приходило кому-либо в голову». Последовали восхищенные и полные тревоги отклики. 14 июня канцлер провел встречу с заинтересованными министрами, с участием Кейнса, Гопкинса и Иди. В разговоре главенствовал Кейнс, повторивший главные тезисы своей записки. В июле кабинет дал согласие на начало переговоров с американцами по поводу *Стадии-II* и на немедленную подготовку мер расширения экспорта.

Британская линия в предстоявших дискуссиях по валютным проблемам была выработана на двух встречах Андерсона с Кейнсом 8 и 16 июня. На первой договорились, что англичане должны навязывать американцам «формулу Кэттоу» в отношении правил регулирования обменных ставок.

В апреле Кэттоу сменил Монтегю Нормана в должности управляющего Английского банка. Банк ставил целью сохранить суверенное право стран самостоятельно устанавливать курсы своей валюты; «формула Кэттоу» предусматривала, что страны-члены должны проводить с *Фондом* консультации, но не получать его разрешение на девальвацию своей валюты, оставляя *Фонду* лишь право *ex post* отлучить проштрафившуюся страну из рядов пользователей услугами *Фонда*. Далее договорились, что членство Британии в *Фонде* должно быть поставлено в зависимость от финансового решения ее переходных проблем вне *Фонда*; решили, что обязательство в отношении конвертируемости должно касаться только стерлингов, потребных для текущих сделок, то есть оно не должно относиться к стерлинговым авуарам, образовавшимся в военное время; условились, что *Фонд* должен начинать свою деятельность только при обоюдном на то согласии Англии и Америки; договорились и о том, что в любом случае ни одно достигнутое на конференции экспертов соглашение никак не будет связывать правительство и парламент Британии. В отношении проекта Уайта о *Банке* британская позиция на переговорах строилась на основе поправок, которые в марте предложил внести в проект Кейнс: кредиты не должны быть связанными, *Банк* должен предоставлять главным образом гарантии под займы, а не сами займы, и обязательства Британии должны быть небольшими.

2. Передышка в Нью-Гемпшире

Вечером 16 июня Мейнард и Лидия приплыли на *Куин Мэри* из Саутгемптона в сопровождении Иди, Роббинса, Робертсона и Рональда да еще Джорджа Болтона (советника Английского банка). На сей раз в состав делегации включили юриста, Уильяма Бекетта из министерства иностранных дел. К ним должны были присоединиться уже находившиеся в Вашингтоне Брэнд, Ли, Оупи и Остин Робинсон. Вместе с британской командой ехали «эксперты» из Голландии, Бельгии, Греции, Норвегии, Чехословакии, Индии и

Китая, большинство из них — члены редакционного комитета. Плодами напряженной работы на борту стали два документа — соответственно о *Фонде* и о Банке.

23 июня экспертов встретили в Нью-Йорке Брэнд и Фрэнк Ли и тут же переправили их поездом в Атлантик-Сити, где они остановились в отеле *Клэридж*. Это был «ужасающий небоскреб» в двадцать этажей, которые в течение следующей недели им пришлось делить с годичным собранием Института гомеопатии. На первом совместном заседании с американцами, в субботу 24 июня, Кейнс предметом своего красноречия избрал Банк. Роббинс писал:

> Получилось по-настоящему очень хорошо. Кейнс был на вершине ясности и убедительности; и это имело непреодолимое воздействие. Я часто ловлю себя на мысли, что в такие моменты Кейнс принадлежит, должно быть, к числу самых замечательных людей, когда-либо живших на земле, — быстрая логика, стремительный полет интуиции, яркое воображение, широта видения, главное, несравненное умение выбрать нужное слово — все это вместе позволяет ему подниматься на несколько степеней выше обычного уровня человеческих достижений... Американцы сидели зачарованными, внимая пению богоподобного гостя и купаясь в лучах озаряющего все вокруг золотого света[5].

Кейнс выразил горячую поддержку Банку, в котором он видел инвестиционный двигатель, устроенный более разумно, чем «убогий рэкет», появившийся после прошлой войны, а также институт, который освободит Англию от «давления... вынуждающего ее брать обязательства... далеко выходящие за разумные пределы того, что мы можем себе позволить». Тем не менее Банк все еще оставался для него орудием преимущественно послевоенного европейского восстановления, а не долгосрочного развития[6]. Однако никакого отклика от министерства финансов США не последовало. В развернувшейся дискуссии тема Банка едва затрагивалась. Эмилио Колладо было поручено отстаивать проект Банка в государственном департаменте, представляя его предназначение несколько иначе — способствовать получе-

нию от стран Латинской Америки поддержки американским позициям в отношении *Фонда* и по другим вопросам.

В Атлантик-Сити Кейнс следовал прямолинейной тактике. Уайт, объяснял он в письме Гопкинсу от 25 июня, стремится избежать появления каких-либо заметных трещин между министерствами финансов Британии и США. Поэтому они с Уайтом постараются согласовать текст между собой, за кулисами, а предстоящему «обезьяннику» в Бреттон-Вудсе предложат имеющиеся альтернативы, по поводу которых у них будет договоренность — какую отклонить, а на какой настаивать. «Гарри Уайт, — докладывал он «Гоппи», — светится улыбками и дружелюбием, выражает гостеприимство, доброжелательность и удовлетворение. Я сомневаюсь, что Сиджи [Уэйли] смог бы его узнать»[7]. Поведение Уайта заметно изменилось после прошлогодних осенних бесед в Вашингтоне. Он осознал, что без поддержки со стороны Британии ничто не пройдет, а Британией был Кейнс. Так что Уайт взялся искать мира с Кейнсом — в той мере, какую допускал его колючий нрав. У них стали также складываться добрые человеческие отношения.

Уайт соглашался, что странам — членам МВФ нужно позволить девальвировать свои валюты, не обращаясь к *Фонду* за разрешением, и что они сами должны устанавливать для себя продолжительность переходных периодов. Вопросы «надзора», размера квот, управления *Фондом* и Банком, как и их месторасположения, были оставлены на рассмотрение самой конференции.

Сам Кейнс редко присутствовал на пленарных заседаниях, которыми с председательского кресла мастерски руководил Уайт. При этом он не видел заранее и не благословлял своим согласием того набора документов, который направлялся в Бреттон-Вудс. Устроившись с Лидией на десятом этаже *Клэриджа* с видом на Атлантический океан, он считал условия жизни там «самыми удобными и терпимыми». Но усталость начинала брать свое. Однажды после дня, проведенного без отдыха на заседаниях, его организм подал «зловещие сигналы перебоев». Он быстро оправился, но непрерывная работа, встречи и нервное возбуждение опять стали

воздействовать на его поврежденную сердечную мышцу. Кроме одного случая — беседы со специальным помощником госсекретаря США Пасвольски, — Кейнс не поднимал перед американцами вопроса о финансовой помощи после окончания войны с Германией.

30 июня Мейнард и Лидия покинули Атлантик-Сити и выехали ночным поездом в Бреттон-Вудс, штат Нью-Гемпшир, с его «широко раскинувшимися лесами и лугами в окружении невысоких гор»[8] посреди расположенного на миллионе акров национального лесного заповедника *Белые горы*. Лидия описала эту местность как «смесь Швейцарии с Шотландией», с умеренным климатом и форелью в реке, «идеальное место для отпуска — увы, не для Джемкинса [Дж.М.К.]». Сегодня туда приезжают по шоссе № 93 из Бостона, но в 1944 г. 730 делегатов и их персонал из сорока четырех стран и многочисленных международных организаций — много больше, чем ожидалось, — добирались до станции Бреттон-Вудс по железной дороге, так что их многоязычная болтовня превращала выделенные им специальные поезда в *Вавилонские башни на колесах*. Делегаты разместились в отеле *Маунт Вашингтон*, далеко не полностью подготовленном к открытию сезона. Лидию впечатлила смесь роскоши, хаоса и неэффективности: «Краны текут весь день, окна то сами открываются, то не закрываются, трубы то чинят, то не чинят, и никуда невозможно добраться». При всей его красоте, написала Лидия 12 июля, Бреттон-Вудс был «сумасшедшим домом, в котором большинство... было загружено работой сверх человеческих возможностей». Мейнарду это должно было напоминать отель *Мажестик* во время Парижской мирной конференции — тот другой грандиозный обезьянник, который измотал и сделал его больным в 1919 г. Разница была в том, что на сей раз он был одним из хозяев церемонии, жертвой несчетных встреч за коктейлями и мишенью для фотографов.

Только что началась высадка в Нормандии, и призрачные западноевропейские союзники, страны, стоявшие на пороге возвращения своей независимости, жаждали получить долю в трофеях мира. В сложившихся обстоятельствах весь-

ма кстати оказалась заранее достигнутая договоренность между американцами и англичанами. Главное, что оставалось доделать, это распределить квоты, и Уайт разумно оставил решать эту проблему самой конференции, справедливо рассчитав, что только это и будет представлять интерес для большинства делегаций.

Уайт намечал создание двух основных комиссий — Комиссии-I по *Фонду* под председательством его самого, и Комиссии-II по Банку, которой руководил бы Кейнс. (Был еще «мешок для отбросов» — Комиссия-III, предмет которой обозначался как «Другие виды международного сотрудничества».) Комиссии-I надлежало рассмотреть проект, подготовленный в Атлантик-Сити и включавший в себя все предложенные там поправки; от Комиссии-II ожидалось, что она придаст законченную форму уставу Банка. Уайт был твердо намерен добиться нужного ему результата, поддерживая при этом впечатление, что сам никакого участия в работе Комиссии-II не принимает. Все решения, по мере того как они принимались, должны были превращаться в «статьи *Соглашения*» после обработки юристами Редакционного комитета во главе с Луи Расмински, чиновником министерства финансов Канады.

Целью, которую преследовал Уайт, отводя Кейнсу место председателя Комиссии по Банку, была его нейтрализация. Он хорошо знал, что Кейнс слабеет. Занять его Банком значило не оставить ему ни сил, ни времени на дела *Фонда*. Эта стратегия сработала. Кейнс был главой британской делегации и неофициальным лидером намного более широкой группы представителей Содружества Наций. Хотя команды Содружества Наций и хотели видеть в Англии своего руководителя, они не всегда следовали за нею. В частности, индийцы и египтяне упорно, но безуспешно пытались добиться привлечения *Фонда* к решению проблемы конвертируемости стерлинговых авуаров, самая большая часть которых приходилась именно на них. 10 июля Кейнсу пришлось выступить в Комиссии-I с заявлением, что Англия намерена «благородно» уладить дело со стерлинговыми долгами, но этот вопрос «должен быть решен между теми, кого он непо-

средственно касается»[9]. Это обязательство, получившее известность как «клятва Кейнса», исключило односторонний отказ от погашения долгов.

Британская организация работы на конференции была далека от идеала. Команде, при ее самом высококлассном основном составе, чересчур недоставало штата технических специалистов, юридического и административного персонала, и поэтому ее уделом стало переутомление. Один раз Кейнс пожаловался, что за три дня у него нашлось лишь пять минут на разговор с «техническими специалистами»; под конец он писал канцлеру: «Все мы, от высших до низших... выбились из сил». У Кейнса было впечатление — не первый раз в его жизни, — что он «никогда не работал с таким постоянным напряжением». Кроме председательства в своей Комиссии и заседаний в комитетах он просмотрел тысячу документов, составил почти сотню длинных телеграмм в Казначейство с отчетами о продвижении работы и запросами инструкций и в качестве главы делегации должен был «произносить речи, обряженные в полную парадную форму, и всякий раз, как возникала какая-нибудь неприятность, бросаться в атаку во всем блеске оружия». Но ему меньше, чем другим, приходилось проводить изнурительные часы на заседаниях, поскольку Лидия, за редкими исключениями, не разрешала ему участвовать в работе комитетов в вечернее время, тогда как другие проводили там ночь за ночью, сидели до 3.30 утра, чтобы потом опять собраться в 9.30.

Поскольку Кейнсу приходилось прерывать работу на отдых, в комиссии по *Фонду* Роббинс и Робертсон имели, по существу, свободу действий для исполнения инструкций британского правительства по таким вопросам, как ставки валютного обмена, обязательства в отношении конвертируемости, условия использования прав заимствования и т.д. О ходе дел Кейнсу докладывал сэр Уилфрид Иди, который путался порой в технических деталях. Выяснилось, что ось Бернстайн — Робертсон критически важна для успешной работы комиссии, и Кейнс не жалел слов, нахваливая Робертсона. «Деннис... был совершенно незаменим. Он один обладал тонкостью и выдержкой интеллекта и упорством

характера, позволявшими вникать во все детали и отстаивать свое мнение в схватках с Бернстайном (который обожает Денниса), так что... я мог чувствовать себя совершенно удовлетворенным сложившейся ситуацией»[10]. Матери он писал: «Неоспоримо первоклассные мозги решают дело».

Несмотря на этот панегирик, после конференции между ними вспыхнула ожесточенная ссора по поводу точного смысла предусматриваемого *Соглашением* обязательства насчет конвертируемости. Суть дела была в следующем: Кейнс полагал, что Робертсон дал согласие на формулировку статьи VIII, как бы лишавшую Англию права сохранять валютный контроль в обстоятельствах, когда у нее могла возникнуть необходимость это свое право осуществить. Кейнс считал, что в результате Англия может оказаться вынужденной аннулировать достигнутое согласие. Хотя эпизод, как оказалось, не имел никакого практического значения, потребовалось необычайно долгое время, чтобы о нем забылось. Он не только задержал британскую ратификацию *Соглашения*, но и отравил отношения между Кейнсом и Робертсоном. Робертсон признал свою ответственность за «грубую ошибку», но «рану унес с собой в могилу»[11].

Уайт из-за кулис руководил работой конференции на других направлениях. Он принимал меры, чтобы ежедневно выходил дневник работы конференции и каждый таким образом был информирован об основных принятых ею решениях. Он также ежедневно проводил брифинги для прессы, воистину покоряя присутствовавших своим обаянием. Кейнс появился лишь на одном из них (6 июля) и несколько разрушил создаваемую Уайтом обстановку радостного удовлетворения, сказав, что *Фонд* нетрудно подвергнуть критике, но все возможные ему альтернативы хуже. Записи Гольденвейзера передают атмосферу безумного столпотворения: сонмы работающих круглые сутки стенографисток, тучи бойскаутов в роли посыльных и разносчиков бумаг, трудные для понимания тонкости юридических формул, великое многообразие неведомых языков, русские, пробивающие себе путь «между расстрельной командой... и английским языком»[12]. Контролируемый бедлам — вот чего хотел

Уайт. В такой обстановке проще было ставить собравшихся перед *fait accompli*.

Что было делегатам понятно, так это наличие у американцев запаса наличных долларов, из которого они хотели урвать для себя по возможности больше. Майкселл, подчиненный Уайта в министерстве финансов, разработал сложную формулу для распределения 90 процентов имевшихся денег, с тем что остающиеся 800 миллионов «мы сможем добавить туда, куда сочтем нужным». Уайт сказал ему, что формула должна определить квоту в 2,5 миллиарда долларов для США, приблизительно половину этой суммы для Англии и ее колоний, закрепить третье и четвертое места соответственно за Советским Союзом и Китаем. Чтобы «испечь» требуемый Уайтом каравай, Майкселл должен был опереться на данные о национальных доходах. Их «приблизительность и неопределенность открывали возможность слегка подправлять размеры квот, если те не соответствовали политическим соображениям»[13]. Квоты впервые были обнародованы в Бреттон-Вудсе, но основа их исчисления осталась секретом. Когда цифры стали известны, последовали взрывы оскорбленной гордости. Уайт отозвался учреждением *Комитета по квотам* под председательством судьи Фредерика Винсона, вице-председателя делегации США, для рассмотрения возражений недовольных стран. На заявление Степанова, русского, о том, что советская статистика национального дохода не дает оснований для квоты в 1,2 миллиарда долларов, Уайт весело откликнулся обещанием представить другую статистику. Он получил что хотел. Окончательное распределение своих запасных миллионов Моргентау, Уайт и Винсон согласовали 14 июля. «Видишь, Фред, почему я — министр финансов, — игриво заметил Моргентау судье Винсону, проделав на клочке бумаге несколько грубых вычислений. — Я умею складывать и вычитать»[14]. Обладатели самых больших квот — США, Англия, СССР, Китай и Франция — стали год спустя постоянными членами Совета безопасности Организации Объединенных Наций, затвердив тем самым мировую политическую иерархию в том же виде, в каком сложилась иерархия финансовая.

Англо-американское соглашение о правилах, касающихся ставок валютного обмена, было подтверждено 8 июля. *Фонд* обязан был соглашаться с изменением валютного курса страны-члена в пределах 10 процентов обменной ставки и с большими изменениями, если сочтет их необходимыми для выправления «фундаментального нарушения равновесия», при этом *Фонд* не может запрещать изменение, ссылаясь на «внутреннюю социальную или политическую» обстановку в обратившейся к нему стране. Однако никакого согласованного определения, раскрывающего понятие «фундаментального нарушения равновесия», так никогда и не появилось. Если упомянутое изменение курса сверх 10 процентов ставки осуществлялось без разрешения *Фонда*, страна все же могла оставаться его членом, но без возможности пользоваться его услугами. Мало кем замеченная поправка разрешила странам-членам устанавливать для своих валют твердую ставку обмена на золото или доллары. Это сделало доллар, единственную конвертируемую в золото валюту, ключевой валютой новой системы.

Британцы также добились своего в вопросе о переходном периоде: единственное, что требовалось от стран-членов, это консультироваться с *Фондом* в случае, если они захотят продлить сверх пятилетнего срока ограничения платежей. Англичане все еще сохраняли надежду, что *Фонд* разместится в Лондоне, а не в Америке. Кейнс написал Моргентау «многословное письмо» с просьбой отсрочить решение, и министр финансов зачитал его 13 июля на встрече американской группы. Уайт прокомментировал его так: «Мы вкладываем денег вдвое больше, чем кто-либо еще... Нелепо, чтобы штаб-квартира оказалась в другом месте. Мы можем с помощью голосования поместить ее куда угодно... именно поэтому они не хотят ставить это на голосование». Уайт правильно предполагал, что британцы не прервут переговоры из-за того, что «им не нравится место пребывания штаб-квартиры... Ну и очень плохо, что не нравится... Нью-Йорк стал финансовым центром мира. Британцы пока с трудом карабкаются вверх»[15]. Кейнс ре-

зервировал за собой право вернуться и к этому вопросу, и к тому, что касалось режима работы исполнительных директоров *Фонда* — быть им на полной ставке или совместительствовать.

Гольденвейзер писал, что Кейнс был «выдающейся личностью... Он блистал двумя гранями — тем, конечно, что был одним из ярчайших светил человечества... и тем также, что был худшим в мире председателем». Вскоре Моргентау объявил, что «никогда в жизни не получал столько жалоб», сколько поступало ему на то, как Кейнс руководит Комиссией по *Банку*. 13 июля Дин Ачесон, американский представитель, говорил министру финансов, что Кейнс гонит ее работу «совершенно недопустимым и возмутительным образом... Сам он все это дело знает и с лица, и с изнанки, так что, когда кто-нибудь поминает раздел 15-С, он знает, о чем речь. Но никто другой среди присутствующих не знает. И вот, прежде чем вы успеете заглянуть в раздел 15-С и посмотреть, о чем там речь, он говорит: 'Не слышу никаких возражений', и раздел одобрен. Ладно, все пытаются найти раздел 15-С. Тут он говорит: 'Переходим к разделу 26-D'. Они начинают перебирать свои бумаги, но прежде, чем нужный раздел находится, он оказывается уже одобренным»[16].

Торопливость Кейнса частично диктовалась его стремлением покинуть конференцию как можно скорее. Силы его неуклонно истощались. «Он не из тех, кого легко сдерживать, а живость его ума такова, что всякая размеренность для него невыносима», — записал Роббинс 6 июля. Сбежать он собирался в среду 19 июля. Во всяком случае, номер в гостинице был взят только до 21-го. 17 июля Моргентау созвал Координационный комитет, чтобы обсудить «продление конференции». Он дал слово Кейнсу, который сказал, что неохотно приходит к выводу о необходимости продлить работу конференции до субботы или воскресенья, чтобы дать техническим специалистам возможность свести текст воедино, юристам подготовить проект Заключительного акта и всем делегациям время поглубже в него вникнуть. Но поскольку «некоторые мои люди... совсем сломались от напряжения», он настойчиво предлагал прекратить

с этого момента все официальные заседания комитетов или комиссий в послеобеденные часы и просил Моргентау как «директора школы» объявить «полный выходной день». Такое объявление последовало.

Для самого Кейнса оно имело ограниченное значение. Он занемог, измотавшись в сражении, в которое бросился, стараясь в последний момент спасти Банк международных расчетов (БМР). (Этот расположенный в Базеле банк обвинили в сотрудничестве с нацистами*.) Поздно вечером 19 июля пошла молва, что у него случился сердечный приступ. Когда об этом сообщили газеты, стали поступать телеграммы с пожеланиями скорейшего выздоровления; германская печать поспешила поместить подобающе почтительные некрологи. Кейнс случившееся всерьез не принял. Произошло следующее. Забыв о своем состоянии, он, чтобы не опоздать на встречу, взбежал вверх по лестнице и на четверть часа «отключился», а взволнованная Лидия поделилась охватившей ее тревогой с женщиной, сын которой работал на агентство *Рейтер*. «В действительности, — написал Кейнс Кэттоу, — я чувствовал себя исключительно хорошо...» Это, конечно, была неправда. «Что касается здоровья Кейнса, — отметил в своем дневнике Роббинс 20 июля, — мы были на краю пропасти... Происходит, по моему ощущению, нечто вроде гонки — что вперед: кончатся силы или кончится конференция?»

Конференция завершилась грандиозным банкетом вечером в субботу 22 июля. Кейнс пришел с небольшим опозданием, «и когда он медленно двигался к своему столу, сутулясь чуть больше обычного, бледный от усталости, но явно довольный содеянным, все собравшиеся в непроизвольном порыве встали и молча ждали, когда он сядет на отведенное ему место. В зал входил некто, возвышавшийся над обычными людьми»[17].

---

* По инициативе Монтегю Нормана БМР был основан в 1930 г. как клуб управляющих центральных банков. Первоначально его главным делом должна была стать передача по назначению германских репараций. Во время войны банк поддерживал связи с обеими воюющими сторонами.

По окончании ужина Кейнс выступил с предложением принять Заключительный акт; свою речь он уснастил смесью литературных образов и богословских выражений, отразившей особенности его мышления и черты цивилизации, к которой он принадлежал. Здесь, мол, сорок четыре страны учились работать вместе. «Если мы сможем продолжать в том же духе, с этим кошмаром, в плену которого большинство присутствующих провели слишком много лет, будет покончено. Братство человеческое перестанет быть пустой фразой». Делегаты аплодировали неистово. Было исполнено *Усеянное звездами знамя*[λ]. Когда Кейнс покидал зал, несколько делегатов — надо думать, из англо-саксонского мира — пропели ему вслед *Он веселый добрый малый*. Как отнеслась к этим ритуалам советская делегация, в протоколах не отмечено.

От Кейнса Бреттон-Вудское соглашение получило некую особую форму, но не содержание. *Соглашение* отразило представления американского министерства финансов, а не британского Казначейства — Уайта, а не Кейнса. Британский вклад сводился в конечном счете к поискам послаблений, отсрочек и оговорок об условиях отказа от обязательств. Соглашение было построено не в соответствии с *Общей теорией* Кейнса, а сообразно желанию США получить обновленный золотой стандарт как средство либерализации торговли. Если в его основе лежала какая-нибудь идеология, то это было намерение Моргентау сосредоточить финансовую мощь в Вашингтоне. Как указала '*Коммершл энд файнэншл кроникл*' ('*Commercial and Financial Chronicle*'), «делегаты не старались достичь 'соглашения'. Они просто подписали бумагу, которая выглядела как соглашение».

Соглашение подлежало еще ратификации конгрессом США и одобрению палатой общин. В Англии Уайтхолл и парламентарии-шахтианцы были настроены непримиримо. Они не противились *Клиринговому союзу*, потому что были убеждены, что американцы идею похоронят. Они не рассчитывали, что Англия может подписаться под идеей многосторонности, предлагавшей гораздо меньшую финансовую

[λ] Государственный гимн США.

защиту, чем *Клиринговый союз*. Год спустя во время визита в Лондон Эммануэля Гольденвейзера Генри Синманн из Английского банка сказал ему, что Бреттон-Вудс был «обманом... Кейнс начал это надувательство своим предложением переложить все бремя на Соединенные Штаты. У него это не вышло — и пришлось идти на всевозможные компромиссы, — но и поныне все это нечестная игра...» Генри Клэй, также из Банка, назвал Бреттон-Вудс «величайшим ударом по Англии, по силе уступающим только войне». Они утверждали, что обратимость стерлинга в золото и доллары отнимет у стран стерлинговой зоны стимулы покупать британские товары и держать счета в Лондоне. «Что их, похоже, тревожит, и обоснованно, — проницательно заметил Гольденвейзер, — так это то, что Бреттон-Вудс подтверждает факт утраты Лондоном его положения финансового центра мира. Я думаю, что это является эмоциональной основой их реакции»[18].

Из Бреттон-Вудса Кейнс и Иди отправились в Оттаву на переговоры об увеличении канадской *Взаимопомощи*. Для Кейнса канадская поездка была передышкой, возможностью расслабиться. Когда работы всего на полдня — это очень похоже на отпуск, которого у него не было с начала войны. Их с Лидией повезли в Канаду на автомобиле, предоставленном верховным комиссаром Малкольмом Макдональдом; ехали беззаботно, наслаждаясь шикарной летней погодой. В отеле *Замок Лорье* им отвели роскошный девятикомнатный номер. Лидия очаровала верховного комиссара Макдональда, и его советники попросили Кейнса провести предварительную беседу в преддверии финансовых переговоров. Кейнс куда-то задевал ключ от комнаты, служившей ему рабочим кабинетом, и они с Лидией тщетно искали его в своем багаже. В конце концов собрались в жилой комнате, где и расположились вокруг стола Макдональд и его советники. В дверь постучали, и в комнату проскользнула Лидия.

На ней не было ничего, кроме короткой белой рубашонки (и, возможно, трусов под нею), едва прикрывшей наго-

ту. В таком почти обнаженном виде она стояла с виноватым видом и бросала на Кейнса полуизвиняющиеся, полуехидные взгляды, говоря при этом: «Ах, мой любимый Мейнард, мне так жаль. Ты дал мне *этит* ключ; а я об *этим* забыла, я для сохранности спрятала его у себя между моими маленькими грудками». Тут она ухватила висевшую у нее на шее ленту и подняла руки над головой, чтобы извлечь пропажу из хранилища между грудями — оказавшимися, как нам довелось приметить, не столь маленькими, как она пыталась представить. Она поцеловала его, сделала, как положено балерине, пируэт на кончиках пальцев, выскользнула за дверь и закрыла ее за собой[19].

Их визит был признан очень успешным. За две недели переговоров Кейнс и Иди сумели вырвать у канадцев еще 655 миллионов долларов. Кейнс завязал или укрепил политически важные дружеские связи — особенно с Грэмом Тауэрсом, управляющим Канадского банка, и Клиффордом Кларком, заместителем министра финансов, — а также возобновил контакт со своими бывшими студентами Бобом Брисом и Винном Пламптром. Он сообщал, что «Малкольм Макдональд (сын Рамсея) по-братски заботится о нас и устраивает нам пикники в горах, в лесу и на озерах — такие, о возможности существования которых мы уже и забыли». Не могло быть большего контраста между североамериканским изобилием и британской скудостью. «На этом континенте, — отметил Кейнс, — война стала временем бурного процветания для каждого». Они часто ели бифштексы, и Лидия носилась по магазинам, каждый день покупала новые платья и туфли, расплачиваясь, по-видимому, деньгами, полученными по норме валютного обмена. Кейнса угнетала несправедливость всего этого. Англия вышла из войны банкротом, Северная Америка — краем процветания. Разве не было бы справедливо как-то перераспределить принесенные жертвы? Канада Кейнсу нравилась: «Если когда-нибудь пришлось бы эмигрировать, то только сюда, а не в США»[20]. Проведя еще несколько дней в Вашингтоне, они с Лидией и Иди вылетели 20 августа назад в Англию. Последний раз состояние здоровья позволило ему пересечь Атлантику на самолете.

3. Спаситель Моргентау

Немногим более месяца спустя Кейнс уже был на борту *Иль де Франс*, державшего курс на порт Галифакс в провинции Новая Шотландия, где ему предстояло вести переговоры о распространении ленд-лиза на *Стадию-II*. Он видел в этом «важнейшую (и, может быть, самую трудную) из всех моих миссий... я заменяю канцлера Казначейства в деле, которым формально положено заниматься ему». Прибыв на место, Кейнс подготовил несколько соображений по поводу «финансового положения на *Стадиях-II* и *III*». Для Англии, утверждал он, есть только два способа перейти к *Стадии-III*, «не оказываясь в финансовом отношении зависимой от милости Соединенных Штатов». Первый — это уже на *Стадии-II* урезать все наши военные обязательства за рубежом, кроме строго необходимых для войны с Японией. «Мы не можем за свой счет поддерживать порядок в половине мира, став уже заложниками другой половины». Второй — это «устранить до конца 1944 г. введенные *Белой книгой* экспортные ограничения, рассматривая это как частичный пересмотр условий ленд-лиза»[21]. Его стратегия должна была обеспечить положение, при котором британский импорт будет попрежнему оплачиваться в соответствии с договором о ленд-лизе, тогда как экспорт получит возможности для расширения. Параметры переговоров были установлены «Восьмигранной» встречей Рузвельта и Черчилля, проходившей в Квебеке с 13 по 16 сентября. Война против Японии, как ожидалось, продлится по крайней мере еще год после поражения Германии; Черчилль твердо решил, что Англия должна принять участие в заключительном наступлении на Японию. Это решение касалось и престижа, и финансов. Престиж Британской империи на Дальнем Востоке надо было восстанавливать после понесенных ею сокрушительных поражений. Более того, выйди Англия из войны, ленд-лиз тут же прекратился бы. В этом двойном императиве Казначейство видело возможность сократить военное производство Британии в большей степени, чем

будут сокращаться поставки по ленд-лизу, и за счет образующейся разницы увеличить экспорт и восстановить валютные резервы.

С точки зрения государственного департамента, это также был удобный случай, когда в обмен на распространение ленд-лиза на *Стадию-II* можно было получить от Англии заверение, что она прекратит «дискриминацию» американских товаров и возобновит торговые переговоры.

Рузвельт, по все еще неясным причинам, решил отключить государственный департамент от Квебекской встречи. Черчилль ответил тем, что отключил свое министерство иностранных дел, но настоял на участии лорда Черуэлла и просил о присутствии Моргентау. Англичане проницательно предполагали, что желаемое они получат от Моргентау без всяких условий по торговле. Моргентау был настроен доброжелательно. Англичане сотрудничали с ним в Бреттон-Вудсе. Они обращались к нему за помощью. И ему требовалась их помощь в осуществлении одного из его собственных проектов. Знаменитый *План Моргентау*, предусматривавший превращение Германии в чисто сельскохозяйственную страну, был, как вполне можно было предполагать, отработан Гарри Уайтом. Его реализация заменила бы на континенте гегемонию немцев гегемонией русских и способствовала бы становлению совместного советско-американского господства, о котором он мечтал[22]. После одной встречи в Вашингтоне, 20 августа, Уайт докладывал, что Кейнс «целиком с нами». Уайт ошибался. Кейнс, хотя и увидел «немало соблазнительного» в предложении о временном разрушении Германии, никогда не поддерживал ликвидацию ее промышленности[23]. Он считал, что Германии следует запретить производство каких бы то ни было видов вооружений, но, свободная от военных расходов, она должна будет за счет налогообложения своих доходов от экспорта делать долгосрочные финансовые вложения в сохранение мира[24].

План Моргентау (и самого Моргентау) Рузвельт привез с собой в Квебек, вопреки упорным возражениям

собственного государственного департамента, который выступал не только против существа *Плана*, но и против попыток Моргентау определять внешнюю политику США. Когда 12 сентября Моргентау изложил свой план, от глубоко погрузившегося в кресло Черчилля он получил такую «взбучку», какая никогда в жизни ему не доставалась; Черчилль заклеймил *План* как «нехристианский», и это был один из «самых безобидных эпитетов, которые он использовал в своих оценках»[25]. Однако на следующий день Моргентау склонил на свою сторону Черуэлла; и Черуэлл добился согласия Черчилля на *План Моргентау*, выставив выгоды, которые он дал бы экспортной торговле Британии. Черчилль продиктовал окончательную редакцию *Плана*, которую они с Рузвельтом затем и подписали. Оба лидера брали на себя обязательство «закрыть» тяжелую промышленность Германии и превратить ее в «страну преимущественно сельскохозяйственного и пасторального типа»[26]. На свет явился еще один великий проект. Германия будет «деиндустриализирована», Британии достанется экспортный бизнес Германии. Моргентау обеспечит щедрое урегулирование ленд-лиза применительно к задачам английской *Стадии-II*[27].

14 сентября почти на бегу была согласована директива по ленд-лизу. Намечено было учредить *Совместный комитет* под председательством Моргентау, которому предстояло определить связанные с ленд-лизом потребности Британии в свете «запротоколированной беседы между премьер-министром и президентом». Подтверждалось, что поставки по ленд-лизу на подлежащие уточнению суммы (протоколы наводят на мысль, что речь шла о вооружениях на 3,5 миллиарда долларов и гражданской продукции на 3 миллиарда) после поражения Германии будут продолжены и что Англии будет позволено увеличить объем экспорта немедленно. Протокол, конечно, не упоминает о том, что в какой-то момент «беседы» Черчилль не удержался и вспылил: «Чего вы от меня хотите?.. Чтобы я встал на задние лапы и клянчил, как Фала [собака Рузвельта]?»

Квебекская конференция была для Черчилля триумфом. Он добился всего, о чем просило Казначейство. Похоже, что она стала триумфом и для Моргентау. Ему удалось затвердить свой *План* на высшем уровне, а заодно и восстановить в глазах Британии свой, весьма ему нравившийся, образ «доброго дядюшки». Но Рузвельт попал в затруднительное положение. Корделл Хэлл пришел в ярость от того, что в области торговли от англичан не было получено никакого *quid pro quo*; военных США, хотевших самостоятельно завершить войну с Японией, рассердила необходимость отвлечь часть вооружений на поставки Англии. Не прошло и нескольких недель, как Рузвельт начал отступать от духа квебекских договоренностей. 3 октября он сказал военному министру Стимсону, что Моргентау «допустил промах» в отношении Германии. Квебек обернулся началом заката *Плана Моргентау* — и, более того, ударом по паре Моргентау — Уайт. После Квебека влияние Моргентау стало падать, а вместе с ним и влияние Уайта. Британское министерство иностранных дел также развернуло успешную пропаганду против *Плана*. Черчилль, не позволяя себе раскрыть всю правду, коротко замечает в своих мемуарах, что «с моего полного согласия идея 'пасторализации' Германии была похоронена»[28].

В Лондоне кабинет отрядил Кейнса и сэра Роберта Синклера на работу в *Совместном комитете* Моргентау, где Кейнс должен был представлять канцлера и министра производства Синклера Оливера Литтлтона. Но Черчилль уже попросил Черуэлла начать в Вашингтоне переговоры об исполнении договоренностей[29]. Моргентау заявил, что ему доставит «радость снова видеть здесь лорда Кейнса», но настаивал, чтобы «занимались этим делом лорд Черуэлл и я. Таково именно было желание президента и г-на Черчилля». Но Моргентау нужны были детали, получить которые от Черуэлла он не мог. 22 сентября Черуэллу было дано указание повременить с изложением британской позиции до прибытия Кейнса.

Мейнард и Лидия прибыли в Вашингтон 2 октября. Из Оттавы они ехали в предоставленном президентом *ком-*

пании Канадских железных дорог спецвагоне «со спальнями, гостиной, столовой [и] личным поваром... по имени Ромео, стряпавшим с божественным мастерством». В отеле *Стэтлер* они заняли на самом верхнем (четырнадцатом) этаже оборудованный кондиционером номер-люкс «с окнами во всю стену, так что весь Вашингтон у ваших ног, и никогда не приходится ни грустить, ни скучать». Кейнсу выделили комнату в помещениях британской делегации в отеле *Уиллард* на Пенсильвания-авеню, по соседству с министерством финансов.

Работа по подготовке перечня британских нужд была задержана «заблуждением» Черуэлла, полагавшего, что «стоит только ему с г. Моргентау остаться в комнате наедине, и примерно через пять минут... он (лорд Черуэлл) выйдет с твердым обещанием 5–6 миллиардов долларов и без всяких лишних вопросов». В итоге «до прибытия [Кейнса] мы выглядели немногим лучше неуправляемой толпы»[30]. Кейнс отверг позицию, занятую Черуэллом. По своему опыту 1941 г. он знал, что Моргентау, скорее всего, будет обещать больше, чем в состоянии выполнить, и что «осуществлять все принятые решения предстоит *другим* ведомствам, а не министерству финансов»[31]. Считаясь с реалиями, он утверждал, что если *План Моргентау* в отношении Германии был похоронен в государственном департаменте, то «всякое соглашение между М[оргентау] и Черуэллом... как можно предполагать, постигнет та же участь где-нибудь еще». Черуэллу пришлось еще задержаться достаточно надолго, чтобы должным образом запустить переговоры и затем найти «какое-то подходящее оправдание своему отъезду домой...»[32]

Согласно полученным инструкциям, Кейнс должен был добиться для *Стадии-II* поставок объемом в три четверти покрываемых ленд-лизом запросов Британии. Он должен был также договориться о резком сокращении ограничений, сковывавших британскую экспортную торговлю. Посетив Моргентау и Уайта для предварительного разговора, он обнаружил, что «безумный» план ликвидации германской промышленности интересовал их гораздо

больше, чем детали ленд-лиза. Боясь оказаться втянутым во внутренние вашингтонские раздоры, Кейнс вынужден был хранить «непривычное и неуютное» молчание. Он тем не менее спросил Уайта, каким образом предполагается уберечь жителей Рурской области от голода. Уайт ответил, что не избежать очередей за хлебом. Когда Кейнс спросил, ожидается ли, что англичане должны будут поставлять хлеб в свою оккупационную зону, Уайт сказал, что министерство финансов США готово покрывать затраты, если речь пойдет «об очень низких нормах питания». «Так что, пока горные склоны превращаются в пастбища для овец, в долинах будут выстраиваться... длинные очереди за хлебом... Как сохранять невозмутимое лицо... — не могу вообразить»[33].

Пока погрузившийся в избирательную кампанию Моргентау отсутствовал, а Черуэлл находился в научной экспедиции (то есть собирал сведения об атомной бомбе), Кейнс с коллегами подготовили свою «книгу слов» под названием '*Потребности Британии в первый год Стадии-II*'. На это ушло десять дней. Получив из Лондона телеграмму, указывавшую на предполагаемое сокращение в 1945 г. золотых и долларовых резервов, Кейнс добавил «*Главу 3*» о дополнительных потребностях в объеме порядка 500 миллионов долларов. Эту сумму предлагалось покрыть сочетанием дополнительных поставок табака и сахара и выплаты денег, составлявших, по мнению англичан, задолженность Америки по контрактам, заключенным до вступления в силу ленд-лиза, — задолженность, которую английские чиновники между собой называли «полудохлой кошкой». 17 октября Кейнс послал шесть экземпляров «книги слов» в министерство финансов США. За этим последовал их с Черуэллом визит к измочаленному предвыборной поездкой по Западному побережью Моргентау, который беспокойно постукивал пальцами по книге в предположении, что ему представили трехтомный документ, тогда как на стол министра просто положили три экземпляра.

Официальные переговоры открылись 19 октября в ведомстве Моргентау — в Главном комитете под председатель-

ством самого министра и в двух подчиненных комитетах — по вооружениям и невоенным поставкам. Кейнс скоро понял, что на этих лишенных порядка встречах невозможно будет выступать с какими-либо устными изложениями позиций. У самого Моргентау было лишь смутное представление о том, что происходит. «В Главном комитете, — отмечал Кейнс, — никогда нет места для любой обстоятельной аргументации или даже для высказываний, выходящих за пределы дюжины простых фраз». Спустя неделю Моргентау неохотно согласился создать совместный подкомитет под председательством Уайта. Это помогло, но лишь в некоторой степени. Уайт показывал себя хорошим председателем, но американцам трудно было удерживать одну и ту же команду в действии более десяти минут, потому что кому-нибудь из них постоянно приходилось идти и отвечать на телефонные звонки. Их секретарь, Фрэнк Коу, который вел протокол, то и дело засыпал[34].

В Вашингтоне британцам все время приходилось приспосабливаться к американским обычаям вести дела таким образом, что небольшие команды оказываются в окружении целых полчищ юристов, людей из академических кругов, исследователей, статистиков, репортеров, фотографов. Когда все кончилось, Кейнс написал, что если он что-нибудь усвоил, почти год из последних четырех «ступая как кот по горячим плиткам Вашингтона», так это только то, что ситуация остается «текучей почти до последнего момента». «Я уподобляю их пчелам, которые неделями носятся вокруг во всех направлениях... рождая и угрозу ужалить, и надежду на получение меда; и в конце концов, возможно потому, что матка в Белом улье издала некий легкий, едва уловимый запах, весь рой внезапно слетается в одно место»[35]. Пчелиную матку Кейнс во время этой поездки видел лишь однажды, 26 ноября, когда был приглашен на чай. Для этого случая Лидия купила себе новое платье. После переизбрания, сообщал Кейнс, Рузвельт находится в «великолепной форме».

Англичане нашли американцев удивительно сердечными. Моргентау горел желанием засыпать свои мил-

лиарды в пустой кошелек Британии. Программа по вооружениям была согласована «с замечательной непринужденностью и быстротой», несмотря на возражения военных ведомств, которые не видели никакой нужды иметь на Тихом океане английского «Блюхера». Больше времени понадобилось для утряски гражданской программы, но в конечном счете британцы и тут получили бóльшую часть того, что хотели. Кейнса конкретные пункты программ интересовали меньше, чем их общее воздействие на перспективы британской *Стадии-III*. Ее осуществление зависело от того, насколько до окончания войны с Японией Англии будет позволено увеличивать свои валютные резервы и расширять экспорт. В Квебеке Рузвельт согласился с доводами в пользу увеличения экспорта. Но о резервах не упоминалось, и американцы не были настроены упускать контроль над ними. Более того, «Уайт высказал Кейнсу свое личное мнение — отнюдь не для печати, — что для нас было бы лучше на *Стадии-II* сократить наши золотые и долларовые резервы до опасно низкого уровня, так как это облегчило бы американцам предоставить нам очень щедрую помощь на *Стадии-III*. Кейнс вполне обоснованно сопротивлялся этому предложению, поскольку оно поставило бы нас на *Стадии-III* в зависимость от милости американцев»[36].

Для увеличения золотых и долларовых резервов Британии Кейнс предложил, чтобы США задним числом оплатили наличными самолеты, которые Англия заказала и купила на свои деньги, а потом передала Америке до того, как в сентябре 1942 г. формально вступил в силу договор о взаимной помощи. Это были «полудохлые кошки». Услышав об их возвращении к жизни, Моргентау «запрыгал как сумасшедший», и такая его реакция сильно разволновала Кейнса. Вмешалась Лидия. Она явилась в кабинет сдержанного министра и сказала: «Г-н Моргентау, *Мейнар* не может спать по ночам. Он говорит, что от вас ему нужен пятак — всего-то пятачок. Почему, г-н Моргентау, почему вы не можете давать *Мейнару* пятачок?» После чего Моргентау, согласно ее рассказу, пообещал ей пятачок и похвалил ее как

одного из самых способных и искусных переговорщиков, какие только попадались на его пути[37]. Кейнсу он сказал, что найдет «глыбу новых денег». «Мы с ним согласились, — докладывал Кейнс Андерсону, — что полудохлых кошек гораздо лучше заменить новой живой собакой. Но из какой конуры ее вытащить?»[38]

Кейнс и Галифакс хорошо ладили друг с другом. Кейнс часто навещал его с тем, что посол называл «Кейнсовыми заботами»; понимание и некоторая отрешенность обаятельного Галифакса успокаивающе действовали на Кейнса и помогали ему снимать напряжение. Расшевелил чувства Галифакса состоявшийся у них разговор о ректорстве в Итоне. «Жердь» Квиксвуд вышел в отставку. «Он [Кейнс] хочет, чтобы я согласился стать ректором, — записал Галифакс 2 ноября, — но не думаю, что эта чашка чая для меня... Он был озабочен решениями насчет послевоенных поставок в Англию и расстроен тем, что министров засосала текучка. Он, судя по всему, надеется, что Джон Андерсон, скорее чем Энтони, станет премьер-министром, если и когда уйдет Уинстон». Вечером в день президентских выборов Мейнард и Лидия присоединились к Галифаксам, Дэвиду Боуэсу Лайону, его супруге и Исайе Берлину на ужине в посольстве. Лидия, которой стало скучно слушать радио, передававшее сообщения о ходе выборов, спросила вдруг у Берлина: «Вам нравится лорд Галифакс?» Галифакс сидел не так далеко. Берлин издал звук, похожий на ржание. Кейнс ее не останавливал. Она продолжала: «Он весьма популярен, но так было не всегда. Помните умиротворение? Это было ужасно. Мюнхен...» Мейнард молчал. Галифакс выглядел смущенным, встал и погладил свою собаку. «Ну что, Фрэнки, пожалуй, хватит всей этой политики». Позвонив Гарри Гопкинсу, Галифакс вернулся и объявил, что с выборами «дело в шляпе»[39]. Кейнс был так возбужден победой Рузвельта, что с непомерной резкостью написал о его противнике-республиканце Томасе Дьюи, что это «одна из самых жалких крыс, когда-либо появлявшихся на белом свете»[40].

У русских есть слово, подходящее для оценки поведения Лидии, — штучки (*stoochki*). Ее «озорство, — вспоминал Берлин, — весьма нравилось Кейнсу, особенно когда оно било по напыщенности». Высказывания Лидии, как и реплики Кейнса, кругами ходили по Вашингтону. На обеде, устроенном Корделлом Хэллом, было услышано, как она говорила кому-то из соседей по столу: «Двое мужчин — да, я могу понять, у них есть, за что ухватиться. Но две женщины — это невозможно. Вы не можете крутить любовь из двух внутренностей»[41]. Лидия была и беззастенчивой, и хитроумной; и то, что люди принимали в ней за отсутствие стеснительности, отчасти было просто ее самым верным способом очаровывать.

Непрерывно загруженный работой, Кейнс тем не менее сохранял хорошую форму и был здоров все два месяца пребывания на земле Северной Америки. 31 октября он выступил в государственном департаменте с неофициальным докладом о стерлинговой зоне и попытался разубедить американских чиновников, полагавших, что это некий подлый заговор с целью отнять рынки у американских экспортеров. «Полагаю, какая-нибудь польза будет», — отметил посол. Остину Робинсону запомнилась поездка в Маунт-Вернон, в дом Джорджа Вашингтона в Вирджинии. «В течение трех или четырех часов [для Кейнса] не существовало ничего на свете, кроме изящества и совершенства этого прекрасного дома и потрясающей красоты открывавшегося с его террасы вида, и он беззаботно бросал совершенно нелепые замечания насчет Джорджа Вашингтона и современной Америки».

Моргентау прилагал все силы к поиску дополнительных 400–500 миллионов долларов, но убедить президента не удалось, и Кейнс проницательно отмечал, что «г-ну Моргентау гораздо легче войти в контакт с президентом лично, чем с его мыслями». Новая собака оказалась тощим животным стоимостью лишь в 250 миллионов долларов; Кроули от имени внешнеэкономического отдела администрации отказался восстановить сахар в списке гражданских поставок по ленд-лизу, откуда он его удалил в 1943 г. Вместо сигарет

британцам предложили сборные дома — лучше для здоровья, но хуже для валютных резервов.

Однако коренной вопрос — и по нему удовлетворительного решения не получилось — состоял в том, чтобы снять ограничения с экспорта. Англичане пребывали в уверенности, что 1 января 1945 г. смогут снять записанные в *Белой книге* ограничения на экспорт. Но на заключительном заседании *комитета Моргентау* (22 ноября) Кроули объявил, что им следует подождать конца войны с Германией, когда бы он ни наступил, и даже после этого не спешить с административным решениями. Кейнса это привело в бешенство, и он назвал Кроули «*[подслушивающим] Полонием из Таммани-холла*», который так «плотно прижимает ухо к земле, что не может слышать слов, которые произносят люди, стоящие на ногах»[42]. Самое большее, чего Кейнс смог добиться, было обещание некоторого административного послабления с января 1945 г. и полной свободы экспорта по окончании войны с Германией. Пытаясь по возможности изобразить это в лучшем свете, он по возвращении сказал Долтону, что в результате Англия «получила такую свободу экспорта, какую мы только в состоянии использовать»[43].

Что в итоге? По военным статьям ленд-лиза Британия получала 2,838 миллиарда долларов против запрошенных ею 3 миллиардов, по гражданским — 2,569 миллиарда против требуемых 3 миллиардов. Моргентау пообещал изыскать еще 250–300 миллионов долларов для помощи в накоплении валютных резервов. На удивление, все это обернулось большими, а не меньшими суммами по сравнению с объемом помощи, которую Британия получала по ленд-лизу прежде, даже притом что (после поражения Германии) ее военные расходы сократились.

На деле соглашение оказалось менее надежным, чем казалось. Моргентау не оставлял стараний, но в Америке опять распространились антибританские настроения, отчасти из-за военной интервенции англичан в Греции с целью подавить коммунистическое восстание. Американская печать кричала, что ленд-лиз нельзя ставить на службу бри-

танскому империализму. Рузвельт отступил от взятых им в Квебеке обязательств. Мол, до победы над Германией Англии ни в коем случае не будет дано право экспортировать товары, «подобные» тем, что поставляются по ленд-лизу. Не получало подтверждения и обещание продолжить ленд-лиз после *Дня победы*. Главное же — по распоряжению Рузвельта ни одно из достигнутых в Вашингтоне соглашений не было подписано. Это означало отсутствие всякой гарантии, что 5,5 миллиарда долларов действительно поступят или что состояние валютных резервов Британии не будет больше служить критерием управления ленд-лизом. 30 ноября в заявлении для печати Кроули сказал, что «объем и виды поставок, как всегда, будут подлежать периодическому уточнению...» Как заметил по этому поводу Добсон, «все выглядело так, будто никаких разговоров в Квебеке никогда не было»[44].

27 ноября Мейнард и Лидия вылетели на частном самолете в Оттаву, чтобы обсудить с канадскими министрами предложения по *Стадии-II*. Выйдя из самолета, Лидия бросилась к встречавшему их Макдональду, обняла его и громко воскликнула: «О, мой дорогой верховный комиссар, как дела? Я видела сон, *бута я* лежу в постели и *бута* вы в моих объятиях». В целом визит оказался неудачным. Кризис, возникший в стране в связи с воинским призывом, лишил Кейнса внимания должностных лиц Канады. Дальнейшие переговоры были назначены на 1945 г., и 6 декабря они с Лидией отплыли из Нью-Йорка в Англию на пароходе *Нью Амстердам*.

На борту он набросал огромное письмо канцлеру, в котором подвел итоги своих достижений. В целом оно дышало удовлетворением. Кейнс успокаивал себя мыслью, что теперь Соединенные Штаты связали себя твердым обязательством восстановить Британию в положении великой державы. Американские иллюзии насчет всех прочих их союзников испарились или испаряются. «На земном шаре нельзя найти ничего надежного или удобного за пределами Англии и Британского содружества. Сегодня это самое глубокое, наименее подверженное переменам

убеждение Америки — твердая скала, на которой, что бы там ни возникало на поверхности, мы можем строить свою безопасность». Однако были и невеселые уроки, которые надо будет учесть при переходе к *Стадии-III*. Главный среди них — не допустить «стеснительных условий» американской помощи после окончания войны с Японией. Он требовал «самым настоятельным образом», чтобы «скорейшее, по возможности, достижение финансовой независимости от Соединенных Штатов стало основной целью британской политики... Могущественная империя, опутанная финансовыми условиями, которые привязывают ее к другим, вообще никаким могуществом обладать не будет...» Англия «должна держаться без подпорок, иначе ее уложат наземь»[45].

Мейнард и Лидия сошли на берег в Саутгемптоне 12 декабря. Три месяца без восьми дней они находились вдали от дома.

Часть девятая

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Не может быть большей ошибки, чем ожидать или рассчитывать на то, что одна страна по-настоящему облагодетельствует другую.

Джордж Вашингтон

XLI
Соблазн

1. Ростовщичество

С точки зрения британского Казначейства, идеально было бы Германии сдаться в конце 1944-го, а Японии воевать до конца 1945 г. Англии это дало бы год на демобилизацию ее военной экономики и возобновление экспортной торговли под прикрытием договора о ленд-лизе; в итоге уменьшилась бы и ее зависимость от американской помощи с наступлением мира. Но этому не суждено было осуществиться. 16 декабря 1944 г. Гитлер начал свое последнее контрнаступление в Арденнах. Его скоро остановили, но, в сочетании с бездействием России на востоке, оно на несколько месяцев оттянуло конец войны в Европе. Вторым обстоятельством, о котором Кейнс не мог и подозревать, было то, что атомная бомба находилась уже на грани готовности к практическому использованию. Кейнс надеялся, что «японцы не подведут нас слишком скорой капитуляцией». В действительности применение атомного оружия в августе 1945 г. оборвало войну на Тихом океане. В результате осуществление намеченных для *Стадии-II* мер, с которыми Британия связывала надежды на восстановление до конца войны определенной степени своей финансовой независимости, было не только отложено до мая 1945 г., но и втиснуто затем в рамки трех месяцев. Последняя надежда Британии избежать «финансового Дюнкерка» рассыпалась, когда после капитуляции Японии поставки по ленд-лизу, вместо ожидавшегося их постепенного свертывания, были резко и в одночасье прекращены. Поэтому мир

наступил с дефицитом платежного баланса, унаследованным от военного времени. Это означало, что Англии придется снова идти в Вашингтон с протянутой рукой, чего Кейнс как раз и рассчитывал избежать.

В то время как союзнические армии готовились к решающему удару по Германии, всю свою энергию Кейнс временно направил на поиск решения не столь срочной проблемы послевоенных внутренних финансов. Прошлой осенью сэр Ричард Гопкинс постановил изучить положение с национальным долгом, и Кейнс был назначен в соответствующий комитет, составленный из служащих Казначейства, Отдела внутренних доходов и Экономического отдела. Очевидно, что из-за войны национальный долг должен был сильно возрасти, и Казначейство искало авторитетную, созвучную с современной экономической мыслью доктрину его финансирования. На трех заседаниях комитета 8, 22 и 27 марта 1945 г. Кейнс излагал свои взгляды на сбережения и инвестиции, процентные ставки и бюджет капитальных затрат. Согласно дневниковой записи Мида, вел он себя сумбурно — был «капризным, блестящим и своенравным»: пускался в крайности, излагая свою теорию предпочтения ликвидности, невероятно грубил старшему служащему Казначейства сэру Герберту Бриттэйну (назвал его «достойным интеллектуального презрения»), осторожным и разумным в своих предложениях о необходимых мерах[1].

Мнение Кейнса о том, что после войны надо будет поддерживать низкие процентные ставки, имело большой смысл в свете реальной ситуации, с которой столкнулось Казначейство. Но экстремизм теоретических посылок, из которых он исходил, выглядел каким-то вызывающим штрихом в его косметике. Деннис Робертсон пытался освободить Кейнса от представления, будто процентная ставка никак не связана с производительностью и бережливостью, напоминал, что постоянное закрепление процентной ставки на уровне ниже нормы прибыли неизбежно породит взрыв инфляции. Иногда Кейнс бывал, казалось, в настроении с этим согласиться; но если Робертсона не оказывалось под рукой, чтобы вступить с ним в спор, он опять возвращался к

своим крайним заявлениям. Его ненависть к рантье была сильней экономических доводов, потому что имела природу богословскую, а не научную. Всякий держатель облигаций был в его понимании не более чем средневековым ростовщиком — Шейлоком, который наживается, выдавая денежные ссуды. 9 апреля Кейнс писал сэру Корнелиусу Греггу, председателю Управления внутренними доходами: «Иными словами, это именно ростовщичество, когда из заемщика выжимают некоторую сумму, превышающую истинные затраты кредитора, что оказывается возможным ввиду слабой позиции заемщика либо его крайней нужды в деньгах... Считаю интересным представить это таким образом, потому что здесь происходит как раз то, о чем говорит моя теория предпочтения ликвидности»[2].

Важно отметить, что эти мысли роились в мозгу Кейнса, когда он составлял свое обращение к американцам с просьбой предоставить безвозмездную финансовую помощь или беспроцентную ссуду, что требовалось Англии в условиях *Стадии-III*. Взимать с Англии процент, когда она находится «в крайней нужде» было бы ростовщичеством, особенно после несоразмерных жертв, принесенных Британией ради общего дела союзников[3].

2. Подготовка к *Стадии-III*

4 января 1945 г. в Лондоне возобновились неофициальные торговые переговоры между Англией и Соединенными Штатами, в которых с британской стороны участвовали Лишинг, Роббинс и Иди, а с американской Гарри Хоукинс и Эрнест Пенроуз из посольства США. Американский проект «многосторонней конвенции» охватывал такие темы, как тарифы, имперские преференции, картели, сельскохозяйственные субсидии, блокированные счета и процедурные правила. Британцы сказали, что они разделяют цели американцев, но хотели бы продвигаться к либерализации торговли более осмотрительно; к июню они продвинулись лишь настолько, что смогли предложить американцам «при-

мерный проект возможного заявления о принципах». Лично Кейнс полагал, что для Соединенных Штатов и Британской империи лучше было бы образовать таможенный союз с «участием других пожелавших присоединиться стран», чем начинать с «многосторонней конвенции»[4].

У англичан не было готового документа, который намечал бы устройство мира после ленд-лиза. У Кейнса были свои идеи. Новый «взлет мысли» в духе Рузвельта, сказал он Брэнду 15 февраля 1945 г., должен предусмотреть «пересмотр распределения военных издержек»[5]. Смысл этого сводился к предоставлению Соединенными Штатами безвозмездной помощи на покрытие военных затрат. Эту мысль Кейнс держал на уме во время прошлогодних осенних переговоров о *Стадии-II*. Кейнс провентилировал ее с двумя советниками Рузвельта — судьей Розенманом и Лафлином Керри во время их визитов в Лондон в марте и апреле соответственно[6]. К несчастью, Рузвельт скончался прежде, чем идеи Кейнса смогли до него добраться. Маловероятно, чтобы они нашли у него одобрение.

Не кто иной, как канадцы, подвигли англичан на более содержательные шаги. Встревоженный замечаниями гостившего в стране британского министра сельского хозяйства Роберта Хадсона, заявившего, что британцы не потерпят никакой «многосторонней ерунды», Грэм Тауэрс, управляющий Банка Канады, подготовил появившееся 8 января 1945 г. заявление под названием '*Перспективы послевоенной торговой политики: как предотвратить крах международных торговых отношений*'. Канадское правительство приняло предложения Тауэрса и в отправленной 23 февраля в Лондон телеграмме предложило заменить *Взаимопомощь* — канадское обозначение ленд-лиза — 2-процентным займом в 1,2 миллиарда долларов, которые будут предоставлены в течение трех послевоенных лет с десятилетним сроком погашения и с оговоркой, что это должно быть обеспечено состоянием платежного баланса. Если Соединенные Штаты откроют соответствующую кредитную линию, Англия, как предлагалось, должна быть готова отказаться от ограничительной и дискриминационной торговой

политики. Канадцы предлагали также, чтобы США и Канада взяли на себя часть стерлинговых долгов при сокращении оставшихся. Они хотели прибыть в Лондон, чтобы обсудить эти идеи. Черчилль согласился на визит канадцев. Он был намечен на начало лета[7]. Задним числом кажется очень странным, что канадский план не подсказал Британии форму, в какой Соединенные Штаты могли бы предложить свою помощь. Чего он достиг, так это вызвал отклик Кейнса. В стремлении дать британским чиновникам материал для обсуждения с канадцами Кейнс взял десятидневный «отпуск», который он провел в середине марта в Кембридже, где написал записку под названием '*Внешние финансовые меры на Стадии-III*'. Датированная 18 марта 1945 г., записка широко обсуждалась и переделывалась перед подачей 15 мая в кабинет. Она заложила интеллектуальную и мифологическую основу состоявшихся в конце года переговоров об американском займе.

По мысли Кейнса, Англия должна была предложить американцам две послевоенные финансовые «сделки»: возврат к обратимости для стерлингов, поступающих на текущие счета, в обмен на дар в сумме 5 миллиардов долларов; и — это для стран стерлинговой зоны — немедленную обратимость части их образовавшихся в военное время авуаров в обмен на отмену либо согласованное финансирование остатков. В основу предлагаемых сделок легла концепция ретроспективного перераспределения издержек войны, о которой он упомянул Брэнду. Если США и страны стерлинговой зоны возместят Англии ее несоразмерные военные жертвы, Британия, располагая большими валютными резервами и обремененная меньшими долгами, могла бы согласиться войти в многостороннюю торговую и платежную систему. Таким образом, «справедливый» учет затрат на войну сделал бы возможным перейти к миру на либеральной основе. Этот проект обладал красотой моральной взвешенности, и на нем лежала печать этики, смешанной с материальным интересом, что делало доводы Кейнса интуитивно привлекательными для всех, кто читал его записку.

В чем еще Кейнс был верен себе, так это в предложении рассмотреть три возможных варианта решения ожидавшейся после войны проблемы британского платежного баланса — идеального, наихудшего и промежуточного, которые он обозначил соответственно как *Справедливость*, *Строгая экономия* и *Соблазн*. Дело не только в том, что Кейнс, опытный государственный служащий, должен был предлагать выбор. Это был именно его способ предложить для обсуждения основу, приемлемую для обеих главных враждующих фракций Уайтхолла — сторонников многосторонности и шахтианцев. Примерно то же самое он говорил в своей самой первой записке о *Клиринговом союзе*. Однажды сказанные слова не испарились. Все, кто впоследствии участвовал в обсуждении вопроса об американской финансовой помощи, вели разговор в предложенных Кейнсом интеллектуальных рамках. Это не было единственно возможной основой для дискуссий, и далеко не ясно, была ли она наилучшей. Но, несомненно, она была наиболее соблазнительной, а Кейнс был величайшим интеллектуальным чародеем Уайтхолла. Новая записка была, однако, более многословной, требовательности к самому себе автор проявлял меньше, чем в своих прежних работах. Это наводит на предположение о некотором спаде энергетического заряда в интеллектуальной катушке напряжения, каковой был мозг Кейнса, — возможно, сказывались одновременно и усталость, и давно укоренившаяся привычка к самоуверенному возвеличиванию собственной личности.

Не изменив своей политики, Англии пришлось бы войти в послевоенный период (*Стадию-III*) предположительно с ежегодным дефицитом платежного баланса в 1,4 миллиарда фунтов, или 5,6 миллиарда долларов. В течение трех-пяти лет совокупный дефицит мог вырасти до 2 миллиардов фунтов, или 8 миллиардов долларов. Для покрытия этого дефицита надо было так или иначе найти финансовые средства. *Строгая экономия* (впоследствии обозначенная им как *Голодный угол*) была бы следствием отказа от всякой американской помощи. Так Кейнс называл политику двусторонности, отстаиваемую Хьюбертом Гендерсоном, привержен-

цами империи, Английским банком и левыми социалистами — теми, кого он теперь без разбора именовал шахтианцами. Она потребовала бы сохранить и усилить введенные в военное время нормирование и меры контроля, потребовала бы государственного планирования и управления внешней торговлей по советским рецептам, отсрочки социальных проектов внутри страны и планов восстановления и развития в заморских колониях и вообще полного отказа Англии от всякой требующей денег активности за границей, будь то военной или дипломатической. Возникает риск «серьезных политических и социальных разрывов и утраты нами на какое-то время положения державы первого ряда». Чем больше думал Кейнс о *Строгой экономии*, тем меньше она ему нравилась. С экономической точки зрения в двусторонности нет смысла, поскольку Англия больше покупает в странах, которым меньше продает. Попытка заключить двусторонние соглашения расколола бы стерлинговую зону, требующую «свободной конвертируемости» нашей валюты. Однако его главное возражение состояло в том, что это вызовет активную враждебность Соединенных Штатов и таким образом подорвет единство либерального фронта. Странам стерлинговой зоны США могут также сделать гораздо более привлекательные предложения, чем это по силам Англии. «Короче говоря, нынешний момент, когда мы лишились своей финансовой мощи и много задолжали всему миру, — едва ли предоставляет самую блестящую возможность просить всех наших кредиторов выступать совместно с нами против страны, в которой сейчас сосредоточено финансовое могущество — причем не ради того, чтобы были погашены наши им долги, а с целью еще немного увеличить наши перед ними обязательства»[8].

Этот «катастрофический» выбор из предложенных им вариантов Кейнс рассматривал как «блеф с расчетом вырвать американскую помощь». Америка, полагал он, захочет, будет даже жаждать, предоставить Англии коммерческий заем в 8 миллиардов долларов не выше чем под 2 процента годовых, на облегченных условиях погашения с отсрочкой на десять лет и под обязательство Англии сделать конверти-

руемыми доходы стерлинговой зоны и целиком принять положения статьи VII. Такова была политика *Соблазна*. Возражением против нее было не только и не главным образом то, что она затащит Англию в долговую кабалу, возможно невыносимую, но и то, что она стала бы «скандальным итогом и венцом всего, что произошло». Особенно нетерпимо, что Англия должна была бы вступить в мирную жизнь с долгом свыше 20 миллиардов долларов (стерлинговые авуары плюс американский заем) — примерно равным тому, что союзники собираются получить в виде репараций с Германии. Кейнс грохотал: основополагающие причины отвергнуть такой выбор не поддаются выражению в денежных суммах. «*Соблазн* можно было бы преобразовать в нечто приближающееся к *Справедливости*, то есть к идеальному варианту, если бы Соединенные Штаты предложили для своего займа более легкие условия погашения и годовых выплат, согласились на отсрочку размораживания стерлинговых счетов и воздержались от финансового давления на торговых переговорах. Но этих послаблений не было бы достаточно. «Сладкое дыхание *Справедливости* в отношениях между партнерами... было бы принесено в жертву ради некой ложной аналогии с 'бизнесом'». Справедливость требует «общей переоценки бремени затрат на войну»[9].

Справедливым решением были бы возмещение Соединенными Штатами 3 миллиардов долларов, потраченных Англией в Америке до начала ленд-лиза, и открытие на десять лет кредитной линии в сумме 5 миллиардов под символический процент и с облегченными условиями погашения. Канада могла бы списать 500 миллионов долга и дать ссуду еще в 500 миллионов под номинальный процент. Взамен Англия согласилась бы в течение года по окончании войны «сделать стерлинг *de facto* конвертируемым»[10]. Таков с самого начала был краеугольный камень плана Кейнса.

Были у него и кое-какие соображения по поводу тактики. Добиться таких результатов Англия могла надеяться только на пути «энергичных и упорных переговоров». Он полагал, что их первый круг вполне может завершиться провалом. Отстаивать свою позицию перед США Англия долж-

на, мол, обращаясь к понятию справедливости и подчеркивая, что «никогда больше у них не будет лучшей возможности совершить такой мудрый акт при столь скромных затратах»[11]. Переговорам следует начаться самое ранее в сентябре — по окончании войны с Германией, после заключительного ассигнования конгрессом средств на ленд-лиз и ратификации им Бреттон-Вудского соглашения. В этом расписании отразилось предположение, что война с Японией все еще будет продолжаться. Полученный в Вашингтоне опыт должен был научить Кейнса, что американцы никогда не признают себя моральным должником Англии, и маловероятно, чтобы это могли признать страны империи. Было в этой аргументации нечто, указывавшее, что родилась она в башне из слоновой кости, и поэтому некоторые ее положения совершенно не годились для практического применения. Но с практическими возможностями она не сопрягалась и в другом смысле. «Понимание» политики Вашингтона Кейнс неоправданно строил под влиянием своего двойного триумфа в 1944 г., когда он добился Бреттон-Вудского соглашения и получил на переговорах по ленд-лизу исключительно благоприятные для *Стадии-II* решения. То, чего он ждал для *Стадии III*, связывалось с пребыванием во власти дуумвирата Рузвельта и Моргентау, а на британской стороне — Уинстона Черчилля с его беспримерным престижем. Все эти политические фигуры были в 1945 г. опрокинуты — смертью, отставкой, поражением на выборах. Но к тому времени, когда все это случилось, *Великий проект* Кейнса уже пустил корни в Уайтхолле и не мог быть отвергнут. Когда в сентябре Кейнс добрался наконец до Вашингтона, он обнаружил, что его план остается без изменений, зато изменилось все остальное.

3. Как он снова убеждал Уайтхолл

Прежде чем идеи Кейнса могли стать британской политикой, их должен был принять Уайтхолл. На сей раз у Кейнса не было поддержки его прежних «первоклассных

критиков»: Гендерсон, Робертсон, Кан и Хэррод на сцене отсутствовали. В Казначействе проект Кейнса рассматривала группа во главе с сэром Уилфридом Иди, одним из двух вторых секретарей. Иди был шахтианцем. В разыгравшейся впоследствии драме он стал основным противником соглашения с Соединенными Штатами на условиях, сколько-нибудь отличавшихся от предложенных Британией. В своей записке Кейнс утверждал: «Большинство из нас, столкнувшись с таким выбором, предпочло бы... *Соблазн Голодному углу*...»[12] Но не сэр Уилфрид Иди. В своем первом отклике на проект Кейнса он написал, что действовать следует по формуле «либо все, либо ничего», то есть либо *Справедливость*, либо *Строгая экономия*. Предложение Кейнса о кредитной линии в 5 миллиардов долларов и дополнительных 3 миллиардах от ретроспективных расчетов по ленд-лизу он считал «всего-навсего *Соблазном*, и... опасным *Соблазном*». Заем же мог бы только отравить англо-американские отношения. Помимо этого, Иди вводил в разговор три существенные дозы реализма. Он выражал сомнение в том, должна ли Англия предлагать «конвертируемость *de facto*» в пределах года после окончания войны, поскольку не предвидел достаточного расширения экспорта, чтобы сделать это оправданным риском. Он настаивал на устранении формулы «перераспределение издержек войны», которая, как он предугадывал, оттолкнет кредиторов Британии в стерлинговой зоне. Кроме того, он предупреждал, что «необычайно сложная финансовая дипломатия» Кейнса не даст никакого успеха, если Англия не будет иметь своей позиции в отношении статьи VII *Соглашения о ленд-лизе* — «по вопросу, который наверняка возникнет». В сущности, он обвинял Кейнса в том, что тот уклоняется от выбора между *Справедливостью* и *Соблазном* и пытается представить эти варианты слишком розовыми и легко достижимым. Его собственное альтернативное предложение состояло в том, чтобы получить на коммерческих условиях кредит для необходимых закупок в Соединенных Штатов и при этом перенаправить торговый поток в стерлинговую зону и страны, связанные «платежными соглашениями»[13].

Как от Казначейства, так и от Английского банка последовали возражения, ставшие со временем причиной трудностей. Первое возражение касалось мер в отношении стерлинговых авуаров. Кейнс предложил, чтобы в случае, если страны стерлинговой зоны откажутся принять его «трехчленную» формулу (треть стерлингового долга становится конвертируемой, треть замораживается, а треть подлежит списанию), Британия должна будет попросту заморозить все остатки на стерлинговых счетах. Эрнест Роу-Даттон, чиновник Казначейства, указал на опасность этой так называемой санкции: дескать, блокирование всех стерлинговых счетов разрушило бы стерлинговую зону. Второе возражение выдвигалось против предложенного Кейнсом *quid pro quo* в обмен на американскую помощь — рискованного обещания разрешить конвертируемость в доллары текущих стерлинговых счетов. Уэйли, заместитель главы Отдела внешних финансов Казначейства, исключал возможность «полной конвертируемости» «в сколько-нибудь обозримом будущем». Третье возражение, как его представил Роу-Даттон, состояло в необходимости искать альтернативу «безоговорочной капитуляции» на случай неудачи с вариантом *Справедливости*. О позиции Английского банка в июле выразительно заявили Кобболд и Болтон: заем не дает никакого решения, но безвозмездная помощь весьма смахивает на благотворительность. Ее можно было бы принять. Но Банк, как и Иди, предпочел бы на коммерческой основе заимствовать доллары для покупки необходимых американских товаров и сохранять «долларовый пул» в неприкосновенности. Кобболд был уверен, что, располагая средствами на покрытие расходов в Америке, Англия сможет закрывать свои дефициты, продолжая управлять счетами стерлинговой зоны[14].

Суровой критике позиция Кейнса была подвергнута, как и можно было ожидать, со стороны находившейся в Вашингтоне британской финансовой команды во главе с Брэндом и Ли, чьи уши были намного ближе к американской земле. Брэнд отметал всякую надежду на получение чистого дара: для этого нужна была бы «атмосфера, никак не похожая на нынешнюю»[15]. Не советовал он также обра-

щаться за безвозмездной помощью и обосновывать это ссылкой на восстановление справедливости. «Мы не можем предлагать американцам мысль, будто справедливость требует от них предоставить нам безвозмездную помощь на том основании, что в войну они должны были вступить прежде, чем они это сделали, и поэтому, мол, задолжали нам 3 миллиарда долларов, которые мы здесь потратили»[16]. Обращаясь с просьбой о безвозмездной помощи, британцам следует взывать не к справедливости, а к великодушию: Англия нуждается в помощи, но не в состоянии ее оплатить. Для прикрытия факта банкротства Брэнд предлагал договориться о безвозмездной ссуде, по возможности «обставленной так», чтобы она таковой не выглядела[17]. Брэнд также предсказывал, что США будут настаивать на увязке любой своей помощи с урегулированием стерлинговых долгов. Предложение Кейнса напоминало, по его мнению, «резкое переустройство фирмы с привлечением новых денег». Соединенным Штатам потребовалось бы знать, каким образом Англия намерена улаживать дела с другими своими кредиторами[18]. Эта аналогия с миром бизнеса естественно приходила в голову банкирам: Кейнс был возмущен, когда осенью в Вашингтоне то же самое стал говорить Мэрринер Экклс, председатель правления Федеральной резервной системы. Брэнд также высказывал мнение, что, может, лучше было бы скроить «какую-нибудь временную договоренность, которая позволит нам продержаться год или больше после ленд-лиза», пока будет разворачиваться кампания воспитания и кристаллизации антирусских настроений[19].

Последнее соображение наводило на заслуживавшую серьезного рассмотрения мысль об альтернативной стратегии. Кейнс никогда, по-видимому, не принимал во внимание геополитический контекст, в котором можно было бы ставить перед Соединенными Штатами вопрос о помощи. Черчилль политику понимал, но не сумел увязать ее с проблемой финансов. Впервые используя выражение «железный занавес», он говорил Трумэну в телеграмме от 12 мая 1945 г.: «Каждый может видеть, что через очень короткое время на-

ша вооруженная мощь на континенте исчезнет... [и оставит его] открытым для русских... которые смогут, если пожелают, выдвинуться к берегам Северного моря и Атлантики». Он отменил сокращение британских сил на континенте[20]. Но увязка между опасением Черчилля по поводу советской угрозы и надеждой Кейнса на безвозмездную помощь никогда не возникала. Для финансовых переговоров требовался политический контекст. Возможно, в 1945 г. это было преждевременно, что можно принять за серьезное основание для «временной» договоренности по рецепту Брэнда. Поезда финансовый и политический двигались по разным путям. В пункт назначения они прибыли одновременно только с объявлением в июне 1947 г. *Плана Маршалла*, который был не чем иным, как послевоенной версией ленд-лиза. Но к тому времени было слишком поздно.

В стремлении раскрыть возможности *Строгой экономии* Иди нашел себе мощного союзника в лице Ричарда («Отто») Кларка, который пришел на службу в Отдел внешних финансов в 1944 г., имея за плечами карьеру в финансовой журналистике. 11 мая Кларк выдал первую из множества записок в пользу серьезного отступления на обозначенные им рубежи, если не пройдет вариант *Справедливости*. Своей отправной позицией Кларк избрал гендерсоновский пессимизм в оценке экспорта и исходил из того, что в 1950 г. дефицит платежного баланса все еще будет держаться на уровне между 500 и 600 миллионами долларов, даже в маловероятном случае мирового бума. Главную тому причину он усматривал в отсутствии «воли к экспорту», хотя свою роль должен был, по его мнению, сыграть и завышенный курс фунта. Для восстановления баланса Англии надлежало, мол, сократить свой импорт и экспортировать средства производства в колонии для развития их сельского хозяйства, транспортной сети и электрификации, а на оплату таких «планов развития» использовать финансируемую часть стерлинговых авуаров. (Принятый в 1948 г. в Танзании план разведения арахиса стал причудливым ответвлением этой идеи.) Кларк приветствовал «справедливое» урегулирование с Соединенными Штатами, но предупреждал против

превращения Британии в постоянного заемщика или пенсионера и настаивал, чтобы «мы сохраняли мощь и аппарат, которые позволяли бы нам перейти на основу двусторонних отношений, если события покажут, что это необходимо». Двусторонность, в его понимании, означала «образование вокруг Великобритании многосторонней группы менее чем всемирного масштаба». Это требовало «мер валютной и торговой дискриминации» на время, пока Англия не вернется к бездефицитному платежному балансу[21].

Получив от Кейнса ряд критических замечаний, Кларк разработал то, что он назвал *Планом-II*. Ключевой его установкой был отказ от варианта *Соблазн* на том основании, что заем (при тех условиях, которые будут, вероятно, его сопровождать) сопряжен с множеством рисков. Очищенный от усложнявших дело подробностей, *План-II* сводился к предложению расширить «долларовый пул» за счет включения в него государств Западной Европы вместе с их колониальными империями. Иди в заметке на полях высказал предположение, что «расширенный недолларовый блок» (который он назвал «ассоциацией»), опирающийся на стерлинг и управляемый из Лондона, мог бы зарабатывать достаточно долларов для закупки в Соединенных Штатах всего необходимого. Он выражал желание, чтобы такой блок рассматривался как «нечто навязываемое нам ходом событий», а не просто наш «блеф» в игре[22].

Кейнс отмел записку Кларка, объявив его план фантазией. В своих замечаниях он писал: «Эти цифры говорят, что, мол, в случае, если приливная волна накроет Северную и Южную Америку... худшее, что воспоследует, это голодная смерть». В расчетах с Соединенными Штатами все еще сохранится 25–30-процентный дефицит, который Англия не в состоянии будет покрыть за счет займов, получаемых в странах расширенной стерлинговой зоны, поскольку «у них также будет большой дефицит в расчетах с Америками». Этими презрительными фразами завершилось в Уайтхолле первое полусерьезное обсуждение европейской экономической «политики»[23]. Возможно, не только соображения технического порядка определили враждебное от-

ношение Кейнса к *Плану-II*. В его глазах Ла-Манш стал шире Атлантического океана; не исключено, что так оно всегда и было.

На встрече с должностными лицами в Казначействе 29 мая Кейнс все еще выражал уверенность, что ленд-лиз будет свертываться постепенно, хотя другие в этом сомневались. Фрэнк Ли, только что прилетевший из Вашингтона, полагал, что Кейнсов вариант *Голодного угла* «окажется приемлемым для государственного департамента, но не для конгресса», и он сомневался насчет «возможности *Справедливости* как варианта решения британской проблемы».

На том дело и оставили. Решили исходить из того, что переговоры с американцами по поводу *Стадии-III* начнутся когда-нибудь в сентябре. Но никакого решения по *Плану Кейнса* правительство Черчилля не приняло. Кларк дал самую проницательную, какую, вероятно, только и можно было бы ожидать, оценку и сверхоптимизму Кейнса, и его настояниям на безотлагательности решений. По его мнению, объяснением тому и другому

> служит то, что для Кейнса соглашение с Соединенными Штатами было замковым камнем в своде того великого здания, к строительству которого он приступил в 1941 г. с намерением создать многостороннюю международную финансовую систему. Главной его целью было как можно скорее сделать стерлинг конвертируемой валютой — если не считать, пожалуй, получения денег, что являлось важнейшей непосредственной задачей. Он не мог допустить, чтобы после того, как он потратил три года на преодоление всех препятствий, внутренне присущих поставленной задаче, здание рухнет — и именно потому, что англичане оказались не на высоте своей роли. Так что ему приходилось, конечно, верить, что американцы помогут ему завершить этот шедевр его государственной деятельности. Не исключено, что он вполне мог чувствовать, что здоровье не позволит ему выдержать переговоры 1946 или 1947 г.; к тому же у него было мало веры — вероятно, меньше, чем следовало бы, — в способность и готовность министров, Казначейства и Банка воплотить его проект в жизнь[24].

4. Давление Америки

7 мая 1945 г. Германия сложила оружие, и Англия вступила в *Стадию-II*. Не сохранилось никаких сведений о том, какие оценки, глубокие или заурядные, давал Кейнс завершению или значению этого грандиозного события в мировой истории. Если он и высказывал их кому-либо из своих блумсберийских друзей, записать его слова было уже некому — Вирджиния Вулф ушла из жизни. Мейнард и Лидия снова открыли столовую в доме 46 на Гордон-сквер. Сразу после *Дня победы* в Европе Дуглас Лепэн, молодой служащий канадского представительства в Лондоне, видел Кейнса на церемонии по случаю открытия королем Георгом VI и королевой Елизаветой вновь распахнувшей двери Национальной галереи, опекунский совет которой возглавлял Кейнс. Он стоял между Э.М. Форстером и Генри Муром. «Меня поразило, что Кейнс выглядел таким крупным, массивным. Официально, но скромно одетый, в темном двубортном костюме, он слегка возвышался над двумя своими друзьями, смотрелся их защитником и почти покровителем»[25].

Главным моментом в майской жизни Кейнса стал коллоквиум с канадцами в кембриджском Королевском колледже. Именно предстоявший приезд канадцев побудил Кейнса написать записку о *Стадии-III* и именно на прибывшей в мае канадской делегации он впервые опробовал свои идеи за пределами Уайтхолла, притом что кабинет с ними даже не был знаком, а тем более не давал на них добро. Встречу провели в нерабочие для Королевского колледжа дни Святого Духа — 19 и 20 мая 1945 г. Рассказ о действиях Кейнса на этом мероприятии оставил нам Лепэн, который приехал в Кембридж для сбора информации о происходящем. Поэт и романист, Лепэн тонко прочувствовал атмосферу встречи и вник в существо обсуждавшихся проблем. Описывая Кейнса, он говорит, что тот «выказывал все свои изумительные дарования — интеллектуальные, ораторские, светские, культурные, личные, — все это вокруг него сверкало и искрилось».

Хотя гомосексуализм Кейнса давно уже не имел никакого физического содержания и оставался лишь в области

чувств, он все еще мог подчинять молодых людей своему огромному обаянию, когда его к этому побуждали. На ужине в пятницу вечером Лепэна, тогда еще не достигшего и тридцати, «худощавого и почти красивого», увенчанного копной золотистых волос, он взял за руку и отвел на место справа от себя. Он вроде бы почувствовал, что Лепэн — в то время тайно — разделяет его вкусы. Поняв, что тот не очень-то сведущ в экономической теории, Кейнс тактично сменил тему беседы, сделав предметом разговора балет. Впечатление весомости и солидности, которое Лепэн вынес из *Национальной галереи*, сохранялось; «но когда он поворачивался и поднимал голову, чтобы оглядеть зал, я также улавливал веселье и ласку, ощущал присутствие радующегося, своенравного и игривого духа».

Пленарные заседании проходили в комнате аудиторов Королевского колледжа. Кейнс председательствовал, слева от него сидели Гопкинс и Иди от Казначейства, Кобболд, исполнительный директор Английского банка, Гордон Мунро от британского представительства в Оттаве, Алек Клаттербак из Управления по делам доминионов и Фредди Хармер, младший служащий Казначейства, которому в конце 1920-х гг. в Королевском колледже Кейнс преподавал экономическую теорию. Справа сидели три высокопоставленных должностных лица из Канады — Билл Макинтош, исполнявший обязанности заместителя министра финансов в отсутствие своего заболевшего начальника, Грэм Тауэрс, управляющий Банка Канады, и Гектор Маккиннон, глава канадского Тарифного управления.

Кейнс открыл встречу в манере «великого дирижера», приступающего к руководству оркестром. Перед ним лежала подготовленная Казначейством памятка, содержавшая не только позднейшую редакцию его собственной записки о выборе, перед которым оказалась Великобритания, но и много вспомогательных материалов. «Это была партитура, заготовленная им для встречи, но заглядывал он в нее очень редко». Говорил он почти полтора дня. Лепэну, по его словам, «никогда не доводилось слышать такого великолепного оратора», его речь «взмывала, и трепетала, и парила, свети-

лась воображением, извивалась в разные стороны». Подобно доктору Джонсону, Кейнс не прибегал к искусству приспосабливания к разным типам людей. Так что его личность либо привлекала, либо отталкивала. «Тауэрс... проникся к нему глубокой и основательной симпатией»; по мнению Макинтоша, он показал себя «избалованным дитятей».

В субботу Кейнс с Лидией устроили обед в профессорской. На нем присутствовали ректор Шеппард, главы многих колледжей и коллеги, включая Джона Клэпэма, Денниса Робертсона и Остина и Джоан Робинсонов. С Лидией Лепэн встретился впервые. «Энергичная, полная жизни, веселая, с глазами, готовыми одарить озорным взглядом, с губами, выражавшими то дерзость, то чопорность, с речью всегда непредсказуемой, но неизменно пикантной, она была само совершенство в роли хозяйки обеда, который без нее мог бы быть довольно скучным, несмотря на все таланты ее мужа. Было очевидно, что Мейнардом она очарована, а он очарован ею». При всей независимости каждого из них их брак, как показалось Лепэну, был устроен старомодно — и надежно. Лепэн также отметил, что при всей присущей Кейнсу «смелости мысли, при всем его скептицизме, при всей его готовности следовать логике аргументов, куда бы она ни вела», он был «глубоко предан многим старым святыням и хотел, чтобы мы разделили его личную, почти семейную, гордость Кембриджем и его традициями». В розданной схеме размещения за столом хозяин был обозначен как «Высокий старшина городка Кембриджа», а другие именитые гости поминались с их полными родословными. «Это было *очень* в духе Кембриджа». Лайонел Роббинс отметил тот же контраст между высоким интеллектом Кейнса и его почтительным отношением к традиции.

Часы отдыха в Кембридже были заполнены драматическим спектаклем и концертом в *Театре искусств*. Последнее, что сохранилось в памяти Лепэна о том уикенде, — прогулка вниз к реке. Билл Макинтош сказал: «Как тут красиво». Отстававший на пару шагов Кейнс почти мгновенно отозвался: «Да, красиво, не правда ли? И знаете, мы хотим это сохранить. Именно поэтому вы здесь». На молодого ка-

надского чиновника Кейнс произвел неизгладимое впечатление: «Я околдован. Это самое необыкновенное существо, какое мне приходилось когда-либо слушать. Принадлежит ли он к нашему роду? Или он создание какого-то иного порядка? Есть в нем что-то мифическое и сказочное. Я ощущаю в нем нечто массивное, напоминающее сфинкса, и при этом все-таки с намеком на крылья. В таком случае это должно быть из разряда более поздних и более изящных греческих сфинксов»[26].

Предложения Кейнса изучались на размытом политическом фоне. 20 мая министры-лейбористы ушли из коалиционного правительства. Черчилль сформировал «временную» администрацию. Парламент был распущен 15 июня, всеобщие выборы прошли 5 июля. Но результатов надо было ждать не ранее чем через три недели — до того времени, когда поступят голоса разбросанных по миру военнослужащих. Между тем Большой тройке — Черчиллю, Трумэну и Сталину — предстояло встретиться в Потсдаме, чтобы определить будущее Германии и Польши. Кейнс посчитал, что при таком расписании у кабинета до 1 августа не найдется времени рассмотреть его записку. Подобно большинству «посвященных», Кейнс не сомневался в победе консерваторов.

Тем временем новая администрация президента Трумэна готовила собственный ответ на ожидаемую просьбу Британии о послевоенной помощи. Согласованную американскую позицию кратко обобщил новый помощник государственного секретаря Уильям Клэйтон в письме, которое он направил 25 июня 1945 г. Фредерику Винсону, готовившемуся сменить Моргентау на посту министра финансов: «Совершенно неблагоразумно было бы... думать о предоставлении Англии безвозмездной помощи... Неблагоразумно было бы даже предоставить ей деньги в порядке кредита, не выдвинув при этом условий, которые обеспечат продвижение к нашим послевоенным целям». Клэйтон имел в виду кредит на сумму «до 2 или 3 миллиардов долларов» под низкий процент, с тридцатилетним сроком погашения и «освобождением» от выплат в случае резкого спада в мировой экономике. Условия намечались такие: ликвидация «долла-

рового пула стерлинговой зоны», финансовое покрытие и возможное списание стерлинговых долгов и отмена (или, по крайней мере, «существенное сокращение») имперских преференций[27].

Невезение преследовало Кейнса: на сей раз не оправдались его ожидания насчет исхода всеобщих выборов. 26 июля были объявлены их окончательные итоги — лавинообразный сдвиг в пользу лейбористов, получивших неоспоримое большинство в 140 парламентских мест. Премьер-министром стал Эттли, министром иностранных дел Эрнест Бевин, а канцлером Казначейства громогласный Хью Долтон, бывший студент Кейнса в Кембридже, не слишком дружественно расположенный к своему учителю. Долтон тут же подтвердил назначение Кейнса своим главным экономическим советником, но относился к нему все равно с опаской. Его личный секретарь Берк Тренд говорил биографу Долтона Бену Пимлотту, что «Долтон сознавал, что он [Кейнс] не мог быть в числе его спутников на охоте в джунглях; но он также сознавал, что дразнить такого рода зверя не следует»[28]. Именно на охоту в джунгли и предстояло тем не менее отправиться этим двум настороженно относившимся друг к другу выходцам из Королевского колледжа.

23 июля, учтя замечания Английского банка, Кейнс завизировал новую редакцию своей мартовской записки. Как всегда, он постарался внести в нее все полученные предложения, чтобы сделать возможным согласование позиций. Главным изменением был отказ от варианта *Соблазн*. Остались только два других. *Строгая экономия*, переименованная в *Эссе о постепенности*, предусматривала продолжение заимствований в стерлинговой зоне и заключение двустороннего платежного соглашения между стерлинговой зоной и Соединенными Штатами. Из уважения к Иди и Кобболду этот вариант рисовался теперь несколько более привлекательными красками. Но вариант, которому отдавал предпочтение сам Кейнс, намечал решение проблемы стерлинговых счетов частично путем списания британских долгов, а частично их финансирования, причем от США ожидалось предоставление в

течение трех лет «безвозмездной помощи» в размере 5 миллиардов долларов. (О кредитной линии на 3 миллиарда больше не упоминалось.) Взамен Великобритания должна была бы немедленно сделать конвертируемыми в доллары послевоенные доходы стерлинговой зоны, а затем шаг за шагом разблокировать ранее образовавшиеся стерлинговые счета. Англии не следовало позволять себе заимствование в США «новых денег», возврат которых опережал бы ее выплаты кредиторам стерлинговой зоны, а также думать об использовании долларовой ссуды для погашения своего стерлингового долга. Таковы были «окончательные решения». Главный довод, который Англия должна была предъявить Соединенным Штатам, состоял в том, что только получив ссуду в таком объеме, она смогла бы связать себя обязательствами, предусмотренными статьей VII. Именно на основе этого документа была окончательно выработана позиция Казначейства, представленная на проходивших 20, 23 и 30 июля обсуждениях проблем *Стадии-III*. Кейнс неохотно принял совет Брэнда предоставить американцам возможность выступить с предложением о безвозмездной помощи после того, как они ознакомятся с доводами Британии. Однако допускалось, что, если представится подходящий случай, идею такой помощи можно будет провентилировать с ними в обстановке «полнейшей секретности»[29].

Случай представился, когда Клэйтон прибыл в Лондон на заседание совета ЮНРРА[λ] — организации, в которую Англия, все еще играя роль «доброй богатой тетушки», согласилась внести 320 миллионов долларов на восстановление Европы. Помощник госсекретаря США и его команда посвятили два дня (3 и 14 августа) разговорам на финансовые темы с Кейнсом, Иди и Брэндом (вернувшимся из Вашингтона) и провели также пару встреч в министерстве торговли. Помимо деталей намечаемого урегулирования стерлинговых счетов, Кейнс изложил все соображения, с которыми через месяц ему предстояло выступить в Вашинг-

[λ] United Nations Relief and Rehabilitation Administration — *Администрация помощи и восстановления ООН.*

тоне, и получил ответ американцев. Клэйтон указал, что возможен будет трехмиллиардный кредит при условии, что Англия распустит долларовый пул («анафему» для американских экспортеров), согласится вести «удовлетворительную» (то есть недискриминационную) торговую политику и сократит и обеспечит финансовыми средствами стерлинговые счета. Кейнс откликнулся замечанием, что вместо «кредиты» предпочел бы «более бессодержательное выражение» и что трех миллиардов долларов не может быть достаточно, чтобы вселить доверие: если Англия окажется в положении, когда от банкротства ее будет отделять наличие «только одного шиллинга, мы станем банкротами»[30].

11 и 15 августа Кейнс присутствовал вместе с американцами на встречах в министерстве торговли, где Клэйтон дал ясно понять, что финансовые и торговые переговоры должны быть увязаны между собой, поскольку «возврат международных кредитов зависит от... либерального и многостороннего порядка», рассчитанного на расширение торговли[31].

По ходу беседы 14 августа Клэйтон для себя записал:

> [Кейнс] сказал, что *реалистическое мышление* — это ужасно и чтобы найти *вдохновенное* решение стоящих перед миром проблем, требуется некто наделенный *бредовым* сознанием. Клэйтон на это ответил, что ему весьма нравится представление о практической непригодности решений, предлагаемых банкирами, но что он сам (и, как он полагает, американский народ) в основе своей реалисты и, говоря, что британцам не следует ожидать финансовой помощи в виде безвозмездных субсидий, он хочет только быть с Кейнсом откровенным.

Итог встречи Клэйтон подвел следующим образом:

> Мы, конечно, понимаем, что британская позиция представлена Кейнсом в обычной для него крайней манере. Я лично думаю, что британцы выступают с большой решимостью, рассчитывая очень серьезным видом прикрыть очень слабое в своей основе финансовое положение. В таких обстоятельствах британцы легко могут встать на путь двусторонней торговли. Убежден, что британцы будут настаивать на таких видах фи-

нансовой помощи, предложить которые мы посчитаем нежелательным или невозможным, и что наши дискуссии с ними будут очень трудными[32].

Обе стороны знали, чего им ждать. Англичане будут просить безвозмездную помощь в 5 миллиардов долларов, предлагая в виде *quid pro quo* конвертируемость стерлингов, проходящих по текущим счетам, и больше ничего. Не получив этого или чего-то подобного, они будут «вынуждены» обратиться к «шахтианству». Американцы предложат им кредит в размере 3 миллиардов долларов с условием, что они разберутся со своими стерлинговыми долгами, введут в империи либеральный торговый режим и обеспечат конвертируемость стерлингов в доллары. Но все это будут лишь пристрелочные ходы в затяжной переговорной игре.

Дополнительный вес требованию Кейнса срочно начать финансовые переговоры дало завершение войны на Тихом океане. 6 августа американцы сбросили первую атомную бомбу на Хиросиму и спустя три дня — на Нагасаки. 10 августа император Хирохито выступил по радио с заявлением о готовности Японии капитулировать. Неизбежность вступления в *Стадию-III* все ускорила. Теперь Кейнсу пришло время убедить правительство, чтобы оно немедленно послало его в Вашингтон. 15 августа он посетил министра иностранных дел Эрнеста Бевина. Бевин сказал ему, что предпочел бы отложить переговоры о финансовых или торговых делах, «пока мы не сможем яснее видеть наши задачи»[33]. Долтон оказался более покладистым. Накануне он получил паникерскую записку '*Наши внешние финансовые перспективы*', в которой Кейнс предсказывал «финансовый Дюнкерк» в случае, если Англия не получит помощь безотлагательно. Клэйтон, со своей стороны, также уговаривал Вашингтон принять британцев.

17 августа по совету Кроули и после того, как Винсон предложил действовать постепенно, президент Трумэн решил немедленно прекратить действие договора о ленд-лизе. 20-го Кроули уведомил Брэнда о решении президента. Никаких новых поставок не будет; все ранее заказанные товары должны быть оплачены британской стороной. Это известие

заставило колеса Уайтхолла вращаться с бешеной скоростью. 20 августа Долтон сказал Бевину, что «мы должны сейчас же начать разговор [с американцами]». На следующий день Бевин и Долтон впервые встретились с Клэйтоном, который подтвердил отсутствие всякой надежды на получение Британией чего-либо, кроме «кредита на очень либеральных условиях», но сказал, что не оставит попыток «сохранить пока поставки, не предвосхищая тем самым условий окончательного урегулирования». Боб Диксон позвонил из министерства иностранных дел Галифаксу в Гэрроуби, графство Йорк, и сообщил, что вынужден прервать его отпуск, поскольку Бевин хочет видеть его во главе британской делегации в Вашингтоне. «Это ужасная тягомотина и разрушает все мои планы», — ворчал посол.

XLII
Во избежание финансового Дюнкерка

1. Мейнард-оптимист

В четверг 23 августа 1945 г. в 21.15 на Даунинг-стрит, 10 состоялось срочное заседание кабинета. Председательствовал премьер-министр Клемент Эттли, которого окружали старшие министры его правительства: лорд-председатель Совета Герберт Моррисон, канцлер Казначейства Хью Долтон, министр иностранных дел Эрнест Бевин и министр торговли сэр Стаффорд Криппс. По другую сторону стола располагались Галифакс, Кейнс, Бриджес, Иди, Брэнд, Синклер и Эдвард Холл-Пэтч из министерства иностранных дел. В повестке дня был только один вопрос: как предотвратить «финансовый Дюнкерк», который предсказывал Кейнс в своей несколькими днями ранее распространенной записке '*Наши внешние финансовые перспективы*'. Ленд-лиз и заимствования в стерлинговой зоне прогрызали в платежном балансе дыру, которая к этому времени оценивалась в 2,1 миллиарда фунтов, то есть несколько больше 8 миллиардов долларов. Ленд-лизу, создавшему долг в 1,35 миллиарда фунтов, мог быстро прийти конец; заимствования в стерлинговой зоне могли бы продолжаться, но в очень сокращенном масштабе. В 1946 г., увеличивая экспорт, свертывая импорт вооружений и сокращая заграничные расходы, дефицит можно было уменьшить почти на миллиард фунтов, или на 4 миллиарда долларов. В 1947 г. его можно было бы сократить до 550 миллионов, в 1948-м до 200 миллионов и к 1949 г. вывести Англию на баланс во внешних расчетах. В те-

чение этих трех лет, однако, стране необходимо было в целом покрыть дефицит в 1,7 миллиарда фунтов, или около 7 миллиардов долларов. «Откуда возьмутся все эти деньги?» — спрашивал Кейнс. Золотые и долларовые резервы, которые в 1945 г. составляли 500 миллионов фунтов, могли быть сокращены до 250 миллионов фунтов. В 1947 и 1948 г. у Англии могла бы быть возможность заимствовать чистых 150 миллионов фунтов в стерлинговой зоне. Таким образом, дефицит, приходящийся на эти три года, мог бы быть доведен до 1,3 миллиарда фунтов (Кейнс написал 1,25 миллиарда), или 5 миллиардов долларов. «Следует неизбежный вывод, — писал Кейнс, — что от Соединенных Штатов требуется помощь на сумму порядка 5 миллиардов долларов», если Англия собирается «делать расходы в намечаемых нами масштабах». Соединенные Штаты предоставят, вероятно, что-нибудь между 3 и 5 миллиардами долларов, и британцам придется основательно поторговаться насчет сроков и условий. От займа Англия должна отказаться. Но если «понятие 'кредит' окажется не более чем прикрытием того, что на деле будет безвозмездной помощью, это дело другое». Взамен Англии не следует «уклоняться от наших обязательств по статье VII *Соглашения о взаимопомощи*». Кейнс предупреждал, что «пока не видно никакого вполне устраивающего нас соглашения; и если в поле зрения такое соглашение не появится, мы, по существу, — банкроты и не будет никаких оснований для экономических надежд нашего общества». И в заключение: «На практике, конечно, мы в конце концов примем лучшие из тех условий, какие сможем получить».

Суть главных трудностей последующих переговоров отражена в этом противоречивом документе. Англия должна отказываться от займа, но не от безвозмездной помощи, «облаченной в одежды» займа. Что это значило? Некоторые условия, по-видимому, были бы неприемлемы; но в конечном счете Англия приняла бы любые условия. Неудивительно, что Иди отметил «необычайно сложную финансовую дипломатию» Кейнса.

23 августа Галифакс записал в своем дневнике: «Кейнс хорошо изложил суть дела, закончил на довольно оптими-

стической ноте, и мы все сказали свое слово, причем министры согласились предоставить Кейнсу свободу действий, но не полномочия принимать обязывающие решения без консультаций с центром. Этого хотел и сам Кейнс, имея в виду укрепить свою позицию».

Официальный протокол заседания кабинета не дает оснований полагать, что Кейнс источал неоправданный оптимизм. Он сказал министрам, что «предлагаемые условия могут изменяться от предоставления безвозмездной помощи в чистейшем виде до коммерческого кредита». Его настойчивые заявления о том, что «ему не следует давать полномочий соглашаться на что-либо, кроме совершенно безвозмездной помощи», о том, что никакая помощь «на любых менее благоприятных условиях не должна приниматься иначе, как после очень основательного обсуждения министрами в Лондоне», о том, что «финансовые условия... могут оказаться самым большим камнем преткновения», — все это не дает оснований говорить о неуместной в данном случае заведомой уверенности в исходе предстоявших переговоров. Не обещал Кейнс и 6 миллиардов долларов, вопреки появившимся впоследствии утверждениям Долтона. Он сказал министрам, что у американцев на уме были 3 миллиарда, «при возможном расширении до 5 миллиардов». Единственным *quid pro quo*, которое Кейнс собирался предложить и просил на это разрешение, было бы обещание «обратиться к странам стерлинговой зоны с просьбой отказаться от части нашей перед ними задолженности и согласиться, что остаток должен стать полностью конвертируемым и выплачиваться растянутыми во времени траншами». Он считал это «единственным конструктивным предложением, которое он должен выдвинуть в самом начале». Следующий шаг был бы не столь однозначным. Кейнс полагал, что Англия «могла бы взять на себя обязательства, предусмотренные Бреттон-Вудским соглашением, при условии, что они не будут увязываться с «опасными уступками в торговой политике»[1]. Здесь он имел в виду главным образом условие конвертируемости текущих стерлинговых счетов. Сколько денег потребовалось бы Англии для выполне-

ния этого обязательства? Ясного ответа не было, речь могла идти о цифре порядка 5 миллиардов долларов. Лишь в одном вопросе Кейнс вводил министров в заблуждение. Он затушевывал связь между финансовой помощью и торговым соглашением. Напротив, «лорд Кейнс подчеркнул, что не может быть и речи о том, чтобы просить нашего согласия заключить на данной стадии детальное торговое соглашение». Это вполне отвечало действительности, но американцы, конечно же, рассчитывали на нечто большее, чем на «совместное приглашение 15 других стран на международную конференцию в следующем году». Хуже того, Кейнс говорил о разногласиях двух стран по поводу торговой политики, умалчивая о том, что от их преодоления будет зависеть исход финансовых переговоров.

Комитет кабинета согласился с Брэндом, предложившим, чтобы вопрос о безвозмездной помощи англичане сразу не ставили, а так доложили бы о положении вещей, чтобы ее необходимость стала очевидной и американцы сами подняли эту тему. Подводя итоги, Эттли сказал, что ведение переговоров следует предоставить «лорду Кейнсу и его коллегам сообразно высказанным им соображениям... и что о ходе переговоров надо будет докладывать министрам в Лондон, как только и когда это окажется необходимым»[2].

Загвоздка состояла в том, что точку зрения Кейнса на существующие альтернативы серьезно подрывал отказ Казначейства и Банка как-либо поддаваться *Соблазну*. Этот средний путь между *Строгой экономией* и *Справедливостью* не был поэтому изучен до отъезда Кейнса в Вашингтон. То есть он отправился в США без договоренности о рубежах отступления. Из-за своей нелюбви к *Строгой экономии* он, вероятно, переоценивал возможность добиться справедливости. Иди и Английский банк хотели, чтобы миссия Кейнса провалилась, после чего иного выбора, помимо *Строгой экономии*, остаться не могло. Министры-лейбористы оказались под перекрестным огнем. Поэтому они возложили свои надежды на торжество справедливости и убедили себя, что именно это Кейнс им и пообещал.

О миссии Кейнса в Соединенные Штаты было объявлено в палате общин 24 августа. Известие о том, что в нее не войдет ни одно должностное лицо из министерства торговли, встревожило американцев, ибо это означало, что к серьезному разговору о проблемах торговли британцы не готовы. Под давлением Клэйтона и Хоукинса министры 31 августа согласились, что в качестве «наблюдателя» миссию будет сопровождать Лайонел Хелмор, а самостоятельная миссия министерства торговли будет направлена в Америку особо, «как только это окажется практически целесообразным»[3]. Вскоре Роббинс говорил по этому поводу: «Если бы... кто-нибудь сказал мне, что высокопоставленные люди в Уайтхолле могут наивно полагать... будто нам удастся отделаться финансовым соглашением... не беря на себя обязательств по торговой политике, я бы просто этому не поверил»[4].

Сообщение о миссии Кейнса вызвало беспокойные отклики по ту сторону Атлантики. Консервативно настроенный банкир Леффингвелл, старый, еще со дней Парижской мирной конференции, спарринг-партнер Кейнса, считал, что посылать Кейнса в Америку — это неудачный ход: «Ничто, я полагаю, не может встревожить больше, чем направление сюда лорда Кейнса. Этот блестящий человек — слишком блестящий, чтобы внушать доверие нам, американцам. Многие американцы им восхищаются... Но сколько тех, кто, оправданно или нет, ему доверяют? Сколько тех, кто примет его предложения в деловом разговоре? Таких нет»[5].

Леффингвелл считал, что англичанам следует строить свои послевоенные экономические планы исходя из того, что никакой помощи из-за границы не будет, — точно так, как в 1940 г. строил свои военные планы Черчилль. Склонить Америку к оказанию помощи это может скорее, чем «тысяча Кейнсов». Иными словами, «финансовый Дюнкерк» побудил бы Америку раскошелиться так же, как побудил ее к этому Дюнкерк настоящий. Проницательное психологическое замечание.

2. Первые шаги в Вашингтоне

27 августа Мейнард и Лидия Кейнсы поднялись в Саутгемптоне на борт канадского военно-транспортного судна *Пастер*, взявшего курс на Квебек. Их сопровождали Фредерик Хармер из Казначейства, Эдвард Холл-Пэтч из министерства иностранных дел и Лайонел Хелмор из министерства торговли. Галифакс и Брэнд уже возвратились в Вашингтон. Даже по британским понятиям это была на редкость невзрачная группа во главе с человеком, который не только не отличался крепким здоровьем, но и начинал уже выглядеть стариком. Волосы и усы у Кейнса поседели, и седина их еще больше подчеркивала его ставшую теперь обычной бледность. Предписанное ему медициной снижение веса пошло на пользу его сердцу, но придала его высокой фигуре странный вид сооружения, лишенного опоры. Для чтения ему теперь требовались очки с толстыми стеклами. Только когда он их снимал, каждому дано было видеть блеск и веселье в его глазах. Начинавшимся переговорам предстояло показать, что он нисколько не утратил своих способностей быть и остроумным, и грубым.

Из Квебека Мейнард и Лидия полетели в Оттаву, причем летчик держал самолет на небольшой высоте, чтобы не подвергать сердце Кейнса излишним нагрузкам. В Оттаве они с Лидией снова заняли свой «мавританский» люкс в *Шато Лорье*, где останавливались в 1944 г. Переговоры о свертывании взаимопомощи были трудными, «но все они так дружелюбны, что не возникает никакой боли или печали». В итоге британцы получили на 300 миллионов долларов больше, чем рассчитывали[6]. 6 сентября Мейнард и Лидия поехали поездом в Вашингтон, где опять остановились в отеле *Стэтлер*. Кейнс был в прекрасной форме. На вопрос британских должностных лиц, как обстоят дела на родине, он язвительно заметил, что не слишком плохо — «но оставайтесь здесь, в Вашингтоне; нам приходится вставлять искусственные зубы и вопить, пока вырывают настоящие». Поль Баро, протоколист делегации, отметил «тот заразительный, тот опасно заразный оптимизм», с каким Кейнс готовился приступить к переговорам.

На первом официальном заседании Высшего англо-американского комитета 11 сентября договорились создать подкомиссии по финансам, свертыванию ленд-лиза, распоряжению излишками имущества (главным образом военного) и торговой политике. Британцы во главе с Галифаксом и Кейнсом вошли в подкомиссию по финансам, где другую сторону представляли Винсон и Клэйтон; Кейнс возглавил также британскую группу в переговорах по ленд-лизу, или, как их называли, по окончательным расчетам, где ему противостоял Кроули, а сэр Генри Селф, заместитель председателя британского *Совета снабжения*, представлял Англию по вопросам, связанным с излишками имущества.

Настойчивые требования государственного департамента создать параллельную *Комиссию по торговой политике* свалились на Кейнса — и на Лондон — неприятной неожиданностью. Это было первое поражение британской стратегии ведения переговоров. Кейнса, однако, успокоила заметная готовность Клэйтона сохранять общий характер обсуждения, и он предложил, чтобы в дискуссиях о торговой политике за ним и Галифаксом было признано положение ведущих представителей Англии. Мида повергала в отчаяние мысль о том, что Кейнс развернется, не имея рядом «ребят, ведающих торговой политикой», и будет руководствоваться «бредовыми, безумными и противоречивыми» представлениями о торговой политике[7]. Кейнсу дано было указание отложить намеченное на 17 сентября первое заседание до прибытия из Лондона подкрепления от министерства торговли. Несмотря на их с Галифаксом возражения, это решение было подтверждено[8].

На американской стороне ключевыми фигурами были Уильям Клэйтон, выступавший в роли председателя вместо находившегося далеко в Лондоне госсекретаря Бирнса, и Фред Винсон, который сменил Моргентау на посту министра финансов. Это сулило определенный выигрыш, поскольку оба они были настроены пробритански. Клэйтон, самостоятельно проложивший себе путь в жизни текстильный фабрикант из Техаса, ростом шесть футов шесть дюймов, говоривший мягко и по-южному растягивая слова, был горя-

чим приверженцем многосторонности. Винсон, в прошлом профессиональный игрок в бейсбол и консервативно настроенный конгрессмен-демократ из Кентукки, был общительным юристом провинциального склада, верным учеником школы публичных ораторов-демагогов и, как сейчас общепризнано, не вполне заслуженно вознесенным на высокий пост. Кейнсу Винсон нравился, но Винсон Кейнса не любил: слишком часто он оказывался мишенью его хлестких замечаний.

Другие американцы особого влияния не имели. Мэринер Экклс, председатель правления Федеральной резервной системы, носился с одной идеей, которую он чрезвычайно пространно излагал зычным голосом: Англия — это компания-банкрот, а долги Америке следует выплатить в первую очередь, прежде чем любым другим кредиторам. Генри Уоллес, ставший министром торговли, произвел на Кейнса впечатление «совершенно чокнутого. Он, похоже, полностью отключается через пять минут после начала любого заседания». Лео Кроули, недружелюбный царь ленд-лиза, был на пути к политическому забвению. Черты его лица послужили поводом для одной из самых злых шуток Кейнса. По словам Кейнса, они напоминали ему «ягодицы бабуина». Выражение запомнилось и стало источником вдохновения для кодового слова *бабуин*, которым во время переговоров о займе обозначало свои телеграммы британское Казначейство; из Вашингтона телеграммы коллег шли с кодовым обозначением *набоб*. Кейнс постарался быстро возобновить свою дружбу с Гарри Уайтом, который посоветовал ему «не выходить из себя, разве что подвернется для этого подходящий случай». Тем не менее с уходом Моргентау из министерства финансов Уайт явно попал в тень, хотя Кейнс не мог знать, что 21 августа 1945 г. Элизабет Бентли дала на него ФБР показания как на советского агента. Сам Уайт был убежден, что из министерства его скоро уволят, и хотел получить новую работу в *Международном валютном фонде* или *Мировом банке*[9]. Кейнс сохранял кое-какие иллюзии не только по поводу степени влияния Уайта на нового министра, но также и насчет поддержки Уайтом британской позиции.

Пара Галифакс — Кейнс стала главной осью вращения всех британских усилий на переговорах. Кейнс быстро восстановил близкие отношения с несуетливым чародеем и позже писал, что они работали вместе «как братья». Впоследствии роль посла на переговорах о займе основательно приуменьшали. Финансовым делам, как, впрочем, и всем иным видам работы, он решительно предпочитал теннис, охоту и общение со старыми друзьями (леди «*Баба*» Меткалф прожила в посольстве большую часть осени). Его главной ролью было успокаивать взвинченные нервы миссии и напоминать, как ее заботы вписываются в широкую картину англо-американских отношений. Если Кейнс обострял обстановку, то Галифакс ее смягчал. Поздними вечерами он сбавлял тон все более и более сердитых телеграмм Кейнса в Лондон и уговаривал его не думать об отставке. Ему доставляло удовольствие общество Лидии, и он испытывал почти безграничное восхищение Кейнсом.

12 сентября Кейнс и Галифакс провели в посольстве пресс-конференцию. В заранее приготовленном заявлении, которое Кейнс сделал стоя, он начал плести сеть с расчетом затянуть в нее американцев: рассказывал о военной усталости Англии, объяснял, каким образом ленд-лиз, имеющий существенное значение для полной мобилизации Британии, заставил ее пожертвовать двумя третями ее экспортной торговли, говорил о дефиците платежного баланса в переходный период, осветил проблему стерлинговых счетов, указал на преимущества свободы мировой торговли. Он подчеркнул недостатки коммерческого займа и сказал, что Англия, прежде чем его принять, постарается «сделать все, что в наших силах, для продвижения в других открытых для нас направлениях». Надо пустить в ход воображение и представить себе этого высокого, сутулого человека в очках, время от времени заглядывающего в записи, которые он держит в руке, весьма неважно выглядящего и изысканным голосом зачитывающего свое заявление перед залом, полным хватких, жестких и на удивление хорошо осведомленных американских репортеров. Хармер полагал, что ему удалось произнести речь, которая звучала «и драматично, и искренне».

На Баро она произвела меньшее впечатление. «Большого энтузиазма она, похоже, не вызвала, а типично кейнсовские фразы — вроде того что, мол, «наши боли, наши и ваши, проистекают скорее из того, что наши желудки наполнены больше, чем головы, а наш аппетит меньше наших возможностей», — никому вообще не показались занятными. Через час с четвертью Галифакс предложил освежиться спиртным. Когда дело дошло до ответов на вопросы, ему показалось, что «Кейнс подверг себя напряжению сверх разумной меры». Баро, однако, считал, что с вопросами он справлялся «мастерски».

13, 14 и 17 сентября на трех долгих заседаниях, открывших работу Высшего комитета и проходивших в зале правления Федеральной резервной системы, Кейнс зачитал версию своей речи, которую Лепэн слышал в мае в Кембридже. «Мне показалось, что у него это вышло совсем неплохо», — записал посол после первой лекции, которая продолжалась приблизительно два часа.

В понедельник 17 сентября, вспоминает Баро, Кейнс блестяще развил в своем выступлении такую тему: хотя понятие тотальной войны придумали немцы, именно англичане полнее всего воплотили его в своей каждодневной жизни. Это можно видеть в безоглядном расточительстве, с каким Англия бросила на пользу общего дела свои заграничные активы и экспортную торговлю. «Разве эта безоглядность не стала фактором, пошатнувшим весы и обеспечившим победу? Выступление оборвалось на этом вопросе — без всякого упоминания о том крупном американском займе, добиться которого надеялся Кейнс. Кейнс ждал, что предложение сделает другая сторона. Этого так и не случилось»[10]. По завершении переговоров Пол Эдисон, американский комментатор, написал: «Лорд Кейнс начал разговор... и говорил три дня подряд. Это должно было разъяснить положение Британии. Оно, надо понимать, плохое»[11].

Англичане совершили тактический промах, распространив документ, в котором сопоставлялись военные усилия Британии и США, к невыгоде последних. Позднее Кейнс признал, что «бряцать нашими медалями» было

ошибкой. Американцы придали документ огласке, Джон Крайдер рассказал о нем в '*Нью-Йорк таймс*'.

19 и 20 сентября Кейнс давал дополнительные пояснения *Совместному финансовому комитету*. Он предложил рассмотреть два альтернативных решения британской проблемы — которые он обозначил как *Голодный угол* и *Справедливость*, — оговорившись при этом, что речь идет о крайностях, определяющих диапазон, в который укладывается множество возможных компромиссов. Он ясно указал, что не одобряет варианта *Строгой экономии*, которая неизбежно будет вести к двусторонности торговли и ее сокращению. Его вторым вариантом была «по возможности полная ликвидация финансовых последствий войны». Что касается *quid pro quo*, которое могла бы предложить Британия, Кейнс указал на свой трехвариантный проект улаживания проблемы ненормальных стерлинговых авуаров, включая их отмену, финансирование и разблокирование, без указания соответствующих цифр. Англия смогла бы также к концу 1946 г. ввести в силу «основные положения» имеющегося Бреттон-Вудского соглашения. То есть смогла бы ввести для текущих сделок конвертируемость стерлинга в другие валюты — как это было до войны. Что на сей счет думают американцы? — спрашивал Кейнс, ожидая от них желанного предложения. Поль Баро описал последовавшую реакцию:

> Винсон выразил глубочайшее разочарование заявлением Кейнса, которое, по его словам, никоим образом не прояснило положения... Кейнс, сказал Винсон, оставил так много пробелов в описании своего второго варианта, что для американцев это в какой-то мере лишает его всякого смысла. Что Винсон явно имел в виду, так это то, что второй вариант предполагает американскую помощь, и его разочаровало, что Кейнс о ней не упомянул и не уточнил, в каком объеме она потребуется...

Клэйтон побудил также Кейнса заявить, что, хотя Британия и намерена сократить стерлинговые долги, это не может быть сделано по единой для всех формуле и в порядке односторонних решений, а потребует особой утряски дела с каждым из ее кредиторов и сообразно конкретным об-

стоятельствам каждого случая. В этот момент задремавший Генри Уоллес пробудился, чтобы спросить, почему Англия не может предоставить Индии независимость в обмен на списание с нее стерлингового долга — предложение, которое привело в ужас и Кейнса, и Галифакса. Мэрринер Экклс, преодолевая шум, пролаял, что все прежние представления о чести и финансовой порядочности должны быть пересмотрены в свете вызванного войной катаклизма. Англия подобна обанкротившейся компании, которой надлежит восстанавливаться, и кредиторы должны понести часть связанных с этим издержек. То была чересчур далеко заходящая аналогия с деловой практикой. Рассматривать страны, подобные Индии и Египту, как членов консорциума кредиторов, созданного для рефинансирования разорившегося имперского предприятия Британии, — слишком круто переворачивало привычный порядок вещей, чтобы его можно было обсуждать. «Эти люди никогда не будут способны управлять империей», — ледяным тоном заметил Фрэнк Ли, когда они покидали зал[12].

Кейнса вынудили заговорить в открытую. На заседании 20 сентября он сказал, что в переходный период Англия могла бы списать 4 из 12 миллиардов долларов стерлингового долга, обеспечить финансирование 7,2 миллиарда и разблокировать 800 миллионов долларов. На покрытие дефицита своего платежного баланса, финансирование изъятий со стерлинговых счетов и погашение ряда мелких нестерлинговых долгов ей в течение трех — пяти лет понадобятся от Соединенных Штатов по меньшей мере 5 миллиардов долларов и завершение расчетов по ленд-лизу. «Американцы без колебаний, не моргнув глазом, приняли эту цифру [5 миллиардов долларов]». Взамен Англия должна была бы устранить к концу 1946 г. «дискриминационные грани стерлинговой системы». Винсон сказал, что американцам надо изучить вопрос. Заседания были прерваны на несколько дней[13].

Почувствовав, что американцев раздражает неспособность британской команды раскрыть свою позицию в отношении стерлинговых авуаров, Кейнс обратился в Лондон за разрешением сделать разговор на эту тему более подроб-

ным. Опасаясь возможных утечек в страны стерлинговой зоны, Лондон такого разрешения не дал. Кейнсу велено было попытаться заставить американцев дать их собственные предложения. Хорошо было бы услышать сделанное в «практически полезной форме» заявление американцев, что получение от них помощи ставится в зависимость от «урегулирования нашей стерлинговой задолженности»[14]. Содрогавшийся от страха при мысли о возможном дефолте Лондон очевидным образом рассчитывал использовать американцев для давления на своих стерлинговых кредиторов.

Для ведения торговых переговоров 21 сентября выплыли из Англии и 27-го прибыли в Америку восемь чиновников во главе с сэром Персивалем Лишингом и Лайонелом Роббинсом. Кейнс, «очень сердившийся» по поводу их предстоявшего приезда, оказал Роббинсу сердечную встречу и пригласил его поучаствовать в работе *Финансового комитета*. Как он и ожидал, открывшиеся 1 октября торговые переговоры, после всей проделанной в Лондоне предварительной работы, проходили гладко. Обе стороны работали на основе американского проекта устава *Международной торговой организации*, который устанавливал правила, касавшиеся преференций, субсидий, государственной торговли, налогообложения экспорта, валютного контроля и картелей. Разногласия обнаружились между американским и британским подходами к устранению «запрещенных уловок»: американцы выступали за полный их запрет, англичане предпочитали, чтобы каждый случай рассматривался отдельно. Кейнс внес в дискуссию вклад типичного для него свойства. В какой-то момент при обсуждении контроля над картелями он взял слово и заметил: «Разве наш проект не направлен на достижение цели, тогда как ваш просто отражает желание обеспечить жизнь как можно большему числу юристов?» Винсон взорвался: «Только такое от вас и можно было бы услышать». Остается гадать, как хорошо справился бы с делом Кейнс, если бы ответственность за ведение переговоров была возложена на него одного. Через одиннадцать дней единственным непреодоленным препятствием из числа существенных оставались имперские преференции. Аме-

риканцы с самого начала настаивали, что односторонний отказ от преференций должен стать условием предоставления финансовой помощи. Британцы готовы были пойти на сокращение преференций в обмен на всестороннее снижение тарифов и сопротивлялись любым попыткам открыто увязывать торговые уступками с финансовой помощью. Так или иначе, но две драгоценные недели были потеряны — одна из них в путешествии через океан. Кейнс пришел к выводу, что это позволило рассеяться атмосфере, которую он создал своими устными выступлениями, и тем самым ухудшило перспективы конечного результата.

Вскоре Роббинс унюхал, что происходит в финансовом отсеке. «Ясно, — записал он в дневнике 29 сентября, —

> что безвозмездная помощь в чистом виде исключается. Ясно также, что Мейнард полностью с этим примиряется и начинает склоняться к мысли, что нелепо было предполагать иное. Мне не составило труда воздержаться от повторений: я же вам говорил. Но предвижу, что нам будет очень трудно вывести из гипноза Лондон; и, думаю, Мейнарду надо будет сказать, что после того, как он своими магическими пассами заколдовал казначеев короля, пребывающих теперь в восторженном созерцании *Справедливости*, именно ему надлежит... обратить процесс вспять»[15].

3. Отступление к *Соблазну*

Состоявшиеся 25 и 27 сентября две неофициальные встречи Галифакса и Кейнса с Клэйтоном и Винсоном прояснили положение вещей. Обе стороны «понимали, что у них, как и у нас, на уме была какая-то сумма, близкая к 5 миллиардам долларов». Пока все шло хорошо. Но, записал в дневнике посол, едва «я подумал, что все идет хорошо, как начались неприятности». Американцы дали понять, что не могут принять к рассмотрению просьбы о безвозмездной помощи или беспроцентном займе. «Мы заявили, что не можем рассматривать предложение, предполагающее выплату процентов, потому что не видим, каким образом могли бы

это сделать. На том и остановились»[16]. На второй встрече американская пара «не слишком яростно» уклонялась от предложения Кейнса сочетать безвозмездную помощь с займом под низкий процент, но выражала сомнение, удастся ли ей протолкнуть эту идею через конгресс. Галифакс и Кейнс сказали, что доложат в Лондон и встретятся с американскими коллегами на следующей неделе.

26 сентября Кейнс запросил разрешения Лондона обсудить «приемлемость беспроцентного займа» с ежегодными выплатами, ограниченными 100 миллионами долларов. Пересматривая свои прежние доводы, он сообщал Долтону, что вообще не может представить себе какие-либо «разумные основания» для безвозмездной помощи, потому что «ленд-лиз, обращенный вспять и распространенный на все сделанные здесь нами траты, — это определенно не лучшее стартовое предложение», о чем все время твердил ему и Брэнд. По словам Баро, он «отправил все свои прежние концепции *Справедливости* в чистилище, где положено бродить лишь призракам и болванам»[17]. Беспроцентный заем мог быть вполне реализуемой идеей. Гарри Уайт, похоже, подсказывал Винсону сделать такое предложение. Кейнс теперь настаивал, что Англия в состоянии позволить себе взять взаймы 5 миллиардов долларов с пятидесятилетним сроком погашения и отсрочкой первой выплаты на пять или десять лет. «Размораживание» накопленных стерлинговых счетов могло бы стоить еще 150 миллионов. В целом это составило бы менее 5 процентов «безубыточного» экспорта, намеченного в объеме 6500 миллионов долларов. «Либо мы с этим можем справиться, либо мы в любом случае окажемся на дне». Частью этой позиции должно стать согласие Англии на оговорку об отказе от платежа, для чего критерием следует считать «не нашу способность платить, а готовность страны-кредитора брать [британские товары]»[18].

Это был принятый лично Кейнсом рубеж отступления — вариант *Соблазн*, с которым он всегда был готов смириться. «Я бы советовал согласиться с урегулированием на этих условиях», если не представится ничего «лучшего», — телеграфировал он Долтону 1 октября и — пусть и несколь-

ко косвенным образом — просил «свободы действий» для улаживания дела. Но он еще не до конца расстался с надеждой на появление чего-нибудь «лучшего»[19]. Неудивительно, что Долтон ответил отказом. Его биограф пишет, что «неуклонное отступление Кейнса от оптимистической позиции... не встречало понимания» у министерской команды Долтона, Бевина и Криппса, которые держали в руках лондонскую ветвь переговоров[20]. Стал обозначаться разрыв между ожиданиями, которые зародил Кейнс в Лондоне, и действительным положением дел в Вашингтоне. Старания Кейнса поубавить надежды Лондона совпали с ужесточением позиции лейбористов в отношении переговоров. Иди предупредил его 28 сентября, что новое правительство гораздо меньше, чем предшествующее, будет бояться режима *Строгой экономии* и, возможно, даже отнесется к нему положительно, «отчасти как к более благородному образу жизни, а отчасти как к психологической сублимации разочарования».

Первую образовавшуюся паузу Кейнс заполнил тем, что провел беседу в Клубе иностранных авторов, рассказал о ходе переговоров журналистам из Великобритании и доминионов и испытал свое искусство убеждать на обеде с первой группой собранных для него Галифаксом американских сенаторов и конгрессменов. Галифакс считал, что Кейнс провел эти мероприятия «превосходно», хотя они были «довольно изнурительными». Американские политики, обеспокоенные влиянием Гарольда Ласки на британское правительство, опасались, что помощь США будет использована для «финансирования социализма», и задавались вопросами: что пользы Америке от того, что «мы станем на ноги и осуществим либерализацию стерлинговой зоны» и «не можем ли мы сами... стать более эффективными»[21]. Хармер, присутствовавший на паре этих встреч, сделал 9 октября проницательную запись в своем дневнике:

> В этой стране пробританская линия всегда нуждается в защите; антибританская — никогда. Это из области психологии и не заслуживает слишком серьезного к себе отношения, но это факт, о нем всегда надо помнить и учитывать его, когда имеешь здесь дело с любой важной проблемой. Не то чтобы существо-

вала некая подспудная враждебность к Англии; напротив, очень большое дружелюбие. Но их история начинается с войны за независимость, и этим окрашено все их мышление. Они всегда должны иметь в запасе возможность показать, что их не переиграли.

В субботу 6 октября посол принимал «Кейнса на ужине вместе с Роджером Мэкинсом [из британского министерства иностранных дел] и его женой. Леди Кейнс была в великолепной форме и никому из нас не давала скучать. Мы навели Кейнса на разговор о Монти Нормане, которого он очень любил, но который в некоторых отношениях был, по его словам, опасной смесью демона и шарлатана. Высшего взлета могущества он достиг, мол, когда на посту канцлера был Сноуден, всецело им загипнотизированный».

Первые две недели октября были самым счастливым временем в последней поездке Кейнса в Вашингтон. Переговоры еще не стали слишком напряженными, Вашингтон поостыл после летней субтропической жары, над головой было ясное синее небо, и каждый день дул свежий ветерок.

Встаем мы рано [писала Лидия Флоренс Кейнс 13 октября]. Я звоню и прошу принести наш завтрак, лорд потягивает чай с булочкой и желе. Я вдыхаю аромат кофе, но прежде, чем пить, я накрываю его ангорским шарфом, чтобы он оставался очень горячим: иногда нам приносят не ту газету, и я иду по коридору и краду нужную у кого-нибудь, кто еще спит, но вообще-то американцы встают рано — к 8 часам лифт уже набит бизнесменами с сигарами.

8 октября Кейнс получил наконец от канцлера новые инструкции. «Если лучшее, что предлагают, это крупный заем под 2 процента, для нас это неприемлемо, — телеграфировал Долтон. — Мы твердо стоим на том, что не будем принимать обязательства, для уверенности в выполнении которых не имеем разумных оснований. Равным образом недостойным завершением наших совместных усилий выглядело бы и такое урегулирование в области торговли». Долтон возвращал Кейнсу его поэтический мяч. Какого рода урегулирование было бы приемлемым? Долтон предлагал два ва-

рианта. Лондон принял бы безвозмездную ссуду в размере 2 миллиарда долларов «как частичный возврат наших расходов, которые мы вынужденно несли в Америке, когда действовало правило *плати и увози*», плюс кредитную линию на 3–4 миллиарда долларов, с начислением 1 процента на взятый нами транш. Если это не пройдет, Лондон готов был бы согласиться на беспроцентный заем в размере 5 миллиардов долларов со сроком возврата свыше пятидесяти лет, «при надлежащих базовых условиях». Долтон подчеркивал два требования: (а) «бесспорное право Британии ограничивать свой общий импорт» и (б) оговорку об отказе от выплат, какой предложил ее Кейнс. Но самому Кейнсу не следовало пока выдвигать никаких предложений по этим вопросам и предоставить американцам проявлять инициативу[22].

Кейнс мог заключить, что Лондон принимает его вариант *Соблазна* и первую *Альтернативу* Долтона собирается предложить лишь в надежде, что пройдет вторая. Когда 9 октября Кейнс и Галифакс снова встретились с Винсоном и Клэйтоном, Кейнс предложил, чтобы 2 миллиарда долларов американской помощи были предоставлены в виде безвозмездной ссуды, но ему не удалось изменить мнение американцев, что это невозможно по политическим причинам. Винсон и Клэйтон повторили также, что по тем же причинам невозможен и беспроцентный заем. Чего британские переговорщики от Клэйтона добились, так это предложения о возможном американском займе в 5 миллиардов долларов, подлежащем возврату пятьюдесятью равными годовыми взносами с отсрочкой первого платежа на пять лет и с дополнительными годовыми выплатами 50 миллионов долларов в покрытие начисляемых 2 процентов. В конце концов возможен будет «отказ — подчеркивается: отказ, а не отсрочка» — от выплаты процента, если по обстоятельствам какого-то года Британия не будет располагать средствами. При этом Клэйтон предложил Кейнсу подготовить проект оговорки, касающейся отказа от платежа. На состоявшейся в тот же день пресс-конференции Клэйтон «действительно упомянул 5 миллиардов долларов как согласованную цифру»[23].

Это было лучшее предложение, какого добилась Британия, хотя оно и не было вполне твердым. Кейнс ясно сознавал, что это создает основу для утряски дела. Но тут он допустил тактический промах, имевший критическое значение. Вместо того чтобы отправить в Лондон короткую телеграмму с описанием американского предложения и запросом полномочий принять его при удовлетворительных базовых условиях, он пустился в сверх меры сложное обсуждение возможных формулировок оговорки об отказе от платежа[24]. Короче говоря, упустил мяч из виду. Тем не менее Галифакс считал, что «нам, похоже, слегка везет и мы движемся к соглашению», а Хармер говорил о попытках «поднажать и завершить все дело за пару недель или около того»[25].

Грянуло отрезвление, скорое и жестокое. В телеграмме от 13 октября Долтон без обиняков извещал, что «мы не считаем приемлемым заем на этих условиях». Американское предложение не соответствует, мол, двум «принципиальным требованиям». Во-первых, в нем нет «сладкого дыхания *Справедливости*». Во-вторых, совершенно нет «разумной уверенности», что Англия сможет справиться с обязательствами по такому долгу. Клэйтону и Винсону разница между 100 миллионами и 150 миллионами долларами может казаться «семечками», но в нашем положении это, к сожалению, не так». Если же в рамках общего соглашения к этому ежегодному обязательству добавить еще и погашение долга стерлинговой зоне, то это уже было бы той «последней соломинкой», которая перешибет хребет верблюду. Долтон давал британским переговорщикам указание продолжать добиваться «полностью или частично беспроцентной ссуды и не соглашаться на годовые платежи свыше 100 миллионов долларов»[26].

Теперь начали сказываться роковые последствия отсутствия согласованного представления о рубеже отступления. В Лондоне Кейнс настоял на том, чтобы ему не было позволено принимать что-либо, кроме безвозмездной помощи. Теперь, когда он просил разрешения быть гибким, чтобы договориться о займе, ему в этом отказывали.

4. Погружение в ужас

15 и 16 октября Кейнс и Галифакс послушно приступили к испытанию на Клэйтоне и Винсоне взрывной формулы Долтона. Они попросили безвозмездную помощь в 2 миллиарда долларов и кредитную линию на 3 миллиарда под 2 процента с отсрочкой на пять лет первых выплат в погашение основной суммы и набегающих процентов. Но они «не добились ровным счетом ничего», и разговор прошел в атмосфере «мрачной и неконструктивной». Более того, ум Клэйтона двигался, похоже, «в неприятном направлении, а именно к тому, чтобы предложить снизить кредит до уровня менее 5 миллиардов и одновременно сохранить 100 миллионов долларов как меру его годового обслуживания»[27].

В среду 17 октября Кейнс набросал *набоб*-177, который в 1.00 был отправлен в Лондон. «Мне это показалось блестяще составленным посланием с изящными вкраплениями юмора, скрашивавшими официальный стиль телеграммы», — записал в дневнике посол. Документ, «посылаемый после консультаций с послом, Брэндом, Селфом, Лишингом, Роббинсом и Холл-Пэтчем» и «выражающий наше общее мнение», содержал просьбу разрешить Кейнсу принять предложение Клэйтона. Кейнс признавал, что британцам не удалось достичь ни одной из своих целей. «В этой деловой стране, — иронизировал Кейнс, — где деланье денег почитается моральным долгом... чтобы не оскорбить ее моральные принципы, необходимо создавать видимость обычной банковской сделки». С другой стороны, добиться какого-то соглашения с Соединенными Штатами важно. Он хотел, чтобы ему дали согласие на получение займа в размере 5 миллиардов долларов под 2 процента с погашением в течение пятидесяти лет, притом что будет оговорена возможность отказаться от выплаты процентов в любой год, когда «экспорт продукции национального производства окажется недостаточным для оплаты импорта в его довоенном объеме»[28].

Чего он не ведал, отправляя телеграмму, так это что предложение Клэйтона уже было отозвано. «Друг» Кейнса Гарри Уайт нанес ему удар в спину, о чем он так никогда и не

узнал. Возглавляемый Уайтом комитет в министерстве финансов США пришел к выводу, что предстоящие трудности с платежным балансом Великобритании преувеличиваются и что для преодоления переходного периода потребности в такой сумме, как 5 миллиардов долларов, у Англии не будет*.

На встрече 18 октября Винсон сказал Кейнсу, Галифаксу и Брэнду, что «лучшее предложение», какое они могут сделать, это заем в размере 3,5 миллиарда долларов под 2 процента с погашением в течение пятидесяти лет плюс любая ссуда, какая может понадобиться для «окончательного расчета» по ленд-лизу под 2 3/8 процента с возвратом в течение тридцати лет. Общая сумма цифр, которые всплывали в разговоре, округленно составляла 4 миллиарда. На вопрос о том, как они пришли к меньшей сумме, Клэйтон ответил, что они предположили сокращение золотых и долларовых резервов Англии до 1 миллиарда долларов к концу переходного периода: повторялся, похоже, прежний американский взгляд на задачи выделения средств по ленд-лизу. Обязательство же ввести в стерлинговой зоне либеральные правила внешних платежей должно было остаться неизменным.

Кейнс, записал Галифакс, обошелся с американскими предложениями «очень сурово», и «на какое-то время спор стал напряженным. Я подумал, не стоит ли вмешаться и погасить очередную вспышку Кейнса. Поразмыслив, засомневался: а не будет ли эта вспышка на пользу дела, и решил, что пусть все идет, как идет». Кейнс сказал, что Лондон, конечно, сочтет их предложение совершенно неприемлемым, и поэтому он просит их совета, не будет ли ему и в самом деле лучше прервать переговоры и вернуться домой со всеми «опасными и даже трагическими последствиями». Винсон раздумчиво произнес: «В штате Кентукки мы никогда не просим гостей покинуть наш дом»[29].

Слишком поздно возвращался Кейнс к предложенному Клэйтоном займу в 5 миллиардов долларов. Казалось,

* Уайт вел собственную сложную игру и пускал пробные шары, выдвигая в том числе идею выкупа Соединенными Штатами стерлингового долга Британии у ее кредиторов. Ничего из этого не вышло.

американцы могли бы, в конце концов, пойти на 4 миллиарда плюс расчет по ленд-лизу. После этого они приступили к разговору насчет оговорок об отказе от платежей, причем Клэйтон настаивал, что «показатели нашего внешнего дохода должны учитывать наш чистый невидимый доход».

Матери Кейнс написал 21 октября: «На наших переговорах мы достигли точки, с которой не сможем сдвинуться без новых инструкций из Лондона... Внешне это выглядит не так уж хорошо. Но для них почти так же, как и для нас, важно достичь приемлемого заключения. Так что я по-прежнему настроен весьма оптимистично, и пусть твою старость не омрачает столько переживаний, сколько было у меня...»

Долтон должен был представить свой бюджет 23 октября, и поэтому опять пошло время ожидания. В течение минувших семи недель позиции лондонского начальства и его агентов в Вашингтоне все больше расходились. Сказать проще, британские переговорщики в Вашингтоне инстинктивно настраивались проамерикански; их хозяева в Лондоне инстинктивно настраивались на антиамериканский лад. Посланцы-консерваторы (или, если говорить о Кейнсе, посланец-либерал) вели переговоры от имени правительства лейбористов, всецело преданного идее крупномасштабной национализации. Предпочтение, которое Кейнс отдавал «американскому» уклону перед «русским», упрочилось с приходом к власти в Англии лейбористского правительства и при первых раскатах холодной войны. Те самые соображения, которые заставляли лейбористский кабинет колебаться и не спешить привязывать Англию к фалдам американского пиджака, для Кейнса становились все более вескими доводами в пользу именно такой политики.

Как и в Бреттон-Вудсе, Кейнс часто набрасывался с бранью на Соединенные Штаты и время от времени говорил о том, что переговоры надо прервать. Но он никогда не сделал бы этого, разве что пришел бы к убеждению, что Америка сознательно стремится причинить Англии вред. На деле в американской позиции всегда было достаточно «щедрости», чтобы уверить его в основополагающей доброжелательности Америки. Так что ему не составляло труда объяснять ан-

гло-американские противоречия причинами вторичного порядка и все списывать на недоразумения, возникающие из-за различий британского и американского способов вести дела, и прежде всего из-за необходимости партнеров заботиться об умиротворении конгресса.

Не забывал Кейнс и о сроках. Бреттон-Вудское соглашение должно было пройти ратификацию в парламенте до конца года. К тому времени финансовое соглашение надо было подписать, ибо в противном случае оно вполне могло провалиться. Для Кейнса это было решающим доводом против перерыва в переговорах: под угрозой оказывалось все здание послевоенного восстановления. У Винсона и Клэйтона также был напряженный график. Они хотели, чтобы конгресс ратифицировал заем до ухода на рождественские каникулы, опасаясь, что иначе оппозиция сможет нарастить силы. Американцы, по убеждению Кейнса, ни в коем случае не стали бы толкать англичан к перерыву в переговорах. Это давало ему в руки какой-никакой рычаг давления.

Еще одним обстоятельством, заставлявшим Кейнса все больше и больше беспокоиться об ускорении переговоров, было ненадежное состояние его здоровья. В письмах домой он упорно твердил, что чувствует себя «совсем неплохо и готов к еще одному рабочему рывку». Лидия следила за соблюдением «железной дисциплины в отношении диеты, пузырей со льдом, отдыха и сна». Всякий раз, как это было возможно, они ужинали у себя в номере в *Стэтлере* и рано ложились спать, причем Лидия вытаскивала из салатов кубики льда и наполняла ими пузырь, который прикладывала к груди Кейнса. Однако уже 7 октября у Кейнса случился «слабый сердечный приступ», «потому что съел лишнего в состоянии крайнего переутомления»[30]. По мере продолжения переговоров сердечные боли стали появляться вновь и вновь, и чтобы от них избавиться, он начал принимать капсулы амитала натрия. Вполне здоровый человек мог бы слетать в Лондон и получить более гибкие инструкции. Но Кейнса его немощи держали в Вашингтоне, как в ловушке. Он не мог рисковать перелетом через Атлантику. Поэтому он попросил сэра Эдварда Бриджеса, секретаря кабинета,

приехать ознакомиться с обстановкой в Вашингтоне и подтвердить правильность посылаемых миссией докладов. Но на это предложение наложил вето Эттли, который не хотел получать «противоречивую информацию о финансах»[31]. Так что Кейнс, по словам Роббинса, «поздними вечерами обычно проводил часы, составляя превосходные по литературному стилю и остроумию телеграммы, подготовку которых лучше было бы предоставить мелкой сошке и ради сбережения сил, и ввиду явной непригодности многих его цветастых пассажей как средства убедить изумленных министров, не забывших, что однажды им уже случилось попасться на крючок его красноречия»[32]. Последнее имеет существенное значение. Кейнс отличался красноречием, но не краткостью. Ему требовалось создавать атмосферу, которая позволяла бы развернуться убедительной силе его доводов. Сегодня можно наслаждаться духом его *набобов*, но есть и возможность понять, почему там, в Лондоне, задавленные перегрузками министры и чиновники находили их весьма невразумительными.

Хотя ухудшение предлагавшихся американцами условий подогревало, а не гасило стремление Кейнса завершить переговоры поскорее, на Лондон оно оказывало противоположное действие. Некоторые все еще не хотели расставаться с надеждой на идеальную *Справедливость*. Иные беспокоились по поводу способности Британии рассчитаться с долгом. Министры опасались также еще одной ловушки: что на конвертируемость стерлинга Англия вынуждена будет согласиться прежде, чем сможет восстановить свою платежеспособность.

Самую непреклонную — и политически безнадежную — позицию занял Английский банк. Полный решимости сохранить стерлинговую зону, он противился отмене долгов, преждевременному введению конвертируемости и заимствованиям у Америки. Если в этом была какая-то политика, то смысл ее был в том, чтобы загнать Англию в *Голодный угол* и использовать стерлинговые счета как рычаг для навязывания британского экспорта странам стерлинговой зоны. Это поднимало вопрос о торговой политике. И здесь

приверженцы империи и социалисты, приверженцы государственной торговли, объединялись в требовании отказаться от обязательств, налагаемых статьей VII. Иди в Казначействе и Кобболд в Банке были против любого соглашения, которое так или иначе связывало бы Британии руки. Это находило отклик и в лейбористском кабинете, опасавшемся, что американский заем со всеми его условиями ограничит возможности островного социализма.

Приверженцы *Realpolitik* скажут, что Кейнс не смог разглядеть действительного столкновения интересов двух держав. Но его лондонские критики оказались не в состоянии предложить приемлемую альтернативу. Никто реально не был готов искать последнее прибежище в *Голодном углу*. Англия была демократическим, а не советским государством. Как отметил Фредди Хармер, Лондон цеплялся за «безумную идею, будто мы можем порвать с американцами, отклонив любую дорогую им идею, и все же получить от них на тех или иных условиях достаточно финансовых средств, которые позволили бы нам продержаться»[33].

Раскол мнений в Лондоне нашел отражение в *бабуинах* Долтона, посланных 27 октября в ответ на *набобы* Кейнса от 19 и 20 октября. Мид полагал, что в них была представлена «самая низкая точка, до которой опустились старания Иди и Кобболда»[34]. В основу их была положена — логичная сама по себе — идея обмена помощи на обязательства. Англия либо получает 4,5 миллиарда долларов, из которых 2,5 миллиарда под 1 процент, и обязуется ратифицировать Бреттон-Вудское соглашение, поддержать международную торговую конференцию и уладить дела со своими кредиторами в стерлинговой зоне, либо она добивается займа в 2,5 миллиарда на коммерческих началах плюс необходимые средства на итоговый расчет по ленд-лизу, но вообще никаких обязательств на себя не берет.

Бабуины Долтона заставили Кейнса «побелеть от ярости и завести разговор об отставке». Но на следующий день, отметил Хармер, «М. хорошенько подумал и, набросав и порвав пару ядовитых черновиков, написал очень хорошее письмо». *Альтернатива Б*, разъяснял он Долтону, не годит-

ся: заем на коммерческих условиях предполагает ставку в 3 процента, да к тому же единовременное возвращение основной суммы. Если с этим выступить, у американцев возникнет предположение, что Англия склоняется к созданию отдельного экономического блока. *Альтернатива А* может быть предложена только со ставкой в 2, но не в 1 процент. Лондон на 2 процента согласился.

Усилия, параллельно предпринимавшиеся Кейнсом с целью утрясти проблему стерлинговых счетов, также столкнулись с трудностями. Американцы хотели урегулирования этой проблемы, потому что существование стерлингового долга Британии оказывало влияние на ее способность обслуживать любой долг Америке. Когда предложения Кейнса о сокращении, финансировании и размораживании стерлинговых долгов поступили в Лондон, «Кобболд и Иди закатили истерику, заявляя, что мы никак не можем выдавать американцам по существу гарантии сокращения счетов наших стерлинговых кредиторов или установления пределов их размораживания для конвертирования в доллары»[35]. Последовала горячая перепалка. В конце концов Кейнс ухватился за повод поиздеваться над позицией Банка: «Некоторые фиговые листки, радующие глаз старых леди в Лондоне, в более суровом климате увядают»[36]. Кейнсу позволили передать Гарри Уайту свои предложения о сокращении стерлинговых авуаров, но без упоминания сумм, конкретных обязательств и сроков. В своем *бабуине-156* Долтон пояснял, что, если бы американская помощь приняла форму безвозмездной помощи, это стало бы для Англии «моральным стимулом» пойти на «более широкий» отказ от стерлингового долга. А без такого «морального стимула» невозможно вообще гарантировать никакие определенные сдвиги, и если американцы попытаются привязать Британию к каким-либо цифрам, «переговоры в целом должны быть прекращены»[37].

Когда возникла угроза, что торговые переговоры тоже разобьются о скалу выставленных доминионами возражений против устранения преференций, Роббинс и Холл-Пэтч вылетели 28 октября в Лондон «якобы для обсуждения англо-американских разногласий по вопросу об имперских

преференциях»[38], но имея также в виду устранить недоразумения, возникшие на финансовых переговорах. Роббинс привез Долтону письмо Кейнса с сетованиями на «распространение опасных и поистине безумных рекомендаций» и предупреждением, что правительство рискует получить финансовый крах, подобный пережитому в 1931 г. «Нет никакого, хотя бы отдаленно совместимого с нынешней внутренней политикой правительства выхода, кроме как на основе существенной американской помощи»[39]. До возвращения Роббинса Кейнс и Галифакс решили даже не пытаться опробовать на американцах долтоновскую *Альтернативу А*.

Роббинс и Холл-Пэтч вернулись из Лондона 7 ноября. Они сообщили, что среди министров царит страшная сумятица. Все свое время они проводят, теоретизируя по поводу национализации, и большинство высших должностных лиц работают на пределе сил. Стаффорд Криппс понимает, что происходит, Бевин начинает понимать, но Долтон совершенно не способен заглядывать в какие-либо докладные записки или хотя бы советоваться с премьер-министром. Кейнс отозвался на это словами: «Когда впервые я познакомился с Долтоном-студентом в Королевском колледже, он страстно поклонялся Джо Чемберлену и его комната была обклеена плакатами во славу имперских преференций. Потом однажды вечером его, пьяного, Руперт Брук обратил в фабианство. Отсюда все наши нынешние неприятности». Поездка Роббинса и Холл-Пэтча в Лондон имела свои последствия. Спор об имперских преференциях разрешился — или, по крайней мере, был отложен, — и это позволило кабинету принять 6 ноября «предложение Соединенных Штатов об учреждении *Международной торговой организации*».* Отставили и долтоновскую *Альтернативу Б*; Миссии было велено продвигать *Альтернативу А*. Если не пройдет, пере-

* В конечном счете кабинет принял формулу, предложенную американцами, но на самом деле ее первоначально выработали британские переговорщики, и суть ее была в том, что ставки преференций не будут сокращаться, пока не произойдет общее снижение тарифов до уровня преференциальных ставок.

говорщики могли согласиться но новую *Альтернативу Б* — 4 миллиарда долларов под 2 процента, с пятидесятилетним сроком погашения и возможностью предоставления дополнительного миллиарда долларов на тех же условиях[40]. Лондон начинал постепенно отступать.

Продолжение истории находим в дневниковой записи посла от 6 ноября:

> Из государственного департамента я пошел в министерство финансов, где Кейнс, Боб Брэнд и я проверили на американцах первую из двух лондонских альтернатив. Как я и ожидал, она им не слишком понравилась... Будут думать... Мне все больше и больше кажется, что помехи создает скорее Винсон, чем Клэйтон. Мы вели разговор в сильно перегретой комнате при опущенных на всех окнах жалюзи, хотя снаружи ярко сияло солнце. Желание американцев так устраивать свою жизнь — всегдашняя для меня загадка.

Новый британский план — представленный как проект соглашения и принятый к рассмотрению американским *Высшим комитетом* — предусматривал предоставление Соединенными Штатами кредита, состоящего из двух частей: 2 миллиарда долларов плюс какая-то сумма (как все еще надеялись англичане, в пределах 500 миллионов) для итогового расчета по ленд-лизу, и еще 2 миллиарда на введение режима «недискриминационной доступности» для текущих стерлинговых поступлений, используемых в нестерлинговых операциях и на частичное размораживание накопившихся стерлинговых счетов. На часть, представленную 2,5 миллиарда долларов, начислялись бы 2 процента и для ее погашения устанавливался пятидесятилетний срок с началом выплат в 1951 г. В остальных своих частях, также подлежащих возврату пятьюдесятью равными траншами, начиная с 1951 г., кредит должен быть беспроцентным. В любом году, когда объем видимого и невидимого экспорта Британии не достигнет 7 миллиардов долларов, необходимых для оплаты довоенного уровня импорта, выплата процента будет отменяться. На платеж в погашение основной суммы может быть дана отсрочка в случаях расстройства системы многосто-

роннего клиринга («менее 75 процентов от британского экспорта идет в страны, валюты которых свободно конвертируются в доллары»), мировой депрессии или объявления *Международным валютным фондом*, что доллар является «дефицитной валютой»[41].

Потратив три дня на изучение *Альтернативы*, Винсон и Клэйтон в пятницу 9 ноября ее отклонили. Тогда Кейнс отступил на позицию, заготовленную на этот случай. Переговоры продолжились «на основе предположения, что заем будет увеличен до 4,5 миллиарда, включая окончательные расчеты в связи со свертыванием ленд-лиза», с начислением 2 процентов на всю сумму. Но эта уступка в отношении размеров займа сопровождалась лавиной новых и старых требований. Американцы знали, что держат британцев за горло. Выплата процента могла быть отложена, но не отменена; в набор оснований для отсрочки должно было войти состояние британских резервов; конвертируемость стерлинговых поступлений должна быть обеспечена всем, а не только входящим в стерлинговую зону странам, с которыми Англия имеет платежные соглашения; и погашению американского займа должен отдаваться приоритет перед расчетами по другим долгам.

Выдерживать это Кейнс больше не мог. Полуофициальная запись Баро — на встречах он не присутствовал — не в состоянии полностью скрыть драматизм происходившего:

> Лорд Кейнс... похоже, терял терпение, и утрачивал интерес к продолжению переговоров, и хотел договориться с американцами в общем на их условиях, воспользовавшись данными делегации Лондоном широкими полномочиями действовать по собственному усмотрению. В субботу утром он говорил, что сделка состоится, и намечал встретиться с прессой во второй половине дня. Его, однако, отговорили следовать этому плану[42].

Последовавшая в субботу 10 ноября встреча была «напряженной и болезненной». Американцы еще больше подкрутили гайки, потребовав пересмотра подписанных всего лишь 24 сентября англо-американских нефтяных соглашений, по которому за Британией сохранялось предусмотрен-

ное статьей XIV(2) Бреттон-Вудского соглашения право принимать дискриминационные меры в отношении своего импорта. «Мы натерпелись много неприятностей, особенно с этим нефтяным делом, — записывал Хармер, — и только великие твердость и такт (особенно проявленные Лайонелом Р.) заставили [Мейнарда] достойно совладать с ними и не отступить». Американское требование, чтобы в обмен на предоставление займа Англия отказалась от данного ей статьей XIV Бреттон-Вудского соглашения права сохранить на переходный период валютный контроль, должно было стать для Лондона последним камнем преткновения.

В понедельник 12 ноября эксперты обеих сторон обсуждали технические детали, тогда как Кейнс и посол провели с Винсоном и Клэйтоном еще одну встречу, которая прошла не лучше. В какой-то момент Кейнс вспылил: «Почему вы так на нас давите?» Клэйтон по большей части предавался увещеваниям и назиданиям, развивая тему британского величия, которое было, мол, основано на свободе торговли и конвертируемости валюты. Успокаиваясь, Кейнс заметил: «Одно время я стал верить, что *Мэйфлауэр* приплыл сюда набитый юристами. Теперь же я склонен вернуться к моему прежнему, изначальному убеждению, что на его борту были одни богословы». Хармер сообщал: «М... в нервозном состоянии, и с ним трудно иметь дело. Он сильно измотан, и это тяжело отражается на всех нас... Сплошной кошмар». Американцы обещали представить свой контрпроект к 15 ноября. «Меня все больше охватывает тревога, — записал Холл-Пэтч. — Методы 'прокуренной комнаты', без наблюдателей и каких-либо протоколов, — такая форма переговоров допустима лишь в случае, если вы совершенно уверены, что имеете дело с людьми, обладающими достаточной властью, чтобы воплотить в жизнь то, о чем вы достигли с ними разумного согласия. Не уверен, что эти методы уместны в случае с кроликами — нашими партнерами на нынешних переговорах...»[43]

Однако Кейнс сохранял «умеренную надежду», что в пересмотренном американском проекте соглашения будут приняты во внимание замечания британских экспертов и

он сможет, погрузившись 30 ноября на *Куин Мэри*, отправиться домой. Новый американский текст был доставлен в отель *Стэтлер* в 9.00 в четверг 15 ноября. Фредди Хармер «поднялся [в комнату Мейнарда] и нашел М. в постели; он выглядел очень потрепанным и бледным; и все, что он способен был сказать, это что нам, мол, лучше бы сложить вещи и отправиться домой». Американские технические специалисты, как понял Хармер, «поработали и внесли в проект все глупости и унизительные подробности вместе с рядом новых существенных пунктов, которые, если их послать в Лондон, могли вызвать там взрыв ярости». В десять все они встретились в посольстве. Галифакс «в создавшейся ситуации очень твердо взял на себя руководство. Было решено, что следует отказаться от обсуждения проекта и просто сказать, что мы посылаем его в Лондон и запрашиваем инструкции, при этом предупредив их о возможных последствиях. М. очень нервничает, и ему трудно сдерживать свои чувства. (Для него очевидна личная сторона дела.)» Когда Гарри Уайт позвонил и предложил Кейнсу встретиться для обсуждения технических вопросов, «М. говорил с ним по телефону ужасающе грубо, а ведь именно этого мы хотели избежать».

«Самое важное» заседание совместного финансового комитета состоялось в тот день в три часа пополудни с участием Галифакса, Кейнса, Брэнда, Роббинса, Холл-Пэтча и Хармера с английской стороны и Винсона, Клэйтона, Экклса, Маккейба, Томаса, Уайта и Коллэдоу — с американской.

Первым взял слово Галифакс, который «прямо и с немалой горечью высказал опасение», что американские предложения поставили переговоры на грань провала. В этом проекте содержатся-де предложения, которые будут для Лондона совершенно неприемлемы. Если эти предложения суть последнее слово американцев, британской делегации не остается ничего иного, кроме как отправиться домой. Не исключено, что через год или около того появится возможность возобновить переговоры с большей надеждой на успех. А до тех пор не может быть и речи о ратифи-

кации Англией Бреттон-Вудского соглашения или о ее участии в дискуссиях о создании *Международной торговой организации*[14].

> Это заявление [писал присутствовавший на нем Баро] явилось для американцев заметным ударом. Винсон немедленно стал твердить, что он совершенно не в состоянии понять утверждение посла, что части американского документа не предлагают даже основы для обсуждения. Пока Экклс продолжал гудеть... Винсон и Клэйтон шептались между собой, и под конец Винсон сказал, что ничто из упомянутого послом не дает оснований думать, будто нас ждет провал. Этот документ и его положения, вызывающие у нас обиду, должны быть обсуждены заново. Нам не следует пересылать документ в Лондон... Посол великолепно поймал мяч. «Все мы в этой комнате друзья, — сказал он, — и все мы хотим служить одному делу».

Затем, выдерживая свой самый язвительный стиль, Кейнс пункт за пунктом прошелся по американскому тексту. Вот-де американцы говорят, что никакая отсрочка выплат не может быть предоставлена, если золотые и валютные резервы Британии окажутся выше 15 процентов стоимости ее импорта. Результатом, заметил по этому поводу Кейнс, будет то, «что Англии придется стоять в очереди за хлебом». Возможно, именно по ходу этого разговора его натолкнули на одну из его знаменитых саркастических реплик. Он утверждал, что золотой запас Британии и так уже чрезвычайно невелик, на что один из служащих Федеральной резервной системы бросил: «Состояние вашего золотого запаса должно служить важным критерием. И вы могли бы найти побольше золота, укрытого в пещере». Кейнс тут же повернулся к Фрэнку Ли: «Золото в пещере, Фрэнк, вставьте это в соглашение. Мы это принимаем»*. Он набросился на оговорку о возможной отсрочке, но не отмене выплаты процента. «Американцы согласились, что в течение 55 лет мы не должны платить, если платить нам нечем, но

* Так мне рассказал об этом Поль Баро. Было и несколько других версий.

после этого срока надлежит платить, даже если и нет для этого возможности». Наконец, Кейнс отклонил предоставление выплатам в погашение американского займа приоритета перед расчетами по другим долгам. Экклс твердил, что, если бы, мол, Америку попросили рефинансировать обанкротившееся предприятие, она была бы вправе требовать установления верхнего предела по долгам прежним кредиторам. Кейнс взорвался: «Вы не смеете обращаться с великой страной, как с компанией-банкротом»[45]. Хармер считал, что «М. в совсем неважной форме — переработал, и вся атмосфера очень изнуряет. Но в итоге они решили незамедлительно провести следующую встречу, имея в виду, что с утра будут обсуждены менее существенные технические детали».

Первая из этих встреч состоялась в пятницу 16 ноября под председательством Кейнса и Уайта. «Возникло несколько очень жестких споров, причем М. был почти не в состоянии держать себя в руках», — отметил Хармер. Субботняя встреча в точности повторила первую, только прошла еще хуже. Хармер записал: «Теперь нас охватила тревога. Здоровье М. не может выдерживать такого напряжения... Среди важнейших задач — каким-то образом устроить ему на следующей неделе отдых, и нам надо надеяться, что после встречи в понедельник, в ожидании известий из Лондона, наступит затишье. Тем временем мы должны так или иначе пережить понедельник без взрывов».

Воскресенье Кейнс и другие члены команды провели в составлении серии телеграмм в Лондон с изложением сути спорных вопросов. Миссия предпослала им общее заявление: «Мы должны предупредить вас, что... дело подвигается туго и впереди могут быть новые неприятности». В дневниковой записи посла за 18 ноября впервые упоминаются «внутренние трения» в британских рядах. «Кейнс, с его множеством недостатков гения, — нелегкий человек в команде. Я с ним лажу очень хорошо и думаю, что его достоинства восхищают всех и каждого. Но большинство людей, у кого ум работает не так быстро, как у него, побаиваются его неуемной изобретательности, рождающей все новые предложения, хорошенько обдумать которые им не хватает време-

ни. Боб Брэнд очень здравомыслящий человек, и я очень часто полагаюсь на его суждения». Баро подтверждает, что в тот день произошло «восстание на Баунти». Готовясь к назначенной на понедельник встрече, британская команда решила по возможности предоставить ведение переговоров послу, а «лорда держать подальше». Технические вопросы поручили обсуждать осторожному банкиру Брэнду.

Англичане ожидали, что в понедельник 19 ноября на встрече *Финансового комитета* американцы положат на стол официальные предложения, которые можно будет послать в Лондон. Но вместо этого «они предложили для обсуждения временный текст, все еще с нашими поправкам и новыми предлагаемыми изъятиями в квадратных скобках»[46]. Винсон «бесцеремонно» предложил все это принять. Поскольку вопрос был сугубо технический и ни посол, ни Брэнд не в состоянии были с ним справиться, у англичан, по словам Баро, не оставалось иного выбора, кроме как «передать мяч лорду Кейнсу». Последовало долгое и порой очень скучное обсуждение разногласий по отдельным пунктам проекта». После встречи Кейнс, который, согласно Хармеру, был «гораздо больше похож на самого себя», отметил, что они с Гарри Уайтом пришли к единому мнению, что Бреттон-Вудское соглашение оказалось чересчур высокой ценой, которую приходится платить за необходимость выслушивать Мэрринера Экклса. «Неудивительно, — добавил Кейнс, — что этот человек мормон. Никакая женщина в одиночку его бы не выдержала». Подобные всплески легкомыслия происходили все реже.

Как ни мало было на это надежд, но три встречи 16, 17 и 19 ноября еще раз подвели стороны к порогу согласия. Последовавшие затем кошмары были порождены попытками Лондона перечеркнуть то, чего удавалось добиться на переговорах Кейнсу.

Разногласия теперь сводились к следующему. Что касается суммы займа, англичане просили 4 миллиарда долларов плюс 500 миллионов для оплаты «уже находившихся в деле» поставок по ленд-лизу, когда он будет отменен, с начислением в обоих случаях 2 процентов годовых. Амери-

канцы предлагали 3,75 миллиарда под 2 процента и определяли британский долг по ленд-лизу в 750 миллионов, на который также должны были начисляться 2 процента. Англичане хотели, чтобы за критерий вступления в силу оговорки об отказе от выплаты процентов принималась чистая, а не валовая сумма золотовалютных резервов. Американцы же упорно доказывали, что отказ от выплат недопустим, если одновременно не будут сокращаться платежи держателям стерлинговых счетов, и что ускорение выплат по стерлинговым долгам должно сопровождаться ускорением выплат и по американскому долгу. Британцы хотели ограничить сокращение платежей кредитами, которые будут взяты после получения американского займа, и исключить колонии из ограничения ускоренных выплат. Они также хотели ограничить конвертируемость стерлинга введением ее лишь для стран стерлинговой зоны, тогда как американцы хотели сделать конвертируемыми также стерлинги, поступавшие в страны вне этой зоны. Можно понять Кейнса, который полагал, что еще денек — и все станет на место.

Пока Лондон предавался размышлениям, Кейнс написал несколько писем «о погоде». 21 ноября он писал Иди:

> Как вы, вероятно, могли бы предположить, жизнь здесь в минувшие три недели или более того была совершеннейшим адом; хотя я сомневаюсь, что вы можете себе представить, насколько это было плохо.
>
> Все, что нам удавалось, как мы думали, согласовать с Высшим комитетом, они потом неточно передавали экспертам и юристам, не присутствовавшим при обсуждениях. Эти же работают, с нами не консультируясь, и выдают своим начальникам нечто ни в малейшей мере не похожее на то, о чем мы договорились. Затем американский Высший комитет берет это и швыряет нам в форме, очень напоминающей ультиматум. Тогда на нескольких сердитых встречах нам приходится в максимально возможной степени выкидывать что-то из текста, чтобы вернуть его назад — не полностью, но хотя бы настолько, насколько оказывается возможным. Это не единственный случай, а так происходит раз за разом[47].

И в письме Флоренс Кейнс от 21 ноября:

> Они не желают нам никакого зла, но у них такие мелкие умы, кругозор такой ограниченный, такой недостаток знаний, упрямство столь безгранично, а их юридическое буквоедство приводит в полное бешенство. Да не придется мне никогда склонять кого-либо на свою сторону, имея на руках так мало карт.
>
> Как ты можешь догадаться, запас моих физических сил начинает иссякать...

По возвращении из Вашингтона Кейнс представил *Людоеду* подробный отчет о своем здоровье:

> В первые восемь или девять недель я чувствовал себя чрезвычайно хорошо, — при условии, что никуда не ходил, едва чувствовал какие-то физические ограничения... В последние несколько недель, однако, когда я вел войну на двух фронтах и страдал от груза огромных обязанностей и раздражений, я начал сдавать. Каждые два или три дня, когда возникало что-нибудь особенно раздражающее или утомительное, появлялись симптомы, очень расстраивавшие Лидию. Всякий раз, как мои эмоции порождали выбросы адреналина, это было больше, чем старое сердце могло успешно выдержать. Поэтому, в дополнение к пузырю со льдом, я стал проводить в горизонтальном положении так много из двадцати четырех часов, как это было практически возможно. Что, однако, действительно позволило мне выдержать испытание, так это чудодейственный амитал натрия...[48]

Лондону американский проект совсем не нравился. После напряженного заседания кабинета 23 ноября, отмеченного нападками Герберта Моррисона на Казначейство за отказ предоставить Кейнс достаточную свободу действий, миссия получила новые инструкции, на сей раз от самого премьер-министра. Правительство хотело бы получить кредит «на сумму не менее 4 миллиардов долларов, включая средства для расчета по ленд-лизу, под 2 процента, с пятидесятилетним сроком погашения и отсрочкой первой годовой выплаты на 5 лет». Взамен оно готово было ввести «более либеральный» платежный режим в стерлинговой зоне, реко-

мендовать парламенту одобрить Бреттон-Вудское соглашение и подтвердить согласованные 6 ноября «принципы торговой политики». Но оно не согласится — «повторяем: не согласится» — завершить переговоры со странами-кредиторами по вопросу о средствах, накопленных на стерлинговых счетах, до конца 1946 г., отдавать погашению своего долга Соединенным Штатам приоритет перед платежами по другим долгам, принять состояние валютных резервов как критерий для отказа от выплат или пойти на отмену права Британии сохранять валютный контроль в расчетах с нестерлинговыми странами. Кейнс не сразу разглядел опасность. Встреча с Винсоном 26 ноября прошла хорошо. Винсон согласился начислять Англии только 2 процента на долг по ленд-лизу. Кейнс набросал проекты приемлемых, как он полагал, для американцев компромиссных решений по спорным пунктам и послал их в Лондон[49]. 27 ноября он воззвал к Долтону: «Быстро скажите *да*... и мы сможем прибыть домой во всех смыслах этого выражения». Ответ, согласно Хармеру, был «скорым и неутешительным». Лондон возражал «против нашего согласия на установление срока... либерализации в стерлинговой зоне». Кейнс «глубоко расстроился... потому что он был связан обязательством считать это неотъемлемой частью общего плана и не видел, каким образом мог бы пойти на попятную. Последовало несколько очень беспокойных дней. М... на грани физического краха; Лидия в половодье слез... Телеграммы летели туда и сюда, повергая М. во все большее отчаяние... Сообщения из Лондона становились все короче и были совершенно бессодержательными».

Кейнс полагал, что Долтон возвращается к «самому привлекательному предложению, какое только мы в состоянии сделать». Он отметил, что Долтон совершенно не понимает разницы между стерлинговыми поступлениями от послевоенного экспорта и стерлинговыми долгами, накопившимися у Англии за время войны. Конвертируемость предлагается только в отношении первых[50]. На это Долтон неискренне ответил, что «не ведает ни о каком долгосрочном соглашении», предполагающем разрешить конвертиру-

емость текущих поступлений до того, как откроются переговоры по поводу замороженных счетов[51]. В новых осложнениях Кейнс (справедливо) углядел руку Иди. «Беда с этими телеграммами в том, — кипятился он, — что их составляют либо сэр Уилфрид Иди, либо казначейские мальчики-рассыльные...»[52] Решающее заседание кабинета состоялось утром в четверг 29 ноября. Два министра, Шинуэлл и Беван, обрушились на предложенные Кейнсом условия. Согласованный кабинетом проект, посланный в 4.40 пополудни и поступивший в Вашингтон утром 29-го по местному времени, настаивал на сохранении за Англией отмененных Бреттон-Вудским соглашением прав на валютный контроль и возражал против назначения срока введения конвертируемости стерлинга для стран стерлинговой зоны. Помимо этого правительство хотело получить возможность отсрочки по выплатам основной суммы займа, как и отказа от уплаты процента, и не желало как-либо увязывать свои обязательства перед американцами с долгами прочим кредиторам[53].

Получив это послание, миссия пришла в смятение. *Набоб-419*, отправленный в 3.17 утра 30 ноября, заявлял «о едином для всех убеждении, что предписываемый нам курс будет гибельным»[54]. Эттли и Долтон ответили кратким сообщением Галифаксу: «Сейчас мы твердо держимся мнения, что вы должны как можно скорее положить перед американцами [наш] текст с обоснованиями, которые мы вам представили»[55]. Столкнувшись с мятежом миссии, Долтон решил немедленно отправить в Вашингтон Эдварда Бриджеса — вместе с другим чиновником Казначейства, А.Т.К. Грантом, — с предписанием исполнить инструкции кабинета. Вот как выглядит запись, сделанная в то утро Роббинсом: «Откровенная пощечина. Телеграмма от Бриджеса. Встреча с послом. Драматический момент — Мейнард грозит отставкой. Обед у посла»[56]. Бриджес прибыл в обеденное время в субботу 1 декабря и сразу собрал миссию на совещание. Баро пишет:

> Хотя Бриджес вел себя по отношению к коллегам в высшей степени тактично [sic], тон поступавших из Лондона сообщений очень скоро сделал очевидным, что он предназначен заменить Кейнса в качестве настоящего главы делегации на фи-

нансовых переговорах. Все телеграммы стали приходить адресованными ему «лично». Это стало вполне очевидно и по его поведению... и из оброненных Грантом слов, что некоторое время назад Кейнс, по сути дела, утратил доверие своих министров в Лондоне и там их всех удивляет, что у них до сих пор нет его заявления об отставке. Этому наверняка не мешало отсутствие стараний с их стороны[57].

Что Бриджес обнаружил в ту субботу, так это сплоченность миссии вокруг ее больного и осажденного со всех сторон руководителя. В воскресенье 2 декабря англичане и американцы на весь день погрузились в дискуссии на заседании *Совместного финансового комитета*. Винсон, сознавая, что произошло, изменил самому себе и стал великодушно нахваливать действия Кейнса как переговорщика. К концу дня некоторые англичане готовы были рухнуть от усталости; в не лучшем состоянии находился Клэйтон, которого «на заседание вытащили больного из постели».

Как и следовало ожидать, писал Роббинс, результатом стало «именно то, чем предположительно должно было обернуться дело, — унижение»[58]. Британцы представили проект своего правительства, который «явно не пробудил в американцах... никаких добрых чувств». Американцы представили свой проект, и британская команда потратила большую часть дня на попытки приспособить его к требованиям Лондона. Кое в чем они преуспели. Предложенные американцами 3,75 миллиарда долларов «новых денег» вместе с 650 миллионами для окончательного расчета по ленд-лизу в сумме составляли 4,4 миллиарда, то есть больше, чем хотел получить Лондон. Что касается оговорки об отказе от платежей, американцы отклонили предложение о возможности отсрочки выплат в погашение основного капитала, но согласились модифицировать свои требования насчет приоритета. На небольшую уступку американцы пошли в вопросе о сроке разблокирования текущих доходов стерлинговой зоны; теперь он был отодвинут на год после ратификации *Соглашения* конгрессом (то есть до середины 1947 г.). Однако американцы настаивали, чтобы Англия отказалась от данного ей статьей XIV Бреттон-Вудского соглашения

права сохранить валютный контроль в отношении стерлинговых доходов стран, не входящих в стерлинговую зону. По заключению Бриджеса, «спорных вопросов осталось немного», и он запросил полномочий на действия по собственному усмотрению «без дополнительных каждый раз отчетов и консультаций». Иными словами, понюхав вашингтонский воздух, он вежливо предлагал Лондону отступить. Свою позицию он выражал решительно и кратко. Когда его известили о поступлении очередного *бабуина*, он сказал: «Пусть *бабуинят* куда подальше. Если бы творцы помех знали, что и как надо делать, они сэкономили бы нам время». Полное преображение Бриджеса, замечает Баро, свершилось.

Лондон продолжал безрезультатно *бабуинить* насчет данных Британии Бреттон-Вудским соглашением прав на переходный период. Правительство вплотную подошло к тому, чтобы прервать переговоры из-за разногласий по этому «отдельному, четко очерченному вопросу». Долтон записал в своем дневнике: «Они [американцы], как мы считали, почти наверняка вернутся за стол переговоров через месяц или два»[59]. Опять желаемое за действительное! И причудливый заключительный штрих. После ужина во вторник 4 декабря британские должностные лица собрались в *Уилларде* в ожидании послания «на высшем уровне» — от премьер-министра президенту, которого должным образом предупредили о предстоявшем поступлении телеграммы. Когда она пришла, оказалось, что это Эттли поручал Бриджесу твердо отстаивать последние британские требования насчет мер переходного периода. Галифакс позвонил Трумэну и сказал, что тот может ложиться спать. Кейнс предложил, чтобы все они тоже шли спать. Но Бриджес сказал, что надо найти Винсона и ознакомить его с предлагаемой Лондоном формулой. Но где был Винсон? После множества телефонных переговоров его отыскали в ночном клубе — в самом *Уиллард-отеле*. В конце концов он появился в комнате Брэнда, «изрядно проспиртованный», но достаточно трезвый, чтобы отклонить последнее британское требование ограничить конвертируемость стерлинга странами стерлинговой зоны. Затем он позвонил Дину Ачесону, который отверг это требо-

вание еще более решительно. *Набоб-463* от Бриджеса премьер-министру был отправлен следующим утром в 5.41: «Боимся, вам придется исходить из того, что нет никаких шансов на пересмотр принятого решения и никакие обращения к президенту не могут на это повлиять. Если имеется в виду прийти к соглашению, следует, мы полагаем, принять американскую формулу... Эта телеграмма прочитана послом, Брэндом, и Кейнсом и посылается при их полном согласии»[60]. Тем же утром в десять часов Лондон известил о своей капитуляции. «Они велели сделать еще одну попытку, но не быть чересчур надоедливыми в стараниях настоять на своем, — записал посол. — Так что, потолковав между собой, мы пошли, как выразился Кейнс, 'пальнуть холостым по Винсону'».

Итак, дело было сделано. Утром в четверг 6 декабря Галифакс и Клэйтон подписали в государственном департаменте англо-американское финансовое соглашение. На групповой фотографии, запечатлевшей момент подписания, Кейнс сидит за стеклянным столом, справа от Галифакса, отрешенный и безжизненный, и ни единая искорка не оживляет его черты. Он страшно утомлен, но день только начался. Впереди пресс-конференция для журналистов Великобритании и Содружества Наций, заметки и письма, потом прием обозревателей и редакторов американских газет. Наконец званый ужин, который он дает в *Стэтлере* всей делегации «в честь завершения проделанной командой работы». Он слегка ковыряется в тарелке, встает и, бросив лукавый взгляд в сторону Винсона и Клэйтона, предупреждает гостей, что они никогда не должны видеть в американцах особую разновидность англичан. Посол, как приличествует моменту, говорит легко и занятно. Он делится подозрением, что с отъездом Лидии розничной торговле Вашингтона грозит спад. Брэнд в который раз сообщает, что работа с Кейнсом всегда заставляет его чувствовать себя самым тупым учеником в классе. Фрэнк Ли остроумно поддразнивает Мейнарда. Роббинс, само красноречие, говорит о спасительном бегстве из Средневековья. Лидия брызжет радостью, что Мейнард, несмотря ни на что, жив.

В пятницу 7 декабря Кейнс нанес прощальный визит президенту Трумэну. Потом они с Лидией отправились в Нью-Йорк, где он встретился с несколькими друзьями-банкирами, забрал серебряную пивную кружку, завещанную Дж.П. Морганом Английскому банку, и 11 декабря поднялись на борт *Куин Элизабет*, оставив миссию, как писал Фрэнк Ли, «'во власти времени и страсти' без вашего вдохновения и огня»[61].

5. Кейнс в обороне

Когда Кейнс был еще в открытом море, правительство пробило заем и Бреттон-Вудское соглашение через палату общин — с большим перевесом голосов (343 против 100), но со слабым обоснованием. Двадцать девять парламентариев-лейбористов голосовали против; против были и семьдесят консерваторов, главным образом приверженцы империи, хотя они получили указание воздержаться. Даже сторонники займа считали его плохой сделкой. '*Экономист*' подвел итог общей реакции: «Ничто не заставляет говорить, что нам это нравится... Наши сегодняшние нужды — прямое следствие того факта, что мы вступили в схватку раньше других, воевали дольше всех и в драке проявили наибольшую стойкость»[62].

Роббинс вспоминает, что «посеревший от волнения Кейнс сидел в своей каюте и со все возраставшими негодованием и презрением слушал радио, искаженно освещавшее *его* старания и *его* заем, и оттачивал доводы в свою защиту, которой собирался отдать остаток сил»[63]. Он прибыл в Англию 17 декабря. Прямо из Саутгемптона, на минутку заскочив по дороге на Гордон-сквер, он отправился в палату лордов, где уже начались дебаты пэров о Бреттон-Вудском соглашении и займе, и просидел там пять часов.

Дебаты второго дня открыл сам Кейнс. Его задачей было рассеять невежество и недоверие, которые наполняли речи, звучавшие в обеих палатах. Даже одобрявшие заем парламентарии усматривали в нем некую извне навязанную

унизительную сделку и обрушивали свой гнев на источник этого унижения — Соединенные Штаты. Защиту займа Кейнс строил на том, что все договоренности с американцами, включая заем и Бреттон-Вудские соглашения, как и соглашения по торговой политике, — это взаимосвязанные части единого проекта, и каждая из них отражает не американское превосходство, а разумный компромисс между двумя великими державами, преследующими одну общую цель: восстановить либеральный режим мировой экономики. Отнюдь, мол, не подвергаясь унижению, Англия извлечет отсюда существенную пользу. Более того, беспримерные условия займа — 2 процента — предоставлены ей в знак признания ее беспримерного вклада в общую победу союзников. Так он приглаживал отчаянные споры в Вашингтоне и прятал их в глянцевую упаковку, приспосабливая для общественного потребления.

Кейнс ловко обходил вопрос о неравенстве сил на переговорах и противоречивости национальных интересов. Америка и Англия стремились, мол, к одним и тем же целям, но действовали разными методами, что вытекало из их разных национальных особенностей. Именно ссылками на «сложную политическую практику конгресса», на «оторванность от дела» общественного мнения, на договорно-правовые и коммерческие основы американской жизни объяснял Кейнс то, как американцы подходили к ведению переговоров с англичанами. Американцы хотели, чтобы все было сказано четко и сухо, англичане же предпочитали некоторую «размытость»; пакет достигнутых договоренностей заключает-де в себе «практический компромисс между определенностью, которой хотели они, и известной мерой эластичности, чего хотели мы». Но в основном обе стороны стремились к одному и тому же.

Как можем видеть, Кейнс занимался тонким балансированием между тем, чего Англия имела право ожидать, и тем, что, разумно учитывая обстоятельства, готова была дать Америка. Только по одному конкретному вопросу его доброжелательное благодушие дрогнуло и чувства как бы вырвались наружу: «Что касается процентов, то я лично, пока бу-

ду жив, не перестану сожалеть, что мы не получили беспроцентной ссуды. Начисление процентов не созвучно базовым реалиям. Оно основано на ложной аналогии». Оно, мол, не согласуется с уникальностью британского вклада в войну. Но даже в вопросе о проценте американцы предложили существенные уступки. «В бальзаме и сладкой простоте беспроцентности нам отказали, но платить процент нас просят только тогда, когда мы сможем себе это разумно позволить, а взносы в погашение основной суммы так растянуты, что в первые годы наши минимальные обязательства будут фактически меньше, чем были бы в случае с беспроцентной ссудой, подлежащей возврату равными долями».

Таким вот путем подошел Кейнс к красноречивому заключению:

> Замкнутые экономические блоки и любые сопряженные с ними трения и утраты дружеских связей — это необходимые явления, с которыми приходится сталкиваться в раздираемом враждой мире... Но стремиться к этому было бы, конечно, безумием. Прежде всего эта решимость делать торговлю по-настоящему международной и избегать создания экономических блоков... является просто важной опорой лучшей надежды всего мира — взаимопонимания Англии и Америки... Некоторые из нас, выполняя задачи военного, а позднее и мирного времени, на опыте убедились, что наши две страны могут работать вместе. И все же слишком просто нам было бы двигаться разными дорогами. Тех, кто искоса смотрит на эти планы, я прошу подумать глубоко и ответственно, каким путем они собираются идти.

Дебаты продолжались еще пять часов, после чего одобрившую заем резолюцию палата приняла 90 голосами против 8; около 100 пэров воздержались. Бреттон-Вудское соглашение было одобрено единогласно[64].

В речи Кейнса было много мифотворчества. Но с учетом враждебно настроенного общественного мнения и его собственного чрезвычайного истощения, произнесенная Кейнсом речь в защиту дела своих рук представляется самым мужественным и самым квалифицированным публич-

ным выступлением в его жизни. Он знал дело, о котором говорил, и нашел подходящую мелодию, чтобы быть услышанным. Вашингтонская проза у него обратилась — почти — в поэзию. Возможно, его истинное величие и лежало в царстве риторики, если употребить это слово в его классическом смысле — «искусство убеждать». «Насколько же проще, — причитал Джеймс Мид, — было бы вести государственные дела, если бы рассказывать о них разрешали разумным людям, договаривающимся между собой о разумном образе действий»[65]. Порой Кейнс именно так и говорил, но его чувство языка и способ его использования — слова и фразы, естественно приходившие на ум ему, человеку определенного склада и определенной культуры, которой он дышал, — требовали понимания и согласия на каком-то отличном от обычного уровне. По прошествии более полувека магия слов Кейнса все еще сохраняет силу, но по прошествии столь долгого времени следует задаться вопросом: соответствовало ли его видение проблем тогдашним обстоятельствам? Или то было «распространение опасных и поистине безумных рекомендаций»?

Много говорилось о стиле Кейнса-переговорщика. Во время этой своей предпоследней миссии в Соединенные Штаты он вел переговоры, состоявшие из двух частей, — с американцами в Вашингтоне и с британцами в Лондоне. Как следует оценить его работу? В Вашингтоне самой большой его неудачей было то, что не удалось найти взаимопонимания с Винсоном. Юрист из Кентукки и язвительный интеллектуал из Блумсбери имели между собой не больше общего, чем мел с сыром. Старые вашингтонские связи Кейнса были разрушены, и он слишком устал, слишком плохо себя чувствовал, чтобы завязывать новые. Он не был идеальным переговорщиком, пригодным для того долгого изнурительного процесса, который развертывался в Вашингтоне. Баро обобщенно выразил мнения многих: «Он был чересчур блестящим, чересчур сокрушительным и под конец чересчур измотанным».

Но все это не означает, что он показал себя неудачливым переговорщиком. Хотя порой он и впадал в отчаяние, но

в целом был чрезвычайно эластичен и, как справедливо заметил посол, проявлял и стойкость, и плодотворную изобретательность. У него было свойство каждое утро просыпаться готовым к битве. Осенью 1945 г. среди британских представителей в Вашингтоне никто больше не был так профессионально компетентен и не мог так уверенно вести сложные финансовые переговоры. В возникавших спорах ни Винсон, ни Клэйтон ровней Кейнсу не были. Но на их стороне всегда был перевес сил. Это был тот случай, когда ум противостоял силе. Несомненно, Кейнс часто повергал их в недоумение. Но многие из возникших в ноябре технических осложнений — и особенно частые отступления двух главных американцев от их собственных позиций — не были результатом его промахов, а лишь следствием их невежества и того, что они следовали подсказкам своих «специалистов», услышанным на закулисных совещаниях, так что они произносили слова, которые потом вынуждены были брать обратно.

Ошибочно также воспринимать Кейнса изолированным от остальных членов миссии. Галифакс, Брэнд, Роббинс и Лишинг — все они играли ключевые роли в продвижении переговоров — иной раз спасали их, когда Кейнс мог рухнуть от перенапряжения. Самым трогательным открытием во время вашингтонских переговоров стала для Кейнса поддержка, какую оказывали ему эти люди и их подчиненные. Они его уважали, восхищались им и порой любили его за громадный талант, остроумие, стойкость, бодрость, веселый дух и просто за то, что он есть, и по мере ухудшения его здоровья все больше и больше старались его оберегать.

В Лондоне успехов у Кейнса было намного меньше. На нем самом лежит основная ответственность за переоценку имевшихся возможностей и за то, что Уайтхолл твердо полагался на его «магию» в стремлении достичь недостижимого. Современники Кейнса единодушны во мнении, что он загипнотизировал Уайтхолл и таким образом заставил уверовать в то, во что тот, конечно, хотел поверить, а именно в силу магии Кейнса, сулившую возможность взять лучшее от всех мыслимых миров. Мало ли какие он делал оговорки, какие выражал сомнения, давая свои довашингтонские советы; ма-

ло ли что не скрывал от министров возможной необходимости скатиться на скользкий путь *Соблазна*. Гипнотической силой обладали не доводы, а подбор слов. Выражением «сладкое дыхание *Справедливости*» был задан стандарт, по которому оценивали исход переговоров и прикидывали, удалось ли избежать *Голодного угла*, *финансового Дюнкерка*, кары за их неуспех. Все решения принимались в рамках предложенной Кейнсом эмоциональной структуры.

Замутив мозги Уайтхоллу перед отъездом из Лондона, Кейнс по прибытии в Вашингтон должен был заняться их просветлением. Но его талант воздействовать на умы не был настроен на использование такого средства, как телеграммы. Ему требовался простор, чтобы обстоятельно, во всех тонкостях излагать свои доводы, тогда как пребывавшим в смятении министрам нужны были краткие указания на «за» и «против» и четкие выводы-рекомендации. Это в последнюю неделю переговоров смог обеспечить Бриджес. Кейнс был прав, когда прежде выражал желание, чтобы он приехал, хотя впоследствии его прибытие обернулось унижением. Вплоть до 17 октября Кейнс не делал четких заявлений, что предлагается только заем под 2 процента, и даже потом лелеял надежду, что может последовать какое-то «лучшее предложение». Почти ни в одном из своих многочисленных *набобов* и других сообщений Кейнс не говорит прямо, что предлагаемый выбор ограничен тем-то и тем-то. Министры были, таким образом, обречены то и дело сталкиваться с сюрпризами, что в конечном счете обернулось утратой веры в умение Кейнса вести переговоры. На заключительных стадиях они лишили его, по существу, всякой свободы действий.

Но проблемы создавал не только Кейнс. Смерть сэра Фредерика Филлипса и болезнь, а затем почти отставка сэра Ричарда Гопкинса серьезно подорвали его положение в Казначействе. Новый триумвират в составе Иди, Кларка и Гранта из отдела внешних финансов никогда не одобрял заем и не испытал бы никакого сожаления в случае провала переговоров. После уступки, сделанной кабинетом, Долтон послал Кейнсу добрую записку: «Мой дорогой Мейнард, от

всего сердца спасибо за все, чего вы добились в этой долгой, трудной борьбе — вопреки большим препятствиям... Вы снабдили нас долларами...» Но по-настоящему он Кейнсу не доверял, и у него была собственная программа. Отношению Долтона к Галифаксу особую окраску придавала его антипатия к этому мюнхенцу — остаточному продукту маневрирования Черчилля, человеку неуместному, как и Кейнс, на новой «galere».

Если бы у власти все еще стояли Черчилль и Рузвельт или хотя бы один только Черчилль, не исключено, что Англия могла получить по крайней мере беспроцентный заем с менее обременительными условиями. Винсон и Клэйтон неоднократно ссылались на то, что внутриполитические обстоятельства в США этого, мол, не допускают. Никогда не следует забывать, что осенью 1945 г. Кейнс вел переговоры с людьми, которые очень подозрительно смотрели на предоставление денег социалистическому правительству, а за ними стоял еще более подозрительный конгресс. Будь у власти некто подобный Черчиллю, он не только рассеял бы эти не относящиеся к делу настроения, но и сумел бы — и, вероятно, захотел — разыграть советскую карту. Сомнительно, чтобы такое могло сработать осенью 1945 г. 29 декабря 1945 г. СССР принял решение не ратифицировать Бреттон-Вудское соглашение, что, по мнению Гарольда Джеймса, и стало истинным началом «холодной войны». Известная длинная телеграмма Джорджа Кеннана, посланная из Москвы 22 февраля 1946 г., стала первым серьезным аналитическим документом, в котором Советский Союз был назван врагом Объединенных Наций[66]. Но произошло это много позже и уже не могло повлиять на результаты деятельности миссии Кейнса.

Все это побуждает задаться вопросом, правильно ли Кейнс представил альтернативы в своей записке от 18 марта 1945 г. Альтернатива *Строгой экономии* с ее неприятным сочетанием ограничений и шахтианства отнимала у Англии два возможных выбора, которые не предполагали ни голода, ни антиамериканизма.

Первым из этих двух выборов была девальвация. Англия вынужденно пришла к ней в 1949 г. Но в 1945 она была

немыслима Ожидание британской девальвации было в числе причин, на которые летом 1945 г. в показаниях сенатской комиссии по банковскому делу ссылался Гарри Уайт, отрицая потребность Англии в большой помощи на переходный период. У Кейнса давно были свои возражения против такого рода суждений. Он боялся, что обесценивание валюты еще дальше уведет Англию от равновесия, поскольку падение экспортных цен будет больше, чем увеличение объема экспорта. К этому добавлялись пессимистические оценки скорости реконверсии. Оба эти соображения присутствовали в ответе Кейнса на вопрос, заданный на его вашингтонской пресс-конференции 12 сентября 1945 г.:

> Существуют определенные обстоятельства, в которых она [девальвация], конечно же, помогает стране. Правильная ставка [валютного обмена] зависит от реальной заработной платы в соответствующих странах, и если заработная плата имеет под собой реально конкурентоспособную основу, как, убежден, дело обстоит у нас, изменением обменного курса страны могут, на мой взгляд, очень легко ухудшить, а не улучшить свое положение. Видите ли, это просто означает, что вы платите больше за ваш импорт и меньше [получаете] за ваш экспорт. Далее, если у вас большие трудности с рынками, они могут вас к этому вынудить. У нас нет сегодня такого положения... Мы можем продать любую производимую нами продукцию. Наша проблема в том, чтобы достаточно быстро перестроить нашу промышленность... для восстановления экспорта, и в этих обстоятельствах нельзя вообразить ничего глупее, чем стараться продавать предметы этого экспорта по заниженным, без всякой на то нужды, ценам.

Таким образом, в 1945 г. Кейнс полагал, что Англия конкурентоспособна в том, что касается цен, и что для нее проблема экспорта — это проблема производства. Мид как представитель Экономического отдела отмел этот аргумент как несерьезный, когда ранее в том году Кейнс выдвинул его по ходу изучения проблемы национальной задолженности. Он тогда указал, что «поскольку мы производим промышленные товары, завоевывая нашего потребителя в конкуренции со многими другими странами-экспортерами и в сорев-

новании между отраслями нашей собственной промышленности, мне представляется в высшей степени невероятным, чтобы относительное снижение наших экспортных цен не вызвало весьма существенного расширения нашего экспорта». Мид мог бы добавить, что главным следствием обесценения стерлинга было бы увеличение *доходности* экспорта, что не могло не отозваться и ростом производства. Но Кейнс оставался при своем мнении[67].

Другим оставленным без внимания выбором было просто ждать, пока послевоенная ситуация не прояснится, а тем временем прибегать к краткосрочным заимствованиям для оплаты необходимого импорта. Кейнс был прав в убеждении, что провал уже начавшихся переговоров о займе будет иметь разрушительные последствия для англо-американских отношений. Но такого не могло случиться, если бы они вообще не начинались — или, по крайней мере, не велись с таким размахом.. Трудно не согласиться с высказанным (задним числом) суждением Кларка обо всей этой проблеме:

> Проще всего было бы... хотя никто на это не пошел [sic], убедить Кейнса... отказаться осенью 1945 г. от переговоров, развернутых в рамках концепции «Великого проекта»... Мы легко могли сказать, что готовы, мол, «подписать Бреттон-Вудское соглашение и хотим участвовать в Международной конференции по торговой политике; но не готовы вообще признавать какие-либо наши прежние обязательства, пока не увидим, как развивается новый мир: вести переговоры мы желали бы в 1947 г.». Мы могли бы взять взаймы, скажем, миллиард долларов... и обязаться воспользоваться кредитом на погашение остатка долга по ленд-лизу по ставке любого последнего крупного займа. После резкого окончания войны и прекращения ленд-лиза американцы не смогли бы отказать или пытаться выставить какие-то условия. Действительно, к 1947 г. ход событий показывал, что концепции проповедников многосторонности были совершенно неверными, и что доктрины переговоров 1945 г. вплетались в ткань внутренней американской политики, и что сочетание коммунистической угрозы Европе с мировой нехваткой долларов заставило американцев предоставлять миллиарды долларов в пользу европейской дис-

криминации против США! Так что идеи отсрочки переговоров по «Великому проекту» и заимствования относительно небольших сумм, пусть, если бы потребовалось, и задорого, были бы вполне оправданы дальнейшим развитием событий[68].

Это не только мудрость, появившаяся задним числом: Брэнд, Бевин, Иди, Английский банк предлагали это и в то время, хотя часто лишь походя, между прочим. Если бы с таким предложением выступил сам Кейнс, это не вызвало бы большой оппозиции. Оглядываясь назад, можно видеть, почему это было исключено. Именно из страстного желания Кейнса еще при жизни спустить на воду свой международный корабль в сочетании с надеждами лейбористов на построение «Нового Иерусалима» родилось неосуществимое соглашение. Надежды восторжествовали над действительностью.

XLIII
Свет погас

Из Америки Кейнс возвратился полумертвым от усталости. На ужине, который Долтон устроил в *Савойе* для членов делегации, он «вынужден был отдыхать, лежа большую часть вечера на диване»[1]. Спасла его — в последний раз — поразительная способность преодолевать свои недуги. Ко времени, когда Леонард Вулф, по традиции, приехал в Тилтон на рождественский ужин, он чувствовал себя уже лучше, притом что из сил выбилась Лидия. Они говорили о Вирджинии Вулф: Кейнс предложил Леонарду прочитать на следующей встрече *Клуба воспоминаний* выдержки из ее дневников, что и было осуществлено в феврале на Гордон-сквер, 46. В *День рождественских подарков* Лидия щедро раздавала свою «вашингтонскую добычу» приглашенным в гости работникам фермы и их семьям; были, как обычно, «представления, и песни, и завтрак; дети из деревни были исключительно привлекательными и хорошо себя вели. Присоединились к нам и чарлстонцы. Ощущение такое, что у нас тут собственная малая сельская цивилизация»[2]. Свой вклад в цивилизацию Чарлстон внес исполнением пародии на популярную радиопрограмму '*Мозговой трест*', с Дунканом Грантом в роли епископа. 28 декабря приехали пострелять Ричард и Стивен Кейнсы (племянники Мейнарда) и Морис Хилл. Мейнард был «очень рад видеть мальчиков», и Стивен подстрелил своего первого фазана.

1 января 1946 г. приехала миссис Стивенс, «и опять пошла работа». Но это была работа, доставлявшая ему наслаждение, — «без тревог». Много времени было посвящено планам возрождения *Королевской оперы*. Была продиктована памятка Деннису Проктору в Казначейство с возражениями против инфляционных урегулирований споров по заработной плате[3]. Он возобновил также работу над запиской '*Грозит ли нехватка долларов?*', которую он набросал вместе с Фредди Хармером из Казначейства и Дэвидом Маккурраком из Английского банка во время краткого затишья на вашингтонских переговорах по займу. 5 января, за пару дней до возвращения в Лондон и к работе в Казначействе, опять «чудесным самочувствием» он откликнулся на «прекрасную погоду». Чиновник из американского министерства финансов, посетивший его в Казначействе 18 января, нашел, что Кейнс выглядит «вполне здоровым и отдохнувшим».

Версии доклада на тему '*Грозит ли нехватка долларов?*' Кейнс читал 2 февраля 1946 г. в *Клубе политической экономии*, во главе которого стоял теперь Деннис Робертсон, и на четверговых встречах в холодной гостиной в Тринити-колледже. Кейнс утверждал, что скорее, чем все они думают, «невидимая рука» оставит Америку без долларовых излишков[4]. Покойный Гарри Джонсон запомнил Кейнса в кресле у камина, полыхавшего огнем, но дававшего мало тепла, с «выброшенными вперед» ногами. Едва заглядывая в свои записи, он вел «изящнейший разговор, красиво его строил, каждое предложение было образцом хорошей английской прозы, и в каждом абзаце соблюдался ритм — просто замечательное творение». Свою тему он развивал в довольно-таки «антикейнсианском» ключе, ибо отрицательный ответ на поставленный им вопрос обосновывал в значительной мере ссылками на «классический механизм долгосрочного воздействия на то, как положительный платежный баланс влияет на деньги, заработную плату и т.д». Впоследствии Джонсон говорил Деннису Робертсону о наслаждении, какое доставил ему доклад. На что Робертсон ответил: «Ах, но вам не довелось увидеть нечто такое, что обычно бывало в этих случаях прежде, — озорство его ума»[5].

Дэди Райлэндс выражал надежду, что в 1946 г. Кейнс не будет целиком отдавать себя заботам о благополучии страны и найдет время, «расположившись с графинчиком кларета, полистать якобитские издания драматургов [XVII века]»[6]. Кейнс имел, конечно, намерение свернуть свою работу в Казначействе — как по соображениям здоровья, так и потому, что не сочувствовал новому режиму. У него не было общего языка с Долтоном; ему не нравились дирижистские наклонности лейбористов. С кренившимися влево консерваторами он ладил намного лучше, чем с клонившимися вправо социалистами. Но намерению подать в отставку противостояла сохранявшаяся возможность «предотвращать зло», к чему «только и можно реально стремиться в этом мире»[7]. Финансовые проблемы мирного времени, хотя не столь страшные, как те, с которыми Кейнс имел дело в войну, требовали, похоже, не менее срочного решения. К тому же, подобно всем, кто реально заправлял делами, Кейнс полагал, что начатая им работа без его личного в ней участия будет делаться недостаточно хорошо.

Прежде всего стояла задача добиться нужного решения о займе. Он не сомневался, что это возможно. Сильно мешает, сказал он обозревателю Уолтеру Липпману, «внутреннее нежелание [Англии] примириться с настолько противоположным привычному для нее положением, когда она вынуждена просить о финансовой помощи, вместо того чтобы ее оказывать»[8]. Для того чтобы заем принес пользу, требовалось прекратить расточительство дома и за границей и утрясти проблему стерлинговых авуаров. Хотя Кейнс, как член *Бюджетной комиссии*, принимал участие в обычных дискуссиях, предшествовавших составлению бюджета, большая часть его занятий в Уайтхолле была связана с вопросами, относившимися к займу.

29 января он писал Брэнду: «Смесь шовинизма и благоволения ко всем на свете, отличающая министерство иностранных дел и другие ведомства, а также слабое знакомство с этими делами канцлера [Казначейства] одаривают плодами нашего американского займа весь мир, всех и каждого, кроме бедного англичанина»[9]. В феврале кабинету была

представлена записка, от которой «волосы вставали дыбом»[10]; речь шла о внешних финансовых обязательствах Британии. Сейчас, предупреждал Кейнс, Англия готова промотать заем, единственно чтобы «создать о себе благоприятное впечатление в мире»[11]. Издержки на содержание армии поляков в Италии следует сопоставить с ценой отпускаемого по карточкам бекона. Англия должна покончить с практикой политических кредитов. Ей следует резко урезать расходы на содержание своих вооруженных сил в Греции, Египте и в других местах: «Нам просто не по средствам строить наши планы на основе того, что мы нехотя готовимся и наполовину готовы к войне с Россией... Мы тратим вдвое больше, чем требуется для поддержания нашего финансового здоровья, и вдвое (или вчетверо) меньше, чем нужно для нашей безопасности...» Политика, ведущая к тому, что Англия одна только и будет обязана кормить лишенную промышленности и обанкротившуюся Германию, — это политика, безумнее которой никогда не было — если не вспоминать, что произошло в прошлый раз»[12].

Кейнс готовился также к торжественному заседанию по случаю открытия *Международного валютного фонда* и *Мирового банка*. О его назначении британским управляющим обоих учреждений было объявлено 19 февраля. После непродолжительных согласований мероприятие было назначено на начало марта, местом для него был выбран город Саванна, штат Джорджия. «Меня одолевают страшные колебания насчет этой поездки», — написал Кейнс Бриджесу 12 февраля. Но ему очень хотелось присутствовать при рождении этих учреждений, тем более оставалось еще договориться о местоположении *Фонда* и Банка и определить роль их исполнительных директоров, а Плеш и Лидия считали, что короткое пребывание в теплом климате, без особых рабочих нагрузок, пойдет ему на пользу. Возможно, к решению ехать его склоняла и любовь к морским путешествиям. «По существу, это прогулка на отдыхе», — сказал он Шеппарду[13].

Хорошее состояние здоровья Кейнса продержалось недолго. 20 февраля возобновлялись спектакли в Ковент-Гардене, и на открытие было назначено гала-представление

Спящей красавицы в исполнении балетной труппы *Садлерз-Уэллз* в новой постановке Оливера Мессела, с режиссурой Констана Ламберта; Марго Фонтейн предстояло танцевать Аврору — одну из партий, в которых выступала Лидия в великолепной, но плачевно завершившейся постановке Дягилева в *Альгамбре* в 1921 г., и было это в то время, когда за ней ухаживал Кейнс; Роберт Хелпманн должен был появиться в образах и принца, и злой феи Карабосс. В обязанность Кейнса как председателя опекунского совета Ковент-Гардена входило встретить и проводить в королевскую ложу короля и королеву. Его наполняло гордостью сознание своих заслуг в возрождении оперного театра. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы вернуть танцевальный зал военного времени к его прежнему великолепию. Деревянные полы были приподняты, эстрадные подмостки удалены, со склада возвращены красные кресла, и театр был целиком перекрашен. В течение двух или трех недель перед гала-спектаклем Кейнс наведался в Ковент-Гарден несколько раз. С особым удовольствием он думал, как позднее в том же месяце пригласит на дневной спектакль своего девяносточетырехлетнего отца и усадит его в директорской ложе.

Кейнс сказал матери, что вечер открытия прошел «на славу». В числе зрителей были королевская семья и члены кабинета. На беду, у Кейнса был перед этим «довольно суровый день в Казначействе, и погода была холодная, так что к вечеру я был весьма слаб и не мог исполнять все мои обязанности». Он приукрашивал действительность. В театр он помчался после трудной трехчасовой встречи с Долтоном, и за несколько минут до прибытия королевской четы у него случился сердечный приступ. Короля Георга VI, королеву Елизавету и других членов королевской семьи от его имени встретила Лидия. Он заставил себя поговорить кое с кем в первом антракте и представить нескольких человек королю и королеве во втором. Королева Мэри (королева-мать), хорошо подготовившись или проявив потрясающую память, сказала Кейнсу, что с большим удовольствием вспоминает, как несколько лет назад в Папуорте встречалась с его матерью, Флоренс Кейнс. Впоследствии Кейнс получил много писем,

авторы которых рассказывали, какими глубокими чувствами наполнило их посещение театра. «Объяснение, я думаю, в том, что многие люди пришли, в душе опасаясь, что все великолепие и изящество старого мира сгинули навсегда, и они испытали исключительный подъем чувств, когда внезапно поняли, что исчезло все это, пожалуй, не до конца»[14].

Еще раз проявилась его поразительная способность брать верх над своими хворями. На следующий день он чувствовал себя совсем хорошо, и Плеш подтвердил свое разрешение на поездку. 24 февраля Мейнард и Лидия, сопровождаемые Роу-Даттоном из Казначейства и Роем Бриджем и Джорджем Болтоном из Английского банка, поднялись на борт *Куин Мэри* и в последний раз отплыли в Америку. Они прибыли в Нью-Йорк 1 марта. По пути, несмотря на сильную качку, он не пропустил ни одного выхода к столу. Неделя, проведенная ими в Нью-Йорке, была заполнена посещениями балетных постановок и беседами Кейнса со служащими Федерального резервного банка. Вдвоем с Лидией они сочинили составленное из околобалетных сплетен письмо Нинетт де Валуа, управлявшей балетной труппой *Саддлерз-Уэллз*. Они встретились за чаем с Баланчиным и Даниловой и похвалили их *Русский балет де Монте-Карло*, сказав, что это «единственное серьезное художественное предприятие в стране».

5 марта они были в Вашингтоне и опять разместились в *Стэтлере*. Кейнс встретился и с Моргентау, и с его преемником Винсоном. Он сказал Моргентау, что Бевин «выдающийся парень», но на вопрос Моргентау о том, что будет делать Англия, если Америка подвергнет экономическим санкциям «фашистскую» Аргентину, ответил с обычной для него резкостью: «Ничего. Нас просто не могут трогать такого рода вещи. И еще мы зависим от поставок аргентинской говядины». Он сказал Моргентау, что Уинстон Черчилль находится в Вашингтоне, чтобы сломить сопротивление Бернарда Баруха англо-американской договоренности о займе[15]. У Черчилля была цель масштабом покрупнее. За три дня до открытия конференции в Саванне он произнес в Фултоне, в Миссури, родном штате Трумэна, свою знаменитую речь, в

которой предупредил о «железном занавесе», опустившемся поперек Европы, и соединил это с централизованно направляемой коммунистической экспансией, путь которой прокладывают пятые колонны. Член одной из этих колонн, Гарри Декстер Уайт, отметил, что будущее мира гораздо больше будет зависеть от дружественного сотрудничества между США и Советским Союзом, чем от хороших отношений США с Англией[16].

Встреча Кейнса с «судьей Винсоном» показала, что в Саванне ожидавшихся им каникул не будет. Ему без обиняков заявили, что располагаться и *Фонд*, и Банк будут в Вашингтоне, а не в Нью-Йорке, как того хотела Британия. Это решение вызвано, мол, желанием оградить их от «международной финансовой заразы». Кейнс, по его собственным словам, реагировал «очень бурно». Говорили они также о Гарри Декстере Уайте. Уайт был одобрен сенатом на должность исполнительного директора *Фонда*, и Кейнс выразил надежду, что его назначат и управляющим. Но Винсон сказал ему, что эта идея не проходит. Американцы хотели видеть во главе Банка американца, и поэтому *Фонд* должен будет возглавить европеец[17]. Кейнс не знал, что назначение Уайта управляющим было отвергнуто после того, как 4 февраля ФБР предоставило о нем информацию Трумэну. Администрация решила, что лучший способ устранить находившегося под наблюдением ФБР Уайта из министерства финансов так, чтобы не насторожить Советы и не пробудить у них подозрения, что он провалился, — это перевести его на не дающую доступа к материалам высокой секретности должность исполнительного директора *Фонда*. Саванна стала последней международной сценой, на которой они с Кейнсом общались — и ссорились.

В Саванне, в 750 милях к югу от Нью-Йорка, Мейнард и Лидия расположились на острове Уилмингтон в отеле *Генерал Оглторп*, где проходила конференция. Там оказалось обычное в таких случаях огромное собрание — новоназначенные управляющие, их замы, наблюдатели, секретари и репортеры. Кейнс влюбился в этот изящный город девятнадцатого столетия, к которому присоединили деловитый

порт двадцатого века. По прибытии он сделал заявление для печати, в котором назвал Саванну «красивой женщиной, скрывающей... свое лицо за тонкой кружевной вуалью». Галифаксу он написал с американского Юга: «Здесь совсем другая страна, и во многих отношениях заслуживающая предпочтения»[18].

К неудовольствию Кейнса, в Саванне американская команда переговорщиков, возглавляемая Винсоном и Клэйтоном, собралась в том же составе, с каким он только что имел дело в Вашингтоне. В субботу 9 марта на учредительной встрече управляющих Винсон, как записал Баро, «произнес длинную, напыщенную речь, полную эмоций и крайне неискренне выражаемых надежд. За ним в том же духе выступили китаец, чех, француз и мексиканец. Дуновением свежего воздуха стала речь Кейнса с ее метафорами из волшебной сказки...»[19] Мыслью и словами Кейнс соединил рождение близнецов, «младенцев мистера *Фонда* и мисс Банк» — которым он желал бы поменяться именами — с великолепной сценой крещения в первом акте совсем недавно виденного им балета '*Спящая красавица*'; там крестные матери-феи засыпают дарами новорожденную принцессу Аврору. В данном случае дарами фей должны быть, по мнению Кейнса, *Многосторонность, Смелость и Мудрость*. Поиграв этим образом, Кейнс выразил надежду, что не существует «никакой злой феи Карабосс, которую организаторы забыли пригласить на финансовое крещение». Ибо, продолжал он, «появись здесь злая фея, проклятия, которые она наложила бы на новорожденных, звучали бы, я уверен, следующим образом: 'Чтоб вам, негодникам, вырасти политиками; пусть в каждом вашем намерении и действии таится задняя мысль; пусть всякое ваше решение сообразуется не с пользой дела, а с чем-то иным'». И случись когда-нибудь близнецам стать политиками, судьбой их в лучшем случае окажется «вечный сон»[20]. Можно усомниться, могли ли делегаты следовать за нитью, которую так искусно прял Кейнс. Винсон почувствовал, что колючие слова Кейнса направлены против него. «Я не против, чтобы меня называли злым, но не желаю числиться феей», — прорычал он[21].

Англичан и американцев разводили две основные спорные проблемы: место расположения *Фонда* и *Банка* и *modus operandi Фонда*. Англичане хотели, чтобы оба учреждения держались вне политики и в своих решениях опирались исключительно на технические критерии. Имея это в виду, они предпочли бы расположить их вне Вашингтона и хотели бы видеть, особенно *Фонд*, под ничем не стесненным руководством управляющего директора и его сотрудников, притом что двенадцать исполнительных директоров и их заместители от стран и регионов занимали бы свои должности по совместительству и получали половинное жалованье. Американцы же хотели расположить и *Фонд*, и Банк в Вашингтоне; они хотели, чтобы их руководители не были совместителями и получали щедрое жалованье. Они предусматривали также штат численностью в 300 специалистов, тогда как Кейнс полагал, что тридцати «будет более чем достаточно, чтобы справиться с делами *Фонда*».

С этими двумя проблемами управились 13 и 14 марта. В записи Поля Баро читаем: «Комитет, занимавшийся вопросом о расположении, собрался пополудни, и все возражения против Вашингтона американцы отмели наотмашь». Кейнс решил любезно уступить, но чувствовал, что совершается серьезная ошибка. «Решение — сказал он, — принято *nem. con.*, но ни в коем случае не при всеобщей поддержке». На следующий день Клэйтон предложил компромисс по второй проблеме, который Кейнс неохотно также принял: притом что и исполнительные директора, и их замы должны будут работать на полной ставке, лишь от одного из них потребуется «постоянное присутствие»[22]. Кейнс, однако, пересмотрел свою позицию в отношении предложенного для обоих и их штата свободного от налогов жалованья на уровне американских стандартов и стал доказывать, что неправильно было бы «обременять бюджеты этих учреждений такими высокими зарплатами такого множества служащих». Если бы британцы могли предвидеть, чем обернется дело, они бы настояли на выплате жалованья правительствами стран-членов[23]. По указанию Долтона Кейнс проголосовал против жизни международ-

ных чиновников в Вашингтоне без определенных или существенных обязанностей, но с высоким и свободным от налогов жалованьем[24]. Неудивительно, что он оказался единственным несогласным с этой радужной перспективой — и его голос прозвучал единственным «нет», запротоколированным на конференции.

Кейнс впоследствии говорил: «Я ехал в Саванну на встречу с миром, а встретился там с тираном», но это было преувеличением горечи пережитого им в Саванне. Кейнс хорошо держал себя в руках, и, правду сказать, работы у него там было не так-то много. Напряжение было все же для него слишком большое. Утро 19 марта он встретил в поезде, который вез их из Саванны в Вашингтон, и отправился на завтрак по бесконечно длинным коридорам раскачивающихся вагонов. Шел, как он сам рассказывал, слишком быстро и сбился с дыхания. До вагона-ресторана добрался, чувствуя себя совершенно «разбитым» и «измочаленным», будто на финише долгой гонки[25]. Через час ему стало вроде бы лучше, и он пустился в долгий путь назад к своему купе. Пройти этот путь так и не сумел. Задыхающегося, его подхватили и отнесли обратно в вагон-ресторан и положили там на стол. Лидия была рядом, вокруг суетились Боб Брэнд и Гарри Уайт. Два часа спустя он пришел в себя. Смог дойти до такси, доставившего их в *Стэтлер*. После хорошего ночного отдыха он чувствовал себя «совсем как обычно». На следующий день они с Лидией уже были в Нью-Йорке, переночевали в *Уолдорф-Астории* и рано утром 21 марта отчалили на *Куин Мэри*, взявшей курс на Саутгемптон.

Свои соображения, возникшие по итогам последней поездки в Америку, Кейнс изложил в записке для Долтона, которую он написал в Лондоне 4 апреля. Он выражал уверенность, что американский заем пройдет через конгресс ввиду «изменившейся ситуации с Россией». Теперь он советовал в течение шести месяцев следовать политике «дрейфа» в отношении стерлинговых счетов, ибо Англии выгодно, чтобы они накапливались. Конечно, это был чистой воды соблазн. Он повторил свое убеждение, что Соединенные Штаты стали теперь страной высоких издержек, так что их

конкурентные преимущества — а с ними и нехватка долларов — должны испариться[26].

Иди был потрясен внешним видом Кейнса, когда тот появился 27 марта в Казначействе: «Он был не только очень бледен, но еще и погрузился в кресло совсем размякшим, как бы лишенным сил возродить в себе интерес ко множеству ежедневных дел, в которых он направлял нас»[27]. Вскоре, однако, он опять был в своей обычной форме и уже доводил Джеймса Мида до слез «каскадом... острот, раздраженных замечаний, грубостей и находчивых подтасовок в аргументации», направляя все это против экономических прогнозов Мида. Мид разработал проект представления сводной оценочной сметы национального дохода и годовых расходов с прикидками бюджетных поступлений, так чтобы экономическое планирование и разработка фискальной политики могло опираться на одни и те же числовые показатели. Кейнс был разъярен. Он хотел, чтобы планирование военного времени тихо отошло в небытие, и полагал, что так оно и произойдет, если держать его по возможности подальше от составления бюджета. Это было последнее столкновение с ним Мида, который тем не менее не изменил своего о нем мнения как о «величайшем гении, какого я встречал в жизни». Он всегда говорил о нем не иначе, как «мой Бог»[28].

Еще до пасхальных каникул Кейнсу удалось урвать для себя два уикенда, которые он провел в Тилтоне. Во время одного из них он написал 12-страничное эссе на тему '*Бернард Шоу и Исаак Ньютон*'. В январе, после речи Кейнса о займе, ДжБШ, «огорчительно старый» в свои девяносто, написал ему и поделился впечатлениями о «трагическом зрелище», когда почтенные лорды «крикливо — и как же искренне! — бросались понятиями, из коих ни единое не было доступно их разумению. И вот поднимается странная фигура Мейнарда Кейнса и охлаждает их морозным дыханием знания и действительности»[29]. Кейнса попросили написать что-нибудь для сборника, издаваемого в честь девяностого дня рождения ДжБШ. Воскресенье 7 апреля он провел, сочиняя то, что потом с извинениями представил редактору как «и неважную, и небрежно сделанную вещь». В этом эссе он подка-

лывал Шоу за мелкие ошибки и анахронизмы, допущенные им в пьесе '*Золотые дни доброго короля Карла*', действие которой происходит в несуществующем доме Ньютона в Кембридже. Под конец он написал: «Не желая отсутствовать в рядах авторов этого юбилейного издания, но вместе с тем все еще обремененный суетными заботами о делах повергнутого в смятение мира, которые не дают передышки уму и перу, я торопливо пишу эти немногие строки. Они лишь слабо отражают любовь и уважение, питаемые мною к ДжБШ»[30].

В четверг 11 апреля он обедал в Банке после очередного заседания правления. Он сказал Генри Клэю, что полагается на «невидимую руку» Адама Смита, которая должна вытащить Англию из трясины, и продолжал: «Я чувствую, что все больше и больше полагаюсь на ту самую невидимую руку, которую двадцать лет назад я пытался изгнать из экономического мышления». «Любопытное признание в устах нашего архи-плановика», — заметил Генри Клэй. Получив письмо Клэя, находившийся теперь в отставке Монтегю Норман в ответ написал: «Что касается Кейнса... думаю, что он полагался на интеллект, а это, возможно, и означает пренебрежение «невидимой рукой», и я предполагаю, что его сбил с толку Гарри Уайт. Но легко, конечно, получить заем, если вы и не собираетесь его возвращать, а существует ли на это какая-нибудь надежда? Разве что на обоих берегах Атлантики разгуляется такая инфляция, что оправдает их требования и предоставит удобный способ их удовлетворения?»[31]

На следующий день, 12 апреля, у Кейнса начался пасхальный отпуск. Стояла великолепная весна: «Не похоже на старую Англию... Вспышки на солнце, что ли?»[32] Каждое утро он отдавал пару часов работе с бумагами Казначейства. Потом сидел в саду, перелистывая книги елизаветинских и якобитских авторов — последние свои приобретения. Приехала пожить мать, и они вдвоем бродили вокруг фермы. Как-то утром, надев купленный в Америке голубой пиджак и соломенную шляпу, он повел ее посмотреть, как рубят телятину к пасхальному банкету для обитателей имения.

Кейнс был истощен, но умирать не собирался. В четверг 18 апреля он пил чай с Клайвом и Ванессой Белл и Дун-

каном Грантом в Чарлстоне. Он пошел туда без Лидии и оставался там почти до обеда. Это походило на старые времена.

> Я редко видел его в лучшем настроении [писал Клайв Белл Мэри Хатчинсон]. Он был чрезвычайно весел и полон всяких замыслов. Мы говорили о Роджере [Фрае] — о котором я как раз написал кое-что для американцев, — и о прекрасной выставке в *Тейт*, и о намечаемых выставках французской живописи. Он веселился по поводу злоключений Кингсли Мартина в российской зоне, нападал на правительство и более чем наполовину всерьез воспринял дикий проект Дункана по оформлению действа в Ковент-Гардене, посвященного девяностолетию Шоу, на которого молодая актриса (не Дама Сибила Торндайк) должна была бы возложить лавровый венок, как на Вольтера. Вероятно, он принял бы это торжествующе. У меня есть кое-какие основания полагать, что ему дали, и он был доволен, что дали, Орден за заслуги [действительно дали]... Последнее, о чем он мне сказал, это о своем намерении написать кое-что о Литтоне [Стрэчи], и добавил, что, если удастся, готов будет прочитать на следующей встрече Клуба воспоминаний[33].

В субботу 20 апреля он в третий раз за неделю вместе с матерью и Лидией поехал на автомобиле к маяку Ферл. Назад они с Лидией решили спуститься по пешеходной тропе. Несколько лет уже — ни разу с начала своей болезни — он не проделывал этот путь пешком. Ему показалось, что теперь это опять ему под силу. Впоследствии Флоренс писала: «Я смотрела, как оба они постепенно скрываются за гребнем холма — он наклонившись к ней и оживленно что-то рассказывая, она глядя на него снизу вверх и жадно слушая». Он пересказывал стихотворение Томаса Парнелла, друга Александра Попа и Свифта, — только что ему досталось первое издание его книги. Закончил он словами: «И все это означает, что не надо тревожиться — божественная справедливость всегда возьмет верх»[34].

Кейнс умер в своей постели утром в пасхальное воскресенье 21 апреля. Существуют некоторые расхождения в описаниях подробностей. Рой Хэррод пишет: «Ранним утром мать услышала кашель в его комнате. Она бросилась за Лидией, и та вмиг была уже рядом с ним. Приступ наподо-

бие тех, с которыми он так часто справлялся прежде, только что начался, но на сей раз преодолеть его он не смог. Через несколько минут все было кончено. В его чертах поселилась красота умиротворения».

Рассказ Клайва Белла (в письме, отправленном спустя два дня из Чарлстона) звучит иначе: «Мейнард умер совершенно внезапно. В десять часов утра Лидия принесла ему чашку чая, он скривился и рухнул...» Моггридж пишет: «Но следующим утром случился новый приступ. На сей раз оправиться ему не удалось: на глазах Лидии он умер в течение трех минут»[35]. Когда пришла смерть, Лидия была при нем, как и Флоренс. Рассказу Клайва надо отдать предпочтение как письменному свидетельству, поступившему в самое близкое к событию время: Логан Томсон принес известие в Чарлстон в то же утро. Были ли произнесены какие-нибудь последние слова? Если и были, никто их не записал.

Лидия не плакала, не причитала. Когда по ее просьбе Ванесса и Дункан ужинали с ней тем вечером, Лидия была спокойной и собранной. Пришли дюжины писем с выражением соболезнования — от знаменитостей, от бывших студентов, от экономистов и от старых друзей. Большинство их было написано красиво, некоторые даже захватывающими словами. «Он учил нас соединять Разум с Надеждой», — писал Хью Долтон. Все время повторялась тема неповторимости и незаменимости Кейнса. Лайонел Роббинс говорил, что «он отдал жизнь своей стране с той решимостью, с какой это делают на поле боя»; его самый упорный интеллектуальный противник Фридрих Хайек написал, что «он был действительно великим человеком... которым я безгранично восхищался. Мир станет без него намного беднее». Историк Чарльз Вебстер, которого Кейнс едва знал, предложил лучшую итоговую оценку: «Он был самой большой интеллектуальной силой нашего поколения и одним из главнейших в нем людей действия». Брат Джеффри обратил взгляд на другую, не менее важную истину — на то, что Мейнард и Лидия составляли нераздельную команду: «Мне всегда чрезвычайно нравилось видеть [их] вместе. Они оба были так полны жизненных сил и непрерывно так наслаждались об-

ществом друг друга. У них не было и следа усталости от своего брака»[36].

Некролог в '*Таймс*' от 22 апреля гласил: «В поисках экономиста сопоставимого влияния пришлось бы, вероятно, вернуться к Адаму Смиту... И, наконец, сам человек — сияющий, блестящий, кипучий, веселый, полный озорных шуток... Он был гуманным человеком, искренне преданным делу общего блага». Кэттоу, четыре года соседствовавший с ним в Казначействе, писал: «Все больше и больше я восхищался его блестящими интеллектуальными дарованиями, его ярким и захватывающим воображением, поднимавшим его до высот гения; и эта его выразительная речь — что устная, что письменная, — исполненная такого очарования... Он был тверд в своих убеждениях и все же с теми, кого любил, мог расходиться во мнениях, оставаясь удивительно и восхитительно мягким, и, вопреки общему о нем представлению, мог с готовностью принимать конструктивную критику». Коллега по Казначейству Дэвид Уэйли выделял его «прозорливость, широту видения и отвагу». Кейнс, писал он, «всегда видел игру на много шагов вперед». Из-под его пера не вышло также ни единого скучного абзаца. «Скучать ему просто не было дано. Ему все было интересно, потому что все в его уме мгновенно укладывалось на свое место в раскладки противостоящих сил Разума и Безумия... В Уайтхолле у него не было ни единого врага. Чем ближе его узнавали, тем больше любили». Иди написал: «Когда после смерти Мейнарда мы опять пришли в Казначейство, серые здешние коридоры были унылы и тихи, папки стали удивительно тяжелыми и безжизненными. Добрый свет погас».

Кейнса кремировали в Брайтоне 24 апреля. Он хотел, чтобы урну с его прахом поместили в склеп часовни Королевского колледжа. Брат Джеффри совсем забыл об этом пункте завещания Кейнса и развеял его прах с так любимого Мейнардом холма в Даунс на полпути к Тилтону. 25 апреля прошло отпевание в Вифлеемской часовне Вашингтонского собора, где присутствовали Винсон и Клэйтон, а отрывки из *Писания* читал Боб Брэнд; потом, 2 мая, было

отпевание в Вестминстерском аббатстве, и 4 мая — в часовне Королевского колледжа.

Отпевание в Вестминстерском аббатстве стало исключительным событием, отразившим все те многие жизни, которые прожил Кейнс. В первых рядах скорбящих были вдова, родители и другие родственники. Присутствовали большинство старших членов кабинета во главе с премьер-министром, но не было Уинстона Черчилля, находившегося в Соединенных Штатах. Пришли руководители Английского банка, кроме Кэттоу, также путешествовавшего за границей, но зато пришел Монтегю Норман. Много было служащих Казначейства военного времени, были также американский посол Джон Винант, премьер-министр Австралии и верховные комиссары — представители Содружества Наций. Ректор и члены ученого сообщества Королевского колледжа, ректор и проректор Итона, ведущие английские экономисты, коллеги по Совету искусств и множество членов палаты лордов пришли отдать ему последние почести. Были там Дункан Грант, Ванесса Белл, Клайв Белл и Леонард Вулф, живые осколки старого Блумсбери, как и множество бывших студентов, и еще люди артистического мира, включая Марго Фонтейн и Роберта Хелпманна, которых не так давно он видел в '*Спящей красавице*'.

То, что смерть Мейнарда Кейнса оплакивал правящий класс, который он часто высмеивал, и его похороны совершались под сенью религии, устои которой он отметал, видя в них «фокус-покус», отнюдь не выпадало из порядка вещей. Мир Кейнса был миром господствующих установлений и интересов Британии, особенно в последние шесть лет его жизни. С ними он был связан воспитанием, склонностями, способностями, языком и прежде всего — английским духом. Под установлениями и интересами я подразумеваю здесь не закрытый орден или корпорацию, а подвижный правящий класс с его инстинктивным чувством самосохранения, а потому и исключительной способностью к самообновлению. Это проявлялось в том, что свою элиту он подбирал по заслугам, властью и честью вознаграждал выдаю-

щиеся способности. В Англии мятежникам, чтобы добиться успеха, не надо было становиться революционерами. Ради упрочения собственных позиций и следуя сложившимся обычаям, правящий класс втягивал их в свои ряды. В подобном процессе поглощения бунтарей лишенная гибкости континентальная традиция склонна видеть некое предательство с их стороны. Иные несгибаемые кейнсианцы так именно и толковали откат их учителя назад к экономическому либерализму, наблюдавшийся в последние годы его жизни. Сам Кейнс никогда, конечно, так этого не понимал: возможно, Магомет и двинулся к горе, но гора тоже пошла навстречу Магомету. В мире экономической теории и финансов Кейнс занял такое же положение, как Черчилль в мире политики: в сущности, он был Черчиллем в своей области. Оба были призваны страной в ее час испытаний, и обоим она отпустила их прошлые грехи.

Гибкость соблюдаемого порядка определялась общим для всех английским духом, что, в свою очередь, выражалось в весьма несложном патриотизме — трудности с употреблением этих понятий появились позднее. Все, по существу, можно было простить грешнику, если только его патриотизм остается вне подозрений. Шумпетер проник в самую суть, когда написал, что советы Кейнса всегда были прежде всего «английскими советами для решения английских проблем, даже если они адресовались другим странам», что «исключая некоторые его художественные вкусы, он был на удивление островным человеком, даже в философии, но особенно в экономической теории», и что его «патриотизм... был совершенно искренним, коренившимся в подсознании и потому обладавшим тем большей силой, которая навязывала ему предубеждения и исключала полное понимание чужих (в том числе американской) точек зрения, условий жизни, интересов и особенно убеждений»[37]. Тут может быть только одна оговорка: Шумпетер не учел присущей самовыражению Кейнса образности. Она наделяла Кейнса всеобщей привлекательностью; и по сей день его слова сохраняют достаточную силу, чтобы будоражить мысль экономистов и непосвященных во всем мире.

Уместно было и то, что Кейнс был удостоен отпевания в Вестминстерском аббатстве по канонам англиканской церкви. Дело не только в том, что близость Вестминстерского аббатства к парламенту и Уайтхоллу символизировала эрастианский[λ] характер британского государства; дело также в том, что Кейнс был глубоко пропитан культурой христианства. «*Принципы этики*» Мура, остававшиеся его «скрытой религией», представляли собой светскую версию монашества, звавшую к такой отрешенности от мира, что в сравнении с ней, как однажды заметил Кейнс, *Новый завет* выглядит «учебником для политических деятелей». По мере того как множились его мирские заботы — ибо природой Мейнард Кейнс для монастыря предназначен не был, — он приходил к пониманию, что враг не христианство, а «бентамовская расчетливость», или, говоря более общепринятым языком, материализм. С возрастом атеизм его юности — неприятие христианской догмы — перестал определять его отношение к христианству. Он научился его ценить, исходя из социальных и моральных соображений.

Подобно Одиссею, Кейнс был героем преуспевающим, а не трагическим. Он слышал чарующее пение сирен, но принимал меры предосторожности, чтобы избежать кораблекрушения, и держался курса, который прокладывал сообразно своим талантам и состоянию мира. Он искусно вел борьбу за то, чтобы брать лучшее от всех миров — в жизни, в работе, и чудесным образом близко подошел к достижению этой цели.

Итак, Кейнс отошел на вечный покой. Лидия написала: «И теперь, без него, мне так одиноко. Свет погас. Я в горе и плачу».

[λ] То есть соответствующий учению швейцарского богослова Эрастуса (1524—1583), настаивавшего, что даже в делах веры решающее слово принадлежит государству, светской власти, а не церкви.

Эпилог
Наследие Кейнса

1. Завещания Мейнарда

Более всего в жизни Мейнарду Кейнсу дороги были его семья и друзья, искусства, его колледж и его страна. Он умер в сознании, или надежде, что обо всем этом хорошо позаботился. «В долгосрочной перспективе все мы покойники», — гласит его знаменитая фраза. Но Кейнс отбрасывал такую длинную тень, что даже теперь понадобилась бы крайняя дерзость, чтобы применить эти слова к нему самому. Ближайшего круга, до которого доставала эта тень, коснулись его завещательные распоряжения и влияние, оказанное ими на его вдову, родственников и друзей, на его колледж. Еще дальше простерлось влияние его жизни, свершений и идей. Современный мир не в состоянии обходиться без Кейнса, как не может он обходиться без Маркса, хотя обоих неоднократно объявляли мертвыми, не один раз хоронили. Оба они выражали вечные истины об условиях человеческого существования, даже притом что это не обязательно было главным в их мыслях и не тем, что, по их мнению, непременно должно было произойти или соответствовало их личным желаниям.

Завещание Кейнса утверждалось 19 сентября 1946 г. Он оставил 479 529 фунтов стерлингов, что соответствует сегодняшним 12 миллионам фунтов или 19 миллионам долларов. Из них чуть больше 400 000 фунтов в ценных бумагах, остальное по большей части в картинах и редких книгах и рукописях. Двумя исполнителями его воли и

опекунами его состояния стали брат Джеффри Кейнс и его «любимый студент» Ричард Кан. Помимо завещанных 40 000 фунтов (которые включали по 4000 каждому из его восьми племянников и племянниц и несколько меньшие суммы Дункану Гранту, Логану Томсону, Норману Хиггинсу, Фредерику Вулларду, работникам фермы и слугам), Кейнс учреждал фонд доверительного управления, доход от которого (кроме пенсий, назначенных Дункану Гранту и секретарю, госпоже Стивенс) должен был пожизненно выплачиваться его вдове Лидии, с оговоркой, что ее доход, за вычетом налогов, никогда не должен опускаться ниже 1500 фунтов — удивительно унылая оценка ее финансового будущего. После ее смерти капитальная сумма подлежала передаче кембриджскому Королевскому колледжу вместе с картинами, книгами и собраниями рукописей, включая особенно архив Ньютона.

Свой архив Кейнс разделил надвое. Его личные бумаги и сочинения для *Клуба воспоминаний*, которые он оставлял Джеффри Кейнсу, должны были после смерти Лидии стать собственностью Королевского колледжа; его экономические рукописи поступали Ричарду Кану и подлежали сдаче на хранение в *Библиотеку Маршалла* в Кембридже.

Показательно, что главному опекуну и конечному распорядителю своего наследства, Королевскому колледжу, Кейнс предоставил широкие права поступать по собственному усмотрению. Опекуны должны были размещать капитал наиболее выгодным, на их взгляд, образом. Тем не менее, «не возлагая на сей счет никаких обязательств», он выражал надежду, что деньги, которые со временем будет получать Колледж, пойдут в конечном счете на строительство «благоустроенных и изящных зданий» на принадлежащих ему участках, а также на субсидии и ссуды кембриджскому Театру искусств. Интересно отметить, что своего брата он «просил» (а не «предписывал» ему) «уничтожить большую часть» его личных бумаг, а Ричарда Кана — сделать то же самое с его экономическими рукописями; он не хотел издания ни одной из своих рукописей, кроме текстов двух выступлений в блумсберийском *Клубе воспоминаний*.

Закончив писать его биографию, Рой Хэррод возвратил относившиеся к военному времени бумаги Кейнса в Казначейство и тем вызвал у Кана немалое раздражение. Остальная часть экономических рукописей была сохранена. Возможно, некоторые личные бумаги были уничтожены Джеффри Кейнсом. Конечно, биографы широко использовали его личный архив, но единственными изданными его частями остаются пока вышедшие в 1949 г. '*Два воспоминания*' — '*Доктор Мельхиор*' и '*Начала моей веры*', — а также трехлетняя переписка Кейнса с Лидией Лопуховой, предшествовавшая их женитьбе[1]. Приблизительно треть экономических рукописей Кейнса были опубликованы как часть изданного *Королевским экономическим обществом* тридцатитомного '*Собрания сочинений Джона Мейнарда Кейнса*' (1971–1989 гг.) Редактировали их сначала Элизабет Джонсон, затем Дональд Моггридж.

Оставил Кейнс и общественное наследие. Его главными дарами искусству были кембриджский *Театр искусств*, создание которого он оплатил из собственного кармана, *Совет искусств Великобритании*, начавший свое официальное существование в августе 1946 г. под руководством сэра Эрнеста Пули на основе полученного от Казначейства гранта в 320 тысяч фунтов стерлингов, и возрожденная *Королевская опера* в Ковент-Гардене. Все три учреждения живы по сей день, хотя ни одно из них полностью надежд Кейнса не оправдало.

Не столь однозначно его наследие в экономической области. Наиболее осязаемым его достижением был американский заем в размере 3,75 миллиарда долларов, которого он добивался на переговорах 1945 г. в стремлении обеспечить Англии возможность пережить первые послевоенные годы. У этого его наследия оказалось самая короткая жизнь, и оно быстро растаяло в кризисе конвертируемости в середине 1947 г., но без посеянных им ложных надежд в Британии никогда не могло бы пустить корни государство социальной поддержки. Частично его творением было Бреттон-Вудское соглашение, а подпись под ним Британии — в значительной степени результатом его неутомимых стара-

ний. *Международный валютный фонд* и Мировой банк — «близнецы», как он их окрестил в Саванне за месяц до своей смерти, — все еще остаются с нами, хотя другие составляющие породившего их *Соглашения*, в частности фиксированные обменные курсы и контроль за движением капиталов, не сохранились. В основе всего этого лежала «кейнсианская революция» — логика и практика управления экономикой ради поддержания полной занятости и недопущения депрессий, подобной спаду 1929–1933 гг. В том виде, в каком завещал ее Кейнс, полностью эта его *Революция* никогда не была принята; и споры по поводу ее ценности и пригодности, как и о месте ее автора в пантеоне мысли и государственной деятельности, продолжаются. Мы все еще живем в тени Кейнса — не потому, что освоили его наследство, а потому, что продолжаем вести вокруг него споры.

2. Мир Лидии

Лидии Кейнс было пятьдесят три, когда умер Мейнард, и без него она прожила еще тридцать шесть лет[2]. Спустя неделю после кончины Мейнарда на воскресном обеде в доме 6 на Харви-роуд его племянник Ричард Кейнс видел ее «замечательно бодрой и большую часть времени в ее прежней форме», а «потом она вдруг вспоминает и на минуту заливается слезами. Но это скоро проходит». Лидия была не из тех, кто впадает в хандру. «Поначалу я думала [о Мейнарде] каждый день, но теперь не думаю о нем вообще», — сказала она через несколько лет Фреду Эштону. Правда в том, что в необычайно счастливом браке с Мейнардом огромная часть его жизни оставалась для нее недосягаемой, неинтересной и непонятной. Об остальном она помалкивала. Никому не удавалось вызвать ее на откровения личного свойства. Удивлять это может только живущих пером. Она же не была ни сплетницей, ни писательницей. И, во всяком случае, ее существенные воспоминания были слишком интимными, чтобы ими делиться. Она выполнила свой долг перед Мейнардом и теперь имела право на уединение. Когда зво-

нили журналисты и просили ответить на пару вопросов, она брала трубку и, прикидываясь собственной секретаршей, говорила с сильным русским акцентом: «Нет. Госпожа не дает интервью».

Прежде всего у нее не стало Мейнарда, не было больше, кому ее защитить. Так что она погрузилась в мир балета, где сама она по праву была звездой и могла выступать с суждениями знатока. Даже здесь тем не менее ей порой требовалась поддержка. В 1947 г. она обратилась к ректору кембриджского Королевского колледжа Шеппарду с просьбой помочь ей с подготовкой речи на чествовании Нинетт де Валуа. «Пожалуйста, набросайте мне что-нибудь на машинке, наденьте мои туфли и пристройте ваш широкий ум к моей чувствительной системе». И подпись: «*Ваша расточительная гейша*».

В то же время она унаследовала доход Мейнарда (управляемый двумя опекунами, его братом Джеффри и Ричардом Каном), его дома, его штат слуг, его картины, его семью и многих его друзей, его обычаи и порядки. Она поддерживала и расширяла ту часть их семейной жизни, которая была теснее всего связана со сценой. Она была (правда, недолго) членом *Группы драмы Совета искусств* и опекуном кембриджского *Театра искусств*. Как это было и при нем, она делила свое время между Тилтоном, Гордон-сквером и Сент-Эдвардс-пэсиджем. В течение десяти лет после его смерти она неустанно ходила в театры Брайтона, Лондона и Кембриджа.

Она по-прежнему ездила в Кембридж повидать своих «дорогих старых актеров», которых она также зазывала в Тилтон. В Тилтоне у нее гостили и Джек Шеппард, ректор Королевского колледжа, и «Деди», как она называла своего нового друга Дэди Райлэндса, и Ноэль Аннан, который в 1956 г. молодым, всего-то в свои тридцать девять, сменил Шеппарда на посту ректора, и, конечно, родители Мейнарда, *starychki*. Невилл Кейнс умер в 1949 г. в возрасте девяноста семи лет, но общение Лидии со свекровью не прерывалось вплоть до смерти Флоренс в 1958 г., когда ей было уже девяносто шесть. До самого конца Флоренс писала светлые

и нежные письма своей «Лидди». За два года до смерти она писала: «Я всегда думаю о вас и о том, какое вы ему дали счастье». В Кембридже Лидия обычно ходила есть в расположенный напротив ее дома *Театральный ресторан*, где ее обслуживал главный официант мистер Черч. Естественным образом она сближалась с преподавателями Колледжа, наиболее увлеченными театром, и в общий дух их компании отлично вписывались ее находчивый ум, ее мастерская игра двусмысленностями. Как-то она сказала Ноэлю Аннану, что англичане — это «либо мальчики, либо бывшие однокашники»[λ]; и эти слова выражали скорее свойственную ей острую наблюдательность, чем осуждение. К концу 1950-х Лидия перестала наведываться в Кембридж. Квартира в Сент-Эдвардс-пэссидже, по большей части пустовавшая в течение нескольких лет, была оставлена в 1965 г. В 1967 г., когда ей было уже семьдесят пять, она отказалась поехать на открытие нового *Здания Кейнса*.

В Лондоне леди Кейнс все еще приглашали порой на официальные приемы, которые в свое время она и ее муж обязательно почтили бы своим присутствием. Большинство приглашений она отклоняла, но в порядке исключения появилась в 1950 г. на вечеринке, устроенной в американском посольстве для Ачесонов; оттуда она вынесла впечатление, что министр иностранных дел Эрнест Бевин выглядит далеко не лучшим образом. Но в основном она держалась собственного мира. В «друзьях» у нее ходили гомосексуалисты, такие как Ричард Бакл, Фред Эштон, Сесил Битон, Рэймонд Мортимер, Эдди Сэквиль-Уэст. Эти люди, особенно балетный критик «Дики» Бакл, имели то преимущество, что всегда были готовы к роли сопровождающих. Лидия была также в «тесноте», как она выражалась, с Лоуренсом Оливье и Вивьен Ли. Дом 47 на Гордон-сквер был сдан в поднаем. В доме 46 сама Лидия занимала все меньше и меньше места, вытесняемая из большей части помещений холодом и дороговизной. В подвале она поселила смотрите-

[λ] По-английски здесь некоторая игра слов: «either boys or old boys», то есть «либо мальчики, либо старые мальчики».

ля дома; в верхних этажах разместилось общество *Христианской помощи*. Арендаторы ей нравились, потому что блюли чистоту. Часто Лидия сама отзывалась на звонок в дверь. «А вы христианин?» — имела она обыкновение ошарашивать стоящего на пороге незнакомца. Спала она теперь на первом этаже в комнате окнами на улицу — их прежней столовой, — где у нее размещались кровать, большое зеркало и *барр*; гостей она принимала в маленькой задней комнате за столом, покрытом клеенкой, «где, — как писал Бакл, — посреди нагромождения книг и банок с едой любой мог, к своему удивлению, обнаружить кубиста Пикассо или эскиз Делакруа...» Есть она каждый день ходила в заведение *Антуана* на Шарлотт-стрит.

Откликаясь в 1955 г. на просьбу журнала '*Ньюсуик*' ('*Newsweek*') сравнить современное искусство танца с тем, что было во времена ее юности, Лидия благоразумно заметила: «Зачем смешивать сегодняшние стандарты с требованиями тридцатилетней давности? Сегодня — это сегодня, а вчера — это история. Великолепно то, что Балет процветает». История напомнила о себе, когда в ноябре 1950 г. Лондон посетил Пабло Пикассо. Она попросила у него рисунок, который он сделал в начале 1920-х, изобразив ее с Мясиным, танцующих канкан в *Волшебной лавке*. Он обещал его прислать, не смог найти и вместо этого послал ей фотографию с надписью «pour Lydia en attendant 1'original» («Лидии в ожидании оригинала»). Оригинал так никогда и не появился. 13 апреля 1949 г. она повела старых друзей Мейнарда Дункана Гранта и Ванессу, Клайва и Квентина Беллов на '*Золушку*' в новой постановке Фреда Эштона. Это было «великолепно», отчитывалась она затем. «Фреду удалось сотворить *magnum opus*. Я смеялась и плакала...» К началу 1950-х гг. она почувствовала, что Эштон «выдохся» и ему следует расстаться с *Садлерз-Уэллз*. У нее не было добрых чувств к современному балету, который, как ей казалось, целиком ушел в технику и акробатику. Дни славы, которую в 1960-е гг. принесли Ковент-Гардену незабываемое сотворчество Марго Фонтейн и Рудольфа Нуриева и великолепные балеты, поставлен-

ные возродившимся Фредом Эштоном и Кеннетом Макмилланом, Лидией в основном замечены не были. В 1965 г. она также рассталась с Гордон-сквером. К тому времени она уже стала вести жизнь, наслаждаясь уединением в своем любимом Тилтоне.

Однажды Лидия сказала Нинетт де Валуа, что всякий раз, когда они с Мейнардом возвращались из своих путешествий в Тилтон, «мы чувствовали себя как дети, у которых впереди долгий, долгий праздник». С годами ей все меньше и меньше хотелось покидать место, служившее им обоим убежищем от мира. После смерти Мейнарда она ни разу не выезжала за границу, даже в Россию, хотя и поддерживала переписку с братом, Федором Лопуховым, балетмейстером Мариинского театра в Ленинграде. «Меня устраивает тилтонское общество, — говорила она Ричарду Кану, — никакой дипломатии, никаких 'джентльменских соглашений', никаких примадонн». Ей замечательным образом хватало самой себя, она никогда не страдала от одиночества или скуки. «Мир полон кошмаров, но тилтонские рощи полны красоты», — написала она. И когда летнее солнце являлось, чтобы превратить ее в «краснокожего индейца», оказывалось, что «24 часа — это совсем недостаточно для счастья. Я хочу 48». Она восторженно наслаждалась сельской жизнью, особенно летом: среди «бобовых и сорной травы» ее кожа «жарилась» на солнце, «таком полезном и вгоняющем в пот»; она сама становилась «как бы растением о двух руках»; жизнь звучала «далекой от Оксфорд-стрит мелодией». На вершине Даунс, обутая в крестьянские ботинки, она становилась «небесным телом... скользившим, преодолевая боли в ногах, по горным кряжам». Но и зима имела свои достоинства — например, в виде яблок, остававшихся висеть, «как похмелье», в ее декабрьском саду.

Едва для Лидии исчезла необходимость играть роль жены великого человека, как стала брать свое ее природная тяга к богемному образу жизни. Одевалась она всегда эксцентрично; теперь ее наряды стали причудливыми. На голове носила шерстяные шляпы, на ногах обувь ярких цветов — и как украшение, и как прикрытие конечностей, а что наде-

валось еще, ей было безразлично — лишь бы не давало мерзнуть. В английском климате она усматривала продолжение российского, большую часть года арктического, но вперемежку с драгоценными проблесками солнечного света. Соответственно она и одевалась. Большую часть года — и дома, и вне его стен — сильно куталась. Когда сияло солнце, раздевалась почти догола, стараясь прогреть свое тело под его целебными лучами. Тилтон видывал ее в обоих видах — катящейся по каменистой тропе в клубке старых шарфов и свитеров Мейнарда и полуголой, мелькающей в саду среди широких листьев кормовых бобов и капусты, либо совсем обнаженной в кустах красной смородины, где она располагалась загорать в нескольких ярдах от пешеходной дорожки. Как-то на вопрос, не создает ли эта привычка неловких ситуаций, Мейнард ответил: «Нет, прохожие просто не могут глазам своим поверить».

Приход старости Лидия восприняла спокойно и предпочла вести жизнь скорее удобную, чем шикарную. В середине 1950-х на просьбу хореографа Уолтера Гора подарить ему свою фотографию, она ответила: «Вы предпочли бы ту, какова я есть, или ту, какой я была раньше? Это большая разница». Когда в июле 1951 г. ее посетил Сесил Битон, она встретила его «в юбке из мерсеризированного шелка, покрытой узором из кремовых листьев, в чулках цвета какао, шерстяных носках, соломенных туфлях, в переднике и примерно трех разных свитерах поверх шелковой блузы; на голове у нее была косынка цвета кукурузы. Лицо бледно-серое, сияющее, без косметики, но веснушчатое, сзади на шее загар».

В Тилтоне она суетилась по дому, накрыв косынкой волосы, с сигаретой во рту, но в этом образе уборщицы большой чисткой она никогда не занималась. Не очень-то заботилась она и о том, чтобы блюсти в чистоте самое себя. Однажды, отправившись погостить у супругов Оливье, она не захватила зубную щетку. Вивьен Ли, предложившей ей новую, она сказала: «О, моя дорогая, не стоит беспокоиться. Какой смысл чистить зубы? Все равно они со временем выпадут». В 1965 г. Джеку Петерсу, подручному казначея Ко-

ролевского колледжа, не очень-то подходящему собеседнику на эту тему, она говорила: «Я сейчас удалила немногие остатки своих зубов, совсем не больно и вполне успешно. Теперь я могу не думать о чистке зубов, беспокоиться о зубной щетке, все это делается по науке, с помощью особого моющего средства, которое дал дантист». Больше всего ей нравилось расслабляться за чтением газет и журналов, которые любил читать Мейнард и которые к ней в дом приходили попрежнему; любила она и выезды на автомобиле с управляющим фермы Логаном Томсоном в Льюис или Истборн пообедать или походить по магазинам либо в Брайтон на театральный спектакль; любила подниматься на Даунс, бродить там и впитывать поэзию и музыку природы.

Как и в доме 46 на Гордон-сквер, большая часть помещений Тилтона была ею покинута, поскольку Лидия ограничила пространство своей жизни одним маленьким уголком на первом этаже, где свила себе гнездо. Она никогда не готовила и держалась подальше от расположенной в задней части дома кухни. Ела в маленькой столовой слева от входной двери. Логан Томсон часто к ней присоединялся, ибо ей нравилось видеть «за столом мужчину». Справа от входной двери находился «чулан» — комната, в которой умер Мейнард и которая стала теперь спальней Лидии с выходом в ванную, располагавшуюся в сооруженной Мейнардом пристройке. Следом за столовой была большая гостиная, выдержанная в тонах зеленого яблока, с чрезмерно пухлыми серыми диванами и креслами в стиле 1930-х, двумя шестиугольными столами, книжными полками, старым, купленным на барахолке фортепьяно и окнами, закрытыми плотными бежевыми занавесями. Открывали гостиную главным образом по вечерам или когда приезжали остававшиеся на ночь гости. С годами Лидия все больше и больше времени проводила в зале у входа, откуда через дверь под аркой путь вел в облицованные панелями комнаты задней части дома. В зале она сидела окруженная своими пожитками — консервными банками и пакетами с порошковым молоком, некогда купленными, чтобы пережить блокаду военного времени, и все еще громоздившимися на полках, сохраняемыми, возможно,

из страха перед грядущей нищетой; и рядами крошечных башмаков, туфель и балетных тапочек на полу. Сырым и заброшенным стоял прежний кабинет Мейнарда в задней части главного дома. Сад, так искусно созданный Эдгаром Веллером, приходил во все большее запустение, клумбы, теннисный корт и лужайки зарастали сорняками, в огороде, оставшемся без ограды, пировали кролики.

Стены обветшавшего дома все еще были плотно увешаны картинами, лучшие из них — Сёра, два Сезанна, несколько Пикассо — в гостиной. Лидия говорила: «Сезанн написал сотни яблок, пять из них у меня». Ценность приобретенных Мейнардом картин была так велика, что для их защиты внешняя стена дома со стороны сада была оборудована особой охранной сигнализацией. Землевладелец Гэйдж внес свой вклад в эту защиту, оставив в проезде, соединявшем дом с главной дорогой, столько рытвин, что это способно было остановить и самого дерзкого грабителя. То и дело звонок начинал громко заливаться, когда на провода падала ветка или когда кто-нибудь нечаянно прикасался к картине. Тут же в проезд с ревом въезжала полиция. В стремлении избежать случайной подачи сигнала тревоги картины стали вешать все выше и выше. В конце концов Лидия не смогла больше этого выдерживать и стала требовать их удаления из дома. После года ворчливых увещеваний Ричарда Кана (который уклонялся от каких-либо действий, ссылаясь на «ужасную занятость важным государственным делом») она в 1967 г. своего добилась, и картины были переданы в Королевский колледж, а затем помещены на постоянное хранение к Фицуильяму[λ]. «Теперь я опять могу спокойно находиться в гостиной... — сообщала она своему неповоротливому опекуну. — Все образовавшиеся пустоты я заполнила картинами Дункана, Ванессы, Мэтью Смита, Гора и Квентина Белла, и результат самый приятный, скажу даже, что одна или две нравятся мне больше прежних».

[λ] Музей изящных искусств в Кембридже, основанный в 1837 г. виконтом Фицуильямом.

Время шло, и «проблемы со слугами» обострялись, у нее все реже появлялась охота принимать гостей с ночевкой и селить их, за ее счет, в гостинице *Белый олень* в Льюисе. «Надеюсь, вы не сочтете это слишком невежливым с моей стороны, — писала она Ричарду Кану в 1967 г., — но в настоящее время я наслаждаюсь общением с людьми в пределах нескольких часов в течение дня, однако мне крайне неприятно, когда они толкутся на моем пороге. Простите меня». Так же решительно она обошлась с Джеффри Кейнсом: «Я люблю вас и хочу вас видеть, но не за завтраком, мой дорогой».

Лидия унаследовала штат обслуги, сократившийся во время войны из-за перебоев на рынке рабочей силы и никогда так и не восстановившийся в своей прежней численности. В доме на Гордон-сквер миссис Тэртл занималась уборкой, а миссис Бомон готовкой. В Тилтоне шофер Фред Вуллард ушел, когда был продан *роллс*. Эдгар Веллер работал теперь полную рабочую неделю, но жили они с Руби в тилтонском коттедже (Руби в роли уборщицы). Были еще супруги Картеры — повариха и садовник. Проблемы со слугами не замедлили возникнуть. В 1949 г. миссис Бомон заявила, что хочет с пятницы по понедельник ночевать вне дома, на что Лидия сказала ей: «Чем скорее мы расстанемся, тем лучше». Миссис Картер (Рози) должна была лечь в больницу, чтобы «удалить бородавку в ноздре». Затем, в 1956 г., после двенадцати лет работы в доме, Картеры оставили ее, за неделю предупредив о своем уходе. «Вот она — полная занятость, — посочувствовал Кан. — Все из-за Мейнарда». Их место заняли Тэйлоры. Миссис Тэйлор по совместительству работала в Истборне, в приюте для умалишенных, и не проводила особых различий между Лидией и другими своими подопечными. Лидия сильно не любила миссис Тэйлор, но ей никогда не приходило в голову ее уволить. Вместо этого она велела заложить кирпичами дверные проемы, которые вели из главного дома в служебные помещения, чтобы не сходить с ума от доносившейся до нее болтовни поварихи. Сообщение между двумя частями дома должно было осуществляться через входную дверь, только блюда с едой подавались через

люк. В выходные дни поваров Лидия и Логан отправлялись завтракать в гостиницу *Белый олень*.

Лесситеры, ее третья «поварская пара», жили у нее с 1962 до 1966 г. Мэвис Лесситер, теперь Хикс, запомнила Лидию как хозяйку, преданную заведенному порядку. Каждое утро она готовила себе завтрак, мыла несколько тарелок в кладовой, кормила кошку и выходила на прогулку по садовой дорожке. Руби приходила делать уборку. К завтраку являлся Логан, часто и к ужину, перед тем как отправиться в Бервик на пинту пива. К этому времени Лидия уже редко ездила в Лондон. У Лесситеров было два сына, которых Лидия очень любила. «Она обращалась с нами как с родными», — говорила Мэвис Хикс, очень переживавшая разлуку с Лидией в связи с отъездом своей семьи в Новую Зеландию. Целый год длилось междуцарствие, прежде чем появились Уизеры. Все в доме Джин Уизер нашла изрядно потрепанным и истлевшим. Она привела в порядок спальни первого этажа на случай, если пожалуют в гости с ночевкой родственники Кейнса. Постельные покрывала и простыни оказались во многих местах прожженными, и перед отходом Лидии ко сну ей приходилось изымать у нее сигареты. С Руби она препиралась беспрестанно.

Отношения с Чарлстоном потеплели, хотя Лидия была сильно изранена прежними против нее выпадами, а теперь слишком замкнулась в своем уединении, чтобы уделять много времени старым блумсберийцам. Ей все еще надо было набраться храбрости, чтобы слушать глубокий голос грозной Ванессы Белл, хотя Леонарда Вулфа она находила «милым и благородным». Иногда она просила чарлстонцев составить компанию приезжавшим погостить племянникам Мейнарда. Но Генриета, дочь Анжелики Гарнетт, вспоминает, что в отношениях между двумя домами близости не было, хотя и не осталось прежней холодности. Как-то летом 1955 г. Генриета — ей тогда было десять лет — смело подошла к входной двери Тилтона, позвонила, и ее нежно приветствовала крошечная леди, закутанная во множество свитеров и головных платков и «сильно напоминавшая старый чехол на чайник, если бы не ее тонкие и кра-

сивые ноги и очень изящные руки». Она усадила Генриету в гостиной, предложила ей бокал сотерна, конфеты и стала вспоминать балет в Санкт-Петербурге перед Первой мировой войной. После ряда таких посещений в течение нескольких лет Генриета стала удивляться: «Как странно, что за чаем у Лидии никогда не бывает никакого чая». Лидия пережила всех изначальных блумсберийцев: Ванесса Белл скончалась в 1961 г., Клайв Белл в 1964-м, Леонард Вулф в 1969-м и, наконец, Дункан Грант — в 1978 г.

Именно Логан Томсон заменил Мейнарда на положении мужчины в доме, а возможно, и мужчины в жизни Лидии, хотя нет никаких свидетельств, указывающих на ее с ним интимную близость. Логан все еще управлял фермами Тилтона и Чарлстона и получаемую от них прибыль делил с Лидией; работал он все меньше и меньше. Его родители умерли; он жил в Тилтоне со своей теткой в розовом доме помощника шерифа. Логан был предан Лидии, и она стала зависеть от него все больше и больше — он помогал ей писать письма, управляться с деньгами, составлял ей компанию, сопровождал, когда она выходила из дома. Он старался поддерживать порядок в доме и на участке. Когда в 1966 г. тетка умерла, а Логан бросил фермы, он переселился в тилтонский дом. Это был немногословный человек, но с Лидией они наслаждались молчанием друг друга, прямо как Моргентау и сэр Фредерик Филлипс во время войны.

Отношения Лидии с Логаном, как и с Руби Веллер, представляли собой странную смесь демократизма и официальной строгости. Все они вместе отправлялись в Брайтон на театральные представления, перед спектаклем ели рыбу и чипсы. Но Руби всегда обращалась к ней не иначе, как «*Ваша милость*», а Логан — «*госпожа*». Руби также оставалась с Лидией до конца ее дней в Тилтоне. Они без конца ссорились, «но ее же невозможно не любить, не так ли?» — говорила Руби.

Ричарду Кану выпала неблагодарная обязанность держать в доверительном управлении текущие счета Лидии. Полученный ею в наследство доход не был намного меньше

того, на который они вместе с Мейнардом жили в последние годы. Но она унаследовала также карательные налоговые ставки, введенные для покрытия военных расходов и служившие теперь финансированию лейбористского «Нового Иерусалима». У нее были также собственные ценные бумаги, стоимость которых к 1956 г. составила 24 000 фунтов стерлингов. Ее опекун уныло поведал, что, если бы он не продал «значительную часть» принадлежавших ей акций компании *Хоукер Сиддли*, ее капитал, представленный ценными бумагами, был бы гораздо больше.

Лидия не была расточительной, просто она небрежно относилась к деньгам. Всякий раз, как ей требовались наличные, она выписывала чек и никогда не сохраняла корешки, никогда не заглядывала в сведения о состоянии ее счета. Нередко она только ставила свою подпись, предоставляя Логану или кому-нибудь еще вписывать в чек нужную сумму. В ней сочетались широта души и крестьянские привычки. Она всегда отзывалась на просьбы бывших артистов балета, таких как Карсавина, Баранова, Ларионов и Гончарова, и в 1950 г. для помощи им учредила благотворительный попечительский фонд. «Я знаю, что Мейнард немедленно сделал бы что-нибудь для облегчения их жизни», — сказала она Ричарду Кану. Она финансировала постановку пьесы Ричарда Бакла. Но она резала газеты для использования в качестве туалетной бумаги.

Лидия виновато писала Кану о своих покупках и лукаво намекала, что ей нужно больше наличных, потому что хочет купить кое-что еще. 18 марта 1949 г.: «Я купила новую шляпу, шарф и пару туфель. Мне нужно было переоборудоваться». 14 сентября 1950 г.: «Если я сейчас не куплю [пальто], потом цена на шерсть поднимется и будет не по карману». 27 мая 1951 г. она докладывала опекуну: «Я еду в Лондон, должна кое-что купить, иначе наступит безработица». Она оправдывала свои привычки теориями покойного мужа: «Мейнард всегда говорил: 'Деньги надо тратить, они должны крутиться и крутиться'».

Кан с тяжеловесной обстоятельностью опровергал экономические изречения Лидии:

Мне кажется [писал он 26 июня 1952 г.], что вы с излишней поспешностью прилагаете идеи, связанные с именем покойного лорда Кейнса, к намекам канцлера Казначейства, будто страна находится на пороге небольшой безработицы. В марте мы внесли на ваш счет 500 фунтов стерлингов и еще 500 совсем недавно, в середине мая, и каждый раз оказывалось, что кредит превышен. К 21 июня снова имел место овердрафт, и снова были внесены 500 фунтов. Это значит, что в прошлом квартале вы тратили, более чем вдвое превышая установленную норму. Боюсь, моя обязанность предупредить вас, что это не может продолжаться.

Не совсем ясно, почему в это время Лидия тратила так много денег. Она благодарила Кана за его «несчетные писания», которые были для нее «китайской грамотой». В 1959 г. она ему написала: «Дорогой Ричард, похоже, мне нужно сменить декорации. Я смотрю в зеркало и думаю, что сделать это надо было давным-давно. Была бы рада знать ваше мнение». После того как Лидия рассталась с недвижимостью, проблем с наличностью у нее стало меньше, и к концу 1960-х свои доходы она уже до дна не выбирала.

В заботливой преданности Ричарда Кана выражалось не только его отношение лично к Лидии, но и признание роли, какую она играла в жизни его героя. Однако он был не совсем полноценным опекуном. Ему недоставало отличавшей Мейнарда быстроты действий; на него также время от времени накатывалась депрессия, когда он вообще не в состоянии был вести какие-либо дела. Так что, следуя старому крестьянскому обычаю, Лидия для покрытия своих расходов стала продавать мебель и другие личные вещи. В 1956 г. ей нужно было починить крышу в Тилтоне, но Кан был слишком занят, чтобы отвечать на ее письма. Тогда она продала за 5000 фунтов подаренный ей Сэмюэлем Курто эскиз балерины Дега. В 1958 г. она написала Дэди Райлэндсу: «Ни единого письма от Кана, засло».

Кан обычно приезжал в Тилтон после каждого Рождества, чтобы разобраться с Логаном Томсоном в счетах фермы. Лидия боялась этих казначейских визитов, хотя держалась весело и бодро, обещая ему «особую прелесть

Тилтона — одеяла, хорошо подогретые электрогрелкой», и заверяя, что будет обеспечена «горячая вода с температурой не ниже 80 градусов» и ему не придется «ни секунды скучать в ванной». Однажды она ему написала: «Как вы отнесетесь к тому, чтобы снабдить вашу постель парой простыней (и, может быть, подушек, если вы расположены быть настолько щедрым)?» Притом она отчаянно бросалась на защиту Логана: «Логан — фермер, а не казначей и не государственный служащий, чтобы целый день писать докладные записки...» Она высмеивала своего опекуна за его рассеянность («Мы визжали от смеха, особенно когда вы подписались Логаном»), за его неразборчивый почерк («Мечтаю прочитать когда-нибудь ваше письмо, напечатанное на машинке») и за его бюрократические привычки: «Вчера мы ходили в кино и смотрели фильм как раз про вас — историю жизни служащего Казначейства...» Она обвиняла его в том, что он обращается с нею так, будто видит в ней «некий график или деловой цикл», и не читая передала Логану его записку о тарифах. Она переправляла ему запросы, поступавшие из Японии, добавляя при этом, что «я действительно неспособна иметь дело с восточной экономикой». По получении очередной пачки деловых бумаг она спрашивала его: «Грянет ли безработица, если я разошлю циркулярное письмо с извещением, что Мейнарда уже пять лет нет в живых?»

Но к Кану Лидию привязывали не только завещание Мейнарда и не только его любовь к Кейнсу. Она старалась растопить его замороженные чувства: «По вашему письму видно, что вы так устали, так загнаны спешкой; если бы только вы сюда выбрались и занялись сбором бобов, вы смогли бы напрочь забыть об индексе цен...» А однажды, пожурив его за действия «в духе Оливера Кромвеля», она заключила: «В целом, однако, вы человек благородный и добрый, и я вас очень люблю».

Несмотря на усиливавшуюся глухоту и при всех своих странностях, Кан упорно бился за то, чтобы оправдать доверие, оказанное ему Учителем. В 1959 г. он обратил пожизненно причитавшееся ей начисление процентов в фиксированные ежегодные выплаты, имея в виду высвободить

таким образом средства для нового *Здания Кейнса* в Королевском колледже. Он заверил ее, что ее материальное положение будет полностью обеспечено. Лидию (справедливо) тревожила мысль о том, что могут означать твердые годовые выплаты. «Что произойдет, если я доживу до ста лет, а вы, экономисты, позволите опять разгуляться инфляции?» В 1970 г. Лидия сообщила своему опекуну, что ей восемьдесят лет. Кан возразил (10 апреля 1970 г.):

> Вы помните, что, когда мы с Джеком Петерсом обговаривали со страховой компанией назначение вам твердых годовых выплат, нам надо было указать ваш возраст. Справочными документами нам служили несколько паспортов, свидетельство о браке, заявление вашего брата и, каково бы ни было его значение, ваше собственное заявление... Стало очевидно, что в годы своей молодости вы свой возраст существенно преуменьшали, а по мере того как становились старше и старше, стали все больше преувеличивать его.
>
> Мы сделали все, что могли, стараясь поточнее его определить, и наша оценка была принята страховой компанией. По этой оценке, лет вам сейчас 78 с половиной.

3. Хорош для любой погоды?

В течение тридцатилетия, минувшего после его смерти, репутация Кейнса резко шла вверх, а затем рухнула. Магия, казалось, действует, но потом она внезапно исчезла. Годы успеха, называвшиеся «золотым веком», длились приблизительно с 1950-го до начала 1970-х гг., когда «смешанная экономика» западных стран достигла стабильности и небывалых в экономической истории темпов роста. Затем наступило время бед и неприятностей, когда экономическая машина забуксовала и остановилась и вернулись знакомые явления бума и резкого спада. Век кейнсианства — как иначе часто называли этот золотой век — завершился «стагфляцией», то есть сочетанием все большей инфляции и растущей безработицы. Появились новые маги, толковавшие о необходимости возвратиться к «дисциплине рынка» и «викторі-

анским ценностям» и настаивавшие, что государство — это проблема, а не решение. В золотой век большинство экономистов числили себя кейнсианцами; к началу 1990-х гг. они уже были в меньшинстве. В какой мере Кейнс имеет отношение как к золотому веку, так и к его крушению?

После войны четыре существенных обстоятельства оказывали влияние на кейнсианский образ мысли. Во-первых, то, что по различным и в значительной степени необъяснимым причинам экономика оказалась вязкой, а не текучей. Она лишь вяло откликалась на «толчки», если реагировала на них вообще. Поэтому, говорил Кейнс, чтобы остановить рост безработицы, в экономику должно вмешиваться государство; без его вмешательства безработица способна сохраняться долгое время.

Во-вторых, был мощный политэкономический довод: свободные общества не в состоянии переносить массовую, нерассасывающуюся безработицу. Пусть полная занятость и достижима в долгосрочной перспективе. Но в долгосрочной перспективе все мы покойники; в краткосрочной же — мы можем получить революцию, если позволим массовой безработице расти. Мы видели, что таков был ответ Кейнса Хайеку.

В-третьих, хотя большинство экономистов отвергали всякое упрощенное представление о «вековом застое», на них все же сильное влияние оказала мысль Кейнса о том, что в богатых обществах инвестиционные возможности призывают к действию, тогда как привычки к сбережению остаются неизменными. Так что их постоянно преследовало ожидание депрессии, даже когда экономика находилась на подъеме. Бум, предсказывал сам Кейнс, долго длиться не может.

Все это были идеи, обращенные в прошлое. Четвертую же, обращенную к будущему, Кейнс сжато выразил словами «*Радость через статистику*». У Кейнса это было нечто вроде веселого афоризма. Сам он всегда глубоко скептически относился к использованию статистики как основы для прогнозов. Но последователи приняли его афоризм всерьез. На основе первых приблизительных данных о национальном

доходе они построили некую веру в то, что кейнсианская политика может иметь вполне научный, или, как выражался Джеймс Мид, «автоматический» характер. Эта вера позволяла им ловко обходить проблему, к которой постоянно привлекали внимание антикейнсианцы, а именно тот неприятный факт, что экономическую политику по необходимости творят политики в угоду своим политическим целям и амбициям. Подобные донаучные явления были попросту изъяты из кейнсианских построений, и их место заняли прогностические модели, заполняемые все новыми и новыми уравнениями.

Со временем все эти предположения, верования, надежды стали рушиться. Некоторые проблемы возникли вместе с самой теорией; другие были связаны с тем, как ее принимали. Некоторые вообще не имели никакого отношения ни к Кейнсу, ни к кейнсианству; вину тем не менее возлагали на него. Все годилось как вклад в развернувшуюся к концу 1960-х гг. «контрреволюцию» и в теории, и в экономической политике. По ходу дела должным образом заново открывались кое-какие старые истины, а некоторые новые истины безосновательно удалялись из поля зрения.

Кейнсова «общая теория занятости» была не совсем такой общей, как он сам был уверен. С одной стороны, она не принимала в расчет многих иных, помимо недостаточного спроса, причин безработицы, особенно связанных с подвижностью рабочей силы и медленными темпами приспособления к переменами. Безработица может возникать даже при достаточном объеме совокупного спроса. Хьюберт Гендерсон всегда подчеркивал структурный характер проблемы британской безработицы в межвоенный период. Кейнс учитывал существование «структурной безработицы», но она не была предметом его теории. В этом смысле '*Общая теория*' была книгой однобокой, и это сделало однобоким оставленное им теоретическое наследство. Это значит, что в его теории мало внимания было уделено проблемам, возникшим в золотой век «на стороне предложения»; а они проявили тенденцию к тому, чтобы накапливаться и повышать «естественный», как стали потом говорить, уровень безработицы.

Немыслимо, чтобы Кейнс не захотел ими заняться. Но он уже ушел из жизни, а его книга осталась.

Более глубокая проблема касается самой его теории. Для Кейнса массовая безработица, или неполная загруженность доступных ресурсов, — это логическая возможность, вырастающая из неопределенности ожиданий. Но экономисты никогда не понимали, каким образом безработица может сохраняться или хотя бы возникать, если трудящиеся всегда готовы добывать себе рабочие места, поступаясь частью заработной платы, чего Кейнс должным образом не объяснил, хотя отрицать это невозможно. Так что господствующая профессиональная мысль возвратилась к традиционным объяснениям. Мощные профсоюзы и социальное законодательство стали помехой развитию необходимой гибкости заработной платы и подвижности рабочей силы, которая позволила бы экономике более или менее безболезненно приспосабливаться к потрясениям. «Классическая теория» была, в конце концов, права в утверждении, что безработица не может возникать в условиях совершенной гибкости заработной платы и цен; вот только не оказалось условий для ее применения. Получилось, что так называемый «неоклассический синтез» 1950-х гг. снова утвердил «классическую теорию» как «общий случай», тогда как теории Кейнса отвел значение того «частного случая классической теории, когда заработная плата неподвижна»[3]. Однако частный случай был реальным случаем современного мира. Так что кейнсианской политике отводилась существенная роль в перемещении экономики с низших на высшие ступени равновесия или в недопущении обратного скатывания на эти низшие уровни.

Этот компромисс с классической теорией, похоже, погрузил экономическую теорию в неразбериху. Лишенное оснований предположение о «вязком» поведении заработной платы и цен вступало, по-видимому, в противоречие с гораздо более сильной аксиомой, на которой держалась сама экономическая теория, а именно с пониманием хозяйствующих субъектов как рациональных борцов за максимизацию выгоды. Очевидной стала необходимость теоретического про-

яснения ситуации. Это прояснение приняло форму антикейнсианства, едва только начали угасать надежды, посеянные кейнсианской политикой.

Другой налетевшей на мель кейнсианской идеей был тезис о долгосрочно действующей тенденции к стагнации и безработице. После войны повсеместно в «свободном» мире бум оказался исключительно мощным и продолжительным, захватив даже время, когда послевоенное восстановление уже завершилось. Тогда это ставилось в заслугу мерам, принимавшимся в русле именно кейнсианской политики, но оказалось, что тут еще требуются доказательства. Верно, конечно, что и британское, и американское правительства стали «задавать» уровень безработицы. Но эти задания неоднократно пересматривались в сторону понижения, поскольку действительные показатели оказывались лучше намечавшихся. Низкий уровень безработицы определялся, по-видимому, не заданными низкими показателями, а наоборот, низкие показатели устанавливались сообразно низкому уровню безработицы.

Что же придало 1950-м и 1960-м гг. столько «золотого блеска»? Дело в значительной мере объясняется раскрытием того потенциала, который имелся в условиях, когда надо было «нагнать упущенное», пустить в ход образовавшийся «большой задел неиспользуемых технологий. Основную часть этого задела... составляли производственные методы и формы организации промышленности и торговли, уже внедренные к концу войны в Соединенных Штатах, но еще не применявшиеся в других странах Запада»[4]. Можно было бы сказать, что в межвоенные годы «старания нагнать упущенное были подорваны путаными последствиями [минувшей] Большой войны, затем многолетними политическими и финансовыми неурядицами, разноплановыми воздействиями самой Великой депрессии и ограничениями международной торговли». Во время Второй мировой войны разрыв в уровнях производительности между Соединенными Штатами и остальным миром увеличился. После войны «сошлись вместе три обстоятельства, позволявшие быстро нагнать упущенное... — большие технологические пробелы; возросший

общественный опыт... и условия, способствующие быстрому запуску в дело имевшегося потенциала»[5].

До какой степени политика полной занятости сама является одним из этих условий, — вопрос открытый. Как выразился в 1974 г. Джон Хикс, «сочетание ускоренного технического прогресса (бесспорный факт) с социалистическими тенденциями, повысившими спрос на коллективные блага (также факт бесспорный) могло бы вызвать подобный бум и без дополнительного стимулирования кейнсианской политикой. Все еще неясно, какую меру заслуг надо приписать тому, а какую другому»[6].

Послевоенные торговые и валютные режимы, несомненно, содействовали распространению наилучшей экономической практики. В них можно усмотреть плоды стараний Кейнса, но нельзя говорить, что у идей, двигавших их созданием — либерализация торговли, твердые ставки валютного обмена, конвертируемость валют, — был определенно кейнсианский источник. Они отразили убеждения американцев, считавших беды межвоенных лет порождением валютных и торговых войн.

В Бреттон-Вудсе не была принята выдвинутая самим Кейнсом особая доктрина «кредиторского регулирования». Это означало, что *Соглашение* 1944 г. не обеспечило никакого механизма, который позволял бы справляться с послевоенным «долларовым дефицитом». После того как в 1945 г. Англия и Франция не смогли получить займы на двусторонней основе, Бреттон-Вудское соглашение почти пятнадцать лет оставалось в замороженном состоянии; подобным же образом были прерваны попытки учредить Международную торговую организацию. Отнюдь не став, вопреки утверждению одного историка[7], «фундаментом, на котором постепенно строились торговля, производство, занятость и инвестиции в [послевоенном] мире», Бреттон-Вудские правила и институты не играли заметной роли в свершениях золотого века. Конвертируемость валют по твердым обменным курсам — краеугольный камень Бреттон-Вудской системы — главные европейские страны восстановили лишь в 1959 г., когда золотой век был в полном расцвете.

Нехватка долларов, которая терзала душу британцев во дни, предшествовавшие Бреттон-Вудскому соглашению, была устранена — и не «невидимой рукой», каковой была в каком-то смысле отчаянная попытка Кейнса ввести *банкор*, а американской решимостью сохранить Западную Европу и Японию свободными от коммунизма. Именно это заставило Соединенные Штаты согласиться в 1949 г. на значительные девальвации стерлинга, франка и немецкой марки против доллара; именно отсюда явился *План Маршалла*, дополненный позднее большими вливаниями частного капитала; отсюда же содействие США образованию Европейского платежного союза и данное ему разрешение на дискриминацию американских товаров, в чем они упорно отказывали Англии. Тенденция к устранению дефицитов платежного баланса, в свою очередь, позволила постепенно стабилизировать обменный курс и восстановить обратимость валют. Это способствовало снижению торговых барьеров, что, в свою очередь, подстегнуло экономический рост. В 1960 г., в последний год своей жизни, Рассел Леффингвелл, партнер Дж.П. Моргана, писал:

> Мудро было с нашей стороны взяться за наведение в мире порядка. Мы предоставили деньги и ноу-хау нашим иностранным друзьям, мы вложили средства в основной капитал других стран, и мы защитили мир от русских и китайских коммунистов с помощью военных баз и размещенных за границей войск, кораблей и самолетов. Все это потребовало огромных долларовых трат за границей.
>
> Мы и наши друзья за границей были так одержимы мыслью о... долларовом голоде... что до недавнего времени немногие замечали, что нехватка долларов исчезла и вместо нее появилось долларовое пресыщение. Успехи нашей помощи заграница превзошли все ожидания. Западная Европа и Япония полностью восстановились и вступили в жесткую с нами конкуренцию и у нас в стране, и за границей. Так что положительное сальдо нашего торгового баланса сжалось до ничтожных размеров, чуть ли не до нуля.
>
> Наши расходы за рубежом все еще на миллиарды превышают поступающие из-за границы доходы, и образующийся дефицит имеет следствием потери золота и рост наших кратко-

срочных долгов... Впервые более чем за четверть века нам волей-неволей приходится подчиняться дисциплине золотого стандарта[8].

Сказалось ли тут хоть как-нибудь влияние Кейнса? Можно говорить, что эта американская политика имела кейнсианские последствия; но кейнсианских обоснований у нее не было.

Можно сказать и больше. Кейнсианская подкладка приобретала все большее значение по мере продолжения великого бума в 1950-е гг. В 1937 г. Кейнс предложил набросок своего способа «управления бумом». Правительства должны создавать запасы налоговых поступлений, стараясь при этом, «как от огня», бежать от дорогих денег. Такой стратегии налоговых излишков и (относительно) дешевых денег следовало большинство правительств в первые пятнадцать послевоенных лет. Вполне возможно, что она позволила поддерживать послевоенный бум в течение гораздо более продолжительного времени, чем произошло бы в ином случае. К началу 1960-х, когда правительства выпустили из рук и финансовые, и денежные рычаги, положение стало меняться.

Налоговая политика как способ управления бумом лишилась действенности в силу трех новых обстоятельств: более амбициозное — но безуспешное — использование государственного бюджета в целях повышения темпов роста, взрывообразное распространение социальных льгот и наслоившееся на все это инфляционное финансирование Соединенными Штатами вьетнамской войны. Результатом стало появление хронической тенденции к избыточному мировому спросу, порожденному дефицитами бюджета и платежного баланса США. В то же самое время денежная политика использовалась в целях приспособления к нагнетаемым профсоюзами требованиям повысить заработную плату. Ослабление одновременно налоговой и денежной политики повлекло за собой рост инфляции. Вместе с тем примирительное отношение к распространению ограничений и оков на «стороне предложения» неуклонно ухудшало условия для «торга» между безработицей и инфляцией настолько, что в

пределах нескольких циклов подряд проявлялась тенденция одновременного роста безработицы и инфляции. В 1970-е гг. кейнсианская система политической экономии, не выдержав «потрясений», порожденных, по крайней мере отчасти, негодной налоговой и денежной политикой, распалась. Бреттон-Вудская система твердых обменных курсов рухнула в 1971 г. в результате бегства от некогда могущественного доллара; спустя три года произошло четырехкратное удорожание энергии. Попытки сдерживать избыточный спрос посредством регулирования цен и заработной платы — то есть возвращением к методам военного времени, которые Кейнс отвергал в 1940 г., — провалились, натолкнувшись на сопротивление профсоюзов.

Вину за экономические поражения стали возлагать именно на кейнсианскую революцию, и в этом отношении заметную роль играл Милтон Фридман, главное светило антикейнсианской Чикагской школы. Фридман возродил идею «естественного» равновесия — он стал говорить о «естественной» норме безработицы, — к которой, мол, тяготеет экономика и которая определяется институциональными особенностями рынка рабочей силы. В отличие от Кейнса, но так же как и экономисты классической школы, он понимал соответствие этой норме как полную занятость. Затем он стал утверждать, что политика расширения спроса может обеспечить лишь краткосрочное содействие этому равновесию, и то лишь ценой раздувания инфляции. Было подготовлено поле для возрождения количественной теории денег, для веры в рынок и для развернутого в 1980-е гг. устранения мер регулирования «на стороне предложения». И в конце десятилетия крах коммунизма окончательно закрепил триумф антикейнсианства и торжество свободного рыночного либерализма.

Тем не менее у новой магии обнаружилась кое-какая слабина. Стеснительные меры налоговой и денежной политики, принятые в начале 1980-х гг. ради подавления инфляции, повлекли за собой большую и упорно не желавшую рассасываться безработицу — произошло именно то, что предсказал бы Кейнс. Режим плавающих обменных курсов и растущая свобода передвижения частного капитала, появив-

шиеся после краха в 1971 г. Бреттон-Вудской системы, вызвали кратковременные нарушения устойчивости валют и продолжительные сдвиги в их соотношениях, что для многих стран обернулось тяжелыми потерями, хотя валютные войны 1930-х не повторились. Как реакция на эти неожиданные последствия «контрреволюции» начало возрождаться кейнсианство — в виде новых теорий, стремящихся объяснить вязкость цен, и в том внимании, какое творцы экономической политики опять стали уделять «провалам в производстве». Сегодня большинство правительств прибегает к политике стабилизации, даже притом что их излюбленным инструментом являются процентные ставки. Ни одно правительство не стремится из года в год принимать бездефицитный бюджет; и хотя экономисты-*анти*кейнсианцы представлены во множестве, экономистов *до*кейнсианского толка не существует вообще.

4. Жизнь после смерти

Успешно или нет действовали на больную экономику предписания Кейнса, его вдову не интересовало, да она ничего в этом и не понимала. Теперь она жила вся в прошлом. Анжелика Гарнетт описывает, как они с Дунканом Грантом навестили ее в начале января 1972 г., когда ей шел уже семьдесят девятый год. «Свет горел, и Лидия сразу выглянула из двери, точь-в-точь миссис Крот — крошечная и круглая, на голове невероятный вязаный шлем желтовато-коричневого цвета. Едва увидела шагнувшего ей навстречу Дункана, обрадовалась и сердечно его обняла — так они и стояли под светом лампы, прижавшиеся друг к другу два старых крота». В свои восемьдесят она еще могла поднять ногу на уровень головы. Но спустя пару лет ей нанесла сокрушительный удар вирусная пневмония. После этого она стала терять и память, и подвижность. Они с Логаном обычно часами сидели в просторном зале напротив входной двери тилтонского дома. Большую часть дня Лидия потягивала вино. Дочь Анжелики Гарнетт Генриета посетила ее 1 мая 1975 г:

Лидия и Логан сидели друг против друга в крепких креслах под свисавшим над ними электрическим светильником... Она еще больше усохла и сморщилась. Ее голова, как всегда, была обернута несколькими шарфами; ее крошечные ноги были втиснуты в короткие оранжевые ботики. На ней был темно-зеленый, застегнутый на все пуговицы до подбородка, нейлоновый жакет, который придавал ей русский облик больше, чем когда-либо прежде... Мы обменялись несколькими поцелуями. Логан самостоятельно поднялся со своего кресла — совсем хромой на одну ногу.

Как обычно, мне предложили бокал сотерна, и, как обычно, я его выпила. Опять-таки как обычно, разговор быстро пришел к теме балета.

«...Это была хорошая школа, моя дорогая. Нас учили. Теперь вас не учат. Не то что прежде. И еда была хорошая, а это так важно»[9].

Одним из последних, кто видел Лидию в Тилтоне, был внучатый племянник Мейнарда Саймон Кейнс, который со своими родителями впервые заехал погостить у Лидии в сентябре 1975 г. Он застал ее и Логана Томсона сидящими, как всегда, в зале, «очень опрятно» убранном. «На ней был самый немыслимый наряд — сероватый шерстяной костюм, юбка и жакет, лохмативший кольцами шерсти; странная шерстяная шляпа; пара бот, скрывавшая до 9 дюймов ее ног». Она похвалялась, что вся эта экипировка обошлась ей всего в 20 фунтов стерлингов, и сняла жакет, чтобы показать его подкладку. Логан опасался, что под жакетом не окажется ничего; ехидно предвосхищая общее ожидание, Лидия попыталась втянуть Энн Кейнс в разговор о полноте своих грудей. Сбивчиво, постоянно повторяясь, Лидия говорила о Дягилеве, Нижинском и Мясине, а также о Блумсбери, особенно о Леонарде Вулфе. О Мейнарде она не упоминала. Ей очень хотелось их угостить, и в 6.15 она достала дыню и пыталась проводить их в столовую. Саймон Кейнс очень сожалел, что ему не довелось видеть Лидию, когда она была вполне *compos mentis*. «Но неповторимые черты ее личности налицо — ее склонность к озорству... ее преданность балету и искусствам... ее хорошее, но не совершенное знание английского языка, рождающее чрезвычайно оригинальные выра-

жения, которые забавно подкрепляются великолепными жестами ее рук и мимикой лица»[10].

В 1976 г. Лидию поместили в частный санаторий в Сифорде. В октябре того же года Джеймс Кэллаган, премьер лейбористского правительства, выступая на конференции своей партии, возвестил конец кейнсианской экономики. «Возможность прокладывать путь к выходу из спада все возрастающими расходами больше не существует». В прошлом это действовало только за счет «впрыскивания в экономику все новых и новых доз инфляции». А уже в 1984 г. канцлер Казначейства консерватор Найджел Лоусон провозгласил новую ортодоксию: задача макроэкономической политики — вести борьбу с инфляцией; заниматься проблемой безработицы — это дело микроэкономики; то есть утверждалось нечто прямо противоположное убеждениям, к которым пришли кейнсианцы, хотя сам Кейнс в сложившихся условиях мог бы не без симпатии отнестись к этим установкам.

Лидия прожила восемьдесят девять лет и умерла 8 июня 1981 г. — застала эру Тэтчер. Ричард Кейнс развеял ее прах с того самого места в Даунс, откуда тридцатью пятью годами ранее его отец Джеффри Кейнс развеял прах Мейнарда. Не так быстро рассеиваются идеи, и наследие Кейнса будет живо, пока мир не может обходиться без того, что завещано его мыслью.

Иноязычные слова, выражения и фразы

à deux (*фр.*) — вдвоем, между собой
après tout, il a lu ces letters! (*фр.*) — [если] он все-таки прочитал эти письма!
bête noire (*фр.*) — пугало, жупел
catalogue raisonné (*фр.*) — обоснованный перечень, продуманный список
ceteris paribus (*лат.*) — при прочих равных (условиях)
cette omission vicie tout son travail (*фр.*) — это упущение портит всю его работу
compos mentis (*лат.*) — в здравом уме
contra mundis (*лат.*) — против [всего] мира
conversazione (*ит.*) — беседа
corpus (*лат.*) — состав, совокупность
ça n'existe pas (*фр.*) — такого не бывает
de facto (*лат.*) — фактически, на деле
dernier cri (*фр.*) — последний крик
détraqué (*фр.*) — свихнувшийся, «чокнутый»
dramatis personæ (*лат.*) — действующие лица
élan vital (*фр.*) — жизненный порыв
Eldorado de tous les vieux garçons (*фр.*) — «Эльдорадо всей старой братии»
éminence grise (*фр.*) — серое преосвященство (серый кардинал)
en suite(*фр.*) — в порядке очереди
enfant terrible (*фр.*) — сорванец, негодник
ex post (*лат.*) — в свете дальнейшего [развития событий]
fait accompli (*фр.*) — свершившийся факт
faute de mieux (*фр.*) — за неимением лучшего
femme fatale (*фр.*) — роковая женщина
frigidaire (*фр.*) — холодильник, охлаждение
galère (*фр.*) — галера, команда, «общая лодка»
grand amour (*фр.*) — большая любовь
gravitas (*лат.*) — тяжесть, весомость, серьезность, солидность
[il] pittore (*ит.*) — художник
in partibus (*лат.*) — на чужбине, среди иноверцев

ipso facto (*лат.*) — в силу самого факта
Je vous deteste (*фр.*) — вы мне противны
L'Allemagne paiera (*фр.*) — Германия заплатит
magnum opus (*лат.*) — великое творение
'*Miscellania Ethica*' (*лат.*) — «Разное об этике»
ménage- à -trois (*фр.*) — жизнь втроем
modus operandi (*лат.*) — образ действия, порядок работы
monument historique (*фр.*) — исторический памятник, монумент
nem. con. [nemo contra] (*лат.*) — ни единого голоса против, «против никого»
obiter dictum (*лат.*) — попутно; кстати
organum (*лат.*) — инструмент
pari passu (*лат.*) — равным образом, наравне
pas de deux (*фр.*) — балетный дуэт
pâte de foie gras (*фр.*) — паштет из гусиной печенки
persona grata (*лат.*) — приемлемая личность
persona non grata (*лат.*) — нежелательное лицо, неприемлемая личность
pis aller (*фр.*) — на худой конец
post hoc, ergo propter hoc. (*лат.*) — после этого, значит, поэтому
precieuse ridicule (*фр.*) — забавное сокровище
pro tanto (*лат.*) — соразмерно, пропорционально
quid pro quo (*лат.*) — одно взамен другого
raison d'être (*фр.*) — разумное основание; смысл существования
Realpolitik (*нем.*) — политика, считающаяся с действительностью
reductio ad absurdum (*лат.*) — сведение к абсурду
sine die (*лат.*) — без назначения срока
sub specie temporis (*лат.*) — под знаком времени, сообразно времени
sui generis (*лат.*) — своего рода, особого рода
Tant mieux pour la femme, tant pis pour la danseuse — «Успех женщины, провал танцовщицы»
tête-à-tête (*фр.*) — с глазу на глаз
Weltschmerz (*нем.*) — мировая скорбь
Zeitgeist (*нем.*) — дух времени

Сокращения и условные обозначения

ДжМК, JMK — Джон Мейнард Кейнс.
ЛК, LK — Лидия Кейнс.

Ed. — образование получил(а) в [следует перечень учебных заведений].
F. (Fellow) — член ученого сообщества (такого-то университета, колледжа), с указанием года избрания.
esp. (especially) — особенно.
q. (quoted in) — цитируется в ...

Ап., 19... — *Апостол*, то есть член кембриджского *Общества* (*Союза*) *Апостолов*, с указанием года избрания («рождения»).
1-й, 2-й... 8-й — место, занятое на экзаменах.
I и II — ступени сложности экзаменов (*трайпос*).
мат. — предметы математического цикла.
гум. — предметы гуманитарного цикла.
кл. — классические дисциплины.
ист. — история.
лит. — литература.
юр. — правоведение.
экон. — экономическая теория.
эт. — этика.

МВ-1; МВ-2 — Первая, Вторая мировая война.

ABB — Школа Абботсхом (Abbotsholme School). Мужская частная средняя школа в графстве Стаффордшир. Осн. в 1889 г.
ACP — Архив Остина Чемберлена (Austen Chamberlain Papers).
AER — *American Economic Review*.
ASC — Колледж всех душ, Оксфорд (All Souls College). Основан в 1438 г.

BDL — Школа Бидейла (Bedale's School). Открытая в 1893 г. первая в Великобритании школа совместного обучения мальчиков и девочек; называется по имени основателя.

BE — Английский банк (Bank of England).

BL — Британская библиотека (British Library).

BLH —Библиотека Бэйкера, Гарвардский университет (Baker Library, Harvard University).

BLL — Бейллиол-колледж (Balliol College) Оксфордского университета. Осн. в 1263 г. Название по имени основателя — Джона де Бейллиола.

BUL — Библиотека Бирмингемского университета (Birmingham University Library).

CAB — Архив кабинета (Cabinet Papers).

CAMJE — Cambridge Journal of Economics.

CC — Черчилль-колледж (Churchill College) Кембриджского университета. Осн. в 1960 г.

CCH — Крайст-Черч-колледж (Christ Church) Оксфордского университета. Осн в 1525 г.

CHH — Крайстс-Хоспитал (Christ's Hospital). Основанный в 1552 г. приют для беспризорных детей. До 1902 г. здесь находилась частная мужская средняя школа, переместившаяся затем в г. Харшем, графство Суссекс.

CHR — Крайстс-колледж (Christ's College) Кембриджского университета. Осн. в 1505 г.

CEH — Central European History.

CJE — *Canadian Journal of Economics.*

CLC — Клэр-колледж (Clare College) Кембриджского университета. Осн. в 1326 г.

CLF — Клифтон-колледж (Clifton College), частная мужская средняя школа, основанная в 1862 г. в г. Бристоле.

CLT — Челтнем-колледж (Cheltenham College), частная мужская средняя школа в г. Челтнем, графство Глостершир. Осн. в 1841 г.

CMP — Архив Christabel Maclaren Papers.

CP — Чарлстонский архив (Charleston Papers).

CR — *'Кембриджское обозрение' (Cambridge Review).*

CRL — Школа Кранли (Cranleigh School). Привилегированная частная мужская средняя школа в графстве Суррей. Осн. в 1863 г.

CRT — Школа Чартер-хаус (Charterhouse School). Частная мужская средняя школа, принадлежит к числу девяти старейших. Со времени основания (1611 г.) до 1872 г. располагалась в здании картезианского монастыря (отсюда название), а затем переместилась в г. Годалминг, графство Суррей.

CUL — Библиотека Кембриджского университета (Cambridge University Library).

CW — Собрание сочинений Джона Мэйнарда Кейнса + том (The Collected Writings of John Maynard Keynes + vol).

DG — Дункан Грант (Duncan Grant).

DGP — Архив Дункана Гранта (Duncan Grant Papers).

DLC – Далидж-колледж (Dalwich College). Большая привилегированная мужская средняя школа в лондонском пригороде Далидже. Осн. в 1360 г.

DNB – Национальный биографический словарь (The Dictionary of National Biography).

EcHR – Economic History Review

ECP –Экономические последствия мира (The Economic Consequences of the Peace).

EDS – Школа короля Эдуарда (в Бирмингеме).

EJ – Economic Journal.

EGP – Архив Эммануэля Гольденвейзера (Emmanuel Goldenweiser Papers).

EMFP – Архив Э. М. Форстера (E. M. Forster Papers).

EML – Эмманьюэл-колледж (Emmanuel College) Кембриджского университета. Осн. в 1584 г.

ER – Economic Record.

FAK – Флоренс Ада Кейнс (Florence Ada Keynes).

FDRP – Архив Франклина Делано Рузвельта (Franklin Delano Roosevelt Papers).

FFP – Архив Феликса Франкфуртера (Felix Frankfurter Papers) .

FLS – Школа Фелстед (Felsted School).Частная привилегированная мужская средняя школа в графстве Эссекс. Осн. в 1654 г.

FO – Архив министерства иностранных дел (Foreign Office Papers).

FRU S –Foreign Relations of the United States.

FTC – Феттес-колледж (Fettes College). Привилегированная мужская средняя школа в Эдинбурге. Осн. в 1870 г.

GAC – Гонвилл-энд-Киз-колледж (Gonville and Caius College) Кембриджского университета. Основан в 1348 г.

GLK – Джеффри Лэнгдон Кейнс (Geoffrey Langdon Keynes).

GLS – Джайлс Литтон Стрэчи (Giles Lytton Strachey).

GRT – Гертон (Girton), женский колледж Кембриджского университета. Осн. в 1869 г.

HBD – Дневник Гарольда Боуена (Harold Bowen's Diary).

HC – Генриета Купер (Henrietta Couper).

HCP – Архив Генри Клэя (Henry Clay Papers).

HDHP – Архив Хьюберта Гендерсона (Hubert Henderson Papers).

HGWP – Архив Г. Дж. Уэллса (H. G. Wells Papers).

HLL – Библиотека палаты лордов (House of Lords Library).

HPE – *History of Political Economy*

HRF – Хартфорд-колледж (Hertford College) Оксфордского университета. Осн. в 1874 г.

HRW – Школа Харроу (Harrow School), привилегированная мужская средняя школа, принадлежит к девятке старейших, осн. в пригороде Лондона в 1571 г.

IFP – Архив Ирвинга Фишера (Irving Fisher Papers).

IJE– Indian Journal of Economics.

ILR – *International Labour Review.*

JASA – *Journal of American Statistical Association.*

JASP – Архив Й. А. Шумпетера (J. A. Schumpeter Papers).

JBS — Джеймс Стрэчи (James Strachey).
JCC — Джизус-коледж (Jesus College) Кембриджского университета. Осн. в 1496 г.
JCO — Джизус-коледж (Jesus College) Оксфордского университета. Осн. в 1571 г.
JEL — Journal of Economic Literature.
JF — *Journal of Finances.*
JGP — Архив Дж. Л. Гарвина (J. L. Garvin Papers).
JMH — Journal of Modern History.
JMK — Джон Мейнард Кейнс (John Maynard Keynes).
JNK — Джон Невилл Кейнс (John Neville Keynes).
JNKP — Архив Джона Невилла Кейнса (J. N. Keynes Papers).
JPE — Journal of Political Economy.
JRCP — Архив Дж. Р. Коммонса (J. R. Commons Papers).
JRHP — Архив Дж. Р. Хэммонда (J. R. Hammond Papers).
JRSS — Journal of the Royal Statistical Society.
JTSP — Архив Дж. Т. Шеппарда (J. T. Sheppard Papers).
KC и KCC — Королевский колледж (King's College) Кембриджского университета. Осн. в 1441 г.
KCS — Школа лондонского Королевского колледжа (London King's College School).
KP — Архив Кейнса (Keynes Papers) *LBMR — Lloyd's Bank Monthly Review.*
LCS — Школа лондонского Сити (City of London school).
LGP — Архив Ллойд Джорджа (Lloyd George Papers).
LK — Лидия Кейнс (Lydia Keynes).
LKS — Лондонская королевская школа (London King's School), частная средняя школа.
LL — Архив Лидии Лопуховой (Lydia Lopokova).
LLKP — Архив Лидии Лопуховой-Кейнс (Lydia Lopokova Keynes Papers).
LNC — Линкольн-колледж (Lincoln College), Oxford.
LPS — Школа Лейтон-парка (Leighton Park School), основанная в 1890 г. близ города Рединга частная мужская средняя школа, преимущественно для учащихся из стран Содружества.
LSE — Лондонская школа экономики (London School of Economics).
MCH — Манчестерский университет (University of Manchester).
MD — Дневники Моргентау (Morgenthau Diaries).
MG — Mathematical Gazette.
MGD — Модлин-колледж (Magdalen College) Оксфордского университета. Осн. в 1458 г.
MHP — Архив Монкс-хауза (Monk's House Papers). [Монкс-хауз — загородный дом, впоследствии музей Вулфов в Родмеле].
MLB — Мальборо-колледж (Marlborough College). Основанная в 1843 г. привилегированная частная мужская средняя школа в г. Мальборо, графство Уилтшир.
MLK — Маргарет Кейнс, впоследствии Хилл (Margaret Keynes, later Hill).

MLV — Молверн-колледж (Malvern College), частная мужская средняя школа в г. Грейт-Молверн, графство Вустершир. Осн. в 1865 г.
MP — Архив Маршалла (Marshall Papers).
MPP — Архив издательства *Макмиллан* (Macmillan Publishers Papers).
MS — Манчестерская школа *(Manchester School).*
MTS — Мерчант-Тейлорз-скул (Merchant Taylors School). Одна из «девятки» старейших (осн. в 1561 г) частных мужских средних школ. Находится в г. Кросби, графство Ланкашир.
NBER — Национальное бюро экономических исследований (National Bureau of Economic Research).
NCO — Нью-Колледж Оксфордского университета (New College). Основан в 1379 г.
NP — New Palgrave Dictionary of Economics.
NWP — Архив Натаниэла Ведда (Nathaniel Wedd Papers).
NWM — Ньюнем-колледж (Newnham College), женский колледж Кембриджского университета. Осн. в 1871 г.
OEP — Oxford Economic Papers OMP — Архив Оттолайн Моррел (Ottoline Morrell Papers).
ORL — Ориэл-Колледж (Oriel College) Оксфордского университета. Осн. в 1326 г.
OTFP1 — Архив О.Т. Фолка, в Британской библиотеке (O.T. Falk Papers, British Library).
OTFP2 — Архив О.Т. Фолка, в собственности г-жи Роланд Фолк (O.T. Falk Papers, in possession of Mrs Roland Falk).
PBA — 'Труды Британской академии' (Proceedings of the British Academy).
PH — Полли Хилл (Polly Hill).
PHC — Питерхаус-колледж (Peterhouse College), Кембриджского университета. Осн. в 1284 г.
PI — Public Interest.
PLP — Архив Петик-Лоуренса (Pethick-Lawrence Papers).
PMC — Пембрук-колледж (Pembroke College) Кембриджского университета. Осн. в 1347 г.
PMO— Пембрук-колледж (Pembroke College) Оксфордского университета. Осн. в 1624 г.
PQ - *Political Quarterly.*
PREM — Архив премьер-министра (Premier's Papers).
PRO — Государственный архив (Public Record Office).
PSIF — Princeton Studies in International *Finance.*
PSQ — Political Science Quarterly.
QJE — Quarterly Journal of Economics.
QR — Quarterly Review.
QUO — Куинз-колледж (Queen's College) Оксфордского университета. Осн. в 1340 г. в честь Филиппы, жены короля Эдуарда III.
QUC — Куинз-колледж (Queen's College) Кембриджского университета. Осн. в 1448 г. Маргаритой Анжуйской, супругой короля Эдуарда IV.

RBP — Архив Роберта Брэнда (Robert Brand Papers).
RES — Review of Economic Studies.
RF — Роджер Фрай (Roger Fry).
RFKP — Архив Ричарда Кана (Richard Kahn Papers).
RGB — Рагби (Rugby). Одна из девяти старейших (осн. в 1567 г.) частных мужских средних школ; находится в г. Рагби, графство Уорикшир.
RHBP1 — Архив Brand Papers (in Bodleian).
RHBP2 — Архив Брэнда, в собственности семьи Форд (Brand Papers, in possession of the Ford family).
RHETM —Research in the History of Economic Thought and Methodology.
RHP — Архив Ральфа Готри (Ralph Hawtrey Papers).
RLP — Архив Рассела Леффингвелла (Russell Leffingwell Papers).
RS — Ричард Шоун (Richard Shone).
RSC — Королевский колледж научных знаний (Royal College of Science) в Южном Кенсингтоне.
RSE — Review of Social Economy.
SAJE — South African Journal of Economics.
SBY — Школа Шрусбери (Shrewsbury School). Одна из девяти старейших а Англии (осн. в 1552 г.) престижных частных мужских средних школ.
SK— Саймон Кейнс (Simon Keynes).
SJC — Сент-Джонз-колледж (St John's College) Кембриджского университета.
SJO — Сент-Джонз-колледж (St John's College) Оксфордского университета.
SLD — Школа Слейда (Slade School). Художественное училище при Лондонском университете, основанное в 1871 г. филантропом и коллекционером Феликсом Слейдом.
SP — Архив Стрэчи (Strachey Papers).
SPS — Сент-Полз-скул (St Paul's School). Привилегированная мужская средняя школа в Лондоне, одна из девяти старейших в Англии (осн. в 1509 г.).
SR — Social Research.
SRO — Шотландское архивное управление (Scottish Record Office).
SSC — Сидни-Суссекс-колледж (Sidney Sussex College). Колледж Кембриджского университета. Осн. в 1596 г.
SSP — Архив Себастьяна Спротта (Sebastian Sprott Papers).
T — Казначейство (Treasury).
TBR — Школа Танбридж (Tonbridge School), частная мужская средняя школа в графстве Кент. Осн. в 1553 г.
TC — клуб *Вторник* (Tuesday Club).
TCC — Тринити-колледж (Trinity College) Кембриджского университета. Осн в 1546 г.
TCO — Тринити-колледж (Trinity College) Оксфордского университета. Осн в 1554 г.
THC —Тринити-Холл (Trinity Hall), основанный в 1350 г. колледж Кембриджского университета.
TLP — Архив Томаса Лэмонта (Thomas Lamont Papers).
TLS — The Times Literary Supplement.

TP — Архив Казначейства (Treasury Papers).
UCL — Колледж Лондонского университета (University College, London).
UCO –Оксфордский Университетский колледж (University College, Oxford), осн. в 1249 г.
UGL — Университет Глазго (University of Glasgow). Осн. в 1451 г.
UPP — Школа Аппингем (Uppingham School). Основанная в 1560 г. привилегированная частная средняя школа в г. Аппингем, графство Ратленд.
VB — Ванесса Белл (Vanessa Bell).
VBP — Архив Ванессы Белл (Vanessa Bell Papers).
VW — Вирджиния Вулф (Virginia Woolf).
WCH — Уинчестер-колледж (Winchester College), частная мужская средняя школа, принадлежит к числу девяти старейших в стране. Осн. в 1382 г.
WLP — Архив Уолтера Липпмана (Walter Lippmann Papers).
WSR — Вестминстерская школа (Westminster School), одна из «девятки» старейших (осн. в 1560 г.) престижных мужских средних школ.

Библиографические ссылки

Bedford — Sybille Bedford, *Aldous Huxley*, 2 vols, Chatto & Windus/Collins, 1973–1974.

Bellot — Hugh Hale Bellot, *University Colledge, London, 1826–1926* (1929).

Blake –Robert Blake, *The Unknown Prime Minister: The Life and Times of Andrew Bonar Law, 1858–1923*, Methuen 1925.

Blaug — Mark Blaug, *John Maynard Keynes: Life, Ideas, Legacy*, Macmillan, 1990.

Browning — Oscar Browning, *Memories of Sixty Years at Eton, Cambridge and Elsewhere*, John Lane, 1910.

Bunselmeyer — Robert E. Bunselmeyer, *The Cost of the WAR: British Economic War Aims and the Origins of Reparations*, Hamden, Conn.: Arcon Books, 1975.

Burk — Kathleen Burk, «*The House of Morgan in Financial Diplomacy 1920–1930*», in B.J. McKercher (ed.), *The Struggle for Supremacy: Anglo-American Relations in the 1920s*, Macmillan, 1988.

Crick — Bernard Crick, *George Orwell, A Life*, Penguin, 1980.

De Cecco — Marcello de Cecco, *Money and Empire*, Blackwell, 1974.

Davenport — *Nicholas Davenport, Memoirs of a City Radical*, Weidenfeld & Nicolson, 1974.

Hancock and Poel — W.K. Hancock and Jean van der Poel, Selections from the Smuts Papers, vol. iv, Cambridge University Press, 1966.

Harrod — R.F. Harrod, The Life of John Maynard Keynes, Macmillan, 1951.

Hazlehurst — Cameron Hazlehurst, *Politicians at War, July 1914 to May 1915*, Heinemann, 1928.

Hemery — J. A. Hemery, *'The Emergence of Treasury Influence in the Management of British Foreign Policy'*, M. Phil., Cambridge, 1982 (неопубликованная работа).

Jackson and Vos — Gilbert E. Jackson and Philip Vos (eds), *The Cambridge Union Society Debates, April 1910–March 1911*, Dent, 1911.

L. E. Jones — L. E. Jones, *A Victorian Boyhood*, Macmillan, 1955.

Levy — Paul Levy, *G.E.Moore and the Cambridge Apostles*, Weidenfeld & Nicolson, 1979.

MacFadyean — Sir Andrew MacFadyean, *Recollected in Tranquility*, 1964.

Mantoux — Etienne Mantoux *The Carthaginian Peace or the Economic Consequences of Mr. Keynes*, Oxford University Press,1946.

Morgan — K. O. Morgan, *Consensus and Disunity: The Lloyd George Coalition 1918–1922*, Clarendon Press, 1979.

O'Donnell — R. M. O'Donnell, *Keynes: Philosophy, Economics and Politics*, Macmillan, 1989.

Parsons — D. Wayne Parsons, *Keynes and the Politics of Ideas*, History of Political Thought, Summer 1983, 367–392.

Poel — Jean van der Poel, Selections from the Smuts Papers, v and vii, Cambridge University Press, 1973.

Presley — J. R. Presley, *Robertsonian Economics*, Macmillan, 1978.

Russell — Bertrand Russell, *Autobiography*, i and ii, Allen & Unwin, 1967–1968.

Rosenbaum — S, P. Rosenbaum, *Victorian Bloomsbury: The Early Literary History of the Bloomsbury Group*, i, Macmillan, 1987.

__ (ed.), *The Bloomsbury Group: A Collection of Memoirs, Commentary and Criticism*, Croom Helm, 1973.

Schneewind — J.B. Schneewind, *Sidgwick's Ethics and Victorian Moral Philosophy*, Oxford University Press, 1977.

Schwarz — Jordan A. Schwarz, *The Speculator, Bernard M. Baruch in Washington, 1917–1965*, Chapel Hill: University of North Caroline Press, 1981.

Sidgwick — Henry Sidgwick, *Methods of Ethics*, 1874.

Sitwell — Osbert Sitwell, *An Autobography*, 5 vols, Macmillan, 1947–1950.

Tardieu — Andrй Tardieu, *The Truth about the Treaty*, Hodder & Stoughton, 1921.

Tillman — Seth P. Tillman, *Anglo-American Relations at the Paris Peace Conference of 1919*, Princeton University Press, 1981.

Wiener — Martin J. Wiener, *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850–1980*, Cambridge University Press, 1981.

Wilkinson, *Century*, — *L.W. Wilkinson, A Century of King's 1873–1972, KCC*, 1980.

Wingfield-Stratford — Esmй Wingfield-Stratford, *Before the Lamps Went Out*, Hodder & Stoughton, 1947.

Примечания

I. Семейные корни

1. P. H. Reaney: *A Dictionary of British Surnames* (3rd Imp., 1966).
2. Это версия *ДжМК*. Доктор Саймон Кейнс в неопубликованном школьном эссе *The Dissemination of a Norman Family* о Ральфе не упоминает.
3. SK, JMK to Mrs Keynes, Kenynton, S. Australia 20 May 1907.
4. *Ibid.*
5. FAK, *Gathering*, 3.
6. *Ibid.*, 46.
7. *Ibid.*, 45.
8. Bellot, 298
9. JNK Diary, 1 June 1870.
10. PH, Anna Keynes to JNK, 13 February 1871.
11. JNK Diary, 21 January 1873.
12. PH, JNK to John Keynes, 19 October 1872, to Anna Keynes, 20 October 1872.
13. JNK Diary, 20 February 1873.
14. *Ibid.*, 16 August 1873.
15. *Ibid.*, 13 March 1875.
16. *Ibid.*, 13 June 1874.
17. *Ibid.*, *26* January 1875.
18. CUL Add. 7562, Item 7.
19. JNK Diary, 16 March, 31 August 1875.
20. *Ibid.*, 10, 11 August 1876.
21. Woman's Hour, transcript of FAK's interview with Ruth Drew, 1951; published in *The Listener*, 12 July 1951.
22. FAK, *Gathering*, 29–32.
23. GLK, *Gates*, 12.
24. PH, FAK typescript *On Growing Old*.
25. FAK, *Gathering*, 33.
26. Сведения взяты из завещания Джона Кейнса и дневника Джона Невилла Кейнса.
27. JNK Diary, *напр.*, 22 September 1881, 28 July 1882.
28. *Ibid.*, 25 June, 18 July 1882.
29. *Ibid.*, 5 October 1881.
30. *Ibid.*, 21 February 1882.
31. *Ibid.*, *7* February 1881.
32. *Ibid.*, 31 August, 15, 16 September 1881.
33. *Ibid.*, 31 December 1881.
34. *Ibid.*, 24 January 1882.
35. *Ibid.*, 23 July 1882, reference to 1881.
36. *Ibid.*, 25 January 1882.
37. *Ibid.*, 21 October 1881.
38. *Ibid.*, 13 June 1881.
39. *Ibid.*, 28 February, 13 March 1881.
40. *Ibid.*, 25–27 February 1882.
41. *Ibid.*, 30 April 1882.
42. *Ibid.*, 30 April 1882.

43. *Ibid.*, 30 July 1882.
44. PH, Ada Brown to FAK, 17 October 1882.
45. JNK Diary, 13 October 1882.
46. *Ibid.*, 30 July 1882.
47. *Ibid.*, 8 August 1882.
48. *Ibid.*, 10 August 1882.
49. *Ibid.*, 13 August 1882.
50. *Ibid.*, 30 September 1882.
51. *Ibid.*, 11 October 1882.
52. KP, PP/45, John Brown to FAK, 6 June 1883.

II. Кембриджская цивилизация: Сиджвик и Маршалл

1. Mill, *Autobiography*, 225–226.
2. Все цитируемые слова Пэйли, Седжуика и Уэйвелла из Schneewind, 105, 124, 150. О викторианских исканиях «доктрины» я пишу, опираясь на эту книгу.
3. Rohtblatt *The Revolution of the Dons: Cambridge and Society in the Victorian England.*
4. *См., напр.*, Wiener.
5. Schneewind, 163–166.
6. Sidgwick, 463–464.
7. A. and E.M. Sidgwick, 347.
8. *Ibid.*, 466–467.
9. Hairod, *Keynes*, 2, 214 - 215.
10. *CW*, x, 167.
11. Foxwell, *Economic Movement in England.*
12. JNKP, 3:81,
13. JSN to JNK, 27 July 1890.

III. Детство в Кембридже

1. GLK in M. Keynes, *Essays*, 26.
2. JNK Diary, 8 July 1883.
3. *Ibid.*, 10 January 1889.
4. FAK, *By-Ways*, xix.
5. JNK Diary, 12 June 1895.
6. *Ibid.*, 26, 30 September, 3 October 1896.
7. *Ibid.*, 27 July 1898.
8. *Ibid.*, 22 February, 17 March 1890.
9. *Ibid.*, 9 December 1883.
10. *Ibid.*, 30 June, 10 November 1895
11. FAK, *Gathering*, 65.
12. Marshall, *Principles* (8th edn.), 59.
13. JNK Diary, 30 March 1891.
14. *Ibid.*, 18 June 1883.
15. *Ibid.*, 5 February 1885.
16. *Ibid.*, 9 April 1886.
17. KP, PP/45, JNK to JMK, 13 July 1891.
18. JNK Diary, 10 February 1884.
19. *Ibid.*, 11 November 1885.
20. KP, PP/45, JNK to JMK, 29 January 1901.
21. Об отношении Невилла к общественной деятельности Флоренс *см.* JNK Diary, 6 February 1897.
22. *Ibid.*, 25 October 1883.
23. Рассказано автору профессором Д.Д. Меррилом, 22 июня 1999 г.
24. JNK Diary, 1 February 1885.
25. *Ibid.*, 6 June 1885.
26. Цит. в *ibid.*, 2 June 1885.
27. Marshall, *Early Writings*, i, 18.
28. JNK Diary, 13, 14 January 1888.
29. *Ibid.*, 28 January 1888.
30. JNKP, 1:27, Foxwell to JNK, 15 January 1888.
31. JNK Diary, 21 April 1888.
32. JNKP, 3:B0, JNK to F. Edgeworth, 14 December 1890.
33. F.Y. Edgeworth, *The Method of Political Economy*, *Nature*, 26 February 1891, 387.
34. NK Diary, 14 June 1891.
35. *Ibid.*, 17 January 1891.
36. NKP, 1:101, Marshall to JNK, 18 March 1891.
37. JNK Diary, 26 March 1892.

38. CUL, Add. 7562:72.
39. JNK Diary, 6, 10 June 1883.
40. PII, FAK to JNK, 31 July 1883.
41. JNK Diary, 4 November 1885.
42. Interview with GLK, 6 September 1979.
43. JNK Diary, 21 October 1894.
44. GLK, *Gates*, 19.
45. *См.* JNK Diary, 31 August 1889, 18 April, 26 July, 15 August 1890; 14 June, 7 November 1891.
46. M. Keynes, *Essays*, 28–29.
47. *GLK*, *Gates*, 24.
48. JNK Diary, 11 August 1889.
49. *Ibid.*, 11 March 1885.
50. *Ibid.*, 11 February 1888.
51. *Ibid.*, 19 August 1888.
52. *Ibid.*, 2 December 1888.
53. *Ibid.*, 13, 17 April 1889.
54. *CW*, x, 213.
55. M. Keynes, *Essays*, 29.
56. JNK Diary, 14 March, 28 September 1892.
57. *Ibid.*, 30 April 1893.
58. *Ibid.*, 6 October 1893.
59. Цит. в *ibid.*, 4 April 1896.
60. *Ibid.*, 5 November 1895.
61. M. Keynes, *Essays*, 29.
62. JNK Diary, 26 June, 28 June 1897.
63. *Ibid.*, 4–8 July 1897.
64. KP, PP/45, JNK, Diary, 23 August 1897.

IV. Итон

1. L.E. Jones, 152, 176f.
2. *Ibid.*, 165.
3. Crick, 48.
4. M. Keynes, *Essays*, 31.
5. Об этом рассказал сэру Рою Хэрроду Хоуп-Джонс, один из однокашников Мейнарда; *см.* Harrod, *Keynes*, 16–17.
6. Цит. в Harrod, *Keynes*, 50.
7. KP, PP/45. Письмо адресовано «Адольфу» — так Кейнс называл Нокса.
8. JMK to DG, 22 December 1908.
9. JMK to JNK, 20 May 1900.
10. Dr. G.E. Hale to FAK, 9 November 1900.
11. JMK to JNK, 21 October 1900.
12. JNK to JMK, 28 October 1901; S.G. Lubbock to Nathaniel Wedd, 9 May 1901. (Wedd Papers, III).
13. JMK to JNK, 17 December 1901, со ссылкой на письмо Ли.
14. Harrod, *Keynes*, 45.
15. JNK Diary, 31 March 1902.
16. *Ibid.*, 16 July 1902.
17. KC unclassified, B.W. Swithinbank, *Note on Eton in JMK's Time*, dated 9 March 1948.
18. JMK to FAK, 10 July 1902.

V. Кембриджский студент

1. Browning, 15.
2. Wingfield-Stratford, 145.
3. KP, PP/45.
4. Wilkinson, *Century*, 13.
5. Wingfield-Stratford, 151.
6. JNK Diary, 15 October 1902.
7. KP, PP/45, JMK to Swithinbank, 10 December 1902.
8. *Ibid.*, 17 December 1902.
9. JNK Diary, 12, 18 February 1903.
10. Levy, 66.
11. Russell, i, 66.
12. Stephen Toulmin, в рецензии на Levy's *Moore* в *New Republic*, 30 August 1980.
13. JMK to GLS, 18 October 1905.
14. *Granta*, 28 November 1903; JNK Diary, 29 November 1903.
15. JNK Diary, 12 September 1903.
16. *Granta*, 28 January 1905.

17. JNK Diary, 15, 16 June 1904.
18. C.R. Fay in M. Keynes, *Essays*, 37.
19. Russell, i, 71.
20. JMK to GLS, 20 July 1904.
21. Russell, i, 72.
22. L. Woolf, *Sowing*, 201.
23. KP, PP/45, G.M. Trevelyan to JMK, 1904.
24. Цит. в Holroyd, *Lytton Strachey*, ii, 211–212.
25. *Ibid.*, 213; Холройд называет Хобхауза «сэр Эдгар Дакуорс».
26. Russell, i, 74.
27. KP, PP/45.
28. *CR*, 16 March 1905.
29. JNK Diary, 20 June 1905.

VI. Начала моей веры

1. MacIntyre, *After Virtue*, 63.
2. Цит. в Levy, 223–225.
3. L. Woolf, *Sowing*, 131.
4. Russell, i, 64.
5. Russell to Alys Pearsall Smith, 18, 21 February 1894, цит. в Levy, 125–126.
6. Levy, 105.
7. *Ibid.*, 179–181.
8. *CW*, x, 444, *My Early Beliefs*.
9. *Ibid.*, 438.
10. KP, PP/45, Norton to JMK c. 1906.
11. Цит. в Levy, 198–199.
12. *Ibid.*, 145.
13. Moore, *Principia Ethica*, 188.
14. *Ibid.*, 189.
15. *Ibid.*, 27.
16. *CW*, x, 436.
17. *Ibid.*, 436–437.
18. *Ibid.*, 442.
19. *Ibid.*, 445–446.
20. *Ibid.*, 447–449.
21. *Ibid.*, 446.
22. *Ibid.*, 447.
23. Russell, i, 70–71; L. Woolf, *Sowing*, 148–149.
24. *Harrod, Keynes*, 76–81.
25. In M. Keynes, *Essays*, 242–246.
26. Leavis, *Keynes, Lawrence and Cambridge*, reprinted from *The Common Pursuit*. (1953) in Rosenbaum, 391.
27. KP, UA/21.
28. *Ibid.*, доклад *Апостолам* «повторно прочитанный» 22 января 1921.
29. KP, UA/20.
30. *Ibid.*, 16–17, 95.
31. *Ibid.*

VII. Кембридж и Лондон

1. JMK to GLS, 15 October 1905.
2. JMK to GLS, 20 January 1906.
3. JMK to GLS, 24 October 1905.
4. GLS to JMK, 4 November 1905.
5. JMK to GLS, 6 November 1905.
6. *CW*, xv, 2.
7. JMK to GLS, 3 February 1906.
8. KP, PP/45.
9. GLS to DG, 24 March 1906.
10. JMK to GLS, 1 March 1907.
11. JMK to JNK, 1 March 1907.
12. JMK to FAK, 17 March 1907.
13. KP, PP/45, R.C. Trevelyan to JMK, 16 March 1907.
14. JMK to GLS, 13 July 1907.
15. JMK to JNK, 4 September 1907.
16. KP, JMK, *The Principles of Probability*. Цитата из этой диссертации в ее версии 1908 г.
17. *CW*, xv, 15–17; KP, PP/45, TP/B, 1 July 1908.
18. BL, India Office Library, Public Works Dept. Orders and Memoranda, L/P/WD 528, no. 133.
19. *CW*, xv, 17

VIII. Литтон, Дункан, Мейнард

1. Holroyd, *Lytton Strachey*, i, 262.
2. GLS to JBS, 14 July 1908.
3. Holroyd, *Lytton Strachey*, i, 338.
4. JMK to DG, 24 July 1908.
5. JMK to JNK, 13 September 1908.
6. RS, *Maynard Keynes as a Picture Buyer*, Notes for BBC talk by Grant.
7. JMK to DG, 24 October 1908.
8. GLS to JBS, 27 October 1908.
9. JBS to GLS, 2 November 1908.
10. GLS to JBS, 23 November 1908.
11. JMK to DG, 20 November 1908.
12. JMK to DG, 24 November 1908.
13. JNK Diary, 4 December 1908.
14. JMK to DG, 22 December 1908.
15. JMK to DG, 31 January 1909.
16. JMK to MLK, 7 January 1909.
17. JMK to DG, 26 December 1908.
18. JMK to DG, 22 January 1909.
19. JMK to DG, 8 February 1909.

IX. Первые шаги экономиста

1. JMK to JNK, 10 April 1908.
2. *CW*, xv, 46–47.
3. Hutchison, *EcHR*, February 1973.
4. KP, PP/45.
5. JMK to Dundas, 30 September 1905.
6. *CW*, ii, 6.
7. Dalton, *Call Back Yesterday*, 157–158.
8. CUL, Add. 7562, Item 229.
9. JMK to DG, 19 January 1909.
10. JMK to DG, 20 January 1909.
11. JMK to DG, 24 October 1909.
12. JMK to DG, 16 February 1909.
13. KP, UA/34, *Can We Consume our Surplus or the Influence of Furniture on Love*, доклад, прочитанный *Апостолам* около 1909 г.
14. KP, Correspondence L/12. Angell to JMK, 19 February 1912.
15. *См.* Presley, 37–38.
16. Marshall, *Principles of Economics*, 51.
17. *CW*, xii, 701–702, 730–731.
18. *Ibid.*, 760.
19. *Ibid.*, 696.
20. *Ibid.*, 714–718.
21. *Ibid.*, 764.
22. *Ibid.*, 707–708.
23. *CW*, xiii, 2–14.
24. *CW*; xii, 755.
25. Stone, *7th Keynes Lecture*, 3 May 1978.
26. *CW*, xi, 8.
27. JMK to DG, 18 December 1908.
28. *CW*, xi, 104f.
29. *CW*, viii, 349. *См.* R.M. O'Donnell, ch. 10 for an illuminating discussion.
30. *CW*, xii, 767.

X. Грани частной жизни

1. Dennis Robertson in *Basileon*, June 1911.
2. JMK to DG, 11 February 1909.
3. Wilkinson, *A Century of King's*, 51.
4. SP, Add. MSS 60668, DG to JBS, 22 April 1909.
5. GLS to JBS, 25 June 1909.
6. Воспоминания GLK о визите Генри Джеймса (*Henry James at Cambridge* – 1967) воспроизведены в *Gates*, 64–80.
7. JBS to GLS, 1 October 1909.
8. CUL, Hilton Young, *In and Out*, 25: Kennet Papers, 82/1.
9. Virginia Stephen to Vanessa Bell, 19 April 1911, N. Nicolson (ed.). *The Letters of Virginia Woolf*, i, 462.
10. Clarke, *Liberals and Social Democrats*, 132.

11. Jackson and Vos, 79–87.
12. Замечания Вирджинии Вулф из ее *Moments of Being*, 164, 169, 172.
13. CP, Box 3, Item 30.
14. V. Woolf, *Moments of Being*, 126.
15. CP: Box 18, Item 7.
16. L. Woolf, *Beginning Again*, 35–37.
17. DG to JMK, 28 February 1910.
18. CP, Box 12, Item 1.
19. Garnett, *Golden Echo*, 207.
20. *CW*, viii, 241.
21. JMK to DG, 13 August 1910.
22. JBS to GLS, 29 August 1911.
23. JMK to JNK, 14 July 1911.
24. JMK to JNK, 29 June 1911.
25. JMK to GLS, 17 July 1911.
26. JMK to GLS, 8 September 1911.
27. JMK to DG, 7 September 1911.
28. JMK to DG, 12 March 1911.
29. KP, PP/45, переписка JMK с Саркаром.
30. JMK to FAK, 24 September 1911.

XI. Индийское золото

1. KP, PP/45 (unclassified), G.H. Luce to JMK, 7 October 1913.
2. JMK to DG, 12 February 1913, 19 September 1912; JMK to FAK, 17 September 1912.
3. KP, L31, Waterlow to JMK, 6 October 1931; JMK to GLS, 13 October 1912.
4. JMK to DG, 15 November 1912.
5. KP, PP/45, Wittgenstein to JMK, 16 July 1913.
6. KP, PP/45, Rose to JMK.
7. Holroyd, *Lytton Strachey*, ii, 28.
8. KP, PP/45, JMK to MLK, 12 February 1911.
9. JMK to DG, 12 February 1913.
10. Цит. в Bell, *Virginia Woolf*, i, 175.
11. CP: Box 12, Item 9, V. Bell to C. Bell, 11 October 1911.
12. Virginia Stephen to Ottoline Morrell, 9 November 1911; to L. Woolf, 2 December 1911; N. Nicolson (ed.), *The Letters of Virginia Woolf*, i, 480, 484.
13. *GLK, Gates*, 115.
14. V. Woolf to K. Cox, 4 September 1912, N. Nicolson (ed.), *The Letters of Virginia Woolf*, ii, 6.
15. JMK to DG, 3 February 1911.
16. KP, Correspondence L/12, Leaf to JMK, 8 February 1912.
17. JMK to DG, 23 November 1911.
18. *CW*, xv, 62.
19. JMK to M. Macmillan, 12 August 1910, BL, Add. MSS 55201.
20. JMK, *Indian Currency and Finance*, *CW*, i, 51.
21. *Ibid.*, 124–126.
22. *Ibid.*, 165–166.
23. *Ibid.*, 255.
24. Austen Chamberlain to JMK, 12 August 1913, *CW*, xv, 100.
25. Editor's summary of Abraham's memo, *CW*, xv, 131.
26. JMK to JNK, 13 August 1913.
27. Цит. в B. Strachey, 289; *см. также* Holroyd, *Lytton Strachey*, ii, 90.
28. *CW*, xv, 143.
29. Полностью записка в *An Indian State Bank*, *CW*, xv, 151–203.
30. JMK to JNK, 11 January 1914.
31. FAK, *Gathering*.
32. *CW*, xv, 258–263.
33. A. Marshall to JMK, 9 March 1914, *CW*, xv, 268.
34. Цит. в Shone, 135.
35. *Ibid.*, 101.
36. В некрологе, написанном ею в связи с кончиной Дягилева; приводится в M. Keynes, *Lopokova*.
37. Sitwell, 209.
38. JMK to JNK, 28 July 1914.

XII. Прилаживаясь к войне

1. *CW*, xvi, 7–15.
2. *Ibid.*, 16–19.
3. Morgan, 15–18; обсуждение более серьезных проблем *см.* в De Cecco, ch. 7.
4. JMK, *EJ*, September 1914, 472; cited Morgan, 30.
5. KP, MPI:67. Cf. Sir Felix Schuster's letter to JMK of 30 November 1914 in KP, *U* 14, в этом письме Шустер заверял Кейнса, что именно его и Холдена нажим позволил приостановить платежи звонкой монетой, на чем настаивал управляющий Английского банка.
6. *CW*, xi, 318–319; reprinted from *EJ*, November 1914.
7. TP, Montagu papers, 2072 (1), JMK to Montagu, 4 September 1914.
8. *CW*, xvi, 36.
9. KP, PP/45. JMK to DG, 10 October 1914; JMK to Hardman, 25 October 1914.
10. Holroyd, *Lytton Strachey*, ii, 117.
11. GLS to JMK, 24 September 1914.
12. Цит. в JNK Diary, 22 January 1915.
13. Цит. в JNK Diary, 30 January 1915.
14. Garnett Diary, 1, 2 February 1915.
15. HLL, Bonar Law Papers, 107/2/67, JMK to Bonar Law, 10 October 1922.
16. *CW*, xvi, 67.
17. Выдержки из лекции *The Civil Service and Financial Control*, которую ДжМК прочитал в Обществе гражданских служащих в 1921, *CW*, xvi, 296–307.
18. Цит. в Harrod, *Keynes*, 201.
19. Garnett, *Flowers*, 21–23
20. Holroyd, *Lytton Strachey*, ii, 160.
21. CUL, Kennet Papers, 28/8, DG to Hilton Young, April 1915.
22. CP: Box 12, Item 118, V. Bell to C. Bell, Monday, 1915.
23. Clark, *Russell*, 260–261; Morrell, *Ottoline at Garsington*, ed. Gathorne-Hardy, 60.
24. A. E. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, i, 17, 13 January 1915.
25. Hazlehurst, 232.
26. *Ibid.*, 297.
27. Morrell, *Ottoline at Garsington*, ed. Gathorne-Hardy, 50.

XIII. Заботы военного времени

1. *См.* Lloyd George's speech in the Commons, 4 May 1915, Цит. в Hazlehurst, 224.
2. *DNB*, *McKenna*.
3. *CW*, xvi, 104. *См. также* PRO: CAB 37/129/29.
4. *Ibid.*, 125–128. *См. также* PRO: T 170/73.
5. Morgan, 355–356.
6. *CW*, xvi, 110–115.
7. *Ibid.*, H7-25; окончательная версия в PRO: T. 17085. *См.* также записку ДжМК для премьер-министра о финансовом положении, 30/10/15 в Asquith Papers (31–34).
8. Cooper, *Command of Gold*, 212.
9. Lloyd George, *War Memoirs*, ii, 684.
10. *CW*, xvi, 154.
11. Jenkins, *Asquith*, 388.
12. *bid.*, 387.
13. C. Bell, *Old Friends*.
14. KP, PP/7. Эта папка содержит все материалы, относящиеся к отказу Кейнса от военной службы по убеждению совести.
15. Holroyd, *Lytton Strachey*, ii, 172.

16. Garnett, *Flowers*, 97.
17. Jenkins, *Asquith*, 389.
18. Цит. в Holroyd, *Lytton Strachey*, i, n, 172.
19. In M. Keynes, *Essays*, 68.
20. Holroyd, *Lytton Strachey*, ii, 172.
21. Levy in M. Keynes, *Essays*, 68.
22. GLS to JBS, 22 February 1916.
23. Woodward, 220; *см. также* Cooper, *British Response*.
24. CP: Box 4:18.
25. Garnett, *Flowers*, 121.
26. *Ibid.*, 122.

XIV. Ощупью

1. CP: Box 14: 6, C. Bell to V. Bell, May 1916.
2. Morrell, *Ottoline at Garsington*, ed. Gathorne-Hardy, 107.
3. Цит. в Bedford, i, 69.
4. JMK to JNK, 5 June l916.
5. *CW*, xvi, 213.
6. *Ibid.*, 189–196. *См. также* PRO: CAB 37/151/9.
7. N. Nicolson (ed.), *The Letters of Virginia Woolf*, II, 95, V. Woolf to V. Bell, 14 May 1916.
8. JMK to FAK, 29 October 1916.
9. Garnett, *Flowers*, 144–145; *см. также* его *Great Friends*, 136.
10. *CW*, xvi, 197–209. Записки ДжМК датированы 10, 24 октября 1916.
11. Lloyd George, *War Memoirs*, ii, 854–855.
12. *CW*, xvi, 198.
13. *Ibid.*, 215–221.
14. MacFadyean, 64.
15. JMK to FAK, 30 March 1917.
16. Hemery, 90.
17. S.H. Hanke and Alan Walters (eds), *Capital Markets and Developments*, 43–63.
18. JMK to JNK, 29 May 1917.
19. *CW*, x, 34, JMK, *Andrew Bonar Law*.
20. Одно из описаний происходившего *см.* в Burk, *EcHR, 1979*, 405–416.
21. *CW*, xvi, 249–250.
22. *Ibid.*, 253–254. *См. также* TP 172/443: 61–62.
23. Burk, *EcHR*, 415
24. *CW*, xvi, 255–263.
25. Blake, 351–354.
26. JMK to FAK, 10 July 1917.
27. FAK to JMK, 1 August 1917.
28. JMK to FAK, 19 August 1917.
29. JMK to FAK, 28 September 1917.
30. «Он был здесь моей опорой в финансовых делах и оказал мне ценнейшую помощь». Reading to Bonar Law, цит. в *CW*, xvi, 264.
31. CC, Spring Rice Papers, 2/13, n.d.
32. HLL: LGP, F. 23/1/25; F. 23/4/43, 8.
33. Blackett to Hamilton, 1 January 1918, цит. в *CW*, xvi, 264.
34. JMK to FAK, 15 December 1917.
35. JMK to DG, 15 December 1917.
36. JMK to Blackett, 30 January 1918, цит. в *CW*, xvi, 264.
37. Полностью записка в *CW*, xvi, 274–285.
38. JMK to Chalmers, 30 April 1918. *CW*, xvi, 290–293.
39. *CW*, xvi, 289–290.
40. *Ibid.*, 287.
41. JMK to FAK, 14 November 1917.
42. JMK to FAK, 24 December 1917.
43. FAK to JMK, 26 December 1917.
44. JMK to FAK, 10 February 1918.
45. For Maurice Debate, *см.* Beaverbrook, *Men and Power*, 248–264.
46. JMK to FAK, 14 April 1918.
47. N. Nicolson (ed), *The Letters of Virginia Woolf*, ii, 208, V. Woolf to Margaret Llewellyn Davies, 2 January 1918.
48. *См.* JMK to DG, 26 June 1918. Дункан заказов не получил.

49. CP: Box 18, JMK to V. Bell, 23 March 1918.
50. JMK to FAK, 22 March 1918.
51. CP: Box 14: 44.
52. *Ibid.*, box 7.
53. JMK to FAK, 3 November 1918.

XV. Зигзаги: Кейнс на Парижской мирной конференции

1. *CW*, xvi, 313–334.
2. *Ibid.*, 34.
3. *Ibid., Memorandum by the Treasury on the Indemnity Payable by the Enemy Powers for Reparation and Other Claims*, 348, 357, 375, 378.
4. Bunselmeyer, 16.
5. Hancock and Poel, IV, Doc. 876.
6. *Ibid., iv, Doc.* 871.
7. *CW*, x, 398, *Dr Melchior.*
8. *Ibid.*, 399.
9. *Ibid.*, 395, 403.
10. *Ibid.*, 402–403.
11. For the 1924 dispute *см.* BUL, ACP, AC 35/7/4–11; *также CW*, xvi, 406–415.
12. *CW*, xvi, 422.
13. BLH: TLP, 170-15. Доклады адмирала Хоупа и Т.У. Лэмонта о встречах в Спа 4 и 5 марта 1919.
14. *Ibid.*
15. *CW*, x, 413–415, *Dr Melchior.*
16. *Ibid.*, 409.
17. *Ibid.*, 422–423.
18. *Ibid.*, 425–426.
19. JMK to FAK, 12 February 1919.
20. *CW*, x, 390, *Dr Melchior.*
21. CP: Box 18, JMK to V. Bell, 16 March 1919.
22. BLH: TLP, 164–15; Norman Davis, *Peace Conference Notes*, 5 July 1919.
23. HLL, LGP, F/30/3/27.
24. Tillman, 239.
25. TCC, Montagu Papers, 249 (1), memorandum by Montagu, 4 April 1919.
26. Lothian Papers, G040/17/64.
27. HLL, LGP, F/213/59.
28. Цит. в Tillman, 241.
29. Текст меморандума Смэтса см. в Hancock and Poel, iv, pp. 926–928.
30. См. Hancock and Poel, vii, Doc. 841 Smuts to R.F. Harrod, 24 March 1949. Письмо-запрос Хэррода Смэтсу находится в архиве Смэтса, vol. 89, No. 5, 26 February 1949. Я в долгу у доктора Йейна Смита, снабдившего меня копией письма Хэррода.
31. BLH: TLP, 168-4, T.W. Lamont, *Note of a Conversation with Woodrow Wilson*, 3 April 1919.
32. John Foster Dulles, Papers, Box 2, 79.
33. BLH: TLP, 166-11, *Memorandum of Conference held 5 April at the President's House.* На совещании присутствовали Клемансо, Клотц, Лушер и де ла Шом (Франция), Ллойд Джордж, лорд Самнер и полковник Хэнки (Великобритания), полковник Хауз, Барух, Дэвис, Лэмонт и Маккормик (США) и Орландо и Креспи (Италия).
34. *Ibid.*, 164-20. Typed copy of Florence C. Lamont's Diary.
35. *Ibid.*, 164-20. Florence C. Lamont's Diary, 4 May 1919; Diary of Vance McCormick, 22 May 1919.
36. Hancock, *Smuts*, i, 515.
37. CP: Box 18: 11. JMK to V. Bell, 20 January 1919.
38. Hancock and Poel, iv, Doc. 936
39. *CW*, xvi, 418.
40. Hancock and Poel, iv. Doc. 943.
41. HLL: LGP, F/7/2/27; Austen Cham-

berlain to Lloyd George, 17 April 1919.
42. *CW*, xvi, 429–431.
43. *Ibid.*, 436.
44. BLH: TLP, 165-12; T. W. Lamont, *Comments upon the so-called Keynes Memorandum as to European Credits.*
45. *CW*, xvi, 439; JMK to Bradbury, 4 May 1919.
46. Цит. в *CW*, xvi, 441.
47. *Ibid.*, 442.
48. *Ibid.*, 450–456.
49. Tardieu, 120.
50. *Ibid.*, 298.
51. Hancock and Poel, iv, Doc. 962.
52. Bernard Baruch Papers, Section iv, Diary, 2 June 1919.
53. *CW*, x, 429, *Dr Melchior.*

XVI. Цивилизация в опасности

1. Hancock and Poel, iv, Doc. 1012.
2. *Ibid.*, 1054.
3. Цит. в *CW*, xvii, 4.
4. KP, PP/45.
5. Garnett, *Great Friends*, 140.
6. In KP, PP/45.
7. JMK to FAK, 23 September 1919.
8. KP, PP/45.
9. JMK to FAK, 3 September 1919.
10. *CW*, xvii, 5–6, Salter to JMK, 14 October 1919.
11. *Ibid.*, 6–7, JMK to Salter, 18 October 1919.
12. *Ibid.*, 7.
13. KP, EC/1/4.
14. *CW*, ii, 9.
15. *Ibid.*, 7, 9–10.
16. *Ibid.*,11–12.
17. *Ibid.*, 13.
18. *Ibid.*, 146.
19. *Ibid.*, 35.
20. *Ibid.*, 18.
21. *Ibid.*, 32.
22. *Ibid.*, 26.
23. *CW*, x, 23–24, *Essays in Biography.*
24. *CW*, ii, 34.
25. *Ibid.*, 91.
26. *Ibid.*, 126.
27. *Ibid.*, 164–165.
28. KP, PP/45.
29. KP, EC/1.
30. FAK Scrapbook, *New Europe*, 1 January 1920, xiii, 168.
31. *The Times*, 5 January 1920.
32. FAK Scrapbook. В редакционной статье *Ливерпульского курьера* (15 января 1920), ссылавшейся на речь ДжМК в ливерпульском отделении Лиги Наций, говорилось, что о Лиге Наций он не помянул ни словом и что его выступление с трибуны Лиги, скорее всего, способно подорвать к ней доверие. В ECP (*CWJJ* 163–165) выражал сомнения в способности Лиги послужить инструментом пересмотра Версальского договора.
33. FAK Scrapbook, *TLS*, 15 January 1920.
34. Замечание Вэнса Маккормика в его письме Даллесу от 16 марта 1920. Dulles Papers, Box 3. О взглядах Вильсона см. Bulletin of the League of Nations Association, April 1920.
35. Baruch, 6, 8. Рецензию Кейнса, напечатанную в «Манчестер гардиан» 2 декабря 1920, *см.* в *CW*, xvii, 91–98. О происхождении книги Баруха *см.* Schwarz, 153–160.
36. Poel, V, Doc. 32, JMK to Smuts, 22 October 1920.
37. *CW*, iii, 103–104.
38. Mantoux, 21–22.
39. *Ibid.*, 122–123.
40. *Ibid.*, 126.
41. *Ibid.*,121.
42. Harrod, *Keynes*, 276.

XVII. Годы 1920-е

1. E.A.G. Robinson, бывший военный летчик, изучавший экономическую теорию в Крайст-колледже, вспоминал о «разжигавшем лектора ощущении глупостей мира». В *John Maynard Keynes 1883–1946. EJ,* March 1947, 1; repr. Wood (ed.), *John Maynard Keynes,* i, 102.
2. Steel, *Walter Lippmann,* 40.
3. JMK to LK, 12 November 1925.
4. GLS to VW, 28 September 1919; Цит. в Holroyd, *Lytton Strachey,* ii, 372.
5. *VW* to Barbara Bagenal, 23 December 1920; Letter 1160 in N. Nicolson (ed.), *The Letters of Virginia Woolf,* ii.
6. CP, JMK to VB, 8 January 1919.
7. GLS to Carrington, 31 May 1920; Цит. в Holroyd, *Lytton Strachey,* ii, 387.
8. SP, GLS to JBS, 26 November 1921.
9. A.E. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf,* ii, 33.
10. *Ibid.,* 69.
11. *Ibid.,* 120.
12. RLP: File 103–115.
13. WLP, File 1312.
14. *CW,* ix, p. xvii.
15. For details *см. CW,* xvii, 148f.
16. Roseveare, *The Treasury,* 261f.
17. Bernard Baruch's *The Public Years.* Это сборник нареканий в адрес Кейнса.
18. *См. CW,* xx, 17.
19. Hubback, *No Ordinary Press Baron,* 64.
20. *См. CW,* xii, 2.
21. Davenport, *Memoirs of a City Radical,* 50.
22. 21 июня 1923 г. Роджер Фрай сообщал Марджери Фрай, что Ванесса и Дункан "всегда подсказывают ему [Мейнарду], какие картины покупать". (Sutton (ed.). *Letters of Roger Fry,* II. 453.) Кейнс позднее говорил, что своего Сёра он купил у «бродячего торговца», который сказал, что к нему картина попала из швейцарской или германской коллекции. KP. PP/45, JMK to Félix Fénéon, 1 June 1936.

XVIII. Переход к миру

1. GLS to Carrington, 4 September 1920; Цит. в Holroyd, *Lytton Strachey,* ii, 389.
2. CP, DG to VB, 6 October 1920.
3. JMK to GLS, 20 May 1920.
4. CP, DG to VB, 20 September 1920.
5. C.H. Broad написал, что «появлением великого труда Джонсона мы обязаны его ученице мисс Наоми Бентвич. Маловероятно, чтобы он сам смог когда-нибудь подвигнуть себя на скучнейшую работу по приведению в порядок и подготовке к печати своих разрозненных рукописей, а она избавила его от этого занятия и почти насильно заставила выполнить стоявшую перед ним задачу». *PBA,* январь 1931.
6. JMK, *The Economic Chaos of Europe* from *Harmsworth's Universal History of the World,* 25 June 1929, Цит. в *CW,* xi, 354.
7. *First Interim Report of the Committee on Currency and Foreign Exchanges after the War,* Cmd 9182, 1918.
8. Оригинал в ACP, 35/1/8; *также* в *CW,* xvii, 179. Кейнс писал: «Я считаю, что записка Казначейства, если ей будут следовать, должна логически привести к очень большо-

му повышению банковской ставки и соответственно процента на казначейские билеты».
9. Pigou, *Aspects of British Economic History*, 191.
10. OTFP1, OTF to JMK, 30 March 1920. Фолк в своем письме отмечал «оптимизм» Блэкетта в отношении нового роста банковского процента, но считал, что произойти это может спустя некоторое время.
11. Бэзил Блэкетт, ведавший в Казначействе финансовым контролем, уже дал Кейнсу 400 фунтов для инвестирования вне рамок синдиката. Потенциально здесь возникал очевидный конфликт интересов.
12. *CW*, xii, 7.
13. JMK to FAR, 23 December 1920. Описание этой спекулятивной операции можно найти в KP, папка SY.
14. E.V. Morgan, *Studies in British Financial Policy*, 209.
15. KP, UA/6.
16. Lloyd George, *The Truth about Reparations and War-Debts*, 33–53.
17. *CW*, xvii, 208–212.
18. *Ibid.*, 219–220, 216.
19. Так писал Дж.Ф. Даллес в *New Republic*, 12 March 1921.
20. Lloyd George, *The Truth about Reparations and War-Debts*, 62.
21. Цит. в Marks, *Reparations Reconsidered: A Reminder, CEH*, 1969, 358.
22. Lord D'Abernon's diary, 29 June 1921. Цит. в *CW*, xvii, 240. Лорд д'Абернон был британским послом в Германии.

XIX. Вероятность и благоденствие

1. KP, UA/19. JMK, *Ethics in Relation to Conduct*, неопубликованный доклад, прочитанный *Апостолам* 23 января 1904 г. Соображения Мура изложены на страницах 152–154 его *Principia Ethica*. Суть своего доклада 1904 г. Кейнс повторяет в *Трактате о вероятности*.
2. *См. также* O'Donnell, *Keynes: Philosophy, Economics and Politics*, 117–118.
3. *CW*, viii, 103–104.
4. *Ibid.*, 32.
5. *Ibid.*, 356.
6. *Ibid.*, 348.
7. *Ibid.*, 285.
8. *Ibid.*, 428.
9. Moore, *Principia Ethica*, 188–189.
10. *Ibid.*, 208f.
11. KP, UA/35.
12. Доклад, с которым Кейнс выступал перед *Апостолами* в 1910 и 1921 г., «О принципе органического единства», содержится в KP, UA/35. JMK's letter to F. L. Lucas of 19 March 1928 is in KP, PP/45. Кейнс, в сущности, повторял «решение», предложенное Муром в его *Principia Ethica*.
13. B. Russell, *MG*, xi, July 1922.
14. C.P. Sanger, *New Statesman*, 17 September 1921; *Spectator*, 24 September 1921.
15. KP, TP/1. JMK to C. D. Broad, 31 January 1922. В KP, TP содержатся материалы, относящиеся к *Трактату о вероятности*.
16. *Ibid.*
17. Ramsey, *The Foundations of Mathematics*, 289.
18. *Ibid.*, 161.
19. *Ibid.*, 186.
20. *Ibid.*, 182.
21. Hollis, *The Cunning of Reason*, 106.

22. Ramsey, *The Foundations of Mathematics*, 192–199.
23. Braithwaite in Wright (ed.), *Cambridge University Studies*, 25.
24. Kolakowski, *Positivist Philosophy*, 237.
25. *CW*, x, 336–339.

XX. Любовные истории – русская и немецкая

1. *CW*, xvii, 245, 248–249.
2. JNK to JMK, 11 September 1921.
3. JMK to C. P. Scott. 14 September 1921; *CW*, xvii, 319.
4. JMK to VB, 12 December 1921.
5. Чандаваркар (в *Keynes and India*, 49–50) очевидным образом переживает из-за того, что Кейнс в последнюю минуту отказался от участия в Комиссии, и объясняет этот отказ тем, что его попросили пробыть в Индии дольше, чем он первоначально собирался. Однако, как ясно следует из *CW*, xvii, 331–333, Кейнс попросил освободить его от работы в Комиссии еще до того, как встал вопрос о продлении срока его пребывания в ее составе. Хэррод (в *Keynes*, 308–309) справедливо предположил, что основной причиной отказа было то, что как раз в это время он влюбился в Лидию.
6. Beaumont, *Diaghilev Ballet in London*, 141, 139.
7. *Ibid.*, 117, 140.
8. Sokolova, *Dancing for Diaghilev*, 74.
9. JMK to VB, 24 February 1922.
10. JRHP, V.I.34, C.P. Scott to J.L Hammond, 11 March, 24 January 1923.
11. *The Theory of the Exchanges and Purchasing Power Parity* и *The Forward Market in Foreign Exchanges*.
12. KP, GS/1/2.
13. OTFPl: Add. MS. 57923, JMK to OTF, 26 October 1921.
14. Его статьи печатались в *Дэйли экспресс* в Лондоне, в *Нью-Йорк уорлд* и ряде европейских газет.
15. Hogan, *Informal Entente*, 44–45.
16. Schuker, *The End of French Predominance in Europe*, 16; Rupieper, *The Cuno Government and Reparations*, 9–10.
17. *CW*, xvii, 363–369.
18. Eichengreen (ed.), *The Gold Standard in Theory and Practice*, 202–203.
19. *CW*, xvii, 372–373.
20. D'Abernon, *An Ambassador of Peace*, ii, 91.
21. *CW*, xvii, 388.
22. *Ibid.*, 390–394.
23. D'Abernon, *An Ambassador of Peace*, i, 255.
24. A.O. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, ii, 26 May 1921, 120.
25. VBP, VB to RF, 11 April 1922.
26. AO. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, ii, 19 July 1922, 183.
27. Lloyd George, *The Truth about Reparations and War-Debts*, 66–67.
28. Leffler, *The Elusive Quest*, 78.
29. *CW*, xviii, 17.
30. *Ibid.*, 39–43, 34.
31. Rowland, *Lloyd George*, 586.
32. D'Abernon, *An Ambassador of Peace*, *n*, 122–123, 126–129. KP, F1/31/
33. *CW*, xviii, 71.
34. JMK to FAK, 22 December 1922.
35. *CW*, xviii, 97–99.
36. *Ibid.*, 86.
37. D'Abernon, *An Ambassador of Peace*, ii, 140.
38. Trachtenberg, *Reparation in World Politics*, 287.
39. *CW*, iii, 113.
40. *CW*, xviii, 103.

41. Grigg, *Prejudice and Judgment*, 101; Цит. в Boyle, *Montagu Norman*, 156–157.
42. Marks, *The Illusion of Peace*, 50.
43. Ferrari Bravo, *Economic Diplomacy*, 11.
44. *CW*, xviii, 136.
45. *Ibid.*, 143.
46. *Ibid.*, 143–144.
47. *Ibid.*, 148.
48. *Ibid.*,156.
49. Middlemas and Barnes, *Baldwin*, 180–181.
50. Ferrari Bravo, *Economic Diplomacy*, 52.
51. *CW*, xviii, 165.
52. *Events of the Week*, *Nation*, 16 July 1923; *CW*, xviii, 165.

XXI. Денежная реформа

1. Broadberry, *Aggregate Supply in Interwar Britain*, *EJ* 1986; Pigou, *Aspects of British Economic History*, 63, 81. Пигу считал, что за время, прошедшее после 1913 г., «эффективность» упала из-за «военного износа».
2. *CW*, xvii, 265.
3. *CW*, xix, 65–67.
4. Faith Henderson, *Editing the Nation*, 8.
5. KP, NS/1/1. Walter Layton to JMK, 17 February 1923.
6. Ackroyd, *T.S. Eliot*, 132.
7. MHP: E.M. Forster to Leonard Woolf, 15 May 1923. Я признателен С.П. Розенбауму, обратившему на это мое внимание.
8. О "ссоре" *см.* HDHP: Box 21 for Leonard Woolf to Hubert Henderson, 26 September 1923, and Henderson's reply on 29 September 1923; *также* DGP for Vanessa Bell to Duncan Grant, 8 October 1923.
9. VBP, 80.10.8.352, VB to RF (без даты).
10. О ссоре рассказано в HBD; см. также KP, LLKl/l for Vera Bowen to JMK 9 August 1923, and JMK's reply 12 August 1923. Суть дела была в том, что не могли договориться, кто кому должен платить жалованье – Вера Лидии или Лидия Вере.
11. HBD, 11, 17 June 1923.
12. Две приводимые цитаты – из A.O. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, ii, 266, и N. Nicolson (ed.), *The Letters of Virginia Woolf*, iii, Letter 1432.
13. HBD, 22 September 1923.
14. LL to JMK, 28 October 1923; JMK to LL, 28 October, 2 November 1923.
15. *CW*, xix, 100, 101.
16. BE, ADM 16/34. С другой стороны, Реджинальд Маккенна, один из самых стойких союзников Кейнса, говорил 20 июня Монтегю Норману, что «наши ставки слишком низкие и разница между 3 и 4% не может оказать реального влияния на деловую жизнь...» (Montagu Norman's Diary, BE, ADM 20/10). В «Экономисте» при редакторе Уолтере Лэйтоне также высказывалось мнение, что на действующей процентной ставке повышение банковского процента скажется мало или вообще никак.
17. *CW*, xix, 100.
18. *Ibid.*, 104.
19. *Ibid.*, 107–112.
20. *Ibid.*, 111, 112.
21. *Ibid.*, 116.
22. Letter to *The Times*, 14 February 1923; *CW*, xix, 79.
23. W. Beveridge, *Economica*, February 1924.

24. *CW*, xix, 121.
25. *Ibid.*, 134, 124.
26. JMK to LL, 26 October 1923.
27. *CW*, 151–153, 155.
28. JMK to LL, 4 December 1923; LL to JMK, 24 November 1923.
29. *CW*, xix, 158–162.
30. *The Economist*, 4 June 1983.
31. Для Кембриджа дискуссия о последствиях изменения ценового уровня отнюдь не была чем-то новым. См. Lavington, *The English Capital Market*, 54; D.H. Robertson, *Money*, 9.
32. *CW*, iv, 34.
33. *Ibid.*, 36.
34. *Ibid.*, 61.
35. *Ibid.*, 65.
36. *Ibid.*, 68.
37. *Ibid.*, 65–67. Cf. Kahn, *The Making of Keynes' General Theory*, 54.
38. *CW*, iv, 148–149.
39. *Ibid.*, 126.
40. *Ibid.*, 128.
41. *Ibid.*, 132–134.
42. *Ibid.*, 121.
43. *Ibid.*, 155.
44. *Ibid.*, 149–53.
45. *Ibid.*, 158–159.
46. R. G. Hawtrey, *EJ*, June 1924, 227.
47. CW, iv, 138.
48. *Ibid.*, 16.
49. *Ibid.*, 56–57.
50. Harrod, Keynes, 339.
51. J.C. Stamp in *JRSS*, 24 May 1924.
52. *TLS*, 17 January 1924.
53. *См. Manchester Guardian*, 22 December 1923; *Westminster Gazette*, 19 January 1924.
54. JMK to IX, 27 January 1924.
55. KP, NS/1/1, JMK to Prof. Kurt Singer, 23 April 1925.

XXII. Золото и женитьба

1. LL to JMK, 19 January 1924.
2. KP, PP/45, G. L Keynes to JMK, 16 February 1923.
3. II to FAR, 21 February 1924.
4. IX to JMK, 14 January 1924.
5. HBD, 1 April 1924.
6. LL to JMK, 5 May 1924.
7. JMK to LL, 14 May 1924.
8. JMK to LL, 15 May 1924.
9. JMK to LL, 1 June 1924.
10. HBD, 15 June 1924.
11. Schumpeter, *Ten Great Economists*, 271–272n.
12. N. Nicolson (ed.), *The Utters of Virginia Woolf*, iii, VW to J. Raverat, 8 June 1924, J 115.
13. Лекция на тему «Государство и капиталовложения за границей», прочитанная в Кембриджском университете 11 февраля 1924 г., была сокращена и приспособлена для беседы в Летней школе либералов в Оксфорде 2 августа 1924 г.; она была опубликована с дополнительными комментариями в «Коммерческом приложении» к «Манчестер гардиан» 21 августа. Завершила серию лекция об инвестициях за границей, прочитанная перед Эдинбургской торговой палатой. Обе неопубликованные лекции *см.* в KP, PS/2.
14. *CW*, xix, 285–288. В своей кембриджской лекции Кейнс сказал: «Коротко говоря, в XIX веке в этом случае, как и во многих других, это явление стали считать нормальным, хотя оно было в высшей степени ненормальным. Помещать за границу на длительное время большие суммы денег, не имея никакой возможности законным путем вернуть их, если что-то пойдет не так, – это безумная затея, особенно если движет

ею погоня за ничтожной прибавкой к проценту».
15. *Ibid.*, 283
16. KP, PS/2; *CW*, xix, 275–284.
17. *CW*, xix, 219–223, 225.
18. *Ibid.*, 228–229.
19. Жестокость британского правящего класса – это было главное, о чем писал Николас Дэвенпорт, редактор *Нации*, отвечавший за освещение Сити, например в его *The Split Society* (1964) и *Memoirs of a City Radical* (1974). Эту черту он выводил из пристрастия к охоте на лис. Ссылки Кейнса на Фрейда можно найти в «Трактате о деньгах», в разделе, озаглавленном *Auri Sacra Fames* («Священная жажда золота»).
20. Grigg, *Prejudice and Judgment*, 182, 185.
21. TP, T 160/197, File 7528. Evidence of Sir Felix Schuster, 75–76; *см. также* Norman's Evidence, 15.
22. *Ibid.*, Written Evidence of the Federation of British Industries, 29 July 1924.
23. *Ibid.*, Norman's Evidence, 6.
24. *Ibid.*, TP 172/1499B. M. Norman, 2 February 1925, in reply to *Churchill's Exercise*.
25. KP, PS/6. JMK notes for a lecture, 1924, без даты, but wrongly filed.
26. TP, T 160/197, File, 528, 10.
27. *CW*, xix, 250, 255, 257.
28. *Ibid.*, 268–272.
29. JMK to LL, 31 October 1924; *см. также* Meisel and Kendrick, (eds) *Bloomsbury Freud*, JBS to Alix Strachey, 2 November 1924.
30. Цит. в S.V.O. Clarke, *Central Bank Cooperation*, 71.
31. BE, ADM 16/3.
32. KP, PS/3.
33. BE, ADM 16/3.
34. TP, T 172/1499B, Bradbury to Niemeyer, 5 February 1925.
35. *Ibid.*, Churchill to Niemeyer, 6 February 1925.
36. *Ibid.*, Churchill to Niemeyer, 22 February 1925.
37. *Ibid.*, Niemeyer to Churchill, 2 February 1925.
38. *Ibid.*
39. Grigg, *Prejudice and Judgment*, 184.
40. Редкий случай, когда Кейнс допустил ошибку: в рассказе о решении Черчилля он представил дело так, будто от Английского банка не потребуется ввозить золото, а лишь вывозить его. Это «благоразумное» условие заставило его смягчить свою критику возврата к золоту. Неделю спустя он вынужден был признать, что ошибся: на Английском банке по-прежнему лежала обязанность покупать золото в неограниченных количествах, что «лишает смысла большинство утешительных соображений, которые возникали у меня на прошлой неделе». *Nation*, 2 and 9 May 1925; *CW*, xix, 357–365.
41. *CW*, xix, 359-40.
42. *Ibid.*, 365, 373–374, 436–437.
43. *Ibid.*, 396–397.
44. *Ibid.*, 419.
45. *CW*, ix, 218–220.
46. *Ibid.*, 222–223.
47. *Ibid.*, 225–228.
48. *Ibid.*, 223–224.
49. Moggridge, *The Return to Gold*, 79–80.
50. KP, PP/45, L. Wittgenstein to JMK, 18 October 1925; *см. также* JMK to LK, 23 October 1925.
51. LK to JMK, 26 May 1929, с рассказом об этом эпизоде.
52. KP, PP/45, JMK to L. Wittgenstein, 29 March 1924.

53. JMK to LK, 15 November 1925.
54. M. Dobb, *New Statesman*, 18 June 1971. Я в долгу у Брайана Поллита, обратившего мое внимание на этот материал.
55. For JMK's speeches *см. CW*, xix, 434–442. *Также* KP, A/25.
56. A.O. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, iii, 24 September 1925, 43–44.
57. GLS to D. Carrington, цит. в Holroyd, *Lytton Strachey*, II, 516–517. Как говорит Холройд, его дом не был Тилтоном.
58. Э.М. Форстер не был единственным, кто заметил, что «женитьба весьма смягчила ДжМК и сделала его милее». EMFP: Gen. Corr., EMF to Ada Borchgrevink, 15 November 1925.
59. VBP, VB to RF, 13 August 1927.
60. LK to JMK, 18 January 1926; JMK to LK, 18 January 1926.
61. LK to JMK, 2 November 1925, 24 April 1926.
62. LK to JMK, 25, 26 October 1925.
63. A.O. Bell (ed.). *The Diary of Virginia Woolf*, iii, 9 May 1925, 18; for LK's comment, *см.* LK to JMK, 9 May 1925.
64. VBP, VB to RF, 25 September 1925.
65. LK to JMK, 26 November 1928.
66. Kavanagh, *Ashton*, 116.
67. KP, LK/5, LK to FAR, 8 September 1926.
68. VBP, VB to RF, 13 August 1927.
69. N. Nicolson (ed.). *The Letters of Virginia Woolf*, iii, VW to VB, 15 May 1927, 376.

XXIII. Средний путь Кейнса

1. Hubert Henderson, editorial. *Nation*, 5 May 1923.
2. *CW*, ix, 276.
3. *Ibid.*, 283–284.
4. *Ibid.*, 288.
5. *Ibid.*, 291–292.
6. *Ibid.*, 289.
7. JRCP, JMK to JRC, 26 April 1927. Замечания Кейнса по поводу «организованного» капитализма *см.* у Ричарда Райта: Неопубликованный доклад «О "безумцах" и покойных "экономистах"». (Cambridge University, 1987).
8. *CW*, ix, 303–305.
9. *Ibid.*, 305–306.
10. Olson, *The Rise and Decline of Nations*, 1982.
11. *CW*, ix, 306.
12. *CW*, xix, 441.
13. *CW*, ix, 302.
14. *Ibid.*, 310.
15. *Ibid.*, 296–297.
16. *Ibid.*, 299.
17. KP, PS/6. Unpublished fragment, без даты, but wrongly catalogued.
18. *CW*, ix, 295. Этот пассаж не вошел в *Essays in Persuasion*.
19. In the *Nation* of 20 February 1926; *CW*, ix, 309.
20. Crosland, *The Future of Socialism*, 353.
21. *CW*, ix, 297.
22. KP, PS/4.
23. *CW*, ix, 299.
24. *Ibid.*, 311.
25. JBS to Alix Strachey, 18 June 1925, Цит. в Meisel and Kendrick (eds), *Bloomsbury/Freud*, 289.
26. *CW*, ii, 12–13.
27. *CW*, ix, 258.
28. *Ibid.*, 269, 271.
29. OMP: JMK to Ottoline Morrell, 2 May 1928.
30. Первая версия *Экономических возможностей...* была зачитана в кембриджском клубе *Хамелеон* 10 февраля 1928 г. ДжМК затем, 17 мар-

та 1928 г., выступил с этим текстом в Обществе эссеистов в Винчестер-колледже, откликнувшись на просьбу его секретаря Чарльза Джиффорда, впоследствии ставшего преподавателем экономической теории в Кембридже. Еще раз доклад читался 22 октября 1928 г. в кембриджском Клубе политической экономии, где, вероятно, его слушал Пламптр, а потом, 31 мая 1930 г., Кейнс выступил с этим докладом перед Апостолами. Затем он основательно переработал текст для своих лекций в Мадриде в июне 1930 г., и в этом виде он был напечатан в *Нации* 11 и 18 октября 1930 г. В основном именно эта версия вошла в *Essays in Persuasion*. Дополнительно потребовалось внести главным образом изменения с учетом начавшейся в 1929 г. депрессии.

31. *CW*, ix, 322–326.
32. *Ibid.*, 329.
33. «Нам представляется, — писал Д.К. Гадгил в рецензии на *Essays in Persuasion* в *Indian Journal of Economics* (апрель 1933 г.), – что в предвидениях будущего мистер Кейнс чересчур приковал свое внимание к Западной Европе и США и, что особенно важно, пренебрег густо населенными пространствами Китая, Индии и Японии. Должна ли экономическая проблема решаться для всего мира или только для наиболее удачливых стран Запада? И будет ли возможно сколько-нибудь стабильное положение, если экономическую проблему решить только для половины мира?» Замечание справедливое, но любопытно, что в 1930-е гг. мир, даже с точки зрения индийцев, не включал в себя Африку.
34. *CW*, ix, 330.
35. *CW*, x, 382–384. См. также KP, L/R2, DHR to JMK, 30 August 1929. «По дороге в Зерматт я столкнулся с Профом [Пигу] и Томом Гонтом и познакомился с привлекательной, негроидного вида, женой Тома, а также с ее сверх меры разодетой мамашей. Очень странная компания. Как же трудно бывает сдерживать себя и не убивать евреев».
36. Letter from Neville Brown to the author, 20 February 1993.
37. KP, L/33, Max Radin to JMK, 12 September 1933; JMK to MR, 2 October 1933.

XXIV. С Ллойд Джорджем

1. *CW*, xix, 446.
2. KP, PP/74, JMK. *History of the London Artists' Association* (1929).
3. VBP, VB to RF, 8 September 1926.
4. Четыре статьи Гендерсона печатались с 19 декабря 1925 по 6 января 1926 г.
5. LK to JMK, 16 October 1926.
6. KP, L/26, JMK to HNB, 27 October 1926.
7. KP, PP/45, BW to JMK, 22 February 1926.
8. CP, DG to VB, 18 April 1926; V. Woolf confirmed the effect *of My Apprenticeship* in a letter to Margaret Llewellyn Davies on 2 September 1926, repr. in N. Nicolson (ed.), *The Letters of Virginia Woolf*, iii, 289.
9. Keynes's review is in *CW*, ix, 315–320.
10. N. Nicolson (ed.), *The Letters of Virginia Woolf*, iii, VW to VB, 19 May 1926, 265.
11. *CW*, xix, 525–529.

12. For Birkenhead's proposals, *см.The Nation,* 26 June 1926.
13. In *Dr Melchior: A Defeated Enemy, CW,* x, 419.
14. The JMK – Margot Asquith correspondence is in KP, PP/45.
15. KP, L/26, Thomas T. Tweed to JMK, 23, 28 June 1926.
16. *CW,* xix, 540.
17. MacKenzie and MacKenzie (eds). *The Diary of Beatrice Webb,* iv, 93–94.
18. HGWP, HG 10, JMK to HGW, 11 October 1926.
19. *CW,* xix, 654–660.
20. *Ibid.,* 585–588.
21. RHBP: Liberal Inquiry, Files 118(ii). 119(i); *также Britain's Industrial Future,* chs vi and vii.
22. RHBP: Liberal Inquiry, Files 118(ii), 119(i).
23. *Britain's Industrial Future,* 66.
24. *Ibid.,* 64–65.
25. *Ibid.,* 64.
26. *Ibid.,* 112–113.
27. *Ibid.,* 122, 123.
28. *Ibid.,* 410.
29. *Ibid.,*414–415.
30. *Ibid.,* 422–425.
31. JMK to HGW, 18 January 1928, HGWP, HG 10.

XXV. Загадка сбережений?

1. Fletcher, *Understanding Dennis Robertson,* 96–97.
2. *Ibid.,* 98.
3. *Ibid.,* 53, 294.
4. D.H. Robertson, *A Study of Industrial Fluctuation,* 254.
5. The quotations are from the English translation of Labordere's essay, which is reproduced in French in the 1948 edn of *A Study of Industrial Fluctuation.* I am grateful to Prof. Presley for providing me with the translation. The Keynes-Labordere correspondence is in KP, PP/45.
6. D.H. Robertson, *Banking Policy and the Price Level,* 23.
7. *CW,* v, pp. i, 269.
8. D.H. Robertson, *Banking Policy and the Price Level,* 49, 50n, ch. V generally. Дискуссию Кейнса – Робертсона по вопросу о принудительных сбережениях можно проследить в *CW,* xiii, 29–41. 28 мая 1925 г. Кейнс писал: «Исходя из предположения, что при появлении инфляции обществу в целом приходится ограничивать свое текущее потребление, вы упускаете из виду тот факт, что если из-за инфляции у одних вкладчиков в банке может оказаться меньше средств, то у других – больше». Кейнсу пришлось настаивать, что инфляция не может создать дополнительных средств для инвестирования, если только и пока «кого-либо не принуждают...создавать *какие-то новые* накопления из наших доходов». Такое может произойти либо потому, что пострадавшие от инфляции больше заинтересованы в сохранении «реальной» ценности денежных остатков на их счетах, чем в поддержании «реального» уровня своего потребления, либо потому, что инфляция перераспределит доходы в пользу тех, «у кого стимулы и возможности для накопления больше, чем у тех, у кого она доходы сократит», либо потому, что «повышение банковской ставки может увеличить стимул к

накоплению». С другой стороны, инфляция рождает ряд мощных стимулов к растрате накоплений или отказу от сбережений. «Новое равновесие цен при данном уровне инфляции определяется соотношением этих сил». Кейнс полагал, что рост цен продолжается до тех пор, пока не начинает действовать один из «стимулов к образованию новых накоплений». Но, говорил он Робертсону, решение поднять ценность денежных остатков на своих счетах отдельному лицу *принудительно* ни в коем случае *не навязывается*: «оно остается добровольным, как и любой другой акт сбережения; это результат личных решений, в которых взвешиваются относительные выгоды от сохранения определенного уровня накоплений и от поддержания некоторого уровня потребления». В июне 1925 г. Робертсон капитулировал: «Думаю, сейчас мне явилась ясность в одном существенном вопросе, а именно, что новое реальное Накопление и новая Кратковременная нужда это одно и то же...» Пресли в *J.M. Keynes and the Real Balance Effect, MS,* 1986, 28, выражает мнение, что «Робертсону и, соответственно, Кейнсу, влияние реальных денежных остатков служило объяснением природы приспособления к новому равновесию, когда абсолютный уровень цен отклонялся от равновесной ценности». Это подтверждается в *CW,* xiii, 36–37. Но нельзя сказать, чтобы Кейнс очень далеко продвинулся в своем «анализе стабильности». На самом деле в его дискуссии с Робертсоном речь шла о чем-то другом: может ли инфляция быть способом увеличения сбережений.

9. *CW,* xiv, 94–95.
10. *CW,* xiii, 273.
11. JMK to LK, 21 February 1927.
12. MPP, JMK to Daniel Macmillan, 22 September 1926.
13. JMK to LK, 27 April 1927.
14. *CW,* xiii, 770–772.
15. McKenna, *Post-War Banking Policy,* 122, 129–131.
16. *CW,* xiii, 90–91.
17. *Ibid.,* 51.
18. MPP, JMK to Daniel Macmillan, 10 December 1928.
19. Воспоминания о Кембридже 1920-х *см.* в H.M. Robertson, *J.M. Keynes and Cambridge in the 1920s, SAJE,* 1983, 407–418, и E.A.G. Robinson, *Keynes and His Cambridge Colleagues,* in Patinkin and Clark Reith (eds), *Keynes, Cambridge, and the General Theory,* 25–37. Приведенные слова о Джоан Робинсон взяты у George R. Feiwel in *Joan Robinson Inside and Outside the Stream,* in George R Feiwel (ed.), *Joan Robinson and Modem Economic Theory,* 2.
20. E.A.G. Robinson, *Keynes and His Cambridge Colleagues,* in Patinkin and Clark Reith (eds), *Keynes, Cambridge, and the General Theory,* 26.
21. JMK to LK, 28 November 1927.
22. KP, L/S, PS to JMK, 23 November 1924.
23. JMK to LK, 31 October 1925.
24. *См.* Annan, *Our Age,* 179–180; Sinclair, *The Red and the Blue,* 26–30; N. Wood, *Communism and British Intellectuals,* 150–155.
25. Из дневниковой записи Алетеи Грэм 9 мая 1930 г., напечатанной в *Charleston Magazine,* Summer/Autumn 1992, 24. Алетея

Грэм была в Гертон-колледже с 1927 по 1930 г.

26. JMK to LK, 14 November 1926.
27. JMK to LK, 29 January 1928.
28. JMK to LK, 6 May 1927.
29. Harrod, *Keynes*, 400.
30. P. Clarke, *The Keynesian Revolution in the Making*, esp. chs 3 and 4.
31. *CW*, xix, 761–766.
32. P. Clarke, *The Keynesian Revolution in the Making*, 51–54.
33. *Ibid.*, 64, *см. также* TP, 175/26, Memorandum by Sir Frederick Leith-Ross, 3 August 1928.
34. *CW*, xiii, 52–59.
35. *CW*; xix, 805.
36. Уильямсон (Williamson, *National Crisis and National Government*, ch. 1), утверждает, что «поспешно взятое» Ллойд Джорджем обязательство имело целью «упредить» такого же рода планы, вызревавшие в консервативной и лейбористской партиях, и действительно встало на пути радикализма консерваторов и лейбористов в подходе к проблеме безработицы. Он ссылается на планы Джойсона – Хикса и Стила – Мэйтлэнда, как и на тот факт, что Сноуден «в начале 1929 г.» (с. 40) одобрил обширную программу общественных работ. Но у этих воистину впечатляющих планов, которые не выходили за пределы частного сектора, общей с начинанием либералов была только фразеология. Предложения министров-консерваторов рассыпались, едва только Казначейство приступило к работе с ними, и то же самое произошло бы с проектами лейбористов, а вот обязательство либералов было взято публично, подкреплено административно и обосновано интеллектуально. Оно просто не шло ни в какое сравнение с неопределенными предложениями двух других партий. Ошибочно указано и время их появления. Идею Ллойд Джорджа впервые вынесла на обсуждение речь Сибома Роунтри в Йорке в октябре 1928 г. Это далеко не «поспешно взятое» обязательство явилось политической кристаллизацией выводов из проведенного либералами обследования положения в промышленности, сделанных Комиссией Роунтри оценок как первичной, так и вторичной занятости. 31 января 1931 г. Роунтри писал ДжМК: «Я прихожу к мнению, что если бы либеральная партия могла взять конкретное обязательство сократить безработицу, результаты оказались бы поразительными. На совещании в Чурте я собираюсь предложить, чтобы такое обязательство было взято. У нас есть на сей счет готовые планы, у нас есть то, чего нет ни у какой другой партии, – лидер, наделенный воображением и полный стремления воплотить столь смелый план в жизнь». (KP, L/29.)
37. McKenna's annual speech to the shareholders of the Midland Bank, as reported in the *Nation, 26* January 1929, 599. *См. также We Can Conquer Unemployment,* 55.
38. *CW*, ix, 117.
39. *Ibid.*, 106–107.
40. *Ibid.*, 125.
41. *CW*, vi, 132.
42. *CW*, v.
43. *Ibid.*, 273.
44. *Ibid.*, 160.
45. *CW*, vi, 299.
46. *Ibid.*, 304.

XXVI. Обвал

1. D'Abernon, *An Ambassador of Peace*, ii, 51–52n.
2. LK to FAK, 1 August 1929.
3. Taper, *Balanchine*, 126.
4. *См.* JMK to FAK, 20 September 1929. Этот фильм режиссера Синклера Хилла рассказывает о скульпторе Дэвиде (Стюарт Роум), который думает, что его жена Лаура (Фрэнсис Добл) завела себе любовника – музыканта Антона (Хью Иден). Он смотрит балет, изображающий спектакль в загородном доме, хозяин которого (Долин) возвращается домой, застает свою жену (Лидия) с любовником (Баланчин) и топором отрубает ей руки. Лаура просит мужа сделать слепок красивых рук Антона, и балет наводит скульптора на мысль упрятать руки предполагаемого любовника в гипс и пригрозить, что отрубит их, если тот не уберется восвояси. Можно предполагать, что, даже если бы не случился пожар, уделом фильма едва ли стало бы бессмертие. Единственную уцелевшую копию автор балета Дейрдр Макмагон отыскал в 1984 г. где-то на чердаке в графстве Гэлуэй, в Ирландии.
5. Partridge, *Memories*, 163.
6. *CW*, xx, 2–3.
7. Somary, *The Raven of Zurich*, 146–147; Цит. в Skousen, *Keynes as a Speculator*, in Skousen (ed.). *Dissent on Keynes*, 163. Скаусен выступает серьезным критиком Кейнса с «австрийских» позиций.
8. Davis, *The World between the Wars*, 136.
9. Kenworthy, *Sailors, Statesmen – and Others*, 304.
10. Robbins, *The Great Depression*, 52–53.
11. *CW*, xiii, 349.
12. JMK, *Is There Inflation in the United States?* 1 September 1928; repr. in *ibid.*, 52–59.
13. KP, L/28.
14. *CW*, xiii, 71.
15. *CW*, vi, 170–177.
16. *См. CW*, xii, 11, 15–17.
17. JMK to LK, 2 March 1930.
18. JMK to LK, 3 May 1930.
19. *CW*, xx, 38. Примечания редактора.
20. *Ibid.*, 41–42.
21. *Ibid.*, 46.
22. *Ibid.*, 49.
23. *Ibid.*, 50–51.
24. *Ibid.*, 67.
25. *Ibid.*, 3–16. Таков был отклик на предложение Мориса Добба, кембриджского экономиста-марксиста, работа которого *Теория заработной платы глазами скептика* появилась в декабрьском номере *EJ* за 1929 г. Первое выступление состоялось в лондонском Бедфорд-колледже 24 октября 1929 г. Его текст был напечатан в январско-мартовском номере *PSQ* за 1930 г. под заголовком «Вопрос о высокой зарплате».
26. *CW*, xx, 56.
27. *Ibid.*, 79–80.
28. *Ibid.*, 95.
29. *Ibid.*, 84–85.
30. *Ibid.*, 75.
31. RHBP, File 198, JMK to RB, 12 May 1930.
32. *CW*. xx. 72.
33. *Ibid.*, 127.
34. *Ibid.*
35. *Ibid.*, 99–102.
36. *Ibid.*, 102.
37. *Ibid.*, 109–113.

38. *Ibid.*, 113, 117.
39. *Ibid.*, 115.
40. *Ibid.*, 116, 120–121.
41. *Ibid.*, 130.
42. *Ibid.*, 130–131.
43. *Ibid.*, 138.
44. *Ibid.*, 151.
45. *Ibid.*, 157.
46. *Ibid*, 153.
47. *Ibid.*, 156.
48. BE, G1 /426. E.M. Harvey to Montagu Norman, 19 December 1929.
49. Macmillan Committee, Minutes of Evidence, Q3516. For JMK's I. Montagu Norman *см.* A.O. Bell (ed.). *The Diary of Virginia Woolf*, iv, 208.
50. Boyle, *Montagu Norman*, 258.
51. Macmillan Committee, ME 3339.
52. *Ibid.*, 3382.
53. For the construction of the Bank's brief *see*. P. Clarke, *The Keynesian Revolution in the Making*, 131–135.
54. Macmillan Committee, ME 8733.
55. *Ibid.*, 7690.
56. *Ibid.*, 7783.
57. *Ibid.*, 7647.
58. *Ibid.*, 7653, 7836.
59. *CW*. xx, 345.
60. Macmillan Committee, ME 5565.
61. *Ibid.*, 5690.
62. KP, EA/4, JMK to James Ramsay MacDonald, 10 July 1930.
63. Howson and Winch, *The Economic Advisory Council*, 40.
64. Дискуссию вокруг этих предложений *см.* особенно в Booth and Pack, *Capital and Economic Policy*, Pollard (ed), *The Gold Standard and Employment Policies between the Wars;* and Glynn and Booth (eds), *The Road to Employment*.
65. *CW*, xx, 359. Гендерсон писал (с. 358): «В тех случаях, когда имеются основательные причины рассчитывать, что некоторое событие будет иметь место, и эти причины таковы, что деловое сообщество в состоянии их воспринять, последствия такого положения начинают сказываться заранее».
66. Clay (ed), *The Interwar Years*, Memorandum to the Committee of Economists 18 September 1930, 69–70.
67. Robbins, *Autobiography of an Economist*, 134–135.
68. KP, PP/45.
69. KP, BR2, JMK to C.A. Siepmann, 4 January 1933.
70. *CW*, vii, 30n.
71. Robbins, *Autobiography of an Economist*, 154.
72. J.H. Jones, *Josiah Stamp*, 222. Stamp to his wife, 11 March 1924.
73. Macmillan Committee, ME 3716–3718, 3972–3973.
74. LK to JMK, 14 February 1930. The broadcast is repr. in *CW*, xx, 315–325.
75. *CW*, xiii, 179.
76. *Ibid.*, 183.
77. *Ibid.*, 180.
78. *Ibid.*, 181.
79. *Ibid.*, 186.
80. *Ibid.*, 187–189.
81. *Ibid.*, 192.
82. *Ibid.*, 185.
83. *CW*, xx, 431–432. Свою точку зрения Роббинс отстаивал перед Комиссией, ссылаясь на установленную Рюффом корреляцию между изменениями в уровне безработицы и изменениями в размерах пособий. *См.* Dimand, *The Origins of the Keynesian Revolution*, 113.
84. *CW*, xx, 437–443; quotations from 441–442.

85. *Ibid.*, 443–448.
86. Henderson, *Drift of the Draft Report*, 13 October 1930; repr. *CW*, xx, 452–456.
87. JMK to LK, 9 October 1930.
88. Robbins, *Autobiography of an Economist*, 151.
89. Pimlott (ed.), *The Political Diary of Hugh Dalton*, 123.
90. Robbins, *Autobiography of an Economist*, 151; *CW*, xx, 463–466.
91. Pimlott (ed.), *The Political Diary of Hugh Dalton*, 124.
92. Howson and Winch, *The Economic Advisory Council*, 72.
93. Robbins's dissenting report is repr. *ibid.*, 227–231; the Keynes remark is from his *Autobiography of an Economist*, 155.
94. Pimlott (ed.), *The Political Diary of Hugh Dalton*, 124; Williamson, *National Crisis and National Government*, 68.
95. Howson and Winch, *The Economic Advisory Council*, 76.
96. *Ibid.*, 78.
97. *Ibid.*, 166–167.
98. *Ibid.*, 148.
99. KP, CO/1, JMK to Ryan, 7 September 1930.
100. Economists' Report, para. 5, цит. в Howson and Winch, *The Economic Advisory Council*, 180.
101. A.J.P. Taylor, *English History*, 286.
102. Цит. в Skidelsky, *Politicians and the Slump*, 241.
103. OTFP1: JMK to OTF, 9 September 1930, *A Note on This Phase of the Credit Cycle*.
104. *CW*, ix, 332.
105. LK to JMK, 25 May 1930.
106. M. Keynes (ed.), *Lydia Lopokova*, 117.
107. KP, LLK/1, AH to JMK, 12 December 1930.
108. Haskell, *Balletomania*, 185.
109. LK to JMK, 6 March 1931.
110. KP, LLK/5, LK to SC, без даты, February 1931; SC to LK, 27 February 1931.
111. JMK to LK, 19 January 1931.
112. JMK to LK, 10 May 1931.
113. *Nation*, 13 December 1930; *CW*, xx, 474.
114. *CW*, ix, 137–139.
115. *CW*, xx, 484.
116. *Ibid.*, 486. В это время Кейнс регулярно делился с ним своими финансовыми соображениями.
117. Замечания издателя, *CW*, ix, 231.
118. JMK to LK, 9 March 1931.
119. *New Statesman*, 14 March 1931.
120. OTFP1: JMK to OTF, 22 June 1931.
121. Wright (ed), *Unemployment as a World Problem:* Reports of Round Tables.
122. *CW*, xx, 591–593.
123. *New Statesman*, 15 August 1931; repr. in *CW*, ix, 141–145.
124. Marquand, *Ramsay MacDonald*, 610–611; Williamson, *National Crisis National Government*, 294. Цитируется письмо Макдональда д'Абернону от 10 сентября 1931, в котором отмечается, что, по мнению премьер-министра, взгляды Кейнса совпадали с советами, получаемыми им от других.
125. *CW*, xx, 611–612.
126. Feiling, *The Life of Neville Chamberlain*, 191; Bowie, *Viscount Samuel*, 271.
127. *CW*, xx, 598.
128. *CW*, ix, 238–242.
129. *CW*, xx, 598–602.
130. *CW*, ix, 145.
131. *CW*, xx, 605.
132. *Ibid.*, 609-611.
133. Цит. в Skidelsky, *Oswald Mosley*, 268.

134. Цит. в Rolph, *Kingsley*, 164; *см. также New Statesman*, 27 September 1931; 245–246.
135. *LBMR*, April 1932; *CW*, xxi, 68–69.
136. TLP, Box 104–129.
137. WLP, File 1312.
138. KP, PP/45.
139. MacKenzie and MacKenzie (eds), *The Diary of Beatrice Webb*, iv, 260; LK to FAK, 22 September 1931.
140. JMK to MacDonald, 1 October 1931; *CW*, xx, 619.

XXVII. Портрет необычного человека

1. Это название главы 3 в книге Моггриджа *Keynes* (1976). Моггридж пишет, что в 1907 г., выходя в отставку, Маршалл полагал, что «основополагающие принципы этой науки безоговорочно установились» (с. 46). В 1915 г. Кейнс говорил, что кембриджская школа экономической мысли объединила «общее согласие в принципах с большим разнообразием взглядов, пристрастий и методов». О кембриджских экономических учебниках *см. CW*, xii, 855–860.
2. *См.* многое разъясняющее эссе P.M. Хартвелла в Harris and Seldon (eds), *The Coming Confrontation*
3. Annan, *Our Age*, 10.
4. Moore, *Principia Ethica*, 167.
5. *CW*, x, 173, 187.
6. *Ibid.*, 108.
7. *Ibid.*, 110, 114–116, 121–122, 139, 146, 155.
8. *Ibid.*, 365.
9. In his review of the 4th edn of S. Jevons's *Theory of Political Economy*, *EJ*, March 1912; *CW*, xi, 516.
10. *CW*, x, 131.
11. Marshall, *Principles of Economics*, 8th edn., 85; for JMK on Jevons, *см. CW*, x, 198; the JMK remark is quoted in Pigou, *Economics in Practice*, 22.
12. *CW*, x, 256.
13. *Ibid.*, 272.
14. *Ibid.*, 262–263.
15. JMK letter in the *Nation*, *29* August 1925; *CW*, xviii, 392–393.
16. Introduction to JMK's Galton Lecture, 1937. KP, PS16.
17. *CW*, vi, 193
18. KP, CO/2, JMK to D. Macmillan, 1 March 1932; *см. также* JMK's correspondence with Lattanaga in L/32. JMK to M.C. Rorty, 3, 29 February 1932, is in CO/6. *См.* CO/2 for JMK to D. Macmillan on McGregor; L 35 for JMK to D.B. Copland, 14 January, 1 May 1935, and to I.M. Sutherland, 14 January 1935, on Sutherland.
19. KP, CO/1, JMK to W. Stark, 9 April 1942.
20. *CW*, x, 86.
21. *CR*, *CW*, x, 107.
22. KP, PS/2. Эта речь была произнесена на обеде по случаю ежегодного собрания Клуба политической экономии в лондонском ресторане «Гаттис» 2 апреля 1924 г. Должно быть, Кейнс получил письмо из *EJ*, 1907, 274, где его напечатал Фоксвелл. Тот факт, что об «эффективном спросе» Мальтуса Кейнс знал уже в 1924 г., побуждает дополнительно усомниться в точке зрения редактора (*CW*, x, 71n.), будто Кейнс ухватился за эту грань учения Мальтуса «не прежде чем окончательно сложились его собственные мысли по этим проблемам».
23. *CW*, x, 100–101.
24. Marshall's Inaugural Lecture, Цит. в *CW*, x, 196.
25. Kahn, *The Making of Keynes's General Theory*, 28–29.

26. As told in Hamouda (ed.), *Controversies in Political Economy*, 194n. 2.
27. Marshall, *Principles of Economics*, 291.
28. *CW*, x, 97–98.
29. *Ibid.*, 98.
30. *CW*, xviii, 328.
31. Moggridge, *Keynes: The Economist*, in Moggridge (ed.), *Keynes: Aspects of theMan and His Work*, 62. *См. также* E.A.G. Robinson, John Maynard Keynes 1883–1946, *EJ, 1947;* repr. in Wood (ed.), *John Maynard Keynes*, i, 89; and his *John Maynard Keynes: Economist, Author, Statesman*, 8–9.
32. In *QJE*, August 1972, 463–464.
33. Moggridge (ed.), *Keynes: Aspects of the Man and His Work*, 57.
34. *CW*, vii, 350.
35. Coates, *Common Sense*, 5.
36. *CW*, vii, p. xxiii.
37. *CW*, ix, 138.
38. *CW*, xxviii, 399.
39. *См. CW*, xx, 157–165. "Открытие" оказалось обманом, но осталось неясно, кто кому морочил голову.

XXVIII. Мечтатель-практик

1. CP, VB to Clive Bell, 10 October 1931.
2. *CW*, ix, p. xix.
3. *The Times*, 4 December 1931.
4. A.O. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, iv, 27 December 1931, 56.
5. SP, Add. MS. 60672, JMK to JBS, 19 November 1933.
6. A.O. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, iv. 27 December 1931, 56.
7. DGP, VB to DG, 7 August 1930.
8. Howson and Winch, *The Economic Advisory Council*, 100–105.
9. In *EJ*, September, 1932, repr. in *CW*, xxi, 114.
10. JMK to J.R. MacDonald, 12 July 1931; *CW*, xviii, 379.
11. Цит. в Eichengreen, *Sterling and the Tariff 1929–1932*, *PSIF*, 1981, 32.
12. In *The Times*, 28 September 1931; *CW*, ix, 243; cf. Howson and *Economic Advisory Council*, 98. JMK called tariffs 'a first-class curse' *at)* 1932, *CW*, xxi, 103.
13. JMK, Memorandum to F. Leith-Ross, 16 November 1931; *CW*, xxi, 17.
14. In JMK's *Report of the Australian Experts*, *Melbourne Herald*, 27, but written on 17 April 1932; *CW*, xxi, 98.
15. KP, A/32, JMK to Clive Baillieu, 14 July 1932.
16. Drummond, *British Economic Policy and the Empire*, 98–99.
17. *CW*, xxi, 110.
18. *Ibid.*
19. CMP, Add. MS. 52432, Samuel Courtauld to Christabel Aberconway, 1 September 1932.
20. JMK to Walter Case, 2 November 1931; *CW*, xxi, 9–10.
21. ДжМК выступал 11 декабря 1931 г. в Обществе социалистических исследований, созданном Дж.Д.Г. Коулом. Текст его выступления был напечатан в апрельско-июньском (1932 г.) выпуске «Политикл куотерли», журнала, членом редколлегии которого он состоял. Взятое в кавычки выражение было использовано им во время выступления, но исчезло в напечатанном эссе: *см.* KP, A/32.
22. *CW*, xxi, 135.
23. Booth and Pack, *Employment, Capital and Economic Policy*, 144.
24. A.L. Rowse, *Adelphi*, April 1932.

25. KP, GTE/1/5, JMK to A.L Rowse, 12 May 1936; *см.* Durbin, *New Jerusalems, ch.* 7.
26. *CW*, xxi, 45.
27. P. Clarke, *The Keynesian Revolution in the Making* 230.
28. Патинкин говорит об этом на страницах 18–19 своей *Anticipations of the General Theory.*
29. *CW*, xxi, 213.
30. JMK to L.F. Giblin, 2 July 1932; *CW*, xxi, 99: «Возможно, цены связаны с издержками так же, как кошка со своим хвостом». Он отклонил тогда приглашение в Австралию на шесть месяцев с обещанием выплатить 2500 фунтов стерлингов гонорара и покрыть все расходы.
31. *CW*, xiii, 151.
32. *Ibid.*, 143–145.
33. *CW*, v, 125.
34. *CW*, xiii, 340n.
35. *Ibid.*, 270.
36. D.H. Robertson, *Mr Keynes's Theory of Money, EJ*, September 1931, 402n. 407.
37. Kahn, *The Making of Keynes's General Theory*, 182.
38. JMK, *A Pure Theory of Money: A Reply to Dr. Hayek, Economica*, November 1931; *CW*, xiii, 243, 252.
39. *CW*, xiii, 266.
40. Hayek, *New Studies*, 283, 287.
41. *CW*, xiii, 276.
42. P. Jacobsson's diary, 2 August 1932, цит. в Erin E. Jacobsson, *A Life for Sound Money*, 107
43. Rymes, *Keynes's Lectures*, 126.
44. Ibid., 66–67, 70.
45. *CW*, xiii, 405.
46. Rymes, *Keynes's Lectures*, 123–127.
47. *Ibid.*, 78. (*См. также CW*, xiii, 401.)
48. Rymes, *Keynes's Lectures*, 122.
49. Cain, *Cambridge and Its Revolution, ER* 1979, 113. Статья Уорнинга *International Difficulties Arising out of the Financing of Public Works during a Depression*, появилась в *EJ* в июне 1932 г.
50. Rymes, *Keynes's Lectures*, 102.
51. JMK to R. F. Harrod, 30 August 1936; *CW*, xiv, 85.
52. Letter to author, 22 May 1993.
53. *New Statesman and Nation*, 24 December 1932; *CW*, xxi, 210–211.
54. See his article on the *Kaffir-Boom, Daily Mail*, 7 February 1933; *CW*, xxi, 228.
55. *Saher, Slave of the Lamp*, 87–88.
56. Howson and Winch, *The Economic Advisory Council*, 122.
57. *CW*, xxi, 138–40.
58. *CW*, ix, 335–336. К брошюре было добавлено введение. Это американская версия теории мультипликатора.
59. *Ibid.*, 339.
60. *Ibid.*, 342.
61. Kahn, *The Making of the Keynesian Revolution*, 97.
62. *CW*, ix, 347.
63. *Ibid.*, 356.
64. *Ibid.*, 348.
65. *Ibid.*, 358 and n.
66. *Ibid.*, 349.
67. *CW*, xxi, 203–204.
68. *Ibid.*, 215–216.
69. In the *Daily Mail*, 17 February 1933; *CW*, xxi, 229–230.
70. *CW*, ix, 358.
71. *Ibid.*, 365–366.
72. TP, T 175/70 Pt 1, 21 March 1933.
73. *Ibid.*, T 175/17, 14 March 1933.
74. HDHP, Suppl. Box 68m, Henderson to Sir F. Phillips, 16 March 1933; *см. также* Howson and Winch, *The Economic Advisory Council*, 129.
75. HDHP, Box 8.
76. *CW*, xxi, 184

77. BE, EID 4/103: J.A.C. Osborne to H.C.B. Mynors, 6 April 1933; cf. BE, G1/15 for R. N. Kershaw's Note on Keynes's reply.
78. Обобщенный отчет *см.* в Middleton, *Towards the Managed Economy,* 176–180.
79. *CW,* xxi, 238.
80. *Ibid., 236.* 1.
81. *Ibid.,* 240–241.
82. *Ibid.,* 242–3. 1.
83. *Mosley, My Life,* 247–8n.
84. JMK to FAK, 23 April 1933.
85. LK to JMK, 27May 1933. *См. также* запись трансатлантической радиобеседы ДжМК и Уолтера Липпмана, опубликованную в *Listener,* 13 июня 1933 г.; *CW,* 251–259.
86. *CW,* xxi, 264–268. Это близко следовало предложениям, выдвинутым Комитетом экономической информации 16 мая 1933 г. *См.* Howson and Winch, *The Economic Advisory Council,* 120.
87. *Ibid.,* 273–277.
88. *Ibid.,* 281–282.

XXIX. Новые курсы

1. Mini, *Keynes, Bloomsbury, and The General Theory,* ch. 1.
2. Такому толкованию «смысла» фашизма поспособствовала книга Barraclough, *An Introduction to Contemporary History,* esp. 30–33.
3. *CW,* ii, 2.
4. См., например, отзывы ДжМК о французских экономистах в его письме М. Пьеру Жерому, написанному в октябре 1932 г. (KP, CO/6).
5. Garraty, *The Great Depression,* 141.
6. KP, PS/5. Устроителями выступили журнал *Der Deutsche Цkonomist* и общество *Studiengesellschaft fur Wahrungstragen.* Один из организаторов, доктор Далберг, был сторонником девальвации, чего, с точки зрения ультралиберальных друзей ДжМК, было, по-видимому, достаточно, чтобы предать его проклятью.
7. *CW,* xxi, 244, 285.
8. KP, L/33. JMK to A. Spiethoff, 25 August 1933. В немецком переводе опущены места, где критикуются тоталитарные режимы.
9. KP, MM/19. *Melchior,* L. Rosenbaum to D.E. Moggridge, 13 November 1971.
10. KP, L/33, JMK to Wallenberg, 12 April 1933.
11. *CW,* xxi, 243–246.
12. JMK to LK, 22 October 1933; cf. *CW,* xviii, 16–19.
13. KP, LLK/5, LK to FAR, 11 December 1932, 14 August 1934.
14. JMK to LK, 3 March 1933.
15. Schlesinger, *The Coming of the New Deal,* 17, 19.
16. *CW,* xxi, 252.
17. В своей речи в Амхерсте 11 ноября 1933 г. Цит. в Steel, *Walter Lippmann and the American Century,* 307.
18. *CW,* 289–297; расширенная версия «Открытого письма» была опубликована в «Таймс» 2 января 1934 г.
19. Stein, *The First Revolution in America,* 147–148.
20. Dimand, *The Origins of the Keynesian Revolution,* 61f.
21. Schlesinger, *The Coming of the New Deal,* 188.
22. KP. AV: l.
23. A.O. Bell (ed.). *The Diary of Virginia Woolf,* iv, 235. ДжМК возлагал вину на капитана Джона У. Бинкса.
24. FFP, Reel *66,* Frankfurter to Tom Corcoran, 7 April 1934.
25. Perkins, *The Roosevelt I Knew,* 183.

26. Roosevelt to Frankfurter, 11 June 1934, in Freedman (ed.), *Roosevelt and Frankfurter.*
27. Цит. в Harrod, *Keynes*, 20.
28. Tugwell, *The Democratic Roosevelt*, 275.
29. Stein, *The Fiscal Revolution in America*, 150.
30. FFP, Reel 66.
31. KP, PS/6.
32. *CW*, xiii, 456–468.
33. FDRP, OF 264, David King to Louis Howe, 27 September 1934.
34. WLP, M5 326, Box 82, Folder 1217, WL to JMK, 9 January 1935.
35. *CW*, xxi, 321–322, письмо Шелиски; KP, AV: 1, JMK to Szeliski, 2 June 1934, ответ ДжМК.
36. A.O. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, iv, 236–237.
37. JMK to LK, 12 November 1933.
38. A.O. Bell (ed.). *The Diary of Virginia Woolf*, iv, 209.
39. Stansky and Abrahams, *Journey to the Frontier*, 211.
40. *См.* M. Keynes (ed.), *Lydia Lopokova*, 219–223.
41. Цит. в *ibid.*, 223.
42. Straight, *After Long Silence*, 185.
43. Annan, *Our Age*, 235–236.
44. KP, PP/45.
45. A.O. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, iv, 19 April 1934, 208.
46. Letter, 11 August 1934; *CW*, xviii, 25–27.
47. A.O. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, iv, 272.
48. *CW*, xxviii, 38–41. См. также переписку ДжМК с Сьюзн Лоуренс об экономических установках лейбористской партии, 15 января 1935 г. в KP, L/35.
49. KP, PP/45.
50. KP, PP/45, Dorothy Elmhirst to JMK, 19 October 1935, с отрывками из письма ее сына. Опубликовано в Straight, *After Long Silence*, 66.
51. Straight, *After Long Silence*, 67.
52. *CW*, xii, 97.
53. *Ibid.*, 10–12.
54. A.N.L. Munby, *The Book Collector, John MaynardKeynes*, KC, 31, 34.
55. KP, PP/80.
56. *Ibid.*, Sean O'Casey to David Garnett, 25 October 1935.
57. Подробнее о кембриджском Театре искусств *см.* KP, PP/80; *а также* Norman Higgins's account in M. Keynes (ed.), *Essays on John Maynard Keynes*, 272–279.
58. KP, LLK/5, LK to FAK, 26 May 1935.
59. JMK to Harrod, 9 August 1935; *CW*, xiii, 538.
60. Harrod to JMK, *ibid.*, 550.
61. *Ibid.*, 537.
62. *Ibid.*, 548.
63. *Ibid.*, 540.
64. *Ibid.*, 552, 559.
65. *CW*, vii, 179
66. *CW*, xiv.
67. *См.* Skidelsky, *Keynes*, i, 218. The book was *Gold, Prices and Wages*.
68. JMK to J.A. Hobson, 31 July 1935.
69. KP, LLK/5, LK to FAK, 25 December 1935.

XXX. Стрельба в луну

1. *CW*, vii, 293.
2. *Ibid.*, 129.
3. *CW*, vi, 139–140.
4. *CW*, xxix, 83; Rymes, 92.
5. Hicks, *Mr Keynes's Theory of Employment*, *EJ*, 1936, repr. in Wood (ed), *Maynard Keynes*, ii, 40.
6. *CW*, vii, 247.
7. *Ibid* , 27; for alternative formulation, *см.* 96.

8. Quoted in Murray Milgate, *Capital and Employment*, 77.
9. Don Patinkin, *NP*, iii, 25.
10. *CW*, vii, 210.
11. *Ibid.*, 149.
12. *Ibid.*, 150, 161–163.
13. *Ibid.*, 161.
14. *Ibid.*, 163–164.
15. *Ibid.*, 161.
16. *Ibid.*, 168.
17. *Ibid.*, 202–203, 207–208.
18. *Ibid.*,268.
19. *Ibid.*,299–300.
20. *Ibid.*, 394–412.
21. *Ibid.*, 175.
22. *Ibid.*, 179–182.
23. *Ibid.*, 307.
24. *Ibid.*, 249–254. *Notes on the Trade Cycle*, 320f.
25. *Ibid.*, 327.
26. *Ibid.*, 235.
27. *CW*, xxix, 87.
28. *CW*, vii, 379.
29. *Ibid.*, 383.
30. В письме Деннису Робертсону 20 сентября 1936; *CW*, xiv, 87.
31. A.C. Pigou, *Economica*, 3 May 1936, repr. in Wood (ed),*John Maynard*, ii, 18.
32. *Ibid.*, 26, 28, 29–30.
33. Pigou, The Theory of Unemployment, 100f
34. *См.* the exchanges between Hawtrey and Keynes, February – April 1936, in *CW*, xiv, esp. 6, 23.
35. JMK to LK, 3 May 1936, repr. in *CW*, xxix, 218.
36. HDHP, Box 10, Robertson to Henderson, 21 June 1936. For the summary together with Keynes's reply *см. CW*, xxix, 219–224.
37. HDHP: Box 10, Henderson to R.F. Harrod, 2 April 1936; Harrod to Henderson, 9 April 1936.
38. Henderson's (much revised) paper is reprinted in *The Interwar Years and Other Papers*, ed. Henry Clay. The quotation is from p. 167.
39. Clay (ed.), *The Interwar Years and Other Papers*, 170, 173.
40. *CW*, xxix, 218–31.
41. Robertson to JMK, 28 September 1936; *CW*, xxix, 63–64.
42. JMK to Robertson, 20 September, 1936; *CW*, xiv, 88. 33.
43. Gordon Fletcher, *Understanding Dennis Robertson*, 288–289. *См. также* D.H. Robertson, *Industrial Fluctuation and the Natural Rate of Interest*, *EJ*, December 1934, 650–656, repr. in J.R. Hicks, *Sir Dennis Robertson: Essays in Money and Interest.*
44. *CW*, xiv, 91.
45. *I bid.*, 94.
46. *Ibid.*, 98.
47. *Ibid.*, 207. In his article *Alternative Theories of the Rate of Interest*, published in *EJ*, June 1937.
48. *CW*, xxix, 166.
49. JMK to Austin Robinson, 22 March 1938; *CW*, xxix, 168.
50. *Ibid.*, 179.
51. *См.* Moggridge, 599, 603, о трениях среди преподавателей экономической теории в конце 1930-х гг.
52. *QJE*, November 1936, repr. in Wood (ed.),*John Maynard Keynes*, ii, 86–57.
53. F. M. Knight, *CJE*, February 1937, repr. in Wood (ed.), *John Maynard Keynes*, ii, 141.
54. J.A. Schumpeter, *JASA*, December 1936, repr. in Wood (ed.),*John Maynard Keynes*, ii, 125–128.
55. JMK to V.W. Bladen, 13 March 1937; *CW*, xxix, 217–218. Адресатом был редактор журнала, спросивший Кейнса, хочет ли он ответить. Кейнс не захотел. По вопросу о теоретическом первенстве Кейнса или Найта *см.* O'Donnell, *Keynes: Philosophy, Economics and Politics*, 262–263.

56. Patinkin, *Anticipations of the General Theory*, ch. 2. Патинкин утверждает, что упор шведской школы на регулирование цены отнимает у нее право считаться самостоятельным первотворцом теории эффективного спроса, то есть уравновешивающей роли перемен в уровне производства. Но сам Патинкин толкует кейнсианскую революцию таким образом – грубо говоря, как «регулирование количеств, а не цен», – что его позиция часто подвергалась нападкам, в самое последнее время со стороны Амадео. (Amadeo, *Keynes's Principle of Effective Demand*, 21–23, 117f.)
57. Patinkin, *Anticipations of the General Theory*, 37.
58. Tarshis, *The Keynsian Revolution: What it meant in the 1930s*, не опубликована.
59. In Lekachman (ed.), *Keynes's General Theory* , 332
60. Galbraith, *Money; Whence It Came, Where IT Went*, 229–230
61. JMK to G.F.Shove, 15 April 1936, *CW*, xiv, 2.
62. Young, *Interpreting Mr Keynes*, 10.
63. *Ibid.*, 14, 17, 18.
64. Kahn, *The Making of Keynes's General Theory*, 159.
65. *CW*, xiv, 85.
66. *Ibid.*, 79–82.
67. *Ibid.*, 107.
68. *Ibid.*, 121.
69. *Ibid.*, 185–189.
70. *Ibid.*, 299–300.
71. *Ibid.*, 307, 309, 318.

XXXI. Преодоление недугов

1. JMK to LK, 9, 11 October, 2 November 1936.
2. JMK to LK, 18, 25 October 1936.
3. JMK to LK, 15, 16 November 1936.
4. R.F. Harrod, *An Essay in Dynamic Theory*, *EJ*, June 1939, 294–300.
5. *CW*, xxi, 426, JMK to Henderson, 14 November 1937.
6. *CW*, xxviii, 87, JMK to K. Martin, 29 September 1937.
7. M. Keynes (ed.), *Lydia Lopokova*, 34.
8. Nicolson (ed.), *Letters of Virginia Woolf*, vi, Virginia Woolf to Vanessa Bell, 6 October 1937.
9. *Ibid.*, Virginia Woolf to JMK, 23 December 1937.
10. *CW*, xxi, 426.
11. *CW*, xii, 28.
12. Nicolson (ed.), *Letters of Virginia Woolf*, vi, Virginia Woolf to Angelica Bell, Christmas Day 1937.
13. A.O. Bell (ed.), *Diary of Virginia Woolf*, v, 129.
14. JMK to Richard Khan, 5 March 1938.
15. *CW*, xii, 38.
16. *CW*, xii, 47.
17. CMP: S. Courtauld to Christabel Aberconway, 27 June 1938.
18. Q. Bell in Crabtree and Thirlwall (eds), *Keynes and the Bloomsbury Group*, 82, 83. Другие воспоминания Квентина Белла о Тилтоне см. в его *Elders and Betters*, ch. 6.
19. R.C. Trevelyan Papers: 18, 96–98.
20. A.O. Bell (ed.), *Diary of Virginia Woolf*, v, 168–169.
21. *CW*, xxi, 390–391, 393.
22. *Ibid.*, 385.
23. *Ibid.*, 407.
24. *Ibid.*, 394, 408–409.
25. OTFP2 (unclassified).
26. *CW*, xxi, 408, 409.
27. *CW*, xiv, 207–210, 229.

28. *CW*, xxi, 449, 453.
29. *Ibid.*, 402–403.
30. Howson and Winch, *Economic Advisory Council*, 109, 140–142.
31. *Ibid.*, 343–355.
32. Howson, *British Monetary Policy*, 29.
33. JASP: 4.8, Box 2, JAS to K. Bode, 19 May 1937.
34. Rolph, *Kingsley*, 249, 244–245.
35. OTFP2 (unclassified): OTF to R. Boothby, 4 March 1947.
36. Markwell, *Keynes and International Relations*, 227.
37. *Ibid.*
38. Цит. в Skidelsky, *Keynes*, ii, 62.
39. *CW*, xxviii, 100, 102.
40. *CW*, xxi, 499.
41. *CW*, xxviii, 48–50; *New Statesman*, 8 August 1936.
42. *CW*, xxviii, 62–64.
43. *Ibid.*, 72–73.
44. Замечательное описание американской англофобии *см.* в Moser, *Twisting the Lion's Tail*, esp. chs 4 and 5. О работе комитета Ная *см.* p. 91.
45. Кейнс ошибочно датировал это письмо 29 августа 1938 г.; должно быть 29 сентября 1938 г.
46. *CW*, xxviii, 122–123.
47. *Ibid.*, 126, New *Statesman*, *Mr Chamberlain's Foreign Policy*.
48. KP, PP/80, T. S. Eliot to JMK, 15 November 1938.
49. *CW*, xxi, 491–500, *Democracy and Efficiency*.
50. KP, PP/45, JMK to B. G. Catterns, 30 April 1942.
51. Plesch, *Janos*, 424–425,459–460, 504, 453–456.
52. RBP, File 198.
53. Sokoloff, *Story of Penicillin*, 69.
54. *CW*, xxi, 528–532; *Listener*, 1 June 1939.
55. *CW*, xxi, 564, *Borrowing by the State*.

XXXII. Средний путь в войне

1. RFKP, 13/57/434, JMK to RFK, 1 September 1939; *CW*, xxii, 3, letters to Roy Harrod and Lord Stamp, 7, 15 September 1939.
2. *CW*, xxii, 7.
3. *Ibid.*, 13.
4. KP, W/2, JMK to Henderson, 21 September 1939.
5. *Ibid.*, JMK to W. Beveridge, 30 September 1939.
6. OTFPl: JMK to OTF, 24 September 1939.
7. Laurence (ed.), *Bernard Shaw: Collected Letters 1926–1950*, 537.
8. *CW*, xxviii, 132.
9. Laurence (ed.), *Bernard Shaw: Collected Letters 1926–1950*, G.B. Shaw to JMK, 5 October 1939; *см. также* KP, PP/45.
10. *CW*, xxii, 36–37.
11. KP, PP/45 содержит состоявшийся 14–19 декабря 1939 г. обмен письмами между ДжМК и лордом Макмилланом; еще одну попытку Кейнс предпринял в марте 1940 г. с Джоном Рисом, генеральным директором Би-би-си, но столь же безуспешно.
12. KP, PP/80.7, JMK to Fred Ashton, 8 December 1939; R. A. Butler to JMK, 29 February 1940; JMK to Raymond Mortimer, 14 January 1940.
13. *CW*, xxii, 38, JMK to A.B. Ramsay, 24 November 1939.
14. KP, L/39, Henderson to JMK, 26 November 1939.
15. *CW*, xxii, 31, letter to *The Times*, 28 September 1939.
16. Тревитик настаивает, что задержка

с повышением зарплаты происходила в силу жесткости контрактов и не была связана с заблуждениями по поводу покупательной способности денег. *См.* J.A. Trevithick, *Keynes, Inflation and Money Illusion*, *EJ*, 85, March 1975, 104.

17. Моггридж пишет *(Keynes: An Economist's Biography,* 629), что Кейнс обсуждал этот текст 27 октября на ужине с «должностными лицами, парламентариями и министрами», но подтверждающей ссылки не дает.
18. *CW*, xxii, 50–51. Статьи напечатаны *ibid.*, 41–51.
19. KP, HP/6, G. Dawson to JMK, 20 November 1939.
20. KP, HP/4, F.A Hayek to JMK, 3 March 1940.
21. KP, HP/3, JMK to Henderson, 31 October 1939.
22. HDHP: Box *221 All*, R.H. Brand to Henderson, 26 December 1939.
23. KP, HP/3, JMK to R.H. Brand, 27 November 1939.
24. *Ibid.*, JMK to R.H. Brand, 5 January 1940.
25. RBP: File 198, JMK to R.H. Brand, 27 April, 3 May 1940; R.H. Brand to JMK, 2 May 1940; Sayers, *Financial Policy,* 194.
26. KP, HP/3, Lord Stamp to JMK, 30 October 1939.
27. KP, HP/2, correspondence between JMK and C.R. Attlee, 24–31 October 1939.
28. *Daily Express*, 17 November 1939.
29. *Manchester Guardian,* 17 November 1939; KP, HP/2, Ernest Bevin to Seebohm Rowntree, 29 December 1939.
30. KP, HP/3, JMK to Lord Stamp, 12 January 1940.
31. Sayers, *Financial Policy,* 34.
32. Howson, *British Monetary Policy,* 74–77.
33. *См.* Skidelsky, *Keynes*, i, 346.
34. KP, W/2, JMK to S. Courtauld, 10 December 1939.
35. A.O. Bell (ed.), *The Diary of Virginia Woolf*, iii, 255–256.
36. *См.* Cooley and Ohanian, *Postwar British Economic Growth and the Legacy of Keynes*, *JPE*, 439–472.
37. KP, HP/3/75–84, 160–163; 4/32–33 – подробно об этих предложениях и ответах Кейнса.
38. *Spectator*, 24 November 1939.
39. *CW*, xii, 93; KP, HP/2. JMK to Lord Stamp, 29 January 1939.
40. KP, HP/3, JMK to R. McKenna, 28 January 1940.
41. KP, HP/2/88–100; 3/176–188.
42. *CW*, ix, 394–396, JMK, *How to Pay for the War.*
43. *Ibid.*, 406–408.
44. *Ibid.*, 412–413.
45. *Ibid.*, 399–402.
46. *Ibid.*, 407.
47. KP, PP/45.
48. A.O. Bell (ed.), *Diary of Virginia Woolf*, iii, 283.
49. Quentin Bell, *Elders and Betters,* 101.
50. *CW*, xxii, 122–123, letter to *The Times*, 18 April 1940.
51. *CW*, xxii, 101–104, JMK to G. Dawson, 11 March 1940.
52. TP175/17.Pt 1, unsigned note dated 15 March 1933.
53. Kynaston, *City of London*, iii, 464.
54. Sayers, *Financial Policy,* 68.
55. *CW*, xxii, 66–73, for JMK's *EJ* article, March 1940; переписку Ротбарта и Калдора по этому вопросу *см.* в KP, W/4.
56. KP, W/4, E. Rothbarth to JMK, 29 November 1939; JMK to E. Rothbarth, 21 January 1940. Читателей,

интересующихся развитием понятий, положенных в основу системы счетных единиц и их отличием от тех, которых держался Колин Кларк, отсылаю к Cuyvers, *Keynes's Collaboration with Erwin Rothbarth*', *EJ*, 629–636.

57. Существует много вариантов этих подсчетов, между собой не совсем согласующихся; обычно Кейнс также округлял данные, добавляя до 50 миллионов фунтов – чтобы подчеркнуть приблизительность подсчетов. Приведенные выше цифры взяты из *CW*, ix, 381–393, JMK, *How to Pay for the War*, and from *CW*, xxii, 60–61.
58. Sayers, *Financial Policy*, 33–34.
59. Выражение заимствовано у сэра Ричарда Гопкинса, из его *Draft Statement on War Finance for the National Joint Advisory Council*, 6 December 1939.
60. *CW*, xxii, 133.

XXXIII. Драконы войны

1. KP, A/40, JMK to Bruce Bliven, 29 June 1940.
2. *CW*, xxii, 181–183, JMK to Brendan Bracken, 12 June 1940.
3. Sayers, *Financial Policy*, 233.
4. KP, W/3, JMK to Lord Stamp, 22 February 1940; JMK to Sir F. Phillips, 22 February, 4 March 1940.
5. *CW*, xxii, 162.
6. *Parliamentary Debates* (House of Commons), 9 April 1940, vol. 359, no. 50 col. 465.
7. KP, W/3, JMK to R. Boothby, 11 April 1940.
8. RFKP, 13/57/441, JMK to RFK, 9 May 1940; BE: Gl/15, 9 May 1940; Kynaston, *City of London*, iii, 469–470.
9. Подробнее *см.* в *CW*, xxii, 156–182.
10. KP, PP/45, A.C. Pigou to JMK, June 1940; JMK to A.C. Pigou, 18 June 1940.
11. *CW*, xxii, 191, JMK to F. C. Scott, 23 July 1940.
12. KP, PP/45, JMK to A.C. Pigou, 3 July 1940.
13. *CW*, xxii, 432–454, 197–212, 394–401; *CW*, xxiii, 2–10.
14. *CW*, xxii, 197–215.
15. A.O. Bell (ed.), *Diary of Virginia Woolf*, v, 314.
16. *CW*, xxii, 218–22, 223–227, 234–240.
17. *Ibid.*, 273, *Revised Proposal for a War Surcharge*, 5 January 1941.
18. Sayers, *Financial Policy*, 77.
19. *CW*, xxii, 276.
20. TP171 /355, Sir H. Wilson, *The Next Budget*, 10 January 1941.
21. *Ibid.*, Sir K. Wood to Sir H. Wilson, *The Next Budget*, 14 January 1941.
22. *Ibid.*, 'Note by the Board of Inland Revenue on Mr. Keynes's revised proposal for a war surcharge', 15 January 1941; *CW*, xxii, JMK to Sir R. Hopkins, 19 January 1941.
23. *CW*, xxii, 277–279, JMK to Sir R. Hopkins, 19 January 1941.
24. TP171/355, Sir K. Wood, *The Next Budget*, 1 February 1941.
25. Sir Richard Hopkins, *Mr. Keynes on the Budget Problem*, 17 July 1940. Цит. в Peden, *Keynes, the Treasury and British Economic Policy*.
26. *CW*, xxii, 260, 264–265, *A Supplementary Note on the Dimensions of the Budget Problem*, 26 December 1940.
27. *Ibid.*, 326–327, L. Robbins to JMK, October/November 1940.

28. R. Stone, *The Use and Development of National Income and Expenditure Estimates*, in Chester (ed.), *Lessons of the British War Economy*, 85; *см. также* Harrod, *Keynes*, 501.
29. Sayers, *Financial Policy*, 69.
30. *См. CW*, xxii, 355–363.
31. *Ibid.*, 383–385.
32. *Ibid.*, 390, 16 January 1945.
33. *Ibid.*, 402–408; Sayers, *Financial Policy*, 210–218.
34. *CW*, xxii, 410–420.
35. A.O. Bell (ed.), *Diary of Virginia Woolf*, 346.
36. Peden, *Keynes, the Treasury and British Economic Policy*, 40.
37. Sayers, *Financial Policy*, 73.
38. *CW*, XXII, 218, *Notes on the Budget V*, 21 September 1940.
39. Цит. в Sayers, *Financial Policy*, 91.
40. Cooley and Ohanian, *Postwar British Economic Growth and the Legacy of Keynes*, *JPE*, 439–472.

XXXIV. Чрезвычайный посланник

1. Halifax, Secret Diary, 17 February 1941.
2. *Ibid.*, 25 June 1941.
3. Arthur M. Schlesinger Jr, *The Coming of the New Deal*, 253.
4. Cordell Hull, *Memoirs*, i, 530.
5. Blum, *Morgenthau Diaries*, ii, 171.
6. Kimball, *Most Unsordid Act*, 173.
7. *Ibid.*, 96.
8. TP160/995/19422, Lord Lothian to PM, 28 November 1940.
9. *CW*, xxiii, 13–26.
10. TP160/995/19422, Sir F. Phillips, 23 November 1940.
11. Feis, *1933*, 107.
12. Blum, *Morgenthau Diaries*, ii, 171.
13. Churchill, *The Second World War*, iii, 493–501.
14. TP175/121, Sir F. Phillips to Sir R. Hopkins, 14 January 1941.
15. Sherwood, *White House Papers of Harry L. Hopkins*, 245.
16. *CW*, xxiii, 41–42.
17. *FRUS*, 1941, iii, 2, Churchill to Roosevelt, 2 January 1941.
18. *Ibid.*, 4, memo of conversation by Secretary of State, 11 January 1941.
19. TP175/122, JMK, *The Course of Sir Frederick Phillips «Negotiations»*, 18 March 1941; *см. также* Dormael, *Bretton Woods*, 13.
20. Blum, *Morgenthau Diaries*, ii, 209.
21. Kimball, *Most Unsordid Act*, 104.
22. MD, vol. 404, 86.
23. *CW*, XXIII, 46–48, JMK to Nigel Roland.
24. *Ibid.*, 54–58.
25. *Ibid.*, 75.
26. *Ibid.*, 61–62, JMK to Lord Catto and Sir H. Wilson, 2 April 1941.
27. Lucius Thompson's diary of 8–11 May 1941, in TP247/113.
28. Harrod, *Keynes*, 557.
29. Reviewing Roy Harrod's biography in *The Times*, 31 January 1951.
30. MD, vol. 397, 221–224.
31. *CW*, xxiii, 87–88, JMK to Sir H. Wilson, *The Course of my Negotiations*, 19 May1941.
32. *Ibid.*, 74–77, JMK to H. Morgenthau, 16 May 1941.
33. TP175, 121, E. Playfair to S.D. Waley, 16 May 1941.
34. KP, PP/80/9, JMK to P.A.S. Hadley, 10 September 1941.
35. *CW*, xxiii, 154.
36. *Ibid.*, 122, JMK, *The Course of my Negotiations: III*.
37. *Ibid.*, 130. Полностью письмо *см. ibid.*, 130–133.
38. MD, vol. 410, 19 June 1941, 103f.
39. *Ibid.*, 106–111, 119–129.

40. *CW*, xxiii, 147–149, JMK to H. Morgenthau, 2 July 1941. Маккой – жаргонное английское словечко, означающее «то, что надо»; Маккой была также фамилия одного из чиновников военного ведомства.
41. Sayers, *Financial Policy*, 400–401.
42. TP160/955/19422, Sir F. Phillips, 2 November 1941.
43. TP247/67, JMK 1 January 1942.
44. KP, L/43, JMK to David Low, 25 April 1943.
45. TP175/121, E. Playfair to S.D. Waley, 16 May 1941.
46. Cairncross, *Years of Recovery*, 5.
47. Blum, *Morgenthau Diaries*, ii, 243.
48. TP247/113, JMK to S.D. Waley, 18 June 1941; JMK to Harry Hopkins, 27 June 1941.
49. *CW*, xxiii, 138–140.
50. *Ibid.*, 125 and n.
51. TP247/113, Sir K Wood to JMK, 5 July 1941.
52. *См.* Dobson, *US Wartime Aid to Britain*, 36–38; Moggridge, *Keynes: An Economist's Biography*, 660.
53. *CW*, xxiii, 145–146, JMK to Treasury, June 1941.
54. *FRUS*, 1941, iii, 21–22.
55. Kimball, *Lend-Lease and the Open Door*, 252–253. *См. также* редакционный пересказ в *CW*, xxiii, 143–144.
56. На основе воспоминаний и записей в Acheson, *Present at the Creation*, 30, and Acheson's *Memorandum of Conversation*, 28 July 1941, copy in FDR Library, PSF Box 16, File LL(3).
57. *CW*, xxiii, 151–152; Sayers, *Financial Policy*, 394–395.
58. Sayers, *Financial Policy*, 397.
59. WLP, MS 326, Box 82/1217; KP, P/45, JMK to WL, 28 April 1942.

XXXV. Опять мировая война

1. *CW*, xxiii, 149, JMK to Sir H. Wilson, 2 July 1941.
2. LePan, *Bright Glass of Memory*, 62.
3. Clarke, *Anglo-American Economic Collaboration*, 71.
4. Partridge, *A Pacifist's War*, 140.
5. Chester (ed.). *Lessons of the British War Economy*, 9.
6. *Ibid.*, p. ix. *См. также ibid.*, 31 for its remit.
7. KP, W/4, JMK to C. Clark, 23 January 1942.
8. Cairncross and Watts, *Economic Section*, 29.
9. *Ibid.*, 26–28.
10. *Ibid.*, 53.
11. *CW*, xxii, 382, JMK to FAK, 28 March, 10 April 1943.
12. Так Исайя Берлин пересказывает услышанное им от Лайонела Роббинса, см. M. Keynes (ed.) *Lydia Lopokova*, 171–172
13. Так он был назван Лайонелом Роббинсом в *Autobiography*, 173.
14. *Ibid.*, 187.
15. *Ibid.*
16. *CW*, xxv, 102.
17. KP, L/B.R.H. Brand to JMK, 18 May 1943.
18. Obituary, 13 August 1943, repr. in *CW*, x, 330.
19. Sir W. Eady to FAK, 3 June 1951.
20. Eady, *Maynard Keynes at the Treasury*.
21. *Ibid.*
22. Cairncross and Watts, *The Economic Section*, 54.
23. *Ibid.*, 53–54.
24. *CW*, xxiii, 316–323.
25. Moggridge, *Keynes: An Economist's Biography*, 663.

26. *John Maynard Keynes* (KCC), 26; Eady, *Maynard Keynes at the Treasury*.
27. Eady, *Maynard Keynes at the Treasury*.
28. Interview with the late Sir Frederick Harmer, 19 March 1987.
29. TP247/6, *South American Correspondence*. For Playfair's letter *см.* TP175/121.
30. KP, L/K 147, JMK to RFK, 31 October 1941.
31. TP247/4, JMK to S.D. Waley, 23 February 1942; to Lord Catto, N.E. Young, S.D. Waley, 3 March 1942.
32. TP247/5, JMK memo, 26 April 1945.
33. *См.* KP, PP/45 for correspondence with Ray Milburn about Madrid; KP, W/9 for correspondence with Stanley Jevons on Ethiopia
34. E.A.G. Robinson, *Keynes, DNB 1941–1950*, 456. *См. ibid.*, 456–457 for a good account of Keynes's «practical genius».
35. Hubback, *Sir Richard Clarke*, 77.
36. LePan, *Bright Glass of Memory*, 62.
37. RBP: File 198, R.H. Brand to Barbara Wootton, 29 November 1946.
38. Skidelsky, Kg/Htt; ii, 213, 509–510.
39. Kingsley Martin в рецензии на биографию Хэррода в *New Statesman*, 3 February-January1951.
40. JMK to FAK, 23 February 1943.
41. RFKP, 13/57/479, JMK to RFK, 8 December 1943.
42. KP, L/42, JMK to Joan Robinson, 9 December 1942.
43. JTSP: 6.13, JMK to JTS, 15 February 1946.
44. KP, PP/45, Quentin Keynes to JMK, 16 April 1943; JMK to Quentin Keynes, 29 April 1943.
45. KP, L/43, JMK to E. Tillyard, 25 June 1943.
46. KP, PP/79, JMK to G. Rylands, 3 December 1943.
47. Spalding, *Grant*, 375.
48. Harrod, *Keynes*, 193–194.
49. *См.* Spotts (ed.). *Letters of Leonard Woolf*, 348 and n.
50. KP, PP/45, JMK to Ivor Brown, 4 October 1942.
51. KP, L/42, JMK Reader's Report, 17 June 1942.
52. *Ibid.*, correspondence with J.H. Clapham May/September 1942.
53. KP, CO/1, *Dr. W. Stark*.
54. KP, L/43, correspondence May/June 1943.
55. KP, CO/10, JMK to Joan Robinson, 20 August 1942.
56. KP, L/45, JMK to Cyril Connolly, 22 February 1945.
57. KP, GE/1/1, JMK to W. Hope-Jones, 25 August 1940.
58. KP, GE/1/2, JMK to Claude Elliott, 26 August 1942.
59. KP, GE/l/2, Claude Elliott to JMK, 11 August 1942; *см. также* JMK to R.E. Marsden, *9* November 1942. KP, GE/1/3, JMK to R. E. Marsden, 12 March 1943.
60. KP, GE/1/4, J. Ridley to JMK, 8 March 1944; JMK to J. Ridley, (без даты) March 1944.
61. In *DNB 1951–1960*, 202.
62. KP, GE/2, JMK to F. Cruso, 6, 24 February 1941.
63. KP, W/4, Sir G. Schuster to JMK 4 February 1943; JMK to Sir G. Schuster, 7 February 1943.

XXXVI. «Новый порядок» Кейнса

1. KP, W/l, JMK to Dean Acheson, 17 October 1941.
2. *См.* TP175/123.
3. Это описывается в Dobson, *US Wartime Aid to Britain,* chs 3 and 4.
4. *CW,* xxv, 20.
5. *Ibid.,* 2.
6. Einzig, *Hitler's New Order in Europe,* 66.
7. *CW,* xxv, 8–9.
8. *Ibid.,* 16–19.
9. Eichengreen, *PSIF, Sterling and the Tariff*, 32.
10. JMK, *The General Theory of Employment, Interest and Money, CW,* vii, 348–349. Хьюберт Гендерсон соглашался: «Среди множества срочных мер, к которым в 1930-е гг. обращались разные правительства, ни одна не имела таких печальных последствий, как намеренное обесценение валюты. Оно меньше всего помогло странам, которые к нему прибегли, и оказалось крайне вредным для других стран». Цит. в Dormael, *Bretton Woods,* 129.
11. TP247/121, Henderson memorandum, 3 September 1941.
12. FFP, F. Frankfurter to JMK, 19 September 1941; RFKP, 13/57/472, JMK to RFK, 9 September 1941.
13. Цит. в Kynaston, *City of London,* iii, 483.
14. HCP: M. Norman to H. Clay, 19 June 1946.
15. *CW,* XXV, *67,* D.H. Robertson to JMK, 27 November 1941.
16. Первый проект Международного валютного союза воспроизведен в *CW,* xxv, 21–40. Четыре раздела его первой части я в моем изложении поменял местами и представил в порядке, показавшемся мне более логичным.
17. Moggridge, *Keynes: An Economist's Biography,* 674.
18. Что происходило с «бутербродом» Казначейства, можно видеть из TP247/121.
19. TP247/122, Bank of England memo on Post-War Trade and Financial Policy, 17 October 1941; B.G. Catterns to Sir R. Hopkins, 4 November 1941; Bank memo, 4 November 1941. Keynes identified G.L. Bolton as the author of the last. Bank of England reactions can *также* be followed in BE, ADMIN 14/1–2.
20. TP247/122, JMK, *Bank of England Memorandum on Post-War Trade and Financial Policy*, 22 October 1941.
21. *Ibid.*
22. TP247/121, D.H. Robertson, 26 September 1941, 22 August 1941.
23. *Ibid.,* Note on Treasury memo, 12 October 1941.
24. *Ibid.,* без даты.
25. *Ibid.,* 16 October 1941.
26. *Ibid., Post-War Currency*, 21 September 1941.
27. *Ibid., Note on Treasury Memo*, 13 November 1941.
28. *Ibid., Notes on Memorandum...*, 17 November 1941.
29. *Ibid.,* Henderson to Sir R Hopkins, 22 October 1941.
30. BE, ADMIN 14/1, H.A. Siepmann, *Results of Two Conversations with Keynes*, 14 November 1941; G.L.F. Bolton's additions, 15 November 1941.
31. TP247/16, *Mr. Keynes's Proposal,* 15 October 1941.
32. *Ibid.,* 24 December 1941.
33. RBP: File 198, R.H. Brand to JMK, 10 October 1941.
34. TP247/116, J.E. Meade to JMK, 9 October 1941.

35. C.1 and C.2 of the 18 November draft, *CW*, xxv, 65. В первом проекте этого не было.
36. Penrose, *Economic Planning for Peace*, 15–16.
37. *CW*, xxv, 91.
38. P247/121. Оба письма были написаны 26 ноября 1941 г.
39. *CW*, xxv, 66.
40. In TP247/116.
41. Фразы взяты из памятной записки, посланной Хэрродом Кейнсу 4 апреля 1942 г. (TP247/67), но саму идею он проповедовал в течение всей осени 1941 г.
42. TP247/121, RFH, *Notes on Memorandum...*, 17 November 1941; *Note on Points Made in Discussion*, 26 November 1941. *См.* TP272/63 for the development of Harrod's views.
43. *CW, XXV*, 149, JMK to Harrod, 19 April 1942.
44. TP247/122, JMK to M. Norman, 19 December 1941.
45. *CW*, xxv, 69–94, третья версия проекта предложений о *Международном валютном союзе*.
46. TP247/116, Roy Harrod to Sir R. Hopkins, 18 December 1941.
47. *Ibid.*, Sir R. Hopkins to Roy Harrod, 24 December 1941.
48. KP, L/K/163.
49. TP247/116.
50. Pressnell, *External Economic Policy since the War*, i, 78.
51. TP247/118. JMK to Sir R. Hopkins, 29 January 1942; Robbins Note, February 1942.
52. FO371/32450, C. Baring to N. Ronald, 6 February 1942. Цит. в Dormael, *Bretton Woods*, 48.
53. B. Pimlott (ed.), *Second World War Diary of Hugh Dalton*, 406; *CW*, xxv, 140–143; Bullock, *Bevin*, ii, 204.
54. *CW*, xxv. 143, JMK to RFK, 11 May 1942.

XXXVII. Партнер-соперник Гарри Декстер Уайт

1. TP247/116, Roy Harrod to Sir R. Hopkins, 4 December 1941.
2. *CW*, xxvii, 111, JMK to Sir R. Hopkins, 15 April 1942.
3. *Ibid.*, 122–134.
4. TP247/110, JMK to Sir F. Phillips, 6 January 1943.
5. *Ibid.*, 100. *См. также* T247/2.
6. TP247/2, JMK, *Post-War Commercial Policy*, 15 January 1943.
7. *Ibid.* Подробности дискуссий о Торговом союзе в TP247/2.
8. Цит. в Dormael, *Bretton Woods*, p. 40.
9. Oliver, *International Economic Cooperation and the World Bank*, 110–111.
10. Mikesell, *Bretton Woods Debates*, 5–6.
11. M. Bordo and Anna J. Schwartz, *From the Exchange Stabilization Fund to the International Monetary Fund* NBER, 2001.
12. Craig, *Treasonable Doubt: The Harry Dexter White Case*, 596–597.
13. Rees, *Harry Dexter White*, 100–102, 118, 143, 301–302.
14. Замечания Кейнса *см.* в *CW*, xxv, 356.
15. The H. D. White Papers, Box 8, содержит готовившиеся Уайтом проекты МВФ и Банка реконструкции.
16. Harrod, *Keynes*, 540.
17. Подробнее см. в Horsefield, *International Monetary Fund*, I, 21–25, iii, 41–82.
18. *CW*, xxv, 158–159. JMK to Sir R. Hopkins, 3 August 1942; JMK to Sir F. Phillips, 3 August 1942.

19. *Ibid.*, 160–167, JMK, *Notes on the Memorandum... transmitted by Sir F. Phillips.*
20. RFKP, L/K/203, JMK to RFK, 28 August 1942.
21. Horsefield, *International Monetary Fund*, i, 30.
22. FO371/31516, Sir F. Phillips to Treasury, 8 October 1942.
23. Penrose, *Economic Planning for Peace*, 48–49.
24. KP, L/K/237, JMK to RFK, 13 November 1942.
25. Dormael, *Bretton Woods*, 67–68.
26. *CW*, xxv, 210, речь ДжМК на встрече европейских союзников в Лондоне 26 февраля 1943 г.
27. FO371/3530, JMK to N. Ronald, 25 February 1943.
28. *CW*, xxv, 238, JMK to Sir F. Phillips, 16 April 1943.
29. TP160/1281/18885/1, JMK, «Меморандум Берля» – так тогда называли проект Уайта.
30. Horsefield, *International Monetary Fund*, i, 45–46.
31. TP160/1281/18885/3, JMK memo, 16 April 1943.
32. *CW*, xxv, 268, JMK to Roy Harrod, 27 April 1943.
33. TP160/18885/1, JMK to Lord Catto, Sir W. Eady, D. Proctor, 2 April 1943
34. Dormael, *Bretton Woods*, 77.
35. TP160/1281/18885/5, Lord Halifax to FO 13, June 1943.
36. Цит. в Gardner, *Sterling-Dollar Diplomacy*, 78.
37. BLX: TLP: Folder 104–1, 1943–1944, *Bancor and Unitas*, 3 June 1943.
38. Цит. в Rowland (ed.). *Balance of Power or Hegemony*, 221.
39. *Memoranda on Axis-Controlled Europe*, no. 60, Review of the Foreign Press, Series A, 3 August 1943, Research Department Foreign Office. This copy is in BE 14/9.
40. *CW*, xxv, 258–259.
41. TP160/1281/18885/5, JMK to D.H. Robinson, 2 June 1943.
42. *CW*, xxv, 269–280.

XXXVIII. Строительство лучшей Англии

1. KP, PP/45, JMK to William Temple, 3 December 1941.
2. Harris, *Beveridge*, 386; Bullock, *Bevin*, ii, 226.
3. *CW*, xxvii, 219, JMK to W. Beveridge, 25 June 1942.
4. *Ibid.*, 237.
5. *Ibid.*, 230, 238–239.
6. HDHP: Box 3, Beveridge File, Henderson to Sir Alexander Roger, 17 February 1943; to Sir R. Hopkins, 22 December 1942.
7. Cairncross and Watts, *Economic Section*, 71.
8. *CW*, xxvii, 271, JMK to Henderson and Sir R. Hopkins, 8 April 1942. For Henderson's paper *см.* CAB 87/55.
9. *CW*, xxvii. 314–315.
10. Данные, относящиеся к периоду до 1914 г., основаны на отчетах о пособиях, которые профсоюзы выплачивали своим членам. Недостаток этих данных для измерения уровня безработицы хорошо известен (*См.* Feinstein, *National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom*, 225.) Существенно то, как Кейнс их толковал. Но даже в этом случае процентные показатели ощутимо колебались в пределах цикла – от 2 до 7,8% *(ibid., 57)*. Так что 5 процентов – это средняя величина, а не минимум.

11. *CW*, xxvii, 280–281, 299, 301, JMK, *National Income and Expenditure after the War*, 28 May 1942; JMK to Henderson, 3 June 1942.
12. Cairncross and Watts, *Economic Section*, 91–92.
13. *CW*, xxvii, 299, JMK to Henderson.
14. *Ibid.*, 381, JMK to W. Beveridge, 16 December 1944.
15. In Howson and Moggridge (ed.), *Collected Papers of James Meade*, iv, 63.
16. *CW*, xxvii, 225.
17. *Ibid.*, 227, JMK to Sir R. Hopkins and others, 15 May 1942; *ibid.*, 368, *Post-War Employment Policy: Note by Lord Keynes on the Report of the Steering Committee*, 14 February 1944; *ibid.*, 410–411, *The Concept of a Capital Budget*, 21 June 1945.
18. *Ibid.*, 405–406.
19. *Ibid.*, 352–353, JMK to Sir W. Eady, 10 June 1943; *см. также ibid.*, 376–377, JMK to A. Barlow, 15 June 1944.
20. *Ibid.*, 226–228.
21. *Ibid.*, 319–320, JMK to James Meade, 25 April 1943.
22. KP, CO/2. Keynes attacked Lemer's paper *Functional Finance and the Federal Debt*, *Social Research*, February 1943, vol. 10, no. 1, in Washington in 1943. *См.* JMK to Fritz Machlup, 24 October 1944; JMK to J.H.G. Pierson, 22 October 1943.
23. Wilson, *Churchill and the Prof*, 164–165.
24. For this shift *см.* Tomlinson, *Employment Policy.*
25. Clark, *Public Finance and Changes in the Value of Money*, 371.
26. *CW*, xxvii, 206, 208.
27. *Ibid.*, 317, James Meade to JMK, 19 April 1943.
28. *Ibid.*, 310, JMK to James Meade, 25 August 1942.
29. *Ibid.*, 319–320, JMK to James Meade, 25 April 1943.
30. *Ibid.*, *ill.*, *The Long-Term Problem of Full Employment*, 25 May 1943.
31. Henderson's paper is reproduced in Henderson, *The Inter-War Years and Other Papers.*
32. *CW*, xxvii, 321–324; *см. также ibid.*, 350, JMK to Wedgwood, 7 July 1943.
33. *Economic Possibilities for Our Grandchildren* is published in *CW*, ix, 321–332. For a discussion, and critique, *см.* Skidelsky, Keynes, ii, 236–238.
34. *CW*, ix, 384.
35. *См.* Moggridge, *Keynes: An Economist's Biography*, 711.
36. *CW*, xxvii, 325–326.
37. *Ibid.*, 358.
38. Peden, *Sir Richard Hopkins and the «Keynesian Revolution»*, LEcHR, 289.
39. Цит. в Booth, *Simple Keynesianism and Whitehall.*
40. Beveridge's *Full Employment in a Free Society* was published in 1944.
41. *CW*, xxvii, 371–372, *Note by Lord Keynes on the Report of the Steering Committee*, 14 February 1944.
42. *Ibid.*, 366–367.
43. *Ibid.*, 336–342.
44. *Ibid.*, 354–357.
45. HDHP: Box 3, *Brave New Worlds: Internal and External*, 22 March 1944; *The Employment Policy*, 27 March 1944, *Employment Policy and the Balance of Payments*, 31 March 1944.
46. *CW*, xxvii, 373–374, JMK to Sir W. Eady, Sir R. Hopkins, 28 March 1944.
47. JMK to Austin Robinson, 5 June 1944, Цит. в Moggridge, *Keynes: An Economist's Biography*, 709.

48. *CW*, xxvii, 385.
49. Hayek, *Road to Serfdom*, 90–91.
50. *Напр.* Barbara Wootton, *Freedom under Planning*, 30, 62, как ее цитирует Durbin, *New Jerusalems*, 269.
51. *CW*, xxvii, 385–388, JMK to F.A. Hayek, 28 June 1944.
52. KP, PP/84(1), R. A. Butler to JMK, 17 December 1941.
53. *См.* Mary Glasgow, *The Concept of the Arts Council*, in M. Keynes (ed.), *Essays on John Maynard Keynes*, 260–262; *также* Glasgow, *Nineteen Hundreds*, 188.
54. Mary Glasgow, in M. Keynes (ed.), *Essays on John Maynard Keynes*, 167.
55. *См.* Clive Bell, *Old Friends*, 56–58.
56. Kenneth Clark, *Other Half*, *27*; Mary Glasgow in M. Keynes (ed.). *Essays on John Maynard Keynes*, 267.
57. Glasgow, *Nineteen Hundreds*, 192–193.
58. A large file on *Entertainments Tax* can be found in KP, PP/84(6).
59. Mary Glasgow in M. Keynes (ed.). *Essays on John Maynard Keynes 266–267*.
60. KP, PP/84 (5), JMK to Sir Alfred Barker, 23 January 1943.
61. *CW*, xxviii, 360, JMK, *The Arts in War-time*, *The Times*, 11 May 1943.
62. Mary Glasgow in M. Keynes (ed.) Essays on *John Maynard Keynes*, 269.
63. KP, PP/84 (5), JMK to A. Dukes, 18 May 1943; о том, что предшествовало этой перепалке, *см. также* KP, PP/80(9).
64. KP, PP/84 (3) for these exchanges with R.A. Butler, February – April 1943.
65. KP, PP/84 (5).
66. KP, PP/84(3), JMK to R.A. Butler, 6 April 1945.
67. KP, PP/84 (8).

XXXIX. Великий компромисс

1. Penrose, *Economic Planning for Peace*, 120.
2. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 52.
3. *CW*, xxv, 292, D.H. Robertson, *Notes*, 3 June 1943.
4. *Ibid.*, 267, JMK to Roy Harrod, 27 April 1943; *ibid.*, 296, JMK to D.H. Robertson, 11 June 1943.
5. Dormael, *Bretton Woods*, 90–91; *см. также CW*, xxv, 317.
6. *CW*; xxv, 303, JMK to D.H. Robertson, 9 July 1943.
7. *Ibid.*, 318–319, 321, JMK to Sir W. Eady, 13 July 1943; JMK to J. Viner, 9 June 1943.
8. Так Кейнс говорил австралийскому экономисту Герберту Кумсу (Herbert Coombs), который тем летом посетил его в Лондоне. *См.* Turnell, *A Clearing Union or a Stabilising Fund? Australian Economists and the Creation of the IMF*, 7. Кумс также продвигал австралийскую «формулу занятости», согласно которой членам Стабилизационного фонда следовало взять обязательство проводить политику полной занятости.
9. MD, vol. 654, 95, telegram from J. Winant, 5 August 1943; *см. такжеё*: *Bretton Woods*, 89–91.
10. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 76.
11. *CW*, xxv, 305–307, JMK to S.D. Waley, 22 June 1943; *см. также:* Moggridge, *An Economist's Biography*, 724.

12. FO371/35336, R. Opie note of 23 August 1943.
13. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 97.
14. TP160/1281/18885/6, JMK to E. Playfair, Sir W. Eady, 5 August 1943.
15. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 93.
16. *Ibid.*, 100.
17. *Ibid.*, 104, 109, 110.
18. TP160/1281/18885/6, *Note of Plenary Session*, 21 September 1943.
19. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 105.
20. FO371/3536, R Campbell to FO, 15 September 1943; содержит отчет Кейнса об этой беседе. *См. также CW*, xxv, 340.
21. Gardner, *Sterling-Dollar Diplomacy*, 112.
22. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 130.
23. Dormael, *Bretton Woods*, 101.
24. Interview with Edward Bernstein, 10 April 1989.
25. *CW*, xxv, 334.
26. Так выразился по этому поводу Преснел в Pressnell, *External Economic Policy since the War*, 139.
27. Pimlott (ed.), *Second World War Diary of Hugh Dalton*, 631.
28. TP160/1281/18885/6.
29. Pimlott (ed.), *Second World War Diary of Hugh Dalton*, 648; *также* TP160/1281/18885/6, Telegrams 4174, 6356, 4274, 6702.
30. For Varvaressos's role, *см.* Horsefield, *International Monetary Fund*, i, 58.
31. Howson and Moggridge (eds). *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 123.
32. *Ibid.* For Meade's comment on Thompson-McCausland, *см. ibid.*, 121; for the Bank's instructions to him, *ibid.*, 150.
33. BE, ADMIN 14/9.
34. О соображениях и планах Кейнса в отношении монетизации *униты см. CW*, xxv, 321, 318–319, 341–344, 346–348; *также* L.P. Thompson-McCausland, *Difference between S.F. and Monetised Unitas...*, 29 September 1943, in BE, ADMIN 14/9.
35. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 122.
36. *Ibid.*, 127.
37. MD, vol. 664, 30.
38. *CW*, XXV, 360–364, JMK to Sir W. Eady, 3 October 1943.
39. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 135.
40. *Ibid.*, 133; *CW*, xxv, 371.
41. MD, vol. 722, 17.
42. Различные документы, принятые в итоге этих переговоров, *см.* в *CW*, XXV, 377–392. Сравнения проводятся с проектом, представленным в *CW*, xxv, и проектом от 10 июля 1943 г., перепечатанным в Horsefield, *International Monetary Fund*, iii, 83–96.
43. *CW*, xxv, 368, 369, JMK to Sir W. Eady, 8 October 1943.
44. Harrod, *Keynes*, 567–568.
45. Замечания ДжМК *см.* в *CW*, xxv, 354, 356, 363–364.
46. Harry White Papers: Washington Section, 1944 folder. Information supplied by James Boughton.
47. TP160/1281/18885/7, JMK memo, 17 January 1944.

48. Pimlott (ed.), *Second World War Diary of Hugh Dalton*, 670.
49. Dobson, US *Wartime Aid to Britain*, 173.
50. LePan, *Bright Glass of Memory*, 61.
51. MacDougall, *Don and Mandarin*, 40.
52. *CW*, xxv, 399–408, JMK *The Main Objects of the Plan*.
53. *Ibid.*, 409.
54. *Ibid.*, 410–413, JMK to Sir J. Anderson, 23 February 1944.
55. Цит. в Kynaston, *City of London*, iii, 503, from a *Note on Commercial Policy*, BE, G18/3, 20 March 1945.
56. Pimlott (ed.), *Second World War Diary of Hugh Dalton*, 710–712.
57. MacDougall, *Don and Mandarin*, 39.
58. For JMK's exchange with Beaverbrook 8–11 March, *см. CW*, xxv, 415–418. О том, как ДжМК понимал разницу между валютной и торговой двусторонностью, *см.* в его письме сэру У. Иди от 29 марта 1943 г. , *ibid.*, 430, в его переписке с Д.Х. Робертсоном, *CW*, xxvi, 23–26.
59. TP160/1287/18885/10, Hopkins to Chancellor, 3 April 1944.
60. Pimlott (ed.), *Second World War Diary of Hugh Dalton*, 735–736.
61. Dobson, *US Wartime Aid to Britain*, 173–174.
62. *CW*, xxvi, 3, JMK to F. Pethick-Lawrence, 16 May 1944.
63. Как вспоминает Балог в Thirlwall (ed.), *Keynes and International Monetary Relations*, 66.
64. LePan, *Bright Glass of Memory*, 101.
65. Letters to *The Times*, 10, 18 May 1943.
66. *CW*, XXVI, 29–30, JMK to L Pasvolsky, 24 May 1944.
67. *Ibid.*, 9–21.
68. Pasvolsky, Цит. в Dormael, *Bretton Woods*, 160.

XL. Как ведут дела американцы

1. *CW*, xxiv, 28–29, JMK to E. R. Stettinius, 18 April 1944.
2. *См.* Moggridge, *Keynes: An Economist's Biography*, 657–660; *CW*, xxiii, ch. 8.
3. *CW*, xxiv, 1–18.
4. *Ibid.*, 64.
5. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 158–159, Robbins Diary, 24 June 1944.
6. *CW*, xxvi, 48–54, JMK, *The Bank for Reconstruction and Development*, 9 June 1944.
7. Ibid., 61, 64, JMK to Sir R. Hopkins, 25 June 1944; *см. также* FO371/40948, 40589.
8. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 166.
9. *CW*, xxvi, 86–87.
10. *Ibid.*, 109, JMK to Sir W. Hopkins, 22 July 1944.
11. JMK to Sir W. Eady, 1 March 1945.
12. EGP, BW Conference, Box 4.
13. Horsefield, *International Monetary Fund*, I, 95; Mikesell, *The Bretton Woods Debates*, 35–38.
14. MD, vol. 754, 20–30.
15. MD, vol. 753, 122–126.
16. *Ibid.*, 143–144; vol. 754, 4.
17. Eady in the *Listener*, 7 June 1951.
18. EGP, Box 4.
19. From Malcolm MacDonald's *People and Places*, 1969, reproduced in M. Keynes (ed.), *Lydia Lopokova*, 178–179.
20. *CW*, xxiv, 97–107, JMK to Sir J. Anderson, 10 August 1944; Sayers, *British Financial Policy*, 351–358; JMK to FAR, 7 August 1944.
21. *CW*, xxiv, 114–126.

22. Rees, *Harry Dexter White,* 251; об этом эпизоде *см.*также *ibid.,* 239–251; *также* Penrose, *Economic Planning for Peace,* ch. 14.
23. KP, L/44, JMK to WL, 13 August 1944; MD, vol. 764, 90, H.D. White to Morgenthau, 20 August 1944.
24. Cairncross, *Price of War,* 27; *CW,* xxvi, 348–373.
25. Blum, *Morgenthau Diary,* iii, 369; Dobson, *US Wartime Aid to Britain,* 194.
26. Woodward, *British Foreign Policy,* 476.
27. Dobson, US *Wartime Aid to Britain,* 195–196.
28. Churchill, *Second World War,* vi, 139; Penrose, *External Economic Policy since the War,* 255.
29. MD, vol. 773, 74.
30. *CW,* xxiv, 187, Frank Lee to F.E. Harmer, 6 December 1944.
31. *Ibid.,* 129, JMK to Sir J. Anderson, 1 October 1944.
32. *Ibid.,* 132, JMK to Sir J. Anderson, 4 October 1944.
33. *Ibid.,* 133–134; Halifax Diary, 2 November 1944; Penrose, *External EconomicPolicy since the War,* 255.
34. *CW,* XXIV, 186–187, Frank Lee to F.E. Harmer, 6 December 1944.
35. *Ibid.,* 214–315, JMK to Sir J. Anderson, 12 December 1944.
36. MacDougall Diary, 24 October 1944.
37. Isaiah Berlin, in M. Keynes (ed.), *Lydia Lopokova,* 172–173. Берлин находился в Вашингтоне большую часть войны.
38. *CW,* xxiv, 139, JMK to Sir J. Anderson, 21 October 1944.
39. По поводу Берлина *см.* M. Keynes (ed.), *Lydia Lopokova,* 173. Одна из версий содержится в записи интервью с Михаилом Игнатьевым 5 июня 1994.
40. *CW,* xxiv, 160.
41. In M. Keynes (ed.), *Lydia Lopokova,* 184.
42. *CW,* xxiv, 204, 217, 218, JMK to Sir J. Anderson, 12 December 1944.
43. Ben Pimlott (ed.), *Second World War Diary of Hugh Dalton,* 818.
44. Dobson, *US Wartime Aid to Britain,* 211. For Roosevelt's change of mind, *см. ibid.,* 206–211.
45. *CW,* xxiv, 220–221, JMK to Sir J. Anderson, 12 December 1944.

XLI. Соблазн

1. Howson and Moggridge (eds). *Collected Papers of James Meade,* 55.
2. KP, PP/45, JMK to Sir C. Gregg, 9 April 1945.
3. *См.* T. P. McLaughlin, 'The Teaching of the Canonists on Usury', *Mediaeval Studies,* 1, 1939.
4. О британском проекте *см. FRUS,* 1945, vi, 56–60; о взглядах Кейнса *см. ibid.,* 19–21, J. Winant to Cordell Hull, 8 February 1945; доклад Керри о беседах с британскими чиновниками, *ibid.,* 38.
5. *CW,* xxiv, 249.
6. *FRUS,* 1945, VI, 28–29, 36–44.
7. LePan, *Bright Glass of Memory,* 69.
8. *CW,* xxiv, 272.
9. *Ibid.,*276–279.
10. *Ibid.,* 281.
11. *Ibid.,* 292.
12. *CW,* xxiv, 277.
13. TP247/49, Sir W. Eady to JMK, 27 March 1945; ср., однако, с заявлением Кейнса Брэнду 3 мая, что Иди возражает против «промежуточного соглашения» с США, предусматривающего «временное заимствование», *CW,* xxv, 326.
14. TP247/49, comments by E. Rowe-Dutton, 3 April 1945; S.D. Waley,

5 April, 12 April 1945; C.F. Cobbold, 13 July 1945. Notes of meeting of Overseas Finance Division, 18 April, with JMK in the chair. Present: Waley, Rowe-Dutton, G.S. Pinsent, Norman Young, H.E. Brooks, A.T.K. Grant, R.W.B. Clarke, E. Jones.
15. *CW*, xxiv, 332, R.H. Brand to JMK, 14 May 1945.
16. Брэнд неоднократно это подчеркивал: *ibid.*, 307–308, 332, 369.
17. *Ibid.*, 308, R.H. Brand to JMK, 5 April 1945.
18. *Ibid.*, 318, R.H. Brand to JMK, 25 April 1945.
19. *Ibid.*, 318, 321, 333.
20. Churchill, *Second World War*, vi, 498, 500–501.
21. TP247/49, *Towards a Balance of Payments*, 11 May 1945; repr. in Clarke, *Anglo-American Economic Collaboration*, 96–122.
22. TP247/49, Sir W. Eady to JMK, 4 August 1945.
23. *CW*, xxiv, 366–367, JMK to Sir W. Eady, R. Clarke, 9 July 1945.
24. Clarke, *Anglo-American Economic Collaboration*, 6.
25. LePan, *Bright Glass of Memory*, 72.
26. *Ibid.*, ch. 2. *См.* particularly quotations at 56, 91.
27. *FRUS*, 1945, VI, 54–56, Clayton to F. Vinson, 25 June 1945.
28. Pimlott, *Dalton*, 426.
29. *CW*, xxiv, 370, R. H. Brand to JMK, 23 June 1945.
30. *FRUS*, 1945, vi, 79–86, Memorandum of Conversation, 3 August 1945.
31. *Ibid.*, 90–92, 94–7, J. Winant to US Secretary of State, 11 and 16 August 1945.
32. *Ibid.*, 97–101, J. Winant to James F. Byrnes, 17 August 1945. Несколько иная версия представлена в архиве Винсона (Vinson Papers, Box 148).
33. Bullen and Pelly (eds), *Documents on British Policy Overseas*, Series 1, iii, 44–49.

XLII. Во избежание финансового Дюнкерка

1. *CW*, xxiv, 398–411, *Our Overseas Financial Prospects*, 13 August 1945.
2. Bullen and Pelly, 72–77.
3. *Ibid.*, 73–74, n. 4; об американских откликах *см. FRUS*, 1945, vi, 110.
4. Howson and Moggridge (eds). *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 223.
5. Lamont Papers: File 104–105, R.C. Leffingwell to C. Gifford, 31 August 1945.
6. Bullen and Pelly, 117, E. Hall-Patch to Sir A. Cadogan, 8 September 1945.
7. Howson and Moggridge (eds), *Collected Papers of James Meade*, iv, 132.
8. Bullen and Pelly, 128–132, and notes at 132–133.
9. Об этом Москва была поставлена в известность 29 октября 1945 г. *См.* Weinstein and Vassiliev, *Haunted Wood*, 168.
10. Bareau, Lecture ii, 6.
11. В *Washington Daily News*, 4 December 1945.
12. Bareau, Note of meeting of Joint Finance Committee, 19 September 1945.
13. *Ibid.*, Note of meeting of 20 September 1945.
14. Pressnell, *External Economic Policy since the War*, 279–281.
15. Howson and Moggridge (eds), *Collected Papers of James Meade*, iv, 224.
16. Halifax Diary, 25 September 1945;

Bullen and Pelly, 154, Lord Halifax to Ernest Bevin, 26 September 1945.
17. Bareau, Lecture ii, 8.
18. *CW*, XXIV, 503–508 JMK, *Terms of Assistance*; *см. также* Bullen and Pelly, 155 n. 3, 158–159 n.4.
19. *CW*, xxiv, 514, JMK to Hugh Dalton, 1 October 1945.
20. Pimlott, *Dalton*, 430.
21. *См.* comments in Halifax Diary, 26 September, 5, 9, 11 October 1945.
22. Bullen and Pelly, 196–199, Hugh Dalton to Lord Halifax, 8 October 1945.
23. *Ibid.*, 210–214, JMK to Hugh Dalton, 9 October 1945; *CW*, xxiv, 543.
24. *CW*, xxiv, 542, JMK to Sir W. Eady, 12 October 1945.
25. Halifax Diary, 13 October 1945; Harmer Diary, 8 October 1945.
26. Pressnell, *External Economic Policy since the War*, 285.
27. Bullen and Pelly, 223–224, Lord Halifax and JMK to Hugh Dalton, 16 October 1945.
28. *Ibid.*, 227–232, JMK to Hugh Dalton, 18 October 1945.
29. Halifax Diary, 18 October 1945; Bullen and Pelly, 243–244, JMK to Hugh Dalton, 20 October 1945.
30. Harmer Diary, 8 October 1945; *CW*, xxiv, 541, JMK to Sir W. Eady, 12 October 1945.
31. Bullen and Pelly, 224, n. 5, JMK to Sir E. Bridges, 19 October 1945.
32. Robbins, *Autobiography*, 208–209.
33. Harmer Diary, 27 October 1945.
34. Howson and Moggridge (eds), *Collected Papers of James Meade*, iv, 163.
35. *Ibid.*, 164.
36. *CW*, XXIV, 584, JMK to Sir W. Eady, 7 November 1945.
37. Bullen and Pelly, 259–260, Hugh Dalton to British Mission, 27 October 1945.
38. Pressnell, *External Economic Policy since the War*, 296.
39. Dalton, *High Tide and After*, 72, 77.
40. Bullen and Pelly, 289–292, Hugh Dalton to Lord Halifax and JMK, 6 November 1945; *см. также* Howson and Moggridge (eds). *Collected Papers of James Meade*, iv, 165–166.
41. Bullen and Pelly, 302–304, 7 November 1945.
42. Bareau Note, 12 November 1945.
43. Bullen and Pelly, 320–321, E. Hall-Patch to J.E. Coulson, 15 November 1945.
44. Halifax Diary, 15 November 1945.
45. Bareau Note, 16 November 1945.
46. Bullen and Pelly, 335, British Mission to Hugh Dalton, 21 November 1945.
47. *CW*, xxiv, 591.
48. KP, PP/45, JMK to Janos Plesch, 6 January 1946.
49. Bullen and Pelly, 368–370, British Mission to London, 26 November 1945.
50. *Ibid.*, 372–374, British Mission to Hugh Dalton, 27 November 1945.
51. *Ibid.*, 386–387, Hugh Dalton to Lord Halifax and JMK, 28 November 1945.
52. Richard Kahn, in Thirlwall (ed.), *Keynes and International Monetary Relations*, 57.
53. Bullen and Pelly, 389–398, Annex to Cabinet Conclusions, 29 November 1945.
54. *Ibid.*, 405–406, British Mission to London, 30 November 1945.
55. *Ibid.*, 409, PM and Hugh Dalton to Lord Halifax, 30 November 1945.
56. Howson and Moggridge (eds), *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 241.
57. Bareau Note, 5 December 1945.

58. Howson and Moggridge (eds). *Wartime Diaries of Robbins and Meade*, 241.
59. Pimlott, *Dalton*, 437–438.
60. Bullen and Pelly, 430, Sir E. Bridges to PM, 5 December 1945.
61. KP, L/45, Frank Lee to JMK, 26 December 1945.
62. Цит. в Barnes and Nicolson, *Empire at Bay*, 1052.
63. Robbins, *Autobiography*, 210.
64. *CW*, xxiv, 605–624.
65. Howson and Moggridge (eds). *Collected Papers of James Meade*, iv, 166.
66. James, *International Monetary Cooperation*, 70–71.
67. Howson and Moggridge (eds), *Collected Papers of James Meade*, iv, 63.
68. Clarke, *Anglo-American Economic Collaboration*, 57.

XLIII. Свет погас

1. Jay, *Change and Fortune*, 139.
2. JMK to FAK, 28 December 1945.
3. Howson and Moggridge (eds), *Collected Papers of James Meade*, iv, 196.
4. Этот доклад был опубликован посмертно, *EJ*, June 1946.
5. Johnson and Johnson, *Shadow of Keynes*, 132–134.
6. KP, PP/45, G. Rylands to JMK, 27 December 1945.
7. *Ibid.*, JMK to Molly McCarthy, 2 January 1946.
8. *Ibid.*, JMK to Walter Lippmann, 29 January 1946.
9. *CW*, xxvii, 463.
10. Howson and Moggridge (eds), *Collected Papers of James Meade*, iv, 216.
11. *CW*, xxvii, 467.
12. *Ibid.*, 465–481, *Political and Military Expenditure Overseas*, 11 February 1946.
13. JTSP, 6–13, File 42–46, JMK to JTS, 1946.
14. JMK to FAK, 23 February 1946.
15. MD, Presidential Diary, vol. 8, 2 and 3 March 1946.
16. Dormael, *Bretton Woods*, 287, from H.D. White Papers, Box 7, Item 27 c.
17. *CW*, xxvi, JMK to Treasury, 7 March 1946, 211.
18. KP, L/46, JMK to Lord Halifax, 18 March 1946.
19. Bareau Note on *Inaugural Meeting*, 11 March 1946.
20. Keynes's speech is reproduced in *CW*, xxvi, 215–217.
21. Cited in Gardner, *Sterling-Dollar Diplomacy*, 266 n. 4.
22. Horsefield, *International Monetary Fund*, i, 134.
23. *CW*, xxvi, 218–219.
24. *Ibid.*, 225.
25. KP, PP/45, JMK to Janos Plesch, 20 March 1946.
26. *CW*, xxvi, 482–487, *Random Reflections from a Visit to the USA*.
27. RBP, Box 197, Sir W. Eady to R.H. Brand, 23 April 1946.
28. Howson and Moggridge (eds). *Collected Papers of James Meade*, iv, 251. Интервью с Дж. Мидом 9 августа 1980 г.
29. KP, PP/45, G.B. Shaw to JMK, 8 January 1946.
30. Эссе Кейнса помещено в *CW*, x, 375–381. Оно было опубликовано в июне 1946 под названием *GBS at 90*, edited by S. Winsten.
31. HCP, H. Clay to M. Norman, 11 June 1946; M. Norman to H. Clay 19 June 1946.
32. KP, PP/45, JMK to A.V. Hill, 15 April 1946.
33. Texas University, Clive Bell to Mary Hutchinson, 23 April 1946.

Выражаю благодарность Джеймсу Бичи, приславшему мне это письмо.

34. KP, PP/45, FAK, *In Memoriam.*
35. Harrod, *Keynes,* 645; Clive Bell to Mary Hutchinson, 23 April 1946; Moggridge, *Keynes: An Economist's Biography,* 836. Кейнс умер в шестьдесят два, а не шестьдесят три года, как пишет Моггридж.
36. G.L Keynes to Sydney Cockerell, 28 April 1946. Благодарю Фиону Маккарти за предоставление мне этого письма.
37. Schumpeter, *Ten Great Economists,* 274.

Эпилог.
Наследие Кейнса

1. Polly Hill and Richard Keynes (eds), *Lydia and Maynard,* published in 1989.
2. Следующий ниже рассказ о жизни Лидии основан отчасти на сведениях, почерпнутых из незаменимого источника, каковым является книга *Lydia Lopokova* by Milo Keynes (ed); отчасти на письмах Лидии Лопуховой, имеющихся в архиве Кейнса, особенно LLK/5; и отчасти на сообщениях членов семьи Кейнс и тех, кто ухаживал за ней в старости.
3. For a succinct discussion, *см.* A Leijonhufvud, esp. 12–18.
4. Moses Abramovitz, *Catching Up, Forging Ahead, and Falling Behind,* 385.
5. *Ibid.,* 395–396.
6. Hicks, *Crisis in Keynesian Economics,* 3.
7. Dormael, *Bretton Woods,* 307.
8. WLP: File 1316, R.C. Lefflngwell to Walter Lippmann, 2 March 1960.
9. Henrietta Couper, *Tea at Tilton,* M. Keynes (ed.), *Lydia Lopokova,* 192.
10. Simon Keynes, *Lydia at Tilton,* September 1975, не публиковалась.

Действующие лица

Абрахамс, Лайонел (Abrahams, Lionel; *1869–1919*), глава финансового отдела Управления по делам Индии (1902–1911); *JMK* служил под его началом младшим клерком.

Айнциг, Пауль (Einzig, Paul; *1897–1973*), журналист немецкого происхождения, много писал о финансах и деньгах. В 1939–1945 гг. политический корреспондент *Financial News*. Его стараниями в печати появились сведения о проекте Уайта, и это ускорило предание гласности (7 апреля 1943 г.) обоих проектов — и Кейнса, и Уайта.

Альтшуль, Фрэнк (Altschul, Frank; *1887–1981*), американский банкир-инвестор, филантроп и библиофил. *JMK* познакомился с ним на Парижской мирной конференции в 1919 г.; в 1932 г. *JMK* отозвался о нем как о «предмете ранневикторианского антиквариата».

Амос, сэр Морис (Amos, sir Maurice; *1872–1940*), юрист. Ed. TCC. 1-й гум., 1893. Служил в судебных органах Египта. *JMK* жил у него в Каире во время посещения Египта в 1913 г.

Андерсон, сэр Джон, виконт Уэйверли (Anderson, sir John, viscount Waverley; *1882–1958*), государственный служащий. Лорд-председатель Совета в 1940–1943 гг.; канцлер Казначейства в 1943–1945 гг., председатель опекунского совета оперы Ковент-Гардена в 1946–1958 гг. Был известен под кличкой «Надутый Джон».

Анреп, Борис (Anrep, Boris; *1883–1969*), художник. Автор мозаичных полов в галереях *Тейт* и *Национальной*. Жена Хелен, урожд. Мэйтлэнд (1885–1965) ушла от него к Роджеру Фраю, с которым и жила до его смерти в 1934 г. Анреп был другом *LK*.

Асквит, Герберт Генри, лорд Оксфорд и Асквит (Asquith, Herbert Henry, lord Oxford and Asquith; *1852–1928*), юрист и политик-либерал. Ed. LCS и BLL, где был 1-й кл. министр внутренних дел в 1892–1895 гг.; канцлер Казначейства в 1906–1908 гг.; премьер-министр в 1908–1916 гг. *JMK* тесно сошелся с ним во время *MB-1*, играл в бридж на Даунинг-стрит, 10 и проводил уикенды в его загородной резиденции в Уорфе. Разрыв с Асквитом в 1926 г. был для *JMK* самым болезненным политическим событием.

Асквит, Эмма Маргарет («Марго») (Asquith, Emma Margaret; *1865–1945*), вторая жена Асквита. После его смерти возобновилась дружба Марго с *JMK*, поддерживавшим ее в старческой немощи и бедности. 26 июля 1934 г. она писала ему: «[Асквит] всегда радовался вашему обществу и говорил, что у вас дарования *настоящего гения* (редкая похвала в устах человека, избегавшего любых крайностей)».

Аттолико, Бернардо (Attolico, Bernardo; *1880–1942*), юрист. Во время *MB-I* итальянский представитель в располагавшихся в Лондоне комитетах по пшенице, военным закупкам и морскому судоходству. В 1919 г. юридический советник итальянской делегации на Парижской мирной конференции и член Высшего экономического совета. Посол Италии в Берлине в 1935–1940 гг. — не в лучшее время.

Афталион, Альфред (Aftalion, Alfred; *1874–1956*), французский теоретик делового цикла, оказавший влияние на Д.Х. Робертсона. *JMK* (в 1932 г.) назвал его «безнадежно старомодным по части теории». Это была обычная для *JMK* оценка французских экономистов.

Ачесон, Дин (Acheson, Dean; *1893–1973*), американский юрист, демократ. Помощник государственного секретаря в 1941–1945 гг.; государственный секретарь в 1949–1953 гг. Англофил, друг и почитатель *JMK*. После смерти *JMK* он играл ключевую роль в разработке «доктрины Трумэна», направлявшей противостояние советской агрессии.

Багенал, Барбара, урожд. Хайлс (Bagenal, Barbara, née Hiles; *1891–1994*). Из числа блумсберийских *ежиков*, или *стриженых*. В 1913–1914 гг. училась в SLD; в 1918–1919 гг. работала в изд-ве *Хогарт-пресс*. Имела короткий роман с Дэвидом Гарнеттом, интрижку с *JMK*, водила близкую дружбу с Сэксоном Сидни-Тернером и опекала Клайва Белла в его преклонные годы. В 1918 г. вышла замуж за Николаса Багенала, родила ему дочь и двух сыновей.

Баланчин, Георгий (Balanchine, George; *1904–1983*), американский хореограф русского происхождения. Придумал балетный эквивалент литературного «потока сознания». В 1925 г. стал руководителем и хореографом дягилевских балетов, в 1929 г. обосновался в США. В 1934 г. посетил *JMK* в Тилтоне в связи со съемками фильма «Темно-красная роза», для которого он сочинил балетную сюиту.

Балог, Томас, лорд (Balogh, Thomas, lord; *1905–1985*), британский экономист венгерского происхождения, работал в оксфордском Институте экономики и статистики, в 1940–1945 гг., F. BLL в 1945–1973 гг. В 1930-е гг. работал в Сити для «Фокси» Фолка, затем для Хьюберта Гендерсона. Ведущий представитель левого крыла «шахтианцев», выступавший против Бреттон-Вудского соглашения и американского займа. Именно его имел в виду *JMK*, когда 1 января 1946 г. жаловался Галифаксу на «еврейских экономических советников лейбористского правительства (которые, подобно столь многим евреям, в душе либо нацисты, либо коммунисты...)».

Бальфур, Артур, лорд Риверсдэйл (Balfour, Arthur, lord Riversdale; *1873–1957*), бизнесмен. В 1924–1929 гг. председатель Комиссии по промышленности и торговле, перед которой с показаниями выступал *JMK*. Вместе с *JMK* был в составе Консультативного экономического совета в 1930–1931 гг.

Бальфур, Артур Джеймс, герцог (Balfour, Arthur James, earl of; *1848–1930*), политический деятель, консерватор. Племянник лорда Солсбери и философ-любитель. Ed. Итон и ТСС. Изучал философию под руководством Сиджвика, который женился на его сестре Элеонор, ставшей впоследствии директрисой NWM. Премьер-министр в 1903–1905 гг., первый лорд адмиралтейства в 1915–1916 гг., министр иностранных дел в 1916–1919 гг., председатель Совета в 1919–1920 и 1925–1929 гг. Декларация Бальфура (1917) проложила путь к образованию государства Израиль; нота Бальфура (1922) привела к урегулированию расчетов по американскому долгу. Во время *MB-1* прислушивался к доводам *JMK* против обязательной воинской службы. Но настроения Бальфура никогда не были устойчивыми — по любому вопросу. *JMK* видел в нем человека, «удобно расположившегося между прошлым и будущим». Самую выразительную характеристику дал ему Хью Кингсмилл: «Люди дела восхищались им как философом. Философы — как деловым человеком. Мыслителям из плебеев льстило, что он, аристократ, снисходил до попыток вникнуть в суть вещей; аристократов согревали слухи, что по крайней мере кто-то в их рядах способен последовательно развивать мысль».

Барлоу, сэр Алан (Barlow, sir Alan; *1881–1968*), государственный служащий. Заместитель секретаря Казначейства в 1934–1938 гг.; второй секретарь в 1938–1948 гг. В 1944 г. *JMK* уговорил его санкционировать предоставление Казначейством безвозмездной ссуды Королевской опере в Ковент-Гардене.

Баро, Поль (Bareau, Paul; *1901–2000*), журналист бельгийского происхождения. Специализировался на финансовых вопросах. В 1944–1945 гг. работал при Казначействе.

Барух, Бернард (Baruch, Bernard; *1870–1965*), американский финансист, видный демократ, друг и почитатель Уинстона Черчилля. В 1919 г. член американской комиссии, занимавшейся мирными переговорами, входил также в Высший экономический совет. Прославился тем, что ушел с Уолл-стрит как раз

накануне биржевого краха 1929 г. Никогда не мог простить *JMK* его нападок на Вудро Вильсона (*см.*).

Батлер, Гарольд Бересфорд (Butler, Harold Beresford; *1883–1951*), международный чиновник. Ed. Итон и BLL. В 1905–1912 гг. F. ASC. Школьный друг *JMK*.

Бевин, Эрнест (Bevin, Ernest; *1881–1951*), профсоюзный и политический деятель, лейборист. Генеральный секретарь профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих в 1921–1940 гг., министр труда в 1940–1945 гг., министр иностранных дел в 1945–1950 гг. «Один из миллиона», — говорил он о себе. *JMK* давал ему уроки экономической теории в Комиссии Макмиллана в 1930–1931 гг., но в 1940 г. не смог добиться его поддержки в вопросе об отложенных выплатах.

Беверидж, сэр Уильям, лорд (Beveridge, sir William, lord; *1879–1963*), британский статистик и администратор. Директор LSE в 1919–1937 гг. Один из «социальных экспертов» либеральной партии, своим знаменитым докладом в 1942 г. заложил основы послевоенного государства социальной поддержки. С *JMK* они расходились по вопросам демографии (1923), тарифов (1931) и методологии экономической науки, но оба принимали эдвардианский идеал «надклассовой реформы», проводимой благодетельным государством технократов. Бевериджа интересовало общество, а не люди, и он лелеял надежду, что на смену диктаторам и парламентам придут «просвещенные профессиональные управленцы, которые будут создавать нужные физические и психологические условия жизни». Считал, что «можно безгранично расширять власть государства, не изменяя при этом никаких базовых структур политической, общественной и семейной жизни» (*DNB*). Хозе Гаррис написал выдающуюся биографию этого никем не любимого человека.

Бекасси, Ференц (Bekassy, Ferenc; *1893–1915*), поэт, сын венгерского землевладельца. Ed. BDL и KCC, где изучал историю. Ап., 1912. С началом *MB-1* записался в ряды действующей австрийской армии и лейтенантом гусарского полка погиб в Буковине 25 июня 1915 г. KCC поставил ему отдельный памятник в своей часовне. *JMK* навестил его в Венгрии в 1912 г.

Белл, Анжелика (Bell, Angelica; род. *1918*), дочь Ванессы Белл и Дункана Гранта. *JMK* был ее крестным отцом.

Белл, Клайв (Bell, Clive; *1881–1964*), художественный критик. Ed. MLB и TCC. Спортсмен, страстный поклонник новейшей французской живописи и любитель хорошей жизни, но в Блумсбери считался человеком поверхностным. Женился на Ванессе Стивен в 1907 г.; придумал эстетическую теорию «содержательной формы». Ванесса потеряла к нему интерес, и он жил, последовательно меняя своих подруг, в числе которых была, в частности, Мэри Хатчинсон. Вирджиния Вулф писала о его книге '*Цивилизация*' (1928): «Так занятно читаются первые главы, но в конце концов цивилизация оказывается

всего лишь застольем в доме 50 на Гордон-сквер». *JMK* и Клайв Белл постоянно общались на Гордон-сквер и в Чарлстоне, но в своих воспоминаниях '*Старые друзья*' Белл давал понять, что старые друзья не всегда могут быть лучшими друзьями.

Белл, Джулиан (Bell, Julian; *1908–1937*), поэт. Старший сын Клайва и Ванессы Белл. Ed. LPS. Ап., 1928. *JMK* установил с Джулианом теплые отношения, когда тот приезжал в 1927 г. в Кембридж. Убит за рулем санитарного автомобиля республиканцев на гражданской войне в Испании.

Белл, Квентин (Bell, Quentin; *1910–1996*), историк искусств, декоратор, писатель. Младший сын Клайва и Ванессы Белл. Получив знания в основном путем самообразования, руководил кафедрами изящных искусств в Лидсском, Оксфордском и Суссексском университетах.

Белл, Ванесса, урожд. Стивен (Bell, Vanessa, née Stephen; *1869–1951*), художница. Старшая дочь Лесли и Джулии Стивен. После распада ее брака с Клайвом Беллом имела ряд романов, в частности с Роджером Фраем и Дунканом Грантом. После *МВ-1* Клайв, Ванесса и Дункан жили попеременно в Блумсбери, Чарлстоне и (после 1938 г.) в Касси (Прованс, на юге Франции). *JMK*, избрав Лидию своей любовницей, затем женой, разрушил чарлстонскую «семью». Ванесса невзлюбила Лидию, сначала по наущению Клайва. Младшее поколение не могло понять этого раздора.

Беллерби, Джон Резерфорд (Bellerby, John Rutherford; *1896–1977*), экономист. F. GAC, 1927–1930. Экономический советник Новой партии Мосли (*см.*) в 1931 г. Принимал активное участие в первых обсуждениях монетарной теории *JMK*, затем оказался в стороне от кейнсианской революции и сейчас совсем забыт.

Бентвич, Наоми (Bentwich, Naomi; *1891–1988*). Изучала гуманитарные науки в кембриджском Ньюнем-колледже в 1915–1917 гг. и помогала У.Э. Джонсону в подготовке его трехтомной «Логики». Секретарь *JMK* в 1920–1922 гг. Полагала, что он сознательно разжег в ней любовь, и помутилась разумом, когда он опроверг ее заблуждение. Излечилась в 1927 г. и вышла замуж за Джонаса Бирнберга.

Бергсон, Анри (Bergson, Henri; *1859–1941*), французский философ, чьи теории и интуиции оказали влияние на литературу «потока сознания». Его учение об *élan vital* было воспринято Бернардом Шоу. Был центральной фигурой в культурной жизни начала XX века. *JMK* считал, что «ничего нельзя найти в логике Бергсона, но в его идеях можно найти кое-что весьма интересное, если только удастся добраться до их смысла».

Беренсон, Бернард (Berenson, Bernard; *1865–1959*), собиратель живописи и историк. Его и его жену Мэри Пирсол Смит (*см.* Пирсол Смит, семейство) *JMK* посещал

на вилле *И Татти* близ Флоренции в 1906 г. и еще раз в 1920 г., когда они с Дунканом Грантом (*см.*), разыграли хозяина, каждый выдав себя за другого.

Берджес, Гай (Burgess, Guy; *1910–1963*), дипломат и советский шпион. Ed. Итон и ТСС. Ап. Бежал в СССР в 1951 г.

Берль, Адольф (Berle, Adolf; *1895–1971*), американский юрист. Помощник государственного секретаря в 1938–1944 гг. Входил в «мозговой трест» Нового курса. Внес существенный вклад в экономическую науку написанной в соавторстве с Гардинером Минзом книгой '*Современная корпорация и собственность*' (1932), выявлявшей последствия отделения управления от собственности. Интеллектуал; его жена отличалась англофобией. *JMK* говорил о нем, что это «странная и непривлекательная личность, пребывающая в разладе с собой и миром».

Бернстайн, Эдвард (Bernstein, Edward; *1904–1971*), американский экономист. Помощник директора отдела монетарных исследований в министерстве финансов США в 1941–1946 гг. Своим начетничеством часто приводил *JMK* в ярость, но прекрасно ладил с Деннисом Робертсоном.

Бивербрук, лорд Максвелл Эйткен (Beaverbrook, lord Maxwell Aitken; *1879–1964*), родом из Канады, владелец газет ('*Дэйли экспресс*', '*Ивнинг стэндард*') и английский политический деятель. Министр информации в 1918 г., министр авиастроения в 1940–1941 гг., лорд-хранитель печати в 1943–1945 гг. Вместе с *JMK* выступал против возврата к золотому стандарту и в 1925 г. напечатал в '*Ивнинг стэндард*' его '*Экономические последствия мистера Черчилля*'. Решительный приверженец империи, он был во время *MB-2* противником планов *JMK* с их ставкой на развитие международного экономического сотрудничества.

Бивс, Дональд Говард (Beves, Donald Howard; *1896–1961*), читал лекции по французской литературе в КСС и состоял в его ученом сообществе. Был продюсером многих пьес, поставленных в Кембридже и других местах, сам выступал на сцене.

Бибеско, княгиня Елизавета (Bibesco, princess Elizabeth; *1897–1945*), дочь Асквита и его второй жены Марго; в 1919 г. вышла замуж за румынского дипломата князя Антуана Бибеско, но заигрывала с *JMK*. После обеда с нею в *Савое* Литтон Стрэчи писал 21 октября 1921 г. в письме Мэри Хатчинсон: «Ее самодовольство и совершеннейший идиотизм уместны только в комедии эпохи Реставрации. Она настоятельно требовала, чтобы ей и, к сожалению, также мне были поданы *pâté de foie gras* и какое-то очень густое и сладкое вино, которое она объявила любимым вином Мейнарда».

Биррел, Фрэнсис (Birrell, Francis — *1889–1935*), писатель и переводчик, сын политика-либерала Огастина Биррела. Ed. Итон и КСС, где изучал историю.

«Взъерошенное, похожее на гнома создание в очках», говорил про него Дэвид Гарнетт. *JMK* был им очарован, а Д. Г. Лоуренса, которому он напоминал жука, приводил в ужас. В 1920 г. они с Гарнеттом открыли в Лондоне с помощью *JMK* книжную лавку *Биррел и Гарнетт лимитед*. В 1926 г., выступая в КСС по случаю Дня основателя, *JMK* сказал: «вечеринки, устраиваемые Биррелом, не способно подвести к концу ничто, кроме финансовых затруднений».

Блант, Энтони (Blunt, Anthony; *1907–1983*), историк искусств. Ап., 1927, F. TCC, 1932–1936, директор Института Курто в 1947–1974 гг., смотритель королевской картинной галереи в 1952–1972. В 1979 г. разоблачен как советский агент.

Блэкетт, сэр Бэзил (Blackett, sir Basil; *1882–1935*), финансовый администратор. Ed. MLB и UCO. Поступил на службу в Казначейство в 1904 г. Секретарь Королевской комиссии по финансам и денежному обращению Индии в 1913–1914 гг., в составе которой был и *JMK*. Представитель Казначейства в США в 1917–1918 гг. Работа Блэкетта в должности финансового ревизора Казначейства в 1919–1922 гг. «дала поводы для критики», и в 1922 г. он отправился в Индию руководителем финансов в Совете при вице-короле, осуществил «мощное сокращение расходов», но настроил против себя индийских политиков (*DNB*). Директор Английского банка в 1931 г. С начавшейся в 1931 г. карьерой в Сити не получилось, возможно по причине «импульсивного нрава». Погиб в дорожной аварии. Блэкетт был ближайшим сотрудником *JMK* в Казначействе и его партнером в биржевой игре. В начале 1930-х гг. публично выступал с поддержкой рефляционных предложений *JMK*.

Болдуин, Стэнли, граф Болдуин оф Бьюли (Baldwin, Stanley, earl Baldwin of Bewley; *1867–1947*), политический деятель-консерватор, премьер-министр в 1923, 1924–1929 и 1935–1937 гг. Живое воплощение политики бездействия. В его биографии, написанной Миддлмасом и Барнсом, говорится: он «считал, что возможность решить проблемы бывает редко». *JMK* говорил, что он «сентиментальничает по поводу собственной глупости». Но *JMK* его любил и, согласно дневнику Беатрисы Вебб (запись 19 июня 1936 г.), «всегда выставлял Болдуина как образец государственного деятеля, который мог бы воплотить в жизнь усовершенствованный социализм, если бы собственная партия позволила ему это сделать». В 1930-е гг. *JMK* также одобрял его внешнюю политику (или ее отсутствие).

Болтон, сэр Джордж (Bolton, sir George; *1900–1982*), банкир, советник Английского банка в 1941–1948 гг. Провел организационную подготовку Банка к введению валютного контроля перед *MB-2* и самым настойчивым образом выступал за его сохранение после войны. В 1945 г. поддерживал указанный *JMK* сценарий *Голодного угла*.

Больши (bolshies). Кличка, которую *JMK* и *LK* дали трем русским, запросто передвигавшимся в конце 1920-х гг. между СССР и Великобританией и часто

оказывавшимся гостями на воскресных обедах Лидии. Павел Хэнсель был экономистом, с которым *JMK* познакомился в 1925 г. в Москве. Он безуспешно пытался издать в Москве книжку *JMK* '*Краткий очерк о России*'. *JMK* говорил о нем: «Финансовый советник казначейства этих самых *больши*, но сам очень *анти-больши*. Написал, что весьма удивительно, вполне приличный трактат об английских налогах на наследство». Со временем Шумпетер устроил его на работу в США. Князь Дмитрий Мирский был убежденным марксистом. То и дело ссылался на «любимого Сталина»; опубликованный им очерк об английской интеллигенции был, похоже, в основном создан на Гордон-сквер, 46. Третьим был П. Купалов, ученый-естественник.

Бомон, граф Этьен де (Beaumont, comte Etienne de; *1883–1956*), французский импресарио, пытавшийся подражать Дягилеву. В 1924 г. поставил '*Французские вечера*' *(Les Soirées de Paris)* с участием *LK*.

Бонд, Генри (Bond, Henry; *1853–1938*), друг Невилла Кейнса. Директор ТНС в 1919–1929.

Бонэм-Картер, леди Вайолет (Bonham Carter, lady Violet; *1887–1969*), английская политическая деятельница, дочь Асквита, вышла замуж за сэра Мориса Бонэма Картера («Боджи»). В 1926 г. защищала Асквита от *JMK*.

Боуен, Вера (Bowen, Vera; *1889–1971*), хореограф и продюсер балетов и пьес. Русская по происхождению, она была в 1920-е гг. ближайшей подругой *LK*. Родившись на Украине, она завершила образование в Швейцарии, где вступила в свой первый брак со швейцарским врачом по имени Виктор Донне, который развелся с ней по той причине, что она «слишком много читает в ущерб своим супружеским обязанностям». Перебралась в Париж, где познакомилась с Дягилевым, и в 1914 г. обосновалась в Лондоне. В 1922 г. вышла замуж за Гарольда Боуена (1896–1956). Это был ученый-арабист, сын богатого дельца, сделавшего себе состояние в Южной Америке. Наделенная множеством талантов, обладавшая добрым чувством юмора и знавшая толк в нарядах, она до 1925 г. была для Лидии опорой в ее артистической и личной жизни. Позднее их отношения испортились, потому что, как жаловалась *LK*, «Вера чересчур критически относилась ко всему на свете: Белгрэйвиа[λ], а не Блумсбери».

Боули, Артур (Bowley, Arthur; *1869–1957*), статистик. Профессор статистики в Лондонском университете в 1919–1936 гг. Был основным поставщиком данных, на которые опирался *JMK* в своих «интуициях».

Брайс, Роберт (Bryce, Robert; *1910–1997*), канадский экономист и государственный служащий. Сделанные им на студенческой скамье в кембриджском

[λ] Район Лондона недалеко от Гайд-парка.. Считается, что здесь живут аристократы-снобы (в отличие от богемно-артистической публики Блумсбери).

Сент-Джонз-колледже записи лекций *JMK* в 1932–1934 гг. являются важным источником сведений о происхождении '*Общей теории*'. В 1935 г. познакомил с новой теорией *JMK* Лондонскую школу экономики. Служил в министерстве финансов Канады в 1938–1945 гг. *JMK* жаловался ему (10 июля 1935 г.) на «ужасающее начетничество» экономистов, «позволяющее им совершенно не считаться с собственной интуицией».

Браун (Brown), семья матери *JMK*. Доктор Джон Браун (Dr John Brown; *1830–1922*), отец Флоренс Ады Кейнс и дед *JMK*. Священник Парковой часовни на Читэм-Хилл-роуд в Манчестере в 1855–1864 гг.; священник общины Буниана в Бедфорде в 1864–1903 гг.; председатель конгрегационалистского союза в 1891 г. Автор многочисленных работ о пуританизме, в том числе книги '*Джон Буниан, его жизнь, время и труд*' (1885). В 1859 женился на Аде Хэйдон Форд (Ada Haydon Ford; *1837–1929*), с которой у него было три сына и три дочери. Помимо матери *JMK*, это были Алиса Браун (Alice Brown; *1864–1947*), врач; Джесси (Jessie; *1866–1949*), которая вышла замуж за Альберта Ллойда; Уолтер Лэнгдон-Браун (Walter Langdon-Brown; *1870–1946*), которого дети Кейнса называли «дядя Морж», знаменитый врач; Гарольд Браун (Harold Brown; 1873–1957), бизнесмен, «милейший из Браунов»; и Кеннет Браун (Kenneth Brown; *1879–1958*), стряпчий. Невилл Браун (Neville Brown; *1904–1995*), бизнесмен, был сыном Гарольда Брауна. Секретарь Клуба политической экономии (кембриджского Клуба Кейнса) в 1923–1924 гг.; в 1926 г. снабжал *JMK* полезной информацией о состоянии прядильной промышленности и в 1934 о положении в США — по итогам своей поездки туда.

Браунинг, Оскар (Browning, Oscar; *1837–1923*), школьный учитель и кембриджская знаменитость. Ed. Итон и КСС. Ап., 1858. Учительствовал в Итоне в 1860–1875 гг. Смешен с должности директором д-ром Хорнби по «не подтвержденному фактами обвинению в недостойном поведении» (*DNB*), в связи со скандалом, в котором был замешан, в частности, Джордж Натаниэль Керзон, будущий министр иностранных дел. В 1880 г. вернулся в КСС, где читал лекции по истории. Умер в Риме.

Бриджес, сэр Эдвард (Bridges, sir Edward; *1892–1969*), государственный служащий. Секретарь Кабинета в 1938–1946 гг.; постоянный секретарь Казначейства в 1945–1956 гг. Сменил *JMK* на последней неделе переговоров об американском займе в 1945 г.

Брод, Чарльз Дунбар (Broad, Charles Dunbar; 1887–1971), философ. Преподаватель этики в Кембридже в 1933–1953 гг. В межвоенный период был «разносчиком» кембриджской философии, рецензировал '*Трактат о вероятности*' *JMK*.

Брук, преподобный Алан Инглэнд (Brooke, rev. Alan England; *1863–1933*) священнослужитель, ректор КСС в 1926–1933 гг. Перед выборами на эту должность был «компромиссным» кандидатом между *JMK* и Клэпэмом.

Брук, Джастин (Brooke, Justin; *1885–1963*), фермер-садовод. Изучал право в EML. Основатель драматического общества Марлоу в 1907 г.; друг Руперта Брука.

Брук, Руперт Чонор (Brooke, Rupert Chawnor; *1887–1915*), поэт. Ed. RGB и KCC. Ап., 1908. F., 1913. 23 апреля 1915 г., находясь в рядах действующей армии, умер от заражения крови в Скиросе. Внешняя красота Брука, но не его умственные способности, зачаровывала блумсберийцев, которых он стал со временем презирать. С *JMK* они были добрыми, но не близкими друзьями; теснее Брук был связан с братом *JMK* Джеффри, который, как и он сам, учился в RGB. Младший брат Брука Альфред, поступивший в KCC в 1909 г., тоже погиб на войне.

Брэдбери, сэр Джон, лорд (Bradbury, sir John, lord; *1872–1950*), государственный служащий. Один из двух постоянных секретарей Казначейства в 1913–1919 гг.; представитель Великобритании в комиссии по репарациям в 1919–1925 гг. Казначейские билеты, выпущенные во время *MB-1*, получили в народе известность как *«брэдбери»*. Один из главных разработчиков политики возврата к золотому стандарту. *JMK* конфликтовал с ним по этому поводу и позднее, в 1930 г., на заседаниях Комиссии Макмиллана.

Брэйлсфорд, Генри Ноэль (Brailsford, Henry Noel; *1873–1958*), журналист-социалист. Редактор '*Нью лидера*' — органа независимой лейбористской партии — в 1922–1926 гг. Безуспешно втолковывал своим читателям идеи *JMK* насчет денежной реформы, хотя сам был последователем Дж.А. Гобсона. В середине 1920-х гг. Брэйлсфорд и *JMK* вели переписку, но общего языка не находили: слишком много социализма было на одной стороне и чересчур крепка кембриджская закваска — на другой.

Брэйтвэйт, Ричард (Braithwaite, Richard; 1900–1986), философ. Ап., 1921. F. KCC, 1924; профессор этики в 1953 г. Добрый, но не близкий друг *JMK*. Говорил лающим голосом, и его манеру вести беседу Литтон Стрэчи находил «весьма утомительной».

Брэкен, Брендан (Bracken, Brendan; *1901–1958*), журналист и политик. Один из близких людей Черчилля, был министром информации в 1940–1945 гг.

Брэнд, Роберт Генри, лорд (Brand, Robert Henry, lord; *1878–1963*), банкир и государственный служащий. Сын виконта Гемпдена. Ed. NCO. 1-й ист. Стал f. ASC. Директор «Лазар бразерс» в 1909–1960 гг. Впервые *JMK* познакомился с ним в 1919 г. на Парижской мирной конференции, где он был финансовым советником лорда Роберта Сесила. «Человек в высшей степени обаятельный, с мягким голосом и подкупающей внешностью близорукого», он оказался «исключительно подходящим для отыскания точек согласия» между *JMK* и ортодоксией Сити в Комиссии Макмиллана в 1930 г. (*DNB*). После 1941 г. постоянно находился в Вашингтоне в ролях главы

Британской продовольственной миссии в 1941–1944 гг., председателя Британского совета снабжения в 1942 г., представителя Казначейства в 1944–1946 гг. Один из лучших умов, брошенных Британией в финансовую битву с США, Брэнд был ослеплен, но не подавлен яркостью *JMK*. Их дружба была прочной, хотя и не близкой. В некрологе, помещенном в '*Таймс*' в связи с его кончиной, говорилось, что этот «хозяин лондонского частного банка был экономистом, философом и, в определенных пределах, государственным деятелем».

Брюнинг, Генрих (Bruning, Heinrich; *1885–1970*), политический деятель Германии. Канцлер в 1930–1932 гг. *JMK* встречался с ним в Берлине в 1932 г., когда тот и сказал, что «не откажется от дефляции за сто метров до финиша».

Бутби, Роберт (Boothby, Robert; *1900–1986*), политик-консерватор. Один из первых видных «кейнсианцев» в парламенте; во время *MB-2* был «шахтианцем» главным образом ввиду своего резко враждебного отношения к золотому стандарту. Название его автобиографии при первом ее издании было по ошибке искажено — вместо '*I Fight to Live*' ('*Веду борьбу, чтобы жить*') напечатали '*I Fight to Love*'/ ('*Веду борьбу, чтобы любить*').

Валуа, Нинетт де (Valois, Ninette de; *1898–2001*), английская танцовщица, хореограф и основательница балетной труппы *Вик-Уэллс*. В 1946 г. *JMK* помог ее балетной труппе обосноваться в Королевской опере в Ковент-Гардене. Подруга *LK* — но не близкая.

Вальрас, Леон (Walras, Leon; *1834–1910*), французский экономист и несостоявшийся инженер. Основатель теории общего равновесия, в которой равновесие представлено как модель экономики, предполагающая решение системы уравнений. Стал в каком-то смысле (с точки зрения методологии) самым влиятельным экономистом всех времен, особенно после перевода в 1954 г. на английский язык его книги '*Элементы чистой экономической теории*' ('*Elements of Pure Economics*'; 1874–1877). Как считал Шумпетер, «это единственный труд экономиста, способный выдержать сопоставление с достижениями теоретической физики». Другие (в том числе *JMK*) считали, что эта работа открывает путь бесплодному формализму. Интересно, что англосаксонская экономическая мысль усвоила классически французский стиль.

Вебб, Беатриса, урожд. Поттер (Webb, Beatrice, née Potter; *1858–1943*), жена Сиднея Джеймса Вебба, лорда Пассфилда (1859–1947), оба лидеры Фабианского общества. В межвоенные годы у *JMK* и *LK* сложились теплые отношения с обоими, но особенно с Беатрисой, книга которой '*Мое ученичество*' (1926) покорила *JMK*. В глазах *JMK* эта пара социалистов была воплощением бескорыстного служения обществу, и он принимал близко к сердцу упорные старания Беатрисы заменить свою утраченную христианскую веру служением человечеству. Беатриса восхищалась его интеллектуальной энергией, но сомневалась в серьезности его суждений. Лидия рассказывала о своем

визите в Пассфилд-Корнер в 1933 г.: «Старая леди великолепна, будь то в послеобеденное время, когда она надевает голландскую шапочку, или вечером, когда возлежит на диване, облаченная в черные шелка». На одной вечеринке в 1930-х гг. Беатриса сказала *JMK*: «Ах, мистер Кейнс, мы с огромным интересом ждем, как ваша теория излечит безработицу». *JMK* ответил: «О, обо всем этом можно прочитать в докладе меньшинства, миссис Вебб».

Вебстер, Дэвид (Webster, David; *1903–1971*), розничный торговец. Тесно сотрудничал с *JMK* при восстановлении Ковент-Гардена в 1945–1946 гг. Генеральный администратор Королевской оперы в 1946–1970 гг.

Венн, Джон (Venn, John; *1834–1923*), логик и историк. F. GAC, Кембридж, 1857; его президент в 1912–1923 гг. Один из инициаторов введения в Кембридже экзаменов *трайпос* по гуманитарным дисциплинам. Его книгу '*Логика случайности*' ('*Logic of Chance*'; 1866) *JMK* критиковал в своем '*Трактате о вероятности*'.

Виксель, Кнут (Wicksell, Knut; *1851–1926*), шведский экономист, основатель стокгольмской школы. *JMK* называл его своим «великим прародителем в заблуждениях». Проводившееся им различие между «рыночной» и «нормальной» ставками процента (и их возможное расхождение) *JMK* принял в '*Трактате о деньгах*' (1930), но потом отказался от него, усмотрев здесь лишь исключительный случай равновесия. *JMK* недооценивал Викселя, считая его слишком академичным и формалистично мыслящим, но не был достаточно хорошо знаком с его трудами. Подобно *JMK*, Виксель сочетал свободомыслие в частной жизни (однажды угодил в тюрьму за богохульство) со стремлением указать способ стабилизации экономической системы, усматривая в «решении» экономической проблемы необходимое условие повышения качества жизни.

Вильсон, сэр Горас (Wilson, sir Horace; 1882–1972), государственный служащий. Постоянный секретарь Казначейства в 1932–1942 гг. Сразу по достижении возраста, дававшего право на получение пенсии, вышел в отставку.

Вильсон, Вудро (Wilson, Woodrow; *1856–1924*), американский политический деятель. Президент Соединенных Штатов в 1912–1920 гг. Профессор юриспруденции и политических наук в Принстонском университете в 1897–1910 гг. Вильсона-профессора *JMK* ставил выше Вильсона-президента и, сильно преувеличивая его ответственность за «изоляционизм» США, в '*Экономических последствиях мира*' назвал его «незрячим и глухим Дон Кихотом», чем оттолкнул от себя многих своих естественных союзников среди либералов в Соединенных Штатах.

Винант, Джон Гилберт (Winant, John Gilbert; *1889–1947*), американский государственный служащий и политический деятель. Посол США в Лондоне в 1941–1946 гг. Покончил с собой — застрелился. Стойкий англофил и большой друг *JMK* и *LK*.

Винер, Джекоб (Viner, Jacob; *1892–1970*), американский экономист, профессор экономической теории в Чикагском университете в 1925–1946 гг. Консультант государственного департамента в 1943–1952 гг. «В межвоенное время ведущий теоретик цен и торговли и просто величайший среди всех когда-либо существовавших историков экономической мысли» (*Blaug*). Критические замечания Винера в его рецензии на '*Общую теорию*' были из числа тех немногих, что *JMK* воспринял серьезно. Среди них и знаменитое: «В мире, устроенном по предписаниям Кейнса, постоянно шла бы гонка между печатным станком и деловыми представителями профсоюзов, и проблема безработицы решалась бы главным образом за счет способности печатного станка крутиться быстрее». В 1943 г. *JMK* вел с ним переписку по поводу Международного валютного фонда.

Винсон, Фредерик («Судья») (Vinson, FredericK («Judge»); *1890–1953*), американский юрист из Кентукки. Министр финансов в 1945–1946 гг.; в 1946 г. назначен главным судьей Верховного суда США. *JMK* скрещивал с ним шпаги дважды — на переговорах об американском займе (1945) и на конференции в Саванне (1946).

Витгенштейн, Людвиг (Wittgenstein, Ludwig; *1889–1951*), философ австрийского происхождения, возможно, самый значительный в XX веке. Родился в Вене, изучал философию у Рассела в ТСС, 1912–1913. Ап., 1912. *JMK* почитал его как гения, но обнаружил, что его общество слишком утомляет. Отношения Витгенштейна с *JMK* «омрачались его сверхчувствительностью и невротической склонностью истолковывать всякие мелочи как признаки отчуждения или неверности» ('*Times Literary Supplement*', 18 октября 1974 г.). Фрэнсис Партридж пишет, что «в смешанной компании его речи часто были набором крайних банальностей и жалких потуг на юмор, прикрашенных унылой улыбкой». Нередко говорилось о влиянии Витгенштейна на эпистомологию *JMK*. Парсонс пишет, что оба они видели «необходимость общности языка и «форм жизни» как предварительного условия, без которого невозможны содержательные, пусть и не рациональные, дискуссии и общение», то есть, чтобы дискуссия могла быть плодотворной, надо сначала одинаково «видеть» вещи.

Волфит, Дональд (Wolfit, Donald; *1902–1968*), актер-режиссер старой школы. *JMK* учил его, как надо ставить '*Жаль, что она шлюха*' — пьесу, которая появилась на сцене кембриджского Театра искусств в апреле 1940 г.

Вуд, сэр Кингсли (Wood, sir Kingsley; *1881–1943*), политический деятель-консерватор. Канцлер Казначейства в 1940–1943 гг. В 1941 г. представлял парламенту первый «кейнсианский» бюджет.

Вулф, Леонард (Woolf, Leonard; *1880–1963*), писатель и издатель, муж Вирджинии Вулф, урожденной Стивен (*1882–1941*). Ed. SPS и ТСС. Ап., 1902. Чиновник колониальной службы на Цейлоне в 1904–1911 гг. Во время *МВ-1* писал о «международном правительстве». Вместе с Вирджинией основал в 1917 г. изд-

во *Хогарт-пресс*. Литературный редактор '*Нации*' в 1923–1930 гг. Вулфы жили в Родмеле, в нескольких милях от Тилтона в Восточном Суссексе, и постоянно обменивались визитами с Кейнсами. В апреле 1941 г. Вирджиния Вулф покончила с собой. В своей автобиографии Леонард назвал *JMK* «любвеобильным человеком», но не похоже, чтобы сам он одаривал его любовью. На страницах своего дневника Вирджиния Вулф постоянно критиковала и *JMK*, и *LK*. Вулфы держались единого мнения, что у *JMK* блестящий, даже великий ум, но плохой характер — эгоистичный, властный, самоуверенный.

Галик, Лютер (Gulick, Luther; *1892–1993*), американский экономист. Специальный помощник министра финансов США в 1941–1943 гг. Не исключено, что предложение Галика о создании Международного агентства развития повлияло как на Кейнса, так и на Уайта, которые выдвинули проекты послевоенных монетарных учреждений, завершившиеся образованием Международного банка реконструкции и развития.

Галифакс, Эдвард Вуд, лорд (Halifax, Edward Wood, lord; *1881–1959*), политический деятель-консерватор. Ed. Итон и CHR Глава управления (министерства) образования, 1922–1924; вице-король Индии в 1925–1931 гг.; министр иностранных дел в 1938–1940 гг.; посол Великобритании в США в 1941–1946 гг. Во время миссий *JMK* в Вашингтоне установил с ним тесные отношения, основанные на взаимном уважении, которое переросло в глубокую привязанность. Проводил с *JMK* много времени в разговорах об Итоне. Оказывал на *JMK* успокаивающее действие во время переговоров об американском займе.

Гамильтон, Грэнвилл *см*. Проби (Hamilton, Granville, see Pro By).

Гарвин, Джеймс Луис (Garvin, James Louis; *1868–1947*), журналист. Редактор '*Обсервера*' в 1908–1942 гг. Решительный сторонник Ллойд Джорджа и поклонник *JMK*. На удивление, *JMK* никогда не писал для '*Обсервера*', несмотря на большое влияние, которое имело это издание в то время.

Гарнетт, Дэвид («Кролик») (Garnett, David (Bunny); *1892–1981*), писатель. Ed. RSC. Друг *JMK* и один из основных его защитников в группе Блумсбери. *JMK* говорил о нем как о человеке «земном». Его лучший роман '*Леди-лиса*' ('*Lady into Fox*'), в котором он развернул свои познания в биологии, был опубликован в 1922 г. В 1924 г. приобрел Хилтон-холл в Хантингдоншире. *JMK* платил за учебу двух сыновей его и Рэй Маршалл, на которой он женился в 1921 г. В 1942 г. его женой стала Анжелика Белл. В 1933 г. посетил *JMK* в Тилтоне, прилетев туда на собственном аэроплане.

Гаррис Фрэнк (Harris, Frank; *1858–1931*), журналист и — по его собственным словам — бесподобный любовник. В Женеве в 1922 г. брал интервью у *JMK* для '*Pearson's Magazine*', но написанное Гаррисом *JMK* так не понравилось, что он не разрешил это печатать.

Гендерсон, сэр Хьюберт (Henderson, sir Hubert; *1890–1952*), экономист и государственный служащий. Ed. RGB и EML. F. CLC, и преподаватель экономической теории в 1919–1923 гг. До *МВ-1* студент Кейнса, в межвоенный период сотрудничал с *JMK* главным образом как редактор *'Нации'* в 1923–1930 гг. и в роли второго секретаря Экономического консультативного совета в 1930–1934 гг. F. ASC, 1934. Вершиной его интеллектуального сотрудничества с *JMK* стала брошюра *'Может ли Ллойд Джордж сделать это?'* (1929). Впоследствии они разошлись в вопросах теории и экономической политики. Гендерсон не был теоретиком класса *JMK*, но он проницательно судил о характере *JMK* и имел четкие представления о границах осуществимого. Его экономическое кредо в значительной мере отражено в письме, которое он написал *JMK* 10 июля 1925 г.: «Ужасающе опасно отстаивать какую бы то ни было линию, успех которой зависит от несгибаемой решимости исполнять соответствующие предписания, на что едва ли можно рассчитывать, так что провал окажется очевидным и драматичным... Мораль в том, что отстаивать следует только те идеи, от которых можно ждать больше пользы, чем вреда, если они будут проводиться в жизнь мягко и ненавязчиво». Во время *МВ-2 JMK* и Гендерсон, оба связанные с Казначейством, продолжали спорить и пререкаться, поскольку Гендерсон ставил перед собой задачу торпедировать «утопические» планы послевоенных преобразований. Алек Кэрнкросс писал: «Он доводил реализм до точки сопротивления каким-либо внушениям и критически относился к любым предложениям, вместо того чтобы изыскивать способы наилучшего использования имеющихся возможностей». Исайя Берлин называл его «человеком глубоких убеждений, которым он следовал четко и со спокойной страстностью».

Гиблин, Линдхерст Фолкнер (Giblin, Lyndhurst Faulkner; 1875–1951), австралийский экономист. Изучал математику в КСС. *JMK* переписывался с ним в начале 1930-х гг. В конце 1920-х гг. самостоятельно пришел к понятию (внешнеторгового) мультипликатора.

Гиллебод, Клод (Guillebaud, Claude; *1890–1971*), экономист. Племянник Альфреда Маршалла и F. кембриджского Сент-Джонз-колледжа в 1915–1971 гг. Обеспечивал *JMK* большей частью информации об экономической системе нацистской Германии.

Гитлер, Адольф (Hitler, Adolf; *1889–1945*), германский диктатор и военный руководитель. Канцлер Германии в 1933–1945 гг. В конце 1930-х гг. *JMK*, как и А.Дж.П. Тэйлор, считал его расчетливым оппортунистом. Но 22 августа 1939 г. написал, что, «по всей видимости, он в значительной мере подтверждает то, что, по словам Скотленд-Ярда, особенно отличает всех преступников, а именно неспособность разнообразить свои методы».

Глазгоу, Мэри (Glasgow, Mary; *1905–1983*), государственная служащая, администратор в сфере художественного творчества. Генеральный секретарь *CEMA*

и Совета искусств в 1939–1951 гг. В 1942–1946 гг. *JMK* писал ей чуть не каждый день, но исключительно по организационным вопросам искусства.

Гобсон, Джон Аткинсон (Hobson, John Atkinson; *1858–1940*), экономист и журналист. Ed. Городская школа Дерби и LNC. Более всего известен своей теорией недостаточного потребления и как критик империализма, оказавший влияние на Ленина. Его не взяли на работу в университет, и по этому поводу он заметил: «Я с трудом сознавал, что, создав впечатление, будто сомневаюсь в доблести неуемной бережливости, я впадаю в непростительный грех». *JMK*, который до *MB-1* жестоко громил его взгляды, в '*Общей теории*' изящно подправил свое мнение. Старший брат Дж. Гобсона Эрнест Уильям Гобсон (Ernest William Hobson; *1856–1933*), учил *JMK* математике в Кембридже. Племянник, Оскар Рудольф Гобсон (Oscar Rudolf Hobson; *1886–1961*), был журналистом, освещавшим дела Сити; до *MB-1* учился в КСС. «Как все Гобсоны, — говорил о нем *JMK*, — он всегда поставит справедливость выше целесообразности».

Годли, Джон Артур (Godley, John Arthur, first lord Kilbracken; *1847–1932*), государственный служащий. Ed. RGB и BLL. Заместитель постоянного секретаря Управления по делам Индии в 1883–1909 гг. Был там начальником *JMK*.

Голдернес, сэр Томас Уильям (Holderness, sir Thomas William; *1849–1924*), государственный служащий. Глава отдела доходов, статистики и торговли в Управлении по делам Индии в 1901–1912 гг. Постоянный заместитель министра в 1912 г.

Гольденвейзер, Эммануэль (Goldenweiser, Emmanuel; *1883–1953*), американский статистик. Директор отдела исследований и статистики управления Федеральной резервной системы в 1926–1945 гг.

Гопкинс, Гарри (Hopkins, Harry; *1890–1946*), американский политик и деловой человек. Специальный советник президента Рузвельта в 1940–1945 гг.

Гопкинс, сэр Ричард Вэлентайн (Hopkins, sir Richard Valentine; *1880–1955*), государственный служащий. Ed. EDS и EML. 1-й кл. и ист. Председатель Управления внутренними доходами в 1922–1927 гг.; в Казначействе прошел все карьерные ступени, заняв в конце концов должность постоянного секретаря (министра) в 1942–1945 гг. Тверже всех представителей Казначейства противостоял *JMK* в Комиссии Макмиллана. В 1940 г. привел *JMK* в Казначейство. *JMK* очень уважал и любил «Гоппи», который отходил от своих довоенных ортодоксальных взглядов на налоговые и монетарные проблемы. Гопкинс сознавал, что в военное время *JMK* укрепляет позиции Казначейства и предоставлял ему широкую свободу действий.

Готри, Ральф (Hawtrey, Ralph; *1879–1975*), государственный служащий и экономист. Ed. Итон и ТКК. 19-й мат., 1898. Ап., 1900. Пришел на службу в Казначейство в 1904 г. и долгое время, занимая пост директора финансовых иссле-

дований в 1919–1945 гг., был там единственным профессиональным экономистом. Казначейство изредка вспоминало о его существовании. Предвосхитил *JMK* в представлении, что изменения цен суть следствия, а не причины изменений в производстве и занятости, и *JMK* называл его одним из «прародителей заблуждений», другим был Деннис Робертсон. Во время *MB-2* написал множество записок по поводу первых набросков *JMK* к проекту Клирингового союза.

Грант, Джеймс Дункан (Grant, James Duncan Corrow; 1885–1978), художник. Ed. SPS и SLD, учился у Жака-Эмиля Бланша в Париже. Возлюбленный *JMK* и его пожизненный друг. Нарисовал портрет Дункана Форбса как иллюстрацию к книге Д.Г. Лоуренса '*Любовник леди Чаттерлей*' — «этакого смуглого парня, похожего на Гамлета, с прямыми темными волосами и мрачным кельтским отношением к самому себе». Кузен Литтона Стрэчи, живой эмоциональный символ группы Блумсбери. Расписывал жилые комнаты *JMK* в КСС и на Гордон-сквер, был автором декораций нескольких балетов с участием *LK*. *JMK* поддерживал Ассоциацию лондонских художников, в которой Грант и Ванесса Белл занимали главенствующее место. В 1930-е гг. его репутация поблекла, и в 1937 г. *JMK* назначил ему пожизненную ренту.

Грегг, сэр Корнелиус (Gregg, sir Cornelius — ум. 1959), актуарий. Председатель Управления внутренними доходами в 1942–1958 гг. Вместе с *JMK* входил в 1945 г. в Комиссию, изучавшую состояние внутренней задолженности. *JMK* говорил ему, что ростовщичество есть то же самое, о чем ведет речь его теория процентной ставки, исходящая из предпочтения ликвидности.

Грегори, сэр Теодор (Gregory, sir Theodore; *1890–1970*), экономист германского происхождения. Профессор экономической теории в LSE в 1927–1937 гг. Вместе с *JMK* был в составе Комиссии Макмиллана. Выступал за возврат к золотому стандарту и не принимал точки зрения *JMK*, что денежная политика способна устранить колебания делового цикла.

Гринфелл, Эдуард («Тедди») (Grenfell, Edward (Teddy); *1870–1941*), банкир. Он и его жена Флоренс («Флорри»), урожд. Гендерсон (1888–1971), в 1920-е гг. входили в круг ближайших друзей *LK*.

Григг, Перси Джеймс (Grigg, Percy James; *1890–1964*), государственный служащий. Личный секретарь Уинстона Черчилля во время возврата к золотому стандарту. Ему принадлежит единственный отчет об ужине, на который Черчилль пригласил *JMK*, Маккенну, Нимейера и Брэдбери, перед тем как принять это решение.

Гувер, Кэлвин (Hoover, Calvin; *1897–1974*), американский экономист, специалист по сельскому хозяйству. *LK* говорила, что «он всегда лезет в страну, поднятую на дыбы, и что-то про нее корябает». Это по поводу его исследований советской и нацистской экономических систем. *JMK* как-то ужинал с ним в

Вашингтоне в 1934 г.; в 1945 г. они переписывались по вопросу о германских репарациях.

Гувер, Герберт (Hoover, Herbert; *1874–1974*), американский политический деятель. Руководил американской помощью Европе во время *МВ-1* и после заключения перемирия; член Верховного экономического совета в 1919 г. Президент Соединенных Штатов в 1929–1933 гг.

Гудинаф, Фредерик (Goodenough, Frederick; *1866–1934*), банкир. Председатель правления Барклиз-банка во время дебатов о возвращении к золотому стандарту.

Гэйдж, виконт Генри Рэйналд (Gage, viscount, Henry Rainald; *1895–1982*), землевладелец, хозяин Тилтона, арендованного *JMK* в 1925 г. Член совета графства Ист Суссекс в 1924–1974 гг., один из ведущих специалистов страны по системам очистки сточных вод. «Многие члены группы Блумсбери были его арендаторами... Всех их он принимал у маяка Ферл и относился к их разнообразным занятиям с присущей ему терпимостью и сообразуясь с собственными лишенными догматизма, но твердыми христианскими убеждениями, подкрепленными основательным знакомством с Писанием...» (Некролог в '*Таймс*' 3 марта 1982 г.)

Гютт, Камиль (Gutt, Camille; *1884–1971*), бельгийский журналист и политический деятель. Первый директор-распорядитель МВФ в 1946–1951 гг.

Д'Абернон, Эдгар, виконт (d'Abernon Edgar, viscount; *1857–1941*), финансист и дипломат. Британский посол в Берлине в 1920–1926 гг., когда *JMK* приезжал туда в составе комитета экспертов. Решительно поддерживал позицию *JMK* в вопросе о репарациях. В своей книге '*Посол мира*' ('*An Ambassador of Peace*'; 1929) оставил один из умнейших и занимательнейших отчетов о дипломатической работе.

Даллес, Джон Фостер (Dulles, John Foster; *1888–1959*), американский юрист и политический деятель. Советник Комиссии США на мирных переговорах и член Высшего экономического совета в 1918–1919 гг. Государственный секретарь США в 1952–1959 гг.

Данлоп, Джон Томас (Dunlop, John Thomas; 1914–), американский экономист. На его статью '*Движение ставок реальной и денежной зарплаты*' ('*The Movement of Real and Money Wage Rates*' — в соавторстве с Л. Таршисом, *EJ*, September 1938) последовал ответ *JMK*. В словаре *New Palgrave* безосновательно утверждается, что статья Данлопа «заставила Кейнса признать, что в его '*Общей теории*' была дана неверная оценка взаимоотношения этих ставок в ходе цикла». *JMK* лишь отметил, что вопрос требует дальнейшего изучения.

Дарвин, семейство (Darwin family.) У Чарльза Дарвина (Charles Darwin; *1809–1882*) было три сына, ставших научными знаменитостями; все были

выпускниками TCC. Сэр Джордж Дарвин (sir George Darwin; *1845–1912*), профессор астрономии в Кембридже; сэр Фрэнсис Дарвин (sir Francis Darwin; *1848–1925*), ботаник; и сэр Горас Дарвин (sir Horace Darwin; *1851–1928*), инженер и конструктор научных приборов. Дочь сэра Джорджа Гвен (Gwen; *1885–1957*) вышла замуж за художника Жака Рэвера (Jacques Raverat; *1885–1925*); ее сестра Маргарет (Margaret; ум. *1974*) в 1917 стала женой брата *JMK* Джеффри; дочь сэра Фрэнсиса Фрэнсис (Frances; *1886–1960*) вышла замуж за ученого-классициста Фрэнсиса Корнфорда (Francis Cornford; *1874–1943*). Это о сэре Джордже Дарвине *JMK* писал отцу в 1999 г.: «Его руки, конечно же, выглядели так, что он вполне мог произойти от обезьяны».

Дауэс, Чарльз Гэйтс (Dawes, Charles Gates; *1865–1951*), американский бизнесмен и банкир. В 1923–1924 гг. председатель Комиссии Дауэса, которая подготовила предоставление Германии займа Дауэса.

Де Валера, Имон (de Valera, Eamon; *1882–1975*), ирландский политический деятель. Премьер-министр Ирландии в 1933 г., когда *JMK* посетил Дублин в надежде уговорить его отказаться от «безумных планов с пшеницей».

Дент, Эдвард (Dent, Edward; *1876–1967*), британский музыковед. F. KCC, 1902–1908. Профессор музыки в Кембридже в 1926–1941 гг. Мечтал сделать с оперой то, что Нинетт де Валуа сделала с балетом — создать ее *британский* репертуар и стиль, для начала добиться, чтобы оперные арии исполнялись по-английски. В 1944 *JMK* ввел его в опекунский совет Королевской оперы в Ковент-Гардене.

Дернфорд, сэр Уолтер (Durnford, sir Walter; *1847–1926*), ректор KCC в 1918–1926 гг. Его племянника Хью Дернфорда в 1919 г. сделали главным казначеем. Он нравился *JMK*, который, однако, отправил его в 1935 г. на пенсию, поскольку он постоянно вносил путаницу в счета.

Джаннини, Амедео (Giannini, Amedeo; *1886–1960*), итальянский юрист и дипломат. *JMK* познакомился с ним в 1919 г. на Парижской мирной конференции.

Джевонс, Уильям Стэнли (Jevons, William Stanley; *1835–82*), экономист и логик. Ed. UCL, 1851, профессор политической экономии в UCL в 1876–1881 гг. Знаменит своими теориями предельной полезности и зависимости деловых спадов от солнечной активности. Герой одного из биографических эссе *JMK*.

Джей, Дуглас (Jay, Douglas; *1907–1996*), политик-лейборист. Один из первых лейбористских «кейнсианцев».

Джеймс, Генри (James, Henry; *1843–1916*), романист американского происхождения, пользовался большим успехом в группе Блумсбери. В 1909 г. в Кембридже *JMK* дал завтрак в его честь. Говорят, лежа на смертном одре, он поз-

вал секретаря и сказал: «Я хочу продиктовать несколько увядших и поблекших слов...», после чего не произнес уже ни звука.

Джонс, Джесси (Jones, Jesse; *1874–1955*), техасский бизнесмен. Управляющий службой федерального займа в 1939–1945 гг., министр торговли в 1940–1945 гг. «Заем Джесси Джонса» был одним из достижений *JMK*. «Я, — сказал однажды Джесси Джонс, — вырос в уверенности, что для удовлетворения в жизни существуют три самые необходимые вещи: семья, религия и деньги». Артур Шлезингер заметил по этому поводу: «Кто-то может усомниться, что приоритеты в этом ряду расставлены правильно; но люди усвоили, что шутки шутить с Джесси Джонсом не следует».

Джонс, Томас (Jones, Thomas; *1870–1955*), государственный служащий и доверенное лицо премьер-министра. Секретарь Фонда паломников в 1930–1945 гг.

Джонсон, Уильям Эрнест (Johnson, William Ernest; *1858–1931*), логик. Ed. Королевский институт Ливерпуля и KCC. 11-й мат., 1882, 1-й гум., 1883. F. KCC и преподаватель гум. в 1902–1931 гг. Его '*Логика*' вышла в трех томах в период с 1921 по 1924 г. Автором самых оригинальных упражнений в учебнике формальной логики Невилла Кейнса был Джонсон, плодовитость которого в создании задач и силлогизмов не знала границ. Мальчишкой *JMK* нетерпеливо ерзал, когда за обеденным столом ему приходилось слушать, как отец и Джонсон обсуждают логические задачи, но на его собственной теории вероятности сказалось влияние этого логика. «Милостивое освобождение, — написал *JMK LK*, когда Джонсон умер, — потому что его ум разрушился почти полностью...»

Джонстон, Томас (Johnston, Thomas; *1881–1965*), политик-лейборист. В 1928 г. в Летней школе либералов *JMK* вел с ним дискуссию о социализме. Он не имел представления о том, что Британия может отказаться от золотого стандарта.

Дикинсон, Голдсуорзи Лоус (Dickinson, Goldsworthy Lowes; *1862–1932*), гуманист и философ. Ed. CRT и KCC. Ап., 1885. F. KCC, 1887–1932. Наиболее известны его книги '*Как смотрели на жизнь древние греки*' (1896), '*Письма Джона-китайца*' (1901) и '*Международная анархия*' (1926); последняя представляла собой анализ причин *MB-1*. По мнению Шеппарда, она могла бы быть признана «величайшим вкладом Кембриджа в исторические исследования». *JMK* писал Э.М. Форстеру (26 августа 1933 г.): «В разное время я получал от Голди множество писем, но выбрасывал их из отвращения к качеству бумаги и машинописи».

Добб, Морис (Dobb, Maurice; *1900–1976*), экономист. Преподаватель экономической теории и F. TCC, 1924–67. Марксист, заметной роли в развитии «кейнсианской революции» не играл, но на *JMK* оказала влияние его статья '*Скептический взгляд на теорию зарплаты*' ('*A Sceptical View of the Theory of Wage*'), появившаяся в декабрьском (1929) выпуске '*Экономического журнала*'.

Добсон, Фрэнк (Dobson, Frank; *1888–1963*), скульптор. Автор скульптурного портрета *LK* (1924).

Догтарт, Джеймс Гамильтон (Doggart, James Hamilton; *1900–1989*), врач-офтальмолог. Ed. KCC. Ап., 1919, но философии предпочитал регби. Его воспоминания о кембриджских *Апостолах* тех дней находятся в *Смешанных архивах* (*Miscellaneous Papers*) в библиотеке KCC.

Долин, Антон (Dolin, Anton; *1904–1983*), танцовщик балета и хореограф. Настоящее имя Сидней Фрэнсис Патрик Чиппендэйл Хили-Кэй. Был партнером *LK*, танцевал в постановках Общества Камарго. *LK* считала его слишком глупым, чтобы он мог стать по-настоящему выдающимся танцовщиком.

Долтон, Хью (Dalton, Hugh; *1887–1962*), экономист и политический деятель-лейборист. Ed. Итон и KCC, где изучал экономическую теорию под руководством Пигу и *JMK*. В кругу *JMK* всегда имел прозвище «Дэдди». Как преподаватель экономической теории в LSE в 1923–1936 гг., сочетал веру в перераспределенческую функцию налогообложения с твердой приверженностью свободе торговли и количественной теории денег. Министр экономического обеспечения войны в 1940–1942 гг.; председатель Управления (министр) торговли в 1942–1945 гг.; канцлер Казначейства в 1945–1947 гг. Поддерживал *JMK* по Бреттон-Вудсу и отстаивал линию своего ведомства на свободу торговли, но на посту канцлера колебался в отношении к американскому займу, о котором договорился *JMK* в 1945 г. В какой-то мере они уважали друг друга, но теплых чувств между ними не было. У Долтона был громовой голос, и однажды он использовал его на полную мощь, когда по коридору проходил Черчилль. «Кто это кричит?» — спросил он. «Это Долтон. Он говорит с Эдинбургом». — «Почему, черт возьми, он не воспользуется телефоном?» — поинтересовался Черчилль.

Доусон, Джеффри (Dawson, Geoffrey; *1874–1944*), журналист. Редактор '*Таймс*' в 1923–1944 гг. В 1920-е гг. отказывался печатать статьи *JMK* на экономические темы; в 1930-е гг. пригласил его к сотрудничеству. *JMK* не нравилась его линия в отношении Мюнхена, но в ноябре 1939 г. Доусон предоставил полосы своей газеты под статьи *JMK*, превратившиеся затем в брошюру '*Как оплатить войну*'. Под его руководством '*Таймс*' была флюгером господствующих кругов Британии.

Дрейк, Фрэнсис Кортни (Drake, Francis Courtney; *1868–1915*), государственный служащий. Ed. WCH и NCO Помощник секретаря отдела доходов и статистики Управления по делам Индии в 1907–1912 гг.

Дуглас, майор Клиффорд Хью (Douglas, major Clifford Hugh; *1879–1952*), инженер, ставший экономистом, основатель Социального кредита. Самый знаменитый «чудак» в области экономической мысли межвоенных лет. Его *теорема A+B*, сулившая избавление от дефляции и безработицы, находила себе

страстных последователей в фермерских кругах Австралии, Канады и Новой Зеландии. *JMK* зачислил его в «бравую армию еретиков».

Дундас, Роберт Гамильтон (Dundas, Robert Hamilton; *1884–1957*), преподаватель классических дисциплин. Ed. Итон и ССН. Младший преподаватель истории Древней Греции и надзиратель в ССН. Друг *JMK*.

Дурбин, Эван (Durbin, Evan; *1906–1948*), экономист и политик-лейборист. Воспитанный в LSE критик '*Общей теории*' *JMK*. В стараниях склонить лейбористскую партию к поддержке своей брошюры '*Как оплатить войну*' *JMK* (необъяснимым образом) обошел вниманием Дурбина и других экономистов-лейбористов.

Дэвенпорт, Эрнест Гарольд («Николас») (Davenport, Ernest Harold (Nicholas); *1893–1979*), финансовый обозреватель и брокер. Ed. CLT и QUO, 1-й ист. Большую часть межвоенного времени он работал с *JMK* как редактор отдела Сити в '*Нации*' в 1920–1930 гг., в '*Нью стейтсмене*' после 1930 г. и как директор *Национальной компании взаимного страхования жизни* с 1931 по 1969 г. В 1932 г. основал клуб *XYZ* с целью просветить лейбористов в финансовых делах. Разделял установку *JMK* на дешевые деньги, но *JMK* противился его планам «большевизировать» британскую военную экономику в соответствии с рецептами изданной им книги '*Vested Interests or Common Pool*' (1941). Его '*Воспоминания радикала из Сити*' — это наилучший рассказ о деятельности *JMK* в Сити. Дэвенпорт считал, что *JMK* занимался спекуляциями больше ради проверки своей теории вероятности, чем ради денег. Когда *JMK* «увлекал вас полетом своей фантазии или изложением своих доводов, это было все равно что слушать симфонию Моцарта».

Дэвидсон, Джон Колин Кэмпбелл (Davidson, John Colin Campbell; *1889–1970*), политик и знаменитый политический «посредник». *JMK* познакомился с ним в Казначействе во время *МВ-1*, когда канцлером был Бонар Ло, и впоследствии прибегал к его услугам для связи с Бонаром Ло и Болдуином.

Дэвидсон, семейство (Davidson family). Всего было пять братьев, из которых четверо учились в Кембридже в начале 1920-х. Дэди Райлэндс пишет: «Старший был шотландским помещиком; Элистер делал карьеру военного моряка, дорос, вероятно, до вице-адмирала; Малколм был певцом — не шибко преуспевавшим; оставшиеся два, из Блумсбери, Энгас и Дуглас учились со мной в Кембридже (в Модлин-колледже) и были моими друзьями — Дуглас был близким другом всегда. Энгас (1898–1980) писал биографию Эдуарда Лира и переводил с итальянского... некоторое время он, как и все мы, работал в «Хогарт-пресс». Дуглас был протеже Ванессы и Дункана — художник и дизайнер, расписавший мою южную комнату (в КСС). Оказываясь в Лондоне, мы поселялись на Гордон-сквер. Мы устроили памятную летнюю встречу с Филипом Ритчи, на которой присутствовали... группа Блумсбери, весь русский балет, Марго Асквит, Оттолайн, Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбэнкс».

Дэвис, Норман Эзекиа (Davis, Norman Hezekiah; *1878–1944*), американский банкир. Помощник министра финансов США в 1917 г.; член американской Комиссии, участвовавшей в мирных переговорах и член Высшего экономического совета в 1918–1919 гг. В межвоенный период активно участвовал в дипломатической деятельности США, связанной с проблемами финансов и разоружения.

Дэвис, Клемент (Davies, Clement; *1884–1962*), политик-либерал. Член парламента от Монтгомеришира в 1929–1962 гг. «В 1939 г., в начале войны, стал председателем комитета действия палаты общин, ставившего целью добиваться самого эффективного ведения войны и пользовавшегося поддержкой членов всех трех партий» (*DNB*).

Дэвис, семейство (Davies family). У преподобного Джона Ллевелина Дэйвиса (1826–1916), выпускника TCC, известного проповедника и богослова, последователя Ф.Д. Мориса, было два сына — Кромптон (Crompton; *1868–1935*) и Теодор (Theodore; *1870–1905*), оба *Апостолы* поколения Мура — Рассела. Их сестра Маргарет (Margaret; *1861–1944*), активистка движения за права женщин, дружила с Вирджинией Вулф. Их тетка Сара Эмили (Sarah Emily; *1830–1921*) была основательницей GRT.

Дягилев, Сергей (*1872–1929*), русский балетный импресарио. Имел большое культурное влияние на поколение *JMK*. *LK* и *JMK* всегда называли его «Большой Серж»; *JMK* многократно встречался с ним в Лондоне и в Монте-Карло.

Зангер, Чарльз Перси (Sanger, Charles Percy; *1872–1930*), статистик и адвокат. Ed. WCH и TCC. Ап., 1902. Играл роль связующего звена между двумя поколениями «апостолов» — Рассела и Кейнса. Вирджиния Вулф писала о нем в 1916 г.: «Он выглядит очень невыспавшимся, сморщенным и задавленным работой, но выдает забавнейшие хохмы и шутки, и при этом его глаза сверкают и он становится похожим на карлика на ковре». По словам Лоуса Дикинсона, он представлял собой тип кембриджского человека, который «отрешен от мира, но не святой, лишен честолюбивых устремлений, но не бездеятелен, полон благорасположения, но не сентиментален».

Зикерт, Уолтер (Sickert, Walter; *1860–1942*), художник. В 1924 г., работая над портретом *LK*, говорил, что голова у нее как у голубя.

Иден, Энтони, впоследствии лорд Эвон (Eden, Anthony, later lord Avon; *1897–1977*), политический деятель-консерватор. Министр в 1935–1938 и 1940–1945 гг.; премьер-министр в 1955–1957 гг. *JMK* поддерживал в 1930-е гг. его политику «героической неспешности», но во время *MB-2* в нем разочаровался и считал, что сменить Черчилля на посту премьер-министра должен не Иден, а сэр Джон Андерсон (*см.*).

Идзиковский, Станислас (Idzikovsky, Stanislas; *1894–1972*), танцовщик польского происхождения, часто бывал партнером *LK*.

Иди, сэр Уилфрид (Eady, sir Wilfrid; *1890–1962*), государственный служащий. Ed. CLF и JCC. Глава Управления тарифов и акцизов в 1940–1942 гг., второй секретарь Казначейства, отвечавший за внешнюю финансовую политику в 1942–1952 гг. Восхищался *JMK*, но *JMK* приходил в отчаяние из-за отсутствия у него профессиональной хватки. Иди выступал против стратегии, которую *JMK* предлагал для переговоров об американском займе и едва не вызвал срыв самих этих переговоров в ноябре 1945 г.

Ишервуд, Кристофер (Isherwood, Christopher; *1904–1980*), писатель. В 1937 г. приезжал в Тилтон с У.Г Оденом, чтобы обсудить постановку в кембриджском Театре искусств пьесы '*На границе*'.

Йосс, Курт (Jooss, Kurt; *1901–1979*), танцовщик балета и хореограф германского происхождения. Изгнанный из Германии, он основал с базой в Дарлингтон-холле балетную труппу *Йосс балеты*. *JMK* пригласил его балет в Кембридж в декабре 1939 г. «Он был первым международно признанным хореографом, попытавшимся создать синтез классического и современного танца» *(The Concise Oxford Dictionary of Ballet)*.

Калдор, Николас (Kaldor, Nicholas; *1908–1986*), английский экономист венгерского происхождения. Первый на экзаменах по экономической теории в LSE в 1930 г. Лектор, LSE, в 1932–1947 гг. Один из самых сильных экономистов-«интуитивистов» XX века. Его опубликованная в 1939 г. в '*Экономическом журнале*' статья «Профессор Пигу о денежной зарплате в связи с безработицей» существенно содействовала обращению экономистов в кейнсианство. Во время *МВ-2* Калдор находился большей частью в Кембридже, где стал членом ученого сообщества ТСС в 1949–1986 гг. и кембриджским профессором экономической теории в 1965–1975 гг. *JMK* любил и уважал его.

Калецки, Михал (Kalecki, Michal; *1899–1970*), польский экономист. «Посмертно признан экономистом, который самостоятельно разработал многие положения кейнсианской системы» (*Blaug*). Во время *МВ-2* предложил всеохватывающее нормирование в противовес бюджетным решениям, описанным *JMK* в его '*Как оплатить войну*'. Леффингвелл (*см.*) называл его предложения «коммунистической системой, рассчитанной на то, чтобы поставить всех нас в очередь за хлебом...» После *МВ-2* преподавал в Польше экономическую теорию.

Кан, Ричард Фердинанд (Kahn, Richard Ferdinand; *1905–1989*), экономист, «любимый ученик» *JMK*. Ed. SPS и KCC. 1-й в *трайпос* II по экономической теории в 1928 г. F. KCC начиная с 1930 г. Выдающимся вкладом в кейнсианскую революцию явилась его теория мультипликатора (множителя) в 1931 г., но его собственный научный интерес состоял в том, чтобы соединить выдвигавшуюся Сраффой и Джоан Робинсон теорию несовершенной конкуренции с начатой *JMK* макроэкономической революцией. Шеппард называл его «очень милым мальчиком». Предпочитая оставаться в тени, помогал в работе другим, вместо того чтобы доводить до завершения собственные разра-

ботки. Во время *МВ-2* был временным служащим Управления торговли, затем экономическим советником Оливера Литтлтона на Ближнем Востоке, потом опять в Лондоне служил в министерстве снабжения и министерстве производства. *JMK* не смог устроить его в Казначейство, и в войну их тесное рабочее сотрудничество на долгое время было прервано. После войны был одним из двух доверительных управляющих, опекуном наследства *JMK*.

Канлиф, лорд (Cunliffe, lord; *1855–1919*), банкир. Управляющий Английского банка в 1913–1918 гг. Уволенный Бонаром Ло, он возглавил Комиссию Канлифа, ратовавшую за восстановление золотого стандарта.

Капица, Петр *(1895–1984)*, советский физик. Лауреат Нобелевской премии (1978). *JMK* несколько раз встречался с ним в 1920-е гг., когда он работал у Резерфорда в Кавендишской лаборатории в Кембридже и занимался исследованиями, внесшими вклад в «расщепление атома». В Клубе Капицы с базой в Тринити-колледже вперемешку шли научные и политические дискуссии, способствовавшие в 1920-е гг. проникновению коммунизма в среду молодых кембриджских ученых.

Каррингтон, Дора Хафтон (Carrington, Dora Houghton; *1893–1932*), художница. В школе Слейда в нее был страстно влюблен Марк Гертлер, в 1915 г. она воспылала неимоверной, пожиравшей ее до конца дней страстью к Литтону Стрэчи. Они наладили совместную жизнь, сначала в Милл-хаузе, Тидмарш, а после 1924 г. обосновались в Хэм Спрэе, близ Хангерфорда, что, впрочем, не помешало ей выйти в 1921 г. замуж за Ральфа Партриджа и завести несколько романов с мужчинами и женщинами. В Милл-хаузе «одним из ее любимых гостей был Мейнард Кейнс, и хотя она ровным счетом ничего не смыслила в экономике и политике... нравилось слушать, как он рассуждает о мировых делах, пока она убирает стол после завтрака» (J.H. Doggart). В 1932 г., вскоре после смерти Стрэчи, покончила с собой.

Карсавина, Тамара (*1885–1978)*, танцовщица классического балета. Обосновалась в Лондоне в 1918 г.; большой друг *LK*.

Кассель, Густав (Cassel, Gustav; *1866–1945*), шведский экономист. Его учебник '*Теория социальной экономики*' (1918), который в сильно упрощенном виде представлял вальрасовскую систему общего равновесия, был «в межвоенные годы, вероятно, наиболее широко читаемым учебником экономической теории» (*Blaug*). Создатель теории валютных курсов, определяемых «паритетом покупательной способности», Кассель вместе с *JMK* входил в 1922 г. в состав собравшегося в Берлине комитета экспертов. Позднее стал критиком экономической теории Кейнса.

Кассель, сэр Эрнест (Cassel, sir Ernest; *1852–1921*), финансист. В 1920 г. предоставил *JMK* кредит на 5 тысяч фунтов и выручил его из беды, в которую завели его валютные спекуляции.

Квиксвуд, Хью Сесил («Жердь»), лорд (Quickswood, Hugh Cecil (Linky), lord; *1869–1956*), политик и священнослужитель Высокой церкви. Был (все более эксцентричным) ректором Итона (1936–1944) в то время, когда *JMK* состоял там членом ученого сообщества. В 1944 г. вышел в отставку, сказав на прощание вошедшие в классику слова: «Вместо рая я отправляюсь в Боримаут».

Кейнс, Флоренс Ада (Keynes, Florence Ada; *1861–1958*), мать *JMK*. Старшая дочь преподобного Джона и Ады Хейдон Браун. Ed. домашнее и NWM в 1878–1880 гг. В 1882 г. вышла замуж за Дж.Н. Кейнса. Секретарь кембриджского отделения Благотворительного общества в 1894–1928 гг. Председатель кембриджского совета попечителей в 1907 г. Основательница и председатель Национального союза женщин-работниц в 1912 г. Первая женщина в составе совета кембриджской городской общины в 1914 г.; член городского управления в 1931 г.; мэр в 1932–1933 гг. В 1917 г. основала деревню-общину Папуорт. Президент Национального женского совета. Организовала Кембриджскую подростковую биржу труда. Почетный F. NWM, 1954. «Самая занятая женщина в Кембридже».

Кейнс, сэр Джеффри Лэнгдон (Keynes, sir Geoffrey Langdon; *1887–1982*), военный врач, любитель и собиратель книг. Младший брат *JMK*. Ed. RGB и PMC. 1-й ест. Как врач сделал выдающуюся карьеру в больнице Св. Варфоломея[λ]. Среди литераторов более всего был известен своими библиографическими справочниками к сочинениям Уильяма Блэйка и изданиями его произведений. Во время *MB-2* служил в авиации как старший медицинский консультант и исполняющий обязанности вице-маршала. В 1917 г. женился на Маргарет, урожденной Дарвин (1890–1974). *JMK* с интересом и вниманием относился к их четырем сыновьям — Ричарду (р. 1919), Квентину (р. 1921), Мило (р. 1924) и Стивену (р. 1927).

Кейнс, Джон Невилл (Keynes, John Neville; *1852–1949*), отец *JMK*. Логик и управляющий делами университета. Единственный сын Джона Кейнса из Солсбери (John Keynes of Salisbury; *1806–78*) и Анны Мейнард Кейнс (Anna Maynard Keynes; *1821–1907*), хотя у него была также сводная сестра Фэнни Мария Перчейз, урожд. Кейнс (Fanny Maria Purchase, née Keynes; *1836–1933*). Ed. Эмершем-холл, UCL и PMC. F. PMC, 1876–1882; почетный F. в 1911 г., старший университетский преподаватель гум. в 1884–1911 гг.; помощник секретаря экзаменационно-преподавательского синдиката в 1882–1892 гг.; секретарь в 1892–1910 гг.; управляющий делами Кембриджского университета в 1910–1925 гг. Автор '*Уроков и упражнений в формальной логике» (1884) и «Предмета и метода политической экономии*' (1891).

Кейнс, Лидия, урожд. Лопухова (*1892–1981*), балерина, жена *JMK*.

Кеннеди, Джордж (Kennedy, George; *1882–1954*), архитектор. Друг *JMK*, выпол-

[λ] Старейшая в Великобритании (основана в XII в.) больница.

нивший ряд его заказов, включая перестройку КСС, реконструкцию дома в Тилтоне и строительство кембриджского Театра искусств. Вопреки новейшему поветрию функционализма, специализировался на перестройке жилых домов.

Керзон, Джордж Натаниэль, маркиз (Curzon, George Nathaniel, marquess of; *1859–1929*), британский политический деятель. Вице-король Индии в 1899–1905 гг., министр иностранных дел в 1919–1924 гг.

Керри, Лафлин (Currie, Laughlin; *1902–1993*), американский экономист и государственный служащий, канадского происхождения. Административный помощник президента в 1939–1945 гг.; заместитель главы Внешнеэкономического управления в 1943–1945 гг. Сам сторонник кейнсианской экономической теории, Керри поддерживал политику министерства финансов США, предусматривавшую использование ленд-лиза для ограничения золотых и долларовых резервов Британии. *JMK* считал его настроенным антибритански, особенно в вопросе об Индии. Возможно, был советским агентом, хотя до сих пор сохраняются основания в этом сомневаться.

Кидди, Артур Уильям (Kiddy, Arthur William; *1868–1950*), финансовый обозреватель. Член клуба *Вторник*.

Килинг, Фредерик Хиллерсдон («Бен») (Keeling, Frederic Hillersdon (Ben); *1886–1916*). Ed. WCH и TCC. В 1906 г. заново организовал университетское фабианское общество. Был убит на Сомме.

Киндерсли, сэр Роберт (Kindersley, sir Robert; *1871–1954*), банкир. Партнер *Лазар бразерс* и председатель Национального комитета сбережений в 1920–1946 гг. Выступал против предложений *JMK* о принудительных сбережениях.

Кларк, Кеннет, лорд (Clark, Kenneth, lord; *1903–1983*), администратор в учреждениях искусства и художественный эксперт. Ed. WCH и TCO. Директор Национальной галереи в 1934–1945 гг.; при *JMK* состоял в совете *CEMA*. Кларк считал, что *JMK* «расходует свои блестящие дарования слишком расточительно».

Кларк, Колин (Clark, Colin; *1905–1989*), австралийский статистик. Ed. Oxford, LSE. Был в штате Экономического консультативного совета в 1930–1931 гг., где помогал Ричарду Кану в первых прикидках теории мультипликатора. Младший преподаватель статистики в Кембридже в 1930–1937 гг. Первопроходческая работа Кларка о статистике национального дохода послужила базой для брошюры *JMK* '*Как оплатить войну*' (1940). Незадолго до смерти *JMK* с удовольствием воспринял его утверждение, что 25 процентов национального дохода есть верхний предел, до которого может безопасно доходить налогообложение в мирное время. *JMK* считал его «чем-то вроде гения —

единственным, пожалуй, из встречавшихся мне экономических статистиков, кто представляется мне первоклассным знатоком дела».

Кларк, Ричард («Отто») (Clarke, Richard (Otto); *1910–75*), государственный служащий. Ed. CHH и CLC, 1-й мат. Во время *МВ-2* служил в различных министерствах и в 1945 г. был назначен помощником секретаря (министра) Казначейства. Испытывал на себе *ослепляющее* воздействие *JMK*, но безжалостно критиковал его стратегию переговоров о займе в 1945 г. Смерть *JMK* оставила его в положении самого грозного «рыцаря» Казначейства, как обладавшего способностью очень быстро составлять документы.

Клемансо, Жорж («Тигр») (Clemenceau, Georges (the Tiger); *1841–1929*), французский политический деятель. Премьер-министр Франции в 1917–1919 гг. и председатель Парижской мирной конференции. *JMK* познакомился с Клемансо, когда тот был в очень преклонном возрасте, отнюдь уже не переводчиком Джона Стюарта Милля и не яростным радикалом первых лет Третьей республики.

Клотц, Луи-Люсьен (Klotz, Louis-Lucien; *1868–1930*), французский юрист и политик. Министр финансов в 1910, 1911, 1917–1920 гг.; играл ведущую роль в составлении финансовых статей Версальского договора. Конец его карьере положил финансовый скандал. Клемансо о нем говорил: «Это единственный известный мне еврей, лишенный всяких способностей вести финансовые дела».

Клэй, сэр Генри (Clay, sir Henry; *1883–1954*), экономист. Ed. гимназия в Рэдфорде и UCO. Экономический советник Английского банка в 1933–1944 гг., директор оксфордского Наффилд-колледжа в 1944–1949 гг. «Он был либералом гладстоновского пошиба, который, признавая, что живет в XX веке, полагал тем не менее, что своим вмешательством в экономическую жизнь правительство поставит под угрозу свободу личности». (*DNB*). Несмотря на это, Клэй обычно выступал в поддержку *JMK*, говоря — в статье, написанной по просьбе Кейнса для его приложения к '*Манчестер гардиан*', — что проводить аналогию между индивидуумом и государством «глубоко неправильно». Отдельному человеку в трудные времена приходится сокращать свои расходы, но государство, поступая таким же образом, денег не «сбережет», потому что его сбережения поглотит безработица. *JMK* впервые стал это утверждать в 1929 г.! «Мягкий, ученый, понимающий и чуждый догматизму» (*DNB*).

Клэйтон, Уильям (Clayton, William; *1880–1966*), американский торговец хлопком из Техаса. Помощник государственного секретаря в 1944–1945 гг.; заместитель госсекретаря по экономическим вопросам в 1945–1947 гг. Бизнесмен с либеральными взглядами, он представлял государственного секретаря Джеймса Бирнса на переговорах о займе в 1945 г. «Уилл Клэйтон был высок, поразительно красив, изящно одет, четок, любезен, уверен в себе и

стоял на своем так упорно, что его жена, твердо державшаяся либеральных взглядов, не всегда могла им управлять» (Дж.К. Гэлбрэйт). *JMK* считал, что на переговорах по займу он чересчур напирал на «аналогии с бизнесом».

Клэпэм, Джон (Clapham, John; *1873–1946*), историк экономики. Вице-ректор КСС в 1933–1945 гг. Нападал на методологию «пустого ящика», которую считал отличительной чертой формализованной экономической теории. По мнению *JMK*, эта его позиция проистекала из недоразумения.

Кобболд, Кэмерон («Ким») (Cobbold, Cameron, *Kim*; *1904–1987*), банкир. Исполнительный директор Английского банка в 1938–1945 гг.; заместитель директора в 1945–1949 гг.; управляющий в 1949–1961 гг. Главный представитель Английского банка на переговорах, завершившихся заключением Трехстороннего соглашения в 1936 г. Протеже Монтегю Нормана.

Кокс, Кэтрин Лэрд («Ка») (Cox, Katherine Laird, *Ka*; *1887–1938*), состояла на гражданской службе. Ed. NWM. «Неоязыческая» подруга Руперта Брука. В 1919 г. вышла замуж за Уильяма Арнольда-Фостера.

Кокс, Оскар (Cox, Oscar; *1905–1966*), американский юрист. Генеральный советник в администрации ленд-лиза в 1941–1943 гг.; в 1943–1945 гг. работал во Внешнеэкономическом уравлении. В 1943 г. *JMK* отозвался о нем как о «единственном, кто остался из старых друзей», связанных с делами ленд-лиза, но предупредил, что «он часто предлагает вам свое мнение под видом согласованной установки, выдает свои пожелания за непреложные факты».

Коммонс, Джон Роджер (Commons, John Roger; *1862–1945*), американский экономист-институционалист. Профессор экономической теории в университете Висконсина в 1904–1934 гг. Видный американский критик *laissez-faire*, оказавший в 1920-е гг. влияние на *JMK*. Работы Коммонса имели целью отвести «коллективным действиям», понимаемым как набор приемов управления (или законов), достойное место в экономической теории. Сторонник денежной реформы, он, как и *JMK*, считал, что экономическая наука должна сочетать статистические данные с «проницательностью», определяемой как «просветление, понимание и эмоциональное ощущение надлежащего состояния вещей».

Коул, Артур Фредерик Андре (Cole, Arthur Frederick Andre; *1882–1968*), адвокат и библиофил. Ed. CLF и КСС. Всю жизнь вел с *JMK* переписку, обсуждая с ним покупки и коллекционирование книг.

Коул, Джордж Дуглас Говард (Cole, George Douglas Howard; 1889–1959), писатель-социалист и экономист. Член экономического совета и Комитета экономической информации в 1930–1939 гг. *JMK* называл его «очень способным писателем, но плодовитым журналистом, не очень-то склонным к критическому восприятию самого себя».

Коэн, Бенджамин (Cohen, Benjamin; *1894–1963*), американский юрист. Протеже Феликса Франкфуртера. В 1941 г. был советником посла США в Лондоне, *JMK* обсуждал с ним возможность получения займа под обеспечение ценными бумагами, представляющими британскую собственность в Северной Америки.

Крёгер, Ивар (Kreuger, Ivar; *1880–1932*), шведский спичечный король. Был уличен в мошенничестве и покончил с собой. *JMK* видел в нем скорее жертву, чем преступника.

Криппс, сэр Ричард Стаффорд (Cripps, sir Richard Stafford; *1889–1952*), юрист и политический деятель. Во время *МВ-2* член черчиллевской коалиции от лейбористской партии. Министр торговли в 1945–1947 гг.; канцлер Казначейства в 1947–1950 гг. В 1945 г. был в составе лондонской команды министров, занимавшейся переговорами о займе. Криппс с его «вытянутым, упрямым лицом пуританского святого» (Дэвенпорт), был живым символом послевоенного режима строгой экономии.

Кристи, Джон (Christie, John; *1882–1962*), основатель ежегодных оперных фестивалей в Глайндборне с 1934 г. Его установки в области культуры породили в 1945 г. конфликт между ним и *JMK*.

Кросби, Оскар Терри (Crosby, Oscar Terry; *1861–1947*), американский бизнесмен. Директор трамвайной компании. Стал помощником министра финансов США и председателем союзнического совета военных закупок и финансов в 1917–1919 гг. Автор книги «Электрические железные дороги в теории и на практике» (1926).

Кроули, Лео (Crowley, Leo; ум. *1972*), американский бизнесмен. Глава Внешнеэкономического управления в 1943–1945 гг. Его, ирландца по происхождению, англичане сильно подозревали в стремлении использовать ленд-лиз в ущерб интересам Британии. *JMK* как-то сказал, что его лицо похоже на «ягодицы бабуина».

Крэват, Пол Дреннан (CravatH, Paul Drennan; *1861–1940*), американский юрист. Советник американской миссии в союзническом совете по военным закупкам и финансам в Лондоне и Париже в 1918 г.

Кук, Сидней Рассел (Cooke, Sidney Russell; *1895–1930*), биржевой брокер. Партнер в фирме *Роу и Питмэн*. Один из ближайших друзей *JMK* в студенческие годы в КСС, в 1920-е гг. был вместе с ним содиректором *Национальной компании взаимного страхования жизни*. Покончил жизнь самоубийством в 1930 г. «Молодой человек с привлекательной внешностью, темно-каштановыми волосами и карими глазами, аристократическим носом и несколько высокомерными манерами, свойственными высшему классу» (Николас Дэвенпорт).

Кулидж, Кэлвин (Coolidge, Calvin; *1872–1933*), американский политический деятель. Президент Соединенных Штатов в 1925–1929 гг. Не хотел прощать долги союзникам: «Мы давали им деньги взаймы, не так ли?»

Курто, Сэмюэл (Courtauld, Samuel; *1876–1947*), промышленник, собиратель живописи, филантроп. Его семья корнями восходила к ювелирам-гугенотам, переселившимся в Англию в XVII столетии. В 1921 г. стал председателем правления семейной фирмы по производству искусственного шелка, внедрял прогрессивные методы производства. Большой друг и почитатель *LK*, был в то же время для *JMK* самым прочным связующим звеном с деловым миром. Вместе с *JMK* выступил гарантом Ассоциации лондонских художников. Собирал полотна импрессионистов, но постимпрессионистского искусства не любил. В 1923 г. пожертвовал 50 тысяч фунтов на покупку картин французских живописцев для галереи *Тейт* и основал *Художественный институт Курто*. Его жена Элизабет («Лил») (ум. 1931), дочь Эдварда Келси, финансировала три балетных сезона в Ковент-Гарден, в 1925–1927 гг., и основала в 1929 г. концертный клуб *Курто-Сарджент*. *LK* часто ужинала в лондонском доме Курто на Портмэн-сквер, 20 и потом жаловалась на тяжелую пищу.

Куно, Вильгельм (Cuno, Wilhelm; *1876–1933*), немецкий бизнесмен и политический деятель. Канцлер Германии в 1922–1923 гг. Связь с Куно (через Мельхиора) дала *JMK* возможность играть в 1923 г. роль неофициального посредника между английским и германским правительствами.

Куэ, Эмиль (Coué, Emile; *1857–1926*), французский психолог; его теория аутотренинга была в моде в межвоенное время. Своим пациентам он предлагал повторять: «Каждый день во всех отношениях я становлюсь все лучше и лучше». Среди обращенных им в свою веру были лорд Керзон (*см.*) и друг *JMK* Роберт Брэнд (*см.*).

Кэйз, Уолтер (Case, Walter; *1885–1937*), американский банкир-инвестор. Основатель (1916), президент и директор *Кэйз, Помрой и Ко*, частной нью-йоркской инвестиционной компании со специализированной исследовательской организацией. В начале 1930-х гг. *JMK* регулярно посылал ему доклады об экономической ситуации, а во время своих визитов в США в 1931 и 1934 г. использовал как базу штаб-квартиру фирмы в Нью-Йорке. Кэйз был критиком Нового курса.

Кэннан, Эдвин (Cannan, Edwin; *1861–1935*), экономист. Профессор политической экономии в LSE в 1907–1926 гг. Его старомодная теория денег сделала его в 1920-е гг. виднейшим противником «монетаристов-реформаторов», подобных *JMK*. Его переписка с *JMK* во время *MB-1* служит важным источником сведений о монетаристских идеях *JMK*. Например, в письме Кэннану от 17 октября 1917 г. косвенно выражалась мысль, что Казначейство не управляет поступлением денег в обращение, но оно само собой меняется сообразно потребностям деловой жизни.

Кэнни, сэр Джеральд (Canny, sir Gerald; *1881–1954*), государственный служащий. Председатель Управления внутренними доходами в 1938–1942 гг. Кэнни на корню зарубил предложенную *JMK* для покрытия военных расходов схему дополнительного повышения подоходного налога, но компромисс, достигнутый насчет кредитования подоходного налога, открыл дорогу составлению бюджета 1941 г.

Кэрнкросс, Александр, впоследствии сэр Алек (Cairncross, Alexander, later sir Alec; *1911–1998*), экономист и государственный служащий. Ed. UGL и TCC. В 1932–1935 гг. слушал лекции *JMK*. В 1935–1939 гг. преподаватель экономической теории в Кембриджском университете. Экономический советник правительства его величества в 1961–1964 гг.; глава экономической службы правительства в 1964–1969 гг.

Кэттернс, Бэзил Гейдж (Catterns, Basil Gage; *1886–1969*), банкир. Заместитель управляющего Английского банка в 1936–1945 гг.

Кэттоу, Томас, лорд (Catto, Thomas, lord; *1879–1959*), банкир. Финансовый советник Казначейства в 1940–1944 гг., управляющий Английского банка в 1944–1949 гг. Его, мальчика из шотландской рабочей семьи, вывело на вершину Сити «сочетание личных достоинств и умения использовать возможности всякий раз, как только они появляются» (*DNB*). Очень низкорослый. К тому времени, когда он стал управляющим Английского банка, некоторые считали, что он «совсем прижился» в Казначействе.

Лаббок, Сэмюэл Гарни (Lubbock, Samuel; *1873–1958*), учитель. Ed. Итона и KCC. 1-й кл. Был наставником *JMK* в Итоне.

Лабордер, Марсель (Labordere, Marcel; *1869–1946*), французский журналист, писавший о финансах. Впервые связался с *JMK* в 1911 г., и до самой смерти *JMK* между ними продолжалась переписка, главным образом на темы денег и биржевой психологии. Друг друга они считали поэтами экономической науки. Письма *JMK* Лабордеру исчезли.

Ламберт, Констан (Lambert, Constant; *1905–1951*), композитор. Дирижер в Обществе Камарго; писал музыку для балетов Фреда Эштона. Друг *LK* и постоянный гость на ее воскресных обедах. Великий любитель спиртного, он находил, что в Тилтоне его угощали чересчур скромно.

Ласки, Гарольд (Laski, Harold; 1893–1950), юрист и ученый. Профессор политических наук в LSE в 1926–1950 гг. В 1934 г. *JMK* отстаивал его право свободно делать нелепые заявления. Его присутствие в ядре лейбористской партии стало в 1945 г. одной из помех в переговорах об американском займе. «Хорошо бы вы некоторое время помалкивали», – сказал ему Эттли.

Ластери, Шарль, граф де (Lasteyrie, Charles, comte de; *1879–1936*), чиновник французской гражданской службы, инспектор финансов. В 1919 г. представлял министерство финансов Франции на конференциях в Трире, Спа и Париже. Министр финансов в 1922–1924 гг. По мнению *JMK*, он был носителем духа «французской алчности».

Левер, сэр Сэмюэл Хардман (Lever, sir Samuel Hardman; *1869–1947*), бухгалтер. Представитель Казначейства в США в 1917–1919 гг.

Ленин, Владимир Ильич (1870-1924). Русский революционный вождь, взявший власть в результате большевистского переворота 1917 года и основавший советское государство. Свои рецепты капитализму *JMK* выписывал в то время, когда гигантская тень Ленина лежала на всей жизни мира.

Лернер, Абба (Lerner, Abba; *1903–1982*), экономист российского происхождения. Студент и ассистент в LSE в 1930–1937 гг. Был в числе тех немногих студентов, которые переметнулись в кейнсианский лагерь. Его *теория функциональных финансов* (1943) была логическим приложением кейнсианских идей к государственным финансам, потрясающим своей законченностью. Первое требование к функциональным финансам в том, что налоговую политику следует оценивать исключительно по ее воздействию на экономику, а не по тому, что она дает бюджету правительства. Это выглядело чересчур просто, чтобы могло устроить *JMK*.

Липпман, Уолтер (Lippmann, Walter; *1889–1974*), американский журналист. Обозреватель '*Нью рипаблик*' в 1913–1919 гг., '*Нью-Йорк уорлд*' в 1922–1931 гг., '*Нью-Йорк геральд трибюн*' в 1931–1965 гг. Влиятельнейший газетный обозреватель века. *JMK* знакомил его с экономической наукой, а Липпман просвещал *JMK* насчет реальностей политической жизни Америки. «Дружба с Кейнсом была одной из счастливейших в моей жизни», — вспоминал Липпман, но, по словам его биографа Роналда Стила, он никак не мог взять в толк, «как Кейнс из Блумсбери может составлять единое целое с советником правительства и теоретиком экономики».

Ллойд Джордж, Дэвид, граф Ллойд Джордж Двайфор (Lloyd George, David, earl Lloyd George of Dwyfor; *1863–1945*), политический деятель-либерал и руководитель военного времени. Канцлер Казначейства в 1908–1915 гг., министр вооружений в 1915–1916 гг., постоянный заместитель военного министра в 1916 г., премьер-министр в 1916–1922 гг. Во время *МВ-1 JMK* невзлюбил Ллойд Джорджа за его установку на тотальный разгром противника и увертливое поведение. Клайв Белл в '*Старых друзьях*' (1957) вспоминает, как *JMK* «вырезал из французской газеты... фотографию «козла», выступающего на каком-то парижском банкете, в чопорном вечернем костюме, увитого лентами... И снизу написал: «Усопшего обрядили». Он приколол ее к стене в столовой в доме сорок шесть (на Гордон-сквер)». Примирился с ним *JMK* в 1926 г. и обеспечил интеллектуальную начинку данного

Ллойд Джорджем в 1929 г. клятвенного обещания «победить безработицу». В 1928 г. на собрании Либерального клуба Кембриджского университета *JMK* назвал его «профессором политической практики».

Лопуховы, семейство. Родителями *LK* были Федор (ум. 1914?) и Констанция («Карлуша») (1860–1942). Старшая сестра Евгения (1885–1943), старший брат Федор (1886–1973) и младший брат Андрей (1898–1947) — все были солистами балета. Они оставались в России. Федор был знаменитым хореографом Мариинского театра в 1922–1930 гг. и снова после *MB-2*, стал его директором.

Лотиан, Филип Керр, маркиз (Lothian, marquess of, Philip Kerr; *1882–1940*), писатель и политик. Посол в Вашингтоне в 1939–1940 гг., очень успешно работавший, несмотря на его прошлую причастность к политике «умиротворения». Нэнси Астор обратила его в христианско-сциентистскую веру, утверждающую, что все наши хвори от головы, а все медики шарлатаны. Поэтому, страдая болезнью почек, он отказывался обращаться к докторам и умер.

Лукас, Фрэнк Лоуренс («Петер») (Lucas, Frank Laurence (Peter); *1894–1967*), классицист и литературный критик. Ed. RGB и TCC. An., 1914. F. KCC, 1920–1967. Во время *MB-1* участвовал в боевых действиях и стал жертвой химической атаки. В 1921 г. женился на писательнице Э.Б.С. («Топси») Джонс, его второй женой стала в 1932 г. Пруденс Уилкинсон. *JMK* восхищался его книгой *'Трагедия в свете аристотелевской поэтики'* (*'Tragedy in Relation to Aristotle's Poetics'*; 1922). Природа назначила ему быть человеком действия и одарила «вдохновенным лицом поэта».

Луксмур, Генри Элфорд (Luxmoore, Henry Elford; *1839–1926*), школьный учитель. Ed. Итон и РМО. Преподавал *JMK* классические дисциплины.

Лушер, Луи (Loucheur, Louis; *1872–1931*), французский промышленник и политический деятель. Министр вооружений в 1917–1918 гг.; министр восстановления в 1918–1920 гг.

Лэвингтон, Фредерик (Lavington, Frederick; *1881–1927*), экономист. Окончил ЭКК. Во время *MB-1* работал в министерстве торговли, в 1920 г. вернулся в Кембридж преподавателем экономической теории и стал членом ученого сообщества Эммануэль-колледжа в 1922 г. Был самым ортодоксальным среди кембриджских экономистов 1920-х гг., и любил повторять: «Все это есть у Маршалла». Вместе с тем его толкование процентной ставки как «платы за неопределенность» выглядело очень по-кейнсиански.

Лэмонт, Томас Уильям (Lamont, Thomas William; *1870–1948*), американский банкир, партнер в фирме *Дж. П. Морган и Ко* в 1911–1940 гг. Вместе с Генри Дэвисоном был главным организатором финансовой помощи Англии и Франции до вступления США в *MB-1*. Представитель министерства финан-

сов США в американской комиссии по мирным переговорам в 1918–1919 гг. Часто был участником финансовых переговоров межвоенного времени. Критиковал теории *JMK* с консервативных позиций.

Люс, Гордон Ханнингтон (Luce, Gordon Hannington; *1889–1979*), поэт и учитель. Ed. CLT и EML. 1-й кл. 1911. Ап., 1912. Преподаватель английского языка в Рангунском университете. Пожизненный друг *JMK*, которому посвятил свои '*Стихотворения*' (1920), опубликованные *Макмилланом* на деньги *JMK*.

Майский, Иван Михайлович (*1884–1975*) советский дипломат, прожил на удивление долгую жизнь. Посол в Великобритании в 1932–1943 гг. С ним, тогдашним заведующим пресс-бюро российского наркомата иностранных дел, *JMK* впервые встретился в 1922 г. в связи со своей работой по изданию приложений к '*Манчестер гардиан*'. *JMK* и *LK* обхаживали его главным образом в стремлении обезопасить оставшихся в СССР родственников, но устроить их выезд на Запад ему, после бегства Баланчина, оказалось не под силу.

Макаду, Уильям Джиббс (McAdoo, William Gibbs; *1863–1941*), американский юрист и бизнесмен. Женился на Элеонор Вильсон, дочери президента Вильсона, в 1914 г. Министр финансов в 1913–1918 гг. Успешно разместил четыре займа свободы, получив для казны более 18 миллиардов долларов. Впоследствии сенатор и лидер демократической партии.

Макдональд, Джеймс Рамсэй (MacDonald, James Ramsay; *1866–1937*), политический деятель-лейборист. Премьер-министр в 1924 и 1929–1935 гг. (после 1931 г. глава «коалиционного правительства»). После 1929 г. прибегал к услугам *JMK*, считая его своим советником, но предпочитал более осторожные рекомендации Хьюберта Гендерсона. Придуманный им консультативный экономический совет в 1930-е гг. постепенно ушел в небытие.

Макдональд, Малкольм (MacDonald, Malcolm; *1908–1981*), политический деятель. Верховный комиссар Великобритании в Канаде в 1941–1946 гг., где неоднократно принимал *JMK* в гостях. После войны широко участвовал в сворачивании Британской империи, что делал с большим тактом и обаянием.

Макдугалл, Дональд (MacDougalL, Donald; *р. 1912*), экономист. Работал в статистической службе премьер-министра, где готовил любимые Уинстоном Черчиллем цветные схемы и графики. Сопровождал Черуэлла (*см.*) в Квебек и Вашингтон в 1944 г. и принимал участие в переговорах по *Стадии-II*.

Маккарти, Десмонд (MacCarthy, Desmond; *1877–1952*), литературный и театральный критик. Ed. Итон и ТСС. Ап., 1896. Литературный редактор '*Нью стейтсмена*' в 1920–1927 гг.; старший литературный критик '*Санди таймс*' в 1928–1952 гг. Леонард Вулф отзывался о нем как о «о самом очаровательном человеке, какого я когда-либо встречал». Замечательный рассказчик, он так и не написал великой книги, которой ждали его друзья. Его жена Мэри

(«Молли»; *1882–1953*) учредила Клуб воспоминаний с целью подтолкнуть его к этой работе.

Маккенна, Реджинальд (McKenna, Reginald; *1863–1943*), политик-либерал и банкир. Ed. LKS и THC, где изучал математику. Председатель Управления торговли в 1907–1908 гг., Первый лорд адмиралтейства в 1908–1911 гг., министр внутренних дел в 1911–1915 гг., канцлер Казначейства в 1915–1916 гг., председатель правления Мидлэнд-банка в 1922–1945 гг. *JMK* и Маккенна были союзниками в выступлениях против программы вооружений Ллойд Джорджа (когда Маккенна пытался убедить Ллойд Джорджа, что «одному и тому же человеку не дано быть одновременно в армии и на флоте, на заводе, в арсенале и глубоко в шахте») в 1915–1916 гг., против возврата к золотому стандарту в 1925 г., против дефляции в конце 1920-х гг., а также в Комиссии Макмиллана в 1930–1931 гг., но *JMK* полагал, что «под конец Маккенна всегда вас предаст» — как случилось, например, когда в 1916 г. он не стал подавать в отставку в связи с введением воинской повинности и когда согнулся в вопросе о золотом стандарте. Дружественные отношения они сохраняли до самой смерти Маккенны.

Макмиллан, Гарольд (Macmillan, Harold; 1894–1986). Политический деятель, консерватор, младший брат Дэниела Макмиллана, также друг *JMK*. Премьер-министр в 1956–1963 гг.

Макмиллан, Дэниел де Менди (Macmillan, Daniel de Mendi; *1886–1965*) Издатель. Ed. Итон и BLL. Директор изд-ва *Макмиллан и К°* с 1911 г., председатель компании и управляющий директор в 1936–1963 гг. Друг *JMK* со времен Итона и издатель его произведений.

Маколей, Уильям Херрик (Macaulay, William Herrick; *1858–1936*), математик, казначей KCC. В 1925 г. *JMK* получил от его брата Реджинальда деньги на перестройку KCC.

Макфедайин, Эндрю (MacFadyean, Andrew; *1887–1974*), государственный служащий. Ed. UCL и OCO. 1-й лит. и гум. в 1909 г. Назначен в секцию «А» Казначейства в 1917 г., но следующие два года в основном провел представителем Казначейства в США. Секретарь в Комиссии по репарациям в 1922–1924 гг.; секретарь Комиссии Дауэса в 1924 г.

Мактаггарт, Джон Эллис (McTaggart, John Ellis; *1866–1925*) Философ-идеалист. Ed. CLF и TCC. Ап., 1886. F. TCC 1891–1923. Завтраки, которые он устраивал, славились недостатком еды и скудостью беседы. С.Д. Брод писал, что «Мактаггарт, хотя и атеист, никогда не умел быть никем, кроме как приверженцем англиканской церкви».

Малкин, сэр Уильям (Malkin, sir William; *1883–1945*), юрист. Юридический советник министерства иностранных дел в 1929–1945 гг. Был председателем

Комиссии Малкина по германским репарациям в 1943–1944 гг., в которую входил и *JMK*.

Мартен, сэр Клэренс Генри Кеннет (Marten, sir Clarence Henry Kennett; *1872–1948*), школьный учитель. Ed. Итон BLL, где был 1-й по новейшей ист. В Итоне был учителем *JMK*, потом учил истории юную принцессу, будущую королеву Елизавету II. Ректор Итона в 1945–1948 гг., сменил в этой должности «Жердь» Квиксвуда (*см.*).

Мартин, Кингсли (Martin, Kingsley; *1867–1969*), журналист. Был редактором '*Нью стейтсмена*' в 1931–1962 гг. Часто вступал в конфликт с *JMK*, который был членом правления и считал, что газета стала слишком путаной и чересчур левой (для него это часто означало одно и то же).

Маршалл, Альфред (Marshall, Alfred; *1842–1924*), экономист. Ed. MTS и SJC. 2-й мат. F. SJC, 1868–1977. Директор Университетского колледжа в Бристоле в 1877–1878 гг., профессор политической экономии в Кембридже в 1883–1907 гг. Один из великих викторианских синтезаторов, он выпустил в 1890 г. свои '*Принципы*', которые примиряли классическую концепцию издержек производства с теорией предельной полезности Джевонса, абстрактные построения с действительностью и науку с моралью. *JMK* считал, что это «очень великий человек, хотя, как полагаю, довольно глупый...» Вместе с тем *JMK* с большой симпатией относился к его жене и вдове Мэри Пэйли Маршалл (Mary Paley Marshall; *1850–1944*), на смерть которой он отозвался трогательным эссе-воспоминанием, которое заканчивалось строками: «Скромная как Утро; яркая как Полдень; мягкая как Вечер; холодная как Ночь».

Марчант, сэр Стэнли (Marchant, sir Stanley; *1883–1949*), музыкант. Член совета *CEMA* и Совета искусств под руководством *JMK*, один из опекунов Королевской оперы.

Мельхиор, Карл (Melchior, Carl; *1877–1933*), немецкий банкир. Партнер в гамбургской коммерческой банкирской фирме *М.М. Варбург и К°*. Как член организации *Евреи кайзера* (*Kaiserjuden*) Мельхиор во время *MB-1* выполнял особые миссии германского правительства в Восточной Европе. Воспоминание о встречах с ним в начале 1919 г. во время переговоров о перемирии легло в основу мастерского эссе *JMK* «Д-р Мельхиор: поверженный враг», прочитанного в 1920 г. в блумсберийском Клубе воспоминаний. В нем *JMK* воздавал хвалу Мельхиору за мужественное и достойное поведение в поражении. Оценка, которую давал способности Германии выплачивать репарации, совпадала с оценкой, предложенной в Париже Мельхиором. Оказавшись для союзников, особенно для англичан, *persona grata*, Мельхиор в начале 1920-х гг. играл ключевую роль в переговорах о репарациях; с *JMK* они вместе работали, добиваясь англо-американского финансового соглашения в 1923 г. Единственный представитель Германии, избранный в финансовый комитет Лиги нации, Мельхиор стал в 1930 г. его председателем.

Мередит, Хью Оуен («Рог») (Meredith, Hugh Owen (Horn); *1878–1964*), экономист. Ed. SBY и KCC. 1-й кл. I, ист. II. Ап.,1900. Младший преподаватель в 1908–1911 гг., профессор экономической теории в Университете королевы в Белфасте в 1911–1945 гг. Друг Лоуса Дикинсона, Э.М. Форстера и Дж.Э. Мура. Оскар Браунинг ему говорил: «Ты очень яркий человек, но из тебя никогда ничего не выйдет». Мередит предложил Дж.Э. Муру «полный план последней главы '*Principia Ethica*'». Хвалил '*Общую теорию*' *JMK*.

Мид, Джеймс (Meade, James; *1907–1995*), экономист, лауреат Нобелевской премии. Ed. MLV и ORL. 1-й in PPE, 1930. F. И преподаватель экономической теории в HRF в 1930–1937 гг. Провел один год аспирантуры (1930) в Кембридже, где входил в *Кружок JMK*. Вкладом Мида в «кейнсианскую революцию» послужили, во-первых, «Отношение мистера Мида», некое развитие первоначальной теории мультипликатора Кана, во-вторых, его '*Упрощенная модель системы мистера Кейнса*' (*A Simplified Model of Mr. Keynes's System, Review of Economic Studies*, 4, 1937). В 1932 г. *JMK* говорил, что Мид подает «блестящие надежды». В 1940–1947 гг. Мид служил в Экономическом отделе Военного кабинета, работая по совместительству в министерстве торговли. Самый плодовитый после *JMK*, творческий ум в Уайтхолле, автор записок ключевого значения о статистике национального дохода, политике занятости и Торговом союзе. *JMK* часто вступал в жаркие споры с Мидом, который тем не менее считал его «Богом». Мида редко можно было сбить с логики аргументации вопросами о политической допустимости его предложений, и он до смешного (по современным понятиям) верил в способность статистики быть заменой суждениям разума.

Моник, Эмманюэль (Monick, Emmanuel; *1893–1984*), французский государственный служащий. Генеральный инспектор финансов в 1920–1945 гг.; финансовый атташе в Лондоне в 1934–1940 гг.; управляющий Банка Франции в 1945–1949 гг. Играл видную роль в финансовой дипломатии в 1930-е гг. *JMK* встречался с ним в Лондоне перед падением Франции. Один из двух французов, к которым он питал симпатию; вторым был Лабордер.

Монтегю, Эдвин Сэмюэл (Montagu, Edwin Samuel; *1879–1924*), политик-либерал. Ed. CLF, LCS, и TCC. Как президент Кембриджского союза (с 1902 г.), первым среди многих помог карьере *JMK*. Личный секретарь Асквита в 1906–1910 гг., парламентский помощник государственного секретаря по делам Индии в 1910–1914 гг., финансовый секретарь Казначейства в 1914–1916 гг., канцлер Герцогства Ланкастерского в 1915 г., министр вооружений в 1916 г., государственный секретарь по делам Индии в 1917–1922 гг. В памяти Л.Э. Джонса со студенческих лет сохранилось «его удлиненное, уродливое, костлявое лицо, рябое, как фотография Луны», и «эти его глаза: грустные, терпеливые, несчастливые глаза чрезвычайной разумности». Уэйли (*см.*) называл его «самым грустным и самым веселым из друзей». *JMK* говорил, что природа назначила ему быть «орудием и жертвой».

Моргентау, Генри (Morgenthau, Henry; *1891–1967*), американский политический деятель, близкий Рузвельту человек, министр финансов в 1934–1945 гг. Поддержка, которую Моргентау оказывал Великобритании во время *МВ-2*, сочеталась у него решимостью удержать Англию в зависимости от США. В 1944 г. его позиция начала меняться, но в последние месяцы жизни Рузвельта он был задвинут в тень. Сначала отношения Моргентау с *JMK* были холодными, но в 1944 г. во время Бреттон-Вудских переговоров склонил его на свою сторону. Моргентау не разбирался в финансовых вопросах. Это давало возможность Гарри Декстеру Уайту (*см.*) манипулировать им.

Моррел, леди Оттолайн (Morrell, lady Ottoline; *1873–1938*), знаменитая в годы до *МВ-1* блумсберийская хозяйка салона. Сводная сестра герцога Портлэнда, вышла замуж за парламентария Филипа Моррела (1870–1943). Любовница Бертрана Рассела. Во время *МВ-1* ее дом в Гарсингтоне, в Оксфорде, служил прибежищем для пацифистов и уклонявшихся от военной службы по убеждениям совести. *JMK* навещал ее в межвоенные годы.

Мортимер, Рэймонд (Mortimer, Raymond; *1895–1980*), литературный критик, член группы Блумсбери после *МВ-1*. В 1923 г. проводил время вместе с *JMK* и *LK* в Стадлэндсе, в Дорсете; писал рецензии и статьи в '*Нацию*' и в 1935 г. стал литературным редактором '*Нью стейтсмена*'.

Мосли, сэр Освальд (Mosley, sir Oswald; *1896–1980*), политик. Канцлер Герцогства Ланкастерского в 1929–1930 гг., лидер *Новой партии* в 1930–1932 гг. и Британского союза фашистов в 1932–1940 гг. Первый британский «кейнсианец». В своей '*Революции разума*' ('*Revolution by Reason*'; 1925), Мосли предвосхитил *JMK*, указав на «недостаток эффективного спроса» как на причину безработицы и на устранение «прорех в производстве» как на задачу экономической политики. *JMK* сохранял благосклонное к нему отношение вплоть до 1931 г. *LK* однажды приснилось, будто он ее соблазнил!

Муир, Рамсей (Muir, Ramsay; *1872–1941*), историк. Один из архитекторов либерализма образца после 1918 г. В 1923 г. *JMK* отверг его как редактора '*Нации*'. «Он плавал в увлекательных общих фразах, но ему недоставало спасительного груза подробностей» (*DNB*).

Мур, Джордж Эдвард (Moore, George Edward; *1873–1958*), философ. Ed. DLC и TCC. Ап., 1894. F. TCC, 1894–1904; университетский преподаватель гум. в 1911–1925 гг.; профессор философии в Кембриджском университете в 1925–1939 гг. Среди профессиональных философов получил, вместе с Расселом, известность бунтом против идеализма. Но для *JMK* и его друзей он был создателем «религии», представленной в '*Principia Ethica*'.

Мэдж, Чарльз (Madge, Charles; *1912–1996*), ученый-обществовед. Вместе с Томом Гаррисоном организовал опросы общественного мнения в 1937 г. Отстаивая в 1940–1941 гг. свою идею отсроченных платежей, *JMK* опирался на

данные его исследований о привычках и склонностях, проявляемых рабочим классом в отношении принудительных сбережений.

Мэйн, Бэзил (Maine, Basil; *1894–1972*), музыкальный критик, был «платонически влюблен» в *LK*, играл для нее на пианино. Позднее стал священником.

Мясин, Леонид (*1896–1979*); русский танцовщик и хореограф. В его постановке шли '*Добродушные дамы*' и '*Волшебная лавка*', участие в которых принесло *LK* признание в Лондоне в 1918–1919 гг., а в начале 1920-х гг. они составляли балетный дуэт. *LK* считала его эгоистичным в танце, а его мудреная хореография оставляла мало возможностей раскрыться ее драматическим талантам.

Найт, Фрэнк (Knight, Frank; *1885–1972*), американский экономист. Профессор экономической теории в Чикагском университете в 1928–1955 гг. Первым указал на критически важное различие между риском и неопределенностью в 1921 г., но резко возражал против '*Общей теории*' *JMK*, который запомнил его «страстные, истошные крики».

Николсон, Джозеф Шилд (Nicholson, Joseph Shield; *1850–1927*), экономист. В 1877 г. получил премию Кобдена (обойдя Невилла Кейнса). Профессор политической экономии в Эдинбургском университете в 1880–1927 гг. Зачинатель изучения экономической истории в Шотландии. «Он приобрел исключительный авторитет в вопросах имперской политики, денежного обращения и банковского дела». (*DNB*).

Нокс, Диллвин (Knox, Dillwyn; *1885–1943*), ученый-классицист и шифровальщик. Ed. Итон и КСС. Школьный друг *JMK*. В 1926 г. на традиционном празднестве в КСС *JMK* говорил о нем: «Негоже, чтобы лучший в мире знаток греческой античности, гениальный картежник и сам воспринимаемый как дорогая и любимая карта в колоде, — так вот, негоже, чтобы такой человек прозябал в какой-нибудь тусклой государственной конторе». Во время *MB-2* Нокс (вместе с Оливером Стрэчи) сыграл ключевую роль в работе по взлому германского шифра *Энигма*.

Норман, Монтегю, лорд (Norman, Montagu, lord; *1871–1950*), банкир. Управляющий Английского банка в 1920–1942 гг. *JMK* спорил с Норманом в 1923 г. по вопросу об урегулировании американского долга, в 1925 г. по поводу возвращения к золотому стандарту, и — перед созданием Комиссии Макмиллана в 1930–1931 гг. — в связи с оценкой воздействия денежной политики на занятость. Но между ними было согласие в отношении германских репараций. В 1931 г. *JMK* поддержал инициативу Нормана, предложившего учредить Банк международных расчетов, а в преддверии и во время *MB-2* их взаимоотношения наладились и потеплели. Норман был человеком неисправимо робким, бежавшим от гласности, в заграничных поездках называл себя мистером Скиннером — по имени своего секретаря. В противоположность *JMK*, который чародействовал потоками слов, Норман был чародеем, добивавшимся

своего бесконечно долгим молчанием. Его заключительная оценка *JMK*: «Великий экономист, но неважный банкир». *JMK* считал, что «Монтегю Норман всегда совершенно очарователен, всегда совершенно неправ».

Нортон, Генри Тершис Джеймс (Norton, Henry Tertius James; *1887–1936*), математик. Ed. Итон и КСС, F. КСС с 1910 г. Ап., 1906. Друг *JMK*, яркий и легко возбудимый человек; со временем, после нервного срыва, оставил занятия математикой.

Ньюболд, Джон Тернер Уолтон (Newbold, John Turner Walton; *1888–1943*), писатель и политик. Человек из Манчестера, выросший в среде квакеров, сельских хозяев и торговцев. Парламентарий-коммунист в 1922–1923 гг., вышел из компартии в 1924 г. Был в составе Комиссии Макмиллана в 1929–1931 гг. *JMK* считал его человеком интересным, но с путаницей в мозгах. Ньюболд нежно относился к *JMK*, видя в нем несостоявшегося (как он надеялся) спасителя капитализма.

Оден, Уистэн (Auden, Wystan; *1907–1973*), поэт и драматург. *JMK* поставил в кембриджском Театре искусств две пьесы, написанные им в соавторстве с Кристофером Ишервудом (*см.*), — *'F6 взлетает'* (1937) и *'На границе'* (1938) *JMK* полагал, что обкусанные ногти Одена отчасти объясняют некоторую «детскость» его творчества.

Оливье, семейство (Olivier family). У Сиднея Хэлдэйна, лорда Оливье (Sydney Haldane, lord Olivier; *1859–1943*), фабианца, чиновника гражданской службы и политического деятеля, было четыре дочери — Марджери (1887–1974), Брингильда (1887–1935), Дафна (1889–1950) и Ноэль (1892–1969). *JMK* совершал конные прогулки с Брингильдой, «главной красавицей в четверке» (Дэвид Гарнетт), которая вышла замуж за Хью Попэма и дочь которой Энн Оливье (р. 1916) стала женой Квентина Белла. О четырех сестрах, своих подругах детства, Гарнетт писал: «Они были аристократическими созданиями; гордость была движущей силой их жизни; они легко проникались презрением к миру; им не было свойственно сострадать, разве что животным. Их умы были свободны; но при готовности обсуждать все на свете и выслушивать любую точку зрения они воинственно отстаивали свои предубеждения и всегда держались чувств и взглядов, с которыми выросли». Оливье были связующим звеном между фабианцами и группой Блумсбери.

Оупи, Редверс (Opie, Redvers; *1900–1984*), английский экономист. Со временем натурализовался как гражданин США. Экономический советник британского посольства в Вашингтоне в 1939–1946 гг. Женился на дочери американского экономиста Ф.У. Тауссига. Постоянно сообщал *JMK*, о чем говорят в Вашингтоне.

Пасвольски, Лео (Pasvolsky, Leo; *1893–1953*), американский экономист. Специальный помощник государственного секретаря США в 1939–1946 гг.

Пенроуз, семейство (Penrose family). Три брата-квакера входили в круг общения *JMK* в Кембридже начала 1920-х гг. Алек (1896–1950), Ап. KCC, 1919, был оформителем сцены для '*Орестейи*' (1921) и постановщиком пьесы Литтона Стрэчи '*Сын небес*' (1925), в которой Деннис Робертсон исполнял роль главного евнуха. Лайонел (1898–1972) окончил кембриджский Сент-Джонз-колледж; Ап., 1921; стал выдающимся генетиком, был женат на дочери Павлова. Роланд (1900–1983), Ed. QUC, был живописцем, художественным критиком и биографом Пикассо. Четвертый брат, Бернард, появился в Кембридже несколькими годами позже, после службы в Королевских военно-морских силах. Литтон Стрэчи писал: «Его существование являет собой некое омерзительное убожество, которое... позволяет разглядеть невиданные доселе горизонты бессмысленности человеческого бытия».

Пёрвес, Патрик Джон Честер (Purves, Patrick John Chester; *1890–1960*), международный чиновник. Ed. FTC и KCC. Работал в Лиге Наций, позднее во Всемирной организации здравоохранения и ЮНЕСКО. Друг *JMK* по Кембриджу.

Первис, Артур (Purvis, Arthur; *1890–1941*), бизнесмен, основы своей деловой карьеры заложил в Канаде. Начиная с 1939–1941 гг. заправлял британскими закупками вооружений и военных материалов в США, занимая посты главы англо-французского (впоследствии британского) Закупочного управления и первого председателя британского закупочного совета. Говорят, что именно под его влиянием был определен размер первых ассигнований по ленд-лизу. Трагически погиб 14 августа 1941 г. в авиационной катастрофе. По словам Моргентау, он был не только «наиболее способным британским представителем в Вашингтоне, но и одной из самых редких по качествам личностей, каких мне довелось знать».

Петик-Лоуренс, Фредерик (Pethick-Lawrence, Frederick; *1871–1961*), лейбористский ученый-теоретик и политический деятель. Ed. Итон и TCC. F. TCC, 1897–1903. Руководитель финансового отдела Казначейства в 1929–1931 гг.; государственный секретарь по делам Индии в 1945–1947 гг. Либерал старой школы, которого толкнуло влево осознание социальных проблем. Поддержал Бреттон-Вудское соглашение. Во время *MB-2* периодически общался с *JMK*. Реального влияния в лейбористской партии не имел.

Пигу, Артур Сесил (Pigou, Arthur Cecil; 1877–1959), экономист. Ed. HRW и KCC. 1-й ист., 1899, и эт. II, 1900. F. KCC, 1902; пришел на смену Маршаллу в должности кембриджского профессора политической экономии в 1908–1948 гг. Зачинатель экономической теории социальной поддержки, в которой он «продолжил разработку изобретенного Маршаллом понятия внешних вторжений, развив его в общую экономическую теорию государственного вмешательства» (*Blaug*). Входил в состав комиссий по денежному обращению Канлифа в 1919 г. и Чемберлена-Брэдбери в 1924 г. и вмес-

те с *JMK* Комиссии экономистов в 1930 г. Женоненавистник Пигу никогда не был женат, радовался общению со своими студентами, водил их в горы, писал им письма, украшенные итальянскими стихами. После «сердечного приступа» в 1927 г. физически стал тенью себя прежнего. Написал одну из самых злых рецензий на '*Общую теорию*' *JMK*, но в 1949 г. изящно отступил от своей позиции. Во время *MB-2* обеспечивал в Кембридже непрерывность преподавания экономической теории и жаловался *JMK* на Джоан Робинсон, утверждая, что она заставляет студентов «попугайски» повторять его теории.

Пикок, сэр Эдвард (Peacock, sir Edward; *1872–1962*), английский банкир канадского происхождения. Директор «Бэринг-бразерс» в 1924–1954 гг., и Английского банка в 1929–1946 гг. В 1941 г. сотрудничал с *JMK* в организации займа Джесси Джонса.

Пирсол Смит, семейство (Pearsall Smith, family.). У Роберта (1827–1899) и Ханны (1832–1911), четы квакеров из Филадельфии, обосновавшихся в Англии в 1880-е гг., было трое детей — Мэри, Логан и Элис. Мэри (1864–1945) вышла замуж за Бенджамина Фрэнсиса Костелло (1855–1899), с которым у нее было две дочери, Рэчел Конн (1887–1940) и Кэрин Элизабет Конн (1889–1938); обе пошли учиться в кембриджский NWM. Рэчел в 1911 г. вышла замуж за старшего брата Литтона Стрэчи Оливера (1874–1960) и стала активисткой женского движения. Кэрин, обладавшая, по словам Рассела, «философскими способностями в большей мере, чем я прежде замечал у женщин», в 1914 г. вышла замуж за Адриана Стивена. Мэри Костелло стала любовницей, потом женой торговца картинами Бернарда Беренсона (1867–1959) и жила на вилле *И Татти* в предместье Флоренции. Логан (1865–1946) стал писателем. Элис (1867–1951) была первой женой Бертрана Рассела. *JMK* впервые познакомился с сестрами Рэчел и Кэрин в 1906 г. в автомобильной поездке по Италии с их матерью. Семейство Пирсол Смит было «одной из самых интересных точек пересечения фабианцев и тех людей, которые образовали группу Блумсбери» (*Норман Маккензи*).

Пирсон, Карл (Pearson, Karl; *1857–1936*), статистик и специалист по евгенике, один из зачинателей применения статистических методов в исследовании человеческого поведения. Ed. Школа колледжа Лондонского университета и КСС. Профессор прикладной математики с 1884 г., геометрии с 1891 г. и евгеники с 1911 г. — в колледже Лондонского университета. В 1911 г. у *JMK* была с ним крупная ссора на почве статистики. В изображении Дэвида Гарнетта это был «высокий прямой человек, который носил одну из этих пресловутых жестких шляп с прямой тульей и плоским верхом, обладал очень пустым деревянным лицом с тонкими сжатыми губами».

Пламптр, Артур Фицуолтер Винн (Plumptre, Arthur Fitzwalter Wynne; *1907–1977*), экономист и государственный служащий, родом из Канады. В 1920-е гг. студент *JMK* в КСС.

Плеш, Янош (Plesch, Janos; *1870–1950*), врач, родом из Венгрии. В марте 1939 г. начал лечить *JMK* по поводу болезни сердца. Считая его одновременно гением и шарлатаном, *JMK* ставил ему в заслугу свое возвращение к «активной жизни».

Плэйфэр, Эдвард (Playfair, Edward; *1909–1999*), государственный служащий. Ed. Итон и КСС. Служащий Казначейства в 1934–1958 гг. Неиссякаемый источник информации, которой *JMK* пользовался во время своего визита в Вашингтон в 1941 г.

Проби, Грэнвилл (Proby, Granville; *1883–1947*), юрист. Был однокашником и другом *JMK* в Итоне, где *JMK* знал его под именем Грэнвилла Гамильтона: фамилию Проби его отец взял себе позднее.

Пуанкаре, Раймон (Poincare, Raymond; *1860–1934*), французский политический деятель из Лотарингии. Член парламента во время французской оккупации Рура в 1923 г.; министр финансов в 1926–1928 гг., когда была занижена стоимость франка.

Пэйш, сэр Джордж (Paish, sir George; *1897–1957*), статистик и писатель. Советник канцлера Казначейства в 1914–1916 гг. *JMK* писал: «Однако, как обычно, Ллойд Джорджу он скоро наскучил, и тот перестал читать его длинные записки».

Райлэндс, Джордж Хэмфри Вольферстэн («Дэди») (Rylands, George Humphrey Wolferstan (Dadie); *1902–1999*). Ed. Итон и КСС. 1-й англ. лит., Ап., 1922. F., 1927, и казначей, 1939–47, КСС. Шекспировед, стал в межвоенные годы ведущим режиссером и исполнителем в театральной жизни Кембриджа, принимал активное участие в затевавшихся *JMK* и *LK* балетных и драматических спектаклях. Близким другом *JMK* стал только после его возвращения в КСС в 1927 г.; до того как он говорил *JMK:* «Шеппард делал для меня совершенно невозможным узнать тебя или быть тобою узнанным. Полагаю, несознательно». Литтон Стрэчи, оказался, «к счастью, совершенно (*почти* совершенно) не подверженным очарованию его золотых волос», но «не имеющие такого иммунитета... ах! мне их жаль».

Райт, Гарольд (Wright, Harold; *1883–1934*), экономист. Ed. EML. Сотрудник в 1923–1930 гг., затем редактор в 1930–1931 гг., '*Нации*'. Для кембриджской серии экономических учебников написал '*Население*' (1923), редактором которого выступил *JMK*. Написанное *JMK* 18 апреля 1923 г. письмо об этой книге дает выразительный пример неомальтузианских взглядов, которых он держался в то время: «Думаю, вы могли бы поосновательнее сказать о несостоятельности эмиграции как чего-то превосходящего временный выход, указав, что страна, испытывающая избыток населения, находится не в таком положении, чтобы позволять себе выращивать население, доводя его до продуктивного возраста, а затем бесплатно его экспортировать».

Рамсей, Фрэнк Пламптон (Ramsey, Frank Plumpton — *1903–1930*), беспримерно осторожный, мало поживший философ и экономист. Ed. WCH и TCC. 1-й мат. I и II; Ап., 1921; F. KCC, 1924–1930. *JMK* считал его гением, и своей критикой '*Трактата о вероятности*' он заставил отказаться от понимания вероятности как «объективного отношения». Его статья '*Математическая теория сбережений*' (*EJ*, 1928) ввела в оборот «правило Рамсея», согласно которому «норма сбережения, помноженная на предельную полезность потребления, всегда должна быть равна сумме, которой не хватает для получения чистой полной полезности при максимально возможной норме сбережения». Следующим образом выразил суть '*Трактата*' Витгенштейна: «Ты не можешь сказать того, чего сказать не можешь, но не можешь этого и высвистеть».

Рансимэн, семейство (Runciman family). *JMK* знал сэра Уолтера Рансимэна (sir Walter Runciman; *1870–1949*), политика-либерала, и его второго сына Стивена (Steven; p. *1903*), историка, исследователя крестовых походов, обучавшегося в Итоне (вместе с Джорджем Оруэллом), студента и затем F. TCC. Сын нравился *JMK* гораздо больше отца.

Расмински, Луи (Rasminsky, Louis; *1908–1998*), канадский экономист. Председатель Управления валютным контролем в 1940–1951 гг. *JMK* работал с ним в Лондоне, Атлантик-сити, Бреттон-Вудсе и Савание.

Рассел, Бертран Артур Уильям, граф (Russell, Bertrand Arthur William, earl; *1872–1970*), математик и философ. Ed. на дому с частными учителями, затем TCC. 7-й мат. в 1893 г. и 1-й гум. в 1894 г. Ап., 1892. F. TCC, 1895–1901 и младший преподаватель математики в 1910–1916 гг. Впоследствии был отставлен от чтения лекций, за то что написал и распространял подрывную брошюру, направленную против призыва на воинскую службу. В автобиографии он писал: «Чего я желал более всего, так это найти какое-нибудь основание видеть в математике истину». Написал '*Principles of Mathematics*' ('*Принципы математики*'; 1903) и (в соавторстве с А.Н. Уайтхедом) '*Principia Mathematica*' (1910). В автобиографии (vol. I, p. 71) он писал: «Бегство Кейнса в большой мир... не было полным. Он двигался в мире, постоянно чувствуя себя епископом *in partibus*. Спасение для него всегда было где-то там, в кругу верных духу Кембриджа. Занимаясь политикой или экономикой, душу свою он оставлял дома».

Ридуэй, Уильям Брайан (Reddaway, William Brian; *1913–2002*), экономист. Изучал экономическую теорию у *JMK* в KCC и занял первое место в *трайпос* второй ступени в 1934 г. F. кембриджского Клэр-колледжа в 1934 г. Профессор политической экономии в Кембридже в 1969–1980. *JMK* назвал его «решительно наилучшим экономистом года».

Ридли, Джэспер (Ridley, Jasper; *1887–1951*), банкир. Ed. Итон и BLL. Председатель правления банка. Во время *MB-2* состоял вместе с *JMK* в руководящем совете Итона.

Роббинс, Лайонел (Robbins, Lionel; *1898–1984*), экономист. Профессор экономической теории в LSE в 1929–1961 гг. Выступая против Кейнса, отстаивал свободу торговли и политику сокращения государственных расходов в условиях экономического обвала; их разногласия четко проявились в Комиссии экономистов в 1930 г. В вопросе о свободе торговли считал себя правым, в отношении государственных расходов признал свою неправоту. Директор Экономического отдела в аппарате Военного кабинета в 1941–1945 гг.; был стойким союзником *JMK* на пути к Бреттон-Вудскому соглашению и в переговорах об американском займе. К *JMK* относился неоднозначно. В автобиографии настаивал, что экономическая теория как наука об «отдаленных последствиях» обеспечивает политике все-таки лучшее руководство, чем «веселое напоминание» о том, что «в долгосрочной перспективе мы все покойники». Восхищался художественным даром *JMK*, но не принимал логики его рассуждений и его предписаний. *JMK* воспринимал его как человека «трудного и странного».

Робертс, Уильям (Roberts, William; *1895–1980*), художник, испытывавший влияние футуризма и кубизма; в 1931–1932 гг. сделал часто воспроизводимый портрет *JMK* и *LK*. *JMK* высоко ценил его творчество, купил шесть его работ и после того, как в 1934 г. прекратила существование Лондонская ассоциация художников, продолжал его субсидировать.

Робертсон, Деннис Холм (Robertson, Dennis Holme; *1890–1963*), экономист. Ed. Итон и TCC. 1-й кл. в 1910 г. и 1-й экон. II в 1912 г. F. TCC, 1914–1938. Временный служащий Казначейства в 1939–1944 гг., после чего пришел на смену Пигу в должности профессора политической экономии в Кембридже. Чопорный наставник, замкнутый в себе холостяк, он в 1920-х гг. был для *JMK* главным источником интеллектуальных стимулов, но в 1930-е гг. отвергал «кейнсианскую революцию», что плохо сказалось на их взаимоотношениях. Считал, что колебания промышленного производства суть неизбежные и необходимые спутники экономического прогресса; использование денег их, мол, усиливает, но не порождает; денежная политика должна ограничивать их пределами «надлежащего» или «оправданного». Больше, чем *JMK*, полагался на действие механизма цен. '*Общую теорию*' *JMK* Робертсон считал приспособленной к особому случаю глубокого спада, а отнюдь не общим анализом деятельности капиталистической системы и отвергал предположения о стагфляции. Писал он игривым, но в целом рассчитанным на собственное употребление языком; уснащал свои тексты цитатами из '*Алисы в стране чудес*'; большинству его идеи, как правило, были малопонятны; за пределами Кембриджа его влияние было невелико.

Робинсон, Эдвард Остин Госидж (Robinson, Edward Austin Gossage; *1897–1993*), экономист. Ed. MLB и CHR. F. SSC, 1929–1993. Университетский лектор-преподаватель в 1929–1949 гг., затем профессор экономической теории в 1950–1965 гг. Заместитель редактора '*Экономического журнала*' в 1934–1944 гг., соредактор в 1944–1970 гг. Входил в Экономический отдел

аппарата Военного кабинета в 1939–1942 гг. Член «кружка» *JMK* в 1930–1931 гг., непревзойденный мастер лавирования в университетской политике и великолепный хронист кейнсианской революции, но большой роли в ее развитии не играл.

Робинсон, Джоан, урожд. Морис (Robinson, Joan, née Maurice; *1903–1983*), экономист, жена Остина Робинсона. Осваивала экономическую науку в GRT; первого места на выпускных экзаменах в 1925 г. занять не сумела. В 1931 г. получила должность ассистента. На протяжении полувека принадлежала к числу самых выдающихся умов и могучих личностей в кругу кембриджских экономистов-теоретиков. Сделала себе имя своей первой книгой '*Экономика несовершенной конкуренции*' (1933), написанной с помощью Ричарда Кана, к которому была привязана интеллектуально и эмоционально. Мнение о ней *JMK* неуклонно росло, и она стала одним из самых способных проповедников, равно как и упростителей, его идей. Она любила повторять: «Поскольку я никогда не училась математике, мне приходится думать». Единственная пока женщина среди великих экономистов.

Рональд, Найджел (Ronald, Nigel; *1894–1973*), дипломат. Ed. WCH и MGD. Более всех чиновников министерства иностранных дел был втянут в экономические и финансовые переговоры, которые вел *JMK*.

Ротбарт, Эрвин (Rothbarth, Erwin; *1913–44*), статистик, уроженец Германии. *JMK* обеспечил ему работу в кембриджском Институте статистических исследований. Помогал *JMK* в работе над брошюрой '*Как оплатить войну*'. Погиб в боевых действиях в 1944 г. *JMK* назначил его вдове ежемесячную пенсию в 200 фунтов стерлингов.

Ротшильд, Виктор (Rothschild, Victor; *1910–1990*), ученый-естественник; отличился в научных исследованиях, в *MB-2*, в бизнесе и на государственной службе. Ed. HRW и TCC. Ап., 1933. F. TCC, 1935–1939. В 1930-е гг. *JMK* часто встречался за ужином с Виктором и его первой женой Барбарой, урожденной Хатчинсон, в фамильном доме Ротшильдов в Ньюмаркете.

Роу-Даттон, Эрнест (Rowe-Dutton, Ernest; *1891–1965*), государственный служащий. Помощник, потом главный помощник секретаря Казначейства.

Роуз, Альфред Лесли (Rowse, Alfred Leslie; *1903–97*), эксцентричный историк елизаветинской эпохи, F. ASC, 1925–1974. Решительно отстаивал идеи *JMK* в рядах лейбористской партии, но резко осудил '*Экономические последствия мира*', считая, что они направлены на умиротворение Германии.

Роуз, Чарльз Арчибальд Уокер (Rose, Charles Archibald Walker; *1880–1961*), дипломат и бизнесмен. Пришел в КСС в 1911 г. после тринадцатилетней службы консулом в Китае. Впоследствии работал в *Бритиш-Американ табэккоу компани* и стал директором Чартерд-банка. *JMK* преподавал ему экономиче-

скую теорию, а он обучал *JMK* верховой езде. «Его высшим даром было умение дружить» *(KCC Annual Report,* 1961, pp. 55–57).

Рузвельт, Франклин Делано (Roosevelt, Franklin Delano; *1882–1945*), американский политический деятель. Президент Соединенных Штатов в 1932–1945 гг. *JMK* связывал с ним надежды на демократический выход из депрессии, а позднее на щедрую помощь Британии во *МВ-2*. Встречался с ним четырежды и, подобно большинству, был им очарован, но заметил, что его руки, пусть «твердые и весьма сильные», не были «ни умными, ни изящными».

Рэтбоун, Элеонора (Rathbone, Eleanor; *1872–1946*), социальный реформатор. Независимый член парламента в 1929–1946 гг. Убедила *JMK* включить вопрос о семейных пособиях в его работу '*Как оплатить войну*'.

Саймон, сэр Джон, лорд (Simon, sir John, lord; *1873–1954*), политический деятель-либерал. Раздражал *JMK* своим юридически буквоедским отношением к Всеобщей забастовке. Канцлер Казначейства в 1937–1940 гг. Ллойд Джордж по его адресу острил: «Он так долго сидел верхом на заборе, что в его душу вонзился железный штырь».

Саймон, сэр Эрнест Дарвин (Simon, sir Ernest Darwin; *1879–1960*), политик-либерал и социальный реформатор. Лидер развернувшегося после *МВ-1* манчестерского либерализма, из которого выросли летние школы либералов. Вместе с *JMK* был членом правления '*Нации*', сотрудничал с ним в организованном либералами обследовании промышленности и т.д.

Сиджвик, Генри (Sidgwick, Henry; *1838–1900*), философ и реформатор университетского образования. Ed. RGB и TCC. Ап., 1856. Отказался от членства в ученом сообществе TCC в 1869 г., чтобы избежать необходимости «следовать предписаниям» утраченной веры. Профессор этики в 1882–1900 гг. Ведущий «набожный агностик» поздневикторианского толка. *JMK* писал: «Он никогда ни о чем ином не думал, кроме как об истинности христианства, искал доказательства, что это не так, и тешил себя надеждой, что все-таки оно истинно», но в перерывах между накатами сомнений он сумел основать NWM.

Сидней-Тернер, Сэксон (Sydney-Turner, Saxon; *1880–1962*), государственный служащий. Ed. WHR и TCC. Был первым на экзаменах по классическим дисциплинам, но также показал себя прирожденным математиком. Ап., 1902. Служил в управлении земельного налога, потом в Казначействе, откуда и вышел на пенсию. Блумсберийский тихоня, низкого роста, светловолосый. Леонард Вулф называл его «худосочным Шелли». Говорили, что он, страстный поклонник вагнеровской оперы, ходил на '*Тристана*' более сотни раз. На склоне лет находился под приглядом Барбары Багенал (*см.*).

Сипманн, Генри Артур (Siepmann, Henry Arthur; *1889–1963*), государственный служащий. Бывший чиновник Казначейства, он в 1926 г. был назначен специальным советником Английского банка.

Ситрин, сэр Уолтер (Citrine, sir Walter; *1887–1983*), профсоюзный лидер. Генеральный секретарь Британского конгресса тред-юнионов в 1926–1946 гг. Гостил в 1931 г. в Тилтоне, где «заигрывал» (политически) с *JMK*.

Скотт, Джеффри (Scott, Geoffrey; *1883–1929*), писатель. Друг *JMK* и Мэри Беренсон. В 1918 г. женился на леди Сибиле Каттинг и имел роман с Витой Сэквиль-Уэст.

Скотт, Уильям Робертс (Scott, William Roberts; *1868–1940*), историк экономики. В 1920 г. безуспешно выдвигал *JMK* в Британскую академию.

Скотт, Фрэнсис Клэйтон (Scott, Francis Clayton; *1881–1979*), председатель *Провинциальной страховой компании*, в правлении которой состоял *JMK*.

Скотт, Чарльз Престуич (Scott, Charles Prestwich; *1846–1932*), журналист. Редактор '*Манчестер гардиан*' в 1872–1929 гг. *JMK* работал с ним и его сыном Эдвардом (*1883–1932*) в 1922–1923 гг., когда писал для приложений '*Манчестер гардиан*' материалы о восстановлении торговли. Ч.П. Скотт видел в *JMK* человека блестящего, но эгоцентричного.

Смэтс, Ян Кристиан (Smuts, Jan Christian; *1870–1950*), южноафриканский юрист, политик, философ. Ed. CHR, где был 1-й юр. I и II. Министр обороны Южной Африки в 1910–1919 гг. Член британского Военного кабинета в 1917–1919 гг. и делегации Британской империи на Парижской мирной конференции, где они с *JMK* подружились и стали союзниками в вопросе о репарациях.

Сноуден, Филип, лорд (Snowden, Philip, lord; *1864–1937*), политический деятель-лейборист. В должности канцлера Казначейства в 1929–1931 гг. был главным препятствием для радикальных мер борьбы с безработицей, и Черчилль в этой связи заметил, что «ум Казначейства и ум Сноудена страстно обнялись друг с другом, как две ящерицы-родственницы после долгой разлуки».

Солтер, сэр Артур (Salter, sir Arthur; *1881–1975*), государственный служащий и политик. Генеральный секретарь Комиссии по репарациям в 1920–1922 гг.; директор Экономического отдела Лиги Наций в 1922–1923 гг.; состоял в Комитете экономической информации в 1931–1937 гг.

Спайсер, Роберт Генри Скэйнс (Spicer, Robert Henry Scanes; *1897–1956*), экономист и статистик. Ап., 1919. Один из любимцев *JMK* сразу после *МВ-1*.

Спринг-Райс, сэр Сесил (Spring-Rice, sir Cecil; *1859–1918*), дипломат. Британский посол в Соединенных Штатах в 1913–1918 гг. Написал слова гимна '*Клянусь Тебе, моя страна*'. После их встречи в 1917 г. *JMK* отметил его старческое слабоумие, а тот, в свою очередь, высокомерие *JMK* .

Спротт, Уолтер Джон Герберт («Себастьян») (Sprott, Walter John Herbert (Sebastian); *1897–1971*), психолог. Ed. FLS и CLC. 1-й гум., 1922. Ап., 1920. Лаборант в кембриджской *Психологической лаборатории* в 1922–1925 гг.; младший преподаватель психологии в Ноттингемском университете в 1925 г.; профессор философии в Ноттингеме в 1948–1960 гг. Роман *JMK* со Спроттом после *MB-1* по времени совпал с его ухаживанием за *LK*. В Ноттингеме славился острым умом и красноречием.

Спрэйг, Оливер (Sprague, Oliver; *1873–1953*), экономист американского происхождения, советник Английского банка в 1930–1933 гг. Стал мишенью одной из типичных язвительных шуток *JMK*. Спрэйг доказывал, что, допустив дефляцию на гребне бума, впоследствии можно получить ее полезное оздоровительное действие. *JMK*: «Я полагаю, мой дорогой Спрэйг, что в таком случае от ваших патологических привычек вреда ждать не приходится».

Сраффа, Пьеро (Sraffa, Piero; *1898–1983*), экономист итальянского происхождения. Младший преподаватель экономической теории в Кембриджском университете в 1927–1931 гг.; ассистент директора экономических исследований в 1935–1963 гг. – должность, придуманная для него *JMK* ввиду невероятного страха, не позволявшего ему выступать перед студентами. Г. ТСС, 1934–1983. *Курьезный случай* в экономической науке XX столетия. В Кембридж он прибыл с огромной славой, которую принесла ему статья в *EJ* (декабрь 1926 г.) под названием '*Законы выручки в условиях конкуренции*'. После этого он провел тридцать лет, занимаясь подготовкой к печати одиннадцатитомного собрания сочинений Рикардо. Прервался на короткое время в 1932 г., чтобы сокрушить теорию деловых циклов Хайека. Свою репутацию теоретика возродил публикацией в 1960 г. книги объемом в 99 страниц, в значительной мере малопонятной и написанной в основном еще в 1920-х гг. *JMK* имел обыкновение по субботам после обеда «бродить с Пьеро» по букинистическим лавкам. Не разделяя их идей, Сраффа оказывал влияние и на Джоан Робинсон, и на Витгенштейна. Джоан Робинсон вспоминала о «нескончаемых дискуссиях с Пьеро Сраффой, но они всегда состояли в том, что он указывал на мои ошибки; сам он никогда ничего не утверждал». Сильнейшей его эмоцией была преданность матери. В 1944 г. *JMK* помогал ему разыскивать в Ирландии архивные бумаги для его издания трудов Рикардо.

Сталин, Иосиф (*1879–1953*), советский диктатор и военный руководитель. Генеральный секретарь Коммунистической партии СССР[λ] 1924–1953 гг.

Стивен, семейство (Stephen family). Одно из семейств викторианской Англии, которому принадлежало видное место в евангелических, интеллектуальных и административных кругах. Сэр Лесли Стивен (sir Leslie Stephen; *1832–1904*), философ, литератор, обучался в Итоне, университетском колледже в Лондо-

[λ] Иностранному автору можно, видимо, простить неточность в обозначении партийной должности Сталина.

не и Тринити-колледже в Кембридже, где стал членом ученого сообщества и наставником; в 1862 г., одолеваемый религиозными сомнениями, подал в отставку. По словам Квентина Белла, «агностицизм не приглушил, а раздул его страсть к накоплению собственности». У сэра Лесли было два сына — Тоби («Гот») (Thoby (the Got); *1880–1906*) и Адриан (Adrian; *1883–1948*), оба поступившие на учебу в ТСС, и две дочери — Ванесса (Vanessa; *1879–1961*), вышедшая замуж за Клайва Белла, и Вирджиния (Virginia; *1882–1941*), ставшая женой Леонарда Вулфа. Старший брат сэра Лесли, юрист сэр Джеймс Фицджеймс Стивен (sir James Fitzjames Stephen; *1829–1894*), был автором знаменитых писаний против Джона Стюарта Милля. Стивены являют собой пример перехода от набожного агностицизма к безбожному атеизму.

Стирлинг, Джон (Stirling, John; *1891–1965*), государственный служащий. Помощник министра торговли во время *МВ-2*. Переговоры о торговле, которые он вел с Гарри Хоукинсом из государственного департамента США, были в 1941 г. «заморожены» прибывшим в Вашингтон *JMK*.

Стоун, Джон Ричард Николас (Stone, John Richard Nicholas; *1913–1991*), экономист и статистик. Центральное статистическое управление в 1940–1945 гг. F. ТСС, 1945–1991 и кембриджский профессор финансов и счетоводства в 1955–1980 гг. *JMK* содействовал его работе, посвященной счетам национального дохода.

Стракош, сэр Генри (Strakosch, sir Henry; *1871–1943*), банкир. Монтегю Норман (*см.*) называл его «спекулянтом с воображением». Сразу после *МВ-1 JMK* имел с ним дело в ряде затей с южноафриканским золотом и в некоторых банковских операциях.

Стрейт, Майкл (Straight, Michael) — *См.* семья Элмхерст.

Стрэчи, семейство (Strachey family). Одно из влиятельных семейств с корнями в британской имперской службе. Эдвард Стрэчи (Edward Strachey; *1774–1832*), судья в Индии, имел шесть сыновей, из которых трое — сэр Эдвард Стрэчи (sir Edward Strachey; *1812–1901*), сэр Ричард Стрэчи (sir Richard Strachey; *1817–1908*) и сэр Джон Стрэчи (sir John Strachey; *1823–1907*) оставили свой след в управлении Индией. Джон Сент Лоу (John St Loe; *1860–1927*), сын сэра Эдварда, стал редактором '*Спектейтора*'; его сын Эвелин Джон Сент Лоу (Evelyn John St Loe; *1901–1963*) был политиком-лейбористом, ратовавшим за «революцию разума», сначала с Мосли, потом с Марксом. У сэра Ричарда Стрэчи, солдата и ученого, со второй женой Джейн Марией Грант (Jane Maria Grant; *1840–1928*) было десять оставшихся в живых детей (предоставляя сведения для справочника «Кто есть кто», она про одного из них забыла), восьмым среди них был Джайлс Литтон (Giles Lytton; *1880–1932*), а самым младшим Джеймс Бомон (James Beaumont; *1887–1945*). Остальными, в убывающем порядке возрастов, были Элинор (Elinor; *1860–1945*), замужем за Джеймсом Медоузом Ренделом (James Meadows Rendel), также гражданским служащим в Индии; Ричард

(Richard; *1861–1935*), служивший в армии на Борнео; Доротея (Dorothea; *1866–1960*), переводчица, замужем за французским художником Симоном Бюсси; Ральф (Ralph; *1868–1923*); Филиппа («Пиппа») (Philippa (Pippa); *1872–1968*), «неприметная, но не знающая устали движущая сила в центре движения за права женщин» (по словам Энн Оливье Белл); Оливер (Oliver; *1874–1960*), историк и государственный служащий, женившийся на Рэчел Костелло (Rachel Costelloe); Джоан Пернел (Joan Pernel — *1876–1951*), директриса NWM в 1923–1941 гг.; и Марджори (Marjorie; *1882–1969*), писательница и учительница.

Стрэчи, Джайлс Литтон (Strachey, Giles Lytton; *1880–1932*), автор биографий и литературный критик, прославившийся книгой '*Выдающиеся викторианцы*'. Ed. Эбботсхолм и TCC. Ап., 1902. В 1900-е гг. ближайший друг *JMK* и человек, чье нравственное влияние он ощущал всю жизнь. Строки из последних писем, которыми они обменялись, свидетельствуют о сохранявшихся между ними спокойных дружеских отношениях. «Мой дорогой Литтон, — писал *JMK* (3 декабря 1928 г.) по получении книги Стрэчи '*Елизавета и Эссекс*'. — Самая нежная тебе благодарность за Елизавету... Не считаю, что в основном она так же хороша, как Викторня. Но *само собой возникающее удовольствие* от чтения огромно. Вообще-то, ты, кажется воображаешь себя Елизаветой, но из нарисованных тобой картин я вижу, что себя ты представил именно в образе Эссекса. Но надеюсь, что тебе удалось взять лучшее от обоих миров». «Дорогой Мейнард, — получив '*Трактат о деньгах*', писал Литтон (31 октября 1930 г.). — Какой восхитительный и внушительный подарок! Спасибо за нечто такое, чего не купишь на товарные деньги, управляемые деньги, государственные деньги, банковские деньги, резервные деньги и деньги с текущих счетов. Как видишь, первую главу я прочитал».

Стрэчи, Джеймс Бомон (Strachey, James Beaumont; *1887–1945*), психоаналитик. Ed. SPS и TCC. Ап., 1905. В 1920-х гг. знакомил *JMK* с развитием теорий Фрейда.

Стэмп, сэр Джошиа, лорд (Stamp, sir Josiah, lord; *1880–1941*), статистик, ведущий эксперт по системе налогообложения. «Большая пушка, заряженная статистикой», — говорил о нем Освальд Фолк. Один из немногих в кругу *JMK* — или вообще среди великих и достойных межвоенного времени, — кто сам пробил себе путь наверх. Поступив в 1896 г. мальчиком-рассыльным в Службу внутренних доходов, он затем, в 1911 г., экстерном сдал экзамены на степень бакалавра в Лондонском университете (удостоившись отличий за выдающиеся знания). Далее занимал ряд высших постов в ряде «полугосударственных» корпораций того времени, а также входил в состав важных консультативных комиссий, таких как Комиссия Колвина по национальному долгу и налогообложению, Консультативный экономический комитет и Комиссия экономистов. В качества британского представителя в комиссиях Дауэса и Янга играл критически важную роль в урегулировании проблемы репарации. Занимаясь в 1939–1940 гг. выяснением степени го-

товности к войне, руководил Обследованием Стэмпа. В 1941 г. погиб под бомбежкой. Возможно, в глазах *JMK* он был прообразом бизнесмена будущего — частью технического эксперта, частью гражданского служащего, — такого, какой требуется для руководства деловой жизнью в «век стабилизации».

Сэлант, Уолтер (Salant, Walter; *1911–1999*), американский экономист. В начале 1930-х гг. студент *JMK* в Кембридже. В войну служил в Вашингтоне в бюро цен. Известен столкновением с *JMK* по вопросу инфляции на собрании экономистов в Вашингтоне в 1941 г.

Суизинбэнк, Бернард Уинтроп (Swithinbank, Bernard Winthrop; *1884–1958*), администратор. Ed. Итон и BLL. Чиновник колониальной службы в Бирме. В Итоне лучший друг *JMK*.

Сэмюэл, сэр Герберт (Samuel, sir Herbert; *1870–1963*), политик-либерал. 6 декабря 1935 г. о нем, приглашенном на празднество в КСС, *JMK* тактично говорил: «Я, работавший вместе с ним над созданием знаменитой '*Желтой книги либералов*', вполне познал силу его критики и в то же время широту и справедливость его ума». Ллойд Джордж отзывался о нем резче: «Когда ему делали обрезание, не то отсекли».

Таршис, Лори (Tarshis, Lorie; *1911–1993*), канадский экономист. Слушал лекции *JMK* в 1932–1935 гг. Распространял идеи *JMK* в академических кругах США в конце 1930-х гг. Его опубликованная в *EJ* (март 1939 г.) статья '*Движение реальной и денежной зарплаты*', показавшая, что это движение сообразуется с деловым циклом, существенно способствовала рассеиванию страхов по поводу возможных инфляционных последствий кейнсианской политики.

Тауссиг, Фрэнк Уильям (Taussig, Frank William; *1859–1940*), американский экономист. Профессор экономической теории в Гарвардском университете в 1892–1935 гг. Его '*Принципы экономической теории*' (впервые вышли в 1911 г.) считаются концентрированным выражением взглядов классической школы, против которых *JMK* писал '*Общую теорию*'. Об отношении *JMK* к *MB-1* многое могли бы, вероятно, рассказать не найденные пока его письма, написанные Тауссигу в 1914–1915 гг.

Тауэрс, Грэм (Towers, Graham; *1897–1965*), канадский банкир. Управляющий Банка Канады в 1934–1954 гг. *JMK* собирался предложить его на пост управляющего Английского банка на смену Монтегю Норману в 1944 г. Сам Тауэрс этого не хотел; Норман считал, что он «слишком связан с *JMK* и $».

Тинберген, Ян (Tinbergen, Jan; *1903–1994*), голландский экономист, лауреат Нобелевской премии. Профессор Нидерландской школы экономики в 1933–1973 гг. В 1938–1939 гг. у *JMK* был с ним знаменитый спор по поводу теории эконометрики.

Томпсон-Маккослэнд, Льюсиус (Thompson-McCausland, Lucius; *1904–1984*), банкир и журналист. Ed. КСС, где изучал экономическую теорию у *JMK*. Служил в Английском банке в 1939–1965 гг. В 1941 г. в Вашингтоне «носил портфель» *JMK*.

Томсон, Логан (Thomson, Logan — *ум. 1980*), фермер. Управляющий фермами *JMK* в Тилтоне (с 1936 г.) и Чарлстоне (с 1940 г.), со временем на положении его партнера.

Траутон, Руперт (Trouton, Rupert; *1887–1965*), экономист и бизнесмен. Служил в Казначействе под началом *JMK* в 1916–1919 гг., затем изучал экономическую теорию в КСС, где занял первые места в *трайпос* обеих ступеней в 1920–1921 гг. Брокер в фирме *Лоренс, Кин и Гарднер* в 1928–1961 гг.; директор компании *Гектор Уэйлинг*, в которую вкладывал деньги *JMK*. Экономический советник Новой партии Мосли в 1930 г. Траутон обратил внимание *JMK* на искажение действительности в статистических данных о морских перевозках в 1941–1942 гг. Он и его жена были частыми гостями в Тилтоне.

Тревельяны, семейство (Trevelyan family). Тремя сыновьями сэра Джорджа Отто Тревельяна (*1838–1928*), историка и политика-либерала, и Каролины Филипс были сэр Чарльз Филипс Тревельян (*1870–1958*), политик — либерал и лейборист, Роберт Кэлверли Тревельян (*Боб Треви; 1872–1951*) и Джордж Маколей Тревельян (*1876–1962*). Все три брата — Ed. HRW и ТСС; последние два были, как и их отец, «апостолами». Боб Треви и Джордж Маколей — друзья *JMK*; первый — «очень ученый человек, но не очень вдохновляющий поэт» (Рассел); второй — строгий историк, профессор современной истории в 1927–1940 гг., директор ТСС в 1941–1950 гг. и столп организованного либерализма. Именно он в 1904 г. советовал *JMK* заняться политической деятельностью. Все Тревельяны были страстными любителями и мастерами пеших походов.

Трумэн, Гарри (Truman, Harry; *1884–1972*), американский политический деятель. Президент Соединенных Штатов в 1945–1953 гг. 19 августа 1945 г. без предупреждения прекратил действие ленд-лиза.

Тэйлор, Сесил Фрэнсис (Taylor, Cecil Francis; *1886–1955*), школьный учитель. Ed. ЭКК. Ап., 1905. С 1912 г. до ухода на пенсию преподавал в Клифтон-колледже. Всю жизнь дружил с Шеппардом (*см.*). В Клифтоне у него было прозвище «Бэби».

Уайт, Гарри Декстер (White, Harry Dexter; *1892–1948*), американский экономист и государственный служащий. Директор денежных исследований в министерстве финансов США в 1938–1945 гг. Вместе с *JMK* создал Бреттон-Вудскую систему. Способный, колючий, честолюбивый человек, он был главным американским коллегой *JMK* во время *МВ-2*, но Гарри Уайт был сложнее того, что виделось постороннему глазу.

Уильямс, Джон Генри (Williams, John Henry; *1887–1980*), американский экономист и банкир. Автор проекта «ключевой валюты», предложенного нью-йоркскими банкирами в качестве альтернативы системе МВФ и Бреттон-Вудскому соглашению.

Уоллес, Генри (Wallace, Henry; *1888–1965*), американский политический деятель. Вице-президент при Рузвельте в 1941–1944 гг.; министр торговли в 1945–1946 гг. Принадлежал к левому крылу сторонников Нового курса и представлял интересы сельскохозяйственных производителей США. *JMK* старался успокоить его своим планом буферных запасов.

Уорд, Дадли (Ward, Dudley; *1885–1957*), государственный служащий и банкир. Ed. Школа Дерби и SJC. *JMK* преподавал ему экономическую теорию. Под началом *JMK* служил в отделе «А» Казначейства в 1917–1919 гг. и сопровождал его на Парижской мирной конференции. Друг Руперта Брука.

Уорр, Эдмонд (Warre, Edmond; *1837–1920*), школьный учитель. Ed. Итон и BLL. Директор Итона в 1884–1915 гг. Был очень любим за то, что поднял моральный дух школы.

Уэйли, Сигизмунд Дэвид (Waley, Sigismund D; *1887–1962*), чиновник гражданской службы. Главный помощник секретаря, заместитель канцлера Казначейства в 1939–1946 гг. и глава отдела внешних финансов. Участвовал в разработке плана *JMK* о создании Клирингового союза и подготовке и переговоров об американском займе.

Уэллс, Герберт Джордж (Wells, Herbert George; *1866–1946*), писатель. Уэллс «обожал» *JMK*. А *JMK* очень нравилась идея Уэллса о самураях, ведущих человечество к лучшей жизни, но он постоянно пенял ему на то, что тот не дает четких указаний, что именно надо делать.

Фергюссон, сэр Дональд (Fergusson, sir Donald; *1891–1963*), государственный служащий. Постоянный заместитель министра сельского хозяйства и рыболовства в 1936–1945 гг., топлива и энергетики в 1945–1952 гг. Принимал меры содействия английским фермерам и заботился об увеличении производства продовольствия в условиях войны. В 1942 г. нападал на предложенный план создания буферных запасов, выступал против проектов либерализации торговли. *JMK* называл его установки «дурацкими».

Фёрнесс, Роберт Элласон (Furness, Robert Allason; *1883–1954*), государственный служащий. Ed. RGB и KCC. 1-й кл. Ближайший друг *JMK* в их студенческие годы в KCC. С 1906 по 1923 г. — гражданский служащий в Египте: оставался в этой стране и впоследствии. *JMK* жил у него в Египте в 1913 г.

Филлипс, сэр Фредерик (Phillips, sir Frederick; *1884–1943*), государственный служащий. Ed. EML. 1-й мат., 1-й ест. и в 1908 г. 1-й на экзаменах при поступ-

лении на гражданскую службу, после чего пришел в Казначейство; в 1932 г. стал заместителем секретаря. В 1940–1943 гг. представлял Казначейство в Вашингтоне, где на редкость хорошо ладил с Моргентау. Держался очень сухо, молча попыхивал трубкой. У *JMK* были с ним хорошие отношения.

Фишер, Ирвинг (Fisher, Irving; *1867–1947*), американский экономист. Профессор политических и социальных наук в Йельском университете в 1898–1935 гг. Основатель современной количественной теории денег; рассчитывал устранить ценовые колебания посредством придуманного им «компенсированного доллара». *JMK* видел в нем «настоящего лидера и зачинателя» движения за денежную реформу. И репутация Фишера, и его состояние рухнули в 1929 г. вместе с биржевым крахом, о невозможности которого он твердил.

Флэндерс, Элан (Flanders, Alan; *1910–1965*), экономист. В 1940 г. переписывался с *JMK* по поводу его брошюры '*Как оплатить войну*'.

Фоксвелл, Генри Сомертон (Foxwell, Henry Somerton; *1848–1936*), экономист и библиограф. Профессор политической экономии Лондонского университета. Фоксвелл собрал около 60 тыс. книг, брошюр и рукописей, посвященных экономической теории, которые были проданы лондонской Библиотеке Голдсмита и Гарвардскому университету. В 1897 г. по случаю своей помолвки с Оливией Доррингтон он писал Невиллу Кейнсу: «С огорчением должен добавить, что мисс Доррингтон нисколько не продвинута и не образованна, не имеет никакого представления о политической экономии... и не смогла бы сдать никаких *трайпос*, разве что в знании современных языков. С другой стороны, она не поет, что очень утешает...» Для *JMK* он был любимым экономистом в поколении Маршалла и стал героем одного из его эссе.

Фолк, Освальд Тойнби (Falk, Oswald Toynbee; *1881–1972*), актуарий и биржевой брокер, из семьи немецкого происхождения. Ed. RGB и BLL. Служил в отделе «А» Казначейства в 1917–1919 гг. Ближайший партнер *JMK* в Сити, более всех содействовал ему в понимании психологии бизнесменов и сам был одним из самых проницательных судей его ума и характера. В 1917 г. основал клуб *Вторник*. Был совместно с *JMK* директором Национальной компании взаимного страхования жизни и нескольких доверительных инвестиционных фондов. Партнер брокерской фирмы *Бакмастер и Мур* в 1919–1932 гг., притом что его клиенты «либо покоряли рынок, либо вылетали оттуда со всеми потрохами» (Дэвенпорт). Коллекционер постимпрессионистской живописи и любитель балета. В 1930 г. распространил записку, в которой утверждалось, что британская промышленность устарела и что инвесторам следует избавляться от британских акций и покупать американские. В '*Таймс*' от 11 марта 1930 г. *JMK* публично выразил свое несогласие, и это привело к охлаждению между ними. В 1930 г. основал собственную фирму — коммерческий банк *О.Т. Фолк и К°*, куда привлек ярких молодых людей, таких как экономист Томас Балог (*см.*) и физик Ланселот Ло Уайт. «Их мозги делают их опасными, потому что к своим ошибкам они

добираются гораздо быстрее» *('Fortune'*, September 1933). У Фолка было любимое изречение: «Гений проявляется не в безграничной способности напрягаться, а в способности переживать безграничное напряжение с не уменьшающимся усердием и полностью сохраняемым благоразумием». Вспоминая в 1950 г. свою юность, он писал, что «когда в 1914 г. разразилась буря, мы считали, что это только интерлюдия, за которой придет еще один и даже еще более благополучный XIX век». Сам он к этому времени уже считал, что с западной цивилизацией покончено и ее факел перейдет в руки Китая.

Форстер, Эдвард Морган (Forster, Edward Morgan; *1879–1970*), писатель. Ed. TBR и KCC. Ап., 1901. В Кембридже его основными друзьями были Дикинсон и Г.О. Мередит. Воспитанный «под сенью пожилых леди», он вырос человеком с четко выраженными чертами сумрачной старой девы. Его *'Дорога в Индию' ('Passage to India';* 1924) сыграла свою роль в формировании отношения к колониализму после *MB-1*, но на *JMK* никакого влияния не оказала. В 1927 г. *JMK* содействовал его избранию в ученое сообщество TCC сверх установленной квоты.

Фосетт, Генри (Fawcett, Henry; *1833–1884*), экономист. Ed. KCS и PHC. Друг семьи деда *JMK*. Лишился зрения в результате несчастного случая на охоте: из-за неудачного выстрела его собственного отца. Профессор политической экономии в Кембридже в 1863–1884, генеральный почтмейстер при Гладстоне в 1880–1884 гг. Правоверный последователь учений Рикардо и Джона Стюарта Милля.

Фрай, семейство (Fry family). Сэр Джеффри Сторрс Фрай (sir Geoffrey Storrs Fry; *1888–1960*), адвокат. Ed. HRW и KCC. Служил под началом *JMK* в отделе «А» Казначейства в 1917–1919 гг. и сопровождал его в роли секретаря в Париж в 1919 г. Как личный секретарь Бонара Ло и Болдуина, обеспечивал *JMK* доступ к обоим. В 1922 г. *JMK* снимал у него дом в графстве Мальборо. Его кузен Роджер Элиот Фрай (Roger Eliot Fry; *1866–1934*), художник и художественный критик; был другом *JMK*. Снискал известность своей формалистической теорией эстетики. Ed. CLF и KCC. 1-й ест. I и II. Ап., 1887. Профессор искусства в Кембридже в 1933–1934 гг. «Оказал наибольшее после Рёскина влияние на формирование вкусов» (*DNB*). О картинах судил строго по науке, но отличался легковерием во всем остальном.

Франкфуртер, Феликс (Frankfurter, Felix; *1882–1965*), американский юрист и теоретик права. Судья Верховного суда США в 1939–1962 гг. Познакомился с *JMK* на Парижской мирной конференции; придумал, имея в виду ситуацию с Вудро Вильсоном, звонкую фразу о «презрительно высокомерном отношении твердолобых к высоколобым». В письме Уолтеру Липпману (11 июля 1919 г.) он упоминает о «некоторых смельчаках, вроде Кейнса... которые подали в отставку ввиду полнейшего предательства,

предполагаемого Договором». Член рузвельтовского «мозгового треста», он поставил на службу Новому курсу свои недюжинное мастерство управленческого маневрирования и стал одним и основных проводников идей *JMK* в Вашингтоне.

Фрейд, Зигмунд (Freud, Sigmund; *1856–1939*), доктор австрийского происхождения, основатель психоанализа. Оказав огромное влияние на умы XX века, он подорвал довоенную веру *JMK* в рациональность. Некоторые из окружения *JMK*, в частности Джеймс Стрэчи и Фрэнк Рамсей, ездили в Вену на сеансы психоанализа. Стрэчи, ставший пациентом самого Фрейда, впоследствии выпустил английское издание его сочинений. Фрейд его особенно поражал «ослепительным артистизмом работы... Почти каждый час его превращается в эстетически единое, органическое целое». Брат Джеймса Литтон Стрэчи писал ему 24 ноября 1920 г.: «Хорошо бы бог дал ему возможность подвергнуть психоанализу королеву Викторию. Вполне, разумеется, ясно, что она была мученицей анального эротизма, но что еще? Что еще?» *JMK* написал положительный отзыв о Фрейде и, рассуждая о «любви к деньгам», высказывался во фрейдистском духе.

Функ, Вальтер (Funk, Walther; *1890–1960*), германский министр экономики в 1937–1945 гг. Автор *Плана Функа*, определявшего пути установления «нового порядка» в Европе. «Министр экономики, известный гомосексуалист и обыкновенный пьяница, похожий на грязного карлика... после 1938 г. имел мало веса в высших эшелонах (нацистской) партии».

Фэй, Чарльз Рай (Fay, Charles Rye; *1884–1961*), историк экономики. Ed. школа MTS и KCC. F. и младший преподаватель CHR в 1908–1922 гг. Профессор экономической истории в университете Торонто, откуда вернулся преподавателем в Кембридж. С *JMK* познакомился в 1902 г., когда они оба были студентами-новичками. После смерти *JMK* говорил о нем как о «самом блестящем человеке, которого я встречал или мог надеяться когда-либо встретить», но в 1927 г. он называл *JMK* «мудрецом, отчасти врачевателем, отчасти дьяволом мира экономики». *JMK* считал, что эссе Фэя о деньгах обычно схватывают самую суть дела.

Хаберлер, Готфрид (Haberler, Gottfried; *1900–1995*), экономист австрийского происхождения. Представленная в его книге '*Процветание и депрессия*' ('*Prosperity and Depression*'; 1937) попытка синтезировать основные теории делового цикла вызвала (31 октября 1934 г.) протест *JMK*, видевшего один из ее первых набросков: «Не могу поверить, чтобы задача решалась соединением в отдельных блоках отрывочных суждений множества авторов, так или иначе расходящихся между собой во взглядах на основополагающие проблемы. Решение должно находиться где-то гораздо глубже...» После выхода в свет '*Общей теории*' *JMK* и Хаберлер схлестнулись в споре по поводу сущностного содержания понятий *сбережение* и *инвестиция*.

Хадсон, Роберт (Hudson, Robert; *1886–1957*), политический деятель-консерватор. Министр сельского хозяйства и рыболовства в 1940–1945 гг. Добился революционного сдвига в сельскохозяйственном производстве за счет децентрализации управления им и установления гарантированных цен и рынков сбыта. Выступал против планов *JMK*, предполагавших создание буферных запасов, и против либерализации торговли.

Хайек, Фридрих (Hayek, Friedrich; *1899–1991*), экономист австрийского происхождения, теоретик либерализма, лауреат Нобелевской премии. Профессор экономической науки и статистики в LSE в 1931–1950 гг. Был видным оппонентом *JMK* — скорее в культурно-историческом плане, чем профессионально. О себе писал: «Если мне удалось построить довольно стройную систему взглядов на экономическую политику, этим я не в последнюю очередь обязан тому обстоятельству, что все это время должен был довольствоваться ролью наблюдателя и никогда не имел нужды задаваться вопросом о политически допустимом...» Во время *MB-2 JMK* помог ему поселиться в Кембридже и выдвинул его кандидатуру для избрания в Британскую академию. Хайек положительно оценил брошюру '*Как оплатить войну*', а *JMK* одобрительно, хотя и с оговорками, отозвался о книге Хайека '*Дорога к рабству*' (1944). Развернувшийся между ними спор о допустимой мере государственного вмешательства в жизнь общества так и не получил завершения ввиду смерти *JMK*. Это была бы битва гигантов.

Хансен, Элвин (Hansen, Alvin; *1887–1975*), американский экономист. Профессор политической экономии в Гарвардском университете в 1937–1962 гг. После появления '*Общей теории*' одним из первых в Америке обратился в веру *JMK*, без устали продвигал в США кейнсианскую экономическую теорию, особенно положение о «вековой стагнации».

Харди, Годфри Гарольд (Hardy, Godfrey Harold; *1877–1947*), математик. Ed. CRL, WHR и TCC. Ап., 1898, 4-й мат. в 1898 г. Профессор чистой математики в Кембридже в 1931–1942 гг. Автор широко известного автобиографического очерка '*Апология математика*' ('*A Mathematician's Apology*', 1940), в которой защищал математику, подчеркивая, что она, по крайней мере, безвредна.

Хардман, Фредерик Макмагон (Hardman, Frederick McMahon; *1891–1914*). Ed. Итон и KCC. *JMK* преподавал ему экономическую теорию. Литтон Стрэчи говорил, что он представляет собой тип «малоразмерного, изящно скроенного, светловолосого и бесполезного» человека «с беспредельно аристократичным голосом». В октябре 1914 г. погиб в бою.

Хармер, Фредерик (Harmer, Frederic; *1909–1995*), государственный служащий и бизнесмен. Ed. Итон и KCC. Ап., 1925. 1-й мат. и экон. Литтон Стрэчи находил, что в его лице смешивались черты портрета, выполненного кистью художника-прерафаэлита, и злой овчарки. Временный помощник секретаря Казначейства в 1943–1945 гг. Был личным помощником *JMK* во время пере-

говоров об американском займе. Его дневник — важный источник сведений о настроениях *JMK* во время этих переговоров.

Хатчинсон, Мэри (Hutchinson, Mary; *1889–1977*), жена адвоката Сент-Джона Хатчинсона, любовница Клайва Белла до 1927 г. 17 февраля 1937 г. *LK* обратилась к ней с просьбой оказать поддержку кембриджскому Театру искусств: «Вы имеете вес во всех кругах: 1) среди высоколобых, 2) среди блестящих, 3) в том мещо-мире, где все мы живем. Не можете ли вы побудить всех прийти посмотреть нас?»

Хауз, Эдвард Мандел (полковник) (House, Edward Mandell (Colonel); *1858–1938*), американский бизнесмен. Специальный советник президента Вильсона и *eminence grise*. Представлял Вильсона на мирных переговорах и в Высшем военном совете в 1918–1919 гг.

Херст, Джилберт Харрисон Джон (Hurst, Gilbert Harrison John; *1872–1930*), школьный учитель, впоследствии юрист. Ed. Итон и КСС. В Итоне учил *JMK* математике.

Хиггинс, Норман (Higgins, Norman; *1898–1974*), директор-управляющий кембриджского Театра искусств в 1935–1969 гг.

Хикс, Джон (Hicks, John; *1904–1989*), экономист, лауреат Нобелевской премии. Младший преподаватель в LSE в 1926–1935 гг., F. GAC в 1935–1938 гг., профессор политической экономии в МСН в 1938–1946 гг. Предложенная им «обобщающая» модель *Общей теории JMK* сыграла ключевую роль в том, что экономисты приняли одну из ее версий. Признанный самым мощным синтезирующим умом в британской экономической науке XX в., со стороны *JMK* Хикс пользовался лишь умеренным уважением.

Хилл, Арчибальд Вивиан (Hill, Archibald Vivian; *1886–1977*), физиолог, лауреат Нобелевской премии. Был женат на сестре *JMK* Маргарет (1885–1970). Их дочь Мэри Эглантайн («Полли»; р. 1914) изучала экономическую теорию в Кембридже, но не у *JMK*. В войну находилась на временной государственной службе. Одно время ночевала в подвале дома 46 на Гордон-сквер. Стала известным антропологом.

Хиндли-Смит, Джеймс (Hindley-Smith, James; *1894–1974*), художественный эксперт. Вместе с *JMK* и Сэмюэлем Курто содействовал обеспечению гарантий для Лондонской ассоциации художников.

Хобхауз, Артур (Hobhouse, Arthur; *1886–1965*), адвокат и фермер. Ed. Итон и ТСС. Ап., 1905. Друг *JMK*. «Артур — это поистине торжество... наследственной неразберихи» (*JMK* Литтону Стрэчи 10 декабря 1905 г.).

Холл-Пэтч, Эдмонд (Hall-Patch, Edmund; *1896–1975*), государственный служащий. Помощник секретаря (министра) Казначейства в 1935–1944 гг.; помощ-

ник заместителя иностранных дел в 1944–1946 гг. Входил в состав британской команды на переговорах об американском займе.

Хоукинс, Гарри (Hawkins, Harry; *1894–1975*), служащий государственного департамента США, отвечавший за переговоры с Британией во время *МВ-2*. Горячий сторонник и проводник политики Корделла Хэлла, то есть политики свободной торговли, столкнулся со всеми батареями уклончивой тактики *JMK*.

Хьюз, Уильям Моррис (Hughes, William Morris; *1862–1952*), австралийский политик. Родился в Лондоне в валлийской семье, Ed. получил в Лландидно (Уэльс); эмигрировал в Австралию и был там премьер-министром федерального правительства в 1915–1923 гг. Решительный сторонник всестороннего участия Австралии в войне; рассчитывал, что жертвы Австралии будут полностью компенсированы Германией. По словам Бернарда Баруха (*см.*), он настаивал, что «каждый австралиец, заложивший свой дом, чтобы купить облигацию военного займа, безусловно, имеет столько же прав на репарацию, сколько и каждый француз, чей дом разбомбили немцы».

Хэлдейн, Дж.Б.С. (Haldane, J.B.S.; *1892–1964*), генетик. В 1925 г. был лишен права читать лекции по биохимии в Кембриджском университете за «аморальное поведение» (оказался в положении соответчика в деле о расторжении брака). *JMK* встал на его защиту, и он был восстановлен в преподавательской должности. В 1930-е гг. видный кембриджский коммунист. В 1950 г. вышел из партии в знак протеста против не самого большого сталинского преступления — «из-за вмешательства Сталина в науку», (*DNB*).

Хэлл, Корделл (Hull, Cordell; *1871–1955*), американский политический деятель. Государственный секретарь в 1933–1944 гг. Его основной целью в войне была ликвидация британской системы имперских преференций, и средство осуществить это он видел в статье VII соглашения о ленд-лизе. *JMK* полагал, что он не столько заблуждается, сколько оказывается жертвой маниакальной одержимости одной идеей, заслонившей для него весь свет.

Хэррод, Рой (Harrod, Roy; *1900–78*), экономист и философ. F. ССН в 1924–1967 гг. По окончании с многими отличиями ССН осенью 1922 г. изучал в Кембридже у *JMK* экономическую теорию (деньги и международную торговлю). Его главный вклад в *Общую теорию JMK* был сделан в 1935 г. в виде замечаний к гранкам книги. Его концепция «гарантированного темпа роста» как развитие теории Кейнса в динамике (1938) была попыткой указать путь роста в условиях равновесия, когда общественные сбережения будут непрерывно поглощаться инвестициями. Кейнс называл его (в письме Гарольду Макмиллану от 21 февраля 1939 г.) «лучшим человеком в Оксфорде», но «с некоторой склонностью писать слишком много». Во время *МВ-2*, в 1940–1942 гг., служил в статистическом отделе аппарата премьер-министра. Изменил предложенный *JMK* проект Клирингового союза, придав ему более либеральное направление. Жаждал получить в Казначействе должность, ко-

торая так ему и не досталась. Написанная им официальная биография вышла в 1951 г. Со временем Хэррод стал «все больше... смотреть на себя не только как на ученика Кейнса, но ученика, на которого легла особая ответственность поддерживать преемственность» (из некролога в '*Таймс*', 10 марта 1978 г.).

Чалмерс, сэр Роберт (Chalmers, sir Robert, lord; *1858–1938*), чиновник государственной службы. Ed. LCS и ORL. Постоянный секретарь Казначейства в 1911–1913 гг., губернатор Цейлона в 1913–1916 гг., один из двух постоянных секретарей Казначейства в 1916–1919 гг., глава кембриджского Питерхаус-колледжа в 1924–1931 гг. «За его напыщенностью и цинизмом скрывались чуткость и большая расположенность делать людям добро» (*DNB*).

Чеккетти, Энрико (Cecchetti, Enrico; *1850–1932*), итальянский танцовщик и знаменитый учитель танцев. В 1918 г. открыл в Лондоне балетную школу, где *LK*, занимавшаяся с ним перед войной, брала частные уроки до его отъезда в Италию в 1923 г.

Чемберлен, Невилл (Chamberlain, Neville; *1869–1940*), политический деятель, консерватор. Канцлер Казначейства в 1932–1937 гг.; премьер-министр в 1937–1940 гг. Его политика сбалансированных бюджетов в 1930-е гг. приводила *JMK* в негодование, хотя она, возможно, создала климат доверия, который был необходим для выхода из депрессии. *JMK* разделял его нежелание воевать с Гитлером, но не его горячее стремление достичь с ним согласия.

Чемберлен, сэр Остин (Chamberlain, sir Austen; *1863–1937*), политический деятель-консерватор, старший сын Джозефа Чемберлена. Ed. RGB и TCC. Председатель Королевской комиссии по денежному обращению и финансам Индии в 1913–1914 гг., когда *JMK* впервые с ним познакомился и заключил, что по интеллекту он соответствует уровню премьер-министра. Канцлер Казначейства в 1919–1921 гг.; Председатель Комиссии Чемберлена-Брэдбери, занимавшейся денежным обращением в Англии и выпуском банкнот Английского банка в 1924–1925 гг.; министр иностранных дел в 1924–1929 гг. Асквит в частном письме писал (17 августа 1921 г.): «В Остине Ч. представлена занятная смесь качеств — шерстяная мысль, деревянный язык, бурный, довольно злобный нрав и непривлекательные манеры. Но это создание, не лишенное душевной доброты, и время от временя показывает себя вполне эффективным парламентским деятелем. Это даже не осколок старых времен». Приговор Бивербрука: «Он всегда играет и всегда проигрывает».

Чемберноун, Дэвид (Champernowne, David; *1912–2000*), экономист. Ed. WHR и KCC. F. KCC в 1937–1948 гг., кембриджский профессор экономической теории и статистики в 1969–1978 гг. Один из самых выдающихся студентов, который в 1934 г. делал сохранившиеся записи лекций *JMK*. Его семья продала Дарлингтон-Холл Элмхерстам (*см.*).

Черуэлл, лорд Фредерик Александр Линдеман (Cherwell, lord, Frederick Alexander Lindemann; *1886–1957*), ученый-естественник. Носитель прозвища *Проф*, он во время *МВ-2* возглавлял статистическую службу при премьер-министре и был Главным почтмейстером в 1942–1945 гг. Помимо содействия разработке вооружений, специализировался на критической оценке ведомственной статистики и снабжал Черчилля сжатыми сведениями о сложных проблемах, дополняя свои записки цветными диаграммами и графиками. «Его верность Черчиллю была абсолютной, влияние на него глубоким» (*DNB*). Считал, что *пасторализация* Германии решит проблему английского экспорта. Работал с *JMK* в 1944 г. в Вашингтоне во время переговоров по *Стадии-II*.

Черчилль, Уинстон Спенсер (Churchill, Winston Spencer; *1874–1965*), политик и военный руководитель, либерал и консерватор. Канцлер Казначейства в 1924–1929 гг.; премьер-министр в 1940–1945 и 1951–1955 гг. К *JMK* Черчилль проникся уважением еще в 1925 г., когда тот выступал против возвращения к золотому стандарту, которое Черчилль стал со временем считать своей величайшей ошибкой. В 1927 г. *JMK* был избран в клуб *Другой*, основанный Черчиллем и Ф.Э. Смитом в 1911 г., очень английское учреждение, позволявшее сочетать политическую вражду с личной дружбой. Во время *МВ-2* Черчилль и *JMK* часто встречались на клубных ужинах.

Чичерин, Георгий Васильевич (*1872–1936*), советский дипломат. В 1922 г., когда *JMK* познакомился с ним на Женевской конференции, был главой ведомства иностранных дел. Его старомодная обходительность придавала советской политике видимость респектабельности.

Шахт, Ялмар (Schacht, Hjalmar; *1877–1970*), германский банкир. Президент Рейхсбанка в 1923–1930 и 1933–1939 гг.; министр экономики в 1934–1937 гг. Создатель «шахтианской» системы двустороннего бартера во внешней торговле, предназначавшейся для защиты платежного баланса Германии. Оказал влияние на британскую систему валютного контроля во время *МВ-2*. В «шахтианстве» *JMK* какое-то время видел ключ к решению послевоенных проблем Британии.

Шеппард, Джон Трессидер (Sheppard, John Tressider; *1881–1968*), ученый-классицист. Ed. DLC и KCC. Ап., 1902. F. KCC в 1906 г. и университетский преподаватель классических дисциплин в 1908–1933 гг. Ректор KCC в 1933–1954 гг. Его ректорство было отмечено поразительно большим вниманием к «молодым людям», которых Литтон Стрэчи называл «носившимися в воздухе испарениями». Полнее всего он раскрывался на своих воскресных «домашних приемах», где гипнотическая сила «этих глаз слегка навыкате» и олицетворяемая им смесь достоинства и кривляния, снобизма и страсти ниспровергать «заставляли нас чувствовать себя сопричастными ему в первородном грехе» (Патрик Уилкинсон). Его пожизненным другом был Сесил Тэйлор, ставший со временем директором колледжа в Клифтоне и в окруже-

нии *JMK* носивший прозвище *мадам*. В университете Шеппард, скорее личность, чем ученый, славился своими повторявшимися каждые три года постановками пьес древнегреческих авторов, начало чему было положено в 1912 г. спектаклем '*Эдип тиран*'. В межвоенные годы был частым гостем в Тилтоне, загородном доме *JMK*, и опорой его положения в КСС.

Шоу, Джордж Бернард (Shaw, George Bernard; *1856–1950*), драматург ирландского происхождения, философ и самопровозглашенный гений. Первую половину XX столетия ослеплял своей словесной пиротехникой, которую использовал, однако, для проповеди собственного идеала социализма, возводимого ницшеанскими сверхчеловеками. Несмотря на разделявшую их поколенческую пропасть и невзирая на обветшалые экономические взгляды ДжБШ, *JMK* любил его за острый ум и неисчерпаемую фантазию. В 1935 г. написал ему чаще всего, кажется, цитируемое из всех его писем, в котором объяснял политическую цель своей *Общей теории*. В свою очередь, ДжБШ смотрел на *JMK* (когда тому было 59) как на «блестящего и подающего надежды юношу, возможности которого ужасающе ограничены кембриджским процессом всеобщего уничтожения, но сохраняет в себе некоторые негасимые искры культуры». У *JMK* вызвала резкое неприятие статья Шоу '*Необычное понимание войны*', напечатанная в '*Нью стейтсмене*' 7 октября 1939 г. Когда ДжБШ сказал ему, что «разница между нами в том, что вы англичанин, а я ирландец», он имел в виду не только разницу темпераментов. Доброе эссе к девяностолетнему юбилею ДжБШ в 1946 г. оказалось последним сочинением *JMK*.

Шоув, Джеральд Фрэнк (Shove, Gerald Frank; *1887–1947*), экономист. Ed. UPP и КСС. Переключился с классических дисциплин на экономическую теорию, в которой в 1911 г. был признан 1-м на основании всего нескольких ответов на экзамене. Ап., 1909. Обычно тихий и молчаливый, он порой переходил все пределы в нравственном горении и возбуждении (как в случае с тостом за «короля, будь он проклят», на *ужине корбонариев* в 1909 г.). В 1915 г. он женился на Фредегонде Сесилии Мэйтлэнд, дочери сэра Фредерика Мэйтлэнда, историка права, двоюродного брата Вирджинии Вулф. В 1926 г. стал F. КСС. В межвоенные годы был самым загруженным преподавателем экономической науки. Освобождал *JMK* от многих преподавательских обязанностей, но сам в результате почти ничего не напечатал. По оценке *JMK*, в начале 1920-х гг. он в неделю читал по пять лекций и руководил работой пятидесяти-шестидесяти учеников. Заслуживает внимательного ознакомления представленная им в 1913 г. диссертация на соискание членства в ученом сообществе. Она называлась: '*Заметки о приложении этической системы Дж.Э. Мура к некоторым проблемам политической теории*'.

Шумпетер, Йозеф Алоис (Schumpeter, Joseph Alois; *1883–1950*), экономист австрийского происхождения. Австрийский министр финансов в 1920 г.; профессор экономической теории в Боннском университете в 1925–1932 гг. и в Гарварде в 1932–1950 гг. Превзошел всех экономистов XX столетия энциклопе-

дичностью, широтой охвата проблем. «В своей поразительной книге *'Теория экономического развития'* (1912), написанной им в возрасте 28 лет, он, в отличие от Маркса с его алчным, кровожадным капиталистом, поставил на место образа-символа капиталистической системы динамичного предпринимателя-новатора, обеспечивающего не только технический прогресс, но и само существование положительного прироста прибыли на капитал» (*Blaug*). Шумпетер с негодованием относился к англосаксонской традиции не проводить должного различия между процентом и прибылью, капиталовложением и предприятием; ему также не нравилось, что внимание сосредоточивается на условиях статистического равновесия. Поэтому он не проявлял особой благосклонности к методу *JMK*. Стал автором одного из лучших биографических очерков о *JMK*.

Шустер, сэр Феликс (Schuster, sir Felix; *1854–1936*), банкир. Его старомодные банковские принципы, господствовавшие в Сити до *MB-1*, делали его анафемой в глазах *JMK*, который считал его в значительной мере повинным в банковском кризисе 1914 г. Умер в Уэллсе, в замке Рутин, как раз незадолго до прибытия туда *JMK*.

Шэкл, Роберт Джонс (Shackle, Robert Jones; *1895–1950*), государственный служащий. Главный советник министра торговли в 1942–1947 гг. Во время *MB-2* участник англо-американских переговоров по вопросам торговли.

Эванс, Айфор (Evans, Ifor; *1897–1952*), историк и экономист. Директор университетского колледжа в Уэльсе в 1934–1952 гг. Служил в *CEMA* при *JMK*.

Эддис, сэр Чарльз (Addis, sir Charles; *1861–1945*), банкир. В 1880 г. начал работать в Банке Гонконга и Шанхая, стал управляющим его лондонского отделения в 1905–1921 гг. Директор Английского банка в 1918–1925 гг. Воевал с *JMK* в клубе *Вторник* по поводу возвращения к золотому стандарту, но принимал доводы *JMK* в пользу отсрочки решений по этому вопросу.

Эджуорт, Фрэнсис Исидро (Edgeworth, Francis Ysidro; *1845–1926*), экономист. Профессор политической экономии в Оксфорде в 1891–1922 гг. Соредактор (вместе с *JMK*) *'Экономического журнала'* в 1911–1926 гг. и герой одного из его лучших «биографических эссе».

Эйнджел, Джеймс Уотерхауз (Angell, James Waterhouse; *1898–1985*), американский экономист. Служил во Внешнеэкономическом управлении в 1943–1945 гг.; технический советник делегации США в Бреттон-Вудсе в 1944 г.

Эйнджел, Норман (Angell, Norman; *1874–1967*), журналист. Его самая известная книга — *'Великая иллюзия'* (1910), в которой утверждалось, что война — это изжившее себя дело, поскольку она не приносит выгоды. Нобелевский лауреат 1933 г. Много шумел в 1912 г. на собраниях руководимого *JMK Клуба политической экономии*.

Эйнсуорт, Альфред (Ainsworth, Alfred; *1879–1959*), государственный служащий. Ed. DLC и KCC. Ап., 1899. Большую часть службы провел в министерстве образования.

Эйнштейн, Альберт (Einstein, Albert; *1879–1955*), физик, лауреат Нобелевской премии. Один из тех, кто оказал наибольшее влияние на культурное сознание поколения *JMK*. Его теория относительности, указавшая на неустойчивость вселенной, потрясла построенный на определенностях викторианский мир. *JMK* познакомился с ним в Берлине в 1926 г., в 1933 г. назвал его «Чарли Чаплином со лбом Шекспира», еще раз посетил его в 1941 г. в Принстоне, где, по словам Лидии, он встретил их, «лежа в постели с копной вьющихся волос и выставленным из-под одеяла большим пальцем ноги». Описывая классическую теорию занятости как «частный случай» своей общей теории занятости, *JMK* сознательно следовал образцу предложенного Эйнштейном толкования ньютоновой физики как «частного случая» теории относительности. (*JMK* также уподоблял следовавших классической теории экономистов приверженцам евклидовой геометрии в условиях неевклидового мира.)

Экклс, Марринер (Eccles, Marriner; *1890–1977*), американский банкир. Происходил из штата Юта. Председатель правления Федеральной резервной системы в 1935–1948 гг. Столкнувшись в 1945 г. на переговорах об американском займе с его громогласной самоуверенностью и провинциализмом, *JMK* говорил: «Неудивительно, что он мормон. Никакая женщина в одиночку его бы не выдержала».

Элиот, Томас Стернз (Eliot, Thomas Stearns; *1888–1965*), поэт, выходец из Америки. Его стихотворение '*Бесплодная земля*' (1922) выразило настроения и захватило умы послевоенного поколения. Его первого *JMK* выбрал на должность литературного редактора '*Нации*' и, несмотря на свой атеизм, все больше симпатизировал выступлениям Элиота с критикой общества и в защиту культуры с позиций англиканской Высокой церкви, тем более что собственную экономическую теорию стал постепенно рассматривать как светское приложение христианства.

Элмхерст, семья (Elmhirst family). Леонард (*1893–1974*) и Дороти (*1887–1967*), англо-американские филантропы. Он был мистиком, специалистом по экономике сельского хозяйства и председателем организации политического и экономического планирования (ПЭП), она — богатой идеалисткой. Дороти и ее первый муж Уитни Стрэйт (ум. 1918) финансировали либеральный еженедельник '*Нью рипаблик*', который издавался с 1914 г.; в межвоенные годы его редактор Герберт Кроули опубликовал много статей *JMK*. В 1931 г. Элмхерсты основали утопическую коммуну в поместье Дарлингтон, которое они купили в 1925 г. в Девоне у Чэмперноунов (*см.*); здесь размещались передовая школа и авангардная балетная труппа Йосса, когда он покинул Германию. Майкл Стрэйт (р. 1916), сын Дороти от первого брака, посещал Клуб Кейнса, когда изучал экономическую теорию в ТСС в 1934–1937 гг.; он стал

Ап. в 1936 г. и разрывался между экономическими идеями *JMK* и коммунизмом своих друзей. В 1939 Элмхерсты рассказывали *JMK* об отношении правительства США к войне в Европе.

Эмери, Леопольд (Amery, Leopold; *1873–1955*), политический деятель и писатель, консерватор. Государственный секретарь по делам Индии в 1940–1945 гг. и ведущий защитник имперских преференций в правительстве Черчилля. В *DNB* о нем сказано: «Будь он на голову выше ростом, а его речи на час короче, он мог бы стать премьер-министром».

Эппс, сэр Джордж (Epps, sir George; *1885–1951*), актуарий. Государственный актуарий в 1936–1944 гг. Вместе с *JMK* изучал вопрос о том, может ли Англия позволить себе осуществление мер, предложенных в 1942 г. в докладе Бевериджа.

Эрандел, Деннис (Arundell, Dennis; *1898–1988*), актер, композитор, театральный продюсер. Ed. получил в Кембридже и широко участвовал в кембриджской театральной жизни, играл вместе с *LK* и оставил замечательный рассказ о ней как об актрисе (в книге Мило (ред.) '*Лидия Лопухова*').

Эткин, Габриэль (Atkin, Gabriel; *1897–1937*), сочинитель песен, художник. Внучатый племянник Ли Ханта, друга-любовника Себастьяна Спротта, Зигфрида Сассуна и *JMK*. Был женат на Мэри Баттс (*1893–1937*). Руперт Харт-Дэвис называл его человеком «наполовину пустым и целиком отданным погоне за удовольствиями», «талантливым забулдыгой, у которого нет силы характера, чтобы пробираться по мелям интеллектуальной богемы». *JMK* купил два его полотна и снабжал деньгами.

Эттли, Клемент (Attlee, Clement; *1883–1967*), политический деятель, лейборист. Лидер лейбористской партии в 1935–1955 гг., премьер-министр в 1945–1951 гг. Столь краткая характеристика под стать этому человеку, славившемуся своим лаконизмом.

Эшли, Уильям Джеймс (Ashley, William James — *1860–1927*), историк экономики, профессор коммерции в Бирмингемском университете в 1901–1925 гг. Вместе с *JMK* был автором '*Записки о значении репараций*', датированной 2 января 1916 г., которая, как утверждал (необоснованно) Ллойд Джордж, подала политикам идею заставить Германию в течение многих лет выплачивать большие суммы.

Эштон, Фредерик (Ashton, Frederick; *1904–1988*), хореограф и танцовщик. Работал на Мари Рамбер, потом на *Общество Камарго*, для которого создал в 1931 г. '*Фасад*'. Находил *JMK* чудовищем, но обожал *LK*.

Юл, Джордж Адни (Yule, George Udny; *1871–1951*), статистик. В 1912 *JMK*, ссылаясь на его книгу '*Введение в теорию статистики*', содействовал назначе-

нию Юла в Кембриджский университет лектором по статистике. Следующая его книга появилась в 1944 г.

Янг, семейство (Young family). Было тесно связано с Итоном, Кембриджем и властями. У сэра Джорджа Янга (*1837–1930*), прогрессивного чиновника гражданской службы и бесстрашного альпиниста, было три сына: сэр Джордж Янг (*1872–1952*) – дипломат, Джеффри Уинтроп Янг (*1879–1960*) – помощник директора Итона в 1900–1905 гг., когда там учился *JMK*, и также знаменитый альпинист, и Эдвард Хилтон Янг, впоследствии первый барон Кеннет Дене, либеральный политик, который делал предложение Вирджинии Вулф и которого Десмонд Маккарти назвал «сфинксом без загадки». Итонский друг *JMK* Джерард Маккуорт Янг (*1884–1963*) был сыном сэра Уильяма Маккуорта Янга (*1840–1924*), чиновника индийской гражданской службы, брата старшего сэра Джорджа Янга.

Указатель имен

Абеляр, Пьер [Abelard, Peter] 157, 158
Абрахамс, Лайонел [Abrahams, Lionel] 227, 312, 316
Айнциг, Пауль [Einzig, Paul] –**II**– 355, 407
Андерсон, Бенджамин [Anderson, Benjamin] –**II**– 408
Андерсон, сэр Джон [Anderson, Sir John] 470 –**II**– 307, 313, 428, 432, 448, 481, 486, 487, 496, 499, 522
Аннан, Ноэль [Annan, Noel] –**II**– 8, 102, 489, 626, 627
Анреп, Борис [Anrep, Boris] 627
Асквит, Герберт Генри, лорд Оксфорд и Асквит [Asquith, Herbert Henry, Lord Oxford and Asquith] 317, 328, 336, 343, 346, 347, 352, 353, 357, 358, 364, 372, 384, 392, 398, 407, 424, 463, 468, 469, 522, 532, 574, 634, 654, 655, 659, 660, 662–665, 667, 696 –**II**– 106
Асквит, Марго [Asquith, Margot] 323, 352, 353, 413, 414, 422, 469, 663–666 –**II**– 203, 488
Астор, Нэнси [Astor, Nancy] –**II**– 213, 272, 274
Аттолико, Бернардо [Atelic, Bernardo] 401
Ачесон, Дин [Acheson, Dean] –**II**– 295, 297,298, 351,477, 509, 592, 627
Багенал, Барбара (Хайлс) [Bagenal, Barbara (Hiles)] 479, 597
Багенал, Фэйс [Bagenal, Faith] 480
Бакл, Ричард [Buckle, Richard] –**II**– 627, 628, 636
Бакстон, Чарльз [Buxton, Charles] 147
Баланчин, Жорж (Джордж) [Balanchine, George] 716 –**II**– 609
Балог Томас, лорд [Balogh, Thomas, Lord Balogh] –**II**– 238, 489, 490
Бальфур оф Берли, Джордж Брюс, лорд [Balfour of Burleigh, George Bruce, Lord] –**II**– 227
Бальфур, Артур Джеймс, лорд [Balfour, Arthur James, Lord Balfour] 80, 377, 382, 413, 543, 544, 614, 615
Барлоу, сэр Алан [Barlow, Sir Alan] –**II**– 314, 449
Баро, Поль [Bareau, Paul] –**II**– 558, 562, 563, 567, 581, 584, 586, 590, 592, 597, 611, 612
Барокки, Рандолфо [Barocchi, Randolfo] 393, 526, 528, 563, 592
Барту, Луи [Barthou, Louis] 545
Барух, Бернард [Baruch, Bernard] 440–442, 465, 467 –**II**– 263, 609
Батлер, Гарольд [Butler, Harold] 147
Батлер, Р.А. [Butler, R.A] –**II**– 215, 342, 440, 441, 446–448

Беван, Роберт [Bevan, Robert] 287
Беван, Энюрин [Bevan, Aneurin] –II– 590
Беверидж, сэр Уильям [Beveridge, Sir William] 533, 573, 764, 777 –II– 16, 212, 225, 252, 304, 329, 330, 413–420, 422, 423, 427, 428, 433
Бевин, Эрнест [Bevin, Ernest] 724, 725, 729, 733, 770 –II– 45, 222, 228, 385, 415, 482, 488, 548, 551–553, 568, 579, 603, 609, 627
Бекасси, Ференц [Bekassy, Ferenc] 334, 335, 343, 512
Беккетт, Уильям [Beckett, William] –II– 500
Белл, Джулиан [Bell, Julian] 460, 697, 717 –II– 99, 104, 105, 177, 194
Белл, Квентин [Bell, Quentin] 278, 309, 460 –II– 35, 100, 177, 183, 338, 628, 632
Белл, Ванесса (Стивен) [Bell, Vanessa (Stephen)] 220, 276–278, 281, 282, 284, 286–288, 296, 306, 310, 318, 333, 340, 341, 361, 364, 366–368, 379, 388, 389, 391, 408. 453, 458, 460, 462, 475, 478, 479, 485, 486, 522, 523, 526, 530, 540–542, 562, 563, 565, 567, 568, 593, 594, 597, 630, 653, 654, 658, 698, 758, 760 –II– 39, 223, 339, 479, 615, 619, 628, 634, 635
Белл, Дэниел [Bell, Daniel] –II– 290
Белл, Клайв [Bell, Clive] 163, 167, 220, 277–279, 283, 284, 286, 310, 322, 354, 364–368, 391, 402, 408, 453, 459, 460, 478, 510, 561 –II– 9, 177, 208, 228, 441, 442, 615–617, 619, 628, 635
Беннет, Арнольд [Bennett, Arnold] 766
Бенсон, Э.У. [Benson, E. W.] 80
Бенсон, Э.Ф. [Benson, E. F.] 152
Бентам, Иеремия [Bentham, Jeremy] 636, 637, 681 –II– 180, 341
Бентвич, Наоми [Bentwich, Naomi] 480–482, 494–501
Берген, Джордж [Bergen, George] 758
Бергсон, Анри [Bergson, Henri] –II– 21
Берджес, Гай [Burgess, Guy] 168 –II– 99, 103, 179
Беренсон, Мэри (Пирсол Смит, Костелло) [Berenson, Mary (Pearsall Smith, Costelloe)] 214, 215, 220, 295, 317
Беренсон, Бернард [Berenson, Bernard] 294, 486
Бёрк, Кэтлин [Burk, Kathleen] 378
Бёрк, Эдмунд [Burke, Edmund] 202–206, 437, 508, 636 –II– 10, 194, 376
Беркенхед, Ф. Э. Смит, лорд [Birkenhead, F. E. Smith, Lord] 616, 661
Берлин, Исайя [Berlin, Isaiah] –II– 522, 523
Берль, Адольф [Berle, Adolf] –II– 401, 451, 455, 464, 478
Бернал Дж.Д. [Bernal, J.D.] 696
Бернар из Клуни [Bernard of Cluny] 158
Бернстайн, Эдвард [Bernstein, Edward] –II– 395, 451, 461, 462, 464, 469, 473, 478, 505, 506
Берч, Фрэнк [Birch, Frank] 698
Бибеско, княгиня Елизавета (Асквит) [Bibesco, Princess Elizabeth (Asquith)] 353, 522
Бивербрук, Максвелл Эйткен, лорд [Beaverbrook, Maxwell Aitken, Lord] 382, 388, 549, 615, 751 –II– 221, 228, 481, 482, 484, 486–488
Бивс, Дональд [Beves, Donald] 698
Бимиш, Тафтон [Beamish, Tufton] –II– 184
Бин, Льюис [Bean, Lewis] –II– 94
Бирнберг, Джонас [Birnberg, Jonas] 501
Бирнс, Джеймс Ф. [Byrnes, James F.] –II– 559
Биррел, Фрэнсис [Birrell, Francis] 269, 278, 291, 561, 699
Битон, Сесил [Beaton,Cecil] –II– 627, 630
Бичэм, сэр Томас [Beecham, Sir Thomas] 392
Блант, Энтони [Blunt, Anthony] 168, 696–698
Бланш, Жак-Эмиль [Blanche, Jacques-Emile] 229

Бливен, Брюс [Bliven, Bruce] –II– 197
Блисс, Фрэнсис [Bliss, Francis] 304
Блум, Джон Мортон [Blum, John Morton] –II– 269
Блэкен, сэр Бэзил [Blacken, Sir Basil] 327, 336, 339, 382, 465, 466, 470, 488
Болдуин, Стэнли, лорд Болдуин оф Бьюли [Baldwin, Stanley, Lord Baldwin of Bewley] 463, 464, 469, 546, 548, 549, 552, 553, 569, 574, 595, 604, 608, 617, 643, 651, 652, 661, 702, 704, 735 –II– 43, 47, 123, 192, 195, 196, 198
Болтон, сэр Джордж [Bolton, Sir George] –II– 370, 500, 539, 609
Бомон, граф Этьен де [Beaumont, Comte Etienne de] 593, 594
Бомон, Сирил [Beaumont, Cyril] 525, 526, 542
Бонар Ло, Джеймс [Bonar Law, James] 110
Бонар Ло, Эндрю [Bonar Law, Andrew] 372, 374, 378–380, 383, 386–389, 483, 544–552, 574
Бонд Энни [Bond, Annie] 58
Бонд, Генри [Bond, Henry] 50, 58, 92
Бонд, Уильям [Bond, William] 58
Бонн, Мориц Дж. [Bonn, Moritz J.] –II– 85
Бонэм-Картер, леди Вайолет (Асквит) [Bonham-Carter, Lady Violet (Asquith)] 352, 364, 458, 661
Боуен, Вера [Bowen, Vera] 542, 564, 567, 594, 620
Боуен, Гарольд [Bowen, Harold] 564, 567, 593, 594
Боули, А. Л. [Bowley, A. L] 533
Боуэс, Лайон Дэвид [Bowes Lyon, David] –II– 522
Браун Ада Хейдон (Форд, бабушка ДжМК) [Brown, Ada Haydon (Ford, JMK's grandmother)] 45, 58, 60, 67, 456
Браун, Айвор [Brown, Ivor] –II– 340, 446
Браун, Алиса (повариха) [Brown, Alice (cook)] 766
Браун, Алиса (тетка ДжМК) [Brown, Alice (JMK's aunt)] 59, 97
Браун, Гарольд (дядя ДжМК) [Brown, Harold (JMK's uncle)] 59
Браун, Дж. Ф. [Browne, G. F.] 104
Браун, Джон (дед ДжМК) [Brown, John (JMK's grandfather)] 45, 58, 59, 67, 69, 94, 102, 104, 456
Браун, Кеннет (дядя ДжМК) [Brown, Kenneth (JMK's uncle)] 59, 67, 107, 592
Браун, Уолтер (дядя ДжМК) [Brown, Walter (JMK's uncle)] 13, 17, 35, 97
Браун, Эрнест [Brown, Ernest] –II– 215
Браунинг, Оскар [Browning, Oscar] 119, 152, 153, 155–157, 161, 269
Бретт, Дороти [Brett, Dorothy] 363, 367
Бриан, Аристид [Briand, Aristide] 493, 494, 534, 543
Бриджес, сэр Эдвард [Bridges, Sir Edward] –II– 314, 553, 575, 590–593, 599, 607
Бриттен, Бенджамин [Britten, Benjamin] –II– 183, 202
Бриттэйн, сэр Герберт [Brittain, Sir Herbert] –II– 530
Брод, К.Д. [Broad, C. D.] 514
Брук, Джастин [Brooke, Justin] 295
Брук, Руперт [Brooke, Rupert] 209, 223, 236, 256, 271–274, 295, 302, 305, 306, 308, 335, 658 –II– 579
Брэдбери, сэр Джон [Bradbury, Sir John] 329, 337, 402, 466, 483, 545, 606, 611, 613
Брэдли, Ф.Г. [Bradley, F. H.] 83
Брэйлсфорд, Г.Н. [Brailsford, H.N.] 656
Брэйтвэйт, Р.Б. [Braithwaite, R.B.] 194–195
Брэйтвэйт, Ричард [Braithwaite Richard] 455, 517, 519, 695
Брэкен, Брендан [Bracken, Brendan] –II– 486
Брэнд, Роберт [Brand, Robert] 411, 438, 470, 545, 566, 668, 674, 675, 728

–II– 205, 212, 220, 315, 316, 317, 326, 330, 371, 500, 501, 532, 533, 539, 540, 541, 549, 551, 553, 556, 558, 567, 572, 573, 580, 583, 586, 592, 593, 598, 603, 606, 613, 618
Брэндайс, Луис Д. [Brandeis, Louis D.] –II– 93, 105
Буллок, Чарльз [Bullock, Charles] 533, 719, 720
Бут, Джордж [Booth, George] –II– 358, 359
Бутби, Роберт [Boothby, Robert] –II– 212, 238
Бучан, Джон [Buchan, John] –II– 184
Бьюли, Кеннет [Bewley, Kenneth] –II– 290
Бэйджхот, Уолтер [Bagehot, Walter] 329
Бэйкер, Филип Ноэль [Baker, Philip Noel] 302
Бэрнс, Джордж [Barnes, George] –II– 299
Бюсси, Дороти (Стрэчи) [Bussy, Dorothy (Strachey)] 402
Бюсси, Симон [Bussy, Simon] 294, 402

Вагнер, Рихард [Wagner, Richard] 220, 323
Валленберг, Маркус [Wallenberg, Markus] –II– 87
Валуа, Нинетт де [Valois, Ninette de] 627, 717, 759 –II– 78, 449, 609, 626, 629
Варбург, Пауль [Warburg, Paul] 370
Варварессос, Кириакос [Varvaressos, Kyriakos] –II– 468
Варминг, Йенс [Warming, Jens] –II– 60
Вашингтон, Джордж [Washington, George] –II– 523, 527
Вебб, Беатриса (Поттер) [Webb, Beatrice (Potter)] 274, 275, 657, 777
Вебб, Сидней [Webb, Sidney] 274, 532, 777
Веблен, Торстейн [Veblen, Thorstein] 440
Вебстер, Дэвид [Webster, David] –II– 441, 449
Вебстер, Чарльз [Webster, Charles] –II– 617
Веллер, Пенни [Weller, Penny] –II– 175
Веллер, Руби [Weller, Ruby] 629 –II– 635
Веллер, Эдгар, шофер [Weller, Edgar: chauffeur] 629, 630, 758 –II– 114, 175, 176, 306, 632, 633
Вигфорсс, Эрнст [Wigforss, Ernst] –II– 87
Виксель, Кнут [Wicksell, Knut] 707
Вильгельм II, кайзер 108, 128, 129
Вильсон, сэр Горас [Wilson, Sir Horace] –II– 212, 246, 314, 367
Вильсон, Вудро [Wilson, Woodrow] 361, 370–372, 375, 377, 386, 392, 395–397, 400, 403, 410–413, 416, 417, 420, 423–425, 428, 432, 440, 443, 444, 447, 467, 521 –II– 279, 280, 349
Вильсон, Томас [Wilson, Thomas] –II– 427
Винант, Джон Г. [Winant, John G.] –II– 275, 276, 401, 402, 454, 619
Винер, Джекоб [Viner, Jacob] –II– 153, 154, 159, 290, 453, 463, 464
Винсон, Фредерик ("Судья") [Vinson, Frederick ("Judge")] –II– 507, 549, 551, 559, 560, 563–567, 570–573, 575, 580–584, 586, 589, 591–593, 597, 598, 600, 609–611, 618
Винч, Дональд [Winch, Donald] –II– 191
Вирт, Йозеф [Wirth, Joseph] 499, 544
Виссеринг, Дж. [Vissering, G.] 545
Витгенштейн, Людвиг [Wittgenstein, Ludwig] 304, 503, 519, 621, 623, 649, 694, 695, 758
Во, Ивлин [Waugh, Evelyn] 463
Воган Уильямс, Ральф [Vaughan Williams, Ralph] 760
Войтинский, Владимир [Woytinsky, Wladimir] –II– 85
Волфит, Дональд [Wolfit, Donald] –II– 228, 234
Вольф, Эдвард [Wolfe, Edward] 393
Вуд, сэр Кингсли [Wood, Sir Kingsley]

–II– 239, 240, 241, 244–247, 249, 251, 252, 254, 295, 307, 313, 319, 322, 400, 417, 431, 481
Вуллард, Фред [Woollard, Fred] –II– 176, 243, 338, 623, 633
Вулф, Вирджиния (Стивен) [Woolf, Virginia (Stephen)] 167, 274, 276, 280, 282. 283, 364, 387, 401, 422, 453, 458, 461, 462, 478, 539, 562, 566, 594, 626, 649, 658, 697 –II– 9, 39, 98, 100, 103, 106, 107, 170, 176, 177, 180, 183, 214, 224, 228, 242, 251, 326, 544, 604
Вулф, Леонард [Woolf, Leonard] 161, 163, 172, 173, 176, 177, 186, 194, 218, 242. 286. 310, 424, 560, 561, 659, 765 –II– 180, 251, 341, 604, 619, 634, 635, 649,
Вуттон, Барбара [Wootton, Barbara] –II– 228
Вэйзи, Джон [Vaizey, John] 678

Галик, Лютер [Gulick, Luther] –II– 375, 379,
Галифакс, Эдвард Вуд, лорд [Halifax, Edward Wood, Lord] –II– 272, 275, 277, 284, 286, 295, 317, 351, 453, 514, 522, 552–554, 558, 559, 561, 562, 564, 566–568, 570–573, 579, 583, 590, 592, 593, 598, 600, 611
Гамильтон, Грэнвил, *см.* Проби
Гардинг, Уоррен [Harding, Warren] 543
Гарднер, Ричард [Gardner, Richard] –II– 460
Гарнетт, Анжелика [Garnett, Angelica (Bell)] 460 –II– 242, 339, 634, 648
Гарнетт, Генриета [Garnett, Henrietta] –II– 634, 648
Гарнетт, Дэвид ("Кролик") [Garnett, David ('Bunny')] 183, 317, 341, 356, 357, 361, 364, 369, 388, 389, 423, 426, 459, 460, 478, 561, 722 –II– 115, 118, 123, 242, 339
Гаррисон, Джордж [Harrison, George] 769
Геддес, сэр Эрик [Geddes, Sir Eric] 398
Гейдж, Генри Рэйналд, лорд Гейдж [Gage, Henry Rainald, Lord Gage] 367 –II– 177
Гендерсон, сэр Хьюберт [Henderson, Sir Hubert] 256, 469, 558–561, 633, 634, 655, 663, 665, 668, 677, 704, 705, 717, 723, 738, 740, 741, 750, 751, 762, 765, 770 –II– 26, 28, 43, 59, 63, 66, 68, 71, 78, 109, 119, 146–149, 153, 210, 212, 216, 220, 245, 312, 319, 320, 357, 360, 361, 366, 367, 369, 372, 388, 389, 390, 418, 420–422, 430, 432, 434–436, 481, 482, 534, 538, 641
Генрих VI, король [Henry VI, King] 150
Георг VI, король [George VI, King] –II– 544, 608
Гест, Фредди [Guest, Freddie] 211
Гиллебод, Клод [Guillebaud, Claude] 256
Гиссинг, баронесса фон [Gissing, Baroness von] 171
Гитлер, Адольф [Hitler, Adolf] 443, 445, 446, 715 –II– 48, 85, 94, 102, 180, 192, 193, 198–202, 208, 211, 213, 235, 236, 260, 263, 265, 278, 283, 349, 439, 458, 529
Гиффен, Роберт [Giffen, Robert] 110
Гладстон, Уильям Эварт [Gladstone, William Ewart] 48, 60, 95, 338 –II– 424
Глазгоу, Мэри [Glasgow, Mary] –II– 441, 443, 444, 446
Гобсон, Дж. А. [Hobson, J. A.] 135, 157, 160, 656, 703
Гобсон, Эрнест [Hobson, Ernest] 157
Гогарти, Оливер [Gogarty, Oliver] –II– 77
Годвин, Уильям [Godwin, William] 636
Годли, сэр Артур, лорд Килбрэкен [Godley, Sir Arthur, Lord Kilbracken] 218, 219, 226, 227
Голдернес, сэр Томас [Holderness, Sir Thomas] 226, 313
Гольденвейзер, Эммануэль [Goldenweiser, Emmanuel] –II– 464, 506, 509, 512
Гопкинс, Гарри [Hopkins, Harry] –II– 272, 282, 289, 394, 522

Гопкинс, сэр Ричард [Hopkins, Sir Richard] 701, 735–737, 762 –**II**– 43, 70, 242, 247, 248, 272, 276, 282, 310, 312–316, 318–320, 368, 382, 383, 385, 400, 416, 424–426, 432, 434, 436, 487, 499, 502, 530, 545, 599
Гор, Спенсер [Gore, Spencer] 287 –**II**– 28, 29, 50–52, 56, 98, 119, 146, 370, 371, 376, 379, 380, 381
Гор, Уолтер [Gore, Walter] –**II**– 630
Готри, Ральф [Hawtrey, Ralph] 137, 163, 220, 290, 339, 465, 466, 536, 585, 618, 684, 701, 702, 765
Гошен, сэр Генри [Goschen, Sir Henry] 606
Грамши, Антонио [Gramsd, Antonio] 691
Грант, А.Т.К. [Grant, A.T.K.] –**II**– 590, 591, 599
Грант, Батл [Grant, Bartle] 228
Грант, Дункан [Grant, Duncan] 148, 207, 213, 214, 220, 221, 227–229, 231, 248, 249, 254, 255, 262, 282, 286, 293, 307, 333, 340, 356, 381, 384, 418, 423, 453, 458, 460, 475, 478, 479, 481, 485, 486, 522, 542, 620, 653, 657, 699 –**II**– 39, 115, 123, 223, 310, 339, 441, 442, 446, 479, 604, 616, 619, 623, 628, 635, 648
Грегг, сэр Корнелиус [Gregg, Sir Cornelius] –**II**– 531
Грегори, Т.Э. [Gregory, T. E.] –**II**– 64
Грей, Эдвард, лорд Грей оф Фэллоден [Grey, Edward, Lord Grey of Falloden] 346, 357, 660
Гренфел, Джулиан [Grenfell, Julian] 334
Григг, П. Дж. [Grigg, P.J.] 613
Грин, Т. Г. [Green, T. H.] 83
Гринвуд, Артур [Greenwood, Arthur] –**II**– 222
Гринвуд, Леонард Хью [Greenwood, Leonard Hugh] 163
Гувер, Герберт [Hoover, Herbert] 400, 719, 767, 768 –**II**– 89
Гувер, Кэлвин [Hoover, Calvin] –**II**– 94
Гудхарт-Рендел, Генри [Goodhart-Rendel, Henry] 207–208
Гудчайлд, Ральф [Goodchild, Ralph] 111–116, 145
Гэйсли, Стивен [Gaselee, Stephen] 158
Гэйтскелл, Хью [Gaitskell, Hugh] –**II**– 46, 388
Гэлбрэйт, Джон Кеннет [Galbraith, John Kenneth] –**II**– 156
Гэлтон, Фрэнсис [Galton, Francis] 166 –**II**– 11, 18

Д'Абернон, Эдгар Винсент, лорд [D'Abernon, Edgar Vincent, Lord] 545, 550, 715
Давин, Джозеф [Duveen, Joseph] 294
Даллес, Джон Фостер [Dulles, John Foster] 409, 440
Дальтон, Хью [Dalton, Hugh] 233, 256, 740, 752
Данилова, Александра –**II**– 609
Данлоп, Дж. Г. [Dunlop J. G] –**II**– 139
Дарвин, Гвен [Darwin, Gwen] 287, 295
Дарвин, Чарльз [Darwin, Charles] 165, 636 –**II**– 101
Дарлингтон, У. А. [Darlington, W. A.] –**II**– 100
Дауэс, Чарльз Гэйтс [Dawes, Charles Gates] 548
Де Валера, Имон [de Valera, Eamon] –**II**– 76, 77
Де Ла Варр, Гербранд Сэквиль, лорд [De La Warr, Herbrand Sackville, Lord] –**II**– 440
Де Траффорд, леди [de Trafford, Lady] 352
Дега, Эдгар [Degas, Edgar] 388
Делонг, Брэдфорд [Delong, Bradford] –**II**– 399
Дерби, Эдвард Стэнли, лорд [Derby, Edward Stanley, Lord] 353
Дерэн, Андре [Derain, Andre] 475
Джебб, Дороти [Jebb, Dorothy] 309
Джебб, Эглантайн [Jebb, Eglantyne] 309
Джевонс, Уильям Стэнли [Jevons, William Stanley] 66, 85, 86, 210, 263
Джей, Дуглас [Jay, Douglas] –**II**– 223

Джеймс, Гарольд [James, Harold] –II– 600
Джеймс, Генри [James, Henry] 270, 271
Джеймс, М.Р. ("Монти") [James, M. R. ('Monty')] 155
Дженкинс, Рой [Jenkins, Roy] 353
Дженкс, Дж. У. [Jenks J. W.] 545
Джилл, Эрик [Gill, Eric] 308
Джиллет, миссис [Gillett, Mrs] 414, 419
Джилмэн, Гарольд [Gilman, Harold] 287
Джилпин, Энтони Дж.[Gilpin, Antony G] –II– 61
Джинс, сэр Джеймс Хопвуд [Jeans, Sir James Hopwood] 165
Джозеф, Хорас [Joseph, Horace] 635
Джон, Огэстас [John, Augustus] 271
Джонс, "Топси" [Jones, "Topsy"] 455
Джонс, Джесси [Jones, Jesse] –II– 275, 276, 282, 288, 289, 290, 291, 298
Джонсон, Гарри [Johnson, Harry] –II– 605
Джонсон, У.Э. [Johnson, W.E.] 109, 110, 119, 223, 251, 304, 480
Джонсон, Элизабет [Johnson, Elizabeth] 339 –II– 624
Джонстон, Томас [Johnston, Thomas] 772
Джоплин, Томас [Joplin, Thomas] 681
Дикинсон, Голдсуорзи Лоус ("Голди") [Dickinson, Goldsworthy Lowes ('Goldie')] 154, 157, 161, 163, 167, 187, 189, 218, 236, 251, 290, 303
Диксон, Боб [Dixon, Bob] –II– 552
Добб, Морис [Dobb, Maurice] 454, 491, 622, 694
Добсон, Фрэнк [Dobson, Frank] 627 –II– 525
Долин, Антон 591, 716
Долтон, Хью [Dalton, Hugh] –II– 46, 313, 314, 385, 388, 432, 455, 467, 481, 484, 488, 454, 458, 548, 551–553, 555, 567–572, 574, 577–579, 589, 590, 592, 599, 600, 604, 606, 608, 612, 613, 617
Домагк, Герхард [Domagk, Gerhard] –II– 206
Доусон оф Пенн, Бертран Доусон, лорд [Dawson of Penn, Bertrand Dawson, Lord] –II– 204
Доусон, Джеффри [Dawson, Geoffrey] 615 –II– 65, 217, 219, 227, 230
Дрейк, Фрэнсис Кортни [Drake, Francis Courtney] 227
Дукес, Эшли [Dukes, Ashley] –II– 446
Дун, Руперт [Doone, Rupert] 593 –II– 176, 183, 202
Дундас, Роберт Гамильтон [Dundas, Robert Hamilton] 139, 145, 171
Дурбин, Эван [Durbin, Evan] –II– 46, 223
Дэвенпорт, Эрнест Гарольд ("Николас") [Davenport, Ernest Harold ('Nicholas')] 474, 603 –II– 46
Дэвидсон, Дуглас [Davidson, Douglas] 522, 523, 597, 627
Дэвидсон, Энгас [Davidson, Angus] 597
Дэвис, Клемент [Davies, Clement] –II– 212, 222
Дэвис, Кромптон [Davies, Crompton] 163
Дэвис, Норман [Davis, Norman] 401, 409–411, 417, 420
Дэвис, Ричард Ллевелин [Davies, Richard Llewellyn] –II– **103**
Дэвис, Теодор [Davies, Theodore] 163
Дэвис, Хью Сайкс [Davies, Hugh Sykes] –II– 103
Дэрнфорд, Уолтер [Durnford, Walter] 658
Дэрнфорд, Хью [Durnford, Hugh] –II– 32, 113
Дюбуа, Л. [Dubois, L.] 545
Дягилев, Сергей 392, 526–531, 541, 567, 591, 596, 654, 698, 716, 717 –II– 608, 649

Елизавета, принцесса (*впоследствии* королева Елизавета II) [Elizabeth, Princess (*later* Queen Elizabeth II)] –II– 346
Елизавета, королева [Elizabeth, Queen] –II– 544, 608

Жоффр, Жозеф [Joffre, Joseph] 350
Жордж-Леви, Рафаэль [Georges-Levy, Raphael] 442

Зангер, Дора [Sanger, Dora] 173, 220
Зангер, Перси [Sanger, Percy] 163, 173, 220, 221
Зангер, Чарльз [Sanger, Charles] 514
Зикерт, Уолтер [Sickert, Walter] 287, 458
Зингер, Ганс [Singer, Hans] –**II**– 240
Зомбарт, Вернер [Sombart, Werner] 650

Ибсен, Генрик [Ibsen, Henrik] 91, 286, 563
Иден, Энтони [Eden, Anthony] –**II**– 196, 284
Иди, сэр Уилфрид [Eady, Sir Wilfrid] –**II**– 419, 538, 541, 542, 545, 548, 549, 554, 556, 568, 577, 578, 614, 618
Идзиковский, Станислас [Idzikovsky, Stanislas] 393, 529, 593
Ишервуд, Кристофер [Isherwood, Christopher] –**II**– 167, 176, 183, 201

Йосс, Курт [Jooss, Kurt] –**II**– 241

Калдор, Николас [Kaldor, Nicholas] –**II**– 14, 54, 156, 232, 433, 489
Калецки, Михал [Kalecki, Michal] –**II**– 255
Каменка, Б. [Kamenka, B.] 545
Кан, Ричард [Kahn, Richard] 690, 692, 742, 748 –**II**– 21, 28, 39, 54, 59, 118, 122, 123, 157, 158, 166, 210, 219, 223, 321, 322, 332, 365, 538, 636–639
Канлиф, Уолтер Канлиф, барон [Cunliffe, Walter Cunliffe, Baron] 331, 337, 345, 376, 379, 398, 399, 409, 411, 483, 571, 602
Каннингем, Уильям [Cunningham, William] 54, 249
Капица, Петр 695, 696
Карабелли, Анна [Carabelli, Anna] 503
Карл, император Австрии 389
Карлейль, Томас [Carlyle, Thomas] 79, 85
Карман, Джильберт [Carman, Gilbert] 362
Карпентер, Эдвард [Carpenter, Edward] 70
Каррингтон, Дора [Carrington, Dora] 363, 364, 367, 461, 478, 623 –**II**– 38
Карсавина, Тамара 286, 317, 323, 528, 760 –**II**– 636
Кассель, сэр Эрнест [Cassel, Sir Ernest] 487
Кассель, Густав [Cassel, Gustav] 545
Кауфманн, д-р [Kaufmann, Dr] 401
Квикcвуд, Хью Сесил ("Жердь"), лорд [Quickswood, Hugh Cecil ('Tinky'), Lord] –**II**– 344, 345, 522
Кейнс, Мило (племянник ДжМК) [Keynes, Milo (JMK's nephew)] 456
Кейнс, Джон (дед ДжМК) [Keynes, John (JMK's grandfather)] 44–49, 56, 62, 67
Кейнс, Джон Невилл (отец ДжМК) [Keynes, John Neville (JMK's father)] 41, 42, 46–58, 61, 62, 64–69, 72, 89–95, 97, 106, 107, 110–116, 120–122, 124–130, 133, 136, 137, 139, 141, 144, 145, 147, 149, 158, 160, 161, 169. 170–172, 207, 216, 221–226, 231, 236, 238, 306–308, 311, 313, 324, 365, 455, 485, 486, 620, 698, 722 –**II**– 19, 123, 333, 626
Кейнс, Квентин (племянник ДжМК) [Keynes, Quentin (JMK's nephew)] 456 –**II**– 335
Кейнс, Лидия (Лопухова) [Keynes, Lydia (Lopokova)] 10, 13, 19, 323, 393, 524–530, 537, 539–542, 560–568, 574, 575, 588, 591–598, 620–631, 649, 654, 656–659, 665, 666, 672, 683, 686, 689, 691, 693, 694, 698, 699, 706, 716, 717, 723, 727, 755, 756, 758–762, 766, 769, 777, 778 –**II**– 36, 38, 39, 47, 77, 78, 86, 88, 89, 92–94, 98, 100, 101, 111, 114, 117, 118, 123, 125, 143, 147, 154, 165–168, 170–177, 179–184, 199–201, 203, 206–208, 215, 217, 223, 224, 228, 234, 242–244, 277, 278, 281, 286, 287,

304, 312, 330–332, 339, 382, 446, 454–456, 458, 459, 488, 500, 503, 505, 510, 512, 513, 517, 520, 523, 525, 526, 544, 546, 558, 561, 569, 575, 588, 589, 593, 594, 604, 607–610, 613, 616, 617, 621, 623–639, 648–650
Кейнс, Маргарет (Дарвин, невестка ДжМК) [Keynes, Margaret (Darwin, JMK's sister-in-law)] 364, 456
Кейнс, Маргарет (сестра ДжМ) *см.* Хилл
Кейнс, Мэри (сестра бабушки ДжМК) [Keynes, Mary (*JMK's* great-aunt)] 48, 67, 109
Кейнс, Ричард (племянник ДжМК) [Keynes, Richard (JMK's nephew)] 456 –**II**– 604, 650
Кейнс, Стивен (племянник ДжМК) [Keynes, Stephen (JMK's nephew)] 456 –**II**– 604
Кейнс, сэр Джеффри Лэнгдон (брат ДжМК) [Keynes, Sir Geoffrey Langdon (JMK's brother)] 17, 19, 20, 21, 59, 89, 92, 94, 103, 105–107, 110, 113, 116, 124, 209, 215, 221, 222, 271, 307, 308, 310, 324, 334, 364, 456, 486, 592, 717, 722, 760 –**II**– 171, 287, 334, 617, 618, 623, 624, 626, 633, 650
Кейнс, Флоренс Ада (Браун, мать ДжМК) [Keynes, Florence Ada (Brown, JMK's mother)] 41, 42, 58–69, 89, 94, 96–99, 101, 103, 105–108, 112, 114, 115, 117, 125, 128, 133, 139, 142, 321, 357, 363, 364, 374, 379, 380, 385, 386, 425, 426, 455–457, 487, 567, 592, 620, 622, 716, 717 –**II**– 123, 124, 167, 168, 169, 170, 172–174, 182, 242, 278, 287, 333, 334, 358, 489, 569, 588, 608, 616, 617, 626
Кейнс, Энн (Адриан) [Keynes, Anne (Adrian)] –**II**– 649
Кейнс, Энн Мейнард (Невилл, бабушка ДжМК) [Keynes, Anna Maynard (Neville, JMK's grandmother)] 47, 48, 62 – 64, 67, 89, 94
Кейс, Роджер Кейс, лорд [Keyes, Roger Keyes, Lord] –**II**– 306
Кеннан, Джордж [Kennan, George] 550, 551 –**II**– 600
Кеннеди, Джозеф [Kennedy, Joseph] –**II**– 260, 276
Кеннеди, Джордж [Kennedy, George] 628 –**II**– 101, 116, 118, 165
Кенуорси, Дж. М. [Kenworthy J. M.] 719 –**II**– 276
Керзон, Джордж Натаниэль, лорд Керзон Кидлстоун [Curzon, George Nathaniel, Lord Curzon of Kedlestone] 550, 551
Керзон, Фрэнсис [Curzon, Francis] –**II**– 33, 181
Керр, Филип, *см.* Лотиан
Керри, Лафлин [Currie, Laughlin] –**II**– 156, 279, 288, 395, 532
Кидди, Артур Уильям [Kiddy, Arthur William] 470
Килинг, Фредерик Хиллерсдон ("Бен") [Keeling, Frederic Hillersdon ('Ben')] 212, 233
Кимбалл, Уоррен Ф. [Kimball, Warren F.] –**II**– 274
Киндерсли, сэр Роберт [Kindersley, Sir Robert] –**II**– 220, 228
Киплинг, Редьярд [Kipling, Rudyard] 127, 135
Китченер, Горэйшио Герберт, лорд Китченер Хартумский [Kitchener, Horatio Herbert, Lord Kitchener of Khartoum] 347, 350, 365, 366
Кларк, Кеннет, лорд Кларк [Clark, Kenneth, Lord Clark] –**II**– 33, 444, 446
Кларк, Клиффорд [Clark, Clifford] –**II**– 513
Кларк, Колин [Clark, Colin] –**II**– 231, 247, 427
Кларк, Питер [Clarke, Peter] 700 –**II**– 478
Кларк, Ричард ("Отто") [Clarke, Richard ('Otto')] –**II**– 318, 320, 541–543
Кларк, Р. и Р. [Clark, R. and R.] 685, 686
Клаттербак, Алек [Clutterbuck, Alec] –**II**– 545

Клаусон, Джеральд [Clauson, Gerald] –**II**– 324, 454
Клемансо, Жорж [Clemenceau, Georges] 406, 410, 411, 417, 419, 420, 423, 428, 431, 432, 437, 447, 521, 551, 650
Клотц, Луи-Люсьен [Klotz, Louis-Lucien] 400, 402–406, 650
Клэй, сэр Генри [Clay, Sir Henry] 734, 737 –**II**– 220, 512, 615
Клэйтон, Уильям [Clayton, William] –**II**– 547, 549–552, 557, 559, 563, 566, 570–575, 580–584, 591, 593, 598, 600, 611, 612, 618
Клэпэм, Джон [Clapham, John] 251, 256, 658 –**II**– 341, 359, 346
Кобболд, Кэмерон ("Ким") [Cobbold, Cameron ('Kim')] –**II**– 380, 539, 545, 548, 577, 578
Кокс, Кэтрин ("Ка") [Cox, Katherine ("Ka")] 274, 295, 306, 310, 567
Колвилл, Элинор, леди [Colville, Elinor, Lady] 229
Колладо, Эмилио [Collado, Emilio] –**II**– 501
Кольридж, Сэмюэл Тайлор [Coleridge, Samuel Taylor] 636
Коммонс, Джон Роджер [Commons, John Roger] 640
Коннаут, герцог [Connaught, Duke of] 389, 390
Коркоран, Том [Corcoran, Tom] –**II**– 93
Корниш, Фрэнсис Уорр [Cornish, Francis Warre] 697
Косгрэйв, Уильям Томас [Cosgrave, William Thomas] –**II**– 76, 77
Костелло, Кэрин, *см.* Стивен
Костелло, Мэри (Пирсол Смит), *см.* Беренсон
Костелло, Рэчел, *см.* Стрэчи
Костелло, Фрэнк [Costelloe, Frank] 214
Коу, Фрэнк [Coe, Frank] –**II**– 520
Коул Г.Д.Х. [Cole, G.D.H.] –**II**– 228
Коул Л. Б. [Cole, L. B.] –**II**– 169
Коул, Артур [Cole, Arthur] 158
Коутс, Джон [Coates, John] –**II**– 30
Кочран, Мерл [Cochran, Merle] –**II**– 281
Коэн, Бенджамин [Cohen, Benjamin] –**II**– 275
Крайдер, Джон [Crider, John] –**II**– 563
Крик, Бернард [Crick, Bernard] 120
Криппс, сэр Стаффорд [Cripps, Sir Stafford] –**II**– 553, 568, 579
Кристал, сэр Джордж [Chrystal, Sir George] –**II**– 357
Кросби, Оскар Т. [Crosby, Oscar T.] 382
Крослэнд, Энтони [Crosland, Anthony] 644
Кроссмэн, Ричард [Crossman, Richard] –**II**– 228
Кроули, Лео [Crowley, Leo] –**II**– 477, 493, 523–525, 551, 559, 560
Кроуфорд, сэр Ричард [Crawford, Sir Richard] 380
Крусо, Фрэнсис [Cruso, Francis] –**II**– 345
Крю, Роберт Крю-Майлнз, лорд [Crewe, Robert Crewe-Milnes, Lord] 346
Кук, Сидней Рассел [Cooke, Sydney Russell] 488, 723
Кули, Томас [Cooley, Thomas] –**II**– 256
Кулидж, Кэлвин [Coolidge, Calvin] 549
Кумар, Дхарма [Kumar, Dharma] –**II**– 22
Куно, Вильгельм [Cuno, Wilhelm] 544, 546, 547, 552, 553
Куппи, Энн [Cuppi, Anne] 759
Курто, Саймон [Courtauld, Simon] –**II**– 340
Курто, Сэмюэл [Courtauld, Samuel] 526, 564, 565, 566, 630, 653, 716, 717, 723, 761 –**II**– 44, 78, 175, 182, 223, 275, 342, 440, 637
Курто, Элизабет ("Лил") [Courtauld, Elizabeth ("Lil")] 526, 564, 717
Куэ, Эмиль [Coue, Emile] 756
Кьюнард, Мод, леди [Cunard, Maud, Lady] 392
Кэдбери, Л.Дж. [Cadbury, L.J.] 559
Кэйз, Мэри [Case, Mary] –**II**– 287
Кэйз, Уолтер [Case, Walter] 763, 767, 769, 774 –**II**– 93, 287

Кэйн, сэр Сидней [Caine, Sir Sydney] –**II**– 368
Кэллаган, Джеймс [Callaghan, James] –**II**–
Кэмпбелл-Бэннермэн, сэр Генри [Campbell-Bannerman, Sir Henry] 211, 320
Кэнни, сэр Джеральд [Canny, Sir Gerald] –**II**– 650
Кэрнкросс, Александер [Cairncross, Alexander] –**II**– 293
Кэттоу, Томас, лорд Кэттоу [Catto, Thomas, Lord Catto] –**II**– 242, 245, 246, 306, 310, 317–319, 324, 376, 379, 485, 499, 500, 510, 618, 619

Лаббок, Сэмюэл Герни [Lubbock, Samuel Gurney] 121, 123–125, 127, 136, 143, 149
Лабордер, Марсель [Labordere, Marcel] 680, 681 –**II**– 33, 113
Лакстон, мисс (гувернантка) [Laxton, Miss (governess)] 93
Ламбарди, Зампарт [Lambardi, Zampart] –**II**– 109
Ламберт, Констан [Lambert, Constant] –**II**– 759, 760 II 78, 608
Лансдаун, Генри Петти Фицморис, лорд [Lansdowne, Henry Petty Fitzmaurice, Lord] 357, 368, 384
Ласки, Гарольд [Laski, Harold] –**II**– 105, 228, 568
Ластери, Шарль, граф де [Lasteyrie, Charles, Comte de] 401, 402
Левер, сэр Сэмюэл Хардман [Lever, Sir Samuel Hardman] 377–379
Леви, Поль [Levy, Paul] 189
Ленин, Владимир Ильич 406, 430, 538
Лепэн, Дуглас [LePan, Douglas] –**II**– 544–546, 562
Лернер, А.П. [Lerner, A. P.] –**II**– 54
Лесситер, супруги [Lessiter, Mr and Mrs] –**II**– 634
Леффингвелл, Рассел [Leffingwell, Russell] 464, 776 –**II**– 163, 279, 302, 408, 557, 645
Ли, Вивьен [Leigh, Vivien] –**II**– 627, 630
Ли, Остин [Leigh, Austen] 144
Ли, Фрэнк [Lee, Frank] –**II**– 454, 495, 501, 543, 564, 584, 593, 594
Ливис, Ф. Р. [Leavis, F. R] 195
Линдал, Эрик [Lindahl, Erik] –**II**– 87
Липпман, Уолтер [Lippmann, Walter] 452, 464, 532 –**II**– 90, 92, 96, 214, 386, 606
Лис-Росс, сэр Фредерик [Leith-Ross, Sir Frederick] 466, 701, 702 –**II**– 63, 191, 311, 367, 399
Лист, Фридрих [List, Friedrich] –**II**– 73, 82
Литтлтон, Оливер [Lyttelton, Oliver] –**II**– 223, 321, 484, 517
Лиф, Уолтер [Leaf, Walter] 606
Лишинг, Персиваль [Liesching, Percivale] –**II**– 454, 475, 476, 531, 565, 572, 598
Ллевелин Смит, Хьюберт [Llewellyn Smith, Hubert] 398
Ллойд Джордж, Дэвид, лорд Ллойд Джордж оф Двайфор [Lloyd George, David, Lord Lloyd George of Dwyfor] 11, 268, 273, 275, 276, 652, 655, 659, 660, 662, 663, 665, 667, 668, 672, 696, 700, 701, 703, 704, 706, 717, 724, 735, 736, 740, 748, 764, 773, 778 –**II**– 43, 45, 46, 59, 66, 213, 280, 307
Ллойд, Джесси (Браун, тетка ДжМК) [Lloyd, Jessie (Brown, JMK's aunt)] 66 –**II**– 334
Ллойд, Мюриел (кузина ДжМК) [Lloyd, Muriel (JMK's cousin)] –**II**– 335
Локк, Джон [Locke, John] 507, 636 –**II**– 334
Лопухов, Андрей (брат *ЛК*) 527 –**II**– 88
Лопухов, Федор (брат *ЛК*) 527 –**II**– 88, 629
Лопухова, Евгения (сестра *ЛК*) 527
Лопухова, Лидия, *см.* Кейнс
Лорд, Уильям [Lord, William] 28
Лотиан, Филип Керр, лорд [Lothian, Philip Kerr, Lord] 418 –**II**– 265–267, 270, 272, 277

Лоузер, Чарльз [Loeser, Charles] 484
Лоуренс, Д. Г. [Lawrence, D. H.] 340, 363, 462
Лоуренс, Фрида [Lawrence, Frieda] 363
Лукас, Фрэнк Лоуренс ("Питер") [Lucas, Frank Laurence ('Peter»)] 333, 334, 452, 453
Луксмур, Генри Элфорд [Luxmoore, Henry Elford] 123, 136
Лунн, Арнольд [Lunn, Arnold] 279
Лушер, Луи [Loucheur, Louis] 407, 408, 491
Лэвингтон, Фредерик [Lavington, Frederick] 256, 452
Лэйтон, Уолтер [Layton, Walter] 251, 559, 668
Лэм, Генри [Lamb, Henry] 306
Лэмонт, Томас У. [Lamont, Thomas W.] 376, 409, 411, 417, 589, 776 –**II**– 279, 408
Лэмонт, Флоренс [Lamont, Florence] 413
Лэнгдон-Браун, сэр Уолтер [Langdon-Brown, Sir Walter] 722 –**II**– 168, 169
Людендорф, Эрих фон [Ludendorff, Erich von] 386, 403
Люс, Гордон [Luce, Gordon] 426, 437

Макдональд, Малкольм [MacDonald, Malcolm] –**II**– 40, 43, 44, 68, 78, 512, 513, 525
Макдональд, Рамсей [MacDonald, Ramsay] 273, 574, 598, 655, 706, 723, 724, 738, 739, 740, 755, 764, 771–773, 778 –**II**– 513
Макинтош, Билл [Mackintosh, Bill] –**II**– 545, 546
Маккарти, Десмонд [MacCarthy, Desmond] 163, 167, 185, 191, 227, 271, 276, 277, 285, 335, 364, 542
Маккарти, Молли [MacCarthy, Molly] 458, 542, 697 –**II**– 339
Маккейб, Т. В. [McCabe, T. B.] –**II**– 583
Маккенна, Реджинальд [McKenna, Reginald] 289, 343, 345–352, 357–359, 362, 366, 369, 372–374, 376, 385, 392, 438, 468, 470, 488, 541, 549, 552, 606, 611, 613, 686, 703, 717, 724, 733 –**II**– 226
Маккиннон, Гектор [Mackinnon, Hector] –**II**– 545
Маккуррак, Дэвид [McCurrach, David] –**II**– 605
Макмиллан, Гарольд [Macmillan, Harold] 271, 318, 438, 641 –**II**– 42, 224
Макмиллан, Дэниел [Macmillan, Daniel] 163, 171, 209, 213, 313, 427, 487, 502, 624, 685, 688
Макмиллан, Хью Макмиллан, лорд [Macmillan, Hugh Macmillan, Lord] –**II**– 214
Маколей, Томас Бэббингтон [Macaulay, Thomas Babington] 218
Мактаггарт, Джон Эллис [McTaggart, John Ellis] 158, 163, 164, 166, 187, 188, 301
Макфедайин, Эндрю [MacFadyean, Andrew] 373, 466
Макферсон, Ян [McPherson, Ian] –**II**– 238
Макфэрлэйн, С. Дж. [McFarlane, S. G.] –**II**– 437
Макэду, Уильям Джиббс [McAdoo, William Gibbes] 377–380, 383
Малколм, Нил [Malcolm, Neil] 493
Мальтус, Томас [Malthus, Thomas] –**II**– 11, 12, 16, 18–20, 22, 23, 82, 149, 168
Манту, Поль [Mantoux, Paul] 443
Манту, Этьен [Mantoux, Etienne] 443–446
Марквелл, Дональд [Markwell, Donald] –**II**– 192
Маркс, Джеффри [Marks, Geoffrey] 473
Маркс, Карл [Marx, Karl] 640, 696, 756 –**II**– 82, 83, 102, 103, 107, 108, 110, 342, 622
Мартен, Генри [Marten, Henry] –**II**– 346
Мартин П. У. [Martin, P. W.] –**II**– 455
Мартин, Кингсли [Martin, Kingsley] 452, 765, 766 –**II**– 43, 88, 123, 172, 192, 197–200, 202, 213, 238, 616

Мартино, Р. К. [Martineau, R.C.] –II– 342
Марчант, сэр Стэнли [Marchant, Sir Stanley] –II– 446
Маршалл, Альфред [Marshall, Alfred] 54, 57, 66, 70, 77–79, 83–88, 94, 96, 98–103, 110, 133, 330, 580, 581, 596, 668, 679, 691, 692 –II– 7, 10, 12, 13, 14, 16, 21, 22, 24, 27, 30, 54, 62, 129, 143, 144, 148, 152, 272, 335
Маршалл, Мэри (Пэйли) [Marshall, Mary (Paley)] 57, 596, 597, 684 –II– 336
Маршалл, Норман [Marshall, Norman] –II– 337
Маршалл, Фрэнсис [Marshall, Frances] 717
Матисс, Анри [Matisse, Henri] 462, 475
Медли, Робин [Medley, Robin] –II– 202
Мельхиор, Карл [Melchior, Carl] 401, 402, 404, 405, 407, 459, 532, 544–548, 550–552, 650
Мередит, Хью Оуен [Meredith, Hugh Owen] 163, 167, 208, 251, 254, 300, 318, 496
Мессел, Оливер [Messel, Oliver] –II– 608
Меткалф, леди "Бабб" [Metcalfe, Lady 'Baba'] –II– 561
Мид, Джеймс [Meade, James] –II– 51, 119, 156–158, 247, 248, 309, 312, 316, 320, 328, 364, 368, 374, 376, 378, 379, 388–390, 414, 418–420, 424, 427, 428, 432, 434, 435, 450, 454–460, 465–468, 470–473, 475, 476, 495, 530, 559, 597, 601, 602, 614, 641
Миддлмор, Томас [Middlemore, Thomas] 233, 234
Милль, Джон Стюарт [Mill, John Stuart] 53, 73, 77–80, 108, 248
Мини, Пьеро В. [Mini, Piero V.] –II– 82
Мирский, Дмитрий 756
Митин, Марк Борисович –II– 341
Митчелл, Майк [Mitchell, 'Mike'] 126, 127
Михан, Джеймс [Meehan, James] –II– 75, 76
Моггридж, Дональд [Moggridge, Donald] –II– 28, 323, 365, 617, 624
Моник, Эмманюэль [Monick, Emmanuel] –II– 239
Моннингтон, Томас [Monnington, Thomas] –II– 447
Монтегю, Эдвин [Montagu, Edwin] 159, 211, 226, 276, 332, 336, 337, 352, 357, 359, 410, 414, 523, 525
Морган Дж. П. [Morgan, J. P.] 349, 371, 377, 417, 773 –II– 594, 645
Моргентау, Генри [Morgenthau, Henry] –II– 94, 260, 264, 266, 269, 270, 274, 276, 278–283, 285, 286, 289–292, 295, 298, 310, 329, 391–393, 399–401, 407, 408, 455, 457, 472, 475, 480, 481, 493, 496, 507–511, 514–521, 523, 524, 537, 547, 559, 560, 609, 635
Мордкин, Михаил 527
Морли, Джон [Morley John] 218, 222
Моррел, леди Оттолайн [Morrell, Lady Ottoline] 288, 310, 323, 340, 342, 344, 357, 364, 458
Моррел, Филип [Morrell, Philip] 340, 365, 458
Моррис, Уильям [Morris, William] 234, 274
Моррисон, Герберт [Morrison, Herbert] –II– 432, 553, 588
Морроу, Энн [Morrow, Anne] –II– 260
Мортимер, Рэймонд [Mortimer, Raymond] 561, 566 –II– 123, 168, 215, 627
Мосли, Освальд [Mosley, Oswald] 652, 655, 656, 717, 739, 754, 755, 761, 774, 775 –II– 43, 45, 46, 75, 98
Моцарт, Вольфганг Амадей [Mozart, Wolfgang Amadeus] 340
Муир, Рамсей [Muir, Ramsay] 558, 559, 668, 671
Мунро, Гордон [Munro, Gordon] –II– 545
Мур, Генри [Moore, Henry] –II– 446, 544
Мур, Дж. Э. [Moore, G. E.] 32, 35, 77, 83, 158, 163–167, 183, 184, 198–201, 206, 208, 221, 251, 274, 277, 279, 280, 299, 303, 373, 473, 475, 502–504, 507,

510–514, 518, 522 –**II**– 5, 10, 32, 104, 162, 183, 431, 441, 621
Муссолини, Бенито [Mussolini, Benito] 545, 606, 715 –**II**– 180, 193, 199, 200, 260
Мэдж, Чарльз [Madge, Charles] –**II**– 232
Мэй, сэр Джордж [May, Sir George] 762
Мэйор, Робин [Mayor, Robin] 220, 290
Мэйтлэнд, Фредегонда, *см.* Шоув
Мэйтлэнд, Фредерик [Maitland, Frederic] 54
Мэкинс, Роджер [Makins, Roger] –**II**– 569
Мэллори, Джордж Ли [Mallory, George Leigh] 236
Мэнсфилд, Кэтрин [Mansfield, Katherine] 342
Мэри, королева [Mary, Queen] –**II**– 608
Мэрри, Миддлтон [Murry, Middleton] 342
Мюрдаль, Гуннар [Myrdal, Gunnar] –**II**– 87, 154
Мясин, Леонид 525, 540, 542, 562, 593, 594 –**II**– 479, 628, 649

Нижинский, Вацлав [Nijinsky, Vaslav] 286 288, 295, 317, 323, 393, 528 –**II**– 649
Николсон, Гарольд [Nicolson, Harold] –**II**– 48, 354
Николсон, Джозеф Шилд [Nicholson, Joseph Shield] 57, 86, 100
Николсон, Найджел [Nicolson, Nigel] 631
Никсон, Дж. Э. [Nixon, J.E.] 155, 242
Нимейер, Отто [Niemeyer, Otto] 339, 466, 470, 606, 611 – 613, 701 –**II**– 70, 325
Нокс, Альфред Диллвин [Knox, Alfred Dillwyn] 131, 141, 163, 212, 301 –**II**– 336
Норман, Монтегю, лорд Норман [Norman, Montagu, Lord Norman] 467, 470, 473, 548, 549, 552, 569, 574, 602, 605, 606, 609–611, 733, 745, 769 –**II**– 42, 79, 227, 238, 315, 351, 358, 359, 379, 500, 510, 615, 619
Нортклиф, Альфред Хармсуорт, лорд [Northcliffe, Alfred Harmsworth, Lord] 377, 382
Нортон, Генри [Norton, Henry] 157, 207–209, 213, 216, 221, 230, 271, 278, 310, 367, 478
Ньютон, Исаак [Newton, Isaac] 14, 29, –**II**– 12, 25, 101, 143, 144, 166, 336, 614, 615, 623
Нэш, Пол [Nash, Paul] 654

О'Доннел, Род [O'Donnell, Rod] 194, 195, 503, 512
О'Кейси, Шон [O'Casey, Sean] –**II**– 118
О'Брайен, Джордж [O'Brien, George] –**II**–75, 77
Овертон, сэр Арнольд [Overton, Sir Arnold] –**II**– 368, 378, 388, 390
Оден, У. Г. [Auden, W. H.] –**II**– 166, 167, 176, 201
Оливье, Брингильда, *см.* Попэм
Оливье, Дафна [Olivier, Daphne] 295, 318
Оливье, Лоуренс [Olivier, Laurence] –**II**– 627
Оливье, Марджери [Olivier, Margery] 324
Оливье, Ноэль [Olivier, Noel] 303, 317
Олин, Бертил [Ohlin, Bertil] –**II**– 87, 152, 154
Олсон, Манкур [Olson, Mancur] 641
Острандер, Тэйлор [Ostrander, Taylor] –**II**– 288, 395
Оупи, Редверс [Opie, Redvers] –**II**– 317, 395, 455, 456, 459, 480, 500
Охэниан, Ли [Ohanian, Lee] –**II**– 256

Павлова, Анна 473, 527, 528
Палграв, Инглис [Palgrave, Inglis] 104, 110
Парнел, Чарльз Стюарт [Parnell, Charles Stuart] 82
Парнелл, Томас [Parnell, Thomas] –**II**– 616
Пасвольски, Лео [Pasvolsky, Leo] –**II**– 503
Паунд, Эзра [Pound, Ezra] 445

Педен, профессор [Peden, Professor] –**II**– 254
Пенроуз, Александер [Penrose, Alexander] 455
Пенроуз, Лайонел [Penrose, Lionel] 455
Пенроуз, Э.Ф. [Penrose, E. F.] –**II**– 276, 375, 401, 450, 531
Пёрвес, Честер [Purves, Chester] 302
Перкинс, Фрэнсис [Perkins, Frances] –**II**– 93
Перси, лорд Юстас [Percy, Lord Eustace] 369, 370
Перчейз, Фэнни Мария (Кейнс) [Purchase, Fanny Maria (Keynes)] 47
Перчейз, Эдвард [Purchase, Edward] 47
Петерс, Джек [Peters, Jack] –**II**– 630, 639
Петик-Лоуренс, Фредерик [Pethick-Lawrence, Frederick] –**II**– 225
Пигу, Артур Сесил [Pigou, Arthur Cecil] 166, 223, 225, 226, 250–254, 256, 302, 453, 454, 466, 532, 596, 606, 607, 610, 677, 684, 738, 741–744, 746, 750, 752, 753 –**II**– 7, 10, 21, 28, 62, 64, 119, 131, 138, 143–146, 151, 153, 173, 240, 241, 332, 335
Пикассо, Пабло [Picasso, Pablo] 286-287, 462, 473, 475 –**II**– 628, 632
Пикок, сэр Эдвард [Peacock, Sir Edward] –**II**– 275, 298
Пимлотт, Бен [Pimlott, Ben] –**II**– 548
Пинсент, Джеральд [Pinsent, Gerald] –**II**– 277, 278
Пири, сэр Джордж [Pirie, Sir George] –**II**– 306
Пирсон, Карл [Pearson, Karl] 166, 264, 295
Пламер, сэр Герберт [Plumer, Sir Herbert] 406
Пламптр, Винн [Plumptre, Wynne] –**II**– 513
Плант, Арнольд [Plant, Arnold] –**II**– 64
Платон 193, 221
Плеш, Янош ("Людоед") [Plesch, Janos ('the Ogre')] - II - 203 - 207, 214, 215, 228, 240, 331, 456, 488, 607, 609
Плэйфэр, Эдвард [Playfair, Edward] –**II**– 277, 278, 283, 286, 292, 325
Пол, Хэмфри [Paul, Humphrey] 147, 169, 216
Попэм, А.Э. [Popham, A. E.] 306
Попэм, Брингильда (Оливье) [Popham, Brynhild (Olivier)] 274, 306, 324 –**II**– 39
Попэм, Энн Оливье, *см.* Белл
Прайс, Бонами [Price, Bonamy] 101
Преображенский, Евгений 622
Пресснел, Л.С. [Pressnell, L. S.] –**II**– 383
Проктер, Р.У. [Procter, R. W.] 491
Проктор, Деннис [Proctor, Dennis] –**II**– 323, 605
Пуанкаре, Раймон [Poincare, Raymond] 534, 543, 547, 548, 550, 551, 554
Пурвис, Артур [Purvis, Arthur] –**II**– 263, 275, 290
Пэйдж, Уильям Нортон [Page, William Norton] 157
Пэйджет, леди Мюриел [Paget, Lady Muriel] –**II**– 88
Пэйли, Уильям [Paley, William] 73, 636
Пэйш, сэр Джордж [Paish, Sir George] 336, 338, 606
Пэйш, Ф.У. [Paish, F. W.] 491
Пэриш, сэр Джордж [Parish, Sir George] 332
Пэттерсон, Сидней Вентуорс [Patterson, Sydney Wentworth] –**II**– 171, 173, 206

Равера, Гвен (Дарвин) [Raverat, Gwen (Darwin)] 760
Равера, Жак [Raverat, Jacques] 566
Радин, Макс [Radin, Max] 650
Райлэндс, Джордж ("Дэди") [Rylands, George ('Dadie')] 523, 561, 566, 597, 627, 678, 697, 698, 760 –**II**– 118, 174, 202, 228, 322, 332, 489, 606, 626, 637
Раймс, Т.К. [Rymes, T. K] –**II**– 57,
Рамбер, Мари [Rambert, Marie] 627
Рамсей А.Б. [Ramsey, A. B.] –**II**– 215, 513
Рамсей Леттис [Ramsey, Lettice] 767

Рамсей Фрэнк [Ramsey, Frank] 454, 455, 514 – 520, 694, 695, 758
Рамсэй, Малколм [Ramsay, Malcolm] 337
Рансимэн, Уолтер, лорд Рансимэн [Runciman, Walter, Lord Runciman] 346, 357, 358, 660 –II– 198
Расмински, Луи [Rasminsky, Louis] –II– 504
Рассел, Бертран, лорд Рассел [Russell, Bertrand, Lord Russell] 163, 165, 166, 173, 174, 177, 187, 200, 201, 214. 220, 304, 305, 318, 335, 342, 357, 359, 480, 514, 519
Рассел, Дора [Russell, Dora] –II– 107
Рассел, Элис (Пирселл Смит) [Russell, Alys (Pearsall Smith)] 173, 187
Ратенау, Вальтер [Rathenau, Walter] 499, 539
Редгрэйв, Майкл [Redgrave, Michael] 697, 699, 767
Рекнелл, Дж. Г. [Recknell, G. H.] –II– 179
Ренуар, Пьер-Огюст [Renoir, Pierre-Auguste] 475
Рёскин, Джон [Ruskin, John] 85
Рибо, Александр [Ribot, Alexandre] 337
Риддел, Джордж, лорд Риддел [Riddell, George, Lord Riddell] 405
Ридинг, Руфус Исаакс, лорд [Reading, Rufus Isaacs, Lord] 349, 377, 379–383, 400
Ридинг, Элис, леди [Reading, Alice, Lady] 380
Ридли, Джэспер [Ridley, Jasper] –II– 344
Рикардо, Давид [Ricardo, David] 546, 636, 693, 696 –II– 15, 19, 20, 22, 23, 104, 107, 149, 336
Ричардсон, Филип [Richardson, Philip] 759
Роббинс, Лайонел [Robbins, Lionel] 719, 738, 743–745, 750–753, 764 –II– 41, 46, 53, 64, 229, 248, 280, 309, 313, 320, 321, 356, 368, 376, 378, 383, 389, 416, 432, 434, 450, 454, 455, 459, 501, 505, 509, 510, 531, 546, 557, 565, 566, 572, 576, 578, 579, 583, 590, 591, 593, 594, 598, 617
Робертс, Уильям [Roberts, William] –II– 39
Робертс, Фредерик Слей, лорд Роберт Кандагарский [Roberts, Frederick Sleigh, Lord Roberts of Kandahar] 134
Робертсон, Деннис [Robertson, Dennis] 362, 454, 560, 649, 668, 677–68, 691, 702, 723, 765 –II– 21, 28, 29, 52, 56, 62, 119, 130, 136, 147, 149–153, 162, 189, 210, 312, 319, 332, 362, 367, 376, 389, 410, 451, 452, 459, 476, 500, 505, 506, 530, 538, 546, 605
Робертсон, Малколм [Robertson, Malcolm] 380
Робертсон, сэр Уильям [Robertson, Sir William 386
Робинсон, Джоан (Морис) [Robinson, Joan (Maurice)] 454, 690, 692 –II– 51, 546
Робинсон, Остин [Robinson, Austin] 454, 491, 689 –II– 16, 28, 51, 132, 149, 238, 326, 327, 500, 523, 546
Роджерс, Торолд [Rogers, Thorold] 102
Розенбаум, Эдуард [Rosenbaum, Edward] –II– 240
Розенберг, Фридрих фон [Rosenberg, Friedrich von] 552, 553
Розенман, Сэмюэл Л. [Rosenman, Samuel L.] –II– 532
Роммель, Эрвин [Rommel, Erwin] –II– 383
Рональд, Найджел [Ronald, Nigel] –II– 378, 454, 458, 500
Ротбарт, Эрвин [Rothbarth, Erwin] –II– 232, 240, 241, 248
Ротермер, Гарольд Хармуорт [Rothermere, Harold Harmsworth, Lord] 751–752, 764
Ротман, фрейляйн (гувернантка) [Rotman, Fraulein (governess)] 93, 171
Ротшильд, Барбара [Rothschild, Barbara] –II– 106
Ротшильд, Виктор [Rothschild, Victor] –II– 103, 166

Роу-Даттон, Эрнест [Rowe-Dutton, Ernest] –II– 539, 609
Роуз, А.Л. [Rowse, A. L.] –II– 46, 47
Роуз, Арчибальд [Rose, Archibald] 256, 305
Роуз, Кеннет [Rose, Kenneth] –II– 345
Роузвир, Генри [Roseveare, Henry] 466
Роунтри, Арнольд [Rowntree, Arnold] 558, 559
Рузвельт, Теодор [Roosevelt, Theodore] 376
Рузвельт, Франклин Делано [Roosevelt, Franklin D.] –II– 65, 79, 80, 89–94, 96, 97, 156, 178, 215, 258–261, 264–267, 269–272, 274, 276, 278, 284, 285, 294, 300, 303, 351, 369, 394, 399, 450, 479, 480, 496, 514–517, 520–522, 524, 532, 537, 600
Руссо, Жан-Жак [Rousseau, Jean-Jacque] 636
Рэйли, Джон Уильям Стратт, лорд [Rayleigh, John William Strutt, Lord] 165
Рэйн, сэр Уолтер [Raine, Sir Walter] 730

Саймон, сэр Джон, лорд Саймон [Simon, Sir John, Lord Simon] –II– 210, 216, 230, 232, 233, 238, 313
Саймон, сэр Эрнест [Simon, Sir Ernest] 558, 559, 668, 764 –II– 63
Салант, Уолтер [Salant, Walter] –II– 288
Самнер, Джон Гамильтон, лорд [Sumner, John Hamilton, Lord] 399, 411, 413
Самуэльсон, Пол [Samuelson, Paul] –II– 155
Сассун, Зигфрид [Sassoon, Siegfried] 479
Седжуик, Адам [Sedgwick, Adam] 73
Сезанн, Пол [Cezanne, Paul] 389, 462, 475, 487
Секко, Марчелло де [Cecco, Marcello de] 330
Селф, сэр Генри [Self, Sir Henry] –II– 559, 572
Сесил, лорд Роберт [Cecil, Lord Robert] 340, 405, 422, 552
Сетон-Уотсон, Р.У. [Seton-Watson, R. W.] 439
Сиджвик, Генри [Sidgwick, Henry] 54, 70, 72, 77–88, 93, 102, 110
Сидней-Тернер, Сэксон [Sydney-Turner, Saxon] 89
Синклер, сэр Роберт [Sinclair, Sir Robert] –II– 517, 553
Синьяк, Пол [Signac, Paul] 475
Сипманн, Генри [Siepmann, Henry] –II– 370, 512
Ситрин, Уолтер [Citrine, Walter] –II– 63, 225
Ситуэлл, Осберт [Sitwell, Osbert] 323
Скидельски, Аркадиус [Skidelsky, Arcadius] 491
Скотт, К.П. [Scott, C. P.] 493, 523, 532
Скотт, Фрэнсис [Scott, Francis] –II– 111, 170
Смайтис, Артур [Smithies, Arthur] –II– 28
Смит, Адам [Smith, Adam] 37, 685 –II– 8, 13, 73, 376, 615, 618
Смит, Гарольд [Smith, Harold] –II– 275, 302
Смит, Мэтью [Smith, Matthew] 654 –II– 632
Смит, Ф.Э. *см.* Беркенхед
Смэтс, Ян Кристиан [Smuts, Jan Christian] 399, 412 415, 417, 419–422, 427, 442
Сноуден, Филип, лорд Сноуден [Snowden, Philip, Lord Snowden] 604, 655, 738–740, 753, 762, 764, 773, 778 –II– 569
Соколова, Лидия 528
Солтер, сэр Артур [Salter, Sir Arthur] 426, 465 –II– 63, 64, 70, 183, 212, 220
Соутер, Хелен [Souter, Helen] 717
Спайсер, Роберт Генри Скейнс [Spicer, Robert Henry Scanes] 455
Спалдинг, Фрэнсис [Spalding, Frances] –II– 337
Спендер, Стивен [Spender, Stephen] –II– 48
Сперлинг, Ричард [Sperling, Richard] 369

Споукс, Артур Хьюит [Spokes, Arthur Hewett] 50, 55
Спригтс, сэр Эдмунд [Spriggs, Sir Edmund] –**II**– 171, 182, 228
Спринг-Райс, сэр Сесил [Spring-Rice, Sir Cecil] 376, 380
Спринг-Райс, Флоренс, леди [Spring-Rice, Florence, Lady] 380
Спротт, Уолтер ("Себастьян") [Sprott, Walter ('Sebastian')] 455, 461, 478, 479, 496, 522, 523, 542, 563, 692, 717 –**II**– 38
Спрэйг, Оливер [Sprague, Oliver] 719, 734
Спэрроу, Джон [Sparrow, John] –**II**– 287
Сраффа, Пьеро [Sraffa, Piero] 649, 691–695 –**II**– 20, 49, 123, 178, 240, 336
Стайн, Герберт [Stein, Herbert] –**II**– 91
Сталин, Иосиф 715 –**II**– 88, 105, 106, 196, 197, 260, 547
Степанов М.С. –**II**– 507
Стеттиниус, Эдвард [Stettinius, Edward] –**II**– 493
Стивен, Адриан [Stephen, Adrian] 277, 289, 333, 361, 363–364, 458
Стивен, Кэрин (Костелло) [Stephen, Karin (Costelloe)] 333, 364
Стивен, сэр Лесли [Stephen, Sir Leslie] 636
Стивен, Тоби [Stephen, Thoby] 163, 167, 220, 277
Стивенс, миссис ("Мисси", секретарь ДжМК) [Stephens, Mrs ('Missie', JMK's secretary)] –**II**– 173, 175, 243, 323, 605, 623
Стид, Уикем [Steed, Wickham] 439, 445
Стимсон, Генри [Stimson, Henry] –**II**– 517
Стирлинг, Джон [Stirling, John] –**II**– 296,
Столл, сэр Освальд [Stoll, Sir Oswald] 529, 593
Стоун, Ричард [Stone, Richard] –**II**– 248, 320, 422
Стрейт, Майкл [Straight, Michael] –**II**– 101, 103, 109, 110, 287
Стрэчи, Джеймс Бомон [Strachey, James Beaumont] 180, 207–209, 213, 221, 230, 232, 233, 241, 242, 270–272, 274, 278, 291, 364, 461, 603, 645
Стрэчи, Литтон [Strachey, Lytton] 20, 107, 157, 161, 163, 166, 167, 173–181, 184, 189, 207–217, 219–223, 227–233, 235–244, 262, 269–270, 272, 276, 277, 279, 283, 284, 290, 291, 293, 294, 304, 306, 317, 335, 341, 357–359, 364, 368, 423, 425, 436, 437, 457–459, 461, 463, 478, 479, 523, 562, 578, 585, 597, 623, 697, 722, 758 –**II**– 26, 34, 38, 305, 616
Стрэчи, Марджори [Strachey, Marjorie] 594
Стрэчи, Оливер [Strachey, Oliver] 295, 317
Стрэчи, Пернель [Strachey, Pernel] 239
Стрэчи, Рэчел (Костелло) [Strachey, Rachel (Costelloe)] 214, 215
Стэмп, Джошиа, лорд Стэмп [Stamp, Josiah, Lord Stamp] 470, 484, 587, 588, 738, 740, 744, 745, 752, 753 –**II**– 63–65, 70, 76, 109, 191, 209, 210, 220, 221, 225, 233, 245, 246, 308, 346, 358
Стэмпер, Фрэнсис Бинг [Stamper, Frances Byng] –**II**– 339
Стэнли, Венеция [Stanley, Venetia] 336
Стюарт, Уолтер [Stewart, Walter] –**II**– 178, 288
Суизинбэнк, Бернард Уинтроп [Swithinbank, Bernard Winthrop] 132, 147–149, 157, 160, 163, 169–171, 174, 184, 207, 209, 238, 271, 303
Суинтон, Эрнест [Swinton, Ernest] 379
Сунг Т.В [Soong, T. V.] –**II**– 287
Сэйерс, Р. С. [Sayers, R. S.] –**II**– 246, 249, 254
Сэквиль-Уэст, Эдди [Sackville-West, Eddie] –**II**– 627
Сэмюэл, сэр Герберт [Samuel, Sir Herbert] 652, 661, 667 –**II**– 305

Тагвелл, Рексфорд [Tugwell, Rexford] –**II**– 93

Такахаши, Корейкио [Takahashi, Korekiyo] –II– 86
Таршис, Лори [Tarshis, Lorie] –II– 576 1396 155
Тауссиг, Ф. У. [Taussig, F. W.] –II– 153
Тауэрс, Грэм [Towers, Graham] –II– 513, 532, 545, 546,
Тафт, Роберт [Taft, Robert] –II– 408
Темпл, Уильям [Temple, William] –II– 413
Тиллет, Бен [Tillett, Ben] –II– 227
Тиллярд, Юстас [Tillyard, Eustace] –II– 336
Тинберген, Ян [Tinbergen, Jan] –II– 160, 161
Тирман, Дональд [Tyerman, Donald] –II– 227
Тиффин, Фрэнк [Tiffin, Frank] 95
Тодд, Минни [Todd, Minnie] 51
Томлинсон, Джордж [Tomlinson, George] 162, 189
Томпсон-Маккослэнд, Льюсиус [Thompson-McCausland, Lucius] –II– 277, 286, 455, 459, 460, 469, 474
Томсон, Дороти [Thompson, Dorothy] –II– 214
Томсон, Логан [Thomson, Logan] –II– 114, 177, 207, 228, 337, 338, 623, 631, 635, 637, 649
Тоулмин, Стивен [Toulmin, Stephen] 165, 166
Траутон, Руперт [Trouton, Rupert] 373
Трахтенберг, Марк [Trachtenberg, Marc] 443
Тревельян, Джордж Маколей [Trevelyan, George Macaulay] 163, 173, 174, 178
Тревельян, Роберт Кэлверли [Trevelyan, Robert Calverley] 163, 189
Тренд, Берк [Trend, Burke] –II– 548
Трумэн, Гарри [Truman, Harry] –II– 540, 547, 551, 592, 594, 609, 610
Тэйлор, А.Дж. П. [Taylor, A J. P.] 755 –II–201
Тэйлор, Сесил [Taylor, Cecil] 272, 340
Тэйлор, супруги [Taylor, Mr and Mrs] –II– 633
Уайльд, Оскар [Wilde, Oscar] 179
Уайт, Гарри Декстер [White, Harry Dexter] –II– 269, 278 – 291, 352, 353, 386, 391–410, 450, 451–474, 476, 481, 491, 495, 496, 500, 502, 504, 506–508, 511, 515, 517–521, 560, 567, 572, 578, 583, 585, 586, 601, 610, 613, 615
Уайтхед, А.Н. [Whitehead, A N.] 163, 166, 223, 224, 272
Уильямс, Джон [Williams, John] –II– 409
Уизерс, Хартли [Withers, Hartley] 470
Уилки, Уэнделл [Wilkie, Wendell] –II– 259, 265
Уилкинсон, Патрик [Wilkinson, Patrick] 270
Уиллиц, Джозеф [Willits, Joseph] –II– 288
Уильямс, Флосси [Williams, Flossie] 51
Уингфилд-Стратфорд, Эсме [Wingfield-Stratford, Esme] 155, 268
Уитли, Эдвард [Whitley, Edward] –II– 213
Уолланс, Элимер [Vallance, Aylmer] –II– 340
Уоллстон, сэр Джеральд [Wollaston, Sir Gerald] –II– 305
Уоллес, Генри [Wallace, Henry] –II– 387, 388, 394, 560, 564
Уоллес, Грэм [Wallas, Graham] 188
Уолтон, Уильям [Walton, William] 760
Уорд, Дадли [Ward, Dudley] 256, 373, 400
Уорд, Джеймс [Ward, James] 54, 98, 102, 110
Уорр, Эдмонд [Warre, Edmond] 118
Уотсон, Элистер [Watson, Alister] 696 –II– 103
Уэйли, Дэвид [Waley, David] –II– 267, 315, 325, 367, 368, 376, 379, 454, 459, 484, 499, 502, 539, 618
Уэллс, Г.Дж. [Wells, H. G.] 587, 657, 658, 661, 667, 668 –II– 98, 105, 106
Уэст, Эбензер [West, Ebenezer] 49

Фейс, Герберт [Feis, Herbert] –**II**– 94, 269
Фёрнесс, Роберт Элласон ("Робин") [Furness, Robert Allason ('Robin')] 156, 163
Феррер, Гаспар [Ferrer, Gaspar] 606
Филлипс, сэр Фредерик [Phillips, Sir Frederick] –**II**– 63, 70, 191, 210, 263, 264, 266, 267, 269, 270, 271, 273, 274, 276, 277, 278, 281, 290, 291, 296, 298, 312, 314, 315, 316, 317, 318, 383, 388, 399, 400, 401, 406, 409, 452, 455, 459, 635
Филлипс, Уильям [Phillips, William] –**II**– 93
Фишер, Джон, лорд Фишер [Fisher, John, Lord Fisher] 343
Фишер, Ирвинг [Fisher, Irving] 257, 258, 260 –**II**– 10, 21
Фишер, сэр Уильям [Fisher, Sir William] 289
Флетчер, Гордон [Fletcher, Gordon] 679
Флоренс, Филип Саргант [Florence, Philip Sargant] 454
Фокин, Мишель [Fokine, Michel] 286
Фолк, Освальд Тойнби ("Фокси") [Falk, Oswald Toynbee ('Foxy')] 373, 392, 400, 469, 470, 472–474, 484–487, 532, 533, 566, 718, 719, 722, 723, 767, 772 –**II**– 111, 112, 182, 187, 192, 213, 304, 418
Фонтейн, Марго [Fonteyn, Margot] –**II**– 608, 619, 628
Форд, Джейн Элизабет (прабабушка ДжМК) [Ford, Jane Elizabeth (JMK's great-grandmother)] 42, 108, 110
Форстер, Эдвард Морган [Forster, Edward Morgan] 155, 163, 167, 218, 303, 479, 560 –**II**– 544
Фосетт, Генри [Fawcett, Henry] 7, 8, 9, 11, 37
Фосетт, Уильям [Fawcett, William] 48
Фош, Фердинанд [Foch, Ferdinand] 400, 401
Фрай, Джеффри [Fry, Geoffrey] 400, 542
Фрай, Роджер [Fry, Roger] 333, 389, 402, 654 –**II**– 9, 39, 114, 616
Франкфуртер, Феликс [Frankfurter, Felix] 425 –**II**– 90, 91, 93–95, 295, 359
Фрейд, Зигмунд [Freud, Sigmund] 286, 695
Фридман, Милтон [Friedman, Milton] 577
Функ, Вальтер [Funk, Walther] –**II**– 354
Фурст, Гастон [Furst, Gaston] 499
Фэй, Чарльз Рай [Fay, Charles Rye] 108, 156, 158, 163, 173, 208, 212, 221–223, 251, 295, 318, 491

Хаберлер, Готфрид [Haberler, Gottfried] –**II**– 173
Хавенштайн, Рудольф [Havenstein, Rudolf] 546, 553
Хадсон, Роберт [Hudson, Robert] –**II**– 481, 482, 486, 532
Хайек, Фридрих [Hayek, Friedrich] 639, 756 –**II**– 27, 46, 50, 53–56, 64, 219, 220, 225, 340, 437–439, 440, 617, 640
Хайлс, Барбара, *см.* Багенал
Хакинг, сэр Ричард [Haking, Sir Richard] 403, 404
Хаккет, мисс (экономка в Итоне) [Hackett, Miss (Eton matron)] 117
Хаксли, Олдос [Huxley, Aldous] 365
Хансен, Элвин [Hansen, Alvin] –**II**– 153, 155, 375, 379, 383
Харви, мисс Дж.М. [Harvey, Miss J. M.] –**II**– 116, 117
Харви, сэр Эрнест [Harvey, Sir Ernest] 732, 733
Харгривс, Мэри [Hargreaves, Mary] 592
Харди, Кейр [Hardie, Keir] 273
Харди, Годфри Гарольд [Hardy, Godfrey Harold] 163, 290
Хардман, Фредерик [Hardman, Frederick] 335
Харкурт, Альфред [Harcourt, Alfred] 687
Хармер, Фредерик [Harmer, Frederick] –**II**– II 545, 558, 561, 568, 571, 577, 582, 583, 585, 586, 589, 605
Хаттон, Грэм [Hutton, Graham] 776

Хатчинсон, Мэри [Hutchinson, Mary] 366, 478, 540, 540-541 –**II**– 616
Хатчинсон, Сент Джон [Hutchinson, St John] 341, 366
Хауз, Эдвард Мандел [House, Edward Mandell] 361, 403, 410, 413
Хелмор, Лайонел [Helmore, Lionel] –**II**– 557, 558
Хелпманн, Роберт [Helpmann, Robert] –**II**– 608, 619
Хемминг, А.Ф. [Hemming, A.F.] 738, 752
Хемминг, Фрэнсис [Hemming, Francis] –**II**–210
Херст, Джилберт Гаррисон Джон [Hurst, Gilbert Harrison John] 136, 137, 143
Херст, Ф. У. [Hirst, F. W.] 249, 311
Хиггинс, Норман [Higgins, Norman] –**II**– 116–118, 173, 202, 215, 337, 623
Хикс, Джон [Hicks, John] –**II**– 14, 128, 156–159, 161, 220
Хикс, Урсула [Hicks, Ursula] –**II**– 220
Хилл, Арчибальд Вивиан [Hill, Archibald Vivian] 327, 456, 485 –**II**– 215, 334
Хилл, Маргарет (Кейнс, сестра ДжМК) [Hill, Margaret (Keynes, JMK's sister)] 89, 92, 94, 106, 109, 110, 128, 171, 173, 216, 239, 272, 307–309, 456 –**II**– 117
Хитченс, Айвон [Hitchens, Ivon] –**II**– 339
Хобхауз, Артур Ли [Hobhouse, Arthur Lee] 177–181, 207–209, 215, 228–230, 238
Хобхауз, Леонард [Hobhouse, Leonard] 173
Ходжскин, Томас [Hodgskin, Thomas] –**II**– 18
Хойл, Фэнни [Hoyle, Fanny] 57, 58
Холден, сэр Эдвард [Holden, Sir Edward] 330
Холлис, Мартин [Hollis, Martin] 517
Холл-Пэтч, Эдмунд [Hall-Patch, Edmund] –**II**– 553, 558, 572, 578, 579, 582, 583
Холмс, сэр Чарльз [Holmes, Sir Charles] 388, 389
Холройд, Майкл [Holroyd, Michael] 341, 356
Холт (учитель математики) [Holt (mathematics teacher)] 113
Хордер, Томас, лорд Хордер [Horder, Thomas, Lord Horder] –**II**– 204
Хоукинс, Гарри [Hawkins, Harry] –**II**– 294, 296, 468, 495, 531, 557
Хоуп, сэр Джордж [Hope, Sir George] 403, 405
Хоусон, Сьюзн [Howson, Susan] 483 –**II**– 191
Хубб, фрейляйн (гувернантка) [Hubbe, Fraulein (governess)] 93
Хупер, Сидней [Hooper, Sydney] –**II**– 341
Хьюз, Уильям Моррис [Hughes, William Morris] 397–399, 408
Хэйлс, Эдуард [Hales, Edward] –**II**– 415
Хэлл, Корделл [Hull, Cordell] –**II**– 261, 273, 294–296, 350, 357, 374, 378, 381, 399, 401, 454, 493, 496, 517, 523
Хэммонд, Дж. Л. [Hammond, J. L.] 532
Хэнки, Морис Хэнки, лорд [Hankey, Maurice Hankey, Lord] –**II**– 227
Хэррингтон, лорд [Harrington, Lord] 95
Хэррод, Рой [Harrod, Roy] 17, 19, 21, 24, 70, 83, 144, 161, 194, 195, 355, 394, 446, 587 –**II**– 16, 61, 70, 119–122, 141, 147, 156–159, 161, 168, 321, 340, 364, 365, 368, 369, 375–384, 387, 389, 396, 406, 452, 456, 476, 538, 616, 624
Хэскелл, Арнольд [Haskell, Arnold] 759

Чалмерс, сэр Роберт, лорд Чалмерс [Chalmers, Sir Robert, Lord Chalmers] 373, 374, 376, 379, 461
Чаппел, Уильям [Chappell, William] 628
Чеккетти, Энрико [Cecchetti, Enrico] 563, 759
Чемберлен, Джозеф [Chamberlain, Joseph] 82, 136, 252, 265, 316 –**II**– 389, 579

Чемберлен, Невилл [Chamberlain, Neville] –II– 42, 43, 71, 72, 79, 180, 185, 191, 192, 195–202, 211, 214, 234, 313, 314, 432
Чемберлен, сэр Остин [Chamberlain, Sir Austen] 276, 316, 320–322, 358, 382, 388, 403, 409, 415, 437, 465, 483, 484, 604–607
Черуэлл, Фредерик Линдеман, лорд [Cherwell, Frederick Lindemann, Lord] –II– 484, 515–519
Черчилль, лорд Рандольф [Churchill, Lord Randolph] 82
Черчилль, Уинстон Спенсер [Churchill, Winston Spencer] 37, 343, 611–613, 615–617, 663, 669, 706, 735, 775 –II– 66, 138, 177, 195, 211, 213, 214, 234, 239, 240, 256, 259, 264, 270, 272, 273, 277, 280, 300, 303, 304, 307, 326, 351, 369, 390, 417, 424, 439, 448, 481, 482, 484, 486–488, 514–517, 519, 533, 537, 540, 541, 543, 547, 557, 600, 609, 619, 620
Чичерин, Георгий Васильевич 537, 539

Шаляпин, Федор 317, 323
Шарп, Клиффорд [Sharp, Clifford] 765
Шахт, Ялмар [Schacht, Hjalmar] 532, 553 –II– 73, 237, 354–357, 360–362, 368, 372
Шекспир, Уильям [Shakespeare, William] 566, 567 –II– 33, 78, 100
Шелиски, Виктор фон [Szeliski, Victor von] –II– 97
Шеппард, Джон Трессидер ("Джек") [Sheppard, John Tressider ("Jack")] 159–163, 167, 171, 178, 208, 209, 243, 269, 271, 333, 340, 341, 367, 389–391, 455, 457, 541, 542, 591, 698, 717 –II– 99, 322, 332, 546, 607, 626
Шинуэлл, Эммануэль [Shinwell, Emanuel] –II– 590
Шлезингер, Артур [Schlesinger, Arthur] –II– 89
Шон, Ричард [Shone, Richard] 323
Шоу Джордж Бернард [Shaw, George Bernard] 216, 220, 223, 274, 657, 658 –II– 98, 105, 106, 107, 213, 214, 216, 614–616
Шоу, Шарлотта [Shaw, Charlotte] –II–98
Шоув, Джеральд [Shove, Gerald] 234, 256, 269, 291, 297, 302, 310, 317, 340, 361, 362, 364, 453, 531, 690 –II– 28, 62, 183
Шоув, Фредегонда Сесили (Мэйтлэнд) [Shove, Fredegond Cecily (Maitland)] 365
Шпитгофф, Артур [Spiethoff, Arthur] –II– 86
Штарк, Вернер [Stark, Werner] –II– 18, 341
Штреземан, Густав [Streseman, Gustav] 553
Шукер, Стивен [Schuker, Stephen] 442
Шумпетер, Йозеф Алоис [Schumpeter, Joseph Alois] 597, 636 –II– 12, 153, 154, 191, 620
Шустер, сэр Джордж [Schuster, Sir George] –II– 346
Шустер, сэр Феликс [Schuster, Sir Felix] 330, 605, 606
Шэкл, Джордж [Shackle, George] –II– 156
Шэкл, Роберт [Shackle, Robert] –II– 454

Эванс, Айфор [Evans, Ifor] –II– 447
Эддингтон, Артур [Eddington, Arthur Stanley] 165
Эддис, сэр Чарльз [Addis, Sir Charles] 470, 569, 606, 607, 610, 611
Эддисон, Пол [Addison, Paul] –II– 414
Эджуорт, Фрэнсис Исидро [Edgeworth, Francis Ysidro] 103, 210, 262, 263 –II– 14, 15
Эдисон, Пол [Edison, Paul] –II– 562
Эйнауди, Луиджи [Einaudi, Luigi] 532, 533
Эйнджел Норман [Angell, Norman] 256, 268, 334

Эйнсуорт, Альфред [Ainsworth, Alfred] 163, 221
Эйнштейн, Альберт [Einstein, Albert] 650 –**II**– 143, 203, 205, 287
Экклс, Марринер [Eccles, Marriner] –**II**– 540, 560, 564, 583–586
Элиот, Джордж [Eliot, George] 108
Элиот, Т.С. [Eliot, T. S]446, 463, 560 –**II**–103, 104, 202, 431
Эллиот, Клод [Elliott, Claude] –**II**– 343, 345
Элмхерст, Дороти [Elmhirst, Dorothy] –**II**– 287
Элмхерст, Леонард [Elmhirst, Leonard] –**II**– 109
Элстон, Л. [Alston, L,] 251
Элтисли, Джордж Ньютон, лорд [Eltisley, George Newton, Lord] –**II**– 334
Эмери, Леопольд [Amery, Leopold] 399 –**II**– 477, 481, 482
Энгельбрехт, Г.С. [Engelbrecht, H. C.] –**II**– 198
Эррио, Эдуард [Herriot, Edouard] 554
Эрцбергер, Матиас [Erzberger, Matthias] 401
Эткин, Габриель [Atkin, Gabriel] 478, 479, 524
Эттли, Клемент [Attlee, Clement] –**II**– 221, 553
Эшли, Уильям Джеймс [Ashley, William James] 225, 395
Эштон, Фредерик [Ashton, Frederick] 525, 627, 628, 759, 760 –**II**– 78, 625, 627–629
Эштон-Гвэткин, Фрэнк [Ashton-Gwatkin, Frank] –**II**– 356
Юл, Адни [Yule, Udny] –**II**– 340
Юм, Давид [Hume, David] 199, 504, 507, 546, 636
Юнг, Карл Густав [Jung, Carl Gustav] 467

Якобссон, Пер [Jacobsson, Per] –**II**– 56
Янг, Джеффри [Young, Geoffrey] 131, 139, 220
Янг, Хилтон [Young, Hilton] 220, 273, 276, 335, 341
Янг, Уоррен [Young, Warren] –**II**– 157
Янг, Эллайн [Young, Allyn] 720

Содержание

Часть шестая
ЭКОНОМИСТ ВО СПАСЕНИЕ

XXVII Портрет необычного человека 7
XXVIII Мечтатель-практик 37
XXIX Новые курсы 81
XXX Стрельба в луну 125

Часть седьмая
ДЕНЬГИ ДЛЯ ВОЙНЫ

XXXI Преодоление недугов 165
XXXII Средний путь в войне 209
XXXIII Драконы войны 235
XXXIV Чрезвычайный посланник 258
XXXV Опять мировая война 302

Часть восьмая
ЛУЧШЕ, ЧЕМ В ПРОШЛЫЙ РАЗ

XXXVI “Новый порядок” Кейнса 349
XXXVII Партнер-соперник Гарри Декстер Уайт 386
XXXVIII Строительство лучшей Англии 413
XXXIX Великий компромисс 450
XL Как ведут дела американцы 493

Часть девятая
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

XLI Соблазн 529
XLII Во избежание финансового Дюнкерка 553
XLIII Свет погас 604

Эпилог
НАСЛЕДИЕ КЕЙНСА 622

Иноязычные слова, выражения и фразы 651
Сокращения и условные обозначения 653
Библиографические ссылки 660
Примечания 662
Действующие лица 711
Указатель имен 779

Роберт Скидельски

ДЖОН МЕЙНАРД КЕЙНС

1883–1946

Экономист, философ, государственный деятель

Книга 2

Серия «Культура Политика Философия»

Художественное оформление серии *Ф. Домогацкого*

Фото *О. Начинкин*
Редактор *Л. Бусуек*
Корректор *В. Фрадкина*
Компьютерная верстка *О. Козак*

ЛР № 00972 от 14.02.2000 г.
Подписано в печать 03.09.2005. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Печ. л. 25,125. Тираж 1000 экз. Заказ № 837

Московская школа политических исследований.
121854, ГСП-2, Большая Никитская ул., 44-2, комн. 22.
e-mail: msps@co.ru
http: //www.msps.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Московская типография № 6»
115088 Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24

ISBN 5-93895-070-8

9 785938 950702 >